

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

РОССИЙСКИЙ ОБРАЗ
СЛУЖБЫ

А. В. ДАНИИЛ

НАКАНУНЕ
КАТАСТРОФЫ

А.В. ГАНИН

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

**ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
(1891—1917 гг.)**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

Серия «Россия забытая и неизвестная»
основана в 2000 году, первая книга вышла
в начале 2001 года

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БААГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

- Г19 Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891—1917 гг.) — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 686 с. — (Россия забытая и неизвестная).

ISBN 978-5-9524-3434-9

✓ Глубокое монографическое исследование А.В. Ганина благодаря комплексному подходу на основе анализа большого количества впервые вводимых в научный оборот источников позволяет осмыслить жизнь оренбургского казачества в конце XIX — начале XX в. на фоне общих проблем развития казачества в переломный момент российской истории. Перед читателем предстает внутренняя жизнь Оренбургского казачьего войска, особенности несения им воинской повинности и такие малоизученные сюжеты, как участие оренбургского казачества в завершающем этапе присоединения к России Туркестана, в событиях китайского конфликта, Русско-японской и Первой мировой войнах. Автором впервые проанализирован опыт участия русской армии в подавлении беспорядков на территории Туркестана и Степного края в 1916 г. Предметом особого внимания являются также воздействие на казаков революционного процесса и ход естественно-исторического рассказывания.

Книга является 76-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием. Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9524-3434-9

© А.В. Ганин, 2008
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2008
© ЗАО «Центрполиграф», 2008

ВВЕДЕНИЕ

Вызовы современности, наличие в военной доктрине России задач по организации территориальной обороны заставляют обратиться к историческому опыту казачества. История казачества — неотъемлемая часть истории становления и развития России XIV—XX вв. Видный представитель казачьей эмиграции, бывший председатель Донского правительства Н.М. Мельников писал в 1928 г.: «Казачество... Казаки... Не колеблюсь сказать: на мой слух — «это звучит гордо». Ведь это — те самые, которые из России большой сделали Россию Великую, расширив ее границы, присоединив к ней необъятные пространства Дона, Кубани, Терека, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. И не только присоединили, но и колонизовали, удержали, вросли корнями, закрепили прочно и навсегда»¹. И действительно, в истории дореволюционной России казаки сыграли выдающуюся роль, ведь отнюдь не случайно появилось выражение, что «границы России лежат на арчаке² казачьего седла».

Российское казачество формировалось по меньшей мере с XIV в. на окраинах русских земель в результате смешения славянских народов и остатков тюркских племен как вольная (не несшая тягла) группа людей. Борьба казаков с кочевыми соседями и правительственными войсками привела к появлению казачьих военных общин. В XV — начале XVI в. возникли общины донских, волжских, днепровских, гребенских и яицких казаков. В первой половине XVI в. на Украине образовалась Запорожская Сечь, а во второй половине XVI в. — общины терских и сибирских казаков. Основными занятиями казаков были промыслы, скотоводство, земледелие, распространившееся с середины XVII в., и торговля; важными источниками существования служили военная добыча и жалованье от государства. Постепенный переход казаков на службу Русскому государству привел к формированию служилого казачества. В XV—XVII вв. служилые казаки несли сторожевую и пограничную службу на южных и юго-восточных границах Руси, за что получали от правительства землю и жалованье. Другим источником пополнения казачества стало массовое бегство крестьян и посад-

ских людей на незаселенные земли юга России в XV—XVII вв. Казаки активно участвовали в освоении плодородных земель юга России, Украины, Сибири и Дальнего Востока.

В XVI—XVII вв. казачество пользовалось широкой автономией. Все важнейшие дела решались на общих сходах казаков (кругах, радах), во главе общин стояли выборные атаманы. Однако правительство постепенно ограничивало автономию казачьих областей, стремясь к полному подчинению казачества своей власти. Этот процесс проходил непросто. Казаки упорно отстаивали свою свободу и принимали активное участие в крестьянских войнах и восстаниях XVII—XVIII вв., выдвинув из своей среды таких руководителей, как С.Т. Разин, К.А. Булавин и Е.И. Пугачев. В начале XVIII в. казачьи общины были преобразованы в иррегулярные казачьи войска, а в 1723 г. ликвидирована выборность Войсковых атаманов и старшин, которые теперь стали назначаться правительством. Во второй половине XVIII—XIX в. был упразднен ряд казачьих войск и созданы новые — уже полностью подчиненные правительству (Оренбургское — в 1748 г., Астраханское — в 1750 г., Сибирское — в 1808 г., Кавказское линейное — в 1832 г. (разделено в 1860 г. вместе с Черноморским войском на Кубанское и Терское), Забайкальское — в 1851 г., Амурское — в 1858 г., Семиреченское — в 1867 г. и Уссурийское — в 1889 г.).

Положение казачества как замкнутого привилегированного военного сословия было закреплено при Николае I. Казакам было запрещено вступать в браки с представителями неказачьего населения, воспрещен был и выход из войскового сословия. При этом казачество получило ряд привилегий: освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, земского сбора, право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории, особые права на пользование государственными землями и угодьями — например, на ловлю рыбы, добычу соли и т. п. Казачество участвовало во всех войнах, которые вела Россия в XVIII—XX вв. Особенно отличились казаки в Семилетней (1756—1763 гг.), Отечественной 1812 г., Кавказской (1817—1864 гг.), Крымской (1853—1856 гг.) и русско-турецких войнах³. Кроме того, в конце XIX — начале XX в. казаки широко использовались властью для обеспечения государственной безопасности и правопорядка.

К началу XX в. казачество составляло 2,3% населения Российской империи, или более 3 миллионов человек⁴, в империи существовало 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское), общая численность которых на 1916 г. составляла 4 434 000 человек, в том числе 480 000 человек служилого состава. В 1917 г. из красноярских и иркутских казаков было образовано Енисейское казачье войско. В ведении Министерства внутренних дел находился также Якутский казачий

полк. Атаманом всех казачьих войск с 1827 г. являлся наследник престола, во главе каждого войска стоял Наказный (назначенный) атаман. Если в Донском войске должность атамана была самостоятельной, то в других казачьих войсках Наказный атаман являлся одновременно Генерал-губернатором или Командующим войсками округа.

В основе экономики казачества лежала сложившаяся еще в XIX в. система казачьего землевладения. К концу XIX в. общая площадь казачьих земель составляла не менее 81 миллиона десятин, или 4,05% всех земель Российской империи, в 1907 г. — около 50 миллионов десятин⁵, в 1916 г. — 63 миллиона десятин. В соответствии с «Положением о поземельном устройстве станиц казачьих войск» от 21 апреля 1869 г. казачьи земли были распределены между станицами в соответствии с численностью населения, причем земля выделялась равномерными паями в общинное пользование всех станичников старше 17 лет без права отчуждения; в собственность казачьим офицерам и чиновникам и в войсковой запас.

Нельзя не согласиться с мнением казачьего офицера Н. Путинцева, который писал в самом конце XIX в., что «изучение прошлого нашего казачества находится в тесной, как бы органической связи с изучением прошлого нашей славной армии. Изучать историю казачьих войск — значит изучать историю вообще нашей армии. Следовательно, насколько нам дорого прошлое нашей доблестной армии, настолько же, значит, должно быть дорого и прошлое наших казачьих войск. Мало того, изучение казачества и его исторического прошлого интересно в двух отношениях, с двух сторон его бытия: как части вооруженных сил государства (это военная, так сказать, история) и как особого сословия, сложившегося самобытно в оригинальные общины, с особенным укладом народной жизни, со своими нравами и обычаями, со своим внутренним мирозерцанием — словом, со своим особенным бытом, так резко выделившим его среди других сословий русского народа (это бытовая гражданская история). В силу этих условий история казачества должна быть вдвойне интересна и вдвойне поучительна»⁶.

Условия для появления казаков на Южном Урале — на территории будущего Оренбургского казачьего войска — сложились здесь после покорения Казанского и Астраханского ханств. Тогда вольные волжские казаки, прежде занимавшиеся разбоем на Волге, под давлением правительственных войск частью покорились и остались на месте, а частью перешли на службу царю и русским купцам и стали продвигаться дальше на восток⁷. Название свое они получили в зависимости от места поселения: самарские, уфимские, исетские, яицкие и сибирские казаки. Исетские казаки, продвигаясь вверх по реке Исеть и ее притоку, реке Миасс, постепенно вклинивались между башкирскими и казахскими кочевниками, разъединяя их с помощью по-

стоянного сооружения постов и укреплений. При содействии сибирских воевод на этой территории появились первые казачьи общины.

Создание Оренбургского казачьего войска явилось следствием военной колонизации региона, предпринятой центральной властью. Путем этой колонизации правительство стремилось закрепить за Московским государством Поволжье, Приуралье и Урал и покончить таким образом с разорительными набегами степных кочевников. Колонизация была начата экспедицией под руководством обер-секретаря Правительствующего сената И.И. Кириллова в 1734 г. В 1735 г. была построена крепость в устье реки Орь (позднее — город Орск), а в 1742 г. — крепость в устье реки Сакмара (Оренбург)⁸. В 30—40-х годах XVIII в. на Южном Урале было в основном завершено строительство громадной по своим масштабам системы пограничных укреплений из шести оборонительных линий: Самарской, Сакмарской, Нижне- и Верхнеяицкой, Исетской и Уйско-Тобольской линии⁹. Вся эта система получила название Оренбургской оборонительной линии. В 1744 г. был образован Оренбургский нерегулярный казачий корпус, а в 1748 г. по указу Военной коллегии Сената в целях обороны линии корпус получил единое командование¹⁰. Так началось создание Оренбургского казачьего войска. На линию были переселены уфимские, самарские, исетские, отчасти яицкие и даже малороссийские казаки, кроме того, в состав войска были включены даже местные беглые крестьяне, настолько велика была нехватка людей для обороны границы. В итоге было сформировано одно из крупнейших (как по площади, так и по числу казаков) казачьих войск Российской империи.

В первой половине XIX в. правительство предприняло ряд мер по увеличению численности оренбургского казачества и укреплению войска. В войсковое сословие в массовом порядке было зачислено все население, проживавшее на войсковой территории, в войско переселялись также солдаты и малолетки; государственные крестьяне других губерний; татары, башкиры и мещеры (по собственному желанию)¹¹. В состав войска, в котором числилось 42 тысячи казаков, вошли 25 тысяч крестьян, около 10 тысяч отставных солдат и 1700 калмыков Ставропольского калмыцкого войска¹². В результате принятых мер к началу 70-х годов XIX в. общая численность оренбургского войскового казачьего сословия составила 252 928 душ обоего пола и войско стало крупнейшим по численности казачьего населения. К началу 1853 г. на действительной службе здесь состояло 4673 казака. В укреплениях Оренбургской пограничной линии, по данным на 1857 г., несли службу в общей сложности 4829 оренбургских казаков, 1062 солдата, 955 уральских казаков и 248 артиллеристов¹³. В этот период линия уже утрачивала свое военное значение, но кордонная стража с нее была снята лишь в 1871 г.

В войско почти полностью вошли Верхнеуральский и Троицкий уезды, а также часть Оренбургского, Орского и Челябинского уездов Оренбургской губернии. К 1910 г. население войска достигло почти 600 тысяч человек, что было больше, чем в Амурском, Астраханском, будущем Енисейском, Семипалатинском, Сибирском, Уральском и Уссурийском казачьих войсках вместе взятых. По численности населения Оренбургское войско уступало лишь Донскому и Кубанскому, а по площади занимаемой территории — Донскому и Забайкальскому.

Начиная с эпохи Николая I государственная власть Российской империи взяла курс на унификацию казачьих войск, при Александре II одним из основных направлений политики по отношению к казачеству стало стремление довести казачьи части до уровня регулярной кавалерии¹⁴. В результате этого к концу XIX в. значительно возросли требования к строевой подготовке казаков, качеству их вооружения и снаряжения, уровню мобилизационной готовности казачьих частей. Изменилась и внутренняя жизнь казачества. После реформ 1860—1870-х годов прежние казачьи привилегии были в значительной степени утрачены, постепенно сокращались размеры душевых наделов. Если в дореформенное время казак имел перед крестьянином преимущество в виде личной свободы, то теперь в выигрыше оказался крестьянин, не связанный обязательством нести столь обременительную военную службу, какую нес казак. Одновременно росли требования к казакам, и следовательно, и затраты с их стороны (за вторую половину XIX в. стоимость казачьей «справы» (строевой конь, обмундирование, холодное оружие и снаряжение), необходимой для выхода казака на службу, возросла в три раза). Казачество стремительно беднело и постепенно вытеснялось иногородним населением¹⁵. Все эти явления приводили к необратимым разрушительным процессам в казачьем обществе, что особенно ярко проявилось в событиях начала XX в.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1891—1917 гг. Выбор нижней хронологической границы обусловлен прежде всего принятием 3 июня 1891 г. «Положения об общественном управлении казачьих войск», внесшего значительные изменения в жизненный уклад казачьих войск, а также подписанием секретного русско-французского договора о «сердечном согласии», ставшего одной из вех на пути к Первой мировой войне и к крушению исторической российской государственности. Выбор верхней границы связан с событиями Февральской революции (этот сюжет вынесен за рамки исследования) и сменой государственного строя России.

Целью работы является представление всех аспектов истории Оренбургского казачьего войска в последние 25 лет существования Российской империи. Приоритетное внимание уделено военно-политическим аспек-

там истории войска, как наиболее значимым для казачества, являвшегося в первую очередь служилым сословием. В рассматриваемый период войско прошло тяжелейшие испытания на прочность — Русско-японскую войну, революцию, Первую мировую войну, оренбургские казаки активно участвовали в борьбе с беспорядками в Поволжье, на Урале и в Средней Азии, войско выдержало две полные мобилизации. Проанализировав развитие войска в это время, мы сможем приблизиться к пониманию общегосударственных социально-политических и экономических процессов конца XIX — начала XX в. и причин трагического развития судьбы нашей страны в XX столетии, а также выяснить, какую роль в этих событиях играло казачество, в том числе и оренбургское.

Материалы книги охватывают огромный по площади регион Южно-Урала, Поволжья, Сибири, Средней Азии, применительно к событиям 1904—1905 гг. территорию Дальнего Востока и Маньчжурии, а в отношении событий 1914—1917 гг. — обширную полосу Восточного фронта и отдельные районы Закавказья, в целом же книга затрагивает важнейшие проблемы военной, этнической, социальной и политической истории переломного периода.

Своей задачей автор считает:

- анализ социально-экономического положения оренбургского казачества в 1891—1917 гг. и изменений во внутренней жизни войска;

- рассмотрение политической обстановки в войске и ее изменений, а также политических настроений казаков в оренбургских частях, дислоцированных за пределами войска;

- исследование влияния революционных событий на оренбургское казачество;

- определение значения оренбургских казачьих частей в составе русской армии;

- всестороннее исследование опыта участия оренбургских казаков в завершающем этапе покорения Туркестана, событиях китайского конфликта, Русско-японской и Первой мировой войнах, а также в обеспечении государственной безопасности внутри страны;

- выявление взаимосвязи социально-экономических и политических процессов в войске и военной службы казаков;

- оценку необходимых условий эффективности применения казачества в качестве инструмента государственной политики.

Оренбургское казачье войско в рассматриваемое время не являлось изолированным и самодостаточным социумом, оно развивалось вместе с окружающим его, во многих отношениях достаточно сложным, регионом Южного Урала, да и со всей Россией, поэтому мы рассматриваем историю Оренбургского казачьего войска конца XIX — начала XX в. в контексте раз-

вития именно этого российского края. Особый интерес вызывает анализ причин и развития кризисной ситуации, сложившейся в войске в конце XIX в. и длившейся вплоть до ликвидации казачества как особого сословия уже при советской власти.

К сожалению, подобная проблематика либо отсутствует, либо крайне слабо выражена в значительной части работ. Между тем именно углубленное, а не поверхностное изучение процессов развития казачества на переломе эпох может дать ответ на комплекс вопросов, связанных с развитием казачества и его ролью в событиях XX в.

Решение этой задачи осложняется отсутствием достаточной историографической базы для таких исследований. К примеру, по истории участия оренбургских казаков в Русско-японской войне вплоть до последнего времени существовало лишь две самостоятельные работы: первая — статья, основанная, главным образом, на краеведческих материалах¹⁶, а вторая — глава из диссертационного исследования, основанная как на архивных материалах, так и, в значительной степени, на материалах уже упомянутой статьи¹⁷. Почти не разработан основной интересующий нас вопрос о процессе трансформации сознания казачества на рубеже веков.

В 1937 г. казачий историк, Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин в своей статье «Справка по истории Оренбургского казачьего войска» отмечал, что «по части печатных материалов Оренбургское войско в числе других казачьих войск — является [одним] из самых бедных. Литература о войске немногочисленна. Самым прискорбным фактом надо считать то положение, что история войска до сих пор не написана, хотя материалы для нее были собраны задолго до Мировой войны»¹⁸.

В изучении истории Оренбургского казачьего войска конца XIX — начала XX в. можно выделить пять основных групп работ: 1) дореволюционную историографию; 2) историографию русского зарубежья; 3) советскую историографию; 4) современную российскую историографию и 5) зарубежную историографию.

Дореволюционный период в России было издано значительное количество работ по истории казачества. Современные авторы считают, однако, что качество этих трудов снижают невысокий уровень анализа материала, неточность фактической базы, стремление обосновать концепцию верноподданнической роли казачества на протяжении всей его истории¹⁹. Тем не менее многие из этих работ и по сей день не утратили своего значения, а некоторые издания справочного характера заслуженно стали для современных исследователей настольными книгами²⁰. Среди работ общего характера следует упомянуть труды И. Хорошхина и других авторов²¹. Здесь мы находим большое количество статистического и исторического материала, тщательный анализ рассматриваемых проблем. Отмечу и ста-

тью генерал-майора А.В. Тавастшерна²² об оренбургском казачестве из «Военной энциклопедии».

Особое место в дореволюционной историографии занимает 11-й том официального юбилейного издания «Столетие Военного министерства», состоящий из четырех частей, каждая из которых посвящена тому или иному вопросу казачьей проблематики. Первые две части представляют собой исторический очерк Главного управления казачьих войск, в третьей части подробно рассмотрена воинская повинность казаков в ее историческом развитии и в четвертой — землеустройство казачьих войск²³.

Наиболее характерными для дореволюционной историографии историческими произведениями стали краткие очерки по истории войска или войсковых частей, составленные, как правило, войсковыми офицерами²⁴. Многие из этих работ, часто написанных с включением личных воспоминаний их авторов, в связи с утратой в ходе революции, Гражданской войны и после нее (из-за нехватки бумаги) или недоступностью целого ряда документальных материалов по истории войска, приобрели черты исторического источника²⁵. Среди этих трудов можно выделить исследования генерал-майора Ф.М. Старикова (1842—1911)²⁶, без использования которых невозможно представить себе изучение развития войска до начала XX в.

Дореволюционная историография Русско-японской войны достаточно обширна, однако в ней фактически нет аналитических работ по участию казаков в боевых действиях²⁷. Для анализа места и роли оренбургских казаков в боевых действиях нами были использованы классические военно-исторические исследования как по всей войне, так и по отдельным ее событиям, например материалы работы военно-исторической комиссии Генерального штаба генерал-майора В.И. Гурко²⁸, а также произведения А.Н. Куропаткина²⁹ и ряда других авторов³⁰.

Непосредственным продолжением дореволюционной военной историографии можно считать работы историков русского зарубежья. Здесь приоритет в отношении изучения истории Оренбургского казачьего войска принадлежит Генеральному штабу генерал-майору И.Г. Акулинину (1880—1944). К сожалению, до сих пор труды этого исследователя истории казачества остаются незаслуженно забытыми. Между тем в них можно обнаружить интересное сочетание как исследовательских методов, так и личных воспоминаний автора — очевидца и участника изучаемых событий. Можно также выделить историографическую статью И.Г. Акулинина «Справка по истории Оренбургского казачьего войска», в которой автор оценивает ситуацию, сложившуюся в изучении истории Оренбургского казачьего войска³¹, а также его статью в сборнике «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества», посвященную истории казачьих войск востока России³².

В эмиграции был издан и трехтомный «Казачий словарь-справочник», составленный казаками-эмигрантами в США Г.В. Губаревым и А.И. Скрыловым и представляющий собой свод знаний о казаках и казачестве³³. Справочник, несмотря на немалое количество ошибок в статьях, продолжает сохранять свою научную значимость и сегодня. Из трудов, касающихся общих проблем военной истории, опубликованных в эмиграции, нужно упомянуть «Историю русской армии» А.А. Керсновского, которая также была переиздана в России³⁴. В своей работе мы использовали также некоторые статьи из эмигрантской периодической печати о казачестве и истории конницы³⁵. Эмигрантские авторы конечно же не всегда объективно оценивали роль и место казаков в обществе, однако советская историография страдала этим в гораздо более тяжелой форме.

Серьезное изучение прошлого оренбургского казачества началось в советской историографии с середины 1950-х годов, если не считать имевшей агитационный и описательный характер книги Н. Евсеева³⁶. К этим проблемам обратились А.А. Селивановская³⁷, Г.В. Пожидаева³⁸ и Л.И. Футорянский³⁹, занимавшиеся главным образом вопросами социально-экономической истории. Над вопросами политической истории Оренбургского казачьего войска работал челябинский историк М.Д. Машин⁴⁰, однако его монография «Оренбургское казачье войско» носит крайне обзорный, практически иллюстративный характер (так, участию оренбуржцев в Первой мировой войне уделено лишь две страницы, в основном рассматривается история войска до второй половины XIX в.). Таким образом, советские историки не внесли сколько-нибудь значительного вклада в разработку этой темы.

Некоторые из затрагиваемых в нашей книге проблем привлекали исследователей и ранее, однако в наши дни требуется их дальнейшее более глубокое изучение и переосмысление. Наиболее значимыми для рассматриваемой темы являются труды поздней советской (1980-е годы) и современной российской историографии. Нельзя не отметить трехтомную историю казачества азиатской России, один из томов которой отчасти касается рассматриваемого периода⁴¹. Вышедшая в 1995 г. в Ростове-на-Дону книга Г.Л. Воскобойникова об участии казачества в Русско-японской войне⁴² носит обобщающий характер и практически не касается участия непосредственно оренбургских казаков в этой войне. Автор сосредоточил свое внимание в основном на анализе участия казаков в боевых действиях, не коснувшись целого комплекса основополагающих проблем — таких как мобилизация казачества, его подготовка, комплектование, снабжение, демобилизация, взаимоотношения с войсковым и армейским начальством и т. д. Кроме того, в отношении оренбургских казаков Г.Л. Воскобойников не избежал ряда ошибок (в частности, приведены неверные сведения о ко-

мандирах оренбургских казачьих частей)⁴³. Начало научному осмыслению проблемы участия оренбургских казаков в Русско-японской войне положил оренбургский исследователь В.Г. Семенов, написавший обзорную статью по этому вопросу на местном материале⁴⁴. Исследование проблемы продолжил В.В. Быков (Челябинск), в диссертации и статьях которого впервые использованы некоторые документы из собрания Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве⁴⁵. К сожалению, исследования предыдущих лет характеризуются значительной узостью источниковой базы, отсутствием выхода на уровень научных обобщений, сопоставлений и, наконец, на объективную оценку происходивших событий. Почти не была использована авторами богатейшая отечественная историография и источники по истории Русско-японской войны, не говоря уже о зарубежных источниках и исследованиях.

Обращались исследователи и к проблеме участия оренбургских казаков в борьбе с революционным движением в период русской революции 1905 г. Среди первых специальных исследований по истории участия войск в борьбе с революционным движением на Урале обращает на себя внимание небольшая статья С.В. Штехера⁴⁶. Одним из важных выводов автора стала мысль о том, что привлечение войск для внутренней службы вело к их деморализации. Несколько страниц своей книги «Казачество России на рубеже веков», а также некоторые другие свои работы посвятил непосредственно проблеме участия казачества в борьбе с революцией Л.И. Футорянский⁴⁷. Основываясь на недостаточной источниковой базе, автор претендует тем не менее на всероссийский охват в изложении материала. По мнению Футорянского, казаки занимались контрреволюционной деятельностью, творили бесчинства и зверства. Такой подход не соответствует современному уровню научной разработки проблемы.

Революционные процессы на территории Оренбургского войска и Оренбургской губернии рассмотрены в работах В.С. Кобзова и Д.А. Сафонов⁴⁸, однако в них почти не представлено боевое применение казачьих частей в 1905—1908 гг. Непосредственно проблеме использования оренбургских казачьих частей на Урале в годы первой русской революции посвящена лишь глава диссертации челябинского историка В.В. Быкова⁴⁹. Частично эта проблема затронута и в весьма содержательных статьях Н.Н. Попова, а также в статье и диссертации С.В. Джунджузова⁵⁰. Однако последний, на наш взгляд, несколько преувеличил степень революционности оренбургского казачества в рассматриваемый период. Нельзя не выделить и диссертацию З.О. Морозовой, посвященную весьма обширной и едва ли полноценно раскрываемой одним исследователем теме «Казачество России второй половины XIX — начала XX в. в условиях военных конфликтов и социальных потрясений», одна из глав этой работы также посвящена довольно обширной

теме «Казачи России и революция 1905—1907 гг.»⁵¹. О революционных процессах в войске писали также Н. Назаров⁵² и отчасти С. Свирский⁵³. Большинству работ, посвященных казачеству, недостает, как нам кажется, опоры на глубокую аналитическую — по-настоящему профессиональную работу с документами, в частности РГВИА, имеющими непосредственное отношение к этой теме⁵⁴.

Особой темой является историография участия казачества в Первой мировой войне. Круг работ по этой теме невелик⁵⁵, что же касается оренбургского казачества, то до сих пор единственным автором, непосредственно занимавшимся проблемой участия оренбуржцев в Первой мировой войне, являлся современный оренбургский историк В.Г. Семенов. Более обширна эмигрантская историография, которая в значительной степени способствовала мифологизации этой темы. В частности, такой выдающийся оренбургский казачий офицер и исследователь, как Генштаба генерал-майор И.Г. Акулинин, пытаясь кратко изложить историю участия казаков в Первой мировой войне, нарисовал практически сусальную безоблачную картину борьбы воинов без страха и упрека. По мнению Акулинина, казачьи войска в военный период испытали полное мобилизационное напряжение и весь их людской ресурс был якобы исчерпан. Кроме того, казаки якобы отрицательно восприняли Февральскую революцию и при развале армии покинули фронт последними⁵⁶. Очевидно, что такой подход, основанный на стремлении выдать желаемое за действительное, не может считаться научно обоснованным.

Некоторые сюжеты до сих пор вообще выпадали из поля зрения исследователей, например проблема участия казачества в подавлении восстания 1916 г. в Туркестане и Степном крае. В трудах советских историков это выступление считалось актом национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана против царизма⁵⁷. Похожие оценки с особым упором на колониальную сущность политики России в этом регионе присутствуют и в современной историографии бывших союзных республик, в порыве национального самоутверждения не избежавшей националистического подхода в трактовке исторических фактов⁵⁸.

Советские историки в своих исканиях доходили порой до откровенно фантастических концепций восстания (или мятежа — разница в терминах носит исключительно эмоциональный характер). Г.И. Бройдо пришел к выводу о том, что власть специально спровоцировала мятеж, чтобы уничтожить человеческий материал Киргизии и расчистить земли для колонизации, якобы это был «дьявольский провокационный план с мобилизацией, чтобы добиться восстания»⁵⁹. По мнению П. Галузо и Ф. Божко, в 1916 г. произошла крупнейшая крестьянская колониальная революция эпохи кризиса империализма⁶⁰. Писали и о феодально-империалистической эксплуатации окраин⁶¹, и о многом другом.

Один из авторов, не вникая, видимо, в суть написанного, отметил: «В это время проявились лучшие качества казахской интеллигенции, которая также пыталась защищать права казахского народа, но не при помощи насилия, а с позиций идей гуманизма и демократии. Национально-освободительная борьба казахов Тургайской области, являясь составной частью общероссийского освободительного движения, способствовала свержению самодержавия в стране и победе демократического строя...»⁶²

В фундаментальной работе Х.Т. Турсунова основной упор был сделан на изображение угнетения народов Средней Азии и квалификации политики правительства в отношении Средней Азии как безудержной эксплуатации. Российская империя характеризовалась не иначе как «тюрьма народов», а восстание являлось как бы закономерным следствием сложившейся ситуации. Подтекст мятежа, по Турсунову, прежде всего социально-экономический, а не какой-либо иной. Турсунов к месту и не к месту оправдывает мятежников и пишет о том, что русский рабочий класс из-за стихийности и разрозненности выступления не присоединился к восставшим⁶³. При этом автор не акцентирует внимание читателей на том, что на стороне мятежников русских не было вообще, за исключением нескольких человек (всячески разыскивавшие эти данные советские авторы насчитали лишь восемь таких перебежчиков)⁶⁴. Нужно не бояться признать, что Турсунов и другие советские авторы (почти исключительно выходцы из коренного населения Средней Азии и Казахстана) преднамеренно искажали факты, пытались скрыть прежде всего этноконфессиональную основу событий 1916 г. Признав это, они не смогли бы квалифицировать события 1916 г. как прогрессивные. Однако указанные авторы упорно не желали согласиться с тем, что летом—осенью 1916 г. в Туркестане и Степном крае произошла самая настоящая резня и восхищаться этими событиями немислимо.

Идея дифференцированного подхода к событиям 1916 г. в разных регионах, которой придерживались Турсунов и некоторые другие историки, направлена также на оправдание мятежников: события в регионах с большим количеством жертв среди русского населения, в том числе убитых с особой жестокостью (Семиреченская и Самаркандская области), можно оценить как реакционные, а в других регионах, где число замученных русских было не столь велико (например, Тургайская область, в южных уездах которой вообще не было русских поселков) и могло быть скрыто недобросовестными исследователями, — как прогрессивные. В таком ключе был подготовлен основополагающий сборник документов по этой теме со значительными купюрами в документах в отношении насилий против русского населения⁶⁵. В указанном сборнике документов 79 примечаний из 358 бесконечно повторяют однотипные указания на реакционный ха-

рактер мятежа в некоторых регионах. Подобное количество (почти четверть от общего числа) этих примечаний далеко не случайно.

Если обратиться к Программе КПСС, то можно обнаружить положения, небезынтересные для понимания того, с каких позиций данная тема преподносилась историками. В частности, отмечалось, что национализм угнетенных наций, в отличие от национализма угнетающих наций, имеет общедемократическое содержание. Надо сказать, что советские историки, видимо не осознавая этого, сами себя обличали. Так, видные деятели казахского и башкирского национального движения М. Чокаев и А.-З. Валидов в эмиграции писали об антирусском характере мятежа и о том, что он предшествовал басмачеству. В ответ на это советские авторы выпустили внушительное количество монографий, направленных только на обличение подобной точки зрения⁶⁶. Сам факт их массового одновременного выпуска не может не навести на мысль, что неудобного взгляда боялись, и небезосновательно, поскольку он был верным. А это уже могло вызвать всплеск русофобии в Средней Азии и Казахстане.

Отечественные авторы после 1991 г. за редким исключением почти не касались этой темы, видимо полагая, что с распадом СССР данная проблематика перестала иметь отношение к истории России. Показательно и то, что с 1991 г. практически никто из исследователей не обращался к архивным документам по данной теме. Тем не менее оценки события в существующих немногочисленных работах сводятся в основном к тому, что призыв населения Туркестана на тыловые работы был бюрократической глупостью или даже сознательной провокацией. По мнению одного из авторов, «среднеазиатская «руссофобия» была столь же ожесточенной, сколь и преходящей, ибо в ее основе лежала не осознанная социокультурная несовместимость, а психопатология отщепенческих групп различных этносов»⁶⁷. Учитывая масштабность мятежа и вовлечение в него значительных масс туземного населения, едва ли можно согласиться с такой точкой зрения, как и с тем, что на подавлениях особенно усердствовали казаки и местные «маргиналы-босяки», якобы намеревавшиеся согнать кочевое население с их земель⁶⁸. Казачество не нуждалось в подобном расширении своей территории (очевидно, речь идет о граничивших со степью Астраханском, Уральском, Оренбургском, Сибирском и Семиреченском войсках), тем более что земли, на которых проживало кочевое население, были огромны и для расширения войсковых территорий, если бы это действительно было необходимо, вовсе не требовалось сгонять степных соседей с мест их проживания. К тому же решения о любых территориальных изменениях принимались в Петербурге — Петрограде, а земельный вопрос в отношении казачьих войск всегда был предметом особого внимания со стороны властей. Утверждения про «маргиналов-босяков» также сомни-

тельны. Скорее всего, имеются в виду события в Семиречье, но сложившаяся там ситуация должна быть квалифицирована прежде всего как самозащита русского населения от поголовного уничтожения. В.П. Буддаков акцентирует внимание на том, что восстание имело, помимо конфликта власть — туземное население, еще один конфликт — столыпинские переселенцы — туземное население⁶⁹. По мнению Буддакова, ответственность за эскалацию насилия лежит именно на русских переселенцах и местной администрации. Более обоснованной представляется иная точка зрения — о том, что в Средней Азии и Казахстане так называемый рост национального самосознания с начала XX в. нашел свое выражение в первую очередь в резком усилении русофобских настроений, даже в районах, где переселенцев и русского населения вообще практически не было (например, Бухарский эмират). Кроме того, широкое распространение в этом регионе получили в тот момент идеи панисламизма⁷⁰. Как видно, историография проблемы ставит больше вопросов, чем дает ответов.

В подобной ситуации возникает настоятельная необходимость восполнить явный историографический пробел и непредвзято разобраться в событиях туркестанского восстания 1916—1917 гг. и их подоплеке, руководствуясь целесообразностью тех или иных действий с точки зрения государственных интересов России 1916 — начала 1917 г. В рамках настоящего исследования представляет интерес анализ характера мятежа, а также исследование истории его подавления русской армией при активном участии оренбургских казахов частей.

Основной корпус современных российских трудов по истории оренбургского казачества конца XIX — начала XX в. составляют в первую очередь работы уральских историков, этнологов и краеведов, с разной степенью глубины рассматривающих разнообразные проблемы — управления, воинской повинности, боевого применения, образования, революционного движения, хозяйственной жизни и быта оренбургского казачества. Это труды А.П. Абрамовского⁷¹, В.П. Баканова⁷², В.В. Быкова⁷³, В.М. Войнова⁷⁴, А.В. Ганина^{75, 76}, С.В. Джунджужова⁷⁷, В.С. Кобзова⁷⁸, А.И. Кортунова⁷⁹, В.А. Кузнецова⁸⁰, В.Ф. Мамонова⁸¹, Т.К. Махровой⁸², А.И. Оборкина⁸³, Р.Н. Рахимова⁸⁴, А.А. Рыбалко⁸⁵, Д.А. Сафонова⁸⁶, В.Г. Семенова⁸⁷, Г.В. Форстмана⁸⁸ и других исследователей, затрагивающие различные аспекты развития войска и всего южно-уральского региона. Свой вклад в разработку этой темы вносят сборники по истории Оренбургского казачьего войска, выходившие в 1990-х — начале 2000-х годов в Челябинске⁸⁹. Большинство работ носят преимущественно частный характер и не создают целостной картины развития Оренбургского казачьего войска накануне гибели Российской империи.

В историографии темы лишь несколько трудов носят обобщающий характер. Большое значение для современного изучения истории оренбург-

ского казачества имеет, в частности, монография А.П. Абрамовского и В.С. Кобзова «Оренбургское казачье войско в трех веках»⁹⁰. Ее авторы сумели обобщить накопленный к концу 1990-х годов материал по истории войска и в очерковой форме изложили всю его историю от основания до конца Гражданской войны. Эта книга является своеобразным итогом, уже можно сказать, предшествующего историографического этапа, и теперь необходимо не очерковое, а цельное и значительно более детальное исследование всех сторон истории войска. В указанном исследовании, развивающем работу предшественника авторов М.Д. Машина, многие аспекты истории оренбургского казачества, как и в книге Машина, не получили должного отражения. Прежде всего, в недостаточной степени освещено участие казаков в вооруженных конфликтах конца XIX — начала XX в., обеспечении государственной безопасности. Приведен ряд ошибочных суждений, в частности, о значительных потерях офицерского корпуса Оренбургского казачьего войска в Первую мировую войну. К моменту написания работы авторы не располагали точными данными о персональном составе войсковой администрации этого периода, вплоть до уровня Наказных атаманов и начальников штаба войска (т. е. высшего звена войсковой администрации), что повлекло за собой значительные неточности при составлении списков атаманов и других войсковых чиновников. Вплоть до настоящего времени, не говоря уже о периоде 1990-х годов, многие важные аспекты истории войска не получили должного освещения и осмысления в исторической литературе, как следствие, не нашли они достаточного освещения и в указанной монографии. Тем не менее значение этой работы в изучении рассматриваемой темы трудно переоценить.

В целом же никак нельзя согласиться с утверждением одного из современных оренбургских историков и о том, что фактологическая история завершилась. Общий ход истории ОКВ⁹¹ в принципе воссоздан⁹². К сожалению, до сих пор наблюдается прямо противоположная картина, а степень научной проработки темы во многих исследованиях по истории оренбургского казачества продолжает оставаться неравноценной. Отдельные произведения вообще не выдерживают критики. К примеру, в одной из работ последнего времени, также претендующей на обобщающий характер, однако во многом компилятивной по своей сути, автор (специалист по истории казачьего хозяйства) демонстрирует слабое знание реалий военно-политической истории казачества первой четверти XX в. и сравнительно невысокий уровень осмысления проблемы. Примерно вдвое преувеличено число оренбургских казаков — участников Первой мировой войны (якобы 60 тысяч человек, когда на самом деле — около 35 тысяч), тематике Русско-японской войны уделено лишь полторы страницы, содержится целый ряд ошибок и неточностей: демонстрирующее, например, неком-

петентность автора в военно-исторической проблематике утверждение об упразднении в 1910 г. четырех кавалерийских корпусов и сформировании вместо них трех кавалерийских дивизий и бригады⁹³.

Опыт работы с документами Государственного архива Оренбургской области убеждает, что региональный архивный материал не дает возможности проведения полноценного исследования рассматриваемой темы, а лишь позволяет ее существенно дополнить и украсить. Основная масса источников хранится в РГВИА. Между тем современные авторы, как правило исследователи с Южного Урала (Челябинск, Оренбург, Уфа), в недостаточной и даже незначительной степени используют те обширные документальные материалы по истории войска, которые хранятся главным образом в архивах Москвы. Затрудненность длительного доступа к материалам центральных архивов для региональных исследователей влечет стремление некоторых авторов за короткий промежуток времени проработать огромный массив документов, часто в ущерб качеству работы. Более того, по мнению профессора В.С. Кобзова (Челябинск), «значительный массив исторических документов, хранящихся в центральных архивах, практически не доступен для основной массы исследователей, что приводит в последнее время к все более частому появлению работ компиляционного характера, а нередко и к прямому плагиату со стороны отдельных любителей старины»⁹⁴. Такой подход может привести к серьезным искажениям исторической действительности при изучении тех или иных вопросов.

За рубежом не было пока подготовлено ни одного исследования, посвященного непосредственно Оренбургскому казачьему войску, однако зарубежная историография российского казачества в целом достаточно обширна. В последние годы история казачества привлекает все больший интерес зарубежных авторов. В целом в англоязычной историографии выделяются работы Р. МакНила⁹⁵, М. Хиндуса⁹⁶, Ф. Лонгворса⁹⁷, А. Ситона⁹⁸, В. Крессона⁹⁹, П. Холквиста¹⁰⁰, Ш. О'Рурк¹⁰¹. Франкоязычная литература представлена трудами Ж. Савана¹⁰² и Низеля¹⁰³. Сравнительно обширна и германоязычная литература о казаках¹⁰⁴. Кроме того, в данной работе использована недавно переведенная на русский язык монография чешского военного историка С. Ауского¹⁰⁵, а также зарубежные исследования, касающиеся истории Русско-японской войны¹⁰⁶.

Наиболее оригинальными западными исследованиями по истории казачества, безусловно, являются труды Р. МакНила и П. Холквиста. Р. МакНил предложил собственное оригинальное видение упадка казачества во 2-й половине XIX — начале XX вв. Основным аспектом изучения истории казачества он избрал политико-юридический и, в частности, историю взаимоотношений казачества и императорской власти. В России таких исследований не проводилось. Основываясь на доступных ему в 1980-е годы

опубликованных документах, автор сумел систематизировать и обобщить значительный фактический материал по всем казачьим войскам, сформулировав ряд выводов, представляющих интерес и по сей день. По мнению МакНила, казачество не имело перспектив развития в XX в. Разумеется, не все выводы автора в равной степени заслуживают внимания, кроме того, МакНил допустил в своей работе ряд ошибок и неточностей, иногда связанных со слабым знанием реалий внутренней жизни России. Тем не менее эти недостатки не снижают значимость этой книги.

Прямо противоположной точки зрения на перспективы казачества придерживается Ш. О'Рурк, полагающая, что в начале XX в. шел процесс формирования казачьей национальной идентичности, однако автор основывает свою позицию на незначительном количестве документальных материалов РГВИА.

В современной историографии особняком стоит фундаментальная монография американского ученого, преподавателя Университета Корнелла Питера Холквиста, известного своими работами по истории донского казачества периода Гражданской войны. Монография, являющаяся результатом многолетней работы, опирается на весьма обширную источниковую базу, основу которой составляют документы семи российских и четырех зарубежных архивов, широко использованы также документы личного происхождения и материалы периодической печати. Основу подхода автора, во многом отличающегося от принятого в нашей научной традиции, составляет понимание неразрывной связи событий до 1917 г. и последовавшего за ними гражданского противостояния.

Свою книгу он характеризует как политическую историю социальных движений, в первую очередь донского казачества. Автор четко очертил круг исследуемых проблем: государственное управление продовольственным снабжением, использование государством насилия в политических целях, надзор государства за населением и политизация сельского населения, за рамки исследования при этом вынесено население городов и промышленных центров.

Все движения периода русской революции, по мнению Холквиста, происходили из опыта участия страны в тотальной Первой мировой войне (которая таковой для России в действительности не была). Причем только глубинное исследование локальных событий (в данном случае в Области войска Донского) позволяет ответить на интересующие автора вопросы, а также понять взаимодействие государственной политики и местной практики. Выбор Дона Холквист объясняет тем, что область являлась одним из общероссийских лидеров по производству зерна (на нее приходилось 8% всего урожая пшеницы), что повышало ее значимость в вопросе продовольственного снабжения, и была населена казаками, которых современники прочли в главную движущую силу революции.

Как полагает Холквист, российские кризисы, вынесенные им в название книги, начались еще в довоенный период и были обусловлены поляризацией общества и партийной борьбой. Период 1914–1921 гг. автор считает единым общеевропейским кризисом. События Первой мировой войны он рассматривает сквозь призму взаимодействия власти и общества в чрезвычайных условиях, анализирует продовольственную проблему 1916 г. и обстоятельства введения правительством твердых цен на зерно, причем продовольственный вопрос исследователь приравнивает по своей значимости к вопросу мобилизации на фронт.

Казачество, являющееся объектом изучения Холквиста, к началу XX в. также находилось в глубоком кризисе, первые признаки которого ярко проявились еще в годы первой русской революции, когда начала набирать обороты политизация казачьей массы, обострились взаимоотношения простых казаков и казачьей аристократии, а также впервые заявили о себе сторонники вольного казачества, стремившиеся возродить вольницу XVI–XVII вв. Даже в 1917 г. казаки продолжали считаться оплотом самодержавия, однако по сравнению с представителями других сословий оказались, как считает Холквист, настроены не менее революционно.

Идентификация Дона как казачьей территории предопределила его развитие в революционный период. Революционные события, как пишет автор, повлекли за собой рост на Дону казачьего шовинизма. Было выдвинуто требование возвращения казакам их исконных свобод. Холквист подчеркивает, что казачество не было единым ни до 1917 г., ни тем более позже. 1917 год принес обострение конфликта казачьего и неказачьего населения, поскольку в Донской области с разделением власти на казачью и неказачью началось формирование двух различных и во многом враждебных социальных движений, позднее вставших на путь вооруженной борьбы между собой. Разные политические силы стремились использовать казаков в своих интересах, пытаясь заигрывать с ними. Разногласия носили не только социальный, но и территориальный характер (противоречия Верхнего (радикалы) и Нижнего (консерваторы) Дона).

Модель исследования истории донского казачества кризисного периода, предложенная Холквистом, может быть использована при изучении истории того же периода и в других казачьих войсках, хотя работа и страдает некоторой односторонностью в связи с тем, что из поля зрения американского историка оказались исключены принципиально важные и даже системообразующие для казачества военно-политические аспекты.

В целом анализ историографии свидетельствует о том, что дальнейшая разработка темы на материалах как центральных, так и региональных архивов с использованием системного подхода имеет значительные перспективы. Добавлю, что в поле зрения исследователей по неизвестным причи-

нам до сих пор не попали такие сюжеты, как участие оренбургских казаков в присоединении к России Памира¹⁰⁷ и в подавлении беспорядков на территории Туркестана в 1898 и 1916 гг., подготовка войска к Первой мировой войне, реформирование казачьих войск в конце XIX — начале XX в., межвоенный период на территории войска.

Надеемся, что специальное многоплановое рассмотрение в нашей книге общего состояния войска к началу XX в., казачьей воинской повинности, участия в Русско-японской и Первой мировой войнах, а также роли казаков в первой русской революции поможет углубить представление об этих проблемах в современной исторической науке, тем более что источниковая база по истории Оренбургского казачьего войска конца XIX — начала XX в. достаточно обширна. Большая часть документов по рассматриваемой теме хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), наиболее значимыми в рамках изучаемой темы можно назвать фонды: Главного управления казачьих войск (Ф. 330), Главного штаба (Ф. 400), Военно-ученого архива (Ф. 846), Полевого штаба казачьих войск при Верховном главнокомандующем (Ф. 2007), Казанского (Ф. 1720) и Туркестанского (Ф. 1396) военных округов и Оренбургского казачьего войска (Ф. 1445, к сожалению, материалы этого фонда крайне немногочисленны и в целом второстепенны для рассматриваемой темы). Из собрания Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) нами были использованы прежде всего материалы фондов Войскового штаба (Ф. 185), Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска (Ф. 37), Канцелярии Оренбургского губернатора (Ф. 10), Оренбургского губернского по воинской повинности присутствия (Ф. 188), Оренбургского губернского жандармского управления (Ф. 21), фонда исследователя истории войска есаула С.Н. Севастьянова (Ф. 169), в котором хранятся материалы по истории войска и т. д. Важное значение имеют материалы отдела рукописей Российской государственной библиотеки. В первую очередь, это документы личного фонда последнего Наказного атамана Оренбургского казачьего войска М.С. Тюлина (Ф. 307), а также материалы фондов Генерального штаба (Ф. 68) и В.Г. Короленко (Ф. 135). Ценные сведения были извлечены из фондов Государственного архива Российской Федерации (Ф. 217, Р-5881, Р-6605). Из материалов Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО) были использованы отдельные документы, составившие фонд оренбургского истпарт (Ф. 7924). В качестве дополнения использовались отдельные материалы (Ф. 39606, 40307) Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного исторического архива (Ф. 1284, 1292, 1343) и Государственного архива Ульяновской области (Ф. 76, 134). Всего в поле зрения автора попали материалы свыше 200 единиц хранения 56 фондов

10 архивов. Подавляющее большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые.

Использованные в работе источники можно разделить на следующие группы: 1) делопроизводственные документы (нормативная, протокольная, отчетная документация, деловая переписка); 2) документы личного происхождения и 3) материалы периодической печати.

К первой группе источников относятся приказы по военному ведомству, по Оренбургскому казачьему войску и его отделам, приказы по Казанскому военному округу, по Маньчжурской армии, циркуляры Главного управления казачьих войск, годовые отчеты Наказных атаманов о состоянии войска, документы казачьих частей и соединений периода Русско-японской и Первой мировой войн, протоколы Войсковых кругов 1917 г. Документы эти представлены в собраниях РГВИА и ГАОО.

Особо хотелось бы отметить значение ежегодных отчетов Наказных атаманов Оренбургского казачьего войска по гражданской и военной части. Возникновение этого источника относится как раз к рассматриваемому периоду. К сожалению, эти отчеты, затрагивавшие основные вопросы как военной, так и гражданской жизни войска, в архивах и библиотеках России хранятся разрозненно, что серьезно затрудняет исследовательскую работу с ними. Между тем они содержат ценнейшие статистические сведения о развитии оренбургского казачества, и сравнительный анализ этих документов позволяет дать точную оценку демографическим и социально-экономическим процессам, происходившим в войске. Поскольку отчеты издавались в год, следовавший за отчетным, последним по времени издания оказался отчет за 1915 г., за 1916 г. отчета издано уже не было. Автором проведено выявление значительного числа отчетов Наказных атаманов в архивах и библиотеках Москвы и Оренбурга (за 1895, 1900, 1907, 1908, 1910, 1914, 1915 гг., за многие годы выявлены отчеты как по военной, так и по гражданской части, являющиеся самостоятельными документами). Следует отметить, что, поскольку в отчетах указывались статистические сведения не только за отчетный год, но также и за два-три предшествовавших, собранный материал позволяет охватить значительную часть рассматриваемого периода. Таким образом, статистический обзор развития войска в конце XIX — начале XX в., представленный в первой главе, достаточно репрезентативен.

Важнейшим делопроизводственным документом по внутренней жизни войска начала XX в. является «Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско» (СПб., 1902). В докладе содержится объемная статистическая информация, отражающая практически все стороны жизни войска мирного времени и являю-

ящаяся весомым дополнением к материалам ежегодных отчетов Наказных атаманов.

Не менее значимым источником является статистическое исследование исполняющего должность штаб-офицера для поручений при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска подьесаула Д.Г. Серова¹⁰⁸. Труд Серова представляет собой попытку скрупулезного исследования хозяйства и основных нужд оренбургских казаков. На огромном статистическом материале убедительно показано бедственное положение оренбургского казака. Автор рассмотрел практически все аспекты деятельности казаков, что делает эту работу одной из наиболее важных в рамках данной темы. Особенности бытового уклада казаков отражены в отчете об экспедиции в Оренбургское казачье войско этнографа Д. Зеленина¹⁰⁹.

Статистические данные о потерях русской армии в Русско-японской войне были взяты из последнего статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века» (М., 2001).

Важным источником по истории казачьего представительства в Государственной думе являются стенографические отчеты думских заседаний¹¹⁰. Ряд документов, касающихся казачьего представительства в Государственной думе, содержится в сборнике статей и выступлений депутата I, II, III и IV Государственных дум от Донского казачьего войска В.А. Харламова¹¹¹. Представляют интерес и некоторые из опубликованных документов, затрагивающие ход первой русской революции в Оренбургском казачьем войске. Они вошли в сборники документов, изданные в 1950—1980-е годы¹¹².

Для определения служебного положения тех или иных должностных лиц, уточнения прохождения службы казачьих офицеров использовались, помимо послужных списков, хранящихся в РГВИА, списки генералам и штаб-офицерам по старшинству, а также адрес-календари и другие официальные издания¹¹³.

При оценке состояния медицинского обслуживания в войске были использованы отчет о совещании врачей Оренбургской губернии в 1903 г. и сборник медико-статистических сведений о состоянии врачебной помощи за 1910 г.¹¹⁴

Служебная переписка в рамках рассматриваемой темы раскрывает участие казаков в Русско-японской войне, их мобилизацию, обеспечение, рисует картину боевых действий. В переписке затрагиваются также вопросы взаимодействия Главного управления казачьих войск и Войскового штаба Оренбургского казачьего войска. Здесь нашли отражение и проблемы массовых беспорядков в период 1905—1907 гг. и их подавления оренбургскими казачьими частями, а также внутреннего развития войска в конце XIX — начале XX в.

Документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма), так или иначе связанные с историей войска начала XX в., сравнительно немногочисленны, что обусловлено, прежде всего, малочисленностью войсковой интеллигенции и недостаточным уровнем исторического самосознания ее представителей. Показательно и то, что часто сведения по истории войска содержатся в воспоминаниях лиц, не являвшихся по своему происхождению оренбургскими казаками, но либо служивших вместе с ними, либо посещавших территорию войска и позднее написавших об этом. Значительный интерес представляют неопубликованные записки последнего оренбургского Наказного атамана М.С. Тюлина (ОР РГБ. Ф. 307), свидетельствующие о внутренней жизни войска в годы Первой мировой войны и подробно описывающие события Февраля 1917 г. в Оренбурге. Весьма интересны свидетельства об оренбуржцах Ф.И. Шаляпина, кубанского казачьего офицера Ф.И. Елисеева и др.¹¹⁵

Ценнейшим источником, по которому можно судить о взглядах либералов из казачьей среды, является переписка подьесаула А.И. Мякутина, автора книги «Песни оренбургских казаков», с начальником Войскового штаба Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-майором Ф.Ф. фон Таубе¹¹⁶. Автор имел возможность ознакомиться с этой перепиской во время первой командировки в Государственный архив Оренбургской области в начале 2003 г., однако позднее вследствие пожара в ГАОО эти документы пострадали и, по имеющимся сведениям, в настоящее время исследователям не выдаются (тем выше значимость публикации фрагментов этой переписки в данном исследовании). Прочие дошедшие до нас источники из этой группы представляют собой в основном воспоминания, написанные уже в эмиграции, в частности, И.Г. Акулинина, Б.В. Геруза, А.И. Деникина, В.Н. фон Дрейера и П.Н. Шатилова¹¹⁷. Некоторые даже из опубликованных воспоминаний вводятся в научный оборот впервые, что связано с труднодоступностью для исследователей целого ряда важных и редких эмигрантских изданий. И.Г. Акулинин и П.Н. Шатилов описывают перипетии своего участия в Русско-японской войне, воспоминания А.И. Деникина интересны применительно к различным сюжетам, в том числе к истории Русско-японской войны, первой русской революции и жизни войск в Казанском военном округе. Значительный массив воспоминаний связан с участием казаков в Русско-японской войне¹¹⁸.

При подготовке работы были изучены воспоминания участников первой русской революции в Оренбурге¹¹⁹. Характерна обложка этого сборника воспоминаний. На ней изображен человек с перекошенным от ужаса лицом, держащий в руке знамя с лозунгом «Долой самодержавие!». На знаменосца нацелены четыре казачьи пики и скачут озлобленные казаки.

Перед всей этой эпической картиной — пика с нанизанными на нее красными цифрами «1905», из которых сочится кровь.

Важным источником в рамках избранной темы является песенное наследие казачества, поскольку в исторических и бытовых песнях содержится значительный объем информации о быте казаков, настроениях и даже о конкретных событиях жизни войска¹²⁰.

Особое значение для раскрытия темы имеет такой сложный источник, как периодическая печать. В ходе исследования были проанализированы как местные издания, выходившие на территории Оренбургской губернии и казачьего войска, так и центральные органы военной печати. Из местных изданий можно выделить газеты «Степь», «Оренбургская газета» и «Оренбургский листок». Из центральных изданий — журналы «Вестник казачьих войск», «Вестник русской конницы», «Военный сборник», а также кадетскую газету «Речь». Газета «Степь» — орган левого направления, она выходила в Оренбурге в 1906 г. в период максимального накала революционных событий на территории войска. «Оренбургская газета» и «Оренбургский листок» были более умеренными изданиями. «Вестник казачьих войск» и «Военный сборник» — официальные периодические издания Военного министерства. 180 номеров журнала «Военный сборник» за период 1900—1914 гг. были фронтально проработаны автором с целью анализа в них публикаций, связанных с проблемами казачества. Анализ публикаций в этих изданиях позволил определить официальную позицию власти по тем или иным проблемам, связанным с казачеством, а также выделить круг наиболее актуальных казачьих проблем, активнее других обсуждаемых в то время на страницах официальных изданий Военного министерства. В отношении событий 1917 г. большую ценность представляют материалы газет «Оренбургский казачий вестник» и «Русский инвалид».

Несмотря на обширность источниковой базы, ее отличает разрозненность, фрагментарность, отсутствие значительных комплексов документации по истории войска. Среди причин такой ситуации события Гражданской войны и последовавшей за ней разрухи, в том числе и на территории Оренбургской губернии, когда значительная часть архивных документов подверглась варварскому обращению и даже уничтожению¹²¹. Не всегда благоприятным для документов является и современный уровень обеспечения их сохранности. Так, в результате пожара в ГАОО 31 мая 2003 г. погибло около 500 и пострадало около 10 000 единиц хранения, в том числе многие документы по истории войска. Эти особенности имеющихся источников обуславливают необходимость их анализа во всем комплексе и на основе широкого применения историко-сравнительного метода изучения.

Документы в книге цитируются и публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилисти-

ческих особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок. Выражаю особую благодарность моему учителю, к. и. н. О.Р. Айрапетову, а также кандидатам исторических наук В.Б. Каширину, В.Г. Семенову, А.А. Смирнову и М.М. Шевченко, высказавшим ценные замечания в процессе работы над диссертацией и рукописью книги.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891—1917 гг.)», проект № 07-01-00087а.

Книга рекомендована к изданию кафедрой истории России XIX — начала XX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и диссертационным советом по отечественной истории при МГУ им. М.В. Ломоносова. Рецензенты — доктор исторических наук, профессор В.В. Дегоев (Московский государственный институт международных отношений МИД РФ), кандидат исторических наук, доцент А.А. Смирнов (Московский архитектурный институт) и доктор Питер Холквист (Университет Корнелл, штат Нью-Йорк).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества*. Париж, 1928. С. 220—221.

² Арчак — деревянная основа казачьего седла. — А. Г.

³ См., напр.: *Галушко Ю.* Казачьи войска России. М., 1993. С. 28—31, 109—111, 124—125, 128—129, 134—136, 146—148, 153—154, 157, 164, 169.

⁴ *Пушкарев С.Г.* Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001. С. 340.

⁵ *Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия*. Т. 2. Д—К. М., 1996. С. 252.

⁶ *Путинцев Н.* Наши казачьи войска (необходимость изучения их трехвекового исторического опыта) // *Военный сборник*. 1900. № 1. С. 49.

⁷ *Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска*. По М.И. Иванину, Ф. Старикову и П. Пастухову. Казань, 1911. С. 1; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург—Челябинск, 1995. С. 178—179; *Машин М.Д.* Оренбургское казачье войско. 2-е изд., испр. Челябинск, 2000. С. 44; *Цыбин В.М., Ашанин Е.А.* История волжского казачества (к 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц). Саратов, 2002. С. 26—27.

⁸ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 12.

⁹ *История казачества Урала*. Оренбург—Челябинск, 1992. С. 55.

¹⁰ *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 38.

¹¹ *Положение об Оренбургском казачьем войске*. СПб., 1840. С. 3, 12—13.

- ¹² Генерального штаба полковник *Хорошихин [И.]*. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 45.
- ¹¹ *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Указ. соч. С. 115.
- ¹⁴ *Столетие* Военного министерства 1802—1902. Т. XI. Ч. IV. Землеустройство казачьих войск: Исторический очерк / Сост. Н.А. Чернощев. СПб., 1911. С. 78.
- ¹⁵ Там же. С. 80—81, 264.
- ¹⁶ *Семенов В.Г.* Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Гостинный Двор (Калуга). 1995. № 1. С. 167—174.
- ¹⁷ *Быков В.В.* Оренбургское казачье войско в период Русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904—1907 гг.). Дисс. к. и. н. Челябинск, 1999. Гл. 1. С. 47—84.
- ¹⁸ *Акулинин И.Г.* Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азия (Харбин). 1937. № 34/6. С. 12.
- ¹⁹ *Глуценко В.В.* Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2000. С. 30; *Машин М.Д.* Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 23; *Тоёкава Коити.* Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773—1774 гг. М., 1996. С. 25—29.
- ²⁰ См., напр: *Казачьи войска: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. По 1-е Апреля 1912 года* / Сост. В.Х. Казин. Под ред. В.К. Шенк. СПб., 1912.
- ²¹ Генерального штаба полковник *Хорошихин [И.]*. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881; *Нуджевский М.* Опыт военно-исторического исследования о казачестве. Житомир, 1897.
- ²² *Тавастийерна А.В.* Оренбургское казачье войско // Военная энциклопедия. Т. 17. М., 1914. С. 150—153.
- ²³ *Столетие* Военного министерства 1802—1902. Т. XI. Ч. I—IV. СПб., 1902—1911.
- ²⁴ *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная Советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И. Авдеевым. Оренбург, 1904; *Алексеева Н.И.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Составлен женой хорунжего М.И. Алексеева. Оренбург, 1910; *Водопьянов В.П.* История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996; *Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.* Оренбург, 1913; *Лобов Н.Г.* Описание знамен, знаменных значков и хоругвей Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1912; *Он же.* Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска: составлена на основании исторических материалов по приказанию генерал-лейтенанта Сухомлинова 15 декабря 1911 г. Оренбург, 1911; *Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска.* Казань, 1911.
- ²⁵ *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 6—7.
- ²⁶ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891; *Он же.* Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891;

Он же. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890; Он же. Откуда взялись казаки. 2-е изд. Оренбург, 1884.

¹⁷ За исключением мемуарно-исследовательских работ А.И. Кривошекова: Оренбургцы на Дальнем Востоке. Шестая сотня 12-го полка. Вып. 1. Троицк, 1913; Разбитый разезд: Рассказ из Русско-японской войны. Троицк, 1913; В плену у японцев. Троицк, 1913.

²⁸ Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910; Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910.

²⁹ Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Издание 2-е. Берлин, 1911.

³⁰ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1911; Гершельман Ф. Конница в Русско-японскую войну и в былое время. СПб., 1912; Голеевский. Описание действий конницы 2-й Маньчжурской армии в период боев у Мукдена 14—25 февраля 1905 г. СПб., 1906; Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля. Конница в Восточно-Азиатской войне // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XI. СПб., 1907; Иллюстрированная летопись Русско-японской войны (По официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). СПб., 1904; Пеле-Нарбонн. Ген.-лейт. германской службы. Поучительность для кавалерии войны в Маньчжурии // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XVII. СПб., 1908; Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906; Свечин А.А. Русско-японская война. Ораниенбаум, 1910.

³¹ Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии (Харбин). 1937. № 34/6. С. 12—14.

³² Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 73—79.

³³ Казачий словарь-справочник / Сост. Г.В. Губарев. Под ред. А.И. Скрылова. Т. 1—3. Кливленд — Сан-Ансельмо, 1966—1970.

³⁴ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. 1881—1915 гг. Т. 4. 1915—1917 гг. М., 1994.

³⁵ Данилевич М. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // Военная Быль (Париж). 1960. № 45. С. 10—11; Шатилов П.Н. Воспоминания о Русско-японской войне (1904—1905 гг.) // Военно-исторический вестник (Париж). Издание Общества ревнителей русской военной старины. 1966. № 28. Ноябрь и др.

³⁶ Евсеев Н. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929.

³⁷ Селивановская А.А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX в. // Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-та. Вып. 13. Оренбург, 1958. С. 41—89; Она же. Экономическое положение и социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 265—267.

¹⁸ Пожидаева Г.В. Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (По материалам Южного Урала) // Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири: Докл. и сообщения науч. конф. «В.И. Ленин и социалистическое преобразование сельского хозяйства Урала и Западной Сибири». Курган, 1971.

¹⁹ Футорянский А.И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России. Дисс. д. и. н. М., 1973; Он же. Землеустройство и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX — начале XX вв. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988; Он же. Казачество в системе социально-экономических отношений в предреволюционный период России // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972; Он же. Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX — начале XX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974.

⁴⁰ Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976 (2-е изд. — Челябинск, 2000); Он же. Казачество в революции 1905—1907 гг. // Научная сессия по истории первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1965. С. 232—242; Он же. Казачество в революции 1905—1907 гг. // Уч. зап. Перм. и Оренбург. пединститутов. Общественные науки. Вып. 32. Пермь, 1969. С. 84—100; Он же. Оренбургское казачество в 1-й и 2-й Государственных Думах // Урал в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1985; Он же. Российская социал-демократия и рост оппозиционных настроений среди казачества Урала // Вестник Челябинского пед. ун-та. Исторические науки. 1996. № 1. С. 71—80.

⁴¹ История казачества азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Т. 3. XX век. Екатеринбург, 1995.

⁴² Воскобойников Г.А. Казачество в Русско-японской войне (1904—1905 гг.). Ростов н/Д, 1995.

⁴³ См., напр.: Там же. С. 100.

⁴⁴ Семенов В.Г. Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Гостинный Двор: Альманах. Калуга, 1995. № 1. С. 167—174.

⁴⁵ Быков В.В. Оренбургское казачье войско в период Русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904—1907 гг.). Дисс. к. и. н. Челябинск, 1999. Гл. 1. С. 47—84; Он же. Оренбургское казачье войско в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999. С. 75—90.

⁴⁶ Штехер С.В. Участие воинских частей в подавлении революционного движения на Урале (1905—1907 гг.) // Урал в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1985. С. 80—82.

⁴⁷ Футорянский А.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 108—113; Он же. Казачество в революции 1905—1907 гг. // Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-та. Общественные науки. Вып. 32. Оренбург, 1969. С. 84—100.

⁴⁸ Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в годы первой русской революции // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 122—137; Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905—1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996.

⁴⁹ Быков В.В. Оренбургское казачье войско в период Русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904—1907 гг.). Дисс. к. и. н. Челябинск, 1999.

⁵⁰ Джунджузов С.В. Аграрный кризис 1905—1906 годов и его влияние на распространение оппозиционных настроений среди оренбургских казаков, участвовавших в подавлении народных выступлений в Поволжье и на Урале // История аграрных отношений в России: Материалы межвузовской научно-практической конф. Оренбург, 1998. С. 219—222; Он же. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой российской революции. Дисс. к. и. н. Оренбург, 1998; Попов Н.Н. Военные организации РСДРП на Урале в 1905—1907 гг. // Урал в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1985. С. 101—106; Он же. Казачьи формирования на Урале в 1905—1907 гг. // Казачество на государственной службе: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1993; Он же. Противодействие левому радикализму в гарнизонах Урала в 1905—1910-е гг. // История и террор: Тезисы докладов на межвузовской науч. конф. Вып. II. Пермь, 1996. С. 37—39.

⁵¹ Морозова З.О. Казачество России второй половины XIX — начала XX в. в условиях военных конфликтов и социальных потрясений. Дисс. к. и. н. Челябинск, 2004.

⁵² Назаров Н. Казаки идут в революцию // Урал. 1980. № 11. С. 158—160.

⁵³ Свирский С. Революционное движение в царской армии в Туркестане в годы нового революционного подъема (1910—1914). Ташкент, 1960.

⁵⁴ В частности, челябинский историк Т.К. Махрова в своей последней работе приводит жалобу пермского губернатора на казаков 17-го Оренбургского казачьего полка в качестве примера революционного брожения в этой части, однако не анализирует последовавшую переписку МВД и Военного министерства по этому вопросу, которая, по сути, дезавуировала обвинения губернатора. См.: Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 157.

⁵⁵ Из монографических и диссертационных исследований можно отметить лишь следующие: Антропов О.О. Астраханское казачье войско в первой трети XX века: опыт социально-исторического анализа. Дисс. к. и. н. М., 1999; Воскобойников Г.А. Казачество в Первой мировой войне. М., 1994; Евдокимов Р.Н. Казачьи войска в условиях Первой мировой войны: Кавказский фронт. Дисс. к. и. н. М., 2005; История казачества азиатской России. Т. 3. XX век. Екатеринбург, 1995; Семенов В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг. Дисс. к. и. н. Оренбург, 2003; Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д, 1998; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914—1921. Cambridge — London, 2002.

⁵⁶ Акулинин И.Г. Казачество в Великой войне (1914—17 гг.) // Часовой (Париж). 1939. № 240—241. 01.08. С. 25—27.

⁵⁷ Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

⁵⁸ Напр.: Кузембайулы А., Эбил Е.А. История Республики Казахстан: Учебник для вузов. Астана, 2001. С. 268—275.

⁵⁹ Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 г. (Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.). М., 1925. С. 2.

- ⁶⁰ Галузо П., Божко Ф. Восстание [19]16 года: Сб. ст. М.—Ташкент, 1932. С. 3.
- ⁶¹ Кастельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972. С. 41.
- ⁶² Костанайская область: прошлое и настоящее / Под ред. И.К. Тернового. Ч. 1. Костанай, 2003. С. 379—380.
- ⁶³ Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 18.
- ⁶⁴ Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 288.
- ⁶⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960.
- ⁶⁶ Такие монографии почти одновременно были выпущены в каждой из среднеазиатских республик СССР. См., напр.: Иноятов Х.Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Кишибеков Д. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961; Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Рзаев Д.А. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962; Турсунбаев А.Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963.
- ⁶⁷ Булдаков В.П. Имперские этнофобии // Родина. 1995. № 7. С. 23.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Булдаков В.П. Бунт // Родина. 2004. № 11. С. 68.
- ⁷⁰ Смирнов А.А. «Свои» и «чужие». Слагаемые национального неприятия // Родина. 1995. № 7. С. 26.
- ⁷¹ Абрамовский А.П. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993 (в соавт.); Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Войсковые школы оренбургского казачества // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. С. 8—19; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского. Челябинск, 1994; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества (2 половины XIX — начала XX в.). Челябинск, 1997; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.
- ⁷² Баханов В.П. Из истории оренбургского казачества. Магнитогорск, 1993.
- ⁷³ Быков В.В. Оренбургское казачье войско в период Русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904—1907 гг.). Дисс. к. и. н. Челябинск, 1999.
- ⁷⁴ Войнов В.М. История войска Оренбургского. Оренбург, 1992; Он же. Правда об оренбургском казачестве // Отечество (Москва): Краеведческий альманах. 1990. № 1. С. 206—216.
- ⁷⁵ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Он же. Александр Ильич Дутов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 56—84; Он же. Архивные коллекции по истории оренбургского казачества и их судьба // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 36—41; Он же. Атаман А.И. Дутов и дело есаула Ф.А. Богданова // История белой Сибири: Материалы 6-й международной науч. конф. 7—8 февраля 2005 года. Кемерово, 2005. С. 199—223; Он же. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия (Москва): Альманах. 2005. № 8. С. 193—207; Он же. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казаче-

ства в Николаевской академии Генерального штаба, 1901—1914 гг.: опыт историко-психологического исследования // Русский сборник: Исследования по истории России XIX—XX вв. Т. 1. М., 2004. С. 152—196; Он же. Генерал-майор И.Г. Акулинин // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2000. № 8. С. 85—91; Он же. «Зажглась кровавая заря...» Оренбургские казаки в Русско-японской войне // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие: Международный исторический сборник / Под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 249—322; Он же. Оренбургские казаки в борьбе с революционным движением в Поволжье и на Урале в 1905—1908 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. 3. М., 2006. С. 128—128; Он же. Оренбургские казачьи офицеры в войне с Японией // Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 56—74; Он же. Предки и потомки Войскового атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова // Генеалогический вестник (Санкт-Петербург). 2005. № 21. С. 40—47; Он же. Проблемы казачества начала XX века в освещении журнала «Военный сборник» (1900—1914) // Россия и реформы: Сб. статей. Вып. 5 / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 53—90; Он же. Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54—58 и др.

⁷⁶ Он же. Буддизм в Оренбургском казачьем войске // Гостиный Двор (Оренбург). 2006. № 19 и др.

⁷⁷ Джунджузов С.В. Аграрный кризис 1905—1906 годов и его влияние на распространение оппозиционных настроений среди оренбургских казаков, участвовавших в подавлении народных выступлений в Поволжье и на Урале // История аграрных отношений в России: Материалы межвузовской научно-практической конф. Оренбург, 1998; Он же. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой российской революции. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 1998.

⁷⁸ Кобзов В.С. Становление и развитие структуры управления и воинской повинности оренбургского казачества (XVIII — нач. XX вв.). Дисс. д. и. н. Челябинск, 1996.

⁷⁹ Кортунов А.И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII—XIX вв. Дисс. к. и. н. Оренбург, 2004; Он же. Мусульмане в Оренбургском казачьем войске // В центре Евразии. Вып. 2. Стерлитамак, 2003. С. 99—115.

⁸⁰ Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004.

⁸¹ История казачества Урала. Оренбург—Челябинск, 1992 (ред., член авт. колл.); Мамонов В.Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург—Челябинск, 1995.

⁸² Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998; Она же. Оренбургское казачество и степь: к вопросу о земельных отношениях // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. Русская колонизация Урала: историко-культурные процессы. Челябинск, 1995; Она же. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков (вторая половина XIX — начало XX века) // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997.

⁸¹ Оборкин А.И. История оренбургского казачества в трудах войсковых офицеров (60-е гг. XIX — нач. XX вв.) // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 123—128.

⁸² Рахимов Р.Н. Оренбургские и уральские казаки-дворяне Оренбургской губернии // Башкирский край. Вып. 5. Уфа, 1994. С. 21—41.

⁸³ Рыбалко А.А. История и быт казаков Новолинейного района (этнографический очерк) // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 117—134.

⁸⁴ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905—1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996 и др.

⁸⁵ Семенов В.Г. Из истории Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1992; (Он же. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1992; Он же. Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Гостинный двор (Калуга). 1995. № 1. С. 167—174; Он же. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг. Дисс. к. и. н. Оренбург, 2003; Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999 и др.

⁸⁶ История казачества Урала. Оренбург—Челябинск, 1992 (член авт. колл.).

⁸⁷ Оренбургское казачье войско: Исторические очерки. Сб. научных трудов. Челябинск, 1994; Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычаи. Челябинск, 1996; Оренбургское казачье войско: Воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997; Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999; Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001.

⁸⁸ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.

⁸⁹ В настоящее время А.В. Ганиным и В.Г. Семеновым подготовлен к печати биографический справочник «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891—1945 гг.», охватывающий свыше четырех с половиной тысяч персоналий и позволяющий в дальнейшем избежать неточностей в отношении персоналий из состава войсковой администрации.

⁹⁰ Сафонов Д.А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург, 2005. С. 294.

⁹¹ Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 165 и др. Судя по содержанию и использованным источникам, эта работа фактически является результатом коллективного труда (возможно, обмена информацией) всей челябинской школы изучения истории оренбургского казачества.

⁹² Кобзов В.С. Архивные источники по истории оренбургского казачества // Архивное дело в Челябинской области (Челябинск). Информационный вестник. 1998. № 2 (5). С. 85.

⁹³ McNeal, Robert Hatch. Tsar and Cossack, 1855—1914. London, 1987.

⁹⁴ Hindus, Maurice. The Cossacks. The story of a Warrior People. London, 1946.

⁹⁵ Longworth Ph. The Cossacks. Five centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes. N.Y., 1970.

⁹⁶ Seaton A. The Horsemen of the Steppes. London, 1985.

- ⁹⁹ Cresson W.P. The Cossacks: Their history and country. N.Y., 1981.
- ¹⁰⁰ Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge — London, 2002.
- ¹⁰¹ O'Rourke S. Warriors and Peasants. The Don Cossacks in Late Imperial Russia. Oxford, 2000.
- ¹⁰² Savant, Jean. Les Cosaques. Paris, 1944.
- ¹⁰³ Niesel. Les Kosaques. Etudes historiques, géographiques, économiques et militaires. Paris, 1904.
- ¹⁰⁴ См.: Удо Г. История казачества в германоязычной литературе // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 1. С. 69–76.
- ¹⁰⁵ Ауский С. Казаки. Особое сословие. М. — СПб., 2002.
- ¹⁰⁶ Bond Brian. Doctrine and Training in the British Cavalry, 1870–1914 // Howard Michael, ed. The Theory and Practice of War. Bloomington, Ind., 1975; Bujac E., colonel breveté. La guerre russo-japonaise. Paris, 1907; Connaughton Richard. The war of the rising sun and tumbling bear. London — N.Y., 1988; McElwee William. The Art of War. Waterloo to Mons. Birkenhead, 1974; Menning Bruce W. Bayonets before bullets. The Imperial Russian army 1861–1914. Bloomington–Indianapolis. 1992.
- ¹⁰⁷ Единственная специальная работа казачьего офицера В.П. Водопьянова (Водопьянов В.П. История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996) является мемуарно-исследовательской по своему характеру и должна быть отнесена скорее к категории источников, тем более что значительная часть документов, которые использовал Водопьянов, не сохранилась. Остальные работы по проблеме присоединения Памира не ставят своей задачей освещение участия в этих событиях именно оренбургских казаков.
- ¹⁰⁸ Серов Д.Г. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Оренбург, 1900.
- ¹⁰⁹ Зеленин Дм. У Оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографического Обозрения». М., 1906.
- ¹¹⁰ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 1–2. СПб., 1906; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Ч. II–III. СПб., 1911; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Ч. II. СПб., 1912; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Ч. IV. СПб., 1912; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. СПб., 1907; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1907–1908 гг. СПб., 1908; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909 гг. СПб., 1909; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия III. 1909–1910 гг. СПб., 1910; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия V. 1911–1912 гг. СПб., 1912; Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. III. СПб., 1914.
- ¹¹¹ Харламов В.А. Казачий депутат Государственной Думы (1906–1917). СПб., 1995.

¹¹² *Высший подъем революции 1905—1907 гг.* Т. 1. М., 1955; *Революционное движение в Оренбуржье. 1905—1907: Сб. документов и материалов.* Челябинск, 1982.

¹¹³ *Адрес-календарь* и справочная книжка Оренбургской губернии на 1905 г. Оренбург, 1905; *Список генералам по старшинству.* Составлен по 1-е Сентября 1905 г. СПб., 1906; *Список подполковникам по старшинству.* Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905; *Список полковникам по старшинству.* Составлен по 1-ю Января 1905 г. СПб., 1905; *Общий состав Главного управления казачьих войск.* Исправлен по 6 Апреля 1906 г. СПб., 1906; *Общий состав чинов управлений Казанского военного округа.* К 15 Января 1903 г. Казань, 1903.

¹¹⁴ *Совещание врачей Оренбургской губернии с участием представителей Губернского Распорядительного Комитета, Городского Управления и Войскового Хозяйственного Правления.* Первый съезд. 25 февраля — 3 марта 1903 года. Оренбург, 1903; *Сборник медико-статистических работ по Оренбургской губернии.* Организация и распределение врачебной помощи в Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1912.

¹¹⁵ *Шалапин Ф.И.* Повести о жизни. Пермь, 1978; *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005; *Нефедов,* Донской артиллерии Войск[овой] Стар[шина]. Воспоминания об оренбуржцах // *Оренбургский казак.* Сб. Харбин, 1938.

¹¹⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4.

¹¹⁷ *Акулинин И.Г.* Конный бой под Вафангоу 17/30 мая 1904 года // *Сибирский казак.* Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского Казачьего Войска. 1582—1932. Под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 88—91; *Он же.* На разведке под Вафанганом 31 мая (13 июня) 1904 года // Там же. С. 113—116; *Он же.* Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шапхай, 1937; *Он же.* Что вспомнилось // *Оренбургский казак.* Сб. Харбин, 1937; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969; *Деникин А.И.* Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953; *фон Дрейер В.Н.* На шкате империи. Мадрид, 1965; *Шатилов П.Н.* Воспоминания о Русско-Японской войне (1904—1905 гг.) // *Военно-исторический вестник* (Париж). Издание Общества ревнителей русской военной старины. 1966. № 28. Ноябрь. С. 9—15.

¹¹⁸ *Аничков Д.И.* Пять недель в отряде генерала Мищенко. СПб., 1907; *Водопьянов В.* В плену у японцев: Воспоминания русского офицера о Русско-японской войне 1904—1905 гг. // *Новый Часовой* (Санкт-Петербург). Русский военно-исторический журнал. 1999. № 8—9; *Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера во время Русско-японской войны. СПб., 1906; *Дитерихс М.К.* Несколько страниц из боевой деятельности 52-го Драгунского Нежинского полка (ныне 18-го Гусарского) в кампанию 1904—1905 гг. Елец, 1908; *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989; *Квитка А.* Дневник Забайкальского Казачьего Офицера. СПб., 1908; *Кривошецов А.И.* Оренбуржцы на Дальнем Востоке. Вып. 1. Шестая сотня 12-го полка. Троицк, 1913; *Кривошецов А.И.* Разбитый разъезд. Троицк, 1913; *Нодо А.* Они не знали... М., 1905; *Парский Д.* Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.). СПб., 1906; *Baring Maurice.* With the russians in Manchuria. London, 1905; *Brindle Ernest.* With Russian, Japanese and Chunchuse. The Experiences of an Englishman during the russo-japanese war. London, 1905; *Cordonnier,* colonel d'Infanterie. Les Japonais en Mandchourie. Paris, 190[?]; *McCullagh Francis.* With the cossacks. Being the story

of an irishman who rode, with the cossacks throughout the russo-japanese war. London, 1906.

¹¹⁹ 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925.

¹²⁰ *Мякутин А.И.* Песни оренбургских казаков. Т. 1. Песни исторические. Оренбург, 1904; Т. 3. Песни бытовые. Оренбург, 1906.

¹²¹ Подробнее об этом см.: *Ганин А.В.* Архивные коллекции по истории оренбургского казачества и их судьба // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 36–41.

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
(1891—1917 гг.)

Глава 1

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (1891–1904 ГГ.): ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ, РЕФОРМЫ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Вдалеке, вдалеке,
На зыбучем песке,
Близ Урала-реки,
Там живут казаки.
Землю пашут, поют,
Мечи востры куют,
И на конях они
Скачут целые дни...
Киньте взглядом на юг!
На Памире, среди въюг,
И в ташкентских садах,
И в ферганских горах
Славу громкую там
Все поют казакам
Оренбуржцам-молодцам,
Атаманам-удальцам!

*Песня Оренбургского
казачьего войска
(на правах гимна)¹*

Организация управления войском

Период конца XIX — начала XX в. стал важным этапом исторического развития для всей России, в том числе и для казачества. Страна вступала в новую эпоху, имея старые государственные институты и архаичную бюрократическую систему управления. Для казачества как самобытного сообщества начавшийся период стал временем достаточно глубокого кризиса. Как отмечал один из исследователей истории казачества, именно в эпоху социального распада в большей степени, чем когда-либо, были заметны внутренние противоречия бытия². Между тем новое время бросало власти новые, гораздо более серьезные и труднопреодолимые вызовы, к которым ни она, ни находившееся в ее распоряжении казачество морально и организационно готовы не были.

Казачество (2,3% населения России по переписи 1897 г.) было особым сословием. Оно включало в себя представителей некоторых других сословий — дворянства, духовенства, кроме того, среди казаков были как городские, так и сельские жители. В отличие от других сословий казаки подчинялись Военному министерству, а не МВД. Казачество традиционно считалось наиболее надежной опорой государственной власти, однако в конце XIX — начале XX в. стало очевидно, что оно нуждается в реформировании, хотя бы постепенном и осторожном. О том, какими путями шел этот процесс в Оренбургском казачьем войске, одном из крупнейших казачьих войск Российской империи, и пойдет речь в этой главе.

Особенностью войска всегда было тесное взаимодействие в нем военного и гражданского управления. Еще Положение об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. разделило войско на два военных округа, каждый из которых включал по пять полковых округов. Полки имели две очереди: для службы на линии и за ее пределами. Помимо десяти полков могли формироваться сводные казачьи полки. Число выставяемых частей должно было увеличиваться по мере роста численности казачьего населения.

Во главе всей войсковой администрации стоял войсковой Наказный атаман, подчиненный командиру Отдельного Оренбургского корпуса как главному начальнику войска³. Атаман не принадлежал к войсковому сословию. Он являлся оренбургским гражданским губернатором и в военном отношении обладал правами начальника дивизии, а командир Корпуса был оренбургским военным губернатором. При атамане существовал штаб (Войсковое дежурство) во главе с начальником штаба — штаб-офицером или генералом, не принадлежавшим к войску. Войсковое дежурство являлось в первую очередь органом военного управления, но ведало также хозяйственными и судебными вопросами. В административно-хозяйственном отношении Войсковое дежурство действовало через окружные дежурства. В целом войско было преобразовано в практически полностью изолированное от внешнего воздействия образование, а выход из казачьего сословия был запрещен. Во многом казачество николаевского времени напоминало военные поселения.

Важным периодом в процессе реформирования системы войскового управления стала эпоха Великих реформ. Пересмотр положений о казачьих войсках начался еще в конце 50-х годов XIX в. В 1865 г. Оренбургское казачье войско было в административном, судебном и полицейском отношении объединено с Оренбургской губернией (в том же году подобные изменения коснулись Терского и Кубанского казачьих войск), причем представители неказачьих сословий получили разрешение селиться на казачьих землях без причисления к казачеству⁴. Отныне казаки составили часть губернского населения, что положило конец их обособленности.

В этот период казачьи преобразования, по свидетельству военного министра, графа Д.А. Милютина, «требовали многих лет последовательного и систематического труда»⁵. Уже тогда⁶ в обществе и непосредственно в казачьей среде стали распространяться слухи о возможном упразднении казачьего сословия⁷. Впрочем, слухи эти не имели под собой серьезного основания. Пожелание императора Александра II было таково, чтобы казачья военная служба находилась в гармоничном сочетании с гражданской жизнью и экономическим благосостоянием⁸. Однако именно этого сочетания русская дореволюционная администрация добиться не смогла.

Верховная власть, осуществляя это преобразование, руководствовалась стремлением упразднить сословные перегородки между казаками и иногородними, однако итоги реформы были неоднозначны. С одной стороны, казачество не могло оставаться полностью изолированным от остального населения империи, что в перспективе значительно усложнило бы адаптацию казаков к новым условиям существования, но, с другой стороны, таким радикальным преобразованием государство, по сути, оставляло казаков один на один перед угрозой негативных внешних влияний и само же разрушало формировавшиеся веками устои казачьего быта.

Должность Наказного атамана Оренбургского казачьего войска была по традиции объединена с должностью гражданского губернатора. Как и прежде, атаман не принадлежал к войсковому сословию. При атамане был создан новый орган — Войсковое хозяйственное правление, регулировавший хозяйственную деятельность войска, взаимодействуя непосредственно со станичными управлениями⁹. Высшим органом военного управления войска был Войсковой штаб. С упразднением Отдельного Оренбургского корпуса создавался Оренбургский военный округ во главе с командующим. В 1866 г. территория войска была разделена на три округа (по указу от 18 мая 1868 г. — отделы).

В 1867 г. последовала новая реформа. На этот раз изменения затронули воинскую повинность оренбургских казаков с целью ее облегчения. Служилый состав войска был ограничен постоянным числом казаков, в результате чего появилась недопустимая ранее категория неслужилых казаков, то есть тех, кто вообще не состоял на действительной службе. Власти планировали создать из таких казаков слой крепких хозяев, обложить их особым налогом в пользу служилой категории, а также направлять их на поддержание хозяйств тех, кто ушел на действительную службу¹⁰.

Нежизнеспособность подобного подхода выявилась в течение последующих нескольких лет, и уже в 1876 г. в Оренбургском казачьем войске был введен Устав о воинской повинности Донского казачьего войска от 29 апреля 1875 г., а также специально разработанное Положение о военной службе казаков Оренбургского войска. По новым законодательным актам

сокращался общий срок службы казаков и срок отбывания ими действительной службы, казачьи части были поставлены в одинаковые условия с регулярными войсками, отменена была жеребьевка при их комплектовании, прекращено зачисление в разряд неслуживых казаков. По итогам реформ Оренбургское казачье войско по-прежнему осталось замкнутым сословием, хотя с 1869 г. был разрешен выход из казачьего сословия. Казачье население приобрело многие права, которыми обладали представители других сословий, но, как и раньше, должно было нести воинскую повинность в гораздо большем размере.

13 мая 1870 г. было издано Положение об общественном управлении казачьих станиц, по которому от решения внутренних дел в станицах отстранялись исправники. При этом право решать общественные вопросы на местном уровне было предоставлено не лучшим казачьим представителям, а всем жителям вообще. В некоторых случаях для прохождения того или иного решения необходимо было набрать $\frac{2}{3}$ голосов от общего числа жителей, в других хватало простого большинства голосов присутствовавших. Этот факт вызывал многочисленные злоупотребления, так как, хотя являться на сходы могло все население станицы или поселка, заведомыми сходами стали не лучшие люди, которые были, как правило, заняты делом, а те, кто не заслуживал уважения односаничников¹¹. Поддерживать в станицах порядок было некому, и власть постепенно перешла к заведомым сходам, то есть лентяям и пьяницам. Уже в 1888 г. было отмечено, что «в станичные атаманы сплошь и рядом попадают лица недостойные, добившиеся избрания в атаманы пронырством, вкрадчивостью и угодли-востью. Такие люди, ставшие во главе станицы с единственной целью по-нажиться, стараются обыкновенно подобрать себе всех подходящих для их стремлений сослуживцев и затем систематически обирают жителей станицы, пользуясь каждым представляющимся к тому случаем»¹².

Заняв должности в станичной и поселковой администрации, они активно использовали свое служебное положение в целях личного обогащения. Положение предоставляло станицам право в полном объеме распоряжаться своими денежными суммами, что лишь поощряло хищения. За более чем двадцатилетний срок действия Положения на местах было разворовано практически все, что только можно было разворовать, в том числе и общественные леса, которые были сведены на нет. Это стало одной из причин засухи, значительно усугубившей последствия голода 1891 г., опустошившего войско. Недочеты законодательства обернулись трагедией.

В результате было решено переработать и дополнить нормативные акты, по которым жило войско. И к началу XX в. управление войском регулировалось уже другими законами: Положением об управлении военными отделами Оренбургского казачьего войска, Высочайше утвержденным

44 января 1884 г., и Положением об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 г. Вплоть до 1917 г. эти документы не претерпели изменений. Новые законы внесли значительные изменения в жизнь войска, положив начало его экономическому росту¹³. На первый взгляд, новые документы мало отличались от прежних, радикальных изменений в них как будто не было. Тем не менее на деле была упорядочена система казачьего самоуправления с одновременным усилением административного контроля за жизнью станиц и поселков. За время действия нового Положения с 1891 по 1915 г. станичные общественные капиталы возросли на 83,1%¹⁴.

Что же представляла собой система управления войском в конце XIX — начале XX в.?

Схема 1

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ К НАЧАЛУ XX в.

Делами по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск ведало Главное управление казачьих войск (ГУКВ) (см. схему 1), которое казачьи офицеры из-за постоянной бюрократической волокиты в шутку прозвали «Главным затруднением казачьих войск»¹⁵. К 1898 г. управление включало ряд отделений: 1-е — инспекторское, 2-е — законодательное,

3-е — поземельно-межевое, 4-е — хозяйственное, 5-е — мобилизационное, 6, 7, 8 и 9-е — по гражданской части. В мае 1902 г. было образовано 10-е (горское) отделение для управления горским населением Кубанской и Терской областей¹⁶. Количество служащих управления с 1867 по 1907 г. возросло с 90 до 199 человек. Если в 1870 г. через управление проходило 11 169 дел, требовавших решения, то в 1898 г. — уже 20 671¹⁷. В 1910 г. ГУКВ было упразднено, а его функции переданы Казачьему отделу Главного штаба, насчитывавшему 117 служащих. Военный министр Генштаба генерал от инфантерии А.Ф. Редигер в своих мемуарах сетовал на то, что «нигде на военного министра не возложены еще и функции министра внутренних дел в отношении громадных областей (земли казачьих войск и Туркестан)»¹⁸. Разумеется, военной власти было непросто успешно справляться с решением этих вопросов. В военном отношении Оренбургское казачье войско подчинялось командующему войсками Казанского военного округа. Однако разграничение полномочий командующего войсками округа, военного министра, ГУКВ и Наказного атамана в отношении управления войском даже в начале XX в. четко прописано в законодательстве не было.

Непосредственно во главе войскового управления стоял Наказный атаман, должность которого совмещалась с должностью оренбургского губернатора. В рассматриваемый период Наказными атаманами состояли: Генштаба генерал-лейтенант Н.А. Маслаковец (1884—1892), генерал-майор В.И. Ерипов (1892—1899), Генштаба генерал-лейтенант Я.Ф. Барабаш (1899—1906), Генштаба генерал-майор барон Ф.Ф. фон Таубе (1906), генерал-лейтенант В.Ф. Ожаровский (1907—1911), генерал-лейтенант Н.А. Сухомлинов (1911—1915), Генштаба генерал-лейтенант В.В. Сахаров (1915), Генштаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин (1915—1917)¹⁹.

Наказными атаманами в обязательном порядке являлись лица, никакого отношения к казачеству не имевшие. По всей видимости, императорская власть считала такой подход в кадровой политике более оправданным. С этим нельзя не согласиться, поскольку атаманы из казачьей среды неизбежно, как показал опыт Гражданской войны, склонялись к автономизму и сепаратизму, которыми начиналась прямая дорога к распаду государства. Атаман управлял войском по гражданской (административно-хозяйственной) части на правах губернатора через Войсковое хозяйственное правление, а по военной части — на правах начальника дивизии через Войсковой штаб. В полицейском отношении население находилось в ведении общей губернской полиции. При Наказном атамане состоял один штаб-офицер для особых поручений и один адъютант (обер-офицер). От Наказных атаманов напрямую зависела судьба вверенного им войска и его благосостояние. В то же время, по мнению современного оренбургского исследователя С.В. Любичанковского, губернаторская власть на Урале в последнее

десятилетие существования Российской империи была неэффективной и не справлялась с решением насущных проблем управления регионом²⁰. Согласно Высочайшему повелению от 16 марта 1896 г. Наказные атаманы должны были ежегодно к 15 октября года, следующего за отчетным, направлять императору личные отчеты о состоянии вверенных им войск²¹, однако это нововведение не привело к каким-либо изменениям или к повышению интереса власти к внутренней казачьей жизни. Помимо личных отчетов ежегодно составлялись статистические отчеты о состоянии военной и гражданской части войска.

В докладе по Главному управлению казачьих войск 8 февраля 1910 г. отмечалось, что порядок управления военной частью в войске установлен достаточно, тогда как гражданское управление оставляло желать лучшего²². Что же представляла собой гражданская часть войска?

Как уже отмечалось, главным органом, отвечавшим за управление войсковым хозяйством, являлось Войсковое хозяйственное правление, которое включало общее присутствие и пять отделений: хозяйственное, поземельно-строительное, особое, межевое и лесное. Первые три отделения возглавляли советники Войскового хозяйственного правления, оставшиеся два — войсковой лесничий и начальник отделения. Общее присутствие заседало под председательством Наказного атамана в присутствии старшего члена Войскового хозяйственного правления и начальников отделений. Старший член правления избирался Наказным атаманом и через военного министра представлялся на Высочайшее утверждение²³. В случае болезни или отсутствия атамана по другим причинам председательствовала начальница штаба. Помимо указанных должностей при Войсковом хозяйственном правлении состояли войсковые специалисты: агроном, горный инженер, инженер-архитектор, экзекутор, архивариус.

В ведении Войскового хозяйственного правления находились все отрасли войскового хозяйства, а также непосредственное управление общими войсковыми капиталами. Особое отделение занималось обеспечением функционирования общественного управления в станицах. В 1898 г. для облегчения деятельности станичной и поселковой администрации была издана «Инструкция станичным и поселковым обществам и должностным лицам общественного управления»²⁴. Этот документ с приложением представлял собой 1400 страниц убожистого текста и, как оказалось, был крайне неудобен в обращении. В Инструкции содержалась тотальная регламентация всех отраслей станичного и поселкового управления, вплоть до вопроса о том, образа каких именно святых следовало иметь в различных помещениях станичного суда²⁵.

Масштабы делопроизводства Войскового хозяйственного правления были поистине огромны. По данным 1899—1901 гг., ежегодное число вхо-

дящих бумаг составляло 35 280, исходящих — 26 890²⁶. Для более эффективного управления войском Войсковое хозяйственное правление имело трех чиновников для поручений (по одному на каждый военный отдел) и двух смотрителей войсковых оброчных статей²⁷.

Не менее важным административным органом был Войсковой штаб. Отдельного положения для Войскового штаба не издавалось, в своей работе этот орган руководствовался Положением о Войсковом дежурстве, из которого был переименован в 1872 г., причем столы заменены отделениями под управлением старших адъютантов. В 1878 г. был издан штат Войскового штаба, в 1879 г. введена должность журналиста, в 1882 г. упразднены комиссия военного суда и должность обер-аудитора. В компетенцию Войскового штаба входили «все предметы, собственно до военной части войска относящиеся»²⁸. Фактически штаб сосредоточивал в себе все, относящееся к военному управлению войском. Во главе Войскового штаба стоял начальник в чине полковника или генерал-майора. В период 1891—1917 гг. начальниками Войскового штаба являлись: генерал-майор П.П. Бирк (1886—1899), Генштаба генерал-майор (до 1900 г. — полковник) Г.К. Рихтер (1899—1903), Генштаба генерал-майор Ф.Ф. фон Таубе (1903—1906), вр. и. д. Генштаба есаул А.П. Тимашев (1906), Генштаба генерал-майор М.И. Гончаренко (1906—1908), вр. и. д. войсковой старшина А.Н. Полозов (1908—1909), Генштаба генерал-майор П.Д. Шрейдер (1909), Генштаба генерал-майор А.И. Нестеровский (1909—1914), Генштаба генерал-майор С.И. Гаврилов (1914—1915), вр. и. д. есаул Н.М. Альметьев (1914—1917), Генштаба генерал-майор С.П. Товарищев (1916—1917).

В 1902 г. в Войсковом штабе было создано мобилизационное отделение в составе старшего адъютанта, являвшегося штаб-офицером Генерального штаба, и его помощника — обер-офицера Генштаба либо строевого обер-офицера Оренбургского казачьего войска²⁹. Это крайне важное для боеготовности войска нововведение, как и все новое вообще, претворялось в жизнь с большим трудом. Оживленная переписка по данному вопросу началась еще в 1897 г., то есть за пять лет до проведения самой реформы³⁰. Такое нововведение предполагалось осуществить не только в Оренбургском казачьем войске, но еще в Кубанском и Терском казачьих войсках. В среднем через Войсковой штаб ежегодно проходило 9596 входящих и 8801 исходящая бумага³¹.

Важность совершенствования мобилизационной готовности войска понимал и Наказный атаман генерал-майор В.И. Ершов, который писал командующему войсками Казанского военного округа в мае 1897 г.: «Успех мобилизационного дела в войске и возможность доведения его до уровня современных требований, зависит, прежде всего, от того, как поставлено это дело не только в самом Войсковом Штабе, но и в особеннос-

ги в Отделах, по отношению к которым на прямой обязанности Войскового Штаба лежит, кроме забот об обеспечении льготных частей всем необходимым на случай мобилизации, также и постоянное наблюдение за тем, чтобы все относящееся до мобилизации, как в Управлениях Отделов, так и в станицах, содержалось всегда в полном порядке и исправности; чтобы все необходимые исправления и дополнения в мобилизационных планах делались своевременно, чтобы каждый из чинов местных учреждений был основательно знаком с лежащими на нем обязанностями по части мобилизации и вообще в курсе своего дела.

Для достижения сколько-нибудь успешного разрешения этой сложной и ответственной задачи, которая, в случае учреждения мобилизационного (отделения, должна непосредственно лежать на старшем Адьютанте сего (отделения, недостаточно, без сомнения, одной обычной канцелярской переписки с Управлениями Отделов, — чем в силу необходимости, приходится до сих пор ограничиваться; — для этого нужны еще, во 1^ю, фактическая при том, по возможности, частая поверка мобилизационной части на месте, как в Управлениях Отделов, так и в станицах, и, во 2^ю, преподавание (так в документе. — А. Г.) на месте же в потребных случаях, соответствующих кому следует указаний, наставлений и разъяснений...»³²

В целом в подчинении начальника штаба находилось четыре старших адъютанта из числа штаб-офицеров, в том числе один Генеральный штаба, четыре их помощника из обер-офицеров, журналист (экзекутор), а также войсковой музыкантский хор (в прикомандировании к штабу).

При проверке в 1902 г. были выявлены серьезные недочеты в постановке мобилизационного дела в Оренбургском войске. В управлениях отделов не было вовсе некоторых важных документов, требований, расчетов на довольствие³³. В этой связи в Казанском военном округе было решено весной 1903 г. провести проверку мобилизационных планов по казачьим войскам.

Следующим звеном войсковой административной системы являлись управления военных отделов и сами отделы: 1-й с центром в Оренбурге, 2-й с центром в Верхнеуральске и 3-й с центром в Троицке. Во главе каждого отдела стоял атаман в чине полковника или генерал-майора, непосредственно подчинявшийся Наказному атаману. 1-й отдел был крупнейшим по числу станиц и численности казачьего населения, 2-й отдел превосходил остальные по территории, 3-й отдел — по общей численности как войскового, так и невойскового населения и по числу населенных пунктов.

В рассматриваемый нами период атаманами военных отделов были: 1-го — генерал-майор (с 1894 г.) А.С. Мелянин (1890—1900), полковник А.Г. Эрдман (1900—1904), полковник А.Д. Наумов (1904—1906), генерал-майор (с 1907 г.) И.Н. Епанешников (1906—1907), полковник (с 1909 г. — генерал-майор) В.Н. Полозов (1907—1910), генерал-майор (с 1913 г.)

Н.П. Мальцев (1910—1917); 2-го — полковник Н.Г. Лобов (1888—1894), полковник В.А. Толмачев (1895—1900), полковник (с 1900 г. — генерал-майор) Ф.М. Стариков (1900—1908), полковник (с 1912 г. — генерал-майор) Н.А. Наследов (1907—1913), полковник М.Г. Серов (1913—1915), полковник Ф.Е. Евдюков (1915—1917); 3-го — полковник А.А. Избышев (1879—1893), полковник Н.А. Холмский (1899—1903), генерал-майор П.О. Агапов (1903—1908), вр. и. о. войсковой старшина П.П. Водопьянов (1908), генерал-майор И.И. Угличинин (1909—1913), полковник Д.Г. Серов (1913—1917).

Должность атамана отдела была очень ответственной, так как на этого представителя войсковой администрации возлагался целый комплекс задач. Атаман отдела должен был осуществлять военное управление на вверенной ему территории, наблюдать за общественным управлением в станицах, в его ведении также было руководство станичными школами и общее управление станичными конно-плодовыми табунами. По военной части атаман отдела наблюдал за исправностью отбывания казаками воинской повинности, должен был следить за тем, чтобы все чины льготных частей, а также запасные состояли в установленной положении готовности к службе по всем предметам воинского снаряжения, а казаки старшего возраста приговорительного разряда приобретали бы необходимое для службы снаряжение в срок.

Кроме того, атаман отдела заведовал всем не находящимся на действительной службе служилым составом казаков отдела, наблюдал за тем, чтобы они не уклонялись от службы во время лагерных сборов и соблюдали бы правила чинопочитания. Атаман также руководил учебными занятиями казаков, занимался формированием сменных команд первоочередных частей, инспектировал льготные команды тех же частей по возвращении их в войско.

В военное время атаман отдела формировал при мобилизации льготные части, выставляемые отделом, инспектировал мобилизованные части по возвращении их в войско. Атаманы отделов осуществляли надзор за общественным управлением станиц, имели полномочия увольнять станичных и поселковых должностных лиц, за исключением станичных атаманов и почетных судей, за проступки. За маловажные проступки атаманы отделов имели право подвергать виновных выговорам, замечаниям или денежному взысканию до пяти рублей и аресту до семи дней.

Столь широкий спектр задач, стоявших перед атаманами и управлениями отделов, порождал колоссальную переписку, доходившую в различных отделах до 40—60 тысяч входящих и исходящих бумаг ежегодно.

Для облегчения тягот такой работы в подчинении атамана отдела находились: помощник (штаб-офицер), старший адъютант (обер-офицер), его

помощник (обер-офицер), делопроизводитель по хозяйственной части (чин X класса), наблюдающий за низшими войсковыми школами (чин X класса), два обер-офицера, наблюдающие за станичными конно-плодовыми табунами, и ветеринарный врач. Кроме того, в распоряжении атамана отдела обычно находились два штаб-офицера и два-три обер-офицера из первоочередных частей. Эти офицеры наблюдали за правильностью обучения казачков приговорительного разряда и за исправностью содержания казаками собственного военного имущества. Они же использовались атаманом отдела для выполнения поручений по военной части. В управлениях 2-го и 3-го военных отделов, помимо этого, имелись смотрители войсковых земельных оброчных статей (чины IX класса). При управлении отдела существовала оружейная мастерская и местная команда численностью 44–80 нижних чинов. В 1-м и 2-м отделах действовали полковые суды (по два офицера). Несмотря на наличие штата помощников, атаманы отделов не справлялись с возложенными на них обязанностями, и в начале XX в. рассматривался вопрос о включении в штат еще двух помощников (по строевой и хозяйственной части) и трех участковых начальников. Однако такое преобразование не было осуществлено, поскольку требовало дополнительных расходов в 33 тысячи рублей ежегодно, на что войско не имело средств.

Территория каждого отдела подразделялась на два полковых округа, служившие территориальными районами комплектования льготных полков. В одном полковом округе проживало по 32–36 тысяч душ мужского пола войскового сословия. Каждую осень атаманы отделов объезжали станицы, проверяя их военную, хозяйственную и общественную деятельность.

Станицы и поселки имели местное самоуправление. На станичном уровне оно включало: станичного атамана, станичный сбор, станичное правление и станичный суд. Станичный атаман избирался сроком на три года станичным сбором и утверждался в должности Наказным атаманом. Избирались и помощники атамана. Выборные не могли быть моложе 25 лет, кроме того, почетный судья не мог быть моложе 40 лет, станичный атаман и станичный судья должны были быть не моложе 33 лет, исключение не распространялось на казачьих офицеров и чиновников³⁴. Только в исключительных случаях при наличии подробного объяснения войсковому начальству допускался выбор атамана моложе 33 лет. Отличительным знаком атаманской власти была насека. Годовой оклад атамана большой станицы в Оренбургском казачьем войске был в среднем гораздо ниже, чем в других казачьих войсках. Минимальной была сумма в 300 рублей, максимальной — в 600 рублей, такие оклады были в 22 станицах (годовой оклад поселкового атамана составлял примерно 200 рублей)³⁵. Что касается других казачьих войск, то в Кубанском войске годовой оклад станичного атамана доходил до 2000 рублей, в Донском — до 1500 рублей, в Астраханском — до 700 рублей. При этом ка-

чественный состав станичных атаманов в начале XX в. был стабильно высок. Атаманами обычно избирались казацкие унтер-офицеры (вахмистры, урядники), которые были наставниками и помощниками рядовых казаков как в войсках, так и дома, являлись людьми авторитетными, законопослушными и имели опыт административной работы. Отставные или льготные казацкие офицеры и отставные чиновники обычно жили в городах, часто даже за пределами войска, поэтому офицер или чиновник в должности станичного атамана был скорее исключением. Таким образом, эти охранительно настроенные представители войсковой интеллигенции по разным причинам не могли использовать механизм общественного управления станиц и поселков для того, чтобы с его помощью влиять на казацкую массу и на местном уровне определять будущее войска.

Вместе с тем унтер-офицерский состав был вполне грамотным и развитым для своего времени. Одним из основных показателей результативности работы станичных атаманов на благо своих одностаничников является значительный процент переизбраний атаманов на второй и последующие сроки. По данным на 1902 г., в 26 станицах один атаман служил пятое трехлетие, шесть атаманов — третье и пять атаманов — второе трехлетие подряд³⁶. То есть из данной репрезентативной выборки (всего в войске было 44 станицы) следует, что примерно 46% станичных атаманов избирались на этот ключевой в жизни станицы пост несколько раз подряд. Добавим, что многие атаманы также неоднократно находились на этой должности, но не подряд, а с временными перерывами. Эти данные свидетельствуют о высоком авторитете станичных атаманов в казацкой среде.

На станичного атамана возлагались серьезные обязанности: объявлять станичному обществу и приводить в исполнение все распоряжения войскового начальства по вопросам отбывания казаками воинской повинности; наблюдать за исправным снаряжением казаков служилого состава на службу; при мобилизации и при выходе казаков на службу в мирное время принимать в экстренных случаях необходимые меры при наличии казаков, не имеющих исправного снаряжения, и доносить о них атаману отдела.

В мирное время, вне периода сборов, станичный атаман имел право разрешать казакам служилого состава отлучаться на срок до трех месяцев, а остальным членам станичного общества — на срок до одного года. Надо отметить, что при отлучке из станицы на срок до 15 суток казак должен был заявить об этом атаману и получить «увольнительный вид», для ухода на больший срок требовалось получить увольнительный билет³⁷. Подобные строгости могли быть связаны только с необходимостью спешной мобилизации льготных казаков.

Кроме того, станичный атаман мог подвергать лиц, не пользующихся особыми правами по состоянию, за маловажные проступки денежному

взысканию на сумму до трех рублей или аресту (назначению на общественные работы) на срок до трех дней. Для лиц, подвергавшихся взысканиям неоднократно, сумма взыскания могла быть увеличена до пяти рублей, и сроки ареста или общественных работ соответственно — до пяти дней. Атаман имел право задерживать бродяг, беглых, дезертиров, предупреждать и преследовать преступления³⁸.

Поскольку все станичные общества Оренбургского казачьего войска к началу XX в. имели не менее 300 дворов, на станичные сборы избирались представители от каждых 10 дворов. Станичные сборы, даже несмотря на существование выборного представительства, были в Оренбургском казачьем войске крайне многочисленными (100—200 человек). А поскольку сбор являлся одним из центральных мероприятий в жизни станицы, многие казаки приходили просто посмотреть на происходящее. Непосредственно в обсуждении проблем участвовали далеко не все выборные, так как помещения для сбора (обычно школы или станичные правления) не могли вместить всех желающих. Таким образом, некоторые казачьи представители лишь присутствовали и, толком не зная сути вопроса, ставили свои подписи под протоколом. В компетенцию станичного сбора входили следующие вопросы: распоряжение общими станичными суммами и назначение сборов (денежных или натуральных) на станичные потребности; разверстка земских и станичных повинностей между отдельными поселковыми обществами; определение на основании положения о военной службе платы с казаков неспособных к службе, но способных к труду; назначение этой категории казаков на внутреннюю службу по войску; рассмотрение и утверждение проектов возрастных и очередных списков; определение казаков, нуждающихся для выхода на службу в пособиях или ссудах; избрание лиц на общественные станичные должности.

Сбор созывался, как правило, один или два раза в месяц, а иногда и реже. Многие казаки были абсолютно безразличны к решениям станичных сборов, в результате чего в выборные попадали далеко не лучшие люди, нередко принимавшие непродуманные и вредные для казаков решения. Участие в станичных сборах приобрело даже форму обременительной повинности, особенно для тех казаков, которые были вынуждены на сбор добираться из отдаленных поселков. Между тем при широкой самостоятельности поселков поселковые сборы могли быть подчас важнее станичных и созывались два—четыре раза в месяц. В отношении же лиц, замеченных «в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы», сбор мог назначать опекунов, распоряжаться доходами с принадлежащей им недвижимости, продавать имущество таких лиц и лишать их на определенный срок земельного пая³⁹.

Станичное правление представляло собой орган, в состав которого входили: станичный атаман, его помощники, станичный казначей и доверенные. Станичное правление решало менее важные вопросы по сравнению со станичным сбором. Оно занималось: ежемесячной проверкой станичных сумм; проверкой всего станичного имущества (не реже одного раза в год); ежегодным составлением сметы станичных доходов и расходов; составлением возрастных и очередных списков; организацией публичных торгов.

Станичный казначей избирался станичным сбором сроком на один год. В доверенные ему выбирались от двух до четырех человек.

Что касается станичного суда, то, во-первых, он рассматривал лишь маловажные проступки, а во-вторых, был крайне несовершенен. Станичный суд состоял из двух органов: суда станичных и суда почетных судей. Суд станичных судей действовал в каждой станице, в его состав ежегодно избиралось от 4 до 12 человек. Под юрисдикцию станичного суда попадали гражданские дела на сумму до 100 рублей, а уголовные — по мелким преступлениям. По уголовным делам суд мог установить денежное взыскание в размере до шести рублей либо арест и общественные работы на срок до восьми дней, для неоднократно подвергавшихся наказаниям — до шести рублей или до двенадцати дней соответственно⁴⁰. Суд почетных судей (три—шесть человек) был один на две станицы. В его ведении были дела, уже рассмотренные первым судом, как правило, жалобы на станичных судей. Все-го в Оренбургском казачьем войске в начале XX в. таких судов было 23. По остальным делам потерпевшие должны были обращаться к земским начальникам или городским судьям. Удивительную картину представляли порой поездки казаков в судебные учреждения в город: преодолевая значительные расстояния, в суд ехал и сам истец, и свидетели, а возможно, и обвиняемый. Особенно проблематично это было во время летней страды.

Следующим уровнем войсковой администрации было управление поселка, состоявшее из поселкового атамана и поселкового сбора. Их функции и особенности в целом совпадали с функциями и особенностями одноименных органов станичного уровня.

Поселковый атаман избирался поселковым сбором на три года и утверждался в должности атаманом отдела. В поселке он являлся представителем местной правительственной власти, отвечал за соблюдение порядка и общественные дела. По общественным делам атаман поселка созывал и распускал поселковый сбор и охранял в нем порядок; определял повестку дня поселкового сбора; приводил в исполнение приговоры поселкового сбора; наблюдал за деятельностью лиц поселкового общественного управления (помимо атамана в состав поселкового правления входили: кандидат (заместитель) атамана, писарь, казначей, доверенные и приказные); доставлял необходимые сведения станичному правлению; наблюдал за со-

пониманием дорог, исправным несением казаками повинностей, сохранностью общественного имущества поселка.

Провинившихся лиц поселковый атаман мог подвергать денежному измысканию на сумму не свыше одного рубля или аресту (общественным ряботам) на срок, не превышавший двух дней. Как ни странно, о поселковых атаманах, в отличие от станичных атаманов, сохранились более критические суждения. Например, этнографу Д. Зеленину, который летом 1905 г. вел свои исследования в поселке Благословенном станицы Оренбургской, казаки заявляли, что «...на первых порах своей службы атаман еще и ведет себя как следует, сообразуясь во всем с мнением представителей»⁴¹; но потом, особенно же под конец трехлетия, поступает во всем по-своему и больше всего пьянствует. Обвиняют атаманов (можно думать, что не без оснований) и в утайке общественных денег»⁴². Поэтому поселковых атаманов редко переизбирали на второй срок.

Поселковый сбор составляли атаман поселка и выборные казаки-домохозяева. В поселках, имевших не более 30 казачьих дворов, в сборе могли принимать участие все казаки-домохозяева, имевшие право быть избранными. В поселках от 30 до 300 дворов в сборах участвовали 30 выборных, а в поселках свыше 300 дворов — по одному выборному от каждых 10 дворов, таким же было представительство от лиц неказачьего сословия, однако их представители могли принимать участие в решении лишь тех дел, которые касались неказачьего населения. В тех поселках, где число домохозяев из лиц невойскового сословия превышало число казаков-домохозяев, представительство должно было быть равным, чтобы неказачи не имели преимуществ на поселковых сборах.

Права участвовать в выборах и быть избранными были лишены лица, не достигшие 25 лет, состоявшие под следствием или судом, отданные по решению суда под надзор общества, судимые за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества и не оправданные, а также подвергшиеся более строгому наказанию (тюремному заключению и т. п.) и не имеющие права участвовать в сборах.

Поселковые сборы обычно проходили по воскресным или праздничным дням, но в крайнем случае по предписанию начальства или в связи с неотложными делами могли созываться и в другие дни. Поселковый сбор обсуждал все общественные дела поселка, причем по тем делам, которые были связаны с интересами всего станичного общества, поселковым сборам было предоставлено лишь право предварительного рассмотрения этих дел, окончательное решение принималось на станичном сборе. Этот сбор рассматривал решения поселковых сборов по следующим вопросам: предоставление льгот от службы для казаков, состоящих на действительной службе, и освобождение казаков от учебных сборов; меры, необходимые

для исправного выхода казаков на службу; удаление из поселкового общества вредных и порочных лиц обоего пола и временное (до трех лет) лишение домохозяев права участвовать в сборах; отчуждение недвижимых и неподверженных скорой порче движимых имуществ в особо указанных случаях; назначение опекунов и попечителей и предварительная проверка их действий; увольнение из общества членов его и прием новых членов; хатайства о семейных разделах.

Состоявшимся поселковый сбор признавался при наличии $\frac{2}{3}$ всех выборовных, а в поселках со сбором из всех домохозяев — не менее половины. О дне каждого поселкового сбора и о повестке дня на нем вывешивались объявления при поселковых правлениях.

Подводя итог развитию системы войскового управления и самоуправления, необходимо отметить, что в XX век оренбургское казачество вступило с уже достаточно развитой и отлаженной административной системой. Эта система родилась не сразу, но прошла проверку временем во многих казачьих войсках, была видоизменена по сравнению с изначальными проектами и сохранилась вплоть до конца существования Российской империи как наиболее эффективная для казачества.

Вместе с тем система эта имела и свои недостатки, среди которых можно выделить недостаточный штат чиновников, необходимых для решения множества вопросов, деление войска на огромные по площади отделы с большим числом жителей, неспособность побороть коррупцию в войсковой администрации, недостаточное доверие казаков к представителям власти, несовершенство системы станичных и поселковых сборов.

Численность и этноконфессиональный состав населения Оренбургского казачьего войска

Как уже говорилось, Оренбургское казачье войско к началу XX в. являлось одним из крупнейших по численности населения казачьих войск Российской империи. Население войска неуклонно и стремительно росло, что, с одной стороны, укрепляло положение и авторитет казачества в регионе, но, с другой, влекло за собой тесноту и земельный голод, а следовательно, и обнищание казаков. Малоимущий казак на фоне возросших требований к уровню его подготовки и качеству строевого коня и снаряжения становился обузой и для общества, и для государства. Эта схема довольно упрощенно показывает механизм возникновения объективных противоречий и потенциального конфликта в казачьей среде по причине одних лишь демографических изменений. Кризисные явления усиливал и рост численности в войске иногороднего (неказачьего) населения.

В то же время внешне оренбургские казаки — «народ здоровый и крепкий; в обращении — довольно добродушный и приветливый, в сношениях с начальством — послушный и достаточно почтительный. Православное население отличается своей набожностью; в каждой избе, даже и у бедного колчина, имеются несколько образов, а у зажиточных казаков образами увешаны иногда целая стена в чистой комнате... Казаки, видимо, стараются развить любовь к военному делу у своих детей; в школах всех посещенных (инспекцией. — А. Г.) поселков для мальчиков заготовлено казачье обмундирование и шашки, которые они надевают при посещении церкви в праздничные дни, при приезде начальства и в некоторых других случаях; для встречи начальства от школы выставляется почетный караул и ординарцы, а в классах рапортуют дежурные школьники. Таким образом, подрастающее поколение приучается с малых лет смотреть на себя как на военных людей»⁴³.

К 1914 г. плотность населения на территории войска составляла 8,8 человека на квадратную версту⁴⁴. Для сравнения: в губерниях Европейской России, по данным 1913 г., средняя плотность населения составляла 30 человек на квадратную версту. В войсковых пределах находилось шесть городов: Оренбург (губернский), Орск, Верхнеуральск, Троицк, Челябинск (уездные), Илецкая Защита (заштатный⁴⁵). Однако эти города, несмотря на нахождение в некоторых из них войсковых административных зданий, не принадлежали войску.

Оренбург, являвшийся столицей войска, центром 1-го военного отдела и важнейшим узлом железных дорог, был также крупным промышленным центром, в котором работало свыше 100 фабрик и заводов, а население составляло 146 тысяч человек (по данным на 1912 г.)⁴⁶. К 1914 г. в войске было 58 станиц (25 в 1-м военном отделе, 17 во 2-м и 16 в 3-м). Некоторые станицы по числу жителей были крупнее многих городов того времени. Крупнейшими по численности населения были следующие станицы:

Т а б л и ц а 1

КРУПНЕЙШИЕ СТАНИЦЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
(на 1914 г.)⁴⁷

Станица	Число жителей
Челябинская	25 960
Ключевская	19 723
Верхнеуральская	19 716
Березинская	19 094

Станица	Число жителей
Миасская	18 886
Кундравинская	18 176
Уйская	17 950
Нижнеуvelьская	17 817
Оренбургская	17 302

Особенно высокими темпами росло население Челябинской станицы, очевидно, благодаря ее выгодному положению на железной дороге. В 1902 г. население станицы составляло 16 300 жителей, в течение 12 лет оно возросло почти на 10 000 человек. Всего в войске в 1914 г. имелось 1117 населенных мест: 58 станиц, 441 поселок, 65 выселков и 553 хутора. Численность населения войска увеличивалась следующими темпами:

Т а б л и ц а 2

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.⁴⁸

Год	Душ мужского пола	Душ женского пола	Душ обоего пола
1871	129 544	134 189	263 733
1879	150 050	157 210	307 260
1881	152 997	160 027	313 024
1890	164 079	167 237	329 316
1895	196 778	204 353	401 131
1897	—	—	421,7 тыс. чел.
1899	—	—	448,5 тыс. чел.
1901	—	—	473,2 тыс. чел.
1902	—	—	488,5 тыс. чел.
1906	—	—	530 852
1907	—	—	540 815
1908	275 399	281 044	556 443
1910	—	—	586 314

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Год	Душ мужского пола	Душ женского пола	Душ обоего пола
1912	303 182	308 418	611 600
1913	—	—	617 151
1914	—	—	617 362
1915	—	—	629 379
1916	—	—	636 199

Из этих данных следует, что за 40 лет все население войска возросло примерно в 2,3 раза. Несколько иной была динамика численности собственно казачьего населения:

Таблица 3

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.⁴⁹

Год	Душ мужского пола	Душ женского пола	Всего войскового сословия обоего пола
1871	124 978	130 047	255 025
1880	141 908	148 890	290 798
1881	144 234	151 055	295 289
1886	153 306	160 369	313 675
1890	—	—	329 316
1891 (до голода)	174 322	—	—
1893 (после голода)	170 362	—	—
1895	173 657	180 640	354 297
1896	178 230	—	—
1897	—	—	370,5 тыс. чел. ⁵⁰
1899	—	—	387,7 тыс. чел.
1900	195 068	—	—
1901	—	—	402 653
1902	203 060	207,7 тыс. чел.	410,8 тыс. чел.
1906	—	—	446 324

Год	Душ мужского поля	Душ женского поля	Всего войскового сословия обоего поля
1907	—	—	450 676
1908	229 461	234 351	463 812
1910	—	—	483 752
1912	—	—	500 670
1913	—	—	508 258
1914	—	—	517 220
1915	—	—	527 894

В 1895 г. началась новая кампания по переселению казаков на Дальний Восток (ранее правительство проводило подобные кампании в 1855—1862 и 1889 гг. при формировании Амурского и Уссурийского казачьих войск). Завершение строительства Транссиба явилось важным стимулом активизации процесса переселения. 3 июня 1894 г. Государственным советом было принято постановление «О заселении казаками пограничной полосы Приамурского края», положившее начало третьему переселению казаков⁵¹. В числе переселенцев были донцы, кубанцы, терцы, уральцы и оренбуржцы. Предполагалось, что переселение позволит казакам, пострадавшим от голода начала 1890-х годов, начать новую жизнь и получить на это государственные субсидии. Кроме того, переселение вело к некоторому сокращению обезземеливания казаков на территории своих войск. Предпочтение отдавалось переселению семейных казаков, поскольку семьи успешнее адаптировались к новым условиям, менее вероятным, чем у одиноких казаков, было и возвращение на прежние места. Предоставление ссуды семье в большей степени гарантировало возврат денег в связи с коллективной ответственностью всей семьи. В то же время власть препятствовала переселению одиночных казаков. Переселенцы на три года освобождались от земских повинностей и на год от станичных, на пять лет они освобождались от службы в первоочередных частях, но были обязаны проходить ежегодные лагерные сборы, получали ссуду в 600 рублей под 5—6% годовых (первые выплаты через пять лет) на обзаведение хозяйством, в том числе 50 рублей безвозвратно на покупку строевого коня, в течение года семьям казаков выдавалось провиантское довольствие. Первые оренбургские переселенцы отправились на Дальний Восток в начале 1895 г. Их торжественно проводили в войсковой столице⁵². При переезде морским путем от эпидемий умерло не менее 76 человек. В 1896 г. 50 семей оренбургских казаков из 1-го военного отдела, где особенно острым было ма-

и имение, переселились в Приамурский край⁵³, однако массового переселения вслед за этим не последовало. На Дальнем Востоке до сих пор существует основанный переселенцами поселок Оренбургский. В 1897 г. партию переселенцев сопровождал подъяесаул А.П. Тимашев. В общей сложности в 1895—1901 гг. на Дальний Восток (в Уссурийское казачье войско) отправлялись 306 семей оренбуржцев. Оренбургский Наказный атаман В.И. Ершов был даже избран почетным стариком Оренбургского поселка Уссурийского казачьего войска. Еще 30 семей уехало в 1902 г.⁵⁴ Часть переселенцев, столкнувшись с новыми условиями быта, захотела вернуться обратно. В итоге правительство так и не решилось сделать ставку на казачество в вопросе освоения Дальнего Востока. К тому же на реализацию столь амбициозного проекта требовались немалые средства, которых, как всегда, не было. В дальнейшем эти казаки разделили судьбу уссурийского казачества.

События Русско-японской войны и первой русской революции, когда произошла мобилизация всего войска, негативно сказались на росте численности казачества. В итоге в период 1904—1907 гг. прирост населения неуклонно падал с 5,3% в 1904 г. до 5% в 1906 г. Лишь в 1907 г., после демобилизации, этот показатель резко пошел вверх, составив 5,9%⁵⁵. В 1912 г. рождаемость войскового сословия составила 4,9% от общей, в 1913 и 1914 гг. — 5,2 и 5,3% соответственно⁵⁶. Убыль казачьего населения составляла 2,9% в 1904 и 1907 гг., 3,2 и 3,1% в 1905 и 1906 гг. соответственно.

Казачье население войска с 1871 по 1912 г. увеличилось только в два раза. В этой связи имеет смысл отдельно показать рост численности неказачьего — иногороднего населения.

Таблица 4

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ ИНОГОРОДНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА⁵⁷

Год	Душ обоего пола (тыс. чел.)	Процент от всего населения войска
1895	46,8	11,7
1897	51,2	12,1
1899	60,8	13,6
1901	70,6	14,9
1902	77,7	16
1906	84,5	15,9
1907	90,1	16,6

Год	Душ обоего пола (тыс. чел.)	Процент от всего населения войска
1908	92,6	16,6
1910	102,6	17,3
1912	110,9	18,1
1913	108,9	17,6
1914	100,1	16,2
1915	101,5	16,1

Как уже говорилось, с 1865 г. казаки получили право селиться на землях Оренбургского казачьего войска, приобретать здесь недвижимость, пользоваться общественным выгоном для выпаса своего скота без разрешения войскового начальства. За сравнительно небольшой период 1895—1912 гг. численность иногороднего населения на территории войска возросла на 137% (в 2,4 раза), тогда как казачьего лишь на 41,3%, то есть процент прироста последнего был примерно в 3,3 раза меньше. Наибольшее количество казаков проживало на территории 3-го военного отдела, этот район находился на пути из европейской части России в Сибирь. В перспективе, к началу XX в., впрочем еще довольно отдаленной, иногороднее население должно было сравняться с казачьим, а затем, возможно, даже вытеснить казаков с территории войска. Однако в рассматриваемый нами период общая численность неказачьего населения в войске была относительно невелика (в Донском казачьем войске в 1912 г. иногородние составляли 57,2% населения, в Кубанском в 1917 г. — 58%). Приводимые нами цифры опровергают применительно к Оренбургскому казачьему войску утверждение современного чешского исследователя С. Ауского о том, что иногородние к 1917 г. составляли якобы большинство населения во всех казачьих войсках⁵⁸.

Между тем процент неказачьего населения значительно различался по станицам. Например, в станице Оренбургской его численность достигала 51%, а в станице Степной лишь 3%. В поселках наблюдалась та же картина: в поселке Кочкарском станицы Кособродской 69% иногородних, в поселках Павловском станицы Павловской и Гирьяльском станицы Гирьяльской только 2% иногородних. Наибольшее количество иногородних проживало в 3-м (Троицком) военном отделе.

В этническом и конфессиональном отношении население Оренбургского казачьего войска, даже казачье, не было единым. И в этом факторе в начале XX в. также можно усмотреть зачатки будущих, более острых противоречий.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА К НАЧАЛУ XX в.⁵⁹

Национальность	Численность (тыс. душ)	Процент от всего казачьего населения войска
Русские	359,9	87,6
Татары	27,3	6,6
Нагайбаки (крещенные татары)	11,9	2,9
Мордва	7,4	1,8
Вышкиры	3,2	0,8
Калмыки	1,1	0,3
Итого	410,8	100

Несмотря на полиэтнический состав казачества (что было связано с особенностями государственной политики по привлечению всего местного населения, без различия национальности и вероисповедания, для охраны границы), доминирующим в нем все же было русское население, остальные этносы, за исключением татар и нагайбаков, были крайне малочисленны. Нельзя не отметить, что дух и традиции казачества глубоко проникли во внутреннюю жизнь нагайбаков, резко отличая их от представителей других национальных меньшинств⁶⁰. По губернии русские составляли 73,2% населения — даже больше, чем в Симбирской (68,2%) и Саратовской (68,9%) губерниях⁶¹.

При этом встречались целые поселки, заселенные исключительно представителями того или иного из национальных меньшинств. К таким населенным пунктам в начале XX в. относились поселок Ахуновский Карагайской станицы и поселок Никольский Ильинской станицы, почти целиком заселенные только татарским населением.

Татары старались держаться обособленно от русских, и, судя по всему, национальная принадлежность для них была более значимой, чем сословная. Татары крайне неохотно носили казачью форму, пытались по возможности надевать халат и тубетейку. В то же время татары были менее зажиточны по сравнению с русскими. В значительно большей степени к русским тяготели нагайбаки, которые от них практически не отличались. Одним из немногих отличий было то, что эта этническая группа не соблюдала установленных церковных постов.

Более однородным был конфессиональный состав казачества.

Таблица 6

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА⁶²**

Вероисповедание	Численность (тыс. душ)	Процент от всего казачьего населения войска
Православное	361,4	88
Старообрядческое ⁶³	18,9	4,6
Мусульманское	30,5	7,4
Итого	410,8	100

Эта среднестатистическая конфессиональная однородность отнюдь не означала полного доминирования православной веры во всех населенных пунктах войска. К примеру, 94,5% жителей станицы Сакмарской придерживались старообрядчества, 20–30% старообрядцев было в станицах Коельской, Челябинской и Рассыпной. 45% жителей Ильинской станицы, 43,5% жителей Татищевской станицы, 37% жителей Пречистенской станицы были мусульманами. Православными были русские, нагайбаки, мордва и калмыки, магометанами (мусульманами) — татары и башкиры. Однако, по некоторым данным, многие нагайбаки со временем возвращались в мусульманскую веру⁶⁴. Казаки, несмотря на поликонфессиональный состав войска, отличались веротерпимостью. В церковно-административном отношении православное население войска входило в состав Оренбургской епархии, подчиненной епископу Оренбургскому и Тургайскому. К 1915 г. на территории войска имелось 276 церквей и 175 часовен⁶⁵. По результатам исследований последнего времени, обеспеченность оренбургских казаков церквями была выше, чем в целом по епархии⁶⁶. В то же время казаки, привыкнув жить по приказу, ожидали того же и в отношении религиозной жизни, появляясь в храме лишь по праздникам⁶⁷, в повседневной жизни казаков были сильны языческие элементы — суеверия, представления о домовых и нечистой силе, использование магии и колдовства, иногда эти элементы сочетались с христианскими обрядами — в частности, известны случаи преднамеренного заказа панихиды по живому человеку⁶⁸, очевидно, с целью добиться его смерти. Языческие верования были особенно сильны у казаков из иноверцев.

Старообрядчество и сектантство находились в состоянии упадка, дробясь на многочисленные мелкие секты, которых было около тридцати (прежде всего, хлысты, бегуны, скопцы, штундисты, члены австрийского согласия, бегапоповцы-перемазанцы, беловоды, федосеевцы, филиппов-

ним, поморцы, никудышники, нетовцы, духоборцы, молокане-субботники, молокане-воскресники, баптисты, немоляки, толстовцы, жидовствующие). Наиболее активной и опасной была секта хлыстов, известная своими оргиями и развращавшая население. Православная церковь совместно с властью активно боролась с проявлениями раскола. В частности, массовым тиражом была издана брошюра православного миссионера Н. Гринякина «Кто из хлыста, тот против Христа». Наибольший процент старообрядцев на территории Оренбургского казачьего войска приходился на 3-й военный округ⁶⁹. Показательно и то, что отдельные оренбургские казаки-старообрядцы пытались не без успеха пропагандировать раскол в других регионах. В частности, удалось обнаружить дело об уряднике станицы Магнитной А.В. Баранове, распространявшем в 1876—1881 гг. раскол в селе Тереньга Стерлитаевского уезда Симбирской губернии. Как отмечалось, особенно сильно Баранов влиял на женское население. Казак выдавал себя за святого, организовал секту, но впоследствии был изгнан и даже побит камнями⁷⁰.

Существовали и прямо противоположные примеры: оренбургский казачий офицер полковник П.И. Плеханков (Паиханков) (05.07.1845—01.04.1913), служивший в Войсковом штабе и в штабе Казанского военного округа, в 1891 г. был принят в число послушников Оптиной пустыни, а позднее стал игуменом и одним из почитаемых оптинских старцев под именем Варсонофия. Летом 1906 г. он был прославлен Русской православной церковью в лике местночтимых святых как преподобный старец.

Нельзя не отметить наличие в войске и некоторых не учтенных официальной статистикой конфессий. Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости привел к оттоку от православия так называемых двоеверцев. В частности, 511 из 978 калмыков, считавшихся крещеными, по данным на середину 1917 г., продолжали тайно или явно исповедовать буддизм⁷¹.

Религия играла важную роль в жизни оренбургского казачества, жившего во многом традиционным укладом, а демографическое и этноконфессиональное состояние Оренбургского казачьего войска начала XX в. можно охарактеризовать как достаточно благоприятное и для развития самого казачества, и для государственной власти России. Процент представителей национальных и религиозных меньшинств, а также иногороднего населения был в целом незначителен. Отношение русских казаков к представителям других национальностей (в том числе казакам нерусского происхождения) в основном отличалось терпимостью⁷². В войске преобладало православное русское население, но с течением времени положение казачества постепенно ухудшалось, что было связано с более высокими темпами прироста иногородних по сравнению с казаками. Приведенный

цифровой материал позволяет сделать вывод о том, что демографическая и этноконфессиональная ситуация в Оренбургском казачьем войске начала XX в. не может быть отнесена к числу основных причин кризиса казачьего населения.

Экономическое положение, хозяйство и быт оренбургского казачества

В конце XIX — начале XX в. Оренбургское казачье войско занимало обширную территорию, прилегавшую к южной части Уральских гор, общей площадью 7 448 304,8 десятины, или 71 503,7 квадратных версты⁷³. Географический фактор оказывал особое влияние на хозяйственную жизнь населения войска, занятого, в основном, сельским хозяйством.

Северо-восточная часть войска находилась на водоразделе рек Европы и Азии и имела в своем распоряжении каменистые почвы с небольшим слоем чернозема, на востоке войсковой территории преобладал чернозем, слой которого в некоторых местах доходил до 1 аршина (71,1 сантиметра), в южной части почвы также были черноземными, но со значительной примесью суглинка и глины. Вся площадь войска делилась на три хозяйственных и географических зоны: лесную, лесостепную и степную. Климат здесь континентальный — суровый и сухой, лето очень жаркое.

Одной из основных проблем, препятствовавших экономическому росту войска в начале XX в., было слабое развитие путей сообщения. Зимой многие районы войска были труднодоступны из-за глубокого снега, сильных продолжительных буранов⁷⁴, а весной — из-за разлива рек и порчи дорог. Основной водной артерией был Урал с притоками Сакмарой, Илеком. Река Урал протекала по территории войска на протяжении 700 верст, снабжая водой более 50 казачьих населенных пунктов. Урал и его левый приток Илек связывали Оренбургское казачье войско с Уральским. Следует учитывать, что река пригодна для судоходства лишь от Илецкого городка, то есть только в западной части войска, но из-за наличия так называемого «учуга», или деревянной изгороди на реке, в пределах Уральского казачьего войска пароходное сообщение делалось невозможным. На Урале существовал один постоянный мост у Оренбурга⁷⁵, а также несколько паромных переправ⁷⁶. Главнейшими источниками водоснабжения северо-восточной части войска являлись реки Тобол, Уй и Миасс.

По территории войска проходило также несколько железнодорожных магистралей: Ташкентская железная дорога (строительство завершено в 1905 г.), железная дорога Самара—Оренбург (построена в 1877 г.), Самаро-Златоустовская железная дорога и Транссибирская магистраль. Ташкент-

и ким дорога была единственной, соединявшей центр Европейской России с Туркестаном. Ее значение было огромным не только для Оренбургского казачьего войска, которое она связала с центром страны, но и для всей России.

Экономическое положение оренбургского казачества в начале XX в. было непростым. Сокращались размеры душевого надела, падали доходы от земледелия, росли цены на покупку необходимого казакам для несения службы снаряжения и, что особенно важно, строевых лошадей. Только за период 1875—1900 гг. стоимость строевой казачьей лошади в Оренбургском казачьем войске возросла с 30—40 до 70—130 рублей⁷⁷. По тем временам это была довольно крупная сумма денег, при этом казаками приобреталось 77% лошадей (данные за 1901 г.). В два-три и более раз возросли стоимость и других предметов казачьего снаряжения.

Таблица 7

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ЦЕН НА НЕКОТОРЫЕ ПРЕДМЕТЫ КАЗАЧЬЕГО СНАРЯЖЕНИЯ В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ В 1865—1900 гг.⁷⁸

Наименование	Средняя цена		
	до 1865 г.	до 1875 г.	в 1900 г.
Шинель парадная	3 руб. 50 коп.	5 руб. 50 коп.	7 руб. 99 коп.
Фуражка с двумя чехлами	40 коп.	1 руб. 35 коп.	1 руб. 80 коп.
Сапоги (2 пары)	3 руб.	2 руб.	9 руб.
Полушубок	3 руб.	3 руб.	6 руб.
Белье (3 пары)	1 руб. 80 коп.	2 руб. 60 коп.	5 руб. 20 коп.
Кушак голубой ⁷⁹	10 коп.	15 коп.	30 коп.
Чемодан	2 руб. 50 коп.	2 руб. 50 коп.	5 руб.
Шашка	1 руб. 50 коп.	1 руб.	6 руб. 93 коп.
Пика	40 коп.	50 коп.	1 руб.
Седло с прибором и переметными сумами	10 руб. (без сум)	23 руб. 30 коп. (без сум)	27 руб. 5 коп.

Затраты на полное снаряжение оренбургского казака на военную службу до 1865 г. составляли 71 рубль 9 копеек, до 1875 г. — 109 рублей 55 копеек, и в 1900 г. — уже 204 рубля 2 копейки. Менее чем за полвека они возросли примерно в 2,9 раза. Основными статьями расхода (свыше 64% от общей суммы) являлись (по мере убывания): покупка лошади, седла и мундира.

⁷⁸ А.В. Ганин «Накануне катастрофы»

Для большинства казаков такие затраты за один год были непосильны, поэтому уже с 90-х годов XIX в. в казачьих войсках стали создаваться специальные обмундировочные капиталы с целью постепенного накопления средств на покупку необходимого снаряжения. При этой системе казак ежегодно вносил в сберегательную кассу на свое имя определенную сумму денег⁸⁰, и к моменту выхода на службу у него уже накапливался необходимый для приобретения снаряжения капитал. В 1901 г. из 1842 казаков, направленных в части, 78% (1436 человек) снарядилось за свой счет и 22% (406 человек) были вынуждены воспользоваться ссудой из общественных сумм⁸¹. С 1903 г. казакам для выхода на службу стало выплачиваться сторублевое пособие. В 1904 г. была установлена выплата 50 рублей казакам, выходящим конными в первоочередные части⁸², причем эта сумма выдавалась в счет разрешенного войску казенного пособия на возмещение потерь войсковых доходов от казенной винной монополии. Другие казачьи войска получали в это время пособие в два раза большего размера (100 рублей)⁸³. В действительности этого пособия было совершенно недостаточно. По мнению командира 1-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-майора А.С. Мелянина, нужно было выдавать по 100 рублей, но при этом требовать от казаков лошадей от 2 аршин (т. е. высотой в холке⁸⁴ 144,4 сантиметра)⁸⁵. Любопытно, что требование повышения качества лошади обычно сводилось как раз к увеличению ее роста, хотя это далеко не единственный показатель. В том же году временно, сроком на 10 лет, была установлена премия казакам за хорошее качество их строевых лошадей при выходе на службу. Лишь в годы Первой мировой войны снаряжение казаков за свой счет было официально признано непосильным⁸⁶.

Голод 1891—1892 гг., охвативший многие регионы России, особенно негативно сказался на экономическом положении оренбургского казачества. Положение войскового населения в 1892 г. усугубила эпидемия холеры. Тогда в войске была возобновлена общественная запашка земли (4—8 тысяч десятин ежегодно)⁸⁷, а государство было вынуждено начать оказывать казакам материальную помощь. В Оренбургском войске нуждающимися в 1891 г. были признаны 255 тысяч казаков из 350 тысяч⁸⁸. Войску в 1891—1892 гг. была выделена ссуда в размере 3 300 000 рублей (по другим данным — 5 830 000 рублей займов и 820 000 рублей из войскового капитала)⁸⁹, причем в качестве льготы деньги можно было возвращать хлебом до 1893 г. (внесено 928 165 пудов хлеба)⁹⁰ или деньгами беспроцентно до 1896 г., в последующие 10 лет выплаты производились из расчета в 4% годовых. За период 1885—1892 гг. задолженность оренбургских казаков по всем видам сборов возросла в 9,5 раза, составив 5 306 945 рублей⁹¹. 14 ноября 1894 г. Высочайшим повелением с населения была снята половина недоимок по хлебным ссудам 1891—1892 гг.⁹²

Активным сторонником государственной помощи казакам в покупке лошади являлся видный казачий писатель П.Н. Краснов⁹³.

К началу XX в. все больше усиливались противоречия между военной службой казака и его хозяйственной деятельностью. Одним из показателей этого явления стало растущее недовольство казаков вызовами на лагерные сборы льготных частей. Второочередные казаки собирались на сборы ежегодно в течение четырех лет, третьоочередные — один раз в четыре года, причем на третьем году службы, что особенно тяготило казаков. Для облегчения тяжести воинской повинности по Высочайше утвержденному 29 марта 1901 г. Положению Военного совета временно, сроком на пять лет, казаки второй (кроме старшего возраста) и третьей очередей были вообще освобождены от сборов⁹⁴. Лагерные сборы были даже официально признаны одним из факторов, подрывающих экономическое благосостояние казаков. С экономической точки зрения на повестку дня встал вопрос если не полного упразднения, то, по крайней мере, сокращения сборов.

В связи с летними сборами, проходившими часто во время полевых работ, казак терял три-четыре недели рабочего времени и нес значительные убытки. При подготовке и в ходе сборов казаку приходилось запасать продовольствие для лошадей и для себя на всю дорогу до места сборов, кормить лошадей сухим фуражом, а во время сборов еще и приплачивать за питание из своих средств из-за нехватки провиантских и приварочных денег⁹⁵.

Значительны были и расходы самого войска на проведение сборов. Ведь однодневная дача фуража для лошади составляла 3 гарнца (9,8 килограмма) овса и 15 фунтов (6,2 килограмма) сена и обходилась в сумму от 15 до 30 копеек. Сборы длились около 30 дней, и затраты на конское довольствие по войскам были довольно велики (см. таблицу 8). Ситуация облегчалась лишь наличием в районах проведения сборов подножного корма для лошадей.

Т а б л и ц а 8

ЗАТРАТЫ НА КОНСКОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ КАЗАКОВ ВТОРОЙ ОЧЕРЕДИ ВО ВРЕМЯ ЛАГЕРНЫХ СБОРОВ (ПО ВОЙСКАМ)⁹⁶

Войско	Затраты на конское довольствие (руб.)
Донское	27 000—54 000
Кубанское	13 500—27 000
Уральское	10 000—22 500
Оренбургское	6750—13 500

Войско	Затраты на конское довольствие (руб.)
Терское	4500—9000
Сибирское	3375—6750
Семиреченское	742—1450

В случае крайней бедности, по Положению об общественном управлении станиц казачьих войск 1891 г., станица должна была по круговой поруке снаряжать неимущего казака на службу. Устав о воинской повинности казаков предусматривал три случая освобождения казака от несения воинской службы по имущественному положению: 1) в случае пожара, в результате которого у семьи казака не осталось жилого помещения, если со времени пожара прошло не более двух лет; 2) в случае пожара посевов, необходимых для пропитания семьи казака и для нового посева, если со времени пожара прошло не более года; 3) казакам из семей, оказавшихся в крайней бедности по не зависящим от них причинам.

По мнению М. Григорьева, постоянного автора статей о казачестве в журнале «Военный сборник», «если в семье более одного работника, то редко бедность ее будет происходить по не зависящим от нее причинам; причины же, могущие разорить семью, независимо от нее самой, вроде пожара, приведены в других статьях»⁹⁷. Подобной точки зрения придерживался и Ф.М. Стариков, по мнению которого «степень зажиточности зависит главным образом от степени трудолюбия взрослых членов казачьих семей, частью же от климатических и почвенных условий»⁹⁸. Таким образом, расслоение казачества было очевидным. Особое внимание этому вопросу было уделено в советской историографии, но вопрос до сих пор остается открытым из-за значительной неопределенности подходов и критериев и отсутствия соответствующих источников.

В отношении казачьего землепользования Л.А. Селивановская писала: «Экономической основой существования казачества являлось средневековое пользование землей за службу, землей, отнятой у башкир и казахов»⁹⁹. Действительно, 90% казаков занималось земледелием, но, что касается незаконного якобы захвата земель, достаточно отметить, что создание на Южном Урале казачьего войска отвечало государственным задачам России XVIII—XIX вв., а права казачества на эти земли были утверждены верховной государственной властью, в том числе и с учетом интересов национальных меньшинств региона. Более того, для удовлетворения потребностей кочевников в земельных угодьях в 1898 г. им был выделен почти 1 миллион десятин (!) войсковой территории в Новолинейном районе (к востоку от городов Орск, Верхнеуральск, Троицк). Этот спорный вопрос возник еще в

1840-х годах и связан был с тем, что казахи свободно кочевали по территории Оренбургского войска. Высочайшим повелением 23 мая 1878 г. они были обязаны освободить территорию войска от своих разбросанных кочевий и стойбищ и переселиться на территорию, смежную с Тургайской областью. Из-за поземельных споров между оренбургской губернской и тургайской областной администрацией вопрос затянулся, Военное министерство втянулось в конфликт с МВД, и лишь 29 мая 1898 г. был Высочайше утвержден компромиссный вариант с включением в отвод девяти казачьих поселков¹⁰⁰. Земельный отвод был включен в состав Тургайской области. Однако многие территории, которые должны были принадлежать казакам в качестве дополнительных наделов, вплоть до начала XX в. оставались заселены кияхами, подлежащими переселению на уже упомянутый «миллионный отвод»¹⁰¹.

Земли, отведенные станицам, находились в общинном владении, часть станичного юрта¹⁰² выделялась для общественных надобностей (участки для сдачи в аренду, выгон и т. д.), а остальная земля распределялась на равноценные участки, называемые паями.

Средняя величина юрта оренбургских станиц составляла 120 тысяч десятин земли (на Дону — лишь 76 тысяч десятин). Наибольшие размеры юрта имели станицы: Варшавская (244 871 десятина земли, в том числе 225 883 удобной), Еткульская (171 359 десятин земли, в том числе 157 170 удобной) и Уйская (165 042 десятины земли, в том числе 159 060 удобной). Наименьшим был юрт станицы Рассыпной — всего 56 тысяч десятин земли.

Деление на пай осуществлялся станичный сбор, а затем нарезанные пай распределялись по жребию. Величина земельного надела, который получал каждый казак по достижении 17 лет, составляла по закону от 9 сентября 1867 г. 30 десятин удобной земли¹⁰³, причем в эту площадь входило не менее 6 десятин лугов, с заменой, в случае недостатка луговой земли, 1 десятины лугов на 2 десятины пахотной земли¹⁰⁴. Также на половину земельного пая мужа имели право вдовы с сыновьями до 17 лет и незамужними дочерьми, пока те не выйдут замуж. В 1912 г. на одну душу мужского пола войскового сословия в Оренбургском казачьем войске приходилось в среднем 23,5 десятины удобной, 2,3 десятины леса и 2,5 десятины неудобной земли, итого 28,4 десятины земли¹⁰⁵. Перспектива резкого сокращения размеров земельного пая в связи с естественным приростом казачьего населения была законодательно предусмотрена еще в 60-х годах XIX в. — по Высочайше утвержденному 21 апреля 1869 г. Положению о поземельном устройстве в казачьих войсках, при сокращении наделов до 20 десятин они должны быть приведены в нормальное положение путем присоединения к станичному юрту смежных запасных войсковых земель или путем образования новых станичных юртов¹⁰⁶.

На практике лишь две станицы 1-го отдела имели к началу XX в. полный надел, остальные нуждались в прирезке участков из свободных войсковых земель. Эта прирезка была уже обмежевана в Новолинейном районе, но до 1902 г. оттуда еще не выселились в свой «миллионный отвод» казахи. Казаки некоторых станиц особенно сильно нуждались в дополнительных наделах. Так, к 1900 г. в станицах Нижнеозерной, Воздвиженской, Татищевской и Гирьяльской на душу мужского пола приходилось от 11 до 14 десятин земли¹⁰⁷. И размеры эти неуклонно сокращались. По предварительным расчетам, к 1934 г. казаки должны были столкнуться с проблемой малоземелья¹⁰⁸.

По другим данным, реальная величина пая во всем войске к началу XX в. была значительно ниже установленной нормы. В 1-м военном отделе она составляла от 1 до 8 десятин, во 2-м — от 4 до 10 десятин и в 3-м от 10 до 21 десятины¹⁰⁹. Нельзя не отметить, что, как правило, казачье хозяйство включало несколько паев, полагавшихся каждому казаку мужского пола. По статистике 1905 г., из 73 690 казачьих дворов Оренбургского казачьего войска 50 156 (68%) имели по 50—100 десятин на двор, 5166 (7%) — 100—200 десятин и 858 (1,2%) — 200—300 десятин на двор¹¹⁰.

Положение осложнялось в связи с наплывом иногородних, что вынуждало самих казаков арендовать землю, а также влекло за собой рост арендной платы¹¹¹. Постепенно складывалась парадоксальная ситуация, когда казаки продолжали служить, как и раньше, несли те же тяготы, но взамен не получали гарантированных им государством земельных наделов. Нарушался основополагающий принцип казачьей службы за землю, и в этих условиях казаки могли также начать отказываться от своих обязательств. Особенную напряженность земельный вопрос имел в 1-м военном отделе, причем для решения этой проблемы правительство стало организовывать внутривойсковые переселения из 1-го отдела, а также внутри 2-го и 3-го отделов, однако переселения шли медленно — с конца 1890-х годов по 1905 г. переселилось лишь 4766 казаков из назначенных к переселению 9470¹¹².

Причину необычайной остроты земельного вопроса современники видели не только в демографическом росте, но и в неправильном размежевании офицерских наделов, которые должны были отводиться лишь в тех районах, где казаки были вполне обеспечены землей, однако в действительности это правило не соблюдалось¹¹³. К началу XX в. годовой валовой доход с десятины земли составлял 15 рублей. Реальный доход был намного меньше. Например, в поселке Кулевчинском станицы Николаевской он в 1900—1910 гг. составлял 8 рублей 52 копейки с десятины¹¹⁴. Даже в сравнительно благоприятных условиях конца XIX в. земледелие давало казаку в среднем около 5 рублей 90 копеек годового дохода на душу, что едва позволяло реа-

инимать насущные потребности¹¹⁵. В другой ситуации, при частых неурожаях, казак мог просто не окупить своих затрат на посев. В то же время паи могли сдаваться казаками в аренду на срок до одного года. Занятие сельским хозяйством не было выгодным для оренбургских казаков в первую очередь из-за его экстенсивного характера. Средняя урожайность хлебов в казачьем хозяйстве в 1900—1914 гг. составляла сам-4 — сам-8¹¹⁶. В 1908 г. урожайность у казаков составила сам-4, у неказаков — сам-4,4, в предшествующее десятилетие — сам-3,8 и сам-4,1 соответственно¹¹⁷. По бахчеводству и огородничеству разрыв был сильнее — сам-2,4 и сам-4,9¹¹⁸. Однако в другие годы показатели колебались, и объяснить такое соотношение только бесхозяйственностью казаков было бы неоправданно.

Ведение сельского хозяйства осложнялось частыми засухами и порчей хлеба насекомыми. Можно сказать, что казак, занимавшийся сельским хозяйством, постоянно рисковал разориться. «Казак — вечный труженик. Летом, от зари до зари, он на работе, дорожа не только днем, но и каждым часом. Да и нельзя иначе, потому что с потерей дня в жаркую рабочую пору нередко теряет он столько, сколько не приобретет потом в целый месяц. По удаленности пахотных полей от станиц и поселков, казак со всею семьею выезжает в поле и по несколько дней не бывает дома, перенося и жар, и дождь, и всякую непогоду...»¹¹⁹ Несмотря на это, должность войскового агронома в Оренбургском казачьем войске была введена лишь в 1902 г., тогда же появилась и должность войскового горного инженера, в 1898 г. учрежден войсковой сельскохозяйственный оборотный капитал, в 1915 г. была учреждена должность старшего специалиста по животноводству и сформировано агрономическое отделение Войскового хозяйственного правления. В период 1898—1914 гг. Войсковое хозяйственное правление закупило сельскохозяйственных орудий и машин на сумму в 1 миллион рублей.

В 1892 г. в войске была введена переложная система землепользования. Широкое распространение на территории войска получило трехполье (посев — сенокос — пастбище), каждые три—шесть лет производилось чередование полей. Во 2-м и 3-м отделах из-за особых климатических условий земля на поля не делилась, а ежегодно казаки распахивали не более $\frac{1}{3}$ своей земли. Таким образом, фактически казак мог использовать не более трех—девяти десятин земли на душу. Можно отметить, что хозяйственная деятельность казаков отличалась довольно низкой восприимчивостью к нововведениям, в частности, практически не использовались сельскохозяйственные машины и удобрения. Для повышения эффективности казачьих хозяйств с 1 января 1898 г. по 1 июля 1902 г. войском было закуплено 3886 сенокосилок, конных граблей и других машин на сумму 308 545 рублей. Количество сельскохозяйственных машин в казачьих хозяйствах в дальнейшем постоянно возрастало.

Свидетельства более позднего времени указывают на рост благосостояния казаков. Например, Д. Басов писал в 1907 г.: «Следуя Оренбургским казачьим войском, я наблюдал, что оно живет хорошо и богато, далеко зажиточнее сибирских казаков. Масса скота; у всех сельскохозяйственные машины и орудия, во всей домашней обстановке видно широкое довольство. В хороших избах-домах та же симпатичная черта сибиряков — педантичная чистота и опрятность, чего нет и у здешних переселенцев. Станицы и поселки громадны: везде храмы, школы и больницы»¹²⁰. Думаю, что автор этой характеристики несколько преувеличил уровень развития войсковой инфраструктуры. Тем не менее из этого можно сделать вывод, что, хотя снаряжение на военную службу и становилось все более обременительным для оренбургских казаков, это еще не означало обнищания войскового сословия.

Основными зерновыми культурами в войске были пшеница-кубанка, овес, реже просо и рожь (1-й военный отдел); пшеница-сибирка, овес, рожь и ячмень (2-й и 3-й военные отделы). Сами казаки питались исключительно пшеничным хлебом, считая, что ржаной не достоин казака¹²¹. Для домашних нужд казаки выращивали также подсолнечник. Земледелие было особенно широко развито в 3-м военном отделе, где земли были наиболее плодородными, а близость Самаро-Златоустовской железной дороги позволяла быстро реализовывать сельскохозяйственную продукцию. К началу XX в. в Оренбургском казачьем войске было 33,4% малосеющих хозяйств, 43,8% среднесеющих и 22,8% многосеющих¹²². Этот показатель считался одним из основных при анализе экономической дифференциации хозяйств Оренбургской губернии, входившей в зону товарного зернового производства¹²³. Но такая оценка, на наш взгляд, не вполне верна, скажем, в случае аренды земли. Между тем более 60% земельных участков в Оренбургском казачьем войске как раз сдавалось в аренду¹²⁴. Таким образом, относительно крупные земельные владения, сдаваемые в аренду, могут оказаться в категории малосеющих, поскольку сами землевладельцы действительно ничего не сеют. Однако такая их группировка не всегда означает, что эти хозяйства являются бедняцкими. Следовательно, необходима комплексная оценка благосостояния казачьих хозяйств по числу душ, размеру участка, количеству скота, сельскохозяйственной техники, размеру посевов и размеру земли, сдаваемой в аренду. Очевидно, что подобный анализ очень сложен из-за отсутствия соответствующей источниковой базы и невозможности дифференцировать казачьи и неказачьи хозяйства.

При этом нельзя согласиться с выводами М.Д. Машина, по мнению которого в станицах образовалось два типа жителей: станичная буржуазия и станичный сельскохозяйственный пролетариат. К такому выводу автор пришел в результате объединения выделенных им по данным подворных

карточек Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. 52% бедняков и 26% середняков в значительную группу «трудовых казаков» (78%), которая противостояла 22% «богатеев»¹²⁵. С таким же успехом в противовес станичной бедноте можно объединить в единую большую группу середняков и зажиточных казаков (получится 48%). По данным А.И. Футорянского, основанным на небольшой выборке по отдельным местностям 1-го и 3-го военных отделов, 32% хозяйств являлись кулацкими, около 47% середняцкими и около 20% бедняцкими¹²⁶. Что касается цифр, то, как уже говорилось, на сегодняшний день нет точных статистических данных о благосостоянии казачьих хозяйств.

Серьезной проблемой для войска являлось офицерское землевладение, вызывавшее недовольство казачьей массы. По Высочайше утвержденному Положению от 18 января 1875 г., генералы, штаб-офицеры и классные чиновники Оренбургского казачьего войска, произведенные в офицерские чины до этого Положения, взамен пенсий наделялись наследуемыми земельными участками на свободных войсковых землях. Произведенным на службе генералам полагалось выделять участки в размере 3000 десятин, штаб-офицерам — 800 десятин и обер-офицерам — 400 десятин¹²⁷. Награжденным чином при отставке выделялись участки меньшего размера: генералам — 1600 десятин, войсковым старшинам — 600 десятин и хорунжим — 200 десятин¹²⁸. В 1889 г. оренбургское войсковое начальство ходатайствовало об отводе дополнительных земельных наделов (как в Сибирском казачьем войске) или назначении пенсий (как на Дону)¹²⁹. Земельные наделы не обеспечивали жизненных потребностей отставных офицеров, предоставляя им значительно меньшие выгоды по сравнению с пенсией. Многие офицеры, получившие участки земли в отдаленных районах, только выплачивали в войсковой капитал пошлыны, сборы на мировые судебные установления, земские повинности, подесятинные пошлыны, жалованье сторожам, охранявшим участки от порубки леса и самовольных распахов. Лишь некоторым удавалось сдать свои участки в аренду, причем по средним ценам. Штаб-офицерский участок арендовали за 400—500 рублей в год, обер-офицерский — за 200—250 рублей. Арендная плата зависела от урожая, если год был неурожайным, то арендатор мог и не заплатить. Участки многих офицеров находились за тысячи верст от мест их проживания. Вследствие отсутствия путей сообщения и малонаселенности края, земля эта не была особенно ценной. В частности, генерал-майор за выслугу 35 лет получал 860 рублей в год. При урожае с десятины в 75—100 пудов и стоимости пуда пшеницы в 60—70 копеек, десятина давала не более 8,5 рубля дохода, с учетом стоимости обработки 69 десятин в 3105 рублей, доход с такого надела составлял 506 рублей, что было значительно меньше пенсии и добавок требовало значительных трудозатрат на организацию об-

работки участка. Как правило, военные пенсионеры этим не занимались. Реальным доходом для отставных офицеров могла быть только эмеритальная пенсия. Но на выплату пенсий у властей не хватало денег. Таким образом, при любом подходе наделение участками было крайне невыгодно в первую очередь самим офицерам. Именно поэтому к середине 1890-х годов до 200 участков уже было продано, причем по низким ценам (по 7—8 рублей за десятину, тогда как Крестьянский поземельный банк продавал ту же землю по 10—12 рублей за десятину, иногда участки уходили и вовсе за бесценок — по 4—5 рублей за десятину)¹³⁰. Те же процессы происходили и в других казачьих войсках¹³¹. Тем не менее примерно половина участков к началу XX в. все еще оставались в офицерской потомственной собственности, что на фоне постепенного обезземеливания казаков воспринималось ими негативно. В 1912 г. офицеры и чиновники войска владели 506 372 десятинами земли из 7,5 миллиона десятин, принадлежавших войску. По сравнению с 1901 г. этот показатель возрос на 106 372 десятины¹³².

Важной статьей дохода казаков было скотоводство. В Оренбургском казачьем войске разводили главным образом лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней. Благодаря обилию земельных угодий до 1870-х годов особенно широко было развито скотоводство. Позднее из-за отсутствия ветеринарного надзора, систематических недородов и особенно голода 1891—1892 гг. поголовье скота значительно сократилось. В тот трагический для войска период население, чтобы выжить, было вынуждено закладывать свои личные вещи, для того чтобы хоть как-то прокормить скот, казакам приходилось снимать с крыш гнилую солому, раскапывать снег в поисках прошлогодней травы и т. п. Цена на лошадь тогда упала до небывалых размеров — 1—3 рубля. Коневодству в Оренбургском казачьем войске был нанесен непоправимый ущерб. Между тем конь, особенно строевой, для казака имел совершенно особое значение. Ведь от качества лошади порой зависела жизнь всадника. Казачья лошадь в Оренбургском войске представляла смесь башкирской и киргизской пород, отличалась выносливостью и неприхотливостью, но голод оказал на нее неблагоприятное воздействие, и она стала ниже ростом. Между тем к казачьей строевой лошади предъявлялись все более жесткие требования, в том числе и в отношении роста. Из-за этого за хорошими лошадьми приходилось ездить за несколько сот верст в глубь Башкирии. Большим злом являлось конокрадство, которое ни хозяевам, ни властям искоренить не удалось. Так, в 1907 г. на территории войска украдено было 1832 лошади¹³³, в 1908 г. — 1792 лошади¹³⁴. В основном конокрадством промышляли соседствовавшие с оренбуржцами кочевники (башкиры и казахи). Причем сами жители иногда нанимали в качестве пастухов известных конокрадов, чтобы те за

значительную переплату не воровали лошадей¹³⁵. Часто о случаях коннобродства жители не заявляли из страха перед возможной мстью.

Чтобы как-то исправить создавшуюся в коневодстве кризисную ситуацию, в начале 1890-х годов в станицах стали создаваться скаучные пункты с жеребцами государственного конезаводства, а также специальные конноналоговые табуны. Право создания таких табунов получил Наказный атаман. Первые табуны появились в станицах Оренбургской, Сакмарской, Ильинской и Новоорской в 1896 г. К 1899 г. имелось уже 27 табунов, в которых состояло примерно 2500 голов маток. При станицах были учреждены особые табунные капиталы. В том же году для поощрения и дальнейшего развития верхового коневодства в войске были учреждены выставки лошадей и скачки. На призы выделялись средства из войскового капитала (по 400 рублей на отдел — 200 рублей на скачки и 200 рублей на выставки и сверх того 300 рублей на ремонт скаковых кругов и выставочных мест). Благодаря принятым мерам состояние конезаводства удалось значительно улучшить. В 1900 г. численность лошадей в войске составила 209 768 голов против 134 229 голов в 1893 г.¹³⁶

Но тем не менее значительное количество казачьих лошадей по своим качествам не годились для военной службы. Весной 1903 г. при проверке конского состава льготных полков Оренбургского казачьего войска было забраковано 42% лошадей. Основными причинами брака были: истощение от бескормицы — 32%, побитость упряжкой и седлом — 35%, плохая чистка — 38%, некованность — 61%. Получив эти сведения, начальник штаба Казанского военного округа Генштаба генерал-лейтенант О.Я. Зандер 7 октября 1903 г. наложил резолюцию: «Пока казаки будут бедны, главным образом, пока они не будут снабжены изобильно кормовыми средствами, ничего не будет, и лошади будут малорослы и малосильны»¹³⁷.

Более прибыльным занятием считалось разведение крупного рогатого скота, не требовавшего, в отличие от лошадей, столь тщательного ухода и дававшего гораздо больше продуктов питания. Цены на крупный рогатый скот были стабильно высокими, кроме того, в отличие от лошадей, крупный рогатый скот практически не крали. Для улучшения качества крупного рогатого скота в 1899 г. некоторые станицы приобрели быков царицынской и симментальской пород.

Что касается овцеводства, то на территории войска в основном разводили овец киргизской породы, отличавшихся значительным количеством мяса и сала. Разведение овец приносило казакам пользу во многих отношениях. Из овечьей шерсти делали кошмы, валенки (пимы), чулки. Овчина шла на полушубки и шубы, мясо и сало употребляли в пищу. При этом овцеводство, как правило, не носило товарный характер. Для этого не хватало пастбищ и средств. В записке о состоянии сельского хозяйства в вой-

ске, составленной в 1912 г. войсковым агрономом Крыловым, сообщалось: «Почти все население вследствие отсутствия отхожих и кустарных промыслов по необходимости зиждет свое экономическое благополучие на земледельческом и отчасти скотоводческом промыслах»¹³⁸.

Тесно связано со скотоводством было луговое хозяйство, ведь от урожая трав зависело, сможет ли казак прокормить свой домашний скот. Лугов в войске было достаточно, но из-за того, что они зарастали сорными травами, на корню пропадала примерно половина сена. В пригородах сбор сена был доходным занятием, так как имелась возможность выгодно продать сено на рынке.

Огородничество получило в войске повсеместное распространение, а в 1-м военном отделе и южных станицах других отделов было развито и бахчеводство. Но если в отношении земледелия и скотоводства не было четкого разделения функций мужчины и женщины, то огородничество и бахчеводство были исключительно женским занятием. Кстати, женщины не занимались сенокошением, что, вероятно, являлось пережитком со времен казахской (киргиз-кайсацкой) опасности¹³⁹. Основными культурами, которые выращивались в казачьих хозяйствах, были традиционные для Европейской России картофель, капуста, лук, редька, свекла, морковь, укроп, а также бахчевые — арбузы, дыни, тыквы. Между прочим, огородничество вблизи городов, заводов, приисков приносило неплохой доход. После голода 1891 г. на совершенствование многих сторон казачьего быта было обращено самое пристальное внимание войскового начальства, помимо прочих указаний, во всех казачьих хозяйствах требовалось обязательное наличие огорода и бабки. В наибольшей степени это требование коснулось татарского населения, отличавшегося нелюбовью к земледелию.

Помимо сельского хозяйства, казаки занимались и побочными промыслами, например рыболовством или пчеловодством, но доходы от них были совершенно ничтожны. Кроме того, развитию рыболовства на реке Урал препятствовал уже упоминавшийся «чугун» на территории Уральско-го казачьего войска, отсекавший Оренбургское казачье войско от каспийской рыбы осетровых пород (осетр, севрюга), в других же реках водились менее ценные породы рыб: щука, карась, язь, окунь, жерех, голавль и т. д. Лишь в периоды весеннего половодья ценные породы рыб преодолевали «чугун», становясь добычей казаков, живших в западной части войска. К примеру, в 1901 г. казаки наловили лишь 1 пуд красной рыбы и 10 300 пудов белой рыбы¹⁴⁰. Впрочем, в 1899 г. удалось выловить 90 пудов красной рыбы, однако общей ситуации это не меняло.

Широко развивалась торговля. В 1896—1900 гг. ярмарки в разные дни проводились в 35 станицах войска, то есть почти в каждой станице¹⁴¹. Некоторые из них были ежегодными, проводились по два и более раз в год, а

чить ярмарок работала еженедельно. Рынками сбыта сельскохозяйственной продукции традиционно являлись города, причем на продажу казаки выносили лучшие продукты, оставляя себе то, что было хуже качеством. В связи с развитием сети железных дорог рынки сбыта продукции казачьих полков существенно расширились, но в основном это была территория Оренбургской и соседних губерний. Основным препятствием развитию предпринимательства в казачьей среде было отсутствие денежных средств. Чтобы решить эту и другие проблемы, с 1908 г. в войске стали открывать кредитные товарищества, выдававшие ссуды на срок до пяти лет. По мнению челябинского исследователя Т.К. Махровой, открытие кредитных товариществ косвенно вело к самоликвидации казачества как военно-земледельческого сословия¹⁴².

Как было показано выше, казак по разным причинам не мог обеспечить собственное благосостояние ни сельским хозяйством, ни побочными промыслами, но в то же время в пользу государства он должен был нести значительное число повинностей. Как писал штаб-офицер по особым поручениям при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска Д.Г. Серов в начале XX в.: «Едва ли найдется в Империи другое какое сословие или общины, которые были бы так обременены всевозможными повинностями и которые так мало получали бы за это, как оренбургский казак»¹⁴³. Возможно, автор этого высказывания несколько преувеличил казачьи тяготы, но тем не менее повинностей в Оренбургском войске было действительно немало. Все они подразделялись на денежные и натуральные¹⁴⁴. Денежные повинности включали следующие выплаты (по данным 1907 г.): на ремонт дорог; на содержание земских лошадей; на содержание медико-статистического бюро; на содержание сельско-ветеринарной части; на содержание арестованных и на делопроизводство; на борьбу с вредными животными и насекомыми; на расходы выездных сессий уездных съездов.

Любопытно, что казачество страдало в основном не от денежных (они были необременительны), а от натуральных повинностей, один только список которых был гораздо более внушительным. Существовало три группы натуральных повинностей: воинская, общие земские и станичные повинности.

Воинская повинность предусматривала: зимние занятия в станицах с молодыми казаками 19–20 лет; летние занятия в лагерных сборах молодых и льготных казаков; обмундирование, снаряжение и службу казаков в первоочередных и льготных частях; осенние смотры обмундирования и строевых лошадей казаков в станицах.

В состав общих земских повинностей входили: дорожная повинность; постоянно-квартирная повинность; арестантско-этапная повинность; конной для сопровождения почт; тушение лесных и степных пожаров.

И наконец, станичные повинности включали: подводную повинность с летучей почтой; караульную повинность; содержание хлебных и сенных запасов; содержание случных пунктов и жеребцов для конно-плодовых табунов; содержание дорог, перевозов, паромов и т. д.; истребление вредных животных и насекомых; содержание штатов станичных и поселковых правлений; устройство и ремонт общественных зданий; содержание пожарных обозов; содержание школ и приемных покоев.

В пересчете на деньги все повинности требовали от казака годового расхода в 50—70 рублей, что было крайне обременительно. Ситуация усугублялась слабым развитием инфраструктуры войска. Наиболее тяжелой, конечно, была воинская повинность, которой посвящен специальный раздел. Затем следовала подводная повинность, на отправление которой казачье население назначалось неравномерно, а следовательно, несправедливо. Эту повинность несли в основном те казаки от 17 до 55 лет, которые жили вблизи дорог. Казак должен был через определенные промежутки времени отправляться в станичное или поселковое правление с лошадей для доставки пакетов или для подвоза проезжающих по делам службы представителей войсковой администрации, а также для дежурства при пожарном обозе. В некоторых поселках казаки отбывали эту повинность наймом ямщиков, плата которым в зависимости от расстояния до больших проезжих дорог составляла от 3 до 16 рублей в год с казака. Сам факт того, что часть казаков откупалась от этой повинности через найм ямщиков, также свидетельствует о неравномерности отбывания этой повинности¹⁴⁵.

Очевидно, что некоторые повинности к началу XX в. были устаревшими, связанными с прежним положением казаков как почти пожизненно несущих военную службу. Другие повинности отражали низкий уровень развития различных служб на местах, почти полное отсутствие какой бы то ни было инфраструктуры, когда вся достаточно специализированная деятельность (пожарное дело, борьба с насекомыми, строительство и ремонт, содержание дорог, перевозов, паромов, случных пунктов, подводная повинность и т. д.) поручалась казакам, которые не могли одинаково хорошо решать весь комплекс этих специфических вопросов.

Добавляло, что иногородние несли лишь некоторые из этих повинностей: подводную, постоянно-квартирную и дорожную, а также платили посаженную (от слова «сажень») плату за дворовое место. При этом они не могли бесплатно пользоваться станичными и поселковыми пашенными землями и сенокосами, но в этом не было большого затруднения в связи с дешевой арендной платой за эту землю — всего 5—10 рублей в год за душевой надел казака. Следовательно, положение иногороднего населения в станицах, не обремененного тяготами казачьей военной службы и многими другими казачьими повинностями, было с экономической точки зрения гораздо бо-

более благоприятным, чем положение самих казаков. Иногородние арендовали земельные участки, приобретали лучшие казачьи дома, вели торговлю и индустрию на фоне постепенного обнищания казачества. Таким образом, с каждым годом нарастали противоречия между казачеством и неказачьим населением, поселившимся на территории войска. Кроме того, видя рост благполучия иногородних, некоторые казаки сами стремились выйти из калачьего сословия и записаться мещанами.

В условиях существования казачьей общины большое значение имели общественные доходы и расходы станиц. Доходы складывались из продажи хлебов с общественной запашки (с 1894 г.), сдачи земель под распашку, сенокосение, выпас скота, а также из взимания посаженной платы с иногородних, сдачи в аренду рыбных ловель, взыскания долгов и раскладки с жителей; доход приносили также ярмарки, трактирные заведения и постоялые дворы.

Кроме того, станичные доходы складывались из денежных штрафов по постановлению суда, штрафов за неявку выборных на станичные сборы, денежных пошлин за внесение в книгу сделок и договоров различных актов, штрафов за доставку корреспонденции адресатам, доходов со станичного имущества. В 1899—1901 гг. в общественные суммы станиц Оренбургского казачьего войска в среднем поступало ежегодно 615 тысяч рублей, и эта сумма постоянно росла¹⁴⁶.

Общественная запашка заключалась в посеве общественного хлеба на лучших станичных землях, а затем в уборке и обмолоте урожая. Во всех поселках эта повинность отбывалась натурой, причем в праздничные дни. Для сдачи земель в аренду от общей дачи отделялся особый угол, носивший название общественной арендной статьи. Плата за аренду устанавливалась по итогам торгов. Посаженная плата с иногородних за усадебные места взималась в размере от 1 до 5 копеек с квадратной сажени — в зависимости от разряда местности — и в пригородах составляла достаточно прибыльную статью дохода.

Таким образом, необходимость участия казака в создании общественных доходов вынуждала его отказываться от некоторых из собственных доходов, например от части своего земельного надела, подлежавшего аренде. Кроме того, община могла использовать его труд или взыскивать с него деньги путем раскладки, что также снижало индивидуальные доходы казака.

Еще одной доходной статьей станиц было взимание платы за право винной торговли в казачьих станицах и поселках. Доход от этого налога достигал 92 тысяч рублей в год. До открытия в 1895 г. на территории войска казенной винной монополии эта статья дохода покрывала все расходы станиц на содержание школ и снаряжение на службу неимущих казаков. Но

с 1895 г. эти выплаты прекратились. Вместе с тем во многих населенных пунктах войска, даже вопреки желанию самих станичников, стали открываться пивные лавки, не приносявшие никакого дохода станицам и лишь развращавшие казачье население, так как в некоторых местах до того даже не знали, что такое пиво. Так что введение винной монополии в Оренбургском казачьем войске не способствовало росту нравственности и снижению потребления спиртных напитков в казачьей среде.

Общественные расходы шли на содержание станичной и поселковой администрации, школ, общественных библиотек и читален, постройку, содержание и ремонт общественных зданий, обмундирование неимущих казаков, наем пастухов, призы за скачки, джигитовки, взятие снежных городков (военно-спортивное состязание), на образование капиталов: обмундировочного, военного, табунного (с 1899 г.), школьного, сиротского и капитала общественного призрения (с 1897 г.). В 1899—1901 гг. в среднем в год станичными обществами расходовалось 602 800 рублей, причем около 26% составлял расход на содержание станичного и поселкового управления, а в целом на общественное управление расходовалось 39,6% этой суммы¹⁴⁷. Отметим, что около 88% станичных и поселковых общественных капиталов находилось постоянно в обороте или долгах за казаками.

При анализе экономического состояния войска нельзя не упомянуть о дополнительных доходах от эксплуатации природных ресурсов войска, а также о развитии промышленности на его территории. По закону войско имело право на все недра земли, кроме благородных и драгоценных металлов, составлявших собственность казны. За предоставление казне права разрабатывать месторождения благородных металлов и минералов войско в конце XIX — начале XX в. ежегодно получало денежную компенсацию от государства на сумму 42 857 рублей 14 ³/₄ копеек из расчета 50 копеек за десятину, причем эти деньги выплачивались безотносительно размеров добычи.

От 35 до 42% доходов в войсковой капитал поступало от использования войсковых лесов, в основном сосновых и березовых. Всего в войске к началу XX в. имелось свыше 200 тысяч десятин войсковых лесов и 300 тысяч десятин общественных лесов. По Положению об общественном управлении станиц казачьих войск 1891 г., был учрежден строгий надзор за состоянием общественных лесов, запрещены весенние напольные пожары — «палы». Эта мера была принята вовремя, так как почти все общественные леса были к тому времени уже вырублены, и войско стало чаще страдать от засух. Как уже говорилось, при Войсковом хозяйственном правлении существовало лесное отделение во главе с войсковым лесничим. Территория войска была разделена на 8 лесничеств и 57 лесных дач, а для охраны войсковых лесов существовала вольнонаемная лесная стража в составе

11 объездчика и 254 лесничих. Войсковые леса охранялись гораздо строже общественных.

Приносила некоторый, хотя и незначительный, доход разработка месторождений полезных ископаемых (золото¹⁴⁸, медь, железная руда, каменный уголь, каменная соль, марганец) на территории войска. Одним из наиболее известных месторождений железной руды была знаменитая и по сей день Южная Магнитная (в 1910 г. Сенат передал часть горы (404,1 десятины), где велись разработки, в пользу Белорецких заводов)¹⁴⁹, в районе города Илецким Защита находился крупный соляной промысел. В 1899 г. прииски занимали 99 тысяч десятин, к 1902 г. уже 108,5 тысячи десятин удобной земли. Казаки, жившие в районе приисков, с большой выгодой для себя обеспечивали рабочих всем необходимым¹⁵⁰.

Однако у этого промысла были и негативные для войска стороны. Во-первых, промышленники прибегали к различным махинациям, чем наносили войску значительный ущерб. Так, некоторые предприниматели, стремясь завладеть месторождениями железной руды на свободных войсковых землях и уклониться от выполнения установленных в войске правил аренды таких месторождений, заявляли об обнаружении золотосодержащих промывных, после чего Уральское горное управление отводило площадь под прииск. Получив необходимую площадь, предприниматели якобы случайно находили железную руду и испрашивали разрешения добывать и ее¹⁵¹.

Во-вторых, наличие промыслов создавало на войсковых землях чересполосицу, поскольку казакам выделялся в качестве компенсации дополнительный земельный надел, который мог находиться за несколько сот верст от их жилищ. Наконец, в-третьих, прииски приводили землю в полную непродуктивность, а также служили источником социального напряжения. Здесь была широко распространена проституция (как, например, в поселке Кочкарском станицы Кособродской), в которую вовлекались и женщины-казачки. Некоторые казаки нанимались на прииски, но работа там лишь развращала казаков: казаки спивались, забрасывали хозяйство, беднели. Казаки стремительно нищали, а пришедшие золотопромышленники нажили миллионные состояния, пользуясь ресурсами войска. Самим казакам не хватало ни предприимчивости, ни средств, чтобы открыть собственное горное дело. Что касается промышленного производства на территории войска, то здесь в начале XX в. можно выделить лишь мукомольную, кожевенную и отчасти мыловаренную промышленность¹⁵².

В целом войсковые капиталы складывались из следующих статей дохода: оброчные статьи; проценты государственных процентных бумаг, находящихся на бессрочном вкладе в Государственном банке; доходы от продажи леса из войсковых дач; государственные денежные отпуска за казенные сборы, право торговли в войске и разработку полезных ископаемых.

мых; сбор за весы и ярмарочные помещения; сбор с неспособных к службе казаков.

В 1907 г. доход от рыбного промысла составил 0,3% войскового дохода, проценты на капитал — 2,2%, плата за освобождение казаков от службы — 2,6%, за аренду земель — 5,9%, правительственные субсидии составили 11,9% войскового дохода, доход от войсковых лесов — 29,2%, прочие доходы — 47,9%. Общая сумма войсковых капиталов к 1 января 1908 г. составляла 3 101 032 рубля 15 копеек¹⁵³.

11 марта 1896 г. войсковой капитал был освобожден от ежегодного расхода в 60 тысяч рублей на губернские учреждения и стал увеличиваться, в 1898 г. у войска появились уже некоторые денежные накопления¹⁵⁴. Однако вскоре ситуация изменилась. В 1902 г. была отменена выплата государственного пособия на содержание войсковых административных учреждений (115 тысяч рублей). Ежегодно после этого в общем войсковом капитале стал повторяться дефицит. При этом еще в 1900 г. войсковое начальство запланировало значительные затраты на улучшение экономического положения казаков. В период 1906—1907 гг. войско понесло крупные расходы на обеспечение населения продовольствием. Войсковой капитал был настолько истощен, что пришлось прибегнуть к займу 441 тысячи рублей в Государственном банке под залог ценных бумаг и войскового пожарного капитала. Несмотря на ходатайство, государственное финансирование войсковой администрации возобновлено не было. Показательным для экономической ситуации в войске представляется распределение войсковых расходов:

Т а б л и ц а 9
РАСХОДЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (на 1907 г.)¹⁵⁵

Статья расхода	Процент от всех войсковых расходов
Расходы на учебные и лагерные сборы	2,2
Пособия государственному казначейству	3,1
Содержание главных начальников и их канцелярии	0,4
Содержание военных управлений, учреждений и штабов	13,7
Содержание Войскового хозяйственного правления	10,3
Содержание медицинской части	3,6
Содержание учебной части	7,3

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Статья расхода	Процент от всех войсковых расходов
Поддержание других учреждений	3,8
Наем и ремонт зданий	0,4
Другие сверхсметные и оборотные расходы	55,2
Ишняя сумма расходов составила 1 376 448 руб.	100

Из таблицы видно, что большая часть расходов 1907 г. не была запланирована и связана, по всей видимости, с последствиями неурожая.

Дополно плохо, даже для начала XX в., в войске было организовано медицинское обслуживание населения. Во главе всей медицинской организации Оренбургского казачьего войска находился старший войсковой врач на должностях дивизионного врача, он же губернский врачебный инспектор, осуществлявший общее руководство врачебным делом и подчинявшийся непосредственно Наказному атаману и окружному военно-медицинскому инспектору Казанского военного округа. Оклад старшего войскового врача составлял 637 рублей в год. Полумиллионное войско было разделено на девять участков, каждым из которых заведовал участковый врач, в распоряжении которого имелись фельдшеры по числу станиц, входивших в участок (от двух до восьми), функционировал и приемный покой. Приемные покои содержались за счет общественных сумм и ежегодно обходились общине в 4555 рублей. При этом медицинские расходы составляли примерно 1,3% всех общественных расходов, т. е. очень незначительную их долю. На каждого участкового врача приходилось около 49 тысяч человек, а размеры некоторых участков достигали 200 верст в длину и 20—40 верст в ширину. На все войско было лишь 10 врачей и 70 фельдшеров. К 1908 г. врачей было 7, а фельдшеров 93¹⁵⁶.

Врачи, по данным на 1902 г., принимали за год в среднем 19 719 амбулаторных больных (из расчета в 240 рабочих дней за год, то есть без учета отпусков, на одного врача при такой нагрузке приходилось только 8,2 пациента в сутки), фельдшеры — 25 493, лишь дважды в течение года врачи принимали роды. Эти статистические данные свидетельствуют о том, что лишь 11,2% казачьего населения войска обращались за помощью к медицинским работникам. Лица неказачьего сословия, проживавшие в Оренбургском казачьем войске, казачьими врачами вообще не обслуживались, но в то же время казаки имели право лечиться в неказачьих лечебных заведениях. На наш взгляд, столь низкий процент можно объяснить как большими расстояниями, так и невысоким уровнем знаний населения в области медицины, а также вероятным стремлением ограничиться при лечении местными на-

родными средствами. Очевидно, что к врачебной помощи прибегали преимущественно те казаки, которые жили в одних с врачами и фельдшерами поселках и станицах. В компетенции войсковых врачей было и заведование лагерными околотками во время летних казачьих сборов, а также освидетельствование казаков призывного возраста. Во время освидетельствования или летних сборов врачи не могли оказывать помощь населению на местах. Осенью 1902 г. в связи с отставкой одного из врачей, отпуском другого, участием еще шести врачей в комиссиях по освидетельствованию казаков на все войско оставалось лишь два врача, что равноценно полному отсутствию медицинского обслуживания. Таким образом, можно считать, что отлаженной системы медицинского обеспечения в войске в начале XX в. еще не существовало.

Годовой расход войска на медикаменты составлял, по данным на 1902 г., 2379 рублей. Приобретал медикаменты старший войсковой врач по каталогам участковых врачей и на войсковой счет. Ежегодно участковый врач получал медикаменты на сумму в 120—150 рублей и часть их выделял фельдшерам. Медикаментов этих хватало всего на несколько месяцев.

В каждой станице были один или два фельдшера, на которых приходилось свыше 7 тысяч человек, причем население это не проживало компактно в каком-нибудь одном пункте, а, как правило, было разбросано по 30—50 поселкам, значительно удаленным друг от друга. Сами фельдшеры часто были плохо подготовлены, их работа являлась низкооплачиваемой (96—120 рублей в год от войска), своими должностями они не дорожили, а смотрели на работу как на дополнительный заработок. Неудивительно, что именно из среды фельдшеров впоследствии вышли довольно радикально настроенные по отношению к властям элементы.

Лазаретов и аптек на территории войска не было (города, как уже говорилось, не считались войсковой территорией). Для принятия родов во всем войске имелись только три повивальные ученицы, которые из-за больших расстояний не могли оперативно исполнять свои обязанности. Отсутствие надлежащей акушерской помощи являлось одной из причин высокой детской смертности в войске. На 100 умерших всех возрастов в возрасте до года умирало 44,3% населения, а от года до пяти лет — 25,5%, что в сумме дает 69,8%. Иными словами, почти 70 человек из 100 умерших были дети¹⁵⁷.

Заболевшие казаки, кроме приемных покоев, лечились в Оренбургском местном лазарете и городских больницах. За лечение и содержание в больницах мужского населения войскового сословия войско платило из своих сумм по существовавшим тарифам, женщины-казачки должны были лечиться за свой счет, выплачивая по 75 копеек в сутки за лечение. Такие медицинские расходы казаки не могли себе позволить, в результате чего практически все женское население войскового сословия было вообще лишено

неимущества лечиться стационарно. За содержание своих больных в больничном войско платило до 14 тысяч рублей, в то время как сам город тратил на одну больницу 600—1000 рублей. В итоге почти все места были заняты казачками.

Низкий уровень медицинского обслуживания населения осознавало и военное начальство, пытавшееся по мере возможности исправить ситуацию. 25 февраля 1903 г. Генштаба генерал-лейтенант Я.Ф. Барабаш, выступив на открытии совещания врачей Оренбургской губернии, сказал: «Милостивые [Посудари], Вы призваны сюда для того, чтобы своим знанием улучшить жизни нашего села помочь нам врачебное дело в губернии поставить на должную высоту... Но нужно помнить, что это только одна сторона дела. С каким бы совершенством ни были составлены правила, регламентирующие Вашу деятельность — самую главную данную, влияющую на успех дела, всегда останется человек... От Вашей гуманности, от Вас, как людей получивших высшее образование и отлично понимающих, сколь великое благо для народа и его будущих поколений составляет здоровье, я ожидаю именно такого горячего отношения к лежащим на Вас великим обязанностям. А раз это так, усилия Правительства, направленные к оздоровлению нашего населения, не будут бесплодны. С надеждой на плодотворные результаты Вашей деятельности, я объявляю Первый Съезд Врачей Оренбургской губернии открытым»¹⁵⁸.

В качестве мер по улучшению состояния медобслуживания планировалось увеличить число врачебных участков, а следовательно, и число врачей, сделать бесплатным стационарное лечение казачек, при каждом враче организовать больницу на пять—десять кроватей, обеспечить врачей и фельдшеров достаточным количеством инструмента и медикаментов, повысить образовательный ценз фельдшеров и их заработную плату, отделить военные обязанности врачей от собственно врачебных, усовершенствовать быт и положение казачьих врачей и повышать их квалификацию в университетских городах.

Предполагалось также объединить губернскую и казачью войсковую медицину, разделение которых было не только несправедливым по отношению к неказачьему населению, но и вело к странному дублированию медицинских структур на территории Оренбургской губернии. Врач А.В. Попов справедливо отмечал на совещании врачей в 1903 г.: «Может быть, в отношениях дорожном, сельскохозяйственном есть что-нибудь, что серьезно препятствует объединению губернии и войска, но в отношении врачебном таких препятствий нет, не должно быть, и первый Съезд врачей должен категорически это заявить. Трудно даже представить, как в населении, тесно переплетенном связями семейными, торговыми, хозяйственными, живущем бок о бок, рядом, не только в одних и тех же городах и селениях, но

даже домах, до сих пор существовали две обособленные врачебные организации, не знавшие друг друга»¹⁵⁹. На мой взгляд, система медицинского обслуживания войска и губернии, так же как и другие государственные институты, была архаична и несовершенна, ее реформирование в начале XX в. было насущной необходимостью для блага самих же казаков. При разнице в численности казачьего и неказачьего населения войска в 1902 г. в 85,9 тысячи человек объединение войсковой и губернской систем здравоохранения не повлекло бы за собой наплыва пациентов к казачьим врачам и фельдшерам. Вряд ли произошло бы и расширение границ казачьих врачебных участков. Но в борьбе с инфекционными заболеваниями, не разбиравшими, кто казак, а кто неказак, в деле вакцинации населения можно было достигнуть успехов. К сожалению, это и другие благие начинания так и остались в проекте. По данным на 1910 г., в войске существовали все те же 10 врачебных участков, правда, несколько возросло, до 81, число фельдшеров, но вместе с тем значительно больше людей стало обращаться за медицинской помощью: 105 039 человек в 1909 г. и 123 882 человека в 1910 г.¹⁶⁰ Дошло до того, что жители станицы Павловской однажды заявили Наказному атаману генералу Н.А. Сухомлинову, что их жены «не скотина и при родах также нуждаются в человеческом призрении в медицинской помощи»¹⁶¹.

Однако не все стороны жизни войска находились в столь плачевном состоянии, как сфера здравоохранения. В заслугу войсковой администрации можно поставить небывалое не только для казачества, но и для всей страны развитие системы народного образования и просвещения. Обязательное посещение школ казачьими детьми с 8—9 лет и обязательное обучение 18—20-летних казаков по станицам было установлено еще 19 августа 1871 г. Наказным атаманом генерал-майором К.Н. Боборыкиным. В 1889 г. в войске было 465 школ¹⁶². К 1900 г. на территории войска действовало 506 станичных и поселковых школ (156 мужских, 153 женские и 168 смешанных)¹⁶³, из которых восемь с курсом двухклассных, а остальные с курсом одноклассных сельских училищ. В 1-м военном отделе имелось 127 школ, во 2-м — 176 школ и в 3-м — 203 школы. На их содержание войско ежегодно расходовало свыше 160 тысяч рублей из общественных сумм и до 2500 рублей из войскового капитала. Количество школ в войске стремительно возрастало. К 1 января 1902 г. их было уже 520¹⁶⁴, к 1917 г. — 596.

В большинстве поселков было две школы — мужская и женская, поселков, не имевших школ вообще, в войске к началу XX в. не было. Именно в школах казаки проходили курс первоначальной строевой подготовки. Учебка длилась шесть месяцев — с октября по март, заканчиваясь перед началом посевной. Ежедневно казачата занимались не более шести часов. В школах преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, церков-

пославянский язык, арифметика и чистописание¹⁶⁵. Учебная нагрузка составляла 26 часов в неделю. Между прочим, посещение школ было обязательным для всех казачьих детей с восьми лет. Именно эта мера вывела войско на первое место по уровню грамотности среди других. В начале XX в. (данные на 1908 г.) 68,8% казаков и 42,2% казачек было грамотно¹⁶⁶, неграмотной была лишь часть стариков, служивших до 1871 г., а также дети до семи лет. В среднем грамотность равнялась 55,5% населения обоего пола. В то же время грамотными были 82,6% могущих быть грамотными (т. е. старше семи лет)¹⁶⁷. В 3-м военном отделе уже в 1902 г. существовала 99%-ная, или всеобщая грамотность¹⁶⁸. Это уникальный показатель для российской глубинки начала XX в. Впрочем, в официальном отчете о состоянии войска для 3-го военного отдела указана другая цифра — 71,1% грамотных. Пожалуй, этот вариант ближе к действительности. Для сравнения: процент грамотности населения в других казачьих войсках в 1900 г. был намного ниже:

Т а б л и ц а 10

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. (1900 г.)¹⁶⁹

Войско	Процент грамотных
Донское	37
Кубанское	17
Терское	22
Астраханское	46

К 1 января 1900 г. один школьник приходился на каждые 12,6 казака, соотношение школьников к казачьему населению мужского пола составляло 1 : 8,5, школьниц к населению женского пола — 1 : 18,5¹⁷⁰. Учебные пособия и школьные принадлежности приобретались на общественные суммы, однако чувствовалась острая нехватка квалифицированных учителей. Учителя получали от 60 до 200 рублей в год, а также 50 пудов хлеба и квартиру с отоплением, освещением и прислугой. По причине невысокой заработной платы в учителя шли часто выпускники тех же станичных школ, имевшие невысокий образовательный ценз. В то же время в войске принимались меры по повышению квалификации учителей. Они направлялись на повышение квалификации в Оренбург, за время переподготовки учителям выплачивалось денежное вознаграждение¹⁷¹.

В станицах проводились бесплатные чтения с показом световых картин, пользовавшиеся колоссальным успехом среди населения. С 1897 г. в некоторых станицах открылись библиотеки-читальни. Всего к 1902 г. действовало более 50 таких бесплатных библиотек.

Генерал-майор А.С. Мелянин писал в 1903 г.: «...что касается грамотности, то этим Оренбургское казачье войско стоит впереди всех войск и населения России. В войске только инородца можно встретить неграмотного, и то редко. Желательно, чтобы контингент учителей был более упорядочен, на что теперь и обращено особенное внимание. Надо надеяться, что в недалеком будущем войско будет щеголять не только количеством грамотных, но и качеством их»¹⁷². Именно Мелянин в бытность атаманом 1-го военного отдела был инициатором создания массовых библиотек на территории войска. Церковь, библиотека и станичная школа являлись центрами культурной жизни казачьей станицы.

Для подготовки офицерских кадров в Оренбургском казачьем юнкерском училище войско имело 30 стипендий для всех представителей войскового сословия, а также 62 стипендии в кадетских корпусах, но лишь для детей офицеров и чиновников. Отлично учившимся юнкерам выплачивались премии¹⁷³. Во всех станицах и во многих поселках имелись церкви. Всего в войске было 197 церквей (67 каменных и 130 деревянных) и 123 часовни (27 каменных и 96 деревянных). В то же время некоторые исследователи считают такое количество церквей и приходов недостаточным, отмечают низкий удельный вес духовенства Оренбургской епархии и отсутствие здесь крупных авторитетных монастырей¹⁷⁴.

Жили казаки почти исключительно в деревянных домах, на постройку которых шли в основном сосновые бревна. Во 2-м военном отделе практически перед всеми домами имелись палисадники, устроенные по распоряжению начальства. Обычно в домах было две комнаты — кухня (изба) и чистая комната (горница), разделенные холодными сенями. Перед сенями на дворе было небольшое крытое крыльцо, к которому привешивался умывальник. С крыльца дверь вела в сени, а оттуда в комнаты слева и справа или прямо — в чулан. В углу кухни стояла глинобитная печь, которую белили еженедельно. От печи к противоположной стене были устроены полаты, служившие кроватью зимой и местом для хранения одежды летом. Под полатами в углу располагалась деревянная кровать, в центре кухни стоял стол, а вдоль стен тянулись широкие лавки. В полу кухни имелся ход в подпол, где зимой хранились овощи.

Горница была местом отдыха и приема гостей, стены ее обклеивались обоями с картинами, изображающими военных деятелей, почти во всех казачьих домах имелся портрет императора. Пол горницы в казачьих домах, как правило, красили в желтый цвет, потолок — в синий цвет с изображе-

нием деревьев, цветов, птиц. В углу была печь, рядом с которой стояли шкаф, кровать, зеркало и диван. У нагайбаков в домах имелись чугунные котлы (кизаны) для приготовления пищи. Топили печи кизяком (навоз, смешанный с соломой), дровами или тальником (камышом или мелким кустарником), дома освещались при помощи сальных свечей или керосина, который был сравнительно дешев.

Двор казака был разделен на две части — переднюю и заднюю. В переднем дворе был погреб, один-два амбара и сарай. Между амбарами и сараем был сделан навес, под которым хранились дрова или кизяк. Под навесом же находились ворота в задний двор. На заднем дворе были хлева, скотная изба, а иногда и баня. В хозяйствах нагайбаков двор не разделялся на части. Огороды, как правило, устраивались возле рек, а не вблизи дворов.

Казаки по постным будничным дням употребляли в пищу щи из серой кислой капусты или ячменную похлебку с картофелем, лапшу, пшеничную кашу, уху и жареный или вареный картофель, белую капусту, соленые огурцы, арбузы, пироги с начинкой, пшеничный или гороховый кисель (последний тогда не пили, а ели, поскольку кисель имел твердую консистенцию, близкую к сыру, и даже резался ножом). Основной пищей в течение года были щи, лапша, пельмени и чай, в рабочую пору ели в основном лишь хлеб и кашу. В праздничные дни к чаю готовили горячие шаньги — круглые пшеничные лепешки, которые пекли в сметане. Любимой едой нагайбаков была каймак, или квашеное молоко. Татары употребляли в пищу лапшу с мясом, салму (куски теста), творог, молоко и чай.

Зимняя одежда оренбургского казака представляла собой тулуп и черную мерлушчатую шапку, летом казак надевал пальто, пиджак, жилет, шаровары, фуражку, сапоги. Казаки не носили лаптей, считавшихся отличительной чертой крестьянского населения или «мужиков». Как ни странно, казаки не любили в повседневной жизни носить свою военную форму, за исключением фуражек, в которых бегали даже дети. В пригородных станциях и поселках казачки одевались в костюмы, стремясь следовать моде, вдали от городов сохранялись традиционные сарафаны.

Начальник Главного управления казачьих войск Генштаба генерал-лейтенант П.О. Щербов-Нефедович отмечал в 1902 г., что «с внешней стороны... Оренбургские казаки производят очень хорошее впечатление, по своему здоровому виду, добродушию и простоте в обращении. Широкое распространение грамотности отразилось благоприятно и на умственном развитии казаков и сделало их более восприимчивыми к усвоению различных нововведений, которые прививаются у них сравнительно легко: в подтверждение сего можно указать, для примера, на такие факты, как быстро распространяющееся употребление усовершенствованных земледельческих орудий и

на сильное развитие маслособойного дела с применением сепараторов. Затем Оренбургские казаки довольно трудолюбивы и умеют приспособиться к местным условиям жизни... любовь к военному делу развита у них в достаточной степени»¹⁷⁵. Отличительными чертами казаков прежде считались набожность, монархизм, чинопочитание, любовь к войску, смелость, инициативность, молодечество, простота в обращении, чувство товарищества¹⁷⁶.

Судя по всему, постепенно многие из этих черт становились достоянием истории. На смену им в начале XX в., в основном в среде казачьей молодежи, пришли совершенно нехарактерные ранее явления: алкоголизм, приобретший массовый характер, упадок дисциплины, рост непонимания и проявление неуважения по отношению к старикам, апатия в отношении военной службы. Эти явления наблюдались тогда не только в Оренбургском, но и в других казачьих войсках. Например, начальник военного отдела Сибирского казачьего войска В. Путинцев с горечью отмечал, описывая свое войско, что «пьянство, лень и праздность царят в казачьей среде, разъедая ее в корне, так как теперь пьют меньше старики, а больше молодежь. Пьют малолетки, пьют и девушки-подростки, а о казачках-матерях я и не говорю. Теперь пьют не так, как пили раньше деды и отцы в дни храмовых и войсковых праздников или по случаю каких-либо военных игр, скачек и других общественных забав; ныне пьют, пользуясь каждым удобным и неудобным случаем, начиная с покупки коня или коровы и кончая именинами. Не проходят без попок и события в общественной казачьей жизни... Благодаря такому пьянству, в наших станицах и поселках в праздничные дни господствует бесшабашный разгул, направленный бранью, пьяными скабрезными песнями, дракой между молодежью, уличным развратом и, в лучшем случае, шумными спорами и какими-нибудь пошлыми бреднями. Во время этого разгула молодежи почтенному казаку, старушке, священнику, учительнице лучше и не показываться на улице в местах сборищ пьяных головорезов, ибо того и гляди, что, ни за что ни про что, каждый может получить незаслуженное оскорбление...»¹⁷⁷.

Этот недуг казачества, очевидно, приобрел такие масштабы, что был отмечен даже во время официальной проверки Оренбургского казачьего войска Главным управлением казачьих войск в 1902 г. Уже упоминавшийся начальник ГУКВ П.О. Щербов-Нефедович в своем секретном докладе указывал, что «серьезным недостатком Оренбургских казаков, могущим влиять неблагоприятно на их материальное благосостояние, является довольно большая склонность к крепким напиткам»¹⁷⁸. Потребление водки на территории Оренбургского казачьего войска было выражено следующими цифрами:

ПОТРЕБЛЕНИЕ ВОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 1900—1901 гг.¹⁷⁹

Отдел	Общее количество проданной водки		Приходится на одну душу обоего пола всех сословий	
	Ведро в 40*	На сумму (руб.)	Ведро в 40*	На сумму
1900 г.				
1-й	74 264	607 694	0,46	3 руб. 76 коп.
2-й	79 906	642 030	0,57	4 руб. 58 коп.
3-й	125 202	1 005 916	0,71	5 руб. 86 коп.
Итого	279 372	2 255 640	0,59	4 руб. 77 коп.
1901 г.				
1-й	89 038	687 476	0,54	4 руб. 18 коп.
2-й	95 519	730 989	0,66	5 руб. 2 коп.
3-й	152 980	1 170 700	0,86	6 руб. 56 коп.
Итого	337 537	2 589 165	0,69	5 руб. 30 коп.

Эти показатели превышали аналогичные для крестьянского населения и общий показатель душевого потребления по империи в 0,49 ведра в 1901—1902 гг.¹⁸⁰ Расходы на водку в три раза превышали общественные расходы всего войска. При среднем размере казачьей семьи в шесть человек, только на алкоголь (по данным 1901 г.) за год тратилось 32 рубля. Год от года эти цифры возрастали. Так, по данным за 1907 г., на душу обоего пола всех сословий в войске приходилось уже 0,75 ведра водки (в 1901 г. — 0,69 ведра)¹⁸¹. Напомню, что мера в одно ведро соответствовала 12,3 литра, следовательно, один оренбургский казак в 1907 г. выпивал в среднем 9,2 литра водки. Очевидно, что это только официальные данные и лишь по 40-градусной водке, но, как известно, значительная часть алкоголя производилась самими казаками в своих хозяйствах и не могла быть учтена, а кроме того, помимо водки, потреблялись и другие спиртные напитки. Таким образом, реальные масштабы потребления спиртных напитков были гораздо большими, и точно оценить их практически невозможно. Расход на потребление казенного вина населением войска всех сословий в 1911 г. составил (общая сумма и душевое потребление) 2 986 540 рублей и 4 рубля 88,3 копейки соответственно, в 1912 г. — 3 400 901 рубль и 5 рублей 51,1 копейки соответствен-

но, в 1913 г. — 3 904 638 рублей и 6 рублей 32,5 копейки соответственно¹⁸². Таким образом, потребление вина в этот период продолжало увеличиваться.

Один из авторов уже в 1929 г. писал: «Казакки большие любители пьянствовать. Если в так называемую святую, то есть пасхальную, неделю проехать по казачьим станицам от Оренбурга до Орска или от Орска до Троицка, то увидишь, как казаки пьют. Пьют помногу, долго, по целой неделе. Пьяная «с мала до велика» станица представляет картину исключительную. Вы встретите пьяную толпу разноцветно одетых казачек, которые с визгом и песнями не идут, а пляшут по улице. Вы можете встретить картины, описанные Гоголем в его повестях о запорожских казаках, как пьяный казак лежит в грязи, иногда и без положенной одежды.

Пьют казаки, казачки и даже дети. Очень часто можно встретить мальчугов 14—16 лет совершенно пьяных.

Как результат пьянства — драки и убийства»¹⁸³.

По мнению начальника 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-лейтенанта Е.В. Шпицберга (1903 г.), для сбора на службу казакам необходимо иметь по 250 рублей, для чего они вынуждены иногда даже продавать домашний скот, причинами же обеднения казаков являются неурожай, примитивная обработка земли, пожары, незнание ремесел и отчасти пьянство¹⁸⁴. Войсковая администрация пыталась бороться с пьянством. В частности, атаман 3-го военного отдела, исследователь истории казачества Ф.М. Стариков был действительным членом общества трезвости и руководил борьбой с алкоголизмом в станицах своего отдела¹⁸⁵.

В качестве меры дисциплинарного наказания для казаков дурного поведения было откомандирование их на полевую службу на срок до четырех лет, если они состояли в строевом разряде. Отставных казаков выселяли на срок до четырех лет в отдаленные от постоянного места жительства станицы. Такие меры были установлены в 1886 г. как временные, но в 1891 и 1895 гг. продвигались, за исключением права ссылки.

Пьянство часто приводило к трагическим, а иногда и трагикомическим случаям. Один из таких случаев произошел осенью 1907 г. с казаком 3-го Оренбургского казачьего полка Я.В. Трескиным, который допился до того, что случайно пересек границу Австро-Венгрии возле города Волочиск, где квартировал его полк. Протрезвев, казак решил вернуться на родину и при возвращении был задержан пограничной стражей, доставившей его в часть¹⁸⁶.

Чрезмерное потребление алкоголя сказывалось на генофонде казаков. Все чаще можно было встретить молодых казаков «с истощенным вообще организмом, маленьких, захудалых, с впалой грудью, плохо развитой мускулатурой, с больными глазами, рахитиков, вялых, апатичных и зачастую «недовольных умом», т. е. попросту дурачков и идиотов»¹⁸⁷. В связи с пьянством среди казаков распространилась лень, отсутствие хозяйственности.

Тяжелый домашний труд обычно поручался дешевым наемным работникам (например, казакам) или вваливался на плечи казачек.

Наиболее характерными проступками оренбургских казаков были «пьянство, праздность, лень, беспечность и нерадение к хозяйству, мотовство, уклонение от отбывания разного рода общественных и земских повинностей, неплатеж долгов, нарушение наемного договора... разврат, распутство, буйство, бесстыдство, разные виды обид, нравственное насилие, самоуправство, мелкие кражи, мошенничество, обманы и т. п. Но самая вредная деятельность означенных лиц (речь идет о казаках дурного поведения. — А. Г.) проявляется в ростовщичестве, кулачестве, писании ни на чем не основанных ябеднических и кляузных прошений, адвокатуры в местных судах и административных учреждениях, эксплуатации отдельных обывателей и целых обществ разными подпольными и едва уловимыми путями под видом иногда оказания им благодеяний...»¹⁸⁸.

Появились в казачьей среде и своеобразные иждивенцы — неимущие казаки, которые, по наблюдению Ф.М. Старикова, «...ложатся на общество тяжелым бременем, так как никто из них не только не возвращает обществу затраченных на них денег, но некоторые из них заставляют даже по два раза и более обмундировывать себя. Они не только не сознают всего позора своего положения и того вреда, какой приносят обществу, но иногда под веселую руку прямо выражаются: «что нам работать?»...»¹⁸⁹.

Этнограф Дмитрий Зеленин во время экспедиции в поселок Благословенный станицы Оренбургской летом 1905 г. обратил внимание на неприязнь казаков, переходившую при первой возможности в грубость и даже насилие. Как мне представляется, это являлось чертой довольно характерной для крестьянского населения. Ученый писал: «Ничего святого; все дозволено», — вот, кажется, жизненные принципы здешних казаков, особенно молодежи. — «Хищные» типы, с вечным, *жадным* (курсив автора. — А. Г.) стремлением захватить все, что только можно, преобладают»¹⁹⁰. Сдерживающим началом, по мнению Зеленина, было лишь высокое мнение казаков о самих себе. Причем эти новые явления не оставались незамеченными властью»¹⁹¹.

Будущему выдающемуся оперному певцу Ф.И. Шаляпину, в молодости гастролировавшему на Урале с украинским хором, оренбургские казаки в 1891 г. показали форменными разбойниками. В своих мемуарах он не акцентировал внимание на причинах враждебного отношения казаков к труппе, по всей видимости, актеры, воровавшие у казаков арбузы и дыни, действительно заслужили подобную реакцию. Вот что он пишет: «Из Бузулука поехали в Уральск, чтоб играть там в присутствии наследника-цесаревича»¹⁹², но, так как у нас было лишнее время, решили заехать в Оренбург и отправились туда степью на телегах.

Стояли знойные летние дни. Мучила жажда. А по обеим сторонам дороги лежали бахчи арбузов и дынь. Разумеется, мы, хористы, пользовались этой сочной благодатью божьей. Избегая жары, мы ехали ночами, и вдруг в одну из ночей нас остановило гиканье каких-то всадников, которые, догнав нас, стали стрелять из ружей.

Что такое? Разбойники?

Управляющий труппой поспешно скомандовал:

— Берите оружие! Вооружайтесь!

Мы живо достали из телег бутафорское оружие: тупые железные шашки, изломанные ружья, расхватали все это и попрятались за телеги. Женщины кричали, визжали, а всадники, окружив нас со всех сторон, постреливали в наш табор. Хорошо еще, что было темно, да и стреляли в нас, должно быть, холостыми зарядами. Мы видели только огоньки выстрелов и черные силуэты лошадей. Признаюсь, я испугался, хотя, вообще говоря, и не трус. Но тут невольно подумал:

«Пропала моя жизнь!»

А управляющий храбро командовал:

— Не сдавайтесь, черти, не сдавайтесь! Держитесь до последнего!

Надо продержаться до рассвета!

Но драться было не с кем. Всадники не наступали на нас, гарцуя в отдалении и все постреливая. Так мы, «вооруженные», и простояли до утра всем обозом. А когда рассвело, выбрали парламентаров и послали их ко врагу с белыми платками в руках. Всадники, завидя это, собрались в кучу. Некоторые из них спешили и вступили с нашими послами в крикливую беседу. Мы издали слушали крики, недоумевая: в чем же дело? Утро такое хорошее, ясное; восходит солнце; в поле тихий праздник; все вокруг так ласково и мирно; а мы собираемся восвать. Точно сон, нелепый и неприятный. Хочется протереть глаза...

Наконец наши парламентары воротились и объявили, что все мы должны заплатить казакам по двугривенному с головы за то, что воровали дыни и арбузы. Только-то? Мы немедленно с радостью исполнили требование храброго войска и были отпущены из плена. Но тут одна из наших артисток, напуганная происшедшим, преждевременно разрешилась от бремени. Ее подруги, засучивая рукава кофточек, погнали нас прочь от кибитки роженицы, закричали, засуетились. На эту бабью суету, смеясь, смотрело солнце. Мы, мужчины, пустились в путь, оставив женщин среди поля встречать новорожденного человека.

Всю дорогу до Оренбурга казаки относились к нам более чем недружелюбно. Мне казалось, что мы путешествуем по неприятельской стране накануне объявления ею войны России»¹⁹³.

Военный министр П.С. Ванновский в одном из приказов за 1892 г. отмечал, что «в среде населения вообще, а молодежи особенно, быстро развиваются такие несвойственные казачьему сословию наклонности и воззрения, как, например, отсутствие в семье или домашнем быте уваженья к старшим, в службе — к нарушениям дисциплины и, наконец, недостаточное рвение к исправному выходу на очередную службу»¹⁹⁴. Действительно, уже во второй половине XIX в. наблюдается постепенное разрушение традиционного семейного уклада, снижение авторитета старших, проявлявшееся не только в оскорблении родителей, но и в нанесении им побоев¹⁹⁵. Длительная военная служба казаков не способствовала устойчивости браков (как правило, заключававшихся до поступления на службу) и супружеской верности. В соседней Уральской области, несмотря на преобладание там старообрядческого населения, казачья молодежь предавалась разгулу и разврату, оставшиеся в станицах казачки вели себя достаточно свободно, в результате чего 25% всех заболеваний приходилось на венерические¹⁹⁶.

О распушенности в станицах 1-го военного отдела писал атаман отдела полковник А.С. Мелянин¹⁹⁷. Тем не менее сложно сказать, какая составляющая нижеследующего примера вызвана распушенностью, а какая — отчаянием. Голод начала 1890-х годов, безусловно, ожесточил население. В декабре 1891 г. в поселке Желтом станицы Воздвиженской произошел захват хлебного магазина, утверждали, что был выкраден хлеб. По этому поводу в поселке начались беспорядки, местные жители грозили поселковому атаману побоями, требуя арестовать вора. Однако, как показало расследование, на самом деле кражи не было¹⁹⁸.

Серьезным фактором жизни войска была преступность¹⁹⁹. В частности, по вечерам на улицах войсковой столицы было небезопасно появляться одиночным прохожим²⁰⁰. По статистике 1908 г. 33,2% преступлений, совершенных на войсковой территории, были преступлениями против личности и 21,9% — против имущества²⁰¹. Значительное количество преступлений было так или иначе связано с приезжими, а не с коренным населением войска. В то же время в станицах случались преступления, которые можно связать с разрушением традиционных казачьих ценностей. Так, в станице Михайловской была ограблена церковно-доходная кружка²⁰². На подобное ограбление, если оно было совершено кем-то из казаков, вряд ли мог решиться человек глубоко религиозный. Более того, в некоторых станицах казаки организовывали даже специальные шайки для смещения строгих поселковых и станичных атаманов и борьбы с действиями Положения об общественном управлении станиц²⁰³.

Пьянство, недисциплинированность, неприятие авторитетов, безразличие к окружающему миру и замкнутость, особенно в среде казачьей моло-

дежи, являлись формами социального протеста и, вероятно, были связаны с трудностями самореализации в условиях мирного времени. К этому можно добавить еще врожденную лень, отличавшую казаков безотносительно к периоду их исторического развития²⁰⁴. Казаки, которые в начале XX в. были молодыми, в решающий период 1917—1919 гг. составили основную массу экономически (и политически) активного населения войска, то есть будущее гражданское противостояние имело глубокую социальную подоплеку.

В заключение раздела об экономических и бытовых проблемах казачества хотелось бы процитировать одно печальное, но, на наш взгляд, точное наблюдение П.Н. Краснова, посвященное интересам значительной части казаков и в первую очередь казачьих офицеров: «Все погрязли в хозяйственных заботах. Все думы о гарнизях, выгодной покупке сена... экономической крупе. Перед вами хозяева и коммерсанты, недурные управляющие скотными дворами, но не кавалеристы»²⁰⁵.

Воинская повинность оренбургских казаков

Основной и наиболее тяжелой повинностью оренбургского казачества являлась воинская повинность. К началу XX в. казаки уже не могли считаться теми природными воинами, какими они были раньше, во время их борьбы с кочевыми народами. Генерального штаба генерал-майор А.Ф. Редигер отмечал, что казаки «конечно, уже не могут более являться на службу столь же готовыми воинами, как прежде. Но те природные качества, которые выработались в казачестве путем подбора людей с особым характером и наклонностями, а также и вековыми условиями быта казаков, не успели и еще не скоро успеют сгладиться; и по настоящее время казачьим войскам присущ воинский дух, поддерживаемый преданиями старины, особыми условиями отбывания воинской повинности, особым устройством их управления; казаки и ныне являются естественною конницею, так как размер войсковых земель пока еще позволяет населению заниматься обширным коневодством. Наличие этих двух условий: воинского духа и, так сказать, прирожденного искусства верховой езды — до настоящего времени делают казачьи войска незаменимым источником для формирования многочисленной конницы, по своей численности равняющейся совокупности всей кавалерии наших западных соседей и особенно способной к действиям, требующим от каждого всадника сметливости и сноровки: к партизанской войне, к сторожевой и разведывательной службе и т. п.»²⁰⁶.

Тем не менее по вопросам воинской повинности казаков и ее совершенствования в начале XX в. велась активная дискуссия. Одни ее участники считали казачество важной составляющей русской армии и настаивали на сохранении традиционного порядка несения службы, по мнению других,

казачество утратило свое былое значение и его необходимо было привести к виду регулярной кавалерии.

Как писал в 1900 г. Н. Путинцев, «наши казацьи войска, как известно, занимают весьма видное место среди вооруженных сил России, представляя собой обширный контингент для формирования особого рода «казацкого» войска, состоящего, как и вся наша армия, из трех родов оружия: пехоты, конницы и артиллерии... На всем... пространстве казацких земель живет около 6 000 000 душ обоого пола казацкого сословия»²⁰⁷.

При этом составе населения (до 2 900 000 только одних мужских душ) казацьи войска в мирное время содержат на действительной службе в составе строевых своих частей (полков, батальонов и батарей) до 65 000 человек, при 50 000 строевых лошадей... С объявлением же войны в ряды нашей армии становится всего 182 000 казаков, вполне вооруженных, обмундированных и снаряженных, при 174 500 собственных лошадей²⁰⁸.

Таким образом, даже при беглом знакомстве с военной организацией нашего казачества, нельзя не признать, что Россия, обладая таким богатым материалом для укомплектования своей конницы, имеет в этом отношении весьма важное преимущество перед государствами Западной Европы, из которых ни одно, как известно, не в состоянии будет выставить столь многочисленной конницы, как наше»²⁰⁹. Такова была точка зрения большинства казацких авторов.

К началу XX в. основные европейские государства обладали значительными кавалерийскими силами. В России в мирное время имелось 805 эскадронов и сотен, в военное — 1500, суммарно в Германии и Австро-Венгрии в мирное и военное время — 853 и 923 соответственно, в Японии — 73 и 89²¹⁰.

Т а б л и ц а 12

КАВАЛЕРИЯ КРУПНЕЙШИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ К НАЧАЛУ XX в.²¹¹

Государство	Вид кавалерии	Число полков	Вооружение
Германия	Кирасиры	10	Пика, палаш, магазинный карабин
	Рейтары	4	
	Уланы	25	То же (у унтер-офицеров — револьвер)
	Драгуны	27	То же (другой тип палаша; у унтер-офицеров — револьвер) ²¹²
	Гусары	21	
	Шевалежеры	6	

Государство	Вид кавалерии	Число полков	Вооружение
Австро-Венгрия	Драгуны	15	Сабля в стальных ножнах, магазинный карабин (у унтер-офицеров — револьвер)
	Уланы	11	
	Гусары	16	
Франция	Кирасиры	13	Сабля, палаш ²¹⁴ , магазинный карабин
	Конные егеря	21	Легкая сабля, магазинный карабин
	Гусары	14	
	Драгуны	31	Частью пика, все: сабля, магазинный карабин
Россия	Кирасиры	4	Шашка, магазинная винтовка со штыком
	Уланы	2	
	Гусары	2	
	Драгуны	56	
	Казаки	51 ²¹⁴	Частью пика, все: шашка, магазинная винтовка без штыка

Из таблицы видно состояние русской кавалерии после драгунской реформы Н.Н. Сухотина, осуществленной в 1882 г. и охарактеризованной автором «Истории русской армии» А.А. Керсновским как «разгром русской кавалерии»²¹⁵. Основную массу кавалерии составили драгуны, почти такой же была численность казачьей конницы. В военное время численность казачьих полков должна была увеличиться примерно в три раза (в военное время, по некоторым данным, казаки должны были выставить 151 с половиной полк или 969 сотен)²¹⁶.

Воинская повинность Оренбургского казачьего войска в начале XX в. определялась Уставом о воинской повинности Донского казачьего войска от 29 апреля 1875 г., распространенным с некоторыми поправками и на другие казачьи войска (таблица 13), а также Высочайше утвержденным 10 июля 1876 г. Положением о военной службе казаков Оренбургского войска.

Т а б л и ц а 13

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК²¹⁷

Возраст, годы	Подразделение	
18—21	Приготовительный разряд	
21—25	Стрелковой разряд	1-я очередь

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Возраст, годы	Подразделение	
25—29	Строевой разряд	2-я очередь
29—33		3-я очередь
33—38	Запасной разряд	
38—48	Войсковое ополчение	

На основании этих нормативных актов все мужское население Оренбургского казачьего войска подлежало воинской повинности без различия состояний. Не допускались денежный выкуп и замена добровольцем. Военный состав войска был разделен на служилый состав и войсковое ополчение. В служилый состав зачислялись все казаки, достигшие 18 лет к 1 января того года, в который производилось зачисление. Исключение составляли лица, лишенные всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ.

Зачисление производилось по особым возрастным спискам, составлявшимся в станицах. Войсковое начальство определяло число мобилизуемых в первоочередные части, разрядка направлялась атаманам отделов и станиц, а в самих списках устанавливался предельный номер, казаки, указанные в списке ниже этого номера, зачислялись в льготные части. Казаки должны были являться на службу со своим снаряжением, вооружением (кроме огнестрельного оружия) и строевым конем.

Первоначально казаки поступали в приготовительный разряд, в котором их готовили к службе в течение трех лет. В течение первого года казаки освобождались от личных повинностей, занимались приготовлением необходимого для службы снаряжения. С осени второго года начиналось обучение военному делу в станицах и поселках. Обучение проводили станичные инструкторы-сверхсрочники (урядники и трубачи) под наблюдением офицеров, откомандированных от первоочередных частей и состоявших в распоряжении начальников отделов. Расписание занятий утверждалось Наказным атаманом. На третьем году, помимо обучения по станицам, проводились лагерные сборы, длившиеся один месяц в свободное от полевых работ время. На сборы казак должен был явиться верхом с исправным седлом, вооруженный пикой и шашкой. Питались казаки во время сборов за свой счет. Как правило, лагерные сборы проводились в 1-м военном отделе — на реке Черная, во 2-м — на реке Гумбейка и в 3-м отделе — на реке Увелька.

Сборы являли собой впечатляющее зрелище. Обычно в них участвовало не менее двух с половиной тысяч казаков при нескольких десятках офи-

церов. Это внешняя сторона сборов, что же касается их результата, то он оставлял желать много лучшего. По свидетельству начальника Главного управления казачьих войск, побывавшего на сборах оренбуржцев в 1902 г., «казаки твердо сидят в седле, смело ездят и хорошо управляют лошадью; преодоление препятствий значительно слабее, а рубка и уколы неудовлетворительны»²¹⁸.

Затем на протяжении 12 лет казаки должны были состоять в строевом разряде. К 1 января 1908 г. в строевом разряде Оренбургского казачьего войска состояло 23 355 казаков²¹⁹. Первые четыре года казаки находились в частях первой очереди, на четвертом году службы (не позднее 10 августа для полков, дислоцированных в европейской части России) они увольнялись на льготу²²⁰, следующие четыре года состояли в частях второй очереди (на льготе), то есть жили в станицах, но должны были в исправности содержать строевого коня, обмундирование, вооружение и снаряжение и ежегодно собираться на три недели в лагерь. Последние четыре года казаки числились в частях третьей очереди, но могли уже не иметь строевых лошадей и лишь однажды на третьем году должны были собираться в лагерь, однако по первому требованию к выходу на службу обязаны были завести строевого коня.

По достижении 33 лет казаки перечислялись на пять лет в запасной разряд, из состава которого пополнялась убыль строевых частей в военное время. После 20-летней службы казаки зачислялись в войсковое ополчение, где числились до тех пор, пока были в состоянии носить оружие. Особо учитывались десять младших возрастов войскового ополчения, в которые входили вполне еще крепкие мужчины от 38 до 48 лет. Войсковое ополчение подлежало мобилизации лишь при чрезвычайных обстоятельствах военного времени. Казаки служилого состава, признанные негодными к службе по состоянию здоровья, но способными к труду, облагались до увольнения своих сверстников в отставку натуральной повинностью или денежным сбором²²¹.

Крайне ограниченными были льготы по семейному и имущественному положению. Они сводились лишь к предоставлению преимущественного права на зачисление в льготные части. Льготы по семейному положению предоставлялись: казакам, являвшимся единственными работниками в семье; одному из членов семьи, подлежащих наряду на действительную службу в один и тот же год; одному из членов семьи, если два и более членов семьи уже находились на действительной службе в качестве нижних чинов.

По имущественному положению льготы предоставлялись: казакам из семей, которые лишились жилья из-за пожара, если со времени пожара прошло не более двух лет; казакам из семей, которые лишились зерна, необходимого для пропитания семьи и для посева, если со времени пожара

прошло не более года; казакам из семей, оказавшихся в крайней бедности по независящим от них причинам.

Оренбургское казачье войско в мирное время должно было выставлять пять шестисотенных конных полков (всего — 30 сотен), две шестиорудийные и две четырехорудийные конные батареи в составе конно-артиллерийской бригады, в военное время — 17 шестисотенных конных полков (всего — 102 сотни), восемь шестиорудийных батарей (всего — 48 орудий) и одну запасную четырехорудийную батарею.

Этот наряд постоянно изменялся, так что к началу XX в. войско выставляло по штату мирного времени три шестисотенных и три четырехсотенных казачьих конных полка (всего — 30 сотен), две отдельные конные сотни, три шестиорудийные батареи (всего — 18 орудий) и три штаба льготных батарей двухорудийного состава, три пешие местные команды; на льготе состоял личный состав 12 шестисотенных конных полков и трех батарей, а также одной запасной батареи. В военное время войско обязано было выставить 15 шестисотенных и 3 четырехсотенных конных полка (всего — 18 конных полков или 102 сотни), две отдельные конные сотни, шесть шестиорудийных и одну запасную четырехорудийную батарею (всего — 40 орудий), три пешие местные команды, шесть запасных конных сотен²²². К 1907 г. наряд военного времени вновь изменился — в военное время выставлялось 14 шестисотенных и 4 четырехсотенных полка, отдельный двухсотенный дивизион, гвардейская сотня, шесть шестиорудийных батарей, одна четырехорудийная запасная батарея, шесть запасных конных сотен²²³.

К 1 января 1896 г. при численности мужского населения войскового сословия в 178 230 человек штат строевых частей Оренбургского казачьего войска мирного времени составлял 225 офицеров и 6110 нижних чинов при 5707 строевых, артиллерийских и обозных лошадях²²⁴. В военное время войско должно было выставить 418 офицеров, 19 638 нижних чинов (т. е. всего 20 061 человека), 21 030 лошадей (в том числе 17 758 строевых, 842 артиллерийских и 2430 подъемных и вьючных). То есть тотальная мобилизация всех трех очередей войска ставила под ружье только 11,2% мужского казачьего населения. Между тем высокое мобилизационное напряжение соответствовало 10% всего населения и при численности войска в 1895 г. в 354 297 человек должно было составить примерно 35 430 шашек. И думается, штат оренбургских казачьих частей военного времени мог быть увеличен по крайней мере в 1,8 раза. Очевидно, что к началу XX в. в связи с ростом численности казачьего населения назрела необходимость увеличения штатов войсковых частей, численность которых за четверть века почти не выросла. Вместе с тем в мирное время на службе состояло около 1,8% населения войска, что почти в два раза превышало принятый в Европе мирный состав армии в 1% населения²²⁵.

По мнению А.Ф. Редигера, «малый наряд от Оренбургского войска вернее всего объясняется его бедностью; большой наряд мог бы окончательно разорить его; и так за населением Оренбургского войска числится недоимок около 2 мил[лионов] рублей»²²⁶.

В военное время войско выставляло в 1,8 раза больше офицеров по сравнению с мирным временем, причем по штату военного времени офицеры составляли 2,08% всех чинов. В связи с мобилизацией штат нижних чинов возрастал в 3,2 раза, численность выставляемых войском лошадей возрастала в 3,7 раза.

По списку к 1 января 1896 г. в войске состояло 470 генералов, штаб- и обер-офицеров и 45 219 нижних чинов. В том числе 2508 казаков старшего возраста приговорительного разряда, 22 242 казака строевого разряда, 3685 казаков запасного разряда и 11 784 казака десяти младших возрастов войскового ополчения. Офицеры составляли 1,3% от численности нижних чинов²²⁷. Нижние чины служилого состава, имевшиеся налицо (43 911 казаков), в процентном соотношении распределялись следующим образом: 20% — приговорительный разряд, 57,5% — строевой разряд и 22,5% — запасной разряд.

На действительной службе в строевых частях состояло 198 офицеров и 5377 нижних чинов, всего 3,1% мужского казачьего населения (для сравнения, в Донском казачьем войске — 3,7%, в Кубанском — 4,2%, в Уральском — 4,4%, в Семиреченском — 4,9%, в Амурском — 5,1%). Общая численность казаков от 18 до 38 лет, включая негодных к военной службе, составляла 54 994 человека, или 30,8% мужского казачьего населения. Негодных к службе из этого числа было 11 083 человека, что составляло 20,1% к обязанным службой.

Офицерский состав распределялся по следующим категориям:

Т а б л и ц а 14

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
В 1895 г.²²⁸

Категория	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Итого
В строевых частях, должностях и числящихся по войску и артиллерии	7	34	418	459
Отставные	8	56	46	110
Невойскового сословия на службе в войске	1	3	7	11

Служба офицеров казачьих войск в целом подчинялась тем же правилам, что и служба неказачьих офицеров, но имела и свои особенности. Несмотря на кажущуюся замкнутость казачьего офицерского корпуса (которая в действительности была лишь внешней (сословной), т. е. только по отношению к неказакам и казакам других войск), путь для простого казака в ряды казачьих офицеров был открыт и обусловлен наличием образовательного ценза. Поток офицеров — выходцев из рядового казачества был достаточно обширен. Например, такие видные представители оренбургского казачьего офицерства, причем его интеллектуальной элиты, как И.Г. Акулинин и Ф.Е. Махин, были сыновьями простых казаков.

В то же время существовали и потомственные казачьи офицерские династии, также, безусловно, относившиеся к войсковой элите, — такие как Агаповы, Доможировы, Дутовы, Мякутины и другие. Их представители практически не имели альтернативы в выборе жизненного пути и должны были по примеру предков тоже становиться офицерами. Добавлю, что, как правило, они являлись потомственными дворянами (дворянство было выслужено их предками) и, таким образом, молодые офицеры, начинавшие служебный путь на рубеже веков, уже изначально относились, в отличие от неофицеров, к элите войска, имея более выигрышные стартовые позиции.

Многие будущие офицеры Оренбургского казачьего войска начинали свой служебный путь в стенах Оренбургского Неплюевского (учрежден в 1825 г.) или 2-го Оренбургского (учрежден в 1887 г.) кадетских корпусов. Часть получала домашнее воспитание. Затем обучались в Оренбургском казачьем юнкерском или в более престижном Николаевском кавалерийском (например, будущий Войсковой атаман А.И. Дутов) училищах. Небезынтересно, что выпускники Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса поступали затем, как правило, в Николаевское кавалерийское училище. Для зачисления в училище необходимо было иметь хорошее здоровье и овладеть учебной программой хотя бы в объеме городского трехклассного училища. В отличие от Оренбургского (до 1910 г.) Николаевское кавалерийское училище давало среднее военное образование и офицерский чин сразу при выпуске и, соответственно, требовало для зачисления более высокого образовательного ценза. В 1890 г. в училище была учреждена казачья сотня, которую неофициально именовали «царской».

С 1891 г. сотня была рассчитана на 120 юнкеров всех казачьих войск. Позднее к этому количеству прибавилось еще 15 стипендиатов-кубанцев. Плата за обучение в начале 1890-х годов составляла 600 рублей в год, в связи с чем некоторые юнкера из бедных семей, не имевших возможности оплатить обучение, были вынуждены переводиться в другие училища.

В сотне имелось четыре взвода. Обучение вели казачьи офицеры. Юнкера носили форму своих казачьих войск. Сотня размещалась на третьем

этаже здания училища²²⁹. По воспоминаниям современников, юнкера сотни «были известны в Петербурге как исключительная строевая часть по своей лихости и удали»²³⁰. Девизом училища была фраза «И были дружною семьею солдат, корнет и генерал!»²³¹. При выпуске из училища юнкера-казаки выходили в части своих казачьих войск. Сотня, да и все училище в целом, славились не только отличной строевой подготовкой, но и различными неформальными традициями, существовавшими в юнкерской среде. Традиции имели целью развитие лихости и, как тогда говорили, «отчетливости», а также любви юнкеров к прошлому²³².

Казачьи офицеры-артиллеристы проходили подготовку в соответствующих артиллерийских училищах. Наиболее целеустремленные, стремившиеся к успешной и быстрой карьере оканчивали военные академии. Часть офицеров совершенствовала свои кавалерийские навыки в Офицерской кавалерийской школе. Окончание школы давало казачьим офицерам помимо знаний еще и преимущество в получении следующего чина перед их сверстниками.

Оренбургское казачье юнкерское училище, основанное в декабре 1867 г., к началу XX в. считалось образцовым. В официальном отчете об осмотре училища летом 1909 г. сообщалось: «В Оренбургском казачьем юнкерском училище дело конного обучения поставлено правильно, и юнкера хорошо подготовлены в этом главном деле их будущей службы. Основной недостаток юнкеров — отсутствие выправки и известного щегольства в приемах и движениях, которое должно отличать офицера от рядового казака (подчеркнуто карандашом в тексте. — А. Г.). Причины этому те же, что и в Новочеркасском казачьем юнкерском училище: малая культурность класса, поставляющего юнкеров в училище, широкая учебная программа, отнимающая много сил и времени; в училище проходится английский язык и, по отзывам начальника училища, с большим успехом. Если юнкера выигрывают в сравнении с юнкерами Новочеркасского училища, то исключительно благодаря энергии начальника Оренбургского училища и отчасти недурному составу офицеров...»²³³ С 1901 г. училище стало комплектоваться юнкерами всех казачьих войск, кроме Донского. Связано это было с тем, что еще в 1896 г. было закрыто Ставропольское казачье юнкерское училище, а в 1901 г. — казачье отделение Иркутского юнкерского училища²³⁴. Кроме Петербурга и Оренбурга, казачьих офицеров (донцов) готовили теперь лишь в Новочеркасске — в Новочеркасском казачьем юнкерском училище. В 1901/02 учебном году в Оренбургском училище был введен трехлетний срок обучения, и с 1904 г. оно стало выпускать юнкеров с производством в хорунжие: окончившие по 1-му разряду — со старшинством в 1 год, а окончившие по 2-му разряду — со старшинством со дня производства. Такое преобразование соответствовало стремлению Главного управления военно-учебных заведений довести юнкерские училища до уровня военных. С этого же года юнкера по-

лучали обмундирование не за свой, а за войсковой счет. В 1910 г. училище было, наконец, приравнено в правах к военному и стало называться Оренбургским казачьим училищем. По штату в этом учебном заведении должно было обучаться 120 юнкеров, причем только 36 из них представляли Оренбургское войско, остальные были выходцами из других казачьих войск (24 из Уральского, 18 из Кубанского, по 12 из Терского, Сибирского и Забайкальского, по 3 из Астраханского, Семиреченского, Амурского и Уссурийского казачьих войск)²³⁵, за исключением Донского, имевшего свое училище в Новочеркасске. Оренбургское войско ежегодно добивалось приема до 12 юнкеров сверх комплекта. Срок обучения с 5 июля 1901 г. составлял три года²³⁶.

В конце XIX в. образовательный уровень офицеров 6-го Оренбургского казачьего полка был следующим: в 1885—1889 гг. — 15,6% с домашним воспитанием, 81,2% — выпускники юнкерских училищ, 1,6% — выпускники военных училищ, 1,6% — выпускники академий; в 1890—1894 гг. — 8, 81,5, 9,2, 1,3% соответственно; в 1895—1899 гг. — 1,6, 82,8, 14, 1,6% соответственно²³⁷. Налицо почти полное исчезновение категории офицеров только с домашним образованием и, следовательно, повышение уровня подготовки командного состава.

К концу XIX — началу XX в. сложилась следующая иерархия казачьих офицерских чинов:

Т а б л и ц а 15

ИЕРАРХИЯ КАЗАЧЬИХ И ДРУГИХ ОФИЦЕРСКИХ ЧИНОВ

Классы «Табели о рангах»	Казачьи войска	Кавалерия / пехота
2	Генерал от кавалерии	Генерал от кавалерии / Генерал от инфантерии
3	Генерал-лейтенант	
4	Генерал-майор	
6	Полковник	
7	Войсковой старшина	Подполковник
8	Есаул	Ротмистр / Капитан
9	Подъесаул	Штабс-ротмистр / Штабс-капитан
10	Сотник	Поручик
12	Хорунжий	Корнет / Подпоручик
13	Прапорщик (для офицеров военного времени)	

Казачьи офицеры имели право служить вне своих войск, перечисляться из одного войска в другое и даже вовсе выходить из войскового сословия. В последнем случае не дворяне были обязаны в течение полугода приписаться к городскому или сельскому обществу.

При производстве в первый офицерский чин молодым офицерам выплачивалось пособие на обзаведение строевой лошадей и седлом (200 рублей)²³⁸. Пособие генералам и офицерам за павшую или убитую в военное время лошадь составляло на 1907 г. 125 рублей. Значительную сложность представляла в конце XIX — начале XX в. вопрос об офицерской льготе, о котором будет сказано ниже.

В имущественном отношении большинство казачьих офицеров не было богато. Недвижимое имущество имелось далеко не у всех, в значительной степени обеспеченность офицера зависела от материального положения его супруги и родителей.

По конфессиональному составу наряду с православными, составлявшими подавляющее большинство, среди оренбургских казачьих офицеров были старообрядцы и довольно много офицеров-мусульман. По данным на 1902 г., 88% казаков были православными, 7,4% мусульманами и 4,6% старообрядцами²³⁹. По всей вероятности, приблизительно такое соотношение существовало и в офицерском корпусе войска. Старшими офицерами войска были представители татарских офицерских династий Дашкиных и Кочуровых, немецких династий — Бирков, Гумбургов и Шпицбергов. Разумеется, они являлись потомственными дворянами.

По имеющимся отрывочным статистическим данным об офицерах 6-го Оренбургского казачьего полка, национально-конфессиональный состав офицерского корпуса в конце XIX в. был следующим: в 1885—1889 гг. — 95,6% офицеров — православные (русские), 3,4% — католики (поляки), 1% — мусульмане (татары); в 1890—1894 гг. — 96,4% православных и 3,6% католиков; в 1895—1899 гг. — 97,2% православных и по 1,4% католиков и лютеран (уроженцев Остзейского края)²⁴⁰.

В том же полку женатые офицеры составляли: в 1885—1889 гг. — 86,9% офицерского состава; в 1890—1894 гг. — 73% и в 1895—1899 гг. — 61,7%²⁴¹. В среднем процент женатых офицеров был несколько выше процента женатых нижних чинов, но налицо и тенденция к понижению процента женатых (возможно, это объясняется ухудшением благосостояния казачьих офицеров).

Генералам Донского, Оренбургского и Уральского казачьих войск предоставлялось в начале XX в. четыре генеральские вакансии на должности начальников кавалерийских дивизий или бригад, расположенных в Евро-

пейской России. Для казачьих дивизий и бригад столь жестких ограничений не существовало. Издавались специальные кандидатские списки на замещение этих должностей, в которые заносились казачьи генералы и полковники. Назначения осуществлялись с учетом старшинства, аттестации и возраста кандидатов.

Представляют интерес правила, установленные для офицеров на случай мобилизации Оренбургского войска. В этом случае офицеры полков 1-й очереди, предназначенные в полки 2-й очереди, командировались немедленно без лошадей в пункты формирования полков, верховые лошади этих офицеров отправлялись к месту назначения особой командой под начальством одного из командиремых офицеров и с казаками, состоящими при командированных в качестве прислуги. Офицеры Оренбургского войска, служившие в Туркестанском военном округе, ввиду их позднего прибытия к местам формирования второочередных частей, пополняли исключительно третьеочередные части. Семьи мобилизованных казачьих офицеров по их желанию за счет казны могли перевозиться по железным дорогам на родину²⁴².

Как уже говорилось, войско было разделено на три военных отдела, каждый из которых, в свою очередь, делился на два полковых округа. Полковые округа являлись районами комплектования казачьих полков всех трех очередей. Из этого следует, что в каждом полковом округе формировалось три полка: один первоочередной и два льготных, следовательно, в каждом военном отделе формировалось шесть казачьих полков: два первоочередных и четыре льготных. На территории 1-го военного отдела формировались 2, 6, 7, 8, 13 и 14-й полки, на территории 2-го военного отдела — 1, 5, 9, 10, 15 и 16-й полки, на территории 3-го военного отдела — 3, 4, 11, 12, 17 и 18-й полки.

При таком подходе возникали накладки, обусловленные замкнутостью полковых округов, при которой некомплект чинов мобилизуемых частей мог пополняться исключительно из казаков соответствующего полкового округа. Например, в одном из полковых округов не хватало урядников полков второй очереди, их некомплект пополнялся из чинов, числившихся в полках третьей очереди данного полкового округа, а недостаток последних пополнялся из запасного разряда того же полкового округа. При этом в другом полковом округе того же военного отдела мог быть избыток урядников. В 1900 г. было предложено в этих целях мобилизовать урядников со всего войска²⁴³.

Первоочередные казачьи части к 1914 г. дислоцировались в Казанском, Киевском, Варшавском, Туркестанском и Петербургском военных округах:

Таблица 16

ДИСЛОКАЦИЯ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ

Часть	Место дислокации	Подчинение
1-й Оренбургский казачий полк	Харьков, Харьковская губерния	2-я бригада 10-й кавалерийской дивизии X армейского корпуса
2-й Оренбургский казачий полк	Варшава, Варшавская губерния	2-я бригада 13-й кавалерийской дивизии XIV армейского корпуса
3-й Оренбургский казачий полк	Волочиск, Подольская губерния	2-я бригада 12-й кавалерийской дивизии XII армейского корпуса
4-й Оренбургский казачий полк	Керки, Бухарское ханство	1-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
5-й Оренбургский казачий полк	Ташкент, Сырдарьинская область	2-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
6-й Оренбургский казачий полк	Новый Маргелан, Ферганская область	2-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
2-я (Оренбургская) сотня Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка	Гатчина, Санкт-Петербургская губерния	3-я бригада 1-й гвардейской кавалерийской дивизии
Отдельный Оренбургский казачий дивизион	Гельсингфорс, Нюландская губерния, Великое Княжество Финляндское	XXII армейский корпус
1-я Оренбургская казачья отдельная сотня ²⁴⁴	Оренбург, Оренбургская губерния	XXIV армейский корпус
2-я Оренбургская казачья отдельная сотня	Кустанай, Тургайская область (1-я полусотня — Иргиз, 2-я полусотня — Тургай)	XXIV армейский корпус
1-я Оренбургская казачья батарея	Бар, Подольская губерния	1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион 2-й сводной казачьей дивизии XII армейского корпуса
2-я Оренбургская казачья батарея	Керки, Бухарское ханство	1-я Туркестанская казачья дивизия I Туркестанского корпуса

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Часть	Место дислокации	Подчинение
3-я Оренбургская кипачья батарея	Бар, Подольская губерния	1-й Оренбургский казачий артил- лерийский дивизион 2-й сводной казачьей дивизии XII армейского корпуса
Оренбургская местная команда	Оренбург, Оренбургская губерния	—
Верхнеуральская местная команда	Верхнеуральск, Оренбургская губерния	—
Троицкая местная команда	Троицк, Оренбургская губерния	—

В мирное время Оренбургское войско составляло 11% от общего количества казачьих частей, в военное — 12,2%²⁴⁵. В то же время общая численность подлежащих призыву казаков значительно превышала штаты военного времени.

Все полки в мирное время жили примерно похожей жизнью, имелись лишь некоторые региональные отличия и отличия в комплектовании. Наиболее престижной считалась служба в 1-м и 2-м Оренбургских казачьих полках, расположенных соответственно в Харькове (с 11 сентября 1882 г.) и Варшаве. 1-й Оренбургский казачий полк был на хорошем счету, оренбуржцы заслужили доверие не только своего начальства, но и горожан, поднесших полку икону²⁴⁶. И это далеко не случайность. Казаки полка вместе со своим командиром во время наводнения в городе весной 1893 г. активно участвовали в спасении горожан. Почти девятнадцать с половиной лет (!) полком командовал генерал-майор Е.В. Шпицберг, затем возглавивший в 1897 г. Туркестанскую казачью бригаду. Именно он, еще в чине полковника, в условиях стихийного бедствия раздавал населению Харькова хлеб и одежду, купленные на свои средства и отчасти на пожертвования.

Пребывание в Харькове казаков с присущим им и уходящим в глубь веков колоритом и в какой-то степени восточной экзотикой вызывало живой интерес местных жителей — носителей совершенно иной культуры. Горожане неоднократно становились свидетелями тактических учений, джигитовок, взятия снежного городка, в основном проходивших на Конной площади Харькова. Уже в 1896 г. харьковский фотограф Альфред Федецкий при помощи киноаппарата Дементи заснял казачью джигитовку на киноплёнку, которая была отправлена во Францию. Увы, судьба этой уникальной киноленты, второй по счету в истории отечественного кинематографа (первая — ежегодный перенос иконы Озерянской Божьей Матери — также снята Федецким за месяц до этого), до сих пор неизвестна²⁴⁷.

Казаки стали как бы одной из городских достопримечательностей, к тому же 10-я кавалерийская дивизия была единственной конной дивизией на всей Левобережной Украине. Штаб полка был размещен в самом центре города, на улице Петинской (ныне — Плехановская), сотни также располагались в городской черте. 1-й полк был любимым полком одного из крупнейших русских кавалерийских начальников графа Ф.А. Келлера, с удовольствием носившего форму полка. Именно оренбургский казачий офицер (по некоторым данным, есаул Н.М. Сухин) из 1-го полка в 1887 г. обучил русскому языку К.Г. Маннергейма — будущего русского генерала и финского президента. Как писал сам Маннергейм, «моим сердечным другом и хорошим учителем стал один из казаков-кавалеристов — весьма образованный человек, прошедший военное обучение в Петербурге. Именно его стараниями уже осенью я говорил по-русски достаточно хорошо»²⁴⁸.

2-й Оренбургский казачий полк был дислоцирован в варшавском предместье Прага. Строевая подготовка казаков полка в конце XIX в. была поставлена достаточно хорошо, но при вопросах начальства казаки терялись, что свидетельствовало о недостаточном общении с офицерами²⁴⁹.

Несколько ниже стоял 3-й полк. Сохранилось описание смотра этого полка 27 ноября 1909 г. командиром XII армейского корпуса генерал-лейтенантом Коргановым: «Полк представлен в пешем строе со знаменем. На месте полк выровнен недостаточно чисто. Церемониальным маршем прошел порядочно. Знамя в пешем строе следует носить как в пехоте. Осмотрел стоявших в коновязи лошадей всего полка. Лошади в хороших телах, но мало езжены и плохо чищены, за исключением лошадей учебной команды, которые в должных телах и хорошем содержании. Лошадей 2 сотни я смотрел еще раз на выводке. Лошади цельные, слабоногих и вообще порочных почти нет.

Между представленными мне на выводке офицерскими лошадьми есть подлежащие замене.

Все осмотренные помещения (казарменные, ветеринарный лазарет, околоток и конюшни) содержатся чисто и в порядке.

Пища была вкусная; хлеб тоже хорош, но несколько суховат. На кухне 1 сотни видел машинку для чистки картофеля»²⁵⁰.

В полку было офицерское собрание, выписывавшее газеты и журналы. Учебная команда полка готовила унтер-офицерский состав. В августе 1900 г. полк принимал участие в маневрах XI и XII армейских корпусов в районе Проскурова. В ходе учений отрабатывались действия частей в наступлении, в обороне, а также партизанские действия. Между прочим, даже на учениях не удалось избежать настоящего бедствия русской армии — импровизации и «отрядомании»²⁵¹. Добавлю, что войско старалось направлять в свои части, расположенные на западной границе, лучший человеческий матери-

на, поскольку считалось, что эти части должны находиться в состоянии повышенной боеготовности²⁵². Нельзя не отметить, что сроки мобилизационной готовности Оренбургских казачьих частей постепенно сокращались. Если в 1887 г. 3-й Оренбургский казачий полк, дислоцировавшийся тогда в Киеве, был готов к выступлению в трехдневный срок по объявлении мобилизации²⁵³, то в 1914 г. срок готовности полка составлял уже несколько часов²⁵⁴, причем, и новая стоянка полка в непосредственной близости к границе не располагала к длительному мобилизационному периоду. С 1888 г. полк квартировал в м. Черный Остров (40 километров от границы) Подольской губернии (штаб), сотни располагались в местечках, селах и деревнях неподалеку, перед Первой мировой войной полк был передислоцирован вплотную к границе, в район Волочиска (5 километров от границы). 6–7 сентября 1900 г. 5-я и 6-я сотни полка были направлены для предупреждения беспорядков в Финляндию (5-я сотня в город Або, а 6-я — в Гельсингфорс), но так там и остались, будучи Высочайше утвержденным положением Военного Совета от 31 января 1901 г. переформированы в отдельный Оренбургский казачий дивизион²⁵⁵.

Небезынтересно, что в 5-й сотне дивизиона в апреле 1904 г. произошли драматические события, связанные с массовым неподчинением казаков своему офицеру подьесаулу Д.А. Панову. После обеда 12 апреля 1904 г. он «дважды поздоровался со старослужащими казаками вверенной ему сотни, бывшими на конном учении, но оба раза получил ответное приветствие только от приказного Буддыгина»²⁵⁶. Поскольку зачинщиков сотня не выдавала, 70 казаков было предано суду. Как установило следствие, имел место сговор старослужащих казаков. Первопричины выступления были достаточно любопытны. Непосредственную причину следствие видело в том, что 18 марта Панов выдал казакам деньги на приобретение вещей, которых не хватало по арматурному списку. 9 апреля он устроил проверку вещей, купленных казаками на выданные им ремонтные деньги, и у некоторых казаков необходимых предметов не оказалось. В этой связи Панов заявил казакам: «Вам бы только пьянствовать да воровать»²⁵⁷. Затем в течение двух-трех дней казаки сговаривались не отвечать на приветствие офицера. Как выяснилось, казаки и при прежних командирах позволяли себе подобные выходки, казенные деньги считали своими и, в частности, приобретали на них выпивку²⁵⁸, однако ранее такие случаи не афишировались. Новый начальник оказался более требовательным и, чувствуя общую распушенность сотни, обоснованно предал случившееся огласке. Все обвиняемые являлись выходцами из казачьих детей и, в основном, родились в 1879 г. Целью их выступления было стремление ослабить требования начальства. Зачинщиком бунта выступил трубач С.Г. Перфильев, отправленный за это на два с половиной года в дисциплинарный батальон. Остальные участники неподчинения получили

меньшие сроки наказания²⁵⁹. По свидетельству адъютанта дивизиона подесаула А.В. Стрелковского, в сотне наблюдались случаи повального пьянства. Так, 25 декабря 1901 г. «почти вся сотня была пьяна... казаки не все могли различить, что я офицер, несмотря на то что я был в сюртуке при аксельбантах»²⁶⁰. Офицер сотни хорунжий А.П. Кручинин в своих показаниях высказал мнение о более глубоких истоках беспорядков. Прежде всего, он отметил, что рядом с расположением сотни находилась пивная лавка, в которой казаки покупали алкоголь. В этой связи часто случались кражи, широко было развито пьянство. Кручинин заведовал читальной комнатой сотни, «но никто не приходит читать, а только норовят как бы стащить газету на «цигарки»²⁶¹. Плохая репутация сотни, по мнению Кручинина, была также связана с комплектованием ее казаками станиц, расположенных рядом с присками и границей Сибири²⁶². Нет оснований считать такую точку зрения ошибочной. Таким образом, перед нами конкретный пример разлагающего влияния неказачьего элемента на казаков.

Особняком стояли оренбургские казачьи части, дислоцированные в Туркестане. В этих частях и условия службы, и ее задачи были иными. С одной стороны, казачьи полки должны были обеспечивать лояльность России местного населения, а с другой стороны — быть готовыми к отражению внешней агрессии.

Казаки 4-го Оренбургского казачьего полка весной 1899 г. при проверке «имели вид бодрый и здоровый, одеты опрятно, выровнены хорошо; амунition пригнана правильно. На опрос претензий никто никаких не заявил... Винтовки содержатся в большом порядке и чистоте и сберегаются хорошо... Пики у казаков, пришедших в прошлом году на укомплектование полка, нового образца, у остальных же старого... На выстилке все предметы обмундирования и снаряжения оказались хорошего качества и в должном количестве согласно арматурных списков, за исключением суконных фуражек, построенных в войске подрядным способом, которые не могут быть признаны удовлетворительными, и казаки по приходе в полк заводят новые, а эти показывают только для отчета на смотрах. Седла у всех нового образца и содержатся в порядке, но кошма у потников недостаточно прокатана, а потому скоро изнашивается, вследствие чего для сохранения потников в полку заводятся подкидки, хотя таковые приказом по Военному Ведомству 1895 г. № 125 и не положены. Записные книжки ведутся в порядке; выдача жалованья производится своевременно, и казаки знают расчет. Ремонт на руки не выдается, а заводятся на таковой износившиеся вещи, остаток же по окончании службы отправляется в войско.

При осмотре 3-х казарм таковые оказались хорошие, построены в прошлом году инженерным ведомством для 3-х сотен на 144 человека каждая; в казармах по числу людей имеются железные кровати, под названи-

см топчаны, которые мало удобны по узкости (так в тексте. — А. I.) и малоустойчивости^{263, 264}.

По данным на конец 1899 г., в полку действовала довольно просторная полковая офицерская чайная, в которой собирались офицеры с семьями.

Тем не менее имелись и серьезные недочеты. Шашки некоторых казаков были плохо заточены или заржавели, часть патронов совершенно не годилась для стрельбы. То есть для смотров и парадов сделано было многое, но в отношении боевой готовности полка могли возникнуть проблемы.

5-й Оренбургский казачий полк в этом отношении отличился в худшую сторону. При осмотре этого полка выяснилось, что часть офицеров имела шашки в неудовлетворительном состоянии и плохо отточенные, некоторые офицеры не имели револьверов, шашки у некоторых нижних чинов были также плохо заточены. Офицеры носили разнотипное обмундирование. Казаки были неопрятно одеты, ходили в старых сапогах с заплатыми, в мятых, плохо вычищенных мундирах, некоторые имели грязные руки. Как выяснилось, взводные офицеры не осматривали своих подчиненных. Среди офицеров имело место пьянство. Имела место небрежность в распределении нарядов, в результате которой некоторые казаки ходили в наряд по три-четыре раза подряд.

В то же время некоторые стороны полкового быта не вызвали нареканий инспекции. Например, способ хранения винтовок и снаряжения или воспитательная работа, которой уделялось определенное внимание. В казармах полка имелось много картин из военного быта, а также таблиц с изображением различных моментов жизни казака²⁶⁵. В 1892 г. штаб и две сотни полка временно, сроком на два месяца, были передислоцированы из Ташкента в Маргелан, что, по всей видимости, связано с действиями русских войск на Памире²⁶⁶. По данным на 1899 г., ежегодный расход на содержание сотни полка составлял 32 812 рублей 62 копейки²⁶⁷.

На Памире, в настоящем «медвежьем углу», были дислоцированы некоторые сотни 6-го Оренбургского казачьего полка, который, по словам одного из полковых офицеров, автора истории этого полка есаула В.П. Водопьянова, «вступил в XX век вполне благоустроенной строевой частью, на обязанности которой лежит трудная задача охранения политических прав Империи на Памирах, составляющих одну из тех ее отдаленнейших частей, о которой большинство русского общества имеет самое смутное представление, а между тем служба на этой заоблачной окраине, не заметная для других, сопряжена для ее исполнителей с громадными нравственными и физическими лишениями. Отрезанные от всего живущего тройным рядом малодоступных и вечно снежных горных массивов, Памиры действительно составляют как бы Крышу мира, на высоту которого в 12 тысяч футов жизнь, быющая ключом у его подножия, достигает слабым оттолоском...»²⁶⁸.

С 1894 г. в полку по ходатайству Войсковой администрации проводилось обучение малолетних сыновей беднейших казаков (в мастерских и музыкальной команде), повзрослев, эти казаки отбывали при полку воинскую повинность²⁶⁹. Кроме того, с 1875 г. казаки полка комплектовали ракетную батарею, расформированную в 1881 г. Вновь о существовании батареи упоминается уже в 1890-е годы.

Штаб и первые четыре сотни полка в 1896—1899 гг. находились в Новом Маргелане Ферганской области (место постоянной дислокации полка с 1886 г.), 5-я сотня в укреплении Гульча, казаки 6-й сотни небольшими группами в укреплении Иркештам, в Памирском отряде и при российском консуле в городе Кашгар. Назначение полка было крайне ответственным, но повседневная жизнь оставляла желать лучшего. При проверке состояния полка в декабре 1898 г. у казаков 1-й, 2-й и 4-й сотен полка шашки оказались плохо отточены, некоторые заржавели или были слишком обильно смазаны, револьверами были вооружены лишь два офицера. Многие казаки имели старые, рваные и нечищенные сапоги. Лошади не отвечали требованиям, подковы не приходились по копытам и не имели шипов. Причем казаки даже спиливали шипы на тех подковах, на которых они имелись. 1-я и 2-я сотни размещались в новых, но тесных казармах из жженого кирпича. Для казаков была построена новая баня. А 4-я сотня ночевала в старых, темных и грязных бараках. Неприкосновенный запас был распределен по сотням и не мог быть готов к возможному выступлению полка в поход в течение 24 часов.

Еще хуже жилое казакам в укреплении Гульча. Там приходилось жить в грязных казармах с выбитыми полами и негодными рамами. На кроватях казаков не хватало досок, баня вот-вот грозила обрушением, в связи с чем ее не топили, и казаки вообще не имели бани. Деньги за работу рассчитывались произвольно, неприкосновенный запас был ограничен и не был готов к походу. Командир сотни не имел ни мобилизационного плана, ни записки. В случае мобилизации он просто не знал бы, что делать. Основной причиной разрухи было назначение в сотню командиров не на три, а на один год, после чего они уходили на льготу.

В укреплении Иркештам наблюдалась похожая картина. Шашки некоторых казаков были плохо отточены, жалованье выплачивалось с двух-трехмесячным опозданием. Рацион казаков был крайне беден в связи с тем, что для поставки продуктов был выбран плохой подрядчик. Большая часть картофеля размером не превышала вишню. Капусту вовсе не привозили, так что есть приходилось лишь картофельный суп и лапшу. Кроме того, в день на человека варили фунт мяса. Неприкосновенного запаса не было вообще. Жили казаки в плохих условиях. Все печи требовали перекладки, в стенах были трещины в результате землетрясения в ночь с 15 на 16 декабря 1898 г.

Туалет находился в 150 шагах за укреплением, в связи с чем казаки по ночам и зимой туда не ходили, а отправляли естественные потребности прямо у стен казармы²⁷⁰.

Некоторые казаки 6-го полка не знали своих мест во время выводки, неправильно держали поводья, молодые казаки не имели одиночной выправки, у части офицеров вообще не было лошадей. Имело место и рукоприкладство, некоторые случаи которого становились известны и начальству.

Интересный в отношении норм правосудия в русской армии и способов эффективного решения проблемы неуставных отношений случай произошел в 6-м Оренбургском казачьем полку. В одном из приказов по Туркестанской казачьей бригаде за 1899 г. сообщалось, что «6^м Оренбургского казачьего полка младший урядник Моисей Корчагин (подчеркнуто в тексте. — А. Г.) за нанесение удара казаку вверенного ему взвода Бикмурзину, следствием коего произошло повреждение барабанной перепонки, лишается мною звания урядника с перечислением в другую сотню. С казака Бикмурдина за непочтительное отношение к своему прямому начальству Командира полка взыскать по усмотрению»²⁷¹.

Сохранились данные о национальном составе казаков полка — в 1890—1899 гг. 86% составляли русские и 14% татары²⁷². Процент неграмотных за тот же период составил 10,1%. Добавлю, что 67,9% казаков были женаты, 31,1% служили, будучи холостыми²⁷³. Число сотен в 6-м полку неоднократно менялось, на 1900 г. полк был четырехсотенным.

Казаки полка нередко сопровождали научные экспедиции. Так, в январе 1898 г. оренбуржцы использовались в качестве конвоя в экспедиции немецких ученых Гольдерера и Футтера, причем вопреки договоренности были уведены в Китай, оказавшись чуть ли не на положении рабов. Лишь через год казаки смогли вернуться на родину, где их собирались предать суду²⁷⁴. Этот случай наглядно свидетельствует о нерациональном использовании казаков властью.

Однако даже в том захолустье, каким являлись многие стоянки казачьих полков в Туркестане, на фоне достаточно однообразных полковых будней бывали свои развлечения. Например, офицерские конные состязания на призы Военного министерства. Состязания проводились среди офицеров какого-либо одного полка, так что призы, несмотря на значительную иногда разницу в результатах, получались офицерами всех полков. В 1899 г. лучшим на состязаниях был результат сотника 4-го Оренбургского казачьего полка С.А.В. Кочурова 2-го.

В соответствии с Высочайше утвержденным Положением от 27 мая 1906 г. в ознаменование вековых исторических заслуг Астраханского, Ураль-ского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амур-

ского и Уссурийского казачьих войск, не имевших, за исключением Ураль-ского войска, своих гвардейских частей, был сформирован Лейб-гвардии Сводно-казачий полк. Основой формирования послужила Лейб-гвардии Уральская казачья Его Величества сотня, ставшая первой сотней полка и переименованная с 9 августа 1906 г. в 1-ю Уральскую Его Величества сотню.

Пропорционально численному составу, от остальных семи казачьих войск на формирование полка были назначены: от Оренбургского войска — сотня, получившая порядковый номер 2-й, от Сибирского войска — полусотня и по взводу от Астраханского и Семиреченского казачьих войск, составивших 3-ю сводную сотню, полусотня от Забайкальского войска и по взводу от Амурского и Уссурийского войск, составивших 4-ю сводную сотню, переименованную 2 апреля 1911 г. в 4-ю Приамурскую сотню. По штату, утвержденному 27 мая 1906 г., в полку полагалось иметь в мирное время 668, а в военное — 674 человека. Командир полка должен был иметь чин генерал-майора.

В постановлении Военного Совета от 30 мая 1906 г. предписывалось «выбор офицеров для первоначального укомплектования вновь формируемого полка произвести по усмотрению наказных атаманов подлежащих казачьих войск... с тем, чтобы офицеры эти были избраны из отлично аттестованных (преимущественно из наиболее отличившихся в Русско-Японскую войну) и принадлежащих к войсковому сословию своих войск...»²⁷⁵.

9 августа 1906 г. полку были дарованы права и преимущества Старой Гвардии. Шефом полка с 9 августа 1906 г. по 4 марта 1917 г. являлся сам император Николай II. Старшинство полка велось с 6 апреля 1830 г., когда Лейб-Уральской сотне были пожалованы права и преимущества Молодой Гвардии и она была преобразована в Лейб-гвардии Уральскую сотню. Полковой праздник отмечался 6 апреля, в день Св. Евтихия.

Полк был сформирован к 28 октября 1906 г. и организационно входил (до 23 марта 1916 г.) в состав 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (с началом войны бригада была преобразована в Сводную казачью дивизию). С 23 марта 1916 г. находился в составе Гвардейской казачьей бригады Сводной Гвардейской кавалерийской дивизии.

Первым командиром полка стал бывший командир Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотни генерал-майор Л.И. Жигалин (1859—1926). Помощники: полковник В.Г. Хорошхин (уралец) и П.И. Кременцов (оренбуржец). Адьютант полка — сотник 1-й Уральской сотни Н.А. Колпаков.

Полковой штандарт был пожалован 9 августа 1906 г. и имел надписи «1798—1898», на скобе «1906 Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка» и Андреевскую юбилейную ленту (пожалована Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотне 2 января 1899 г.). Парадная форма для чинов полка была установлена в соответствии с приборными цветами их войск.

Уральцы и семиреки получили малиновые мундиры, оренбуржцы — голубые, сибиряки — алые, астраханцы, забайкальцы, амурцы и уссурийцы — желтые. Такого же сукна были тульи фуражек и вальтрапы при парадной ссадовке. Повседневная форма с 1910 г. для всех чинов была из темно-синего гвардейского сукна с белыми кантами по обшлагам рукавов. 4 октября 1912 г. был утвержден полковой знак в виде золотой императорской короны, опирающейся на две залитые черной эмалью скрещенные атаманские насеки, которые обвивает бант из Андреевской эмалевой ленты.

В полку преобладали офицеры с опытом Русско-японской войны. В 1906—1914 гг. трое офицеров полка окончили Академию Генерального штаба: подьесаулы Н.Н. Мартынов (уралец) и И.Г. Акулинин (оренбуржец), сотник Г.В. Рябов-Решетин (астраханец). Два офицера, сотник В.В. Мазуркевич (уссуриец) и хорунжий Н.А. Михайлов (сибиряк), поступили в академию. Из казаков в состав полка командировались, как правило, лучшие в своем войске как в физическом, так и в нравственном отношении. Все казаки были грамотны. По уровню развития выше других стояли оренбуржцы и сибиряки.

Конский состав сотен сильно различался по качеству, причем лучшие лошади были у уральцев и оренбуржцев. Масти лошадей различались по сотням: в 1-й и 3-й — гнедые, во 2-й — серые, в 4-й — наполовину гнедые, наполовину серые. 1-я сотня полка дислоцировалась в Петербурге на Караванной улице, возле Михайловского манежа, 2-я оренбургская сотня — в Гатчине, а к осени 1907 г. в городе Павловске были выстроены двухэтажные каменные казармы и конюшни для Штаба, 3-й, 4-й сотен и команд полка.

В 1909 г. для полковых офицеров и чиновников в Павловске и Гатчине были выстроены квартиры с удобствами: для обер-офицеров — в четыре комнаты с кухней и для штаб-офицеров и командиров сотен — в шесть комнат с кухней. Квартиры превышали по площади существовавшие к тому времени нормы для офицерских чинов. Помимо жалованья офицеры полка получали от своих войск ежемесячные пособия на представительские расходы в размере от 20 до 40 рублей, в зависимости от чина и должности.

В 1907—1909 гг. все сотни полка помесечно (по две сотни) несли охранную службу в дворцовых парках Царского Села, Павловска и Гатчины. В целях упреждения беспорядков команды и сотни полка также поочередно несли дежурство в районе Охтинских пороховых заводов и посада Колпино. Так как Царскосельский и Павловский парки были общедоступны в любое время суток, конные патрули полка должны были ежедневно следить в них за порядком, а также сопровождать членов царской семьи при их прогулках по паркам. Офицеры дежурных сотен полка по всем воскресным и праздничным дням удостоивались приглашения на Высочайшие

завтраки и принимали участие в торжественных мероприятиях в Высочайшем присутствии.

Полк неоднократно получал первые призы на спортивных состязаниях войск гвардии, например, три года подряд в лыжной гонке на 15 километров с боевой стрельбой. Лучшими в стрельбе были казаки 3-й и 4-й сводных сотен, тогда как казаки 2-й сотни лучше других владели холодным оружием. При полку действовало спортивное общество, организовывавшее соревнования²⁷⁶.

Изменения касались и казачьей артиллерии. Три первоочередные батареи комплектовались казаками соответствующих военных отделов. В 1890 г. две четырехорудийные Оренбургские батареи, дислоцированные в Казанском военном округе, были доведены до шестиорудийного состава²⁷⁷. В таком составе уже находилась еще одна батарея, квартировавшая в Туркестане. Кроме того, шестиорудийным должен был быть состав всех батарей в военное время. В 1889 г. создаются штабы льготных батарей для развертывания в военное время, в 1903 г. они переименовываются в кадры льготных батарей.

1-я и 3-я Оренбургские казачьи батареи, составлявшие 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион, в начале XX в. были дислоцированы в районе города Каменец-Подольский и подлежали переброске в Полтавскую губернию²⁷⁸. Тем не менее накануне Первой мировой войны дивизион располагался в Подольской губернии. В летний период дивизион участвовал в подвижных сборах в Подольской и Волынской губерниях.

В 1898 г. был поднят вопрос о передислокации 2-й Оренбургской казачьей батареи из Самарканда к афганской границе, в урочище Термез. По мнению нового командующего войсками Туркестанского военного округа Генштаба генерал-лейтенанта С.М. Духовского, изложенному в рапорте военному министру от 30 ноября 1898 г., «из всей пограничной полосы Туркестанского военного округа и Бухары с Афганистаном наибольш[е] для нас стратегическое значение имеет участок ее на пространстве между гор. Керки и уроч. Термез, так как тут проходят кратчайшие и удобнейшие пути из Туркестана в Северный Афганистан. В случае боевого столкновения с Афганистаном, на этой именно полосе мы можем ожидать первых ударов со стороны афганских войск, и эта же полоса должна быть исходным районом для нашего вторжения в Северный Афганистан по наиболее выгодному операционному направлению, на Мазар-и-Шериф.

На этом пространстве у нас имеется всего 4 батальона, 4 сотни, 8 пеших орудий и рота крепостной артиллерии, причем в Термезе находятся только 1 батальон и одна сотня в расстоянии 209 верст от Керков. Большие расстояния названных двух гарнизонов от ближайших подкреплений с одной стороны и близость значительных сил афганцев с другой делают

положение наших сил на верхней Аму-Дарье, особенно Термезского гарнизона, не вполне обеспеченным.

В виду сего является настоятельно необходимым возможно скорее принять меры для уменьшения невыгод нашего положения относительно Афганистана... Независимо того, полагал бы видоизменить расположение 1-й Туркестанской линейной бригады переводом 19-го Туркестанского линейного батальона из Керки в Термез с целью усиления Термезского гарнизона. Для придания же ему самостоятельности в обороне и наступлении, полагал бы включить в его состав 2-ю Оренбургскую казачью батарею, которую перевести из Самарканда»²⁷⁹.

Далее Духовской писал: «Мысль о переводе 2-й Оренбургской казачьей батареи из Самарканда в Термез на усиление Термезского гарнизона позникла вскоре по выборе в прошлом году места около Термеза для расположения там наших войск.

С своей стороны я также полагал бы вполне целесообразным из всех батарей, расположенных в Самарканде (легкая, пеше-горная и конная), выбрать для перевода в Термез именно 2-ю Оренбургскую батарею, как наиболее подвижную и наиболее способную для действий на разнообразной местности.

Для помещения в Термезе 2-й Оренбургской казачьей батареи необходимо выстроить там для нее новые казармы»²⁸⁰.

Во всеподданнейшем отчете по Туркестанскому округу за 1897 г. император лично отчеркнул слова об опасном положении Термезского гарнизона. Наконец, 12 марта 1899 г. передислокация батальона и батареи была Высочайше разрешена. Позднее (но никак не ранее лета 1903 г.)²⁸¹ батарею перевели в город Керки на Амударье. Укрепление Керки при наступлении афганцев предполагалось оборонять до подхода главных сил. В 1899 г. специальная комиссия произвела осмотр укреплений Самарканда, Коканда, Нового Маргелана, Намангана, Андижана, Иркештама и Керков с целью привести их в надлежащее состояние, исходя из расчета, что атакующий не будет иметь артиллерии»²⁸².

В 1892 г. установлено формирование в военное время шести запасных сотен для пополнения убыли в полках. Эта система запасных частей не претерпела изменений вплоть до Первой мировой войны. В 1895—1897 гг. оренбургские казачьи части были перевооружены новыми трехлинейными магазинными винтовками образца 1891 г.²⁸³ Льготные части также были перевооружены, оружие (в том числе сданные казаками старые винтовки Бердана) хранилось в складах Казанского военного округа. С лета 1895 г. образцы новых винтовок предписывалось использовать уже и при зимних занятиях с молодыми казаками (по четыре винтовки на станину)²⁸⁴. Винтовки производились на Ижевском заводе. Можно также отметить, что в

1895 г. один из оренбургских казачьих полков принял участие в крупномасштабных маневрах под Смоленском, наряду с донскими и кубанскими частями²⁸⁵.

К началу XX в. в казачестве назрела необходимость осуществления реформ, целью которых должно было стать значительное повышение боеготовности и боевых качеств казачества, а также установление способа укрепления боеспособности казачьих войск без подрыва их экономического благосостояния. Среди документов штаба Туркестанского военного округа нам удалось обнаружить документ, освещающий положение казачьих войск в начале XX в. и предложения строевого офицерства по преобразованию и совершенствованию казачьей воинской службы. До сих пор этот документ не привлекал внимание историков. Речь идет об анонимной записке «Наболевшие казачьи вопросы, нужды и мысли», поданной в 1902 г. на имя военного министра.

Автором записки, предположительно, являлся высокопоставленный офицер или генерал Терского или Кубанского казачьего войска. Подобное предположение обусловлено тем, что в записке с глубоким знанием дела обрисовано положение, прежде всего, именно Кавказских казачьих войск (т. е. собственно Терского и Кубанского). При этом записка носит общий характер и с определенными оговорками может быть отнесена ко всем казачьим войскам Российской империи.

Значение этого документа в рамках рассматриваемой темы трудно переоценить. Учитывая традиционно презрительное, если не брезгливое, отношение к анонимкам в русской армии, записку должна была ожидать печальная участь. Однако случилось иначе. По всей видимости, адресат обратил внимание на серьезность документа, адекватно оценив его значение для реформирования казачества. Документ был не только внимательно изучен, но и по распоряжению военного министра разослан Главным управлением казачьих войск в 1903 г. командующим войсками округов, командирам корпусов, начальникам дивизий, в которых имелись казачьи части, командирам казачьих бригад и полков, Наказным и окружным атаманам, атаманам отделов. В итоге, несмотря на свой анонимный характер, записка вызвала значительные последствия.

Кратко перечислю список вопросов, поставленных анонимным автором и относящихся к казачьим войскам в целом (исключены конкретные предложения автора по Терскому и Кубанскому казачьим войскам, в сносках приведены резолюции по многим пунктам, сделанные в ГУКВ)²⁸⁶: о пособии на покупку строевой лошади в размере 120 рублей; об уравнивании казачьих и драгунских офицеров при производстве из сотников в подьесаулы и есаулы; о поднятии степного табунного коневодства и об улучшении конского состава казачьих частей путем образования подвижного конского депо (та-

буна)²⁸⁷; о назначении атаманами отделов только бывших полковых командиров первоочередных частей²⁸⁸; об изъятии казачьих полков из состава кавалерийских дивизий²⁸⁹; об увеличении штата офицеров в казачьих полках и сравнении такового со штатом офицеров в шестизэскадронном полку; об уничтожении или ограничении льготы казачьих офицеров²⁹⁰; о своевременном укомплектовании молодыми казаками полков, стоящих на европейских границах (идея переноса срока укомплектования с марта на ноябрь)²⁹¹; о замене колесного обоза выючным в казачьих полках, стоящих на границах²⁹²; о недостатке современного казачьего седла и выюка последнего образца (снаряжение образца 1895 г.); о введении ватных зимних бешметов взамен полушубков; о допущении командовать казачьими сотнями только есаулов (желательно — исключительно выпускников Офицерской кавалерийской школы)²⁹³; о выдаче офицерам ссуды на приобретение вторых строевых офицерских лошадей (казенных), т. к. офицеры сильно утомляли своих лошадей и в результате даже вынуждены были одааживать лошадей у казаков, что вело к падению дисциплины²⁹⁴; о запрещении употреблять готовые машинные подковы в полках²⁹⁵; об увеличении числа комплектов патронов в казачьих частях, стоящих на границе²⁹⁶; о гелиографах и полевых телеграфах²⁹⁷; о бурдючных плотах и гупсарах²⁹⁸; о замене инструментального выюка для порчи железных дорог пироксилиновыми патронами²⁹⁹; о непригодности рекомендованного потника — попоны³⁰⁰; об освобождении полков от уплаты денег за павших в мирное время казачьих лошадей³⁰¹.

Практически все предложения, изложенные в документе, носили лишь технический характер. Принципиальное значение имели только три вопроса — вопрос об офицерской льготе, вопрос о казачьих полках в составе соединений регулярной кавалерии, а также вопрос о лошадях для казаков и казачьих офицеров. Тем не менее это не умаляет значение самой записки, поскольку она отражала точку зрения казачьего офицера, не считавшего, что казачество необходимо реформировать более радикально. Еще более интересны суждения казачьих начальников, получивших копии этой записки. Они демонстрируют абсолютное многообразие точек зрения, а порой даже взаимоисключающие взгляды, на совершенствование казачьей службы и внутреннего уклада. Подобное положение вещей со всей очевидностью свидетельствует о глубоком кризисе конницы и казачества в начале XX в. и о неуверенности, даже специалистов конного дела и представителей войскового сословия, в дальнейших путях развития казачества и конницы.

Иначе как подхалимством нельзя назвать оценку анонимной записки командиром I Туркестанского армейского корпуса, который писал, что в записке нет ничего нового, на все эти вопросы ГУКВ уже обращало внимание, а высокообразованные чиновники ГУКВ приложили значительные усилия, благодаря которым «казачьи войска так подняты во всех отноше-

ниях, что никоим образом даже нельзя и думать сравнивать корпус казачьих офицеров и строевые казачьи части теперь с тем, что они представляли 30—35 лет тому назад.

Полками теперь командуют большей частью, даже в войсках территориально пограничных, командиры с хорошим образованием, с солидным служебным и боевым опытом; состав младших офицеров значительно улучшился, между сотенными командирами и молодыми офицерами немало лиц, окончивших курс в кавалерийском училище, а молодежь стремится получить высшее образование и охотно идет в академии.

Строевая подготовка нижних чинов несравненно повысилась, хозяйство упорядочено, а между тем служба и бытовые условия казачества несколько не препятствуют к сохранению тех неоцененных природных качеств легкого конника, которыми исстари славились наши казаки.

Благодаря просвещенной и высоко полезной деятельности Главного Управления казачьих войск, мы имеем теперь в казачьих войсках такую мощную военную силу, какую не имеет ни одна чужеземная армия, и которой все иностранцы положительно завидуют.

Во время последней Китайской кампании мне неоднократно приходилось слышать от иностранцев восторженные отзывы о прекрасной службе, продуктивной работе и завидной выносливости наших казаков, служивших на своих небольших, невзрачных по виду, но крепких, выносливых и неприхотливых конях.

Я не знаю автора анонимной записки, но могу объяснить только излишней страстностью его суждений и желаний самое заглавие записки (подчеркнуто кем-то из читателей. — А. Г.) «наболевшие вопросы», в предложениях для решения которых проглядывает стремление совершенно обособить казаков от регулярных кавалеристов. Такое одностороннее направление, конечно, не может быть признано и желательным и правильным.

Затронутые в записке вопросы находятся уже на пути к разрешению, которое не может быть поспешно, вследствие связи их с общими вопросами и ввиду тех расходов казны, изыскать которые не всегда есть возможность, а теперь, при событиях на Дальнем Востоке, и в особенности трудно. Но нет сомнения, что и эти нужды казаков не забыты и будут удовлетворены также рационально и в той полной мере, как до сих пор все делалось Главным Управлением казачьих войск, чтобы дать казачьим войскам соответственное благоустройство и тем облегчить их службу как полевую, так и внутреннюю»³⁰².

Другие старшие офицеры были более критичны в отношении существовавшего положения вещей. Начальник Западносибирской казачьей бригады считал необходимым установить единство действий драгун и казаков, хотя казаки были более склонны к одиночным действиям, а драгуны — к

сомкнутому строю³⁰³. Замена сотенных командиров есаулами, закончившими Офицерскую кавалерийскую школу, была бы желательна, но в начале XX в. неосуществима. По мнению командира 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-майора Щербакова, желательно было выделить казаков из кавалерийских дивизий³⁰⁴.

По всей видимости, тогда же возникла идея в целях поднятия боевого духа войск присвоить казачьим полкам исторические наименования, а не просто номера, что в Оренбургском войске было осуществлено накануне Первой мировой войны.

По мнению командира 1-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-майора А.С. Мелянина, назначать атаманами отделов бывших полковых командиров обоснованно, поскольку каждый штаб-офицер Оренбургского войска от трех до пяти лет состоял в распоряжении атамана отдела в качестве наблюдающего за обучением молодых казаков и осмотром обмундирования и снаряжения льготных казаков 2-й и 3-й очередей. Затем он получал в командование полк и встречался с теми же казаками. Строевая служба давала большой опыт и навыки руководства занятиями, таким образом, командир полка был вполне подготовлен к административной должности. Атаман отдела должен был руководить лагерным сбором шести конных полков, в зимнее время делать инспекторские смотры четырех льготным полкам, руководить занятиями в станичных школах, заведовать станичным хозяйством и конно-плодовыми табунами. Иногда атаманами отделов назначались штаб-офицеры с административных должностей — «чаще штабные адъютанты, бывшие в строю 2—3 года в молодости и всю остальную жизнь просидевшие на одном стуле в канцелярии. Такие лица ни строя, ни жизни не знают и на посту Атамана отдела становятся жалкими»³⁰⁵.

По мнению традиционалиста Мелянина, казаки являлись воинами с малолетства, крепкими духом и телом. В связи с упадком казачества с середины XIX в. правительство обратило внимание на экономическое положение казаков и приняло ряд мер по улучшению их положения. «В настоящее время, — писал Мелянин, — корпус казачьих офицеров по своему развитию и военной подготовке одинаков с офицерами других родов оружия, и если они, в силу экономических, бытовых и даже служебных условий, не всегда имеют блестящий внешний вид, то скромностью, знанием службы, выносливостью, находчивостью во всех случаях стоят выше своих собратьев в дивизиях... Рядовые казаки грамотнее, развитее и сметливее драгун, привычны к трудам походной жизни и во всякой обстановке быстро ориентируются, сумеют найти и постоять за себя.

В данное время казаки на высоте своего призвания, а потому нет надобности держать их при кавалерийских дивизиях — «играть роль охотничьих

собак», как говорит автор анонимной записки»³⁰⁶. Служба казаков, по словам Мелянина, была одинакова с драгунской, а на маневрах и на войне даже тяжелее.

Мелянин всерьез опасался, что в военное время казаков «через месяц приведут в совершенную негодность. Кавалерийские начальники не любят и не понимают казаков, считают их чуть ли не париями военного дела, отсюда безрассудная гонка их и сбережение тел эскадронных лошадей за счет казачьих. И все это только потому, что казаки не блестят мундиром, имеют помимо общего устава свой своеобразный строй, дедовские обычаи и сидят на маленьких лошадях, нарушая своей невзрачностью общий строй дивизии. Боевые заслуги казаков, непосильные сборы их на службу забываются, третируется даже доблесть казачья, а между тем стоит только заглянуть в историю последних войн в Туркестане, чтобы изменить этот взгляд.

Во избежание голословности достаточно указать, что еще в дореформенное время, когда казаки служили в Туркестане отдельными сотнями, были плохо обмундированы, вооружены негодными 7[-]линейными винтовками, плохо обучены, считались чуть ли не милицией, а потому и были в загоне, пасынками других войск; но как только в[о] главе их явился способный и энергичный начальник, казаки, несмотря на свою плохую подготовку, выказывали прежнюю доблесть... Автор анонимной записки пишет, что в настоящее время на маневрах совместно с драгунами буквально заматывают казачьих лошадей и они без продолжительного отдыха становятся негодными к строю, между тем кавалерия стоит на границе и, казалось бы, сбережение лошадей должно быть на первом месте, так как никто не знает, в какое время будет объявлена война. Ненормальность такой гонки еще раз указывает на необходимость выделения казачьих полков из дивизии.

Одно время в кавалерии была мания разных пробегов и вообще кавалерийского спорта отдельными лицами и командами, вероятно на выбранных и тренированных лошадях. Пробеги эти ничего не доказали, только подняли газетный шум, впрочем, ясно было одно, что мы не знаем силы своих людей и лошадей. В этих пробегах участвовали и Оренбургские казаки, забыв свою службу в Средней Азии, где были громадные переходы без воды и корма не отдельными лицами и командами, а целыми частями. Так, Хивинский поход был сплошной подвиг для казачьих лошадей, а переправа 5 сотен с офицерами через Аму-Дарью в половодье, на расстоянии по прямому направлению двух верст, при быстром течении, могла вызвать восторженное удивление каждого. Между тем об этом не писали и сами казаки не считали это подвигом, а просто исполняли свою обязанность. Надо было выполнить приказание начальства, ну и переправились, имея один каюк для перевозки седел и оружия.

Принимая во внимание, что драгуны, сидя на рослых лошадях, более способны к кавалерийскому шоку в сомкнутом строю, а казаки на своих малорослых лошадях — к рассыпному и одиночному бою, и имея в виду существенную разницу в самом обучении и снаряжении, а также и в бытовых условиях тех и других, по моему мнению бесполезно держать казачьи полки в кавалерийских дивизиях; пусть каждый род оружия, не мешая друг другу, учится и совершенствуется сам по себе, развивая свои природные способности на славу Царя и отечества. Не надо забывать, что Кавказ и Туркестан завоеваны при самом деятельном участии казаков, наконец, события в Китае 1900 года доказали способность казаков следовать по стопам своих славных предков — богатырей, настоящая же серьезная война с Японцами окончательно выяснит пригодность казаков к столкновению с регулярными и храбрыми войсками противника»³⁰⁷.

Последовательным борцом с казачьим традиционализмом выступал П.Н. Краснов, утверждавший, что «нужно стремиться иметь единую русскую конницу... Ведь этак можно дойти до того, что в тот день, когда кавалерии дадут автоматическое ружье, просить казакам вернуть их старый добрый лук и опять начать ходить на штурмы крепостей с одними пиками»³⁰⁸. Как видно из его публикаций, Краснов призывал казаков использовать передовой опыт как регулярной, так и иррегулярной конницы.

Подъесаул Д.Г. Серов, штаб-офицер по особым поручениям при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска, предложил целый комплекс мер по реформированию воинской повинности казаков: освобождение казаков приговорительного разряда от недельных занятий в станицах и в лагере, а также отправка молодых казаков осенью в полки для подготовки к службе не в станицах, а в полках; отмена лагерных сборов для казаков второй очереди, прослуживших в строевых частях четыре года; увеличение до месяца продолжительности ежегодных сборов для казаков третьей очереди, не служивших в первоочередных частях; перенесение лагерных сборов третьей очереди с третьего на первый год службы; разрешение зажиточным казакам нанимать вместо себя на службу других (с целью обеспечить заработком казачью бедноту)³⁰⁹.

Все это, по его мнению, должно было значительно улучшить положение казаков, облегчив им тяготы воинской службы.

Характерной особенностью дискуссии о воинской повинности казаков, развернувшейся в начале XX в., явилось стремление значительной части авторов привести казачью воинскую повинность к виду воинской повинности регулярной кавалерии. Однако при таком ее реформировании возникал вопрос о том, сможет ли казачество, реорганизованное по принципу регулярной кавалерии, в случае войны мобилизовать свыше 100 тысяч хо-

рошо подготовленных и обученных всадников и сохранится ли оно само как особое сословие?!

Серьезную озабоченность вызывал вопрос подготовки казаков. Во все времена конница была дорогим и сравнительно малоупотребимым родом оружия³¹⁰. Изменившийся к началу XX в. характер боевых действий, резкое увеличение плотности огня, появление пулеметов и невозможность прежних конных атак по открытой местности ставили перед конницей новые задачи (эту точку зрения некоторые авторы тогда еще не разделяли)³¹¹, в том числе и в области подготовки частей. В пехоте основными стали разомкнутые боевые порядки (цепи), артиллерия стала использовать щиты и стрельбу с закрытых позиций, и только конница практически не менялась. Вызов времени породил оживленную дискуссию в военных кругах о направлении дальнейшего развития конницы. К сожалению, принципиально важного для подготовки к будущей войне единства взглядов (*unité de doctrine*) на обучение и боевое применение конницы в русской армии конца XIX — начала XX в. не существовало. По мнению Ф.А. Келлера, это было связано с тем, что «перевелись настоящие опытные кавалеристы»³¹². В результате конница не успела планомерно подготовиться к Первой мировой войне.

Следует оговориться, что в условиях углублявшегося кризиса целого рода войск подобного единства мнений не было не только в России. Признанный военный авторитет того времени германский генерал Фридрих фон Бернгарди в своем критическом очерке германской кавалерии, к примеру, отмечал: «Наша кавалерия, как я указал уже во введении, находится в состоянии брожения и неясности. Она еще тысячей нитей связана со взглядами и идеалами прошлого, в то время как мы познали новые цели и чувствуем их магнетическое притяжение. Если бы скорее преодолеть этот период известной неопределенности...»³¹³ Генерал Бернгарди полагал, что кавалерия в новых условиях должна сосредоточиться в основном на задачах разведки, охранения и службы связи.

Разбор плюсов и минусов конницы в Академии Генерального штаба (1905—1906 гг.) привел к следующему результату:

Т а б л и ц а 17

СВОЙСТВА КОННИЦЫ³¹⁴

Положительные	Отрицательные
Подвижность — следовательно, быстрота и стремительность движения на короткие расстояния	—
Большая сила удара в связи с высокой скоростью	—

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Положительные	Отрицательные
Сильна в движении	Бессильна в конном строю на месте
Быстро достигает успеха	Не может обеспечить достигнутого в конном строю
Успех приводит к полному расстройству неприятеля	Конницу крайне трудно привести в порядок при успехе
Нравственное воздействие на противника	Сама поддается впечатлениям
Сильный подъем духа при атаке	Сильный упадок при неудаче
Возможность внезапного появления	Большее, в сравнении с другими войсками, влияние различных обстоятельств на успех
Быстрое преодоление простреливаемых участков	Большие потери от огня, трудность нахождения укрытий
Быстрое соприкосновение с противником и возможность постоянного наблюдения за ним	Сильная зависимость от качеств и состояния конского состава
Может довести противника до полного расстройств	Весьма сложна в своей организации, подготовке и в ведении боя
Способна спешиваться и решать самостоятельные задачи	Необходимость создавать сложный тыл из коноводов
При спешивании может ввести противника в заблуждение, выиграть время	Вынуждена вести бой в пешем строю так, чтобы не лишиться коней
Полная зависимость от кавалерийских начальников	
В зависимости от обстановки неоценима или напрасно гибнет	
Может широко раскидываться и быстро собираться	Теряет при дроблении
Весьма полезна и может развязать нам руки при превосходстве	Дорого стоит
Подвижность позволяет быстро выйти из-под удара	Любое движение спиной к противнику может превратиться в беспорядочное бегство

Отсутствие единообразия при проведении тактических занятий русской кавалерии даже стало предметом специального разбирательства в 1906 г.³¹⁵ Еще в 1882 г. была Высочайше утверждена инструкция по этому вопросу, которая на практике фактически не соблюдалась. В идеале предполагалось,

что в зимнее время (с середины октября по 1 апреля) начальники дивизий и отдельных бригад должны собирать командиров бригад и полков для решения на 2—3-верстных картах большой стратегической задачи — «деятельность кавалерии впереди фронта армии в связи с действиями этой армии (причем следует включить и устройство тыла)». В полках должны были проводиться занятия со всеми офицерами, предписывалось распределять офицеров на две группы во главе со штаб-офицерами и решать теоретические задачи по разведке и сторожевой службе, расположению конных отрядов на отдых, обороне и наступлению. Необходимым признавалось также ознакомление с мерами охранения в германской и австрийской армиях. К групповым двусторонним занятиям требовалось привлекать офицеров Генерального штаба. Офицеры составляли проекты учений³¹⁶. В летнее время в войсках проводились полевые поездки и кавалерийские сборы.

На практике, как писал один из крупнейших отечественных практиков конного дела рассматриваемого периода генерал Ф.А. Келлер, «нет почти двух полков в Русской кавалерии, где работали бы одинаково и где царил бы один и тот же взгляд на разведку, на роль конницы на театре военных действий и на поле сражения»³¹⁷. Следует отметить, что граф Келлер отлично знал реальное состояние русской конницы. Уничтожающей критике он подверг деятельность Офицерской кавалерийской школы, превратившей средство (хорошую верховую езду) в самоцель и по сути, как считал Келлер, воспитывавшей не кавалерийских офицеров, а берейторов³¹⁸. В Академии Генштаба, по сведениям Келлера, не было ни одного профессора из бывших кавалеристов. Как следствие, выпускники владели лишь теоретическими, оторванными от жизни знаниями о применении конницы.

Б.М. Колюбакин писал в 1900 г., что кавалерия не может действовать абсолютно самостоятельно, ей необходима поддержка пехоты и артиллерии (4 орудия на 1000 коней), без поддержки пехоты кавалерия может быть задержана самой незначительной преградой, обороняемой малочисленным пехотным отрядом. Основными задачами кавалерии на современном этапе Колюбакин считал разведку, преследование противника и действия на сообщениях³¹⁹. В исторической перспективе его суждения оказались более верными, чем суждения П.Н. Краснова.

По мнению Краснова, «конница — оружие внезапности. Неожиданно появившаяся и быстро бросившаяся на пехоту конница всегда дойдет до пехоты уже по одному тому, что пехотные люди имеют нервы и предоставлены самим себе, люди же конные имеют нервы, но сидят на животных, которые опасности не признают и смерть презирают. Наконец, пехота вынуждена обороняться, конница атакует и по Наполеоновскому правилу — *on ne périt que par la défensive* — пехота всегда погибнет, в каком бы строю

конница ее ни атаковала. Единственно, что нужно для этого — это, чтобы конница по условиям местности могла дойти до противника»³²⁰.

В 1903 г. П.Н. Краснов, рассуждая о тактике казачьих частей в бою, писал: «...казакам и дан особенный, им одним присущий строй, или, вернее, особенная *тактика лав* (курсив П.Н. Краснова. — А. Г.). В ней допущено и разрешено то, что запрещено другим и самим казакам в других строях. Стрельба с коня в лаве должна иметь широкое применение, — в обыкновенном строю она воспрещена; кричать в атаках принято «ура», в лаве установлен гик. В обыкновенных строях передовая линия находится или в сомкнутом или разомкнутом, в лавах она может быть одновременно и по частям — и в сомкнутом, и разомкнутом (лава и звенья). Резерв в кавалерии обыкновенно сомкнут — в лаве он может быть разомкнут, отступление не делается полным ходом и в рассыпную — лава уносится во все стороны, словно стая трусов»³²¹. Итак, для П.Н. Краснова лава не была отдельным построением, по его мнению, ее применение представляло собой целую тактику, причем самостоятельную роль при такой тактике могла играть каждая сотня.

Ведение боевых действий лавами представлялось Краснову накануне Русско-японской войны в следующем виде: «Лавами казаки должны двигаться *всегда, коль скоро они соприкоснулись с противником* (курсив П.Н. Краснова. — А. Г.). Звенья лав нажимают на разъезды противников, гонят их назад. Сотни смыкаются для отогнания передовых эскадронов, и, когда противник, рассерженный дерзостью казаков, развернет боевой порядок, сотни рассыпают весьма жидкую цепь лав, из которых звучат меткие выстрелы по громадным целям, которые изображают из себя эскадроны! Горе тем наездникам [которые. — А. Г.], как то практикуется у нас иногда на маневрах, выедут для отогнания лав. Казаки подпустят их близко и выстрелами в упор, ударами копий свалят всадников и овладеют лошадьми. Те лошаденки, на которых выедут 2-я и 3-я очереди, заменятся быстро кровными конями неприятеля; офицеры, пойманные арканами калмыков-табунщиков, станут легкой добычей казаков. И когда рассерженный противник ринется всеми эскадронами, чтобы отомстить за смерть и плен своих солдат, казаки во весь опор ускачут и исчезнут в разные стороны, и если до наших сил далеко, то, утомленная продолжительной скачкой, остановится кавалерия противника. И только она станет, как снова со всех сторон появятся казаки, и если конница действительно слезла и устала вконец, то в сомкнутом, строго регулярном порядке, в чистом равнении, en masse, ударят казаки на неприятеля»³²².

Кавалерийский бой, как считал П.Н. Краснов, требовал прекрасной выучки людей и громадной втянутости лошадей³²³, причем, по его мнению, «старая чисто боевая и в этом смысле и полевая школа была совершенно утрачена»³²⁴ еще в XIX в. Изображенная Красновым картина боя лавой

напоминает тактику действий казачьей конницы в Отечественную войну 1812 г.

По мнению Ф.А. Келлера, лава не являлась просто рассыпным строем, Келлер считал лаву сочетанием сомкнутого, рассыпного и спешенного строев³²⁵. Келлер призывал кавалерийских офицеров больше доверять развитости нижних чинов, быть более внимательными к личности солдата и, как следствие такого подхода, осваивать лаву, в которой каждый всадник являлся самостоятельной боевой единицей. Большое будущее лаве прочил и А.Ф. Матковский³²⁶.

В. Миткевич, считая лаву необходимой лишь для борьбы с регулярной кавалерией противника, добавлял, что «казаки могут пользоваться *пулеметами* (курсив В. Миткевича. — А. Г.), огонь которых из лавы по сомкнутым кавалерийским частям должен быть особенно действительным»³²⁷.

Как писал А. Литвинов, «задачи конницы так ответственны и обширны и она сама так незаменима, что не только гибель, но даже и растрата своих сил будет поставлена ей в вину, и даже геройская смерть не искупит того вреда, который принесет армии кавалерия неподготовленная, неумелая и бездейственная»³²⁸.

По мнению Ф.А. Келлера, на войне кавалерия, пожертвовав собой, должна была вернуть государству те значительные средства, которые были на нее потрачены в мирное время³²⁹. П. Залесский полагал, что первенствующим в коннице являлся моральный элемент, большое значение он придавал роли талантливого кавалерийского начальника. Вместе с тем главенствующим в предстоящей войне Залесский полагал бой пехотных масс, считая не менее почетным и для кавалеристов действовать в пешем строю³³⁰.

Горячими патриотами конного дела, помимо Ф.А. Келлера, были такие видные военные ученые того времени, как Ф.К. Гершельман и А.Ф. Матковский. В русской военно-научной литературе начала XX в. утвердился критический взгляд на участие конницы в Русско-японской войне. Однако предметом критики была сама возможность использования конницы в Маньчжурии, в более глобальном отношении получила распространение точка зрения, что после Русско-японской войны роль конницы не только не уменьшилась, но даже и возросла. В Германии в марте 1905 г. численность кавалерийских полков была увеличена с 93 до 102, японцы увеличили свою конницу до восьми дивизий³³¹. Авторы не смущало появление дирижаблей и аэропланов, поскольку, как считал А.Ф. Матковский, они были более значимы для стратегической разведки, тогда как коннице все равно приходилось бы вести службу разведки³³².

Применительно к подготовке казаков необходимо было обратить внимание на их обучение в станицах. В Оренбургском казачьем войске каза-

ки старшего и среднего возрастов приговорительного разряда ежегодно привлекались к зимним строевым занятиям в своих станицах в течение посемидневных сборов под руководством наблюдающих за обучением офицеров и станичных инструкторов из урядников. Летом проходили 30-дневные учебные лагерные сборы под руководством тех же офицеров и урядников, а также при участии необходимого количества льготных казачьих офицеров. Общая продолжительность занятий составляла 78 дней. Во время занятий в станицах казаки обучались гимнастике, пешему строю, верховой езде, стрельбе, применению холодного оружия, сторожевой службе и т. д. Полученные навыки закреплялись во время летних лагерных сборов.

Казак почти полностью формировался в станичной атмосфере. Оренбургский казачий офицер и писатель Л.Н. Доможиров отмечал, что «еще до ухода в полк казак в станице настолько определенно складывается, сформировывается, что еще до отправления команды на службу в станице даже бабы знают, кто в полку будет вахмистром, урядником, хлебопек и т. п. и даже предредают, кто попадет в дисциплинарный батальон или тюрьму»³³³.

Серьезную озабоченность в военных кругах вызывало падение уровня грамотности и вообще развития казаков. По наблюдениям одного из авторов журнала «Военный сборник» — официального органа Военного министерства: «Теперь не редкость в станицах, особенно же расположенных вдали от больших населенных пунктов, встретить молодого безграмотного казака, собирающегося уже через год или два идти на царскую службу, который не знает, где он живет (в какой области, в каком уезде и отделе, на какой реке и т. д.), не знает молитв «Господней» и «За Царя», не слышал о пятой заповеди Господней и не слышал, чему она учит, не знает, как зовут Государя Императора, Государыню Императрицу, Наследника Цесаревича, и не может назвать своего ближайшего войскового начальства. Об Ермаке, например, о графе Платове, Бакланове и других прославленных героях-казаках, конечно, и не слышал; для него эти имена лишь пустой звук»³³⁴.

Делопроизводственная документация также позволяет судить об уровне подготовки казаков, призываемых на службу. Так, в одном из документов отмечалось, что в 1899 г. в 5-й Оренбургский казачий полк из войска прибыло пополнение, причем «нижние чины вообще выглядят неважно, выправки нет никакой»³³⁵.

Уже упоминавшийся Д.Г. Серов считал необходимым в целях улучшения подготовки отправлять казаков приговорительного разряда вместо зимних занятий в станицах для обучения в полки³³⁶. Некоторые авторы предлагали и более радикальное решение проблемы — полное упраздне-

ние приговорительного разряда и перенесение обязанностей обучения молодых казаков с войскового на строевое начальство³³⁷.

Организация лагерных сборов с точки зрения военной подготовки казаков являлась отдельной сложной проблемой. На лагерные сборы вызывались следующие категории казаков:

казаки старшего возраста приговорительного разряда со своими инструкторами;

казаки льготных полков второй очереди, кроме вернувшихся в предыдущем году из частей первой очереди;

казаки льготных полков третьей очереди, состоящие в них третий год;

казаки четырех младших возрастов строевого разряда, не состоящие на действительной службе, а причисленные к полкам третьей очереди;

льготные артиллеристы и казаки старшего возраста приговорительно-го разряда, выбранные на службу в артиллерию.

Лагерные сборы в Оренбургском казачьем войске обычно проходили в 1-м военном отделе — на реке Черной в 70 верстах от Оренбурга, во 2-м отделе — на реке Гумейке в 57 верстах от Верхнеуральска и в 3-м военном отделе — на реке Увельке в 25 верстах от Троицка. В каждом из трех лагерей одновременно обучалось несколько тысяч казаков. На период обучения казаки приговорительного разряда сводились в отдельные сотни, из казаков второй и третьей очередей формировались льготные полки четырех- и шестисотенного состава.

Несмотря на то что Положение об обучении казаков приговорительно-го разряда Донского войска 1876 г. было тогда же распространено и на другие казачьи войска³³⁸, организация лагерных сборов в казачьих войсках различалась. Так, в Донском казачьем войске руководили сборами специально назначенные офицеры, а в Оренбургском — офицеры, находившиеся на льготе или состоявшие в распоряжении войскового начальства³³⁹. Все казаки конных частей были обязаны являться на сборы верхом. Второочередные казаки — на своих строевых лошадях, а третьеочередные — лишь на лошадях, годных для учений (не обязательно строевых). Один из казачьих поэтов, К.Н. Калачов, в незамысловатых четверостишиях описал сущность весенне-летних лагерных сборов на реке Черной в 1-м военном отделе и отношение к ним рядовых казаков³⁴⁰:

Не с охотой мы идем,
Братцы, на «бараки»³⁴¹,
И едва-едва ползем
Мы туда, как раки...
А оттуда, изуча
Всю премудрость строя,
Задаем мы «стрекача»
В качестве героя!

—
Лишь ученье, «*пеший строй*»³⁴², —
В вихре, урагане,
В эту пыль и в этот зной —
Голова в тумане!
«*Конный строй*» — совсем не то:
На коне мы — хваты!
И завидуют давно
В этом нам солдаты...

—
Каждый день идет стрельба,
Рубка, фланкировка;
Каждый день трубят труба
Нам сигналы ловко:
«Бери ложку, бери бак!»
(Наш сигнал любимый),
«Хлеба нету — иди так»...
Возле кухни... мимо!..
Тяжела лишь нам стрельба,
Ломка, джигитовка;
Но и с ними вся борьба —
Есть одна сноровка!
Старшина наш Войсковой,
Н.П.Б.³⁴³ преловкий,
Донимает нас стрельбой,
Всем грозя винтовкой:
«Цельтесь правильной, смелей!
Попусту не хлопай, —
Будет драться веселей
После вам с Европой!»

Завершались сборы двусторонними маневрами, как правило, между двумя соседними военными отделами. Такие учения были бы крайне полезны, если бы отряды возглавляли строевые офицеры, однако начальниками этих отрядов назначались атаманы отделов, не имевшие времени на анализ и обобщение опыта учений и постоянно занятые решением хозяйственных вопросов³⁴⁴.

Для казаков, как для естественной конницы, сборы с точки зрения военной подготовки были очень важны. Именно благодаря сборам в военное время было возможно значительное увеличение казачьей конницы (примерно на $\frac{2}{3}$) без дополнительного обучения. Таким образом, льготные части представляли собой очень серьезный резерв для армии.

При подготовке казаков М. Григорьев предлагал казачьим офицерам обратить особое внимание на: а) упражнения в стрельбе из винтовки, сборке и разборке оружия, сбережении патронов; б) обучение пешему и конному строю; в) развитие наездничества, джигитовки и стрельбы на скаку; г) более серьезное ознакомление казаков с правилами военной дисциплины и чинопочитания³⁴⁵.

Вопрос о поднятии в казачьих войсках грамотности, коневодства, верховой езды, джигитовки и владения оружием был указан в записке «Наболевшие казачьи вопросы, нужды и мысли», поданной в 1902 г. на имя военного министра³⁴⁶.

Совершенствованию подготовки казаков на сборах, по мнению М. Григорьева, могло бы способствовать привлечение льготных казаков к сборам в регулярных или первоочередных частях, а также соединение казачьих сборов со сборами пехоты в целях обучения совместным действиям³⁴⁷. Подобная мера была необходима в связи с тем, что в военное время пехотные дивизии, формировавшиеся из резервных частей, в качестве дивизионной конницы получали призванные с льготы казачьи части.

Особое внимание подготовке казаков уделил в своих статьях П.Н. Краснов. Он считал, что «с первых шагов обучения кавалериста мы должны настойчиво проповедовать ему, что в бою, в лаве, он должен главной целью поставить себе — поразить возможно большее число неприятеля»³⁴⁸. Для подготовки к действиям казаков лавами Краснов считал необходимыми шесть этапов обучения: обучение отдельного всадника; обучение звена (16 казаков); обучение взвода (достаточно пять-шесть учений); обучение и маневры эскадрона; обучение и маневры дивизиона и полка; маневры бригады, дивизии и конного корпуса.

Важнейшим элементом этой программы было обучение отдельного всадника, которое необходимо было проводить зимой и летом, тогда как массовые учения — весной и осенью³⁴⁹. Краснов считал, что для того, «чтобы часть могла действовать в лаве, люди должны быть развиты. А для этого [необходимо. — А. Г.] возможно больше учить их поодиночке, чаще посылать с офицерами на маневры, на тактические полевые задачи, просто в город, чаще говорить с ними»³⁵⁰.

По мнению П.Н. Краснова, «в обществе сложилось убеждение, что всякий казак наездник от рождения, центавр своего рода, и учить его езде не к чему. Некоторые основания для существования такого убеждения есть. Действительно, казак не боится лошади, прочно сидит в седле, управляет конем властной рукою, но в этой привычке к коню, легком презрении к езде, небрежной посадке кроется немало погрешностей, отучить от которых казака нелегко, и требуется много одиночной работы над каждым станичником, прежде чем отучишь его от всех домашних полу-мужицких манер центавра»³⁵¹.

Негативным явлением Краснов считал и территориальный принцип комплектования казачьих частей, так как при этом создавалась замкнутость, не позволявшая казакам нормально развиваться³⁵², кроме того, многие казаки боялись своих зажиточных станичников. Боялись возможной мести в станице (например, поджога) в случае конфликтов на службе³⁵³. Необходимо добавить, что плюсы и минусы такого способа комплектова-

ния неразделимы (в качестве плюса нельзя не отметить большую спаянность этих частей)³⁵⁴. Таковы были наблюдения мирного времени. Военный опыт П.Н. Краснова в Русско-японскую войну дал ему материал для написания статьи «О строевом командовании казачьим полком», в которой автор выдвинул тезис, что «пора готовить конницу не к выводам лошадиных туш и выкладкам имущества, как в магазине, а ко вседневной и упорной готовности к кровопролитному бою на коне и пешком»³⁵⁵.

Самым слабым местом казачьего полка, по мнению Краснова, был его офицерский состав. Относительно подготовки казачьих офицеров П.Н. Краснов писал: «Жизнь быстро несется вперед. К коннице предъявляются новые требования, они выражаются в постоянно обновляемых уставах, в приказах и инструкциях, в чтениях и лекциях, в довольно богатой литературе. Но ее мало кто читает. И теперь еще можно видеть махание шашками по воздуху пешком и такую же пешую фланкировку пиками...»³⁵⁶

Совершенно иную позицию в этом вопросе занял Л.Н. Доможиров, утверждавший, что «общий уровень знаний казачьих офицеров, во всяком случае, не ниже такового же их регулярных товарищей»³⁵⁷. Для подготовки казачьих офицеров еще один автор, А. Литвинов, предлагал учредить специальное кавалерийское училище, «но не в Петербурге, который вредно влияет и на здоровье, и на патриархальные нравы казаков, а где-либо в провинции»³⁵⁸. Таким образом, в начале XX в. перед казачеством остро встала проблема совершенствования уровня подготовки как нижних чинов, так и офицеров для соответствия современным (на тот период) требованиям, которые предъявляла изменившийся характер ведения войны.

Вместе с тем в казачьих полках существовали сравнительно богатые полковые библиотеки, позволявшие офицерскому составу повышать уровень своей подготовки (командиры полков были обязаны пополнять книгами военного содержания полковые библиотеки, причем списки выписываемых книг утверждались начальниками дивизий). Так, в библиотеке 6-го Оренбургского казачьего полка, по данным на 1900 г., имелось 308 книг в научном отделе, 721 беллетристическое произведение и 1109 журналов³⁵⁹. В начале 1898 г. офицеры, находившиеся в войске, выступали с докладами на военные темы: в 1-м военном отделе — «Партизанская война» (2 марта, подэсaul Угличинин), «Полевая артиллерия в недалеком будущем» (13 марта, сотник А.Г. Черневский), «Наша национальная кавалерия (казаки)» (14 марта, полковник А.Г. Эррман), «Два сражения наполеоновских войск 2 августа 1812 и 13 марта 1814» (17 марта, сотник А.Н. Ончиков), «Сражение при Рымнике 11 сентября 1789 г.» (24 марта, сотник Головин), «Русско-турецкая война 1877 г. и переправа через Дунай у Зимницы» (27 марта, сотник Пискунов); во 2-м военном отделе — «Конница как самостоятельный отряд (по примеру Американской войны 1861—1865 гг.)» (25 января, есаул К.В. Боб-

ров), «Влияние малокалиберного оружия и бездымного пороха на действия конницы» (17 февраля, есаул Петров)³⁶⁰.

Тем не менее серьезные разногласия вызывал вопрос о необходимости офицерской льготы в казачьих войсках, прерывавшей строевую службу казачьих обер-офицеров. Льгота представляла собой трех-четырёхлетний обязательный перерыв в службе казачьего обер-офицера, вызванный необходимостью развертывания казачьих полков 2-й и 3-й очереди в случае войны. Оренбургские казачьи офицеры должны были выходить на льготу, отслужив по окончании училища три года в первоочередных частях. Пребывая на льготе, казачьи офицеры должны были находиться в состоянии постоянной готовности выступить на службу. Они принимали участие в ежегодных лагерных сборах, были обязаны иметь верховую лошадь, но при этом существовали за счет земельных наделов (право на их получение предоставлено Высочайше утвержденным Положением от 18 января 1875 г.), которые, как правило, сдавали в аренду. Многие, чтобы получать жалованье, поступали на работу в войсковые учреждения. За время службы офицеры в среднем трижды выходили на льготу. Этот вопрос имел, прежде всего, экономическую подоплеку в связи с низким жалованьем находившихся на льготе казачьих офицеров, а кроме того, был связан с проблемой совершенствования подготовки казачьих офицеров.

В Донском, Уральском и Оренбургском казачьих войсках офицеры числились во всех трех очередях строевых частей, постоянно переходя из очереди в очередь. В первоочередных частях казачьи офицеры состояли, как правило, три года, а в льготных — в зависимости от полноты и соотношения между штатным составом офицерских чинов в первоочередных частях мирного времени и комплектом офицеров военного времени³⁶¹.

За все время службы офицеры трижды выходили на льготу. При этом полное содержание они получали лишь на службе в первоочередных частях. Вопрос стоял так остро, что казачьи офицеры даже стали чаще отдавать своих сыновей на учебу не в военные, а в гражданские учебные заведения, чтобы те избежали лишений на льготе. В будущем это грозило некомплектом офицеров казачьих войск³⁶².

Льгота замедляла чинопроизводство казачьих офицеров, так как для скорейшего получения следующего чина важна была выслуга лет. Эту особенность, судя по всему, отлично понимал будущий Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов, ни разу не выходивший на льготу, а переводившийся на ее период в другие рода войск или в Академию Генерального штаба. В результате уже к 33 годам Дутов сумел выслужить чин войскового старшины, тогда как его отец, трижды выходивший на льготу, получил тот же чин только в 47 лет³⁶³. В то же время не уходить на льготу, оставаясь в казачьем полку, было почти невозможно, так как оставление

подлежавшего увольнению на льготу офицера повлечет «или преждевременное увольнение из полка на льготу вместо него другого неочередного офицера, или же лишит возможности офицера, состоящего в комплекте полков на льготе и на очереди, быть командированным из войска на службу. То и другое будет нарушением установленного порядка службы офицеров Войска»³⁶⁴.

Последовательным противником льготы выступал П.Н. Краснов. Он считал, что льгота мешает подготовке офицерских кадров, так как ко второму году службы офицер начинает думать о льготе, а не о службе. Льгота представлялась Краснову как безделье, за которое еще вдобавок платили жалованье³⁶⁵.

Со временем первой льготы у казачьего офицера, как правило, совпадал период возмужания и первой любви, который, по мнению Краснова, обычно на льготе заканчивался «довольно примитивным романом и таким же браком», а вскоре, с рождением детей, казачий офицер погружался в постоянные заботы о семье³⁶⁶. Денег не хватало, и офицер жил мечтой о скорейшем получении сотни в командование. С командованием сотней обычно связывалась надежда на прибавление жалованья на 30 рублей и, что особенно важно, на дополнительный доход в виде остатка от фуражных и иных финансовых операций.

У офицерской льготы, как утверждал П.Н. Краснов, было две основные причины: а) необходимость развития у казаков культурного сельского хозяйства при помощи офицера-помещика; б) необходимость создания офицерского запаса для развертывания в случае необходимости второй и третьей очереди. Однако первая причина к началу XX в. уже утратила свою актуальность в связи с массовым разорением и обезземеливанием офицеров-дворян, которые на льготе просто прозябали на казенном пайке.

В записке военному министру о наболевших казачьих вопросах, поданной в 1902 г., между прочим, говорилось и об уничтожении льготы обер-офицеров первоочередных казачьих полков³⁶⁷. Анонимный автор записки писал, что по штату в казачьем полку 23 офицера: командир полка, два помощника — штаб-офицера, шесть сотенных командиров, казначей, адъютант, заведующий оружием, начальник обоза, начальник мастерских, начальник учебной команды, его помощник, заведующий конно-саперным взводом, шесть младших офицеров. Из них два-три болеют, один-два в отпусках и командировках. В итоге на остающихся офицерах лежит большая нагрузка, в связи с которой они преждевременно стареют и теряют здоровье.

По мнению автора записки, на льготе офицер был занят военно-полицейскими обязанностями. Шесть-семь лет стажа командира эскадрона позволяли кавалерийскому обер-офицеру выслужить штаб-офицерский чин, в сотне в связи со льготой положение было иным — придя со льготы, офицер первый год привыкал к порядку, второй — начинал служить, на третий служил, а на четвертый уже собирался уходить домой.

Казачий офицер не нуждался в льготе для приведения в порядок хозяйства, т. к. земельные участки, у кого они были, как правило, сдавались в аренду, дома отдавались в наем, или в них жили родственники офицера. «Офицеры, живя по станицам почти вне всякого контроля и надзора, отвыкают от строевой службы, грубеют от окружающей обстановки, отвыкают от правильного систематического труда и полезной деятельности и видимо тяготятся своим положением в роли полицейских приставов... Если казачьим офицерам добавить разницу между содержанием, получаемым на льготе и в полку, то они с большим удовольствием будут постоянно и бессменно служить в полку, где жизнь веселее, поучительнее, разнообразнее, лучше и правильнее живется; знания специализируются и совершенствуются, отчего служба протекает без особенных скачков и надрывов, плавно и гладко...»³⁶⁸ Льгота приводила и к обнищанию казачьих офицеров, которым при поступлении в полк приходилось обзаводиться хозяйством, при переводе в другую часть нажитое имущество обычно продавали за бесценок, чтобы на новом месте начать все сначала, после льготы все приходилось также начинать с чистого листа³⁶⁹. Точно так же обстояло дело и с офицерским конем, почему казачьи офицеры и не стремились заводить хороших верховых лошадей (стоимость офицерской лошади составляла 200—500 рублей). Кстати, все кавалерийские офицеры русской армии для обзаведения строевой лошадью могли пользоваться полковыми ремонтными капиталами, выдававшими беспроцентные ссуды. Все, кроме казачьих офицеров³⁷⁰. Частично вследствие этого казачьи офицеры не всегда умело обращались с конем, портили лошадей. Льгота, как полагали некоторые казачьи начальники, убивала в офицерах энергию и развивала лень.

Командир 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-майор Щербаков выступал за отмену льготы³⁷¹. Командир 1-й бригады той же дивизии генерал-майор А.С. Мелянин был также противником льготы. Он отмечал, что оренбургские офицеры первый год привыкали к службе, второй начинали служить, а на третьем уже собирались на льготу. В других войсках, где на льготу выходили на четвертом году службы, ситуация была лучше. Фактически в Оренбургских казачьих частях каждые три года происходила полная ротация офицерского состава. «Надо удивляться, как при таких обстоятельствах строевая подготовка движется вперед. Необходимо, чтобы командиры сотен оставались на службе до производства их в следующий чин или до другого назначения», — писал казачий генерал³⁷². Мелянин полагал необходимым путем увеличения штата офицеров приблизить казаков в отношении офицерского состава к регулярной кавалерии, но с несколько иными задачами. Иметь трех офицеров на сотню в военное время он считал недостаточным, поскольку на практике служили

только двое, а для организации офицерских разъездов нужно было иметь в сотнях по пять офицеров, как в эскадронах драгунских полков.

В защиту офицерской льготы в качестве критика статьи П.Н. Краснова выступил оренбуржец А.Н. Доможиров³⁷³. Он считал, что льгота сближает казачьих офицеров с простыми казаками, казачьи офицеры благодаря льготе не так сильно тяготеют службой, которая носит, таким образом, разнобразный характер. В отношении ранних браков, о которых писал Краснов, А.Н. Доможиров ссылался на отсутствие такой статистики и неясность вопроса, кто женится раньше — казачьи или армейские офицеры.

Справедливыми, по мнению Доможирова, были устремления казачьих офицеров как можно скорее получить сотню. Дело в том, что чинопроизводство в казачьих войсках и в регулярной кавалерии шло по-разному и многие подьесаулы, отслужив 23 года, продолжали командовать взводами, тогда как в регулярной кавалерии офицер после 12–13 лет службы, как правило, получал эскадрон и чин ротмистра. Завершая свою статью, А.Н. Доможиров заявил, что «приказ... об упразднении льготы будет смертным приговором казачеству: появится может тогда на Руси кавалерия из казаков, — но самих казаков не будет!»³⁷⁴.

В ответной статье Краснов, обосновывая причину ее написания, отметил, что «не стал бы писать о статье г. А.Н. Доможирова, если бы она не была написана талантливо. Талант, как всякое хорошее орудие, часто бывает опасен...»³⁷⁵.

В офицерской льготе Краснов усмотрел причину неудач казаков на полях Русско-японской войны. Выход Краснову виделся в образовании казачьих офицеров и, вероятно, в их трудоустройстве на период льготы. Саму льготу он характеризовал как «ленивое прозябание в теплой избе, на полатях»³⁷⁶ и утверждал, что казачий офицер ею материально раздавлен. Однако уже в 1911 г. А.Н. Доможиров отметил, что в связи с прибавкой жалованья льготным офицерам вопрос об офицерской льготе утратил свою остроту³⁷⁷. Однако еще в 1905 г. для содействия льготным офицерам в Оренбургском войске был учрежден капитал имени императора Николая II, составленный на добровольные вычеты из жалованья казачьих офицеров. С его процентов дети беднейших офицеров войска получали пособия на учебу. К концу сентября 1905 г. капитал достиг 24 393 руб. 67 коп. Ежемесячные вычеты составляли 2% жалованья и производились в течение трех лет службы офицера³⁷⁸.

Формально являясь иррегулярной конницей, казачество в конце XIX — начале XX в. по своему вооружению и снаряжению мало чем отличалось от регулярной кавалерии. Сокращению различий способствовало включение в 1875 г. казачьих полков в состав кавалерийских дивизий, после чего требования, предъявлявшиеся казакам, стали быстро возрастать, несмотря на указание не требовать от казаков однообразия в форме³⁷⁹. К началу XX в.

казачье обмундирование было далеко от совершенства и крайне непрактично. Казачий мундир (зипун), введенный в 1892 г.³⁸⁰, имел длинные полы без разреза сзади, застегивался на левый борт, тогда как пальто — на правый. В такой форме казаку было не просто сесть на коня и свободно держаться в седле. Статьей по этому вопросу отмечился даже будущий военный министр В.А. Сухомлинов, писавший о недовольстве казаков своим длиннополым чекменем³⁸¹.

Казакам необходима была более удобная форма одежды, например, суконная рубаша, получившая широкое распространение в казачьих полках, дислоцированных в Туркестане, где мундиры надевались лишь в торжественных случаях³⁸². В главе Свода военных постановлений, посвященной управлению казачьим полком, напрямую было сказано: «В отношении внешнего вида казачьих частей не следует требовать от казаков такого же однообразия, какое существует в регулярных полках»³⁸³. Тем не менее если раньше казаки донашивали форму, в которой ходили еще их предки, то теперь это было исключено и приходилось обмундирование покупать, что все же создавало внешнее единообразие в частях³⁸⁴. Обмундирование нового образца (защитное) было введено в казачьих войсках лишь в 1909 г.

Генерал-майор А.С. Мелянин в 1903 г. полагал, что нужно избегать перемены обмундирования или изыскивать дешевое, т. к. это отражалось на благосостоянии казаков. Мундир был неудобен, дорог, портил фигуру казака, висел мешком, а полы мундира быстро пачкались. Кроме того, покрой задней части мундира был снят с кавказской черкески, а косой борт — с русской поддевки, в результате получилась нелепая эклектика³⁸⁵.

В начале XX в. обсуждались и вопросы, связанные с совершенствованием вооружения казаков. О пике, в частности, говорилось, в связи с идеей ее возрождения в регулярной кавалерии, что это «незаменимое оружие в единоборстве кавалерии против кавалерии... главное боевое оружие, оружие шока, оружие, производящее наиболее сильное нравственное впечатление на противника»³⁸⁶. При проверке в 1903 г. мобилизационной готовности Оренбургского казачьего войска оказалось, что в военных отделах для вооружения льготных частей хранятся не только пики образца 1891 г., но даже и 1839 г.³⁸⁷ В 1901 г. была принята на вооружение пика нового образца, металлические детали которой изготавливались промышленным способом (длина 2,8 метра, вес 2,4 килограмма, таким образом, пика была изъята из числа предметов, заводимых самими казаками), тем не менее не все казачьи войска были вооружены этим мощным оружием. Нельзя не отметить, что пика была страшна только в сомкнутом строю, в индивидуальном конном поединке она скорее являлась помехой³⁸⁸, поэтому атаковать пиконосную конницу, по мнению знатоков кавалерийского дела, лучше всего было лавой (возможно, это и стало причиной введения лавы в ре-

гулярной кавалерии в 1912 г.). Кроме того, длинные пики затрудняли маскировку конницы, а действия пикой требовали простора.

По поводу шашки образца 1881 г., состоявшей на вооружении казачьих частей до введения шашки образца 1904 г., утверждалось, что для конницы это оружие «тяжело, неудобно и к его нескладному виду никак не могут привыкнуть кавалеристы»³⁸⁹. Для нужд Оренбургского войска шашки изготавливались на Златоустовском заводе.

В поданной в 1902 г. военному министру записке «Наболевшие казачьи вопросы, нужды и мысли» говорилось о следующих проблемах, связанных с вооружением, обмундированием и снаряжением казаков: а) об уничтожении в казачьих полках, стоящих на европейских границах, колесного обоза и о замене его вьюком; б) о недостатках казачьего ленчика; в) о седельном вьюке; г) о потнике — попоне; д) о замене полушубками ватных бешметов и теплушек; е) об увеличении числа комплектных боевых патронов в казачьих частях, стоящих на границе и т. д.³⁹⁰

Следует отметить, что целый комплекс вопросов, связанных с вооружением, обмундированием и снаряжением казаков, был решен в 1909 г., когда вышел циркуляр Главного управления казачьих войск от 29 мая 1909 г. начальникам войск «О непредъявлении казакам необоснованных требований в отношении однообразия и качества их обмундирования и снаряжения»³⁹¹. В том же году казакам было разрешено иметь холодное оружие разного образца, в том числе и доставшееся по наследству от отцов и дедов, лишь бы оно было пригодно в боевом отношении³⁹².

Эта мера, вероятно, должна была положить конец небрежному обращению казаков с оружием, очень точно описанному В. Путинцевым: «Если у современного казака нет любви к коню, то нет у него ее и к боевому оружию и снаряжению. Пришел казак со службы из полка домой, отбыл последний смотр атамана отдела и спешит снять с себя военные доспехи... партикулярный костюм казак бережет и не жалеет на него денег, а казачью свою «справу» забрасывает куда-нибудь в «чулан», а шашку и пикку — на «полати» или за печку, где они портятся и ржавеют»³⁹³.

Одной из основных проблем казаков была проблема покупки, выезда и ремонта строевой казачьей лошади. Проблема заключалась в том, что строевая казачья лошадь не годилась казаку как рабочая и наоборот³⁹⁴.

Для решения этой проблемы предлагалось ввести государственное обеспечение казаков лошадьми. Однако это предложение натакивалось на жесткую позицию сторонников казачьей самобытности, считавших, что подобная мера явится серьезным ударом по казачьей службе.

Например, Евгений Лавров утверждал, что «если взять от казачества только одних людей (предоставив местному начальству назначать хотя бы самых бедных) и снабдить их от государства конем, седлом и всем вооружением и

снаряжением, поставив все виды довольствия наравне с регулярной конницей, но не меняя особенностей обучения и строевой службы, присущей казачеству, то при таких условиях все затруднения при формировании нескольких новых казачьих полков падут сами собой»³⁹⁵.

О необходимости пересадки казаков на чистокровных лошадей писал и К. Вольф, ссылаясь на опыт 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, в котором все офицеры пересели на чистокровных скакунов³⁹⁶. Такой же точки зрения придерживался и П.Н. Краснов³⁹⁷. С этой точкой зрения не соглашался казачий автор М. Григорьев, считавший, что такая перемена неизбежно подрывает одну из основ казачьей службы: необходимость выступать на службу на собственном коне. При ее упразднении «характер выполнения казаками воинской повинности совершенно изменился бы»³⁹⁸.

Оренбургский казачий офицер А.Н. Доможиров после событий Русско-японской войны и первой русской революции нарисовал своего рода фантастическую картину будущего казачества после отмены офицерской льготы: «С полной уверенностью вперед можно сказать, что внешний вид строевых казачьих частей станет лучше, красивее, картиннее: офицеры, как мечтают некоторые наши патриоты, будут, может быть, сидеть на кровных английских жеребцах и кобылах и даже с обстриженными хвостами — суланом, на аглицких комфортабельных седлах, одеты будут в короткие европейские мундиры и удобные рейтузы; казаки будут получать ремонт из войсковых или казенных конюшен, обмундированы отлично будут на войсковой или то же казенный счет, езде будут обучены по последнему, *новому* (курсив А.Н. Доможирова. — А. Г.) слову этой науки и, благодаря своим природным качествам, будут отличными наездниками и т. д. Словом по виду, по внешности, займут в рядах нашей конницы по праву им принадлежащее первое место. Но вот вопрос: случится опять японская война и столь же, не дай Бог, — несчастная, случится еще раз другая русская революция и то же посерьезнее теперешней, — устоят ли тогда эти новомодные казаки, как устояли старье?»³⁹⁹ К сожалению, все события (новая война и новая революция), предсказанные А.Н. Доможировым, случились так скоро, что казачеству попросту не хватило времени для проведения в жизнь столь значительных изменений в своей организации.

Уже накануне Первой мировой войны князь Д.П. Багратион спрашивал читателей: «Не назрел ли вопрос о снабжении казаков лошадьми на основах ремонта регулярной кавалерии, сохраняя все прочие бытовые условия и устройство казачьих войск?» — и приводил пример Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, обратившегося в управление ремонтами кавалерии с просьбой снабдить казаков лошадьми⁴⁰⁰. В то же время отношение к казенной лошади и к своей собственной, очевидно, должно было быть раз-
личным.

П.Н. Краснов писал, что «при всех блестящих качествах казака он до сего времени называет лошадь — скотиной, и не в ругательном смысле этого слова, а в буквальном. И с этим надо считаться. Казачья лошадь многое вынесет, но при хорошем уходе и корме — она *все* (курсив П.Н. Краснова. — А. Г.) вынесет»⁴⁰¹.

Один из публицистов начала XX в., рассматривая современные требования к казачьей лошади, писал, что «отошло то время, когда в казачьих частях можно было служить на ком угодно и как угодно; что было, то прошло, и даст Бог, не вернется...»⁴⁰².

Подводя итог, отмечу, что к началу XX в. постепенно возрастали требования, предъявлявшиеся к строевой казачьей лошади, что осложняло казакам ее приобретение, наметилась тенденция к введению в казачьих войсках чистокровных лошадей, по крайней мере для офицерского состава, в целом же принцип выступления казака на службу со своим конем остался без изменения.

Оренбургские казаки в экспедициях и вооруженных столкновениях последнего десятилетия XIX в. (экспедиции на Памир, андижанский мятеж, Китайский поход)

«Памирская проблема» к 90-м годам XIX в. являлась практически последним нерешенным вопросом в процессе присоединения Средней Азии к России. Эта проблема была крайне сложной, поскольку на Памире Россия сталкивалась не со слабыми восточными соседями, а с одной из великих держав — Великобританией. Противоборство между двумя империями в Центральной Азии в связи со значимостью этого затяжного конфликта и серьезностью возможных последствий получило название «Большой Игры». Оренбургские казаки принимали активное участие в противоборстве с Великобританией на Памире.

В период обострения международной напряженности на Памире в 1890-е годы как британское общественное мнение, так и представители военных кругов всерьез опасались нашествия русских на Индию. В то же время в военные планы России удар по Индии никак не входил, поскольку требовал огромных средств и являлся откровенной авантюрой. Как тогда говорили, «о завоевании Индии думают лишь безумые подпоручики»⁴⁰³. Впрочем, подобные взгляды были распространены и в патриотических кругах русского общества⁴⁰⁴, и даже в некоторой части военного руководства⁴⁰⁵. Тем не менее сама обстановка того времени повлекла значительный поток произведений британских авторов (разведчиков, путешествен-

ников) на эту тему⁴⁰⁶, чего стоят одни названия — «Нашествие русских в Индию» (Френсис Эдвард Янгхазбенд), «Оборона Индии» (лорд Чельмсфорда), «В безопасности ли Индия?» (Лепел Гриффин), «Индия между двумя огнями» (Георг Керзон) и т. п. Более того, вопрос о безопасности Индии обсуждался британским парламентом. Всю активность англичан в этом направлении выдающийся отечественный военный мыслитель, востоковед, Генштаба генерал-лейтенант А.Е. Снесарев довольно хлестко назвал «бредом разнервничавшихся доктринеров»⁴⁰⁷.

Россию беспокоило усиление британского присутствия на Памире, в случае войны этот регион превращался в плацдарм для удара по Туркестану. Кроме того, целью движения России на Памир было закрепление за собой естественных границ Туркестана, а также стремление помочь местному населению, подвергавшемуся насилиям со стороны афганцев. Поводом к началу этого движения явилась попытка англичан разделить Памир между Китаем и Афганистаном, следуя своей политике окружения Индии буфером. В этой связи китайские и афганские отряды стали выдвигаться на Памир. Действия англичан напрямую затрагивали интересы России в регионе, к тому же по русско-английским соглашениям 1872—1873 гг. Памир признавался сферой влияния России.

Как уже отмечалось, в конце XIX в. в Туркестане были дислоцированы 4-й, 5-й и 6-й Оренбургские казачьи полки, а также 2-я Оренбургская казачья батарея. В присоединении к России Памира активное участие принимали казаки 6-го Оренбургского казачьего полка.

В 1891 г. было признано необходимым направить в этот горный район рекогносцировочный отряд войск Ферганской области под командованием командира 2-го Туркестанского линейного батальона полковника М.Е. Ионова (1846—1923?) — ветерана среднеазиатских походов и кавалера ордена Св. Георгия IV степени. Поскольку горные перевалы были проходимы лишь в летнее время, отряд выступил 26 июня из Маргелана и Оша в составе 8 офицеров (в том числе Генштаба капитан А.Г. Скерский, прикомандированный для рекогносцировочных работ и сбора сведений о Памире), 80 солдат, 32 казаков (охотничья команда 6-го Оренбургского казачьего полка под командованием сотника П.В. Хлебникова, впоследствии генерал-майора, убитого большевиками в 1918 г. при возвращении с фронта к семье), врача и топографа⁴⁰⁸.

Отряд Ионова должен был произвести съемку местности и выяснить военно-политическую обстановку на Памире. Пехотные команды и казаки сразу же разделились, причем сам полковник Ионов отправился вместе с оренбуржцами, следуя вдоль границы. Соединение отряда произошло по пути в Кизил-Артское ущелье, затем колонны вновь разделились. 14 июля казаки, перелезав хребет Иши, спустились к горному озеру Ранг-Куль.

16 июля произошла встреча оренбуржцев с китайским офицером, который от имени местного джандарина приветствовал русских. При этом китаец все время выезжал вперед вместе с дунганским конвоем, поднимая клубы пыли с целью продемонстрировать местным жителям, наблюдавшим за сценой, пренебрежение к русским. В итоге Ионов после нескольких предупреждений был вынужден приказать казакам остановить дунган, после чего китайский офицер в одночасье из надменного превратился в заискивающего⁴⁰⁹. Китайский офицер просил Ионова принять в качестве подарка 10 баранов, однако начальник отряда отказался от этого подношения с единственной целью — дать понять китайцам, что русские не считают себя гостями на Памире. Ионов, как и многие другие русские офицеры, служившие в то время в Туркестане, превосходно разбирался в психологии местного населения и учитывал возможные последствия даже самых, казалось бы, незначительных действий. В результате уже сам джандарин посчитал необходимым нанести визит Ионову.

Во время этого похода один из казаков вследствие разреженности воздуха заболел горной болезнью, испытывая удушье, лихорадку и головную боль. Других потерь у оренбуржцев не было.

Восточное двуличие и даже коварство китайцев известно давно. Проявилось оно и в этот период. Проводник, данный по приказу джандарина, оказался совершенно незнакомым с местностью, завел казачий отряд в безжизненный район и сбежал.

Далее, следуя вдоль рек Ак-Су и Кара-Су в восточной части Памира, Ионов объявляла местному населению о том, что вся земля по пути следования отряда принадлежит России, расставляя камни с надписью «Полковник Ионов. 1891». Здесь уже происходили встречи с афганцами. Отряд к концу июля находился в 175—200 верстах от северной границы британской Индии.

27 июля 1891 г. Ионов перешел Гиндукуш — горный хребет, являющийся южной границей Памира, оказавшись на территории современной Индии. Известие об этом произвело большое впечатление на русскую общественность.

Дальнейший путь лежал на юг от Гиндукуша, где собирал силы афганский хаким Гулям-Хаса-Али-Хан. Ионов принял решение быстрым маршброском достичь района, где находился Али-Хан, и не позволить ему сконцентрировать свои отряды для возможного вооруженного сопротивления движению русских. Различными уловками посланцы Али-Хана пытались замедлить движение отряда под предлогом получения разрешения некой высшей власти, которой на самом деле здесь, кроме самого Али-Хана, не было. Ответ Ионова был однозначным: «Русские никогда не отменяют раз данного приказа»⁴¹⁰. Этот выдающийся офицер четко понимал задачу отряда продемонстрировать прежде всего афганцам и китайцам, а также

стоявшим за ними англичанам решимость навсегда закрепить регион за Россией, подчинив местное население власти «ак-паши» (Белого царя).

Помимо этого афганцы пытались устраивать демонстрации силы, однако при приближении русских стремились показать свое миролюбие. Наконец, видя невозможность остановить русских, Али-Хан, чтобы сохранить лицо, ответил, что якобы разрешение на движение отряда им получено (хотя за тот промежуток времени преодолеть 80 верст горного пути и получить ответ на донесение было совершенно невозможно). Между прочим, на своем пути отряд встретил 28-летнего капитана англо-индийской службы Френсиса Эдварда Янгхазбэнда — британского разведчика, направлявшегося из Кашгара в Индию. «Когда я выглянул из палатки, то увидел примерно двадцать казаков с шестью офицерами, которые везли с собой российский флаг», — вспоминал Янгхазбэнд⁴¹¹. 3 августа оренбуржцы спустились в долину Большого Памира, расположившись в районе озера Курпунтай. Казаки были утомлены непрерывным 19-дневным маршем и получили заслуженный отдых. 5 августа пришло письмо командующего войсками Ферганской области с приказом задержать Янгхазбэнда и выдворить его в пределы Китая. Это поручение должны были выполнить 20 казаков под командованием сотника П.В. Хлебникова совместно с самим полковником Ионовым. Ионову это, как ему казалось, полицейское поручение было неприятно. Тем не менее в тот же день вопрос был решен, встреча носила дружеский характер, а на следующий день британский офицер уехал в Китай, причем перед отъездом благодарил казаков за вежливость. Отдельный разезд в пять казаков во главе с поручиком Бржезицким был направлен на перехват еще одного английского офицера, которым оказался лейтенант 100-го пехотного полка Дэвидсон, также задержанный отрядом. Он отправился далее вместе с отрядом, был доставлен для допроса в Маргелан⁴¹² и подлежал высылке в Китай через Иркештам. В целом, казаки рекогносцировочного отряда с 10 июля находились в непрерывном движении, преодолев в течение 33 дней 1120 верст по горам. 15 августа отряд с большим трудом переправился через реку Мургаб, отличавшуюся быстрым течением и крайне полноводную в тот период. Обессиленные выючные лошади из-за бескормицы, отсутствия подков и предшествующего форсированного марша отказывались идти дальше и гибли десятками. Несколько лошадей, перевозивших сухари, сорвались с карниза и утонули в реке, лишив отряд запаса сухарей. В общей сложности за время обратного движения отряда пало 77 лошадей. 22 августа был получен приказ начальника Ферганской области о возвращении отряда в Маргелан, куда отряд возвратился 30 августа около 15 часов. Всего за 67 дней отряд преодолел 1850 верст горного пути, часто без дорог, при неблагоприятных климатических условиях, скудном питании и фураже.

В результате похода был открыт неизвестный прежде перевал Ионова через Гиндукуш, являвшийся кратчайшим путем из Туркестана в Индию, китайцам, афганцам и британцам продемонстрированы права России на Памир, произведена съемка местности. За труды и лишения император Александр III пожаловал полковнику Ионову бриллиантовый перстень, сотник Хлебников был произведен в подесаулы (25 марта 1892 г.), хорунжий А.С. Каргин и врач С.П. Добросмыслов получили Высочайшее благоволение, а все нижние чины отряда — по 3 рубля, в том числе один рубль серебром с профилем императора.

Успехи русских на Памире вызвали серьезное беспокойство в Индии и в Лондоне. Командующий британской армией в Индии генерал Робертс отдал приказ о подготовке к военным действиям против России. В Кветте в боевую готовность была приведена британская пехотная дивизия. Однако дальше этих предварительных и демонстративных мероприятий дело, к счастью, не двинулось.

Разумеется, одной небольшой экспедиции для закрепления за Россией Памира было недостаточно. Сразу же по возвращении отряда китайцы и афганцы вновь вторглись в оставленный русскими край, сосредоточившись в урочище Сумэ-таш у впадения реки Аличур в озеро Яшиль-Куль (китайцы) и на озере Яшиль-Куль (афганцы). Наступление зимы не позволило изгнать их вновь, поэтому новая экспедиция была намечена на 1892 г. В зимний период 4 февраля 1892 г. казаки 6-го Оренбургского казачьего полка (11 человек) под командованием сотника И.В. Хлебникова и 20 лучших джигитов-туземцев были направлены в составе рекогносцировочной партии поручика Бржезицкого для наблюдения за происходящим на Памире. Оренбуржцы составляли ядро этой партии и в течение нескольких месяцев несли службу разведки.

Во время рекогносцировки произошел довольно курьезный случай. Китайский джандарин с тремя эскадронами запретил Бржезицкому, находившемуся с небольшими силами, производить съемку местности в районе озера Мус-Куль якобы на китайской территории, русский офицер был вынужден уехать, но вскоре вернулся с казаками. Китайцы, ни о чем не подозревая, спокойно жили в кибитках, неожиданно появившиеся казаки ударили в нагайки, перепоров весь китайский отряд и самого джандарина, которому не помогли указания на имевшиеся у него отличительные знаки — шарик и павлинье перо. Произошедшее едва не кончилось дипломатическим скандалом⁴¹³.

В апреле 1892 г. в Петербурге было созвано Особое совещание по памирскому вопросу, на котором было принято решение о повторной отправке на Памир русских войск⁴¹⁴. Летом на Памир для восстановления прав России на эти земли был вновь отправлен отряд во главе с полковни-

ком Ионовым в составе 2-го Туркестанского линейного батальона, усиленных охотничьих команд 4, 7, 15, 16, 18 и 20-го линейных батальонов, трех сотен 6-го Оренбургского казачьего полка с его штабом во главе с командиром полка полковником Н.А. Холмским, команды Туркестанского саперного полубатальона, четырех орудий Туркестанской конно-горной батареи. Разумеется, был учтен опыт предыдущей экспедиции и особое внимание обращено на личный состав отряда, проходивший тщательное медицинское освидетельствование, а также на снабжение войск. Всем чинам было выдано зимнее обмундирование.

20 июня отряд выступил из Нового Маргелана. Сохранилось описание проводов отряда: «На большой площади, против казарм маргеланского гарнизона, выстроились войска покоем⁴¹⁵ в ожидании прибытия начальников. Ружья составлены, и люди разбрелись кучками по площади; везде царит веселое оживление. Вдруг раздалась команда: «В ружье!» — и в один момент все были в порядке. К отряду приближалась группа всадников, впереди которой на буланой лошади в белом кителе и фуражке скакал молодой полковник с Георгиевским крестом в петлице, это был начальник отряда полковник Ионов.

— Здорово, братцы! — немного картавя, приветствовал он отряд, круто осадив лошадь и грациозно отдавая честь.

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие! — рявкнуло полторы тысячи грудей.

— Вольно, оправиться! — сказал полковник, и снова оживление воцарилось над отрядом.

Один за другим прибывали к отряду начальствующие лица, пришли остающиеся войска отдать честь уходящим, и наконец приехал командующий войсками генерал-майор Корольков. Началось богослужение. Веселость сразу исчезла с лиц солдат. Они прилежно молились, крестя свои загорелые лбы и клая поклоны, а затем каждый приложился ко кресту.

После окончания этой церемонии людям была предложена чарка водки. Командующий войсками провозгласил тост за здоровье Государя Императора, и при звуках русского гимна грянуло дружное «ура». Затем с чаркой в руке выступил вперед обожаемый солдатами командир 3-й Туркестанской линейной бригады боевой генерал Саранчов.

— Ребята! — начал генерал, когда затих последний крик. — Поздравляю вас с походом и надеюсь, что вы так же свято и безропотно совершите возложенное на вас тяжелое дело, как совершали его ваши предшественники, славные покорители Туркестана! Помните, что Туркестан всегда гордился своими храбрыми воинами, пусть же и на сей раз в летописи его прибудет еще один, покрытый славой поход. Если придется вам столкнуться с халатниками, то проучите их по-русски, как учили мы и хивинцев, и кокандцев.

Помните, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадают. Пью за ваше здоровье, ребята. Ура!

После речи бригадного стали подходить к водке нижние чины, каждый благоговейно брал чарку и опрокидывал ее в рот, как бы боясь оставить на ее дне хоть капелюку казенной водки.

Под огромным шатром, поставленным посреди плаца, идет прощание офицеров со своими семействами. Многие дамы плачут, отцы с грустью держат на руках своих детей.

Поодаль, около расположившихся под тенью дерев солдат, собрались кучки народа и сартов, а также баб-солдаток, провожающих своих мужей; некоторые из них воют.

Раздался сигнал сбора.

Роты выстроились; прежде всего двинулся авангард, а за ним потянулся весь отряд под звуки марша и грохот барабанов. Раздалась солдатская песня, среди которой выделялось громкое выкрикивание подголоска»⁴¹⁶.

6-й Оренбургский казачий полк выступил в поход в составе 1 штаб-офицера (командир полка), 15 обер-офицеров, 2 врачей и 189 казаков. Каждый казак имел при себе боекомплект в 36 патронов, кроме того, в обозе имелось еще по 108 патронов на винтовку. По всей видимости, предполагались вооруженные столкновения с китайцами и афганцами. 4-я сотня и часть оставшихся казаков других сотен осталась в Новом Маргелане под начальством помощника командира полка войскового старшины Н.И. Краснояреца»⁴¹⁷.

Несмотря на тщательную подготовку экспедиции, в отряде начались заболевания лихорадкой, катаром кишок и желудка. Войскам приходилось переправляться вброд через горные реки, карабкаться по крутым горным склонам, борясь с негостеприимной природой. В этом походе принимал участие и отец будущего оренбургского атамана А.И. Дутова есаул И.П. Дутов.

В походе сполна проявились исторические особенности казаков — неприхотливость и взаимовыручка. Казаки с жалостью относились к пехоте, позволяя иногда измученным линейцам ехать верхом, а сами шли пешком. Однако имело место и присущее казакам самоснабжение, причем казачьи офицеры смотрели на это явление сквозь пальцы. Пехота изнывала от жажды и жары, а казаки, как правило, ни в чем не нуждались.

Очевидец писал: «Идет казачья сотня, а между лошадьми, семеня ногами, бежит баран, привязанный за шею чумбуром»⁴¹⁸, а иной раз и целая корова.

— Откуда, такие вы, сякие дети, набрали скота? — кричит офицер.

— Пристал по дороге сам, ваше благородие! — отвечают казаки, и офицер, удовлетворенный пояснением, успокаивается.

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сценки. Едет керекеш, апатично сидя на своем вьючке, и целая вереница завьюченных белыми сухарями»⁴¹⁹ лошадей следует за ним, связанная в одну линию хвост с по-

водом. Сидит керекеш и поет песню, а казак, живо смекнув, что, мол, время терять нечего, соскочил с мастака, вынул шашку да и ткнул ею снизу в один из капов. Сухари один за другим посыпались на землю, а казак, подбирая их, складывал в торбу. Когда торба была наполнена, он привязал ее к седлу и крикнул по-киргизски керекешу:

— Эй, уртак (земляк), ты так все сухари растеряешь! — И при этом указал на валявшиеся лепешки.

Соскочил киргиз, увидел дыру в мешке, покачал головою и давай ее завязывать, а казака благодарит и сует ему в награду два сухаря, приговаривая:

— Казак якши, казаку силау (награду) биряман (даю).

— Якши, якши, — поддакивает казак, пряча за пазуху сухари, и похлопывает по плечу керекеша. Другой раз случай был еще характернее. Это было около бивуака, когда отряд проходил мимо юрт отрядного подрядчика. Около одной из них киргиз возился над приготовлением плова (это было в то самое время, когда солдаты ужасно голодали, а подрядчик немимоверно наживался). Уже закрыл киргиз крышкой котел и огонь выгреб — поспел, значит. Проезжает мимо оренбуржцев.

— Эй, уртак, айран барма?⁴²⁰ — кричит казак киргизу.

— Хазыр, хазыр, таксыр!⁴²¹ — отвечает киргиз и уходит в юрту. А казак скок с лошади да к котлу. Снял крышку и вывалил весь плов, часть в фуражку, а часть в манерку, закрыл снова пустой котел крышкой, сел на коня, да и был таков. Все это было сделано с поразительною быстротою и ловкостью.

Выходит киргиз с чашкою, наполненною айраном, и, не видя казака, угощает подошедших пехотных солдат.

— Айран якши?⁴²² — скаля свои жемчужные зубы, спрашивает он линейца.

— Якши, якши! — хлопая по плечу киргиза, отвечает солдат и продолжает свой путь, а киргиз идет к котлу посмотреть на приготовленное кушанье, осторожно снимает крышку и замирает с нею в руках...

А между тем на бивуаке целый кружок солдат и казаков сидят на земле, едят да похваляют «сартовскую палаву». И сколько таких случаев можно было наблюдать над казаками за поход и зимовку на Памирах.

По этому поводу я однажды имел разговор с одним есаулом и критиковал поведение оренбуржцев, удивляясь, что казачьи офицеры легко отнесются к нижним чинам за их проделки.

— А знаете, что я на это вам скажу, — объяснил есаул, — что я, например, никогда не вздую казака, если он украдет, да не попадется. С таким, который только одними казенными харчами довольствуется, пропадешь в походе. Возьмите-ка да посмотрите на нашу службу — гоняют, гоняют, отдыха не дают, интендантство фуража не доставляет, а подлец подрядчик только о барыше думает; ведь сами знаете, как ваш солдат голодает, а коли стянет

что-нибудь, так у вас его сейчас — под суд, а у нас немного проще: украл да попался — нагайкой отхлещем, а не попался — твое счастье. Вот намереди, когда мы на рекогносцировку ходили, ведь трое суток сломя голову шли, корма подножного — хоть бы травинка, и ячменя интендант, чтоб ему пусто было, видите ли, опоздал доставить. Я для своего коня запас ячменя берег в курд-жумахе, как золото, и в палатке вместо подушки под голову клал. Просыпаюсь это я, гляжу, а половины ячменя нет! Выкрали подлецы, из-под головы своего сотенного командира выкрали, а что поделать? Так у нас уж поставлено дело, что заставляют казака красть, — ничего не поделаешь.

И есаул был прав»⁴²³.

Однажды казаки украли у местных барана, однако при тщательнейшей проверке его обнаружить не удалось, как выяснилось впоследствии, казаки сумели спрятать барана под козлами коляски командира сотни П.А. Заборского, который ранее даже заплатил из своих денег компенсацию за барана местному жителю. Наказания казакам не последовало, наоборот, офицер и сам посмеялся над тем, что стал невольным соучастником подобной проделки⁴²⁴.

Можно привести еще один пример: «В довольно большой юрте мы уселись вокруг горевшего костра, пока гостеприимный хозяин согревал нам кунган с чаем. Голод мы испытывали ужасный, но есть было нечего. Страшная беднота царила в ауле — не было даже лепешек, и только несколько кусков верблюжьего сыру было предложено нам аульным старшиною, но мы до него и не дотронулись; однако казаки поживились — таки и здесь, казалось бы, уж тут-то нечем было поживиться — нет, они и здесь нашли, что можно стянуть. На крышах юрт лежало множество комков величиною с яйцо творогу из бараньего молока — это так называемый крут (бараний сыр), который киргизы едят зимою, предварительно насушив его за лето. Так казаки, проезжая мимо юрт, совали крут во все карманы.

Расплатившись с хозяином, мы поехали к бивуаку.

— Ты что там ешь? — спросил А-нов оренбуржца.

— Крут, ваше благородие.

— Откуда ты его достал?

— Да нешто мало его по кибиткам на крышах валяется.

«Валяется», — подумал я, и мне стало противно — это все равно что у нищего суму украсть.

— Вот я тебе поваляюсь, — сказал А-нов, и действительно наказал казака как следует»⁴²⁵.

Отряд направился к озеру Яшиль-Куль, где расположились афганцы (вытеснившие с зимы китайцев), несмотря на то что с 1873 г. эта территория принадлежала России. Местное население ненавидело их за поборы и насилия. Памирец, находивший у порога своей юрты афганские калоши, не имел права войти в нее, даже если изнутри доносились крики насилуемой

афганцами дочери. Малейшее неповиновение местного населения влекло за собой самое жестокое наказание со стороны новых хозяев этой территории. В результате афганцы до самого последнего момента не знали о движении русских войск (кстати, местное население также всегда предупреждало китайцев о движении русских). Лишь строгий запрет Ионова удержал памирцев от того, чтобы немедленно перерезать своих порабитителей.

12 июля в 6 часов утра Ионов вместе со 2-й сотней оренбуржцев вышел к лагерю отряда капитана Гулям-Хайдар-хана. Передовые конные посты афганцев были ловко сняты, поэтому русский отряд абсолютно незамеченным подошел вплотную к лагерю и окружил его. Как только русские уже в 80 шагах от юрт обнаружили себя, в афганском лагере началась суматоха. Ионов подъехал к самому обрыву перед лагерем. По некоторым данным, виновником произошедшей схватки был местный переводчик, принявший перед афганцами заносчивый тон. Гулям-Хайдар-хан вышел к Ионову в сопровождении 14 солдат, на ходу зарядивших ружья (заряжались с казенной, а некоторые с дульной части). Ионов потребовал от афганцев покинуть территорию и сложить оружие. Шеренги враждующих сторон разделяло всего четыре шага, в этом промежутке поместился полковник Ионов верхом со своим штабом, вооруженный лишь нагайкой. Афганцы отказались разоружиться, тогда Ионов вполголоса приказал казакам обезоружить их, казаки резко бросились вперед, афганцы дали залп, после чего завязалась рукопашная схватка. Залп желаемого эффекта не дал — расстояние было столь невелико, что казаки успели схватить афганские ружья за дульную часть, и пули прошли выше. Разрывной пулей в ногу был ранен приказный М.А. Борисов.

Далее произошло следующее:

«— Бей их! — крикнул полковник, и все ринулось вперед.

Полковник Ионов спокойно сидел на лошади, наблюдая за дерущимися; в пяти шагах от него стоял афганский капитан, который прехладнокровно стрелял из револьвера и вдруг, рванувшись вперед, подбежал к лошади полковника.

Блеснул огонек — и выстрел прогремел над самым ухом начальника отряда. Как-то инстинктивно полковник подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганец уже успел выхватить из ножен свою кривую саблю и, как тигр, бросился на них. Вот упал уже один казак под ударом кривого клинка капитанской шашки. Вот снова она, то поднимаясь, то опускаясь, наносит удары направо и налево.

В нескольких шагах стоит хорунжий Каргин и смотрит на эту картину, пули свистят вокруг него, а он стоит, как будто не действительность, а какая-то фантастическая феерия разыгрывается перед ним.

— Хорунжий, да убейте же его наконец! — раздается роковой приговор полковника, и вот, вместо того чтобы схватить свой револьвер или шашку,

хорунжий, не отдавая себе отчета, хватает валяющуюся на земле винтовку раненого казака и прицеливается. Он даже не справляется, заряжено ли ружье, и спускает ударник. Выстрел теряется среди общей трескотни и шума, и только легкий дымок на мгновение скрывает от глаз фигуру капитана. Как-то странно вытянулся вдруг афганец, взмахнув одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалело кровавое пятно, и стремглав полетел с яра...

На одного ефрейтора наскочили двое афганцев, завязалась борьба. Ефрейтор неистово ругался, желая освободиться от наседавшего на него неприятеля, но в это время подоспел казак.

— Не плошай! — кричал он издали отбивавшемуся ефрейтору, и с этими словами шашка его опустилась на окутанную чалмою голову афганца. Вот и другой уже на земле с проколотою грудью. Страшно хрипит он, издавая звуки, как бы прополаскивая себе горло собственной кровью, и, не смотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы изменяют ему, кровь хлынула горлом, и он склонил свою голову.

Недалеко от места стычки, под большим камнем, доктор Добросмыслов перевязывает раненых, из которых один с совершенно перебитою голенью неистово стонет.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчик, — успокаивает его доктор. — Уж мы тебе ножку твою вылечим. Давай корпии, — кричит он фельдшеру, который мечется с трясущеюся нижнею челюстью от одного к другому из раненых.

— Ой, больно, ваше высокоблагородие! — стонет раненый, пока доктор вынимает висящие снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрелы все еще продолжают, потому что засевшие в юртах афганцы все еще продолжают стрелять. Наконец раздался резкий звук трубы, игравшей отбой, и пальба мало-помалу утихла. Из юрт выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрелище представлял собою весь скат и зеленая площадка берега Аличура. Везде валялись убитые или корчились раненые; последние, силясь подняться на руки, молили о помощи.

Подошел резерв, и все сгруппировались около места, где лишь несколько минут тому назад стояли перед нами полные жизни люди и где теперь валялись одни лишь обезображенные трупы»⁴²⁶.

Потери афганцев составили девять убитых и два тяжелораненых, один афганец предпочел смерть плену, бросившись в реку Аличур, одиннадцать человек сдалось в плен. В отряде Ионова помимо приказного Борисова в схватке получили ранения приказный И.С. Моршинский и казак Д.Е. Пашков, были контужены врач С.П. Добросмыслов и переводчик Сабатулла. Известие об уничтожении афганского поста стремительно разнеслось по Памиру. Дипломаты забили тревогу относительно последствий дела 12 июля, однако на доклад военного министра император Александр III наложил резолюцию: «Не мешает иногда и проучить их»⁴²⁷. 19 казаков 3-го взвода 2-й сот-

ни 6-го Оренбургского казачьего полка, непосредственно участвовавших в Яшиль-Кульской схватке, были награждены медалями «За храбрость» IV степени на Георгиевской ленте. Вплоть до 27 июля казаки простояли на Яшиль-Куле, иногда выезжая в окрестности для рекогносцировки. Позднее англичане — участники экспедиции на Памир под руководством путешественника лорда Данмора произвели эксгумацию трупов афганских солдат, захороненных русскими, а сам лорд Данмор даже посвятил памяти афганцев стихотворение, живописуя «битвы кровавое поле, где в объятиях смерти холодных джигиты-казаки и лихие рубаки-афганцы с кабульских равнин рядами лежат друг подле друга»⁴²⁸.

Капитан А.Г. Скерский с 45 оренбуржцами прошел на юго-восток Памира, в район урочища Ак-Таш, где китайцы строили укрепление. По требованию Скерского китайцы покинули урочище, а казаки уничтожили их укрепление⁴²⁹.

Опыт 1891 г. показал, что возвращение отряда назад в Фергану не обеспечивает контроля за Памиром, в этой связи из отряда было выделено 160 солдат охотничьих команд и 44 казака во главе с хорунжим И.Н. Репиным под общим командованием Генштаба капитана П.А. Кузнецова для постоянного размещения на Памире. Местом дислокации было выбрано урочище Шаджан на берегу реки Мургаб, находившееся на пересечении сразу нескольких важных путей через Памир. Поскольку связь с отрядом с сентября по июнь была невозможна, необходимо было обеспечить его всем необходимым для зимовки. Было возведено укрепление (земляной редут с двумя барбетами — насыпными площадками для пулеметов Максима), группами по пять штук установлены юрты двойной кошмы (утепленные), в каждой из которых помещалось по 10 человек. Почтовое сообщение установили по реке Маркан-су на Иркештам — по этому пути одиночное движение было возможно круглый год. Наблюдательный пост от этого же отряда был установлен в специально возведенном укреплении восточнее озера Ранг-Куль (40 солдат и 10 казаков).

После всех этих приготовлений Памирский отряд 25 августа 1892 г. начал обратное движение в Фергану, возвратившись 24 сентября в Новый Маргелан. С этого момента началась постоянная служба оренбуржцев на Памире. В походе от начавшейся холерной эпидемии скончались сотник В. Алтабашев и два казака. За время экспедиции с русских владений на Памире были изгнаны китайские войска, организовано управление местным туземным населением, проведена рекогносцировка и съемка неисследованных путей по Памиру, фотосъемка ландшафтов Памира.

В том же году 3-я сотня 6-го Оренбургского казачьего полка была направлена для постоянной дислокации в укрепление Гульча, сменив там роту 4-го Туркестанского линейного батальона. Осенью 1892 г. была под-

готовлена смена в составе Шаджанского отряда, так как высокогорный воздух вредно сказывался на здоровье людей. Кроме того, условия пребывания отряда были ужасающими: в один день и час на солнце температура составляла $+20^{\circ}\text{C}$, в тени $-6,5^{\circ}\text{C}$, а ночью -35°C . Семьям офицеров и нижних чинов было запрещено селиться на памирских постах.

На смену было направлено 160 солдат и 40 казаков под командованием сотника А.С. Шнырова, ракетный взвод 6-го Оренбургского казачьего полка (10 казаков при двух ракетных станках) под командой поручика конногорной батареи Кивекэса, сменный отряд возглавлял старый туркестанец капитан В.Н. Зайцев. В 1893 г. этот отряд, как и новый отряд полковника Ионова (включая 4-ю сотню 6-го Оренбургского казачьего полка) отправились на Памир. Команда сотника Шнырова для наблюдения за афганцами разбилась на группы от 3 до 20 казаков. В этих местах порой случалось невероятное — так, в мае 1893 г. у перевала Бердыш разъезд в составе казака и двух киргизов, встретив китайский эскадрон в 60 всадников, в ответ на прозвучавший выстрел бросился в атаку, обратил его в паническое бегство, захватив пленного, причем два киргиза в атаке не участвовали, а атаковала лишь один оренбуржец!

Небольшой пост был выдвинут и в Рушан — наиболее культурный район Памира, тогда еще не принадлежавший России. Предписано было в столкновениях с афганцами не вступать. Тем не менее здесь 30 августа у кишлака Имц при впадении Бартанга в Пяндж произошла перестрелка рекогносцировочной партии Генштаба штабс-капитана С.П. Ванновского (сына военного министра) с афганцами. Было убито 18 афганцев (уточненные данные, установленные лишь в 1898 г., первоначально считалось, что убито три—шесть афганцев), казаки не пострадали, однако патроны были на исходе, в связи с чем решено было ночью отступить, однако, как выяснилось, афганцы также отошли ночью. Русские вернулись, закрепив за собой, таким образом, территорию к востоку от реки Пяндж (однако окончательное закрепление этой территории произошло в августе 1894 г., когда на Западный Памир было выдвинуто несколько русских отрядов под общим командованием М.Е. Ионова). К осени 1893 г. различные подразделения 6-го полка постепенно были стянуты в Новый Маргелан.

В июле—августе 1894 г. 85 оренбуржцев из состава 6-го полка приняли участие в походе на Западный Памир (ханство Шугнан) с целью вытеснения оттуда афганцев, причем 28 июля отряд Генштаба капитана А.Г. Скерского (20—30 казаков во главе с хорунжим И.П. Рябовым) был обстрелян афганцами у крепости Рош-Кала, 5 и 7 августа сражался с афганцами в урочище Вяз-Дара, когда исход столкновений решили новые трехлинейные винтовки Мосина образца 1891 г., показавшие свою дальноточность, высокую скорострельность и кучность⁴³⁰.

Дальнейшая служба полка на Памире проходила относительно спокойно. В 1895 г. на Памире были завершены работы англо-русской разграничительной комиссии, на всем протяжении границы организованы посты Памирского отряда, на которых несли службу в том числе 30 казаков-оренбуржцев, в 1896 г. их число было увеличено до 47, а в 1898 г. — до 74, включая 2 офицеров (этот наряд поровну распределялся между всеми сотнями 6-го полка). Англичане заняли Читрал — стратегически важный район, граничивший с русскими владениями на Памире. Небезынтересно, что в ходе работ по делимитации и демаркации границы на Памире между представителями России и Великобритании были устроены спортивные состязания. Англичане были вынуждены в отчете от этом мероприятии признать, что «перетягивание каната было полностью в пользу казаков. Мы не смогли собрать какую-нибудь команду, которая имела бы шанс противостоять широкоплечему и мускулистому подразделению, которое представляло русский лагерь»⁴³¹. Казаки отличились и в винтовочной стрельбе. Присоединением к России Памира было завершено завоевание Средней Азии, растянувшееся на целых полвека.

Впрочем, на этом русско-английское противоборство в регионе не завершилось. Эпицентр «Большой Игры» был перенесен в Кашгар, находившийся на востоке Памира. И здесь оренбургские казаки продолжали служить, защищая дальние рубежи России. В конце XIX в. полусотней оренбуржцев 4-го Оренбургского казачьего полка был укомплектован конвой российского генерального консульства в Кашгаре. По мнению современного британского журналиста и историка Питера Хопкирка, в этот период русские достигли вершины своего азиатского могущества⁴³².

Однако далеко не все обстояло благополучно в Туркестане. Мусульманское духовенство, которое было фактически неподконтрольно русской администрации⁴³³, выступило подстрекателем мятежа в Андижане. 18 мая минь-тюбинский ишан (наследственный обладатель духовной власти) Мухаммад-Али-Халиф (Мадали) поднял мятеж. Выступления религиозных фанатиков в Средней Азии неизбежно приводили к резне русского населения. В этом отношении события 1898 г. стали предвестником грозных событий 1916 г. Обошлось не без содействия Турции, поскольку еще в 1897 г. турецкий султан провозгласил ишана Мадали своим помощником в деле восстановления ислама в Туркестане и прислал ему свой старый халат, а начало подготовки выступления относилось, по некоторым данным, еще к 1895 г.⁴³⁴ 17 мая в селении Куля был обезглавлен мещанин Бычков, ночью в селении Кува убит мещанин Дробышев. На рассвете 18 мая до 2 тысяч мятежников подобралась вплотную к расположению 20-го Туркестанского линейного батальона с целью уничтожить гарнизон Андижана. По условному знаку вооруженная револьверами, шашками, кинжалами и прочим ору-

жием толпа бросилась в ближайший барак, где спали солдаты. Было зверски вырезано 18 солдат, 22 получили тяжелые ранения. Тем не менее от шума проснулись в других бараках, оперативно было выдано оружие и боеприпасы. Через 15 минут толпа была разогнана, оставив 11 трупов, в том числе тело муллы с зеленым знаменем газавата и Кораном, с вложенным в него воззванием к священной войне, скрепленным 12 печатями первых лиц Ферганы.

Несмотря на успех, русское гражданское население запаниковало. Горожане вместе с войсками перебрались в цитадель. Неудача 18 мая парализовала дальнейшие действия мятежников, собиравшихся осуществить аналогичные акции в других городах. Казаки 6-го Оренбургского казачьего полка приняли участие в охране порядка и защите гражданского населения Андижана. Полк встретил эти события не будучи боеготовым — на льготу только что была уволена $\frac{1}{3}$ казаков, 3-я сотня находилась в командировке на Памире, весь конский состав был на подножном корму в районе озера Кара-Куль. Последнее обстоятельство парализовало деятельность полка как конной части. Тем не менее, именно оренбуржцам удалось задержать мусульманского лидера ишана Мадали и доставить его в Андижан⁴³⁵. В конце мая из Самарканда прибыли две сотни уральцев, а из Ташкента — две сотни 5-го Оренбургского казачьего полка, на них была возложена служба при уездных начальниках. Казаки 6-го полка были сосредоточены в Новом Маргелане в качестве подвижного резерва. К концу лета последствия мятежа были ликвидированы, 20 зачинщиков, в том числе ишан Мадали, повешены, селение Минь-Тюбе, где жил ишан, разрушено и сровнено с землей, на его месте воздвигнут русский поселок, названный Русское село. Было снесено еще два селения, в которых возник заговор. Всего в казну изъято 2954 десятины земли (к началу Первой мировой войны Русское село было процветающим и богатым населенным пунктом, насчитывавшим уже 200 дворов). Кроме того, суду было предано 420 человек, из них 343 сосланы на каторжные работы. По представлению туркестанского генерал-губернатора решением императора на виновников мятежа была наложена контрибуция в 300 тысяч рублей. Земля, на которой была пролита русская кровь, подлежала изъятию из владения местного населения, «как недостойных того доверия, какое было оказано им русским правительством, оставившим эту землю во владении туземцев после завоевания ее силой русского оружия»⁴³⁶. Всего в Андижане было изъято 286 десятин земли. В сентябре прибывшие в район Андижана части были направлены в места постоянной дислокации. Но еще в течение двух лет казаки 6-го полка комплектовали специальные команды по 12—15 казаков, поступающие в распоряжение участковых приставов в уездах. Кроме того, казакам было предписано в 1898—1899 гг. совершать конные пробеги по захолустным местам для устрашения местного населения.

До 1902 г. около 1200 оренбургских казаков участвовало в охране КВЖД. Охрана КВЖД была укомплектована оренбуржцами еще в 1897 г., причем оренбуржцы (по некоторым данным, льготные казаки и чины запаса) по желанию направлялись на КВЖД без семей, офицеры (подъесаул М.В. Немов, сотник Бородин и др.) получали соответствующие назначения и пользовались правами военной службы⁴³⁷. Обмундирование чинов стражи состояло из черной тужурки с желтыми петлицами и кантом, синих шаровар, полушубка, бурки и папахи с желтым козырьком или фуражки с черным околышем и кокардой с драконом⁴³⁸. Первоначально было сформировано пять сотен, в том числе одна оренбургская. 1 ноября 1897 г. эти сотни отплыли из Одессы на корабле Добровольного флота «Воронеж». В 1899 г. был сформирован второй эшелон из десяти сотен, в том числе трех оренбургских, причем при комплектовании эшелона особое внимание было обращено на здоровье казаков и их моральные качества, поскольку из первой партии из-за недочетов в этих вопросах много казаков было откомандировано уже с Дальнего Востока. Казаки служили в дикой и малонаселенной местности, приходилось часто сталкиваться с шайками хунхузов, что предусматривало повышенные требования к подготовке личного состава. После завершения службы многие казаки обосновывались в Маньчжурии, расселяясь по линии КВЖД⁴³⁹. В Китайском походе 1900—1901 гг. в составе 2-го и 3-го Верхнеудинских казачьих полков Забайкальского казачьего войска участвовало 11 оренбургских казачьих офицеров (есаулы Н. Краснояруцев, И. Головин, Н. Мензелинцев, подъесаулы И. Горюхов, М. Кипиченков, сотники А. Чернышев, С. Стрелковский, М.Я. Бекчурин, П. Воронин, Г. Краснов, А. Колокольников), в 6-м Забайкальском казачьем батальоне — войсковой старшина И. Тиханов, в составе амурских казачьих частей — подъесаулы Я. Абаймов, М. Доможиров, хорунжие А. Есипов, И. Танаев⁴⁴⁰. Впрочем, этот конфликт лишь в самой незначительной степени затронул оренбургских офицеров. Подлинные испытания были еще впереди. Кстати, после 1901 г. численность охраны КВЖД резко возросла — был образован Заамурский округ Пограничной стражи.

* * *

К началу XX в. Оренбургское казачье войско являлось самобытным и отлаженным государственным институтом. Нельзя согласиться с мнением, что казаки на рубеже веков уже не вписывались в социальную структуру российского общества⁴⁴¹. Ситуация представляется не столь однозначной. Власть сама, в значительной степени, несла ответственность за ухудшение положения казачества, поскольку не имела продуманной программы дальнейшего развития казачьих войск. Проводившиеся преобразования не носили законченный характер, часто находились во взаимном противоречии

друг с другом. Войско являлось, во многом, изолированной от внешнего мира общиной со своими законами и своей особой системой управления. Система общественного управления станиц и поселков или самоуправления в окончательном виде сложилась в войске в начале 1890-х годов и содержала целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти. Вместе с тем наличие выборной власти на местах приводило некоторых представителей казачьей интеллигенции к мысли о необходимости введения выборного начала и в руководстве войска, которое до того назначалось императором и Наказным атаманом. Однако выборная система в войске установилась лишь в 1917 г.

При том что войско было одним из самых многонациональных и многоконфессиональных казачьих войск России, преобладало все же великорусское православное население. Достаточно устойчивыми в войске были позиции ислама. Что касается неказачьего, иногороднего населения, то процент его был невелик, хотя темпы прироста существенно превышали соответствующий показатель у самих казаков, что в будущем должно было обострить отношения между этими социальными группами. Основными занятиями казаков были земледелие и скотоводство, промыслы играли в экономической жизни казаков незначительную роль. Вместе с тем одной из основных тенденций в развитии казачьих хозяйств стал рост их ориентации на рынок, повышение товарности производства. Однако экономическое положение казаков из-за несовершенства используемых в хозяйстве технологий сильно зависело от природно-климатического фактора. Частые в Оренбургской губернии неурожаи вели к разорению казачьих хозяйств и голоду. Упадок казачьих хозяйств привел в конце XIX в. к тому, что государство стало оказывать казакам постоянную финансовую помощь. Вестественным был процесс постепенного сокращения земельных наделов, которыми казаки наделялись за службу. Создавалась парадоксальная ситуация — казак за свою службу не получал земельного надела в установленном законом размере. А неисполнение своих обязательств властью могло стать поводом и для неисполнения своих обязательств перед государством со стороны самих казаков. Значительные наделные площади на территории войска сдавались в аренду. Часть войсковой территории арендовалась для устройства золотых, железорудных и соляных приисков, значение которых в жизни войска было двойственным: с одной стороны, прииски приносили войску определенный доход, обеспечивали занятость казачьего населения в обеспечении приисков всем необходимым, но, с другой стороны, были источником постоянного беспокойства для казаков, создавали криминогенную обстановку, а также земельную чересполосицу.

Все сложнее казакам давался выход на службу с собственным снаряжением и строевым конем. Стоимость некоторых предметов казачьего сна-

ряжения за вторую половину XIX в. возросла в два-три раза. Подспорьем в снаряжении казаков стали государственные пособия на покупку строевого коня, создание в войске обмундировочного капитала, в который сами казаки в рассрочку сдавали деньги на снаряжение, а также обеспечение малоимущих казаков всем необходимым для выхода на службу посредством раскладки с их одностаничников.

Традиционный консерватизм казачества проявлялся в форме сохранения некоторых пережитков прошлого, в частности, целого ряда повинностей, которые несло казачество. В целом можно сказать, что казаки не бедствовали, с экономической точки зрения жили даже лучше основной массы крестьян, однако если положение крестьян постепенно улучшалось за счет создания Крестьянского поземельного банка (1882), отмены подушной подати (1885—1886), частичного или полного прощения недоимок (1894, 1896, 1899), отмены круговой поруки в крестьянских общинах (1903), снижения, а затем отмены выкупных платежей (1905)⁴², то экономическое положение казачества в основном только ухудшалось в связи с резким увеличением требований по выходу казаков на службу, тяжестью самой воинской повинности казаков и невозможностью успешно совмещать хозяйственную деятельность с несением воинской и других повинностей. Постепенно в казачестве все сильнее стали проявляться тенденции к постепенному саморасказачиванию и окрестьяниванию.

В военном отношении казачество постепенно превращалось из дешевого рода войск в достаточно дорогой, поскольку затраты на него постоянно возрастали⁴³. На фоне упадка и кризиса конницы во второй половине XIX — начале XX в. дальнейшая политика власти по отношению к казакам стала предметом широкого обсуждения в военных кругах. Среди участников дискуссии были сторонники как сохранения казачьего традиционализма, так и приведения казачества к виду регулярной конницы. Нельзя не отметить, что приверженность регулярству в отношении казачества была лишь внешней и касалась улучшения качеств казачьего коня и амуниции, а не боевой подготовки. Тем не менее до 1914 г. ни к каким определенным выводам на этот счет власть не пришла, в результате этот вопрос в Российской империи так и остался открытым, а возможности казачества до конца не реализованными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Играй, отецкая станица! Сборник любимых старинных казачьих песен / Составитель-издатель А.А. Глухов-Ветлужских. СПб, 1999. С. 12.*

² *Шудяков В.А. Социально-политические процессы в Сибирском казачьем войске (март 1917 — май 1918 гг.). Автореф. дисс. к. и. н. Томск, 1994. С. 3.*

- ³ Положение об Оренбургском казачьем войске. СПб., 1840. С. 17, 26.
- ⁴ Рыбалко А.А. История и быт казаков Новолинейного района (этнографический очерк) // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 125.
- ⁵ Милотин Д.А. Воспоминания. 1865—1867 / Под ред. А.Г. Захаровой. М., 2005. С. 402.
- ⁶ Там же. С. 403.
- ⁷ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 81.
- ⁸ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 32.
- ⁹ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 146—147.
- ¹⁰ Генерального штаба полковник Хорошихин [И.]. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 53.
- ¹¹ Серов Д.Г. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Оренбург, 1900. С. 7. (Далее — Оренбургский казак.)
- ¹² Объяснительная записка к статьям проекта положения об общественном управлении станиц казачьих войск. СПб., 1888. С. 12.
- ¹³ В историографии существует и противоположная точка зрения. См., напр.: Топчий А.Т. Буржуазные реформы 60—80-х гг. XIX в. и проблемы урало-сибирского казачества // Казаки Урала и Сибири в XVIII—XX вв.: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1993. С. 117—122. По мнению автора публикации, реформы были неэффективны, так как не порвали со старым способом производства, а их итогом стало расслоение казачества.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 24об.
- ¹⁵ Акулинин И. [Г.] Что вспомнилось // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 15.
- ¹⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 99.
- ¹⁷ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 90—91.
- ¹⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 434.
- ¹⁹ См.: Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 276—346.
- ²⁰ Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2003. С. 23.
- ²¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 41. Л. 2—2 об.
- ²² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74 696. Л. 1.
- ²³ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско: история и современность: Справочный материал. Челябинск, 1993. С. 35.
- ²⁴ Общество — в данном случае — совокупность лиц войскового сословия, числящихся в станице и принадлежащих к ней поселениям. См.: Свод законов Российской Империи. Т. 2. Кн. 2. Пг., 1915. С. 116. Ст. 643.

²⁵ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 16. (Далее — Доклад.)

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. Часть гражданская. Оренбург, 1915. С. 1.

²⁸ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. IX. Военное управление казаков. СПб., 1907 (по 1 Января 1907 года). С. 36.

²⁹ Высочайшее повеление от 4 июля 1902 года // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXVIII. За 1902 год. СПб., 1903. С. 344; См. также: Приказ по военному ведомству. 1902. № 277. 19 июля.

³⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 32. Л. 1.

³¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 636. Л. 21.

³² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 32. Л. 5—6.

³³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 47. Л. 106.

³⁴ Свод законов Российской Империи. Т. 2. Кн. 2. Пг., 1915. С. 147. Ст. 784.

³⁵ По другим данным — 120 рублей в год. См.: Зеленин Дм. У Оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографического Обозрения». М., 1906. С. 7.

³⁶ Доклад. С. 36.

³⁷ Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М., 2003. С. 79.

³⁸ Свод законов Российской Империи. Т. 2. Кн. 2. Пг., 1915. С. 123. Ст. 668.

³⁹ Там же. С. 152. Ст. 805.

⁴⁰ Оренбургский казак. С. 82.

⁴¹ Имеются в виду представители от населения поселка, участвовавшие в поселковых сборах. — А. Г.

⁴² Зеленин Дм. Указ. соч. С. 7.

⁴³ Доклад. С. 44.

⁴⁴ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. Часть гражданская. Оренбург, 1915. С. 1.

⁴⁵ Впрочем, в документах того времени город официально именовался не заштатным, а безуездным, хотя эти слова имеют одинаковое значение.

⁴⁶ Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. С. 371.

⁴⁷ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. Часть гражданская. Оренбург, 1915. С. 2.

⁴⁸ Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 24; Оп. 61. Д. 459. Л. 5, 67; Доклад. С. 9, 12; Табастшерна А.В. Оренбургское казачье войско // Военная энциклопедия. Т. 17. М., 1914. С. 152; Оренбургский казак. С. 107; Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 5, 8; Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. С. 2; Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1910 г. Часть гражданская. Оренбург, 1911. С. 2; Ахулинин И.И. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937. С. 14. Численность населения, как правило, приводится по данным к 1 января каждого года, то есть реально — по данным за предыдущий год.

⁴⁹ Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 24; Оп. 61. Д. 459. Л. 5; *Доклад*. С. 9, 12; *Тавастийерна А.В.* Оренбургское казачье войско // Военная энциклопедия. Т. 17. М., 1914. С. 152; *Оренбургский казак*. С. 107; *Всеподданнейший отчет* об Оренбургском казачьем войске за 1895 год. Часть военная. Оренбург, 1896. С. 2; *Всеподданнейший отчет* Наказного атамана Оренбургского казачьего войска за 1900 год // РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 41. Л. 8; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 5, 8; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. С. 2; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1910 г. Часть гражданская. Оренбург, 1911. С. 2; *Акулинин И.Г.* Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937. С. 14. Численность населения, как правило, приводится по данным к 1 января каждого года, то есть реально — по данным за предыдущий год.

⁵⁰ По другим данным — 365 500 чел. См.: *Кортунов А.И.* Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII—XIX вв. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2004. С. 24.

⁵¹ *Васильченко О.А.* Государственная политика Российской империи по переселению семей казаков на Дальний Восток (1855—1917 гг.) // Казачество: проблемы истории и историографии: Материалы 28-й всероссийской заочной науч. конф. СПб., 2003. С. 62.

⁵² Подробнее о церемонии проводов см.: *Капустина В.М.* Наши на Дальнем Востоке // Гостинный Двор (Оренбург). 2005. № 17. С. 213—214.

⁵³ *Столетие Военного министерства 1802—1902*. Т. XI. Ч. 1. Главное управление казачьих войск: Исторический очерк / Сост. А.И. Никольский. СПб., 1902. С. 694.

⁵⁴ Там же. С. 696.

⁵⁵ *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 3.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 5об.

⁵⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 24; Оп. 61. Д. 459. Л. 5; *Доклад*. С. 9, 12; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 5, 8; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. С. 2; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1910 г. Часть гражданская. Оренбург, 1911. С. 2; *Акулинин И.Г.* Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937. С. 14. Численность населения, как правило, приводится по данным к 1 января каждого года, то есть реально — по данным за предыдущий год.

⁵⁸ *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. М.—СПб., 2002. С. 86.

⁵⁹ По данным на 1902 г. — *Доклад*. С. 13.

⁶⁰ *Худобородов А.А.* Нагайбаки: об этнических корнях и проблеме взаимодействия культуры // Уржумка (Челябинск). 1995. № 1. С. 33—34.

⁶¹ *Соколов Д.Н.* Оренбургская губерния: Географический очерк. М., 1916. С. 9.

⁶² По данным на 1902 г. — *Доклад*. С. 13.

⁶³ В официальных изданиях начала XX в. называлось «раскольническим». — А. Г.

⁶⁴ *Зеленин Дм.* Указ. соч. С. 5.

⁶⁵ *Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В.* Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002. С. 152.

⁶⁶ Конюченко А.И. Основные факторы формирования религиозного мировоззрения оренбургского и уральского казачества // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Сб. науч. тр. Челябинск, 2001. С. 60.

⁶⁷ Харланов В.А. Религиозно-нравственное состояние инородцев Оренбургской епархии в конце XIX — начале XX века (на примере нагайбаков) // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Сб. науч. тр. Челябинск, 2001. С. 153.

⁶⁸ Конюченко А.И. Основные факторы... С. 63.

⁶⁹ Язудина О.В. Старообрядчество Уральского и Оренбургского казачьих войск в период с 1851—1917 гг. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2005. С. 17.

⁷⁰ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 7. Д. 363. Л. 7, 16об., 17об., 18об.

⁷¹ Джунджужов С.В. Буддизм в Оренбургском казачьем войске // Гостинный Двор (Оренбург). 2006. № 19. С. 247.

⁷² Кортунюв А.И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII—XIX вв. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2004. С. 17.

⁷³ Площадь Оренбургской губернии была в два с лишним раза больше и составляла примерно 170 тысяч квадратных верст.

⁷⁴ Соколов Д.Н. Указ. соч. С. 36.

⁷⁵ Воробьев В.Ф. Оборона Оренбурга (апрель—май 1919 г.). М., 1938. С. 7.

⁷⁶ Российский государственный военный архив. Ф. 39 606. Оп. 1. Д. 5. Л. 13об.

⁷⁷ Серов Д.Г. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Статья первая // Военный сборник. 1900. № 9. С. 158—160; Доклад. С. 94.

⁷⁸ Оренбургский казак. С. 111—113.

⁷⁹ Голубой или светло-синий — приборный цвет Оренбургского казачьего войска.

⁸⁰ На семнадцатом году казак вносил 15 руб., на восемнадцатом — 20 руб., в младшем и среднем возрастах приговорительного разряда (на девятнадцатом и двадцатом году) вносилось по 25 руб., на двадцать первом году — 15 руб. Общая сумма вкладов за пять лет составляла 100 руб.

⁸¹ Доклад. С. 95.

⁸² Приказ по военному ведомству. 1904. № 129.

⁸³ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 73.

⁸⁴ Хоака — неподвижная выступающая часть корпуса лошади между шеей и спиной, входящая в состав плечевого пояса. О промерах лошадей см.: Ливанова Т.К., Ливанова М.А. Все о лошади. М., 2002. С. 48—49.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 43об.

⁸⁶ Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998. С. 70.

⁸⁷ Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 127.

⁸⁸ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 202.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 287.

⁹¹ Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. С. 128.

⁹² Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890—1891). Т. 3. СПб., 1897. С. 207.

- ⁹³ Краснов П.Н. Какие реформы нужны казакам // Военный сборник. 1912. № 12. С. 39.
- ⁹⁴ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приготовительного разряда казаков (Статья первая) // Военный сборник. 1901. № 5. С. 123.
- ⁹⁵ Там же. С. 126.
- ⁹⁶ То же (Статья вторая) // Военный сборник. 1901. № 6. С. 99.
- ⁹⁷ Григорьев М. По поводу «Устава о воинской повинности казаков» // Военный сборник. 1901. № 9. С. 92.
- ⁹⁸ Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 122.
- ⁹⁹ Селивановская Л.А. Экономическое положение и социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 322.
- ¹⁰⁰ Столетие Военного министерства 1802—1902. Т. XI. Ч. 1. С. 747—748.
- ¹⁰¹ В 1911 г. в Государственную думу было внесено предложение о возврате «миллионного отвода» войску. См.: Махрова Т.К. Оренбургское казачество и степь: к вопросу о земельных отношениях // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. Русская колонизация Урала: историко-культурные процессы. Челябинск, 1995. С. 116.
- ¹⁰² Станичный юрт — совокупность всех поселковых наделов станицы.
- ¹⁰³ См. также: Свод законов Российской Империи. Т. 2. Кн. 3. Пг., 1915. С. 178. Ст. 932.
- ¹⁰⁴ Высочайше утвержденное 9 сентября 1867 г. Положение о размежевании земель Оренбургского казачьего войска.
- ¹⁰⁵ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 1.
- ¹⁰⁶ Доклад. С. 47.
- ¹⁰⁷ Оренбургский казак. С. 35.
- ¹⁰⁸ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 66об.
- ¹⁰⁹ Доклад. С. 51.
- ¹¹⁰ Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. 2-е изд., испр. Челябинск, 2000. С. 133.
- ¹¹¹ Анисимов Н. Борьба с иногородними // Вестник казачьих войск. 1903. № 7. С. 106.
- ¹¹² Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. С. 153.
- ¹¹³ Оренбургский казак. С. 35.
- ¹¹⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 807. Л. 2об.
- ¹¹⁵ Если сравнить эту сумму с некоторыми из предметов казачьего снаряжения, то сравнение будет далеко не в пользу земельного дохода.
- ¹¹⁶ Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998. С. 79.
- ¹¹⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 64.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 65.
- ¹¹⁹ Стариков Ф.М. Указ. соч. С. 122—123.
- ¹²⁰ Басов Д. Пробег из Маньчжурии (Херсу) в Петербург 8.700 вер. // Военный сборник. 1907. № 2. С. 98.
- ¹²¹ Стариков Ф.М. Указ. соч. С. 134.
- ¹²² Машин М.Д. Оренбургское и Уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 12.

¹²³ Там же. С. 8.

¹²⁴ Футорянский Л.И. К вопросу о земельной аренде в казачьих областях в конце XIX — начале XX в. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 442—452; Махрова Т.К. Указ. соч. С. 19.

¹²⁵ Машин М.Д. Оренбургское и Уральское казачество... С. 13, 17.

¹²⁶ Футорянский Л.И. Российская социал-демократия и рост оппозиционных настроений среди казачества Урала // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. Исторические науки. 1996. № 1. С. 72.

¹²⁷ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 38. Л. 89.

¹²⁸ Суров А. Материальное положение офицеров казачьих войск // Военный сборник. 1900. № 3. С. 149. Кроме того, существовали различия в размере участков и в зависимости от того, находился ли выделяемый участок в той станице, в которой жил офицер, или нет.

¹²⁹ Симашин В. Дополнительные земельные наделы офицеров Оренбургского казачьего войска // Разведчик: Журнал военный и литературный. 1898. 17.02. № 383. С. 165.

¹³⁰ Кузнецов К. Дополнительные земельные наделы офицеров Оренбургского казачьего войска // Разведчик: Журнал военный и литературный. 1898. 29.12. № 428. С. 1131.

¹³¹ Андреев С.М. Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. — 1916 г.). Автореферат дисс. к. и. н. Омск, 1997. С. 21.

¹³² Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. 2-е изд., испр. Челябинск, 2000. С. 148.

¹³³ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 94.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 72.

¹³⁵ Оренбургский казак. С. 81.

¹³⁶ Там же. С. 109.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 410.

¹³⁸ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 1.

¹³⁹ Зеленин Дм. Указ. соч. С. 10.

¹⁴⁰ Доклад. С. 84.

¹⁴¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 270. Л. 4—7, 11об.—14, 18—18об.

¹⁴² Махрова Т.К. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков (вторая половина XIX — начало XX века) // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 150.

¹⁴³ Оренбургский казак. С. 61.

¹⁴⁴ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 46—50.

¹⁴⁵ Оренбургский казак. С. 62.

¹⁴⁶ Доклад. С. 54.

¹⁴⁷ Там же. С. 61.

¹⁴⁸ Подробнее о золотодобыче см.: Вишев И.И. Становление и развитие золотопромышленности на южном Урале в XIX веке. Автореф. дисс. к. и. н. Челябинск, 2002.

- ¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 56.
- ¹⁵⁰ Рукосуев Е.Ю. Добыча золота на землях Оренбургского казачьего войска // Казачество Оренбургского края XVI—XX веков. Программа и материалы региональной науч. конф. Оренбург, 1992. С. 32.
- ¹⁵¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 30. Л. 27.
- ¹⁵² Акулинин И.Г. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937. С. 107.
- ¹⁵³ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 29, 31.
- ¹⁵⁴ Симазин В. Дополнительные земельные наделы офицеров Оренбургского казачьего войска // Разведчик: Журнал военный и литературный. 1898. 17.02. № 383. С. 165.
- ¹⁵⁵ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 33.
- ¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 60—61.
- ¹⁵⁷ Собрание врачей Оренбургской губернии с участием представителей Губернского Распорядительного Комитета, Городского Управления и Войскового Хозяйственного Правления. Первый съезд. 25 февраля — 3 марта 1903 года. Оренбург, 1903. С. 84.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 1—2.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 105.
- ¹⁶⁰ Сборник медико-статистических работ по Оренбургской губернии. Организация и распределение врачебной помощи в Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1912. С. 4.
- ¹⁶¹ Протокол № 1 заседания 1-го очередного съезда первого округа Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 25.10.1917. С. 6.
- ¹⁶² Нестеренко С. Войсковая станичная (начальная) школа в прошлом (Краткий обзор) // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 54.
- ¹⁶³ К 1 января 1902 г. было уже 520 школ с 34 731 учащимся. — Доклад. С. 62.
- ¹⁶⁴ Доклад. С. 23.
- ¹⁶⁵ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 15. Л. 17об.
- ¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 56об.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Доклад. С. 24.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Оренбургский казак. С. 88.
- ¹⁷¹ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 15. Л. 45.
- ¹⁷² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 51об.
- ¹⁷³ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 106а. Л. 1—4об.
- ¹⁷⁴ Конюченко А.И. Особенности церковно-административного устройства Оренбургской епархии (2-я половина XIX — начало XX в.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. Русская колонизация Урала: историко-культурные процессы. Челябинск, 1995. С. 46—47.
- ¹⁷⁵ Доклад. С. 109—110. Впрочем, сам Щербов-Нефедович, по мнению А.Н. Куропаткина, «туп, кругозор начальника отделения, важные дела лежат, а о мелочах

много пишет... непростительно глуп». Цит. по: *Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 348.*

¹⁷⁶ *Войнов В.М. История войска Оренбургского. Оренбург, 1992. С. 13—14.*

¹⁷⁷ *Путинцев В. Истинно наше преступление // Военный сборник. 1911. № 4. С. 73.*

¹⁷⁸ *Доклад. С. 44—45.*

¹⁷⁹ *Там же. С. 45.*

¹⁸⁰ *Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 31, 318.*

¹⁸¹ *Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданской. Оренбург, 1908. С. 69.*

¹⁸² *РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 40.*

¹⁸³ *Евсеев Н. О прошлом и настоящем Оренбургских казаков / Под ред. и с предисловием В. Троцкого. Самара, 1929. С. 39.*

¹⁸⁴ *РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 38—38об.*

¹⁸⁵ *Кузнецов В.А. Религиозно-нравственное воспитание оренбургского казачества // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Сб. науч. тр. Челябинск, 2001. С. 87.*

¹⁸⁶ *РГВИА. Ф. 15413. Оп. 2. Д. 1. А. 13.*

¹⁸⁷ *Путинцев В. Истинно наше преступление // Военный сборник. 1911. № 4. С. 74.*

¹⁸⁸ *ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 260. Л. 18об.*

¹⁸⁹ *Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884. С. 249.*

¹⁹⁰ *Зеленин Дм. Указ. соч. С. 19.*

¹⁹¹ *См., напр.: Приказ по казачьим и иррегулярным войскам. 1891. № 37.*

¹⁹² В конце июля 1891 г. будущий император Николай II, возвращаясь из поездки в Японию, побывал на Южном Урале, посетив в том числе Оренбургское казачье войско; ранее войско посещали император Александр I (в 1824 г.) и будущий император Александр II (в 1837 г.). — А. Г.

¹⁹³ *Шалютин Ф.И. Повести о жизни. Пермь, 1978. С. 87—88.*

¹⁹⁴ Цит. по: *Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В. Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002. С. 148.*

¹⁹⁵ *Конюченко А.И. Основные факторы формирования религиозного мировоззрения оренбургского и уральского казачества // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Сб. науч. тр. Челябинск, 2001. С. 64.*

¹⁹⁶ *Там же.*

¹⁹⁷ *ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 57а. Л. 7.*

¹⁹⁸ *Там же. Л. 12, 100—100об.*

¹⁹⁹ *См., напр.: ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 499. Л. 10; Д. 503. Л. 11, 21, 432об., 438, 444об., 449; Д. 506. Л. 2, 5об; Оренбургская газета. 1910. 06.06. № 123. С. 3.*

²⁰⁰ *Оренбургская газета. 1910. 26.09. № 213. С. 3.*

²⁰¹ *РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 59об.*

²⁰² *ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 503. Л. 440.*

²⁰³ *ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 260. Л. 18об.*

²⁰⁴ *См., напр.: РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 10.*

- ²⁰⁵ *Краснов П.Н.* О строевом командовании казачьим полком // Военный сборник. 1906. № 4. С. 116.
- ²⁰⁶ *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е. СПб., 1900. С. 16.
- ²⁰⁷ В данном случае Н. Путинцев допускает значительное преувеличение — даже к 1916 г. казачество насчитывало около 4,5 миллиона человек. — А. Г.
- ²⁰⁸ По более точным расчетам ГУКВ на 1907 г. — 4593 офицера, 197 921 нижний чин и 191 779 лошадей. См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 47. Л. 187.
- ²⁰⁹ *Путинцев Н.* Наши казачьи войска (необходимость изучения их трехвекового исторического прошлого) // Военный сборник. 1900. № 1. С. 45—46.
- ²¹⁰ *Матковский А.Ф.* Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. СПб., 1911. С. 45.
- ²¹¹ *Лавров Е.* Об организации конницы соответственно современным требованиям // ВС. 1900. № 3. С. 93.
- ²¹² Е. Лавров ошибается — германские уланы, гусары и шевалежеры имели на вооружении не палаш, а саблю.
- ²¹³ Е. Лавров ошибается — на вооружении французских кирасир находились только палаши, а не сабли и палаши одновременно.
- ²¹⁴ Е. Лавровым при составлении таблицы допущена ошибка в определении численности казачьих полков. По штатам мирного времени их должно было быть 51 (без учета отдельных сотен, батальонов и т. п.), а не 35, как указано в оригинале таблицы. Мой расчет по кн.: *Казачьи войска: Справочная книжка Императорской Главной Квартiry.* По 1-е Апреля 1912 года / Сост. В.Х. Казин. Под ред. В.К. Шенк. СПб., 1912. В военное время число казачьих конных полков составляло 146 (по другим подсчетам — 151,5). Наконец, по данным ГУКВ на 1907 г., в военное время формировалось 155 казачьих полков, 4 дивизиона и 97 отдельных сотен. См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 72. Л. 187.
- ²¹⁵ *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. 1881—1915 гг. М., 1994. С. 18.
- ²¹⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 39.
- ²¹⁷ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 20.
- ²¹⁸ *Доклад.* С. 92.
- ²¹⁹ *Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 год.* Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 42.
- ²²⁰ *Свод военных постановлений 1869 г.* Кн. X. Военная служба казаков. СПб., 1907 (по 1 Января 1907 года). С. 40.
- ²²¹ Генерального штаба полковник *Хорошихин [И.]*. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 253.
- ²²² *Всеподданнейший отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 год.* Часть военная. Оренбург, 1896. С. 9.
- ²²³ *Свод военных постановлений 1869 г.* Кн. X. Военная служба казаков. СПб., 1907 (по 1 Января 1907 года). С. 29.
- ²²⁴ Там же. С. 2.
- ²²⁵ *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 704.
- ²²⁶ *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е. СПб., 1900. С. 123.

²²⁷ *Всеподданнейший отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 год. Часть военная. Оренбург, 1896. С. 2.*

²²⁸ Там же. С. 16–17.

²²⁹ РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 2020. Л. 93об.–94; *Четверть века Казачьей Сотни Николаевского Кавалерийского Училища (1890 – 4 июня 1915) // Педагогический сборник (Петроград). 1915. № 8. С. 112.*

²³⁰ *Марков А. Кадеты и юнкера // Кадеты и юнкера. М., 2001. С. 80.*

²³¹ *Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. С. 12.*

²³² *Вертепов Д. Царская Сотня // Военная Быль (Париж). 1956. № 18. С. 19.*

²³³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 542. Л. 8об.

²³⁴ *Стрелянов (Калабухов) П.Н. «Степная школа» – Оренбургское казачье военное училище (Краткая история, начальники и «неизвестные» выпускники) // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 69.*

²³⁵ Последние четыре войска были небольшими по численности населения и далеко не каждый год поставляли в училище юнкеров.

²³⁶ *Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. С. 30–31.*

²³⁷ *Водопьянов В.П. История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996. С. 138.*

²³⁸ *Свод военных постановлений 1869 г. Кн. X. Военная служба казаков. СПб., 1907 (по 1 Января 1907 года). С. 173.*

²³⁹ *Доклад. С. 13.*

²⁴⁰ *Водопьянов В.П. Указ. соч. С. 137.*

²⁴¹ Там же. С. 138.

²⁴² *Свод военных постановлений 1869 г. Кн. X. Военная служба казаков. СПб., 1907 (по 1 Января 1907 года). С. 266–267.*

²⁴³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 1об.

²⁴⁴ Сотня несла военно-полицейскую службу в Оренбурге, по линии Ташкентской железной дороги и на уральских заводах.

²⁴⁵ *Доклад. С. 109.*

²⁴⁶ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 107. Л. 1; Д. 108. Л. 295.

²⁴⁷ *Левченко А. Харьковские джигиты // Вечерний Харьков. 2006. 26.10. № 118.*

²⁴⁸ *Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 11–12.*

²⁴⁹ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 226. Л. 21об.–22.

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 15413. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3об.

²⁵¹ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 3, 3об.

²⁵² См., напр.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 418об.

²⁵³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 496. Л. 1, 6.

²⁵⁴ Для сравнения дислоцированный в удаленном от границы Харькове 1-й Оренбургский казачий полк в 1914 г. полностью мобилизовался на фронт с соблюдением всех установленных временных сроков за 19 часов.

²⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 68. Разд. 1. Карт. 131. Д. 47. Л. 1–1об.

²⁵⁶ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 8552. Л. 3.

- ²⁵⁷ Там же. А. 3об.
- ²⁵⁸ Там же. А. 4об. — 5.
- ²⁵⁹ Там же. А. 72об. — 74.
- ²⁶⁰ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 8553. А. 220.
- ²⁶¹ Там же. А. 200об.
- ²⁶² Там же. А. 200.
- ²⁶³ В тексте — «малоустойчивости». — А. Г.
- ²⁶⁴ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 204. А. 47—47об.
- ²⁶⁵ Там же. А. 51об.—52об.
- ²⁶⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 274. А. 1об., 5.
- ²⁶⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 560. А. 2об.
- ²⁶⁸ Водопьянов В.П. Указ. соч. С. 300.
- ²⁶⁹ Там же. С. 126.
- ²⁷⁰ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 204. А. 54—58.
- ²⁷¹ Там же. А. 214об.
- ²⁷² Водопьянов В.П. Указ. соч. С. 137.
- ²⁷³ Там же. С. 138.
- ²⁷⁴ Капустина В. [М.] Во имя науки. Вклад оренбургских казаков в изучение природы Оренбургского края и Средней Азии // Гостинный Двор (Оренбург). 2006. № 19. С. 244.
- ²⁷⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 62. А. 4об.
- ²⁷⁶ Белов А.И. А.-гв. Сводно-казачий полк и Сибирская полусотня в нем // Сибирский казак: Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска 1582—1932 / Под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Харбин, 1934. С. 175—186; *Воскобойников Г.А.* Казачество в Первой мировой войне. М., 1994; *Дерябин А.И.* Первая мировая война 1914—1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М., 2000; *Императорская гвардия.* Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Изд. 2-е / Под ред. В.К. Шенк. По 1-е мая 1910 г. СПб., 1910. С. 146.
- ²⁷⁷ *Столетие* Военного министерства 1802—1902. Т. XI. Ч. 3. Воинская повинность казачьих войск: Исторический очерк / Сост. А.И. Никольский. СПб., 1907. С. 360.
- ²⁷⁸ *Краткое* расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-е июля 1903 г. СПб., 1903. С. 139.
- ²⁷⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 297. А. 1—1об.
- ²⁸⁰ Там же. А. 2.
- ²⁸¹ *Краткое* расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-е июля 1903 г. СПб., 1903. С. 163.
- ²⁸² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 560. А. 7.
- ²⁸³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 24. А. 1.
- ²⁸⁴ Там же. А. 89об.
- ²⁸⁵ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 69.
- ²⁸⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. А. 2—4об.
- ²⁸⁷ В тот период в Донском, Кубанском, Терском и Оренбургском казачьих войсках уже была должность заведующего коневодством, поэтому настоящей необходимости в таком преобразовании не было. — А. Г.
- ²⁸⁸ Как правило, так и происходило. — А. Г.

²⁸⁹ Необходимое представление по этому вопросу было сделано, вопрос обсуждался еще в 1900 г. — А. Г.

²⁹⁰ Вопрос подлежал рассмотрению особой комиссии. — А. Г.

²⁹¹ Полки на европейской границе было решено содержать в $\frac{3}{4}$ состава в период с июля по ноябрь; казачьи полки 1-й Туркестанской казачьей дивизии комплектовались с осени, казачьи полки кавалерийских дивизий, дислоцированных в Европейской России, — в феврале. — А. Г.

²⁹² Вопрос находился в стадии рассмотрения; выючный обоз был особенно необходим в Туркестане, причем в 1-й Туркестанской казачьей дивизии он уже был введен решением генерала Шпицберга, для чего были приспособлены английские пулеметные седла. — А. Г.

²⁹³ В 1902 г. разрабатывался вопрос об увеличении штата есаулов; в Оренбургском войске для осуществления предложенной меры необходимо было увеличение на 54—56 есаулов. — А. Г.

²⁹⁴ Этот вопрос уже обсуждался, был выделен кредит на 1903 г., но по финансовым соображениям решение отложено до 1909 г. — А. Г.

²⁹⁵ По мнению представителей ГУКВ, поскольку употреблялось шесть номеров подков, в этом предложении не было надобности. — А. Г.

²⁹⁶ Увеличение боезапаса вело к увеличению веса, который несла лошадь, а следовательно, к уменьшению подвижности части, при этом главной задачей конных частей была как раз подвижность и способность к быстрым переходам на большие расстояния. — А. Г.

²⁹⁷ Еще в 1901 г. было обещано снабдить кавалерию современными средствами связи, вопрос предполагалось решить положительно, при этом из частей и из самих казачьих войск представлений об этом не поступало; в полках 1-й Туркестанской казачьей дивизии гелиографы на 1903 г. имелись. — А. Г.

²⁹⁸ Бурдюки считались наиболее удобным переправочным средством для кавалерии, были незаменимы в степной местности, однако вопрос оставался открытым. — А. Г.

²⁹⁹ По этому вопросу в ГУКВ было принято отрицательное решение, т. к. инструментальная порча считалась наиболее эффективной. — А. Г.

³⁰⁰ По мнению чиновников ГУКВ, пригодно. — А. Г.

³⁰¹ Отказано, поскольку иначе бремя выплат падало бы на казачьи войска. — А. Г.

³⁰² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 75—76.

³⁰³ Там же. Л. 22.

³⁰⁴ Там же. Л. 62об.

³⁰⁵ Там же. Л. 45об.—47.

³⁰⁶ Там же. Л. 47об.

³⁰⁷ Там же. Л. 46—48.

³⁰⁸ Краснов П.Н. Какие реформы нужны казакам // Военный сборник. 1912. № 12. С. 40.

³⁰⁹ Серов Д.Г. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Статья первая // Военный сборник. 1900. № 9. С. 153—156.

³¹⁰ Матковский А.Ф. Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. СПб., 1911. С. 3.

- ³¹¹ Один из авторов утверждал, что не следует бояться атаковать с расстояния в 200—500 шагов пулеметы в конном строю. См.: *Гребенщиков С.* Маленькие заметки. Конница против пехоты и пулеметов // *Вестник русской конницы.* 1910. 28.02. № 4. С. 167.
- ³¹² Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 2. СПб., 1910. С. 19.
- ³¹³ Бернгарди Ф., фон. Служба конницы. СПб., 1913. С. 272.
- ³¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 2. Д. 1675. Л. 12—13об.
- ³¹⁵ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 107. Л. 1.
- ³¹⁶ Там же. Л. 2об.—5.
- ³¹⁷ Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 2. СПб., 1910. С. 23.
- ³¹⁸ Там же. С. 19.
- ³¹⁹ Колубакин Б. Современная постановка вопроса об организации и соразмерности кавалерии // *Военный сборник (далее ВС).* 1900. № 1. С. 99.
- ³²⁰ Краснов П.Н. Лава // *ВС.* 1911. № 3. С. 42.
- ³²¹ Краснов П.Н. Боевая подготовка сотни (Статья третья) // *ВС.* 1903. № 6. С. 113.
- ³²² Там же. С. 113—114.
- ³²³ То же (Окончание) // *ВС.* 1903. № 8. С. 94.
- ³²⁴ Краснов П.Н. Какие реформы нужны казакам // *ВС.* 1912. № 12. С. 40.
- ³²⁵ Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 1. СПб., 1910. С. 5.
- ³²⁶ Матковский А. Конница. Ч. 1. Общие положения, подготовка, построения. СПб., 1913. С. 225.
- ³²⁷ Миткевич В. Казачья лава (По поводу «Наставления для действий казачьих частей лавою») // *ВС.* 1909. № 4. С. 115.
- ³²⁸ Литвинов А. Что надо нашей коннице // *ВС.* 1900. № 9. С. 87.
- ³²⁹ Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 2. СПб., 1910. С. 6.
- ³³⁰ Залесский П. Главнейшие виды деятельности конницы. Ч. 1. СПб., 1910. С. 4—5; Ч. 2. Завеса, набег, бой и преследование. СПб., 1911. С. 18, 31.
- ³³¹ Матковский А.Ф. Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. СПб., 1911. С. 9.
- ³³² Там же. С. 15.
- ³³³ Доможиров Л. Льгота казачьих офицеров // *ВС.* 1908. № 8. С. 103.
- ³³⁴ Путинцев В. Истинно наше преступление // *ВС.* 1911. № 4. С. 75.
- ³³⁵ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 204. Л. 137об.
- ³³⁶ Серов Д.Г. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Статья первая // *ВС.* 1900. № 9. С. 153.
- ³³⁷ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приговорительного разряда казаков (Статья первая) // *ВС.* 1901. № 5. С. 126.
- ³³⁸ Приказ по военному ведомству. 1876. № 80.
- ³³⁹ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приговорительного разряда казаков (Статья первая) // *ВС.* 1901. № 5. С. 122.
- ³⁴⁰ Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. Т. 3. Песни бытовые. Оренбург, 1906. С. 275—277, 279.
- ³⁴¹ «Бараками» казаки называли лагерные сборы. — А. Г.
- ³⁴² Здесь и далее — сохранена стилистика оригинала. — А. Г.
- ³⁴³ Речь идет о войсковом старшине Николае Платоновиче Батыреве. — А. Г.

- ³⁴⁴ Вестник казачьих войск. 1903. № 10. С. 149.
- ³⁴⁵ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приготовительного разряда казачков (Статья первая) // ВС. 1901. № 5. С. 129.
- ³⁴⁶ Старый. Кавалерийские мысли и наброски // ВС. 1906. № 6. С. 145.
- ³⁴⁷ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приготовительного разряда казачков (Статья вторая) // ВС. 1901. № 6. С. 96.
- ³⁴⁸ Краснов П.Н. Лава // ВС. 1911. № 3. С. 44.
- ³⁴⁹ Краснов П.Н. О строевом командовании казачьим полком (Окончание) // ВС. 1906. № 7. С. 100.
- ³⁵⁰ Краснов П.Н. Лава // ВС. 1911. № 3. С. 46.
- ³⁵¹ Краснов П.Н. Боевая подготовка сотни (Статья первая) // ВС. 1903. № 4. С. 103.
- ³⁵² То же (Статья вторая) // ВС. 1903. № 5. С. 151.
- ³⁵³ Краснов П.Н. О строевом командовании казачьим полком (Продолжение) // ВС. 1906. № 5. С. 162.
- ³⁵⁴ См., напр.: Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 205—206.
- ³⁵⁵ Краснов П.Н. О строевом командовании казачьим полком (Начало) // ВС. 1906. № 4. С. 110.
- ³⁵⁶ Там же. С. 116.
- ³⁵⁷ Доможиров А. Льгота казачьих офицеров // ВС. 1908. № 8. С. 106.
- ³⁵⁸ Литвинов А. Что надо нашей коннице // ВС. 1900. № 9. С. 104.
- ³⁵⁹ Водопьянов В.П. Указ. соч. С. 139.
- ³⁶⁰ Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 173. 13 апреля 1898 г. Документ предоставлен В.Г. Семеновым (Оренбург).
- ³⁶¹ Суров А. Материальное положение офицеров казачьих войск // ВС. 1900. № 3. С. 147.
- ³⁶² Там же. С. 154.
- ³⁶³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 6.
- ³⁶⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 11. Л. 82.
- ³⁶⁵ Краснов П.Н. О строевом командовании казачьим полком // ВС. 1906. № 4. С. 115.
- ³⁶⁶ Там же.
- ³⁶⁷ Старый. Кавалерийские мысли и наброски // ВС. 1906. № 6. С. 144.
- ³⁶⁸ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 7.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 40об.
- ³⁷⁰ В начале XX в. введен во всех полках 1-й Туркестанской казачьей дивизии. — А. Г.
- ³⁷¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 63.
- ³⁷² Там же. Л. 49.
- ³⁷³ Доможиров А. Льгота казачьих офицеров // ВС. 1908. № 8. С. 100.
- ³⁷⁴ Там же. С. 112.
- ³⁷⁵ Краснов П.Н. Льгота Донских казачьих офицеров (По поводу статьи А. Доможирова) // ВС. 1908. № 11. С. 125.
- ³⁷⁶ Там же. С. 120.
- ³⁷⁷ Доможиров А. Казачьи вопросы // ВС. 1911. № 11. С. 51.
- ³⁷⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 54. Л. 1—2.
- ³⁷⁹ Приказ по военному ведомству. 1875. № 203.
- ³⁸⁰ Приказ по военному ведомству. 1892. № 305.

- ³⁸¹ Сухомлинов В. Казачий зипун // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1899. 05.01. № 429. С. 11.
- ³⁸² Серов Д. Г. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Статья первая // ВС. 1900. № 9. С. 161.
- ³⁸³ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. X. Военная служба казаков. СПб., 1907 (по 1 января 1907 года). С. 82.
- ³⁸⁴ К. К. Снаряжение на службу Оренбургских казаков // Разведчик. Журнал военный и литературный. 1899. 12.01. № 430. С. 30.
- ³⁸⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 470. Л. 55–55об.
- ³⁸⁶ Зубарев Ф. Нужна ли пика для кавалерии? // ВС. 1901. № 3. С. 91.
- ³⁸⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 47. Л. 60.
- ³⁸⁸ Келлер Ф. А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 1. СПб., 1910. С. 4.
- ³⁸⁹ Пономаревский-Свидерский Вл. Шашка образца 1881 года в нашей кавалерии // ВС. 1903. № 2. С. 118.
- ³⁹⁰ Старый. Кавалерийские мысли и наброски // ВС. 1906. № 6. С. 144–145.
- ³⁹¹ Обзор главнейших мероприятий по военному ведомству в 1909 г. // ВС. 1910. № 2. Русское военное обозрение. С. 291.
- ³⁹² Приказ по военному ведомству. 1909. № 409.
- ³⁹³ Путищев В. Истинно наше преступление // ВС. 1911. № 4. С. 78.
- ³⁹⁴ Лавров Е. Об организации конницы соответственно современным требованиям // ВС. 1900. № 3. С. 103.
- ³⁹⁵ Там же. С. 104.
- ³⁹⁶ Вольф К. Работоспособность нашей конницы и данные на нее влияющие // ВС. 1904. № 2. С. 119.
- ³⁹⁷ Краснов П. Н. О строевом командовании казачьим полком // ВС. 1906. № 4. С. 120.
- ³⁹⁸ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приготовительного разряда казаков (Статья первая) // ВС. 1901. № 5. С. 127.
- ³⁹⁹ Доможиров Л. Льгота казачьих офицеров // ВС. 1908. № 8. С. 101.
- ⁴⁰⁰ Багратион [Д. П.], кн. Назревшие кавалерийские вопросы // ВС. 1913. № 7. С. 109.
- ⁴⁰¹ Краснов П. Н. Боевая подготовка сотни (Статья третья) // ВС. 1903. № 6. С. 122.
- ⁴⁰² Абу-в В. Кое-что о казачьей выезде // ВС. 1903. № 12. С. 88.
- ⁴⁰³ Снесарев А. Е. Значение Индии в среднеазиатском вопросе // Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003. С. 56.
- ⁴⁰⁴ Ср.: «Целыми веками общество наше воспитывалось на идее похода в Индию». — Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 215.
- ⁴⁰⁵ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 444–445.
- ⁴⁰⁶ Переводы этих произведений см. в кн.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LIII, LIV. СПб., 1893.
- ⁴⁰⁷ Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 58.
- ⁴⁰⁸ Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М., 2001. С. 245.
- ⁴⁰⁹ Водопьянов В. П. История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996. С. 277.
- ⁴¹⁰ Там же. С. 279.

- ⁴¹¹ Цит. по: Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., 2004. С. 542.
- ⁴¹² Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Л., 2000. С. 81.
- ⁴¹³ Тагеев Б.А. Русские над Индией // Майер А.А., Тагеев Б.А. Полуценные экспедиции: Очерки. М., 1998. С. 179—180.
- ⁴¹⁴ Постников А.В. Указ. соч. С. 270.
- ⁴¹⁵ Покоем называется строй в виде буквы П. — Прим. документа.
- ⁴¹⁶ Тагеев Б.А. Указ. соч. С. 181—182.
- ⁴¹⁷ Водопьянов В.П. Указ. соч. С. 284.
- ⁴¹⁸ Чумбур — повод к походному недоузаку для привязывания лошади. — А. Г.
- ⁴¹⁹ То есть сартовскими лепешками, заготовленными для подрачка и его при-
слуги, так как туземцы русских сухарей не едят. — Прим. документа.
- ⁴²⁰ Земляк, есть ли кислое молоко с водой (питье)? — Прим. документа.
- ⁴²¹ Сейчас, сейчас, барин. — Прим. документа.
- ⁴²² Айран хорош? — Прим. документа.
- ⁴²³ Тагеев Б.А. Указ. соч. С. 206—207.
- ⁴²⁴ Заборская Л. На походе. Случай с бараном // Оренбургский казак. Сб. Хар-
бин, 1938. С. 58—60.
- ⁴²⁵ Тагеев Б.А. Указ. соч. С. 215.
- ⁴²⁶ Тагеев Б.А. Указ. соч. С. 230—231.
- ⁴²⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб., 1906. С. 410.
- ⁴²⁸ Цит. по: Постников А.В. Указ. соч. С. 282.
- ⁴²⁹ Смирнов А.А. У стен Индии. Памирские походы при Александре III // Ро-
дина. 2001. № 8. С. 69.
- ⁴³⁰ Тагеев Б.А. Указ. соч. С. 342—347.
- ⁴³¹ Цит. по: Постников А.В. Указ. соч. С. 320.
- ⁴³² Хопкирк П. Указ. соч. С. 589—590.
- ⁴³³ Бахтурова А.Ю. Окраины Российской Империи: государственное управле-
ние и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М.,
2004. С. 296.
- ⁴³⁴ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 444.
- ⁴³⁵ Водопьянов В.П. Указ. соч. С. 298.
- ⁴³⁶ Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. Исторический журнал
(М.—Л.). 1929. № 3 (34). С. 86.
- ⁴³⁷ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 142. Л. 8, 60, 137.
- ⁴³⁸ Володченко Н.Г., ген.-лейт. Казаки на охране КВЖД // Вестник казачьей
выставки в Харбине 1943 г. Сб. статей о казаках и казачестве под ред. Е.П. Березов-
ского. Харбин, 1943. С. 159.
- ⁴³⁹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и по-
литические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 70.
- ⁴⁴⁰ Сведения предоставлены В.Г. Семеновым (Оренбург).
- ⁴⁴¹ Кобзов В.С., Шадрич В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государ-
ственно-правовой системе Российской империи. М., 2003. С. 174.
- ⁴⁴² Пушкирев С.Г. Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001. С. 323—338, 412.
- ⁴⁴³ Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е. СПб.,
1900. С. 17.

Глава 2

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 гг.)

Ночки темны, тучки грозны
По поднебесью плывут.
Оренбургские казаки
На врага в поход идут.

*Из полковой песни
1-го Оренбургского
казацкого полка¹*

Мобилизационная готовность оренбургских казачьих частей

Вопрос о роли и значении конницы на полях сражений начала XX в. стал активно обсуждаться в России и за ее пределами сразу после окончания Русско-японской войны. Конница постепенно уходила в прошлое, вытесняясь новейшими техническими средствами, и вопрос о том, насколько она соответствует возлагаемым на нее задачам, стоял очень остро.

Оренбургские казаки являлись составной частью огромного военного механизма Российской империи, участвовавшего в войне с Японией. И на примере этой его составляющей, как на лакмусовой бумажке, отразились не только проблемы самих казаков и их военной организации, но также плюсы и минусы военной машины России. Поэтому перед собой мы ставим две задачи: во-первых, попытаться на широкой источниковой базе, в значительной степени на основе документов и материалов, впервые вводимых в научный оборот, объективно оценить весь комплекс проблем участия оренбургских казаков в Русско-японской войне (проблемы качественного состава, подготовки, комплектования, мобилизации, боевого применения, взаимоотношений с войсковым и армейским начальством, потерь, снабжения, демобилизации и т. д.), а во-вторых, рассмотреть роль оренбургских казачьих частей в составе русских вооруженных сил в Маньчжурии.

Русско-японская война очень сложна для изучения и анализа ее отечественными историками. Если война победоносна, как, например, Отече-

ственная война 1812 г. или Русско-турецкая 1877—1878 гг., то сам факт победы порождает массу панегирической литературы. Писать же о горечи поражений, быть может, более продуктивно, но значительно менее приятно для авторов. Что касается проблем участия в войне казаков, то разработка этой темы еще сложнее, прежде всего потому, что каких-либо ярких страниц, кроме тяжелой повседневной, часто рутинной работы, в историю Русско-японской войны казаки почти не вписали. Оперативные документы казачьих частей и соединений Русско-японской войны отличаются малой информативностью, и задача исследователя заключается в том, чтобы среди этого исторического материала найти по-настоящему ценную информацию, отделить зерна от плевел.

Итак, 28 января 1904 г. Оренбург облетела страшная новость — война². Это слово к 1904 г. было прочно забыто в России, относительно мирно существовавшей уже более четверти века. И Русско-японская война стала для вооруженных сил России тяжелым испытанием. Активное участие в этой неудачной для нас кампании приняло и казачество как неотъемлемая часть русской армии. Одна за другой частные мобилизации прокатывались с Дальнего Востока к Европейской России. Вскоре достигли они и Оренбургской губернии, в которой на войну были мобилизованы казаки второй очереди. Первоочередные казачьи части (за исключением 1-го Оренбургского казачьего полка), несшие службу в Варшавском, Киевском и Туркестанском военных округах, мобилизации не подлежали. Как писал Генерального штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин: «Необходимость усиления нашего военного потенциала на Дальнем Востоке встречала препятствие в нашем положении на Западе, благодаря недоверию к Германии»³. Кроме того, кадровые войска были необходимы для обеспечения безопасности внутри Польши и в промышленных центрах Европейской России⁴.

Важность усиления казачьих войск на Дальнем Востоке была осознана в русских военных кругах уже после Японо-китайской войны 1894—1895 гг. Командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант С.М. Духовской в своей записке от 18 июля 1895 г. отмечал малочисленность казачьей конницы на Дальнем Востоке, «столь необходимой для достижения быстрых стратегических результатов на огромном Маньчжурском театре»⁵. Тогда же были приняты меры по усилению приамурских казачьих войск. В частности, весной 1895 г. для расселения вдоль уссурийского участка Сибирской железной дороги было направлено 183 казачьих семьи из Донского войска и 50 из Оренбургского. Общая численность переселенцев составила 1740 человек, хотя такого количества все равно было недостаточно.

Еще одним напоминанием о необходимости продолжения переселенческой политики стала Китайская война 1900—1901 гг. Уже тогда приоб-

рели известность кавалерийские начальники Генерального штаба генерал-майор П.К. Ренненкампф и генерал-майор П.И. Мищенко. Хотя их слава во многом была преувеличена, именно эти офицеры были поставлены во главе русской конницы и во время войны с Японией⁶.

Кстати, во время Китайской войны летом 1900 г. предполагалась мобилизация Оренбургской казачьей льготной дивизии, о чем был уведомлен командующий войсками Казанского военного округа, на территории которого и находилось войско⁷. Однако обстановка на Дальнем Востоке быстро изменилась, и потребность в мобилизации оренбуржцев отпала.

Что касается итогов Китайской войны, то казачьи части зарекомендовали себя в Маньчжурии хорошо. Один из современников писал: «...недавние события на этой границе (по реке Амур. — А. Г.) ясно показали, на что способно пограничное казачье население и чего можно ожидать от него в минуты опасностей. Боевые качества и доблестные действия как строевых казачьих частей, так и станичных жителей Амурского войска во время возникших военных действий в Маньчжурии в июле и августе сего года (1900. — А. Г.) с несомненной очевидностью доказали целесообразность и мудрость распоряжений правительства в конце 50-х годов по заселению казаками реки Амура...»⁸ В этой связи нельзя не отметить, что в начале XX в. приамурские казаки войска одни из немногих в полной мере отвечали основному историческому предназначению казаков — защите и колонизации окраин государства. Однако в Русско-японской войне они составили лишь часть казачьей конницы.

Проблема соответствия казаков типу вооруженного народа рассматривалась уже в начале XX в. В среде высшего японского генералитета накануне войны было распространено пренебрежительное отношение к казакам. Так, по мнению начальника второго отделения японского Генерального штаба генерал-майора Я. Фукушимы, современный казак «представляет из себя простого мужика, слава которого опирается только на Наполеоновские легенды; иногда он храбр, иногда нет, совершенно так же, как и прочие землепашцы; но он никогда не дисциплинирован и почти всегда плохо обучен и находится под командой плохих офицеров»⁹.

Отмечу, что такая характеристика не вполне соответствовала действительности. Несмотря на то что казачество к началу XX в. претерпело значительные внутренние изменения и в жизни казаков резко возросла роль хозяйственной деятельности, они все еще оставались мощной военной силой. Кроме того, казаки были неприхотливы, легко держались в седле, чем-то напоминая иностранцам мифологических кентавров¹⁰.

Серьезных случаев нарушения дисциплины в казачьих частях тогда не было. По мнению британского военного корреспондента при русской армии Френсиса Маккаллога, казаки были наиболее прочной опорой, кото-

рую имел трон¹¹. Что касается казачьих офицеров, то они, может, и не всегда были на высоте своего положения, но при этом, в отличие от неказачьих офицеров, представлявших собой обособленную от нижних чинов касту, являлись единым целым с рядовыми казаками, которые своим начальникам безгранично доверяли (эта особенность казачьих офицеров очень важна для понимания событий революции и Гражданской войны в казачьих войсках), причем с началом боевых действий эта спайка только окрепла¹². Кроме того, в своей характеристике генерал Фукушима не учитывал региональной специфики казачьих войск.

Другой японский генерал утверждал незадолго до войны: «Да, знаю, нас хотят напугать казаками. Но вспомните, что пред нашей войной с Китаем нас тоже хотели напугать монгольской кавалерией, которая, — предвещали нам, — ураганом сметет нашу маленькую армию. Мы скоро увидим, что особенно большой разницы между монгольской конницей и казаками нет. И любое одно из этих двух пугал не страшнее другого»¹³.

По мнению одного из германских генералов Пеле-Нарбонна, высказанному им уже по окончании Русско-японской войны: «За последнее время казачество находится в упадке. Причину этого явления нужно искать в увеличении числа казаков и постоянных разделах [земли], вследствие которых казакам становится трудным содержать себя. Некоторые из казачьих войск совершенно утратили воинский дух, и коневодство у них расстроилось. К положительным качествам казаков нужно отнести выносливость, неприхотливость, способность к стрельбе и к ориентировке; отрицательные же их качества составляют вороватость, лживость и отсутствие любви к лошади, вследствие чего они, не стесняясь, перегружают ее на походе, не расседывают во время остановок и набивают ей спину»¹⁴. По мнению генерала, подготовка казаков была недостаточной по причине их неграмотности. Далее Пеле-Нарбонн безапелляционно заявлял: «Нельзя, впрочем, не упомянуть, что по своему характеру русские вообще мало пригодны для службы в кавалерии. Отличаясь героического храбростью при обороне, они, вообще говоря, медлительны, недостаточно энергичны и нерешительны»¹⁵.

Вместе с этим западные военные корреспонденты не скупались на похвалу в адрес казаков. Довольно ярко в своих мемуарах описал казаков после неудачного боя с японцами корреспондент «Daily Mail»: «По залитой солнечным светом улице, ведущей на север, ехали казаки на своих малорослых лошадях. Все они были крепкими и мускулистыми, закаленными годами походов по диким местностям Российской Империи и, возможно, таили в себе негласное восхищение тем противником, с которым им недавно пришлось скрестить оружие. Многие из них имели длинные густые бороды, среди них не было людей моложе тридцати лет. На них были фуражки и форма из серого сукна, за плечами винтовки. Шинели и другие предметы

снаряжения аккуратно прикреплены к седлам. Казаки были совершенно разбиты и осознавали это, но, поскольку они ехали назад, медленно и неохотно, встречая со всех сторон ликование китайцев по поводу их отхода, они пели свой национальный гимн — не в качестве вызова, но с явной искренностью, которая проникала в сердца многих из тех, кто их слышал»¹⁶.

Другой британский военный корреспондент М. Баринг писал, что казаки были «восхитительной породой людей, добродушных, терпеливых и изобретательных. В действительности они очень сильно напоминали ирландцев. Они часто откровенно по-детски гледи, ссорились и бранили друг друга, но никогда не доходили до драки. Они были необычайно изобретательны в поиске пищи и создании для себя и окружающих удобств путем постройки жилищ и устройства очагов из подручных средств»¹⁷.

Похожую характеристику казаков привел в письме домой молодой офицер 2-го Аргунского казачьего полка Забайкальского казачьего войска П.Н. Врангель: «...я близко познакомился с казаками. Уровнем развития, инициативностью, находчивостью они значительно превосходили солдат регулярной армии. Удивительной была их способность ориентироваться на местности в любое время суток. Казак безошибочно выбирал верный путь и в густом тумане, и темной ночью...»¹⁸ Столь лестная характеристика относится к забайкальцам.

Прямую противоположность представляет оценка сибирских казаков Генштаба капитаном графом А.А. Игнатьевым, служившим в управлении генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии: «Бедствием войсковой разведки были и так называемые казачьи конвои. Тот, который сопровождал меня на первых рекогносцировках, состоял из западносибирских казаков и имел жалкий и несчастный вид. В отличие от забайкальцев с их крепенькими мохнатыми лошадками сибирские казаки сидели на беспородных, разношерстных, плохо кормленных конях, как будто вчера выпряженных из сохи. Да и ездоки отличались от мирных крестьян только, пожалуй, надетыми набекрень фуражками с красным околышем. Небрежная и самая разнообразная седловка с торчащими из-под подушек тряпками! А мы-то еще утешались мыслью о нашем превосходстве над японцами в отношении конницы! Где же она, наша блестящая кавалерия?

Она осталась где-то там, далеко, в Петербурге, на парадах! Там коней выезжают по системе Филиса, а мы должны довольствоваться этой ездящей пехотой... Казачьим офицерам можно было поручать только передачу запечатанных конвертов, но отнюдь не устных приказаний. Боялись, что они напутают, и потому самые простые поручения приходилось зачастую выполнять генштабистам»¹⁹. Разумеется, принимая во внимание эту оценку, следует учитывать присущее ее автору высокомерие офицера гвардейской кавалерии и генштабиста.

Британский офицер полковник В. Вотерс, прикомандированный к русской армии, отмечал в своем рапорте в марте 1905 г., что русская конница в Маньчжурии практически полностью состояла из казаков, которые, как он полагал, за исключением казачества Урала, проявили себя крайне слабо. Казаков часто использовали не по назначению, а казацкие лошади были плохи. В то же время сам театр войны не позволял коннице быть более активной²⁰.

Иной точки зрения придерживался майор Дж. М. Хоум, составивший свой рапорт в ноябре 1904 г. По его мнению, казаки по своим качествам значительно различались в зависимости от войска и каких-либо обобщений сделать нельзя. Забайкальцы (как правило, буряты) были низкорослыми, малограмотными, но лучше других знали местные условия и могли говорить по-китайски, что являлось важным навыком. Личный состав второочередных частей выглядел хуже личного состава частей первой очереди, однако при этом был более подготовлен к боевым действиям и обладал большим опытом. Высокой оценки удостоились уральцы и оренбуржцы, причем последние, по свидетельству Хоума, были гораздо лучше подготовлены, более грамотны и умны в сравнении с казаками всех остальных войск, даже второочередные оренбургские полки были настолько хорошо организованы, что походили на регулярные части, имели лучший в сравнении с полками других войск конский состав, а казаки-оренбуржцы, единственные из всех, были привязаны к своим лошадям и не хотели с ними расставаться. Обобщая, Хоум однозначно утверждал, что наиболее полезными на театре войны были забайкальцы, а по качествам и значимости безотносительно местных условий — оренбуржцы. Тем не менее и британские, и русские офицеры признавали, что возлагали на участие казаков в боевых действиях значительно большие надежды²¹.

Попробуем подробно проанализировать уровень подготовки оренбургских казаков к войне. Прежде всего, необходимо отметить, что казаки второй очереди, принявшие участие в боевых действиях против японцев в составе оренбургских казачьих частей, не являлись новичками на военной службе. Это были мужчины в возрасте от 25 до 29 лет, которые после предварительного обучения отслужили по четыре года на действительной службе в частях первой очереди в период с 1896 по 1903 г., после чего ежегодно закрепляли полученные навыки в ходе весенне-летних лагерных сборов (за исключением казаков, вернувшихся в прошлом году со службы в первоочередных частях, и, вероятно, кроме тех льготных казаков, которые попадали под Высочайше утвержденное 29 марта 1901 г. положение Военного совета о временном, сроком на пять лет, освобождении второочередных казаков (кроме последнего года службы) от лагерных сбо-

ров)²², а также каждую осень участвовали в традиционных станичных смотрах, во время которых проверялось наличие у них строевых лошадей, исправность обмундирования, вооружения и конского снаряжения²³.

Практически все казаки второй очереди были женаты и имели детей, так как в Оренбургском казачьем войске мужчины вступали в брак, как правило, до выступления на действительную службу даже в части первой очереди, т. е. до 21 года²⁴. Сам факт наличия у казаков семей с малолетними детьми негативно сказывался на их боеспособности, поскольку вопрос о благополучии семьи и домашнего хозяйства был постоянной головной болью второочередников, направленных на службу за несколько тысяч верст от родных станиц и поселков. Кстати, льготным казакам для подготовки к походу было выделено казной единовременное пособие в размере 100 рублей. Более того, значительные пожертвования богатых казаков позволили обеспечить усиленное довольствие лошадей Оренбургской казачьей дивизии во время следования на Дальний Восток²⁵.

Уровень подготовки казаков вызывал серьезную озабоченность в военных кругах еще до войны. Особое беспокойство вызывали стрелковая подготовка, умение согласованно действовать в пешем и конном строю, а также дисциплина²⁶. Низкий уровень стрелковой подготовки русского солдата (в том числе и казака) отмечал британский военный агент при Первой японской армии генерал-майор сэр Ян Гамильтон. Он записал в своем дневнике: «Русский солдат — самый плохой стрелок по сравнению со стрелками других больших армий Европы... Русский солдат выпускает небольшое количество пуль во время практической стрельбы, и то большей частью залпами. Залп — это полное отрицание меткой стрельбы, так как он не допускает индивидуальности стрелка, потому что стрелок никогда не знает и не может знать, была ли его пуля в числе промахов или попавших в цель»²⁷.

Как ни прискорбно, но правоту данного утверждения британского генерала подтверждают документы. Так, в 1896 г. при перевооружении казачьих частей трехлинейными винтовками во время лагерных сборов казаков второй очереди предполагалось расходовать на обучение стрельбе из нового вида оружия по 30 патронов на одного стрелка²⁸. Для сравнения: уже после Русско-японской войны на лагерных сборах льготных казаков 1-го (Оренбургского) военного отдела в 1906 г. на одного человека в среднем приходилось по 26 боевых и 15 учебных патронов²⁹. Даже этого количества, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы приобрести навык точной стрельбы. Подобным недугом страдали и казаки других войск. Например, уссурийцы, выступившие на войну с Японией, «не имели никакой боевой подготовки, кто не умел стрелять до поступления на службу, не на-

учился ничему, так как их заставляли выпустить десять, двенадцать пуль и этим обучение стрельбе ограничивалось. Не попавший в цель ни одной пули (так в тексте. — А. Г.) не будет стрелять успешнее в бою»³⁰. Несмотря на это, представляется справедливым мнение, что казаки могли гораздо эффективнее действовать индивидуально, чем коллективно³¹. Видимо, причина заключалась в существенных недоработках на этапе подготовки казачков.

Особых проблем с дисциплиной в оренбургских казачьих частях накануне и во время войны, как уже говорилось, не было. Например, командир 10-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина Н.Н. Волжин, находясь в Маньчжурии, в июне 1904 г. докладывал начальнику дивизии: «Поведение нижних чинов прекраснейшее. Довольно сказать, что за все время существования полка мне не известен ни единый случай воровства или обид посторонних: затем — жалоб на казаков»³². Что касается проблемы согласованности действий, то мы затронем ее ниже, применительно к мобилизации казаков на войну.

Предположения об усилении войск Дальнего Востока в случае войны с Японией подкреплениями из Сибири и Европейской России были разработаны и утверждены императором еще в мирное время. После начала боевых действий 30 января 1904 г. докладом по Генеральному штабу была установлена последовательность отправки частей на Дальний Восток. Мобилизация оренбургских казаков (по Высочайшему повелению от 7 февраля 1904 г.) должна была проходить после мобилизации Сибирского казачьего войска.

В докладе военному министру по Главному управлению казачьих войск от 4 февраля 1904 г. сообщалось: «В виду приказа Вашего Высочества разработать соображения по мобилизации четырех льготных полков Оренбургского казачьего войска, честь имею доложить, что наиболее удобно было бы для этого назначить четыре второочередных полка, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й, назначенные в случае общей мобилизации в состав Оренбургской казачьей дивизии»³³. Остальные два второочередных полка 7-й и 8-й в состав дивизии не входят и их предполагается включить, по полкам, в состав 2-х армейских корпусов, в качестве корпусной кавалерии...

При мобилизации дивизии из 4-х второочередных полков не придется переделывать заранее составленные мобилизационные соображения, своевременная же готовность входящих в ее состав полков вполне обеспечивается наличием у назначаемых на их укомплектование казаков не только всего обмундирования и снаряжения, но и строевых лошадей...»³⁴ Первоначальный расчет формирования частей и управлений дивизии, а также время их мобилизации отражены в таблице 18.

МОБИЛИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ (Льготной) ДИВИЗИИ ПО РАСПИСАНИЮ № 18³⁵

Наименование частей	Сборные пункты	Срок готовности (дни мобилизации)	Пункты посадки на железную дорогу	Расстояние до пункта посадки (версты)	Время, потребное на передвижение (переходы)	Срок готовности к посадке на железную дорогу
Штаб дивизии	г. Оренбург	13 веч.	ст. Оренбург	На месте	—	13 веч.
Управление 1-й бригады (Оренбург)						
9-й полк	г. Верхнеуральск	12 веч.	ст. Миасс	154	5	17 веч.
10-й полк	ст. Верхнеураль- ская	7 веч.	ст. Миасс	154	5	12 веч.
Управление 2-й бригады (Троицк)						
11-й полк	пос. Сосновский	7 веч.	ст. Челябинск	15	1	8 веч.
12-й полк	пос. Клястицкий	11 веч.	ст. Челябинск	116	4	15 веч.
Прикомандированные к дивизии батареи (мобилизованы не были)						
4-я	г. Оренбург	10 веч.	ст. Оренбург	На месте	—	10 веч.
6-я	г. Троицк	9 веч.	ст. Челябинск	120	4	13 веч.
Части, не сводимые в высшие единицы (мобилизованы не были)						
7-й полк	ст. Оренбургская	8 веч.	ст. Оренбургская	На месте	—	8 веч.
8-й полк	ст. Оренбургская	12 веч.	ст. Оренбургская	На месте	—	12 веч.
5-я батарея	г. Верхнеуральск	10 веч.	ст. Миасс	154	5	14 веч.

7-й и 8-й Оренбургские казачьи полки в состав частей, отправляемых на Дальний Восток, включены не были, так как формировались в Оренбурге на территории 1-го военного отдела и не имели преимуществ в скорости прибытия на Дальний Восток в сравнении с полками 2-го и 3-го отделов, расположенных ближе к Самаро-Златоустовской железной дороге. В связи с

мобилизацией возникал вопрос, отправлять казачьи полки единой дивизией или по отдельности. В итоге все же решено было сформировать дивизию, хотя в Маньчжурии ей так и не пришлось действовать в полном составе.

По мобилизационному расписанию № 18 на Дальний Восток предполагалось отправить прикомандированными к Оренбургской казачьей льготной дивизии 4-ю и 6-ю Оренбургские казачьи батареи³⁶. Но, по расчетам Главного артиллерийского управления, Оренбургской казачьей дивизии и ее батареям «по всей вероятности, придется действовать в передовых отрядах и тогда может встретиться серьезное затруднение в снабжении этих батарей боевыми припасами, так как эти батареи вооружены клиновыми пушками обр. 1877 года, тогда как все артиллерийские части на Дальнем Востоке, в том числе и резервная артиллерия, могущая потребоваться из Казанского военного округа, будет вооружена 3-х дм. скорострельными пушками. Исключение составит лишь артиллерия 4-го Сибирского корпуса.

Поэтому казалось бы необходимым перевооружить и 4-ю и 6-ю батареи Оренбургского казачьего войска.

Однако, так как эти батареи предполагается отправить на Дальний Восток ранее головного корпуса, предполагенного послать (так в тексте. — А. Г.) из Европейской России, то к перевооружению их в короткий срок может встретиться затруднение, в особенности если принять во внимание, что батареи эти льготные и на их укомплектование будут поступать люди, мало подготовленные»³⁷.

В результате, по Высочайшему повелению от 27 марта, мобилизация оренбургских казачьих льготных батарей была отменена, а взамен были выделены две регулярные конные батареи из Варшавского военного округа по выбору командующего войсками округа³⁸. Выбор командующего пал на 11-ю и 20-ю конные батареи³⁹.

Вместе с частями X армейского корпуса из Киевского военного округа отправке подлежал и первоочередной 1-й Оренбургский казачий полк, в котором из-за этого не были уволены на льготу урядники, уже отслужившие по четыре года, а также фельдшеры⁴⁰. Срочно велось пополнение рядов полка, в котором (как и в остальных оренбургских казачьих полках первой очереди) с октября 1903 г. по март 1904 г. было временно допущено сокращение личного состава на четверть. Пополнения прибывали уже при следовании полка по железной дороге вблизи территории Оренбургского казачьего войска.

4 мая полк представился императору, посетившему Харьков в ходе поездки на юг. В город император прибыл во второй половине дня. В своем дневнике Николай II записал: «Вне города на хорошем поле смотрел 1-ю бригаду 31-й пехотной дивизии — 121-й пехотный Пензенский и 122-й пехотный Тамбовский, а также 1-й Оренбургский казачий полк —

все с громадными обозами. Полки представились отлично, состав огромный; они неделю тому назад мобилизовались. Напутствовав их в поход, вернулся в поезд...»⁴¹

Опыт Китайской войны как непродолжительного победоносного для России конфликта был во многом негативным. Основываясь на этом опыте, Русско-японскую войну даже высшее военное руководство Российской империи первоначально считало лишь «крупной экспедицией»⁴². Как писал в своем фундаментальном исследовании «Эволюция военного искусства» А.А. Свечин: «Японская армия обратилась в армию младенцев, с которой может справиться хороший конный отряд»⁴³. Поэтому многие офицеры частей, не подлежавших мобилизации, в первые же дни войны с Японией подали рапорты об отправлении на театр военных действий и всерьез опасались «не успеть» на эту войну⁴⁴.

Значительное количество офицеров-добровольцев, отправившихся на Дальний Восток из неказачьих частей, попало на службу в казачьи полки Амурского, Забайкальского, Уссурийского и Сибирского казачьих войск (из них наиболее известны П.Н. Врангель, А.И. Деникин, П.П. Скоропадский, П.Н. Шатилов). В итоге мобилизованные полки дальневосточных казачьих войск оказались настолько переполнены офицерами из Петербурга, что это бросалось в глаза иностранным военным наблюдателям. В прежде всеми забытых и абсолютно не престижных с точки зрения быстрой военной карьеры полках Забайкальского войска можно было встретить цвет петербургской аристократической молодежи, но с большим трудом найти хоть одного настоящего казачьего офицера⁴⁵. Про этих новоявленных «казачьих» офицеров было сочинено довольно хлесткое стихотворение⁴⁶:

Заглась кровавая заря;
По мановению царя
Зашевелились казаки,
Сформировались полки.
Заговорили резонеры,
И полетели гастролеры.
Здесь пестрота царит мундира:
Здесь можно видеть кирасира
И конно-гвардии сынов,
Но все под маской казаков,
Но лишь гроза войны пройдет,
Начнется спешный их отлет.
Чины, медали, ордена
Им даст далекая страна.
И, взявши все, вспорхнут фазаны⁴⁷,
А нам останутся лишь раны,
Плохой сомнительный почет
И в офицерах недочет.

Не соглашаясь с подобной оценкой участия в войне офицеров-добровольцев, которые, руководствуясь чувством долга, рисковали своей жизнью и, кстати, с большим трудом добивались разрешения командировок в Маньчжурию⁴⁸, отмечу, что в Оренбургской казачьей дивизии, судя по документам, таких офицеров не было. По-видимому, сказалось прежде всего то, что мобилизация Оренбургского казачьего войска проходила значительно позже мобилизации казачьих войск Дальнего Востока и Сибири. 48 оренбургских казачьих офицеров добровольцами сражались в составе Сибирских, Амурских, Забайкальских и Уссурийских казачьих частей⁴⁹. Это были одни из лучших войсковых офицеров. Некоторые из них позднее окончили Академию Генерального штаба, а после 1917 г., будучи в штаб-офицерских и генеральских чинах, приняли активное участие в антибольшевистском движении. Среди добровольцев был и сын Наказного атамана Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-лейтенанта Я.Ф. Барабаша — хорунжий Я.Я. Барабаш, который поступил на службу во 2-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска и в его составе участвовал в боевых действиях⁵⁰. В 20-х числах марта дальнейшие командировки оренбургских казачьих офицеров в другие войска были прекращены, так как они, по мнению Наказного атамана, становились невозможными «без ущерба боевой готовности оренбургского войска»⁵¹.

Собственно оренбургские казачьи части, отправлявшиеся на Дальний Восток, имели несколько источников комплектования офицерским составом.

Т а б л и ц а 19

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ (ЛьБОТНОЙ)
ДИВИЗИИ ОФИЦЕРСКИМ СОСТАВОМ⁵²

Офицеры		По распоряжению военного министра	Из полков первой очереди	Со льготы
Штаб дивизии, управления бригады, дивизионный обоз	Генералов	3	—	—
	Штаб-офицеров	1	—	—
	Обер-офицеров	1	—	5
9-й полк	Штаб-офицеров	—	2	—
	Обер-офицеров	—	—	32
10-й полк	Штаб-офицеров	—	2	—
	Обер-офицеров	—	4	28

Офицеры		По распоряже- нию военного министра	Из полков первой очереди	Со льготы
11-й полк	Штаб-офицеров	—	2	—
	Обер-офицеров	—	4	28
12-й полк	Штаб-офицеров	—	2	—
	Обер-офицеров	—	—	32
Всего	Генералов	3	—	—
	Штаб-офицеров	1	8	—
	Обер-офицеров	1	8	125

Так, 1-й Оренбургский казачий полк, как первоочередной, выступил на театр военных действий с наличными офицерами. Льготная дивизия комплектовалась прежде всего льготными офицерами (86% офицерского состава дивизии), чтобы не ослаблять личный состав полков первой очереди и не призывать офицеров, состоящих по войску и отставших от службы, несмотря на большое количество желающих среди представителей этой категории. Значительной проблемой было собрать льготных офицеров, разбросанных по всей стране, причем уездные воинские начальники вне территории войска часто даже отказывались вручать повестки таким офицерам, проживавшим в их уездах⁵³.

Из частей первой очереди, не подлежавших отправке на войну, было мобилизовано 16 офицеров. Возможно, часть этих офицеров переводилась в действующую армию по собственному желанию⁵⁴. Отправившиеся на войну офицеры первоочередных частей были заменены в своих полках офицерами из комплекта оренбургских казачьих полков⁵⁵.

По мнению британского майора Дж. М. Хоума, оренбургские офицеры были более образованны и профессионально подготовлены, чем сибирские⁵⁶.

Систему управления Оренбургской казачьей дивизии нельзя назвать эффективной, хотя бы из-за подбора командного состава. Еще 5 января 1904 г. военным министром генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным был утвержден список начальствующих лиц в казачьих дивизиях на случай мобилизации. По этому документу Оренбургскую казачью дивизию должен был возглавить командир 1-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-майор А.С. Месянин, а командующим бригадой (а не командиром бригады, поскольку не имел положенного для занятия этой должности чина генерал-майора) назначался атаман 1-го военного отдела полковник А.Г. Эрдман⁵⁷.

Однако, по мнению начальника Главного управления казачьих войск Генерального штаба генерал-лейтенанта П.О. Щербова-Нефедовича: «В случае воспоследования В ы с о ч а й ш е г о (здесь и далее сохранен стиль документа. — А. Г.) повеления о мобилизации Оренбургской казачьей дивизии, назначать, при современных политических обстоятельствах, Командующим сей дивизией Генерал-Майора Мелянина, служащего в Туркестане, представляется неудобным, почему, казалось бы, что вместо него следует назначить другого кандидата на дивизию, Командира 2-й бригады 5-й кавалерийской дивизии, Генерал-Майора Грекова, числящегося по Оренбургскому казачьему войску и предназначенного на случай общей мобилизации командующим одной из льготных Кавказских казачьих дивизий.

В виду того, что в настоящее время производится частная мобилизация, полагалось бы назначить в Оренбургскую казачью дивизию другого бригадного командира, причем из офицеров Оренбургского войска кандидатом является Командир 2-го Оренбургского полка, Полковник Толмачев, представленный к зачислению в кандидаты на бригаду»⁵⁸. На это военный министр изъявил согласие. Тем не менее вопрос исчерпан не был, так как вскоре непонятно откуда родилась идея назначить начальником дивизии... генерал-майора принца А. Наполеона⁵⁹. Эта идея, однако, была отклонена, так как еще в 1896 г. был Высочайше установлен порядок замещения должностей начальников казачьих дивизий и командиров бригад исключительно лицами казачьего сословия, а принц Наполеон к таковому не принадлежал.

Так командующим (а не начальником дивизии, поскольку не имел чина генерал-лейтенанта) Оренбургской казачьей дивизией был назначен генерал-майор Владимир Павлович Греков (произведен в генерал-майоры 26 января 1900 г.). В.П. Греков родился 18 июля 1852 г., по происхождению являлся оренбургским казаком. После окончания курса Оренбургской военной гимназии учился в 3-м военном Александровском училище, которое окончил по первому разряду. В службу вступил в 1870 г. и принял участие в экспедициях 1873, 1875—1876 и 1880—1881 гг. в Среднюю Азию. Принимал участие в боевых действиях, ранен и контужен не был. Служба Грекова протекала ровно и довольно успешно, так как уже в ноябре 1884 г. он получил в командование полк⁶⁰. В целом, это был типичный представитель поколения туркестанских генералов — людей, чей военный опыт основывался на среднеазиатских экспедициях⁶¹. Видимо, и новая война представлялась Грекову такой же экспедицией, в которой тактика казалась стратегией.

По данным на январь 1900 г., Греков командовал престижным 2-м Оренбургским казачьим полком, квартировавшим в Варшаве. К этому времени он был уже немолодым отцом семейства и имел наследуемый офицерский

участок земли в Троицком уезде Оренбургской губернии⁶². Позднее он возглавил 2-ю бригаду 5-й кавалерийской дивизии. Любопытная характеристика образа жизни Грекова и его стиля управления войсками в Маньчжурии сохранилась в воспоминаниях британского военного корреспондента Френсиса Маккаллога: «Греков — невысокий полный румяный человек с пушистыми бакенбардами, который очень любит застольные удовольствия и в свое время получил известность в Мукдене из-за того, что околачивался возле продовольственного вагона Экономического Общества в надежде приобрести некоторые свежие деликатесы для своего стола, так что он едва ли подходил для того, чтобы ему доверили управление в этот решающий момент, и, по правде сказать, некоторые русские приписывают поражение в сражении (под Мукденом. — А. Г.) тому неэффективному способу, посредством которого на начальном этапе сражения этот кавалерийский начальник управлял своими казаками»⁶³. По всей видимости, такая оценка не лишена оснований.

Начальником штаба Оренбургской казачьей дивизии был назначен, что называется, «варяг» — ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, Генерального штаба полковник Вениамин Иванович Баскаков. Как и Греков, это был в своем роде типичный офицер — его служебная карьера была вполне характерна для многих штабных офицеров начала XX в., которые, будучи сугубыми теоретиками военного дела, имели слабое знакомство с реальным положением вещей в армии. Баскаков родился 25 марта 1861 г., происходил из дворян Терской области (терских казаков), был старообрядцем, окончил Владикавказское реальное училище, 2-е Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1885) и был женат на дочери потомственного почетного гражданина Ольге Николаевне Поповой⁶⁴. Злые языки говорили, что это был брак по расчету, так как тесть Баскакова являлся богатым промышленником⁶⁵. Сам Баскаков служил, в основном, в штабах I армейского корпуса и Киевского военного округа. В 1892—1895 гг. находился в запасе, а затем преподавал в Академии Генерального штаба, где читал курс истории Наполеоновских войн.

Кстати, именно из-за неудачи на экзамене у Баскакова весной 1896 г. из академии был отчислен будущий вождь Белого движения, а тогда еще артиллерийский поручик А.И. Деникин (в том же году он вновь поступил в академию и позднее успешно ее окончил). Деникин в своих воспоминаниях описал свою встречу с Баскаковым под Мукденом. Отметим, что речь идет о событиях 1905 г., когда Баскаков уже свыше восьми месяцев находился на должностях начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии и начальника штаба конного отряда генерала Грекова и имел по крайней мере семимесячный опыт участия в военных действиях. Несмотря на это,

Деникин отметил: «Мы уже повоевали немножко и приобрели некоторый опыт. Баскаков — новичок в бою и, видимо, теряется. Приезжает на мой наблюдательный пункт и спрашивает:

— Как вы думаете, что означает это движение японцев?

— Ясно, что это начало общего наступления и охвата правого фланга наших армий.

— Я с вами вполне согласен.

Еще три-четыре раза приезжал Баскаков осведомиться, «как я думаю», пока не попал у нас под хороший пулеметный огонь, после чего визиты его прекратились»⁶⁶.

Сложно сказать, насколько важно для штабного офицера храбро держаться под огнем противника, но если верить Деникину, то получается, что даже в 1905 г. Баскаков мало что понимал на театре войны, и в этом случае трудно представить, как он до описанных в этом эпизоде событий руководил штабом Оренбургской казачьей дивизии. Что касается характера Баскакова и его личностных особенностей, то его считали «большим спорщиком... [который] излагал свои «учения» медлительно и пространно и не без полемического «вызова»...»⁶⁷. Кроме того, во время преподавания в академии он был крайне пристрастен к слушателям и не выносил самостоятельных и самоуверенных офицеров⁶⁸. То есть, помимо определенной некомпетентности, можно сказать, что начальник штаба у Грекова имел к тому же нелегкий самолюбивый характер и, вероятно, препятствовал проявлениям инициативы у своих подчиненных.

Добавлю также, что вскоре после войны Баскаков подал прошение об отставке по состоянию здоровья, которое у него резко ухудшилось в Маньчжурии в 1904 г., и уже 7 марта 1906 г. вышел в отставку⁶⁹.

Подбор командиров бригад в Оренбургской казачьей дивизии также, на наш взгляд, нельзя назвать блестящим. 1-ю бригаду (9-й и 10-й Оренбургские казачьи полки) возглавил полковник Александр Отто Пауло Густавович Эрдман, родившийся 24 августа 1851 г.⁷⁰ Эрдман исповедовал лютеранство, происходил из дворян Лифляндской губернии, но принадлежал к войсковому сословию. Окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище по 2-му разряду и учебный кавалерийский эскадрон по разряду отличнейших. На службе с 1867 г., семь лет и четыре месяца командовал сотней, произведен в полковники в 1896 г., в июне 1899 г. получил в командование 6-й Оренбургский казачий полк. Был женат на уроженке Оренбургской губернии и имел дочь⁷¹. Полковник Эрдман не имел военного опыта, а на Дальний Восток был отправлен с административной должности атамана 1-го (Оренбургского) военного отдела.

2-ю бригаду (11-й и 12-й Оренбургские казачьи полки) принял генерал-майор⁷² Владимир Александрович Толмачев. Он родился 4 ноября 1853 г.,

происходил из дворян Саратовской губернии и принадлежал к войсковому сословию. Окончил Пажеский Его Величества корпус. На службе с 1870 г., командовал сотней два года и пять месяцев. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., но в боевых действиях не участвовал. Толмачев с мая 1900 г. командовал 2-м Оренбургским казачьим полком, сменив на этом посту Грекова, был отцом двоих детей и, так же как Греков, был уже не молод для кавалерийского начальника⁷³. В 1904 г. он числился кандидатом на получение бригады.

Таким образом, подбор командного состава дивизии был в целом, на наш взгляд, неудачен и не способствовал эффективному управлению этим соединением в боевой обстановке, особенно на начальном этапе его участия в военных действиях. Добавлю, что этот подбор осуществлялся в условиях частной мобилизации, при которой «недостатка в кандидатах, вполне подготовленных для занятия должностей бригадных командиров, встретиться не может»⁷⁴.

О неудачном подборе командного состава русской конницы писал генерал-лейтенант германской армии Пеле-Нарбонн⁷⁵. Генерал-адъютант А.Н. Куропаткин в своем отчете о Русско-японской войне также отметил: «По общему отзыву, обер-офицерский состав в коннице был хорош, штаб-офицерский слабее, а генеральский, за несколькими исключениями, совсем слаб»⁷⁶. Применительно к офицерскому составу Оренбургской казачьей дивизии эта фраза справедлива лишь отчасти, так как, за исключением полковых командиров, в составе дивизии слабыми были практически все категории офицеров. Как уже говорилось выше, лучшие представители войска участвовали в боевых действиях в составе других казачьих войск или же первоочередного 1-го Оренбургского казачьего полка.

Командующими Оренбургских казачьих полков были назначены: 9-го — войсковой старшина П.А. Чулошников, 10-го — войсковой старшина Н.Н. Волжин, 11-го — войсковой старшина М.Г. Гурьев, 12-го — войсковой старшина Г.А. Бычков и 1-го — полковник А.М. Николаев. По штату командир полка должен был иметь чин полковника, соответственно войсковые старшины в этой должности официально именовались не командирами, а командующими.

Войсковой старшина Петр Алексеевич Чулошников родился 10 июня 1852 г., окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2-му разряду, в первый офицерский чин был произведен в ноябре 1873 г., в войсковые старшины — 15 мая 1883 г. Служил в Туркестане и участвовал в боевых действиях, за отличия в которых в 1876 г. был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость», орденами Св. Станислава III степени с мечами и Св. Анны III степени с мечами⁷⁷. Ко времени Русско-японской войны Чулошников был отцом семерых детей.

Командир 10-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина Николай Николаевич Волжин родился 6 ноября 1854 г. и на протяжении полувека оставался холостяком. Волжин имел домашнее образование, а также окончил училище. Служба его в офицерских чинах началась в 1876 г., в 1877—1878 и 1880—1881 гг. молодой офицер принял участие в боевых действиях. В войсковые старшины был произведен 26 февраля 1900 г.⁷⁸

Войсковой старшина (произведен в феврале 1899 г.) Михаил Григорьевич Гурьев родился 4 ноября 1861 г., к началу войны был женат и имел шестерых детей. Свой первый офицерский чин получил в 1881 г. после окончания Оренбургской военной прогимназии и юнкерского училища по 2-му разряду. Спустя десять лет был произведен в есаулы. На протяжении трех лет командовал сотней, кроме того, имел более чем трехлетний опыт заведования полковым хозяйством⁷⁹.

Последний из командиров полков дивизии, войсковой старшина Георгий Алексеевич Бычков родился 8 марта 1851 г., к началу войны воспитывал семерых детей. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду и Офицерскую кавалерийскую школу. Произведен в офицеры в 1878 г., пять лет и четыре с лишним месяца командовал сотней, некоторое время являлся личным адъютантом Наказного атамана Оренбургского казачьего войска. В войсковые старшины, как и М.Г. Гурьев, был произведен в феврале 1899 г. За боевые отличия в 1883 г. был награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом⁸⁰.

Наконец, полковник Андрей Михайлович Николаев, командир первоочередного 1-го Оренбургского казачьего полка, по своему образовательному цензу стоял значительно выше командиров льготных полков. Он родился 18 июля 1858 г. и окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию по 1-му разряду, а также Офицерскую кавалерийскую школу «успешно». Почти шесть лет командовал сотней, более года заведовал полковым хозяйством, а 7 октября 1903 г. принял полк, то есть к началу войны опыт командования полком был у него не очень большим⁸¹.

Источники о том, что собой представляли командиры полков дивизии, крайне немногочисленны. Можно лишь сказать, что это были штаб-офицеры из оренбургских казачьих частей первой очереди. Войсковые старшины Гурьев и Чулошников были направлены из 2-го Оренбургского казачьего полка, Бычков и Волжин — из 5-го и 6-го полков соответственно. Все они получили назначения по решению Наказного атамана Барабаша. Судя по всему, это были «отгулы-командиры», которые твердо держали части в своих руках. Как показала практика, в условиях распыления полков это было основным, что требовалось от их командиров. Например, войсковой старшина Волжин писал: «Пьянство на первых же шагах из г. Верх-

неуральска я наотрез обрезал и сей мерзости не стало. За малейшую попытку терроризирую. Тем не менее непрестанно боремся с труднопобедимую наклонностью нижних чинов одеваться нищенски — грязно, не самолюбиво и знатно поленились около коня...»⁸²

Не всегда удачен был подбор младших начальников, в основном офицеров со льготы. Так, войсковой старшина Волжин в связи с отправкой двух сотен полка в отряд Генерального штаба подполковника А.С. Мадритова доносил 16 июня 1904 г. начальнику дивизии: «...сотенные командиры совершенно не опытные: 5^а — Подъесаул Тарасов (здесь и далее — стиль документа. — А. Г.) и 6^а — только что принявший перед отделением от полка, от вдруг заболевшего серьезно и надолго непоправимым психическим отчасти расстройством Есаула Карманова»⁸³ — Подъесаул той же сотни Шибанов, ко-го я совсем почти ни с какой стороны не знаю. Если бы было предоставлено мне выбрать сотни, я не выпустил бы именно эти из моего ближайшего надзора, пока не убедился бы в их надежности и назначил бы сотни, на опытность командиров коих я имел бы больше оснований рассчитывать»⁸⁴.

Другие командиры сотен 10-го Оренбургского казачьего полка, по мнению командира полка, также никуда не годились: «...жалуюсь, отнюдь не ставя в большой упрек, весьма опасное малое искусство некоторых командиров сотен, для коих командовать частью — новинка, весьма туго усваиваемая»⁸⁵. Войсковой старшина Волжин особенно сокрушался по поводу нежелания части офицеров увеличивать свои знания в этой области. Встречались офицеры вообще не годные для войны. Подъесаул З.И. Заматохин, например, мог быть направлен в Оренбург для закупки лошадей и обмундирования, так как он «для полка в этом направлении может быть гораздо полезнее, чем в строю»⁸⁶.

Еще резче была характеристика подъесаула А. Полозова, который, по мнению командира полка, «имея, не в пример прочим, сравнительно знатные понятия об уходе за конем, затем, самодеятельно выработав некоторые взгляды на задачи конного строя и — приемы их решения — может быть весьма полезным строевым офицером при условии держать его в ежовых рукавицах и цукать, пока не пройдет или по меньшей мере не войдет в приличные берега его неимоверная фанаберия — плод уродливейшего самообольщения; затем — не пройдут его неводержанные расходы казенных денег, не всегда наивные... как человека я его не терплю органически — он мне буквально гадок своею искусственностью и своим двуличием»⁸⁷. Возможно, в таких характеристиках проявилось объективное желание командира полка сгустить краски перед начальством, но, на наш взгляд, они не лишены основания.

Кроме того, в дивизию попали «неизлечимо больные офицеры и хроники, которые могли кое-как продолжать тянуть службу в мирное время, счи-

тая вопросом чести участвовать на войне или же в худшем случае — имущественно или по службе выгодным, вскоре же после первых походов и боевых трудов [они] надламывались и заболевали настолько серьезно, что поступали в госпитали и некоторые умерли, некоторые эвакуировались»⁸⁸.

Важной составляющей казачьих частей был унтер-офицерский состав, в который входили урядники и вахмистры. Все тот же Волжин отмечал, что «урядники, за редчайшим исключением, прямо-таки никуда не годны, если не убавить из идеала...»⁸⁹. Однако, вопреки этой критике, именно казачьи унтер-офицеры в боевых действиях показали себя с лучшей стороны, о чем свидетельствуют многочисленные донесения об их подвигах⁹⁰.

Война с Японией значительно отличалась от последней большой войны, которую вела Россия, — Русско-турецкой кампании 1877—1878 гг. И недооценка нового противника (кстати, японцы также недооценили численность русских войск на Дальнем Востоке и пропускную способность Сибирской железной дороги), а также неготовность России к войне не замедлили сказаться уже на этапе мобилизации. На стороне японцев на начальном этапе войны был фактор внезапности и численное превосходство, которое они активно использовали. В связи с этим для России крайне важно было как можно скорее увеличить численность своей дальневосточной группировки. И на этом фоне чудовищным кажется сам факт того, что в некоторых станицах Оренбургского казачьего войска о начале войны стало известно лишь спустя три недели (!) после манифеста императора (например, в станице Таналицкой 2-го (Верхнеуральского) военного отдела)⁹¹.

Открытым оставался вопрос о времени начала мобилизации дивизии, решение по которому принимал военный министр. 18 февраля 1904 г. Наказному атаману Оренбургского казачьего войска была направлена телеграмма Главного управления казачьих войск: «...посадка [на] железную дорогу Оренбургской дивизии (подчеркнутое сообщалось шифром. — А. Г.) не может быть назначена ранее третьего мая почему начало мобилизации сих частей будет назначено около середины апреля. Указание точного срока начала мобилизации будет своевременно сообщено»⁹². Оренбургская казачья дивизия должна была отправиться на Дальний Восток перед всеми частями, назначенными к отправке из внутренних округов Европейской России. Позднее было сообщено, что первым днем мобилизации назначено 16 апреля 1904 г., когда, по словам Наказного атамана, «весенняя распутица, в общем, уже перестала оказывать свое неблагоприятное влияние на местные пути сообщения»⁹³.

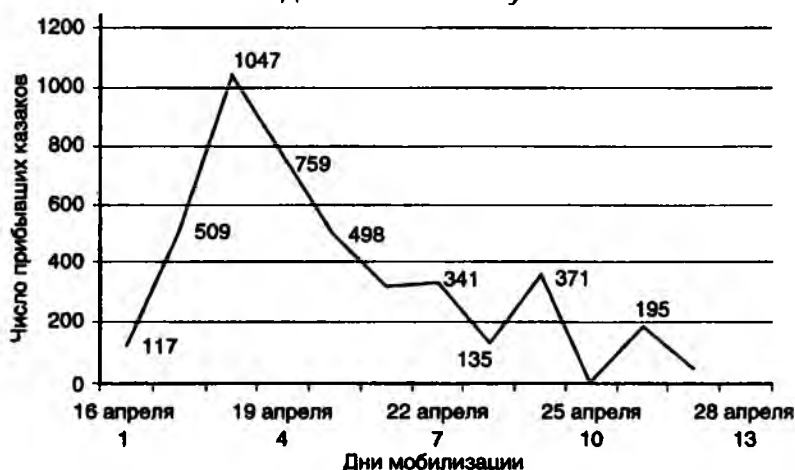
В этот день к своей работе приступили командующий дивизией генерал-майор В.П. Греков и старший адъютант штаба дивизии по строевой части, Генерального штаба капитан граф С.Н. Каменский, временно исполнявший должность начальника штаба дивизии. 20 апреля в Оренбург

прибыл и сам начальник штаба дивизии Генерального штаба полковник В.И. Баскаков⁹⁴.

Конская мобилизация для полков дивизии должна была завершиться уже 23 апреля⁹⁵. Все казачьи части и управления (диаграмма) были сформированы без опозданий: 10-й и 11-й полки и управление 2-й бригады — 22 апреля, 12-й полк — 26 апреля, 9-й полк — 27 апреля, штаб дивизии и управление 1-й бригады — 28 апреля. Мобилизация 1-го Оренбургского казачьего полка завершилась к вечеру 27 апреля⁹⁶.

Диаграмма

ПРИБЫТИЕ КАЗАКОВ НА СБОРНЫЕ ПУНКТЫ ПО ДНЯМ МОБИЛИЗАЦИИ⁹⁷

После подготовки к отъезду на Дальний Восток штаб дивизии 2 мая в 0 часов 45 минут выехал по железной дороге из Оренбурга на Харбин. По дороге на станции Кинель к штабному поезду присоединились дивизионные врач и контролер. Состав штаба был следующим:

Таблица 20

СОСТАВ ШТАБА ОРЕНБУРГСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ (Льготной) ДИВИЗИИ НА ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ

Должность	Офицер
Начальник штаба	Генштаба полковник В.И. Баскаков
Старший адъютант штаба по строевой части	Генштаба капитан граф С.Н. Каменский

Должность	Офицер
И. д. старшего адъютанта штаба по хозяйственной части	Сотник М.И. Мурзиков 1-й
Временно прикомандированный к штабу для мобилизационных работ	Сотник А.И. Мурзиков 2-й
Дивизионный интендант	Есаул С.С. Новокрепцов

6 мая штаб дивизии прибыл в Челябинск — последний пункт, находившийся на территории войска, а 1 июня, после почти месячного путешествия по железной дороге, — в Ляоян.

Проводы казаков на войну в Оренбургском казачьем войске прошли вполне в русле казачьих традиций. Очевидец таких проводов 17 апреля 1904 г. в станице Звериноголовской 3-го (Троицкого) военного отдела записал: «Стоном стонала станица всю ночь: гуляло почти все население: лихая могучая песня мужских и женских голосов неслась со всех сторон: слез, плача не было, да их при проводах, особенно накануне, у казаков не бывает вообще: какое-то особенное, бодрое, удалое настроение охватило все население от старого до малого. Лихо заломив на затылок шапку, ходили отправляющиеся в поход, точно они шли на пир, а не на смерть: почуяв опасность, казак вырос во весь свой могучий рост; чувствовалось, что и доныне жив быллой казацкий вольный дух... печали ни следа: шло одно общее удалое, необузданное казачье веселье: жить пока живется, а там хоть трава не расти. Только на свету несколько умолкла станица; заснули мирным сном подгулявшие, — некоторые, может быть, последний раз под родным кровом»⁹⁸. На дорогу казакам собрали около ста рублей и всей станицей провожали в путь на следующий день.

Формировались казачьи части следующим образом. По получении в военных отделах войска приказа о мобилизации казаки с красными флагами или фонарями (в зависимости от времени суток) объезжали станицы отдела, извещая станичников о мобилизации казаков второй очереди. Затем мобилизованные съезжались в центр своего отдела (Оренбург, Верхнеуральск или Троицк), где им выдавалось оружие и устраивались смотры, после чего они почти сразу отправлялись по железной дороге на театр военных действий. Например, казаки уже упомянутой Звериноголовской станицы, направленные на службу в 12-й Оренбургский казачий полк, 18 апреля отправились из станицы в город Троицк, где получили оружие и сформировались в сотню. 29 апреля сотня в конном строю выступила к Челябинску, а с 7 мая уже двигалась по железной дороге на Дальний Восток. Ни о каком боевом слаживании полков речь не шла, хотя по плану мобилизации предполагалось «дать каждой части, по ее окончательном из-

готовлении, еще не менее бдней на приведение ее в полную боевую готовность в отношении строевого обучения и установления внутреннего порядка»⁹⁹. Так, в 1-й и 2-й сотнях 12-го Оренбургского казачьего полка, формирование которых началось раньше других, были проведены учения, включавшие учебные стрельбы, сторожевую и разведывательную службу в конном и пешем строях, конные сотенные учения, остальные четыре сотни имели значительно меньшее число тренировок¹⁰⁰.

Командир 12-го Оренбургского казачьего полка отмечал в рапорте командиру 2-й бригады Оренбургской казачьей дивизии от 26 мая 1904 г., что «сформирование последних сотен (полка. — А. Г.) было закончено пред выступлением из п[оселка] Клястицкого, почему в полку не было произведено полковых учений с обозначенным противником, занятий сторожевой и разведывательной службой, пешех учений, боевых порядков, лавы, спешивания и производства атак... Ввиду того что старший полковой врач в полк прибыл во время движения эшелонами по железной дороге — не было проведено занятий с носильщиками, и люди не ознакомлены с употреблением индивидуальных пакетов»¹⁰¹.

Что же представлял собой такой полк?! Скорее всего, это была просто группа вооруженных людей, не знающая ни своих офицеров, ни однополчан, не имеющая боевого опыта и обладающая крайне неустойчивыми навыками ведения боевых действий. Даже сами офицеры зачастую не знали друг друга¹⁰². Подобные издержки подготовки казачьих частей негативно сказались на начальном этапе боевой жизни полков, когда и командному составу, и нижним чинам учиться пришлось на собственных ошибках, что дорого обошлось оренбуржцам.

Уровень организации процесса подготовки казаков вполне отражен в одной из казачьих песен того времени, сложенной в станице Нижнеозерной:

Вдруг тревога там случилась,
И подняли красный флаг,
Разом все зашевелилось, —
Подступил к России враг.
Вмиг собрали нас в станицу,
Училили нам смотры,
Каждый день нас посещали
Жены, матери, отцы.
По приказу командира
Заседали мы коней,
И в станице нас не стало, —
Распрошались мы с ней.
Нас на площадь вывели
И построили в ряды,
И чуть слышно говорили:
«Генерал будет сюда».

Командир полка явился,
Он удалый молодец,
Принял знамя, помолился,
Полка нашего отец.
Нам молебен отслужили;
Он нам знамя передал,
Прочитал приказ военный,
«С Богом, братцы!» — он сказал.
Мы в вагонах покатали
Дни и ночи и утра,
«Слава Богу», — говорили
И кричали все ура!¹⁰⁵

Чтобы хоть как-то исправить сложившуюся ситуацию, казаков стали обучать теории и практике военного дела уже непосредственно во время следования по Великому Сибирскому пути. Обучение носило, в основном, теоретический характер и проводилось в вагонах. Каждый день (и на этом настаивал командир полка) офицерам следовало проводить с казаками не менее четырех часов занятий.

Т а б л и ц а 21

РАСПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ С НИЖНИМИ ЧИНАМИ
12-ГО ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА В ПЕРИОД
ОТ ОКОНЧАНИЯ МОБИЛИЗАЦИИ ДО ПРИБЫТИЯ В Г. ХАРБИН¹⁰⁶

Дни недели	До обеда		После обеда	
	1-я сотня	2-я сотня	3-я сотня	4-я сотня
Понедельник	Прикладка, подготовка, установка прицела, зарядание и разряжание	Сведения из Устава полевой службы	Пеший строй, атака, выправка, (...?) отдавание чести, шашечные приемы	Необходимые сведения для казака
Вторник	Уход за лошадью, седловка, укладка выюка	Сторожевая и разведывательная службы	Сведения из Уставов дисциплинарного и внутренней службы	Сообщение имеющихся сведений о Японии, ознакомление с картой
Среда	Сборка и разборка винтовки	Состав, вооружение и снаряжение нашей и японской армий	Пеший строй и шашечные приемы	Седловка и укладка выюка

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Дни недели	До обеда		После обеда	
	1-я сотня	2-я сотня	3-я сотня	4-я сотня
Четверг	Определение сторон света, военные примеры	Прикладка и установка прицела	Сбережение коня, уход за ним, кормление, чистка, водопой и ковка	Походные движения с мерами охранения
Пятница	Необходимые сведения для казака	Укладка вьюка, седловка	Сторожевая служба, разъезды, донесения	Сведения о войне и странах неприятеля
Суббота	Разведывательная служба, военные примеры	Меры охранения на биваке и во время движения вблизи неприятеля	Меры для сбережения здоровья	Необходимые сведения для казака, передача приказаний
Воскресенье	По усмотрению командиров сотен			

На остановках тренировали рубку шашками (видимо, пешими по конному) и другие практические приемы¹⁰⁵. Занятия проводились даже с чинами дивизионного обоза, что, наверное, было не вполне целесообразно.

Успешно сформировать и снабдить всем необходимым дивизию было делом чести для войсковой администрации, которая старалась не ударить в грязь лицом. Эти труды не пропали даром: на многочисленных осмотрах о внешнем виде оренбуржцев было сказано немало лестных слов. На станции Ташичао командующий армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин 31 мая 1904 г. посетил один из оренбургских казачьих полков (предположительно 11-й Оренбургский казачий полк), причем «людей нашел молодцами, лошадей в отличных телах, за что благодарил меня (командира полка. — А. Г.) и К[омандиро]в сотен»¹⁰⁶.

Генерал-майор П.И. Мищенко дал смотр сотням 12-го Оренбургского казачьего полка, «остался доволен видом людей, лошадей и, поздравив с благополучным прибытием, пожелал успехов на театре военных действий»¹⁰⁷.

Генерал от инфантерии Н.П. Линевиц, осмотрев 9-й Оренбургский казачий полк 19 июня в Никольске-Уссурийском, отметил, что «отличный вид казаков, подъем духа, добрые кони, стройное и лихое полковое учение убеждают его в получении новой могучей силы, способной сломить даже сильного врага»¹⁰⁸. О том же 28 июля телеграфировал своему коллеге по

Оренбургскому войску и Наказный атаман Уссурийского казачьего войска Генштаба генерал-майор А.М. Колюбакин: «Искренним сожалением проводил молодецкий полк девятый, выказавший себя блистательно составом личным, конским, строевой подготовкой, о чем считаю долгом засвидетельствовать перед Вашим Превосходительством»¹⁰⁹.

Что касается 10-го Оренбургского казачьего полка, то в приказе № 170 по войскам Мукденского гарнизона от 15 июня 1904 г. было отмечено: «14-го сего Июня я осмотрел людей и конский состав только что прибывшего в Мукден Оренбургского казачьего № 10, полка в составе четырех сотен. Люди выглядят молодцами особенно в 1^а сотне; несколько хуже лошади 4-го взвода 1-й сотни; уборка хорошая; расчистка копыт слаба (так в тексте. — А. Г.), необходимо обратить внимание и воспользоваться пребыванием в Мукдене.

В общем на выводке был образцовый порядок, полное спокойствие, каждый знает свое место. О таковом состоянии полка считаю для себя приятным долгом объявить в приказе по гарнизону, в состав которого вошел ныне означенный полк. Подлинный подписал Начальн[ик] Гарнизона Полков[ник] Квезинский...»¹¹⁰

17 июня тот же полк осмотрел генерал для особых поручений при начальнике полевого штаба заместителя Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Генерального штаба генерал-майор Б.П. Ванновский, который отметил, что «вид у людей вполне здоровый и бодрый (в день осмотра значилось лишь 4 больных), мундирная одежда, снаряжение и оружие в полной исправности и в достаточном количестве, лошади офицерские и казачьи довольно однообразны, в хороших телах и содержатся в полном порядке, замечено только, что при ковке расчистка копыта и пригонка подков неправильна, конское снаряжение и полковой обоз найдены также в полном порядке.

Приготовленная в день осмотра пища и хлеб были вкусны. Мясные порции установленного веса.

При опросе претензий жалоб никто не заявил.

За столь прекрасное во всех отношениях состояние вверенной части по долгу службы выражаю благодарность Командующему 10 Оренбургским казачьим полком Войсковому Старшине Волжину...»¹¹¹.

Однако гораздо лучше смотрелся первоочередной 1-й Оренбургский казачий полк, казаки которого даже после боев, по словам П.Н. Краснова, «радуют сердце своим отличным воинским видом. Здесь нет запасных, и поэтому все люди молодцы! Одеты чисто, стрижены хорошо, даже справа по-донскому есть подвитой чуб, одноформенные серые рубашки, чисто выстиранные шаровары умело пригнаны, набор чистый, лошади в порядке; видна чья-то твердая рука, что, несмотря на боевые невзгоды, не позво-

лила раскисать и распускаться. Здесь нет этого глупого ответа: «понимаю», когда парень, видно, ничего не понимает, а повторяют приказ толково: хорошо, скажут: «Дозвольте идти», и пошли исполнять приказание. Эти и разведку как-то точнее делают. Пишут не только где неприятеля нет, а стараются указать, где есть»¹¹².

Несмотря на эти хвалебные характеристики, накладки при формировании дивизии все же случались. Брак приведенных казаками строевых лошадей составил во 2-м отделе — 231 лошадь, в 3-м отделе — 94 лошади. Всех их пришлось заменять запасными лошадьми из станиц¹¹³. Части не были снабжены подрывным имуществом (оно для Оренбургской дивизии хранилось в м. Ораны Виленской губернии), нижние чины дивизионного обоза жаловались на получение револьверов со следами ржавчины¹¹⁴. Некоторое медицинское имущество дивизии удалось получить только в Омске. Проблемы были и в обеспечении обмундированием: «...подъез[аю] Тарасов, вопреки категорическим приказаниям, не взял из В[ерхне]уральска полушубков (так в тексте. — А. Г.) н[ижним] ч[инам]... К сожал[ению] об отсутствии полушубков я (командир полка. — А. Г.) узнал нечаянно и уже поздно — в Иннокентьевской»¹¹⁵.

Не все в порядке было и в техническом оснащении полков, инвентарь которых часто докупался уже по пути следования на войну. Так, в 10-м Оренбургском казачьем полку «кузницы плохи, да к тому же кузнечный инструмент недостаточен и низкого качества, да еще и поношен. По пути из Челябинска досюда (до Мукадена. — А. Г.) удалось купить кое-что, да и то разбродное единственно в Иркутске. От интендантства тактики и до сих пор нет ничего и выписанный мною (командиром полка. — А. Г.) еще с первого шага двойной комплект от Волка еще не пришел...»¹¹⁶. Справедливости ради отмечу, что инструмент и наковальни были все же получены дивизией, но уже в Харбине с Лесковского вещевого склада.

Хуже всего обстояло дело с обеспечением дивизии медицинским персоналом. В этом отношении лишь чудом удалось избежать настоящей катастрофы. По штату в дивизии полагалось иметь дивизионного врача, старшего врача управления дивизионного обоза, ветеринарного врача, а также по одному старшему и одному ветеринарному врачу в каждом из четырех полков. Итого 11 врачей.

При назначении врачей в дивизию произошла путаница. Один из врачей умер, другой, будучи из отдаленного уезда, не мог добраться до сборного пункта, третий, как выяснилось, вовсе не подлежал призыву и т. д. Список врачей изменялся до самого последнего дня¹¹⁷. В результате полки остались без врачей не только на время мобилизации, но и по пути от сборных пунктов до станций посадки и даже при движении по железной дороге. Врачи

догоняли казачьи части на походе. Случись какое-либо заразное заболевание, последствия его для целой дивизии трудно себе представить. Что же могло произойти, если бы мобилизация случилась внезапно? Скорее всего, части были бы совершенно лишены врачебной помощи не только в первые недели, но даже в первые месяцы после мобилизации¹¹⁸. Итогом неразберихи с врачами стала мобилизация значительного количества больных казаков, в том числе ревматиков и сифилитиков.

Наказный атаман в своем отчете о проведении мобилизации писал: «Если бы мобилизация была объявлена внезапная и при том месяцем раньше, едва ли извещение о мобилизации и сбор казаков во всех подробностях могли бы быть выполнены с тою точностью, с какою произведена была мобилизация Оренбургской казачьей дивизии.

Обстоятельство это с большею чем когда-либо наглядностью указывает на необходимость коренного улучшения существующих в Оренбургском казачьем войске путей сообщения (по всей видимости, текст подчеркнут в Главном управлении казачьих войск. — А. Г.)»¹¹⁹. Иными словами, внезапная мобилизация в Оренбургском казачьем войске была заранее обречена на провал.

Тем не менее войсковая администрация в телеграммах на имя начальника дивизии все же возлагала на казаков большие надежды. Так, из станицы Черноостровской была получена телеграмма: «Я [и] чины полка просим принять лично [и] передать всем нашим дорогим сотоварищам и станичникам, идущим на поле брани, пожелания здоровья, полного успеха в делах с коварным врагом на славу родного войска, вернут[ь]ся домой с чистой совестью, сознанием, что оренбуржцы как следует выполнили свой долг перед родиной. Епанешников»¹²⁰.

Основания для оптимизма у войсковой администрации были, так как оренбуржцы встретили известие о мобилизации с определенным патристическим подъемом. В частности, добровольно отправились на войну несколько оренбургских казаков — георгиевских кавалеров. Назначение их было допущено «во исполнение лично выраженного желания Командующего Маньчжурскою Армией, Генерал-Адъютанта Куропаткина, пожелавшего видеть в рядах Оренбургских казачьих полков своих бывших сослуживцев, георгиевских кавалеров времен Туркестанских походов и Ахал-Текинской экспедиции»¹²¹. Более того, на Дальний Восток вместе с казаками пожелала отправиться казачка станицы Верхнеуральской А. Кожанова (правда, в составе дивизии она не упоминается).

Газета «Оренбургский листок» сообщала: «Без ропота и плача отправляются казаки в поход, не слышно сетования на тяжелую казацкую долю, а напротив, поход для казака является одним из лучших моментов в жизни и не потому, что он ждет от него «многобранной» (так в тексте. — А. Г.) добы-

чи», как в старину во время набегов, — нет, только одна жажда ратного подвига, возросшая на почве исторической жизни казака и проникнутая глубоким сознанием своего долга перед родиной, захватывает его»¹²².

Расходы на мобилизацию из войскового капитала составили 12 491 рубль 87 копеек (не считая расхода около 33 000 рублей на пособия офицерам, направленным в другие казачьи войска) и распределялись следующим образом:

Т а б л и ц а 22

РАСХОДЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
ПО МОБИЛИЗАЦИИ¹²³

Статья расхода	Рубли	Копейки
Провиантское довольствие нижних чинов за время формирования на сборных пунктах	1003	34
Приварочное довольствие	846	77
Фуражное довольствие строевых лошадей офицеров и нижних чинов	5292	52
Покупка дров для варки пищи и хлебопечения	245	43
Найм подвод для хозяйственных надобностей	203	—
Содержание офицерам и чиновникам за время формирования частей	2828	78
Приобретение медикаментов для нижних чинов и лошадей	12	18
Транспортировка имущества 11-го полка из Троицка в пос. Сосновский	594	—
Довольствие четырех казаков, назначенных для сопровождения знамен во 2-й и 3-й отделы	6	40
Проезд офицеров и казаков 1-го отдела (с лошадьми), назначенных на формирование льготных частей во 2-й и 3-й отделы	1459	45
Итого	12 491	87

Всего для перевозки казачьей дивизии на театр военных действий было необходимо около 820 вагонов и платформ¹²⁴. Все полки Оренбургской казачьей дивизии прибыли на Дальний Восток к началу июня, а 1-й Оренбургский казачий полк из X армейского корпуса — к 26 июня. Всего было

мобилизовано 4005 казаков строевого разряда, 12 казаков-добровольцев (трое запасных, четверо ополченцев и пятеро отставных), итого 4017 казаков. Численность офицеров составила 146 человек¹²⁵.

Таблица 23

ГРАФИК ПРИБЫТИЯ НА ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
И ЧИСЛЕННОСТЬ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ

Наименование частей	Дата прибытия	Офицеров	Строевых нижних чинов	Нестроевых нижних чинов
Оренбургская казачья дивизия				
9-й Оренбургский казачий полк	Не прибывал	34 ¹²⁶	Нет сведений	
10-й Оренбургский казачий полк ¹²⁷	01.06	31	877	96
11-й Оренбургский казачий полк ¹²⁸	31.05	34	976	96 ¹²⁹
12-й Оренбургский казачий полк ¹³⁰	02.06	34	988	118 ¹³¹
Части, не включенные в состав дивизии				
1-й Оренбургский казачий полк ¹³²	26.06	36	879	102
Итого	—	169	3720	412

Из таблицы видно, что при штате шестисотенного Оренбургского казачьего (льготного) полка военного времени в 21 офицер, 880 строевых и 75 нестроевых нижних чинов¹³³ практически все полки Оренбургской казачьей дивизии были укомплектованы офицерами и нижними чинами выше штата. Сверхкомплект в 13 офицеров был 13 марта 1904 г. Высочайше разрешен в каждом казачьем полку, назначенном на Дальний Восток¹³⁴. Численность 1-го Оренбургского казачьего полка примерно соответствует штату казачьего полка мирного времени (36 офицеров, 868 строевых и 121 нестроевой нижний чин)¹³⁵.

В целом мобилизация оренбургских казачьих частей в 1904 г. прошла успешно, прежде всего благодаря заблаговременной подготовке к ней войсковой администрации. Внезапная мобилизация оренбургских казачьих частей в тот период по целому ряду причин не могла быть успешной. Проблема мобилизационной готовности оренбургских казачьих частей являлась крайне важной для анализа участия оренбургских казаков в Русско-японской войне.

Оренбургские казаки на Дальнем Востоке

Еще до прибытия оренбургских казачьих частей на театр военных действий дивизии была уготована участь быть разбросанной по всему Дальнему Востоку. Полковник А.И. Миллер в телеграмме на имя начальника военных сообщений в Харбине от 23 мая 1904 г. указывал: «Приказом наместника номер 440 первая бригада Оренбургской казачьей дивизии включена в состав войск обороны Приморской области, но временно десятый Оренбургский полк надлежит направить [в] Мукден, отправив пока [в] Приморскую область лишь один Оренбургский полк точка. Вторая бригада Оренбургских казаков и Уральская бригада включены состав Маньчжурской армии...»¹³⁶ Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временные меры. В Приморской области до конца войны был оставлен один Оренбургский казачий полк — 9-й (якобы из-за того, что Куропаткин хотел иметь на театре военных действий Уральскую казачью бригаду, которую сменили оренбуржцы)¹³⁷. Полк был разделен повзводно, а на казаков возложены задачи по охране железной дороги, несению постовой службы на побережье Японского моря и ведению разведки в Маньчжурии¹³⁸.

Что касается 10-го полка, то «первоначально полк предназначался для действий в Корее из Приморской области, теперь же (середина июня 1904 г. — А. Г.) перевешивает предположение, что — поступит в весьма значащий отряд Подполковника Мадритова, где уже действуют 5 и 6 сотни 10-го полка»¹³⁹. В итоге 1-я бригада дивизии оказалась по воле случая разделена.

Начальник военных сообщений Маньчжурской армии генерал-майор А.Ф. Забелин телеграфировал на следующий день из Ляояна в Харбин полковнику Захарову: «Прошу направить Штаб Оренбургской казачьей дивизии в Ляоян запятая один[н]адцатый и двенадцатый Оренбургские казачьи полки в Хайчен запятая девятый Оренбургский казачий полк в Никольск запятая десятый Оренбургский казачий полк в Мукден...»¹⁴⁰

Распыление дивизии стало неожиданностью для ее командования. 28 июня 1904 г. начальник дивизии генерал-майор Греков писал Наказному атаману Генштаба генерал-лейтенанту Я.Ф. Барабашу из Ляояна: «Вот уже прошло два месяца, как я команду дивизией, сформированной Вашими трудами. Вы старались обеспечить ее всем необходимым. Подбор людей, конский состав, имущество казаков и все, что должно обеспечить успех действий дивизии, заставило Вас положить немало трудов. Дивизии, однако, не суждено было работать совокупно в Маньчжурской Армии. 9-й полк ушел в Никольск-Уссурийский, 10 полк оставлен в распоряжении Наместника в Мукдене. 2-я бригада вошла в состав [отряда] Генерал-М[айора] Мищенко и выдвинула несколько сотен в другие отряды. Поступают

донесения, которые свидетельствуют, что части Оренбургской дивизии поддерживают славу родного войска. В этом дивизия много обязана Вам, кто потруился над ее созданием.

Приношу Вашему Превосходительству мою совершенную признательность и считаю своим долгом засвидетельствовать перед Вами с благодарностью об отзывчивости Войскового Штаба и Атаманов Отделов, которые много поработали над осуществлением Ваших предначертаний...»¹⁴¹

Атаман Барабаш отвечал: «Я счастлив сообщить Вам, что со всех сторон до меня доходят такие же блестящие отзывы, копии некоторых из коих я прилагаю при сем на тот случай, что они может быть до Вас не дошли.

Мы все убеждены, что иначе и быть не могло и что наша дивизия, под командой родного своего Оренбуржца, себя покажет так, как того ожидаем мы все, которым не выпала, как Вам, завидная доля стать грудью на защиту родины.

И для нас здесь, конечно, было бы желательнее, чтобы вся дивизия наша оставалась в сборе в Ваших руках, но видимо обстановка этого не позволила. Будем надеяться, что эта временная разрозненность не помешает славным боевым подвигам наших полков, о чем с довольно большою наглядностью уже нам говорят потери, в особенности в офицерах, как в дивизии, так и среди офицеров, командированных в другие войска.

Мы тут сделаем и делаем уже все от нас зависящее для обеспечения оставленных здесь семей. Надеемся, что высшее начальство пойдет навстречу нашим ходатайствам...»¹⁴²

Распыление конницы, вероятно неизбежное в условиях Маньчжурии, привело к созданию смешанных отрядов из разных родов войск и различным импровизациям. Однако импровизации, по мнению специалистов того времени, применительно к кавалерии были недопустимы¹⁴³.

Кроме того, чрезмерная разброска порождала злоупотребления. Штаб Маньчжурской армии был даже вынужден специально потребовать от начальников частей прекращения произвола по отношению к казакам: «Казаки должны быть отобраны от всех лиц, не имеющих права обращать вверенных временно их командованию казаков в постоянных вестовых и конвой»¹⁴⁴.

Начались боевые будни, штаб Оренбургской казачьей дивизии стал штабом сторожевого (позднее — боевого) участка на левом фланге X армейского корпуса (в составе Восточного отряда генерал-лейтенанта графа Ф.Э. Келлера), в составе которого казачьи сотни находились в качестве корпусной конницы, неся сторожевую службу или составляя резерв. Однако бывший штаб дивизии фактически лишился своих войск, имея при себе лишь остатки 10-го Оренбургского казачьего полка. Уже в июле Грекову были временно подчинены сотни 1-го Оренбургского казачьего полка, также действовавшего в составе X корпуса.

Продолжилось дальше и разделение дивизии, которая теперь дробилась уже не по бригадам и полкам, а по отдельным сотням (не за горами будет дробление еще и по взводам). Из 10-го Оренбургского полка вскоре по его прибытии в Маньчжурию были взяты две сотни (5-я и 6-я) в отряд Генерального штаба подполковника А.С. Мадритова¹⁴⁵. Сам командир полка войсковой старшина Н.Н. Волжин с горечью писал начдиву, что полк из-за этого находится «между двух стульев»¹⁴⁶.

Впоследствии Волжин просил: «В виду трудности надзора за полком случается разбросанным на далеких расстояниях посотенно и тем более при условии, что я по обстоятельствам, не от меня зависящим, отвлекаюсь для начальствования отрядами, прошу о скорейшем назначении в полк старшего помощника; причем убедительно прошу о назначении именно такого офицера, который мог бы принести пользу полку, а не занимал лишь вакансию...»¹⁴⁷ Из этой отчаянной просьбы видно, что увлечение командования отрядами негативно сказывалось на состоянии частей, которые, будучи разбросаны на большие расстояния, выходили из подчинения прежних командиров и постепенно утрачивали свое единообразие. В начале сентября 10-й Оренбургский казачий полк был полностью передан в конно-летучий отряд Генерального штаба подполковника А.С. Мадритова¹⁴⁸.

Из состава 12-го Оренбургского казачьего полка, направленного вместе с 11-м полком в отряд генерал-майора П.И. Мищенко, также были взяты две сотни (5-я и 6-я) и оставлены в Ташичао. 6-я сотня была назначена на прикрытие 11-й конной батареи в IV Сибирском армейском корпусе Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.П. Зарубаева, а 5-я оставлена в распоряжении штаба корпуса¹⁴⁹. Казаки рвались в бой, и командир 6-й сотни трижды по их просьбам делал доклад в штаб корпуса о желании сотни как можно скорее драться. Эти просьбы были удовлетворены, и позднее сотню передали в отряд Мищенко.

Дабы не утомлять читателя бесконечным перечислением всех боевых столкновений с участием оренбургских казаков, в общих чертах рисуем роль оренбуржцев в основных операциях русской армии и рассмотрим проблемы боевого применения оренбургских казачьих частей.

Оренбургские казачьи части должны были принять участие в боевых действиях без какой-либо подготовки и фактически сразу по прибытии в Маньчжурию. Всего через три часа (!) по приезду в отряд Мищенко 3 июня 1904 г. три сотни 12-го Оренбургского казачьего полка были направлены на свою первую рекогносцировку. На следующий день произошла первая стычка с японцами на Уй-Далинском перевале 1-й и 4-й сотен полка, которые хорошо себя проявили в бою. В 1-й сотне было убито восемь лошадей и шесть ранено, в 4-й потерь не было, японцы же потеряли одного офицера и трех-четыре нижних чинов.

Уже после войны Генштаба полковник А.Ф. Матковский писал: «Июнь и июль месяцы были первыми месяцами боевых столкновений; наши войска, тотчас по высадке из вагонов железной дороги, двигались в горы; уроженцы степей и равнин не имели времени привыкнуть к горам, приспособить свое обмундирование, выучиться ориентироваться в горах; понятно, что физические силы войск часто расходовались непроизводительно, а на душу солдата и офицера ложилось сознание тяжести горной обстановки»¹⁵⁰.

Несмотря на непривычную обстановку и первые потери, казаки не унывали, в лагере отряда Мищенко «по низкому, только что всходившему гаолянцу паслись казачьи кони, в речке солдаты и казаки полоскали белье и умывались. Слышался беззаботный смех, веселый говор, где-то напевали «Разлуку»... Глядя на эту мирную обстановку, не хотелось верить, что тут бивак «передового» отряда, что за этими горами — уже неприятель...»¹⁵¹.

В первых же вооруженных столкновениях проявились некоторые особенности боевого применения оренбуржцев. Среди них нельзя не отметить высокую жертвенность офицерского состава. Например, хорунжий В. Плотников во время разведки трое суток продержался без еды. А в одном из рапортов отмечалось, что «разновременно вызывались охотниками гг. офицеры и нижние чины на разведку. Задачи, возложенные на них, исполнялись добросовестно, с полным сознанием серьезности возложенных на них поручений, и сведения, доставляемые ими, были верными»¹⁵².

Тот факт, что казачьи офицеры составляли единое целое с самими казаками, особенно ярко проявился во время боевых действий. В ходе войны, по одному из свидетельств, «офицер и казак породнились, стали братьями, составили одну могучую сильную духом семью. В той же грязи на голой земле около своих коней спали командир и офицеры, завернувшись кто в бурку, кто в плащ»¹⁵³.

Казачий офицер не мог не вести за собой казаков в атаку, отсюда относительно большие потери в офицерском составе казачьих частей (за первые месяцы боев с 3 июня по 25 августа 1904 г. в дивизии было ранено и контужено девять офицеров, трое пропали без вести, в 1-м Оренбургском казачьем полку был контужен один офицер)¹⁵⁴. К тому же японцы специально отслеживали русских офицеров и прицельным огнем уничтожали их¹⁵⁵.

Сохранилось немало примеров выдающейся храбрости и инициативы оренбургских казачьих офицеров. Так, 5 июля 1904 г. 6-я сотня 12-го Оренбургского казачьего полка в составе отряда полковника Романова вела разведку сил и расположения противника в долине Койчжоу. По воспоминаниям участников этой отчаянной разведки: «Над гаолянком только мелькала голова и блестящая шашка командира (есаула И.И. Угличинина. — А. Г.), который стоя на седле руководил сотней»¹⁵⁶.

14 июня возле деревни Сяньхатан по приказу подъяесаула Бочкарева казаки 12-го Оренбургского казачьего полка взяли на арканы два орудия 11-й конной батареи, прислуга которых была перебита огнем японцев или разбежалась, вывезли их, несмотря на сильный огонь противника, и тем самым не позволили японцам завладеть орудиями¹⁵⁷. Высокой оценки генерал-майора П.И. Мищенко за одну из усиленных разведок был удостоен командир 11-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина М.Г. Гурьев¹⁵⁸. Храбрость оренбургских казачьих офицеров отмечали и начальники соседних частей. К примеру, командир 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска полковник Павлов писал генерал-майору Толмачеву 20 июня: «Считаю долгом свидетельствовать перед Вашим Превосходительством о выдающейся храбрости и Мужестве (здесь и далее — стиль и орфография документа. — А. Г.) Войскового Старшины Плотникова, 12^м Оренбургского казачьего полка, выказанные им в бою 14^м Июня при занятии Сяньхатанского перевала, где он командовал 2-мя сотнями: кажется, 3 сотней 12 Оренбургского и 4 сотней 1-го Читинского полка, а так и командира 3 сотни Оренбургского полка, фамилию его, к сожалению, не помню¹⁵⁹, который два раза прикрыв выезд батареи спокойно и в полном порядке провел сотню лавой под сильным ружейным огнем... казаки... несмотря на сильный огонь спокойно в полном порядке шли лавой за сотенным командиром...»¹⁶⁰

Сами казаки также неоднократно выказывали чудеса храбрости. Например, 18 июля после занятия одним из разъездов 1-го Оренбургского казачьего полка деревни Сиодуань «из-за изгиба дороги сначала вышли три драгуна-японца и остановились в нескольких шагах. Часовой и старший разъезда урядник Шигин изготовились, но стрелять не решались, приняв их благодаря желтым околышам и желтым лампасам за Забайкальцев, и только когда один из японцев выстрелил, то они ответили тем же и положили на месте двух драгун. Бросившись поймать их лошадей, они столкнулись с приближавшейся японской пехотой и в завязавшейся перестрелке убили 8 японцев. Между тем японцы постепенно начали окружать деревню и убили лошадь казака Санникова. Сев на лошадей, разъезд прорвался к сотне, за исключением казака Николая Санникова, оставшегося в деревне Сиодуань, при чем Шигина схватил один японец за седло, он выхватил шашку и отрубил ему руку. На выручку их были вызваны охотники. Последние под командой Сотника Калачева двинулись к деревне, но выручить Санникова не могли, — со стороны японцев подходили к этой деревне все новые и новые силы»¹⁶¹.

Храбрость оренбургских казаков не осталась незамеченной. Уже в начале августа генерал-майор Толмачев телеграфировал Наказному атаману в Оренбург: «3-го Августа 12 Оренбургский полк первым получил знаки от-

личия военного ордена, лично розданные Командующим Армией, по три на сотню, сверх представленных. Находящемуся [в] авангарде 11 полку то же количество передано через Командира 4 Корпуса. С чувством общей радости доношу ура 440 *Толмачев*»¹⁶².

Боевые действия в Южной Маньчжурии, до боя при Ташичао 10–11 июля 1904 г., по сути, представляли собой горную войну, и вполне естественно, что в условиях труднодоступной, бедной и малонаселенной местности возможности конницы были крайне ограничены, а ее главное преимущество — быстрота — практически сводилось на нет. «Театр войны был крайне неудобен для кавалерии и не может быть сравним с какою-либо местностью Средней Европы», — отмечал германский генерал Пеле-Нарбонн¹⁶³.

На крутых перевалах казаки были вынуждены спешиваться и вести лошадей в поводу. Даже для небольшого числа лошадей фураж сюда необходимо было подвозить. Для обеспечения дивизии боеприпасами и продовольствием в горах в период с 13 по 30 июля 1904 г. было закуплено 220 мулов (на нужды штаба и полков второй бригады)¹⁶⁴. Кроме того, в каждую сотню 1-го Оренбургского казачьего полка также предполагалось приобрести по пять мулов с выючными приспособлениями¹⁶⁵. Благодаря покупке мулов в дивизии был осуществлен переход на смешанный обоз из двуколок и выючных животных. Не обеспеченным в этом отношении (из-за распыления) остался лишь 10-й Оренбургский казачий полк.

Сохранилось свидетельство о том, как в июне 1904 г. осуществлялся подвоз продовольствия для 11-го Оренбургского казачьего полка, действовавшего в отряде Мищенко: «Застучали колеса, потянулись одна за другой двуколки, нагруженные печеным хлебом, сухарями и другими продуктами, которых нельзя было находить на месте и потому приходилось постоянно подвозить к войскам из складов, магазинов или от станций Китайской железной дороги»¹⁶⁶.

Мищенко постоянно заботился о своих подчиненных. «Он требовал от начальников всех рангов его отряда, чтобы нижние чины были всегда хорошо накормлены и одеты, строго следил за исполнением своих приказаний и неумолимо карал за всякие упущения в области довольствия солдат пищей, одеждой и пр. И нижние чины, хорошо знавшие эту заботливость о них генерала, глубоко ценили его за это и были душой ему преданы.

Генерал Мищенко умел заставить исполнять его приказания, умел наказывать, умел и похвалить, и все это он делал совершенно просто и спокойно, никогда не прибегая к резким, тем более, жестоким мерам...»¹⁶⁷

Вместе с тем авторитет Мищенко как военачальника является довольно сомнительным. Уже в эмиграции, в 1933 г. Генштаба генерал от инфантерии В.Е. Флуг писал о нем Генштаба генерал-майору В.В. Чернавину: «Это

была безусловно дутая знаменитость, выдвинутая Куропаткиным, к[ото]рому он «потрафлял» своими, обыкновенно бесконечно преувеличенными донесениями о силах японцев. Крупную рекламу, неизвестно по каким соображениям, составил ему также известный судейский генерал (в то время полковник и воен[ный] корреспондент) Апушкин — большевик по своим воззрениям. Возможно, что в Мищенке ему понравилось то, что П.И. имел кадетскую привычку (к[ото]рую можно бы было и бросить в генеральских чинах) напропалую ругать начальство, штатских и ген. штаб... Особенно поразительно было его свойство окружать себя всякой шушерой, в том числе иногда типичными червонными валетами»¹⁶⁸.

Какие задачи ставились перед оренбуржцами в тот период? Прежде всего, это задачи разведки и боевого охранения. Не случайно отряд, в который входили 11-й и 12-й казачьи полки, носил название передового конного. Кроме того, циркулярная телеграмма полевого штаба Маньчжурской армии от 23 мая 1904 г. предписывала использовать казаков в горах для службы связи¹⁶⁹.

Во время сражения при Ташичао оренбуржцы продолжали действовать раздробленно. Например, 6-я сотня 12-го Оренбургского казачьего полка практически вся находилась в разъездах, два взвода несли службу на постах летучей почты между I и IV корпусами, а также в разведке, причем однажды казаки заехали настолько далеко в глубь японских позиций, что наткнулись на батарею противника¹⁷⁰. Использование конницы таким образом не позволяло ей наносить какие бы то ни было удары во фланг и тыл наступавших японских армий и создавало впечатление ее полной пассивности¹⁷¹. В связи с распылением дивизии, ее командующий генерал Греков поступил в распоряжение командира X армейского корпуса. Иногда дробление полков доходило даже до того, что при полковом знамени, кроме командира полка, полкового адъютанта и их прислуги, никого не оставалось¹⁷².

Как же вели боевые действия оренбуржцы? В «Указаниях начальникам частей Маньчжурской армии до ротного и сотенного командира включительно и всем начальникам штабов» от 15 апреля 1904 г. сообщалось, что японская армия — «отлично организованная, хорошо всем снабженная, хорошо обученная и воодушевленная отличным воинским духом вооруженная сила»¹⁷³. При этом признавалась малочисленность японской конницы. «Если нашей коннице удастся уничтожить запасы, или затруднить подвоз их, — отмечалось далее, — то японский конский состав в артиллерии и коннице скоро придет в расстройство. Многочисленные обозы, масса носильщиков представят хорошую цель для набегов нашей конницы и конных стрелков»¹⁷⁴. Указывалось также, что японские военачальники «очень много времени расходуют на обдумывание решений, но обдумывают обстоятельно; быстрая перемена решений для них затруднительна.

Неожиданно сменяющаяся обстановка ставит их в тупик, чем и следует пользоваться. Поэтому неожиданные нападения, демонстративные действия могут иметь особенный успех против японцев...»¹⁷⁵.

В штабе генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина считалось, что увлечение стратегической ролью конницы наносит ущерб ее службе при войсках. Как результат, практически вся русская конница была брошена на выполнение тактических задач разведки и охранения. Между тем конница стремилась к единоборству с противником, а не к ведению разведок и прикрытию пехоты, что не соответствовало ее предназначению.

Дальние разведки конницей велись крайне редко¹⁷⁶, из-за плохой связи добытые сведения не могли быть оперативно переданы по назначению и теряли свою ценность. По ночам связь с противником, как правило, утрачивалась под предлогом необходимости отдыха для людей и лошадей. Между тем, по мнению зарубежных военных специалистов того времени: «При наличности той обстановки, при которой пришлось действовать кавалерии, она только в том случае могла бы рассчитывать собрать сведения, если бы постоянно наблюдала за противником, поддерживая с ним непрерывное соприкосновение»¹⁷⁷. Что касается противника, то для выполнения задач дальней разведки японцы успешно использовали китайскую агентуру, подготовленную еще до войны.

Ближние конные разведки были не очень эффективны, так как лишь в редких случаях давали полное представление о силах противника, а при действиях на пересеченной местности крупных результатов от конной разведки ждать не приходилось. В донесении от 13 июля 1904 г., к примеру, сообщалось: «Авангард Японских войск занял позицию у Сихэяна и укрепляет ее. Силы Японцев против нас расположенные точно не известны (подчеркнуто в документе. — А. Г.)»¹⁷⁸.

На передовых позициях обычно находилась дежурная сотня, остальные сотни и конная батарея составляли резерв. Вообще оставлять значительные силы в резерве в ожидании некоего решающего момента и зачастую в ущерб боевым действиям было характерно для русского командного состава всех уровней¹⁷⁹. Эту особенность можно назвать даже своеобразной традицией, поскольку она часто проявлялась и после Русско-японской войны. Русские, по мнению германского генерала Пеле-Нарбонна, «никогда не решались ввести в дело последнюю винтовку с тем, чтобы добиться победы, и не сумели использовать для этого свою кавалерию»¹⁸⁰. Между тем от кавалерийского начальника требовалось, помимо большой решительности и понимания обстановки, еще и умение в определенный момент сражения бросить в бой все имевшиеся силы¹⁸¹.

Конные массы, если они имелись, располагались в лошадинах, откуда высылались разъезды, осуществлялась поверка постов и связь с соседними ча-

стями. Казаки, однако, не всегда соблюдали необходимые меры предосторожности. Так, в конце июля 1904 г. полусотня 10-го Оренбургского казачьего полка, действовавшая в составе отряда подполковника А.С. Мадритова, «была внезапно застигнута ночью на биваке японцами; пять казаков было убито, двое пропало без вести, остальные, побросав седла и все имущество, вскочили на лошадей и пробились сквозь окружавшего их неприятеля»¹⁸². Впоследствии, когда войска уже находились на Сыпингайских позициях в 1905 г., командующий 2-й Маньчжурской армией обращал внимание начальников частей на низкий уровень сторожевой службы, когда можно было пройти все расположение армии, не будучи ни разу окликнутым¹⁸³.

В разъезды, как правило, направляли от взвода до сотни казаков. В случае неожиданного появления японцев казаки спешили и открывали огонь. Между тем спешивание сокращало число стрелков в боевых порядках приходилось оставлять с лошадьми коноводов (если лошадей батовали или связывали поводьями, то для наблюдения за ними достаточно было оставить одного казака на взвод¹⁸⁴, без этого — одного коновода на три-четыре лошади, однако иногда доходило и до восьми лошадей при одном коноводе)¹⁸⁵. Коноводы ограничивали действия спешенных казаков, которые, в отличие от пехоты, не могли с должным упорством вести перестрелку, так как всегда имели возможность быстро покинуть поле боя, а кроме того, беспокоились за своих лошадей. По мнению одного из современных западных исследователей Русско-японской войны, казаки не собирались рисковать, опасаясь за лошадей и имущество!¹⁸⁶

Урядник 12-го Оренбургского казачьего полка С.В. Пономарев вспоминал о разведке, проведенной им с несколькими казаками на Долинском перевале 5 июня 1904 г.: «Мы пошли по направлению к перевалу. Кругом были высокие горы, крутые спуски и глубокие овраги, идти было очень тяжело; а нам приходилось осматривать по пути каждый кустик, камешек и ямочку — нет ли и тут японцев. Таким образом перешли мы за Долинский перевал. Бдительность и осторожность мы довели до крайних пределов, так что от нашего взора, кажется, и мышь в норке не спрячется. Припали мы к земле, как мертвы, а сами смотрим во все глаза — кругозор большой.

Вдруг видим мы, приблизительно на расстоянии 2¹ верст, японский разъезд числом в один взвод. Стали мы наблюдать за ним, куда он направил свой путь. Затем мы еще подались на самую вершину и заметили 2 пехотные заставы. Когда я их заметил, то немедленно дал знать командиру сотни. Вскоре явился Сотник Крипаков со взводом казаков с целью узнать, сколько здесь японцев. Сотник Крипаков со взводом пошел дальше, но вскоре был замечен неприятелем, который открыл огонь с двух сторон. Сотник Крипаков спешил взвод и пошел цепью. Японский разъезд бросился на наш

взвод в атаку, но наши, в том числе и мы, таким сильным огнем встретили, что он показал нам пятки. При этом урядник Софронов убил Японского офицера. Но благодаря тому, что нас было очень мало (так в тексте. — А. Г.), а Японцев втрое больше, нам пришлось удалиться за перевал. При этой стычке мы потеряли 8 лошадей убитыми и 7 ранены[ми]¹⁸⁷.

С точки зрения тактики казаков представляет интерес описание боя отряда под командованием войскового старшины Н.Н. Волжина (три сотни 10-го Оренбургского казачьего полка, 1-я рота Сретенского полка, 1-й взвод 3-й батареи пограничной стражи) 9 июля. В этот день отряд Волжина с 6.30 утра до 12 часов дня вел бой с отрядом японской пехоты в 2000 человек в Зенчанском котле, дно которого заросло травой в рост всадника. Японцы перерезали один из двух путей отхода русских войск и попытались отрезать второй путь отхода. Наступавших японцев в зарослях заметно не было, поэтому русская пехота не стреляла. Артиллерия произвела несколько выстрелов, одним из которых было убито семь японцев.

В рапорте Волжина сообщалось: «1^я 3^я сотню отчасти разбросав в разъезды дозорами и наблюдательными постами, отчасти бросил в широкую редкую лаву под самые ноги японцам — принять их на себя и, отступая, расстреливать, тем обозначая линию напора. Мне Господь помог убрать вовремя отряд и отступить. Опоздай я $\frac{1}{4}$ часа, и в 300^м шагах от роты выскочили бы из джугары до 1200 японцев, где они систематически цепями накапливались, и получился бы Тюренченский расстрел»¹⁸⁸. Потери русских: 1 легко раненый казак, 5 легко контуженных, 9 убитых лошадей и 5 раненых, которых пришлось пристрелить. Потери японцев: 18 убитых, 20 раненых; кроме того, около ста убитых и раненых китайских солдат и хунхузов.

В этом бою казаки сражались без пик, которые были крайне обременительны по условиям местности. Возможно также, что пики не использовались в связи с потерей незадолго до этого 5-й сотней 10-го Оренбургского казачьего полка 27 пик во время боевых действий. Кстати, уже в начале 1905 г. восточнее Мукдена один из оренбургских полков получил приказ оставить пики в тылу и сражаться как ездаящая пехота. Начался ропот, не только казаки, но даже офицеры были недовольны тем, что конница используется не по назначению и нет возможности применить тактику шока¹⁸⁹.

Интересно, как осуществлялось руководство действиями казаков в боевой обстановке. Начальник штаба дивизии лично инструктировал офицеров, отправлявшихся на разведку. В сохранившейся полевой книжке полковника Баскакова есть такие записи: «Приказано было пройти скрытно по горам к Сихэяпу. Нечего лезть неприятелю на глаза. Повернуть влево, обойти противника слева или справа и проникнуть в Сихэяпу» (запись от 16 июля 1904 г.)¹⁹⁰. Или приказание есаулу Харитонову от 18 июля: «Зор-

ко наблюдайте за противником; деятельно осматривайте местность, по которой может прокрасться противник; о покушениях обхвата (здесь и далее — стиль документа. — А. Г.), обходу немедленно сообщайте...»¹⁹¹ То есть из-за раздробления полков бывший штаб дивизии был вынужден заниматься инструктажем отдельных разъездов, через головы полковых и даже сотенных командиров, что отнюдь не свидетельствует об эффективности такой системы управления войсками.

В районе Ляояна Куропаткин предполагал дать генеральное сражение. Незадолго до начала сражения произошли новые переформирования оренбургских казачьих частей. 12-й Оренбургский казачий полк был выведен из состава IV Сибирского корпуса и переведен во II корпус, в состав отряда генерал-майора Толмачева, действовавшего в авангарде, при штабе IV корпуса была оставлена лишь 3-я сотня полка¹⁹². Наконец, 17 августа 1904 г., в самый разгар боев, был создан самостоятельный отряд генерала Грекова (14 сотен, 12 орудий при поддержке батальона пехоты; в отряд в числе прочих частей вошли 11-й и 12-й Оренбургские казачьи полки) с задачей охранения правого фланга Маньчжурской армии на правом берегу реки Тайцзыхэ¹⁹³. На правом фланге Маньчжурской армии под Ляояном в отрядах генералов Мищенко, Самсонова, Грекова и Косаговского в начале сражения имелась громадная конная масса численностью до 63 сотен, однако командующий не сумел распорядиться имевшимися у него силами конницы. «Инициатива действий предоставлялась мелким начальникам, командирам рот или сотен, а когда оне (так в тексте. — А. Г.) собирались в крупные отряды, дельных руководителей не было. В армии было много полковников и молодых генералов, способных командовать крупными отрядами, но их заслоняли бездарные тупицы, дослужившиеся до больших чинов или фавориты высшего начальства»¹⁹⁴.

В ходе сражения 11—21 августа все атаки японцев на русские позиции были отражены. Штаб 1-й японской армии Куроки, мечтавший устроить русским под Ляояном второй Седан, не смог добиться окружения левого фланга русской армии, на который Куропаткин стал перебрасывать дополнительные силы, в том числе конницу. Кстати, переправа войск Куроки на правый берег реки Тайцзыхэ 18 августа была замечена, хотя и со значительным опозданием, разъездами 1-го Оренбургского казачьего полка. Однако меры, препятствовавшие японскому наступлению, были приняты лишь на следующий день¹⁹⁵.

В ходе наступления 20 августа 1904 г. отбросить японцев на левый берег реки Тайцзыхэ не удалось. Несмотря на сохранение всех шансов на успех, командующий отдал приказ отступать. Потери армии в период сражения под Ляояном составили 2007 солдат и офицеров убитыми, 12 093 ранеными и контужеными, 1448 пропавшими без вести¹⁹⁶. Оренбургская казачья

дивизия потеряла 5 казаков убитыми, 13 ранеными и контужеными, пропавшими без вести числились 1 офицер и 6 казаков¹⁹⁷.

Войска находились теперь в относительно равнинной местности. Однако и тут конница была в сложных условиях. Гаоляновые поля полностью скрывали всадника, и конница сильно рисковала, если неожиданно насккивала на противника, по скошенному же гаолян конные атаки были невозможны¹⁹⁸. Невзирая на ошибки командования, армия сохранила веру в победу над противником и возвращение в Южную Маньчжурию. Все это заставляло командный состав прорабатывать вопросы обеспечения войск в горах. В условиях горной местности, по которой предполагалось наступать, остро вставал вопрос снабжения частей всем необходимым. В этой связи 15 августа, во время боев под Ляояном, командир 1-го Оренбургского казачьего полка писал в штаб дивизии: «...Продовольственный запас во вверенном мне полку состоит полностью: хлеб получается по мере надобности из полевых хлебопекарен 10 армейского корпуса; для довольствия мясом имеется порционный скот, пополняющийся своевременно попечением полка. При наступлении и действиях в горах безостановочная доставка в части полка провианта, фуража, патронов и воды, если последнюю не представится возможности добывать из естественных источников, будет производиться на мулах и лошадях вычным порядком, для чего необходимо купить еще 60 мулов к имеющимся в настоящее время 30 мулам, при чем все состоящие в полку обозные лошади будут обращены во вычные. Для покупки недостающих мулов и вычных принадлежностей командирован Заведывающий (так в тексте. — А. Г.) Хозяйством Войсковой Старшина Чигвинцев. Горячая пища будет приготовляться нижними чинами в имеющихся у них медных котелках; потребное же количество мяса для горячей пищи всегда возможно предоставить сотням, имея порционный скот; кроме того Командиры сотен могут покупать для этого баранов и козлов на имеющиеся у них авансы, выдаваемые своевременно... Все нижние чины снабжены одной парой вполне исправных сапог, а половина из них имеет еще по одной паре годных сапог; шинели и палатки имеются у всех нижних чинов и вообще недостатка в обмундировании нет, при чем для обеспечения нижних чинов в будущем обувью полк сделает заказ по телеграфу на одну тысячу пар сапог Петербургской механической фабрике обуви; если же фабрика почему-либо не в состоянии будет выполнить заказ, то полку придется потребовать сапоги от Интендантства... Надобности в винтовках и патронах нет; подвозка патронов в горах будет производиться на мулах, как сказано выше»¹⁹⁹. При действиях в жаркую погоду войскам рекомендовалось оставлять шинели и вещмешки, но всегда иметь при себе сухари и патроны.

Однако в начале сентября неожиданно наступили холода, и рекомендации относительно жаркой погоды остались неостребованными. Командо-

вание к наступлению холодов подготовилось заблаговременно, так как вопрос о теплых вещах для Оренбургской казачьей дивизии поднимался еще в начале августа²⁰⁰. В связи с похолоданием казакам была разрешена определенная импровизация в военной форме — китайские халаты с нашитыми погонами, фуфайки и ватные куртки. Не хватало сапог. Начальник Западного отряда генерал от кавалерии барон А.А. Бильдерлинг требовал заботы о сохранении здоровья солдат, чтобы не менее половины личного состава ночевало под крышей²⁰¹. К сожалению, по отношению к казакам это не всегда было осуществимо. Тем не менее не получившие теплых вещей казаки размещались по китайским фанзам. Вообще, проблема снабжения не только казаков, но и всей Маньчжурской армии была предметом особого внимания командующего и достаточно успешно решалась²⁰².

Главный штаб и войсковая администрация стремились обеспечить дивизию всеми необходимыми материалами для успешного ведения боевых действий. В штаб Оренбургской казачьей дивизии весной—летом 1904 г. было отправлено: 43 экземпляра нового Устава полевой службы²⁰³; 250 экземпляров русско-китайского разговорника «Разведчику в Маньчжурии»; по 10 экземпляров изданий: «Инструкция для действия японской полевой и горной артиллерии», «Наставление для саперных работ японской полевой и горной артиллерии», «Материальная часть японской полевой и горной артиллерии, с атласом чертежей», «Проект наставления для саперных работ японской пехоты»; 1400 листов четырехверстной маршрутной карты Мукденской провинции и 50 листов сборных таблиц к ней; 20 экземпляров изданий «Японский полевой устав» и «Некоторые сведения о японских войсках»; 101 экземпляр книги «Русско-корейские разговоры»; 14 экземпляров двухверстной карты Южной Маньчжурии (сверх имевшихся в 11-м и 12-м полках 56 экземпляров, полученных в Харбине)²⁰⁴. Несмотря на обилие материалов, генерал-майор Толмачев в начале июля 1904 г. писал начальнику дивизии, что «в картах в бригаде большая необходимость»²⁰⁵.

Начальник штаба Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-майор барон Ф.Ф. фон Таубе жаловался генерал-майору Грекову, что не все может сделать для обеспечения дивизии на Дальнем Востоке. С ноября 1904 г. Оренбургское казачье войско за счет казны готовило для своей дивизии обмундирование и снаряжение на 25% личного состава. Для 12-го Оренбургского казачьего полка в Москве был сделан крупный заказ ременных приборов к седлам, однако подковы для казачьих лошадей достать не удалось. Выполнение заказов тормозилось забастовками, несмотря на то что Петербург торопил с заготовкой. В итоге первая партия была готова только к 1 января 1905 г., и лишь 17 февраля вещи для дивизии могли быть отправлены на Дальний Восток.

Проблематичным было и пополнение дивизии офицерским составом. Больные и раненые офицеры, в том числе болевшие долгое время, числились в полках. Отчислить этих офицеров было невозможно без нарушения их права на лечение до возвращения в часть. Присылка новых офицеров также была невозможна, поскольку вызывала сверхкомплект. Вопрос стоял настолько остро, что генерал Таубе даже ездил в Петербург и в течение двух недель добивался его решения, обивая пороги Главного штаба и Главного управления казачьих войск²⁰⁶. Как всегда, непреодолимой оказалась бюрократическая волокита. В Главном управлении казачьих войск «не хотят ничего сделать до тех пор, пока не поступит требование непосредственно от Куропаткина», — писал Таубе²⁰⁷.

Генерал Греков после образования отряда своего имени первым делом устроил разнос своему «новому старому» подчиненному генералу Толмачеву. В приказе от 18 августа 1904 г. он писал: «Я рад, что вернулся к Оренбургским полкам. Я предан конной службе и люблю моих Оренбуржцев. Но они встретили меня тем, что вчера безусловно не выполнили своей задачи. Виню в этом исключительно Генерал-Майора Толмачева, который не привел своей бригады вовремя. Объявляю ему мое замечание»²⁰⁸.

Отряды Толмачева и Грекова почти ежедневно принимали участие в разведках, поисках и рекогносцировках, многочисленных стычках с противником, но крайне редко казаки имели возможность атаковать японцев в пашки. Воевать казакам приходилось не только с японцами, но и с шайками хунхузов, которые были жестоки и коварны противником, действуя в тылу армии. Они неожиданно нападали на отдельных солдат и даже на небольшие отряды с целью грабежа, после чего так же внезапно исчезали. В конце августа 1904 г. по неосторожности в плен к хунхузам попали подъяесаул 6-й сотни 12-го Оренбургского казачьего полка Е.С. Кандалов и урядник Фомичев. Впоследствии стало известно, что они были повешены хунхузами вверх ногами и расстреляны из ружей и луков²⁰⁹. Ближе к осени оренбургские казаки набрались боевого опыта, причем очевидец отмечал, что «это была типичная ватага обстрелянных боевиков, запорожцев, одетых во что пришлось»²¹⁰.

После боев под Ляояном русская армия отступила к Мукдену, расположившись по рекам Хуньхэ и Шахэ. На удалении около 10 километров от пехотных авангардов была выставлена густая конная завеса, растянутая на 80 километров перед фронтом всей армии. В составе конного прикрытия находились отряды генералов Грекова, Мищенко, Самсонова и Ренненкампа.

Передвижение таких крупных конных отрядов осуществлялось крайне медленно, даже шагом. Незадолго до начала движения главных сил (разница составляла от 15 минут до получаса) выступал сильный авангард (в

отряда Грекова — две сотни), высылались боковые заставы. Сотня, несшая наряд по биваку, образовывала арьергард. На нее возлагалась задача задержать отставших казаков и забытое имущество, а также прикрывать обоз отряда, двигавшийся за колонной главных сил. В голове обоза двигались повозки и вьюки штаба дивизии (управления бригады), затем имущество частей в том же порядке, в каком части передвигались в колонне главных сил. От каждого полка (батареи) в качестве квартирьера назначался один офицер, от каждой сотни — урядник (от батареи — фейерверкер) и четыре казака (канонира). Квартирьеры выступали до выезда авангарда²¹¹.

В преддверии готовившегося наступления русской армии в штабе Куропяткина 6 сентября 1904 г. были изданы «Указания Начальникам частей Маньчжурской армии от ротного до сотенного командиров и всем начальникам штабов». Документ указывал: «Сблизившись с противником, надо не спешить, кроме особо простых случаев, атакою его, пока разведкою конницею, охотниками и даже боем передовых частей не будет выяснена позиция, занятая противником, ее фланги и примерно определены силы противника. Надо при этом помнить, что японцы весьма смело удлиняют свои фланги даже при небольших силах, занимая иногда на большом протяжении командующие сопки; часто при действиях в гористой местности наступной бой должен будет начинаться именно с овладения теми или другими сопками»²¹². Генерал Куропяткин требовал чаще применять фланговый охват при атаке с фронта, обращал внимание на более тщательное охранение флангов.

Отряд Грекова (десять сотен, шесть орудий) находился на правом фланге армии и был растянут на 20 километров, главные силы располагались в Дачжуанхэ. Против Грекова был расположен крупный кавалерийский отряд генерала Акиямы, прозванного «японским Мищенко». Оренбуржцы из отряда Грекова единственные имели против себя японскую конницу, другие конные отряды противостояли пехотным частям. Долгое время конная завеса держалась пассивно, не ведя даже ближнюю разведку. Однако накануне наступления, на которое все же решился Куропяткин, конница стала действовать активнее.

Направление для наступления Западного отряда, в который вошла конница Грекова (18 сотен, шесть орудий), по условиям местности было в целом благоприятно для действий конницы, чего нельзя сказать о направлении наступления Восточного отряда (из-за гористой местности), в состав которого были включены лучшие силы русской конницы: дивизия Ренненкампа и отряд Самсонова²¹³. Однако Куропяткин отказался использовать имевшиеся выгоды положения Западного отряда и наиболее ответственную задачу возложил на Восточный отряд. Судя по всему, Куропяткин хотел спровоцировать японцев на атаку Западного отряда с тем, чтобы завя-

зять на равнине оборонительный бой. В это время силы Восточного отряда должны были по горам осуществить обход правого фланга японцев.

В соответствии с планом Куропаткина конница Западного отряда получила крайне ограниченные задачи наблюдения по фронту, охраны флангов и содействия пехоте. Театр военных действий, однако, как уже говорилось, позволял коннице действовать в большем масштабе. Действия генерала Грекова были крайне вялыми. Имея перед собой отряд Акиямы и открытый левый фланг японской армии, он проявил полнейшую безынициативность²¹⁴. При этом русскому командованию было известно, что японская кавалерия по своим качествам относилась лишь к разряду ездящей пехоты²¹⁵. По мнению генерала от кавалерии Ф.К. Гершельмана, «Генерал Греков, оставаясь на свободном фланге армии и имея перед собою слабую кавалерию противника, по-видимому, вполне примирился с такою пассивною ролью и не имел смелости сделать ни одной даже попытки чего-либо активного в направлении фланга японской армии, что легко даже связывалось с данною ему задачею охраны фланга и вызывало только необходимость проявления какой-нибудь личной инициативы»²¹⁶. Эти слова звучат как приговор командиру оренбуржцев.

Справедливости ради отмечу, что в начале сражения 26 сентября 1904 г. Греков приказал войсковому старшине Г.А. Бычкову с четырьмя сотнями 12-го Оренбургского казачьего полка и двумя сотнями 4-го и 5-го Уральских казачьих полков выступить в обход деревни Тадусампу, занятой японцами, переправиться через Шахэ и ударить в японский тыл²¹⁷. В итоге «конница западного фланга, несмотря на благоприятную для действий обстановку, оказалась не на должной высоте и даже не оказала японцам серьезного сопротивления... Ход событий подтверждает, что, будь у русских на западном фланге сильная, хорошо организованная и подготовленная кавалерия, имеющая во главе энергичного начальника, при условии, что главнокомандующий пользовался бы ею правильно, исход боя несомненно был бы для них совершенно иной»²¹⁸.

Начавшееся вскоре контрнаступление японцев вылилось на этом участке фронта в ряд упорных боев, в которых конница действовала в пешем строю без отрыва от пехоты. Однако японское наступление, так же как и русское, не увенчалось успехом. Войска обеих армий, обескровленные огромными потерями, стали зарываться в землю и остановились на рубеже реки Шахэ, оставшись в этом районе до января 1905 г. Сколь наивными кажутся теперь суждения германского генерала Пеле-Нарбонна, который после окончания войны писал: «Война приняла позиционный характер... В случае европейской войны, чисто политические соображения, вероятно, вынудят вести ее с большею подвижностью, а потому повторение чего-либо подобного вряд ли будет возможно»²¹⁹.

В Шахэйском сражении с 25 сентября по 5 октября русские войска потеряли 4854 солдата и офицера убитыми, 29 508 ранеными и контужеными, 5860 пропавшими без вести²²⁰. Потери Оренбургской казачьей дивизии в период боев на Шахэ составили: 1 офицер и 4 казака убитыми, 2 офицера и 32 казака ранеными или контужеными²²¹. В среднем на каждую сотню (из расчета в три шестисотенных полка, действовавших на театре войны) за весь период боев приходилось по 2,2 человека убитыми и ранеными. Статистика потерь свидетельствует о том, что дивизия в этих кровопролитных боях активного участия не принимала, в противном случае потери были бы гораздо больше.

Генерал Греков оставался верен себе: в начале ноября 1904 г. он, под предлогом регулирования работы отряда, полностью запретил какие бы то ни было серьезные действия против японцев без его разрешения²²². Длительное бездействие казаков навлекло на Грекова гнев Куропаткина: «Уже несколько дней я получаю от Вас донесения, что Вашим разъездам не удастся проникать за сторожевое охранение противника.

Предлагаю проявить больше энергии в этом деле и добиться, чтобы разъезды Оренбургских казаков проникали к противнику. Иначе мне придется попробовать поручить это дело Донским казакам»²²³.

Октябрь и ноябрь 1904 г. ознаменовались значительной реорганизацией русских вооруженных сил в Маньчжурии: Маньчжурская армия была развернута в три армии (под командованием Н.П. Линеви́ча, О.К. Гриппенберга и А.В. Каульбарса соответственно). Куропаткин был назначен главнокомандующим вместо адмирала Е.И. Алексеева. 1-й, 11-й и 12-й Оренбургские казачьи полки вошли в состав 3-й Маньчжурской армии, а в конце ноября они были переданы во 2-ю армию, в составе которой действовали до конца войны. В 3-ю армию был направлен 10-й Оренбургский казачий полк.

В период «шахэйского сидения» генерал Греков писал Генерального штаба генерал-лейтенанту В.В. Сахарову, начальнику полевого штаба главнокомандующего (кстати, ставшему впоследствии Наказным атаманом Оренбургского казачьего войска): «Стоя во главе Оренбуржцев здесь, я беру смелость сим доложить Вашему Превосходительству, что Оренбуржцы, в Маньчжурской армии находящиеся, горят искренним желанием представиться Почетному казаку своего войска»²²⁴.

Речь шла о представлении А.Н. Куропаткину. Во время следования командующего Маньчжурской армией на Дальний Восток 2—3 марта 1904 г. через Самару и Челябинск ему представлялись депутации от Оренбургского казачьего войска. Именно тогда казаки попросили Куропаткина принять звание почетного казака, на что он выразил свое согласие словами: «Я с гордостью принимаю звание почетного казака Оренбургского казачьего вой-

ска»²²⁵. 2 августа император Николай II разрешил представить Куропаткину такое звание.

Наказный атаман Генерального штаба генерал-лейтенант Я.Ф. Барабаш отмечал в приказе по Оренбургскому казачьему войску, что «Оренбургские казаки, высоко ценя заботы и попечения Генерал-Адъютанта Куропаткина (выделено в приказе. — А. Г.) в бытность Его Военным Министром, о благоустройстве войска во всех отношениях и памятуя прежнюю совместную боевую службу с ним в Туркестане и Закаспийской Области, сумеют оправдать лестные для войска слова нашего почетного казака доблестного вождя русских военных сил на Крайнем Востоке, обращенные к депутациям, и поддержать добрую боевую славу Оренбургских казаков как ныне, в лице строевых частей сего войска, находящихся под главным Его начальством, в составе самоотверженно бьющейся с врагом славной Маньчжурской армии, так и в будущем, когда наши новые части будут, в свою очередь, призваны на поле брани»²²⁶.

Представление оренбуржцев Куропаткину было назначено на 17 ноября. В этот день на прием к главнокомандующему прибыли начальник дивизии, командиры 1, 10, 11 и 12-го Оренбургских казачьих полков, по одному обер-офицеру и по три нижних чина (вахмистр, урядник и казак) от каждого полка.

Куропаткин поздоровался с казаками и сказал: «Милостью Государя Императора я еще ближе стал к Оренбургским казакам, с которыми начал службу в 1886 году, и первое мое боевое крещение было с Оренбургскими казаками...»²²⁷ Затем, поблагодарив казаков за службу, он награждал некоторых нижних чинов знаками отличия военного ордена. Награды были очень важны для казаков, которые много о них говорили, а получив, носили днем и ночью²²⁸.

Позиционная война вынудила Куропаткина обратить внимание на самостоятельные действия конницы. В этой связи конец 1904 г. ознаменовался рейдами конницы по тылам противника. Наиболее известен набег генерала Мищенко на Инкоу, прозванный завидовавшим ему Ренненкампфом за медленные темпы «наползом»²²⁹. Однако оренбургские казаки в этом рейде участия не приняли, поэтому на нем я останавливаться не буду. Тем более что оренбуржцы самостоятельно участвовали в еще одном рейде по тылам противника.

18 декабря 1904 г. хорунжий (впоследствии полковник, видный деятель антибольшевистского движения) 11-го Оренбургского казачьего полка М.И. Замятин с отрядом в 28 казаков и 5 урядников проник почти на 100 километров в глубь японских позиций. Казаки Замятина совершили налет на крупный японский обоз, который был уничтожен. Уничтожив, кроме того, несколько складов фуража и нарушив телеграфное и телефон-

ное сообщение японской армии, Замятин с отрядом спустя десять суток вернулись в расположение полка без потерь²³⁰ (по другим данным, в глубь японского расположения было направлено тогда два разезда особой важности (1 офицер и 25 казаков и 2 офицера и 50 казаков) на участки железной дороги от Янтая до моста через Тайцзыхэ и далее от моста до Ляояна. Разезды, кроме того, должны были действовать в прилегающих районах²³¹. Таким образом, набеги малыми силами оказались более результативными, чем рейды плохо управляемых крупных конных масс, к которым относился рейд Мищенко на Инкоу.

Падение Порт-Артура 20 декабря 1904 г. было предпосылкой коренного изменения обстановки на маньчжурском театре. Японцы получили возможность перебросить освободившуюся 3-ю армию генерала Ноги в район реки Шахэ. Куропаткин, с целью упредить усиление японцев, решил начать наступление в районе селения Сандепу. С 12 января 1905 г. в боях участвовал и Правый конный отряд, в который входили оренбургские казачьи части. Рапортом от 19 января Генерального штаба полковник В.И. Баскаков просил разрешения штаба 2-й Маньчжурской армии на представление к наградам всех офицеров штаба и 2-й бригады Оренбургской казачьей дивизии²³². Во время боев под Сандепу дивизия продолжала оставаться раздробленной. 12-й Оренбургский казачий полк, например, в полном составе был выделен для несения службы на постах летучей почты и охраны интендантства²³³.

Так же как и в предыдущих сражениях, события первоначально развивались благоприятно для русских войск, но генерал Куропаткин как всегда решил перестраховаться и приказал отступать. После Сандепу армии стали готовиться к новому наступлению, вылившемуся в кульминацию всех сухопутных операций Русско-японской войны — трехнедельное Мукденское сражение.

В боях под Мукденом русская конница, несмотря на свою многочисленность, почти не участвовала²³⁴. В связи с ранением генерал-лейтенанта Мищенко в ногу в боях под Сандепу, 12 февраля начальник Оренбургской казачьей дивизии генерал-майор В.П. Греков заменил его, будучи назначен начальником правого конного отряда. Таким образом, Греков под Мукденом оренбуржцами не командовал. Шесть сотен Оренбургской казачьей дивизии (две сотни 11-го полка и четыре — 12-го) находились при общем резерве 2-й армии. Остальные сотни были разбросаны по различным отрядам и корпусам²³⁵. 1-й Оренбургский казачий полк нес службу связи.

15–18 февраля отряд Грекова вел разведку японского обхода на правом фланге. Боевые действия велись с переменным успехом. Судя по всему, именно на Грекове лежит ответственность за несвоевременное обнаружение обходного движения войск генерала Ноги, предпринявшего, как

показали дальнейшие события, исход всей операции. По свидетельству очевидца, Греков узнал об обходе японцев, сидя за обеденным столом²³⁶. Конница Грекова первой приняла на себя удар наступавших японцев. Тем не менее 24 февраля отряду удалось их значительно потеснить, а 27 февраля Греков сдал командование генералу Мищенко. В этих боях Греков, как всегда, проявил полную безынициативность, хотя при повороте 3-й японской армии Ноги на восток оказался в чрезвычайно выгодном положении, угрожая японским тылам²³⁷. По некоторым данным, Греков берег свой отряд для содействия планировавшемуся наступлению, однако, как ни странно, остался абсолютно безучастным к попыткам наступать 20–21 февраля 1905 г.²³⁸

Генерал Толмачев, командовавший оренбуржцами, также оказался не на высоте своего положения, позволив японцам беспрепятственно переправиться через реку Хунхэ.

Под Мукденом конные части «как и в других родах оружия... были настолько перемешаны, что в конце концов вместо крупных единиц оказывались импровизированные сборные отряды»²³⁹. При иной системе управления конницей и более решительных кавалерийских начальниках японцы, скорее всего, потерпели бы неудачу под Мукденом.

При отступлении от Мукдена произошла катастрофа русской армии, вылившаяся в 120-верстное паническое бегство до Телина и далее к Сыпингайским позициям²⁴⁰. Будь у японцев несколько кавалерийских дивизий, возглавленных энергичными начальниками, русское отступление могло обернуться полным уничтожением армии. Бегство армии сопровождалось уродливыми картинами разложения частей. Эти позорные и вместе с тем трагические страницы истории русской армии коснулись, судя по всему, и оренбургских казаков.

На железнодорожной станции Сухудяпу, к юго-западу от Мукдена, шел грабеж складов. Если выразиться иначе, солдаты «спасали» продукты, которые должны были в результате отступления русских войск достаться японцам. Тысячи солдат, которые перед этим не ели в течение нескольких дней, бросались к припасам, некоторые стремились утащить как можно больше продуктов, другие тут же садились на землю и начинали есть. Обезумев от голода и жажды наживы, они штыками и саблями открывали одну за другой консервные банки в таком количестве, какое не смогли бы съесть, не замечая при этом, как режут себе пальцы.

Дикие, первобытные сцены разворачивались возле емкостей с водкой. Драгоценная жидкость разливалась в кружки, котелки, пустые консервные банки и даже в гильзы от японских снарядов. По воспоминаниям одного из очевидцев, «здоровый оренбургский казак в красной фуражке»²⁴¹ прыгнул на одну из бочек, работая топором, при помощи которого он вскоре

справился с дном другой бочки посреди диких воплей пьяного триумфа. Вид того казака в красной фуражке и разъяренной толпы, которая нарастала вокруг него, напоминал зловещие сцены из Карлейля²⁴². Затем, чтобы прекратить это безобразие, склады подожгли. Как писал А.И. Кривошеков, под Мукденom оренбургским казакам удалось добыть себе одежду и продукты с оставляемых складов²⁴³.

Отряд Грекова, находившийся на одном из наиболее ответственных участков фронта, под Мукденom потерял 2 офицеров и 27 нижних чинов, что можно расценивать как доказательство его полной пассивности. Потери Оренбургской казачьей дивизии в сражении под Мукденom составили 1 офицер и 6 казаков убитыми, 2 офицера и 19 казаков ранеными и контужеными и 19 казаков пропавшими без вести²⁴⁴. Для сравнения: вся армия потеряла 8705 солдат и офицеров убитыми, 51 388 ранеными и контужеными и 29 330 пропавшими без вести и пленными²⁴⁵.

Несмотря на неутешительные итоги сражения, войска удалось относительно быстро привести в порядок²⁴⁶. На Сыпингайских позициях армия окопалась и простояла, фактически бездействуя, до конца войны. «Сыпингаю не отдам», — говорил новый главнокомандующий генерал от инфантерии Линевиц²⁴⁷. И действительно не отдавал, но и не пытался наступать.

Штаб Оренбургской казачьей дивизии расположился в городе Маймайка на Оренбургской улице²⁴⁸. 16 мая генерал Греков был назначен начальником передового отряда (бывший отряд генерал-майора Толмачева). Отряд Грекова был расположен на правом фланге армии. В него входили пехотные части, конно-охотничья команда, а также три сотни 10-го, пять сотен 11-го и две сотни 12-го Оренбургских казачьих полков. Позднее в отряде удалось собрать весь 10-й полк.

Здесь же оренбуржцы встретили свой войсковой праздник — 23 апреля. По случаю праздника из войска была получена поздравительная телеграмма: «Войсковой круг в день войскового праздника пьет здоровье вожда счастливцев, которым завидует все войско, счастливцы были [рады] знать, что Государь Император очень доволен боевой службой оренбуржцев. Поздравьте от войска славную одиннадцатую и двадцатую батареи. Таубе»²⁴⁹. В день праздника были устроены песнопения. 11-й Оренбургский казачий полк посетил командующий 2-й Маньчжурской армией Генштаба генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс. В его присутствии был отслужен молебен, казаки прошли перед командующим церемониальным маршем, после чего нижним чинам были вручены награды, и гости полка были приглашены к праздничному столу²⁵⁰.

22 мая отряду Грекова был отдан приказ, чтобы при встрече разъездов отряда с японцами казаки не упускали возможность атаковать противника в шашки²⁵¹. Военная служба превращалась в своего рода спортивное со-

стяжание. Наиболее отчаянные казаки добровольцами вызывались идти в разведку, пробирались в расположение противника с целью посеять панику, устраивали засады, стремились захватить пленных, боролись с шайками хунхузов. В этот период штаб Оренбургской казачьей дивизии возглавлял Генштаба подполковник Краснокутский, ранее занимавший должность старшего адъютанта генерал-квартирмейстерской части 3-й Маньчжурской армии.

Любопытно, что подполковник Краснокутский с разрешения командующего армией 5 июня 1905 г. встречался с капитаном японской армии Миаки в связи с просьбой японцев передать им тела убитого японского офицера и рядового. Тела были доставлены на орудийном лафете в сопровождении взвода казаков и переданы под расписку японцам, которые были тронуты таким вниманием со стороны русских и благодарили их за почести. После этого в отряде ходили слухи, что убитый офицер был сыном генерала Оку²⁵².

Между тем казаки, оставшиеся в войске, совершенно утратили интерес к событиям на Дальнем Востоке. По свидетельству этнографа Д. Зеленина, находившегося тогда в экспедиции на территории войска: «*Отношение* (здесь и далее курсив Д. Зеленина. — А. Г.) казаков к продолжающейся *войне* вообще равнодушное, исключая, конечно, вопроса о мобилизации их полков. Какой-нибудь печали по случаю наших поражений не заметно.

Наслушавшись про нынешнюю войну от раненых солдат, возвратившихся уже домой, здешние казаки потеряли последнюю охоту идти на войну. По сравнению с «войною на кошме», нынешняя война, когда «в час может погибнуть больше народу, чем прежде в месяц» (слова казака), когда даже «не видно, где и откуда в тебя стреляют», кажется прямо адом. Желание одно: поскорее бы война окончилась»²⁵³.

Количество и качество русских войск в Маньчжурии в 1905 г. постепенно возрастало, качество японских войск падало²⁵⁴. Командующий армией Генерального штаба генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс писал генералу Грекову 24 июня 1905 г.: «Объявите всем, что в настоящее время мы готовы к самому энергичному продолжению войны, так как силы наши быстро растут»²⁵⁵.

Усилилась и Оренбургская казачья дивизия. Для нее были сформированы пулеметные команды (по шесть пулеметов на полк), прибывшие в Маньчжурию летом 1905 г. после прохождения курса обучения в Петербурге²⁵⁶. Кроме того, усилились и сами казаки, которые приобрели необходимый боевой опыт. Иногда атаковали противника в шашки, маневрировали, при натиске японцев упорно оборонялись. Например, во время японского наступления на позиции отряда Грекова 24 июня 1905 г. казаки выпустили по врагу 27,5 тысячи патронов (!) и не только приостанови-

ли наступление японцев, но и сами перешли в контратаку²⁵⁷. Потери японцев тогда составили 20 человек убитыми и 15 ранеными — доказательство того, что казаки при значительном расходе боеприпасов все же не научились метко стрелять. Примерно до середины августа продолжалась такая «странная» война, приближение конца которой чувствовалось все сильнее. И вот 20 августа 1905 г. была получена телеграмма генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии Генерального штаба генерал-майора В.Е. Флута: «Ком[андующий]й армией приказал никаких активных действий не предпринимать, потерь избегать, сохраняя всю бдительность и оборонноспособность...»²⁵⁸ 27 и 31 августа к русским позициям подъехали японцы и передали пакет на имя главнокомандующего и письмо.

Временно было заключено перемирие, вступившее в силу с 12 часов дня 3 сентября 1905 г. Условия перемирия были следующие: немедленное прекращение боевых действий; создание демаркационной зоны с границами по передовым русским и японским постам; недопущение пребывания лиц каждой из сторон в демаркационной зоне; сношение между сторонами осуществляется исключительно через пропускной пост на дороге Шахедзы—Шумяодзы. Пост выставляется от VIII корпуса исключительно из офицеров, при посту открыты телеграфная и телефонная станции.

3 сентября был получен приказ главнокомандующего, предписывавший не ослаблять сторожевое охранение и держать связь по всему фронту, так как перемирие еще не означало заключения мира. 6 сентября бывший отряд Грекова вновь возглавил генерал-майор Толмачев.

Чем только не занимались казаки весной—летом 1905 г. помимо военной службы! Устраивали смотры, собирали деньги на строительство минного крейсера в Риге, наконец, несколько офицеров дивизии даже решились жениться²⁵⁹. Дальше — больше. Казаки начали устраивать кулачные бои, организовали свой театр, играли в войну при помощи китайских петард, ближе к зиме стали играть в снежки²⁶⁰. Армия бездействовала и начинала разлагаться. Существовала опасность распространения инфекционных заболеваний, которые уже развились в японских войсках²⁶¹.

Осенью 1905 г. в казачьих частях были отмечены самовольные отлучки и пьянство. Командир 10-го Оренбургского казачьего полка жаловался начальнику дивизии, что в военное время он карал пьянство по всей строгости, а в мирное — не может управиться с казаками. Единственный способ полковник Волжин видел в лишении пьяниц 75-рублевого пособия. Он писал: «С пожалованием 75-рублевой дачки я, как предвидел, замечаю, что нижние чины стали скардничать и для сбережения денег готовы ходить даже босы.

Значит, дачка эта для них значит — много»²⁶².

После ратификации Портсмутского мира 5 октября отряд генерал-майора Толмачева был расформирован. Осенью 1905 г. дивизия стала готовить-

ся к переходу на зимние квартиры. Войска до отправки в Россию предполагалось разместить в фанзах, землянках и шалашах. В это же время для учета опыта войны был издан приказ об опросе всех казаков «о подробностях участия каждого в военных действиях и о заключениях, к каким кто пришел: о нашем искусстве, о противнике, об обстановке военных действий и т. д. — в качестве материала для будущего историка»²⁶³. По распоряжению командующего армией войска планировалось ознакомить с содержанием Манифеста 17 октября, причем требовалось разъяснять войскам, что «допускаемые Его Величеством указанным Манифестом населению незыблемые основы гражданской свободы отнюдь не могут быть поняты как ослабление воинской дисциплины и законных требований военной службы»²⁶⁴.

Тем не менее казакам пришлось еще некоторое время послужить. В связи со скоплением большого количества бумаг на станциях военного телеграфа командующий армией 7 ноября 1905 г. приказал организовать летучую почту силами 1-го и 12-го Оренбургских казачьих полков. 1-й Оренбургский казачий полк должен был нести службу в южном районе (X и Сводный Стрелковый корпуса), имея головной пост при штабе 25-й пехотной дивизии, а 12-й Оренбургский казачий полк — в северном районе (VIII, XVI, VI Сибирский корпуса), имея головные посты при штабе армии, штабе 25-й пехотной дивизии и при VI Сибирском корпусе. Начальником летучей почты был назначен есаул 12-го Оренбургского казачьего полка А.Г. Бочкарев, которому должен был помогать на своем участке один из офицеров 1-го Оренбургского казачьего полка.

В ноябре—декабре из Японии стали возвращаться пленные казаки. Многие из них оказались в плену по вине командования, которое в суматохе боев просто забыло отдать приказ казакам покинуть свои посты. Часто это были уже другие люди, много повидавшие, существенно расширившие свои представления о мире. Помимо хорошего обращения, японцы платили пленным деньги. Казаки получали по 50 копеек в месяц, урядники и вахмистры по 3 рубля. Разрешалось отправлять домой два письма в месяц, для чего пленным выдавали все необходимые принадлежности. Казаков поражала крайняя бедность японцев, но вызывали уважение всеобщее обучение и военная дисциплина²⁶⁵.

При демобилизации дивизии было решено, что казна выиграет, если казаки продадут своих строевых лошадей государству (по прибытии в войско казаки перечислялись в третью очередь и могли не иметь строевых лошадей). Дело в том, что транспортировка и прокорм казачьей лошади до территории войска были примерно равны стоимости самой лошади (60—80 рублей), а кроме того, на перевозку конной дивизии требовалось на $\frac{3}{4}$ больше поездов, чем на перевозку спешенной. Вдобавок к этому, государству было выгодно продать казачьих лошадей поселенцам на Дальнем Востоке.

17 декабря было получено распоряжение об отправке дивизии в Россию. 30 декабря домой с первым эшелоном дивизии отправились две сотни 10-го Оренбургского казачьего полка. 1 января 1906 г. выехал штаб дивизии с пулеметными командами, 10 февраля штабной эшелон прибыл в Оренбург, а 4 марта расформирование штаба дивизии было завершено²⁶⁶.

Война стала своеобразным трамплином для многих оренбургских казачьих офицеров, получивших повышения и награды. Что касается командного состава дивизии, то командующий дивизией генерал-майор Греков 24 августа 1905 г. был произведен в генерал-лейтенанты²⁶⁷, начальник штаба дивизии полковник Баскаков был награжден орденом Св. Владимира III степени с мечами (25 ноября 1904 г.), золотым оружием с надписью «За храбрость» (5 июня 1905 г.) и чином генерал-майора²⁶⁸. Генерал-майор Толмачев получил ордена Св. Станислава I степени с мечами и Св. Анны I степени с мечами²⁶⁹. В генерал-майоры был произведен и А.Г. Эрдман. Были произведены за боевые отличия в полковники войсковые старшины Бычков, Гурьев (оба 7 октября 1904 г.) и Волжин (1905 г.). Кроме того, Бычков за отличия в делах против японцев был награжден золотым оружием и орденом Св. Владимира III степени с мечами²⁷⁰, Гурьев был отмечен орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом. За Русско-японскую войну 1-й, 11-й и 12-й Оренбургские казачьи полки получили знаки на шапки. При этом обойденной оказалась вся 1-я бригада дивизии, вынесшая не меньше тягот.

Потери Оренбургской казачьей дивизии в ходе боевых действий были относительно невелики: погибло 2 офицера и 45 казаков, пропало без вести 3 офицера и 71 казак, ранено и контужено 17 офицеров и 183 казака. Добавлю, что по итогам войны, если верить расчетам австрийского ротмистра Врангеля, потери русской конницы составили 24% офицеров и 7,5% нижних чинов, тогда как в пехоте 43 и 26,5% соответственно²⁷¹.

Т а б л и ц а 24

ПОТЕРИ ОРЕНБУРГСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ (ЛЬГОТНОЙ) ДИВИЗИИ²⁷² (* — офицеры)

Период боевых действий	Убито	Ранено и контужено	Пропало без вести
03.06—04.07.1904	3	6*, 30	1*, 10
04—05.07	—	2	—
06—10.07	4	5	1
10—11.07 под Ташичао	—	6	2

Период боевых действий	Убито	Ранено и контужено	Пропало без вести
12—18.07	—	2	—
18.07 на Янзелинском перевале	1	2*, 9	1*, 22
19.07—12.08	2	1*, 6	9
12—25.08 под Аляоном	5	13	1*, 6
25.08—25.09	9	2*, 17	1
25.09—05.10 на реке Шахэ	1*, 4	2*, 32	—
05.10.1904—12.01.1905	3	2*, 19	—
12—17.01 под Сандепу	—	2	—
15.02—01.03 под Мукденом	1*, 6	2*, 19	19
01.03—01.08	8	2*, 21	1
Итого	2*, 45	17*, 183	3*, 71

Всего в Русско-японскую войну Оренбургское казачье войско выставило около 5000 казаков и не менее 180 офицеров²⁷³. Против каждой японской дивизии Россия к середине 1905 г. имела корпус. Япония была истощена, и в долгосрочной перспективе ее поражение являлось неизбежным. В армии ходили слухи о беспорядках в Японии и даже о возможной революции²⁷⁴.

Духовенство одного из округов Оренбургской епархии «устами 30 000 населения... умоляло «не заключать позорного для России мира»...»²⁷⁵. Так же были настроены и сами казаки. Ветеринарный фельдшер 9-го Оренбургского казачьего полка С. Попов даже написал об этом песню, которая, несмотря на несовершенство рифмы, и сегодня не может оставить слушателя равнодушным:

От сибирских лесов
До морских берегов,
Наподобье железной ограды,
Через горы, кусты
Растянулись посты
Казаков Оренбургской бригады.
Охраняют они
Ночи, целые дни
Путь к морским берегам от японца.
Он незванным пришел
И войска к нам привел
Из страны «Восходящего солнца».

И неудачи в войне
 Всем понятны вполне...
 Но от этого Русь не слабеет.
 От подобных побед
 И урона, и бед
 Супостат наш немало имеет.
 О, родная страна!
 Ты проснешься от сна
 И, собравшись с новой силой,
 Через горы шагнешь
 И японцев сомнешь:
 Им Маньчжурия будет могилой!²⁷⁶

Несмотря на завершение войны, отвечавшее японским интересам, Япония так и не добилась в ней решающей победы. Вместе с тем Русско-японская война послужила для вооруженных сил России серьезным уроком. Не будь этой неудачной войны, неизвестно, какая участь постигла бы русскую армию в 1914 г., когда ей пришлось встретиться на полях сражений с учителями японцев.

* * *

Оренбургские казаки в составе русской армии приняли участие почти во всех крупных боевых операциях в Маньчжурии. Учиться ведению современного боя им пришлось непосредственно в ходе столкновений с японцами, методом проб и ошибок. Во время войны конница редко использовалась для стремительных маневренных действий, то есть по своему прямому назначению. Казаков чаще всего применяли в целях боевого обеспечения армии (несения разведки, охранения), а в стычках с противником употребляли как ездящую пехоту. Негативно сказывалась на действиях оренбуржцев их слабая техническая оснащенность: пулеметы в Оренбургской казачьей дивизии появились лишь летом 1905 г. Были и другие причины неэффективности боевого применения казачьих частей.

Как уже говорилось, к 1905 г. казаки значительно усилились, стали действовать более умело, однако накопленный опыт не прибавил решимости и знаний кавалерийским начальникам. После Мукденского сражения, с отходом армии на Сыпингайские позиции крупных боевых столкновений с японцами уже не было, и, таким образом, боевой опыт казачьих частей, как и их новое вооружение (пулеметы), остались фактически невостребованными.

Война выявила целый ряд недостатков в подготовке казаков, вскрылись серьезные недочеты в процессе мобилизации дивизии, организация которой, как показала практика, не отвечала задачам своего времени. Дивизия была слишком громоздкой для того, чтобы применять ее в полном составе,

результатом чего стало сильнейшее дробление всех частей дивизии и включение их в различные импровизированные отряды. В этих отрядах коннице часто выпадало играть лишь вспомогательную роль.

Один из современников маньчжурских событий писал: «Во время войны в Маньчжурии деятельность кавалерии почти не приходилось отмечать... Друзья конницы испытали полнейшее разочарование»²⁷⁷. Несмотря на это, вопрос об упразднении конницы вплоть до Первой мировой войны в армиях великих держав серьезно не ставился. Речь шла скорее о приспособлении ее к новым условиям ведения боевых действий²⁷⁸. Между прочим, японцы после войны пошли даже на увеличение численности своей конницы в два раза — до восьми кавалерийских дивизий²⁷⁹.

Из опыта применения конницы в Русско-японской войне были сделаны различные, порой взаимоисключающие выводы. Одни авторы критиковали русский командный состав, который ничего не смог сделать, имея в своем распоряжении громадные конные массы²⁸⁰, другие ругали качества и уровень подготовки самих казаков, с которыми талантливые кавалерийские начальники не решались действовать активнее²⁸¹.

Один из военных публицистов после войны утверждал, что «в бездеятельности конницы виноваты... штабы, но только отчасти, так как не в обычае у русского «высшего командного элемента» беречь конницу, а еще менее в обычае стеснять конницу в ее действиях»²⁸². Другие делали упор на то, что «конница слишком дорогой род войск, чтобы его не употреблять в дело. Поэтому не беречь следует конницу, а заставлять ее работать так, чтобы она с лихвой окупала все произведенные на нее затраты»²⁸³.

По мнению А.И. Деникина, причинами неэффективности конницы в Маньчжурии были «неумение высших органов командования пользоваться конницей, несоответствие возлагавшихся на нее задач, исключительные условия позиционной войны, свойства театра и современного оружия, отсутствие у японцев конницы...»²⁸⁴.

П.Н. Краснов всю вину за неудачи казаков на войне возложил на наличие льготы казачьих офицеров. По его мнению, «не одна казачья голова в минувшую войну заплатила за невежество в военном деле своих начальников со льготы. Да, если бы только головами казачьими расплачивалось казачество за него! Это еще полбеды. Много крови казачьей пролито по белу свету, много еще и прольется. Нет, казачество заплатило за военную неподготовленность своих начальников *своею славою* (курсив П.Н. Краснова. — А. Г.)»²⁸⁵. В то же время знатоки конного дела полагали, что талантливый кавалерийский начальник является величайшей редкостью, прежде всего, по причине крайне высоких требований к личным качествам такого начальника (высокий ум, мгновенная сообразительность, чрезвычайная смелость, стремительность и полное хладнокровие)²⁸⁶.

В ответ на обвинения казаков в неудачных действиях во время войны еще один участник дискуссии писал: «Указывать на то, что конница на Маньчжурском театре была почти сплошь казачья и что поэтому неудачи следует отнести исключительно за счет казаков, а не всей кавалерии, будет едва ли основательно.

Казаки и ведутся и обучаются почти так же, как драгуны.

3/4 офицеров в казачьих полках Маньчжурских армий были офицеры армейской и гвардейской кавалерии.

Конский состав полков 2-й и 3-й очереди, конечно, в массе, хуже конского состава полков драгунских, но и конница была в исключительных, вряд ли когда могущих повториться, условиях — она не должна была вести борьбы с конницей противника. Следовательно, дело в общей системе ведения и обучения конницы»²⁸⁷. Этот факт также отметил известный военный писатель начала XX в. генерал-лейтенант (впоследствии генерал от кавалерии) Ф.К. Гершельман применительно к слабой подготовке личного состава казачьих войск востока России²⁸⁸.

С подобным подходом не соглашался оренбургский казачий офицер А.Н. Доможиров, утверждавший, что казаки в Маньчжурии сделали все от них зависящее²⁸⁹.

К. Нари из опыта войны сделал вывод о громадном значении в новых условиях огнестрельного оружия и о том, что хорошо подготовленная кавалерия против столь же хорошо подготовленной пехоты ничего сделать не сможет²⁹⁰.

Действительно, в Маньчжурии столкнулись две противоположные тактики: огневая тактика японцев и тактика шока или сшибки русской конницы. Причем если японцы широко применяли свою тактику, то русская конница практически не имела возможности довести дело до удара шашкой и пикой. Получалось, что если противник не желал подобной сшибки, то он мог ее легко избежать²⁹¹.

Среди новых условий и методов ведения войны Ф.К. Гершельман справедливо обратил внимание на увеличение силы огня, активизацию сторожевой и разведывательной службы кавалерии и увеличение роли рейдовых действий кавалерии на войне, а в тактике — на рост роли обходов, фланговых атак и демонстративных действий²⁹². По его мнению, «боевая роль конницы настолько затруднилась под влиянием силы и дальности современного огня, что успех кавалерийских атак массами в разгар боя бесспорно подлежит большому сомнению и приложение их в бою будет для кавалерии возможным только в исключительно благоприятных случаях и в руках высокоталантливых кавалерийских начальников»²⁹³.

Большинство из приведенных выше суждений можно назвать вполне обоснованными. Однако, по мнению генерал-майора (впоследствии генерала от кавалерии) В.А. Орановского, «опыты последних войн (Англо-бур-

ской и Русско-японской. — А. Г.) не установили общих взглядов на ее (конницы. — А. Г.) боевое употребление при настоящем усовершенствованном огнестрельном оружии и при новых формах, в которые вылился современный бой»²⁹⁴. Тем не менее упадок конницы в начале XX в. стремительно прогрессировал, причем, как составная часть русской конницы, в прошлое уходило и казачество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Играй, отецкая станица!* Сборник любимых старинных казачьих песен / Составитель-издатель А.А. Гаухов-Ветлаужских. СПб., 1999. С. 152.

² Оренбургский листок. 1904. 01.02. № 5. С. 3.

³ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 139—140.

⁴ *McElwee William.* The Art of War. Waterloo to Mons. Birkenhead, 1974. P. 246.

⁵ *Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1.* События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб., 1910. С. 366.

⁶ *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. 1881—1915 гг. М., 1994. С. 51, 61; *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 148.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 6. Д. 40. Л. 1.

⁸ *Суров А.* Краткий исторический очерк образования Амурского казачьего войска // Военный сборник. 1900. № 10. С. 356.

⁹ Цит. по: *Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб., 1906. С. 30—31.

¹⁰ *Baring Maurice.* With the russians in Manchuria. London, 1905. P. 190.

¹¹ *McCullagh Francis.* With the cossacks. Being the story of an irishman who rode, with the cossacks throughout the russo-japanese war. London, 1906. P. 121.

¹² *Ibid.* P. 265.

¹³ *Нодо А.* Они не знали... М., 1905. С. 18.

¹⁴ *Пеле-Нарбонн.* Ген.-лейт. германской службы. Поучительность для кавалерии войны в Маньчжурии // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XVII. СПб., 1908. С. 8—9.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ *Brindle Ernest.* With Russian, Japanese and Chunchuse. The Experiences of an Englishman during the russo-japanese war. London, 1905. P. 117—118.

¹⁷ *Baring Maurice.* Op. cit. P. 175.

¹⁸ *Врангель А.* Генерал Врангель: доверие воспоминаний. Минск, 1999. С. 22.

¹⁹ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989. С. 239—240.

²⁰ *The Russo-Japanese War.* Reports from British officers attached to the Japanese and Russian forces in the field. Vol. III. London, 1908. P. 130, 132.

²¹ *Ibid.* P. 254—257.

²² *Григорьев М.* Строевое обучение льготных и приготовительного разряда казачков (Статья первая) // Военный сборник. 1901. № 5. С. 123.

- ²¹ Похожая система подготовки резервистов существовала и в Японии.
- ²⁴ Зеленин Дм. У Оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографического Обозрения». М., 1906. С. 6.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 60б.
- ²⁶ Григорьев М. Строевое обучение льготных и приготовительного разряда казаков (Статья первая) // Военный сборник. 1901. № 5. С. 129.
- ²⁷ Гамильтон Я. Указ. соч. С. 98.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 24. Л. 243.
- ²⁹ Наш расчет по: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 185. Оп. 1. Д. 234. Л. 27.
- ³⁰ Квитка А. Дневник Забайкальского Казачьего Офицера. СПб., 1908. С. 43.
- ³¹ Baring Maurice. Op. cit. P. 175.
- ³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 18.
- ³³ В тексте примечание: «Назначение этой дивизии не известно Главному Управлению; известно лишь, что [дивизия] направляется в Виленский округ».
- ³⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 1.
- ³⁵ Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 1об, 32об, 113; Ф. 1720. Оп. 3. Д. 27. Л. 8.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 27. Л. 6.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 60—60об.
- ³⁸ Там же. Л. 104, 116.
- ³⁹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб., 1910. С. 25.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 684. Л. 3, 11.
- ⁴¹ Дневник императора Николая II 1890—1906 гг. М., 1991. С. 155.
- ⁴² См., напр.: Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 376.
- ⁴³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 705.
- ⁴⁴ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989. С. 197. По этой же причине добровольцем на войну вместе с сибирскими казаками отправился поддесаул Оренбургского казачьего войска В.П. Водопьянов. См.: Водопьянов В. В плену у японцев. Воспоминания русского офицера о Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Новый Часовой (Санкт-Петербург). Русский военно-исторический журнал. 1999. № 8—9. С. 200.
- ⁴⁵ The Russo-Japanese War. Reports from British officers attached to the Japanese and Russian forces in the field. Vol. III. London, 1908. P. 253.
- ⁴⁶ Цит. по: Ульянов Н.П. Сатира времен Русско-японской войны // Новый Часовой (Санкт-Петербург). Русский военно-исторический журнал. 2001. № 11—12. С. 216.
- ⁴⁷ «Фазанами» в армии пренебрежительно называли петербуржцев и офицеров гвардии. См.: Краснов П.Н. На рубеже Китая. Париж, 1939. С. 18.
- ⁴⁸ Деникин А.И. Указ. соч. С. 145; Шатилов П.Н. Воспоминания о Русско-Японской войне (1904—1905 гг.) // Военно-исторический вестник (Париж). Издание Общества ревнителей русской военной старины. 1966. № 28. Ноябрь. С. 9.

- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 65. Л. 2—3, 5—5об.
- ⁵⁰ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 305.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 65. Л. 52.
- ⁵² Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 19. По всей видимости, в этой выкладке допущена ошибка при расчете количества генералов. В Оренбургской казачьей дивизии, по моим данным, служили не три, а два генерала — В.П. Греков и В.А. Толмачев.
- ⁵³ Там же. Л. 10об.
- ⁵⁴ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 229. Л. 34—34об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 61.
- ⁵⁶ *The Russo-Japanese War. Reports from British officers attached to the Japanese and Russian forces in the field. Vol. III. London, 1908. P. 253.*
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 445.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 3—3об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 35.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 44. Д. 110. Л. 13об.
- ⁶¹ Подробнее об этом типе генералов см.: Глуценко Е. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 15—16.
- ⁶² ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 31. Л. 42. Размер участка на 1893 г. составлял 507 десятин земли.
- ⁶³ McCullagh Francis. Op. cit. P. 222—223.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 26206. Послужной список № 318—245 (1906 г.). Л. 27об.
- ⁶⁵ Фон Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 25. Автор, однако, указывает, что фамилия промышленника была Парамонов.
- ⁶⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С. 97—98.
- ⁶⁷ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 204.
- ⁶⁸ Фон Дрейер В.Н. Указ. соч. С. 28.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 26206. Послужной список № 318—245 (1906 г.). Л. 9, 34.
- ⁷⁰ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1905 г. СПб., 1906. С. 1442.
- ⁷¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 44. Д. 187. Л. 73об.
- ⁷² Произведен в генерал-майоры 16 апреля 1904 г. См.: Список генералам... С. 1285.
- ⁷³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 44. Д. 110. Л. 38об.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 10.
- ⁷⁵ Пеле-Нарбонн. Указ. соч. С. 10.
- ⁷⁶ Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Изд. 2-е. Берлин, 1911. С. 503.
- ⁷⁷ Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е января 1905 г. СПб., 1905. С. 1057.
- ⁷⁸ Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905. С. 472.

- ⁷⁹ *Список полковникам...* С. 1080.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 847.
- ⁸² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 18.
- ⁸³ Примечание в тексте: «Оставлен на излеч[ение] в Харбине (Елизаветинск[ая] община [Сестер] М[илосердия])».
- ⁸⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 15об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 17об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 18.
- ⁸⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 123а—123а об.
- ⁸⁸ Там же. А. 211.
- ⁸⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 18.
- ⁹⁰ См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1.
- ⁹¹ Оренбургский листок. 1904. 21.03. № 12. С. 3.
- ⁹² РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 29.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 2.
- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 1. Л. 1об.
- ⁹⁵ Наш расчет по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 27. Л. 8.
- ⁹⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 684. Л. 46.
- ⁹⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 16.
- ⁹⁸ *Кривошеков А. И.* Оренбуржцы на Дальнем Востоке. Вып. 1. Шестая сотня 12-го полка. Троицк, 1913. С. 6.
- ⁹⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 33.
- ¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 184об.—186об.
- ¹⁰¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. А. 3—3об.
- ¹⁰² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 15об.
- ¹⁰³ *Мякутин А. И.* Песни Оренбургских казаков. Т. 1. Песни исторические. Оренбург, 1904. С. 264—265.
- ¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 6.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 6об.
- ¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. А. 7.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 19—19об.
- ¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 49.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 50.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 14.
- ¹¹¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 189—189об.
- ¹¹² Цит. по: *Семенов В. Г.* Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // *Гостиный Двор (Калуга)*. 1995. № 1. С. 169—170.
- ¹¹³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. А. 200.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 197; Ф. 846. Оп. 16. Д. 31410. Л. 17.
- ¹¹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 16об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 17об.
- ¹¹⁷ Подробнее об этом см.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 466—466об.
- ¹¹⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. А. 5об—6.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 2—2об.

- ¹²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 4.
- ¹²¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 3.
- ¹²² Оренбургский листок. 1904. 30.05. № 22. С. 2.
- ¹²³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 20—20об.
- ¹²⁴ Наш расчет по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 58, 65об.
- ¹²⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 2об., 19.
- ¹²⁶ Указана общая численность офицеров полка по списку.
- ¹²⁷ Численность наличного состава указана на 01.07.1904 г.
- ¹²⁸ Численность указана по списку, налицо (к 15.06.1904 г.) 31 офицер, 874 строевых и 96 нестроевых нижних чинов.
- ¹²⁹ Численность нестроевых нижних чинов указана на 15.06.1904 г.
- ¹³⁰ Численность указана по списку, налицо (к 15.06.1904 г.) 31 офицер, 850 строевых и 118 нестроевых нижних чинов.
- ¹³¹ Численность нестроевых нижних чинов указана на 15.06.1904 г.
- ¹³² Численность наличного состава указана на 01.07.1904 г.
- ¹³³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 567.
- ¹³⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 684. Л. 24.
- ¹³⁵ Штат Оренбургского казачьего полка по данным на 1900 г. — РГВИА. Ф. 330. Оп. 44. Д. 55. Л. 1.
- ¹³⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 1об.
- ¹³⁷ Семенов В.Г. Указ. соч. С. 168.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 8.
- ¹³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 17об.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 1.
- ¹⁴¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 25—25об.
- ¹⁴² Там же. Л. 52—52об.
- ¹⁴³ *Niessel, capitaine breveté. Les Cosaques. Etude historique, géographique, économique et militaire.* Paris, 1898. P. 435.
- ¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 25.
- ¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 15—15об.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 16об.
- ¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31413. Л. 22.
- ¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 108—108об.
- ¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 9.
- ¹⁵⁰ Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906. С. 77.
- ¹⁵¹ Аничков Д.И. Пять недель в отряде генерала Мищенко. СПб., 1907. С. 10.
- ¹⁵² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 20—20об.
- ¹⁵³ Кривошеков А.И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке. С. 38.
- ¹⁵⁴ Наш расчет по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 123об.—125, 130об.—132, 136—137, 147об., 148об., 149. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31407. Л. 7, 9, 18, 21, 39.
- ¹⁵⁵ Квитка А. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁵⁶ Кривошеков А.И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке. С. 30.
- ¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 89.
- ¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 77об.

- ¹⁵⁹ 3-й сотней 12-го Оренбургского казачьего полка командовал подъяесаул А. Бочкарев.
- ¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 25—25об.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 83.
- ¹⁶² РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 192.
- ¹⁶³ *Пеле-Нарбонн*. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 29об.
- ¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 14.
- ¹⁶⁶ *Аничков Д.И.* Указ. соч. С. 5.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 16—17.
- ¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р—5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 85—85об. Червонные валеты — мошенники.
- ¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 27.
- ¹⁷⁰ *Кривошеков А.И.* Оренбуржцы на Дальнем Востоке... С. 37.
- ¹⁷¹ *Жемайтис Ф.* Роль конницы в Русско-японской войне (1904—1905 гг.) // Красная конница (Москва). 1940. № 6. С. 48.
- ¹⁷² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 211об.
- ¹⁷³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31413. Л. 8.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 9об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 10об.
- ¹⁷⁶ *Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля. Конница в Восточно-Азиатской войне // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев.* Вып. XI. СПб., 1907. С. 10.
- ¹⁷⁷ *Пеле-Нарбонн*. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 34.
- ¹⁷⁹ Об огромных резервах, оставленных Куропаткиным под Ляояном, см.: *Brace W. Menning. Bayonets before bullets. The Imperial Russian army 1861—1914.* Bloomington—Indianapolis. 1992. P. 177; см. также: *William McEhwee.* Op. cit. P. 250—251.
- ¹⁸⁰ *Пеле-Нарбонн*. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸¹ *Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля...* С. 20.
- ¹⁸² *Квитка А.* Указ. соч. С. 212. Факт гибели пяти казаков 10-го Оренбургского казачьего полка в этот период не вполне подтверждается статистикой потерь полка, в котором с 19 июля по 12 августа 1904 г. погибли только два казака, ранены и контужены один офицер и четыре казака и девять казаков пропали без вести или попали в плен. См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 125.
- ¹⁸³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 133.
- ¹⁸⁴ *Шатилов П.Н.* Указ. соч. С. 11.
- ¹⁸⁵ *Мамонтов С.* Походы и кони. Париж, 1981. С. 79.
- ¹⁸⁶ *Connaughton Richard.* The war of the rising sun and tumbling bear. London — N.Y., 1988. P. 20.
- ¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 296об.—297.
- ¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 80—80об.
- ¹⁸⁹ *The Russo-Japanese War. Reports from British officers attached to the Japanese and Russian forces in the field. Vol. III.* London, 1908. P. 261—262.

- ¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31424. Л. 11.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 15.
- ¹⁹² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 198об.
- ¹⁹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 1. Л. 4.
- ¹⁹⁴ *Квитка А.* Указ. соч. С. 493.
- ¹⁹⁵ *Вижас Е., colonel breveté.* La guerre russo-japonaise. Paris, 1907. P. 373.
- ¹⁹⁶ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 32.
- ¹⁹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 149.
- ¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 23об.
- ¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 18—19.
- ²⁰⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 47.
- ²⁰¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31410. Л. 136.
- ²⁰² *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 175; *Свечин А.* Русско-японская война. Ораниенбаум, 1910. С. 320.
- ²⁰³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31413. Л. 1.
- ²⁰⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31411. Л. 2—13.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 17.
- ²⁰⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31415. Л. 19.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 88.
- ²⁰⁹ *Кривошеков А.И.* Разбитый разъезд. Троицк, 1913. С. 5, 8, 10; *Он же.* Оренбургцы на Дальнем Востоке... С. 46.
- ²¹⁰ *Кривошеков А.И.* Оренбургцы на Дальнем Востоке... С. 48.
- ²¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31410. Л. 52—53.
- ²¹² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 21об.
- ²¹³ *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. С. 731—732.
- ²¹⁴ *Жемайтис Ф.* Указ. соч. // Красная конница. 1940. № 9. С. 53.
- ²¹⁵ *Пеле-Нарбонн.* Указ. соч. С. 11.
- ²¹⁶ *Гершельман Ф.* Конница в Японской войне и в былое время. СПб., 1912. С. 28.
- ²¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 114.
- ²¹⁸ *Пеле-Нарбонн.* Указ. соч. С. 31.
- ²¹⁹ *Пеле-Нарбонн.* Указ. соч. С. 12.
- ²²⁰ Россия и СССР в войнах XX века... С. 33.
- ²²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 149об.
- ²²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 123, 125.
- ²²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29159. Л. 13.
- ²²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31409. Л. 65.
- ²²⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31410. Л. 137.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 209об.
- ²²⁸ *McCullagh Francis.* Op. cit. P. 129.
- ²²⁹ *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 183.
- ²³⁰ *Семенов В.Г.* Указ. соч. С. 170.
- ²³¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29159. Л. 14.
- ²³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 133.

- ²³³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31416. Л. 117.
- ²³⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. С. 742.
- ²³⁵ Более подробную выкладку см. в кн.: Голеевский. Описание действий конницы 2-й Маньчжурской Армии в период боев у Мукдена 14—25-го февраля 1905 г. СПб., 1906. С. 116.
- ²³⁶ McCullagh Francis. Op. cit. P. 223.
- ²³⁷ Жемайтис Ф. Указ. соч. С. 45; Голеевский. Указ. соч. С. 111.
- ²³⁸ Голеевский. Указ. соч. С. 87.
- ²³⁹ Пеле-Нарбонн. Указ. соч. С. 12.
- ²⁴⁰ Подробнее об этом см.: Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64—82.
- ²⁴¹ Автор воспоминаний, иностранный журналист, возможно, ошибается — оренбургские казаки имели фуражки со светло-синими околышами, речь может идти о донских или сибирских казаках или же о драгунах 51-го драгунского Черниговского полка, имевших фуражки с красной тульей, более заметной, чем красные околыши казаков.
- ²⁴² McCullagh Francis. Op. cit. P. 247.
- ²⁴³ Кривощев А.И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке... С. 57.
- ²⁴⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 150об.
- ²⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX века... С. 34.
- ²⁴⁶ Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.). СПб., 1906. С. 75.
- ²⁴⁷ Геруа Б.В. Указ. соч. С. 178.
- ²⁴⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 140об.
- ²⁴⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31415. Л. 37.
- ²⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 213.
- ²⁵¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 1. Л. 12.
- ²⁵² Там же. Л. 17об.
- ²⁵³ Зеленин Дм. Указ. соч. С. 23.
- ²⁵⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 82.
- ²⁵⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 42—42об.
- ²⁵⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31415. Л. 19; Д. 31417. Ч. 1. Л. 213об.
- ²⁵⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 1. Л. 21.
- ²⁵⁸ Там же. Л. 36.
- ²⁵⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31415. Л. 114, 110, 112, 124, 195.
- ²⁶⁰ Кривощев А.И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке... С. 63.
- ²⁶¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31421. Л. 10.
- ²⁶² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31415. Л. 254.
- ²⁶³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31416. Л. 62.
- ²⁶⁴ Там же. Л. 61.
- ²⁶⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 1. Л. 550.
- ²⁶⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 1. Л. 42.
- ²⁶⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 1. Л. 36об; Список генералам... С. 596.
- ²⁶⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 26206. Послужной список № 318—245 (1906 г.). Л. 25об.

- ²⁶⁹ Военный сборник. 1905. № 1. С. 211, 214.
- ²⁷⁰ Военный сборник. 1905. № 5. С. 201–202; *Список полковникам...* С. 1080.
- ²⁷¹ *Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля...* С. 34.
- ²⁷² Составлено по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 147об.–151.
- ²⁷³ При расчете учтены материалы данного исследования, а также сведения из кн.: *История казачества азиатской России*. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 73.
- ²⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 177об.
- ²⁷⁵ Цит. по: *Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.* М., 1911. С. 202.
- ²⁷⁶ *Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков*. Т. 3. Песни бытовые. Оренбург, 1906. С. 272–273.
- ²⁷⁷ *Пеле-Нарбонн*. Указ. соч. С. 3.
- ²⁷⁸ *Дитерихс М.К.* Несколько страниц из боевой деятельности 52-го Драгунского Нежинского полка (ныне 18-го Гусарского) в кампанию 1904–1905 гг. Елец, 1908. С. 3; *Bond Brian. Doctrine and Training in the British Cavalry, 1870–1914* // Howard Michael, ed. *The Theory and Practice of War*. Bloomington, Ind., 1975. P. 99.
- ²⁷⁹ *Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля...* С. 5.
- ²⁸⁰ *Квитка А.* Указ. соч. С. 493; *Жемайтис Ф.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁸¹ *Cordontier, colonel d'Infanterie. Les Japonais en Mandchourie*. Paris, 190 [?]. P. 82; *Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля...* С. 7.
- ²⁸² Т-ский. Заметки о коннице // Военный сборник (далее ВС). 1907. № 8. С. 62.
- ²⁸³ *Матковский А.* Конница в Русско-японскую войну // ВС. 1911. № 2. С. 29.
- ²⁸⁴ *Деникин А.И.* Майский набег генерала Мищенко (со схемами) // ВС. 1906. № 8. С. 38.
- ²⁸⁵ *Краснов П.Н.* Льгота Донских казачьих офицеров (По поводу статьи А. Доможирова) // ВС. 1908. № 11. С. 117–118.
- ²⁸⁶ *Денисон Дж.* История конницы. Кн. 1. М., 2001. С. 471–472.
- ²⁸⁷ Т-ский. Заметки о коннице // ВС. 1907. № 8. С. 63.
- ²⁸⁸ *Гершельман Ф.* Кавалерия в современном бою // ВС. 1907. № 11. С. 137.
- ²⁸⁹ *Доможиров Л.* Льгота казачьих офицеров // ВС. 1908. № 8. С. 100.
- ²⁹⁰ *Нари К.* Как следует пехоте встречать кавалерийскую атаку // ВС. 1906. № 12. С. 94–95.
- ²⁹¹ *Bond Brian*. Op. cit. P. 113.
- ²⁹² *Гершельман Ф.* Подготовка кавалерии соответственно современному ее значению // ВС. 1907. № 3. С. 85–87.
- ²⁹³ Там же. С. 88.
- ²⁹⁴ *Орановский В.* Новый строевой устав германской кавалерии // ВС. 1910. № 1. С. 109.

Глава 3

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО (1905—1908 гг.)

Поручик, начальник караула, который пил с нами чай, был очень взволнован.

— Конституция, конституция, — восклицал он беспомощно. — Вчера я знал, что мне делать... Ну, придут, — я их должен не пустить. Сначала уговорами, а потом, если не послушают, — оружием. Ну, а теперь? Теперь что? Можно ли при конституции стрелять? Существуют ли старые законы? Или, быть может, меня за это под суд отдадут?

Он нервно мешал сахар в стакане. Потом варут, как бы найдя решение, быстро допил...

И отвечая на свои мысли:

— А все-таки, если они придут и будут безобразить, — я не позволю. Что такое конституция, я не знаю, а вот гарнизонный устав знаю... Пусть придут...

...Безумие было так бросить этот манифест, без всякой подготовки, без всякого предупреждения... Сколько таких поручиков теперь, которые не знают, что делать... которые гадают, как им быть «при конституции»... этот нашел свой выход... Дай бог, чтобы это был прообраз... чтобы армия поняла...

В.В. Шульгин. Дни!

События первой русской революции на территории Оренбургского казачьего войска и влияние их на оренбургское казачество

Период 1905—1908 гг. (таковы хронологические рамки участия оренбургских казачьих частей в борьбе с революционным движением) в России является крайне сложным для изучения. Большой массив источников (в особенности периодическая печать) по причине их крайней необъективности и политической ангажированности сильно затрудняет работу ис-

следователя при изучении столь многоуровневого явления, как первая русская революция.

Британский историк Роберт МакНил отметил, что в дореволюционной России была издана фундаментальная многотомная история по Русско-японской войне, тогда как об истории подавления первой русской революции, значительно более успешной военной акции, до 1917 г. почти не упоминалось². Думаю, такая ситуация закономерна, аналогичные примеры глухого молчания о подавлении внутренних беспорядков имеются в истории Великобритании, США и других стран. Разумеется, власть стремилась всячески поддерживать миф о единстве царя и народа (с третьей четверти XIX в. можно говорить об отсутствии такого единства, действительно существовавшего ранее), несмотря на публикации по истории событий 1905—1907 гг. Кроме того, репрессии против своих соотечественников до 1917 г. не могли считаться чьей-либо заслугой.

Мы не ставим перед собой задачу комплексного изучения революционных событий тех лет на Южном Урале, исследование коснется лишь проблемы вовлечения в них оренбургского казачества, отношения казаков к происходившим событиям и взаимодействия казачества с другими социальными группами региона в этот период. Кроме того, рассмотрим основные итоги революционных событий для оренбургского казачества и те новые тенденции, которые они привнесли.

Основные революционные события в Оренбургской губернии и Оренбургском казачьем войске проходили в Оренбурге, причем их пик пришелся не на 1905, как в целом по России, а на 1906 г., кульминацией же стал так называемый расстрел у Беловской тюрьмы, который в кругах революционеров получил также название «Оренбургская гапоновщина»³. То есть периодизация этих событий в Оренбургском казачьем войске отличается от установленной для всего государства. Тем не менее анализ истории 1905—1908 гг. стоит начать с общепринятой даты начала народных волнений — января 1905 г. и с предшествовавших этому событий.

Начнем с идеологов революционного подполья, которые в период революции стали руководящим центром антиправительственного движения в Оренбургском казачьем войске. Первый социалистический кружок в Оренбурге образовался в начале 1904 г. под названием «Оренбургская революционная группа». В состав этой группы вошли: Д.Г. Гансбург, И. Мильчик, О. Завойко, С. Ососков, а также семеро грузинских социал-демократов, посланных в Оренбург. По другим данным, первый кружок социалистов был образован в Оренбурге уже в 1897 г. ссыльными М.А. Багаевым и С.И. Гусевым (Я.Д. Дабкин)⁴. Кроме того, в первой половине 1904 г. в Оренбурге жил близкий к В.И. Ленину (Ульянову) социал-демократ А.П. Складенко, став-

ший на некоторое время центром притяжения для оренбургских социалистов.

И все-таки основой оренбургской организации Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) стала именно «Оренбургская революционная группа». Члены этой организации сосредоточили свою деятельность на распространении нелегальной литературы, поступавшей из Санкт-Петербурга, Москвы и Самары.

Оренбург же в то время был не центром, а скорее глубокой провинцией, в том числе и для революционеров. Один из них, ссыльный И.Д. Чернышев, даже писал, что «в дыре, куда нас с вами заслали, Оренбургом именуемой, никакого социализма не разведешь»⁵. Склад нелегальной литературы и часть своего архива социалисты прятали на окраине Оренбурга, в Сакмарском лесу, неподалеку от горы Маяк. Помимо оренбургских организаций сильное социалистическое подполье существовало и в Челябинске.

В состав первого комитета оренбургской группы социал-демократов вошли: Д.Г. Гансбург, Р.С. Жорова, Д. Наранович, железнодорожный служащий Никитин, меньшевик Бусыгин, рабочий Мордовин. Осенью 1905 г. действовал революционный комитет (ревком), собиравшийся на квартире Д.Г. Гансбурга. Среди первых революционеров упоминается и некий социал-демократ Бочкарев, якобы происходивший из казаков⁶. Вполне возможно, что это стремление первых революционеров выдать желаемое за действительное, так как и революционеры среди казаков, и казаки среди революционеров вплоть до 1917 г. были довольно редким явлением.

Среди первых представителей РСДРП в Оренбурге собственно рабочих практически не было, в основном это были ссыльные интеллигенты, попадавшие под определение «профессиональный революционер». Они располагали обширными связями в службе строившейся тогда Ташкентской железной дороги, куда устраивались на работу, служившую прикрытием их нелегальной деятельности.

Уже в период зарождения социал-демократического движения в Оренбурге его участники придавали большое значение вооруженной борьбе. Помимо идеологической работы велась деятельность по созданию отрядов боевиков, одним из которых стала боевая дружина под руководством студента Лесного института В. Бялоблочного. Боевики Бялоблочного имели на вооружении пистолеты системы Браунинг. Одной из задач этого формирования была охрана митингов революционеров в Сакмарском лесу и Зауральной роще.

Социалисты в Оренбурге действовали решительно и порой даже дерзко. Так, 10 января 1905 г. они разбросали листовки прямо перед зданием

Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска — фактически основного руководящего органа войска⁷. Однако особенного размаха деятельность революционеров здесь не достигла, что объясняется уже упоминавшейся провинциальностью Оренбурга, а также относительной невосприимчивостью казачьей среды к революционной пропаганде.

Весна 1905 г. в Оренбурге ознаменовалась беспорядками среди нижних чинов расположенных здесь частей по отношению к гражданскому населению. Властям даже пришлось прибегнуть к мобилизации не отправленных на Дальний Восток второочередных 7-го и 8-го Оренбургских казачьих полков, несмотря на то что оренбургский губернатор и Наказный атаман Я.Ф. Барабаш считал, что военную силу необходимо использовать для обеспечения порядка внутри империи как крайнее средство и с большой бережливостью.

Сразу же после мобилизации стала складываться порочная практика использования полицией казаков для решения своих задач. Штатов полиции для наведения порядка катастрофически не хватало. По данным за 1902 г., на всю Оренбургскую губернию, площадью около 170 000 квадратных верст и населением около 488 500 человек, имелось лишь 489 полицейских. Лишь летом 1905 г. штаты полиции были несколько увеличены. С 1 июля 1905 г. уездная полиция Оренбургской губернии была учреждена на новой основе из урядников и стражников со штатом в 942 человека (примерная численность шестисотенного казачьего полка), в результате чего общая численность губернской полиции возросла в два с лишним раза⁸. Кроме того, весной 1905 г. были существенно расширены полномочия общей полиции в борьбе с антиправительственными выступлениями. Тем не менее этого все равно было недостаточно. Для сравнения: в 1913 г. в Англии и Уэльсе, площадь которых составляла 133 375 квадратных верст, было 54 552 полицейских (общая численность населения к 1910 г. — свыше 35 миллионов человек); в Ирландии площадью 73 619 квадратных верст было 11 844 полицейских (общая численность населения до 5 миллионов человек); в Шотландии площадью 69 172 квадратных версты было 5859 полицейских (общая численность населения около 4,5 миллиона человек). Таким образом, в среднем в Оренбургской губернии один полицейский (по увеличенным штатам) приходился на 519 человек, в Англии и Уэльсе — на 642 человека, в Ирландии — на 422 человека, в Шотландии — на 768 человек, однако если на одного полицейского в Англии и Уэльсе приходилось 2,4 квадратной версты, в Ирландии — 6,2 квадратной версты, в Шотландии — 11,8 квадратной версты, то в Оренбургской губернии — порядка 180,5 квадратной версты⁹. Таким образом, если численность полиции на душу населения в России примерно соответствовала такому же показателю в Великобритании, то

территория, на которую приходился один полицейский в России, в частности в Оренбургской губернии, была как минимум в 15 раз больше. В результате такой диспропорции власть стала явно злоупотреблять применением казачьих частей в борьбе с революционным движением¹⁰.

Тем не менее слабость полиции и всего государственного аппарата, ориентированных на стабильное развитие страны, проявлялась постоянно. Так, 20 февраля 1906 г. на базарной площади города Верхнеуральска пьяный мешанин Залавин назвал пьяного же казака 15-го Оренбургского казачьего полка М. Курочкина словами «продажная шкура». Началась драка, в ходе которой Курочкин выхватил шашку и плашмя стал наносить своему обидчику удары. Толпа отняла шашку и избивала казака. От неминуемой расправы его спас лишь подоспевший жандармский унтер-офицер¹¹. Сам факт массовой драки свидетельствует о том, что полиция не могла обеспечить безопасность населения.

Для привлечения казачества в правительственный лагерь власти установили некоторые льготы. К примеру, 16 марта 1905 г. было издано Высочайшее повеление об освобождении казаков Оренбургского казачьего войска от ссылки. На наш взгляд, такая мера должна была бы проводиться крайне осмотрительно, с учетом тяжести совершенных приговоренными к ссылке казаками преступлений. Однако на деле никакой дифференциации не было, что только пополняло антиправительственный лагерь¹². 20 февраля 1906 г. император Николай II принял депутацию старообрядцев, в составе которой было два представителя от оренбургских казаков. Император тогда сказал оренбуржцам: «Передайте своим казакам, что Государь ими очень доволен. Если что им нужно, пусть просят. Все дадут»¹³.

Большую социальную напряженность в Оренбурге создавали рабочие главных железнодорожных мастерских, представлявшие собой благодатную почву для любой демагогической пропаганды. Рабочие постоянно выдвигали непомерные требования и организовывали забастовки. Уже весной 1905 г. рабочие мастерских добились девятичасового рабочего дня и увеличения заработка, но, видимо, сочли это недостаточным.

12 сентября 1905 г. в Оренбурге забастовало 200 деповских рабочих и 800 из мастерских. 16 октября в связи со всероссийской стачкой в Оренбурге прошла третья забастовка, в ходе которой рабочие мастерских собирали бастующих по другим предприятиям города. Очевидно, что малочисленные рабочие этих предприятий не имели возражений, видя перед собой агрессивно настроенную толпу в несколько сот железнодорожников. Для успокоения разбушевавшихся масс власти вызвали разъезд казаков, который при помощи нагаек быстро разогнал толпу. Тем не менее забастовки продолжались до 7 ноября. Беспорядки усилились после получения

известий об издании Манифеста 17 октября, положения которого были поняты населением как узаконенная вседозволенность¹⁴. Уровень политического сознания масс был чрезвычайно низким, одним из результатов этого явления стало массовое хулиганство на улицах Оренбурга.

Манифест вызвал различную реакцию в войске. Так, помощник одного из атаманов отделов, войсковой старшина К.Т. Кузнецов (в феврале 1918 г. убит большевиками) в декабре 1905 г. объезжал станицы своего отдела, сообщая казакам, что Манифест к ним, как к военным людям, не относится. Такие заявления представителя войсковой администрации вызвали недовольство казаков. Подъесаул А.И. Мякутин 26 октября 1905 г. писал начальнику Войскового штаба Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-майору Ф.Ф. фон Таубе: «Со дня манифеста от 17 сего Октября в России повеяло новою жизнью. Хотелось бы верить, что эта новая жизнь затронет и мою дорогую родину»¹⁵.

Не все положительно оценивали поведение во время массовых беспорядков осени 1905 г. либерально настроенного Наказного атамана Оренбургского казачьего войска Я.Ф. Барабаша, который, по некоторым данным, следуя по пути уступок революционерам, выделил для одной из демонстраций казачий оркестр, так что казаки были вынуждены ходить по Оренбургу с красными флагами, что они сами считали позорным¹⁶. Возможно, что Барабаш тогда просто растерялся, впервые столкнувшись с массовым движением.

Барабаш был, вероятно, напуган надвигавшейся анархией и писал в Казань, в штаб округа: «...на случай возникновения беспорядков в пунктах, где войска нет, благоуолите испросить Высочайшее разрешение мне мобилизовать из казаков третьей очереди столько сотен, сколько потребуют обстоятельства и когда того потребуют...»¹⁷

В соответствии с этой просьбой Наказного атамана 28 октября 1905 г. ему были Высочайше предоставлены чрезвычайные полномочия. Теперь генерал Барабаш мог, в зависимости от обстановки, мобилизовать до шести казачьих сотен третьей очереди, то есть на крайний случай Наказному атаману разрешалось самостоятельно поставить под ружье целый казачий полк при условии немедленного информирования об этом военного министра для доклада императору и для выдачи мобилизуемым казакам денежного пособия. Это были, видимо, максимальные полномочия, какие только могли быть предоставлены местной власти.

Решениями Наказного атамана, принимавшимися по мере ухудшения обстановки в войске, сотня за сотней мобилизовался 14-й Оренбургский казачий полк. К середине декабря 1905 г. были мобилизованы уже три сотни полка, а 5 января 1906 г. завершилась мобилизация всех шести сотен, которые затем были сведены в единую воинскую часть¹⁸.

ПРОЦЕСС ПОЭТАПНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ СОТЕН 14-ГО ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА¹⁹

Дата	Мобилизованное подразделение
30.11.1905	2-я сотня
10.12.1905	1-я сотня
12.12.1905	3-я сотня
24.12.1905	4-я сотня
05.01.1906	Штаб полка, 5-я и 6-я сотни

Для выхода на службу казакам выдавались сначала сторублевые, а позднее двухсотрублевые денежные пособия²⁰. 14-й полк нес службу как в самом Оренбурге, так и в тех районах, которые бывали отрезаны из-за половодья от «большой земли», охранял помещичьи усадьбы. Наказный атаман, кроме того, рассчитывал оставить при себе в Оренбурге на всякий случай сотню 13-го Оренбургского казачьего полка, соглашаясь отпустить казаков сотни из войска лишь в самом крайнем случае. Усиленно охранялись важнейшие учреждения города. Так, в Государственном банке, помимо охраны, весь персонал был вооружен револьверами²¹. С осени 1905 г. несли усиленную службу казаки Оренбургской, Верхнеуральской и Троицкой местных команд. Помимо этого в 1906 г. на территории войска и губернии несли службу две сотни 15-го (во 2-м военном отделе), сотня 16-го (на южно-уральских заводах) и две сотни 18-го (в 3-м военном отделе) Оренбургских казачьих полков, или почти целый (без одной сотни) казачий полк. Сама территория губернии и войска была огромной (71 300 квадратных верст или 7 400 000 десятин земли) и требовала значительного количества войск для того, чтобы держать ее под контролем.

Тем не менее до окончания массовых беспорядков было еще далеко. Требования забастовавших в России были практически не осуществимы. Как известно, рабочие добивались введения восьмичасового рабочего дня, а также выдвигали ряд политических требований. Любопытно, что после окончания забастовки в главных железнодорожных мастерских установились довольно странные порядки: рабочие стали работать столько, сколько им хотелось, — восемь часов в день — и уходить домой уже в 4 часа дня. 12 декабря 1905 г. началась очередная забастовка, заводилы которой (17 человек) были вскоре арестованы. Наиболее революционным в мастерских считался токарный цех, рабочие которого вообще перестали считаться с чем бы то

ни было. Вот лишь два наиболее ярких примера. Образ св. Николая, находившийся в цеху, был ими обезображен, в уста святого вставлена папироса. Когда однажды ночью в цех зашел жандарм Путинцев, токарь Субботинко бросил в него железный болт. В 1907 г. из-за забастовок мастерские были закрыты. Когда они открылись вновь, власти попытались организовать тщательный отсев неблагонадежных рабочих.

Революционное брожение охватило также резервные и запасные части, стоявшие в Оренбурге. Осенью 1905 г. бастовал не только Оренбург, стачка затронула многие уральские заводы, в том числе находившиеся в пределах Оренбургской губернии. В ноябре 1905 г. бастовал Тирлянский завод. 17 ноября прекратили работу почтово-телеграфные служащие. В Верхнеуральске — центре 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, где осенью 1905 г. было относительно спокойно, уездный исправник ежедневно просил на всякий случай прислать в свое распоряжение взвод в 30 казаков. 15 декабря была предпринята попытка вооруженного восстания в Оренбурге, которую войскам удалось быстро подавить. 1 мая 1906 г. в Оренбурге не работало почти ни одно предприятие. Все это свидетельствовало о крайней слабости местной власти.

27 апреля 1906 г. в торжественной обстановке император Николай II открыл Государственную думу. Кто же должен был защищать интересы оренбургского казачества в новом органе народного представительства? Представители либерального течения в войске рассматривали несколько возможных кандидатур: Д.Г. Серова, Н.Г. Лобова, Д.К. Андреева и даже уральца Н.А. Бородина. Подъесаул А.И. Мякутин писал уряднику станицы Магнитной Ф.Д. Ефимову в декабре 1905 г. о критериях выбора кандидатов в депутаты: «За чинами и орденами больно не гонитесь, нужно, чтобы человек был с головой, лучше всего образованный, любил бы казаков, умел бы говорить и имел бы твердый характер и честность. Нам, казакам, нужно, чтобы наш представитель был конституционно-демократической партии, т. е. чтобы он стоял за Царя, ограниченного Думой, и за народ. Республиканца, социал-демократа, монархиста (за самодержавного царя) не надо. А то если будет самодержавие, чиновничество опять нас оплетет и мы ни взад, ни вперед»²². Письмо подъесаула Мякутина ярко демонстрирует как понимание программы кадетской партии на местах, так и взгляды политически активных казачьих офицеров на политическую программу казачества.

Однако не все кандидаты идеально подходили для того, чтобы быть представителями войска. Так, Д.Г. Серов «умный человек, но он больно уж себя не забывает, да и перед начальством-то подмазую. Впрочем, он большой практик и в крайнем случае его послать можно»²³. Н.Г. Лобов — «всем хорош бы, но только больно уж скромный человек, тихоня, тяжкодум... Он

не сможет грудью постоять за войско, не посмеет при случае сказать резкое, твердое слово»²⁴.

Надежды либералов, однако, не оправдались. От оренбургского казачества было избрано три депутата (всего от Оренбургской губернии — семь депутатов): С.С. Выдрин, М.И. Свешников и Т.И. Седельников. Причем все они являлись представителями левого лагеря. Выборы проводились по всей губернии без разделения на списки казаков и неказачьих, есть основания полагать, что это был выбор не столько казачьего, сколько крестьянского населения. Неизвестно, как конкретно проходили выборы в Оренбургской губернии и были ли возможны в их ходе какие-либо злоупотребления²⁵, но депутатами были выбраны лица не только не защищавшие казачьи интересы, но и отчасти враждебные казачеству в том виде, в каком оно существовало к началу XX в. Возможно, казаки избирали своими депутатами наиболее известных людей. Кем же они были? К сожалению, сведения об этих представителях еще формировавшейся казачьей интеллигенции, за некоторым исключением, крайне отрывочны.

Степан Семенович Выдрин родился в 1848 г., являлся казаком по происхождению, старообрядцем по вере. Он, видимо, пользовался большим уважением казаков, так как свыше девяти лет состоял почетным станичным судьей, членом ревизионной комиссии по проверке общественных сумм и контролю деятельности выборного станичного управления. Выдрин, по оценке современников, — «безусловно, человек прогрессивного направления, интересующийся не только одной политикой»²⁶. В Думу он баллотировался как внепартийный кандидат, но считался левее партии народной свободы (кадетов)²⁷. Несмотря на это, в революционном движении да и в самой Думе он себя почти никак не проявил (выступал лишь один раз, подписал вместе с другими восемь заявлений)²⁸. Известны лишь его заявления против мобилизации казаков на борьбу с революционным движением²⁹. Впоследствии, уже в период Гражданской войны, Выдрин был членом Войскового правительства Оренбургского казачьего войска, активным участником борьбы с большевиками.

Атаман поселка Бобровского Михаил Иванович Свешников был по партийной принадлежности, но не по своим поступкам, пожалуй, наименее радикальным представителем войска в Думе, представляя кадетскую партию. Он окончил приходское училище и занимался сельским хозяйством. Как и депутат Выдрин, Свешников являлся почетным станичным судьей. Между прочим, в сентябре 1906 г. он был привлечен к дознанию за распространение антиправительственных лозунгов в поселке Каратабанском Челябинского уезда³⁰. Даже этот депутат позволял себе радикальные высказывания против участия казаков в подавлении беспорядков: «Мы скажем: казаки не могут взять на себя всю вину. Виновно полицейское и

ден был оправдываться за свое излишне горячее высказывание. По мнению депутата, были необходимы: установление управления войском на выборных началах; полная свобода казака; предоставление казакам возможности служить в любом пехотном полку; приобретение обмундирования и снаряжения казаков за государственный счет; сохранение казачьего звания и наделов, наделы малоземельным казакам; организация судов, школ, общественного устройства на общем для всех основании; неучастие казаков в подавлении беспорядков.

По мнению Седельникова, «для простых казаков от всего этого, кроме пользы и добра, ничего быть не может, а гг. начальствующим это, конечно, не понравится, потому что тогда не придется так командовать и озорничать безнаказанно, как это делают сейчас, когда казаки, мирные земледельцы и хозяева, оказываются в своей домашней жизни подчиненными военному министру, военной дисциплине»⁴². На мой взгляд, это не что иное, как популизм.

Иногда, впрочем, Седельников высказывал вполне дельные вещи. Например, иначе как провидческим нельзя назвать его высказывание о том, что если падет центральная власть, то, при отсутствии в народе зачатков культуры, при отсутствии правосознания и тысячелетней привычке быть избиваемыми, будет море крови и анархия по всей стране. Так и случилось в период Гражданской войны. Однако Седельников из этого тезиса делал в корне неверный вывод о необходимости уступок со стороны правительства⁴³. На деле же позиция властей была и так слишком мягкой, спустя каких-то 12 лет после рассматриваемых событий большевики продемонстрировали всему русскому обществу то, каких масштабов могут достичь репрессии.

Больше всего Седельникова почему-то беспокоила политика властей по отношению к инородцам, особенно казахам (киргиз-кайсакам). «Положение киргиз безвыходное, если не всех, то большей части», — заявлял он⁴⁴. Деятельность Седельникова вызвала протест в казачьей среде, была даже предпринята попытка сбора подписей за его исключение из казаков. Однако, вероятно, по причине политической несознательности или апатии большей части казачества эта акция не получила распространения. Из 52 станиц Оренбургского казачьего войска 9 выступили за Седельникова и 1 — против. Радикальная газета «Степь» тут же повела мощную агитацию в защиту Седельникова.

Показательна дальнейшая судьба «казачьего» депутата. После роспуска Думы он, вместе с другими бывшими депутатами, подписал так называемое «Выборгское воззвание», однако благоразумно скрылся от властей, избежав тем самым тюремного заключения. Позднее Седельников продолжил работать землемером, примыкал к меньшевикам, в Гражданскую

войну активно участвовал в расколе казачества, в декабре 1918 г. вступил в РКП(б), работал в казачьем отделе ВЦИКа и на других ответственных постах (скончался в 1930 г.). То, что этот человек не был исключен из казаков в 1905—1906 гг., было, несомненно, большим просчетом властей. Хотя, по некоторым данным, впоследствии он все же был осужден и исключен из рядов казачества⁴⁵.

В чем причины такого выбора казаков в Думу? Думается, что дело не только в революционных и оппозиционных настроениях, буквально витавших тогда в воздухе. Дело, вероятно, еще и в том, что подлинными представителями войска и защитниками его интересов — казачьи офицеры и чиновники — не имели права избираться в Думу, если они состояли на действительной службе.

Что касается работы казачьих депутатов в Первой Думе, то она фактически свелась к борьбе за демобилизацию казаков второй и третьей очереди, направленных на подавление революционных беспорядков⁴⁶.

Интересен наказ в Думу казаков станицы Карагайской (если он не является фальшивкой, подготовленной революционерами). В наказе сообщалось: «Тяжело нам жить под опекой чиновников, которые, может быть, и желают принести нам пользу, но все это выходит только на бумаге»⁴⁷. Далее казаки выдвигали некоторые наивные, иждивенческие требования: отменить административные наказания, назначаемые атаманами отдела и станиц; увеличить жалованье нижним чином и уменьшить офицерам; прекратить практику вмешательства начальства в поземельные отношения; ввести всеобщее голосование на сходах вместо десятидворного (и это в многотысячных станицах! — А. Г.); содержать церковные причты на войсковой, а не на общественный счет; выборы атаманов поселков и станиц производить всеобщим голосованием; отменить вмешательство в выборы атамана отдела; предоставить право местным лицам служить по канцелярской части в поселковых и станичных учреждениях; приобретение лошадей, оружия и обмундирования предоставить самим обществам, а не Войсковому хозяйственному правлению; отменить казенную продажу вина, передав ее в частные руки и предоставив обществу право взимать налог за виноторговлю; усовершенствовать суд; упразднить загородь «Чечень» на реке Урал (об этом ниже. — А. Г.); упразднить в целях экономии поселковые управления; обеспечить выдачу всем казакам полного земельного надела (30 десятин на душу); контроль общего войскового капитала поручить выборным представителям общества; отменить натуральную дорожную повинность; урегулировать подводную повинность.

Такова была, если верить этому документу, программа казаков. Похожие по своему духу требования выдвигались тогда и в крестьянских наказах⁴⁸.

ден был оправдываться за свое излишне горячее высказывание. По мнению депутата, были необходимы: установление управления войском на выборных началах; полная свобода казака; предоставление казакам возможности служить в любом пехотном полку; приобретение обмундирования и снаряжения казаков за государственный счет; сохранение казачьего звания и наделов, наделы малоземельным казакам; организация судов, школ, общественного устройства на общем для всех основании; неучастие казаков в подавлении беспорядков.

По мнению Седельникова, «для простых казаков от всего этого, кроме пользы и добра, ничего быть не может, а гг. начальствующим это, конечно, не понравится, потому что тогда не придется так командовать и озорничать безнаказанно, как это делают сейчас, когда казаки, мирные земледельцы и хозяева, оказываются в своей домашней жизни подчиненными военному министру, военной дисциплине»⁴². На мой взгляд, это не что иное, как популизм.

Иногда, впрочем, Седельников высказывал вполне дельные вещи. Например, иначе как провидческим нельзя назвать его высказывание о том, что если падет центральная власть, то, при отсутствии в народе зачатков культуры, при отсутствии правосознания и тысячелетней привычке быть избиваемыми, будет море крови и анархия по всей стране. Так и случилось в период Гражданской войны. Однако Седельников из этого тезиса делал в корне неверный вывод о необходимости уступок со стороны правительства⁴³. На деле же позиция властей была и так слишком мягкой, спустя каких-то 12 лет после рассматриваемых событий большевики продемонстрировали всему русскому обществу то, каких масштабов могут достичь репрессии.

Больше всего Седельникова почему-то беспокоила политика властей по отношению к инородцам, особенно казакам (киргиз-кайсакам). «Положение киргиз безвыходное, если не всех, то большей части», — заявлял он⁴⁴. Деятельность Седельникова вызвала протест в казачьей среде, была даже предпринята попытка сбора подписей за его исключение из казаков. Однако, вероятно, по причине политической несознательности или апатии большей части казачества эта акция не получила распространения. Из 52 станиц Оренбургского казачьего войска 9 выступили за Седельникова и 1 — против. Радикальная газета «Степь» тут же повела мощную агитацию в защиту Седельникова.

Показательна дальнейшая судьба «казачьего» депутата. После роспуска Думы он, вместе с другими бывшими депутатами, подписал так называемое «Выборгское воззвание», однако благоразумно скрылся от властей, избежав тем самым тюремного заключения. Позднее Седельников продолжил работать землемером, примыкал к меньшевикам, в Гражданскую

войну активно участвовал в расколе казачества, в декабре 1918 г. вступил в РКП(б), работал в казачьем отделе ВЦИКа и на других ответственных постах (скончался в 1930 г.). То, что этот человек не был исключен из казаков в 1905—1906 гг., было, несомненно, большим просчетом властей. Хотя, по некоторым данным, впоследствии он все же был осужден и исключен из рядов казачества⁴⁵.

В чем причины такого выбора казаков в Думу? Думается, что дело не только в революционных и оппозиционных настроениях, буквально витавших тогда в воздухе. Дело, вероятно, еще и в том, что подлинными представителями войска и защитниками его интересов — казачьи офицеры и чиновники — не имели права избираться в Думу, если они состояли на действительной службе.

Что касается работы казачьих депутатов в Первой Думе, то она фактически свелась к борьбе за демобилизацию казаков второй и третьей очереди, направленных на подавление революционных беспорядков⁴⁶.

Интересен наказ в Думу казаков станицы Карагайской (если он не является фальшивкой, подготовленной революционерами). В наказе сообщалось: «Тяжело нам жить под опекой чиновников, которые, может быть, и желают принести нам пользу, но все это выходит только на бумаге»⁴⁷. Далее казаки выдвигали некоторые наивные, иждивенческие требования: отменить административные наказания, назначаемые атаманами отдела и станиц; увеличить жалованье нижним чином и уменьшить офицерам; прекратить практику вмешательства начальства в поземельные отношения; ввести всеобщее голосование на сходах вместо десятидворного (и это в многотысячных станицах! — А. Г.); содержать церковные причты на войсковой, а не на общественный счет; выборы атаманов поселков и станиц производить всеобщим голосованием; отменить вмешательство в выборы атамана отдела; предоставить право местным лицам служить по канцелярской части в поселковых и станичных учреждениях; приобретение лошадей, оружия и обмундирования предоставить самим обществам, а не Войсковому хозяйственному правлению; отменить казенную продажу вина, передав ее в частные руки и предоставив обществу право взимать налог за виноторговлю; усовершенствовать суд; упразднить загородь «Чечень» на реке Урал (об этом ниже. — А. Г.); упразднить в целях экономии поселковые управления; обеспечить выдачу всем казакам полного земельного надела (30 десятин на душу); контроль общего войскового капитала поручить выборным представителям общества; отменить натуральную дорожную повинность; урегулировать подводную повинность.

Такова была, если верить этому документу, программа казаков. Похожее по своему духу требования выдвигались тогда и в крестьянских наказах⁴⁸.

Однако вернемся к событиям в войске, где в апреле 1906 г. стала выходить уже упоминавшаяся легальная социал-демократическая газета «Степь», распространявшаяся по всей губернии и войску, а также за их пределами. Эта, по сути своей, антиправительственная газета была организована группой студентов, печатавшихся под различными псевдонимами. Среди ее «достоинств» были так называемые «ударные» номера, целенаправленно бичевавшие любые действия властей в отношении церкви, школы или казачества. Редактором газеты являлся самарский большевик Матов, кроме того, в газете сотрудничали трудовик Т.И. Седельников и уже упоминавшийся Я.Д. Драбкин.

В качестве примера приведем стихотворение некоего «Матроса» под характерным названием «Потонувшая рать», посвященное военным неудачам России на Дальнем Востоке и напечатанное в одном из номеров газеты:

У дальней восточной границы,
У берега чуждой земли,
Чугунные дремлют гробницы,
В пучине лежат корабли.

—
У каждого мертвого судна,
В рассыпанном вольном строю,
Лежат моряки непробудно,
Погибли в бесславном бою.

—
И в ужасе сердце застыло,
И гневом сверкнули глаза:
Родная страна их — могила!
Повсюду — безумья гроза!
Врагами любви и свободы
Пропитана кровью земля,
И трупы страдальца народа
Покрыли родные поля⁴⁹.

На наш взгляд, это совсем не безобидное стихотворение, просто оплакивающее павших в Русско-японской войне. Здесь есть и осуждение самой войны, ее результатов, определенное переименование костей проигравшей армии, есть и выпад в адрес властей, являющихся «врагами любви и свободы», а также и завуалированный призыв к борьбе. И конечно, налицо доходящая до истерии крайняя драматизация событий — отличительная черта русской революционной пропаганды.

Про казаков газета писала в еще более резкой форме: «Заведывающий [Войсковым музыкантским] хором очень старательно вводит в хоре дисциплинарные порядки времен Николая I-го, хотя на самом деле есть сторонники порядков Иоанна Грозного»⁵⁰. Или еще одна цитата: «Все надежды казаков 6-й сотни 14 полка на удовлетворение их неоднократных жалоб

Начальству на жестокое обращение есаула [И.М.] Тарасова рухнули. Теперь казаки собираются от лица всей сотни служить молебен Николаю угоднику, надеясь, что хоть через угодника избавятся⁵¹ от ненавистного есаула⁵².

Довольно показательно, что газета, в которой представителей исполнительной власти называли не иначе как бюрократами и сатрапами⁵³, тесно сотрудничала с депутатом Государственной думы от Оренбургской губернии Т.И. Седелниковым. Именно «Степь» стала своеобразным ориентиром или центром притяжения для оренбургских революционеров. Более того, в номера газеты, рассылавшиеся по почте, вкладывались антиправительственные прокламации, видимо, еще более радикальные, чем сама газета, раз им не находилось места на ее полосах⁵⁴. Только в период с 18 мая по 18 июня 1906 г., по подсчетам Л.И. Футорянского, «Степь» опубликовала 12 материалов о тяжелом положении казачества, брожении в его среде и пробуждении казаков⁵⁵. Для исследователей казачества «Степь», безусловно, — интереснейший источник, позволяющий выявить все самые негативные стороны жизни казачества, без опасности что-либо упустить.

Власти часто прибегали к конфискации номеров «Степи», но при помощи типографских рабочих часть тиража социалисты все же успевали сохранить. На мой взгляд, такая недальновидная и мягкая политика только подзадоривала революционеров. Только в октябре 1906 г. «Степь» была закрыта, но позднее (1907—1909 гг.) вновь стала издаваться уже не в Оренбурге, а в Троицке, то есть также на территории Оренбургского казачьего войска.

Как уже говорилось, кульминацией событий 1905—1908 гг. в Оренбурге стал «расстрел» у Беловской тюрьмы 22 мая 1906 г. Этот инцидент, являвшийся не чем иным, как провокацией левых экстремистов, был в полной мере использован ими в целях радикальной антиправительственной пропаганды. На примере «Оренбургской гапоновщины» любопытно рассмотреть и проанализировать не только механизм политической провокации, но и схему нагнетания экстремистами массовой истерии. Этот эпизод интересен для нас еще и тем, что в нем сыграли роль и оренбургские казаки.

События 22 мая разворачивались следующим образом⁵⁶. В этот день в Оренбурге экстремисты организовали тайный митинг на одной из окраин города. Затем революционно настроенная толпа с пением соответствовавших моменту песен двинулась в город. Всего в процессии участвовало 50 человек во главе с Бялоблочким и супругой политзаключенного Ососкова. По пути толпа нарастала. Маршрут процессии пролегал к Беловской тюрьме, где находились под стражей некоторые политзаключенные, которые с 17 мая объявили голодовку.

С пением Марсельезы толпа остановилась перед тюрьмой. В это время заключенные стали бить стекла и выбрасывать из окон красные флаги. Тог-

да из тюремных ворот вышел караул казаков 14-го Оренбургского казачьего полка и попросил митингующих разойтись. На это казаки получили «адекватный» ответ: с криком «бей казаков» из толпы было произведено два револьверных выстрела, одним из которых был ранен урядник Пастухов в большой палец левой ноги.

В ответ на эту провокацию караул произвел два залпа шестью выстрелами, после чего толпа рассеялась, оставив одного убитого и одного раненого, который позднее скончался. Через несколько минут толпа вновь стала собираться на площади. В это время туда прибыл взвод казаков, предложивший толпе мирно разойтись, в ответ из толпы посыпался град камней. Тогда казаки с помощью шашек и нагаек разогнали толпу. В ходе столкновения два мешанина были легко ранены шашками, один человек пострадал в драке с неизвестным.

Кто же оказался в числе жертв «расстрела»? Ответ настолько парадоксален, что полностью подтверждает гипотезу о том, что караул стрелял поверх голов. Жертвы были совершенно случайные: приезжий слесарь М.Н. Золотухин (19 лет) и мешанин И.Т. Скаков (45 лет). Последний из погибших оказался вообще прохожим, в митинге не участвовал, а спокойно шел с женой по улице и нес самовар, который в двух местах оказался пробит пулями. Для провокаторов, стремившихся на народной крови заработать себе политический капитал, случайность этих жертв не имела никакого значения. Был повод для раздувания социальных противоречий, и он был использован.

Сразу началось намеренное искажение произошедших событий, нашедшее свое отражение в мемуарах более позднего времени. Согласно революционной версии (впрочем, довольно нескладной) демонстрация подошла к тюрьме и вдруг полицеймейстер Волженцев закричал: «Бей их, руби, стреляй!» Раздались два выстрела, затем казаки стали рубить демонстрантов шашками, шлепали пули⁵⁷. Непонятно, как при этом в толпе могло погибнуть только два человека. Газета «Оренбургский край» также привела довольно противоречивую версию: «Два казака из числа окруживших тюрьму, позвякивая затворами ружей, стали стрелять в ошеломленную толпу, многие из которой в суматохе напоролись на колючую изгородь. Несмотря на крик одного офицера: «Что вы делаете? Зачем стреляете?» — казаки продолжали рубить (! — А. Г.) публику, снова слышались выстрелы...»⁵⁸

Депутату Государственной думы от Оренбургской губернии Т.И. Седельникову была вскоре направлена телеграмма следующего содержания: «Сейчас в 8 часов вечера безоружная толпа, мирно шедшая к тюрьме просить политических заключенных прекратить голодовку, была расстреляна казаками. Двое убитых и несколько раненых. Подробности завтра. Протестуйте»⁵⁹. Можно предположить, что провокация у тюрьмы была специ-

ально организована в период работы Первой Государственной думы, чтобы событие получило возможно большую огласку.

Объектом героизации революционерами был избран слесарь Золотухин, поскольку мещанин Скаков, не будучи пролетарием, на роль народного героя не вполне годился и даже не участвовал в акции 22 мая. Анонимные авторы из газеты «Степь» намеренно раздували по сути своей незначительный эпизод⁶⁰. В настоящую демонстрацию протеста переросли похороны Золотухина 26 мая, в которых участвовало около 6 тысяч человек⁶¹. Как водится, в этот день рабочие Оренбурга прекратили работу. Среди венков был один с провокационным посвящением: «От группы сознательных убитых горем казаков. Жертве казачьей темноты»⁶².

«Степь» и после похорон постоянно напоминала о произошедших событиях. В более поздних номерах о них появлялась самая разнообразная информация. Так, в № 19 подробно перечислялись все венки на могилу Золотухина, а затем газетчики обрушились с беспощадной травлей на тех казачьих офицеров и даже нижних чинов, которые были, с их точки зрения, повинны в произошедшем возле тюрьмы. Казаков называли головорезами и душегубами.

В номере от 30 мая «Степь» бичевала вахмистра 14-го Оренбургского казачьего полка Константинова и командира того же полка М.А. Юдина⁶³. Корреспондент «Степи» даже взял интервью у выгнанного денщика Юдина⁶⁴. Доставалось и другим офицерам. Так, по мнению неизвестного автора, «во время похорон (Золотухина. — А. Г.) командир 6 сотни есаул [И.М.] Тарасов приготовил 6 верховых казаков с винтовками на тот случай, как бы покойный не встал из гроба и не крикнул казакам заслуженного оскорбления»⁶⁵. На мой взгляд, действия есаула Тарасова были абсолютно правомерны, ведь похороны, превратившиеся в массовую политическую манифестацию, являлись для провинциального Оренбурга едва ли не центральным событием того дня. Что же касается газетного сообщения, то, несмотря на всю его абсурдность и не слишком утонченный юмор, оно, очевидно, одобрительно воспринималось в определенных, радикально настроенных кругах.

Подлинными заложниками ситуации были казаки, которые, конечно, совершенно не разбирались в тонкостях политической борьбы и лишь добросовестно выполняли свой долг, за что подвергались всевозможным унижениям и оскорблениям. Некто Маньчжурец писал: «вернулись мы с войны в наш мирный Оренбург, и встретили здесь славное казачество, с которым мы когда-то так братски и тяжело перенесли войну с Японией, и вдруг вместо казаков мы увидели хунгузов в казачьей форме... 22 мая нам снова пришлось увидеть диких хунгузов, увидеть народную бойню...»⁶⁶

«Степь» держала курс на раскол казачества, причем в ход шли любые аргументы. Экстремисты всячески старались вызвать недовольство казаков

войсковым начальством⁶⁷, стравить мобилизованных казаков с теми, кто остался в станицах⁶⁸, поссорить уральцев и оренбуржцев⁶⁹, расколоть православных казаков и казаков-мусульман⁷⁰ и т. п.

Бичуя казаков, революционеры в то же время не оставляли попыток склонить их на свою сторону. 27 июля 1905 г. в 5-й сотне 7-го Оренбургского казачьего полка были обнаружены прокламации, которые казаки решили передать командиру сотни⁷¹.

Попытки воздействия на казаков имели место и в 1-й сотне 14-го Оренбургского казачьего полка, охранявшей главные железнодорожные мастерские⁷². Например, сторож токарного цеха Королев говорил казакам, что у них скоро отнимут землю, что им плохо живется и т. д.⁷³

Этой сотне полка выпала, пожалуй, самая неблагоприятная задача — в своих родных местах охранять один из центров революционного движения в Оренбурге. А ведь казакам после выполнения своей задачи предстояло жить здесь вместе с семьями и, вероятно, встречаться с теми, кого они усмиряли! И в такой ситуации еще неизвестно, на чьей стороне будет сила. Почти наверняка казаки учитывали этот факт, участвуя в подавлениях. Все эти соображения в очередной раз подтверждают известную истину о крайней неэффективности применения воинских частей по местам их формирования.

Новый Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-майор Ф.Ф. фон Таубе писал 24 мая 1906 г.: «Чины 14 полка сначала отдельными сотнями, а потом и в составе всего полка, со времени формирования несут весьма трудную службу по предупреждению и прекращению беспорядков в г. Оренбурге, будучи всегда готовы явиться по первому требованию гражданских властей; на полк же возложена и охрана мест заключения, железнодорожных сооружений (мастерских, мостов и др.), Казначейства, Государственного Банка, Почтово-Телеграфной Конторы; кроме того, на полк же, по увольнении в запас нижних чинов 310 пехотного Стерлитамакского полка, возложено несение караульной службы с 23 Января сего года по настоящее время... служба в месте постоянного командирования, гораздо труднее, нежели в уездах...»⁷⁴

Власти повели себя крайне неосторожно, задержав на восемь (!) месяцев выплату казакам суточных, столь важных для обеспечения безопасности войсковой столицы 14-го Оренбургского казачьего полка. В результате накопилась значительная сумма в 37 282 рубля 50 копеек, которую надо было выплачивать, чтобы успокоить растущее недовольство казаков⁷⁵. Кончилось тем, что 14-й Оренбургский казачий полк поставил начальству ультиматум — до 18 июня выдать суточные, иначе казаки разьедутся по домам. Когда на усмирение были вызваны солдаты, казаки с ними договорились не стрелять друг в друга. 16 июня казаки полка предъявили лично

посетившему полк Наказному атаману Генерального штаба генерал-майору барону Ф.Ф. фон Таубе целый ряд вопросов⁷⁶:

Для чего они собраны: для сохранения порядка или для охраны интересов помещиков и капиталистов?

Оправдывает ли служба затрачиваемый расход?

Определен ли срок службы?

Будут ли семьи казаков обеспечены всем необходимым от казны, а не от обществ?

Каковы гарантии семье в случае гибели казака и в чем заключается пособие?

Почему не улучшен казарменный быт и не выданы постельные принадлежности?

Будут ли казаки выведены из подчинения полиции, злоупотребляющей их использованием?

Будет ли установлен надзор за качеством пищи и фуража?

Почему несвоевременно выплачиваются банные деньги и делаются из них вычеты?

Облегчится ли служебное положение казаков в связи с ежедневной службой?

Когда будут выданы обмундировочные деньги, деньгами или формой (казакам было желательно деньгами. — А. Г.)?

Почему запасные казаки не заменяются на службе льготными казаками второй очереди?

Будет ли прекращена отдача под суд и аресты казаков за маловажные проступки?

Будут ли выданы деньги за лошадей, как было объявлено атаманом 1-го военного отдела при формировании сотен?

Для чего 5-я сотня полка командирована в село Спасское и когда будет возвращена?

Большинство вопросов связано с благосостоянием казаков. Не без внешнего влияния в список были включены и политические вопросы. Процесс политизации казачьей массы набирал обороты. Возможно, на казаков повлияли размещенные по соседству солдаты 242-го Белебеевского резервного батальона, прибывшего в Оренбург с Дальнего Востока в состоянии брожения. Между прочим, в составе батальона было несколько матросов бунтовавших экипажей. Экономическое недовольство казаков революционеры попытались хотя бы в какой-то мере направить в политическое русло.

Интересно, что в собраниях революционеров, по несколько преувеличенному свидетельству одного из их участников Д. Нарановича, «в полном составе бывала казачья артиллерия, два командира-офицера которой (в

тексте — которые. — А. I.) были «сочувствующие» нашей организации»⁷⁷. Судя по воспоминаниям, в конце июля 1906 г. один из этих офицеров, имевший немецкую фамилию, был арестован и застрелен при попытке к бегству по дороге в Казань, а другой офицер уехал за границу⁷⁸.

По всей видимости, первым из них являлся сын бывшего начальника Войскового штаба Оренбургского казачьего войска подьесаул Владимир Павлович Бирк⁷⁹, командовавший кадром 4-й Оренбургской казачьей батареи. 13 июля 1906 г. Бирк пришел в казармы кадра батареи и стал агитировать казаков не стрелять в толпу, если они будут посланы на усмирении. Казаки отвечали, что не могут не исполнить приказ. На это Бирк посоветовал им «забыть» какую-либо деталь орудия. За подобные действия офицер был лишен наград (орденов Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени с мечами и бантом и медали в память царствования Александра III), исключен с военной службы и сослан на поселение в Нерчинск⁸⁰. Таким образом, версия революционеров о том, что Бирк был убит, документально не подтверждается. Более того, на самом деле эпопея Бирка на этом не закончилась — он бежал в Японию и вернулся в Оренбург в 1917 г., жил в городе и в 1920-х годах. Что касается второго офицера, то сведения о нем из других источников, кроме процитированных воспоминаний Д. Нарановича, нам неизвестны.

По революционной стезе пошел еще один казачий офицер — сотник Н.В. Стрелковский. Дворянин, сын войскового старшины, одноклассник А.И. Дутова по кадетскому корпусу и кавалерийскому училищу, он в 1902—1904 гг., находясь на льготе, являлся вольнослушателем Петербургского университета, где, очевидно, попал под влияние революционной пропаганды. В составе 10-го Оренбургского казачьего полка он участвовал в Русско-японской войне, но в декабре 1906 г. за выдачу оружия (более 100 винтовок) рабочим т. н. «Петровской республики» на Забайкальской железной дороге в бытность начальником продовольственного пункта станции Петровский Завод был судим в Чите и лишен чинов и наград. Супруга Стрелковского еще в 1902 г. обвинялась в распространении нелегальной литературы. Как выяснило следствие, супруги сотрудничали с эсерами и социал-демократами⁸¹. С 1907 г. Стрелковский издавал газету «Наш путь», а позднее газету «Наш край». С 1917 г. являлся членом Оренбургского Совдепа. Впрочем, революционные заслуги ему не помогли, так как Стрелковский был убит рабочими после неудачного налета казаков на Оренбург в апреле 1918 г.

По данным А.И. Футорянского, прикомандированный к Михайловской артиллерийской академии сотник М.Е. Евдюков 2 ноября 1905 г. присутствовал на конспиративном собрании членов Совета рабочих депутатов в Санкт-Петербурге⁸².

По некоторым данным, уже в 1906 г.⁸³ в партию социалистов-революционеров вступил оренбургский казачий офицер Ф.Е. Махин, впоследствии видный деятель антибольшевистского движения.

Кроме того, за распространение прокламации «Товарищи солдаты и казаки», подготовленной оренбургской группой РСДРП, по приговору Казанского военно-окружного суда был лишен звания, заключен на два месяца в тюрьму и переведен в разряд штрафованных старший урядник 3-й сотни 14-го Оренбургского казачьего полка, казак станицы Ильинской 1-го военного отдела Степан Илларионович Тимофеев⁸⁴. По данным на 1907 г., он находился под надзором.

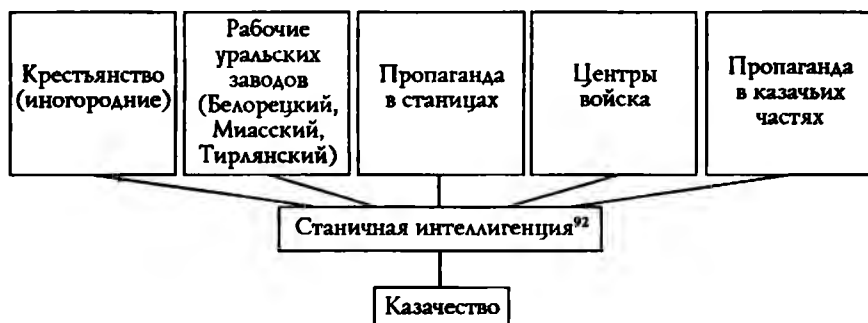
Других случаев участия оренбургских казаков в революционном движении не известно. По крайней мере, полицейские сводки и документация казачьих частей того времени умалчивают об этом, что означает отсутствие таких фактов. «Бунта казаков... нетерпеливо и злорадно ожидают революционеры», — сообщалось в одной из сводок за 1906 г.⁸⁵ Однако эти надежды не оправдались. Оренбургское казачье войско в период первой русской революции зарекомендовало себя вполне надежным и эффективным инструментом государственной власти. Как писал видный деятель революционного подполья того времени А.Д. Троцкий (Бронштейн): «...гвардейские и казачьи полки были еще крепки. Все элементы победоносной революции были налицо, но эти элементы еще не созрели»⁸⁶. Судя по всему, не чем иным, как провокацией революционеров была и некая «Группа казаков-оренбуржцев», от имени которой печатались листовки, ориентированные на казачество⁸⁷. По предположению современного оренбургского исследователя Д.А. Сафонова, листовки от имени казаков писал сам Д. Наранович, а казачьи офицеры, вероятно, их корректировали⁸⁸. Этот вывод можно сделать и при анализе текстов самих листовок. Например, в листовке «К казакам Оренбургского войска», подписанной указанной «группой», есть такая фраза: «Когда прольется кровь и на вас будут указывать пальцем, как на убийц, тогда будет поздно»⁸⁹. На наш взгляд, автор фразы не отождествлял себя с казаками, в противном случае было бы написано: «...на НАС будут указывать пальцем».

Революционные идеи имели несколько путей проникновения в казачью среду. Прежде всего, они проникали в города, расположенные по железнодорожным магистралям. Таких городов на территории войска было два — Оренбург и Челябинск. Возможно, пропаганда так или иначе затрагивала и районы, прилегающие к железным дорогам, особенно в связи с демобилизацией армии после Русско-японской войны, проходившей в конце 1905 — первой половине 1906 г. В наибольшей степени были подвержены разложению запасные солдаты. Далее следует выделить менее значимые центры (Верхнеуральск, Илецкая Защита, Орск, Троицк). Революционные воззва-

ния, а изредка и идеи привозили казаки, направленные на подавления (этот сюжет будет подробно рассмотрен далее). Затем революционеры проникали в рабочую среду уральских заводов (Белорецкого, Миасского, Тирлянского), откуда привнесенные ими новомодные воззрения могли достигать казачьих станиц, получая распространение, в первую очередь, в среде станичной интеллигенции (сельских учителей, писарей, фельдшеров, агрономов и даже священников), а после уже попадали в казачью массу⁹⁰. Это, кстати, подтверждается нахождением революционных воззваний у казаков, живших в районе золотых приисков с высокой концентрацией рабочих, а также в других, соседних с промышленными, районах⁹¹.

Схема 2

ПРИМЕРНАЯ СХЕМА ОСНОВНЫХ ПУТЕЙ ПРОНИКНОВЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ В КАЗАЧЬЮ СРЕДУ

Войско не было единым в вопросе об отношении к революции и роли в ней казачества. Можно выделить по крайней мере несколько групп в казачьей среде, по-разному воспринимавших происходившие события. Это элита войска (войсковая, окружная, станичная и поселковая администрация, офицерский корпус), казаки-представители в Государственной думе, станичная интеллигенция (учителя, фельдшеры, агрономы и т. д.), являвшаяся одним из основных поставщиков казачьих депутатов Думы, и, наконец, собственно масса рядового казачества как в самом войске, так и за его пределами — в полках, батареях и сотнях, дислоцированных на территории Варшавского, Киевского, Казанского и Туркестанского военных округов, а в период Русско-японской войны и в Маньчжурии.

Войсковая администрация была настроена, как правило, консервативно и рассматривала казачество как монолитную корпорацию, что в действительности было совсем не так⁹³. В целом войсковая элита в период революции была настроена монархически или либерально, казаки-представители

в Первой Государственной думе, равно как и породившая большую часть из них станичная интеллигенция, являлись проводниками, прежде всего, социалистических, а также либеральных идей. Именно они проповедовали возрождение казачьих вольностей и самоуправления. Они же являлись противниками правительства и императора. В период первой русской революции в казачьей среде зародились те политические течения, которые окончательно оформились и активно участвовали в политической борьбе уже в 1917 г. Взгляды наиболее авторитетных представителей войскового сословия, разумеется, передавались, правда, часто в довольно искаженном виде и рядовому казачеству. Тем не менее последнее, не воспринявшее радикальных революционных идей, в период первой русской революции в основной своей массе осталось преданным императору и ограничилось лишь выражением недовольства деятельностью старой бюрократической администрации как в самом войске, так и в стране в целом.

Станичная интеллигенция (скорее, полуинтеллигенция) выделилась в особую социальную группу в Оренбургском казачьем войске. Впервые эта группа лиц заявила о себе и о своих претензиях на лидерство в казачьей массе (казачье представительство в Первой Государственной думе) в годы первой русской революции, второй раз это произошло в 1917 г. Этот будирующий элемент включал лиц интеллектуального труда, не отошедших в полной мере от образа жизни простых казаков, по долгу службы постоянно соприкасавшихся с ними и оказывавших, в силу своего положения, авторитета, личных качеств влияние на станичную и поселковую атмосферу. Представители этой группы лиц могли не принадлежать к казачьему сословию, но именно они претендовали на неформальное лидерство в станицах. Как правило, это были лица, настроенные антиправительственно. Речь идет о сельской интеллигенции, поскольку, во-первых, большинство казаков жило вне городов, а во-вторых, в замкнутой станичной атмосфере влияние этой группы на сознание казаков было особенно сильным.

Известны случаи и непосредственного подстрекательства революционерами казаков к выступлению. Так, партия социалистов-революционеров направила в войско группу агитаторов с большими денежными средствами⁵⁴. В период 1905—1907 гг. социал-демократы Оренбурга выпустили не менее десяти листовок, адресованных казакам⁵⁵. По данным Д.А. Сафонова, таких листовок было выпущено одиннадцать: пять оренбургскими социал-демократами и шесть социалистами-революционерами⁵⁶.

Революционеры указывали казакам, что офицерам и чиновникам войска принадлежала половина всех казачьих земель, что начальство растаскивало войсковые деньги, а офицеры избивали казаков⁵⁷.

Жители поселка Григорьевского станицы Богуславской 3—4 февраля 1906 г., видимо под воздействием пропаганды, даже решили разгромить

дом поселкового атамана и лавки⁹⁸. Революционерами в войске распространялись воззвания, намеренно искажавшие истинное положение дел, для того чтобы сравнить казаков с войсковым начальством⁹⁹. К социалистической пропаганде было сильно восприимчиво и крестьянство. Соответственно, что-то доходило и до традиционно консервативного казачества, которое, несмотря на некоторую обособленность, все же не было изолированным организмом, а существовало во взаимодействии с другими социальными группами.

Что же на самом деле происходило в этот период в казачьей среде? Распространенным проступком, в котором были неоднократно замечены казаки, можно назвать пьяную матерную брань в адрес церкви, императора, государственных деятелей¹⁰⁰. В этих ситуациях сами же казаки часто проявляли высокую степень сознательности и доносили об оскорблениях по инстанции. Документы полиции свидетельствуют, что в крайне редких случаях какие-либо антиправительственные высказывания исходили собственно от казаков, гораздо чаще они рождались у иногородних, но в присутствии представителей войскового сословия. Кстати, отмечались отдельные случаи вступления казаков в политические партии антиправительственной направленности. Например, у одного из казаков, проживавших в Орске, были обнаружены нелегальные материалы, а позже выяснилось, что он состоит в партии социалистов-революционеров (эсеров)¹⁰¹.

Волнения продолжались. Не все было спокойно и вне пределов Оренбурга. В Челябинске местная группа РСДРП летом 1906 г. распространяла листовки с текстом «Выборгского воззвания». Здесь же был обнаружен изготовитель ручных бомб, а также материалы для организации подпольного типографского дела. В Троицком уезде на линии Самаро-Златоустовской железной дороги летом 1906 г. был похищен динамит, предназначенный для железнодорожного строительства. Под Уфой неизвестные ограбили поезд, похитив около 240 тысяч рублей. В Миассе осенью 1906 г. было похищено 8 тысяч рублей и векселей на 75 тысяч. Размах и частота этих событий могли напугать власть, однако нигде антиправительственное движение не приняло сколько-нибудь серьезный характер.

Яркой иллюстрацией к часто непомерным требованиям революционных рабочих была ситуация в Илецкой Защите, где в мае — начале июня 1906 г. произошли волнения на шахте илецкого соляного промысла и мельнице Нехорошева. 1 мая рабочие попросили управляющего промыслом Давидовича повысить заработную плату с 60 до 80 копеек за день (плата до 60 копеек была повышена незадолго до этого зимой 1905 г.)¹⁰². Он сказал, что может прибавить лишь 10 копеек, а для прибавки 20 необходимо согласие хозяев в Оренбурге. Ежедневно на промысле работало 200 рабочих, и прибавка 20 копеек в день увеличивала ежедневные расходы хозяев на ошу-

тимую сумму в 40 рублей или на 1000 рублей в месяц, исходя из 25 рабочих дней.

Тем не менее предприниматели нашли возможным увеличить зарплату на требуемую сумму. В результате май на соляном промысле прошел спокойно. Однако 5 июня поденные рабочие потребовали новой прибавки — теперь до 1 рубля в день, при том что платы выше 80 копеек нигде не существовало.

Для реализации своих требований поденщики стали мешать работе срочных рабочих и даже не позволяли им работать, угрожая побить их камнями. Управляющий Давидович в такой ситуации приказал срочникам разойтись. Тогда большая группа рабочих (около 40 человек, очевидно, поденщиков) направилась в контору и потребовала ее закрыть. Бухгалтер отказался, но рабочие стали угрожать, и тому пришлось подчиниться, при этом были изгнаны и покупатели. Хозяева согласились на такое повышение платы при условии, что рабочие больше не будут требовать прибавки. Прибавка денег повлекла за собой пьянство и беспорядки, для подавления которых были вызваны казаки. Поденщики и далее выдвигали бы все новые требования, а беспорядки лишь усиливались, так что силовое решение было, наверное, единственным выходом из той ситуации.

Аграрные беспорядки имели место в Спасской волости Оренбургского уезда. Здесь началось вооруженное выступление крестьян во главе с братьями С.Я. и Д.Я. Блиничкиными. Тем не менее эти беспорядки властям удалось подавить относительно быстро при помощи все тех же казаков. Отношения казаков с иногородними никогда не были особенно дружественными, а в ситуации политической нестабильности обострились еще больше. Имели место отдельные случаи угроз и призывов со стороны крестьян или неопределенных подстрекателей перебить все казачество или идти бить казаков¹⁰³. Угрозы эти имели под собой некоторую почву в виде вековых земельных споров, да и банальной зависти «мужиков» к казакам.

Гипотетически гражданская война в войске могла начаться уже тогда, так как отдельные представители казачества всерьез восприняли эти и другие вызовы. Подъесаул Мякутин будоражил казаков идеей объединения «снизу». Это, конечно, в то время было изменой присяге, но, судя по всему, к его голосу казаки прислушивались. Мякутин предложил создать союз всех казачьих станиц, с которым бы считалась власть и который мог бы защищать интересы казачества, отвечая на вызовы того времени. В своем письме уряднику Ф.Д. Ефимову в станицу Магнитную от 11 декабря 1905 г. молодой офицер писал: «Объединяться нам еще нужно вот еще почему (так в тексте. — А. Г.):

Время у нас сейчас смутное, и мы не можем поручиться, что не восстанет весь Туркестанский край, а за ним и киргизы¹⁰⁴; того и глядя начнутся

опять нападения на наши линии. Смотрите, глядите в оба, не прозевайте: киргизы давно недовольны русскими, особенно за отмежевание земель. Затем, нами, казаками очень недовольны здесь, в России, за то, что мы защищаем Царя и порядок; поэтому в Государственной Думе может возникнуть вопрос об отобрании у нас, за нашу верную и вековую службу, земель; вот тогда нам придется постоять за себя, тогда придется смекнуться и с уральцами; если же ничего не удастся, тогда не надо зевать, именно: тогда необходимо будет захватить наши киргизские земли за Уралом, особенно на Сыр-Дарье. Все это, что я пишу, не шутка. Надо на всякий случай быть готовому ко всему, надо думать своей головой, а если мы будем, как в старое время, ждать приказаний от начальства, то мы, наверное, останемся на бобах. Положительно пора списываться со всеми станицами войска: Время очень ненадежное, нас щадить не будут...»¹⁰⁵ Эти страшные строки, написанные молодым, не искушенным в политике казачьим офицером, оказались пророческими и почти полностью сбылись в 1916—1919 гг.

Революционное брожение затронуло и уральские заводы. Так, в районе Белорецкого завода происходили довольно крупные нелегальные собрания с участием нескольких сотен человек, на которых верховодили И.Л. Брайнин, И.К. Портсман и ранее судимый В.Е. Косоротов¹⁰⁶. Кстати, при обыске у Портсмана было обнаружено письмо к депутату Седельникову, что подтверждает связь этого депутата с революционным подпольем Оренбургской губернии. Здесь же существовала и группа РСДРП. На соседнем с Белорецким Тирлянском заводе происходили пьяные бесчинства крестьян, которые откровенно издевались над местной полицией.

В 1906 — начале 1907 г. государственная власть, опасаясь резкого ухудшения ситуации на Урале, в обстановке секретности постоянно направляла сюда оружие на адреса частных лиц (вряд ли так были обставлены обычные заказы). Иного объяснения весьма значительным поставкам его в эти места трудно себе представить (таблица 26). Оружие высылалось в основном из Москвы. Получателями являлись наиболее надежные лица, в том числе предприниматели и лояльные власти горожане, хотя иногда случались сбои. Документация о поставках под грифом «секретно» направлялась для сведения оренбургскому губернатору и Наказному атаману Оренбургского казачьего войска из канцелярии московского градоначальника, что позволяет сделать вывод, что поставки производились по линии Министерства внутренних дел. Можно предположить, что сохранившиеся до наших дней данные по этому вопросу являются неполными (особенно по первой половине 1906 г.), и тем не менее они красноречиво свидетельствуют о серьезной подготовке властей к возможным боям с революционерами.

ПОСТАВКИ ОРУЖИЯ НА ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПЕРИОД МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ 1906—1907 гг.¹⁰⁷

Дата	Куда и кому предназначено	Количество
22.03.1906	Оренбург, А.О. Гейнке	41 револьвер, 4 винтовки
20.06.1906	Миасский завод, купцу П.З. Филиппову	10 000 револьверных патронов
30.07.1906	Управляющему Белорецким заводом ¹⁰⁸	34 револьвера, 1200 патронов
31.07.1906	Миасский завод, купцу П.З. Филиппову	50 револьверов
05.08.1906	Оренбург, потомственному почетному гражданину А.Н. Захо	48 револьверов, 10 000 патронов
05.08.1906	Белорецк, В.С. Копьеву ¹⁰⁹	10 000 патронов
04.09.1906	Миасский завод, купцу П.З. Филиппову	1000 револьверных патронов
04.09.1906	Троицк, купцу И.П. Филиппову	8000 револьверных патронов
18.09.1906	Миасский завод, купцу А.С. Маклакову	25 револьверов «Бульдог»
30.10.1906	Троицк, купцу И.П. Филиппову	2500 револьверных патронов
09.11.1906	Троицк, купцу И.П. Филиппову	9000 патронов
27.11.1906	Миасский завод, купцу П.З. Филиппову	5000 патронов
16.12.1906	Оренбург, содержательнице оружейного магазина А.О. Гейнке	50 револьверов неказенного образца разных систем и 13 500 патронов ¹¹⁰
28.01.1907	Миасский завод, купцу П.З. Филиппову	7000 револьверных патронов
Итого	248 револьверов, 4 винтовки, 67 200 патронов различных систем (без учета 10 000 патронов для В.С. Копьева, отправка которых не состоялась)	

Тем не менее, по словам начальника Петербургского охранного отделения полковника А.В. Герасимова: «...новая полоса, в которую мы вступа-
ли с лета 1906 года, уже не таила в себе непосредственной и грозной опас-

ности развала, а может быть, и гибели государства, перед которой мы еще вот недавно стояли, порой в растерянном и даже беспомощном состоянии»¹¹¹.

В октябре—ноябре 1905 г. в Оренбурге практически в полном составе были арестованы местные комитеты партии социалистов-революционеров и РСДРП (правда, уже в 1907 г. большинство арестованных было освобождено)¹¹². В 1906 г. социалистическое подполье Оренбурга было окончательно разгромлено: часть его активистов уже была арестована, кто-то перешел на нелегальное положение, остальные покинули город. Всего в 1907 г. в Оренбурге под надзором полиции состояло лишь 19 человек (при приблизительной численности населения города к 1914 г. в 130—150 тысяч жителей)¹¹³. Гарант безопасности Оренбурга, 14-й Оренбургский казачий полк был расформирован 9 сентября 1906 г.¹¹⁴

В 1907 г. в Оренбурге были дислоцированы также армейские резервные части (241-й Орский и 242-й Белебеевский резервные батальоны, 6-й резервный артиллерийский парк), 1-я отдельная сотня Оренбургского казачьего войска и две сотни 11-го Донского казачьего генерала от кавалерии графа Денисова полка (сотни этого полка также располагались в Пензе и Самаре)¹¹⁵.

В связи с некоторым успокоением, по именному Высочайшему указу от 10 февраля 1907 г. Челябинский уезд Оренбургской губернии был объявлен не на военном положении, а в состоянии усиленной охраны сроком на год (кроме полосы отчуждения железной дороги) и подчинен командующему войсками Казанского военного округа¹¹⁶. Впоследствии, однако, срок был продлен до 10 февраля 1910 г.¹¹⁷

1907 год в Оренбургской губернии ознаменовался началом индивидуального политического террора — заключительным актом революционной борьбы в губернии и войске, когда стало ясно, что массовое революционное движение в регионе потерпело крах. Революционер-слесарь П. Тарасов 19 мая застрелил товарища прокурора Оренбургского окружного суда А.П. Исаева, за что по приговору военно-окружного суда был повешен. Исаев, между прочим, тогда вел дело, по которому проходили лидеры оренбургских социалистов-революционеров — В.Ф. Барановский и Константинов¹¹⁸. Убит был и жандармский офицер Пронин. Совершено нападение на жандармского ротмистра Ковалева. Преступников в этих двух покушениях обнаружить не удалось. Беспорядки были вскоре устранены силами полиции, а случаев применения войск не было¹¹⁹. Кроме того, революционное движение проявилось в распространении нелегальной литературы. Все эти факты говорят о том, что 1907 год был уже эпилогом революционных беспорядков на территории Оренбургского казачьего войска. В основном, они были подавлены в регионе еще в 1906 г.

Социалистическая пропаганда не пользовалась успехом в казачьих частях, о чем, в частности, свидетельствует выдержка из приказа № 185 по Казанскому военному округу от 25 августа 1907 г. В документе описан случай, когда 5 августа в конюшню 1-й сотни 11-го Донского казачьего полка в Оренбурге «к дневальному казаку Василию Дементьеву явился неизвестный молодой человек и предложил экземпляр прокламации Социал-Демократической рабочей партии, но казак, отказавшись от его предложения, немедленно об этом доложил Подхорунжему Павлу Терехову и Вахмистру 2-й сотни Евмению Калинину, которые тотчас же, взяв с собой урядника Канифатия Калинина и той же сотни вольноопределяющегося Андрея Самарского, быстро погнались за агитатором, задержали его и представили Командиру 1-й сотни Есаулу Бабкову, а последний агитатора передал под расписку в полицию, где при обыске у него оказалось еще 92 экземпляра прокламаций...»¹²⁰. Документ, вместе с тем, показывает, что командование не смогло изолировать мобилизованных казаков от контактов с революционерами.

Каковы были предпосылки более активного вовлечения казачества в революционные события в дальнейшем и какую роль в этом сыграло революционное брожение 1905—1907 гг.? Оренбургский казачий офицер подъесаул А.И. Мякутин писал: «Теперь нужна и для Царя и для народа, и для нас и всей России самостоятельность, а не молчание»¹²¹. Безусловно, подавляющее большинство офицеров и чиновников Оренбургского казачьего войска попрежнему придерживались консервативных охранительных позиций, стремясь сохранить казачество в его прежнем виде. Но были и отдельные сторонники либеральных и даже радикальных идей. И это пугало людей старой формации. Нельзя не отметить, что приверженцем либеральных воззрений был сам Наказный атаман генерал Барабаш. Между прочим, именно в его семье был воспитан известный казахский революционер А.Т. Джангильдин (член РСДРП(б) с 1915 г.)¹²², один из руководителей мятежа 1916 г. в Средней Азии, который в 1918 г. во главе интернационального отряда по заданию Ленина доставил крупную партию оружия и боеприпасов туркестанским большевикам и тем самым позволил им сохранить фронт против оренбургского казачества¹²³. Напомню, что агитировавший среди казаков подъесаул В.П. Бирк был сыном другого высокопоставленного чиновника войска — начальника Войскового штаба. Эти два примера вполне укладываются в единую схему.

Будущее войска сторонники новых тенденций видели в самоуправлении. Как заявлял в Государственной думе представитель Донского казачьего войска В.А. Харламов: «Среди местного казачьего населения пробуждается тот старый дух свободы, который создал казачество, который жил в нем и который с течением веков нашим русским самодержавным бю-

рократическим правительством истреблен в казаках...»¹²⁴ Это явление было характерно не только для Донского войска, но и для других казачьих войск. Сами оренбургские казаки, по мнению известного казачьего политического и общественного деятеля Ф.А. Щербины, предпринявшего в 1896—1897 гг. экспедицию по исследованию степных областей, хотели замены в руководстве войска чиновников, присылаемых из центра, представителями местной казачьей интеллигенции¹²⁵.

Были и противники возрождения казачьей вольности. В частности, донской депутат М.Н. Савостьянов был удивлен высказываниями Харламова и заявил: «Какую же, интересно знать, г. Харламов навязывает казакам свободу, уж не такую ли свободу, которою казаки триста лет тому назад пользовались. Правда, тогда они никому не подчинялись и жили только в зависимости от самих себя и меж собой-то ладу не было... Но теперь время не то: какой же это будет казак и даже гражданин, если он не будет подчиняться никому?»¹²⁶ Разумеется, восстановление вольного казачества с государственнической точки зрения было бы шагом назад. Однако возникновение подобных идей было результатом неэффективной работы старых казачьих административных органов.

В своих письмах к начальнику Войскового штаба Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-майору Ф.Ф. фон Таубе молодой казачий офицер подъесаул А.И. Мякутин, которого нельзя заподозрить в революционных симпатиях, поскольку он достаточно резко отзывался о социалистах, утверждал, что «бюрократизм обанкротился». По мнению Мякутина, казакам необходимо было бороться против Войскового хозяйственного правления как бюрократического органа.

Он считал (и это, видимо, мнение не только одного Мякутина, а определенное веяние того времени), что Войсковое хозяйственное правление должно быть устроено по аналогии с устройством губернской земской управы. Идеи Мякутина были отчасти претворены в жизнь уже в 1917 г., когда стали созываться Войсковые круги, а в управлении войском установилось выборное начало, то есть возрождена историческая система управления, существовавшая у казаков со Средневековья¹²⁷.

Казачий офицер поддерживал обширную переписку с казаками на местах и, таким образом, находился в курсе наиболее насущных их проблем, а также группировал вокруг себя единомышленников, что уже вызывало обоснованные подозрения властей. По данным Мякутина, недовольство в казачьей среде вызывали следующие вопросы:

наличие офицерских земельных участков при росте малоземелья и росте требований к снаряжению казаков. Недовольство этим было столь велико, что Мякутин допускал в этой связи появление аграрных беспорядков;

придирки при приеме на службу, часто незаконные, особенно в отношении единообразия. Мякутин отмечал, что можно указать до пяти приказов по военному ведомству, не требующих единообразия у казаков;

сдача свободных войсковых земель в аренду иногородним, при том что «казаку же с разночинцем конкурировать нельзя: у казака служба, казак разорен сй»¹²⁸.

Таковы были основополагающие проблемы, но также оставались нерешенными и другие, менее значимые вопросы. Например, вопрос об учуге (деревянном заграждении) на реке Урал, располагавшемся на территории соседнего Уральского казачьего войска и не пропускавшем ценные породы рыб вверх по реке до земель оренбургских казаков. Кстати, наличие учуга революционеры пытались раздуть до конфликта между уральцами и оренбуржцами¹²⁹. Однако поссорить два войска им не удалось. Требования казаков носили, в первую очередь, экономический характер.

Политическую составляющую добавляли уже сами «верхи». Первоочередными задачами реформирования Мякутин намечал: а) введение в войске земского самоуправления; б) требование владельческой грамоты на землю; в) установление старшинства войска. Третья из этих целей была достигнута еще до Первой мировой войны, вторая — в Гражданскую войну, а первая так и осталась нереализованной.

Что касается военной службы и придирок, на которые жаловались казаки, то молодой офицер предлагал организовать специальные комиссии по приему казаков и их снаряжения на службу, половина членов которых должна быть выборной. Кроме того, в комиссии Мякутин предлагал включить представителей войскового и строевого начальства. По его мнению, необходимо было также реформировать казачью школу. В этом случае «не будут бежать из войска люди с высшим образованием, тогда для войска настанет, наконец-то, светлое будущее»¹³⁰. Мякутин предлагал властям для борьбы с революционерами удовлетворять петиции казаков, чтобы выбить почву из-под ног радикальной пропаганды.

Вот лишь некоторые цитаты из писем Мякутина: «Казаки не могут стоять в стороне от общего движения», «В настоящее время не скрывать и запугивать надо, а необходимо, как это приказал делать в Варшавском округе Ген[ерал]-Ад[ъютант] Скалон, говорить всю правду, разъяснять и содействовать проведению в жизнь нового веяния, в котором наше спасение.»¹³¹. Возможно, что Мякутин и был прав, но только в отдаленной перспективе, так как ни в 1905, ни даже в 1917 г. русское офицерство, несмотря на свой высокий и практически непререкаемый авторитет, не смогло взять на себя роль воспитателей и просветителей солдатской массы в политическом отношении, так и не научившись само разбираться в политической обстановке.

Участие оренбургских казачьих частей в обеспечении государственной безопасности в 1905—1908 гг.

В этом разделе рассмотрены проблемы применения частей Оренбургского казачьего войска при подавлении массовых беспорядков на территории Казанского военного округа (в Поволжье и на Урале). Вопросы использования казаков в борьбе с революционерами на территории войска рассмотрены ранее. Как писал известный русский военный историк А.А. Керсновский: «1905 и 1906 годы — годы первой русской смуты — составили тяжелую эпоху для русской армии. Ей пришлось выдержать напряженную борьбу на внутреннем фронте и спасти свою Родину, обратив на себя всю ярость и ненависть ослепленной интеллектуальной черни»¹³². Добавлю, что массовые беспорядки в стране стали подлинным ножом в спину армии, сражавшейся на Дальнем Востоке, и всему государству в целом.

Московские социал-демократы в декабре 1905 г. инструктировали своих сторонников следующим образом: «...казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу — конные или пешие, вооруженные или безоружные, — смотрите на них, как на злейших врагов, и уничтожайте их без пощады»¹³³. На практике дело обстояло несколько иначе. В частности, на похоронах видного большевика Н.Э. Баумана в октябре 1905 г. противники большевиков одним лишь криком «Казаки! Казаки!» внесли замешательство в толпу участников процессии, при том что никаких казаков поблизости не было, а церемония в целом прошла спокойно¹³⁴.

Точка зрения, изложенная в цитировавшейся выше листовке, была характерна и для социалистов в других регионах. Эта и другие похожие листовки появились в 1905 г. в связи с невиданным по своим масштабам началом применения казачьих частей внутри империи в целях охраны порядка. Следует признать, что и масштаб массовых беспорядков, с которыми столкнулось правительство, был также доселе невиданным.

На Урале, как и в других регионах России, действовали противозаконные боевые организации целого ряда партий: социалистов-революционеров (Вятка, Златоуст, Уфа, Екатеринбург, Красноуфимск, Сарапул, Ижевский, Воткинский, Кусинский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский заводы), социал-демократов (Уфа, Вятка, Пермь, Екатеринбург, Златоуст, Челябинск, Нижний Тагил, Оренбург, Ашинский, Ижевский, Воткинский, Миньярский, Симский заводы), анархистов (Уфа, Вятка, Сарапул, Челябинск, Шадринск). Весной—летом 1905 г. в Вятке и Перми появились более лояльные власти боевые организации и вооруженные формирования «Союза русско-

го народа». С 1905 г. боевые организации большевиков рассматривались ими как ядро будущей революционной армии. Велась целенаправленная боевая и физическая подготовка отрядов боевиков, экстремисты активно закупали оружие в России и за границей, а на Урале, кроме того, было налажено его производство. В боевые отряды входили разведчики, бомбисты, связисты, санитары и т. д. С 1906 г. боевики развязали на Урале настоящую партизанскую войну, продлившуюся вплоть до 1909 г. Этот период был отмечен многочисленными политическими убийствами и экспроприациями — «эксами». К 1907 г. эта борьба уже вышла из-под контроля социалистических партий¹³⁵.

Наряду с другими воинскими частями, дать отпор этому крайне опасному для государства движению должны были и оренбургские казачьи полки, представлявшие собой конные мобильные подразделения, отличавшиеся достаточно высокой степенью надежности и лояльности.

К началу первой русской революции оренбуржцы уже имели опыт участия в карательных мероприятиях. Еще в конце марта — начале апреля 1902 г. расположенный в Харькове 1-й Оренбургский казачий полк без 3-й сотни был направлен на подавление беспорядков крестьян Полтавской и Харьковской губерний. Действия сотен тогда получили одобрение корпусного начальства, а командующий 4-й сотней есаул Н.П. Круторожин был награжден орденом Св. Станислава II степени¹³⁶.

Теперь ситуация была куда сложнее и масштабнее. Власть пыталась реагировать на начавшиеся беспорядки по мере их роста. 22 февраля 1905 г. было Высочайше повелено мобилизовать Оренбургский казачий полк в составе шести сотен, для чего был намечен один из полков второй очереди¹³⁷. В итоге было решено поставить под ружье казаков 8-го Оренбургского казачьего полка, мобилизация которых проходила в марте 1905 г. Основная масса призванных была 1892—1894 гг. присяги и относилась к казакам третьей очереди¹³⁸, по другим данным, было мобилизовано 403 второочередных казака, 355 третьеоочередных и 170 молодых казаков, оставшихся от наряда в первую очередь и причисленных к третьей¹³⁹. После мобилизации полк был подчинен начальнику 78-й пехотной дивизии (Пенза), всем казакам выданы подъемные деньги (100 рублей), молодые казаки в качестве подъемных денег получили по 207 рублей.

Обстановка на Урале и в Поволжье накалялась, и 17 июня 1905 г. правительству пришлось прибегнуть к мобилизации 7-го Оренбургского казачьего полка¹⁴⁰. За три дня до этого, 14 июня, было издано Высочайшее повеление о мобилизации всех второочередных полков Донского, Оренбургского и Кавказских казачьих войск. В Оренбургском казачьем войске это распоряжение в значительной степени было уже реализовано: четыре второочередных полка (9, 10, 11 и 12-й Оренбургские казачьи полки) вой-

ска были мобилизованы и сражались в Маньчжурии, 8-й полк был мобилизован для борьбы с революционным движением, и получалось, что мобилизация частей второй очереди заключалась для оренбуржцев в мобилизации лишь одного 7-го Оренбургского казачьего полка — последнего все еще не мобилизованного из второочередных полков. Первым днем мобилизации полка стало 25 июня 1905 г., а уже 7 июля казаки выступили из Оренбурга¹⁴¹. По окончании мобилизации полк поступил в подчинение начальника 57-й резервной бригады. Небезынтересно, что в составе полка в качестве командира 2-й полусотни 3-й сотни участвовал в борьбе с революционным движением один из будущих антибольшевистских лидеров оренбургского казачества хорунжий, а впоследствии Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин. В общей сложности в 1905 г. на территории Европейской России было мобилизовано 32 второочередных казачьих полка полного 16-рядного состава. К концу февраля 1906 г. на службе было уже около 70 тысяч казаков второй и третьей очереди¹⁴². Всего было мобилизовано 59 конных полков, 12 батальонов и одна батарея¹⁴³.

Для обеспечения порядка Казанский военный округ был разделен на районы охраны, во главе каждого из них стоял свой начальник, обычно из строевых генералов или штаб-офицеров. Район охраны Оренбургской губернии возглавлял генерал-лейтенант А.А. Ломачевский¹⁴⁴. По всей видимости, в связи с беспорядками планировалось довести до шести сотен 4-й, 5-й и 6-й Оренбургские казачьи полки, находившиеся в Туркестане, о чем туркестанское начальство ходатайствовало в сентябре 1905 г. перед Главным управлением казачьих войск¹⁴⁵. Предпринимались попытки оставить на службе казаков второй очереди, участвовавших в войне с Японией, однако, если верить неофициальным источникам, казаки просто разошлись по домам при следовании через территорию войска. Такой случай, например, произошел с казаками 10-го Оренбургского полка, предназначенными к отправке в Финляндию, на станции Миасс. Уже задним числом было объявлено о предоставлении им двухмесячного отпуска¹⁴⁶. Казаки были утомлены полуторагодовой войной и нуждались в отдыхе. Ситуацию можно было исправить, заранее обещав им отпуск. И тут власть оказалась не на высоте, считая казаков практически неистощимым резервом.

Довольно показателен процесс мобилизации казачьих частей. Мобилизация казаков второй и третьей очередей для службы внутри империи имела практически все те же издержки, что и мобилизация оренбургских казачьих частей на Дальний Восток. В 1-м (Оренбургском) военном отделе мобилизовались 7, 8, 13 и 14-й Оренбургские казачьи полки; во 2-м (Верхнеуральском) военном отделе — 15-й и 16-й полки и в 3-м (Троицком) военном отделе — 17-й и 18-й полки¹⁴⁷. Мобилизация осуществлялась в соответствии со следующими расчетами:

Таблица 27

РАСЧЕТ МОБИЛИЗАЦИИ ЛЬГОТНЫХ ПОЛКОВ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ПО РАСПИСАНИЮ № 18, МОБИЛИЗОВАННЫХ В 1905–1906 гг. В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹⁴⁸

Номер Оренбургского казацкого полка	Сборный пункт	Срок готовности со дня начала мобилизации (в. — вечер)
7-й	ст. Оренбургская	8 в.
8-й	ст. Оренбургская	12 в.
13-й	ст. Оренбургская	14 в.
14-й	ст. Оренбургская	18 в.
15-й	г. Верхнеуральск	17 в.
16-й	ст. Верхнеуральская	13 в.
17-й	пос. Сосновский	13 в.
18-й	пос. Клястицкий	18 в.

Когда мобилизовались полки второй очереди, выяснилось, что огромное количество второочередных казаков имели льготы по семейному положению и не подлежали мобилизации, их пришлось заменять казаками третьей очереди, что стало причиной серьезных проблем в дальнейшем. Никто не мог предположить, что революционные беспорядки приобретут такой размах, что вскоре придется мобилизовать и полки третьей очереди. Когда были мобилизованы и они, началась путаница из-за того, что часть казаков третьей очереди служила во второочередных частях, а часть казаков второй очереди — в третьеочередных. Возникло недовольство, имевшее экономический подтекст, так как казакам, в зависимости от той очереди, в которой они числились, выдавались различные денежные суммы.

При мобилизации не все казаки были в курсе того, что им предстоит делать. Например, личный состав 8-го Оренбургского казацкого полка до последней минуты был уверен, что полк мобилизуется на войну с Японией¹⁴⁹. 7-й Оренбургский казачий полк был набран из казаков второй очереди, офицеры мобилизованы из числа остававшихся в 1905 г. в войске и не участвовавших в войне с Японией. Если учесть, что на войну с Японией были отправлены лучшие офицеры войска, и то не всегда оказывавшиеся на высоте, то те, кто оставался дома, были еще хуже по своей подготовке и качествам. Командир 2-й сотни полка подъесаул А.А. Милеев страдал алкоголизмом. В конце января 1906 г., когда 35 казаков сотни квартировали

в имении помещика Устинова в селе Корсаково-Полянщина, у него случился двухнедельный запой, во время которого казаки вышли из подчинения начальства, сами перепилились, подожгли солому, бумагу, изрубили шашками стены и посуду в домах, испортили сепаратор¹⁵⁰.

При этом сам командир полка полковник Григорий Герасимович Колпаковский имел блестящие аттестации. Родился он 26 февраля 1867 г. Окончил гимназию, кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по первому разряду. «Воли твердой, исполнителен, настойчив, самостоятелен и правдив», — указывалось в аттестации¹⁵¹. В 1903 г. Колпаковский был зачислен по Оренбургскому казачьему войску, служил в 5-м Оренбургском казачьем полку в Ташкенте и претендовал на назначение на штаб-офицерскую должность в один из казачьих полков в Маньчжурии. Однако на Русско-японскую войну казачий офицер не попал, а с началом массовых беспорядков получил должность командира мобилизуемого 7-го Оренбургского казачьего полка. Небезынтересно, что о производстве Колпаковского из войсковых старшин в полковники ходатайствовал саратовский губернатор П.А. Столыпин, который в сентябре 1905 г. с похвалой отзывался о казаках 7-го полка.

Полковник Г.Г. Колпаковский являлся, кроме того, начальником Саратовского охранного района и был, по сути, привязан к Саратову. При этом вверенный ему полк для усмирения волнений был сильнейшим образом разбросан по двум губерниям, что с учетом опыта Русско-японской войны можно считать своеобразной традицией в применении казачьих (и не только) частей. Колпаковский попросту не имел возможности контролировать все подразделения вверенной ему части. При этом военному министру было доложено, что Колпаковский «во время бывших беспорядков совсем потерял голову»¹⁵². После мобилизации полка казаки по железной дороге были отправлены в те пункты, где происходили беспорядки, причем у командира полка даже не было времени познакомиться с подчиненными ему сотенными командирами, не говоря уже о прочих офицерах¹⁵³.

Дробление частей здесь, как и в Маньчжурии, было явлением неизбежным, так как аграрные беспорядки носили очаговый характер, и не было необходимости направлять целые сотни или даже полки для прекращения мародерства крестьян, занявшихся разграблением помещичьих усадеб в период кажущегося безвластия. Кроме того, обширность территории и слабое развитие железнодорожной сети осложняли действия и переброску войск. Вместе с тем присутствие в том или ином пункте даже небольшой воинской части было достаточно мощным сдерживающим фактором для революционеров. Дробление поддерживали и местные власти, так как сосредоточение в одном пункте батареи, сотни или батальона уже вызывало возражения губернаторов и полицейских чиновников, опасавшихся того, что отдельные территории могли оставаться неприкрытыми¹⁵⁴.

Никто не предполагал, сколь сильным будет дробление. 1-я сотня 7-го полка была мобилизована и направлена из Оренбурга в Самару, куда прибыла 15 ноября 1905 г. Из Самары казаков направили на усмирение крестьянского движения в Студенецкой и Владимирской волостях Самарской губернии. Вскоре две полусотни 1-й сотни оказались разделены расстоянием в 350 верст, что затрудняло управление полусотнями как в строевом, так и в хозяйственном отношении не только полковому, но даже их сотенному командиру. Все это усиливало значение младшего офицерского и унтер-офицерского состава казачьих полков. Между полусотнями находился район, вверенный казакам 8-го Оренбургского казачьего полка.

Если в Маньчжурии дробление оренбургских казачьих частей дошло лишь до уровня взводов, то внутри империи дробили и их. Подобная порочная практика создавала чрезвычайную неразбериху в управлении частью. Так, 2-я полусотня 2-й сотни 7-го полка в январе 1906 г. фактически потеряла всякое управление, будучи разбита на множество групп, имевших в своем составе от трех до восьми казаков. Для того чтобы познакомиться с личным составом 18-го полка, его командующий войсковой старшина А.И. Чигвинцев должен был объехать практически все Поволжье и Урал (Саратов, Петровск, Кузнецк, Ижевский завод)¹⁵⁵. Дробились и полусотни 8-го Оренбургского казачьего полка¹⁵⁶.

Добавлю, что по причине частых перемещений отдельных мелких групп казаков в разные уезды и даже губернии в настоящее время практически невозможно воссоздать полную картину участия оренбургских казачьих частей в борьбе с революционным движением, а боевое расписание полков, мобилизованных для службы внутри империи, даже за короткие промежутки времени напоминает лоскутное одеяло.

Т а б л и ц а 28

РЕКОНСТРУКЦИЯ БОЕВОГО РАСПИСАНИЯ ЛЬГОТНЫХ ПОЛКОВ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, МОБИЛИЗОВАННЫХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹⁵⁷

Подразделение	Дислокация
7-й Оренбургский казачий полк ¹⁵⁸ полковник Г.Г. Колпаковский	—
Самарская губерния	
1-я полусотня 1-й сотни	ст. Сергиевск, с. Чистово
2-я полусотня 1-й сотни	ст. Мыльная, с. Натальино

Подразделение	Дислокация
Саратовская губерния	
1-я полусотня 2-й сотни	г. Сердобск
взвод 2-й полусотни 2-й сотни	с. Елшанка
взвод 2-й полусотни 2-й сотни	г. Саратов
1-я полусотня 3-й сотни	ст. Екатериновка
2-я полусотня 3-й сотни	с. Слестуха
1-я полусотня 4-й сотни	ст. Беково
взвод 2-й полусотни 4-й сотни	с. Большие Копены
взвод 2-й полусотни 4-й сотни	г. Саратов
три взвода 5-й сотни	г. Вольск
1-я полусотня 6-й сотни	с. Мотовиловка
2-я полусотня 6-й сотни	г. Петровск
Штабная команда	г. Саратов
8-й Оренбургский казачий полк ¹⁵⁹ полковник П.И. Кременцов	г. Самара
13-й Оренбургский казачий полк ¹⁶⁰ полковник Я.Я. Гурьев	—
Штаб полка	г. Пенза
1-я сотня	с. Мурзица, Анастасовка, Кислинка, Васильевка, Атяшево
1-я полусотня 2-й сотни	г. Саранск
2-я полусотня 2-й сотни	с. Проказня, Пыркино
1-я полусотня 3-й сотни	слобода Рудня
2-я полусотня 3-й сотни	д. Ольховка
4-я сотня	г. Пенза
1-я полусотня 5-й сотни	с. Старый Мачин
2-я полусотня 5-й сотни	с. Аненково
1-я полусотня 6-й сотни	г. Алатырь
2-я полусотня 6-й сотни	г. Ардатов

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Подразделение	Дислокация
14-й Оренбургский казачий полк ¹⁶¹ войсковой старшина М.А. Юдин	г. Оренбург
15-й Оренбургский казачий полк полковник И.И. Угличинин	—
Штаб полка	г. Вятка
1-я полусотня 1-й сотни	завод Узень Оренбургской губернии
2-я полусотня 1-й сотни	г. Верхнеуральск Оренбургской губернии
2-я сотня	г. Уржум Вятской губернии
3-я сотня	г. Верхнеуральск
4-я сотня	г. Сарапул Вятской губернии
5-я сотня	г. Вятка
6-я сотня	г. Слободск Вятской губернии
16-й Оренбургский казачий полк войсковой старшина М.А. Бояльский	—
Штаб полка	г. Уфа
1-я полусотня 1-й сотни	завод Белорецкий Оренбургской губернии
2-я полусотня 1-й сотни	завод Авзяно-Петровский Оренбургской губернии
2-я сотня	г. Златоуст
3-я сотня	г. Уфа
1-я полусотня 4-й сотни	с. Царевщина Самарской губернии
2-я полусотня 4-й сотни	г. Бузулук Самарской губернии
1-я полусотня 5-й сотни	г. Мензелинск Уфимской губернии
2-я полусотня 5-й сотни	г. Уфа
взвод 6-й сотни	с. Никольск Самарской губернии
два взвода 6-й сотни	Ставропольский уезд Самарской губернии
взвод 6-й сотни	г. Ставрополь Самарской губернии
17-й Оренбургский казачий полк полковник И.П. Петров	—

Подразделение	Дислокация
Штаб полка	г. Пермь
1-я полусотня 1-й сотни	завод Мотовилихинский Пермской губернии
2-я полусотня 1-й сотни	с. Нердва Соликамского уезда
1-я полусотня 2-й сотни	завод Чермозский Соликамского уезда
2-я полусотня 2-й сотни	с. Кудымкор Соликамского уезда
3-я сотня	завод Лысьвенский Пермского уезда
4-я сотня	завод Нижний Тагил Верхотурского уезда
5-я сотня	завод Алапаевский Верхотурского уезда
6-я сотня	г. Екатеринбург
18-й Оренбургский казачий полк ¹⁶² войсковой старшина А.И. Чигвинцев ¹⁶³	—
Штаб полка и две сотни	г. Троицк Оренбургской губернии
сотня	Саратовский уезд
сотня	г. Петровск Саратовской губернии
сотня	г. Кузнецк Саратовской губернии
сотня	завод Ижевский Вятской губернии

Дислокация отдельных взводов из-за экстренных вызовов постоянно менялась, что еще больше усугубляло ситуацию с управлением. Например, в Саратове было сосредоточено пять взводов из трех разных сотен 7-го полка. Из-за расстояний командир полка не всегда имел возможность руководить частью, а отдельные группы казаков часто находились вообще без присмотра офицеров под командованием одних урядников. Между тем столь сильное дробление полка противоречило циркулярному распоряжению министра внутренних дел от 25 декабря 1905 г., которое требовало не допускать дробления частей, содействующих гражданским властям, менее чем на полуроты, полуэскадроны и полусотни, а также приказу по Казанскому военному округу № 72 за 1906 г.¹⁶⁴ Вполне естественно, что при таком подходе казаки могли подвергаться практически индивидуальной революционной обработке. Дробление было одной из основных причин упадка дисциплины в казачьих полках. В документах штаба Казанского военного округа совершенно обоснованно отмечалось, что «нижние чины входят в близкое сопри-

косновение с революционерами и беспрепятственно подвергаются их тлетворному влиянию»¹⁶⁵. Лишь весной 1906 г. стали приниматься меры к сокращению дробления частей.

Полки третьей очереди мобилизовались в Казанском военном округе в ноябре—декабре 1905 г. в два этапа. 1 ноября 1905 г. было Высочайше повелено мобилизовать 13-й и 16-й Оренбургские казачьи полки. Первым днем мобилизации должно было стать 5 ноября¹⁶⁶. Еще 29 октября Главное управление казачьих войск сообщало Наказному атаману Оренбургского казачьего войска в качестве предварительной информации, что «ввиду возрастающих беспорядков внутри Империи может потребоваться вызов со льготы двух Оренбургских полков третьей очереди»¹⁶⁷.

Второй этап казачьей мобилизации пришелся на декабрь 1905 г. В докладе по Главному управлению казачьих войск от 9 декабря 1905 г. отмечалось: «В виду продолжающихся волнений внутри Империи представляется необходимым мобилизовать 3 третьеочередных полка (15, 17 и 18) Оренбургского казачьего войска...»¹⁶⁸ Высочайшее утверждение этого предложения последовало на следующий день. Помимо этих частей, «для содействия гражданским властям», как тогда писали, использовались и другие подразделения Оренбургского казачьего войска. В частности, есть данные об отправке из Тургая в Кустанай для этих целей 2-й полусотни 2-й Оренбургской отдельной сотни¹⁶⁹.

Комплектование мобилизуемых частей осуществлялось по штатам военного времени. От службы могли освобождаться лишь единственные работники в казачьих семьях и только при формировании частей, то есть казаки, уже поступившие на службу, спуску на льготу по изменению их семейного положения не подлежали. Напомню, что 14-й полк был мобилизован Наказным атаманом для обеспечения безопасности внутри войска. Таким образом, к началу 1906 г. были мобилизованы все льготные полки Оренбургского казачьего войска, а само войско впервые в своей истории оказалось на пределе человеческих ресурсов. По сообщению от 19 декабря 1905 г.: «Три полка мобилизуются, четырнадцатый оставлен [на] льготе для возможности вызова шести сотен властью Наказного Атамана; более частей для вызова его же властью нет...»¹⁷⁰ Все это лишний раз доказывает серьезность положения в стране и глубину кризиса государственной власти, не подготовленной к такому развитию событий и вынужденной пойти фактически на тотальную мобилизацию своего практически последнего резерва — казачества.

Командиры льготных полков назначались Высочайшими приказами. Офицерский состав набирался из числа офицеров, состоявших в распоряжении войскового начальства, а в связи с их острой нехваткой — из офицеров первоочередных частей и допущенных на офицерские вакансии

зауряд-прапорщиков¹⁷¹. В зауряд-прапорщики ускоренно производились достойные вахмистры или старшие урядники. К примеру, несколько зауряд-прапорщиков было направлено в 8-й и 15-й Оренбургские казачьи полки. Предполагалось также вернуть с Дальнего Востока офицеров, находившихся там сверх комплекта. Кстати, многие офицеры отправлялись в полки вместе с семьями и необходимым имуществом. С проблемой некомплекта офицеров тогда столкнулись и другие казачьи войска¹⁷².

Никакой подготовки казаки практически не проходили. Были предложения провести учебный курс стрельбы, но, несмотря на значительную переписку по этому вопросу, учебные стрельбы так и не состоялись ни в полках второй, ни в полках третьей очереди¹⁷³. В этом вообще-то не было ничего страшного — при разгоне демонстраций меткость не имела определяющего значения, сам факт стрельбы по толпе оказывал на последнюю мощнейшее психологическое воздействие. К тому же большое количество жертв было лишь на руку революционерам, которые, сознательно преувеличивая эти данные, могли обвинять правительство в жестокости. Куда более значимым фактором представляется численность войск, поскольку она позволяла даже одной части контролировать ситуацию сразу во многих пунктах.

Сотни 17-го Оренбургского казачьего полка были сформированы в конце декабря 1905 г. из казаков, проживших дома после службы в первоочередных полках уже не менее пяти лет, наряду с ними треть казаков вообще никогда не служила в полках. Большинство сотенных командиров приняли сотни уже на походе или непосредственно перед ним. Почти все командиры сотен не имели соответствующего командного опыта. Между тем задачи, которые им пришлось выполнять, были очень сложны для новичков. По прибытии в Пермскую губернию 17-й полк был раздроблен. 18-й Оренбургский казачий полк был сформирован 2 января 1906 г., 15-й полк — 3–4 января, 14-й — 5 января¹⁷⁴.

Поставленную задачу оренбуржцы выполняли достойно. К примеру, в декабре 1905 г. с помощью казаков в Челябинске был подавлен бунт солдат, обслуживавших 1-й и 109-й запасные госпитали¹⁷⁵. А позднее именно казаки совместно с неказачьими формированиями восстановили порядок на обширной территории Поволжья и Урала. Как вспоминал военный министр А.Ф. Редигер: «Громадную службу тогда сослужили России льготные казачьи части; между тем вызов этих частей грозил разорением самому казачьему населению...»¹⁷⁶ Несмотря на это, случаев неподчинения приказам начальства у оренбуржцев почти не было, хотя в других казачьих войсках изредка вспыхивали даже открытые выступления казачьих частей (например, мятеж 2-го Урупского казачьего полка Кубанского казачьего войска, отказы от несения полицейской службы казаков двух донских, двух кубан-

ских и одного терского казачьих полков, а также пяти Кубанских пластунских батальонов и др.)¹⁷⁷. Можно отметить лишь упомянутые вопросы кизаков 14-го Оренбургского казачьего полка Наказному атаману Генерального штаба генерал-майору барону Ф.Ф. фон Таубе, а также не подтвердившиеся обвинения в неповиновении казаков 7-го Оренбургского казачьего полка.

По данным С.В. Джунджузова, в пяти из восьми оренбургских казачьих полков имели место случаи проявления недовольства (нарушения дисциплины, предъявление письменных требований начальству). Кстати, указанный автор считает недовольство казаков «справедливым»¹⁷⁸. Однако бесспорно то, что любая армия основана прежде всего на дисциплине и предъявление требований начальству, ультиматумы, попытки шантажа ведут только к ускорению процесса разложения частей, а затем к анархии: такие действия никак не назовешь справедливыми, они скорее являются преступными. Думается, что в изложении событий 1905 г. имеет место излишнее преувеличение степени «революционности» оренбургских казаков; если разобраться, то получается, что большинство нарушений дисциплины, практически не искоренимых в армии в мирное время и усугубляющихся в период массовых беспорядков, связано с плохими условиями службы казаков. Серьезным просчетом властей и командования стало недостаточно внимательное отношение к условиям размещения и довольствия казаков. В обычное время это не имело такого значения, какое приобрело в условиях революции, когда малейшая ошибка начальства могла стать поводом для антиправительственных выступлений.

Отмечу, что, несмотря на агитацию со стороны революционеров¹⁷⁹, явление революционного брожения в казачьих частях было настолько нехарактерным и опасным и для казачества, и для самой государственной власти России, что в отношении оренбуржцев было проведено детальное служебное расследование. Наказный атаман Генерального штаба генерал-майор барон Ф.Ф. фон Таубе даже собирался лично побывать в казавшихся нелояльными 15-м, 16-м и 17-м полках¹⁸⁰. Материалы расследования в нескольких объемистых томах сохранились до наших дней, представляя собой уникальный документальный комплекс по истории участия казаков в подавлении массовых беспорядков в 1905—1908 гг. К чести казаков, выдвинутые против них обвинения не подтвердились, поскольку были, судя по всему, порождены бюрократическими противоречиями. Расследование вел Генерального штаба полковник Бурский, который сумел доказать, что «нет никаких серьезных оснований опасаться бунта среди казаков»¹⁸¹. А само дело началось следующим образом.

1 февраля 1906 г. саратовский губернатор П.А. Столыпин написал командующему войсками Казанского военного округа, что 7-й Оренбург-

ский казачий полк внушает ему серьезные опасения. Будущий премьер указывал: «Казакі поголовно пьянствуют, предъявляют непомерные требования к экономиям и открыто начинают заявлять, что будут помогать крестьянам в разграблении помещичьих усадеб. Офицеры пьют вместе с ними и не пользуются никаким авторитетом. Некоторые сотни, где воровство и пьянство нижних чинов, ничем не сдерживаемое, превзошло всякую меру, должны были быть переведены в города, но сегодня мною получена телеграмма Сердобского Исправника, что переведенная в Сердобск сотня угрожает спокойствию города... Так как в других казачьих частях, расположенных в Саратовской губернии (например, Астраханского войска), подобного не происходит, то, несомненно, причина тут в плохом поведении офицеров и отсутствии всякого надзора со стороны полкового начальства, благодаря чему казаки обратились просто в шайку своевольных вооруженных мужиков»¹⁸². По сведениям Столыпина, казаки заявили, что обязаны служить царю, а не охранять помещиков и хотят идти домой.

Губернатор писал, что один из казаков полусотни 13-го Оренбургского казачьего полка, находящейся в селе Ольховка Царицынского уезда, получил письмо из Сердобска от казака 7-го полка, в котором содержались призывы к забастовке, назначенной на 7 февраля. Письмо казаки читали вслух, и оно, вероятно, произвело на них впечатление. «...Не могу не добавить, — отмечал Столыпин, — что все бесчинства казаков дают обильную пищу радикальной, противоправительственной прессе»¹⁸³. В результате проверка коснулась не только 7-го, но и 13-го полка, а также соседних частей.

Недовольство части казаков вызывали, в первую очередь, люди, казалось бы больше всего заинтересованные в их присутствии, — помещики. К примеру, казаки 2-й полусотни 3-й сотни 13-го Оренбургского казачьего полка, командированные в начале декабря 1905 г. в село Ольховка, Царицынского уезда, под начальством хорунжего А.И. Чудошникова, изначально никаких нареканий не вызывали, в полусотне была дисциплина, пьянство не допускалось. Состав сотни был довольно разнообразен — здесь были казаки трех возрастных и служебных категорий: 45 казаков третьей очереди, 15 — второй и 12 запасных казаков. Причина командировки войск в Ольховку бытовая — крестьяне растащили помещичье сено.

Чтобы понять, насколько первоначально высок был моральный дух казаков, представим себе обстановку декабря 1905 г., в которой им пришлось действовать. В результате мобилизации третьей очереди — казаков от 29 до 33 лет — в полк пришли почти совершенно гражданские уже люди, мало чем отличавшиеся от крестьян. И вот, приобретя все необходимое для похода, в том числе (и прежде всего) строевого коня, казаки 13-го полка по долгу службы зимой ехали в помещичью усадьбу защищать имущество какого-то землевладельца, по его же просьбам. Вместо того чтобы встретить

тим казаков с распростертыми объятиями, представители интересов помещика, очевидно перебравшегося либо в крупный город, либо за границу — подальше от революции, — к этим казакам отнеслись крайне невнимательно. Выделили для них негодные помещения, создали невыносимые условия. Треть лошадей была размещена на открытом дворе, в морозы ими битком набивали конюшню, причем головы их привязывали к потолку, чтобы они не могли ложиться и поранить друг друга. Сами казаки спали на полу без подстилок и в тесноте. Не заставили себя ждать лихорадки и другие заболевания. Несмотря на все это, казаки не роптали и не поддавались на агитацию крестьян. Более того, у них не было и сочувствия к крестьянам (хотя и вражды тоже не было). «Если бы Вы не бунтовали, то были бы и мы дома...» — говорили казаки¹⁸⁴. Добавим к этому случаи задержки обеспечения казаков довольствием и то, что само довольствие казаков было меньшим по сравнению с пехотой. И все это, вместе взятое, казаки мужественно переносили! Однако терпение и покорность их были не безграничны. Неэффективным использованием казаков власть сама толкала их в революцию.

Совершенно типичен в этой связи случай, когда казаков подтесаула А.А. Милеева из 2-й полусотни 2-й сотни 7-го полка, прибывших в одно из имений охранять имущество, хозяева вообще не пустили на порог, и тем пришлось самим искать место для ночлега и продовольствие¹⁸⁵. Местная полиция при этом не прислала казакам даже стражника, чтобы указать места для расквартирования. Причина столь безобразного отношения к войскам со стороны помещиков, видимо, заключалась не только в нехватке места, но и в том, что владельцы усадеб, не надеясь на благополучный исход революционных событий, ликвидировали дела, распродавали инвентарь и сдавали землю в аренду.

29 января 1906 г. аналогичный случай, но по вине полиции, произошел в городе Сердобске, куда должна была прибыть другая полусотня той же сотни. Полиция и здесь не озаботилась вопросом размещения казаков по квартирам. Сердобский уездный исправник проявил по отношению к казакам полное равнодушие и даже неудовольствие в связи с их пребыванием в городе. Казаков все же разместили, но скученно, в холоде, вынуждая спать на полу.

Владельцы имений не всегда знали, на каких основаниях у них должны находиться казаки. Некоторые из них, наоборот, проявляли порой чрезмерную заботу о казаках, — сами начинали снабжать их и даже выплачивать деньги. Например, помещик села Сластуха Аткарского уезда Саратовской губернии бесплатно кормил казаков, помещик в селе Елань без ведома командира сотни выдавал каждому казаку по одному рублю в неделю, в другом имении платили больше — по пять рублей в месяц и содержали казаков на полном довольствии¹⁸⁶. В то же время военная власть считала это совер-

шенно недопустимым и запрещала казакам принимать за службу деньги и продукты от частных лиц.

Лишние деньги и наличие свободного времени в деревне вели человека, как правило, в кабак. И основная масса претензий была к казакам именно из-за пьянства, имевшего весьма широкое распространение среди казачества в начале XX в.¹⁸⁷ Добавлю, что в сельской местности, где приходилось действовать казакам в 1905—1906 гг., особенно в зимнее время и с учетом климатических условий Среднего Поволжья и Урала, потребление алкоголя было вынужденной необходимостью. Более того, население мест дислокации казачьих отрядов, видимо, неплохо зарабатывало на слабостях казаков — одними из основных статей дохода местных жителей были продажа самогона и проституция¹⁸⁸. Случалось, что сами же помещики, угощая казаков водкой, спаивали их. Имело место и своего рода «протестное» пьянство, когда казаки специально напивались, чтобы их поскорее отправили домой¹⁸⁹.

Последствия пьяных буйств казаков на уральских заводах были куда серьезнее того, что происходило в Поволжье. Так, на Алапаевском заводе пьянство приобрело массовый характер. Поодиночке и группами пьяные казаки бродили по улицам, играли на гармонии и распевали песни. 22 марта 1906 г. около девяти часов вечера четыре или пять пьяных казаков подошли к проходной старого Нейво-Алапаевского завода и потребовали их пропустить. Получив от сторожа отказ, они попытались сорвать запор у дверей проходной, ругали управляющего заводами и даже грозились его убить, а всех служащих передошвырнуть¹⁹⁰. В Мотовилихе был отмечен случай братания казаков с рабочими и совместного пьянства, дело дошло до военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера, который потребовал проведения расследования¹⁹¹.

Порой не столько пьянство, сколько само наличие казаков, вызванных обеспечивать безопасность на местах, серьезно угрожало безопасности местных жителей. Например, одна из сводок сообщала, что в 17-м полку «13 Апреля казак Иван К и с е л е в (так в тексте. — А. Г.), пьяный, на берегу реки Камы, у завода, ударил в лицо женщину, затем свалился на землю и уснул»¹⁹². Как выяснилось впоследствии, казак был пьян, шел шатаясь и случайно толкнул женщину, стоявшую на пути, после чего городской Опарин отвел его в сторону, где казак сразу же уснул¹⁹³. Сложно сказать, насколько достоверна такая трактовка произошедшего и не является ли она лишь стремлением оправдаться и спасти честь мундира, но она коренным образом меняет суть дела и рисует казаков в гораздо более приглядном виде.

2 апреля 1906 г. в городе Алатырь Симбирской губернии «один [из] казаков, отвратительно ругаясь и дико крича: «казаки идут, сторонись, изрублю», гоняся с обнаженной шашкой по московской улице, за проходивши-

ми алатырскими обывателями. Публика бежала, кто куда мог. У дома Морозова на казака залаяла собака. Этого было достаточно, чтобы он бросился, как безумный, рубить шашкой окна, запертые двери, крыльца. В трех окнах были вырублены рамы, изрублены стоявшие на окнах цветы, порваны оконные драпировки. В доме в это время были только одни женщины. Они в ужасе черным ходом через сад и огород бежали из дому. Прибывшие казаки обезоружили своего товарища-героя»¹⁹⁴.

Казак Донецкий совместно с крестьянами громил один из домов¹⁹⁵. Казаки 13-го Оренбургского казачьего полка, расквартированные в Алатыре, были обвинены в избиении студента Казанского университета А.А. Раевского и в буйстве в бане Гордеева¹⁹⁶. Вечером 13 марта 1906 г. группа казаков 17-го Оренбургского казачьего полка на рыночной площади Алапаевского завода избивала пьяных крестьян нагайками¹⁹⁷. В поисках публичных женщин казаки приставали к женам служащих Алапаевского завода. Днем 18 марта на том же Алапаевском заводе два казака догнали возвращавшуюся с уроков М.И. Костромину. Один из казаков «схватил ее за грудь. Когда она от него отскочила, то другой схватил ее за руку и задержал. На ее вопрос «зачем ее остановили и что это за безобразие», державший показал ей кулак, ответив: «вот мы покажем тебе», и назвал ее при этом публичной женщиной. После этого она от него вырвалась и когда побежала, то слышала, как другой казак упрекал этого за то, что он ее отпустил»¹⁹⁸.

28 августа 1906 г. командир 3-й сотни 17-го Оренбургского казачьего полка есаул А.В. Смирных со взводом казаков в полном вооружении окружил дом служащего Кленцова, вызвал его на улицу и «приказал казакам отодрать его нагайками, что и было исполнено тут же на улице, в присутствии собравшейся толпы любопытных. То же хотели проделать с часовым мастером евреем Кроссовым, но этот заблаговременно скрылся из своей квартиры»¹⁹⁹.

Впечатляет картина разрушений после ухода казаков 17-го Оренбургского казачьего полка, квартировавших в доме потомков Демидова в Нижнем Тагиле (бывший Авроринский приют). 27 августа 1906 г. в день отъезда «оставшаяся частью казаков, пьяных, разгромлено имущество: поломаны нары и скамьи во всех комнатах, разбиты и изрублены шашками 9 оконных рам, в остальных 26 рамах выбиты все стекла, отвернуты и увезены шпингалеты и крючки, двери изрублены шашками, и одна дверь совсем уничтожена, в погребе дверей нет, косяки вышиблены и разрушены, в бане окна и стекла тоже, печь разбросана и проч.; одним словом, произведен полный разгром»²⁰⁰.

Особый размах потребление спиртного приобрело после разграбления крестьянами винокуренного завода предпринимателя Маркова, когда было похищено 16 тысяч (!) ведер спирта. После этих событий крестьяне села

Зубовка, например, стали специально спаивать казаков, раздавая тем спирт, с целью избежать обысков²⁰¹. Пьянство сразу же прекратилось после того, как трех казаков отдали за это под суд.

Расследование показало, что в среднем на сотню приходится по пять сильно пьющих казаков, которые и были заводилами в деле выпивки, до трети казаков в некоторых сотнях вообще не пили, а остальные пили умеренно²⁰². И хотя случаев поголовного пьянства в казачьих сотнях не было, это явление не только позорило казаков перед населением, которое они должны были охранять, но и хуже революционной пропаганды разлагало их самих. Однако казаков, если верить радикальной газете «Степь», такие обвинения возмущали. «Скажите, добрые люди... — писали казаки 14-го Оренбургского казачьего полка, — можем ли мы пьянствовать, когда каждому из нас уже по 38 лет, когда чуть ли не каждый имеет по 8 детей. С 1907 г. от наших сыновей уже будут требовать обмундировочные деньги, а мы все служим...»²⁰³

Обвиняли и казачьих офицеров в том, что те пили в обществе казаков. Я уже отмечал отсутствие какой-либо разобщенности казаков со своими офицерами²⁰⁴, однако это единство имело допустимые пределы и все же не переходило в панибратство. Расследование показало, что казаки и офицеры вместе пили лишь однажды, на ярмарке в селе Озерки, за здоровье Императора в день его тезоименитства, на виду у многотысячной толпы крестьян, которые сами же подхватили казачье «ура»²⁰⁵.

Негативным было влияние на казаков местной полиции, в ведение которой они были переданы и которая много способствовала к подрыву воинской дисциплины и внесению разврата в казачью среду»²⁰⁶. Офицеры уездной полиции всего боялись, а некоторые нижние чины за водку сами покрывали преступников²⁰⁷. Отношение самых малозначимых полицейских чинов к казачьим подразделениям совершенно не укладывалось ни в какие рамки. Последний становой пристав, даже не имевший чина, считал допустимым как представитель местной власти не только распоряжаться казаками, использовать их в качестве собственного конвоя, но даже отдавать приказания командирам сотен²⁰⁸. Недовольны этим были прежде всего казачьи офицеры. Во-первых, потому, что страдала служба, а во-вторых, потому, что им приходилось подчиняться непонятно кому, а их новые штатские начальники порой даже не удосуживались обращаться к офицерам как подобает. Если от мелких чиновников еще можно было как-то отделаться, то труднее было офицерам в отношениях с высокопоставленными представителями гражданской власти, которые тоже, как, например, дермский губернатор, считали возможным «входить в оценку внутренней жизни войсковой части и даже предлагать Командиру ее устранять командиров сотен, для восстановления «должного порядка и дис-

циплины»²⁰⁹. Оставалось лишь жаловаться еще более высокопоставленным чиновникам.

Войска использовались не всегда рационально. В частности, 10 мая 1906 г. военный министр Редигер разослал командующим войсками военных округов следующий циркуляр: «До сведения моего дошло, что наряды войск для содействия гражданским властям не всегда соответствуют требованиям разумной экономии, чем вызывается излишнее утомление, а иногда даже и полное переутомление войск. Независимо этого, продолжительное соприкосновение с местным населением, в особенности в фабричных районах, отвлекая войска от казарменной жизни, содействует понижению воинской дисциплины и неблагоприятно отражается на воспитании и на нравственности войсковых частей. Такое положение дела, не принося существенной пользы в отношении ограждения общей безопасности, может привести к тому, что в критическую минуту войска выйдут из повиновения и не окажутся на должной высоте»²¹⁰.

Беспорядки сильно напугали полицию, которая отныне без помощи казаков никакой активной деятельности не вела. Чего стоит, например, случай, когда для ареста сельской учительницы, обвиненной в антиправительственной агитации, полиция запросила помощь казаков²¹¹. Казаки полка использовались властями для самых разных целей, порой совершенно не характерных, а иногда даже постыдных для казачества: охраняли от незаконных порубок частновладельческие леса, производили обыски, исполняли обязанности городских, служили в качестве конвоя и охраны для исправников и станových. В штабе Казанского военного округа на этот факт обратили внимание, и в одном из документов штаба было указано, что «продолжение такого порядка несомненно приведет к полному разложению армии и к потере ее как организованной вооруженной силы...»²¹². Одним из наиболее ярких примеров был случай, когда исполняющий должность исправника Самарского уезда Егоров, чтобы поехать на сельский сход, потребовал себе целый взвод казаков с офицером, что вызвало протест сотенного командира²¹³. Эти же полицейские чины потворствовали пьянству казаков. Таким образом, в целом конструктивного взаимодействия казаков и чинов полиции не получилось. Позднее нецелое использование казаков было запрещено, однако данными о том, сократила ли эта мера количество злоупотреблений, мы не располагаем.

Выше говорилось о недовольстве казаками. Но было и другое недовольство — со стороны самих казаков. Когда же и в какой связи оно появилось в казачьих рядах? Недовольство было связано прежде всего с экономическими вопросами. Казаки 8-го полка написали прошение и на имя командующего войсками Казанского военного округа. В прошении они отметили: «...мы стоим на охране с 1905 года с 15^м марта, почти 2 года скоро будет

и не знаем, когда будет конец нашей службе. Мы истомились... Защищать сытых, а самим оставаться голодными нам не по сердцу. Служить Государю, защищать отечество, как сказано в Уставе, от нападения других народов мы готовы каждую минуту. А теперь выходит, что самим приходится защищаться от голоду, да от начальства своего, которое нас обирает. Наш войсковой старшина [Ф.И.] Никитин прибавит одну сотую часть мяса, да и говорит, — деньги ушли на улучшение пищи. Нет, так мы не хотим, пусть нам дают деньги на руки, мы их хоть будем домой посылать детям на пропитание»²¹⁴. Казаки требовали удаления из полка подъясаула Леонтьева и войскового старшины Ф.И. Никитина «от греха великого». Вместе с тем новый командир полка (с 24 октября 1906 г.) полковник Угличинин телеграфировал 8 ноября в Казань, что «в семье не без урода, поверьте нам, анонимное письмо — это не голос полка, [а] его отщепенцев или злой умысел, мы свято чтим заветы отцов и дедов... любя родину готовы умереть на своем посту...»²¹⁵. Войсковой старшина Никитин, вопреки утверждениям анонимных авторов, судя по аттестациям, считался хорошим офицером. Те же казаки 8-го полка в 1906 г. подали прошение и на имя начальника Главного управления казачьих войск Генерального штаба генерал-лейтенанта П.О. Щербова-Нефедовича, в котором писали (сохранена стилистика документа. — А. Г.): «...мы мобилизованы с 5 марта 1905 г. и, получив подъемных денег по 100 рублей, которые мы употребили на заведение лучших коней, как рассчитывая, что мы нужны на Дальний Восток. И из сей же суммы ремонтировали обмундирование, так что некоторые были принуждены даже добавить своих средств, следовательно для поддержки хозяйства из сих сумм ничего не осталось, и для семей осталось только ничтожное наше хозяйство, и вот, благодаря этому незначительному хозяйству и благодаря изобильному урожаю, что семьи наши кормятся весь 1905 год, хотя и трудно, но не лишаясь насущного пропитания, но как в настоящем 1906 году в нашем войске неурожай повсеместно и уже уничтожение наших хозяйств, то семьям нашим предстоит сильная голодовка, так как пособие семьи наши никакого не получают, на что хотя и были приказы по военному ведомству, в которых действительно и было сказано, что казакам 2 и 3 очереди на их семьи выдавать пособие и выдавать со дня их мобилизации, но приказ сей оказался издан не для руководства, а для смеху, потому что на основании этого приказа было выдано кое-кому по 2 и по 3 и до 8 руб. для ограничивая нашего войскового начальства и то не во всех станицах, но в течение полутора года это пособие разве на эти [деньги?] можно или улучшить пропитание или поддержать хозяйство, ведь у нас у каждого по четверо и по пятеро и до шести детей, следовательно, чем же они должны содержаться без рабочего человека в доме, и им уже предстоит то, что они останутся без посева, но, благодаря щедротам, Их Импера-

торскому Величеству, то было выдано единовременное пособие на посев в размере 175 рублей, которые были назначены 4го декабря, а объявлены в первых числах марта и выдано из них по 40 руб. в апреле и остальные в Июне, следовательно, к настоящему севу были опоздаты (так в тексте. — А. Г.), но все-таки, надеясь на них, посеяли и первые 40 руб. употребили на посев, но посев, вместо того, чтобы дать пользу хозяину, даже и не взошел, теперь и остальные по 35 руб. были получены и утрачены на хлеб и на необходимые потребности, следовательно, чем же семьи наши будут кормиться и откудова (так в тексте. — А. Г.) будут брать средства, вследствие чего и обращаемся к Вашему Высокопревосходительству с просьбой, не найдете ли Вы возможным или сделать распоряжение о выдаче пособий на наши семьи и ходатайствовать перед тем, кто сможет нам выдать, так как мы неоднократно обращались к своему командиру полка с просьбой о ходатайстве пособия, но он нам отвечал, что без Вас Войско заботится, а Вы, находящиеся на службе, не имеете право ходатайствовать и угрожал нам наказанием... пока мы не потеряли свою твердость, пока еще не колебнулись, а до чего уже немного осталось... пока еще мы не сменили честь на бесчестье, чего мы сами боимся...»²¹⁶ Заканчивалось прошение, таким образом, весьма недвусмысленными предупреждениями со стороны казаков.

Между тем выдача пособий и снабжение частей были организованы властями безобразно. Выплаты задерживались. 17-му Оренбургскому казачьему полку было выделено лишь 18 тысяч рублей для довольствия казаков, тогда как полагалось 44 тысячи — почти в два с половиной раза больше²¹⁷. У мобилизованных казаков вызвал возмущение тот факт, что некоторые казаки третьей очереди, не мобилизованные на службу, нанимались в конно-полицейскую стражу и неплохо там зарабатывали (по 38 рублей жалованья). Многие казаки имели поношенное обмундирование, которое необходимо было заменить на новое²¹⁸. В частности, командир 8-го полка полковник П.И. Кременцов доносил 22 августа 1908 г., что «5 сотня вверенного мне полка с 26 числа Апреля с/г находится в командировке в Симбирской губернии и за 4 месяца довольно сильно обносилась; обмундирование требует перемены, кроме того, сотня не имеет теплой одежды...»²¹⁹. Впоследствии деньги на обмундирование были выделены всем казакам, прослужившим в полках не менее шести месяцев. В разных полках (данные по полкам третьей очереди на сентябрь—октябрь 1906 г.) на обмундирование выдавались различные суммы, однако наиболее распространенным был следующий размер пособия: конным казакам полагалось 33 рубля 50 копеек, а пешим — 30 рублей 50 копеек²²⁰. Казаки 1-й сотни 7-го полка 8 сентября 1906 г. жаловались на то, что не имели постельных принадлежностей, получали недостаточное пособие, содержали лошадей в грязных конюшнях²²¹.

Кроме того, вызывала брожение и различная для второй и третьей очередей сумма единовременного пособия от казны. Особенно остро стоял этот вопрос во второочередных 7-м и 8-м полках, в которые было мобилизовано много казаков третьей очереди.

Т а б л и ц а 29

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВТОРООЧЕРЕДНЫХ ПОЛКОВ
ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, МОБИЛИЗОВАННЫХ
НА БОРЬБУ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ, ПО ГОДАМ ПРИСЯГИ
(по данным на 29.09.1906 г.)²²²

Годы присяги	Полк	
	7-й Оренбургский казачий	8-й Оренбургский казачий
1890	1	—
1892	—	23
1893	—	38
1894	117	118
1895	154	184
1896	208	147
1897—1905	460	431

Таким образом, в этих полках состояло даже больше казаков третьей очереди (до 1897 г. присяги), чем второй. Отпуск пособий был Высочайше одобрен 10 декабря 1905 г. Казаки третьей очереди получали по 207 рублей подъемных на покупку коня и полушубка, 54 рубля на посев и 2 рубля в качестве пособия женам, а личный состав второй очереди получил лишь по 100 рублей, так как казаки этой категории были обязаны иметь строевого коня. Сведения об этом были получены казаками из писем домой. Возникло недовольство, в особенности тем, что в третьей очереди служили не только бывалые казаки, но и вообще никогда не служившая молодежь, не попавшая в полки первой очереди. Все те же казаки 8-го полка писали командующему войсками Казанского военного округа: «Если так будет, то мы не будем в ущерб себе охранять тех, которые день и ночь играют в билиарды, вечно сыты и пьяны. Ждем Вашего ответа, а если его не будет, то мы вынуждены будем отказаться от такой службы. Это не ублаговтворение казачьего положения, а разорение»²²³.

Некоторым офицерам пришлось даже давать казакам деньги из своего кармана, так как тем надо было во что бы то ни стало переслать деньги до-

мой для уборки урожая. Свои долги перед офицерами казаки просили вычесть из подъемных денег. Хорунжий 13-го Оренбургского казачьего полка А.И. Чулошников, к примеру, выдал таким образом казакам круглую сумму в размере 100 рублей²²⁴. Кстати, подъемные деньги полагались и офицерам тоже: штаб-офицерам — 150 рублей, обер-офицерам — 100 рублей. Семейным офицерам выплачивался в качестве пособия четырехмесячный оклад содержания, холостые получали двухмесячный оклад²²⁵.

Позднее власти решили уравнивать сумму выплаты подъемных и выплатить всем казакам по 200 рублей, чтобы не было недовольства²²⁶. Мера эта в какой-то степени была вынужденной — казаки второй очереди практически в ультимативной форме потребовали прибавки им пособия. На имя командующего войсками Казанского военного округа казаками 8-го полка была подана петиция чуть ли не с угрозами (сохранена орфография документа. — А. Г.): «...если так как числу 20го Февраля, ничево не будит нам известна [о пособиях], то мы подадим [прошение] на Высочайшие [имя]»²²⁷.

Однако при решении финансовых вопросов всегда кто-то оставался недоволен. Казаки просили выдавать ремонтные деньги им на руки. В переписке с одностаничниками сведения часто искажались или сообщалась недостоверная информация, слухи. Например, про казаков третьей очереди говорили, что им дадут еще 100 рублей сверх полученных 207, чего на самом деле не было²²⁸. Один из казаков третьей очереди писал своему родственнику, состоявшему во второй очереди, что они получают суточные, ходят в резиновых калошах и не знают, куда девать деньги. Родственник же спьяну решил ответить резко и написал, что казаки второй очереди служат царю, а не являются наемниками, как третья очередь, служащая помещикам²²⁹.

Власть предпринимала попытки всячески улучшить положение казаков, чтобы можно было на них всецело положиться в случае нарастания революционного движения, однако не всегда достигала успеха. В конце ноября 1905 г. всем казачьим войскам была выражена особая благодарность императора²³⁰. 23 февраля и 8 апреля 1906 г. оренбургскому казачеству были даны Высочайшие грамоты, закреплявшие за войском в вечное владение земли, предоставленные ему по Положению от 12 декабря 1840 г.²³¹ Улучшено было питание казаков. Если до 6 декабря 1905 г. личный состав мобилизованных полков получал $1\frac{1}{2}$ фунта мяса (в 8-м полку к этой даче за счет полковых хозяйственных средств добавляли еще $\frac{1}{2}$ фунта), то с 6 декабря вес мясной порции составил $\frac{3}{4}$ фунта, к которым от полка добавляли еще $\frac{1}{4}$ фунта. Чайное довольствие обеспечивалось самим полком, хлеб пекли в полковой хлебопеканне из ржаной муки, получаемой из интендантских магазинов, причем от полка добавляли $\frac{1}{4}$ пшеничной муки, излишки хлеба полк продавал. Казаки 18-го полка также получали усиленную порцию мяса (на $\frac{1}{4}$ фунта) и крупы (до 16 золотников), чайное довольствие оставалось

стандартным — 0,78 золотника в день, выдавался и сахар — 2,34 золотника²³². При 7-м полку в ноябре 1906 г. было разрешено открыть приемный покой на 12 мест, тогда же мобилизованным второочередным казакам решили вступать в браки²³³. Помогали и местные власти. В частности, городское управление Самары в 1905—1906 гг. выделило 8-му полку 13 500 рублей на улучшение быта казаков²³⁴. По всей видимости, из этих денег для казаков были закуплены одеяла, простыни, наволочки, выделены средства на улучшение пищи, на награды за отличную службу и джигитовку. С 1 января 1906 г. мобилизованным казакам выдавалось усиленное денежное довольствие²³⁵. Суточные для офицеров и казаков составляли: штаб-офицерам — 2 рубля, обер-офицерам — 1,5 рубля, урядникам — 30 копеек, рядовым — 15 копеек²³⁶. Между тем 30 копеек в сутки были тогда большими деньгами²³⁷.

Правительство не сумело, однако, правильно организовать выплату этих денег. Невыполнение властями своих обещаний особенно тяжело отражалось на моральном духе казаков. В предыдущем разделе уже отмечался этот факт применительно к 14-му полку, то же самое происходило и в некоторых других частях. Командир 17-го Оренбургского казачьего полка писал: «...они (казаки. — А. Г.) поэтому сильно взволнованы лишением этих суточных, что для них составляет огромный материальный интерес, так как получаемых ремонтных денег им на поддержание обмундирования и снаряжения в исправности — не достает и многим приходится получать на это деньги из дома. Принимая во внимание настоящее тревожное время, стоянки сотен как пункты, самые беспокойные, когда и где вообще казакам приходится переносить массу незаслуженных насмешек и оскорблений от местных жителей, что к чести казаков, они это переносят с большим достоинством и терпением, полагал бы с своей стороны не давать даже намека на зарождение у них малейших недоразумений в чем-либо...»²³⁸ Такой подход в интересах государственной власти был бы наиболее правильным. Правительственным чиновникам, курировавшим вопросы казачества, давно следовало бы учесть, что казаки становились все более дорогостоящим родом войск, нуждавшимся в постоянном и довольно значительном государственном финансировании.

Конфликты в то беспокойное время порождала и сама организация казачьей службы. По выслуге лет часть казаков перешла из второй в третью очередь, однако дополнительных денег, полагавшихся казакам этой очереди, они не получили. Государство абсолютно правильно рассчитывало на наличие строевых лошадей у таких казаков, которые, следовательно, не нуждались в дополнительных пособиях на их покупку. Проблема, видимо, была в том, что казакам не были вовремя и соответствующим образом разъяснены принципы раздачи денежных пособий, что, несомненно, пробудило необоснованные надежды на дополнительные денежные выплаты от государства.

Приближение весны 1906 г. вызвало в казачьих рядах беспокойство за судьбу посевов и боязнь за состояние хозяйств. В этой связи им были Высочайше разрешены отпуска домой до 1 марта, причем несение службы не должно было страдать из-за отпусков²³⁹. Казаки просили продления отпусков до 15 мая для участия в полевых работах. Для облегчения положения казаков было решено на время полевых работ с 1 мая по 1 сентября ограничить высылку пополнений во второочередные части. Помимо этого, 27 июня последовало Высочайшее разрешение временно распустить не более 25% личного состава по домам, чтобы в течение четырех месяцев все казаки успели побывать дома и принять участие в ежегодной страде. При увольнении в отпуск государство обеспечивало казакам бесплатный проезд по железной дороге. 1905—1906 годы были неурожайными. В 1906 г. было собрано не более трети предыдущего урожая. Больше всего от недорода пострадали Оренбургский и Орский уезды Оренбургской губернии²⁴⁰. Все это усиливало стремление казаков поскорее вернуться к своим бедневшим хозяйствам и заняться их восстановлением. 27 июля 1906 г. командир третьегоочередного 15-го Оренбургского казачьего полка докладывал о просьбе 46 казаков об увольнении в связи с перечислением в запасной разряд. «...Их товарищи, — писал он, — возрастом моложе (подчеркнуто в документе. — А. Г.) и менее обремененные семейством, многие живут вместе с родителями и братьями, и у них есть поддержать кому хозяйство, и они все остались дома, а у этих наоборот: хозяйство приходит в упадок, и они все почти живут в разделе, и жены их с детьми не [в] состоянии поддерживать расстроенное хозяйство»²⁴¹.

Крайне болезненным для льготных казаков был вопрос обеспечения их семей пособием, которое долгое время задерживалось. Жены писали из дому, что если мужья вернутся нескоро, то они начнут продавать скот, чтобы просто выжить (у некоторых казачек едва хватало денег (3 копейки) на отправку писем своим мужьям)²⁴². Кто-то из казаков с горечью писал: «...когда мы переживали такие грустные для нас времена, то нам вспоминалась жизнь наших семей и жизнь следующая: когда мы были мобилизованы, то семьи наши, лишаясь главных рабочих рук (здесь и далее стиль документа. — А. Г.), в хозяйствах появились недостатки даже за неимением средств нередкие остались без посева, оставаясь без рабочих рук, то дети наши уже не редкие вынуждены ходить по миру, а не говоря уже об уничтожении нашего хозяйства, которого уничтожения в каждом даже есть, потому что нередкие семьи уже год без рабочих рук...»²⁴³.

Казаки хотели, чтобы деньги выдавались всем членам семьи по числу душ. Детям до 5 лет — одну часть, до 10 лет — две части, до 15 лет — три части, женам — четыре части. Однако, судя по документам, всем было выдано стандартное пособие за каждого мобилизованного казака. Иначе рас-

чет был бы очень сложен. Высочайше утвержденное 27 февраля 1906 г. мнение Государственного совета санкционировало отпуск 75 рублей из казны семье каждого мобилизованного казака²⁴⁴. Из этой суммы 40 рублей выделялось на посев хлеба, 20 рублей на его уборку и 15 рублей на сенокос²⁴⁵. На пособия семьям казаков льготных частей было отпущено в общей сложности 5 миллионов 175 тысяч рублей, в том числе 875 тысяч рублей полагалось семьям казаков Оренбургского казачьего войска. То есть расчетное число льготных казаков составляло 11 666 человек²⁴⁶. Списки семей составляли станичные атаманы под общим наблюдением Наказного атамана. Важно было выдать деньги до начала полевых работ. Но и тут выплаты задерживались, что грозило разорением хозяйств казаков. Вопрос о немедленной выдаче денег решался на уровне штаба Казанского военного округа. В итоге сроки были нарушены, а выдачу денег власти надеялись завершить хотя бы к 1 августа 1906 г.

Опасались казаки и за безопасность своих домохозяев. Дело в том, что в конце 1905 г. прошел слух (возможно, специально распушенный революционерами для деморализации казаков), что после мобилизации казаков на их земли нападут киргизы (киргизами или киргиз-кайсаками в Российской империи называли казахов). Тревожные письма из войска сообщали, что по реке Илек киргизы стали активнее похищать казачий скот. Особенно опасались в казачьих частях начала лета, когда воровство скота резко возрастало. Неизвестной оставалась и дата возможной демобилизации, что также негативно влияло на настроения казаков.

Таким образом, уместен вывод, что корни недовольства казаков не в каком-то присущем им революционном духе, а в неподготовленности огромного государственного аппарата империи к слаженной и четкой работе в новых условиях, неспособности его хотя бы обеспечить своевременное снабжение казачьих частей и эффективное управление ими, а также правильно организовать распределение денежных пособий.

Служба казаков в городах была, пожалуй, труднее службы в сельской местности. Города были центрами революционного движения, здесь казаки сталкивались с организованными выступлениями, в деревне же имели место, как правило, стихийные беспорядки. В одном из документов отмечалось, что казаки, «несущие службу в городах, ввиду усиленных нарядов, нередко остаются бессменно по несколько суток, как в разъездах, так и в частях резерва и иногда даже не удается расседлывать и лошадей»²⁴⁷. Казаки 8-го Оренбургского казачьего полка приняли участие в подавлении выступлений в Самаре 13 октября и 9 декабря 1905 г. При подавлении лошади нескольких казаков были ранены и пали²⁴⁸.

В сельской местности казаков без отдыха и часто, к сожалению, без особой отдачи направляли успокаивать крестьян то в один населенный пункт,

то в другой. Однажды казаки 7-го Оренбургского казачьего полка заявили управляющему имением помещика Устинова: «Да долго ли же, наконец, нас будут гонять по целым суткам без отдыха и без еды по морозу из одного имения в другое и мучить нас. Не будем защищать имения, а будем служить Государю, а не мотаться так зря! Мы слуги Царские, а не барские!»²⁴⁹ Это высказывание свидетельствует о том, что казаки не испытывали особого восторга от выпавшей им миссии по защите помещичьих интересов, но также показывает, что брожение в казачьей среде еще не затронуло одной из основ традиционного казачьего мировоззрения — стремления служить государству. Ведь даже те, кто на казаков жаловался, признавали, что казаки надежнее и стражников, и пехоты. Так, полусотня 3-й сотни 7-го Оренбургского казачьего полка характеризовалась со всех сторон положительно. В следственном деле отмечалось: «...общее заявление всех опрошенных мною лиц таково, что лучше этой части и найти трудно. Никто и никогда не предъявлял на казаков этой полусотни никаких жалоб, и люди ведут себя во всех отношениях хорошо»²⁵⁰.

Сотни 8-го Оренбургского казачьего полка по данным к 3 апреля 1907 г. «хорошо содержатся. Люди, за исключением 2-й сотни, снабжены чистым постельным бельем, в 1-й сотне белье смотровое, не бывшее в употреблении. Ответы казаков в общем хороши, но в 1-й сотне было несколько неудачных ответов молодых казаков, не служивших в частях — следует их доучить; изготовка и прикладка не однообразны»²⁵¹. Кстати, во время совместного конного учения казаков 11-го Донского, 8-го Оренбургского и 2-го Кубанского казачьих полков 11 июля 1907 г. в Самаре, по мнению командующего войсками Казанского военного округа Генерального штаба генерала от инфантерии И.А. Карасса: «Все сотни учились очень живо и стройно. Лошади во всех сотнях в хороших телах, лучше в сотнях 8-го Оренбургского полка. Командиру 8-го Оренбургского казачьего полка полковнику Угличнину за отличное состояние сотен от лица службы объявляю благодарность»²⁵². И дело тут, наверное, не в том, что оренбуржцы, как и автор этой характеристики, представляли Казанский военный округ. Хвалебные отзывы сохранились и о 5-й сотне 15-го Оренбургского казачьего полка, которая устроила учение 20 апреля 1906 г. По мнению командующего войсками Казанского военного округа, сотня «содержится в порядке: люди хорошо одеты, лошади в телах»²⁵³.

Оренбургские казаки часто проявляли завидную решимость в борьбе с врагами государства. Например, 4 января 1907 г. в Челябинской временной тюрьме 15 арестантов стали бить двери карцеров досками от нар в знак протеста против направления одного из заключенных в темный карцер за оскорбление надзирателя. В этой ситуации «старший урядник 3-й сотни 8 Оренбургского казачьего полка Прокопий Попов, бывший в то время на-

чальником караула, привел немедленно вверенный ему караул к помещением буйствующих арестантов и, приказав взять на изготовку, предупредил их, что в случае неповиновения употребит в дело оружие. Столь быстрые и решительные действия караула повлияли на арестантов, и беспорядок был прекращен в самом начале. За осмысленное и точное исполнение обязанностей караульного начальника объявляю уряднику Попову мое спасибо и предписываю выдать ему в награду три (3) руб. из экстраординарных сумм. Командующий войсками [Казанского военного округа], Генерал-от-Инфантерии Карасс»²⁵⁴.

Антиправительственные прокламации, подбрасываемые неизвестными в сотни 7-го полка, казаки незамедлительно передавали офицерам, а одного агитатора, решившегося на открытую пропаганду, передали жандармской полиции²⁵⁵. Были, конечно, исключения, когда листовки у казаков оставались на руках²⁵⁶. Но недовольства по политическим вопросам не было, несмотря на то что «революционерами было затрачено много усилий на пропаганду в армии...»²⁵⁷.

Наоборот, постепенно нарастал антагонизм между казаками и бунтующими крестьянами, так как семьи казаков именно из-за крестьянских беспорядков лишились мужских рук и даже голодали. Рост напряженности был неизбежен, так как происходило планомерное втягивание в конфликт обеих сторон. Кроме того, длительное совместное сосуществование крестьян и казаков порождало бытовые проблемы. Редко, но случались кражи, причем со стороны казаков. Крестьяне ненавидели казаков за их законопослушность, зло называли оренбуржцев идиотами, башибузуками, царскими собаками, помещичьими холопами и наемными шукурами²⁵⁸. В одиночку казакам иногда было небезопасно появляться в деревнях. Известен случай, когда одного из казаков 7-го полка мужики избили до смерти, в другом случае были убиты двое казаков 17-го полка²⁵⁹. Во время столкновения казаков с местными жителями в Алатыре пострадало трое казаков, причем одному из них крестьяне топором отрубили правую кисть²⁶⁰.

Летом 1907 г. отмечалось, что на территории Симбирской губернии казачьи полусотни «находятся в столь беспокойных пунктах, что оставить их (пункты. — А. Г.) без военной казачьей охраны положительно невозможно»²⁶¹.

При столкновениях с крестьянами, в среде которых, казалось бы, не могло быть провокаторов-революционеров, провокации все же случались. Так, хорунжий Н.И. Федоров с девятью казаками прибыл на крестьянский сход села Дурникина Балашовского уезда Саратовской губернии и потребовал от крестьян вернуть лес его хозяевам, обещав простить крестьян за порубку. Сход возмутился. Тогда после двух предупреждений Федоров поднял револьвер и сказал, что будет стрелять, отдав казакам приказание пригото-

виться. Друг из толпы раздался выстрел, затем второй. Лошадь хорунжего упала, и он отдал приказ открыть огонь. Казаки дали пять залпов. В итоге трое крестьян убито, шестеро ранено, остальные разбежались²⁶². Действия хорунжего были признаны правомерными, однако механизм этой провокации был очень похож на события 22 мая 1906 г. у Беловской тюрьмы в Оренбурге, где первые выстрелы также прозвучали из толпы²⁶³.

Не вполне верно считать, что революция была потоплена в крови, как некогда утверждалось²⁶⁴. Радикальная газета «Степь» отмечала: «Каждый день приходится читать сообщения о жестокостях казаков, читать и глубоко страдать, сознавая их темноту и невежество»²⁶⁵. На самом деле пресловутые подавления имели самую разную форму. Например, уже упоминавшийся полковник Колпаковский лично объезжал беспокойные деревни и села, созывал там сходы и призывал к порядку. Крестьяне ему обещали это и даже каялись, становясь на колени. В результате южнее железной дороги Петровск — Вольск власть могла рассчитывать на успокоение населения. Не обошлось, конечно, без слухов и преувеличений, по всей видимости преднамеренно распускавшихся врагами казачества. В частности, также упоминавшийся уже хорунжий Федоров обвинялся в злоупотреблении военной силой.

Классическим образцом антиармейской и антиказачьей пропаганды является статья «Молодцы казаки», напечатанная в газете «Речь» — рупоре кадетской партии. В статье не без злорадства сообщалось: «Первым подвигом казаков в Алатыре, Симб[ирской] губ[ернии], было занятие женского городского училища, во время занятий учащиеся девочки в паническом ужасе бежали из школы. Затем началась казачья служба на пользу Отечества... Без всякого дела постоянно казаки бродили по городу, наводя страх на жителей... Случай избиения алатырцев не замедлили быть. Был даже случай избиения казаком свиньи, мирно гулявшей на базарной площади»²⁶⁶.

Такой пропагандой либералы пытались возбудить своих сторонников против казаков, выставив последних совершенными дикарями²⁶⁷. Очевидно, что тем, кто хотел в это верить, такая информация была понятна и вопросов не вызвала, вода лилась на благодатную мельницу. Если бы фактов буйства казаков не было вовсе, то либеральной общественности их следовало бы выдумать.

Добавлю, что современным исследователям едва ли под силу до конца разобраться в том скоплении достоверной и лживой информации, которая касается усмирения массовых волнений 1905—1907 гг. Почти совершенно не сохранилась делопроизводственная документация оренбургских казачьих полков, мобилизованных для борьбы с революционерами. Думается, произошло это не случайно. Мемуаров по работе на подавлениях также практически не существует, очевидно, потенциальные авторы считали

недопустимым для себя по этическим соображениям детально описывать те трагические события.

И теперь, когда объективное осмысление сложнейшего явления отечественной истории начала XX в., которое называют первой русской революцией, только начинается, историки сталкиваются в первую очередь с источниковедческими проблемами. Слишком много негативного было высказано тогда об армии, слишком мало документов для того, чтобы перепроверить ту или иную информацию. И нет полной уверенности в том, что приведенные сведения о злоупотреблениях казаков, которые встречаются в следственных документах (о них говорилось выше), не являются плодом фантазии полицейских или иных чиновников, а представляют собою реальные факты.

В частности, пермский губернатор телеграфировал 1 марта 1906 г. министру внутренних дел о необходимости оставить в Перми сотню уральцев как единственную надежную воинскую часть, так как «стоящий [в] губернии семнадцатый Оренбургский полк ненадежен, дисциплина слаба, казаки братаются [с] местными рабочими, вместе пьянствуют, заводят близкие отношения, казачье начальство ничего поделать не может. Сегодня ночью [в] Мотовилихе [на] гулянке убиты два Оренбургских казака, третий ранен, донесу особо. [С] Наступлением тепла, весны надо ожидать новых волнений, ввиду продолжающейся подпольной работы революционеров, подготовляемого ими вооруженного восстания, всеобщих забастовок...»²⁶⁸. Кроме того, казаки 17-го Оренбургского казачьего полка и стоявшего на территории Оренбургского казачьего войска 14-го Оренбургского казачьего полка, по утверждению депутата Государственной думы от Оренбургской губернии Т.И. Седельникова, просили его хлопотать об их роспуске²⁶⁹. По данным А.И. Фutoryянского, в Думу обращались и казаки 8-го полка²⁷⁰.

Однако 13 июля 1906 г. военный министр А.Ф. Редигер написал министру внутренних дел П.А. Столыпину: «Из полученного ныне донесения усматривается, что заключение Пермского Губернатора о поведении чинов названного (17-го Оренбургского казачьего. — А. Г.) полка и о том, что полк этот в случае беспорядков в губернии нельзя считать благонадежным, основано на непроверенных сведениях и скороспелых выводах низших полицейских чинов и показаниях разных лиц, причем в некоторых случаях чины полиции в своих донесениях Губернатору о проступках казаков не стеснялись исказить факты»²⁷¹. Конечно, применительно к этой переписке можно говорить о стремлении Редигера защитить честь военного ведомства, но тем не менее вряд ли его доводы, основанные на проведенном расследовании, были лишены оснований. По данным штаба Казанского военного округа, переданным в Главный штаб, «все проступки казаков (17-го полка. — А. Г.) могут считаться только единичными случаями и никоим образом не

могут быть отнесены к характеристике целого полка. Некоторые из случаев с казаками совершенно не подтвердились свидетельскими показаниями при расследовании»²⁷².

Сам командир 17-го Оренбургского казачьего полка отмечал, что «хотя я в своем деле не могу быть беспристрастным судьей, но согласиться с г. Пермским Губернатором, даже приняв на веру без возражения все проступки, содеянные казаками и указанные приставами заводов Мотовилихинского, Лысьвенского и Алапаевского, считать, что полк из организованной части обратился в орду, на которую и положиться нельзя, не могу, а нахожу: если в полку процент случаев пьянства, самовольных отлучек и др. проступков, совершенных казаками в Январе и Феврале, был большой по сравнению, например, с полком 1-й очереди, то объясняю это тем: сотни были сформированы в конце Декабря из казаков, проживавших после службы в полках дома не менее 5 лет, а треть полка, если не более, — казаки, никогда не бывшие в полках. По сформировании полка, он тотчас же был двинут в Пермскую губернию и разбросан. Большинство командиров сотен приняли сотни на походе или перед самым выходом. Чтобы, так сказать, сколотить сотни, взять их в руки, времени было еще мало, да и почти все командиры сотен в первый раз командуют сотнями»²⁷³.

На заседаниях Государственной думы 2 и 13 июня 1906 г. обсуждался вопрос о мобилизации казаков для внутренней службы, вызвавший яростную полемику. Невозможно со спокойным сердцем читать стенограммы думских заседаний. Радикально настроенные депутаты успешно пролоббировали запрос правительству, на каком основании произведен призыв льготных казаков, когда предполагается роспуск второочередных и третьеоочередных казачьих частей, мобилизованных для внутренней службы, и насколько законны действия военных властей и непосредственно военного министра. С думской трибуны, в том числе и казачьими депутатами, делались совершенно невероятные заявления о том, что казаки занимаются кровавым делом, являются угнетателями, погромщиками, орудием произвола и насилия чиновников²⁷⁴. Донской депутат М.П. Араканцев (избран от неказачьего населения), в частности, заявил, что казаков «теперь-то Россия знает доподлинно... Точно побоище какое-то было! Точно татары или какие-нибудь враги древние прошли по Руси со свистом нагаек, а следом за ними слезы, слезы и слезы!»²⁷⁵. Оренбургский депутат М.И. Свешников заявил, что «казаки наши, которые призваны на внутреннюю службу, страшно тяготеют той службой, которую заставляет их нести наше полицейское правительство... если казаки не будут уволены, они самовольно разьедутся (аплодисменты)»²⁷⁶. Небезынтересно, что на стороне радикалов выступили такие казачьи депутаты, как К.Л. Бардиж и Ф.Д. Крюков, впоследствии активно участвовавшие в Белом движении. Получается, что эти и им по-

добные общественные деятели своей работой сами подготовили приход к власти своих будущих смертельных врагов. Была и другая, более приглядная, точка зрения о том, что присяга казаками не может быть нарушена, а вопрос об их призыве для внутренней службы — прерогатива императора и Дума не должна в него вмешиваться. Однако выразители такой позиции, донские депутаты И.М. Васильев, Е.Я. Куркин, М.Н. Савостьянов и астраханец Х.А. Скворцов, услышаны не были и встретили лишь хохот, шиканье и хамские выкрики с мест в свой адрес²⁷⁷. Стенограмма думского заседания донесла до нас следующую отвратительную сцену во время выступления донского депутата М.Н. Савостьянова: «...неодобрительно вырывать этих казаков из-под знамен Государя императора (*хохот, шум*)»²⁷⁸. 300 донских казаков подписали обращение к своим депутатам: «Благодарим вас, господа члены, что вы имели мужество печатно заявить протест тем лицам, кои имели дерзость самовольно от лица всех казачьих войск говорить об уничтожении казачества, как войскового сословия»²⁷⁹. Данное заявление было вызвано речами оренбургского депутата Т.И. Седельникова, который в ответ заявил, что «об уничтожении казачества в том смысле, в каком казаки уничтожают мирных русских граждан... не говорилось»²⁸⁰.

Характерно еще одно его высказывание: «Мы должны начинать и кончать каждое заседание фразой Катона: «надо разрушить Карфаген», — необходимо уничтожить министерство»²⁸¹. Седельников также заявлял, что «в силу обстановки... казаки... должны будут продолжать делать свое кровавое дело так же, как и до сих пор»²⁸². «На казачьей душе так много крови, слишком много крови», — говорил он²⁸³. Еще один оренбургский депутат С.С. Выдрин заявлял: «Разоренное японской войной казачество не желает мобилизаций, какие предприняты правительством... Правительство должно помнить, что нельзя без конца эксплуатировать казачество, что терпение его может быть исчерпано (*голоса: браво*)»²⁸⁴. Что представляла собой 1-я Дума, достаточно ясно становится из высказывания депутата от Киевской губернии А.Ф. Грабовецкого и ответной реакции зала: «...что будет, если взбудоражится патриотизм? Я бачу, что будет, як он взбудоражится: то будет идиотизм! (*смех, аплодисменты*). И чем больше патриот, тем больше идиот...»²⁸⁵. Очевидно, что разгон такой Думы был единственным верным решением власти.

В первой половине июля 1906 г. последовало Высочайшее распоряжение о демобилизации 3-го Астраханского, 7-го Уральского и 13, 14, 15, 16, 17 и 18-го Оренбургских казачьих полков²⁸⁶. Во второй половине августа 1906 г. началась демобилизация казачьих частей третьей очереди. 15 августа пензенскому губернатору было направлено телеграфное распоряжение уволить на льготу 13-й Оренбургский казачий полк, который был сменен прибывающим в Пензу 24 августа эскадроном 53-го драгунского Новоар-

хангельского полка²⁸⁷. Аналогичные распоряжения были направлены и в другие места²⁸⁸. Всюду оренбургские казачьи полки заменялись эскадронами армейской кавалерии. Это были подразделения 52-го драгунского Нежинского, 53-го драгунского Новоархангельского и 54-го драгунского Новомиргородского полков. Непосредственно отъезд казаков домой проходил в конце августа — начале сентября 1906 г. Льготным казакам для поддержания их экономического благосостояния было разрешено брать с собой лошадей при увольнении, перевозка осуществлялась за счет казны²⁸⁹. Обозные лошади казачьих полков должны были быть проданы, а деньги поступали в казну. Всего подлежало демобилизации 5508 конных и 144 пеших казака²⁹⁰. К 14 октября третьоочередные казаки возвратились домой²⁹¹. В общей сложности в Казанском военном округе было спущено на льготу 46 сотен, им на смену прибыло только 12 эскадронов²⁹².

В мае 1907 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин признал необходимым как можно скорее демобилизовать льготные части, заменив их кавалерийскими из Варшавского военного округа. По данным на 12 июля 1907 г., на службе оставалось 38 второочередных полков, половина из которых была призвана до 5 марта 1905 г.²⁹³ На территории Казанского военного округа оставалось шесть таких полков, в том числе 7-й и 8-й Оренбургские казачьи полки. Сотни 7-го полка располагались к этому времени в Аткарске, Николаевске, Петровске, Саратове и Сердобске. 8-й полк был дислоцирован в Бугуруслане, Самаре, Симбирске и Ставрополе (ныне — город Тольятти).

Лишь летом 1907 г. было получено Высочайшее соизволение на увольнение казаков второй очереди. В документе от 10 июля 1907 г. предварительно сообщалось: «Сохраняемые пока на службе Донские, Оренбургские и Уральские, а также все Кавказские казачьи полки предположено спустить на льготу в ближайшем будущем, при первой к тому возможности (подчеркнуто в документе. — А. П.)»²⁹⁴. Очевидно, что полная демобилизация всех этих частей была привязана ко времени окончательного успокоения в стране.

В Оренбургском казачьем войске оставались мобилизованными два полка — 7-й и 8-й, так как остальные второочередные части даже не мобилизовались из-за их участия в Русско-японской войне. 7-й полк был включен в состав Сводной бригады. Демобилизация 8-го Оренбургского казачьего полка была осуществлена в августе 1907 г.²⁹⁵, к 6 сентября полк был расформирован окончательно²⁹⁶. Симбирский губернатор пытался задержать полк до окончания уборки урожая, однако это предложение было отклонено военным начальством²⁹⁷. Таким образом, казакам 7-го полка пришлось участвовать в борьбе с беспорядками дольше остальных оренбургских казачьих частей — свыше двух с половиной лет (с лета 1905 по весну 1908 г.). Лишь

24 ноября 1907 г. командующий войсками Казанского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенант А.Г. Сандецкий счел возможным спустить 7-й полк на льготу без замены его другими частями, однако только 13 февраля 1908 г. демобилизацию восьми второочередных казачьих полков, расположенных в Европейской России, санкционировал император. Тогда же на льготу был спущен и последний из второочередных оренбургских полков, демобилизация которого была завершена в марте 1908 г.²⁹⁸

* * *

Поражение России в войне с Японией стало мощнейшим импульсом для массовых проявлений недовольства внутри страны. Причины революции имеют многоуровневый характер и не являются предметом специального рассмотрения в настоящем исследовании. Очевидно, что разочарование правительством привело к многочисленным стихийным выступлениям. Радикально настроенные элементы всячески пытались внедрить свои идеи в казачью среду. Когда эти попытки провалились, либералы и социалисты взяли курс на раскол и компрометацию казаков, для чего пустили в ход все имевшиеся в их распоряжении средства, в том числе активно использовали механизм провокации. Не следует преувеличивать степень революционности казачества в этот период. К сожалению, подобная, как представляется, ошибочная тенденция нашла отражение в некоторых работах уральских историков последних лет. Революционное брожение не затронуло основную массу казачества, которая в целом осталась верной существующей власти. Однако события первой русской революции выявили несовершенство старых институтов управления войском и наметили основные пути их реформирования.

В 1905—1907 гг. на территории Оренбургской губернии не было крупных проявлений революционного движения, отсутствовало массовое рабочее и крестьянское движение. Регион оставался достаточно удаленной от эпицентра революционных событий провинцией. В то же время революционные события в стране не могли обойти казаков стороной. Набирал обороты процесс политизации казачества, среди казаков росло число сторонников тех или иных политических партий, но на жизнь войска этот процесс оказывал незначительное влияние. Постепенно формировался слой войсковой интеллигенции, людей, которые должны были определять пути дальнейшего развития войска, оказывать влияние как на саму казачью среду, так и на руководство. Нельзя не отметить ее политическую дифференциацию. Войсковая интеллигенция состояла не только из сторонников исконных казачьих порядков, но также включала постепенно усиливавшееся либеральное течение.

Радикальное, антиправительственное направление было характерно для выделяемой нами в особую группу станичной интеллигенции (полуинтеллигенции). К ней относились прежде всего фельдшеры, сельские учителя, агрономы и т. д. В 1917 г. и позднее представители именно этой группы лиц своими идеями принесли огромный вред казачеству, способствуя его расколу в период наиболее трудных испытаний. События 1905—1907 гг. оказали сильнейшее воздействие на настроения населения, в том числе и казачьего, значительно расширив рамки дозволенной политической активности, что не замедлило впоследствии трагически отразиться на судьбе нашей страны и XX в.

В самом казачестве стали проявляться элементы раскола, в первую очередь поколенческого, обусловленного, вероятно, тем, что старшее поколение вело кардинально другой образ жизни, связанный с наличием внешней опасности, а молодежь воспитывалась в более спокойной, мирной обстановке, для нее не так значимы были идеалы прежних времен, а важнее становилось собственное экономическое благополучие, появлялись зачатки нового сознания казачества, в котором на первый план выходили личные, а в обстановке опасности попросту шкурные, интересы. Наряду с постепенным ухудшением экономического положения казаков, эта тенденция должна была со временем привести либо к мощному социальному взрыву в казачьей среде и выходу ее из-под контроля власти, либо к коренному реформированию казачества.

Однако в 1905—1908 гг. власть еще могла рассчитывать и рассчитывала на казаков²⁹⁹, подтверждением чего стало невиданное прежде по своим масштабам применение их в целях обеспечения государственной и общественной безопасности. По некоторым данным, в период с октября 1905 по конец 1907 г. потери казачьих частей составили 3115 человек убитыми, ранеными, больными³⁰⁰. По всей видимости, основная масса потерь связана с революционными событиями. Потери оренбургских казаков в 1905—1907 гг. были настолько незначительны, что статистических данных о них не имеется.

Каковы были итоги применения оренбургских казачьих частей для подавления массовых беспорядков? Какое влияние оказал этот опыт на самих казаков? Первая, практически тотальная, хотя и не одновременная и не ограниченная жесткими временными рамками, мобилизация всех оренбургских казачьих льготных полков произвела встряску военного механизма Оренбургского войска, отразила масштабы революционных событий и стала проявлением кризиса государственной власти, не способной подавить революцию без привлечения армии, силами полиции. Для внутренней службы было мобилизовано восемь Оренбургских казачьих полков, тогда как на Русско-японскую войну в два раза меньше — лишь четыре

полка (исключая состоявший на действительной службе первоочередной 1-й Оренбургский казачий полк). Мобилизация выявила массу недоработок в законодательстве и породила огромную переписку, в первую очередь по вопросам снабжения казачьих частей. Это была неплохая проверка готовности казачьей силы к предстоявшей войне. Войско сравнительно благополучно выдержало несколько лет существования в условиях практически полного мобилизационного напряжения всех ресурсов. Вторая, близкая к тотальной, мобилизация войска произошла уже в годы Первой мировой, а третья и последняя — в годы Гражданской войны.

Практика показала, что наведение порядка возможно путем привлечения даже крайне незначительных сил. Небольшие отряды казаков одним своим присутствием могли успокоить целые уезды. «Казачи сослужили тогда громадную службу в деле восстановления порядка, притом самым гуманным образом — без кровопролитий», — писал военный министр А.Ф. Редигер³⁰¹. Как уже отмечалось, оренбургские казаки в годы первой русской революции зарекомендовали себя высокоэффективным инструментом обеспечения государственной безопасности в условиях крайней дестабилизации обстановки. Конечно, иногда сами мобилизованные казаки представляли угрозу безопасности местного населения, поскольку командование из-за дробления частей не всегда могло уследить за действиями нижних чинов. Пьянство стало, пожалуй, наиболее ярким проявлением отсутствия необходимого контроля за казаками со стороны офицеров и унтер-офицеров.

Одним из итогов мобилизации всего войска стало ухудшение состояния казачьих хозяйств, приходивших в упадок в отсутствие хозяев, что усиливало и до того имевшую место в казачьей среде социальную напряженность. Революционеры самим фактом своей активности подрывали благосостояние целых слоев населения. На борьбу с беспорядками и содержание мобилизованных тратились огромные суммы из государственных средств, которые при иных обстоятельствах могли бы быть использованы для удовлетворения социальных потребностей населения, совершенствования системы здравоохранения и народного просвещения.

Участвуя в борьбе с массовыми беспорядками, оренбургские казаки своими глазами увидели, как живет крестьянство³⁰² (в обычное время казаки не могли отлучаться из поселков на срок более 15 суток), что происходит в городах. Влияние чуждой среды на казаков следует признать негативным. Казаки тесно соприкоснулись с худшими, как правило, антигосударственно настроенными элементами общества. Все это ускоряло процесс разложения казачества как особого военно-служилого сословия, разрушало веру казаков в свои традиционные идеалы служения государству и в конечном итоге привело к трагическим для казачества последствиям.

Брожение в казачьих частях стало почти исключительно результатом недальновидной политики исполнительной власти и командования, не заботившихся об условиях службы казаков, которым не в срок выплачивались обещанные пособия и не всегда предоставлялись льготы. Относительно слабый офицерский состав льготных частей, их сильное дробление, как следствие, выход казаков из-под контроля офицеров и невозможность изоляции мобилизованных казаков от контактов с революционерами также стали причинами брожения. В то же время власть не была склонна к суровым репрессиям в отношении провинившихся казаков, вероятно считая их своей социальной опорой. Более того, пожалование императором в 1906—1907 гг. насок, знамен и в особенности грамот практически всем казачьим войскам³⁰³ свидетельствует о стремлении верховной власти поощрить казачество, продемонстрировать свою близость к этому сословию, в еще большей степени опереться на него. В этом же ключе следует оценивать формирование в мае 1906 г. Лейб-гвардии Сводно-казачьего Его Величества полка, комплектовавшегося лучшими представителями сразу восьми казачьих войск востока России (всех казачьих регионов, кроме Дона, Кубани и Терека). Впрочем, положительные инициативы императорской власти нивелировались архаичной и неповоротливой бюрократической машиной, которая со все большим трудом отвечала на вызовы времени. В данном случае это касается обеспечения условий службы мобилизованных казаков, вызывавшего справедливые нарекания.

Новым явлением стала и ненависть населения к казакам, зародившаяся, по всей видимости, в этот период под влиянием революционной пропаганды. В частности, боевики Мотовилихи в декабре 1905 г. приняли решение по солдатам не стрелять, а стрелять только по казакам, поскольку те являются опорой самодержавия³⁰⁴. Некоторые казачьи депутаты Первой Государственной думы весьма болезненно воспринимали такое отношение неказаков к представителям казачества.

В 1905—1908 гг. мобилизованные части еще не были утомлены длительной войной, как в 1917 г., и командование сумело справиться с беспорядками в войсках. Потерпев неудачу в войне внешней, армия и правительство вышли победителями из войны внутренней. И это на десятилетие отсрочило гибель императорской России. Кроме того, стало очевидно, что в условиях внутриаполитической нестабильности власть не может отказаться от казачьих частей или пойти на их сокращение.

Первая русская революция показала, что казачество не было единым в политическом отношении. При этом и власть, и революционеры ошиблись в казачестве. Власть ощутила, что казаки не являются неисчерпаемым и безгранично преданным престолу резервом, революционеры же убедились в слабом восприятии их идей казаками. Дальнейшее развитие событий по-

казало, что революционеры, в отличие от правительства, сделали из этого соответствующие выводы.

Немалый вред репутации казаков нанесло русское общественное мнение, формировавшееся в среде интеллигенции, как правило, крайне негативно воспринимавшей службу казаков по наведению порядка внутри страны. Весьма показательна вырезка из газеты «XX век» от 17 мая 1906 г., сделанная известным писателем и журналистом того времени В.Г. Короленко. Статья с характерным названием «Современная опричнина» посвящена мобилизованным на обеспечение государственной безопасности войскам. В ней есть весьма образное высказывание о том, что «стражники и казаки отличаются от опричников только тем, что не носят собачьих голов и метел...»³⁰⁵. Русская интеллигенция не понимала, что, подрывая авторитет армии, рубит сук, на котором сидит. Цена, которую заплатила в XX в. русская интеллигенция за собственную близорукость, известна.

Куда более достоверными в сравнении с газетными статьями представляются оценки военных властей. Так, командующий войсками Казанского военного округа Генерального штаба генерал от инфантерии И.А. Карасс отмечал в приказе по округу: «Несмотря на многие лишения, все полки несли тяжелую службу с полным самоотвержением и сознанием своего священного долга перед Царем и Родиной, за что от лица службы благодарю бывших командиров полков, г.г. офицеров и классных чиновников и всех казаков»³⁰⁶. Своеобразным итогом периода 1904—1908 гг. для Оренбургского казачьего войска может стать цитата из приказа по войску от 22 сентября 1906 г.: «В ныне минувшую войну с Японией и особенно в наступившее смутное время, Оренбургские казаки, свято исполняя заветы своих предков, продолжают верою и правдою служить ЦАРЮ и ОТЕЧЕСТВУ (выделено в приказе. — А. Г.)»³⁰⁷.

В заключение хотелось бы процитировать другую фразу, точнее которой трудно, наверное, найти для характеристики рассмотренного периода: «В эти тяжелые годы сотни русских офицеров и солдат, тысячи стражников, жандармов и полицейских запечатали своей кровью и страданиями верность Царю и преданность Родине, которую уже зацепил было крылом красный дракон. Воспитанные в великой школе Русской Армии, они ясным своим взором видели то, чего не дано было видеть ослепленной русской общественности. Одинокие на геройском своем посту, эти люди спасали свою страну, свой народ, спасали тем самым и озлобленную общественность — спасали ее физически и за это не получали иной благодарности, как эпитеты «палачей народа», «кровопийцу» и «нагаечников»³⁰⁸. Эти слова адекватны той сложнейшей ситуации, в которой приходилось действовать оренбургским казакам в 1905—1908 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 337—338.
- ² McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 77.
- ³ См.: 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925.
- ⁴ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983. С. 13.
- ⁵ Цит. по: Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905—1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996. С. 15.
- ⁶ Наранович Д. Воспоминания о [социал]-д[емократической] работе в 1904—1906 г. в Оренбурге // 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 9.
- ⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 368. Л. 6.
- ⁸ История Управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 39.
- ⁹ Расчет приблизительный, исходные данные для сравнительных расчетов по Великобритании взяты из: Гиссер Г.Г. Великобритания // Военная энциклопедия. Т. V. М., 1911. С. 284—285; Thorpe A. The Longman Companion to Britain in the era of the Two World Wars. 1914—1945. L., 1994. P. 67.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 368. Л. 129.
- ¹¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 1. Л. 222—222об.
- ¹² ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 368. Л. 257—259.
- ¹³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 21.
- ¹⁴ Нарский И.В. Две трагедии в Оренбурге, или что приключилось в умах оренбуржцев за 12 лет // Оренбургское казачье войско: Страницы истории XIX—XX веков: Сборник научных трудов. Челябинск, 1999. С. 108.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 17.
- ¹⁶ Там же. Л. 22.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 137.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 13; Ф. 330. Оп. 49. Д. 805. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 298об.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 805. Л. 2об., 16.
- ²¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 214.
- ²² ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 25.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ По непонятной причине на проблему возможных злоупотреблений на выборах в Государственные думы и Учредительное собрание исследователи, как правило, не обращают внимания.
- ²⁶ Первая российская Государственная Дума. Лит[ературно]-худ[ожественное] издание (альбом портретов членов Госуд[арственной] Думы). СПб., 1906. С. 132.
- ²⁷ Первая Государственная Дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906. С. 152.
- ²⁸ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1906. С. 40.

- ²⁹ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 1327.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 217–217об.
- ³¹ Революционное движение в Оренбуржье. 1905–1907: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1982. С. 155–156.
- ³² Там же. С. 156.
- ³³ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1906. С. 111.
- ³⁴ Там же. С. 118–119.
- ³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 54. Письма. Ноябрь 1921 – март 1923. М., 1965. С. 55.
- ³⁶ Первая российская Государственная Дума. С. 145.
- ³⁷ См.: Седелников Т.И. Борьба за землю в Киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907.
- ³⁸ Степь (Оренбург). 1906. 27.06. № 45. С. 4.
- ³⁹ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 1570.
- ⁴⁰ Там же. С. 1569.
- ⁴¹ Голос Оренбурга. 1906. 06.05. № 98. С. 1.
- ⁴² Степь. 1906. 30.05. № 21. С. 2.
- ⁴³ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 1571.
- ⁴⁴ Цит. по: Футорянский А.И. Люди и судьбы оренбургского края // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 19 (разд. паг.).
- ⁴⁵ Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в годы первой русской революции // Оренбургское казачье войско: Военная служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 131.
- ⁴⁶ Харламов В.А. Казачий депутат Государственной Думы (1906–1917). СПб., 1995. С. 8.
- ⁴⁷ Революционное движение в Оренбуржье. С. 153.
- ⁴⁸ Сенчакова А.Т. Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов // Судьбы русского крестьянства. М., 1996. С. 68, 78.
- ⁴⁹ Степь. 1906. 21.06. № 40. С. 2.
- ⁵⁰ Степь. 1906. 02.06. № 24. С. 4.
- ⁵¹ В тексте статьи «избавиться».
- ⁵² Степь. 1906. 18.07. № 62. С. 3.
- ⁵³ См., напр.: Степь. 1906. 28.05. № 20. С. 1.
- ⁵⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 52, 89.
- ⁵⁵ Футорянский А.И. Казачество в революции 1905–1907 гг. // Уч. зап. Оренб. гос. пед. ин-та. Вып. 32. Общественные науки. Оренбург, 1969. С. 92.
- ⁵⁶ ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 3. Л. 93–94.
- ⁵⁷ Туркестанский. Оренбургская гапоновщина. Расстрел у Беловской тюрьмы (21 мая 1906 г.) // 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 53.
- ⁵⁸ Цит. по: Революционное движение в Оренбуржье. С. 110.

- ⁵⁹ *Туркестанский. Оренбургская гапоновщина...* С. 54.
- ⁶⁰ *Степь. 1906. 26.05. № 18. С. 3.*
- ⁶¹ *Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС...* С. 23.
- ⁶² *Назаров Н. Казаки идут в революцию // Урал. 1980. № 11. С. 159.*
- ⁶³ *Бурлак. Кого кормят казаки и кого защищают? // Степь. 1906. 30.05. № 21. С. 3.*
- ⁶⁴ *Степь. 1906. 03.06. № 25. С. 2.*
- ⁶⁵ *Степь. 1906. 30.05. № 21. С. 2.*
- ⁶⁶ *Степь. 1906. 02.06. № 24. С. 4.*
- ⁶⁷ *Степь. 1906. 04.06. № 26. С. 4.*
- ⁶⁸ *Степь. 1906. 22.06. № 41. С. 4.*
- ⁶⁹ *Степь. 1906. 13.06. № 33. С. 2—3.*
- ⁷⁰ *Степь. 1906. 17.06. № 37. С. 2.*
- ⁷¹ *ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 368. Л. 192.*
- ⁷² *Гришин М. В стане казаков // 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 59.*
- ⁷³ *ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 1. Л. 27.*
- ⁷⁴ *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 298об.*
- ⁷⁵ *Там же. Л. 355.*
- ⁷⁶ *Революционное движение в Оренбуржье...* С. 160—161.
- ⁷⁷ *Наранович Д. Воспоминания о [социал]-д[емократической] работе в 1904—1906 г. в Оренбурге // 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 12.*
- ⁷⁸ *Там же. С. 13.*
- ⁷⁹ *Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1905 г. Оренбург, 1905. С. 24.*
- ⁸⁰ *Революционное движение в Оренбуржье...* С. 167.
- ⁸¹ *Сафонов Д.А. Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург, 2004. С. 198.*
- ⁸² *Футорянский Л.И. Российская социал-демократия и рост оппозиционных настроений среди казачества Урала // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. Исторические науки. 1996. № 1. С. 73.*
- ⁸³ *Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. М., 2002. С. 895.*
- ⁸⁴ *ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 155. Л. 11, 13; История казачества азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 97.*
- ⁸⁵ *РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 82об.*
- ⁸⁶ *Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 181.*
- ⁸⁷ *История казачества Урала. Оренбург—Челябинск, 1992. С. 170—171.*
- ⁸⁸ *Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 108.*
- ⁸⁹ *Революционное движение в Оренбуржье...* С. 47.
- ⁹⁰ *ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 64, 66, 175а.*
- ⁹¹ *Там же. Л. 24, 142.*
- ⁹² *Схема не исключает случаев непосредственной связи казачества с указанными источниками революционного влияния без буфера в виде станичной интеллигенции.*

- ⁹³ См. пример Донского войска: *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914—1921.* Cambridge — London, 2002. P. 63.
- ⁹⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 19.
- ⁹⁵ Назаров Н. Указ. соч. С. 158.
- ⁹⁶ Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 111.
- ⁹⁷ Революционное движение в Оренбуржье... С. 47.
- ⁹⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 70об; Д. 377. Ч. 1. А. 73.
- ⁹⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 1. А. 68.
- ¹⁰⁰ См., напр.: ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 158. Ч. 1. Л. 134.
- ¹⁰¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 268.
- ¹⁰² Б. 1905 год в Илеуке // 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 69.
- ¹⁰³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 5, 98.
- ¹⁰⁴ Т. е. казахи. — А. Г.
- ¹⁰⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 22об.
- ¹⁰⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 4.
- ¹⁰⁷ Составлено по: ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 32, 34, 40, 42, 125, 126, 199, 361, 380, 392, 403, 474; ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 1. Л. 343, 457. Поставки в меньшем масштабе осуществлялись и ранее. По моим данным, 11 февраля 1905 г. Н.Г. Мартынову в Челябинск из Москвы было выслано пять револьверов. См.: ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 368. Л. 48.
- ¹⁰⁸ От швейцарского гражданина Ротген.
- ¹⁰⁹ Из Нижнего Новгорода. Любопытно, что незадолго до отправки этой партии выяснилось, что адресат — один из главарей революционеров, и отправка была немедленно прекращена.
- ¹¹⁰ В таблицу не включена выдача инженеру Крутицкому 20 декабря 1906 г. для Ташкентской железной дороги 14 трехлинейных казачьих винтовок и 840 патронов из неприкосновенного запаса льготных частей Оренбургского казачьего войска.
- ¹¹¹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 54.
- ¹¹² История Управления внутренних дел Оренбургской области... С. 40.
- ¹¹³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 367. Л. 32об.
- ¹¹⁴ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1906. № 420. 09.09.
- ¹¹⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 17. Л. 267об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 58.
- ¹¹⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 158. Ч. 1. Л. 113.
- ¹¹⁸ Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 36.
- ¹¹⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 293. Ч. 2. Л. 155.
- ¹²⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 17. Л. 255об.
- ¹²¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 26.
- ¹²² Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 305.
- ¹²³ Алексеров Ю. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 117—120.
- ¹²⁴ Харламов В.А. Указ. соч. С. 8—9.

- ¹²³ *Казачество*. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 354.
- ¹²⁶ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 1319.
- ¹²⁷ *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург—Челябинск, 1995. С. 106, 136; *Яворницкий Д.І.* Історія запорозьких козаків. Т. 1. Киев, 1990. С. 174.
- ¹²⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 18.
- ¹²⁹ См.: *Путник*. Казачьи делишки. Учуг // *Степь*. 1906. 13.06. № 33. С. 2—3.
- ¹³⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4. Л. 18.
- ¹³¹ Там же. А. 19.
- ¹³² *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. 1881—1915 гг. М., 1994. С. 116.
- ¹³³ *Высший подъем революции 1905—1907 гг.* Т. 1. М., 1955. С. 666.
- ¹³⁴ *McNeal R.H.* Op. cit. P. 77.
- ¹³⁵ *Горячев Ю.Н., Попов Н.Н.* Боевые организации политических партий на Урале в начале XX в. // История и террор: Тезисы докладов на межвузовской науч. конф. Вып. II. Пермь, 1996. С. 29—30; см. также: *Попов Н.Н.* Военные организации РСДРП на Урале в 1905—1907 гг. // Урал в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1985. С. 101—106.
- ¹³⁶ *Рябов И. [П.]* Краткая история 1-го Оренбургского казачьего полка // *Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска*. Оренбург, 1906. Вып. 2. С. 113.
- ¹³⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 1.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 124об.
- ¹³⁹ Там же. Л. 373а.
- ¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 63.
- ¹⁴¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 118об.
- ¹⁴² *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 10.
- ¹⁴³ Там же. Т. 1. С. 513.
- ¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 17. Л. 141об.
- ¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 55. Л. 1. Число сотен в 6-м полку неоднократно менялось.
- ¹⁴⁶ *Саратовский дневник*. 1906. 14.02. № 34.
- ¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 335.
- ¹⁴⁸ Составлено по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 38. Л. 285.
- ¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 121; Д. 59. Л. 98.
- ¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 57—59об. Сепаратор — в данном случае аппарат для очистки молока.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 13об.
- ¹⁵² Там же. Л. 1.
- ¹⁵³ Там же. Л. 23.
- ¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 404.
- ¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 322.
- ¹⁵⁶ Там же. А. 414.

¹⁵⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. А. 224—227; Д. 63. А. 18—18об; Д. 64. А. 125об. Места дислокации сотен и полусотен полков постоянно изменялись; инициалы некоторых командиров полков уточнены при содействии В.Г. Семенова (Оренбург).

¹⁵⁸ На 11 февраля 1906 г.

¹⁵⁹ Сотни полка летом 1905 г. высылались в населенные пункты Сызранского и Ардаатовского уездов Симбирской губернии. См.: Государственный архив Ульяновской области. Ф. 78. Оп. 2. Д. 1359. А. 18, 20а.

¹⁶⁰ На 15 марта 1906 г.

¹⁶¹ Более подробными сведениями автор не располагает.

¹⁶² По сведениям на август 1906 г.

¹⁶³ Назначен Высочайшим приказом от 08.03.1906 г.

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. А. 17; Д. 59. А. 416об.

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. А. 416.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. А. 143.

¹⁶⁷ Там же. А. 150.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. А. 138.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. А. 396.

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. А. 221.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. А. 138об.

¹⁷² Петров В.А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.—Л., 1964. С. 344.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. А. 111; Д. 59. А. 151, 232об., 237.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. А. 13, 44, 190.

¹⁷⁵ Попов Н.Н. Противодействие левому радикализму в гарнизонах Урала в 1905—1910-е гг. // История и террор: Тезисы докладов на межвузовской науч. конф. Вып. II. Пермь, 1996. С. 37.

¹⁷⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 10.

¹⁷⁷ Подробнее об этом см.: Ильин А. Восстание 2-го Урупского казачьего полка в 1905 году. Ростов н/Д, 1926; Панарин М.Ф. Восстание казачьего полка в 1905 году // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 207—210; Петров В.А. Указ. соч. С. 344—345; Мушев И.Ф. Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905—1907 гг. Орджоникидзе, 1963. С. 43—62, 73—78; История казачества России: Учебное пособие. Ростов н/Д, 2001. С. 211.

¹⁷⁸ Джундузов С.В. Аграрный кризис 1905—1906 годов и его влияние на распространение оппозиционных настроений среди оренбургских казаков, участвовавших в подавлении народных выступлений в Поволжье и на Урале // История аграрных отношений в России: Материалы межвузовской научно-практической конф. Оренбург, 1998. С. 221.

¹⁷⁹ См., напр.: Листовка военно-революционной организации при петербургском комитете РСДРП к казакам по поводу обещаний правительства улучшить положение казаков. Июль 1906 г. // Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. Ч. 3. М., 1956. С. 744—746.

¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. А. 197, 200.

¹⁸¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 22.

¹⁸² Там же. Л. 2—2об.

¹⁸³ Там же. Л. 2об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 31.

¹⁸⁵ Там же. Л. 90.

¹⁸⁶ Там же. Л. 91об., 96, 103.

¹⁸⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. Проблемы казачества начала XX века в освещении журнала «Военный сборник» (1900—1914) // Россия и реформы: Сб. статей. Вып. 5. Редактор-составитель О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 58—59.

¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 65об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 93.

¹⁹⁰ Там же. Л. 179об.

¹⁹¹ Там же. Л. 206.

¹⁹² Там же. Л. 427об.

¹⁹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 86об.

¹⁹⁴ Речь. 1906. 16.04. № 50.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 108об.

¹⁹⁶ Там же. Л. 290.

¹⁹⁷ Там же. Л. 179.

¹⁹⁸ Там же. Л. 179.

¹⁹⁹ Там же. Л. 428.

²⁰⁰ Там же. Л. 430.

²⁰¹ Там же. Л. 87.

²⁰² Там же. Л. 91об., 96об.

²⁰³ Степь. 1906. 23.06. № 42. С. 3.

²⁰⁴ Ганин А.В. «Зажглась кровавая заря...» Оренбургские казаки в Русско-японской войне // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие. Международным исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 283.

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 91об—92.

²⁰⁶ Там же. Л. 21об.

²⁰⁷ Там же. Л. 88об.

²⁰⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 97об.

²⁰⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 308; об этом также см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 88.

²¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 128.

²¹¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 89.

²¹² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 416об.

²¹³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 88.

²¹⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 248.

²¹⁵ Там же. Л. 284.

²¹⁶ Там же. Л. 121—122об.

²¹⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 175.

²¹⁸ В 1906 г. цены на предметы обмундирования были следующими: мундир — 8 рублей, шаровары — 5 рублей, шинель — 7 рублей 80 копеек, фуражка — 1 рубль,

сапоги — 5 рублей 40 копеек, полушубок — 7 рублей, две пары белья — 1 рубль 65 копеек.

²¹⁹ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 73.

²²⁰ Там же. Л. 198, 206об.

²²¹ Там же. Л. 167—167об.

²²² Составлено по: РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 174.

²²³ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 377—377об.

²²⁴ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 94об.

²²⁵ Там же. Л. 140.

²²⁶ Там же. Л. 37.

²²⁷ Там же. Л. 93.

²²⁸ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 77.

²²⁹ Там же.

²³⁰ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 53. Л. 184.

²³¹ См.: *Положение об Оренбургском казачьем войске*. СПб., 1840. С. 3—4.

²³² РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 56—56об.

²³³ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 264, 279, 280.

²³⁴ Там же. Л. 321, 372.

²³⁵ *Приказ по военному ведомству*. 1905. № 761.

²³⁶ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 56—56об.

²³⁷ *Деникин А.И. Путь русского офицера*. Нью-Йорк, 1953. С. 239.

²³⁸ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 371об.—372.

²³⁹ Там же. Л. 64.

²⁴⁰ *Джунджузов С.В. Указ. соч.* С. 220.

²⁴¹ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 2—2об.

²⁴² РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 94об.

²⁴³ Там же. Л. 98—99.

²⁴⁴ Там же. Л. 129.

²⁴⁵ Там же. Л. 335об.

²⁴⁶ В документе приведена цифра 11 657 казаков.

²⁴⁷ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 10об.

²⁴⁸ Там же. Л. 86.

²⁴⁹ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 60.

²⁵⁰ Там же. Л. 100.

²⁵¹ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 17. Л. 85об.

²⁵² Там же. Л. 195.

²⁵³ *Приказ по Казанскому военному округу*. 1906. 29.04. № 73.

²⁵⁴ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

²⁵⁵ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 87об.

²⁵⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 2. Л. 142.

²⁵⁷ *Керсновский А.А. Указ. соч.* С. 118.

²⁵⁸ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 76, 97.

²⁵⁹ Там же. Л. 108об., 427.

²⁶⁰ РГВИЛ. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 502.

²⁶¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 2. Д. 1551. Л. 11.

²⁶² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. А. 15—15об.

²⁶³ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905—1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996. С. 63—71.

²⁶⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973. С. 102—103.

²⁶⁵ Степь. 1906. 10.06. № 31. С. 2.

²⁶⁶ Речь. 1906. 16.04. № 50.

²⁶⁷ То, что казаки не были дикарями, легко опровергнуть самими фактами. Например, в Вятке, где был расквартирован 15-й Оренбургский казачий полк, офицеры организовали столовую и читальню, которыми пользовались и офицеры, и рядовые казаки. Для читальни выписывались газеты и журналы. См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 189. Добавлю, что в начале XX в. грамотным было 68% мужского населения войска.

²⁶⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 77.

²⁶⁹ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 1323.

²⁷⁰ Флорянский А.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 154.

²⁷¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 307—307об.

²⁷² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 86.

²⁷³ Там же. Л. 87об.

²⁷⁴ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1906. С. 965, 1309—1311.

²⁷⁵ Там же. С. 1309.

²⁷⁶ Там же. С. 1327—1328.

²⁷⁷ Там же. С. 1313, 1319, 1329.

²⁷⁸ Там же. С. 1319.

²⁷⁹ Там же. С. 1328.

²⁸⁰ Там же. С. 1331.

²⁸¹ Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. Т. 1. С. 398.

²⁸² Там же. Т. 2. С. 965.

²⁸³ Там же. С. 1322.

²⁸⁴ Там же. С. 1327.

²⁸⁵ Там же. С. 1321.

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 226.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 64. Л. 34.

²⁸⁸ Там же. Л. 35, 36, 42, 44, 46, 57, 58, 59, 60.

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 110.

²⁹⁰ Мой расчет по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 182об., 198, 206об.

²⁹¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 56. Л. 226.

²⁹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 405об.

²⁹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2979. Л. 1—2.

²⁹⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 64. Л. 182.

²⁹⁵ Там же. Л. 190.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2979. Л. 311.

²⁹⁷ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1551. Л. 25.

²⁹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2979. Л. 319, 436, 446.

²⁹⁹ Войско, по выражению революционера В.В. Анисимова, было вплоть до 1917 г. охвачено «глубокой спячкой». См.: Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 93. А. 1.

³⁰⁰ McNeal R.H. Op. cit. P. 80.

³⁰¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 513.

³⁰² Джунджузов С.В. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой российской революции. Автореферат дисс. к. и. н. Оренбург, 1998. С. 18.

³⁰³ Публикацию грамот Оренбургскому войску см. в кн.: *Столетие Военного министерства 1802—1902*. Т. XI. Ч. 3. С. 505—506, 508—509. Грамоты, изданные 23 февраля 1906 г., содержали Высочайшее благоволение, заверения не нарушать образ служения казаков и пожалование войску занимаемой им территории в вечное владение.

³⁰⁴ *История казачества азиатской России*. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 94.

³⁰⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 135. Разд. 3. Карт. 21. Д. 14. Л. 17.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 17. Л. 298.

³⁰⁷ *Приказ по Оренбургскому казачьему войску*. 1906. 22.09. № 433.

³⁰⁸ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 117.

Глава 4

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1908—1914 ГГ.)

«Думаете ли вы о войне, — писал Карпов. — Мои все мысли о ней. Учю полк, готовлю к страшному бою. Не хочется повторить позора Японской войны. Тогда — мы не знали — теперь этого оправдания у нас не может быть. Мы знаем...»

*Краснов П.Н. От Двуглавого орла
к красному знамени¹*

Внутреннее развитие войска в предвоенные годы

Хотя многие аспекты рассматриваемой темы нашли частичное отражение в 1-й главе настоящего исследования, тем не менее имеет смысл отдельно, в концентрированном виде представить состояние Оренбургского казачьего войска непосредственно перед Первой мировой войной.

Как уже отмечалось, 6 сентября 1910 г. ГУКВ было упразднено и заменено казачьим отделом Главного штаба. Вопрос о предстоявшей реформе обсуждался ГУКВ и местной казачьей администрацией. Было высказано мнение, что переподчинять казаков соответствующим министерствам нельзя — это приведет к уничтожению казачества; важно сохранить прежнюю систему управления². И действительно, реформа затронула в основном лишь внешнюю сторону по сути прежнего органа. Казачий отдел включал шесть отделений: 1-е — военное (создание и упразднение казачьих войск, учреждение в войсках складов, мастерских, военно-ремесленных школ, сбор статистических сведений, коневодство); 2-е — поземельно-межевое (землеустройство и землепользование казачьих войск); 3-е (по гражданской и учебной части, сословным делам и опеке); 4-е (общественное управление казачьих станиц, земские учреждения, пути сообщения, благотворительность); 5-е (административно-полицейское управление, заведование войсковыми зданиями, питейной частью, финансами); 6-е (по горной, соляной и лесной части, торговля и рыболовство)³. Недоброжелатели реформы считали, что отдел механически втиснут в структуру Глав-

ного штаба, а статус центрального казачьего органа с упразднением самостоятельного управления понизился⁴.

Один из критиков реформы даже писал: «По поводу такого нововведения в управлении казачьими войсками можно предположить, что казачьи войска в то время собирались упразднить, то есть всех казаков обратить в гражданское состояние. По-видимому, к этому велось дело. При настоящем мертвом управлении казачьи войска сами собой будут разлагаться, т. е. подготавливаться к упразднению. Этот вопрос имеет высокое государственное значение, и потому о нем обязательно следует доложить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ»⁵.

В предвоенные годы авторитет Оренбургского казачьего войска значительно возрос. Летом 1910 г. в станице Сакмарской около двух месяцев лечился кумысом князь крови Императорской Гавриил Константинович⁶. 18 июля он был избран почетным казаком станицы⁷. В годы Первой мировой войны Гавриил Константинович даже просил разрешения носить мундир оренбургского казачьего офицера. Отец Гавриила Константиновича Великий князь Константин Константинович также с 1912 г. являлся почетным казаком Оренбургского войска.

В сентябре 1911 г. оренбургским Наказным атаманом был назначен генерал-лейтенант Н.А. Сухомлинов (родной брат военного министра). Помимо родства атамана с военным министром, целая группа оренбургских казачьих офицеров оказалась в тот период во главе центральных казачьих учреждений. Только что созданный казачий отдел Главного штаба 13 сентября 1910 г. возглавил оренбургский казак генерал-майор (с 13 мая 1913 г. — генерал-лейтенант) П.О. Агапов, бессменно находившийся на этом посту до января 1918 г. Ранее Агапов служил помощником начальника ГУКВ и с марта 1910 г. — начальником ГУКВ⁸. Помощником Агапова по новой должности стал еще один оренбуржец — полковник (с 6 декабря 1911 г. — генерал-майор) А.А. Суров, прежде возглавлявший отдел в ГУКВ. Эти офицеры, по всей видимости, оказывали содействие родному войску в приоритетном порядке.

14 февраля 1912 г. депутация от Оренбургского казачьего войска в составе Наказного атамана генерал-лейтенанта Н.А. Сухомлинова, начальника Войскового штаба генерал-майора А.И. Нестеровского, атамана 2-го военного отдела генерал-майора Н.А. Наследова, штаб-офицера для поручений при Наказном атамане войскового старшины Д.Г. Серова, атамана станицы Сакмарской 1-го военного отдела вахмистра Сумкина, атамана станицы Березинской 2-го военного отдела вахмистра Короткова и атамана станицы Кундравинской 3-го военного отдела вахмистра Вакушина представилась в Царском Селе императору Николаю II⁹.

Создание Государственной думы и появление в ней казачьего представительства принесло казакам очень мало пользы. Состав депутатов I Думы уже

рассматривался в 3-й главе. Во II Государственную думу от оренбургских казаков прошло два депутата: П.П. Вопилов и И.В. Заплатин (всего от Оренбургской губернии семь депутатов). Павел Петрович Вопилов происходил из 1-го военного отдела, был земледельцем и членом казачьей группы, имел домашнее образование, в 1907 г. ему было 29 лет. В Думе он вошел в комиссию по местному управлению и самоуправлению, но вообще никак себя не проявил. Иван Васильевич Заплатин имел среднее образование, был простым казаком 3-го военного отдела, принадлежал к трудовой группе, в 1907 г. ему было 34 года. Так же как и Вопилов, он вошел в комиссию по местному управлению и самоуправлению. Был даже двумя записками предложен товарищи секретаря Думы, но от баллотировки отказался. Комиссия по самоуправлению провела лишь одно заседание 24 мая 1907 г., а 2 июня, как известно, стало последним днем заседания Думы¹⁰.

По новым правилам выборы в Думу проходили в несколько этапов — станицы избирали по два делегата на съезд уполномоченных выборщиков от военного отдела, который затем избирал двух представителей в губернское собрание выборщиков, куда входили уже не только казаки. В III Думу от Оренбургской губернии было избрано шесть депутатов, но от казачьего населения — лишь один. Казачьим депутатом стал Сергей Ильич Шеметов. Этот депутат, пожалуй, больше всех остальных оренбургских казачьих представителей в Думе трудился для пользы войска. Шеметов родился 18 сентября 1872 г., окончил двуклассное училище, был женат, на момент избрания являлся станичным атаманом, владел участком в 25 десятин и недвижимой собственностью в 5000 рублей, принадлежал к прогрессивной группе и был избран съездом уполномоченных от казачьих станиц. В Думе Шеметов вошел в состав комиссий по рыболовству и по государственной обороне. Участвовал в подписании законопроектов о взимании и отправлении земельных и натуральных повинностей крестьян, о распространении земского положения на Область войска Донского, подписал заявление об увеличении земельной комиссии четырьмя членами, об увеличении комиссии по государственной обороне, несколько заявлений о депутатских запросах. Однако существенных заявлений в тот период Шеметов не делал, видимо для начала присматриваясь к непривычной для него обстановке¹¹.

В период 1908—1909 гг. Шеметов был более активен. Участвовал в подписании нескольких законопроектов, выступил докладчиком комиссии по государственной обороне по поводу законопроекта о назначении Оренбургскому войску пособия из казны, выступал по вопросу о смете расходов Горного департамента, по законопроектам о выходе из общины, о введении земского самоуправления в Оренбургской губернии, о сокращении пребывания казаков в приготовительном разряде до года, о возмещении Забайкальскому войску сборов за разрешение питейной торговли в войске¹².

В следующую сессию (1909—1910 гг.) Шеметов вновь выступал докладчиком комиссии по государственной обороне по законопроектам об установлении ежегодной выплаты 175,5 рубля на увеличение ремонтной цены лошадей Оренбургского казачьего юнкерского училища, выступал по вопросу об отпуске Забайкальскому войску пособия от казны, по проекту государственной росписи по смете ГУКВ, о преобразовании местного суда¹³.

В сессию 1910—1911 гг. Шеметов докладывал по законопроекту о вознаграждениях семьям или наследникам погибших на войне казаков за утраченное на войне имущество, кроме того, известно выступление Шеметова о поднятии экономического благосостояния казаков в связи с самонаражением. По мнению этого депутата, общегосударственные расходы (пенсии отставным офицерам, содержание льготных офицеров, содержание местных воинских команд, льготных батарей, юнкерских училищ, кадетских корпусов, казенных и контрольных палат, центральных казачьих учреждений, довольствие лагерных сборов) необходимо было переложить на казну¹⁴. Эта мера была реализована только в сентябре 1914 г. — уже после начала Первой мировой войны.

В 1911—1912 гг. Шеметов выступил докладчиком по законопроекту о продлении выплаты Оренбургскому войску пособия на подкрепление общего войскового капитала в сумме 115 тысяч рублей в год. Пособие выдавалось с 1896 г., по закону от 24 марта 1909 г. оно было назначено сроком на три года. В 1911 г. срок истек, однако войсковые капиталы все сокращались. На 1 января 1905 г. они составили 1 529 471 рубль, а на 1 января 1911 г. лишь 642 675 рублей. Увеличения доходов не предвиделось, кроме того, войско как раз пострадало от неурожая, а основная часть расходов относилась к военным вопросам. В итоге Шеметов добился своего, выплата пособия была пролонгирована¹⁵. Кроме того, Шеметов говорил о смете Генштаба, о законопроекте, касающемся издания общего устава рыболовства, о преобразовании местного суда. Дважды он получил замечания от председателя Думы¹⁶.

Дума рассматривала и некоторые другие вопросы, затрагивавшие Оренбургское войско. В частности, в 1911 г. обсуждался вопрос о возвращении войску излишка земель в Новолинейном районе, оставшегося после передачи казакам «миллионного отвода». Кроме того, предметом обсуждения стал вопрос об отлучках неслуживых казаков из станиц. Вопрос обсуждался и в 1912 г. Предлагалось вместо годового срока разрешить казакам, в том числе служивым, покидать станицы на срок до пяти лет¹⁷. В 1913—1914 гг. в Думе обсуждался вопрос о выделении Оренбургскому войску очередных кредитов. Проект беспроцентной ссуды войску на 1911, 1913 и 1914 гг. был внесен в Думу Военно-морским министерством. Общая сумма ссуды составляла 226 804 рубля. Пройдя думское обсуждение, 15 мая 1914 г. проект

был Высочайше утвержден. Проект ссуды на 1912 г. министерство подготовить не успело, и он не обсуждался¹⁸.

При подготовке выборов в IV Думу 20% крестьянских сходов и станичных сборов не состоялось. В результате в IV Государственной думе в 1912 г. не оказалось ни одного подлинного выразителя интересов оренбургских казаков. По всей видимости, единственным депутатом от оренбуржцев был сельский хозяин и прогрессист Михаил Иванович Канашев (1866 г. рождения). По одному из свидетельств, «этот депутат... едва ли понимал, что он говорил и что значат его слова, да и как он попал в эту Думу, тоже мало кто знал, в Думе так его никто не замечал, и участие его в «решении вопросов» видели только по его распискам в получении суточных. Вот такими «завоевателями» и пользовалась головка Думы и, предав нас, привела к кошмару и краху — к полному уничтожению Русского Государства»¹⁹. Депутаты не отражали реальных интересов своей территории, не были подготовлены к государственной деятельности. К тому же интерес населения к выборам заметно снизился. Несостоятельность первого опыта отечественного парламентаризма признают и исследователи, непосредственно занимавшиеся этой проблематикой²⁰.

Начало XX в. было периодом расцвета культурной жизни оренбургского казачества. В конце XIX — начале XX в. особое значение имело формирование в обществе позитивного образа казака, так как, по словам современника, само «слово «казак» для большинства наших интеллигентных людей и теперь еще есть синоним бездомового, разгульного, бесшабашного и неспособного к труду человека, для которого водка всего дороже на свете, а воровство составляет чуть ли не единственное и главное его занятие»²¹.

Как писал В. Путинцев, изучение прошлого казачества было тесно связано с изучением истории русской армии и должно было осуществляться как исследование части вооруженных сил и одновременно как отдельного сословия²². Для В. Путинцева казалось странным, что уже даже «далекие и полудикие инородцы Сибири» стали предметом научного исследования, а «верный Царский слуга», казак, продолжал оставаться неизученным²³.

В целях изучения прошлого казачества, по мнению В. Путинцева, необходимо было: привести в порядок войсковые архивы; сформировать библиотеки по истории казачества; составить сборники материалов по истории казачьих войск; создать общий казачий музей.

В Оренбургском казачьем войске изучение его прошлого имело в начале XX в. вполне практический интерес — решение вопроса о старшинстве войска, а следовательно, о его авторитете в ряду других казачьих войск. Вопрос этот на государственном уровне был решен в 1912 г. Пока у войска имелись средства (до событий первой русской революции) на исторические исследования, они исправно выделялись.

Любопытно, как в то время была организована работа историка и каким образом осуществлялась государственная поддержка важных для правительства исследований. Еще в 1879 г. был поднят вопрос о старшинстве войска, однако реальные шаги для установления исторической правды стали предприниматься только в начале XX в. при Наказном атамане Я.Ф. Барабаше, когда отставному генерал-майору Н.Г. Лобову (1842—1915) было поручено организовать работу по составлению истории войска. Было выделено необходимое финансирование — 1612 рублей ежегодно с 1903 г. и одновременно 250 рублей на приобретение пишущей машины. Кроме того, Военный совет 17 марта 1901 г. постановил выделить 1600 рублей на сбор и издание материалов по истории войска²⁴. В ноябре 1902 г. подготовить историю войска распорядился и военный министр. Был установлен пятилетний срок, до 1 января 1906 г., на окончание историко-статистического описания войска и трехлетний на составление его истории.

В качестве вознаграждения генералу Лобову выплачивалось 1000 рублей в год. В распоряжение генерала был выделен специальный офицер в качестве делопроизводителя. Оплата работы этого офицера составляла 1 рубль 20 копеек в сутки (432 рубля в год). Для найма писаря в целях переписывания материалов было выделено 180 рублей в год. Таким образом, ежегодно, помимо 1600 рублей на издание, а также выделенных средств на пишущую машину, требовалось еще 1642 рубля. Генерал Лобов подошел к порученной задаче более чем серьезно. Была выработана обширная программа работ, один только список намеченного занимал пять листов.

Свою работу Лобов начал не с написания истории войска, а с публикации источников. К августу 1904 г. было издано уже три выпуска «Материалов» и подготовлен к печати четвертый. На этом этапе работы возникла необходимость командировать офицера в архивы Москвы и Петербурга, поскольку уже в то время, как и в наши дни, в двух столицах хранились важнейшие документы, без использования которых разработка темы была невозможна. В качестве кандидатуры для командировки был выбран старший адъютант Войскового штаба есаул С.Н. Севастьянов (1863—1907), еще в 1899 г. занимавшийся разбором Войскового архива в Оренбурге и известный как любитель казачьей старины и исследователь. Севастьянов планировал зимой 1904/05 и 1905/06 г. совершить две полугодовые командировки. В остальное время предполагалось вести обработку собранного материала и готовить его к печати. На командировки было необходимо 1835 рублей 59 копеек, «что не может не быть признано крайне незначительной суммой в сравнении с достигаемыми для войска результатами»²⁵. Поскольку в Войсковом штабе оставались деньги на командировки, не израсходованные с 1901 г., нового расхода от казны не потребовалось.

Севастьянов добросовестно работал в центральных архивах (еще в 1901 г. он ездил в Москву на два месяца и в 1904 г. на шесть месяцев с той же целью). В архиве МИДа он договорился со служащим о том, что тот за небольшое вознаграждение (15 рублей в месяц) будет прочитывать трудные для чтения рукописи XVI—XVII вв., отмечая важные для определения старшинства войска упоминания о Самаре и Уфе. Главной задачей поисков являлось именно установление старшинства войска — достаточно конъюнктурная задача. Однако взгляды на это старшинство и датировки сильно различались, поэтому казачьему офицеру без специальной подготовки было непросто разобраться в средневековых документах.

Копии тогда делались путем переписывания, стоимость одного листа такой копии составляла 50 копеек. На фотоснимки с наиболее важных документов и приобретение исторических пособий Севастьянов испрашивал 50 рублей в месяц. Поскольку денег не хватало, офицер тратил выделенное ему на канцелярские расходы. В 1904—1905 гг. Севастьянов работал в Москве, а в 1905—1906 гг. — в Петербурге. Бедность войска была ужасающей, приходилось выпрашивать буквально каждую копейку.

Однако положение быстро менялось. Войсковой капитал переживал серьезнейший кризис, и в феврале 1905 г. начальник Войскового штаба Ф.Ф. фон Таубе посчитал работу Лобова непроизводительной. К октябрю 1905 г. Лобов сдал в печать уже 6-й выпуск своих материалов. Тираж издания составлял 300 экземпляров. Однако войсковое начальство все больше проявляло недовольство этой работой — сборники документов получались дорогостоящими, а к написанию истории войска еще даже не приступали.

Однако, по мнению Лобова, на обработку данных оренбургских архивов (Войсковой архив, архив бывшего оренбургского генерал-губернатора, Командантский архив, находившийся в ведении оренбургского уездного воинского начальника, архив Тургайского областного правления, архив Оренбургской Казенной палаты, приказы по Оренбургскому и Туркестанскому военным округам) о событиях с 1800 г. по начало XX в. требовалось два-три года упорного труда.

В Москве для составления истории войска были важны материалы архива МИДа (портфели Г.Ф. Миллера, документы XVI—XVII вв. по самарским казакам), архива Министерства императорского двора, архива Министерства юстиции и московского отделения общего архива Главного штаба. В последнем есаул Дмитренко и подпоручик Ильенко составили печатные описи, выявив свыше 200 дел по истории Оренбургского войска. Полезным считалось также исследовать архивы Туркестанского края, Уфы, Казани и Перми. Сам Лобов составил хронологический перечень событий истории войска с 1574 по 1800 г.

Вне связи с комиссией генерала Лобова архивы войска в Туркестане изучал оренбургский офицер В.П. Водопьянов. Новый атаман В.Ф. Ожаровский признал работу Лобова полезной. В среднем Лобов выпускал по два сборника документов ежегодно, в 1907 г. вышел уже 7-й выпуск. Генерал Лобов обоснованно полагал, что написанию истории должен предшествовать сбор документов, но финансирование было крайне ограничено. Идея генерала Лобова была такова, что, ознакомившись со сборниками, многие лица в войске смогут дополнить материалы для составления будущей истории. В связи с крайней степенью обнищания войска отставному генералу предлагали ограничиться оставлением выявленных документов в рукописном виде. Однако в этом случае того результата, на который рассчитывал генерал (дополнение материалов читателями), получиться не могло. К сентябрю 1911 г. Лобов довел свой хронологический перечень до 1843 г. По данным на 1912 г., не добившись поддержки войсковой администрации, он издавал сборники уже за свой счет²⁶. В результате Лобову удалось издать 12 томов исторических материалов, доведя хронологию истории войска до середины XIX в. В то же время Военный совет в 1912 г. признал в отношении историй казачьих войск (прежде всего Донского), что «составление и издание этих историй не может почитаться крайне необходимым и неотложным, а при нынешних условиях состояния войсковых капиталов является роскошью»²⁷.

Развитие науки и культуры, как и в другие времена, стало уделом отдельных энтузиастов, которые работали ничего не получая за свои труды и часто вопреки решениям сверху. Надо сказать, что понимание важности собирания архивных документов было присуще только некоторой части войсковой элиты — прежде всего интересовавшимся прошлым войска казачьим офицерам, часть которых внесла весомый вклад в дело собирания документов по истории войска. В этой связи нельзя не упомянуть автора ряда книг по истории войска генерал-майора Ф.М. Старикова, собравшего большой личный архив, который, к сожалению, после смерти ученого в 1911 г. бесследно исчез. Еще одним энтузиастом изучения истории войска, занимавшимся сбором архивных документов, был Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин (1880—1944). После окончания Академии Генерального штаба тогда еще подъесаул Акулинин решил защищать диссертацию на звание профессора по военной истории на тему «История Оренбургского казачьего войска». С осени 1913 г. он приступил к сбору источников по истории Оренбургского войска. Для подготовки диссертации Акулинин много работал в государственных и частных книгохранилищах и архивах Петербурга, использовал документы оренбургского Войскового архива, Главного управления казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба. Эта работа была прервана Первой мировой войной.

Усилиями учителя А.И. Кривошекова в станице Еткульской был открыт казачий музей. В ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых в Оренбурге на Форштадтской площади была сооружена Знаменная изба — своеобразный войсковой музей. Как писал, по всей видимости, оренбургский офицер М.А. Юдин, «мысль об Оренбургском войсковом музее зародилась и назрела давно и одно время, после возвращения наших полков с Дальнего Востока, была близка к осуществлению; при покойном наказном атамане генерал[е] фон-Таубе, выяснилось намерение к этому важному делу. Уже собрано было в войсковом штабе немало различных предметов, привезенных полками из Маньчжурии для будущего музея; но затем, мысль (разрядка документа. — А. Г.) об нем как будто заглохла и что стало с собранными предметами — неизвестно»²⁸. По мнению автора, надо, чтобы «здесь наши сыны... наглядно могли изучать историю родного войска, а вместе с тем вдохновляться примерами предков, поучаться ими, как надо истому казаку служить Царю и Родине на страх их врагам...»²⁹. Оренбургский казачий офицер А.И. Мякутин, находясь в командировках на территории войска, вел сбор казачьих песен, опубликовав в 1904—1910 гг. собранный материал в фундаментальном четырехтомном издании, являющемся и по сей день самым полным собранием оренбургских казачьих песен³⁰.

При Оренбургском казачьем юнкерском училище в 1908 г. издавался журнал «Юнкер-казак», освещавший на своих страницах, помимо училищной жизни, историю казачества и проблемы русской конницы³¹. Из других изданий необходимо отметить ежедневную «общественно-литературную и политическо-экономическую» газету «Оренбургский казак», выходившую в 1913—1914 гг. в Оренбурге, но не имевшую к казачеству, по сути, никакого отношения. Основным направлением этого частного издания (издатель — отставной казачий генерал Д. Веригин) было разоблачение негативной роли евреев во всех сторонах жизни общества, и в связи с этим пристальное внимание уделялось делу М.М. Бейлиса.

Вплоть до 1913 г. на территории Оренбургской губернии не было земства, однако даже с его появлением в губернии Оренбургское казачье войско было изъято из-под его юрисдикции³², чтобы не допустить, как считалось тогда, разрушения традиционного казачьего жизненного уклада, хотя функции земства сводились почти исключительно к административно-хозяйственной деятельности³³ и социальной помощи населению. При опросе по станицам большинство оренбуржцев высказалось якобы против введения земства в войске, однако, по данным британского исследователя Р. МакНила, эти сведения были искажены³⁴. Можно добавить, что попытка введения земства на Дону в 1876—1882 гг. закончилась провалом — правительство пыталось приобщить казаков к общеимперской политической и социально-экономической жизни, однако казаки с появлением земств

стали опасаться потери своих привилегий, отказывались платить дополнительные земские налоги, власть же испугалась наметившихся тенденций к сепаратизму, идеи которого высказывались казачьими депутатами³⁵. В работах последнего времени отмечается, что земская реформа на Дону была недостаточно подготовлена, а функционирование земств на Дону было все же успешным, содействовало развитию хозяйственной и социальной жизни и способствовало интеграции региона в общероссийскую систему общественного управления³⁶. Следовательно, опыт введения земства в казачьих областях нельзя считать полностью неудачным. Возможно, появление земства у оренбуржцев могло бы внести определенный вклад, к примеру, в совершенствование крайне слабой системы медицинского обеспечения; открытие в поселке Никольском и городе Троицке в 1912—1914 гг. двух казачьих больниц на 20 коек каждая общей плачевной ситуации не меняло.

В рассматриваемый период казаки получили возможность с разрешения станичных атаманов покидать станицы на срок до года. В 1911 г. в 3-м военном отделе для содействия нуждающимся казакам было решено открыть чайную Красного Креста (поселок Сосновский). Дело, однако, затянулось и в конечном счете так и не сдвинулось с мертвой точки, вызвав лишь насмешки в оппозиционно настроенной прессе³⁷. В 1913 г. была построена железная дорога Оренбург—Орск (движение открылось 19 декабря 1914 г.). Впрочем, в связи с необходимостью возведения железнодорожного моста перед Орском дорогу вплоть до советского времени так и не дотянули непосредственно до этого города. Тем не менее строительство этой магистрали вело к сокращению сроков мобилизационной готовности оренбургских казаков. Создавались новые станицы и поселки. Только в 1909 г. на территории войска было образовано восемь новых поселений³⁸. В том же году с аукциона были распроданы остатки вещевого запаса, заготовленного в период Русско-японской войны, вырученные деньги пошли в пользу казны³⁹.

Широкое развитие в межвоенный период (с 1904 г.) получило маслоделие, в особенности в 3-м военном отделе, где к 1914 г. существовало уже более 90 маслодельных артелей, общее количество таких артелей в войске достигло 153. Впрочем, эти предприятия обслуживали примерно десятую часть населенных пунктов войска. Произведенное масло шло в основном на экспорт под названием экспортного сибирского масла⁴⁰ и пользовалось спросом в Великобритании, Германии и Италии. Быстро росли масштабы пуховязального промысла — в 1912 г. в него было вовлечено 12 480 человек, а в 1914 г. уже 20 413. В 1914 г. в станице Гирьяльской открылась первая пуховязальная артель. С 1908—1909 гг. стали создаваться казачьи кредитные товарищества (в станицах Челябинской, Кундравинской и других), способствовавшие повышению благосостояния казачьих хозяйств. Кредитная и торговая кооперация накануне Первой мировой войны получи-

ли широкое распространение на территории войска (в 1914 г. в кредитных кооперативах числилось 62 362 казака). По данным на 1908 г., в войске имелось 1175 заводов, фабрик и мельниц, в том числе 830 в собственности казаков⁴¹. Продолжалось и переселение казаков на Дальний Восток, однако его масштабы, по всей видимости, были значительно меньше предыдущих⁴².

В 1913 г. хозяйство казака Макаровского выселка станицы Кособродской 3-го военного отдела П.И. Заварухина как образцовое было удостоено премии в 200 рублей по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. Заварухин был отцом семерых детей, которым не было еще и 16 лет, тем не менее в его хозяйстве имелось 8 лошадей, 13 коров и телят, 7 свиней, 70 голов птицы (в том числе 20 индеек), земельный надел равнялся 125 десятинам, а валовой доход от хозяйства составлял внушительную сумму в 1500 рублей. Заварухин выписывал сельскохозяйственные журналы, активно внедрял агротехнику (в хозяйстве имелась железная борода, 11-рядная сеялка, косилка, конные грабли, жнейка), в том числе орудия самодеельного изготовления (культиваторы). В перспективе Заварухин планировал устройство ирригационных сооружений и парников⁴³. Как видим, отдельные оренбургские казаки своим трудом могли достичь значительных успехов и иметь достаточно высокий уровень доходов, даже больший, чем у старших офицеров войска. В то же время казакам вроде Заварухина было уже не с руки идти на службу или отбывать лагерные сборы. По всей видимости, такие казаки-предприниматели находили возможность откупиться от воинской повинности.

В 1910 г. оренбургские казаки за счет экстенсивного ведения хозяйства недобрали около 12 миллионов пудов хлеба, или, в переводе на деньги, 6 миллионов рублей⁴⁴. Вследствие засухи 1911 год был для войска неурожайным, первый дождь прошел лишь в конце июня, в итоге удалось собрать лишь семена*. Население буквально голодало. Доходность полевого хозяйства падала⁴⁵. В два раза возросли цены, и, чтобы выжить, население прибегло к массовому убоя скота (поголовье скота у казачьего населения сократилось с 1 января 1911 по 1 января 1912 г. на 658 639 голов, или на 47,4%, в том числе по лошадям — на 95 787 голов, или 32,9%). На преодоление последствий неурожая Оренбургскому и Уральскому войскам была выдана ссуда в 7,4 миллиона рублей (в 1911–1912 гг. оренбуржцы получили 5 485 544 головы, или 32,9%)*. В 1912–1913 гг. оренбуржцы и уральцы получили ссуду в 477,5 тысячи рублей⁴⁶. От последствий неурожая

* Лабузов В.А. Большая тема. Голод 1911–1912 годов в Оренбургском казачьем войске // Гостинный Двор (Оренбург). 2006. № 19. С. 176.

** Там же.

менее пострадали поселки, где имелись кредитные товарищества и маслоделательные заводы и у населения была реальная возможность получить ссуду. Меры власти по борьбе с голодом были направлены лишь на облегчение его последствий, но не предотвращали угрозу голода в будущем. Более того, экономическое состояние войска в целом не менялось к лучшему — по-прежнему ежегодно повторялся дефицит войскового капитала. Состояние войскового капитала в 1905—1909 гг. отражено в таблице⁴⁷.

Т а б л и ц а 30

ВОЙСКОВОЙ КАПИТАЛ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
в 1905—1909 гг. (в рублях)

Год	Доход	Расход	Недостаток
1905	781 226	890 515	109 289
1906	980 222	1 177 613	197 391
1907	877 552	1 276 881	399 329
1908	900 380	1 154 985	254 605
1909	871 498	1 188 707	317 209

В 1909—1913 гг. войско получало от государства крупнейшее по сравнению с другими казачьими войсками денежное пособие — 115 тысяч рублей ежегодно⁴⁸. Тем не менее «финансовое положение войска... находится настолько в неудовлетворительном состоянии, что, несмотря на все принимаемые меры к развитию собственных доходных источников, войско в течение еще многих лет совершенно не может обходиться без существенной помощи от казны»⁴⁹. В 1914 г. было снято бремя выплаты казачьими войсками средств на поддержание центральной казачьей администрации в Петербурге (не менее 266 290 рублей ежегодно)⁵⁰, однако эта мера не привела к кардинальному улучшению ситуации. При этом нельзя сказать, чтобы все вопросы власть решала исключительно в пользу казачества. Так, в 1910 г. Сенат постановил передать часть горы Магнитной (404,1 десятины), где велись разработки железной руды, в пользу Белорецких заводов⁵¹. Начавшаяся вскоре война оторвала от хозяйства десятки тысяч казаков, вызвала сокращение маслодельной и сыроваренной промышленности.

Имеет смысл хотя бы в общих чертах дать оценку казачьему менталитету в начале XX в. Для исторической памяти казачества были характерны представления об общности судеб всех казачьих войск, персональной свободе казака и войска, приоритете общины над личностью. Не могли не от-

житься в сознании оренбургских казаков многовековые традиции воинского служения своей стране и неизменно многонациональный состав войска. Вместе с тем казаки вне жесткого административного контроля отличались склонностью к анархии, мародерству. Этой черты не избежали и оренбуржцы, хотя они, в отличие от южнорусского казачества, и не имели традиций казачьей вольницы. Многие исследователи отмечают двойственность отношения казаков к центральной власти, обусловленную удаленностью от центра и в то же время привилегированным положением казачества и традиционной близостью его к императору. Как уже отмечалось, важнейшее значение для казака имела военная служба и связанные с ней обычаи и традиции (своеобразный культ коня и холодного оружия, традиция принятия младенцев в казаки на 40-й день жизни, проводы на службу)⁵², что отразилось в военных песнях, составляющих основу песенной культуры оренбургских казаков. Не случайно и то, что праздничной одеждой казака являлась его военная форма. Показательно, что в казачьей песенной культуре важное место занимали сюжеты службы казаков царю, что еще раз свидетельствует о монархических взглядах казачьего населения.

Нигде не исчезли натянутые отношения казаков и их кочевого окружения. Сложными были взаимоотношения с неказачьим населением, в том числе переселенцами. В 1911 г., когда, казалось бы, регион давно утратил пограничное значение, в Оренбургское губернское жандармское управление поступили сведения о том, что в районе станицы Наследнической концентрировались вооруженные казаки⁵³. Если казаки жили хоть и вблизи границ войска, но все-таки не в нем самом, то иной была ситуация в отношении неказачьего населения, которое, не являясь носителем столь чуждой казакам культуры, как культура кочевников-мусульман, имело, однако, и свои неблагоприятные для казаков особенности. В частности, переселенцы Кустанайского уезда, граничившего с Оренбургской губернией и войском, отличались революционными взглядами (в полицию поступала неподтвержденная информация об их сборищах с политической подкладкой). Кроме того, на территории войска селились административно выселенные революционеры, хотя их было и немного (в 1911 г. пять человек на весь Оренбургский уезд)⁵⁴.

В то же время привычка казаков жить по приказу сверху доходила до смешного. В 1909 г. «Биржевые ведомости» напечатали в качестве курьеза прошение оставленного женой оренбургского казака Ивана Рыкова. Стремясь вернуть супругу, он подал иск против нее, обвиняя жену в том, что она проживает с казаком Синеглазовым «на любовном положении, бессовестно ведет себя по отношению моей нравственной антипатии, чем елико возможно марает мою субординацию, как человека, состоящего на службе»⁵⁵. Рыков собирался даже вернуть жену с помощью станичного атамана.

Противоположную характеристику приводит кубанский казачий офицер Ф.И. Елисеев, прошедший юнкерские годы в Оренбурге. Он вспоминал свое впечатление от первой встречи с оренбургским казаком в 1910 г.: «У Неплюевского кадетского корпуса впервые в своей жизни встретили живого и настоящего казака Оренбургского Войска. В гимнастерке, в черных шароварах с синим лампасом, в черной фуражке с синим околышем и с чубом, верхом на рыжем лысом коне.

«Так вот они какие, эти далекие от Кубани Оренбургские казаки, братья наши по однородному Казачьему происхождению!» — невольно проследилась мысль.

Во всей осанке этого первого нам встретившегося Оренбургского казака как будто ничего особенного и не было, но чувствовалось все же в ней что-то беспечно-молодецкое, братское, которое понимается интуитивно и которое понятно только настоящему казаку.

Мы молча проводили его глазами, как и он нас — молча, изучающе. Но когда оглянулись на него — одновременно оглянулся и он. Так сказала однородность крови казачьей»⁵⁶.

Тем не менее никуда не исчезли, а наоборот, возможно, даже усилились те негативные тенденции, о которых говорилось выше. В казачьей среде появились первые уклонисты от призыва. В 1913 г. рассматривалось дело об уклонении от службы казака станицы Богуславской В.Ф. Ползикова присяги 1903 г. Ползиков явился в лагерь на реке Черной 8 мая 1913 г., опоздав на лагерный сбор на трое суток. На следующее утро он скрылся, до 14 мая скитался по лагерю, затем вернулся, но сказался больным. В действительности все это время Ползиков пропьянствовал. В итоге казак был осужден на шесть месяцев тюремного заключения и обязан выплатить штраф за явку в суд свидетелей⁵⁷.

Пьянство и падение нравственности коснулось и отдельных казачьих офицеров. Так, хорунжий 3-го Оренбургского казачьего полка А.М. Шилков, участник Русско-японской войны, имевший несколько боевых орденов, два года подряд аттестовывался неудовлетворительно. В 1907 г. на льготе в нетрезвом состоянии он застрелил своего одностаничника — казака станицы Усть-Уйской, но был оправдан. Офицер обещал сослуживцам не пить, но обещания сдержат не смог, тем не менее генерал А.Г. Сандецкий позволил Шилкову остаться на службе. 25 января 1909 г. на станции Волочиск Шилков в пьяном виде приставал к публике, затем свалился в мужской уборной и уснул. В этом виде его обнаружил хорунжий В.И. Карташев. Спустя несколько дней Шилков позволил себе ругаться в офицерском собрании. В итоге офицера уволили от службы в дисциплинарном порядке⁵⁸.

Другая крайность проявилась в деятельности командира 6-го Оренбургского казачьего полка Н.Н. Волжина. Этот офицер, командовавший в Рус-

ско-японскую войну 10-м Оренбургским казачьим полком, в мирное время отличался крайней грубостью по отношению к подчиненным офицерам. В приказе по полку от 15 января 1909 г. он писал, что войсковой старшина А.С. Шелаумов позволил себе «в каком-то слепом прожорстве и словно где-нибудь на пьяном базаре не только дерзко вымогать от меня вот эти чужие столовые деньги под предлогом, что выданные столовые не отбираются, и следовательно, можно безнаказанно нагреть казну...»⁵⁹. Подобное хамское обращение, даже если обвиняемый Волжиным офицер и был виновен, вызвало справедливое недовольство офицеров и даже анонимную жалобу на Волжина военному министру: «Мы — офицеры 6^м полка несказанно были обрадованы Царской милостью — предельным возрастом. Он избавляет нас от тирании грубого, циничного, ленивого, ничего, кроме искусства иезуитских интриг, не знающего Волжина. На наше горе получаем известие, что Волжин интригами в Петербурге сумел добиться и начальство не увольняет его в отставку, а производит в генералы в нашу же бригаду. Молим избавить нас от ожидания больших неприятностей. Или поголовная претензия, или кто-нибудь из нас пойдет на самоубийство, или убьют злокачественного паразита. Это будет всесветный скандал и разоблачения. Просим прислать расследовать тиранию и то жалкое существование полка, в которое поставил Волжин. У исторического Грекова, Баскакова... (текст неразборчив — А. Г.), зато каждый может помыкать и втереть очки новыми рубашками да музыкой с картинками»⁶⁰.

Командующий войсками Туркестанского военного округа Генштаба генерал-лейтенант А.В. Самсонов усомнился в подлинности анонимки и оставил ее без последствий. Однако на этом дело не кончилось. Письмо дошло до военного министра, завязалась переписка между ГУКВ и Наказным атаманом, считавшим, что Волжин своими приказами не только нарушает положение о письмоводстве в военном ведомстве, но и оскорбляет офицера вообще и штаб-офицера в особенности. В итоге Волжину был объявлен выговор с предупреждением, о происшествии доложено было военному министру.

Ярчайшим примером крайней степени архаизма и полнейшей неэффективности всей военно-административной системы императорской России стала незначительная на первый взгляд история женитьбы хорунжего Григория Николаевича Вагина. В 1909 г. портупей-юнкер Павловского военного училища Вагин, которому по выпуске из училища предстояла разлука с возлюбленной, решил жениться. Вагин благополучно окончил училище и был произведен в хорунжие, однако по закону офицер не мог вступать в брак до 23 лет. Будущая теща офицера подала в канцелярию Его Величества прошение об удовлетворении желания Вагина жениться. 21 августа с бумагой ознакомился главноуправляющий канцелярией Его Величества по принятию прошений барон А.А. Будберг. В тот же день бумагу читал главный

начальник военно-учебных заведений генерал от инфантерии Великий князь Константин Константинович. 25 августа прошение дошло до помощника дежурного генерала Главного штаба генерал-майора Барановского. 30 августа с прошением разбирался начальник ГУКВ генерал-лейтенант Е.Г. Гарф. 3 сентября документ рассматривал военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов. И наконец, 3 октября 1909 г. о хорунжем Вагине узнал император Николай II, который наложил на документ положительную резолюцию⁶¹. Таким образом, как минимум пять высших военных деятелей Российской империи летом—осенью 1909 г. занимались делом, которое в то время, возможно, казалось им значимым, но с государственной точки зрения вообще не должно было отвлекать внимание высшего военного руководства. Не следует забывать о том, что это лишь один совершенно ничтожный пример, а сколько схожих по значимости дел, помимо этого, приходилось решать тем же лицам! Неудивительно, что куда более значимые вопросы годами не находили решения. Неудивителен и конец государства, в котором существовала подобная административная система. Можно отметить, что нечто подобное происходило при назначениях оренбургских казачьих офицеров на командные должности и возникавших при этом спорах о старшинстве. Решение такого рода вопросов могло тянуться месяцами⁶².

Военное строительство в Оренбургском казачьем войске в межвоенный период

События Русско-японской войны и первой русской революции довольно ярко продемонстрировали целый ряд недостатков в русском военном строительстве. Со всей остротой встал вопрос о том, как избежать повторения маньчжурской трагедии на полях будущих сражений в Европе. Исчерпывающий ответ на этот вопрос так и не был дан к 1914 г., хотя меры, направленные на совершенствование армии, все-таки принимались. И, если бы не эти военные преобразования последних мирных лет существования Российской империи, весьма вероятно, что ход Первой мировой войны для России был бы гораздо печальнее.

Слабые стороны, безусловно, были присущи и казачьим войскам, но в этих войсках, в отличие от остальной армии, серьезным фактором являлись социальные проблемы, с которыми было неразрывно связано благосостояние казаков и исправность несения ими воинской повинности. Одним из наиболее тревожных для государства симптомов стал процесс постепенной трансформации сознания казачества, происходивший в конце XIX — начале XX в., когда казаки из категории природных воинов постепенно фактически превращались в крестьян. Единственным отличием

казаков от крестьян оставалась их воинская повинность со всеми ее атрибутами (в том числе и наделением землей), являвшаяся для казачества системообразующим фактором.

При этом в казачестве все еще сильны были вековые традиции, а сами казаки свысока смотрели на крестьян, живших по соседству. Однако это была лишь внешняя форма, тогда как содержание уже изменилось. Десятилетия мирного времени привели к тому, что казаки стали рассматривать военную службу не как свою первостепенную задачу, свой долг перед родиной, а как фактор, отвлекавший их от хозяйства, ведущий к разорению. Казачья молодежь, быть может, и рада была как-то проявить себя на военном поприще, но возможностей для этого в мирное время у нее не было. В результате начался процесс разложения казачьей молодежи, широкие масштабы приобрело пьянство, распространенным чувством стало безразличие ко всему происходящему. Такое состояние умов представляло благодатную почву для революционной пропаганды, что хотя и в незначительных масштабах, но сравнительно ярко стало проявляться уже в годы первой русской революции.

Начало XX в. все же встряхнуло архаичный механизм казачества. Неутешительные для России итоги войны с Японией вывели военное дело из состояния относительного застоя, в котором оно находилось прежде, и положили начало поискам путей совершенствования вооруженных сил Российской империи. Поиск этот был настолько необычен в сравнении с планомерным развитием русской армии в предшествующий период, что получил неофициальное название «военный ренессанс»⁶³.

К 1 января 1909 г. по списку в войске числился 501 казачий офицер и 61 504 нижних чина, в том числе 428 офицеров и 20 771 казак в частях 1-й очереди⁶⁴. В строевых частях находилось 228 офицеров и 5088 нижних чинов, которые распределялись по военным округам следующим образом⁶⁵:

Т а б л и ц а 31

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОФИЦЕРОВ И КАЗАКОВ СТРОЕВЫХ ОРЕНБУРГСКИХ ЧАСТЕЙ ПО ВОЕННЫМ ОКРУГАМ (к 1 января 1909 г.)

Военный округ	Численность	
	офицеров	нижних чинов
Варшавский	34	685
Киевский	67	1500
Казанский	28	435
Туркестанский	84	2107
Петербургский	15	361

Офицерский состав распределялся по следующим категориям: 228 офицеров находилось в строевых частях, 182 — на льготе, 57 — в должностях, 34 числились по войску.

Что же необходимо было сделать в этот период для повышения боеготовности оренбургских казаков, для усиления их боевого потенциала? Государственная власть могла тогда пойти на серьезное увеличение штатного расписания Оренбургского казачьего войска как мирного, так и военного времени, при том что войско было обременено служебным нарядом мирного и военного времени менее других⁶⁶. В мирное время еще в 1895 г. в строевом разряде числилось 5636 нижних чинов сверх штата военного времени, то есть личный состав еще по меньшей мере пяти казачьих шестисотенных полков. По мере роста численности казачьего населения число казаков, остававшихся сверх штата, увеличивалось. Судя по всему, эти казаки зачислялись в полки второй очереди и вовсе не состояли на действительной службе. То есть, исходя из роста численности казачьего населения, штат Оренбургского казачьего войска мирного и военного времени мог быть увеличен на несколько казачьих полков.

Необходимо было также совершенствовать подготовку офицерского состава и нижних чинов, особенно огневую подготовку казаков в условиях растущей роли огнестрельного оружия в боевых действиях, повысить уровень технической оснащенности казачьих частей, обратить самое пристальное внимание на проблемы мобилизации льготных частей, организацию медицинской службы, пересмотр штатов казачьих и кавалерийских дивизий, которые, по опыту боевых действий на Дальнем Востоке, оказались слишком громоздкими и не соответствовали требованиям современной войны. К сожалению, для претворения в жизнь этих изменений в Оренбургском казачьем войске было сделано крайне мало.

Военный министр (1905—1909) Генштаба генерал-лейтенант А.Ф. Редигер при вступлении в должность наметил целый ряд преобразований, часть которых должна была повлиять и на развитие Оренбургского казачьего войска⁶⁷. Предполагалось, в частности: сокращение сроков службы; унтер-офицерский вопрос; совершенствование быта нижних чинов, казарм; реорганизация офицерского запаса; изменение организации и дислокации войск; обеспечение войск артиллерией и пулеметами; организация медицинской части; усиление запасных войск; увеличение числа рядов в военное время; увеличение отпуска холостых патронов.

Преемник Редигера Генштаба генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов сосредоточил свои усилия на следующих группах преобразований⁶⁸: кадровые; борьба с военной бюрократией и коррупцией; внедрение техники в войска; восстановление воинского духа в армии; улучшение снабжения армии; устранение преимущества Германии в скорости мобилизации.

Очевидно, что и эти преобразования вели к совершенствованию боеготовности Оренбургского казачьего войска. Как же протекал процесс реформ и подготовки к предстоявшей войне в Оренбургском казачьем войске? Китайский конфликт, а затем и Русско-японская война пробудили определенный интерес к военному делу среди самих казаков и породили в их рядах целую плеяду ярких молодых офицеров, которые сумели блестяще зарекомендовать себя впоследствии в годы Первой мировой и Гражданской войн. Боевые действия ускоряли чинопроизводство, что было важным стимулом для казачьей офицерской молодежи.

В межвоенный период все юнкерские училища с двухлетним курсом обучения были преобразованы в трехлетние, ограничен прием лиц с незаконченным средним образованием, введены новые учебные программы. В Николаевской академии Генерального штаба введен дополнительный курс.

После Русско-японской войны в Николаевскую академию Генерального штаба поступило значительно больше оренбургских казачьих офицеров, чем до этого. Таким образом, к 1914 г. уровень подготовки некоторой части младшего и среднего офицерского состава Оренбургского казачьего войска существенно повысился. В годы Первой мировой войны эта категория офицеров достигла штаб-офицерских чинов, а в 1917 г. и после него встала во главе антибольшевистского движения оренбургского казачества. Думается, что совершенствование подготовки офицерского корпуса в этот период нельзя считать исключительной заслугой государства, основной причиной этого процесса стал сам ход событий начала XX в. и прежде всего неудачное окончание Русско-японской войны, а также настойчивые поиски ответа на вопрос о причинах поражения и неготовности России к войне.

В 1913–1914 гг. оренбургские казаки обучались в следующих военно-учебных заведениях⁶⁹:

Т а б л и ц а 32

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ (1913–1914 гг.)

Учебное заведение	Количество обучающихся казаков ОКВ	
	в 1913 г.	в 1914 г.
Военно-медицинская академия	4	—
Михайловская артиллерийская академия	2	—

Учебное заведение	Количество обучающихся казаков ОКВ	
	в 1913 г.	в 1914 г.
Оренбургское казачье училище	37	37
Николаевское кавалерийское училище	20	1
Елисаветградское кавалерийское училище	5	—
Александровское военное училище	8	—
Киевское военное училище	2	—
Михайловское артиллерийское училище	6	2
Константиновское артиллерийское училище	4	1
Казанское военное училище	—	1
Николаевское инженерное училище	—	1
Итого	88	43

Осенью 1913 г. в Офицерскую кавалерийскую школу от войска был направлен один офицер со льготы и три офицера из первоочередных частей (для сравнения: всего от Донского войска — девять, от Кубанского — пять, от Терского, Уральского и Забайкальского — по два, от Сибирского и Семиреченского — по одному офицеру)⁷⁰.

По данным на конец 1912 г., штат шестисотенного Оренбургского казачьего полка насчитывал 21 офицера, в том числе командира полка, полковника или войскового старшину, 6 есаулов и 13 прочих обер-офицеров. Для четырехсотенного полка предусматривалось, помимо 2 штаб-офицеров, 4 есаула и 9 прочих обер-офицеров. В Оренбургском казачьем дивизионе — штаб-офицер, 2 есаула и 5 прочих обер-офицеров. В 1-й Оренбургской отдельной сотне — есаул, 2 прочих обер-офицера, во 2-й — есаул, 4 прочих обер-офицера. В Оренбургской казачьей батарее — командир (штаб-офицер), полковник или войсковой старшина, есаул и 3 прочих обер-офицера. В Оренбургской казачьей запасной батарее — командир (штаб-офицер), есаул и 3 прочих обер-офицера⁷¹. В Оренбургском войске по штату необходимо было иметь 22 штаб-офицера, 56 есаулов и 315 прочих обер-офицеров. Всего 393 человека⁷². В мирное время на службе (без учета казачьей артиллерии) находилось⁷³:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАЧЬИХ ОФИЦЕРОВ ПО СТРОЕВЫМ ЧАСТЯМ ВОЙСКА (на 1912 г.)

Категория	В трех шестисотен- ных полках	В трех четырёх- сотенных полках	В Орен- бургском казачьем дивизионе	В двух отдельных сотнях	Всего
Штаб-офицеры	12	9	1	—	22
Есаулы	18	12	2	2	34
Прочие обер-офицеры	78	54	9	6	147
Всего	108	75	12	8	203

На льготе должно было состоять 22 есаула и 168 прочих обер-офицеров, всего 190 человек. Командиры первоочередных частей и штаб-офицеры на льготу не выходили. В 1913 г. на рассмотрение Военного совета было предложено вынести вопрос о реорганизации офицерского комплекта Донского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. Главным управлением Генерального штаба был разработан проект реформы, суть которой сводилась к отмене офицерской льготы⁷⁴. Оренбургское войско, финансы которого находились в плачевном состоянии, не могло ежегодно выплачивать свыше 130 тысяч рублей на содержание льготных офицеров, при том что в военных кругах крепло убеждение о вреде льготы⁷⁵.

«Столь крупная и в настоящее время совершенно непосильная для войскового бюджета затрата, а также тот несомненный, всеми давно признаваемый вред, какой причиняет офицерам, во всех отношениях, пребывание их на льготе, вызывают необходимость неотложного принятия мер, если не к полному уничтожению льготы для офицеров, то хотя к сокращению, в пределах возможности, числа льготных офицеров», — гласило постановление Войскового хозяйственного правления⁷⁶. Донской атаман предложил перевести всех льготных офицеров в строевые части, однако польза от такого шага была невелика, более осмысленным кажется проект создания в войске постоянных кадров льготных частей, в которых бы вместо прежнего прозябания на льготе служили льготные офицеры⁷⁷. Однако, по всей видимости, никаких изменений до начала Первой мировой войны не произошло.

«Пробуждение» Казанского военного округа можно отнести к 1907 г. Тогда с Дальнего Востока вернулось много строевых офицеров, обладавших боевым опытом, появились новые веяния и началась работа по улучшению

качества подготовки войск. В Оренбургском казачьем юнкерском училище весной 1907 г. были организованы лекции о Русско-японской войне: 1) причины войны. Вооруженные силы сторон. Обзор театра военных действий. Военные действия от начала войны до Тюренчена; 2) Тюренчен; 3) Вафангоу; 4) военные действия в горах в июне—июле 1904 г.; 5) Ляоян; 6) бой на Шахэ — в центре и на западе; 7) бой на Шахэ — восточная группа; 8) Сандепу; 9) Мукден; 10) Кинчжоу и Порт-Артур; 11) набеги на Инкоу и майский^{*78}. Офицерам округа предлагалось делать доклады в окружном центре, Казани, на любые темы. История с докладами, кажется, является весьма показательной с точки зрения проникновения в казачье офицерство военных знаний и «пробуждения» войска.

Любопытны результаты поиска докладчиков, свидетельствующие о печальном состоянии военной мысли среди оренбургских офицеров. Докладчиками от войска должны были стать, разумеется, льготные офицеры. На огромные 1-й и 2-й военные отделы не нашлось ни одного желающего, и лишь в 3-м отделе один офицер, хорунжий В.В. Вишняков, выразил желание выступить на тему «Служба офицеров для связи между отдельными отрядами»⁷⁹.

В 1908 г. ситуация несколько улучшилась. На все полумиллионное войско нашлось целых два докладчика. Это были офицеры 2-го округа: подьесаул Нагаев («Действия конного отряда Генерал-Адъютанта Мищенко в январском наступлении 2 армии»; «Методы изучения военного искусства») и сотник П.Н. Соколов («Аттестация офицеров в западноевропейских армиях»). К ним присоединился есаул М.А. Сорокин — командир 4-й Оренбургской казачьей льготной батареи («Свойства скорострельной артиллерии и влияние их на ее боевые качества»). Казачьи офицеры получили приглашение делать доклады в Казанском гарнизонном офицерском собрании, «дабы всесторонне ознакомиться с последней нашей войной»⁸⁰. Но не тут-то было. Все желающие внезапно отказались. Лишь в августе 1908 г. полковник В.Д. Тырсин вызвался выступить на следующие темы: «1) О существующем способе обучения и воспитания войск 2) О его недостатках 3) О необходимости замены существующего способа более целесообразным». В итоге Тырсин стал единственным докладчиком от войска в Казани. Может даже сложиться впечатление, что его специально назначили, чтобы не уронить честь войска, так как в противном случае вообще не было бы ни одного докладчика.

На весь Казанский военный округ нашлось лишь 14 офицеров (до чина полковника включительно), готовых сделать доклады (судя по всему, поездка в Казань оплачивалась казной). Из них 11 офицеров были генштабистами (в том числе будущий вождь Белого движения А.И. Деникин с докладом на

* Имеется в виду набег отряда генерала П.И. Мищенко на Факумынь.

тему «Цинхэченский бой 10—16 ноября 1904 г.». Таким образом, как ни прискорбно, военно-научные доклады были в состоянии и хотели делать почти исключительно офицеры Генштаба. Остальные либо не имели желания, либо не интересовались военным делом, или, наконец, военная наука для них представлялась слишком сложной. Показательно, что полковник Тырсин в итоге так и не смог подготовить сообщение к назначенному сроку (7 ноября 1908 г.) и был вычеркнут из списка докладчиков.

И все же «пробуждение» было налицо. Преодолевая рутину, косность, отсталость и банальную лень, некоторые офицеры все-таки начали принимать участие в военно-научной жизни. В апреле 1909 г. сотник А.С. Шеметов (в будущем видный деятель антибольшевистского движения, генерал) сделал доклад «Разведка города Чантуфу. Из боевой жизни 10-го Оренбургского казачьего полка», есаул П.А. Шишелов выступил на тему «Действия артиллерии при завоевании Туркестанского края». На 1910 г. были намечены доклады войскового старшины П.В. Хлебникова «Современные кавалерийские вопросы» и командира Оренбургской конно-артиллерийской бригады генерал-майора И.Н. Епанешникова «3-дюймовая скорострельная пушка и ее свойства»⁸¹. С докладами собирались выступать и другие офицеры бригады. В апреле 1910 г. предполагался доклад подесаула Н. Головина «История лавы». Все это свидетельствует о том, что хотя и в незначительном количестве, но все же наиболее думающие офицеры осознали необходимость повышения уровня военных знаний.

Казанский военный округ, на территории которого находилось Оренбургское казачье войско, являлся тыловым, что предопределило более размеренное течение здесь военных преобразований. Округ был важен как база для снабжения армии. Однако с назначением командующим войсками округа — для подавления революционного движения в Поволжье — вместо генерала Карасса Генштаба генерал-лейтенанта А.Г. Сандецкого (1851—1918) военно-научная работа оказалась на втором плане.

Сандецкий, в 1895—1899 гг. начальник штаба войск Забайкальской области, затем командир 1-й бригады 15-й пехотной дивизии, был произведен в генерал-лейтенанты 28 марта 1904 г. Служил начальником 34-й пехотной дивизии и был отцом шестерых детей⁸². Он отличался необычайной суровостью и резкостью по отношению к своим подчиненным. Этот генерал вмешивался в работу штабов частей округа на всех уровнях, внимательно изучал приказы не только по бригадам, но и по полкам округа, повсюду требовал подробных отчетов даже по самым незначительным вопросам. В результате работа округа была сильно затруднена огромным количеством бумаг. А поскольку в полках не могли и не хотели писать многочисленные отчеты, которых от них требовало начальство, штабы бригад сочиняли эти отчеты по выдуманнным данным.

Основной претензией Сандецкого к подчиненным была их недостаточная жесткость при наложении дисциплинарных взысканий. При проявлении малейшей слабости в офицерском составе Сандецкий распоряжался указать об этом в их аттестационных документах, чем коверкал судьбы многих перспективных начальников, выдавая им «волчий билет». Как писал А.И. Деникин, служивший тогда в штабе 57-й резервной бригады в Саратове, «большинство начальников сохранили свое достоинство и справедливость. Но не мало оказалось и таких, что на спинах своих подчиненных строили свою карьеру. Посыпались взыскания, как из рога изобилия, походя, за дело и без дела, вне зависимости от степени вины, с одной лишь оглядкой — что скажут в Казани»⁸³.

Военный министр генерал от кавалерии, генерал-адъютант В.А. Сухомлинов отмечал, что округ получил название «дисциплинарного» по аналогии с дисциплинарным батальоном⁸⁴. Как сообщал Сухомлинову его бывший ученик, а позднее начальник штаба у Сандецкого генерал-майор Светлов, «из Казанского «дисциплинарного округа» бежал всякий, кто только мог»⁸⁵. Про Сандецкого говорили даже, что, подозревая больных в симуляции, он лично засовывал им в раны пальцы. Солдаты так боялись Сандецкого, что во время производившихся им смотров некоторым из них даже становилось дурно⁸⁶. На своем посту он оставался до 1912 г., после чего был назначен в Военный совет, а в годы Первой мировой войны стал командующим Московским военным округом, восстановив там против себя многих офицеров. Кстати, уже в 1915 г. Сандецкий в чине Генштаба генерала от инфантерии (произведен в 1910 г.) вновь был назначен командующим войсками Казанского военного округа.

Подготовка нижних чинов существенно не улучшилась. Наоборот, в 1909 г. по инициативе донского дворянства для облегчения воинской повинности казаков срок пребывания их в приговорительном разряде был сокращен с двух лет до года (в 1905 г. — с трех лет до двух), соответственно отменялись и зимние занятия (15 суток) казаков этого разряда в станицах⁸⁷, что негативно сказалось на военной подготовке. Теперь казаки начинали военную подготовку не с 18, как было до 1905 г., а с 20 лет. Это стало существенной переменой. Конечно, Военное министерство снисходительно оценивало уровень подготовки, который казаки получали в станицах, но так или иначе эта реформа способствовала еще большему углублению того конфликта поколений — стариков и молодежи — в казачьей среде, который в основных чертах наметился уже в конце XIX — начале XX в. и наиболее ярко проявился в годы Гражданской войны (одним из элементов этого конфликта была рассмотренная выше проблема пьянства). По сути, казак в очень важном для формирования личности возрасте 18–20 лет оказывался предоставлен самому себе и, безусловно, подвер-

гился негативному воздействию со стороны. Отмечалось, что сборы привлекали молодежь, обходясь казаку всего в 110 рублей⁸⁸.

Как писал один из авторов, таким решением, помимо прочего, был нанесен удар по самобытности казаков, а станицы превратились в обычные деревни⁸⁹. Впрочем, это был далеко не единственный удар по казачьей самобытности, постепенно (не быстро) одна за другой традиционные особенности казачества становились достоянием истории. Следующим шагом по облегчению воинской повинности казаков должно было стать сокращение службы в строевых частях с четырех до трех лет, однако эту реформу до 1917 г. осуществить не успели⁹⁰.

По мнению оренбургского офицера Н.С. Анисимова, теперь «казак не знает, что такое винтовка, зачем и для чего она, какие ее особенности, какой ее бой, он не знает даже названия главнейших ее частей и т. п.»⁹¹. Таким образом, название «приготовительный разряд» становилось лишь формальным, так как сколько-нибудь серьезной предварительной военной подготовки перед поступлением на службу казаки уже практически не получали. Против отмены занятий выступил оренбургский казачий офицер Л.Н. Доможиров, по мнению которого трехнедельное зимнее обучение в течение двух лет не могло навредить казакам, являясь органичным продолжением школы. Кроме того, такое обучение отвлекало казаков от безделья, так как зимой в казачьем хозяйстве, если не имелось скота, делать было нечего. В этот период казачьи малолетки, как тогда называли данную возрастную группу, являлись лишь обузой для родителей и постоянным источником напряженности в станице⁹². Среди необходимых для казаков реформ П.Н. Краснов в 1912 г. упомянул и введение обучения малолетков в станицах⁹³, то есть фактически восстановление прежней системы.

В приказе по Оренбургскому казачьему войску № 413 от 10 июня 1914 г. атаман Н.А. Сухомлинов в этой связи писал: «...станицы наши мало-помалу делаются похожими на обыкновенные крестьянские деревни... Теперь время, — в которое раньше молодое поколение станицы готовилось быть достойными представителями своих дедов... не всегда идет на труд, а часто тратится на разные уличные безобразия, являющиеся спутниками безделья... Знаю, что все это больно казачьему сердцу. Много я лично слышал от вас советов по этому поводу, слышал, что дети ваши начинают расти не так, как росли вы сами, начинают недостаточно почитать вас, слышно и видно, что казаки стали стрелять не отлично, а ниже хорошего. Надо дело это поправить, и пока еще есть на то возможность и время»⁹⁴. До начала Первой мировой войны оставалось тогда чуть более месяца.

Атаман Сухомлинов полагал, что желательно готовить казачат к военной службе со школы. Инструкторами должны были быть вахмистры и урядники. По мнению атамана, даже в условиях станицы можно было проводить

небольшие маневры, например, между поселками, чаще устраивать военно-спортивные состязания. Однако эти преобразования так и остались неосуществленным проектом.

События первой русской революции показали невозможность сокращения количества казачьих частей, однако бремя службы для казаков также было крайне тяжело. Это фатальное противоречие полумерами так и не удалось разрешить.

Формировались и новые казачьи части. Как уже отмечалось, в 1901 г. из 5-й и 6-й сотен 3-го Оренбургского казачьего полка, расположенных в Финляндии, в составе XXII армейского корпуса был сформирован двухсотенный Оренбургский казачий дивизион (Гельсингфорс), который предполагалось расширить до полка. Летом 1906 г. был сформирован элитный Лейб-гвардии Сводно-казачий полк, в котором оренбуржцами была укомплектована 2-я сотня, стоявшая в Гатчине.

Вместе с тем накануне войны возникла идея упразднения льготы Донского, Оренбургского и Уральского казачьих войск и преобразования льготных частей в кадровые⁹⁵. Этот проект, однако, осуществлен не был.

В 1910 г. вновь обострилось положение в Туркестане. 1 июля 1910 г. в Троицких лагерях под Ташкентом (лагерь I Туркестанского армейского корпуса в 31 версте от Ташкента) начался бунт солдат 1-го и 2-го Туркестанских саперных батальонов (всего участвовало семь рот). Под воздействием большевистской и эсеровской пропаганды саперы в ходе перестрелки убили трех своих офицеров (капитан Сахаров, подпоручики Кошенец и Кроссовский), вооружились и вместе с оркестром, с пением Марсельезы направились к соседнему лагерю стрелковой бригады, пытаясь переманить стрелков на свою сторону. Ликвидация выступления была возложена на ряд частей, включая 5-й Оренбургский казачий полк, сыгравший главную роль в подавлении мятежа. Фактически казакам пришлось вступить с саперами в бой, продолжавшийся до утра. Израсходовав боеприпасы, мятежники сдались.

По свидетельству очевидца, на рассвете «далеко на горизонте маячила лава 5-го Оренбургского каз[ачьего] полка. Повернув на лагерь, она пошла рысью, и по мере ее приближения перед ней вырастали отдельные фигуры и бегом направлялись к лагерю. Стрелковая цепь их задерживала и, записав фамилию, роту и номер винтовки, отправляла строиться»⁹⁶.

Подавление бунта не представляло каких-либо сложностей и было осуществлено местными силами. Оперативно были использованы пулеметы и артиллерия, прожектора. Тела убитых бунтовщиков по окончании подавления были взорваны в минной галерее. Главную роль в мятеже сыграл австрийский подданный Эдмунд Гессен. 14 зачинщиков было повешено в Ташкентской крепости, 220 солдат направлено на каторгу и в дисципли-

мирные роты. Погибшим при исполнении своего долга офицерам были устроены торжественные похороны.

17 сентября 1910 г. было предписано спешно назначить сотню 6-го Оренбургского казачьего полка в распоряжение военного губернатора Ферганской области в помощь гражданским властям «для преследования разбойнических шайк и охраны населения, ввиду имевшего место случая ограбления 50 тыс. руб. с убийством и сведений тревожного характера о готовящихся грабежах»⁹⁷. В этих событиях оренбуржцы вновь продемонстрировали свою лояльность существовавшей власти.

Сохранилось описание участвовавшего в 1910 г. в подавлении мятежа 5-го Оренбургского казачьего полка весной 1914 г.: «Я внимательно рассматриваю молодых казаков одного из первоочередных полков Оренбургского Войска. Их внешний вид совсем иной, чем наших, Кубанских. Бросаются в глаза их пышные русые чубы, клоком выброшенные из-под фуражек на левую сторону. На гимнастике они в гимнастерках и без поясов. Черные, не совсем широкие шаровары «внапуск» на сапоги, с синими лампасами, определяют их казачье происхождение. Лица «казачат» фактически по возрасту, простые, безусые, больше блондины. Покрой ли азиатской одежды — бешметов, черкесок, папах в нашем полку, но наши казаки кажутся более мужественными и более рослыми»⁹⁸.

Накануне войны некоторые изменения коснулись и русской конницы. Еще в 1899 г. был издан Устав строевой казачьей службы, однако в России не имелось боевого устава конницы⁹⁹. Под влиянием нового германского кавалерийского устава от 3 апреля 1909 г. в России в 1912 г. был также введен в действие новый кавалерийский устав (составлен генералом от инфантерии Ф.Ф. Палицыным). Предыдущий устав был издан в 1896 г. и дополнялся в 1899 и 1904 гг. В предшествующие годы теоретики конного дела писали о желательности введения лавы в регулярной кавалерии¹⁰⁰. Писали о чем-то подобном и германцы (идея разомкнутой кавалерийской атаки на пехоту)¹⁰¹. Теперь это было осуществлено на практике. Был сделан еще один шаг на пути сближения регулярной и иррегулярной кавалерии. Тем не менее, по имеющимся сведениям, нововведение приживалось с большим трудом — кавалерийские офицеры не знали лавы и не стремились ее применять¹⁰². Еще одной новинкой стало введение более широких аллюров для уменьшения продолжительности огневого воздействия на конницу, установлена была и равноценность для конницы конного и пешего боя. Можно отметить, что в нововведениях реализовались выдвигавшиеся ранее Ф.А. Келлером и А.Ф. Матковским идеи усовершенствования казачьей тактики. 29 мая 1911 г. было Высочайше утверждено универсальное для всех казачьих войск «Наставление для ведения занятий с казаками в учебных сборах»¹⁰³.

Граф Келлер серьезнейшим образом готовил подчиненные ему части 10-й кавалерийской дивизии к предстоявшей войне. Об этом красноречиво свидетельствуют некоторые сохранившиеся до наших дней документы. В приказании № 15 по 10-й кавалерийской дивизии от 24 августа 1913 г. сообщалось, что во время учений «как пример отличной работы разведывательных частей необходимо указать на работу 5-ой сотни 1-го Оренбургского казачьего полка под командой Войскового Старшины Д у т о в а (здесь и далее — разрядка документа. — А. Г.), которая была от красного отряда с задачей произвести разведку в районе р. Тетлеги — с Заражное — с. Каменная Яруга. Войсковой Старшина Д у т о в, перейдя Донец вброд, не обнаруженный противником, произвел отличную и обстоятельную разведку всех частей неприятельского отряда. Трудную задачу по доставке донесений организовал настолько обдуманно и удачно, что все донесения, несмотря на то что Донец был занят охранением противника, были своевременно доставлены начальнику отряда. Условия разведки были очень тяжелые, и поэтому отличные результаты могли быть получены только при самой тщательной продуманности всех действий и дружной работе...»¹⁰⁴.

Получила распространение, но не была законодательно закреплена идея создания в военное время кавалерийских корпусов (в 1910 г. были расформированы созданные в 1906 г. четыре корпуса, в мирное время кавалерийских корпусов не было, в ходе войны их пришлось создавать импровизационным путем)¹⁰⁵ и массирования конницы¹⁰⁶, впрочем, подобное нововведение нашло куда более успешное применение не во время начавшейся вскоре Первой мировой, а уже в период Гражданской войны. Войсковой конницы при пехотных дивизиях и корпусах не имелось, что являлось существенным недостатком. Популярны были идеи спешивания конницы, то есть какого-то одного направления развития рода войск в целом установлено не было. Между тем новые условия требовали от конницы большей гибкости. Для эффективных действий необходимо было учитывать особенности местности, чередовать рассыпной и сомкнутый, конный и пеший строй¹⁰⁷. К сожалению, ничтожным было число пулеметов в коннице: пулеметные команды имелись лишь в дивизиях (с 1906 г. по восемь пулеметов). Осознание необходимости увеличения их количества пришло не сразу. В итоге к началу Первой мировой войны лишь 32 кавалерийских полка имели собственные пулеметные команды.

В 1909 г. было утверждено новое расписание частей Оренбургского казачьего войска. По новым мобилизационным правилам, были сокращены сроки формирования льготных полков, в 1912 г. в программу летних лагерных сборов были введены изучение нового Полевого устава и отработка взаимодействия с пехотой и артиллерией¹⁰⁸. По новым правилам, для оповещения станиц о мобилизации требовалось (по данным 3-го военного отдела)

от 2 до 17 часов¹⁰⁹. Мобилизацию по всему Троицкому уезду предполагалось провести за шесть дней. В связи с тяжелым финансовым положением войска было решено пойти на сокращение штатов. Собирались упразднить инспекторское или строевое отделение Войскового штаба, уничтожить должность экзекутора штаба, прекратить отпуск фуражных денег штаб-офицеру при Наказном атамане и четырьмя помощниками старших адъютантов Войскового штаба и т. п.¹¹⁰ Разумеется, эти проекты не могли изменить что-либо кардинально. Все же 14 ноября 1909 г. была упразднена должность экзекутора (журналиста), соединены мобилизационное и строевое отделения Войскового штаба¹¹¹, в январе 1910 г. упразднена одна должность старшего адъютанта Войскового штаба¹¹². В итоге к работе пришлось привлекать льготных офицеров. При этом в период с 1905 г. возросло количество бумаг, подлежавших рассмотрению Войскового штаба, жизнь подорожала, и все опытные писари ушли со службы, в результате чего бумаги приходилось исполнять непосредственно адъютантам штаба¹¹³. Таким образом, в 1906—1908 гг. Войсковой штаб едва справлялся со своими обязанностями, а вынужденные преобразования лишь ухудшили его работу.

В 1910 г. в связи с порядком назначения атаманов отделов возник вопрос о соотношении полномочий Наказного атамана и командующего войсками Казанского военного округа. Казачьи войска подчинялись Казани лишь в строевом отношении, административно-хозяйственные вопросы решало ГУКВ, а позднее казачий отдел Главного штаба. Атаманы отделов избирались атаманом и утверждались императором. Но генерал Сандецкий, видимо, хотел иметь больше полномочий. Четкого разграничения полномочий на самом деле не было. Частично административную власть мог иметь и Сандецкий, во всяком случае, в отношении чинопроизводства при увольнении, награждений казачьих генеральских чинов, испрашивания усиленных пенсий в изъятие закона и т. д.¹¹⁴ В полицейском отношении казачьи войска находились в ведении МВД. 8 апреля 1910 г. Военный совет стал на сторону Сандецкого и определил, что представление о назначении атаманов отделов вносит командующий войсками округа¹¹⁵.

Повышение интереса общества к армии, наблюдавшееся в межвоенный период, оказало свое влияние и на оренбургское казачество. Предвоенные годы были периодом массового увлечения конным спортом, различными скачками и пробегами в русской армии. Инспекция конницы поощряла конный спорт, офицеры-спортсмены для участия в состязаниях освобождались от службы¹¹⁶. В 1911 г. русский офицер штабс-ротмистр Д.Ф. фон Эксе одержал победу на международных конных состязаниях в Лондоне¹¹⁷. Надо сказать, что скачки были популярны в Оренбургском войске и до появления этой моды, они регулярно устраивались по праздникам. Победителям выдавались ценные призы¹¹⁸.

В октябре 1911 г. конный пробег из Ташкента в Чимкент и обратно общей протяженностью 270 верст за 58 часов совершили казаки 3-й сотни 5-го Оренбургского казачьего полка. С учетом того, что кавалерийский переход равнялся 30—35 верстам, а в Русско-японскую войну до 70 верст в сутки (рейд подполковника Я.Ф. фон Гилленшмидта в феврале 1905 г. на Хайчен, считавшийся величайшим в военной истории конным переходом, составил 130 верст за 26 часов), оренбуржцы в 1911 г. поставили своеобразный рекорд скорости. Во время перехода оренбуржцы через каждый час спешивались и шли по 10 минут пешком. Этот пробег стал серьезным испытанием и для людей, и для лошадей. Характерно поведение командира сотни есаула М.А. Свиридова во время пробега: «На привале командир прежде всего обращался к казакам, понукая каждого. «Если не подгонять их, — говорил он мне, — то они, Бог знает, сколько провозятся». Смотришь, через каких-нибудь 10—15 мин. лошади убраны и казаки принимаются за еду. Но и тут командир не оставляет их в покое, а то и дело опять подгоняет и затем укладывает спать. И только тогда, когда все заснует, ложится спать и он»¹¹⁹.

Кроме того, в Оренбургском казачьем войске не без влияния моды на конный спорт произошел достаточно любопытный случай. А.Г. Кудашева, вдова войскового старшины Оренбургского казачьего войска, в 1910—1911 гг. в одиночку совершила конный пробег протяженностью более 12 тысяч верст на коне Монголик из Харбина в Петербург. Выезд состоялся 2 мая 1910 г., в Петербург отчаянная казачка прибыла в августе 1911 г. Конь был подарен Наследнику-цесаревичу, а имя храброй казачки вошло в 14-й том «Военной энциклопедии». В апреле 1913 г. на коне Крит она же из Владивостока отправилась в еще один конный пробег до Петербурга¹²⁰. Этот пример, возможно, свидетельствует и о некотором изменении социального положения казачек в начале XX в., когда женщины стали играть в обществе несколько более активную роль (хотя Кудашева скакала с многочисленными и длительными остановками, по этой причине пробег и занял более года). Впрочем, Ф.А. Келлер, думается, справедливо полагал, что в России всегда любили крайности, выражавшиеся в отношении конницы то в создании культа манежной езды, то в культе прыжков и конкурра, то, наконец, в увлечении полевой ездой¹²¹.

В межвоенный период многое было сделано для укрепления духа казачества. Особое внимание было обращено на изучение казачьей истории и возрождение традиций. И ранее эти вопросы не были обойдены вниманием, но обращались к ним нечасто и бессистемно. Атаман Сухомлинов всеми силами пытался содействовать процессу укрепления войска, подчас даже суровыми мерами. В частности, в июне 1914 г. он лишил звания урядника станицы Усть-Уйской Подкорытова только за то, что последний не

носил казачью форму¹²². За отсутствие выправки у казачат станицы Оренбургской Сухомлинов объявил двум офицерам выговоры, а третьего арестовывал на семь суток¹²³.

В то же время оренбургский вице-губернатор, коллежский советник А.В. Сумароков заявил о ненормальности губернатора. Эта информация была проверена по линии МВД и не подтвердилась. Наоборот, расследование инцидента показало, что Сухомлинов «пользуется общей любовью и уважением за свои редко добрые качества, благородные порывы и стремления принести пользу вверенному его управлению краю и оградить население его от всяких зол и бедствий. К каждой просьбе относится с вниманием, выслушивает терпеливо всякого... Усмотрев пользу от какой-либо меры, старается немедленно привести ее в исполнение... быстрота решения — одна из характерных черт его характера. По словам супруги генерала, он требует от своих подчиненных и действует сам «по кавалерийски, в карьер». Служебные же свойства Оренбургского Губернатора вполне отрицательны. Он обнаруживает полные незнания и неподготовку к административной деятельности. Трудно на седьмом десятке жизни усвоить новые знания и хотя бы вполне блестящее командование кавалерийской дивизией (по словам генерала, представив подведомственную ему военную часть в Киеве ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, лично ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ был назначен Губернатором) не должно служить стажем для должности начальника губернии... незнание что и как делать парализует положительные стороны его характера»¹²⁴.

Возвращаясь к вопросу о воспитании казачьей молодежи, следует отметить, что еще в 1890 г. были установлены войсковые праздники для всех казачьих войск. Войсковой праздник для оренбуржцев был установлен в День Святого Великомученика и Победоносца Георгия (23 апреля), в этот день в 1756 г. на оренбургском Форштадте (казачье предместье города) была освящена Георгиевская войсковая церковь¹²⁵. Как правило, в этот день в Оренбурге проводился военный парад, скачки и джигитовка. Аналогичным образом праздник отмечался в оренбургских казачьих частях. Подобная практика имела важное воспитательное значение. Повышению самосознания оренбургского казачества способствовали и другие меры. 24 мая 1894 г. оренбургские казачьи полки и батареи получили единые номерные наименования. В 1904 г. войску была пожалована атаманская насека. 6 декабря 1908 г. 1-й, 2-й и 4-й батареям были пожалованы отличия в виде одиночных петлиц из белой тесьмы на воротники и обшлага мундиров нижних чинов (впрочем, тогда это отличие было присвоено всем строевым частям всех степовых казачьих войск, строевые части кавказских казачьих войск получили аналогичные отличия на воротники бешметов и рукава черкесок). 23 сентября 1912 г. войску Высочайшим повелением было при-

своею старшинство с 1574 г. (дата постройки воеводой Иваном Нагим уфимского детинца)¹²⁶, в результате Оренбургское войско совершенно необоснованно, как нам представляется, стало вторым по старшинству среди казачьих войск России, лишь четыре года уступив Донскому войску. По всей видимости, при решении этого вопроса не обошлось без усилий со стороны своеобразного оренбургского лобби в казачьем отделе Главного штаба.

18 февраля 1912 г. утвержден особый нагрудный знак войска в виде щита, увенчанного казачьей папахой и обрамленного голубой лентой с золотым ободком и датой «1574» на банте, в верхней части щита был изображен золотой двуглавый орел на белом поле, под ним голубая полоска, означавшая реку Урал, ниже — синий Андреевский крест в белом поле и еще ниже лук и стрелы на золотом поле¹²⁷.

Накануне войны изменились — с учетом исторического прошлого казачества — и наименования ряда оренбургских казачьих частей. 2-й Оренбургский казачий полк в 1913 г. получил вечное шефство Воеводы Ивана Нагого, 3-й полк был назван Самаро-Уфимским, а 4-й — Исетско-Ставропольским, 5-й полк 1 февраля 1910 г. получил шефство Эмира Бухарского в ознаменование его заслуг перед Россией, однако после смерти шефа переименован (в 1913 г.) в 5-й Оренбургский казачий атамана [В.И.] Могутова полк, вечным шефом 6-го полка стал атаман В.А. Углицкий, из льготных частей шефство получил только 9-й Оренбургский казачий атамана [И.В.] Падурова полк. Наконец, с 6 апреля 1914 г. Наследник-цесаревич Алексей Николаевич стал шефом 1-го Оренбургского казачьего полка. Незадолго до этого, 5 октября 1913 г., в Оренбурге в день тезоименитства Наследника прошел церковный парад, в котором участвовали казаки 1-й Оренбургской казачьей отдельной сотни и другие части местного гарнизона¹²⁸. Депутация 1-го Оренбургского казачьего полка поднесла цесаревичу форму полка.

Введение исторических наименований символизировало преемственность казачьих традиций, а установление шефства Наследника-цесаревича демонстрировало благожелательное отношение к оренбуржцам со стороны императорской власти. 4 мая 1914 г. Николай II принял депутацию оренбуржцев во главе с командиром полка полковником А.П. Тимашевым, которые поднесли цесаревичу форму полка^{*129}.

Вообще, в последние полтора века существования Российской империи императоры стремились продемонстрировать свое особое отношение к казачеству. Одним из таких проявлений было назначение Наследника-цесаревича атаманом всех казачьих войск. Кроме того, в знак особого распо-

* Дневник Николая II (1913–1918). М., 2007. С. 133.

ложения казачьим войскам были пожалованы грамоты, клейноды (как правило, наsek и булавы) и другие знаки отличия, не характерные для русской армии в целом. Наличие у императора особого казачьего конвоя также свидетельствовало о высочайшем доверии казачеству со стороны государства. По подсчетам Р. МакНила, к концу XIX в. в казачьих войсках имелся уже 141 документ, который мог быть отнесен к категории жалованных грамот¹³⁰. Показательно, что императорская власть никогда не считала казачество полностью единым, подходя дифференцированно к каждому войску и демонстрируя уважительное отношение к его самобытности и особенностям. В конце XIX — начале XX в. были предприняты попытки унификации казачьего законодательства (как правило, образцом служило Донское войско), однако коснулись они лишь отдельных сторон жизни казачества, не внося в нее кардинальных изменений. При этом единение казаков и императора становилось все более иллюзорным (разумеется, для монарха), поскольку казаки в отношении власти, как правило, особых иллюзий не питали. Другое дело, что в казачьей среде существовал, проявляясь в большей или меньшей степени в разные периоды, миф о вольном казачестве, уходивший корнями еще в средневековую историю. В 1917 г., когда казачество подверглось кардинальному переустройству, этот миф слился с либеральными воззрениями.

* * *

Подводя итог состоянию Оренбургского войска накануне трагических для него испытаний, приведших в итоге к его гибели, нельзя не отметить ряд принципиально важных моментов.

Прежде всего, при сравнении казаков с так называемой регулярной кавалерией (иррегулярность казачества в конце XIX — начале XX в. была весьма условной) нельзя не прийти к выводу об отсутствии у первых какого-либо очевидного преимущества. Ни боеспособностью, ни боевым духом казаки уже существенно не превосходили регулярную конницу. В начале XX в. они перестали быть и экономически выгодным родом войск, поскольку все больше нуждались в государственных дотациях. Разумеется, у последнего явления была своя причина — военное руководство взяло курс на доведение казачьих частей до уровня регулярной кавалерии, в первую очередь путем улучшения конского состава. Однако в полной мере это преобразование осуществить не удалось — в составе русской армии появился огромный по своей численности в военное время, но по-прежнему плохо обученный и относительно дорогостоящий род войск. Постепенное стирание различий между казачьими и регулярными войсками влекло

за собой аналогичные процессы и в отношении положения казачества и неказачьего населения. В своем первоначальном значении воинов-пограничников казаки сохранялись к концу существования Российской империи лишь в Семиречье, на Алтае (3-й Сибирский казачий полк на границе с Китаем) и на Дальнем Востоке, определенная напряженность существовала на Северном Кавказе. В других казачьих областях пограничный фактор давно утратил свое значение, однако нельзя сказать, чтобы исчезла исторически сложившаяся напряженность взаимоотношений казаков и их кочевых соседей. Разумеется, пограничный фактор не был панацеей от саморасказачивания¹³¹, но все же являлся оправданием необходимости существования казаков — в других регионах не было и этого. Все более очевидной становилась искусственность сохранения и поддержания государством архаичного института казачества, основанного на феодальном принципе наделения землей за службу. К началу Первой мировой войны армейское руководство продолжало сохранять уверенность в необходимости в составе русской армии — на случай европейской войны — огромной конной массы, а власть была по инерции глубоко и слепо убеждена в безграничной преданности казачества. Вместе с тем не только казакам становилось сложнее приспосабливаться к новым условиям, но и само государство уже с трудом выполняло свои обязательства перед казаками. Долго так продолжаться не могло, рано или поздно перед властью и казачеством должен был встать вопрос о целесообразности и даже самой возможности дальнейшего существования этого особого сословия. При этом казаки обладали своей собственной историей и коллективной памятью, служившей обоснованием их права на существование. Так что законодательное упразднение такого сословия было бы для правительства, скорее всего, не менее трудным, чем поддержание его на плаву¹³². Модернизация казачества сверху носила противоречивый характер. По мнению современной британской исследовательницы Шейн О'Рурк, в начале XX в. шел процесс формирования казачьей национальной идентичности¹³³. Думается, с такой позицией, основанной на событиях истории Гражданской войны, согласиться трудно. Казачий автономизм и сепаратизм был явлением исключительно смутных времен XVII и XX вв., однако в условиях внутренней стабильности власть находила способы сравнительно эффективно контролировать казачество.

К сожалению, в канун Первой мировой войны в правительстве совершенно отсутствовала внятная программа реформирования казачества и представление о дальнейшей судьбе казачьего сословия, его месте и роли в жизни страны. Однако казачество прекратило свое существование все же значительно раньше и куда более трагично, чем можно было предположить даже в самых пессимистических прогнозах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Краснов П. Н. От Двуглавого орла к красному знамени. Кн. 1-я. М., 2005. С. 302.
- ² РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 21. Л. 2об.
- ³ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 167.
- ⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 8—8об.
- ⁵ Там же. Л. 8об. — 9.
- ⁶ Гавриил Константинович, Великий князь. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 106—107.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 45.
- ⁸ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 99.
- ⁹ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.
- ¹⁰ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. СПб., 1907. С. 15.
- ¹¹ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1907—1908 г.г. СПб., 1908. С. 8, 298.
- ¹² Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия II. 1908—1909 г.г. СПб., 1909. С. 220.
- ¹³ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия III. 1909—1910 г.г. СПб., 1910. С. 238.
- ¹⁴ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Ч. II. СПб., 1911. С. 700—702; Ч. III. СПб., 1911. С. 708—710.
- ¹⁵ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Ч. II. СПб., 1912. С. 14—15, 1673.
- ¹⁶ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия V. 1911—1912 г.г. СПб., 1912. С. 264.
- ¹⁷ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Ч. IV. СПб., 1912. С. 2493.
- ¹⁸ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. III. СПб., 1914. С. 438.
- ¹⁹ Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 8—9.
- ²⁰ Жилев П. И. Региональный аспект развития российского парламентаризма (на материалах Оренбургской губернии 1906—1917 гг.). Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2003. С. 14.
- ²¹ Путинцев В. Наши казацкие войска (необходимость изучения их трехвекового исторического прошлого) // Военный сборник. 1900. № 1. С. 50.
- ²² Там же. С. 49.
- ²³ Там же. С. 50.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 182. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Л. 22об. — 23.
- ²⁶ Там же. Л. 123.
- ²⁷ Там же.

- ²⁸ Оренбургский казак. 1914. 26.01. № 4. С. 2.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Мякутин А.И.* Песни Оренбургских казаков. Т. 1. Оренбург, 1904; Т. 2. Оренбург, 1905; Т. 3. Оренбург, 1906; Т. 4. Оренбург, 1910.
- ³¹ *Сафонов Д.А.* Периодика оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург, 2004. С. 214—215.
- ³² *Капустина В.М.* Казачье самоуправление и земства (Проблема взаимодействия в Оренбургской губернии) // *Русская нация и русская идея: история и современность.* Оренбург, 1996. Ч. 1. С. 184.
- ³³ Ю.Э. Бог в помощь Оренбургскому Земству // *Оренбургский казак.* 1913. 05.10. № 1. С. 3.
- ³⁴ *McNeal R.H.* Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 145, 246.
- ³⁵ *Волненко А.А.* Земская реформа в Области войска Донского (1864—1882 гг.). Автореф. дисс. к. и. н. СПб., 1998. С. 30.
- ³⁶ *Сафронкина Е.И.* Казачье и земское самоуправление в Области войска Донского (1870-е — 1880-е гг.). Автореф. дисс. к. и. н. Новочеркасск, 2005. С. 24—25.
- ³⁷ ОР РГБ. Ф. 135. Разд. 3. Карт. 21. Д. 14. Л. 1.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 1665. Л. 1—3.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 932. А. 1—4.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2823. Л. 68об.
- ⁴¹ Там же. Л. 76.
- ⁴² РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 892. Л. 1.
- ⁴³ *Любовь и Восток.* Сб. М., 1994. С. 86—87.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 3об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 1об.
- ⁴⁶ *McNeal R.H.* Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 215.
- ⁴⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 636. Л. 43.
- ⁴⁸ *Смета* Военного министерства на 1910 год по Главному Управлению казачьих войск. СПб., 1909. С. 30; *McNeal R.H.* Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 215.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 636. А. 7об.
- ⁵⁰ *McNeal R.H.* Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 216; по данным на 1910 г. Оренбургское войско на содержание ГУКВ выплачивало 17 615 руб. в год. См.: *Смета* Военного министерства на 1910 год по Главному Управлению казачьих войск. СПб., 1909. С. 4.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 56.
- ⁵² Подробнее об этом см.: *Кузнецов В.А.* Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004. С. 22.
- ⁵³ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 594. Л. 17.
- ⁵⁴ Там же. Л. 39.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 1701. Л. 1.
- ⁵⁶ *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005. С. 111.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 4. А. 1—36.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 1035. Л. 14—29.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 1032. Л. 2.

- ⁶⁰ Там же. Л. 12об. — 13.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 68. Л. 1—14.
- ⁶² См., напр.: РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 61. Л. 1—32об.; Д. 2842. Л. 15об.
- ⁶³ Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 244.
- ⁶⁴ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 год. Часть военная. Оренбург, 1909. С. 4.
- ⁶⁵ Там же. С. 7.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 9.
- ⁶⁷ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 424.
- ⁶⁸ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 227, 252.
- ⁶⁹ Составлено по данным, предоставленным В.Г. Семеновым. — А. Г.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р—5956. Оп. 1. Д. 27. Л. 60б.
- ⁷¹ Главное управление Генерального штаба. Секретно. Проект реорганизации офицерского комплекта Донского, Оренбургского и Уральского казачьих войск. 5.12.1912. № 62. СПб., 1912. С. 41—42.
- ⁷² Там же. С. 7.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Главное управление Генерального штаба. Секретно. Проект реорганизации офицерского комплекта Донского, Оренбургского и Уральского казачьих войск. СПб., 1912. С. 10.
- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 636. Л. 14.
- ⁷⁶ Там же. Л. 14.
- ⁷⁷ Главное управление Генерального штаба. Секретно. Проект реорганизации офицерского комплекта Донского, Оренбургского и Уральского казачьих войск. СПб., 1912. С. 15.
- ⁷⁸ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 239. Л. 1.
- ⁷⁹ Там же. Л. 6.
- ⁸⁰ Там же. Л. 19.
- ⁸¹ Там же. Л. 48.
- ⁸² Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1905 г. СПб., 1906. С. 498.
- ⁸³ Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 259—260.
- ⁸⁴ Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 240.
- ⁸⁵ Там же. С. 241.
- ⁸⁶ Гавриил Константинович, Великий князь. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 106.
- ⁸⁷ Приказ по военному ведомству. 1909. № 291.
- ⁸⁸ С.И. Шаг назад // Вестник русской конницы. 1910. 30.03. № 6. С. 266.
- ⁸⁹ Вестник русской конницы. 1911. 30.08. № 13—14. С. 509.
- ⁹⁰ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 83.
- ⁹¹ Анисимов Н. К вопросу о зимних занятиях с казаками приговорительного разряда в станицах // Вестник русской конницы. 1911. 30.11. № 21—22. С. 790.
- ⁹² Доможиров А. Казачьи вопросы // Военный сборник. 1911. № 11. С. 35—37.
- ⁹³ Краснов П.Н. Какие реформы нужны казакам // Военный сборник. 1912. № 12. С. 39.

- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 27. Л. 5об. — 6.
- ⁹⁵ *Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.* Ч. 1. Сост. Я.К. Цихович. М., 1922.
- С. 24.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р—5881. Оп. 2. Д. 424. Л. 6.
- ⁹⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 40. Л. 1.
- ⁹⁸ Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005. С. 148.
- ⁹⁹ Багратион Д., князь. Германский кавалерийский устав и мысли им навеянные // Вестник русской конницы. 1910. 15.04. № 7. С. 304.
- ¹⁰⁰ Матковский А.Ф. Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. СПб., 1911. С. 64; Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 1. СПб., 1910. С. 4—5.
- ¹⁰¹ Бернгарди Ф., фон. Служба конницы. СПб., 1913. С. 92.
- ¹⁰² Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 3. СПб., 1914. С. 35.
- ¹⁰³ Шахтормин А.А. Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX — начале XX веков: историческое исследование. Автореф. дисс. к. и. н. М., 2006. С. 17.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Александр Ильич Дутов: Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска, Генерал-Лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч[ее], относящиеся к деятельности Войскового Атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда Атамана Дутова. Б.м., б.г. [Троицк, 1919]. С. 26—27.
- ¹⁰⁵ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. 1881—1915. М., 1994. С. 139.
- ¹⁰⁶ Дружинин К. Кавалерийские перспективы // Вестник русской конницы. 1910. 15.02. № 3. С. 113; Вестник русской конницы. 1911. 01.11. № 17—18. С. 678.
- ¹⁰⁷ Ненахов Ю.Ю. Кавалерия на полях сражений XX века: 1900—1920. Минск, 2004. С. 51.
- ¹⁰⁸ Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 168.
- ¹⁰⁹ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 253. Л. 1 об.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 636. Л. 1—1 об.
- ¹¹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 42. Л. 5.
- ¹¹² РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 11. Л. 170.
- ¹¹³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 636. Л. 21—21 об.
- ¹¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 3. Л. 8 об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 38.
- ¹¹⁶ Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005. С. 127.
- ¹¹⁷ Вестник русской конницы. 1911. 30.08. № 13—14.
- ¹¹⁸ См., напр.: Приказы по первому военному отделу Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1909. С. 135.
- ¹¹⁹ Нагаев. Пробег Оренбургских казаков // Вестник русской конницы. 1911. 15.11. № 19—20. С. 733.
- ¹²⁰ Военная энциклопедия. Т. XIV. М., 1914. С. 369.
- ¹²¹ Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. 3. СПб., 1914. С. 10.

¹²² РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 27. Л. 18 об.

¹²³ Там же. Л. 18 об.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 56—56 об.

¹²⁵ *Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В.* Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002. С. 158.

¹²⁶ *Любовь и Восток.* Сб. М., 1994. С. 7.

¹²⁷ *Андоленко С.* Нагрудные знаки русской армии. М., 2002. С. 167.

¹²⁸ *Оренбургский казак.* 1913. 05.10. № 1. С. 2.

¹²⁹ *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 328—329.

¹³⁰ *McNeal R.H.* Tsar and Cossack, 1855—1914. Oxford, 1987. P. 2.

¹³¹ *Кручинин А.С.* Последний казак. Атаман И.П. Калмыков и Уссурийское Войско // *Доброволец.* 2004. № 1 (3). С. 19—22.

¹³² *O'Rourke S.* Warriors and Peasants. The Don Cossacks in Late Imperial Russia. Oxford, 2000. P. 101.

¹³³ *Ibid.* P. 171.

Глава 5

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.)

Подъесаул вырвал из ножен шашку, клинок блекло сверкнул голубизной.

— Со-о-от-ня-а-а-а! — Шашка накренилась вправо, влево и упала вперед, задержавшись в воздухе повыше торчмя поднятых ушей коня. «Рассыпаться левой и вперед», — в уме перевел Григорий немую команду. — Пики к бою, шашки вон, в атаку марш-марш! — обрезал есаул команду и выпустил коня.

Глухо охнула земля, распятая под множеством копыт. Григорий едва успел опустить пику (он попал в первый ряд), как конь, захваченный хлынувшим потоком лошадей, рванулся и понес, забирая вовсю. Впереди рябил на сером фоне подъесаул Полковников. Неудержно летел на встречу черный клин пахоты. Первая сотня взывала трясучим колеблющимся криком, крик перенесло к четвертой сотне. Лошади в комок сжимали ноги и пластались, кидая назад сажени. Сквозь режущий свист в ушах Григорий услышал хлопки далеких еще выстрелов. Первая цвинькнула где-то высоко пуля, тягучий свист ее забороздил стеклянную хмарь неба. Григорий до боли прижимал к боку горячее древко пикки, ладонь потела, словно смазанная слизистой жидкостью. Свист перелетавших пуль заставлял его клонить голову к мокрой шее коня, в ноздри ему бил острый запах конского пота. Как сквозь запотевшие стекла бинокля, видел бурую гряду окопов, серых людей, бежавших к городу. Пулемет без передышки стлал над головами казаков веером разбегающийся визг пуль; они рвали впереди и под ногами лошадей ватные хлопья пыли...

М.А. Шолохов. Тихий Дон¹

Участие оренбургского казачества в Первой мировой войне

В годы Первой мировой войны Оренбургское войско прошло через близкую к тотальной мобилизацию, превзошедшую по своим масштабам все прежние. Формирование льготных казачьих частей началось после 18 июля 1914 г., когда была объявлена мобилизация. В Оренбурге в течение несколь-

ких дней проходили патриотические манифестации. Император в своей телеграмме выразил уверенность, что оренбуржцы проявят себя героями в предстоящей войне. В первые дни войны на передовую отправились казачьи полки первой очереди (за исключением 4-го и 6-го полков, оставшихся в Средней Азии), задачей которых была разведка и прикрытие развертывания русской армии. Через неделю после объявления мобилизации второочередные полки войска (с 7-го по 12-й) были направлены в районы развертывания армии. В период с 30 июля по 7 августа 1914 г. отправились полки третьей очереди (с 13-го по 18-й), а из второочередных казаков 2-го и 3-го военных отделов была сформирована Оренбургская казачья дивизия под командованием Генштаба генерал-лейтенанта М.Г. Михеева (донской офицер, бывший начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища) в составе 9-го — 12-го Оренбургских казачьих полков (всего 24 сотни) и 5-й Оренбургской казачьей батареи. Двухорудийные кадры трех льготных батарей были развернуты в три шестиорудийные батареи (4-ю, 5-ю и 6-ю). По мобилизации было также сформировано 33 особые конные сотни. К сожалению, установить, когда именно было принято решение об их формировании, не удалось (по штатам военного времени до 1914 г. их мобилизация не предполагалась). Единственным объяснением появления этих формирований может являться превышение количества годных к службе казаков в войске над штатом военного времени, а целью формирования — создание дивизионной конницы.

В общей сложности войско выставило 18 конных полков (в том числе один четырехсотенный; с 1916 г. все полки стали шестисотенными) и отдельный Оренбургский казачий дивизион, 9 батарей (первоначально — 6 шестиорудийных), 4 отдельных и 35 особых конных сотен, гвардейскую сотню и 10 (а не 9, как считалось ранее) конвойных полусотен, 3 запасных полка, 6 запасных конных сотен с 6 отделениями казачьих конских запасов, запасную гвардейскую полусотню, запасную артиллерийскую батарею (четырёхорудийную), 3 пеших местных команды². В начале 1917 г. была сформирована 2-я Оренбургская казачья дивизия, в состав которой вошли 14-й — 17-й Оренбургские казачьи полки.

По штату к 1 января 1916 г. войско выставало 152,5 конные сотни и команды, 9 пеших сотен и команд, 40 орудий. Эти силы распределялись следующим образом. На европейском театре военных действий 134,5 конные сотни (626 офицеров и 21 901 нижний чин), 30 орудий. В Кавказской армии 5 офицеров, 208 казаков и 6 орудий. На территории Казанского военного округа 8 конных и 9 пеших сотен (60 офицеров и 1910 казаков), 4 орудия. На территории Туркестанского военного округа 10 конных сотен (40 офицеров и 2060 казаков)³. Кроме того, 27 офицеров и 352 казака были задействованы во внутреннем управлении войском⁴.

Штатная численность личного состава войска достигала 562 генералов, штаб- и обер-офицеров, 26 079 казаков. Всего 26 641 человек при 27 390 лошадях. Процент офицеров к общей численности составлял 2,11%, процент всех чинов к казачьему населению мужского пола — 10,09%.

Списочный состав несколько отличался (включал, помимо находящихся в частях, льготных, не считая неспособных; 10 младших возрастов ополчения, запасный и строевой разряды). В войске числилось 758 офицеров войскового сословия и 8 — невойскового. Нижних чинов — 62 690. Процент офицеров к нижним чином составлял 1,22%. Верховых лошадей числилось 39 685. На 1 казака приходилось 0,63 лошади. В строевых частях было 25 380 лошадей.

К началу 1916 г. всех казаков, обязанных службой, в войске числилось 55 356. Однако 14 035 казаков (25,3%) из этого количества составляли неспособные. Таким образом, без учета неспособных войско имело в призывном разряде 4062 казака, в строевом (21—33 года) — 26 537 и в запасном (33—38 лет) — 10 722 казака. Общая численность служилого состава (без неспособных) составляла 41 321 казак. Следовательно, в военное время войско могло выставить на фронт такое количество казаков. К этому можно добавить, что 10 младших возрастов ополчения составляли 20 304 казака, прочие отставные казаки — 49 563 человека (всего отставных, таким образом, — 69 867). Однако такой действительно тотальной мобилизации не потребовалось.

По нашим подсчетам, в годы Первой мировой войны Оренбургское казачье войско выставило не менее 35 тысяч человек (отдельные авторы, правда, непонятно, на каких основаниях, указывают даже точную цифру 36 674 казака)⁵, включая офицеров (не менее 722 человек), строевых и нестроевых нижних чинов, потери войска составили около 80 офицеров и 1493 нижних чинов убитыми и пропавшими без вести⁶. Это означало, что с войны живыми вернулись почти все, что немаловажно для понимания событий Гражданской войны. За вычетом потерь, к началу Гражданской войны в войске должно было находиться около 33,5 тысячи фронтовиков. Таким образом, в Первую мировую войну мобилизационный потенциал войска исчерпан не был: количество призванных казаков составило не более 7%.

В военное время, как и до 1914 г., в войске проводились летние лагерные сборы. В 1915 г. в первоочередные части было командировано 3154 строевых и 86 нестроевых казаков. Патриотический подъем привел к тому, что в оренбургские казачьи части бежало немало казачат, которым еще не положено было выходить на военную службу. Известно по меньшей мере 10 случаев бегства казачат на фронт и участия их в боевых действиях⁷.

В пограничных округах сроки боевой готовности конницы измерялись шестью часами, во внутренних — двумя сутками⁸. В случае мобилизации

и предполагалось, что Россия выставит 1243 эскадрона и сотни. 70% русской конницы составляли казаки⁹. Всего в России имелось 24 кавалерийские дивизии. Кавалерийская дивизия в начале войны представляла собой четыре кавалерийских полка в составе двух бригад и конно-артиллерийский дивизион из двух шестиорудийных батарей. Многие льготные казачьи части вошли в состав войсковой конницы, которой не существовало в мирное время. Армейский корпус требовал семь казачьих сотен, отдельная пехотная дивизия — до четырех. Всего к 1 января 1916 г. в действующей армии находилось 292 тысячи казаков¹⁰. Общая численность казаков, находившихся в 1914—1917 гг. в действующей армии, превышала 368 тысяч человек (164 конных полка, 3 конных и 1 пеший дивизионы, Собственный Его императорского Величества Конвой, 30 пластунских батальонов, 64 батареи, 177 отдельных и особых сотен, 79 конвоев, 16 запасных полков, 3 запасных пеших батальона, 6 запасных батарей, 3 запасных конных дивизиона, 7 запасных конных и 5 запасных пеших сотен, запасная гвардейская полусотня, 2 запасных гвардейских взвода, казачий запасной артиллерийский взвод, ряд местных команд)¹¹.

В начале войны конница сыграла важную роль в прикрытии развертывания русской армии и сборе сведений о противнике. Как справедливо отметил сибирский казак генерал-майор А.И. Белов: «Нужно отдать должное русской коннице, что задачу прикрытия своих армий она, несмотря на большую активность противника, выполнила с полным успехом. Нигде не допустила прорыва неприятельской конницы в пункты сосредоточения войск или в наши тылы. Развертывание наших армий было скрыто от глаз наших врагов, и это было большой заслугой нашей конницы»¹².

Русская конница, как и ожидалось, оказалась наиболее многочисленной, значительно превысив совокупную численность конниц всех государств-противников (данные на 1 октября 1914 г.)¹³.

Т а б л и ц а 34

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НА 1 ОКТЯБРЯ 1914 г.

Государство	Число кавалерийских дивизий	Процент от общего числа дивизий
Россия	31	46,28
Германия	11	16,43
Австро-Венгрия	11	16,43
Франция	10	14,93
Великобритания и Сербия	По 1	1,49 (2,98 вместе)
Бельгия	2	2,98

Русская и австро-венгерская конница считались сабельными, тогда как все прочие — огневыми. С первых дней войны оренбуржцы участвовали в боевых действиях. На Северо-Западном фронте 2-й Оренбургский казачий полк, отдельный Оренбургский казачий дивизион и 2-я (оренбургская) сотня Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка приняли участие в Восточно-Прусской операции (4 августа — 2 сентября 1914 г.). 1, 3, 5, 7, 13, 14, 16, 17 и 18-й Оренбургские казачьи полки, 1-я и 3-я Оренбургские казачьи батареи (всего — свыше 8 тысяч казаков) на Юго-Западном фронте участвовали в Галицийской битве (5 августа — 8 сентября 1914 г.).

По окончании этих операций Ставка предполагала осуществление глубокого вторжения в Германию, для чего в Центральной и Южной Польше была проведена Варшавско-Ивангородская операция (15 сентября — 26 октября 1914 г.). В операции участвовали 2, 5, 7, 13, 14, 15, 16 и 17-й Оренбургские казачьи полки, а также 8-я Оренбургская казачья особая сотня — в общей сложности не менее 7 тысяч оренбуржцев.

Лодзинская операция (29 октября — 6 декабря 1914 г.) была предопределена самим ходом предшествующей Варшавско-Ивангородской операции, в результате которой 9-я германская и 1-я австрийская армии потерпели поражение и были вынуждены спешно отступать в юго-западном направлении, в сторону Силезии¹⁴. После этой неудачи у германцев, знавших, благодаря радиоперехвату, точную дислокацию русских войск, созрел план глубокого удара во фланг наступавшим 2-й, 4-й и 5-й русским армиям. В то же время русская Ставка без учета реальной обстановки на фронте реализовывала свой план «глубокого вторжения в пределы Германской империи», в котором должны были принять участие четыре армии и свыше 40 дивизий¹⁵. Для прикрытия наступления со стороны Восточной Пруссии 1-я армия должна была переправиться на правый берег Вислы, в результате чего ее связь со 2-й армией оказалась крайне слабой. Тем временем австро-германцы развернули группировки в Галиции и Восточной Пруссии (вспомогательные группы — до четырех корпусов), но свой главный удар силами 9-й армии (ударная группа) под командованием германского генерала Августа фон Макензена они наносили в направлении Кутна—Лович в слабое место русских — в стык между 1-й и 2-й русскими армиями. В сражении приняли участие 1, 2, 12, 13, 19, 23, 24, 25, 26-я Оренбургские казачьи особые сотни, 5-й Оренбургский казачий и Лейб-гвардии Сводно-казачий полки. Всего свыше 2 тысяч оренбуржцев¹⁶.

В это время в Южной Польше разворачивалась Ченстоховско-Краковская операция (1—11 ноября 1914 г.), в которой участвовали казаки 13, 14, 16, 17 и 18-го Оренбургских казачьих полков, 1-го Оренбургского казачьего артдивизиона. 1-й и 3-й Оренбургские казачьи полки участвовали в прорыве на венгерскую равнину.

В начальный, маневренный, период войны оренбургская конница отличилась во многих боевых столкновениях, прежде всего в конных атаках. Однако переход к позиционной войне привел к тому, что основными задачами конницы стали разведка, охранение и преследование противника. Действия конницы в условиях войны имели свои особенности и не были простым делом. Конные атаки случались нечасто, однако оренбуржцы сумели в них отличиться. Участие в таких атаках, граничившее в новых условиях ведения боя с самоубийством, стало ярким показателем силы духа и самопожертвования русской кавалерии. Один из кавалеристов (неказак) вспоминал о своих переживаниях во время конной атаки: «Психологически конная атака начинается «тревожным ожиданием», возрастающим после команды «по коням — садись», до приказа «полевым галопом — марш». С переходом в галоп, т. е. с началом боевой скачки, возникает азарт такой силы, что он аннулирует всякий страх и сознание опасности, возбуждая лишь жажду скакать вперед и как можно быстрее. Чувство страха за пережитое появляется лишь по окончании быстротечного конного боя, когда азарт утихает, но и этот страх проходит быстро. Азарт конной атаки, когда конная лавка с шумом, топотом копыт и криками ура мчится на врага, создает нервное возбуждение, граничащее с удовольствием. Я думаю, что конные атаки значительно легче длительных пехотных атак с перебежками, где нет такого азарта, но судить об этом я не могу, так как участвовать в пеших атаках мне не пришлось»¹⁷. В годы войны русская конница совершила около 400 успешных конных атак, в том числе около 300 атак в составе от дивизиона до корпуса, 52 конные атаки было совершено на батарее противника (захвачено 213 орудий, в том числе 130 казачьими частями)¹⁸. По другим данным, русских конных атак было только 209 (хотя эти данные представляются заниженными, точный расчет достаточно сложен, поскольку не все атаки получили широкий резонанс), что составило 67,67% всех конных атак Первой мировой (на счету австрийцев — 36%, германцев — 35%, французов — 16%, англичан — 5% и прочих воюющих наций — 4% конных атак, проведенных войсками всех, кроме России, воюющих стран)¹⁹.

По неполным данным, статистика русских конных атак была следующей²⁰:

Таблица 35

СТАТИСТИКА КОННЫХ АТАК РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вид конной атаки	Количество атак	Процент от общего количества атак
На кавалерию	54	27,6
На пехоту в поле	99	50,5

Вид конной атаки	Количество атак	Процент от общего количества атак
На пехоту в окопах	30	15,3
На укрепленные позиции	9	4,6
На обозы и прочие войска	4	2
Итого	196	100

Летом—осенью 1915 г. конница прикрывала отступление русской армии. Тогда же произошел кратковременный всплеск казачьего партизанского движения. Однако последовавший затем переход к позиционной войне не позволил надлежащим образом использовать многочисленную русскую конную массу. С одной стороны, этот факт позволил ей до конца войны сохранить свой кадровый состав, но с другой — привел к различным злоупотреблениям. В частности, казаков, как и в предыдущих военных кампаниях, стали активно использовать для службы связи, в качестве конвоев или для охраны. Многие оренбургские казачьи части вообще не участвовали в боевых действиях, находясь в тылу — на территории Казанского и Туркестанского военных округов. Некоторые полки, как, например, 8-й Оренбургский казачий полк, были направлены на фронт еще в 1914 г., но в боевых действиях, по меньшей мере до 1916 г., участия не приняли.

Оренбургские казачьи части в период 1914—1917 гг. воевали в основном против Австро-Венгрии и Германии, на Кавказском фронте оренбуржцев было очень мало. Кроме того, оренбургские казаки, как и ранее, принимали участие в обеспечении безопасности внутри империи. Когда летом 1916 г. волнения охватили Туркестан и Степной край, казачьи части были направлены на борьбу с возникшим в регионе мятежом местного туземного населения и хорошо себя там зарекомендовали.

Большинство оренбургских казачьих льготных полков (7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17-й) и Оренбургский казачий дивизион должны были войти в состав 4-й армии, управление которой формировалось при штабе Казанского военного округа. Однако в действительности части оказались во многих армиях.

В сентябре 1915 г. на правом фланге 2-й армии на базе I кавалерийского корпуса образовалась внушительная конная группа из 8,5 кавалерийских дивизий, общей численностью в 10 тысяч сабель при 117 орудиях. Фактически была создана конная армия для решения стратегических задач. Командование этой конной группой было возложено на Генштаба генерала от кавалерии В.А. Орановского. Силами этой конной массы 30 сентября — 2 октября было осуществлено соединение флангов Северного и Западного фронтов, в результате чего ликвидирован Свенцянский прорыв германской

кавалерии. В ходе этой операции русская кавалерия сумела прорваться на 20 километров в глубь германских позиций, прервав сообщения противника. В этих событиях участвовали и оренбуржцы.

Для контроля за состоянием казачьих частей, наблюдения за своевременным удовлетворением потребностей казачьих войск на театре военных действий, представления казаков к наградам, приведения в исполнение всех распоряжений по казачьим войскам на фронтах в военное время в мирные 1915 г. было принято решение учредить должность Походного атамана всех казачьих войск при Верховном главнокомандующем. На эту должность в сентябре 1915 г. был назначен двоюродный брат императора генерал-майор, Великий князь Борис Владимирович, являвшийся офицером гвардейской кавалерии и в 1914—1915 гг. командиром Лейб-гвардии Атаманского полка²¹. Сложно судить о том, насколько удачен был выбор императора в данном случае. По одной из характеристик, Борис Владимирович — «веселый, беспечный человек видной наружности; немного тучный для своих лет, хороший ездок»²². Весьма вероятно, для избалованного, сравнительно молодого отпрыска царствующего дома, любителя женщин, футбола и скачек новое назначение было еще одним развлечением. Разумеется, никакой подлинной связи с казачеством Великий князь не имел. Вот что писал о пребывании Бориса Владимировича в Ставке генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский: «За этим же завтраком поблизости от меня сидел Великий Князь Борис Владимирович, который незадолго до этого был назначен Походным Атаманом. В руках у него был чудной работы тяжелый атаманский пернач, на котором изображены были гербы всех казачьих войск.

Великий Князь его с удовольствием всем показывал, когда же сели за стол, то он отдал его лакею, который тут же принял от одной из Княжон (великих княжон. — А. Г.) — зонтик. Воздерживаюсь от комментариев»²³. В то же время на своей должности Борис Владимирович вполне исправно работал до 1917 г. и даже осмотрел за время своей службы практически все оренбургские казачьи полки, разбросанные по фронтам, и некоторые сотни и батареи. 9 марта 1917 г. Борис Владимирович добровольно ушел в отставку. Вместо должности Походного атамана был учрежден Полевой штаб казачьих войск при Ставке. С 4 октября 1915 г. начальником штаба Походного атамана являлся донской казачий офицер Генштаба генерал-майор А.П. Богаевский.

Летом 1915 г. были сформированы 3-я и 4-я отдельные Оренбургские казачьи сотни. 16 июля предложение об их формировании было внесено в Военный совет. Потребность в этих двух сотнях была обусловлена тем, что «в настоящее время свободных казачьих частей, не входящих в состав действующей армии, не имеется, представляется необходимым для удовлетворения вышеуказанной потребности две казачьи отдельные сотни сформировать».

ровать в одном из казачьих войск вновь. Принимая во внимание наличие казаков служилого состава в каждом из казачьих войск, вышеуказанное формирование является более соответственным произвести в Оренбургском казачьем войске»²⁴. Конница требовалась для формирования вместо расформированных 4-й и 38-й ополченческих бригад 104-й и 105-й пехотных дивизий. Сотни должны были составить дивизионную конницу. 29 июля 1915 г. император утвердил это предложение. Направленным в состав сотен казакам выплачивалось установленное еще в мирное время денежное пособие — по 125 рублей конному и по 50 рублей пешему казаку. Поскольку лошадей предполагалось взять по конской повинности, их стоимость должна была удерживаться из пособия²⁵. В 1916 г. четырехсотенный 5-й Оренбургский казачий полк был доведен до шестисотенного состава. Прежнего состава полка не хватало для работы в качестве армейской конницы²⁶.

Некоторая часть казачьей конницы была практически утрачена для боевой работы и использовалась в качестве конвоев при начальниках пехотных и стрелковых дивизий, командирах корпусов. По штатам конвои формировались из состава отдельных казачьих сотен (льготных частей)²⁷, чтобы не раздвигать сплоченные строевые казачьи части²⁸. В штат конвоя пехотной дивизии входили 1 офицер, 4 урядника и 60 казаков. Для стрелковой бригады полагались 1 офицер, 2 урядника и 30 казаков. Однако, как обычно бывает, практика расходилась с теорией — конвои были выделены даже из некоторых полков, предназначение которых было отнюдь не вспомогательным. В частности, из-за нехватки казаков в Петроградском военном округе в конвой были переведены сотни 8-го Оренбургского казачьего полка. Позднее некомплект в полку был восполнен. Данные об оренбургских казачьих конвоях (на 1916 г.) представлены в таблице.

Т а б л и ц а 36

РАСПИСАНИЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАЧЬИХ КОНВОЕВ²⁹
(ОКП — ОРЕНБУРГСКИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК,
ОКС — ОРЕНБУРГСКАЯ КАЗАЧЬЯ СОТНЯ)

Чей конвой	Откуда выделен	Фамилия начальника	Изменения в части, выделившей конвой	Состав конвоя			
				Офицеров	Урядников	Казаков	Строевых лошадей
Командир XXIV армейского корпуса	18-й ОКП	Поддесаул В.Ф. Михайлов	Содержится в некомплекте в пятисотенном составе	1	—	51	51

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Чей конвой	Откуда выделен	Фамилия начальника	Изменения в части, выделившей конвой	Состав конвоя			
				Офицеров	Урядников	Казаков	Стрелковых лошадей
Начальник 48-й пехотной дивизии	18-й ОКП	Подъесаул В.Ф. Михайлов	Содержится в некомплекте в пятисотенном составе				
Начальник 49-й пехотной дивизии							
Командир XXIX армейского корпуса	11-я особая ОКС	Прапорщик М.С. Шукарев		1	10	58	70
Начальник 62-й пехотной дивизии	9-я особая ОКС	Есаул Е.А. Бочкарев					
Начальник 3-й Кавказской стрелковой дивизии	3-я особая ОКС	Прапорщик Н. Инякин					
Начальник 1-й стрелковой дивизии	8-й ОКП	Подъесаул А.А. Пискунов					
Начальник 2-й Финляндской стрелковой дивизии	8-й ОКП						
Начальник 55-й пехотной дивизии	8-й ОКП						
Начальник 67-й пехотной дивизии	8-й ОКП						

Окончание маневренного периода войны привело к резкому снижению роли конницы. Командование изыскивало способы применить огромную конную массу в новых условиях. Одним из направлений этого поиска стало партизанское движение, прежде всего в период 1915—1916 гг. Представля-

ет интерес анализ особенностей участия казаков в партизанской работе, ее итогов и причин свертывания партизанского движения. Известно, что традиции партизанства сложились в русской армии задолго до Первой мировой войны. Однако в XVIII—XIX вв. партизанскими считались самостоятельные действия мобильных армейских отрядов на флангах, в тылу и на коммуникациях противника³⁰. Ничего общего с позднейшим пониманием партизанской войны как вооруженной борьбы населения с врагом этот термин в первоначальном своем значении не имел. Не будет ошибкой распространить первоначальный смысл партизанской войны и на партизан периода Первой мировой войны.

Очевидные параллели между Отечественной войной 1812 г. и Отечественной войной 1914—1915 гг., как тогда именовали Первую мировую войну, не могли не привести к идее создания партизанских отрядов по примеру войны с Наполеоном. Действительно, идея партизанских действий обсуждалась уже в начальный период войны³¹. Считается, однако, что сложились условия для партизанской войны лишь при отходе русской армии летом 1915 г. в лесисто-болотистое Полесье. В то же время исследователь теории и практики партизанских действий генерал В.Н. Клембовский считал, что весь начальный период войны был напрасно упущен для партизанской борьбы³².

Организация партизанских отрядов началась летом—осенью 1915 г. 25 августа 1915 г. командующий Юго-Западным фронтом приказал командующим 8-й, 9-й и 11-й армиями выделить личный состав для развертывания партизанской борьбы в Полесье для задержки продвижения противника к Днепру. Первоначально при кавалерийских дивизиях из добровольцев формировались лишь диверсионные группы для заброски в тыл врага, однако очень быстро началось создание масштабных отрядов, часть которых располагала даже собственной артиллерией.

Штабом 8-й армии были разработаны «Общие указания для действий партизанских отрядов». Отряды же были сформированы осенью 1915 г. на всех фронтах, кроме, видимо, Кавказского. На Северном фронте было организовано 6 отрядов, на Западном и Юго-Западном — по 11. По данным на 1916 г., было сформировано более 50 отрядов, 19 из которых несли разведывательную службу, остальные выполняли более серьезные задачи. Еще 14 отрядов состояло на учете в своих частях³³.

В отношении снабжения предполагалось, что реквизиции допустимы лишь в крайнем случае, все необходимое должно партизанами приобретаться у населения. Предполагалось, что для партизанской работы каждый кавалерийский полк выделит партию добровольцев в составе офицера и 30 лихих нижних чинов на лучших лошадях³⁴. Партии каждой дивизии должны были сводиться в партизанский отряд. Выдвигалась весьма оригина-

нальная идея отправки партизан на Балканы³⁵. Прорываться в тыл противнику первоначально предполагалось по карпатским хребтам. Многие первоначальные проекты реализованы не были. В частности, предлагалось вооружить партизан ружьями, мечущими ручные гранаты при помощи шомпола. Осуществление такого плана во время Первой мировой войны стало бы, думается, ощутимым шагом вперед в области вооружения казачьего войска³⁶.

Оренбургские казаки вошли в состав партизанского отряда Оренбургской казачьей дивизии. Отряд пеших партизан при дивизии был сформирован по приказанию командира корпуса в составе 60 человек при 2 офицерах. Позднее численность отряда увеличилась. От каждой казачьей сотни было выделено по 5 казаков и по 1 офицеру от полка. Общая численность отряда составила 120 казаков при 4 офицерах (сотники Н.Н. Мензелинцев и Б.Е. Шпицберг, хорунжие С.П. Рышков и Л.А. Чулошников)³⁷. Наряду с оренбуржцами в отряд было включено 30 кубанцев из 2-го Линейного полка (по другим данным, 1-го Линейного) под командованием сотника А.Ф. Кузьмина. Первоначально отряд возглавил сотник Мензелинцев, которого 29 сентября сменил капитан 14-й артиллерийской бригады С.Г. Лентьев. В итоге отряд достиг численности в 6 офицеров и 157 казаков при 187 лошадях. На вооружении партизан находились австрийские карабины для простоты обеспечения отряда боеприпасами в тылу австрийцев. По свидетельству партизан, при переходе на австрийское оружие стала очевидной гуманность русских штыков, тогда как австрийские фактически представляли собой кухонные ножи³⁸.

Партизанский отряд Оренбургской казачьей дивизии блестяще проявил себя в самых громких партизанских делах Первой мировой — набегах на деревню Кухоцкая Воля в ночь на 21 октября 1915 г. и на деревню Невель в ночь 14—15 ноября 1915 г. В октябре 1915 г. партизаны, в том числе оренбуржцы, нащупав брешь в расположении противника между позициями австрийцев и германцев, проникли во вражеский тыл. Соединившись, отряды Оренбургской казачьей, 9-й и 11-й кавалерийских дивизий с помощью проводников из местного населения совершили набег на деревню Кухоцкая Воля. В Кухоцкой Воле было расположено два эскадрона драгун, три взвода егерей, рабочая рота, саперы и артиллерия. Незаметно подойдя к деревне, партизаны без единого выстрела преодолели проволоочные заграждения, сняли часовых и ворвались в деревню. Действуя только штыками и гранатами, партизаны вырезали гарнизон Кухоцкой Воли, истребив около 400 германцев и уничтожив значительные запасы имущества. Однако, по сведениям германцев, их потери были гораздо выше — в Кухоцкой Воле погибло 786 солдат, 20 офицеров и до 200 лошадей, 5 человек попало в плен³⁹. Погиб 1 партизан, 2 пропало без вести, 30 было ранено. За этот рейд более 100 пар-

тизан получило георгиевские награды. Наличие проволочных заграждений свидетельствовало о том, что Кухоцкая Воля, находившаяся в 10 километрах от переднего края, была одним из опорных пунктов противника.

Однако в наибольшей степени партизаны, в том числе оренбуржцы, отличились в набеге на деревню Невель на реке Припять, в котором участвовали сразу 8 из 11 партизанских отрядов 8-й армии. По агентурным данным, в Невеле находился германский штаб. При разведке сотнику 11-го Оренбургского казачьего полка Мензелинцеву с несколькими казаками удалось по болоту по пояс в воде проникнуть в тыл противника на глубину до восьми верст, выяснив расположение застав. Через реку Струмень был возведен понтонный мост. Оренбуржцы участвовали в набеге в сокращенном составе. Из 150 отрядников 25 человек было оставлено для охраны расположения, кроме того, от каждой партии было выделено по 10 коноводов. В итоге боевой состав отряда включал лишь 75 партизан. Пик не было, шашки остались при коноводах. Деревня и фольварк были разбиты на участки, на которых необходимо было атаковать противника. Отряды переправились через Струмень 14 ноября 1915 г. в 22 часа 30 минут. В авангарде двигался отряд 1-й Донской казачьей дивизии. Дозоры противника спали. В атаке использовали ручные гранаты, производя невероятное смятение и панику у противника. Оренбуржцы уничтожали спящих немцев в халупах, забрасывали гранатами землянки. Пленных не брали. Были уничтожены обоз и склады фуража противника. В бою был смертельно ранен в живот начальник партизанского отряда капитан Леонтьев.

Генштаба капитан Ф.Е. Махин телеграфировал в этой связи начальнику дивизии генералу Михееву 19 ноября 1915 г. из Ровно через штаб V конного корпуса: «Не найдете ли нужным в воздаяние заслуг пред Оренбургским войском начальника партизанского отряда Вашей дивизии капитана 14-й артиллерийской бригады ЛЕОНТЬЕВА, доблестно павшего в славном деле у Невеля и своим руководством как в последнем, так и ранее в деле 21 октября у Воли Кухоцкой, способствовавшего поддержанию боевой славы Оренбургского казачества, возбудить телеграфное ходатайство пред Наказным Атаманом о зачислении капитана ЛЕОНТЬЕВА в списки Оренбургского войска. О последующем прошу сообщить мне. Генерального штаба капитан МАХИН»⁴⁰. Ходатайство было удовлетворено, кроме того, посмертно Леонтьев за набег был награжден исключительной для обер-офицера наградой — орденом Св. Георгия III ст.

Командование отрядом принял сотник Мензелинцев. Вскоре подошло германское подкрепление, и отряду пришлось отступить. Казаки потеряли 5 человек убитыми, в том числе 1 офицера, 11 было ранено, однако казаки вынесли всех раненых и убитых. В этом набеге партизаны (правда, не оренбуржцы, а партизаны 11-й кавалерийской дивизии) захватили в плен не-

ских офицеров и начальника 82-й германской резервной пехотной дивизии генерала Фабариуса. Пленные офицеры пытались замедлить движение отряда при отходе от Невеля и, кроме генерала, были приколоты, генерал же решено было доставить в штаб IV кавалерийского корпуса, однако на пути сумел застрелиться. Отряды 10-й, 12-й кавалерийских и Терской казачьей дивизии обеспечивали успех рейда во фронтовой полосе — им пришлось выдержать сильный бой с пытавшимися отрезать партизан войсками противника. Силы противника в Невеле заранее известны не были. Позднее было установлено, что там находился батальон 271-го пехотного полка, санитарная полурота и парковая команда, а также штаб 82-й германской резервной пехотной дивизии. В результате часового рукопашного боя было истреблено до 1000 германских солдат и не менее 20 офицеров. Потери всех отрядов составили 6 убитых, 2 пропавших без вести, 4 раненых офицера и 46 партизан. Участники рейда были отмечены георгиевскими крестами. Как и Куховская Воля, Невель являлся опорным пунктом противника. Таким образом, примеров проникновения партизан в глубокий тыл противника в годы войны не было. В то же время командование рассчитывало на то, что партизаны будут действовать в более глубоком тылу. После Невеля они готовились к новым действиям в районе Пинска.

В феврале 1916 г. партизанским отрядом Оренбургской казачьей дивизии командовал подъесаул 10-го Оренбургского казачьего полка П.Ф. Ворогов, которого в связи с болезнью, по данным на май 1916 г., сменил подъесаул А.П. Прокопьев⁴¹. В 1916 г. партизанский отряд Оренбургской казачьей дивизии продолжал действовать на Юго-Западном и Румынском фронтах под командованием подъесаула 9-го Оренбургского казачьего полка Прокопьева в составе 6 офицеров, 25 унтер-офицеров, 98 казаков и 136 лошадей. В 1916 г. состав отряда сменился — от 9-го полка в отряд вошла партия сотника Б.И. Скрыпникова в составе 5 урядников и 26 казаков, от 10-го полка партия прапорщика С.В. Леонтьева численностью 5 урядников и 25 казаков, партия хорунжего 11-го полка А.Т. Кожевникова численностью 9 урядников и 23 казака, партия сотника 12-го полка Тарасова в составе 6 урядников и 24 казаков. Всего 25 урядников и 98 казаков при 136 лошадях. Партизан вооружали пулеметами Кольта. 30 апреля было принято решение о расформировании отряда, однако, судя по тому, что отряд действовал на образовавшемся позже Румынском фронте, это решение реализовано не было.

Оренбургские казаки также служили в партизанском отряде при 12-й кавалерийской дивизии (30 казаков 3-го Уфимско-Самарского полка под командованием хорунжего В.Н. Плотникова). Однако большинство в этом отряде составляли представители регулярной кавалерии (общая численность отряда 5 офицеров и 141 нижний чин). Командовал отрядом штабс-ротмистр Ткаченко.

Казаки 5-го Оренбургского казачьего полка (хорунжий М.П. Леонтьев, 5 урядников, 29 казаков, 34 лошади) комплектовали партизанский отряд Туркестанской казачьей дивизии (20 урядников, 101 казак, 122 лошади)⁴².

Из казаков 8-го Оренбургского казачьего полка был сформирован один из конных партизанских отрядов Северного фронта. Командовал отрядом хорунжий И.В. Милеев. В отряде числилось 1 офицер, 4 унтер-офицера и 56 казаков⁴³. Казаки 14-го Оренбургского казачьего полка (хорунжий А.Я. Кравцов, прапорщик И.Е. Рогожкин, 14 унтер-офицеров и 46 казаков) вошли в состав партизанского отряда Сводной казачьей дивизии (4 офицера, 18 унтер-офицеров, 102 казака, 128 лошадей)⁴⁴. Более подробную характеристику состава партизанских партий других оренбургских казачьих частей см. в разделах, посвященных боевому пути соответствующих формирований.

На партизан возлагалось осуществление диверсий в оперативном тылу противника, в особенности разрушение железнодорожных узлов, поскольку в лесисто-болотистом Полесье пути сообщения имели особое значение. В целом, за исключением двух удачных набегов, действия партизан оказались неэффективны. Во-первых, непросто было проникнуть в тыл противника, а во-вторых, отряды были слишком слабы, плохо подготовлены и оснащены для организации диверсий и вообще каких-либо серьезных действий. Более того, вместо диверсий партизаны имели склонность ввязываться в боевые действия, проявляли чудеса храбрости, но, вследствие действий не по назначению, их использование было безуспешным⁴⁵. Мест для проникновения в тыл противника было немного, в результате чего отряды скучивались и мешали друг другу⁴⁶. В апреле 1916 г. начальник партизанского отряда Оренбургской казачьей дивизии есаул Воротовов, на основе опыта партизанской работы и записок Дениса Давыдова, писал, что необходимо доведение партизанских отрядов до полкового состава, хотя бы в 500 коней, что было при набеге у Кухощкой Воли. Только в этом случае действия партизан могли приобрести должный размах⁴⁷. Легендарный кубанский партизан А.Г. Шкуро (Шкура) предлагал выдать партизанам штыки. Партизанам требовались и артиллеристы (без орудий), которые знали бы способы порчи орудий противника.

Можно добавить, что партизанские отряды, как правило, действовали совместно с соединениями и частями, их выделившими, что уже вело к их использованию лишь в ближнем тылу противника. При этом в боевых линиях партизаны подчинялись начальникам боевых участков, а при нахождении в тылу противника — лишь Ставке. Даже вблизи своих войск партизаны не имели с ними какого-либо взаимодействия. В середине апреля 1916 г. начался перевод партизанских отрядов в подчинение генерал-квартирмейстерским частям армий с целью большей координации действий

партизан с фронтовыми частями. Однако при имевшихся технических средствах значительной проблемой была организация связи с партизанами в тылу противника. Радиостанции для летучих отрядов были обременительны, поэтому предлагалось использовать портативные радиотелеграфные устройства (как ни парадоксально, термин 1916 г. — А. Г.), почтовых голубей, а также приемно-передаточные станции с динамо, питавшиеся ручным способом⁴⁸. Из-за проблем со связью партизаны несли лишние потери, а результаты их деятельности не могли быть оперативно использованы русским командованием.

Не следует подчеркивать исключительно героическую сущность партизанства и считать его черные страницы лишь исключением, как ошибочно полагают некоторые авторы⁴⁹. В действительности деморализация партизан зашла так далеко, что явилась одной из причин решения о расформировании партизанских отрядов. Начальники отрядов сами выбирали себе подчиненных офицеров. Кроме того, партизанские действия имели налет авантюризма, бесконтрольности, своеобразной вольницы, напоминавшей времена Запорожской Сечи, партизан обвиняли и в отсутствии дисциплины, пьянстве, буйствах и грабежах⁵⁰. В отношении партизан Оренбургской казачьей дивизии в 1915 г. было выдвинуто, например, обвинение в изнасиловании жены управляющего имением, в котором располагался отряд⁵¹. Генерал С.Д. Чистяков, курировавший партизанскую работу в штабе 8-й армии, видимо, не выдержал постоянных эксцессов с партизанами и решил расстрелять каждого 5-го партизана. От грядущего истребления оренбургских партизан спас свой же оренбуржец — Генштаба капитан Ф.Е. Махин (впоследствии прославившийся в Гражданскую войну, а в эмиграции ставший генералом югославской армии), служивший в тот период помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии⁵². Махин подал рапорт на имя командовавшего армией генерал-адъютанта А.А. Брусилова, и вопрос был улажен. Думается, далеко не случайно из партизан Первой мировой войны вышли такие, во многом отрицательные, персонажи Гражданской войны, как «атаманы» Б.В. Анненков, С.Н. Булак-Балахович, Р.Ф. Унгерн фон Штернберг, А.Г. Шкуро и другие. В то же время в партизаны старались брать лучших, а партизанская работа привлекала наиболее решительных, храбрых и даже отчаянных офицеров и нижних чинов. Германцы в обязательном порядке расстреливали пленных русских партизан.

На совещании в штабе Походного атамана всех казачьих войск в начале мая 1916 г. беспособными было признано лишь 30% отрядов, остальные представляли собой самые натуральные банды, не подчинявшиеся ничьим приказам. В результате 9 мая 1916 г. вступил в силу приказ Походного атамана о роспуске всех партизанских отрядов, кроме крупных, смешанных и

со сложной организацией⁵³. Тем не менее роспуск отрядов задержался до самого конца войны (по некоторым данным, до октября 1917 г.)⁵⁴.

Хотя командование предпринимало шаги по укреплению дисциплины партизан, а в августе 1916 г. партизанские отряды были даже переименованы в отряды особого назначения, проблемы с дисциплиной и профессиональной подготовкой партизан решить так и не удалось. В частности, 7 октября 1916 г. по приказанию начальника штаба армии был сформирован отряд особого назначения штаба 9-й армии в составе 103 казаков 1-го Оренбургского казачьего полка и Терской казачьей дивизии, а также 41 нижнего чина других частей. В отряде числилось 5 офицеров и 144 нижних чина, на вооружении имелось 350 ручных гранат, подрывной и телефонный выюки, толовые шашки, адские машины, зажигательные принадлежности и два пулемета Максима во выюках. Командовал отрядом донской офицер подьесаул Вик, страдавший алкоголизмом⁵⁵, — в биографии этого офицера числились выговор и арест. Весьма характерно, что подьесаул Вик при попытках подчинить его заявил командиру XXIV армейского корпуса, что он никому не подотчетен и известен лично Походному атаману всех казачьих войск. К январю 1917 г. партизанские действия признавались возможными лишь на Румынском фронте, где и должен был действовать отряд Вика. Однако было сочтено, что этот отряд для действий в горах непригоден и даже, более того, вообще бесполезен⁵⁶. В итоге в январе 1917 г. было решено отряд расформировать. Уже в феврале 1917 г., поскольку отряды особого назначения не оправдывали расходов и усилий по их содержанию в условиях позиционной войны, было принято решение их расформировать, но на случай нового формирования вести учет личного состава⁵⁷.

27 октября 1915 г. Походным атаманом Великим князем Борисом Владимировичем были представлены императору два оренбургских казака (приказный И. Алпеев и младший урядник Н. Злобин из 2-го Оренбургского казачьего полка), бежавшие из плена через Голландию и Великобританию. Попадание в плен для казаков далеко не всегда кончалось хорошо. Выше уже отмечался тот факт, что немцы беспощадно уничтожали пленных русских партизан. В отношении казаков такой меры не практиковалось, но документы сохранили до нас данные о зверствах «цивилизованных» германцев.

В приказе войскам 1-й армии № 124 от 20 сентября 1914 г. сообщалось: «Немцы в бессильном озлоблении против наших казаков доходят до неслыханных приемов мучения. Ротмистр 3 эскадрона немецкого 5 кирасирского полка фон-МОДЕЙСКИЙ, вообще запрещающий своим кирасирам грабить, приказал попадающих в плен казаков вешать. Действительно на днях в Лейпунах повешено два казака, один головою вниз. Известить

об этом диком зверстве всех, не только одних казаков, ибо все мы обязаны отомстить за погибших. С пленными по-прежнему обращаться по положению, но в бою быть беспощадными, стремиться к возможному у н и ч т о ж е н и ю (разрядка документа. — А. П.) врага»⁵⁸. Этот случай не был единичным. Казaku 5-й сотни Уссурийского казачьего полка И. Пигуеву, захваченному в плен на Наревском участке Северо-Западного фронта в ночь на 3 мая 1915 г., за отказ сообщить данные о местоположении и численности своей части немецкий офицер отрезал уши, а на правом бедре вырезал лампасы — четыре разреза по 13 сантиметров каждый⁵⁹. С ноября 1916 г. все нижние чины, бежавшие из плена, награждались Георгиевскими медалями.

Весной — летом 1916 г. оренбургские казаки участвовали и в знаменитом Луцком (Брусиловском) прорыве. Отличились части Оренбургской казачьей дивизии, в особенности 11-й Оренбургский казачий полк. Важный вклад в дело победы русского оружия внесли казаки 16-го Оренбургского казачьего полка. Всего в операции было задействовано девять оренбургских казачьих полков, пять батарей и семь сотен. Всего — порядка 12 тысяч казаков⁶⁰. При этом конница 8-й армии А.М. Каледина не смогла прорвать оборону противника в лесисто-болотистой местности в направлении на Ковель. Имели место и другие примеры непродуманного использования конницы, в частности, при штурме хорошо укрепленных позиций⁶¹. Осенью 1916 г. казачья конница практически не вела активных боевых действий. По данным на 31 октября, 50% конницы находилось в окопах, 7% выполняло задачи разведки и охранения и 43% находилось в резерве⁶².

В ходе войны казачьи формирования претерпели ряд изменений, целью которых было приведение иррегулярной конницы в соответствие с требованиями современной войны. В 1916 г. уже стало очевидно, что многочисленная русская конница не может принять активного участия в позиционной войне и обречена на бездействие. Были приняты меры для того, чтобы изменить ситуацию и активнее использовать личный состав конницы на пользу общего дела.

В этот период казакам были выданы прежде отсутствовавшие у них штыки. Одним из инициаторов вооружения казаков штыками был П.Н. Краснов. Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексеева от 5 марта 1916 г. за № 296 было предписано: «Сформировать при каждом кавалерийском полку особый стрелковый (пеший) эскадрон согласно объявляемому при этом штату. В каждой кавалерийской дивизии означенные эскадроны свести в дивизионы (штат управления при этом объявляется), с придачей последним по одной пулеметной команде, вооруженной пулеметами системы Кольта. При управлениях дивизионов устанавливаются команды для связи...

Снаряжение для нижних чинов стрелковых дивизионов и эскадронов устанавливается пехотного образца; винтовки — той же системы, что и в полках данной дивизии. Офицеры в стрелковые эскадроны назначаются из соответственных кавалерийских полков; командиры дивизионов, адъютанты и начальники команд для связи — из состава данной дивизии. Нижними чинами стрелковые эскадроны пополняются из числа: 1) строевых данного полка, временно не имеющих лошадей; 2) назначаемых из запасных кавалерийских полков и 3) недостающее число — из запасных батальонов фронта⁶³. В стрелковом эскадроне кавалерийского полка по штату полагалось 4 офицера, 236 строевых и 15 нестроевых нижних чинов, 11 обозных лошадей. Управление стрелкового дивизиона кавалерийской дивизии по штату должно было включать 3 офицеров, 3 чиновников, 24 строевых и 22 нестроевых нижних чина (управление и команда связи), 11 верховых и 13 обозных лошадей.

Приказом № 617 от 9 мая того же года походная кухня таких подразделений могла быть пехотно-артиллерийского образца⁶⁴. 7 декабря 1916 г. был издан еще один приказ, согласно которому при каждом кавалерийском полку предписывалось содержать уже не по одному, а по два стрелковых эскадрона, а стрелковые эскадроны кавалерийских дивизий свести в шестизэскадронные стрелковые полки. При всех казачьих дивизиях требовалось сформировать по одному трехсотенному стрелковому дивизиону, штаты при этом оставались прежними. На формирование дивизионов обращались нижние чины пехоты переменного состава запасных частей соответствующих фронтов, офицеры из полков дивизии. Личный состав подобных формирований носил обмундирование пехотного образца, шифровки своей дивизии, имея на вооружении винтовки той же системы, что и в полках дивизии⁶⁵. По всей видимости, создание стрелковых эскадронов явилось закономерным результатом невозможности широкого использования в условиях позиционной войны многочисленной русской конницы.

Стрелковые дивизионы казачьих дивизий являлись смешанными по своему составу — они комплектовались солдатами, однако офицерский и унтер-офицерский состав этих формирований был казачьим. В определенной степени это касалось и стрелковых дивизионов кавалерийских дивизий, в состав которых входили казачьи полки. Так, стрелковый дивизион 10-й кавалерийской дивизии с 3 апреля 1916 г. возглавил будущий Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска войсковой старшина А.И. Дутов. В ночном бою при переправе через Прут стрелковый дивизион Дутова взял линию окопов и удерживал ее в течение двух суток до смены, потеряв 50% нижних чинов и 60% офицерского состава. Будучи контуженным, войсковой старшина Дутов остался в строю и в цепи до конца боя и ушел после смены последним⁶⁶. Дивизион был организован Дутовым с нуля и постепенно об-

являлся своими обозами и мастерскими. Донесения Дутова отличались лаконичностью: «Приказ Ваш исполнен деревня (Ней-Ицкани в Карпатах. — А. Г.), благодаря доблести стрелков, взята; иду дальше на высоту 1227». Другое донесение при атаке укрепленной позиции у Рункуль не менее кратко и красноречиво: «Преодолев семь рядов проволоки и взяв четыре линии окопов, стрелки и казаки вверенного мне участка преследуют противника на Кирибабу. 250 пленных и трофеи представляю. Потери незначительны. Сейчас с цепью нахожусь у высоты «Община»⁶⁷.

1 октября 1916 г. под деревней Паничи в Румынии Дутов был вновь контужен и вдобавок получил ранение от разрыва шестидюймового снаряда, в результате чего на некоторое время лишился зрения и слуха и получил трещину черепа. По одному из свидетельств, Дутов также временно не владел речью и правой половиной тела⁶⁸. Сам Дутов уже в декабре 1917 г. говорил: «У меня перебита шея, треснул череп и никуда не годятся плечо и рука»⁶⁹. Раненый и контуженый, он вернулся в Оренбург.

Сохранились документы стрелкового дивизиона Оренбургской казачьей дивизии. По данным на лето—осень 1916 г., дивизион был четырехсотенным и участвовал в позиционной войне. Офицеры дивизиона имели казачьи чины. В октябре 1916 г. дивизион был переброшен под Ровно, а затем в Румынию⁷⁰.

Еще одним преобразованием стало введение в 1916 г. в казачьих частях должности второго помощника командира полка. Командиры полков весьма нуждались в этом преобразовании, поскольку ранее они должны были выполнять как строевые функции, так и функции заведующих хозяйством, казначеев, а иногда даже делопроизводителей, что не способствовало совершенствованию боевого управления. Более того, каждый полк с 1916 г. получал по одному $3/4$ -тонному грузовому автомобилю. В каждом полку предполагалось развертывание конно-пулеметной команды (четыре пулемета). Для этого полки снимались с фронта и доукомплектовывались.

В полках предписывалось обязательно иметь непромокаемые плащи. Происходили перемены и в вещевом довольствии. Отмечалось, что новые «американские» сапоги толстой непромокаемой грубой кожи от интендантства очень нравились казакам.

К осени 1916 г. лишь восемь полков Оренбургского войска действовали в полном составе, остальные были разбиты посотенно и несли службу связи при пехотных частях. Части жаждали боевой работы, поскольку пассивное многомесячное стояние было тяжело перенести. Корпусная конница пулеметов не получила, в казачьих частях было обычно по два пулемета. Как отмечалось, один пулемет заменял полусотню спешенных казаков⁷¹. В то же время наличие лишь двух пулеметов на полк неизбежно вело к превосходству противника в пулеметах.

12 ноября 1916 г. Наказный атаман Генштаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин писал в рапорте Походному атаману всех казачьих войск (вследствие значимости этого документа он приведен полностью): «Из всех действующих частей вверенного мне войска только четыре полка вошли в состав Оренбургской казачьей дивизии, четыре других полка находятся в кавалерийских дивизиях; остальные же полки за редкими исключениями разбиты на сотни и наравне с отдельными и особыми казачьими сотнями несут службу связи при пехотных частях, каковая служба, в смысле продуктивности боевой работы в духе кавалерии, во всяком случае, не может быть сравнена ни со службой Оренбургской казачьей дивизии, ни со службой полков, входящих в состав кавалерийских дивизий.

Таким образом, вверенное мне войско является единственным из всех казачьих войск, в котором не все, а лишь небольшое количество из всех строевых частей, действующих в настоящей великой войне, являются действительными соиздателями и продолжателями славы, приобретенной Оренбургским войском за время его трехвекового существования, а остальная, большая часть непосредственного участия в боевых действиях почти не принимает.

Это явление я объясняю исключительно распылением Оренбургских полков на мелкие единицы и работою их в качестве дивизионной конницы, совместно с пехотой. При таких условиях службы собственную инициативу, лихость, присущую нашим казакам, проявить удастся редко. Если и бывают подвиги в истинно казачьем духе, то они, будучи совершены единичными лицами или же малыми частями, проходят как-то мало замеченными, и к славе родного войска, при всем желании, ничего добавить не могут. Это же явление замечалось и во время предыдущих войн, почему в войске почти нет особенно ярких, полных беззаветной казачьей удали дел, совершенных целыми конными частями.

Такое положение вещей является обидным для тех частей, которым почти не приходилось работать и внести родному войску в его сокровищницу славы свою лепту, тем более, что это происходит не по вине этих частей и не из нежелания нести боевую службу более опасную, но зато видную и обещающую им, а вместе с ними и родному им войску, неувядаемую славу. Командиры и казаки этих обиженных полков, движимые безграничною любовью к нашей дорогой Родине, осаждают меня просьбами о замене их другими частями и просят дать им возможность доказать на деле то чувство глубокого патриотизма, которое они высказывают в своих просьбах.

Чтобы дать возможность нашим раздробленным полкам, рвущимся с самого начала войны [в бой], помериться силами с коварным врагом, но не по одиночке или в малом числе, а целыми частями и выдвинуть достойных командиров полков на высшие должности и принимая во внимание, что в

Донском войске на одну из 6 дивизий приходится $88\frac{1}{2}$ действующих сотен (66 шестисотенных полков, 33 отдельных и 102 особых конных сотни, а всего 531 сотня), а в Оренбургском на одну дивизию 147 сотен (17 шестисотенных полков и один четырехсотенный, отдельный дивизион, 4 отдельных и 35 особых сотен, а всего 147 сотен), т. е. почти в два раза более, я прошу ходатайства ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА три наших полка (4, 6 и 7) (здесь и далее подчеркнуто карандашом. — А. Г.), находящиеся (так в тексте. — А. Г.) в настоящее время в Туркестане и один (8-й) — в Финляндии, за исключением 7-го, не несущие боевой службы с самого начала войны, свести в дивизию, доведя при этом 6-й полк до шестисотенного состава; вместо же выделяемых в дивизию полков послать особые конные сотни вверенного мне войска или даже других казачьих войск.

Также является весьма желательным отдельный Оренбургский дивизион развернуть, хотя бы в четырехсотенный полк.

При этом докладываю, что в войске имеется достаточный запас казаков служилого состава, коими можно располагать на случай новых формирований.

В войске есть и свои генералы из бывших командиров полков, выдвинувшиеся уже в настоящую войну, а среди командиров полков и теперь есть люди выдающейся энергии, отлично аттестованные, выделенные боевым начальством из числа других командиров, вполне достойные дальнейшего выдвижения на высшие должности, но, благодаря только тому, что войско имеет мало крупных соединений строевых частей, дальнейшее движение их затрудняется или, в лучшем случае, они попадают в части других казачьих войск или в кавалерию и этим самым теряют связь с родным войском, казаками, а войско в них теряет своих лучших сынов. Под командой таких командиров наши казаки лишний раз доказали бы, что они — достойные потомки Ермака Тимофеевича и сыны славных Туркестанских героев.

При невозможности формирования новой дивизии из указанных выше полков, выбор последних прошу произвести по благоусмотрению ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА⁷².

Кроме того, считаю долгом доложить, что все Оренбургское войско с верой и упованием смотрит на своего Походного Атамана, и если только Он пожелает доложить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о тех чувствах беспрдельной любви к НЕМУ, нашему ЦАРЮ, и дорогой Родине, которые заставляют казаков просить о формировании второй Оренбургской казачьей дивизии, то просьба казачья будет исполнена⁷³.

Тюлин предлагал сформировать еще одну Оренбургскую казачью дивизию и добился своего. Правда, в дивизию вошли другие полки войска. Реформирование казачьей конницы и русской кавалерии в целом в условиях войны не было простой задачей. На войне определяющее значение приоб-

рел пехотный и артиллерийский бой — армия нуждалась в пехоте и артиллерии, конница же была явно избыточной. Среди кавалерийских начальников, как и до войны, не было единства взглядов на реформу конницы. Началом 1917 г. датирована памятная записка о реорганизации казачьей конницы, предусматривавшая спешивание двух сотен в каждом полку и преобразование казачьих частей в четырехсотенные. Спешенные сотни планировалось использовать как пехоту, казачья конница подлежала сокращению на $\frac{1}{3}$ ⁷⁴.

Однако русское военное руководство не довело до конца это преобразование. Изначально считалось, что реформа произведет неблагоприятное впечатление на казаков. Их реакции не знали, а возможно, даже опасались. Таким образом, в отличие от регулярной кавалерии, казаки не могли безболезненно для власти подвергнуться нужному для военного руководства преобразованию. Институт казачества, вследствие своих исторических особенностей, не давал власти возможности полного контроля над собой. По всей видимости, несмотря на формальное подчинение казачьих войск центру, в сознании казаков существовало четкое разделение на то, что центральная власть могла делать с казаками, и то, что ей уже было не дозволено и могло завершиться бунтом казаков. Видимо, лишение казаков их лошадей относилось как раз к этой сфере. В материалах штаба Походного атамана всех казачьих войск отмечалось, что казаки крайне неохотно идут служить в пешие батальоны, предпочитая даже потратиться и купить коня. В то же время к 1916—1917 гг. конница, по сути так же, как и пехота, несла службу в окопах и действовала в пешем строю. Тем не менее следует разделять вынужденное и, как предполагали, временное спешивание и законодательное решение верховной власти об окончательном преобразовании казачьей конницы в пехоту.

Собственно, спешивание двух из шести сотен в казачьих частях являлось полумерой. Спешивание сотен предполагалось производить по жребию. Более того, отмечалось, что в военное время конница неизбежно действует в меньшем составе, чем числится, — значительное количество людей отвлекается на несение разведки и охранения.

19 февраля 1917 г. Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин телеграфировал в Ставку — в связи с необходимостью назначения офицеров — о неимении данных о сути реорганизации⁷⁵.

Как и в мирное время, полемика по столь серьезной реформе казачества не могла обойтись без участия П.Н. Краснова — теперь уже генерал-майора, начальника 2-й Сводной казачьей дивизии. Краснов выступил против перехода к четырехсотенным полкам. По его мнению, окопы ослабляли казаков, которые начинали бояться наступать. Краснов справед-

ливо отмечал, что поступающие пополнения были не обучены, знающие старые казаки забывали прежние навыки, офицеры военного времени были малограмотны, казаки ночами бодрствовали, а днем спали вповалку, в конных боях «галдеж и скачка»⁷⁶. По словам Краснова, лошади требовали ежедневной двухчасовой работы под седлом, при спешивании на одного казака пришлось бы по нескольку лошадей, что делало невозможным постоянное поддержание их в форме. Казачья конница в военное время имела плохие водопой и конюшни. Более того, Краснов писал (хотя и в очевидном противоречии со своими довоенными заявлениями), что «конница, обремененная 16-ю пешими эскадронами, бомбометами, минометами, гидropультами, газособирателями, гипосульфитами, паклей, керосином, кирпичами, мотыгами, ломами и т. п. Это не конница, это пехота, в которой дивизия по числу штыков равна полутора батальонам.

Если мы хотим сохранить конницу и гнать ею потрясенного врага на Берлин, Вену, Софию, Константинополь и Иерусалим, мы должны не позже 1-го февраля снять ее из окопов, встряхнуть ее веселым и бодрым походом небольшими переходами недели на две, на три, чтобы она раструсила свои обозы, выбросила все то, чем она обзавелась стоя на месте, стала легкой и быстрой; а потом, обучивши ее месяца полтора в полном покое, двинуть по ее назначению»⁷⁷. В итоге П.Н. Краснов дошел до того, что выдвинул идею создания особой казачьей армии⁷⁸. Уже в 1918 г. он реализовал эту идею, правда, уже в других условиях, на практике.

Тогда, в 1917 г., Краснов силами казаков предлагал совершить глубокий прорыв фронта. По его замыслу, необходимо было сконцентрировать пять дивизий для прорыва в первой линии, затем еще пять во второй для ночного преследования противника. За два дня Краснов считал возможным прорваться на глубину до 70 верст, за три — на 100 верст. Каждой дивизии необходимо было придать по два броневедомости, сама армия должна была быть снабжена эскадрилей из 4 разведывательных самолетов и 12 истребителей⁷⁹.

Однако вернемся к более реальным для начала 1917 г. проектам. Спешивание затрагивало еще один болезненный для казаков вопрос — финансовый. Как и в довоенное время, властям было неясно, сколько платить за изъятие у казаков лошадей — установленная законом компенсация, естественно, была значительно ниже рыночной цены лошади (стоимость которой в военные годы доходила до 500 рублей)⁸⁰. Выплата денег по установленным тарифам неизбежно привела бы к взрыву недовольства у казаков. Более того, по предварительным расчетам, одни только расходы на компенсации должны были составить не менее 22 275 000 рублей — спешивалось 49 500 человек (330 сотен)⁸¹. Для воюющей третий год страны выделить такую сумму было непростой задачей. Затруднительной была и оценка та-

кого количества лошадей. В итоге к 1917 г. командование оказалось в тупике относительно дальнейшего боевого использования казачьей конницы — ни как конница, ни как пехота казаки в полной мере применяться не могли. Таким образом, следовало признать огромный просчет русского довоенного планирования в отношении сохранения столь внушительной конной массы и неиспользования ее стратегических возможностей. 23 января 1917 г. было решено окончательно осуществить спешивание казаков, однако через месяц это решение в связи с его непопулярностью пришлось отменить. К этому времени велась только организационная подготовка реформы. В регулярной кавалерии эта реформа была проведена. Что касается казаков, то в начале февраля 1917 г. была перехвачена радиограмма А. фон Макензена, поздравлявшего командира конного корпуса в Румынии генерал-лейтенанта графа Э. фон Шметтова с саморазгромом русской кавалерии. Документ через одного из флигель-адъютантов императора, сторонников конницы, был передан Николаю II. Разумеется, после этого казачьи полки оставили в шестисотенном составе⁸². Однако генерал Половцов в своих записках отметил, что лично подготовил эту радиограмму, находясь на Румынском фронте, причем ее текст был перехвачен в Берлине и затем многократно воспроизведен. Провокация удалась блестяще⁸³.

10 февраля 1917 г. Военный совет постановил сформировать из 14—17-го Оренбургских казачьих полков 2-ю Оренбургскую казачью дивизию, в связи с чем Оренбургская казачья дивизия стала именоваться 1-й Оренбургской казачьей дивизией. Намеченные в состав дивизии полки относились к категории корпусной конницы и не были обеспечены конно-пулеметными командами, а некоторые — и командами связи. Любопытно, что дивизия формировалась на территории Казанского военного округа.

Причины решения о создании в 1917 г. 2-й Оренбургской казачьей дивизии совершенно непонятны. Фактически все полки, включенные в состав дивизии, существовали и участвовали в войне с 1914 г., переформирование, тем более с отводом частей в глубокий тыл, являлось очевидной глупостью — тратилось время и ослаблялся, несмотря на позиционный характер войны, фронт. В массировании конницы в 1917 г. не было никакой необходимости. Единственным объяснением этого шага могла быть только идея масштабного конного прорыва, который в условиях 1917 г. был невозможен.

Центром формирования 2-й дивизии были город Камышин и Камышинский уезд⁸⁴. Дивизия еще не успела сформироваться, как уже развернулась борьба за нее. В частности, на отправке 2-й Оренбургской казачьей дивизии на Кавказ настаивал главнокомандующий Кавказской армией, однако этого не случилось. В то же время командование лишь в начале 1917 г. пришло к выводу, что единственным театром военных действий, где возможно широкое применение конницы, являлся Кавказский. Началась переброска

гудя казачьих частей с фронта и тыла. Из оренбургских полков на Кавказ в 1917 г. отправились 7-й Оренбургский казачий полк и 3-я Оренбургская казачья батарея⁸⁵. Формирование 2-й Оренбургской казачьей дивизии затянулось по меньшей мере до лета 1917 г., когда она получала подрывные вьюки и обозных лошадей. Весьма характерно, что вплоть до лета 1917 г. полки дивизии не получили пулеметных команд⁸⁶ — наиболее существенное преобразование катастрофически запаздывало, при том что значение пулеметного огня и усиления огневой мощи конницы было установлено еще в довоенное время, а в начальный период войны прошло испытание практикой. Таким образом, казачья конница на протяжении всей войны находилась в своем архаичном состоянии, будучи вынуждена атаковать позиции противника на «ура!», сколько-нибудь серьезных шагов по усилению конницы предпринято не было. Идея совместного использования конницы и бронетехники, к которой военная мысль пришла в дальнейшем, никакого применения в условиях русского фронта Первой мировой не нашла. Более того, как удалось установить, не нашла практической реализации и идея насыщения казачьей конницы пулеметами. Причина этого, по всей видимости, не в отсутствии необходимого количества пулеметов, а в нехватке подготовленных казаков-пулеметчиков и, вероятно, в отставании практики от военной теории.

Ниже подробно рассмотрен боевой путь практически всех оренбургских казачьих частей в период Первой мировой войны, причем проведенный анализ показывает, что многие казачьи части не были обеспечены не только пулеметами, но даже в достаточной степени винтовками (в отдельных частях, которые, впрочем, командование старалось не использовать на фронте, часть казаков была действительно вооружена одними шашками — например, в 22-й особой сотне) и пиками (пик часто не хватало, либо они были устаревшего образца с деревянным, а не стальным древком) или имели на вооружении устаревшие берданки, требовавшие перезарядки после каждого выстрела, а также иностранные винтовки (обычно австрийские или японские). Сложившаяся печальная ситуация связана, вероятно, с несколькими причинами. Прежде всего, она обусловлена огромной массой русской конницы, которая при сложившейся системе снабжения просто не могла в военное время оперативно получить достаточное количество современного оружия. Конница была многочисленной, но технически плохо оснащенной и достаточно слабо подготовленной. Кроме того, использование казаков в 1915—1917 гг. почти исключительно в целях разведки и охраны не требовало усиления огневой мощи казачьих частей, а использование их в качестве летучей почты или службы связи вообще не предполагало вооружения казаков даже современными винтовками. Таким образом, доктрина применения конницы практически только для боевого обеспечения пехоты привела к определенной стагнации, прямым следствием которой

было то, что русская конница, во всяком случае на Европейском театре войны, существенной роли в 1914—1917 гг. не сыграла.

Война потребовала значительных усилий и по организации снабжения казачьих частей. Принципиальное значение для казачьей конницы приобрел вопрос о пополнении конского состава, потери которого в ходе войны были достаточно велики (часто казачьи кони ценой своей жизни спасали жизнь всаднику). В ходе войны, в связи с невозможностью самообеспечения казаков лошадьми, при их гибели или ранении в ходе боевых действий пришлось прибегнуть к поставкам в казачьи части казенных лошадей. Разумеется, при поступлении в часть молодые казаки, как и прежде, должны были являться с собственным строевым конем. Таким образом, части комплектовались конским составом смешанным образом — частично за счет самих казаков, частично — за счет казны, кроме того, в практику вошло приобретение лошадей и за счет конкретной воинской части, располагавшей собственными денежными суммами. Нельзя не отметить, что длительная война привела к истощению конского запаса и к значительному ухудшению качества лошадей, поступавших на пополнение в части. Об этом писали в своих отчетах Походному атаману всех казачьих войск командиры многих частей. Возрастала и стоимость лошади. В военные годы ее рыночная цена достигла 400—500 рублей, в то время как пособие на убитую или павшую лошадь по устаревшим к тому времени, но все еще действовавшим нормам Свода военных постановлений (книга X, статья 747) составляла лишь 125 рублей для офицеров и только 65 рублей для казаков⁸⁷. Таким образом, компенсации от государства никак не могло хватить на покупку нового коня. Для казачьих офицеров вопрос решался при наличии второй собственной или выючной лошади. Казаков же стали снабжать казенными лошадьми.

Важную роль в деле пополнения казачьих формирований на фронте и подготовки молодых казаков играла в военное время система оренбургских казачьих запасных частей. Она включала в себя шесть запасных казачьих сотен и казачью запасную батарею. 1-я и 2-я сотни были расположены в Оренбурге, 3-я и 4-я — в Верхнеуральске, 5-я и 6-я — в Троицке. В феврале—марте 1917 г. (по Высочайшему приказу от 16 февраля 1917 г.) сотни были сведены в три казачьих запасных полка (Оренбург, Верхнеуральск, Троицк), причем на их формирование Оренбургскому войску было выделено 413 325 рублей⁸⁸. Даже офицеры военного времени должны были в обязательном порядке некоторое время после производства в прапорщики и перед отправкой на фронт провести в этих частях, готовясь к боевой работе.

Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска внес значительный вклад в дело победы над противником. Казачий офицер был традиционно ближе рядовому казаку, чем неказачий офицер — солдату. Часто офицеры и

простые казаки, служа вместе в одной части, являлись близкими родственниками. Нельзя согласиться с утверждением, что офицерский корпус Оренбургского казачьего войска в годы Первой мировой войны понес большие потери — якобы до трети личного состава⁸⁹. Этот вопрос имеет принципиальный характер и является во многом ключевым для понимания проблемы вовлечения казачества в последующие события революции и Гражданской войны. В действительности же в годы Первой мировой войны Оренбургское казачье войско выставило на фронт не менее 722 казачьих офицеров, из которых только 80 человек погибло, умерло или пропало без вести. В сравнении с потерями пехотных офицеров цифра весьма незначительная. Исходя из общей цифры офицеров, выставленных войском, можно сделать вывод, что было выставлено несколько сот офицеров по нормам военного времени.

К 1 января 1915 г. в войске числилось 636 офицеров, обязанных отбывать воинскую повинность. 52 из них служили в Казанском военном округе, 62 — в Туркестанском военном округе, 465 — в действующей армии⁹⁰. На следующий год ситуация изменилась. Всего, по данным на 1 января 1916 г., в войске числилось уже 758 офицеров (включая призванных из запаса и отставных), в том числе в действующей армии — 631 (включая 5 офицеров в Кавказской армии)⁹¹. В это число входили 3 генерала, 75 штаб-офицеров и 680 обер-офицеров. В отставке числилось 17 генералов, 83 штаб-офицера и 69 обер-офицеров (всего 169 человек)⁹². В частях и учреждениях войска к 1 января 1916 г. служили также 1 генерал, 2 штаб-офицера и 5 обер-офицеров, не являвшиеся казаками.

Казачьи офицеры в годы Первой мировой войны, несмотря на неблагоприятные условия для участия в этой войне конницы, проявили себя с лучшей стороны. Например, есаул С.И. Шивцов, представитель казачьей офицерской династии и участник Русско-японской войны, в августе 1914 г. в составе 1-го Оренбургского казачьего полка был тяжело ранен в грудь навылет. Не вполне выздоровев и едва владея правой рукой, он вернулся на фронт в свой полк и вскоре был вторично ранен. Позже, 17 марта 1915 г. в бою при атаке у деревни Малинцы (район Хотина), он получил смертельное ранение в живот навылет и умер через 18 часов. По одному из свидетельств, «есаул Шивцов, воодушевляя казаков, пробегал все время вдоль цепи и был ранен двумя пулями, — в живот и руку. Терпя страшные мучения, продолжал подбадривать казаков, а когда повезли его на перевязочный пункт, он, видя несущихся в бой мимо него гусар, запел «Боже Царя храни»⁹³. Остались вдова и две дочери трех и пяти лет. Высшим военным орденом Св. Георгия IV и III степеней было награждено 20 оренбургских казачьих офицеров и генералов, Георгиевским оружием — 39⁹⁴.

Комплектование казачьего офицерства заслуживает отдельного рассмотрения. В связи с началом крупномасштабной войны на фронт были призваны

многие отставные офицеры. Параллельно шел ускоренный выпуск из военных училищ. 12 июля 1914 г. в офицеры было произведено свыше 2830 выпускников военных училищ, в том числе 36 оренбургских казаков. 10 выпускников Оренбургского казачьего и 9 Николаевского кавалерийского училищ были распределены в полки действующей армии. В течение 1914 г. состоялось еще три досрочных выпуска подпоручиков с правами кадровых офицеров. Первый выпуск в количестве 350 человек был 24 августа направлен в артиллерию. Второй выпуск в количестве 2500 человек был 1 октября распределен в пехоту и другие рода войск. Среди офицеров второго выпуска было 26 офицеров Оренбургского казачьего войска. 455 человек из третьего выпуска 1 декабря были направлены в артиллерию, 90 человек — в инженерные войска. В этом выпуске было 38 офицеров Оренбургского казачьего войска. По подсчетам оренбургского историка В.Г. Семенова, в течение 1914 г. военные училища окончили 100 офицеров Оренбургского казачьего войска, 37 из которых в чине прапорщика. В дальнейшем, вплоть до окончания войны, военные училища выпускали только офицеров с сокращенным сроком обучения (в чине прапорщика). В пехотных училищах курс был сокращен до трех-четырех месяцев, в прочих — до шести месяцев.

Летом 1915 г. в Оренбурге была открыта школа прапорщиков, осуществлявшая ускоренный выпуск офицеров военного времени. Как правило, на обучение в школу направлялись отличившиеся унтер-офицеры (неказаки). Уже 18 октября 1915 г. состоялся первый выпуск (484 офицера). Всего до конца 1916 г. школу окончили 1732 человека. 17 декабря 1915 г. была учреждена Екатеринодарская школа подготовки прапорщиков казачьих войск⁹⁵, которую в 1916—1917 гг. окончили пять оренбуржцев. Оренбургское казачье училище также было переведено на ускоренный четырехмесячный выпуск офицеров.

По данным на 1915 г., оренбуржцы обучались в следующих военно-учебных заведениях⁹⁶:

Т а б л и ц а 37

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ (на 1915 г.)

Училище	Количество обучающихся казаков ОКВ
Оренбургское казачье училище	120
Николаевское кавалерийское училище	14
Елисаветградское кавалерийское училище	14
Николаевское инженерное училище	1
Итого	149

Казачьи прапорщики по окончании учебного заведения направлялись в запасные казачьи сотни, где в течение нескольких недель проходили дополнительную подготовку. Впрочем, по мнению П.Н. Краснова, казачьи прапорщики являлись, как правило, малограмотными офицерами⁹⁷.

Кроме того, в сентябре 1914 г. император Николай II позволил наиболее отличившихся в боях подпрапорщиков и других нижних чинов унтер-офицерского звания производить в чин прапорщика. Такая мера была вынужденной необходимостью в условиях массовой гибели кадрового офицерства, она привела к появлению многочисленной, но по своей квалификации мало чем отличавшейся от нижних чинов массы офицеров военного времени. За годы войны не менее 40 оренбургских казаков были произведены в чин прапорщика непосредственно на фронте без дополнительной подготовки. Следует отметить, что 22 февраля 1915 г. было упразднено звание зауряд-прапорщика⁹⁸.

И все-таки основную массу офицеров в оренбургских казачьих частях на фронте составляли кадровые офицеры (к 1917 г., по нашим расчетам, более половины всех оренбургских офицеров) — выпускники Оренбургского казачьего училища, на втором месте традиционно находилось Николаевское кавалерийское училище. По данным на октябрь—ноябрь 1915 г., в запасных частях на территории войска числилось 12 офицеров постоянного и 60 офицеров переменного состава, на фронт с территории войска могло быть направлено 32 офицера⁹⁹. В Оренбурге к концу октября 1916 г. вообще не осталось казачьих штаб-офицеров¹⁰⁰.

Статистика службы оренбургских казачьих офицеров в годы войны приведена в таблице 38 (к сожалению, особенностью имеющейся статистики в ряде случаев является неполнота или необходимость дополнительной проверки данных)¹⁰¹:

Таблица 38

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Часть (ОКП — Оренбургский казачий полк, ОКС — Оренбургская казачья сотня, ОКбтр — Оренбургская казачья батарея)	Состояло офицеров после мобилизации (в т. ч. унтер-офицеров на должностях младших офицеров)	Убито / умерло	Пополнение к 1 января 1917 г.
1-й ОКП	26	15	17
2-й ОКП	18	4	23
3-й ОКП	16	6	8

Часть (ОКП — Оренбургский казачий полк, ОКС — Оренбургская казачья сотня, ОКБатр — Оренбургская казачья батарея)	Состояло офицеров после мобилизации (в т. ч. унтер-офицеров на должностях младших офицеров)	Убито / умерло	Пополнение к 1 января 1917 г.
4-й ОКП	В боевых действиях полк не участвовал (кроме подавления туркестанского мятежа 1916 г.), три офицера умерло		
5-й ОКП	18	1	20
6-й ОКП	В боевых действиях полк не участвовал, один офицер умер		
7-й ОКП	21	2	3
8-й ОКП	19	1	2
9-й ОКП	21	2	1
10-й ОКП	18	1	13
11-й ОКП	19	3	16
12-й ОКП	21	9	28
13-й ОКП	20	—	7
14-й ОКП	20	3	6
15-й ОКП	20	1	12
16-й ОКП	17	2	17
17-й ОКП	21	4	8
18-й ОКП	23	?	5
Отд. Оренб. казачий дивизион	8	1	—
2-я (оренбургская) сотня Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка	—	1	—
1-я отдельная ОКС	2; в боевых действиях сотня не участвовала		
2-я отдельная ОКС	В боевых действиях сотня не участвовала		
3-я отдельная ОКС	3	2	2
4-я отдельная ОКС	3	—	2
1-я особая ОКС	3	—	—
2-я особая ОКС	3	1	—

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Часть (ОКП — Оренбургский казачий полк, ОКС — Оренбургская казачья сотня, ОКБатр — Оренбургская казачья батарея)	Состояло офицеров после мобилизации (в т. ч. унтер-офицеров на должностях младших офицеров)	Убито / умерло	Пополнение к 1 января 1917 г.
3-я особая ОКС	3	1	2
4-я особая ОКС	3	—	2
5-я особая ОКС	3	—	—
6-я особая ОКС	3	—	1
7-я особая ОКС	3	—	1
8-я особая ОКС	3	—	—
9-я особая ОКС	3	—	1
10-я особая ОКС	3	1	4
11-я особая ОКС	3	—	2
12-я особая ОКС	3	1	4
13-я особая ОКС	2	1	—
14-я особая ОКС	3	—	2
15-я особая ОКС	2	—	—
16-я особая ОКС	3	—	—
17-я особая ОКС	3	—	—
18-я особая ОКС	—	—	—
19-я особая ОКС	3	—	—
20-я особая ОКС	3	—	—
21-я особая ОКС	3	—	—
22-я особая ОКС	3	—	1
23-я особая ОКС	3	1	1
24-я особая ОКС	3	—	2
25-я особая ОКС	3	1	—
26-я особая ОКС	3	—	1
27-я особая ОКС	2	—	—
28-я особая ОКС	—	—	—

Часть (ОКП — Оренбургский казачий полк, ОКС — Оренбургская казачья сотня, ОКБатр — Оренбургская казачья батарея)	Состояло офицеров после мобилизации (в т. ч. унтер-офицеров на должностях младших офицеров)	Убито / умерло	Пополнение к 1 января 1917 г.
29-я особая ОКС	3	—	—
30-я особая ОКС	1	—	1
31-я особая ОКС	3	—	—
32-я особая ОКС	3	—	1
33-я особая ОКС	3	—	3
1-й Оренб. казачий арт-дивизион (1-я и 3-я батареи — ниже приведены отдельно)	11	8	7
1-я ОКБатр	6	5	—
2-я ОКБатр	5	—	—
3-я ОКБатр	4	1	5
4-я ОКБатр	5	1	2
5-я ОКБатр	?	1	2
6-я ОКБатр	5	1	2
7-я ОКБатр	—	—	—
8-я ОКБатр	—	—	—
И т о г о	Не менее 448	80	232

Парадоксально, но в казачьих полках был сверхкомплект, а в особых сотнях — некомплект офицеров¹⁰².

Многие оренбургские казачьи офицеры служили в частях других казачьих войск, а также в неказачьих частях (в том числе в пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерных войсках, авиации, интендантском управлении) и штабах. В этой связи едва ли возможно привести сколько-нибудь точные данные о численности этой категории офицеров. Наиболее известны из них генерал М.В. Ханжин, прошедший за годы войны путь от командира 19-й артиллерийской бригады до генерал-инспектора артиллерии русской армии и награжденный Георгиевским оружием, орденом Св. Георгия III степени и чином генерал-лейтенанта, а также начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал-майор Г.П. Жуков, отмеченный Георгиевским

оружием и орденом Св. Георгия IV степени. Оба генерала в дальнейшем приняли активное участие в антибольшевистском сопротивлении.

Значительный вклад в дело победы русского оружия внесли казачьи офицеры-генштабисты: И.Г. Акулинин, П.Г. Бурлин, Ф.Е. Махин и другие, впоследствии также активные участники борьбы с большевиками.

Ускоренное производство в офицерские чины и одновременно малая убыль привели к перепроизводству оренбургских казачьих офицеров и понижению уровня их подготовки. В 1917 г. часть зауряд-офицеров была возвращена в войско. По итогам войны в войске оказалось множество офицеров военного времени, часть которых была произведена в прапорщики из нижних чинов за боевые отличия, даже не оканчивая какого-либо учебного заведения. Разумеется, уровень подготовки этой категории офицеров был невысок.

Полками в период Первой мировой войны командовали, как правило, казачьи офицеры в чине полковника. Средний возраст полковых командиров превышал 50 лет. Боевой опыт имели немногие из них. Штатного количества штаб-офицеров в полках и дивизиях было недостаточно (для сравнения: в кавалерийских полках имелось три помощника командира полка, а в казачьих — только один, в кавалерийских дивизиях — два командира бригад, в казачьих — один). Кроме того, в полках далеко не всегда было даже штатное количество штаб-офицеров. Немаловажную роль в управлении казачьими частями и соединениями играла традиция. Даже в революционном 1917 году командирами казачьих полков, бригад и дивизий могли быть лишь природные казаки. Часто неказаки были по способностям выше, но принцип был важнее. В то же время командирами кавалерийских дивизий и корпусов, в которые входили казачьи части, как правило, были неказачьи офицеры, относившиеся к казачьим частям как ко второсортным.

На офицерских должностях в Оренбургских казачьих особых сотнях могли находиться зауряд-прапорщики или подхорунжие, командовали такими сотнями часто офицеры, мобилизованные из отставки. Из-за малочисленности офицеров в таких сотнях на их плечи ложилось не только управление частью, но и ведение сотенного хозяйства и делопроизводства.

24 декабря 1915 г. офицерам конницы и полевой артиллерии действующей армии были установлены определенные преимущества. Очередной чин можно было получить после двух ранений и последовавшего возвращения в строй, а также за 16-месячное пребывание на фронте (для войсковых старшин, есаулов и подъесаулов). Для офицеров, имевших менее высокие чины, очередной чин мог быть присвоен за 12, 9 и 7 месяцев пребывания на фронте (сотники, хорунжие и прапорщики соответственно)¹⁰³.

Как эволюционировал казачий офицерский корпус за годы войны? Если в пехоте к 1917 г. повсеместно остались лишь офицеры военного времени,

то в казачьих войсках сложилась несколько иная ситуация. Например, в 3-й отдельной Оренбургской казачьей сотне при мобилизации было 3 офицера, в том числе 2 кадровых. В ходе войны погибли 1 кадровый офицер и 1 офицер военного времени, на пополнение прислали 3 прапорщиков. Таким образом, в сотне оказались 1 кадровый офицер и 3 офицера военного времени. Несколько иное соотношение сложилось в 1-м Оренбургском казачьем полку. На фронт полк выступил с 2 штаб-офицерами и 24 обер-офицерами, в ходе войны 15 офицеров погибло, 17 офицеров было прислано на пополнение, но эти данные не являются исчерпывающими. Всего через полк прошло не менее 37 кадровых и 18 офицеров военного времени. В результате потерь (поименно известны 9 кадровых офицеров и 5 офицеров военного времени) в полку оказалось 28 кадровых офицеров и 13 офицеров военного времени. Следует учитывать, что последние, естественно, находились на должностях младших офицеров и именно они взаимодействовали с рядовыми казаками. Кадровые офицеры по мере получения новых чинов все сильнее отрывались от казачьей массы. Таким образом, и в казачьих частях произошла определенная ротация офицерского состава.

В военное время некоторые офицеры были обвинены и уличены в поступках, не совместимых с офицерской честью, в том числе в хищениях и побоях (например, войсковой старшина Н.И. Душинкевич)¹⁰⁴.

В целом за период Первой мировой войны эволюция казачьего офицерского корпуса отличалась от эволюции неказачьего офицерства. Казачество, как составная часть русской конницы, понесло значительно меньшие потери в офицерском составе по сравнению с другими родами войск. Казаки к концу войны сумели сохранить практически в полном составе своих кадровых офицеров, что не могло не повлиять на последующие события революции и Гражданской войны в казачьих областях, где офицеры всегда пользовались заслуженным авторитетом в глазах основной массы казачества. Однако к 1917–1918 гг. в среде казачьего офицерства появилась значительная группа офицеров военного времени (к концу войны — немногим менее половины всех оренбургских казачьих офицеров) — выпускников ускоренных курсов училищ или же недавних казаков и казачьих унтер-офицеров, произведенных в офицерский чин за боевые отличия. Появление этой категории казачьих офицеров повлекло за собой понижение уровня подготовки командного состава казачьих частей, понижение авторитета казачьих офицеров в глазах казаков, а также порождало конфликты и противоречия внутри казачьего офицерства.

Практически не сохранилось источников о настроениях казаков в военные годы. Совершенно случайно удалось обнаружить чудом дошедший до наших дней интереснейший документ о настроениях в казачьих частях, написанный неказаком, но, видимо, близко к реальности передававший

казацьи настроения. Документ сохранился исключительно благодаря обстановке шпиономании, характерной для военного времени.

Автором этого документа был личный почетный гражданин города Кузнецка Николай Николаевич Пашковский, принятый в марте 1915 г. добровольцем в 1-ю сотню 2-го Оренбургского казачьего полка. Пашковский в полку зарекомендовал себя с лучшей стороны — вызывался охотником на разведки, вел себя примерно, был вежлив с казаками. Однако что-то в нем настораживало окружающих. Возможно, то, что он не был казаком. Пашковский имел знаки отличия военного ордена за Русско-японскую войну, однако документ о присвоении награды вызвал подозрения в связи с тем, что был написан разным почерком. Пашковский попал под негласный надзор полиции. Оказалось, что до японской войны Пашковский был офицером, однако лишился чинов за дуэль. Подозрения варшавских жандармов укрепились после того, как выяснилось, что Пашковский умел управлять автомобилем, а также вел большую переписку со своей якобы законной женой — сестрой милосердия при Петроградском вокзале в Варшаве¹⁰⁵. 22-летняя супруга подозреваемого щигровская мещанка М.М. Скрипкина, по описанию, была блондинкой среднего роста и очень недурна собой.

Полиция заподозрила Пашковского в шпионаже. Обыск ничего не дал, кроме дневника и нескольких карт и планов Польши. В дневнике содержались совершенно банальные вещи, причем в этой связи командир полка полковник Хлебников даже предположил, что в документе скрыта тайнопись. Разумеется, никакой тайнописи там не было, однако эта история сохранила для нас весьма интересный источник — дневник добровольца 2-го Оренбургского казачьего полка.

В своем дневнике, обращенном к любимой женщине, Н.Н. Пашковский подробно описывал свои переживания на фронте, по этой причине данный источник и ценен для нас. Ничего подобного в других архивах Москвы и Оренбурга обнаружить не доводилось. Приведем наиболее интересные отрывки из дневника, сохраняя орфографию и пунктуацию источника: «...по приезде в полк сразу попал сходу в окопы, встреча вышла мрачная, ухали орудия, свистали пули, грохотали снаряды, щелкали винтовочные выстрелы, по дороге шли и несли и везли раненых, гнали пленных, слышались известия про убитых и, наконец, сам в окопах, а там в разведку, ну и пошла старая история, ночь и день, день и ночь так похожи одни на другие, что и разницы не найдешь, только разница та, что сегодня бьют друг друга из орудий, а завтра чешут из винтовок, эх, родная, и надоела же вся эта музыка и представить ты себе не можешь, частенько мелькает мысль бросить все и вся, да скорей к тебе, моей милой детке»¹⁰⁶.

Пашковский писал: «...как, Мария, все изменилось во всем, что только на глазах, все уж не то, среди войск появилось озлобление на население,

и оно вылетит в ужаснейшей формы не дай Бог искру и будет такой пожар, что погромы Чингисхана, Мамая, Батыя, Пугачева, Разина и погромы 1906–07 года будут смяты (? — А. Г.) и померкнут под пеплом этой паршивой страны, именуемой Польшей и за которую сейчас льют кровь наша коренная Русь, суровая Сибирь, пылкий Кавказ, лихое Казачество, все народности России несут тяжесть брани на полях неблагодарной страны, которая нам в глаза смеется при наших незначительных неудачах, злорадует при более крупных... мы еще нагайками да клинками гонор панов сшибаем, а штык пехоты в руках офицеров, а без офицерства наш солдат мертвая кукла... вот посуди сама я к жидам стал лучше относиться, чем к полякам — играем с ними, как с какими-то дорогими детьми России, а это на самом деле такая сволочь, что иного применения как бы и не надо как пен[ь]ковый галстук для всех без исключения на память и назидание всем, тогда как жидам я прощаю многое... почему только жид разве шпион, да плати ты кому угодно хорошенько и каждый будет шпион, значит виноват тот, кто плотит, а не тот, кто шпионит, ну а какая разница жид — уж через то шпион, что он жид, хорошо, а поляк за то, что он поляк так он будто бы не может быть шпионом... жида [—] шпионы за деньги, тогда как поляки большая часть шпионов — принципиальных, значит заплати жиду больше, чем положит ему наш неприятель и готово, он из-за выгоды стал наш, ну, а вот попробуй ты поляку доказать, что мы, дескать, братья-славяне должны быть общих интересов, так сейчас ты и потерпел полнейший шах и мат, да разве пан-поляк будет братом москалю, да еще и казаку впридачу — это не форштэйн»¹⁰⁷.

Эти примитивные рассуждения о национальном вопросе, возможно, в определенной степени выражают и взгляды однополчан автора цитаты — казаков. Пашковский, который, как выяснилось, прошел три войны, отправился добровольцем на фронт, «потому что сознавал, что делал бы подлость, пряча свои знания и опыт, тогда как они нужны общему делу»¹⁰⁸. В дневнике явственно чувствуется усталость автора от войны. Не случайно он писал, что после трех войн пора на покой к жене — «повоевать в другой, не кровавой войне»¹⁰⁹.

Есть данные о том, что летом 1915 г. казаки 17-го Оренбургского полка из ненависти к противнику не брали германцев в плен¹¹⁰.

К сожалению, каких-либо других документов о настроениях рядовых казаков в военные годы обнаружить не удалось. Можно лишь добавить, что и в годы Первой мировой войны сохранялась традиционная, исторически сложившаяся и закрепившаяся склонность казаков к самоснабжению. Попавший на фронт бывший сельский учитель А.Н. Шилин описал вступление казаков в Тарнополь летом 1917 г., правда, в мародерстве участвовали не только казаки, но и солдаты: «Как только мы дошли до Тарнополя, то

начался «грандиозный» грабеж города. Солдаты разбивали магазины, лавки, подвалы, врываются в частные дома. Забирали все ценное, даже никому не нужное. А все, что не могли унести, разбивали, ломали, раскидывали по улицам. Никто не мог остановить мародеров, и они делали, что хотели... Как бешеные, скакали по городу казаки с целыми тюками, привязанными к седлам. Из окон и чердаков некоторых домов в солдат и казаков стреляли, а те отвечали тоже выстрелами, бросали в окна бомбы. Из домов неслись глухие женские вопли. Так погибал город ближайшего тыла, полный мерзости»¹¹¹.

П.Н. Краснов писал: «За 26 месяцев я слышу два мнения о казаках. Первое: Казаки — это гордость Российской армии, это люди, с которыми приятно воевать, с которыми всегда победа. Второе: казаки — это мародеры, которые убегают перед неприятелем и дают панически ложные донесения. Увы и второе — правда! Первые — казаки обученные, обмундированные чисто, гордые своим казачьим именем и номером на погонах, лампасами на шароварах. Вторые — господа в родительских патетухах или пиджаках, без погон, без лампас, грубые, жадные, шкодливые и трусливые. И первых, и вторых делаем мы — начальники. Вот почему я считаю, что казаки во всем — от прически волос до лампас на шароварах должны быть всегда, а на войне особенно, оставаться казаками»¹¹².

* * *

В годы Первой мировой войны оренбургские казачьи части сражались на разных фронтах в составе различных соединений и объединений (корпусов и армий), что, несмотря на значительное количество формирований, выставленных Оренбургским казачьим войском в 1914—1917 гг., обуславливает необходимость отдельного рассмотрения боевого пути каждой воинской части. При подготовке исследования удалось выявить и систематизировать значительный объем сведений об участии в войне практически всех оренбургских казачьих частей.

1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника-цесаревича полк можно назвать одним из лучших полков Оренбургского казачьего войска периода Первой мировой войны. 14 июля 1914 г. полк в составе 10-й кавалерийской дивизии графа Ф.А. Келлера находился на специальном кавалерийском сборе под Ахтыркой, куда прибыл из Чугуева вместе с дивизией. На 14 июля были назначены офицерские скачки и другие упражнения, для чего войска около 9 часов утра собрались на ахтырском военном поле¹¹³. Около 10 часов утра была получена экстренная телеграмма о немедленном выступлении в места постоянной дислокации полков. 16 июля полк прибыл в Харьков на свои постоянные кварти-

ры, а 17 июля в 5 часов утра было объявлено, что с 12 часов ночи этого дня назначена общая мобилизация. В ночь с 17 на 18 июля полк пятью эшелонами был направлен на границу Австрии. Движение шло беспрепятственно в связи с отменой пассажирского сообщения. Из 36 офицеров в полку должно было остаться 22, остальные направлялись на укомплектование льготных частей. После сосредоточения всех частей 10-й кавалерийской дивизии она выступила к местечку Белгородок, куда прибыла 24 июля и расположилась по квартирам, выставив боевое сторожевое охранение. О противнике ничего известно не было. В полку имелось 6 сотен по 12 рядов во взводах в составе 2 штаб-офицеров, 24 обер-офицеров, 697 строевых и 93 нестроевых казаков, при 765 строевых и 145 обозных лошадях, существовал некомплект в 120 казаков и лошадей¹¹⁴. Полк имел 6 новых, только что приобретенных походных кухонь. Полком командовал полковник А.П. Тимашев (до 4 декабря 1914 г.).

Задачей 10-й кавалерийской дивизии было прикрытие сосредоточения русских войск, а также выяснение сил и расположения австрийцев в ходе наступления в пределах Австрии. 25 июля казаки уже находились недалеко от австрийской границы. На ночь выставлялись заставы, выходы из населенных пунктов баррикадировались бревнами и телегами. Нервы казаков были на пределе — больше всего пугала неизвестность ожидания¹¹⁵. 27 июля произошло первое боевое столкновение с участием казаков полка, а 28 июля перешли границу.

Анализируя русское военное планирование и ход боевых действий, рассматривая войну «сверху», мы часто забываем о том, что все тяготы этой и других войн вынес на своих плечах простой солдат русской армии. Отрывок из журнала военных действий 1-го Оренбургского казачьего полка свидетельствует об удивительном подвиге оренбургского казака М. Лаптева, совершенном им в первые дни той, во многом забытой, войны. Документ этот ярко характеризует не только героизм, но также изобретательность, неприхотливость и выносливость казаков.

В документе отмечалось: «В ночь с 26^ю на 27 июля (1914 г. — А. Г.) Хорунжий Хлебников с разъездом (1 взвод) от 4^й сотни, будучи послан на Австрийскую территорию, ночью приближаясь к с. Гимлице [?], был внезапно обстрелян находившейся там пехотной заставой австрийских ландштурмистов. Хорунжий Хлебников бросился в атаку, разъезд зарубил часового, но, встреченный сильным огнем, принужден был отойти.

При проверке людей не оказалось казака Максима Лаптева (последнего наряда), которого видели упавшим вместе с лошадью во время атаки.

Ночью и под огнем разыскивать его вблизи противника было невозможно — его считали убитым.

Между тем дело обстояло так.

Карта Оренбургской губернии. Начало XX в. Открытка.
Частная коллекция

Войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска.
Оренбург. Фото автора

Приезд Наследника цесаревича Николая Александровича в Оренбург. Возле здания Войскового хозяйственного правления на Неплюевской улице. 1891 г. Фото предоставлены В.Г. Семеновым

Депутация Оренбургского казачьего войска, представлявшаяся императору Николаю II и Наследнику цесаревичу 14 февраля 1912 г. в Царском Селе. Сидят (слева направо): начальник Войскового штаба генерал-майор Александр Иванович Нестеровский, Наказный атаман генерал-лейтенант Николай Александрович Сухомлинов, атаман 2-го военного отдела генерал-майор Николай Александрович Наследов. Стоят (слева направо): атаман Сакмарской станицы 1-го военного отдела вахмистр Сумкин, атаман Кундравинской станицы 3-го военного отдела вахмистр Вакушин, атаман Березинской станицы 2-го военного отдела вахмистр Коротков. РГВИА

Чины 2-й (оренбургской) сотни Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка в парадной форме. Фото предоставлено И.В. Купцовым

Император Николай II, императрица Александра Федоровна на празднике Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. 6 апреля 1907 г. (*Часовые отечества*. Из истории российского казачества. Каталог выставки. СПб., 2006)

Оренбургские казаки на Крещатике. Киев. 1888 г.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым. Публикуется впервые

4-я сотня 5-го Оренбургского казачьего полка. Ташкент. Конец XIX в.
Оренбургский областной краеведческий музей

1-й Оренбургский казачий полк. Открытка. Конец XIX в.
Частная коллекция

4-я сотня 5-го Оренбургского казачьего полка в конном строю.
Командир — есаул Н.Н. Волжин.
Оренбургский областной краеведческий музей. Публикуется впервые

1-я сотня 5-го Оренбургского казачьего полка. Конец XIX в.
Оренбургский областной краеведческий музей.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым. Публикуется впервые

4-я сотня 5-го Оренбургского казачьего полка. Конец XIX в.
Оренбургский областной краеведческий музей.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым. Публикуется впервые

Офицерская столовая 5-го Оренбургского казачьего полка в день полкового праздника. Конец XIX в. Оренбургский областной краеведческий музей. Фото предоставлено В.Г. Семеновым

Ветеринарный врач 5-го Оренбургского казачьего полка на практике. Конец XIX в. Оренбургский областной краеведческий музей. Фото предоставлено В.Г. Семеновым. Публикуется впервые

Чарка казачья. Конец XIX – начало XX в. Серебро. Собрание В.Г. Бешенцева. Публикуется впервые

Папаха оренбургского казака. Начало XX в. Частная коллекция

Фуражка оренбургского казака. Начало XX в. Собрание В.Г. Бешенцева. Публикуется впервые

Знамя 2-го Оренбургского казачьего полка.
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым

Группа старших офицеров Оренбургского казачьего войска. Конец XIX в.
Оренбургский областной краеведческий музей

1-я Оренбургская казачья батарея. Конец XIX в.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым

Оренбургские казаки с верблюдами. Туркестан. Конец XIX—начало XX в.
Фото предоставлено А.В. Левченко

Казаки отряда полковника М.Е. Ионова на Памире с картечными Гатлинга.
1890-е гг.

Оренбуржцы на Памире.
Фото из коллекции В. Дубовицкого предоставлено В.Г. Семеновым.
Публикуется впервые

Офицеры 2-го Оренбургского казачьего полка. Конец XIX в.
В центре в фуражке В.П. Греков. Фото предоставлено В.Г. Семеновым

Группа офицеров одного из Оренбургских казачьих полков. Конец XIX в.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым

Чины штаба 3-й Оренбургской казачьей батареи. 14 ноября 1898 г.
Фото предоставлено В.Г. Семеновым. Публикуется впервые

Офицеры и казаки 3-го Оренбургского казачьего полка. Троицк, 1903 г.
Фото предоставлено ТО «Каменный пояс» (Челябинск)

Один из идеологов конного дела в России генерал Ф.К. Гершельман. На обороте подпись Гершельмана: «Юнкеру Александру Горбунову на добрую память. Тот не кавалерист, что с лошади не падал!»
Фото из собрания В.Г. Бешенцева предоставлено В.Г. Семеновым

Ветеран туркестанских походов, полный кавалер «Знака отличия военного ордена», есаул Захар Васильевич Рогожников (Георгиевский архив. Вып. 2. Екатеринбург, 2002)

Печёнкин Владимир Иванович.
Фото предоставлено И.В. Купцовым

Казачи 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска.
Троицкий краеведческий музей. Фото предоставлено И.В. Купцовым

Казаки 3-го Оренбургского казачьего полка. Начало XX в.
Публикуется впервые.
Обратите внимание на бутылку и стаканы в центре фотографии

Горница казачьей избы станицы Кардаиловской. Рис. В.Г. Бешенцева
Публикуется впервые

Во время атаки Лаптев действительно был ранен, а лошадь его была убита, упала вместе с ним вблизи деревни на совершенно ровном месте. Лаптев, которому пулей раздробило ногу, и лошадь эту ногу придавила, не мог сначала высвободиться из-под нее и пролежал так до утра, когда увидел, что к нему приближаются из деревни австрийцы. Он, не желая сдаваться в плен, открыл по ним огонь и убил или ранил некоторых из них. От Австрийских выстрелов его прикрывал труп лошади. Несколько раз австрийская застава хотела захватить Лаптева, но он отстреливался и продержался до ночи. Ночью кое-как высвободился из-под лошади и пополз к своей границе, до которой было верст пять. Следующий день он лежал в ямке, а ночь полз. На четвертые сутки он был подобран, проходившим нашим разъездом, у самой границы.

У Лаптева были в сумках сухари, но воды не было, и, чтобы как-нибудь утолить жажду, по словам Лаптева, он пил собственную мочу (этот молодец впоследствии выздоровел и получил Георгиевский крест). Между тем разъезды, высылаемые за границу, были предупреждаемы, что казак Лаптев остался вблизи с. Гимлице [?] и 29 июля разъезд 10го Драгунского полка нашел убитую лошадь Лаптева, хотел снять седло, но был обстрелян австрийцами, и о происшедшем доложил.

30 июля казаки команды связи, находившиеся при драгунском полку — именно Петр Рябов и Тихон Темников по собственной инициативе поехали за границу, нашли убитую лошадь Лаптева, расседлали ее под огнем неприятеля и по прибытии в полк доложили, что лошадь прострелена в голову и грудь, что Лаптева они найти не могли. Седло сняли.

В тот же день, однако, Лаптев нашелся, и пропала лишь одна только его лошадь»¹¹⁶.

Утром 3 августа дивизия выступила на город Збараж, 1-й полк действовал в авангарде. Под деревней Чили произошло боевое крещение всего полка. В бою часть двигалась лавой, затем атаковала в пешем строю. Успех был налицо, противник стал покидать город, но казаки получили приказ отходить. После боев под Збаражем дивизия была спешно переброшена с Тарнопольского направления на Золочевское для решительных действий. Чувствовалась близость крупных конных соединений противника, однако и русские, и австрийцы действовали вслепую¹¹⁷.

8 августа 1914 г. произошел знаменитый конный бой под деревней Ярославиче, считающийся крупнейшим кавалерийским столкновением Первой мировой войны. События этого конного столкновения форсировал начальник 10-й кавалерийской дивизии граф Ф.А. Келлер, уверенный в высоких боевых качествах своей дивизии, лично подготовленной им вплоть до одиночного бойца еще в мирное время. 10-я кавалерийская дивизия вела наступление на Зборов, полк действовал в составе четырех сотен, две сотни

находились в командировке. Начальник штаба дивизии получил сведения о встречном движении австрийских кавалеристов и, не дожидаясь подхода соседней 9-й кавалерийской дивизии, решил ввязаться в бой (как оказалось, русские были в меньшинстве по сравнению с противником, к тому же силы их были разбросаны). 1-му Оренбургскому казачьему полку было приказано атаковать встречную австрийскую пехоту. Возможно, австрийцы рассчитывали связать русскую конницу боем с пехотой и тем временем нанести по ней фланговую атаку. Три сотни лавой бросились на пехоту (по некоторым данным, не менее батальона австрийцев 35-го ландверного полка) у деревни Маниловки (в других документах — Волчковице), противник залег на холмах и открыл огонь по лаве. Несмотря на поддержку пулеметным огнем, австрийская пехота была уничтожена оренбуржцами в рукопашной схватке. Правый фланг австрийцев был совершенно уничтожен 6-й сотней полка.

В этот момент натиск казаков был поддержан огнем имевшихся в дивизии четырех пулеметов. Противник стал отступать, ища спасения в деревнях Маниловка и Ярославиче, сотни преследовали австрийцев, и спастись удалось немногим¹¹⁹.

В сражении смертью храбрых погиб подъесаул 2-й сотни А.Г. Нечуехин, позднее при преследовании австрийцев погиб подъесаул Н.В. Алтабашев. Получил ранение командир 2-й сотни есаул Половников, награжденный за этот бой Георгиевским оружием. Кроме него, за бой под Ярославиче георгиевские награды получили еще четыре офицера полка. Командир полка был награжден орденом Св. Георгия IV степени «за то, что в бою 8-го Августа 1914 года у села Ярославиче лично повел в пешем строю в атаку свой полк, выбил из двух деревень 5-ть неприятельских рот, захватил с боя два пулемета и тем самым содействовал конной атаке 10-й кавалерийской дивизии»¹²⁰. Наград лишлись командиры и личный состав 1-й и 4-й сотен полка, временно выведенных из состава части и не участвовавших в бою.

Однако в этом сражении не закончилось. Как писал один из участников боя (офицер регулярной кавалерии), «отдельные группы всадников (разъезды) то и дело показывались на горизонте. Не оставалось сомнений, что в этом районе находится австрийская кавалерия... Сознание близкой встречи с противником, что с нетерпением ожидалось всеми нами с первого дня объявления войны, заставляло живее биться сердца; раздавались радостные возгласы; на лицах присутствующих замечалось волнение и решимость. Только одно сомнение закрадывалось в душу: а вдруг, противник уйдет, не пригнав боя? Хотелось немедленно же ринуться вперед, пренебрегая ведущим огнем цепями неприятельской пехоты, и скорее добраться до него. Может быть те же чувства переживал и Начальник дивизии его кавалерии. Келлер, поспешно отдававший приказания»¹²¹.

После конной атаки было решено ударить во фланг и тыл кавалерии австрийцев (4-я кавалерийская дивизия генерала Р. фон Зарембы), собиравшейся наступать на русскую пехоту. Как отмечалось в одном из полковых документов, «наши регулярные полки ринулись в атаку на дивизию противника. Обе стороны стройно, в полном порядке, с гробовым молчанием мчались навстречу одна другой. Каждая сторона бесповоротно решила сйтись на удар. Еще момент, и передовые линии дивизий столкнулись, — и ними несутся вторые линии, а потом и резервы. Началась общая, беспорядочная рукопашная свалка. Воздух оглашался криками, треском и лязгом оружия, ржанием скачущих по полю коней. Вот в этот момент 5-я сотня и все, что можно было собрать, бросилась на фланг и тыл противника. Резерв противника, видя, что ему грозит опасность с фланга и тыла, со стороны нашей 5-й сотни, а также обстреливаемый частями нашей 6-ой сотни, которая заняла позицию у ручья, не поддержав свои передовые линии, повернул назад. Тогда австрийцы толпой в полном беспорядке бросились бежать в разные стороны. 6-я, 2-я и 3-я сотни под общей командой Войскового Старшины [В.М.] Печенкина, вскочив на коней, бросились преследовать бегущего противника. Во время этого преследования был убит Подъесаул Алтабашев. Конная артиллерия противника, в числе 8-ми орудий, занимавшая позицию за горой, у д. Ярославце, увидя несущихся в беспорядке своих кавалеристов, взяла в передки и повернула крутом; помчалась с горы и с разбегу влетела в болотистый овраг и застряла, оставив 8 орудий, которые были захвачены нашей 3-ей сотней и потом с большим трудом вытащены из болота. Весь путь движения казаков-Оренбуржцев был усеян убитыми и ранеными австрийцами. Всюду валялось масса оружия, ранцев и прочего снаряжения. В общем потери австрийцев в этой схватке определяются 500 человек, из которых 300 человек осталось на месте и до 200 взято в плен. Это славное дело стоило казакам Оренбуржцам больших потерь, даже больше, чем во всех регулярных полках вместе взятых. По словам взятого в плен австрийского офицера, решили дело наши сотни, бросившиеся на фланг и тыл австрийцев. Потери нашего полка: убито 2 офицера и 9 казаков, ранено: 1 офицер и 34 казака»¹²².

В переломный момент в бою принял участие и взвод оренбургских казаков, составлявший конвой начальника дивизии графа Ф.А. Келлера. Сотня оренбуржцев под командованием есаула А.А. Полозова по инициативе своего командира заняла переправу на реке Стрыпа и атаковала австрийцев, бежавших из-под Ярославце, довершив разгром неприятеля.

В журнале военных действий полка не без самодовольства констатировалось: «После боя оказалось, что рубяки австрийцы плохие, да и шашки у них плохо отточены, частью тяжелы, частью легки — не однообразны и весьма плохо содержимы. Одеты кавалеристы были по той погоде, кото-

рая была в начале августа — очень тепло. Поверх мундира — полушубок, одетый вроде ментика. Каски из жести с таким же подбородным ремнем. Этот головной убор и полушубки отчасти защищали их от наших сабельных ударов и даже от ударов пикою, если такой удар был не с разбега. Общий голос нижних чинов, что для удара надо выбирать место, иначе не прорубишь. Но удары наши были ужасны. Например: пикой в лицо и с зада выворочено полчерепа»¹²³. Действительно, следы ударов русских пик под Ярославице были ужасны¹²⁴. Документы конца XIX — начала XX в. позволяют утверждать, что в рассматриваемый период отношение к жизни и смерти было значительно проще и спокойнее, чем в наши дни. Даже некоторые офицеры, хотя им это оружие не полагалось, под Ярославице атаковали с пиками.

Сразу после боя отношения казаков и пленных австрийцев резко изменились — раненые противника получили медицинскую помощь наравне со своими. К сожалению, русское командование не сумело воспользоваться плодами этой победы. В результате сражение у Ярославице имело скорее моральное, чем стратегическое значение. Тем не менее 10-я кавалерийская дивизия в этом бою продемонстрировала ту тактику, которую должна была применять конница в свете новых взглядов на ее использование. Именно эти взгляды исповедовал начальник дивизии граф Келлер, сумевший привить их войскам. Тактические приемы австрийцев отличались скованностью и даже линейностью.

Служивший в штабе 3-й армии Генштаба капитан С.А. Щепихин вспоминал: «Я, как конник, все время ждал чего-то необыкновенного от нашей именно конницы: мы имели перевес в силах и распределение ее, казалось, по уверению наших операторов, давало все шансы на успех... честь первого успешного столкновения (у Ярославице. — А. Г.) выпала на долю Оренбургских казаков... в штабе армии никого, к сожалению, не было из природных кавалеристов, а потому мои восторги разделяли только несколько случайных кавалеристов из числа офицеров связи»¹²⁵.

После боя под Ярославице полк продолжил активно участвовать в боевой работе. В августе 1914 г. дивизия составляла передовую конницу 8-й армии, наступавшей на Ярослав и Львов. Непрерывные боевые столкновения разведывательных частей 1-го полка проходили на протяжении всего месяца, наиболее серьезными являлись бои 17 августа у местечка Янчен и 1 сентября у деревни Наконечное. У Янчен батареи рассеяли противника, началось преследование, в ходе которого было зарублено до 60 солдат противника. Коннице необходимо было преодолеть слабый мост, который рухнул. Конная артиллерия осталась за рекой. Между тем австрийская пехота атаковала тылы конницы. Оренбуржцы бросились в конную атаку, противник открыл беспорядочный огонь, но, не выдержав, стал отступать в близлежащий

лес. Преследование противника было возобновлено, причем около 500 человек было взято в плен. Из-за наступившей темноты противника полностью уничтожить не удалось. Трофеем дивизии стала четырехорудийная австрийская мортирная батарея с полной запряжкой. В бою погиб хорунжий Г.П. Прокопьев. По некоторым сведениям, казаки сумели застрелить начальника австрийской пехотной дивизии и начальника его штаба¹²⁶.

22 августа казаки вступили во Львов. По описанию одного из офицеров полка, «Львов [—] хороший большой город, много жидов, но больше поляков. Часто попадаются очень красивые и солидные здания. Красивый бульвар с монументами. Масса торговых заведений. В то время во Львове можно было достать все нужное для нас. Главное, мы давно не ели белого хлеба и когда было разрешено после прохождения через Львов послать офицеров за покупками — то они привезли: булок, сушек и колбасы»¹²⁷. 23 августа в полк прибыло первое пополнение (119 казаков).

1 сентября разведка донесла о выдвижении обоза противника из деревни Наконечное, обоз противника растянулся по шоссе на 12 верст. Дивизия выступила с целью захватить обоз. Орудийным обстрелом обоз был остановлен, 1-му полку было приказано атаковать обоз с тыла, драгуны и гусары отрезали австрийцам пути отхода. Операция блестяще удалась. Было захвачено около 300 человек прикрытия и целиком весь обоз — транспорты двух австрийских корпусов с огромным запасом имущества (амуниция, снаряжение, вооружение, полевые хлебопекарни, два тяжелых и два легких орудия, два автомобиля, много заводских лошадей)¹²⁸. Захваченное имущество было распределено между полками дивизии, остальное уничтожено. 5 октября, в день тезоименитства шефа полка, Наследника-цесаревича, казакам полка было выдано 160 Георгиевских крестов IV и II—III степени.

В дальнейшем до конца ноября полк не имел серьезных боевых столкновений. В то же время из-за наличия в регионе сети шоссежных дорог страдал конский состав — лошади разбивали копыта. В ноябре лошадей перековали на зимние подковы. 19 ноября дивизия перешла австрийскую границу и повела наступление на Старый Сандец. 27 ноября произошел упорный бой у села Новоева в пешем строю, когда наши кавалерийские части задерживали до прибытия пехоты наступление бригады противника на город Новый Сандец. В этом бою оренбуржцы перешли в решительное наступление, опрокинули неприятельские цепи и, несмотря на сильный огонь противника, овладели командной высотой на фланге австрийского расположения. Удерживая высоту до конца боя и отразив все атаки превосходящих сил противника, казаки внесли решающий вклад в итог сражения. Далее бои разворачивались в Карпатах.

С 16 декабря 1914 г. по 19 января 1915 г. дивизии был дан отдых, причем «все это время было с расчетом использовано для приведения полков

в полный боевой порядок: части были укомплектованы людьми и лошадьми, приведено в полный порядок оружие, предметы обмундирования и снаряжения, пополнены огнестрельные припасы и запасы продовольствия; с молодыми казаками производились ускоренные занятия. Через короткий промежуток времени полки были в полной готовности для дальнейшей службы»¹²⁹.

18 января 1915 г. произошел экстренный вызов дивизии под Перемышль в деревню Тарнавку. За два дня соединение прошло около 130 верст, причем последний переход составил 87 верст в зимнее время. Оренбуржцам предстояла окопная война в Карпатах (8 февраля — 1 марта 1915 г.). Несмотря на сильные метели и вьюги, казаки исправно несли боевую службу на реке Сан.

Полк форсировал Сан вброд, причем вода стояла выше колен при ледоходе и в виду сторожевого охранения противника. Австрийцы активизировались в направлении на Хотин и Каменец-Подольск. Дивизия в составе корпуса была двинута на Самбор, пройдя за 15 дней к 16 марта более 500 верст до Хотина, где происходил разгром австрийских частей.

16 марта 1915 г. по понтонному мосту корпус перешел Днестр у деревни Жванец. Была предпринята попытка внезапного налета на австрийскую укрепленную позицию в районе деревни Малинцы. Оренбуржцы двигались в авангарде дивизии, оттесняя передовые части австрийцев к деревне Малинцы. В результате этого наступления были захвачены обозы, в том числе 40 походных кухонь, 8 лошадей и 32 кашевара. Офицеры и нижние чины в этих боях продемонстрировали свои лучшие качества. Войсковой старшина И.М. Зайцев со 2-й сотней полка и пулеметами продолжал преследовать противника. Командир 5-й сотни подъяесаул В.Н. Лобов «высочив с сотней на опушку леса перед самыми окопами противника, выбежал вперед сотни и, выхватив шашку, скомандовал: «Сотня за мной!» В этот момент разрывная пуля сразила его в висок навывлет»¹³⁰. Урядник Суханов и три казака захватили 44 пленных и офицера. О подвиге есаула С.И. Шивцова уже говорилось при анализе состояния офицерского корпуса войска в годы войны.

Как отмечалось в одной из сводок, «жители-крестьяне весьма и весьма радушно встречали наших казаков, драгун, улан, гусар, как избавителей от неприятельского гнета и его насилия, которые им пришлось претерпеть за короткое время. Нужно заметить, что когда казаки очищали эти деревни от неприятеля, укрывшегося в хатах и сараях, то местные жители усердно в этом помогали; парни-подростки шли на врага вместе с цепями, имея в руках только палки или отбитые австрийские ружья, конечно, не умея ими действовать; бабы палками и железными лопатками гвоздили выбегавших из халуп австрийцев»¹³¹.

В общей сложности за 17 марта корпусом было взято в плен 33 офицера и свыше 2000 нижних чинов, захвачено 40 походных выючных кухонь, 8 телеграфных выюков. Два офицера и два казака погибли. На 19 марта было намечено общее наступление III конного корпуса.

Следующими вехами боевого пути полка стали бои под Ржавенцами и Баламутовкой. 24 апреля полк заступил в сторожевое охранение. Велась усиленная разведка в направлении на Ржавенцы. Несмотря на артобстрел со стороны противника, казаки, преодолев три ряда проволочных заграждений, ворвались в австрийские окопы. Уже 27 апреля полк был вызван к графу Келлеру по тревоге и двинулся с ним на Баламутовку, где взял штурмом австрийский редут.

«Охотники быстро преодолели проволочные заграждения, и еще момент, и они вскакивают на гласис¹³² с криком «УРА». Мигом вся 6-ая сотня бросилась на редут, а следом за ней 1-ая, которой пришлось некоторое время задержаться, проделывая проходы в проволочных заграждениях. Противник был ошеломлен такой внезапностью. Началась рукопашная свалка в окопах и ходах сообщения. Казаки рубили шашками и действовали прикладами. Много было перерублено, 75 человек взято в плен, а остальные защитники редута бежали в соседний лес. К вечеру весь редут был очищен и занят нами. Причем, кроме пленных, был захвачен патронный склад, 300 ружей, много разной амуниции. Устроившись немного в ближайшем лесу, противник сейчас же повел яростные атаки с целью отбить редут. Казаки в «шашки» и «пики» и ручными гранатами отражали все попытки противника ворваться в редут...»¹³³

29 апреля произошел бой у деревни Ржавенцы, особенностью которого стало масштабное преследование противника драгунами, уланами, гусарами, а также донцами и оренбуржцами из состава III конного корпуса. Между прочим, русской конницей под Ржавенцами при участии оренбуржцев было нанесено поражение целой 7-й австро-венгерской армии¹³⁴.

Стратегическое преследование отступавших к Черновцам австрийцев было задержано лишь отсутствием снарядов. В результате четырех дней непрерывных боев оренбуржцы продолжили преследование противника, понесшего огромные потери, за рекой Прут. В этот период русские войска очистили от австрийцев территорию Буковины.

В мае 1915 г. были получены сведения о сосредоточении крупных сил противника на правом берегу реки Прут. 26 мая австрийцы начали переправляться на левый берег Прута и теснить наше сторожевое охранение, а затем под нашим артиллерийским огнем развернули наступление густыми цепями на возвышенности южнее деревни Ошехлиб. Начался отход русских войск к Хотину, причем части 10-й кавалерийской дивизии оставили позиции в числе последних. После этого на участке фронта корпуса

наступил период затишья, продолжавшийся до начала декабря 1915 г. Дивизия несла службу в окопах, попеременно с регулярными полками оренбуржцы несли сторожевую службу, одна из сотен полка была выделена в конвой командира корпуса.

В связи с переходом к позиционной войне казаки соорудили позиции, окопы с блиндажами из рельсов и шпал. 4 декабря 1915 г. была произведена перегруппировка, причем полк был сменен пехотными частями. Пополнение к этому времени (с начала войны) составили 538 конных казаков. Конский состав полка считался вполне удовлетворительным. Тем не менее в дисциплинарном отношении далеко не все обстояло благополучно. В частности, за грабежи в окрестностях Львова три казака были преданы военно-полевому суду и расстреляны¹³⁵.

Уже к декабрю 1915 г. в полку было пять кавалеров ордена Св. Георгия IV степени, шесть кавалеров Георгиевского оружия, 609 казаков полка было награждено Георгиевскими крестами, 131 человек удостоен Георгиевских медалей. К этому времени полк захватил 1200 пленных, 4 орудия, 15 патронных двуколок, около 200 ружей, 42 походные выючные кухни, много повозок обоза и т. д. Офицеры полка в среднем получили по три награды. В 1916 г. существенно возросли потери полка в офицерском составе. При осмотре полка 18 марта 1916 г. Походный атаман всех казачьих войск Великий князь Борис Владимирович отметил, что «вид людей отличный; выправка молодцеватая. Одеты хорошо. Вооружены со времени действий под Перемышлем отлаженными австрийскими винтовками системы Манихера и металлическими пиками. Лошади — киргизы — небольшие, но крепкие; тела и чистка в отличном состоянии»¹³⁶.

Весной 1916 г. полк сражался с австрийцами в составе 10-й кавалерийской дивизии III кавалерийского корпуса 9-й армии генерала от инфантерии П.А. Лечицкого. 29 марта полк лично приветствовал император Николай II, затем казаки получили отдых, а с 6 апреля несли охрану государственной границы по реке Прут¹³⁷.

Армия Лечицкого располагалась на левом фланге Юго-Западного фронта, левый фланг армии прикрывал III кавалерийский корпус генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера, а левый фланг корпуса — 10-я кавалерийская дивизия, в состав которой входил 1-й Оренбургский казачий полк. Таким образом, действовать полку пришлось на крайнем левом фланге всего Восточного фронта, возле самой румынской границы. 9-й армии при подготовке наступления 1916 г. главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом от кавалерии А.А. Брусиловым отводилась вспомогательная роль. Сам Лечицкий принял решение сначала разгромить противника в Буковине, после чего наступать в сторону Карпат и затем перенести удар в Закарпатье.

Полк отличился в боях на реке Прут. Русским войскам на этом участке противостоял сильный II австро-венгерский корпус. На рассвете 22 мая 1916 г. 9-я армия перешла в наступление. В журнале военных действий 1-го Оренбургского казачьего полка отмечено, что ночная переправа через Прут в районе местечка Боян происходила 28 мая 1916 г. под сильным артиллерийским огнем. Казаки переправлялись через реку вброд, мосты были взорваны, причем на реке было сильное течение, а вода, по свидетельству участников переправы, в результате весеннего половодья была выше пояса (вероятно, переправлялись верхом)¹³⁸. Казаки были готовы штурмовать деревню Вама, однако румыны потребовали очистить нейтральную пограничную полосу, в районе которой велось наступление.

К сожалению, на первом этапе операции стратегической коннице Келлера была отведена лишь пассивная роль обеспечения левого фланга армии и фронта, что, по мнению русского военного историка А.А. Керсновского, было большой ошибкой¹³⁹. Тем не менее операция развивалась успешно. Потери противника достигали 60 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. 9-я армия потеряла до 30 тысяч человек. После занятия 5 июня Черновиц ударная группа армии была остановлена на линии реки Прут для перемены операционного направления, а для преследования отступавшего противника (южная группа 7-й австро-венгерской армии генерала К. фон Пфланцер-Балтина) были выделены III кавалерийский и Сводный корпуса. В результате запоздалого подключения III корпуса к активным действиям австрийцы не были отрезаны от Карпат, а лишь оттеснены к ним и заняли упорную оборону.

3 июня 1916 г. III кавалерийский корпус под огнем батарей противника сосредоточился для дальнейшего наступления. Несмотря на изменившийся характер ведения войны, в этот день казаки под деревней Островце самоубийственно атаковали противника в конном строю лавой в направлении на высоту 328 (Рассохацка Гура). Три версты оренбуржцы прошли наметом, затем, сомкнув звенья лавы, с криком «ура» врубались в сомкнутые шеренги австрийской пехоты. В журнале военных действий полка было отмечено, что атака проводилась «под убийственным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, широким наметом по полосам ржи... без артиллерийской поддержки и без одного ружейного выстрела»¹⁴⁰, противник же безнаказанно расстреливал русскую конницу.

Соотношение было 1 к 20 не в пользу русских. Несмотря на огонь, 3-я сотня дошла до окопов противника и начала беспощадную рубку, продолжившуюся уже во время преследования дрогнувших австрийцев. Понесся громадные потери, сотни отскочили. Командир полка был тяжело ранен. Героический поступок совершил раненный в грудь казак Михаил Кадошников, который, оставшись в австрийских окопах, захлебываясь кровью и не

имея сил идти, в течение двух суток полз три версты до русских сторожевых постов. «Этой атакой произведена усиленная рекогносцировка неприятельской позиции и показано еще раз, что русская кавалерия, когда то понадобится, уничтожит врага, действуя как в пешем, так и в конном строю», — отмечалось в «Перечне сведений о боевой деятельности» полка¹⁴¹.

8 июня полк участвовал в бою за высоту 543 у деревни Батушаны. Тогда, напоравшись на австрийскую засаду в районе села Пальтиноса, погибли сотники А.Ф. Смирнов, Ю.А. Вдовкин, хорунжий И.П. Михайлов и 12 казаков. Однако казаки были отпущены, поскольку «вскоре после этого подоспел спешенный взвод Хорунжего [И.Я.] Рябчикова, перерубили и перекололи более 150 человек. На улицах, дворах и избах валялись трупы убитых австрийцев. Далее противника преследовали другие полки дивизии»¹⁴². Кроме того, в плен было взято около 300 австрийцев. В результате общие потери полка за период с 22 мая по 16 августа 1916 г. составили 3 офицера убитыми, 1 умершим от ран, 2 ранеными; 29 казаков убитыми и 128 ранеными; 86 лошадей убитыми и 76 ранеными. За этот же период было захвачено 8 офицеров и до 400 нижних чинов противника, до 500 ружей, 2 телефона и походная кухня. На смотру 15 августа 1916 г. в сотнях насчитывалось по 10—12 рядов.

Полк в составе III кавалерийского корпуса принял участие в преследовании австрийцев от Черновиц через Буковину до карпатских горных проходов у Кирилибабы — Дорна-Ватры. Как отмечалось 24 июля 1916 г. в журнале военных действий полка, «условия на позиции очень трудные — на высотах снег, холод, сильный пронизывающий ветер, людям очень трудно»¹⁴³. Пеший дивизион практически не отставал от конного 1-го Оренбургского казачьего полка, пройдя, по некоторым сведениям, с боями пешком 450 верст в течение 10 дней без дневок¹⁴⁴, что, впрочем, представляется маловероятным.

В ходе дальнейшего наступления наших войск 130-тысячная 7-я австро-венгерская армия в междуречье Днестра и Прута была разгромлена. 9-я русская армия угрожала Венгрии и нефтяным скважинам Галиции. В июле армия Лечицкого действовала в двух направлениях: на Галич и в Трансильванию, причем левый (карпатский) фланг, на котором действовал полк, в ходе боев был достаточно ослаблен. Особенностью боевых действий на фронте армии была их маневренность, имели место конные столкновения, однако умело использовать конницу командование не смогло. Очевидно, что конница не была предназначена для горной войны, тем не менее другого применения для корпуса Келлера в тот период почему-то не нашлось. Против Келлера действовал XI австрийский корпус. 28 июля войска Лечицкого заняли Станиславов. Армия готовилась к походу через Карпаты в Трансильванию. 14 августа в 21 час в войну против Австро-Вен-

грии на стороне Антанты, во многом благодаря блестящим действиям Лечицкого, вступила Румыния, что, однако, не привело к усилению русского фронта, а скорее, наоборот, ослабило его¹⁴⁵.

Наступление 9-й армии для содействия румынам было назначено Брусиловым на 18 августа. Армия Лечицкого должна была наступать в направлении Кирибаба — Сигот, причем закрепление за русскими войсками района Сигота, по мнению начальника штаба Верховного главнокомандующего, фактически главнокомандующего русской армией Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексева, должно было содействовать румынским операциям в Трансильвании. Корпус графа Келлера находился в составе южной группы 9-й армии, действовавшей на участке от Кирибабы до румынской границы.

Август и сентябрь на фронте армии прошли в ожесточенных и крайне тяжелых боях, причем уже в сентябре войска в Карпатах сражались в глубоком снегу. Лечицкому по-прежнему противостояла 7-я австро-венгерская армия. Бои у Дорна-Ватры, Кирибабы и Якобен показались немцам из состава переброшенной против войск Лечицкого с Западного фронта 1-й германской пехотной дивизии тяжелее верденских.

15 августа в полк с неожиданной инспекцией прибыл Походный атаман. «Не доезжая д. Брязя, Я заехал в штаб 1-го Оренбургского казачьего НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА полка, где Меня не ждали, и приказал собрать полк по тревоге (он был в резерве). Через четверть часа пять сотен полка построились в пешем строю (первая сотня — при штабе корпуса). Люди вышли в том обмундировании, в котором их застала тревога. Как шаровары, так гимнастерки имели вполне отличный вид. Сапоги у многих были с заплатыми — видимо, в полку имеется сапожная починочная. Командир полка полковник [В.М.] Печенкин, по случаю ранения в обе ноги в конной атаке, отсутствовал, и полк представил войсковой старшина [А.А.] Крылов. И этот полк произвел на Меня прекрасное впечатление. Я передал сотням благодарность ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА за проявленную ими доблесть в боях, а также привет их Шефа, НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА. Во 2-й сотне Я пробовал пищу; нашел ее вкусной, с хорошим наваром. Сюда же были собраны все офицеры полка. Зная, какой громадный процент убили понес офицерский состав 1-го Оренбургского полка, Я благодарил их за самоотверженность и отличную боевую службу и сказал, что ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО всегда радуется, когда имя казаков упоминается в отчетах. Затем обошел казачьих лошадей, бывших на коновязи. Уборка хорошая, теда отличные. Сорт лошадей хуже, чем этот полк имел раньше»¹⁴⁶.

Русское наступление развивалось медленно. Вплоть до 13 сентября, когда Лечицкий из-за значительных потерь (145 офицеров и 10 058 нижних чинов) был вынужден приостановить операцию, бои шли беспрерывно.

После приостановки наступления войска заняли высоты, командовавшие над шоссе Кирлибаба — Дорна-Ватра¹⁴⁷.

16 октября 1916 г. Высочайшим приказом командующим 1-м Оренбургским казачьим Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича полком был назначен войсковой старшина А.И. Дутов¹⁴⁸, еще не оправившийся от ранения и контузии. К полку он прибыл лишь 18 ноября, а 15 декабря в связи с неясностью своего статуса писал начальнику штаба 10-й кавалерийской дивизии: «Я прибыл к полку 18 ноября, о чем и донес. Прошу не отказать [сообщить], был ли приказ по дивизии о моем положении или нет. Затем, как считать стрелковый дивизион сданным или еще мне его надо сдавать. Войск[овой] Старш[ина] Дутов»¹⁴⁹.

Между тем на фронте продолжалась борьба у Кирлибабы и Дорна-Ватры. Потери русских войск были значительны. Как писал А.А. Керсновский, «склоны гор у Кирлибабы превратились в обширные русские кладбища... Весь ноябрь шли тут героические бои в облаках и за облаками... История их когда-нибудь будет написана. Трофеи наши в этой горной войне были значительны, потери — огромны, героизм — беспределен»¹⁵⁰. Наступление 9-й армии на город Дорна-Ватра началось 15 ноября 1916 г., бои приняли затяжной характер, и выбить австрийцев из карпатских горных проходов нашим войскам не удалось. Как вспоминал А.Г. Шкуро, «горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на выюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная»¹⁵¹.

15 ноября Брусилов приказал III конному корпусу выступить в район Рымника. В связи с разгромом румынской армии русским войскам пришлось спасать как своего нового союзника, так и положение на левом фланге собственного Восточного фронта. От реки Прут войска должны были следовать по территории Молдавии и Валахии походным порядком. Корпус графа Келлера, таким образом, был вынужден преодолеть 500 верст от Буковины до Бухареста, в результате чего лошади были крайне истощены. В декабре корпус уже находился в составе 6-й армии, занимавшей участок фронта от Фирул-Маре до черноморского побережья.

В этот период (декабрь 1916 г.) полк был ослаблен до восьми рядов (по всей видимости, выделением казаков в партизанский отряд и другие формирования), то есть оказался в два раза меньше штатного состава¹⁵².

В фондах РГВИА сохранились полевые книжки А.И. Дутова за декабрь 1916 — январь 1917 г. На основе их анализа можно сделать вывод о том, что этот командир полка занимался в основном хозяйственной деятельностью, твердо отдавал приказания подчиненным. С казаками Дутов обращался строго, не допуская в части никакого беспорядка. К примеру, если казак набивал спину лошади, командир полка в качестве наказания от-

правлял его в стрелковый дивизион, служба в котором, разумеется, была опаснее. Однако с казаками другой подход был недопустим, так как при всей жесткости Дутова среди казаков имели место случаи мародерства¹⁵³. Строг был Дутов и по отношению к офицерам, заставляя покидать полк даже за сквернословие¹⁵⁴.

К 20 декабря 1916 г., когда бои шли в районе реки Рымны, в сотнях полка имелось по восемь рядов, воевать казакам приходилось на австрийских патронах (как уже отмечалось, полк был вооружен австрийскими винтовками)¹⁵⁵. В качестве единой части действовало лишь пять сотен полка, шестая была выделена для несения конвойной службы. В кровопролитных боях зимы 1916/17 г. полк прикрывал отступление румынской армии от Бухареста и потерял тогда почти половину своего состава. К 24 января 1917 г. из-за потерь и сложностей с доставкой фуража корпус Келлера был выведен в резерв и дислоцирован вдоль реки Прут в районе Селище—Исайканы—Сбироя—Нов. Дрогушаны—Вороничени¹⁵⁶.

К 1 января 1917 г. полк получил 17 офицеров, 1019 строевых и 97 нестроевых казаков пополнения, а также 1023 лошади. Орденом Св. Георгия IV степени были награждены 4 офицера и Георгиевским оружием 8 офицеров, нижние чины получили 1018 Георгиевских крестов и 563 Георгиевские медали. Потери полка составили 15 офицеров и 73 казака убитыми, 15 офицеров и 367 казаков ранеными, 2 офицера и 14 казаков контужеными. Без вести пропал 31 казак. Полк захватил 13 офицеров и 2261 нижний чин пленными, 4 орудия, пулемет, 1800 ружей, 300 лошадей, 1 прожектор, 52 повозки с имуществом, 40 кухонь, 13 патронных двукошек, 1 траншейное орудие¹⁵⁷.

Уже в этот период своей жизни будущий атаман Дутов не забывал о собственных благих — в частности, в декабре 1916 г. требовал в свое распоряжение экипаж и лошадей¹⁵⁸. Для перевозки вещей Дутова было разрешено приобрести двуколку¹⁵⁹. Стремление к комфорту будет присуще ему и в дальнейшем. 16 ноября 1916 г. Дутову для подтверждения его прав на потомственное дворянство оренбургским вице-губернатором А.А. Пушкиным было выдано свидетельство для представления в Оренбургское дворянское депутатское собрание в том, что «он поведения безукоризненного, по судом и следствием не был и в настоящее время не состоит и ни в чем предосудительном в политическом отношении не замечен»¹⁶⁰. Однако гораздо более интересны аттестации, данные Дутову 11 и 24 февраля 1917 г. начальником 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенантом В.Е. Марковым и командиром III конного корпуса графом Келлером. В «мнении начальника» от 11 февраля генерал Марков писал: «Последние бои в Румынии, в которых принимал участие полк под командой войск[ового] ст[аршины] ДУТОВА, дают право видеть в нем отлично разбирающегося в обстановке командира и принимающего соответствующие решения энергично, в силу чего счи-

таю его выдающимися, но по краткости времени командования полком, только вполне соответствующим своему назначению»¹⁶¹.

В аттестации от 24 февраля 1917 г. отмечалось, что Дутов «здоровья крепкого. На тяжесть походной жизни не жалуется — всегда весел. Нравственности хорошей. Умственно развит хорошо. Живо интересуется службой и любит ее. Начитан и хорошо образован. Боевого опыта еще не имеет, но стремится к самостоятельному решению боевых задач. В бою несколько впечатлителен и склонен дать обстановку боя по впечатлению младших и несколько преувеличенную. Работать любит на показ, хотя вообще в работе неумомим. Хозяйство знает. О подчиненных заботлив. Хороший. Соответствует занимаемой должности командира казачьего полка. Подписал: Начальник 10-й кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант МАРКОВ. С первой аттестацией начальника дивизии я не согласен и вполне присоединяюсь ко второй, так как всегда считал войскового старшину ДУТОВА Отличным боевым командиром полка. «Отличный»[,] вполне соответствует занимаемой должности. Подписал: Генерал Граф КЕЛЛЕР»¹⁶². К февралю 1917 г. за боевые отличия Дутов был награжден мечами и бантом к ордену Св. Анны III степени и орденом Св. Анны II степени, однако без мечей. Авторы официальной биографии Дутова утверждали, что его заслуги «на войне прежним правительством оценивались очень мало, орденов у него немного — причиной тому была независимость Атамана, нежелание льстить высшему начальству, отстаивание казачьих интересов и полное презрение к умышленно ложным донесениям с целью украсить свои дела и описать подвиги»¹⁶³. Судя по приведенным выше данным, такая картина идеализирует Дутова и не вполне соответствует действительности.

В должности командира полка Дутов находился лишь четыре месяца, Февральская революция изменила его, в общем-то заурядный до тех пор, жизненный путь безвестного казачьего штаб-офицера. В марте 1917 г. премьер-министр Г.Е. Львов дал разрешение на проведение в Петрограде первого общеказачьего съезда «для выяснения нужд казачества», и 16 марта 1917 г. войсковой старшина Дутов в качестве делегата от своего полка прибыл в столицу. Началась его политическая карьера.

2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк также принимал самое активное участие в Первой мировой войне, однако его судьба была более трагична. В 12 часов ночи на 18 июля полку была объявлена мобилизация, к 6 часам утра было закончено приготовление к походу. По плану мобилизации одна сотня полка назначалась в Варшавскую и еще одна — в Новогоргиевскую крепости. По распределению ими оказались 2-я и 4-я сотни соответственно. Остальные четыре сотни тремя эшелонами отправились со станции Варшава на станцию Чижев (Ломжинская губерния) Северо-Западных железных дорог, куда последний эшелон прибыл в 1 час

ночи 19 июля. Полк сразу поступил в распоряжение командира 2-й бригады 4-й пехотной дивизии, имея в своем составе 18 офицеров, 3 врачей, 1 чиновника, 426 строевых и 80 нестроевых (обозные и денщики) казаков¹⁶⁴. В крепостях от полка сосредоточилось 5 офицеров и 230 шашек. До 17 августа 1914 г. полком командовал Генштаба полковник А.Н. Ситников. С 18 июля по 1 октября 1914 г. полк действовал в составе 2-й армии Генштаба генерала от кавалерии А.В. Самсонова, разделив ее печальную участь.

До 22 июля полк находился в распоряжении командира 2-й бригады 4-й пехотной дивизии, 22 июля вошел в состав войск XV корпуса под командованием Генштаба генерала от инфантерии Н.Н. Мартоса. До начала боев выполнял задачи по охране железных дорог и службе связи. Начиная с 1 августа корпус стал сосредоточиваться ближе к местечку Рожаны, на полк была возложена разведывательная и сторожевая служба. В дальнейшем, по мере наступления корпуса, полк нес исключительно разведывательную службу и службу связи.

Утром 8 августа полк перешел границу Германии и вторгся в пределы Восточной Пруссии. С первых же дней казаки полка принимали участие в перестрелках с противником. Две сотни полка поступили в распоряжение начальника 2-й пехотной дивизии. На оставшиеся в XV корпусе сотни было возложено поддержание соприкосновения с отступавшим противником.

Попав в окружение 16—17 августа, полк фактически перестал существовать. 16 августа «Нейденбург был занят противником, в большом лесу по дороге Орлау — Мушакен двигались разрозненные части пехоты вперемешку с частями артиллерии, обозов и конницы, а к вечеру этого дня разведки уже донесли, что путь отхода на Мушакен отрезан и выход из этого леса на д. Мушакен занят немцами. Тогда, дабы пробить дорогу двигающимся сюда, была брошена в атаку 5-я сотня с приданными ей частями от команды связи и 6-й сотни. Атака этой горсти конницы на противника не была доведена до конца, так как атакующие встретили на своем пути проволочные заграждения под губительным оружейным и пулеметным огнем. Понеся потери, сотня была рассеяна, оставив при этом смертельно раненным своего командира сотни. Рассеянные по фронту Корпуса части полка, потеряв своего Командира полка, прорывались через окружавшего противника мелкими частями при тех частях, к которым были приданы, или же самостоятельно.

Начиная с утра 18-го августа и до 20-го августа части полка, выходя из Восточной Пруссии, постепенно присоединялись к полку. Вышедший 18-го Августа утром Войсковой Старшина Пустаханов с двумя сотнями присоединился в д. Грос-Лачи к 6-му Армейскому Корпусу. 20-го Августа присоединилось к полку ЗНАМЯ, вынесенное из Пруссии знаменщиком урядником 6-й сотни [А.] Прочанкиным, пробиравшегося (так в документе. — А. Г.)

с полковой святыней в течение трех дней по местности, занятой противником. 28-го Августа в присутствии всех чинов полка состоялась, после молебствия, прибавка к древку знамени...»¹⁶⁵. Было вынесено и знамя, пожалованное еще в 1842 г.¹⁶⁶ Из окружения был вывезен также полковой денежный ящик.

8 сентября 1914 г. командование полком было возложено на полковника П.В. Хлебникова (впоследствии расстрелян большевиками), состоявшего в должности командира полка вплоть до конца войны. Хлебников носил прозвище Берди-паша (по всей видимости, от названия станицы Бердской), и его в полку все боялись¹⁶⁷. Остатки полка, пробившиеся из окружения, были собраны в новую часть, приданную VI армейскому корпусу для несения службы в тылу, а с 1 октября включенную в состав 13-й кавалерийской дивизии, в которой полк состоял еще в мирное время. Заново сформированная 3-я сотня была назначена в дивизионную конницу и придана 4-й пехотной дивизии. 16–23 сентября полк пополнялся, а затем был направлен в 9-ю армию (Люблинская губерния).

10 октября полк подошел к крепости Ивангород, переправился на левый берег Вислы, где в это время вел бой Гвардейский корпус. Полк был включен в Варшавско-Ивангородскую операцию, казаки участвовали в разведках, наступлении на город Опатов, боевых столкновениях и преследовании противника. Отступление противника до конца октября 1914 г. носило безостановочный характер, преследование сопровождалось захватом большого количества пленных, однако не имело серьезных последствий для германцев в связи с поздней высылкой войск. 29 октября полк переправился через Вислу и вступил в пределы Австро-Венгрии, 1 декабря в составе дивизии был направлен на правый фланг 4-й армии в Петроковскую губернию для обеспечения фланга этой армии.

В этот период бои полка носили пассивный характер, в основном борьба велась за удержание позиций. Дивизия связывала отряд генерала В.Н. Клембовского с частями III Кавказского корпуса, наступавшими на Белхатов. Полк совместно с пехотой до 20 ноября прикрывал правый фланг частей генерала князя Д.Р. Абашидзе, до 1 декабря занимал прорыв между 21-й и 57-й пехотными дивизиями в лесистой местности. В итоге поставленная задача обеспечения правого фланга 4-й армии была оренбуржцами выполнена, что имело большое стратегическое значение.

8 декабря 13-я кавалерийская дивизия перешла в состав 9-й армии и 10 декабря прибыла на отдых в район города Кельцы, где простояла до 1 февраля 1915 г. После этого полк действовал в составе дивизии в отряде Генштаба генерал-лейтенанта С.А. Воронина, получившего задачу упорной обороны позиции от деревни Корытницы до реки Вислы у деревни Красневы. До самого отступления армии от рек Нида и Дунаец полк нес окоп-

пую службу с перерывами на отдых и пребывание в резерве. На реке Нида действия полка носили оборонительный и исключительно пассивный характер, каких-либо серьезных боевых столкновений в этот период не было. Как и в ноябре 1914 г. при обеспечении правого фланга 4-й армии, здесь также применялись действия небольших партий охотников, которые постоянными поисками перед фронтом позиции противника, внезапными нападениями на его охрану держали германцев в постоянном напряжении, постоянно угрожая им своими рейдами. С 24 апреля по 1 мая полк охранял берег Вислы и прикрывал отход русской пехоты от реки Нида. Май казаки провели в окопах, позднее участвовали в отражении наступления пехоты противника на Опатов и прикрытии отхода пехоты на фронте XV, а затем и IX корпусов, в мелких стычках с передовыми частями германцев.

10 мая 1915 г. у деревни Субекуров три сотни полка окопались и под сильным напором противника удерживали позицию общей протяженностью в две версты. Израсходовав боеприпасы, оренбуржцы обошли противника с фланга и с командиром полка во главе атаковали немцев в шашки, вынудив их начать отступление. Эта атака с одними шашками предотвратила прорыв германцев на стыке XXV и XXXI корпусов. Казаки потеряли 6 офицеров и 4 нижних чина ранеными, погибло 14 казаков¹⁶⁸. Командир XXXI корпуса генерал-адъютант П.И. Мищенко телеграфировал начальнику дивизии князю Г.А. Туманову: «Передайте доблестным Оренбургским казакам мое сердечное поздравление со славной атакой в шашки»¹⁶⁹.

В начале сентября 1915 г. полк в составе дивизии выступил в район Слонима — на правый фланг 2-й армии для ликвидации прорыва между Вильно и Двинском. В этот период боевая работа полка была оживлена кавалерийскими столкновениями с германцами, на счету полка — ряд лихих дел отдельных разъездов и даже целых сотен. В целом полк продемонстрировал свою высокую боеспособность.

6 сентября у деревни Коновичи в ходе разведки 1-я и 2-я сотни полка прошли большое расстояние, не обнаружив противника. Неожиданно казаки столкнулись с двумя спешенными эскадронами противника, занимавшими полотно железной дороги, и атаковали их. Германцы были изрублены оренбуржцами и уланами 13-го уланского Владимирского полка. 3-й эскадрон противника с двумя пулеметами занял у деревни Коновичи оборонительную позицию. Фланговый обход и огонь вынудили немцев отходить к своим коноводам. Между тем полусотни 1-й и 2-й сотен сели на коней и под командой есаула И.И. Белова 1-го атаковали отступавших германцев. Зарублено было 15 человек, пленено 2. В ходе преследования был захвачен пулемет, затем испорченный и брошенный, погибло три казака. Впоследствии есаул Белов был награжден за этот бой Георгиевским оружием.

10 сентября 1915 г. возвращавшаяся с задания 3-я сотня полка у деревни Кисуты поддержала части 18-й пехотной дивизии, атаковав окопы противника лавой с гиканьем, изрубив в ходе преследования до 100 человек и затем ворвавшись в деревню. Как вспоминал очевидец, «рубили направо и налево. Здесь же, когда прапорщик [Н.] Голубев занес шашку над двумя офицерами, то последние подняли руки, а когда Голубев бросился на других, то эти же офицеры стали в него стрелять из револьвера, но казак, видевший эту картину, зарубил обоих»¹⁷⁰. После этого полк до 18 ноября 1915 г. простоял в местечке Опса, не имея крупных столкновений.

Чудеса храбрости демонстрировали офицеры и казаки полка. В частности, 20 октября 1914 г. сотник И.Г. Корольков, находясь в головной заставе с 18 казаками, бросился преследовать австрийцев. У деревни Осины он настиг противника и под интенсивным огнем атаковал лавой и окружил по меньшей мере вдвое превосходящего врага, зарубив 4 человек и 34 взяв в плен с оружием. За этот бой офицер получил Георгиевское оружие.

Казаки полка приняли участие в боевых действиях в составе партизанских объединений. Распоряжением штаба армии в августе 1915 г. от дивизии был сформирован партизанский отряд из 2-й бригады дивизии в составе 2 обер-офицеров и 26 нижних чинов, включая (помимо оренбуржцев) 9 нижних чинов от 13-го гусарского Нарвского полка под общим командованием сотника М. Обрампольского. Отряд остановился в районе Лесника Вуды в урочище Черничном, где должен был после отхода русских войск развить партизанские действия в тылу противника. Штабом 4-й армии отряду была поставлена задача — в случае отступления произвести у противника панику. 26 августа этот отряд, ранее разделившись надвое и расположившись в кустарниках в районе урочища, пропустил мимо себя последние русские части. После прохода передовых частей противника отряд несколько дней просидел без дела, чтобы преждевременно себя не обнаружить. Начиная со 2 сентября 1915 г. партизаны стали действовать. 16 сентября две части отряда соединились. Текущей боевой задачей была порча телефонных и телеграфных линий одиночными людьми и небольшими партиями не более трех человек. Отрядом были предприняты две неудачные попытки диверсий на железной дороге, провалившиеся из-за патрулирования железнодорожного полотна войсками противника. 13 ноября, проведя в тылу противника 79 дней, отряд переправился через реку Шара и вышел на фронт 84-го пехотного Ширванского полка, выведя из тыла 26 бежавших из плена наших солдат и 7 жителей¹⁷¹. Таким образом, действия партизан своей цели не достигли, продемонстрировав неэффективность партизанской работы в такой ее постановке.

К концу 1915 г. в полку было по одному награжденному Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия IV степени, казаки полка получили

309 Георгиевских крестов и 195 медалей. В плен было захвачено 5 офицеров и 463 нижних чина противника. Потери полка составили 2 офицера убитыми, 2 ранеными, 9 пропавшими без вести, погибло 48 казаков, 141 был ранен и 285 пропало без вести¹⁷². Пополнение составили 2 штаб-офицера, 15 обер-офицеров, 4 врача и чиновника, 928 казаков, 32 офицерские лошади, 1011 казачьих лошадей и 5 трофейных лошадей. В полк было направлено 508 винтовок и 278 пик. В связи с частыми перебросками из корпуса в корпус полк в течение длительного времени был лишен денежных средств на текущие нужды.

В декабре 1915 — феврале 1916 г. полк находился на отдыхе, а 31 января 1916 г. был осмотрен императором, сказавшим чинам полка следующие слова: «Господа офицеры. Выражаю вам МОЮ сердечную и горячую благодарность за доблестную и преданную службу Родине и МНЕ, а также благодарю за сегодняшний смотр.

Вам, молодцы, за честную и молодецкую боевую службу Родине и МНЕ — сердечное МОЕ спасибо. Уверен, что каждый из вас постоит до конца и поможет МНЕ одолеть наших упорных врагов. Дай вам Бог полного успеха и благополучия». При прохождении сотен император каждой сотне говорил: «отлично» и при прощании: «Славно, оренбуржцы»¹⁷³.

В период пребывания на отдыхе в полку проводились занятия и одиночные боевые стрельбы, 18—27 февраля — состязание сотен холодным оружием: шашками и пиками отдельно. До 9 марта полк совершал передвижение и расположился на зимние квартиры в районе местечка Дуниловичи. 16 марта 1916 г. в полк было прислано пополнение значительно хуже по обеспечению, чем предыдущее. 32% лошадей (26 голов из 81) были больны, у казаков имелось много пик старого образца, поношенное обмундирование, не было котелков и шанцевого инструмента¹⁷⁴. Давала о себе знать неподготовленность органов снабжения к длительной войне.

В 1916 г. полк практически не вел боевой работы, находясь то на отдыхе, то на учениях. В начале сентября полк вместе с другими частями дивизии должен был сменить Сибирскую казачью дивизию в районе Выгоновского озера. Лишь после этого, осенью 1916 г., казаки полка несли разведывательную службу. Работа конницы была невозможна из-за постоянного пребывания войск в окопах. 17 ноября полк был выведен в резерв и в декабре находился под Тарнополем.

По данным к 1 января 1917 г., пополнение составили 23 офицера, 1111 стрелковых и 31 нестроевой нижний чин, 1164 лошади. В полку было 2 кавалера ордена Св. Георгия IV степени и 2 кавалера Георгиевского оружия, казаки получили 323 Георгиевских креста и 223 медали. Убито 2 офицера и 51 казак. Ранено 4 офицера и 144 казака, контужено 6 офицеров и 15 казаков. Пропало без вести 9 офицеров и 285 казаков. Полк захватил

6 офицеров, 465 нижних чинов, замок и приемник от пулемета, 122 ружья, 10 пик, 1 револьвер, 2 бинокля и 8 лошадей¹⁷⁵.

3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска выступил в поход 17 июля 1914 г. в составе 16 офицеров, 3 врачей и 602 казаков¹⁷⁶. Полком до 6 октября 1915 г. командовал полковник Г.П. Жуков, георгиевский кавалер (с 1914 г.), впоследствии видный деятель антибольшевистского движения.

В составе 12-й кавалерийской дивизии II кавалерийского корпуса полк 24—26 июля вел разведку пограничного района местечка Волочиск и Подволочиск (вблизи места постоянной дислокации полка), прикрывая мобилизацию XII армейского корпуса. 26 июля казаки переправились через реку Збруч, но под сильным огнем противника были вынуждены повернуть назад. 6 августа 1914 г. при взятии селения Таки полком была впервые применена лава.

Пока еще в казачьих полках не было пулеметных команд (они имелись лишь в кавалерийских и казачьих дивизиях), однако все шло к их появлению. В качестве полумеры полку был придан пулеметный взвод. Уже на начальном этапе войны казаки сочетали конный и пеший бой. Задачей полка, помимо прикрытия развертывания пехоты, было несение службы связи. 17 августа 1914 г. полк участвовал в бою за переправу у сел Подгородзия и Гуды на западном берегу реки Гнилая Липа. Противник упорно оборонялся, бой вели спешенные сотни. В период 19—26 августа казаки полка участвовали в боях и преследовании противника на Гнилой Липе.

21 августа в истории полка было отмечено атакой в конном строю на окопы противника. В этот день одна из сотен наткнулась на проволочные заграждения, и было принято решение атаковать. «Опрокинутый из окопов противник большею частью был истреблен, причем в одном укреплении было взято два орудия крепостного типа»¹⁷⁷. Полк в составе дивизии 26 августа был направлен на левый фланг XXIV армейского корпуса, где обнаружился обход австрийцев.

Особенной ожесточенностью отличался бой 29 августа 1914 г. у селения Демния, в котором принял участие весь полк — в пешем и частично в конном строю. Австрийцы повели мощное наступление густыми колоннами при сильном обстреле. В этом бою полк удержал за собой высоту 280. По имеющимся сведениям, когда казаки дрогнули, начальник дивизии Генштаба генерал-лейтенант А.М. Каледин отдал приказ загонять их обратно пиками, однако пик ни у кого не оказался, а казаки вернулись на исходные позиции и без принуждения¹⁷⁸. Затем вновь началось преследование противника, продолжавшееся по 13 сентября включительно.

Однако 22 сентября обнаружилось наступление противника, дивизия начала отход, 3-й полк в арьергарде прикрывал фланг и тыл дивизии, дви-

гиясь на Старый Самбор. 25 октября полк был придан 34-й пехотной дивизии, несшей разведывательную службу. В ноябре казаки участвовали в преследовании противника на Ужгород.

По данным на январь 1915 г., полк находился в распоряжении командующего 60-й пехотной дивизией, с конца января действовал в отряде генерал-майора И.Ю. Поповича-Липовац. 19 февраля обнаружилось отступление противника за Станислав, полк участвовал в преследовании австрийцев. 21 февраля 1915 г. под селом Тарнавица казаки, несмотря на глубокий снег, совершили еще одну конную атаку, применяя демонстрацию лавой.

В марте—апреле 1915 г. полк нес службу разведки и находился в боевом охранении. В период 27 апреля — 3 мая полк в составе дивизии содействовал наступлению 82-й пехотной дивизии XXXIII корпуса, в мае дивизия должна была обеспечивать левый фланг этого корпуса. В конце мая полк, сосредоточенный на реке Прут, прикрывал отход 74-й пехотной дивизии от города Калуш за Днестр. 17 июня 1915 г. у местечка Пунов казаки вновь атаковали противника в конном и в пешем строю.

В дальнейшем полк нес разведывательную службу перед фронтом XI армейского корпуса, участвовал в оборонительных боях на Днестре (август 1915 г.). В бою 25 августа 1915 г. казаки понесли большие потери — 150 казаков и 9 офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В дальнейшем до ноября серьезных столкновений с противником не было. В ноябре полк был переведен на левый фланг 9-й армии на смену 104-й пехотной дивизии.

Как и представители других оренбургских казачьих частей, казаки 3-го полка приняли участие в партизанской борьбе. 17 сентября 1915 г. от полка был выделен взвод добровольцев под командованием прапорщика Плотникова для партизанской борьбы. До 14 октября взвод находился в составе отряда 12-й кавалерийской дивизии в Ровно в распоряжении генерала Чистякова, откуда двинулся на станцию Рафаловка к городу Черторийск. Задачей партизан была разведка проходов в тыл врагу и захват мелких партий противника. До 13 ноября 1915 г. партизаны находились в районе селений Целковичи и Погост, в конце ноября участвовали в набеге на Невель, где был взят в плен и истреблен штаб германской дивизии и рота ландштурмистов¹⁷⁹.

К 1 декабря 1915 г. в полку был один кавалер ордена Св. Георгия IV степени, два кавалера Георгиевского оружия, казаки полка получили 426 крестов и 325 медалей. В плен было взято 900 австрийцев, захвачено орудие, 2 пулемета, 2 обоза, до 30 лошадей противника. Потери полка составили 4 офицера и 53 казака убитыми, 2 офицера и 251 казак ранеными, пропало без вести 4 офицера и 105 казаков, кроме того, от ран скончалось еще 17 казаков. Пополнение составили 8 офицеров, 713 казаков и еще личный

состав двух сотен, 515 лошадей и конский состав еще на 2 сотни (точные цифры неизвестны)¹⁸⁰.

По мнению офицеров полка, пополнение было слабо подготовлено в строевом отношении, во всяком случае, по своей подготовке оно стояло значительно ниже первоначального состава полка. Штыков казаки вплоть до конца 1915 г. не имели.

В начале 1916 г. полк характеризовался следующим образом: «Наружный вид казаков прекрасный, здоровый. Одеты хорошо. Шаровары серо-синие от интендантства. Шинели и сапоги исправные; последние у большинства интендантские — у остальных собственные, из войска. Белья не менее 3 пар. Почти у всех непромокаемые плащи»¹⁸¹. Однако были в полку и серьезные недочеты. Как оказалось, имелось в наличии 110—120 пик на сотню, половина — металлические, а также лишь по 90 трехлинейных штыков на сотню. Штыки крепили проволокой или ремешками, было много поломанных ножен, в результате чего на шашках встречалась ржавчина. Оружие для починки отправляли в войско. В полку было два пулемета Максима — один без щита, не было биноклей и некоторых запасных частей. Машинка для набивки лент не действовала, не хватало и шести выучных лошадей при пулеметах. Конский состав полка неважный. Запасы войска были исчерпаны, а лошадей закупали уже в районе Казалинска (Туркестан).

Казаки полка приняли участие в наступлении Юго-Западного фронта летом 1916 г. 16 ноября этого года дивизия была переброшена в Румынию, пройдя после четырехмесячного сидения в окопах более 600 верст по тяжелым дорогам в позднюю осень и не потеряв при этом ни одной лошади. Восторг состоянием дивизии при прохождении через город Роман в румынской Молдавии выразил командующий 9-й армией суровый генерал от инфантерии П.А. Лечицкий, подаривший начальника дивизии и каждый проходивший эскадрон¹⁸².

4-й и 6-й Оренбургские казачьи полки в боевых действиях на фронте не участвовали, оставаясь до 1916 г. в местах постоянной дислокации на территории Туркестана в составе 1-й Туркестанской казачьей дивизии. В 1916 г. эти полки приняли участие в подавлении туркестанского восстания, однако об этом ниже. В начале марта 1917 г. Походный атаман всех казачьих войск Великий князь Борис Владимирович считал необходимым направить эти полки на Кавказский фронт на смену действовавшим там казачьим частям¹⁸³.

5-й Оренбургский казачий Атамана Могутова полк (четырёхсотенный) пошел на фронт не в составе дивизии и только на фронте вошел в состав отдельной Туркестанской казачьей бригады генерал-майора А.М. Логинова, почему не имел бригадного или дивизионного обоза. Полком

командовал будущий видный деятель Белого движения полковник В.Н. Шишин (неказак), по одной из характеристик, «человек с мягким характером, двилатный в обращении одинаково с г.г. офицерами и казаками, сведущий в военных вопросах, один из передовых офицеров Войска, спортсмен и знаток лошади, он поистине стяжал себе заслуженную любовь и пользовался большим авторитетом среди всех чинов полка. Еще в мирное время он много приложил сил к поднятию воинских знаний в полку. Как человек военного опыта и разносторонних знаний, он, несомненно, вносил живую струю в работу полка. Поэтому полк вышел на войну, можно не обинуясь сказать, с властящей подготовкой и уверенностью в боевой работе...»¹⁸⁴.

Накануне объявления войны полк находился в 25 верстах от Ташкента, в лагере под селом Троицким, где проводились полевые занятия. Один из офицеров полка, по всей видимости, будущий белый генерал А.В. Зуев вспоминал: «В начале июля поползли тревожные слухи о натянутости отношений в Европе. Почтенные есаулы и вся полковая старшина комментировали эти массовые слухи на разные лады, взвешивая pro et contra возможность вооруженного столкновения. Полковая молодежь, «легкомысленные фендрики», мало уделяли внимания политической конъюнктуре того времени и лишь слегка «скользили» по поверхности этих слухов. Они больше всего были во власти спорта и флирта — два неразлучных спутника, сопровождающие военную молодежь. При разговорах о войне их сердца загорались страстным желанием сразиться с врагом, имя которого было в то время на устах каждого воина. Немец, как враг, без остатка владел умом каждого офицера!»¹⁸⁵

Полк выступил 19 июля 1914 г. из места постоянной дислокации — города Ташкента в составе 17 офицеров и 573 шашек (519 строевых казаков) и был направлен в Варшаву. При проходах публика восторженно кричала «ура!». На станции Аральское Море через сутки пути было получено известие об объявлении Германией войны России. Как и в 1904 г., офицеры боялись опоздать на войну. По пути на запад казакам встречались бесконечные воинские эшелоны, мобилизация протекала в полном порядке, однако отдельные накладки были неизбежны. В частности, 5-й полк 11 суток простоял в Курске.

По прибытии в Варшаву, где казаки простояли три-четыре дня, полк был пополнен конским составом, боеприпасами и снаряжением. 22 августа было получено распоряжение начальника гарнизона и войск Варшавского района о выступлении на соединение со 2-м Уральским казачьим полком (вторым полком бригады) по Варшавско-Венской железной дороге в район станции Горшковице¹⁸⁶. Взвод 3-й сотни хорунжего Кадошников остался в Варшаве при штабе корпуса. Полк не имел в своем составе ни одного пулемета, пулеметная команда имела лишь при штабе бригады.

Первой боевой задачей полка было проведение разведки между городом Ченстоховом и Кельцами, в ходе разведки была вскрыта переброска войск противника. 22 августа 1-я сотня есаула М.А. Свиридова в районе местечка Конец-Поль в конном строю атаковала австрийцев. Один из участников боя так описал происшедшее: «Уже совсем стемнело. Как вдруг, на изгибе дороги, показались два-три всадника в красных кепи и синих венгерках. Кто-то крикнул: «Немцы!» Идущий впереди сотни подъес. Чулаков скомандовал: «Шашки к бою! В атаку! ура!» Пришпорив свою чистокровную «лилию», он, вместе с хор. Зуевым, карьером понеслись за уходящими всадниками. По лесу прокатилось могучее «ура» и где-то далеко-далеко, звонким эхом отдалось по лесу... Сотня, приняв команду своего [команди]ра, также карьером понеслась за своими офицерами. Австрийцы, перепуганные неожиданным появлением казаков, бросились наутек. Однако резвые полукровные лошади [команди]ра сотни и мл[адшего] офицера быстро нагнали уходящего врага. На полном карьере врезались в группу скачущих австрийцев и револьверными выстрелами сразили несколько всадников. Большая часть их скрылась в темноте и лесной чаще. Отставшая сотня все еще продолжала «реветь» ура, потревожив своим криком дремавший лес. В наступившей темноте едва смогли подобрать несколько человек раненых и убитых австрийцев, захватили в качестве первого военного приза лошадей противника. Но эта небольшая кавалерийская стычка стоила тяжелого ранения подъесаула Чулакова, у которого оказалась сквозная рана в живот»¹⁸⁷. Группа урядников с командиром сотни есаулом Свиридовым, свернувшая на другую дорогу, также имела столкновение с австрийцами, но неудачное. Смертельно ранен был старший урядник Артемьев, сказавший перед смертью: «А все-таки я отомстил им за свою смерть, зарубив двух немцев!»¹⁸⁸

Бригада силой в восемь сотен не представляла собой значительной боевой единицы, в связи с чем использовалась как армейская конница для дальних разведок и конных рейдов. 25 августа полк осуществил успешную диверсию на железной дороге. 13 сентября казаки полка под городом Влоцкова совершили лихую конную атаку на германских велосипедистов, составлявших, как оказалось, авангард германского корпуса. В ноябре полк участвовал в боях под Лодзью, в декабре 1914 — январе 1915 г. состоял в резерве XXIII армейского корпуса, к 21 января 1915 г. поступил в состав I Туркестанского армейского корпуса. Боевая деятельность полка в феврале 1915 г. характеризовалась участием в праснышских боях.

В марте 1915 г. полковник В.Н. Шишкин был отрешен от должности (приказ по 1-й армии № 601 от 9 марта 1915 г.), поскольку, как отмечалось в аттестации начальника бригады от 26 февраля, «вследствие постоянного и почти непрерывной работы очевидно устал, изнервничался и уже не вполне энергично исполняет боевые задачи. Иногда позволяет себе кри-

тически относиться к приказаниям начальников, в особенности, если они, по его мнению, не соответствуют задачам, возлагаемым на кавалерию, а потому неохотно и без надлежащей энергии исполняет таковые.. Необходимый Полковнику Шишкину отдых может вернуть ему прежнюю энергию и способность командовать полком»¹⁸⁹.

Март—июль 1915 г. прошли за сторожевой и разведывательной службой, в основном же были отмечены сидением казаков в окопах. Помимо этого полк до конца 1915 г. нес службу летучей почты, а в сотнях полка при штабах пехотных бригад корпуса велись занятия с молодыми казаками. По всей видимости, казаков готовили к действиям в качестве пехоты.

6 декабря 1915 г. по девять человек от каждой сотни полка было назначено в партизанские отряды. К этому времени казаки полка получили 270 Георгиевских крестов и медалей, захватили 859 германских винтовок, 9 орудий, 2 автомобиля, 30 велосипедов, пулеметную двуколку, походную четырехконную кухню, зарядный ящик, 373 германских пленных. Потери полка составили 4 офицера ранеными, из них 1 в плену, 17 казаков убитыми и 106 ранеными. 22 казака пропало без вести, 2 было в плену, 5 раненых возвратилось в полк¹⁹⁰. Из 2-го отдела были присланы пополнения, проходившие обучение в запасных сотнях (с начала войны по 7 ноября 1915 г. вкаючительно прибыло 437 казаков).

Владелица имения Грохов-11 при Варшаве госпожа Ожеровская обвинила казаков полка в грабеже, но была уличена в ложном доносе.

Полк, как и в мирное время, действовал в четырех-, а не в шестисотенном составе, в конце 1915 г. среди предложенных полковым начальством улучшений было доведение полка до шести сотен, придание ему конно-пулеметной команды, то есть достижение штата офицеров мирного времени (21 человек), а не военного (17 человек), наличие чиновников, а не офицеров на нестроевых должностях казначея и заведующего обозом, наличие старшего ветеринарного врача, квартирмистра и священника¹⁹¹.

При осмотре Туркестанской казачьей бригады Походным атаманом 10 февраля 1916 г. было отмечено, что «казаки коренных полков бригады имеют прекрасный вид, отличную выправку; одеты отлично, тепло и однообразно. Обувь, белья и теплых вещей достаточно»¹⁹². Оренбуржцы, в отличие от уральцев, имели металлические пики и более качественный конский состав, а также собственную мастерскую. Бригада выделила и партизанскую сотню, которой командовал сотник Абрамов (уралец). На вооружении бригадных партизан были германские винтовки двух систем.

В феврале 1916 г. доведение полка до шестисотенного состава рассматривалось уже на уровне Походного атамана всех казачьих войск. Для такого преобразования требовалось 5 офицеров, 2 вахмистра, 28 урядников, 6 трубачей, 256 строевых и 20 нестроевых казаков, 302 верховых и 11 обоз-

ных лошадей¹⁹³. Как вариант признавалось возможным выделить две сотни из штатного состава уже готовых 3-й и 4-й Оренбургских казачьих запасных сотен, однако обучение замены требовало шесть недель. Наконец 19 марта 1916 г. был издан приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего о преобразовании полка в шестисотенный состав.

В 1916 г. Туркестанская казачья бригада путем включения в ее состав 1-го Астраханского и 52-го Донского казачьих полков была развернута во 2-ю Туркестанскую казачью дивизию¹⁹⁴. Как писал в своих воспоминаниях один из донских казачьих офицеров, служивший с оренбуржцами, 5-й полк выделялся из всей дивизии своей особенной лихостью. В августе 1916 г. полк был расположен в составе дивизии на реке Неман. В сентябре 1916 г. командующий 4-й армией Генштаба генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза решил показать казаков представителям союзников. Был устроен конный праздник — скачки с препятствиями, рубка и джигитовка. Оренбуржцы тогда продемонстрировали самые головокружительные, по словам очевидца, номера. В рубке лично участвовал временно командовавший полком войсковой старшина Г.И. Краснов. Генерал Рагоза даже просил Краснова повторить рубку на бис. По мнению мемуариста, он — «прекрасный офицер, спортсмен, большой знаток и любитель лошади... сумел привить эти качества всем офицерам полка еще на службе в мирное время в Ташкенте. Почти все офицеры полка сидели на кровных лошадях и тем еще более поднимали общий вид полка»¹⁹⁵.

К 1917 г. часть эвакуированных из полка, по частным сведениям, была направлена не обратно в полк, а в состав Оренбургской казачьей (льготной) дивизии. Полк по меркам мирного времени имел огромный долг — 20 031 рубль 64 копейки¹⁹⁶. Пополнение с начала войны составили 20 офицеров, 820 строевых и 43 нестроевых нижних чина, 874 лошади из войска. Казаки полка получили 189 Георгиевских крестов, 199 медалей. 24 казака было убито, 3 офицера и 83 казака ранено, 2 офицера и 12 казаков контужено, 18 казаков пропало без вести, 1 офицер был в плену. Полк захватил 1 офицера, 372 нижних чина, 9 орудий, зарядный ящик, пулеметную двуколку, 859 ружей, 42 сабли, 4400 патронов, 32 кинжала, 45 пик, 4 револьвера, 4 бинокля, 71 штык, 2 автомобиля, 30 велосипедов, 24 лошади и 20 седел¹⁹⁷.

7-й Оренбургский казачий полк принял участие в Первой мировой войне под командованием талантливого офицера, впоследствии одного из видных деятелей антибольшевистского движения полковника Л.Н. Доможирова. 2 сентября 1914 г. полк выступил в поход из Уфы. На театр военных действий полк прибыл 11 сентября в составе 21 офицера и 865 шашек. Полк был назначен в распоряжение начальника 83-й пехотной дивизии, позднее в распоряжение командира XVIII армейского корпуса, состоял в отдельном

отряде Генштаба генерал-лейтенанта С.А. Воронина, а позже — в составе XXXI корпуса. Сотни полка были разбиты по пехотным дивизиям и в разрозненном виде в составе частей XVIII и XXXI корпусов принимали участие во всех боях при переправах через Вислу и Сан, под Краковом, на реках Нида и Западный Буг, при отходе XXXI армейского корпуса от реки Нида до реки Ясельда, «неся все это время разнообразную, трудную и совершенно невиданную службу Корпусной конницы, т. е. разведку, прикрытия фронта корпуса во время наступления и отхода, службу связи, действуя почти постоянно мелкими частями, и в редких случаях в составе сотен. Кроме этой, чисто строевой, службы, казаки откомандировывались иногда в значительном числе для несения обязанностей тыловой службы; военно-полицейской, состояния при инженерах военных и гражданских по исправлению дорог, при Интендантах, лазаретах, обозах и т. п. И только три раза для разведки на всем фронте корпуса, состоявшего сзади р. Западного Буга, полк в составе четырех сотен был собран под командой Командира полка»¹⁹⁸.

Под деревней Слушин казаки полка в конном строю атаковали окопы противника. К концу 1915 г. в полку было 211 Георгиевских крестов и 223 медали. Захвачено 75 пленных, германский аэроплан с 2 летчиками, 30 лошадей, много седел и оружия. 25 казаков было убито, 2 пропало без вести, 5 умерло от ран, 5 умерло от болезней, 58 казаков ранено, 30 из них вернулось в строй. Пополнения поступали из 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни. Трое казаков бежали в полк из пехотной части. Четыре казака были преданы корпусному суду, в том числе один за кражу и еще один за нанесение смертельной раны. Имело место много случаев напрасного обвинения части в грабежах, однако ни одно обвинение не подтвердилось. «Обращают на себя внимание при заявлении о грабежах, насилиях и т. п. общее нерасположение к казакам населения, особенно в Польше», — отмечалось в одном из донесений¹⁹⁹.

Сотни полка были разбросаны по пехотным дивизиям XXXI корпуса, принимали участие в позиционной войне и обороне реки Ясельда и Огинского канала. В пешем строю в составе пехотных боевых участков казаки несли сторожевую службу и обороняли самостоятельные участки. В июле—августе 1916 г. полк занимал оборону на реке Стоход. 24 августа 1916 г. полк выбыл из состава корпуса в командировку в Семиреченскую область для умирения казахов. В 1916—1917 гг. полк принял участие в подавлении туркестанского восстания, после чего был переброшен на Кавказ. Подробнее об этом будет рассказано далее. Здесь же отметим, что 22 октября полк был отозван в Закаспийскую область, где, войдя в состав Гюргенского экспедиционного отряда, выступил в поход в Персию для умирения восставших иомудов. Полк преследовал скопища мятежников в горах и ущельях в верховьях рек Атрек и Сара-Су в исключительно трудных условиях без хлеба,

фуража и воды. Потери в походе составили 5 казаков убитыми, 3 казака ранеными, 47 лошадей пало от бескормицы и усиленных переходов.

К 1 декабря 1915 г. в полку числилось 22 офицера, 933 строевых и 81 нестроевой казак. Пополнение составили 3 офицера, 231 строевой и 8 нестроевых казаков, а также 25 лошадей из войска. С 1 декабря 1915 г. по январь 1917 г. казаки полка получили 189 Георгиевских крестов и 67 медалей. Было захвачено 9 пленных, причем 6 контрольных пленных было взято в исключительно трудных условиях позиционной войны. 7 казаков погибло, 3 умерло от болезней, 1 пропал без вести, 32 ранено и контужено, из них 18 вернулось в строй. Пополнения в 1916 г. составили 54 казака и 45 лошадей. Один казак был предан военно-полевому суду за грабеж.

К 1 января 1917 г. в полку было 2 кавалера Георгиевского оружия, казаки получили 400 крестов и 290 медалей. Потери составили 1 офицер и 37 казаков убитыми, 2 офицера и 88 казаков ранеными. 1 офицер и 7 казаков было контужено. Пропало без вести 3 казака. Полк захватил 3 офицеров и 84 нижних чина, в качестве трофеев было взято 74 ружья, 13 сабель, 2000 патронов, 26 пик, 3 револьвера, 36 штыков, 30 лошадей, 16 седел, 1 аэроплан. Один казак был осужден за грабеж.

8-й Оренбургский казачий полк, как второочередная часть, с объявлением 17 июля 1914 г. мобилизации в Оренбурге начал мобилизацию и закончил ее 29 июля того же года. 6 августа полк выступил из Оренбурга на театр военных действий в Петроград и далее в Выборг (Финляндия) в составе 2 штаб-офицеров, 17 обер-офицеров (по другим данным — всего 21 офицер), 962 казаков, в том числе 879 строевых и 83 нестроевых. 13 августа 1914 г. полк прибыл на театр военных действий. Сотни полка были поставлены на охрану побережья Финского залива от Выборга до Фридрихсгама и 2 сотни на охране железной дороги Гельсингфорс — станция Каррис. По крайней мере до конца 1915 г. полк в боевых действиях не участвовал (по всей видимости, подобное утверждение может быть распространено и на весь дальнейший период). Зато в октябре 1915 г. полк приобрел музыкальные инструменты для организации собственного оркестра²⁰⁰.

Значительная часть полка была выделена для несения конвойной службы. От полка в конвой штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады были откомандированы 1 офицер и 32 казака, в конвой штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады — 1 офицер и 32 казака, в конвой штаба 84-й пехотной дивизии — 1 офицер и 64 казака, в конвой штаба 55-й пехотной дивизии — 1 офицер и 64 казака, в конвой штаба 67-й пехотной дивизии — 1 офицер и 64 казака. Итого — 5 офицеров и 256 казаков. Кроме того, на пополнение некомплекта в 12-м Оренбургском казачьем полку было направлено 2 офицера и 129 казаков.

Взамен из Оренбурга было прислано пополнение (из 1-й и 2-й Оренбургских казачьих запасных сотен) — 428 казаков, включая 34 безлошадных, а также 61 лошадь из Петергофа. Часть казаков пополнения ранее служила в 8-м полку, часть была переведена из других полков после ранений. К январю 1917 г. из войска было прислано 395 строевых и 1 нестроевой казак и 400 лошадей. На вооружении полка находились японские винтовки Арисака, причем некомплект составлял 16 винтовок.

Между прочим, казаки сумели отличиться именно при несении конвойной службы. В частности, сотник Ф.А. Богданов (в годы Гражданской войны — один из руководителей казачьей оппозиции атаману А.И. Дутову)²⁰¹ сумел захватить в Восточной Пруссии два знамени германского «Военного союза». Показательно, что сразу возникли споры о принадлежности этих трофеев. Штаб 3-й Финляндской стрелковой бригады, которой был придан казачий конвой, стремился присвоить знамена. Однако сотник Богданов проявил характер и заявил о том, что знамена принадлежат Оренбургскому войску²⁰². В итоге ему удалось отстоять захваченное, в декабре 1914 г. даже лично привезти знамена в Оренбург и сдать на хранение в собор. 10 марта 1915 г. Богданов писал в рапорте, что «офицеры штаба [бригады] хотели отправить знамена в г. Выборг, но я не позволил им, а отправил их в гор[од] Оренбург и сдал Атаману 1-го военного отдела. Между мною и офицерами штаба произошла бурная сцена. Эти знамена доставили мне много огорчений. Благодаря этому обстоятельству я обойден представлением к наградам. За все время войны я представлен к двум наградам, тогда как офицеры штаба, находящиеся в одинаковых условиях, представлены к пяти и к производству в чин»²⁰³.

Обстоятельства захвата знамен были следующими. В конце августа 1914 г. в уже взятом русскими городе Лык в Восточной Пруссии германцы стреляли из окон и с чердаков одного из домов. Сотник Богданов вызвался их проучить. Завязалась перестрелка, в результате которой казаки ворвались в дом. Под одним из шкафов Богданов нашел два свертка со знаменами и древки к ним. Молодой офицер решил, что эти знамена имеют военное значение, однако они такового в действительности не имели. В итоге от начальника бригады генерала С.Ф. Стельницкого было получено разрешение воспользоваться знаменами по своему усмотрению.

29 января 1916 г. полк был осмотрен Великим князем Борисом Владимировичем. В этот период полк состоял во 2-й Прибалтийской конной бригаде в Финляндии. По оценке Походного атамана, «в боевых действиях полк участия еще не принимал. И офицеры, и казаки рвутся на войну: было несколько случаев бегства из полка в Действующую армию не только казаков, но и офицеров. Вид бодрый; выправка отличная; одеты прекрасно и тепло. Лошади хорошие, киргизского типа, довольно крупные. Содержатся в боль-

шом порядке. Оружие в блестящем виде; штыки еще не выданы. При полку имеются два пулемета. Седельный убор в порядке. Крайне желательно отправить полк, а если возможно, то и всю бригаду на фронт, заменив их конными частями, требующими более отдыха»²⁰⁴.

В 1914 г., как и за десять лет до этого, вновь была сформирована Оренбургская казачья (льготная) дивизия (9, 10, 11, 12-й Оренбургские казачьи полки). 17 июля 1914 г. было Высочайше повелено мобилизовать Оренбургскую казачью дивизию в составе 9, 10, 11 и 12-го Оренбургских казачьих полков и 2-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона в составе трех батареи (4-й, 5-й и 6-й)²⁰⁵. Чины дивизии были своевременно уведомлены о начале мобилизации и начали прибывать в свои части. 23 июля в Оренбург прибыл командующий дивизией Генштаба генерал-майор М.Г. Михеев (командовал дивизией до 31 декабря 1916 г.). На следующий день было завершено формирование 11-го Оренбургского казачьего полка в Троицке. Начальником штаба дивизии был назначен полковник Савельев.

25 июля 11-й полк выступил из Троицка походным порядком до железнодорожной станции Челябинск и далее следовал по железной дороге через Батраки, Москву до станции Колпино. 27 июля было завершено формирование штаба дивизии в Оренбурге. 29-го завершил формирование в Верхнеуральске 9-й Оренбургский казачий полк, на следующий день было закончено формирование управления артдивизиона, в тот же день в Верхнеуральске закончила свое формирование 5-я батарея, выступившая сразу же походным порядком на станцию Миасс. 30-го же июля закончил формирование 10-й полк, также выступивший на станцию Миасс. 31 июля завершилось формирование 6-й Оренбургской казачьей батареи в Троицке.

1 августа в поход из Верхнеуральска выступил 9-й полк, а на следующий день — 6-я батарея. Наконец 3 августа из Оренбурга выступили в поход управления дивизии и артдивизиона, а также 4-я батарея. Части дивизии сосредоточивались в районе станции Колпино под Петербургом. 12-й полк был расквартирован непосредственно в столице — в казармах Лейб-гвардии казачьего полка²⁰⁶. Четыре сотни 11-го полка были направлены в Ревель в распоряжение коменданта крепости императора Петра Великого, 5-я и 6-я сотни — в Ораниенбаум, в Николаевский и Алексеевский форты Кронштадтской крепости, последний из которых был новым мощным фортом с 12-дюймовой башенной артиллерией на южном берегу Финского залива. Управление дивизии, артдивизиона и 4-я батарея были направлены со станции Тосно в Красное Село, куда прибыли в 9 часов утра 9 августа.

10 августа 12-й полк выслал разъезды на Охтенский пороховой и взрывчатых веществ заводы, Петербургский патронный завод и Петербургский арсенал, кроме того, установлены были постоянные разъезды по левому бе-

регу реки Охты от деревни Рыбацкое до бывших казарм 146-го пехотного Царицынского полка (в июле 1914 г. выделившего кадры для формирования 293-го пехотного Ижорского полка).

5-я и 6-я батареи, 9-й и 10-й полк были направлены в Красное Село. 5-я сотня 10-го полка 14 августа была направлена в Красную Горку на смену 6-й сотни 11-го полка, спешно отправленной в Ревель. 15 августа 10-й полк перешел в бараки Лейб-гвардии запасного кавалерийского полка. Сотни посменно несли сторожевую службу на побережье Балтики.

Тотчас по формировании дивизии в Красном Селе перевооружили, подучили, провели курс стрельбы, сколотили сотни и полки. Пополнение поступало из запасных сотен, дислоцированных в войске. Несмотря на это, в дивизию они прибывали совершенно не обученными, недисциплинированными, слабо снаряженными, часть пополнения рассеивалась в пути, конский состав постепенно ухудшался. Кадровый состав также был слаб. При этом положительным качеством являлись свойство землячества казаков и их высокий боевой дух.

7 октября император на военном поле Красного Села произвел смотр 9-му, 10-му и 12-му полкам дивизии, 5-й батарее и ополченческим частям. Казаки на своих малорослых, но крепких лошадях особенно понравились императору.

23 ноября 1914 г. 11-й полк выступил в поход по железной дороге на Львов, на следующий день туда же отправились управление дивизии с конно-саперной командой и 5-я батарея, через день — 12-й полк с конно-пулеметной командой дивизии. Таким образом, бригады дивизии разделились. В декабре 1914 г. бригада дивизии охраняла переправы на реке Сан в составе отряда генерала Михеева. Отряд охранял стык наступавших 60-й и 69-й пехотных дивизий.

По данным журнала военных действий дивизии, в период декабрьских боев из-за непрерывного движения и плохих дорог люди и лошади были чрезвычайно утомлены²⁰⁷. 10 апреля 1915 г. дивизия в составе 9-го, 11-го, 12-го полков и 5-й батареи удостоилась Высочайшего смотра в местечке Хыров, сотня 10-го полка под командованием есаула В.Г. Попова (впоследствии генерал, видный участник антибольшевистского движения) в качестве почетного караула встречала императора в тот же день в Перемышле²⁰⁸.

Как самостоятельная единица дивизия начала действовать с 5 мая 1915 г. на фронте 8-й армии. В период 28 апреля — 4 мая 1915 г. дивизия прикрывала отход частей VIII и XIX корпусов, участвовала в арьергардных боях, широкой разведке, несении службы связи между корпусами, в заполнении прорывов. 5 мая 1915 г. она была переброшена на крайний левый фланг 8-й армии в болотистую долину верховьев Днестра (по всей видимости, командование в этом вопросе не проявило дальновидности) с заданием обес-

печивать на тридцативерстном участке фланг 8-й армии, служа связью с 11-й армией. «Задачу эту, особенно в области разведки и захвата пленных, дивизия выполняет настолько успешно, что ее деятельность за этот период ставится впоследствии в образец Генерал-Квартирмейстером армии сводному конному корпусу»²⁰⁹.

2 июня дивизия спешно перебрасывается с левого фланга армии в район Жолкиева, где поступает в распоряжение командира VIII армейского корпуса и получает задачу спешно выдвинуться в Купину и обеспечивать правый фланг корпуса и армии. На 10-й полк была возложена частная задача по обеспечению самого фронта корпуса (60-я пехотная дивизия) против угрозы прорыва, причем эта задача была выполнена очень успешно, а командир полка полковник Колесников был представлен к чину генерал-майора.

Далее дивизия осуществляла прикрытие отхода расстроенной армии за реку Буг. 6 июля под Хордозовом произошел кровопролитный бой с участием фактически всей дивизии. После этого ее части придавались пехотным частям, сражались побригадно, образовывали с другими соединениями временный конный корпус.

«Этот период можно справедливо назвать первым пробным камнем для дивизии, на котором она показала свою боевую упругость, маневренную гибкость и поразительную выносливость.

Ведя ежедневно непрерывные бои, по ночам дивизия делала переходы по 50 верст и более, перебрасываясь на наиболее угрожаемые участки фронта, где тотчас же вступала вновь в боевую линию»²¹⁰.

С 17 июня 1915 г. дивизия в составе сводного конного корпуса Генштаба генерал-лейтенанта Ф.С. Рерберга действовала на правом фланге отошедшей за Буг 8-й армии. Одновременно на соединение возлагались задачи обеспечения фланга армии Юго-Западного фронта и связи его с Северо-Западным (позднее — Западным) фронтом. До 28 августа дивизия находилась в сводном конном корпусе вместе с 7-й кавалерийской дивизией, а затем — с отдельной Донской казачьей бригадой. В этот период частями дивизии был выявлен глубокий обход противником фланга 8-й армии со стороны Владимира-Волынского.

В дальнейшем дивизия принимала участие в боях на реке Стырь, сдерживала действия противника в обход Луцка. Фронт дивизии в этот период составлял 14 верст, патронов практически не было. С 26 августа дивизия вошла в конный корпус генерал-лейтенанта А.Н. Вельяшева (позднее V корпус).

Бригаду дивизии возглавлял полковник М.Г. Серов. На счету казаков дивизии в этот период ряд блестящих конных атак на позиции противника (на окопы с проволочными заграждениями). Частями дивизии был отражен удар противника со стороны Ковеля против правого фланга армии.

В двадцатых числах сентября 1915 г. 9-й, 10-й и 12-й полки дивизии были переброшены на левый берег Стири, в район Чарторийска. В ходе развернувшегося наступления этот город был взят. При последовавшем отходе на правый берег Стири Оренбургская казачья дивизия отступила последней. 4 октября 1915 г. бригада Серова у Рафаловки развила успех 11-й кавалерийской дивизии у Колодии и в бою взяла 800 пленных.

Результаты работы дивизии не уступали успехам регулярной кавалерии, но труда для этого затрачено было гораздо больше. При сравнении штатов преимущество оставалось за регулярными дивизиями. Регулярный кавалерийский полк включал 32 обер-офицера, второочередной — 20; в казачьем полку имелся один помощник командира полка (он же завхоз) вместо трех в кавалерийском. В самом управлении дивизии был положен лишь один командир бригады, как будто бы второй бригады не существовало. Сотни доходили порой до семи-восьмирядного состава при отсутствии своевременных пополнений. Во главе полков часто ставились малоопытные войсковые старшины. Полки с восемью-девятью наличными офицерами, из которых $\frac{2}{3}$ были прапорщиками, нередко месяцами несли службу. Всю кампанию Оренбургская дивизия работала с одной конной батареей, уступая соседям в силе огневой мощи и поддержки. Если бы дивизию как второочередную назначали на второстепенные роли, это было бы понятно, однако на практике ее нещадно эксплуатировали в качестве стратегической конницы без учета различий в требованиях к регулярным и иррегулярным частям. Тем не менее дивизия удовлетворяла и этим повышенным требованиям²¹¹.

Подобные условия службы создавали у казаков ощущение того, что они являются пасынками регулярной кавалерии. Начальник дивизии выступал за усиление казачьей конницы и создание казачьих корпусов.

В начале 1916 г. дивизия была расположена на позициях в районе местечка Чарторийск на реке Стирь, удерживая переправу через реку²¹². 1-й бригадой дивизии командовал полковник Г.К. Бородин, 2-й — полковник П.А. (?) Колесников. Велась постоянная работа по усовершенствованию позиций. Огонь находившейся здесь же 5-й Оренбургской казачьей батареи по австрийцам в документах дивизии был признан очень удачным. В то же время и русские позиции нередко подвергались ураганному обстрелу с австрийской стороны, к тому же преимущество в артиллерии на участке дивизии было у противника.

В феврале 1916 г. приказом командующего 8-й армией при Оренбургской казачьей дивизии был сформирован пеший дивизион в составе четырех пеших сотен численностью в 250 человек каждая. Для нового формирования из запасного батальона были высланы 500 солдат для дивизии²¹³. Командиром дивизиона был назначен войсковой старшина В.Г. Попов. Пе-

шие разведчики и партизаны дивизии вели поиск перед фронтом дивизии. О боевом пути партизанского отряда дивизии говорилось при анализе участия оренбуржцев в партизанской войне.

22 марта части дивизии были осмотрены Великим князем Борисом Владимировичем, по окончании смотра начальник дивизии и командиры частей были приглашены к великокняжескому завтраку в поезд Походного атамана²¹⁴.

Походный атаман отметил: «В настоящее время дивизия поочередно с 11-ой кавалерийской занимает позицию 5-го кавалерийского корпуса на крайнем правом фланге Юго-Западного фронта.

Полки выведены в 6-ти сотенном составе по 12 рядов во взводах; пеший дивизион — 4 сотни по 25 рядов.

Наружный вид казаков отличный, бодрый, подтянутый. Одеты хорошо. Обувь, шинели, рубахи, большая часть шаровар — от интендантства. Собственное обмундирование только у казаков последних пополнений. Белья у всех казаков по три смены. В 9 и 11-м полках на всех казаков заведены непромокаемые плащи»²¹⁵.

При осмотре были выявлены и многие недостатки. В 9-м полку оказались слишком сильно смазанными винтовки. Имелось по 80—90 трехлинейных штыков на сотню, до 50% деревянных пик (в 12-м полку почти все металлические). Пеший дивизион дивизии имел новое вооружение и снаряжение пехотного образца. В 1916 г. в полках дивизии уже имелись полковые двухпулеметные команды с пулеметами системы Максима. В 9-м полку кожух пулемета был сильно помят осколком снаряда. Снаряжательная машинка не действовала, не имелось многих запчастей. В 10-м полку был расшатан подъемный механизм пулемета. В обоих пулеметах не было уровней и дальномера. Револьверов в пулеметной команде не было, на всех имелось лишь 17 винтовок. Двучетки были пехотного образца, и укладка патронных коробок неудобна. В 11-м полку пулеметная команда тоже не имела дальномера и биноклей. Амуниция пулеметной команды была плохо пригнана и изношена. В 12-м полку отсутствовал снаряжатель.

Из шести орудий 5-й Оренбургской казачьей батареи, входившей в состав дивизии, три были отнесены ко 2-й категории, а одно орудие, из-за большого прогара на его коническом скате, даже к 3-й. У трех пушек были заменены тела орудий, в одном заедал подъемный механизм. Нарезы были изношены до того, что при стрельбе получались разные вилки. Батарее было нужно больше тротильных гранат, снарядов же хватало. Не исключено, что недочеты оренбургской артиллерии были связаны с тем, что оренбуржцы-артиллеристы, в отличие от конников, не прошли проверки Русско-японской войной, материальная часть была до крайности изношена, а своевременной ее замены осуществлено не было.

Оренбургская казачья дивизия сидела на мелких и с виду невзрачных киргизских лошадях. В некоторых частях (в том числе в партизанском отряде дивизии) плохо была поставлена чистка лошадей. Интендантство, по заявлению командиров частей, поставляло много гнилого, негодного к употреблению сена, поэтому 10 фунтов в даче не хватало. Сено докупалось дивизионным интендантом и выдавалось за счет части зерна²¹⁶. Артиллерийские лошади 5-й батареи были мелкие и слабосильные, почему система перевозилась четырьмя уносами. Потники в 9-м и 12-м полках требовали замены. В 9-м и 10-м полках не хватало попон.

В мае 1916 г., форсировав Стырь, части дивизии перешли в наступление против австрийцев, бои шли в районе реки Стоход. В июне—июле бои вновь развернулись на Стыри. 15 июля V кавалерийскому корпусу в связи с общим наступлением 8-й армии была поставлена задача по прорыву частями армии позиций противника энергичным ударом развить успех в направлении на Владимир-Волынский²¹⁷, в этот же день частями дивизии (11-й полк, хорунжий Г.А. Попов) была захвачена австрийская батарея, еще два орудия захватил есаул Смирных. Это сражение, получившее название битвы под Кошевом, вернуло противнику прежний страх перед казаками²¹⁸. 31 декабря 1916 г. Оренбургскую казачью дивизию принял генерал-майор В.Н. Шишкин.

9-й Оренбургский казачий Атамана Падурова полк со сборного пункта в Верхнеуральске выступил 1 августа 1914 г. в составе 21 офицера при 967 шашках (строевых казаков 880, нестроевых — 82). Командовал полком полковник П.С. Головин. С 12 сентября 1915 г. полк принял полковник В.П. Пустаханов.

До станции Миасс полк проследовал походным порядком, при посадке на станции полк получил маршрут следования до Красного Села, где поступил в состав 6-й армии, охранявшей побережье Финского залива. Здесь полк стоял до 31 октября и нес разведывательную и охранную службу вдоль побережья Финского залива, высылая разъезды и команды разведчиков.

В августе 1914 г. полк характеризовался начальником дивизии следующим образом: «Полк вышел на смотр, имея по 15-ти рядов во взводах. Люди выглядели молодцами, но конский состав, в смысле ухода за ним, оставляет желать много лучшего. Требую обратить самое серьезное внимание на чистку и ковку, так как не признаю, чтобы полк на смотр начальнику дивизии выводился на нечищенных лошадях с зачесами на хвостах. На месте, как и в движении, равнение отличное; несмотря на то что полковых учений почти не было, полк совсем сколочен и всецело находится в руках своего командира. К сожалению, должен отметить излишние разговоры в строю, порой производившие впечатление форменного галдежа. Необходимо раз навсегда усвоить, что в строю должна быть идеальная тишина, а всякие разговоры

отнюдь не помогают делу, а лишь развлекают внимание, — отсюда несвоевременность и неточность исполнения, неоднократно имевшие место во время ученья. Перестроения производились исключительно по сигналам, которые повторялись почти всеми трубачами, находившимися в строю. Уставом точно определено, какие сигналы и когда повторяются всеми трубачами. Вообще следует обратить внимание на более твердое усвоение г.г. офицерами устава строевой кавалерийской службы, так как неоднократно наблюдалась путаница при перестроениях. Принимая во внимание неполную еще подготовку полка к маневрированию, я допустил ученье по сигналам; на будущее же время требую, чтобы управление полком производилось или по знакам или приказаниями; лишь иногда употреблять команды, лишь вдали от противника, к сигналам же прибегать в самых исключительных случаях»²¹⁹.

1 ноября полк выступил в действующую армию. Высадка была произведена на станции Радзивилов, далее походным порядком полк был направлен через Станиславов на Черновицы, но в связи с их взятием — через Львов, Галич, Стрый перешел 24 ноября в местечко Хыров и поступил в распоряжение XXVIII армейского корпуса.

Будучи придан 69-й пехотной дивизии, полк с начала декабря 1914 г. нес разведывательную службу. 3 декабря полк был придан XXIX корпусу и получил боевое крещение у деревни Хочев. 5-я сотня была передана в личное распоряжение генерал-майора И.Ю. Поповича-Липоваца.

14 декабря 1914 г. 2-я и 3-я сотни полка участвовали в лихой конной атаке на австрийцев под деревней Команча, в которую казаки ворвались, доведя атаку до удара холодным оружием, выбили и преследовали противника. В этот день были захвачены австрийские окопы и взято в плен до 300 человек. Вплоть до 12 января 1915 г. полк состоял в резерве войск, осаждавших крепость Перемышль.

12 января 1915 г. 8-я армия перешла в общее контрнаступление, сотни полка несли службу летучей почты. Кроме того, эти же три сотни составляли и боевой кулак на случай возможного прорыва противника.

С января по март 1915 г. полк осуществлял связь частей, осаждавших Перемышль, с частями, действовавшими на Карпатских перевалах. Некоторое время полк нес гарнизонную службу в Перемышле. В мае—июне 1915 г. казаки полка несли охрану побережья Днестра и пресекали все попытки противника переправиться через реку. Отход от Днестра сопровождался уничтожением переправ.

10 июня 1915 г. 6-я сотня атаковала австрийцев в конном строю под селением Домброва. Казаки изрубили много солдат противника, но, наткнувшись на баррикаду, были вынуждены отступить. Полк участвовал в боях на реках Буг и Стырь, а также в обеспечении флангов армии. 4 сен-

тября 1915 г. казаки полка совершили еще одну конную атаку в районе колонии Голодница, захватив вражеский пулемет.

22 ноября 1915 г. полк поступил в распоряжение начальника 71-й пехотной дивизии на реке Стырь, в этом районе часть находилась до апреля 1916 г. 25 мая 1916 г. казаки полка отличились под деревней Журавичи, когда в конном строю вели преследование противника. С 13 октября Оренбургская казачья дивизия перешла из 8-й в 9-ю армию. 19 ноября 1916 г. казаки приняли участие в штурме высоты 1557.

Именно в этом полку служил до своего ранения в июле 1916 г. неизвестный подъяесаул Н.Д. Каширин — впоследствии руководитель красного казачества.

В то же время много казаков (до 90 человек) было откомандировано из части, что уменьшило численность казаков в строю. Полковое начальство жаловалось, что «люди эти обслуживают большую частью высшие штабы и своим отсутствием уменьшают боеспособность части. Эта цифра сравнительно мала для такой части как полк, но если к ней приложить еще цифру убитых, раненых и больных, то в действительности выходит, что боевой состав полка составит только 2/3 его штатного числа»²²⁰. Уже в конце 1915 г. казаки были снабжены штыками для пешего боя. Кавалерия была вынуждена работать в окопах. Для самостоятельных действий в каждой сотне нужно было иметь по пулемету. Полковое начальство жаловалось в штаб Походного атамана в том числе и на некачественные пакеты в патронных гильзах — нужны были металлические гильзы. Для лишних лошадей (убитых казаков, трофейных) желательным было создание временных конских запасов.

1 сентября 1915 г. от полка была выделена партизанская партия в составе 1 обер-офицера (сотник Б.Е. Шпицберг) и 30 казаков, которая вошла в состав партизанского отряда Оренбургской казачьей дивизии, действовавшего в окрестностях местечка Целковичи.

К началу 1917 г. в полку были 541 Георгиевский крест и 401 медаль, один урядник был награжден бельгийской медалью, один офицер — Георгиевским оружием. Трофеи полка составили 4 орудия, в том числе 2 горных, 3 пулемета, 8 зарядных ящиков, 4 пулеметных выюка, 4 повозки с транспортом, 1060 ружей, 806 снарядов, 6350 патронов, 2 лошади; было захвачено 5 офицеров и 1259 нижних чинов с оружием, из них до 300 человек взято в бою у станции Команча. Потери полка составили 2 офицера и 63 казака убитыми, 9 офицеров и 194 казака ранеными, 4 офицера и 15 казаков контужеными, 7 казаков пропавшими без вести. Вернулось в строй после ранения 3 офицера и 16 казаков. Пополнения составили 231 строевой и 15 нестроевых казаков, 1 офицер, 320 лошадей. Подготовка пополнений в строевом отношении считалась удовлетворительной, а в боевом — слабой. Лошади в полку были среднего сорта киргизской породы. В общей сложности имелось

230 лошадей различных категорий²²¹. Военно-полевому суду при штабе XVII армейского корпуса было предано за растление и грабеж пять казаков полка, которые были приговорены к расстрелу (четыре казака, в том числе подхорунжий, обвинялись в грабеже усадьбы Лесенче в селе Забороль).

10-й Оренбургский казачий полк был сформирован во 2-м военном отделе и 30 июля 1914 г. выступил походным порядком на ст. Миасс со знаменем «№ 22. Полковое конно-казачье знамя Оренбургского казачьего войска пожаловано 18 ноября 1842 года»²²² и по полученному распоряжению должен был следовать по железной дороге в Петроград в составе 18 обер-офицеров, 877 строевых и 89 нестроевых нижних чинов, 1 старшего врача и 1 делопроизводителя по хозяйственной части. Ни одного штаб-офицера при мобилизации в полку не было. Временно командовал полком есаул А.Н. Доможиров. 1 августа полк принял полковник П.Л. Колесников, находившийся в должности командира полка до конца войны.

11 августа полк поступил в распоряжение штаба 6-й армии для охраны балтийской береговой полосы под Петроградом. Эту службу полк нес до конца октября 1914 г. В августе 1914 г. полк «был вызван по тревоге на смотр Главнокомандующему. Несмотря на удаленность расположения частей, находившихся к тому же на занятиях в поле, полк быстро собрался и в порядке прибыл на военное поле. Как и в прочих полках и батареях, люди имели молодцеватый вид. Равнение, особенно в задних шеренгах, не чистое, к тому же задняя шеренга в большинстве налезает на хвост. Шеренги должны быть отбиты. Перестроения производились довольно отчетливо. Спешивание вяло; спешившиеся сотни, назначенные в резерв за флангами, оторвались от рассыпанных в цепь и держались за цепью. В целях лучшего обеспечения флангов, а равно и для уменьшения потерь от перелетов выгоднее располагаться уступом назад. По сигналам «коноводы» и «садись» коноводы подвели коней к двум сотням, вследствие чего находившимся в резерве 4-рем же сотням, рассыпанным в цепь, пришлось бежать к лошадям почти 1/2 версты. Относительно ученья по сигналам и шума в строю приходится отметить, что это наблюдалось в этом полку в такой же степени, как и в 9-м, что в будущем надо наладить»²²³.

В период 31 октября — 1 ноября полк пятью эшелонами был направлен на Австрийский фронт в состав VII армейского корпуса 11-й армии в местечко Хыров. Расположившись на фронте 60-й пехотной дивизии, полк нес разведывательную и сторожевую службу. 2 декабря 1914 г. казаки полка обеспечивали переправу через реку Сан у города Санок. Наряду со 2-й и 3-й сотнями 9-го полка, казаки 10-го полка (1-я сотня) участвовали в конной атаке при деревне Команча 14 декабря 1914 г. В результате атаки казаки заняли две линии австрийских окопов, захватив 110 солдат и офицера²²⁴.

В составе дивизии полк действовал и под Перемышлем. В мае 1915 г. казаки прикрывали отступление русской пехоты. 7 июня 1915 г. 3-я сотня полка под командованием сотника А.А. Грибанова отличилась в конной атаке у села Бор Кунин против австрийского эскадрона, атаковавшего русские окопы. В этом бою разъезд оренбуржцев нанес удар во фланг атакующего австрийского эскадрона. Как известно, даже незначительного флангового удара несущаяся в атаку конница не выдерживает. Австрийцы, естественно, отступили, а сотня пошла на их пехоту и захватила 150 человек при 3 офицерах, причем до 80 человек было перерублено и переколото. Сотник Грибанов был награжден орденом Св. Георгия IV степени за то, что «7 июня 1915 г., видя критическое положение отступающих частей 259 Ольгопольского полка у Бора Кунинского, которым грозила явная смерть или пленение, по собственной инициативе бросился в атаку на 2 батальона пехоты и 1 эскадрон кавалерии, который выдвинулся во фланг нашей пехоте. Несмотря на сильный огонь тяжелых орудий и свинцовый дождь нескольких пулеметов — миновал передние окопы, врубился во 2-ю линию окопов, в резервную, изрубив и переколов до 80 человек, чем выручил части нашей пехоты, захватил в плен 150 человек и два пулемета, которые были сданы в штаб 8 корпуса»²²⁵. Хорунжий Л.А. Чулошников был представлен к Георгиевскому оружию. В тот же день произошла конная атака у деревни Боянец, в которой 5-я сотня полка изрубила 69 человек и 3 взяла в плен.

В июле 1915 г. полк вел бои на реке Буг в составе отряда полковника Колесникова, казакам приходилось действовать в пешем строю, позднее казаки сражались на реке Стырь. 7 июля 1915 г. казаки захватили вражеских летчиков из спустившегося аэроплана. 14 августа 1915 г. 4-я сотня полка атаковала австрийцев в конном строю у колонии Михайловка. Сотник А.П. Ведерников с 60 казаками бросился в атаку с криком «ура!», казаки врубились в первую линию противника, пройдя ее, дошли до второй линии — изрубили до 40 человек, взяв 2 пленных, и под сильным обстрелом отошли назад. На два-три часа было приостановлено наступление противника. Полк потерял одного казака убитым, пало шесть лошадей. Ранено было шесть казаков, восемь лошадей.

16 августа у деревни Суск взвод урядника 4-й сотни Антона Деревскова в конном строю атаковал эскадрон кавалерии противника, навел эскадрон противника на нашу пехоту, которая открыла огонь залпами и заставила противника повернуть, после чего Деревсков стал их преследовать. В этом бою много австрийцев было зарублено и заколото, 7 всадников и 20 лошадей были взяты в плен.

В середине августа 1915 г. полк в составе 1-й бригады Оренбургской казачьей дивизии осуществлялкрытие отхода частей XXXIX армейско-

го корпуса от Луцка на Ровно. В декабре 1915 г. полк вел бои на реке Стырь, боевые действия приобрели позиционный характер.

26 апреля 1916 г. полк осмотрел командующий 8-й армией Генштаба генерал-лейтенант А.М. Каледин, который приказал двум сотням полка продемонстрировать лаву, а после этого наблюдал перестроение всего полка. В мае в полку проводились тренировки и пристрелка винтовок. Шла подготовка к предстоящему наступлению.

18 мая 1916 г. начальник Оренбургской казачьей дивизии собрал всех начальников частей в урочище Козел и сообщил им о подготовке общего наступления. Правее фронта полков дивизии предполагалась масштабная демонстрация, а главный удар — на Луцк влево от расположения дивизии — на следующий день после демонстрации. Задачей дивизии была упорная оборона²²⁶. 21 мая командир полка получил весьма секретный пакет из штаба дивизии с указанием о проведении 21 мая артподготовки, а 22 мая наступления.

Началось знаменитое наступление Юго-Западного фронта 1916 г. В авангарде главных сил полк 26 мая двинулся через Тростенец на Дубище к реке Стырь. 23 июня полк отличился во время преследования противника до станции Маневичи, где 6-й сотней было взято в плен около 100 человек. Действовать казакам приходилось в болотистой местности, что совершенно не отвечало задачам конницы. Наконец 8 июля 1916 г. полк из 8-й армии был переведен в отряд генерала от кавалерии В.М. Безобразова. В середине августа казаки действовали в районе деревни Садово.

В сентябре 1916 г. войска продолжали наступать, и 1-я бригада Оренбургской казачьей дивизии предназначалась для преследования противника в случае прорыва его позиций, однако фронт на участке I и II гвардейских корпусов Особой армии прорван не был. В октябре полк по размытым непрерывными дождями дорогам был переброшен в район Черновиц. Не хватало фуража, не было теплых и сухих помещений, условия быта казаков в этот период были особенно тяжелы. Как и ранее, полк нес разведывательную службу. В ноябре—декабре 1916 г. бои развернулись в горной местности. При полку был создан пеший партизанский отряд.

К началу 1917 г. полк имел одного кавалера ордена Св. Георгия IV степени, 358 Георгиевских крестов и 454 медали. В плен взято 16 офицеров и 1289 нижних чинов противника. Трофеями полка стали 2 зарядных ящика, 2 пулемета, 1915 ружей, 37 000 патронов, 11 револьверов, 1730 штыков, 25 лошадей и аэроплан. Погибло 1 офицер и 60 казаков, ранено 13 офицеров и 265 казаков, контужено 14 офицеров и 61 казак. Без вести пропало 12 казаков, из них один числился в плену. Пополнение составили 13 офицеров, 541 строевой и 39 нестроевых казаков, причем качество подготовки пополнения постоянно ухудшалось. Было прислано и 529 лошадей. Один

из казаков полка был осужден за грабеж. В конце 1915 г. полк нуждался во 2-м помощнике командира полка, полковом казначее, квартирмистре и по одному младшему офицеру на сотню, так как нередко за выбытием офицеров сотни оказывались под командой вахмистров.

11-й Оренбургский казачий полк выступил на фронт под командованием полковника Н.П. Круторожина, в январе 1916 г. отчисленного от должности по несоответствию. Полк был сформирован из второочередных казаков 3-го военного отдела, причем 1-ю сотню комплектовали казаки станицы Челябинской, 2-ю — Долгодеревенской, 3-ю — Еткульской и Еманжелинской, 4-ю — Каратабанской и Кундравинской, 5-ю — Травниковской и 6-ю — Миасской²²⁷. Из города Троицка (сборный пункт — поселок Клястицкий) полк выступил на фронт 24 июля 1914 г. в 18 часов в составе 1 штаб-офицера, 10 обер-офицеров и 962 казаков (в том числе 880 строевых), 927 строевых лошадей, 20 офицерских и 73 обозных и вычужных лошадей, 8 офицеров присоединилось к полку во время следования.

Первоначально, как и другие полки Оренбургской дивизии, 11-й полк был дислоцирован в районе Петрограда, охраняя побережье Финского залива. Однако в боевых действиях полк принял участие лишь с 1 января 1915 г. в составе левой колонны Стрыйского отряда под командованием генерал-майора А.М. Крымова. 12 января 1915 г. около перевала Вышков в Карпатах взвод казаков 1-й сотни подбил аэроплан, который в разобранном виде был доставлен начальнику отряда. В отряде Крымова полк работал до 14 февраля.

12—13 января 1915 г. полк исполнял задачу недопущения противника через Вышковский перевал к городам Долина и Стрый, ведя упорные бои впредь до прибытия 60-й и 69-й пехотных дивизий. Эта задача имела большое значение для общего дела, так как с потерей перевала и освобождением дороги на Стрый нашим войскам пришлось бы очистить всю Северную Буковину, а главное — соседние западные горные проходы. С 20 января по 11 февраля сотни полка вели ежедневные жаркие бои, сдерживая противника. Три сотни полка совместно с кубанскими частями 11—14 февраля участвовали в захвате города Калуша. После этого они были отозваны для пополнения и включены в состав XI армейского корпуса, с 25 февраля полк вошел в состав XXII корпуса. В этих боях отличились многие казаки. Наиболее ярким был подвиг казака П. Кашигина, захватившего 23 января в одиночку сразу семь австрийцев!

С 20 марта 1915 г. полк действовал уже в составе Оренбургской казачьей дивизии. В марте 1915 г. младший урядник Г. Важенин вместе с 2 казаками зарубил 6 и пленил 22 вражеских телефониста. В период 27 апреля — 3 мая казаки полка прикрывали отход русских войск на Львов, ведя арьергардные бои. 10—27 мая 1915 г. полк участвовал в позиционных боях

на Днестре у деревни Мосты, 6—15 июня прикрывал отход пехоты, осуществлял службу разведки, а в конце июня — начале июля вел бои на реке Буг.

В ночь 15—16 августа 1915 г. полк был брошен за город Луцк для прикрытия станции Киверцы и высадки на ней частей XXXIX армейского корпуса²²⁸. Полк отбивался от четырехкратно превосходящего противника. В сентябре—декабре 1915 г. казаки были дислоцированы на реке Стырь. Во второй половине 1915 г. полк отличился в конных атаках на окопы противника у деревень Колодия, Старое и Новое Подчеревиче.

14 августа 1915 г. 3-я и 6-я сотни 11-го полка произвели конную атаку на обходящие части противника, был сбит авангард, казаки доскакали до главных сил, заставив противника остановиться и окопаться, позволив своей дивизии спокойно отойти на следующий рубеж, было взято даже 13 пленных и много перерублено.

В ходе войны менялись способы боевых действий и тактика казаков. В частности, уже 4 сентября 1915 г. казаки полка под командованием есаула Н.В. Лукина (впоследствии расстрелян большевиками) совершили пешую штыковую атаку у колонии Голодница (в полку имелось 852 штыка к трехлинейным пехотным винтовкам), захватив 102 пленных.

В сентябре—декабре полк вел бои на реке Стырь. 4 октября 1915 г. у деревни Колодия подесаул А.В. Смирных во главе 3-й и 5-й сотен под интенсивным обстрелом бросился в атаку на окопы противника, выбил его из окопов и, развивая наступление далее, атаковал деревню Старое Подчеревиче. Противник был вынужден сложить оружие. За один день было взято в плен 508 человек, включая 8 офицеров, 2 пулемета, свыше 500 винтовок, 2 воза патронов, которые даже не считали²²⁹. Смирных за этот бой был награжден орденом Св. Георгия IV степени. В этом же бою казак Дмитриев, будучи сбит с лошади и окружен пятью австрийцами, выхватил у одного из них винтовку и, отбиваясь ею от наседавших врагов, приколол их всех!²³⁰

4 января 1916 г. полк принял полковник М.Г. Серов. 1 сентября 1915 г. 30 казаков полка при офицере (сотник Н.Н. Мензелинцев, впоследствии выдающийся военный летчик) было выделено в партизанский отряд при штабе 8-й армии. Партия вошла в партизанский отряд Оренбургской казачьей дивизии.

1 декабря 1915 г. полк в полном составе занял позицию по правому берегу реки Стырь, неся сторожевую и разведывательную службу и укрепляя позиции. В январе—феврале 1916 г. полк некоторое время находился в резерве, 20 марта был представлен Великому князю Борису Владимировичу.

24 мая 1916 г. полк осуществил штурм укрепленной позиции противника у деревень Берестяны — Богуславка, а затем, проделав проходы в проволоке, верхом преследовал отступавшего противника. На следующий день

конное преследование было продолжено, казаками было изрублено множество австрийцев. 28 мая полк переправился на левый берег реки Стырь и продолжал преследовать противника.

В ходе летнего наступления 1916 г. на Юго-Западном фронте командование загнало полки Оренбургской казачьей дивизии в болотистую местность, при этом требуя от казаков решительных действий. Часто нелепые приказы коннице отдавали начальники, не имевшие отношения к кавалерии и, видимо, представления о том, где и как она может действовать. В частности, 4 июня 1916 г. начальник 125-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.Э. фон Бер приказал двум сотням 11-го Оренбургского казачьего полка атаковать противника в районе колоний Курган и Руда, поскольку вся пехота также переходила в наступление на этом участке. Однако разведка выяснила, что атаковать здесь нельзя из-за болота, а кроме того, пехота и не собиралась переходить в атаку, так как сама еле выдерживала натиск противника²³¹.

В этой ситуации командир полка спрятал сотни в кустах за халупами колонии Курган, «имея в виду воспользоваться удобным для действий конницы скатом местности в направлении к кол[онии] Владимировка; очень скоро по моем прибытии с сотнями к кол[онии] Курган пехота 500-го Ингульского и 498-го Кузнецкого полков принуждена была поспешно отходить под натиском превосходных сил на дер[евню] Трыстень, имея в тылу у себя болото.

Момент, когда противник, перенеся за собой пулеметы, начал входить по пятам нашей пехоты в д. Трыстень, осыпая ее ружейным и артиллерийским огнем, казалось (так в документе. — А. Г.) мне подходящим и необходимым для атаки, и я наличные свои две сотни, вручив их Войсковому Старшине Половникову (войсковой старшина А.Н. Половников впоследствии расстрелян большевиками. — А. Г.), пустил в атаку лавой в направлении между Кол[онией] Владимировкой и дер[евней] Трыстень.

Сотни атаковали противника в конном строю в его правый фланг и отчасти тыл. Противник открыл убийственный огонь из пулеметов, винтовок и своей артиллерии. Но сотни врезались в ряды противника и начали ручкопашный бой.

Преследование ошеломленным противником наших прекратилось, и он был вынужден сам отступить, оставив в дер[евне] Трыстень уже им забранных наших в плен.

Благодаря атаке наша пехота вновь заняла свои окопы, где на следующий день успешно отбивала повторные атаки противника.

6^а сотня Войскового Старшины Половникова взяла действующий пулемет и изрубила много пехоты, отрезанных атакой германцев забрала в плен наша оправившаяся отчасти обезоруженная пехота.

За время атаки две сотни из состава 4^й офицеров и 220 нижних чинов потеряли: убит 1 офицер, ранено два, нижних чинов убито 5, ранено 13, лошадей убито 31, ранено 14, — две офицерских»²³². В этом бою командир пулеметного взвода старший урядник М. Пустуев по собственной инициативе выдвинул пулеметы на близкую дистанцию и открыл огонь во фланг колонн противника²³³.

Еще одну конную атаку казаки полка совершили 22 июня у деревни Семки на Стыри, тогда казаки переправились через реку, прошли провололочные заграждения и атаковали противника, при этом было захвачено 5 офицеров и до 200 нижних чинов. Успешными были и атаки 23—24 июня при наступлении на станцию Маневичи.

15 июля 1916 г. хорунжий Г.А. Попов был послан в прорыв линии противника, сделанный 55-м пехотным Подольским полком в районе деревни Линева. Головной разъезд полка — авангарда дивизии, отправленный через деревню Линева на Войнин, поддержанный 1-й сотней, своевременно обнаружил влево от дороги Линева—Войнин, в ложине, действовавшую батарею противника с прикрытием, которая обстреливала деревню. Попов вовремя доложил об этом командиру сотни и во главе полусотни, несмотря на сильный огонь противника, атаковал шестиорудийную батарею противника и взял ее в плен вместе с прислугой и 11 зарядными ящиками; за этот подвиг офицер был удостоен ордена Св. Георгия IV степени²³⁴.

Благодаря действиям Попова, остальные сотни полка безнаказанно развили успех и захватили юго-западнее деревни Бубнов еще одну батарею (четыре орудия) и в общей сложности более 1000 человек пленных, в том числе 21 офицера²³⁵.

В октябре 1916 г. в составе дивизии полк был переброшен в Румынию, в район города Роман, и действовал в горных районах.

В общей сложности к 1 января 1917 г. полк захватил 36 офицеров и 2904 нижних чина австрийцев и 55 нижних чинов германцев. Кроме того, было взято в качестве трофеев 49 лошадей с седлами, аэроплан, 15 орудий, в том числе 6 тяжелых, 6 пулеметов, 11 зарядных ящиков, 4 передка к зарядным ящикам, 4 задка, 8 пулеметных выюков, 3 прожектора, 1 лазаретная линейка, около 1000 винтовок, а также 9 возов, масса патронов (более 2 возов), 284 шестидюймовых снаряда, 2 склада ручных гранат, 10 телефонных аппаратов, около 30 верст телефонного кабеля, 3 походные кухни.

Боевой состав полка был равен 600 казакам, полк, таким образом, взял в плен в 4,5 раза больше своего состава. На 1 выбывшего казака приходилось 15,7 выбывших у противника! Потери полка к январю 1917 г. составили 2 офицера убитыми, 12 ранеными (5 осталось в строю), 1 пропавшим без вести; контужено было 8 офицеров (все остались в строю). Казаков было убито 47, ранено 368, контужено 40, пропало без вести 39, в плену — 8. Вер-

нулся в строй после ранения 56, после контузий 28. Казаков полка после ранения и выздоровления направляли в 5-ю и 6-ю Оренбургские казачьи запасные сотни в Троицке. Пополнение к 1 января 1917 г. составили 16 офицеров, 693 строевых и 19 нестроевых нижних чина, 665 лошадей из войска. В среднем офицеры полка за войну получили чуть более двух наград. На 1917 г. в полку имелось 852 штыка. 3 офицера были награждены орденами Св. Георгия IV степени, 2 — Георгиевским оружием, казаки полка получили 619 Георгиевских крестов и 586 медалей. Подобные итоги боевой работы полка позволяют считать его одним из самых прославленных среди оренбургских частей Первой мировой войны.

12-й Оренбургский казачий полк по окончании мобилизации в Троицке 27 июля 1914 г. выступил в поход в Петроград, где по прибытии вошел в состав 11-й армии, имея в своем составе 1 штаб-офицера, 20 обер-офицеров и 962 казака (в том числе 880 строевых). До 3 сентября полком командовал полковник П.В. Хлебников, переведенный затем на ту же должность во 2-й полк, 12-й полк принял войсковой старшина М.Ф. Доможиров (впоследствии убит большевиками), прошедший с ним всю войну. Первоначально полк был размещен в ужасных условиях: «В конюшнях грязь и едкий запах аммиака, а на дворе целые горы навоза. В ретирадниках зловоние, а в казармах в большинстве сотен люди спят или на голом асфальтовом полу, подкладывая под себя попоны и грязные рогожи, или же на железных переплетах кроватей, имея под сидалищем лишь небольшие соломенные круги. В смысле полного отсутствия заботы о людях дальше идти некуда. Даже больной казак, получивший накануне растяжение в ноге, валялся на голом грязном полу и присутствовавший при этом полковой врач находил, по-видимому, такое положение вполне естественным...»²³⁶

Из Петрограда полк 25 ноября в составе XXIX армейского корпуса 11-й армии выступил на театр военных действий, куда и прибыл 30 ноября, а уже 12 декабря во время разведки принял свое боевое крещение. Уже на следующий день казаки полка отличились в конной атаке на пехоту противника у деревни Мышковце юго-западнее Балиграда, причем подъесаул Н.А. Долгов был награжден за этот бой орденом Св. Георгия IV степени. Противнику был нанесен большой урон; 130 австрийцев было взято в плен, пехота противника под напором казаков отступила. Потери понесли и оренбуржцы — в атаке было убито 27 казаков и ранено 32, пропал без вести 1, лошадей убито 57, ранено 21²³⁷.

В начале 1915 г. полк вел бои на реке Сан, 8 февраля казаки форсировали реку. Летом 1915 г. в составе дивизии полк участвовал в отходе к Луцку. 4 сентября казаки 3-й, 4-й и 6-й сотен полка приняли участие в конной атаке у деревни Марьяновки. Конница преодолела проволочные заграждения и влетела в окопы противника, «рубя и коля направо и налево». Противник

был выбит из окопов и бежал за реку Стырь. В этом бою оренбуржцы опрокинули пять эскадронов спешенной кавалерии противника. Из-за этой атаки в ночь на 5 сентября противник отступил за 25 верст до реки Стырь и на других участках. Изрублено было до полуроты, 40 человек пленено. С сентября полк расположился в районе местечка Чарторийск в составе V кавалерийского корпуса.

1 сентября 1915 г. от полка выделена по распоряжению начдива команда из 30 нижних чинов во главе с хорунжим С.П. Рышковым в состав партизанского отряда Оренбургской казачьей дивизии. С 29 сентября партизаны начали свою боевую службу. В ночь 21–22 октября совместно с партизанскими отрядами 9-й и 11-й кавалерийских дивизий они совершили набег на Кухощую Волю, в ходе которого было убито ручными гранатами до 400 человек австро-германцев, среди которых были офицеры, уничтожено огромное имущество. В ночь 14–15 ноября партизаны совершили еще один набег на деревню Невель совместно с партизанскими отрядами 7-й, 11-й, 12-й кавалерийских, 1-й Донской и Терской казачьих дивизий. В этом набеге партизаны зашли с тыла деревни, перекололи до батальона пехоты 271-го германского пехотного полка, в т. ч. около 20 офицеров, уничтожили до 100 лошадей, захватив штаб полка и начальника 82-й пехотной дивизии генерала Фабариуса.

23 ноября 1915 г. две сотни полка в конном строю атаковали окопы с проволочными заграждениями у деревни Заболотье на реке Буг. Казаки врубались в окопы и перекололи до роты пехоты. Убито 6 казаков, ранено 20, лошадей убито 12, ранено 18.

Конец 1915 — начало 1916 г. прошли в упорных боях на реке Стырь. В мае 1916 г. полк принял участие в наступлении Юго-Западного фронта. 22–25 мая полк участвовал в боях у деревень Богуславка — Берестяны, вечером 24 мая противник начал спешно отступать. В его преследовании активно участвовали оренбуржцы. В этот период имели место не только конные, но и пешие штыковые атаки казаков (например, под деревней Журавичи, где половина защитников деревни была переколота казаками, 93 человека при 2 офицерах взято в плен и захвачен пулемет)²³⁸. В начале июня пришлось столкнуться с подошедшими для спасения разбитых австрийцев германскими частями. Немцы сбили части 102-й пехотной дивизии, и началось отступление. Полк для спасения положения бросился в конную атаку у деревни Трыстень 4 июня 1916 г., «противник был смят и начал отступать под лихим натиском сотен, а в это время пехотные части оправились и восстановили первоначальное положение»²³⁹. Цена успеха была велика — полк потерял трех офицеров убитыми и перешел к обороне.

В конце июня — начале июля полк занимал позиции на реке Стоход. 1 июля начались переброски полка и подготовка к преследованию против-

ника, однако 26 июля полк был отведен в резерв, где простоял до 24 августа, а затем вплоть до октября в боях не участвовал. В октябре полк в составе дивизии был переброшен в район Черновиц и далее в Румынию, в район городов Роман и Пиатра (ныне — Пятру-Нямц)²⁴⁰.

В полку было 2 кавалера ордена Св. Георгия IV степени, 1 кавалер Георгиевского оружия, казаки получили 459 Георгиевских крестов и 261 медаль. Погибло к 1 января 1917 г. 8 офицеров и 119 казаков, ранено было 6 офицеров и 278 казаков, контужено 6 офицеров и 84 казака, пропало без вести 1 офицер и 38 казаков. В плен попало 1 офицер и 7 казаков. Пополнение составили 28 офицеров, 1112 строевых и 5 нестроевых нижних чинов, 899 лошадей было прислано из войска. В строй после ранения вернулось по меньшей мере 5 офицеров и 21 казак. Полк захватил 16 офицеров и 1970 нижних чинов противника, 2 орудия, 2 зарядных ящика, пулемет, пулеметный выюк, 4 пулеметных ствола, 1500 ружей, саблю, 41 800 патронов, 3 пики, 60 пироксилиновых шашек, 748 штыков, 19 лошадей с седлами, аэроплан, прожектор, кухню, 10 выюков с провиантом. Два казака были обвинены в убийстве 14 августа 1915 г. крестьянки деревни Забороль и в грабеже помещичьего дома в той же деревне²⁴¹.

13-й Оренбургский казачий полк был сформирован из казаков 3-й очереди 30 июля 1914 г., выступил в поход из Оренбурга 7 августа со знаменем № 25 от 18 ноября 1842 г.²⁴², а 15 августа прибыл на театр военных действий в составе 20 офицеров, 880 строевых, 82 нестроевых казаков, 2 врачей, чиновника, 973 строевых и 52 обозных лошадей²⁴³. Полком в годы Первой мировой войны командовал полковник А.П. Милеев.

Полк был включен в 4-ю армию и действовал в составе Гренадерского корпуса генерала от артиллерии И.И. Мрозовского. В августе 1914 г. участвовал в Галицийской битве, преследуя противника на Тарнавку, 17 августа был придан 3-й Донской казачьей дивизии и в тот же день принял участие в бою у деревни Ольшанки Люблинской губернии, затем действовал в отряде Генштаба генерала от инфантерии Ф.А. Волошинова в районе деревень Суходолы и Травники. 21 августа 1914 г. австрийцы выбросили белые флаги с целью подойти поближе. Когда огонь стихал, они проходили наиболее поражаемые участки, после чего атаковали. Казаки встретили их губительным пулеметно-ружейным огнем²⁴⁴. При участии полка 22 августа под деревней Лопеники русскими войсками было взято около тысячи пленных. Под Тарнавкой находились австрийские укрепленные позиции. 27 августа полк был брошен в конную атаку в поддержку 17-го Оренбургского казачьего полка (включен в состав 3-й Донской казачьей дивизии 26 августа), однако наткнулся на болото и был вынужден вернуться. С 28 августа началось безостановочное преследование противника на город Янов. В ночь на 30 августа казаки совершили набег на этот город, австрийцы бе-

жали, в тот же день казаками были задержаны австрийские обозы с боеприпасами. В дальнейшем полк принял участие в боях на реке Сан, ведя разведку и преследование противника.

По окончании Галицийской битвы казаки полка приняли участие в Варшавско-Ивангородской операции (15 сентября — 26 октября 1914 г.). С 19 сентября совместно с 14-м Оренбургским казачьим полком 13-й полк составил корпусную конницу Гренадерского корпуса, осуществляя разведку и охранял переправы на левом берегу Вислы.

8—21 октября 1914 г. полк участвовал в боях на Висле, прикрывая левый фланг корпуса и осуществляя связь с соседним XVI армейским корпусом. При отходе от Вислы полк прикрывал переправу корпуса, а также осуществлял разведку перед фронтом и на флангах корпуса. 1—11 ноября 1914 г. казаки полка приняли участие в Ченстоховско-Краковской операции. В декабре 1914 г. прикрывали отход корпуса от Ченстохова к Конску, а в 1915 г. — от Конска на позиции у Барановичей, вновь осуществляя разведку и неся службу связи. 17 августа 1915 г. полк был придан 3-й Донской казачьей дивизии и действовал на территории Люблинской губернии. К 1 декабря 1915 г. полк был расположен в Новогрудском уезде Минской губернии.

Уже в боях 1914 г. казаки полка совершили немало подвигов. В частности, казак И. Липов 12 октября 1914 г. отдал офицеру (поручику 1-го Лейб-гренадерского Екатеринославского полка Нарышкину) свою лошадь для донесения, а сам ободрял отступавшую пехоту и со словами, что он, казак, будет драться как пехотинец, остановил ее отход и заставил окопаться. 20 октября 1914 г. урядник Е. Подтихов с риском для жизни срезал привязанные к мосту через реку Чарна у деревни Заброды пироксилиновые шашки с горевшим фитилем и предотвратил взрыв²⁴⁵.

17 декабря 1915 г. в полку проводились учения саперной команды по метанию гранат. В результате преждевременного взрыва было ранено и контужено 16 казаков и легко ранен командир полка полковник Милеев. Один из казаков умер²⁴⁶. 20—21 декабря полк под Могилевом осмотрел император.

К концу 1915 г. в полку имелось 161 Георгиевский крест и 280 медалей. Казаками полка было пленено 5 офицеров и 832 нижних чина противника. Полк также захватил 11 лошадей. В среднем офицеры полка за период 1914—1915 гг. получили по пять наград. Штыков в части не было, но их полагали желательными. Кроме того, полку были необходимы собственная конно-пулеметная команда и команда связи, но без ослабления боевого состава сотен. Нуждался полк и в собственном конском запасе (при стоимости лошади в 400 рублей компенсация за нее в 125 рублей не соответствовала существовавшей цене). Полку также был нужен казначей — военный чиновник или нестроевой офицер, но без совмещения с должностью полкового адъютанта.

В январе—июне 1916 г. полк не участвовал в боевых действиях, ядро полка было дислоцировано в деревне Савичи. Велись занятия по расписанию, полк обслуживал пехотные части и хозяйственные учреждения Гренадерского корпуса. Кроме того, казаки несли службу летучей почты и связь между корпусами.

1 декабря 1916 г. полк в полном составе выбыл из Гренадерского корпуса и по железной дороге отправился тремя эшелонами внутрь империи. Прощаясь с полком, командир корпуса Генштаба генерал-лейтенант Д.П. Парский писал: «...полк свыше двух лет нес с корпусом боевую работу, пережил с нами все боевые радости и печали... За двухлетний период боевой и походной жизни и работы гренадеры и казаки сжились и братски сроднились друг с другом. Расставаясь ныне с 13 Оренбургским казачьим полком, я от себя и от всех гренадер выражаю искреннейшее пожелание всем чинам полка полного успеха и благополучия в новом месте их службы... Молодцам-казакам за их постоянную лихую молодецкую работу мое сердечное спасибо. Добрый путь, лихие станичники, и не поминайте нас лихом»²⁴⁷.

16 декабря полк прибыл в город Челкар Тургайской области и поступил в распоряжение начальника Экспедиционного отряда генерал-лейтенанта А.Д. Лаврентьева. 21—30 декабря казаки посотенно по распоряжению Лаврентьева перешли из Челкара в Иргиз походным порядком. Подробнее об участии полка в подавлении беспорядков на территории Туркестана будет сказано ниже.

За период до января 1917 г. в полк прибыло пополнение численностью 7 офицеров, 3 врача, 335 строевых и 21 нестроевой нижний чин, из войска было прислано 579 лошадей для безлошадных казаков. 43 обозных и вьючных лошади было поставлено по военно-конской повинности.

Полк являлся своеобразным рекордсменом по количеству офицерских наград (кроме георгиевских). Сохранилась небезынтересная статистика распределения наград офицеров полка за период войны (до января 1917 г.)²⁴⁸:

Т а б л и ц а 39

СТАТИСТИКА НАГРАЖДЕНИЙ ОФИЦЕРОВ 13-ГО ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА

Орден	Количество
Св. Владимира III ст. с мечами	1
Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом	11
Св. Владимира IV ст. с бантом	1
Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (аннинское оружие)	22

Орден	Количество
Св. Анны II ст. с мечами	19
Св. Станислава II ст. с мечами	27
Св. Анны III ст. с мечами и бантом	22
Св. Станислава III ст. с мечами и бантом	23
Св. Станислава II ст.	1
Св. Анны III ст.	4
Св. Станислава III ст.	5
Св. Анны II ст.	1
Св. Станислава II ст.	2
Мечи и бант к ордену Св. Анны III ст.	3
Мечи и бант к ордену Св. Станислава III ст.	5

К началу 1917 г. в полку было 185 Георгиевских крестов и 332 медали. Медалей «За усердие» — 260. Погибло 23 казака, 12 умерло от ран, ранено 5 офицеров и 103 нижних чина, 1 офицер и 28 казаков контужено, 7 казаков пропало без вести, 2 пленено. Отравлено удушливыми газами 20 казаков. Эвакуировано и исключено из состава части 1 офицер, 2 врача и 229 казаков, переведено в другие части 6 офицеров, 2 чиновника и 10 казаков. Полк захватил 5 офицеров и 832 нижних чина противника. 13 казаков было предано суду, из них 5 оправдано.

14-й Оренбургский казачий полк выступил в поход 8 августа 1914 г. по сформировании в Оренбурге в составе 19 офицеров (по другим данным — 20 офицеров), 878 строевых и 82 нестроевых нижних чинов, имея на вооружении 855 винтовок, 25 револьверов, 962 шашки. Командиром полка в 1914—1917 гг. являлся войсковой старшина З.Ш. Дашкин. Полк высадился в городе Холм и вошел в состав Гренадерского корпуса. Наряду с 13-м полком, он принял участие в Галицийской битве. 18 августа полку была поставлена первая боевая задача по ведению разведки перед фронтом корпуса. 20 августа казаки приняли участие в бою под Суходолами, австрийцы были разбиты и бежали, полк преследовал их и вел разведку корпуса. 2 сентября 1914 г. полк перешел границу Австрии. Все время он осуществлял корпусную разведку на фронте Гренадерского корпуса. Преследуя отступавшего противника, казаки переправились через Вислу. 10 октября прошла повторная переправа через Вислу. Преследование отступавшего противника продолжалось.

В начале 1915 г. полк был вынужден перейти к позиционной войне. 29 апреля 1915 г. казаки отошли на Радомские позиции, при отходе полк удерживал противника и все время вел разведку. К 18 июля 1915 г. он был переброшен на станцию Янов Ковенской губернии, войдя в отряд генерала М.С. Тюлина (будущего оренбургского Наказного атамана) в составе 10-й армии. 24 июля 1915 г. силами полка в конном строю была атакована германская пехота, отбиты два пулемета, ранее захваченные немцами у кубанцев. В дальнейшем полк действовал в составе III Сибирского и V Кавказского армейских корпусов, а затем совместно с 40-м Донским казачьим полком вошел в состав Сводной казачьей бригады. В составе бригады после 14 октября 1915 г. он был переброшен в Одессу и до 30 ноября находился на отдыхе. Переброска была обусловлена необходимостью сосредоточения войск для готовившейся Ставкой, но так и не состоявшей десантной операции на побережье Болгарии. Эта операция была возложена на штаб 7-й армии, в состав которой и входила Сводная казачья бригада²⁴⁹. Отказ от проведения операции позволил направить части из-под Одессы на фронт. 1 декабря полк выступил в Проскуров и далее в Галицию, а 14 декабря перешел вторично границу Австро-Венгрии у местечка Густин.

5 декабря 1915 г. в полку был организован партизанский отряд в составе 2 обер-офицеров и 60 казаков. Отряд никакой деятельности не предпринимал. К этому времени казаки полка получили 186 Георгиевских крестов и 340 медалей. У противника было захвачено 5 повозок с боеприпасами, 2 повозки со снарядами, 2 зарядных ящика с ручными гранатами, повозка с фуражом, фурманка с фуражом, походная аптека, 45 лошадей, 1 карабин и 1 револьвер. 88 австрийцев, 2 германца было взято в плен²⁵⁰. Потери полка составили 2 офицера умершими от ран, 8 ранеными, 14 казаков убитыми и 102 ранеными, 19 казаков пропавшими без вести, 4 умершими от ран и болезней. Вернулись в строй после ранения 6 офицеров и 2 казака. В среднем офицеры полка получили по 4 награды за истекший период войны. Штыков полк не имел. Отмечалось постепенное ухудшение пополнений в отношении обеспечения конским снаряжением и лошадьми²⁵¹.

В 1916 г. полк был выведен из состава Сводной казачьей бригады и распоряжением начальника штаба Верховного главнокомандующего включен в корпусную конницу V Сибирского армейского корпуса²⁵².

К 1 января 1917 г. пополнения в полку составили 6 офицеров, 448 строевых и 2 нестроевых нижних чина, 557 лошадей из войска. Казаки полка получили 401 Георгиевский крест и 489 медалей. 11 офицеров было ранено. 21 казак погиб, ранено 163. Контужено 1 офицер и 4 казака, пропал без вести 21 казак. Полк захватил 4 офицеров, врача и 270 солдат противника. Трофеями полка стали 2 повозки с артиллерийскими снарядами,

Орден	Количество
Св. Анны II ст. с мечами	19
Св. Станислава II ст. с мечами	27
Св. Анны III ст. с мечами и бантом	22
Св. Станислава III ст. с мечами и бантом	23
Св. Станислава II ст.	1
Св. Анны III ст.	4
Св. Станислава III ст.	5
Св. Анны II ст.	1
Св. Станислава II ст.	2
Мечи и бант к ордену Св. Анны III ст.	3
Мечи и бант к ордену Св. Станислава III ст.	5

К началу 1917 г. в полку было 185 Георгиевских крестов и 332 медали. Медалей «За усердие» — 260. Погибло 23 казака, 12 умерло от ран, ранено 5 офицеров и 103 нижних чина, 1 офицер и 28 казаков контужено, 7 казаков пропало без вести, 2 пленено. Отравлено удушливыми газами 20 казаков. Эвакуировано и исключено из состава части 1 офицер, 2 врача и 229 казаков, переведено в другие части 6 офицеров, 2 чиновника и 10 казаков. Полк захватил 5 офицеров и 832 нижних чина противника. 13 казаков было предано суду, из них 5 оправдано.

14-й Оренбургский казачий полк выступил в поход 8 августа 1914 г. по сформировании в Оренбурге в составе 19 офицеров (по другим данным — 20 офицеров), 878 строевых и 82 нестроевых нижних чинов, имея на вооружении 855 винтовок, 25 револьверов, 962 шашки. Командиром полка в 1914—1917 гг. являлся войсковой старшина 3.Ш. Дашкин. Полк высадился в городе Холм и вошел в состав Гренадерского корпуса. Наряду с 13-м полком, он принял участие в Галицийской битве. 18 августа полку была поставлена первая боевая задача по ведению разведки перед фронтом корпуса. 20 августа казаки приняли участие в бою под Суходолами, австрийцы были разбиты и бежали, полк преследовал их и вел разведку корпуса. 2 сентября 1914 г. полк перешел границу Австрии. Все время он осуществлял корпусную разведку на фронте Гренадерского корпуса. Преследуя отступавшего противника, казаки переправились через Вислу. 10 октября прошла повторная переправа через Вислу. Преследование отступавшего противника продолжалось.

В начале 1915 г. полк был вынужден перейти к позиционной войне. 29 апреля 1915 г. казаки отошли на Радомские позиции, при отходе полк задерживал противника и все время вел разведку. К 18 июля 1915 г. он был переброшен на станцию Янов Ковенской губернии, войдя в отряд генерала М.С. Тюлина (будущего оренбургского Наказного атамана) в составе 10-й армии. 24 июля 1915 г. силами полка в конном строю была атакована германская пехота, отбиты два пулемета, ранее захваченные немцами у кубанцев. В дальнейшем полк действовал в составе III Сибирского и V Кавказского армейских корпусов, а затем совместно с 40-м Донским казачьим полком вошел в состав Сводной казачьей бригады. В составе бригады после 14 октября 1915 г. он был переброшен в Одессу и до 30 ноября находился на отдыхе. Переброска была обусловлена необходимостью сосредоточения войск для готовившейся Ставкой, но так и не состоявшей десантной операции на побережье Болгарии. Эта операция была возложена на штаб 7-й армии, в состав которой и входила Сводная казачья бригада²⁴⁹. Отказ от проведения операции позволил направить части из-под Одессы на фронт. 1 декабря полк выступил в Проскуров и далее в Галицию, а 14 декабря перешел вторично границу Австро-Венгрии у местечка Густин.

5 декабря 1915 г. в полку был организован партизанский отряд в составе 2 обер-офицеров и 60 казаков. Отряд никакой деятельности не предпринимал. К этому времени казаки полка получили 186 Георгиевских крестов и 340 медалей. У противника было захвачено 5 повозок с боеприпасами, 2 повозки со снарядами, 2 зарядных ящика с ручными гранатами, повозка с фуражом, фурманка с фуражом, походная аптека, 45 лошадей, 1 карабин и 1 револьвер. 88 австрийцев, 2 германца было взято в плен²⁵⁰. Потери полка составили 2 офицера умершими от ран, 8 ранеными, 14 казаков убитыми и 102 ранеными, 19 казаков пропавшими без вести, 4 умершими от ран и болезней. Вернулись в строй после ранения 6 офицеров и 2 казака. В среднем офицеры полка получили по 4 награды за истекший период войны. Штыков полк не имел. Отмечалось постепенное ухудшение пополнений в отношении обеспечения конским снаряжением и лошадьми²⁵¹.

В 1916 г. полк был выведен из состава Сводной казачьей бригады и распоряжением начальника штаба Верховного главнокомандующего включен в корпусную конницу V Сибирского армейского корпуса²⁵².

К 1 января 1917 г. пополнения в полку составили 6 офицеров, 448 строевых и 2 нестроевых нижних чина, 557 лошадей из войска. Казаки полка получили 401 Георгиевский крест и 489 медалей. 11 офицеров было ранено. 21 казак погиб, ранено 163. Контужено 1 офицер и 4 казака, пропал без вести 21 казак. Полк захватил 4 офицеров, врача и 270 солдат противника. Трофеями полка стали 2 повозки с артиллерийскими снарядами,

201 винтовка, 31 пика, револьвер, 76 лошадей, 2 седла, 37 повозок с имуществом и аптечка.

15-й Оренбургский казачий полк выступил в поход из Верхнеуральска 6 августа 1914 г. в составе 1 штаб-офицера, 17 обер-офицеров, 959 шашек (879 строевых и 80 нестроевых казаков). Первоначально полком командовал войсковой старшина С.А. Харитонов (до 3 декабря 1914 г.), затем было несколько временных командиров, а 28 мая 1915 г. полк принял войсковой старшина (позднее — полковник) С.И. Киселев, находившийся в должности полкового командира до конца войны.

26 августа 1914 г. полк прибыл на театр военных действий и поступил в подчинение коменданта крепости Ивангород, будучи командирован в состав Радомского отряда, где находился до 26 сентября 1914 г. Казаки вели непрерывные дальние разведки противника. Было установлено намерение противника наступать крупными силами на Ивангород, в результате чего приняты меры по укреплению крепости. В дальнейшем полк осуществляя прикрытие отхода Радомского отряда к Ивангороду, участвовал в боях под Ивангородом, прикрывал правый берег Вислы, препятствуя переправе противника. 11 ноября 1914 г. казаки во главе с подъесаулом А.П. Воронцовым атаковали позиции противника у деревни Дзвонице, выбили противника из окопов, частично изрубив, частично обратив его в бегство и взяв в плен 2 офицеров и 95 нижних чинов.

Бои в декабре 1914 г. велись под Краковом на реке Нида. Тогда полк прикрывал отход частей 75-й пехотной дивизии. 16 января 1915 г. полк прибыл для несения военно-полицейской службы в тылу 9-й армии, эти функции казаки выполняли до 20 февраля, после чего полк был переброшен в составе 9-й армии в Галицию. Со второй половины апреля 1915 г. полк действовал в составе XVIII армейского корпуса. Май—июнь 1915 г. были отмечены боями на реках Днестр, Гнилая и Золотая Липа. В августе казаки сражались на реке Стрыпа, в сентябре участвовали в боях под Тарнополем.

В августе 1915 г. в полку была организована партизанская партия в составе 30 нижних чинов при 1 обер-офицере. Партия 28 августа была командирована в состав партизанского отряда 8-й армии, однако в связи со свертыванием партизанских действий 15 ноября партия возвратилась в полк²⁵³.

На вооружении полка находились австрийские винтовки со штыками. К концу 1915 г. офицеры полка получили в среднем по три награды. Три офицера полка были преданы корпусному суду и осуждены. Как и в других частях, в полку было отмечено постепенное ухудшение конского состава пополнений. Лошади прибывали старые и с разбитыми ногами.

В 1915 г. в полку произошло чрезвычайное событие. Сразу два офицера полка были уличены в финансовых махинациях и других неблагоприятных

поступках. Это были отец и сын Нелюбины. В частности, сотник И.И. Нелюбин самовольно, вопреки приказу, остался в командировке при штабе I кавалерийского корпуса, взял с собой восемь казаков, в Варшаве реквизи- ровал полукровного жеребца, сомнительным способом добыл кобылу, свою же лошадь привел в негодность и бросил. Позднее Нелюбин за службу в шта- бе кавалерийского корпуса требовал себе представление к наградам, хотя из корпуса представлений на этот счет не поступало. Более того, Нелюбин был предан суду за то, что, будучи послан за покупкой коров для нужд сотни, из 300 рублей присвоил 130, в сотню привел две коровы, полученные от сво- его отца есаула И.В. Нелюбина бесплатно из числа реквизированного пос- ледним для казны, а для сокрытия преступления представил командиру сотни две подложные расписки на общую сумму в 130 рублей. В итоге на скамье подсудимых очутились и есаул, и сотник Нелюбины. Отец обвинял- ся в изготовлении поддельных расписок и хищениях казенного овса²⁵⁴.

В итоге есаул И.В. Нелюбин и сотник И.И. Нелюбин были преданы кор- пусному суду 11-й армии. Как выяснилось, Нелюбин-старший ранее три- жды дисциплинарно наказывался. Младший, ранее дважды дисциплинар- но наказанный, теперь был осужден за соучастие в махинациях отца, собст- венное хищение казенных средств и незаконные реквизиции. Первый был приговорен 2 октября 1915 г. к отправлению на четыре года в исправитель- ные арестантские отделения, но наказание по решению главнокоманду- ющего ограничено разжалованием. С 1915 по 1917 г. Нелюбин-старший прослужил рядовым казаком в 9-м Оренбургском казачьем полку. Поста- новлением Временного правительства от 17 марта 1917 г. он подлежал ос- вобождению от наказания и последствий судимости с восстановлением во всех правах. Младшего Нелюбина суд приговорил к заключению в крепос- ти сроком на один год и четыре месяца.

Находясь в составе XVIII армейского корпуса, полк до 18 мая 1916 г. не выполнял самостоятельных боевых задач, сотни были распределены по дивизиям корпуса. В мае 1916 г. полк принял участие в наступлении Юго- Западного фронта. Три сотни полка до конца июля простояли в корпусном резерве в районе Тарнополя. В конце июля полк перешел в город Коломыя. В августе казаки несли разведывательную службу и службу связи в районе реки Кирлибаба. В ноябре полк участвовал в боях под Кирлибабой и Яко- бенами.

По данным к 1 января 1917 г., пополнения составили 12 офицеров, 211 строевых и 6 нестроевых казаков, 172 лошади из войска. В полку был 1 кавалер Георгиевского оружия, казаки были награждены 363 Георги- евскими крестами и 328 Георгиевскими медалями. Погибли 1 офицер и 19 казаков, ранен 71 казак, контужено 4, пропало без вести 10, в плену 6. Казаками захвачено 2 офицера, 155 солдат противника и 120 винтовок.

16-й Оренбургский казачий полк выступил в поход 3 августа 1914 г. со знаменем № 34 (одно из старинных казачьих знамен Оренбургского войска) в составе 17 офицеров и 880 строевых и 80 нестроевых казаков. Полком в годы войны командовал войсковой старшина В.И. Печенкин. 24 августа 1914 г. полк прибыл в Люблин на театр военных действий и на следующий день поступил в распоряжение командира XVIII армейского корпуса. Две сотни полка поступили в распоряжение начальника штаба корпуса для несения службы связи, три сотни получили задачи охраны левого фланга корпуса и были переданы в распоряжение начальника 23-й пехотной дивизии. В конце августа полк осуществлял разведку и преследовал противника.

В боях на реке Сан 6 сентября 1914 г. отличилась 3-я сотня полка, которая атаковала роту австрийцев у колонии Падев и захватила 52 человека в плен. Во второй половине сентября полк сражался на реке Висле, охраняя фланги и промежутки между боевыми участками. В октябре казаки преследовали противника от Сана к Дунайцу.

К концу февраля 1915 г. полк был переброшен в 9-ю армию к Станиславу, а затем разбросан, оказавшись в распоряжении начальников 80-й и 37-й пехотных дивизий. С 13 апреля 1915 г. полк вошел в состав XXII армейского корпуса. Казаки вели бои в Карпатах на реке Стрый, затем прикрывали отход русских войск на Днестре. В августе полк участвовал в ликвидации прорыва противника на фронте Хиновице—Дрыщов, прикрывал отход наших войск, содействуя 1-й Финляндской стрелковой дивизии.

Пополнения прибывали из 1-го и 2-го военных отделов. В начале декабря 1915 г. казаки трехлинейки были переданы в пехотные части, а взамен их получены австрийские винтовки со штыками русской выделки. Пики имелись с деревянными древками, причем нехватка их составляла 210 штук (по сути, пику имел лишь каждый четвертый казак). Желательно было иметь современные пики со стальными древками, а не устаревшие деревянные. В декабре 1915 г. полк получил и штыки.

Казаки полка отличились 28 июля 1916 г. в конной атаке трех сотен на реке Золотая Липа у деревень Лязарувка и Коросцятынь в 10 верстах к юго-западу от Монастержиско на пехоту противника. Изрублено тогда было около 100 солдат противника, захвачено 6 офицеров, 202 нижних чина и 2 пулемета. Полк находился в распоряжении начальника 3-й Финляндской стрелковой дивизии. Полку была поставлена задача преследовать противника на реке Золотая Липа. Несмотря на густой лес, была произведена эта конная атака. В результате атаки противник не оказал серьезного сопротивления нашей пехоте при переправе через Золотую Липу.

Некоторые типично казачьи черты, наряду с героизмом, прослеживаются в поступке унтер-офицера полка — вахмистра станицы Магнитной

К.Ф. Ефимова, который однажды в бою, снимая под огнем седло с убитой лошади, крикнул австрийцам: «Нет, не видать вам казачьего седла»²⁵⁵.

К 11 августа 1916 г. в строю находилось 3 сотни полка в составе 3 штаб-офицеров, 6 обер-офицеров, 4 трубачей, 26 урядников, 200 приказных и казаков. Всего 239 человек, по 9 рядов во взводах. Полк оставался в составе XXII армейского корпуса. До апреля 1916 г. две сотни, а позднее одна состояли при штабе корпуса. Остальные три сотни участвовали в создании кавалерийской завесы, наблюдении и охране флангов и промежутков между боевыми участками, развитии успеха пехоты и преследовании противника. Оренбуржцы сражались на Золотой Липе, Быстрице и Днестре.

11 августа 1916 г. полк осмотрел Походный атаман, причем «командир 22 армейского корпуса, генерал от инфантерии барон [А.-П.Ф.] фон-ден-Бринкен засвидетельствовал особо выдающуюся боевую службу входящего в состав его корпуса 16 Оренбургского полка... Как люди, так и лошади оставили у Меня отличное впечатление. Амуницию, обмундирование, снаряжение и оружие Я нашел в полном порядке»²⁵⁶.

К началу 1917 г. пополнение составило 17 офицеров, 295 строевых и 6 нестроевых казаков, а также 295 лошадей из войска. В полку было по одному кавалеру ордена Св. Георгия IV степени и Георгиевского оружия, казаки были отмечены 415 крестами и 237 медалями. Погибло 2 офицера и 38 казаков, ранено 5 офицеров и 153 казака, контужено 3 офицера и 17 казаков, пропало без вести 5 казаков, в плену 1 казак. Полк захватил 11 офицеров, 786 солдат противника, 2 пулемета, 686 ружей, 203 сабли, 38 пик, 31 револьвер, 6 биноклей, 789 штыков, 9 лошадей, 2 телеги и повозку с артиллерийской наблюдательной вышкой.

17-й Оренбургский казачий полк 30 июля 1914 г. выступил в поход в составе 21 офицера (по другим данным, 20) и 963 шашек (881 строевой казак) со знаменем «№ 35. Батальонное пеше-казачье знамя Оренбургского Казачьего Войска. Пожаловано 17 Июля 1855 г.»²⁵⁷. Командовал полком в 1914—1917 гг. полковник Н.П. Смолин. 25 августа полк прибыл на театр войны, а 26 августа вошел в состав 3-й отдельной Донской казачьей дивизии.

Между прочим, старшим адъютантом штаба 3-й Донской казачьей дивизии генерал-майора С.В. Евреинова являлся выдающийся оренбургский казачий офицер Генштаба подъесаул И.Г. Акулинин (в будущем — один из вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества и ближайший соратник атамана А.И. Дутова). Дивизия действовала на левом фланге Гренадерского корпуса в интервале между 4-й и 5-й армиями.

Дивизия была второочередной, казаки еще не втянулись в боевую работу, офицеры прибыли частично со льготы, частично из первоочередных полков, как писал сам Акулинин, среди казаков было много так называе-

мых «кормяков» — казаков, никогда не служивших в первоочередных полках. Пулеметов и телефонов не имелось. Уже в августе сотни были измотаны непрерывными передвижениями, люди не получали достаточно горячей пищи²⁵⁸.

19 августа (1 сентября) казаки самоотверженно прикрывали железнодорожную станцию Травники и железнодорожный мост через реку Вепрж, разрушение которого грозило приостановкой железнодорожного сообщения между Люблином и Холмом и выходом противника во фланг и тыл Гренадерского корпуса. Кстати, обороной самого моста руководил будущий легендарный герой антибольшевистского движения на Дону подвесаул И.Ф. Быкадоров.

Подвесаул Акулинин отличился 22 августа (4 сентября) 1914 г. в бою у деревни Горжков. У дивизии была возможность атаковать фланг и тыл отступавших австрийцев, однако ни начальник дивизии, ни командиры полков никак не могли решиться на это. Тогда Акулинин с ординарцами поскакал вперед, увлекая за собой сотню 32-го Донского казачьего полка и взвод оренбуржцев сотника Кузнецова. Атака увенчалась успехом — был взят в плен батальон австрийской пехоты с командиром и офицерами. Атака имела громадное моральное значение. Увидев впереди снимавшуюся с места австрийскую батарею, Акулинин с казаками бросился и на нее, однако это предприятие успехом не увенчалось — офицеры на чистокровных лошадях вынеслись далеко вперед, а казаки отстали. Когда и казаки приблизились к батарее, батарейная прислуга уже открыла огонь, и импровизированный отряд Акулинина понес потери²⁵⁹.

К 26 августа 1-я австрийская армия под командованием генерала Г. Данкля закрепилась к югу от железной дороги Люблин—Холм. На усиление правого фланга армии подошел германский Силезский ландверный корпус генерала Р. фон Войрша (3-я и 4-я ландверные дивизии при 72 орудиях). На левом фланге австрийской армии действовала армейская группа генерала Г.Р. Куммера. С целью прорыва позиций противника 4-я русская армия под командованием Генштаба генерала от инфантерии А.Е. Эверта 26 августа начала фронтальные атаки. 3-я Донская казачья дивизия действовала на стыке 4-й и 5-й армий. В состав дивизии помимо трех донских (18-го, 30-го и 32-го) были временно включены два оренбургских казачьих полка — 13-й и 17-й²⁶⁰. В то же время 20-й Донской казачий полк был выведен из состава дивизии и находился во временной командировке при XVI армейском корпусе²⁶¹. Неразбериха с перебросками свидетельствует о том, что управление русской конницей в армейском звене находилось на чрезвычайно низком уровне. Впрочем, есть все основания полагать, что подобные издержки (известные уже в японскую войну отрядомания и широкая импровизация) были присущи боевому использованию и других частей русской ар-

мии. К сожалению, в межвоенный период эту основополагающую составляющую русского управления войсками искоренить не удалось. Между тем именно наличие импровизационных отрядов часто приводило к полной дезорганизации управления войсками в бою.

За разработку плана и личное участие в стремительной конной атаке на сидевшую в окопах пехоту противника у села Драганы близ Тарнавки 26 августа (8 сентября) 1914 г. в составе 18-го Донского и 17-го Оренбургского казачьих полков Акулинин был награжден Георгиевским оружием. Идея конной атаки силами целой бригады возникла у него самостоятельно, приказ был отдан им на свой страх и риск в отсутствие командира бригады, уехавшего на соседний хутор, приказа об этом он не получал²⁶². Казаки в конном строю атаковали австрийскую пехоту в окопах близ Тарнавки у села Драганы под Люблином. Донцы и оренбуржцы лихой атакой прошли три ряда пехотных окопов, изрубили, закололи и перестреляли около полутора рот австрийцев, пленили 60 солдат противника при 2 офицерах. Однако атака не была поддержана соседней пехотой, с интересом наблюдавшей за происходящим из своих окопов. Когда возбужденный успешной атакой и захватом первой линии австрийских окопов Акулинин сначала послал к соседям ординарца, а затем и сам поскакал за поддержкой, ближайший ротный командир отослал его к батальонному, а тот заявил, что решение о переходе в наступление должен принять командир полка. Не оказала поддержки и 2-я бригада своей же дивизии. Смелая инициатива молодого талантливого генштабиста была сведена на нет косностью, нерешительностью и апатией большинства других начальников, конная атака захлебнулась. Тем не менее, казаками было взято в общей сложности около 300 пленных. Потери составили 2 офицера, до 15 казаков и до 50 лошадей убитыми и 5 офицеров, до 40 казаков и до 50 лошадей ранеными. По другим данным, казаки в атаке потеряли 1 офицера, 12 казаков и 73 лошади. Ранено было 3 офицера, 46 казаков и 45 лошадей. Уничтожено более 150 австрийцев. За боевые отличия в боях августа 1914 г., в которых Акулинин успешно исполнял должность начальника штаба при отряде Генерального штаба генерал-майора Н.Г. Володченко, молодой офицер был представлен к чину есаула.

В документах 17-го Оренбургского казачьего полка сохранилось описание произведенной конной атаки. «Как ураган ринулась могучая казачья лавина на врага при громком несмолкаемом «ГИКАНИИ», оглашающем воздух, а вместе с тем и своих супостатов, ворвались казаки в неприятельские траншеи. Творилось что-то ужасное. Австрийская пехота, завидев мчащуюся лаву, открыла убийственный ружейный огонь, затрещали пулеметы, но казаки, как огненная лавина, рассеялись по полю и тешились всеми способами своей неудержимой казачьей удали. На полном скаку направляет ка-

зак свою страшную пику и так вонзает в австрийца, что пика или ломается, или просто остается не вынутой из пригвожденного к земле трупа. Вот несколько человек врезаются в окопы и начинают направо и налево крошить своими славными казацкими шашками обезумевших от страха австрийцев. Многие из них побросали свои винтовки, бросались на колени и с поднятыми вверх руками умоляли о пощаде. Кони в глубоких окопах падали вместе с всадниками, другие перепрыгивали, при громких криках и адском ружейном огне смерть стояла буквально на каждом шагу... Тех, которые бросали оружие, забирали и гнали по направлению к своим окопам, тех же, кто пытался защищаться, быстро расстреливали или рубили...»²⁶³

По мнению И.Г. Акулинина, «командиры полков построили боевой порядок с поразительной быстротой и отчетливостью. 18 Донской казачий полк, имевший уже боевой опыт, пошел в атаку с соблюдением необходимых мер предосторожности, стараясь, насколько возможно, применяться к местности и боевой обстановке. 17-й Оренбургский казачий полк, только что прибывший на театр военных действий и вступивший в бой впервые, развернул полковую лаву, как на учении, с соблюдением установленных дистанций и интервалов; все перестроения полка были проделаны на виду у противника по выходе из д. Драганы, на чистом месте. Перед началом атаки каждый оренбурец истово перекрестился и поплевал в правую ладонь — чтобы крепче держать клинок... Автор мог бы привести еще ряд примеров, когда конница могла с успехом действовать в конном строю. Для этого требовалось лишь понимание боевой обстановки и решимость со стороны кавалерийских начальников»²⁶⁴. Добавлю, что, к сожалению, эти качества у русских кавалерийских начальников Первой мировой были крайне редки.

В период с 27 августа по 11 сентября полк вел преследование австрийцев. 11 сентября часть изъяли из дивизии по распоряжению командующего армией и включили в состав корпусной конницы XVI армейского корпуса, видимо возвратив в дивизию таким образом 20-й Донской полк. Очередные манипуляции командования с переподчинением частей ни к чему хорошему привести не могли.

До 9 октября полк обслуживал пехотные части корпуса²⁶⁵, участвовал в преследовании австро-германцев до Ченстоховских позиций. 15 октября 1914 г. у города Радом полком был отбит дивизионный обоз австрийской кавалерийской дивизии (3 автомобиля, 51 фурманка при 60 лошадях, фураж, продовольственные припасы, оружие, шанцевый инструмент, различные мелкие вещи, запасной лафет к тяжелому орудию и 4 русские трехдюймовые скорострельные пушки без замков с 2 зарядными ящиками, потерянные в бою у города Ново-Александрия 27 сентября 1914 г. частями Гренадерского корпуса)²⁶⁶. Обоз был отбит при преследовании авст-

рийцев после упорных и кровопролитных боев на Висле. Непосредственное участие в отбитии обоза принимали 2-я сотня и 1-й взвод 4-й сотни полка. В одном из документов отмечалось, что на счету полка только три ярких боевых дела, в остальное время полк являлся корпусной конницей и «если и был часто целыми месяцами в непрерывной боевой работе, то она разменивалась по мелочам... боевой обстановкой и организацией наших вооруженных сил — ему (полку. — А. I.) приходилось исполнять боевые задачи часто самого мелкого масштаба»²⁶⁷. К такого рода задачам отпослались пешая и конная разведка, ординарческая служба связи, служба летучей почты.

В 1915 г. полк участвовал в боях на реке Пилица, а 1 августа 1915 г. вошел в состав XXXVIII армейского корпуса. 11 августа 1915 г. на реке Нарев казаки полка отбили несколько велосипедов противника. Почти ровно через год после атаки под Тарнавкой 28 августа 1915 г. в конной атаке у местечка Скидель тремя сотнями казаков полка было изрублено 150 германцев, очищено и удержано за собой местечко. Казаки шли колонной по три широким наметом с двух сторон шоссе. Перед атакой сотни построились в разомкнутый боевой порядок и атаковали населенный пункт, где расположился батальон германской пехоты с пулеметами. Германцы засели в домах и на чердаках. Приходилось спешиваться и уничтожать их или прямо верхом заскакивать в дома. «В плен никого не брали, этим делом не увлекались: у всех за год войны слишком много накопилось на душе и коварному врагу хотелось воздать должное»²⁶⁸. Тем не менее было взято в плен около 30 солдат и офицер, захвачено 90 винтовок и другое имущество. Казаки одинаково успешно работали и в конном, и в пешем строю. Вскоре подошла и пехота, которая завершила начатое конницей. В этом бою казаки потеряли 3 человека убитыми, пало 11 лошадей. Ранено было 2 офицера, 17 казаков и 17 лошадей, без вести пропало 2 казака.

Сентябрь 1915 г. полк провел на реке Березине. Показательно, что отдаленные казаки иногда действовали против 5—10 австрийцев. Один из офицеров полка писал, что «как австрийская, так и Германская кавалерия посажена на хороших кровных лошадях, и наш киргизский МАШТАЧЕК против них кажется игрушкой, но казак на этой игрушке часто задавал панического страха трусливым неприятельским кавалеристам. Еще более опешеломляюще действует внезапное появление казаков на неприятельскую пехоту и опять-таки в особенности на австрийскую»²⁶⁹.

К концу 1915 г. в полку числилось 4 кавалера Георгиевского оружия (в том числе 1 офицер, награжденный за подвиг в составе 1-го Оренбургского казачьего полка), казаки получили 244 Георгиевских креста и 114 медалей. К декабрю 1915 г. каждый офицер полка в среднем получил по три награды. Погиб 1 офицер, 6 ранено, из них 4 вернулось в строй. Погибло

37 казаков, ранено 170, пропало без вести 16, тяжело ранено и осталось на поле сражения 2, 72 раненых вернулось в строй. Контужено 2 офицера и 13 казаков. К 1 декабря 1915 г. пополнения из 3-го военного отдела составили 8 офицеров, 334 строевых и 15 нестроевых нижних чинов, 417 лошадей, кроме того, в полку было 15 трофейных лошадей. Взято в плен 6 офицеров и 218 солдат противника, захвачено 4 орудия, 2 зарядных ящика, 1 запасной лафет, 3 автомобиля, 8 велосипедов, 51 фурманка с имуществом, 80 лошадей и т. д. 4 казака были приданы корпусному суду за побег со службы, членовредительство и неисполнение приказа. Штыков полк не имел.

Казачьи офицеры среди пожеланий просили о выдаче второй верховой лошади каждому. Отсутствие полкового священника также негативно влияло на дух полка, поскольку «казаки по семейным традициям глубоко религиозны, отсутствие духовного пастыря — большое лишение в испытаниях походной жизни»²⁷⁰. Полк как третьеочередная часть не был снабжен телефонным имуществом. Парные лазаретные линейки были громоздки, пулеметы не были приспособлены для спешенного боя.

18-й Оренбургский казачий полк 4 августа 1914 г. выступил из Троицка в составе 22 офицеров, 684 строевых и 63 нестроевых казаков. 28 августа полк вошел в состав XXIV армейского корпуса. Полк сразу принял участие в преследовании противника. 14 августа 1914 г. казаки полка совершили конную атаку на реке Гнилая Липа. С 1 сентября 1914 г. сотни полка приданы пехотным дивизиям корпуса. Полк нес службу связи, осуществлял разведку, выполнял отдельные боевые задачи, в частности, по преследованию противника. 9 октября 1914 г. полк участвовал в конной атаке у деревни Модновка. Видя несущихся на нее казаков, целая австрийская рота (150 человек) предпочла выкинуть белый флаг и сдаться в плен²⁷¹. 9 декабря 1914 г. у деревни Пшубувка была совершена еще одна конная атака полка.

В период с 1 декабря 1915 г. по 14 ноября 1916 г. полк находился в корпусном резерве XXIV армейского корпуса, затем был привлечен к несению разведывательной службы и службы связи.

Казаки полка были награждены 916 Георгиевскими крестами (абсолютный рекорд среди остальных оренбургских частей) и 414 медалями. Один из офицеров полка получил Георгиевское оружие. Всего полк захватил 389 пленных. Погибло 23 казака, ранено 1 офицер и 64 казака, 1 казак контужен, 54 пропало без вести, 1 попал в плен, 18 вернулось в строй после ранений. Офицеры полка в годы войны в среднем получили по 4 награды. Пополнения с 1 декабря 1915 г. по 1 декабря 1917 г. составили 5 офицеров, 67 строевых и 9 нестроевых казаков, 67 лошадей. За период с 1 января по 1 августа 1917 г. пополнения составили 75 строевых и 6 не-

строевых казаков. В этот же период казаки получили 50 Георгиевских крестов и 29 медалей. На одной из разведок погиб один и ранено два казака. В июне—июле 1917 г. полк занимал тремя спешенными сотнями боевой участок южнее местечка Корунта, находясь в обороне.

Показательно, что выделение казаков полка в конвой приводило к бессмысленной трате времени на ненужные переформирования. В частности, казаки полка состояли в конвоях штабов XXIV армейского корпуса, 48-й и 49-й пехотных дивизий. Эти казаки были в 1916 г. исключены из списков полка. Приказом Походного атамана всех казачьих войск от 29 июля 1916 г. № 881 приказано было содержать полк в пятисотенном составе, однако к 3 ноября 1917 г. конвой был возвращен в полк, а их личный состав считался сверхкомплектным — вновь возникла потребность вернуть полк к шестисотенному составу²⁷².

Отдельный Оренбургский казачий дивизион выступил в поход 20 августа 1914 г. в составе 8 офицеров и 294 казаков под командованием полковника К.В. Желтухина²⁷³. С 24 августа 1914 г. по 14 января 1915 г. дивизион нес разведывательную службу при XXII армейском корпусе и участвовал в боях под Лыком 27 августа 1914 г., у Сувалок 14—20 сентября 1914 г., у Марграбово 25 октября 1914 г. С 14 января 1915 г. дивизион вышел из состава корпуса и поступил в распоряжение 4-й отдельной кавалерийской бригады, в составе которой нес сторожевую службу с 17 января по 6 февраля 1915 г. С 6 по 14 февраля дивизион был прикомандирован к 63-й пехотной дивизии, в составе которой участвовал в боях под городом Прасныш с 14 февраля по 6 марта 1915 г. Затем дивизион вновь находился в распоряжении 4-й отдельной кавалерийской бригады, вместе с которой участвовал в боях. С 6 марта дивизион поступил в распоряжение 1-й армии, в составе которой в течение 1915 г. нес охрану телеграфных и телефонных проводов от штаба армии до штабов корпусов включительно. С 1 по 4 сентября у станции Войганы дивизион нес разведывательную службу.

Особо выдающихся подвигов в дивизионе не было. Тем не менее, 90 казаков было к декабрю 1915 г. награждено Георгиевскими крестами и 1 — Георгиевской медалью. Захвачено в плен 13 германцев, 2 лошади, 13 винтовок, 15 касок и штыков. Из офицеров один ранен и один контужен, но оба остались в строю. Убито 12 казаков, ранено 26, пропал без вести 1 человек. За насилие корпусному полевому суду предано 3 казака, 1 из них казнен, 2 сослано в каторжные работы. Дивизион получил несколько пополнений: 10 августа 1914 г. первое пополнение — 47 казаков; 27 августа 1914 г. — 15 казаков из 3-го военного отдела, 10 мая 1915 г. — 40 казаков из 1-го отдела, 5 ноября 1915 г. — 50 казаков из 3-го отдела. Интендантство снабжало казаков фуражом, провиантом, мясом, чаем, сахаром, мылом и табаком.

С 1 декабря 1915 г. по 10 ноября 1916 г. дивизион состоял в распоряжении командующего 1-й армией и нес службу охраны телеграфных и телефонных проводов от штаба 1-й армии до штабов корпусов и летучую почту, с 10 ноября 1916 г. поступил в распоряжение начальника 70-й пехотной дивизии и занял боевой участок по берегу озера Дрисвяты, где по 12 декабря 1916 г. было выставлено сторожевое охранение. Ближе к концу войны дивизион предполагалось усилить и переформировать в 19-й Оренбургский казачий полк²⁷⁴. Однако эта мера, грозившая неразберихой в военном управлении войском, реализована не была.

13 декабря дивизион поступил в распоряжение командира XXXVII армейского корпуса и был назначен в корпусной резерв, в каковом находился по 1 января 1917 г.

К 1 января 1917 г. общее количество пополнений составило 168 казаков и 177 лошадей. Дивизион получил 91 Георгиевский крест и 16 медалей. Убито 12 казаков, ранены 1 офицер и 27 казаков, 1 офицер контужен, 1 казак пропал без вести. Казаки взяли в плен офицера и 13 солдат противника, трофеи дивизиона составили: 13 ружей, 1 сабля, 12 пик, 15 штыков, 2 лошади и 2 седла, ящик важных документов.

Нельзя не отметить участие в войне и **2-й (оренбургской) сотни Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка**. Полк отправился на фронт 8 августа 1914 г. в составе 27 офицеров и 723 казаков. В 1914 г. казаки участвовали в Люблин-Холмской, Варшавско-Ивангородской, Лодзинской операциях, в 1915 г. — в боях под Ломжей и Праснышем. В августе—октябре 1915 г. полк составлял конвой Верховного главнокомандующего. В октябре 1915 г. застава из 13 казаков под командованием урядника Баканова атаковала эскадрон 13-го (прусского) уланского полка. В 1916—1917 гг. полк участвовал в Ковельской операции и боях на Стоходе, с конца августа 1917 г. занимал позиции на реке Порынь. Полк входил в состав 11-й армии. К концу 1916 г. полк потерял 13 офицеров и казаков убитыми и 178 ранеными. Пополнение составили 19 офицеров и 573 казака. 7 офицеров полка получили Георгиевские награды, казаки были отмечены 437 Георгиевскими крестами и 448 медалями²⁷⁵. Оренбургская запасная гвардейская полусотня находилась в Павловске.

В годы Первой мировой войны важной составляющей оренбургских казачьих частей на фронте и в тылу являлись отдельные и особые казачьи сотни.

1-я Оренбургская казачья отдельная сотня все время войны (по меньшей мере до апреля 1917 г.) находилась в Казани. Сотней командовали есаул М.И. Мурзикив и подьесаул Баев. В 1916 г. сотня участвовала в борьбе с беспорядками в Туркестане.

2-я Оренбургская казачья отдельная сотня есаула П.Н. Кручинина «с начала текущей войны стоит на охране Самарского Трубочного Завода и в Кампании не участвует»²⁷⁶.

3-я Оренбургская казачья отдельная сотня в составе 3 офицеров и 148 шашек выступила в поход 9 августа 1915 г. Сотней с 29 июля командовал подесаул М.П. Шмотин. 3 сентября 1915 г. сотня прибыла на передовые позиции и «работала исключительно в разведках» при 102-й пехотной дивизии в качестве дивизионной конницы. 5 сентября 1915 г. разъезды сотни вели разведку по линии от местечка Олыка до деревни Литва, дав много ценных сведений. 6—7 сентября разведкой проникли до расположения главных сил австрийцев, захватив 12 пленных. 11 сентября казаки сотни перешли через реку Стырь, противник потерял при этом 11 пленных и несколько убитых. 13 сентября при отступлении дивизии сотня шла в арьергарде, задерживая австрийские конные разъезды. Особо выдающихся подвигов у казаков не было.

8 июля 1916 г. хорунжий А.А. Погудин в целях разведки, пользуясь густотой леса, близко подъехал к противнику в районе хутора Озерки, но был замечен и почти в упор расстрелян, лишь успев крикнуть казакам, чтобы те скакали прочь. 10 июля тело офицера было обнаружено казаками и захоронено с воинскими почестями в церковной ограде села Хотин.

Казаки сотни были обеспечены теплой одеждой, сапогами и бельем по две пары на каждого. Сотня пополнялась лошадьми из 1-го отделения конского запаса войска. Однако в части не было непромокаемых плащей, а из оружия — штыков. Оружие в сотне находилось в хорошем состоянии, однако комплект составлял в конце 1915 г. две винтовки и три пики.

В январе—феврале 1916 г. сотня несла службу связи в XXXII армейском корпусе. Почти весь март казаки находились в тылу, однако ежедневно по три часа с 8 до 11 часов утра проводились занятия в пешем строю с целью подтянуть казаков. В итоге сотня удостоилась высокой оценки генерала А.А. Брусилова и Походного атамана Великого князя Бориса Владимировича. В этот же период сотня фотографировалась в полном составе, для чего из города Ровно приглашали фотографа.

В апреле—августе 1916 г. казаки несли службу связи и охраны постов и стучей почты. На Пасху 10 апреля офицеры христосовались со всеми казаками, что свидетельствует об отсутствии в этот период какой-либо розни между ними. Затем сотня была разбросана, занимаясь окарауливанием пленных и неся разведывательную службу. Нередко начальство не проявляло никакой заботы о людях. Утомленных и невыставшихся офицеров и разъезды генерал-майор Ю.В. Прокопенко, например, использовал в качестве связных²⁷⁷.

Действуя в составе 11-й армии, 28 мая сотня переправилась через реку Стырь. Голодные и усталые казаки были вынуждены ночевать под открытым небом, под дождем. Нередко личный состав сотни проявлял чудеса храбрости, участвуя в разведках в непосредственной близости от австрийских позиций. Однажды казаки совместно с разведкой соседней пехоты решили ударом с фронты пехотой и конницей по флангам разбить разведку противника, однако, совершая обход, они наткнулись, как выяснилось позднее, на роту пехоты. Подъесаул Киселев бросился в атаку, в которой многие погибли — подхорунжий, старший урядник; сам Киселев был убит или ранен и захвачен противником. «Потеря второго офицера в такой короткий промежуток времени произвела большое впечатление, все ходили грустные и сосредоточенные, снаряжая молча в последний путь своего боевого товарища»²⁷⁸. Австрийцы, отступая, оставляли крупные партии своих войск в тылу наступающих русских, и конница, осуществлявшая разведку, из-за своей малочисленности должна была их избегать.

К 1 декабря 1916 г. в сотне было убито 1 офицер и 5 казаков, ранено 1 офицер и 10 казаков, контужен 1 офицер, 1 офицер был в плену и 1 пропал без вести. Казаки сотни получили 16 Георгиевских крестов и 17 медалей.

4-я Оренбургская казачья отдельная сотня была сформирована 11 июля 1915 г. и выступила в поход 10 августа 1915 г. в составе 3 офицеров и 145 казаков (по другим данным, 151 строевого и 7 нестроевых казаков) под командованием подъесаула П.Ф. Алексеева (назначен 9 июля 1915 г.). Сотня находилась на фронте с 3 сентября по 14 ноября 1915 г. и была прикомандирована к 105-й пехотной дивизии, выполняя задачи по разведке мелкими разъездами, с 14 ноября по крайней мере до 10 декабря часть находилась в прикомандировании к Черноморской пехотной бригаде для той же цели. Штыков сотня не получила. К декабрю 1915 г. 1 офицер потерял правый глаз, 1 казак ранен, убито 3 лошади. Пополнение составили 2 офицера, 2 урядника, 13 казаков. Казаки сотни имели непромокаемые плащи.

13 ноября 1915 г. сотню в составе 8-й армии осмотрел генерал А.А. Брусилов. Казаки в этот период несли службу летучей почты, доставляли пакеты как ординарцы, участвовали в боях и разведке на реке Стоход. 30 июня 1916 г. немцы бомбили сотню с аэропланов. Кроме того, в сотне ежедневно велись строевые занятия. К 1 января 1917 г. в сотню поступило на пополнение 2 офицера, 50 строевых и 2 нестроевых казака, 33 лошади. Георгиевскими крестами было награждено 4 казака и 2 — Георгиевскими медалями. Ранено 1 офицер и 6 казаков. Убитых не было.

В сентябре 1917 г. (Приказ Верховного главнокомандующего от 21 сентября 1917 г. № 567) из полусотен 8-го Оренбургского казачьего полка, состоявших при штабах 55-й и 67-й пехотных дивизий, было решено сфор-

мировать 5-ю Оренбургскую казачью отдельную сотню²⁷⁹. Было ли осуществлено это преобразование на практике — неизвестно.

Особые конные сотни формировались с самого начала войны. **1-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска** (Оренбургская казачья особая конная сотня) в составе 3 офицеров, 145 строевых и 4 нестроевых казаков выступила в поход из Оренбурга 24 сентября 1914 г. под командованием бывшего отставного полковника Г.Ф. Чулошникова. Однако немолодой уже офицер вскоре заболел и был отчислен от должности. К 1 октября 1914 г. сотня прибыла в город Шавли Ковенской губернии и расположилась там на квартиры. Уже 11 октября казаки сотни участвовали в боях в составе 68-й пехотной дивизии. Во время войны сотня несла разведывательную службу и службу связи между действующими пехотными полками, батальонами и ротами. К 1 декабря 1915 г. 29 казаков сотни было награждено Георгиевскими крестами и 12 Георгиевскими медалями, еще 5 казаков получило кресты в память войны. 4 казака было ранено, один позднее скончался, 1 контужен, 1 пропал без вести.

Сотня пополнялась казаками 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни. Непромокаемых плащей казаки не имели, штыков не было, винтовки имели неотлаженные прицелы. К 1 января 1917 г. пополнение составили 73 казака и 47 лошадей. Казаки получили 16 Георгиевских крестов и 12 медалей, 1 казак погиб, 1 офицер и 6 казаков ранено, 1 казак контужен.

2-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила на фронт 24 сентября 1914 г. из Оренбурга в составе 3 офицеров и 145 казаков под командованием войскового старшины А.Г. Бочкарева 3-го. 12 октября сотня в городе Шавли вошла в состав 68-й пехотной дивизии. В составе дивизии сотня с 12 октября 1914 г. участвовала в боях в Восточной Пруссии, с 13 по 18 апреля 1915 г. воевала на левом фланге дивизии, сдерживая натиск германской кавалерийской бригады на город Россиены. С 22 апреля сотня участвовала в партизанской борьбе в составе отдельного отряда из трех оренбургских особых сотен (2-й, 12-й и 13-й). Казачьей засадой был остановлен 6-й конно-егерский полк германцев, прорвавшийся между 38-й и 17-й пехотными дивизиями.

В мае сотня находилась при XIX армейском корпусе, выполняя отдельные задачи по разведке. В июне—октябре казаки состояли при 5-й стрелковой бригаде III армейского корпуса в районе Шавли—Поневеж—Двинск, в октябре—декабре — при штабе XXIX армейского корпуса. К концу 1915 г. казаки сотни были награждены 14 Георгиевскими крестами и 32 медалями, захватили в плен 5 германцев с лошадьми, погибло при этом 6 казаков, ранено было 7, пленено 8. Пополнение составили 19 казаков и 28 лошадей, 8 лошадей было отбито у противника²⁸⁰. Штыков казаки не имели, а непромокаемые плащи в сотне были.

3-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила из Оренбурга 25 сентября 1914 г. в составе 145 шашек (по другим данным, 144 строевых и 7 нестроевых казаков) при 2 обер-офицерах и зауряд-прапорщике. 8 октября сотня прибыла в город Митава, где поступила в распоряжение начальника 91-й пешей Калужской дружины. 27 ноября она выступила в Ригу — в распоряжение Генштаба генерала от инфантерии В.Е. Флуга — и была прикомандирована к XIII армейскому корпусу для несения конвойной службы. 28 января 1915 г. казаки выступили в город Тауроген, куда прибыли 31 января, войдя в состав Риго-Шавельского отряда и находясь в распоряжении начальника 68-й пехотной дивизии. В конце января—феврале сотня несла разведывательную службу в направлении на Тильзит, в апреле 1915 г. казаки, участвуя в непрерывных арьергардных боях (иногда даже рукопашных), прикрывали отступление отряда.

С конца апреля сотня находилась в распоряжении начальника 17-й пехотной дивизии. Казаки сдерживали противника на реке Вента, не допуская перехода его на занятый русскими правый берег реки. В мае 1915 г. спешенные казаки занимали позиции в окопах, осенью того же года несли службу связи.

До конца 1915 г. казаки сотни получили 5 Георгиевских крестов, 11 медалей. Взяли в плен 20 немцев, захватили 10 лошадей и 8 винтовок. Погибло 6 казаков, ранено 22, 2 пропало без вести, 2 находилось в плену (один из них вернулся), 19 казаков смогли стать в строй после ранения. Непромокаемые плащи большинство казаков завело за свой счет. По данным на сентябрь 1916 г., на всю сотню имелось лишь 17 пик, а потники, ленчики, шинели и шаровары требовали замены²⁸¹. Сотня была расположена в Двинске.

Необходимо отметить, что командовавший сотней в 1915—1916 гг. есаул А.В. Степанов был в марте 1916 г. от сотни удален, отправлен в распоряжение двинского этапного коменданта (приказ по 3-й Кавказской стрелковой дивизии № 79 от 30 марта 1916 г.) и предан суду (приказ по 3-й Кавказской стрелковой дивизии № 129 от 6 июля 1916 г.)²⁸². Новым командиром сотни стал есаул М.И. Епанешников.

К январю 1917 г. в сотню прибыло 2 офицера и 89 казаков, в том числе 70 пеших и 3 нестроевых. В общей сложности казаки получили 20 Георгиевских крестов и 16 Георгиевских медалей. 3 казака погибли, 10 ранено, 1 пропал без вести, 1 был в плену.

4-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована в период с 5 по 20 августа 1914 г. в Оренбурге и выступила в поход при наличии 3 офицеров, 139 линейных казачьих винтовок без штыков, 6 револьверов «смит-и-вессон» 4-го образца и 145 шашек.

С 21 декабря 1914 г. сотня состояла в отряде Генштаба генерал-лейтенанта А.Н. Апухтина, 4 января 1915 г. казаки вступили в Пруссию, неся сто-

рожевую и разведывательную службу совместно с пешими ополченческими дружинами. В некоторые периоды боевой работы казаки удерживали участок протяженностью 12—15 верст по фронту. Казачьи разъезды иногда пробирались в тыл противника, беспокоили его, совершали диверсии.

Однажды, в январе 1915 г., укрывшись белыми саванами, казаки ночью подобрались к германской заставе и устроили засаду. Наутро появились немцы — до 45 человек. Вахмистр (позднее — подхорунжий) И.П. Кузьмин и четыре казака решили дать бой. Подпустив немцев поближе, они открыли огонь, в результате которого у германцев возникло замешательство, потери противника составили несколько убитых. Когда их пехота, собравшись, открыла огонь, казаки уже ускользали с места стычки²⁸³. К концу 1915 г. казаки получили 9 Георгиевских крестов и 11 Георгиевских медалей, 3 кавалериста противника было захвачено, взят 1 значок, 17 верховых лошадей, а также до 400 лошадей и голов рогатого скота. Погибло 3 казака, ранено было 9, без вести пропало 24, контужены, но остались в строю 2 офицера и 1 нижний чин. Пополнение составили 50 казаков и 83 лошади.

Присылка лошадей на пополнение не отличалась продуманностью. 22 лошади следовали из войска в сотню по железной дороге, проехав из Троицка 42 дня без дней, отчего пришли в негодность к строевой службе 19 лошадей. Немецкие же лошади имели слабые ноги. Хозяйство сотни также находилось не на высоте — не доставало 15 винтовок, многие ножны требовали ремонта, в сотне не было казначея, делопроизводителя, капеллануса и писаря — все эти должности совмещал командир сотни, на котором лежала вся отчетность.

Сотней командовал войсковой старшина И.И. Шивцов (его единственный сын есаул С.И. Шивцов героически погиб в 1915 г.), назначенный на эту должность из отставки. Сотня активно участвовала в боевых действиях. Как правило, казаков направляли на самые опасные участки — при наступлении впереди других частей, а при отступлении сзади. В то же время офицеры сотни, как, впрочем, и других особых сотен, получали мало наград — их работу почему-то не считали действительно опасной. Офицерский состав сотни был неоднороден. Бывали и сложные случаи. В частности, есаул М.Г. Голощапов страдал алкоголизмом, причем его в декабре 1914 г. пришлось даже удалить из части (в апреле 1915 г. героически погиб).

Сотня действовала в составе Гальненского отряда. Не всегда казаки проявляли храбрость, по некоторым данным, они разбежались от первых артиллерийских выстрелов, а 14 марта 1915 г. испугались германского разбега. Лошади были сильно измотаны. Это и неудивительно, ведь с 1 октября 1914 г. по 7 июля 1915 г. сотня побывала у 16 начальников отрядов²⁸⁴. Наконец, 7 июля 1915 г. сотня была прикомандирована к 12-й Сибирской стрелковой дивизии, где работала на износ (до февраля 1916 г.). Казаки сотни были

разбросаны по батальонам стрелковых полков дивизии по два—четыре человека для несения службы связи. Затем сотня была прикомандирована к XXXXIII армейскому корпусу и охраняла тыловые части (по 4 марта 1916 г.), после этого сотня несла службу связи при штабе 110-й пехотной дивизии и осуществляла береговую охрану взморья.

К январю 1917 г. в сотне числилось 3 офицера, 145 строевых и 7 нестроевых казаков. Погибло 4 казака, пропало без вести 17, в плену оказалось 13 казаков, ранено было 10. Пополнение составили 2 офицера, 107 строевых и 4 нестроевых казака, а также 147 лошадей. Казаки получили 14 крестов и 14 медалей.

5-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход из Оренбурга 11 ноября 1914 г. в составе 1 штаб-офицера, 2 обер-офицеров и 148 казаков. Сотней командовал войсковой старшина И.Н. Плотников. В декабре 1914 г. казаки сражались у Тарнова. Шесть казаков были командированы в партизанский отряд штаба 3-й армии. На вооружении сотни находились пики и винтовки системы Арисака образца 1897 г. С декабря 1915 г. по январь 1917 г. сотня несла службу при штабе 3-й армии. В июле—сентябре 1916 г. на станции Маневичи казаки сотни почти ежедневно обстреливались с германских самолетов, в дальнейшем сотня была дислоцирована в районе Стохода. К январю 1917 г. в сотне числилось 3 офицера, 145 строевых и 7 нестроевых казаков. Пополнение составили 28 строевых и 3 нестроевых казака, а также 25 лошадей. Потерь сотня не имела, казаки были отмечены 9 Георгиевскими медалями.

6-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована 27 августа 1914 г., на следующий день сотня из 1-го военного отдела была направлена в Пензу под командованием войскового старшины А.В. Чеботарева. 16 ноября из Пензы казаки продолжили путь на театр военных действий в составе 1 штаб-офицера, 2 зауряд-прапорщиков и 148 казаков. 16 декабря 1914 г. сотня была прикомандирована к штабу 8-й армии для несения службы полевых жандармов (охрана населения от мародеров, задержание беглых). На вооружении сотни были австрийские винтовки без штыков. С 22 августа 1915 г. сотня в составе XXXIX армейского корпуса несла сторожевую и разведывательную службу, а также службу связи. С 28 сентября к этому прибавилась этапная служба. К концу 1915 г. казачья доблесть была отмечена 9 Георгиевскими медалями. Взято было 63 пленных и 66 винтовок. 1 казак погиб, 7 ранено.

7-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована 25 августа 1914 г. в Оренбурге и 29 августа выступила в Симбирск, на фронт казаков направили 16 ноября. В сотне числилось 3 офицера — войсковой старшина Д.П. Чесноков (командир сотни) и 2 зауряд-прапорщика, на всех было 143 шашки. Из казаков 136 было строевых и

/пестровых²⁸⁵. В боях сотня не была. Пополнение в ходе войны составили 1 офицер, 58 казаков и 27 лошадей. Два казака сотни были преданы суду за то, что 9 ноября 1914 г. совершили вооруженное нападение и похитили имущество у двух женщин²⁸⁶.

8-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход 8 сентября 1914 г. в составе 3 офицеров и 145 строевых казаков. Сотней командовал есаул В.А. Кочнев. Казаки сотни в течение трех суток при отходе русских войск участвовали в обороне фортов Варшавы, обороняя правый берег Вислы. Сотня была подчинена штабу 1-й армии²⁸⁷. Два казака сотни в ходе боев было ранено.

9-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована по мобилизации 25 августа 1914 г. в Оренбурге. В ее состав входили 1 штаб-офицер, 1 есаул, 1 подхорунжий на должности младшего офицера и 152 казака (в том числе 145 строевых) при 157 верховых и 3 обозных лошадях. На вооружении сотни имелось 136 винтовок системы Бердана, револьверы «смит-и-вессон» и 152 шашки. 17 сентября сотня была командирована из Оренбурга в Шадринск Пермской губернии в распоряжение губернатора, куда прибыла 24 сентября 1914 г. 22 октября, по прибытии в Екатеринбург, сотня поступила в распоряжение начальника гарнизона. Во время стоянки велись строевые занятия, проходил курс стрельбы, особых поручений от гражданских властей не было. 16 ноября сотня выступила по Северной железной дороге на запад через Петроград, Вильно и Белосток. 24 ноября сотня прибыла в Варшаву, поступив в состав гарнизона.

В Варшаве казаки были перевооружены 132 трехлинейными винтовками, прошли курс стрельбы из них, а 7 декабря были командированы на Северо-Западный фронт в составе 62-й пехотной дивизии, где и состояли по меньшей мере до конца 1915 г. Сотней командовал мобилизованный из отставки полковник Н.Н. Михайлов.

С 12 декабря 1914 г. сотня как дивизионная конница 62-й пехотной дивизии поступила в состав V армейского корпуса на реке Пилица. На этом участке казаки находились бессменно до 16 февраля 1915 г. Затем сотня должна была быть переброшена в район Варшавы, но маршрут был изменен на город Надириж, к 23 февраля сотня была расположена в районе Ломжи в качестве авангарда XXIII армейского корпуса. Бои в этом районе велись до 16 апреля, после чего сотня была переведена для укомплектования и обучения пополнений в резерв 1-й армии. После этого казаков в составе XXIV армейского корпуса перебросили в Галицию, где они должны были прикрывать отход корпуса за реку Сан²⁸⁸.

В июне сотня в составе 13-й армии Юго-Западного фронта с боем отходила из Галиции к Седлецу. 22 июня казаки были переброшены в 3-ю армию Северо-Западного фронта. Затем сотня в составе I армейского корпу-

са заняла позиции в районе Белостока. В этот период в сотне осталось лишь 22 пики, остальные были утрачены казаками за время службы. К концу 1915 г. пополнение составили 25 строевых казаков и 48 лошадей. В сотне был 1 кавалер Георгиевского оружия, казаки были отмечены 37 крестами и 32 медалями. Погибло 2 казака, ранено 6, пропало без вести 2. Казаки захватили 4 солдат противника с ружьями, 3 кинжала и 7 пик.

К январю 1917 г. сотня состояла при штабе 62-й пехотной дивизии и несла службу связи и полицейскую службу. С 23 июля 1916 г. 64 казака были выделены в конвой начальника дивизии — сложно сказать, насколько такое решение было оправданным. С 6 октября 1916 г. при штабе XXXVIII армейского корпуса казаки сотни несли службу летучей почты. Сотня пополнялась из 2-й Оренбургской казачьей запасной сотни. Молодые казаки 1914 г. призыва составляли примерно половину пополнения, остальные были из числа эвакуированных по болезни. Пополнение в период с 1 декабря 1915 г. по 1 января 1917 г. составили 1 офицер, 34 строевых и 1 нестроевой казак, 32 лошади.

10-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована 27 августа 1914 г. и 11 ноября выступила из Оренбурга в составе 3 офицеров и 142 шашек. По прибытии в действующую армию сотня вошла в состав 11-й осадной армии под Перемышлем. Командовал сотней войсковой старшина В.С. Горохов. На вооружении сотни имелись австрийские винтовки. К январю 1917 г. в сотне числилось 3 офицера, 142 строевых и 7 нестроевых казаков. Пополнение составили 4 офицера, 28 строевых и 1 нестроевой нижний чин, 7 лошадей. Казаки сотни были награждены 15 Георгиевскими медалями.

11-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска также выступила в поход 11 ноября 1914 г. в составе 3 офицеров и 148 шашек под командованием войскового старшины Т.Д. Кожевникова (в конце 1914 г. уволен по болезни). После ряда временных командиров сотню в ноябре 1915 г. принял войсковой старшина В.А. Субботин.

В действующей армии сотня с декабря 1914 г. находилась в распоряжении штаба XXIX армейского корпуса. Командир сотни предпринимал попытки организовать партизанские отряды из казаков сотни численностью от 5 до 10 человек²⁸⁹. Оружие сотней было получено в запущенном виде (имелось 134 годные винтовки, 5 негодных, 2 неисправные шашки, пик сотня вообще не имела), тем не менее казаки сумели отличиться в боях, получив 9 Георгиевских крестов и 3 медали. 3 казака было ранено. 1 офицер предан суду.

12-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска 23 сентября 1914 г. выступила в поход из Верхнеуральска при наличии штаб-офицера, зауряд-прапорщика и подхорунжего. Боевой состав насчитывал

152 шашки (145 строевых и 7 нестроевых казаков). Командовал сотней войсковой старшина С.И. Лосев. Сотня с 13 октября 1914 г. находилась в сторожевом охранении в Восточной Пруссии. С 13 апреля 1915 г. в составе особого конного отряда сотня прикрывала обоз при отходе от границы на город Митава. У местечка Попеляны сотня 19 апреля была окружена. Чтобы спасти личный состав, временно командующий сотней есаул М.Г. Голощапов приказал казакам рассыпаться врозь и по лесам и болотам пробиваться одиночным порядком к своим. Сам Голощапов, будучи не в состоянии выбраться по болотам, вместе с бывшими при нем вестовыми отстреливался до конца и героически погиб, спасая своим последним приказом верстную ему часть²⁹⁰. К 1917 г. казаки сотни были отмечены 2 Георгиевскими крестами и 1 медалью. Погиб 1 офицер и 2 казака, ранено 6 казаков, пропало без вести 22 казака. Трофеи сотни составили 7 лошадей. Пополнение составили 4 офицера, 69 строевых, 3 нестроевых казака и 91 лошадь.

13-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была мобилизована 14 августа 1914 г., в поход сотня выступила под командованием войскового старшины Н.М. Тихомирова из Верхнеуральска 25 сентября в составе 2 офицеров и 152 шашек. Сотня прибыла на театр военных действий 13 октября 1914 г. и вошла в состав Риго-Шавельского отряда, заняв участок сторожевого охранения по реке Эжерунка. 7 ноября казаки прикрывали левый фланг 68-й пехотной дивизии и 8 ноября, перейдя прусскую границу, заняли участок сторожевого охранения по Неману. С 17 ноября 1914 г. сотню принял сотник А.М. Алеманов. Этот отчаянный офицер 29—30 ноября 1914 г. лично с 6 охотниками переправился на германский берег Немана и взял в плен 3 вооруженных драгун из германского развезда в 13 человек, доставив их в отряд²⁹¹. В августе 1916 г. Алеманов покончил с собой. В апреле 1915 г. сотня вела бои под Шавли, осуществляя прикрытие пехоты и неся службу связи. Казаки сотни были награждены 12 Георгиевскими крестами и 7 медалями. В плен взяты 1 прусский офицер, 9 кавалеристов, отбито 6 лошадей и 5 велосипедов. Погибло, по данным на конец 1915 г., 4 казака, ранено 5 (1 вернулся в строй), пропало без вести 6. Пополнение составили 28 конных и 21 пеший казак.

14-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована во 2-м военном отделе 17 сентября и выступила в поход 26 сентября 1914 г. со сборного пункта в составе 1 штаб-офицера, 1 зауряд-прапорщика, подхорунжего, 152 казаков (145 строевых и 7 нестроевых) при 154 строевых, 6 вьючных и обозных лошадях. На протяжении всей войны командовал сотней войсковой старшина И.П. Терский. С 6 декабря 1914 г. сотня состояла в распоряжении штаба 10-й армии. 30 января 1915 г. казаки приняли участие в бою в Сувалкской губернии, в феврале участвовали в боях под Августовом в составе XXVI армейского корпуса.

В период с 1 декабря 1915 г. по 1 января 1917 г. сотня находилась в распоряжении дежурного генерала штаба 10-й армии и, по всей видимости, в серьезных боях не участвовала. В сотне имелись штыки, однако до комплекта не хватало пяти винтовок, сданных больными казаками в госпиталях. К январю 1917 г. пополнения составили 1 офицер, 1 зауряд-офицер, 63 строевых и 2 нестроевых казака, 74 лошади. Казаки были отмечены тремя Георгиевскими крестами и двумя медалями. Погибло 2 казака, ранено 7.

15-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила со сборного пункта 27 сентября 1914 г. в составе 2 офицеров и 150 казаков (144 шашки). Сотней командовал войсковой старшина А.А. Овчинников, командование он осуществлял в перерывах между пребыванием в госпитале по болезни в 1915 и 1916 гг. Сотня участвовала в боях в Восточной Пруссии, несла разведывательную службу, прикрывала отход войск 73-й пехотной дивизии из Восточной Пруссии в феврале 1915 г. В полном составе в боях сотня не участвовала. Разъездами велась разведка и задержание противника, служба связи, казаки сотни восстанавливали связь между отрядами генерал-майора Е.А. Российского и Генштаба генерал-лейтенанта В.О. Трофимова, за боевые отличия казаки сотни получили шесть Георгиевских крестов. Пополнение составили к 1917 г. 36 строевых и 3 нестроевых казака, 4 лошади. Погибло и пропало без вести по 2 казака, в плену находился 1 урядник.

16-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила 29 августа 1914 г. в поход из Верхнеуральска в составе 3 офицеров и 152 казаков, имея 145 шашек. Сотня была мобилизована с одной крестьянской телегой, пришлось своими силами приобретать обоз. Командовал сотней войсковой старшина И.И. Иванов, позднее есаул И.В. Заплатин. Сотня несла службу связи в дивизиях и разведывательную, участвовала в осаде Перемышля, в походе на Карпаты и при отступлении оттуда на Луцк в составе 58-й пехотной дивизии. Во второй половине июля 1915 г. сотня была прикомандирована к штабу 11-й армии. Казаки имели на вооружении австрийские винтовки. Казаки сотни получили 19 крестов и 9 медалей. Погиб один казак, еще один был легко ранен и остался в строю. Один казак за нападение на офицера предан военно-полевому суду.

17-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована 15 августа 1914 г. и выступила со сборного пункта 30 августа в Вятку под командованием войскового старшины Г.Н. Матушкина. 22 ноября 1914 г. сотня прибыла в Варшаву и вошла 19 декабря как конвойная сотня в состав IV Сибирского армейского корпуса. В сотне числился 1 офицер, 1 зауряд-прапорщик, 153 казака (из них 146 строевых), вооружение составляло 138 трехлинейных винтовок, 5 револьверов «смит-и-вессон» и 153 шашки. В боевых действиях сотня не участвовала. Пополнение

поступало из 2-го военного отдела (4-я Оренбургская казачья запасная сотня). Сотня нуждалась в писарях. К началу 1917 г. пополнение составили 10 строевых и 2 нестроевых казака, 37 лошадей из войска и 11 из IV Сибирского армейского корпуса, а также из приобретенных сотней. Казаки сотни были отмечены семью Георгиевскими крестами и девятью медалями. Ранено два казака.

Сведений о 18-й особой конной сотне Оренбургского казачьего войска обнаружить не удалось. Известно лишь, что сотня входила в состав XXXVII армейского корпуса²⁹². Сотней командовал назначенный из отставки есаул П.А. Шубин 2-й. По некоторым данным, сотня в полном составе попала в плен в крепости Новогеоргиевск²⁹³.

19-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход из Верхнеуральска 14 сентября 1914 г. в составе 3 офицеров, 152 казаков (из них 145 строевых), имея на вооружении 152 шашки и 139 винтовок. Сотней на всем протяжении войны командовал есаул В.Р. Смирнов. Сотня несла обязанности конвоя при командире VI Сибирского армейского корпуса. В боевых действиях не участвовала. Три казака сотни в декабре 1914 г. под сильным огнем артиллерии противника взорвали мост под городом Сохачев около Варшавы. К сожалению, статистика боевой деятельности сотни не отличается точностью (обычно статистические сведения приводились на конец 1915 г. и на начало 1917 г., однако в некоторых случаях эта статистика не вполне четко разделялась на периоды, а иногда суммировалась), тем не менее, по имеющимся данным, к 1917 г. казаки сотни получили не менее 6 Георгиевских крестов и 27 Георгиевских медалей. Пополнение составили 51 казак (в том числе 2 нестроевых), в основном из 2-го военного отдела. Из войска было прислано не менее 43 лошадей. Один казак сотни был ранен, но остался в строю²⁹⁴.

20-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска под командованием есаула П.Г. Попова была сформирована в Верхнеуральске 24 августа 1914 г. и до 14 сентября находилась там же. 14 сентября сотню перебросили в Елабугу, куда она прибыла 26 сентября и находилась там до 28 октября. Далее сотня была передвинута в Казань, куда прибыла 6 ноября, 15 ноября была направлена на фронт. 21 ноября казаки прибыли в Варшаву в распоряжение командира XXVII армейского корпуса. С 8 декабря сотня поступила в распоряжение начальника 3-й Туркестанской стрелковой бригады. Состав сотни включал 1 офицера, 1 зауряд-прапорщика, 1 подхорунжего и 152 нижних чина (в том числе 1 нестроевой). Сотня нуждалась в писаре. Пополнение к 1917 г. составили 29 строевых и 1 нестроевой казак. Казаки сотни получили 27 крестов и 39 медалей.

21-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска под командованием есаула В.Н. Быкова со сборного пункта в Верхнеуральске

9 ноября 1914 г. выступила в составе 1 офицера, 2 подхорунжих на должностях младших офицеров, 145 строевых и 7 нестроевых казаков. Сотня в полном составе не участвовала в боевых действиях. Казаки были в составе гарнизона войск Ивангородской крепости. Участвовали в разъездах в сторону противника, несли службу связи и сторожевое охранение. Позднее сотня участвовала в обороне правого берега Вислы, а затем присоединилась к штабу 4-й армии. Сотня была вооружена 4,2-линейными винтовками системы Бердана пехотного образца без штыков и устаревшими пиками с деревянным древком. С июля 1916 г. по январь 1917 г. сотня несла службу при штабе 4-й армии. К 1 января 1917 г. пополнение составили 18 строевых казаков и 12 лошадей.

22-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила из Верхнеуральска 9 ноября 1914 г. в составе 3 офицеров и 152 казаков (в том числе 1 нестроевой). До 1 декабря 1915 г. сотней командовал вызванный из отставки есаул Н.Н. Успенский, отстраненный от должности из-за перерасхода средств на довольствие сотни²⁹⁵. В 1917 г. сотней командовал войсковой старшина Ш.А.В. Кочуров 1-й. На вооружении сотни имелось 139 берданок (боезапас по 48 патронов, некоторая часть казаков, видимо, винтовок вообще не имела), 65 деревянных пик (т. е. менее чем у половины казаков), 6 револьверов «смит-и-вессон» (боезапас по 7 патронов) и 151 шашка. В боях сотня не участвовала, что было разумно при таком уровне обеспечения сотни оружием. С марта по конец ноября 1915 г. сотня несла службу летучей почты при штабе 4-й армии.

Казаков сотни предполагали привлечь к партизанской работе, однако в одном из документов справедливо отмечалось, что для участия особых сотен в партизанских действиях необходимо: 1) устранить устаревшие винтовки; 2) придать каждой сотне по два конных пулемета; 3) заменить деревянные пики стальными; 4) снабдить сотню подрывным материалом и увеличить отпуск денег на медикаменты (отпускалось лишь по 10 рублей); 5) при разброске сотни по два—четыре человека приварочного оклада недостаточно, что вело к голоданию и истощению казаков²⁹⁶. Активным сторонником участия казаков в партизанских действиях был первый командир сотни есаул Успенский, предложивший в конце 1915 г. осуществить рейд в тыл противника по примеру рейда на Инкоу, но исключительно силами казаков. Однако эта идея не была реализована, а сама сотня с декабря 1915 г. несла службу при военном телеграфе штаба 4-й армии. Пополнение к 1917 г. составили 1 офицер и 16 строевых казаков, а также 7 лошадей.

23-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход 24 сентября 1914 г. в составе 1 офицера, 2 подхорунжих на офицерских должностях, 145 строевых и 7 нестроевых казаков при ме-

Аленинском фельдшере. Сотней в 1914—1916 гг. командовал назначенный в отставку войсковой старшина И.Г. Лебедин. С 9 октября по 1 декабря 1914 г. сотня несла службу связи и ближней разведки при пехотных частях 59-й пехотной дивизии в составе 10-й армии. К декабрю 1915 г. казаки несли службу в тылу 1-й армии при этапных батальонах и начальнике инженерных работ. В ходе войны было убито 2 казака, 5 ранено, из них 3 вернулись в строй. 2 подхорунжих были произведены в прапорщики за боевые отличия. Пополнение к 1917 г. составили 1 офицер, 46 строевых и 2 нестроевых казака, 54 лошади. Казаки сотни получили 20 Георгиевских крестов и 24 медали.

24-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска под командованием полковника в отставке Ф.И. Никитина была сформирована в Троицке из казаков 3-й очереди и выступила в поход 25 сентября 1914 г. в составе 1 офицера, 2 зауряд-офицеров, 145 строевых и 7 нестроевых казаков при 160 лошадях. 5 октября сотня прибыла в действующую армию и вошла в состав 59-й пехотной дивизии, где находилась до 6 января 1915 г., затем с 6 по 29 января действовала в составе 8-й ополченской бригады и с 29 января 1915 г. по 1916 г. — при 1-й Кавказской стрелковой дивизии, неся разведывательную службу и службу связи (дивизионная конница). Убито 2 казака, пропал без вести 1, 5 ранено, 1 в плену, 3 лошади убито, 4 ранено. С 11 апреля 1916 г. сотней командовал мобилизованный из отставки войсковой старшина А.П. Быков 2-й. Пополнения к 1917 г. составили 2 офицера, 25 строевых и 1 нестроевой нижний чин, 20 лошадей. Казаки сотни были отмечены 49 Георгиевскими крестами и 16 медалями²⁹⁷.

25-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила из Троицка на фронт 24 сентября 1914 г. при 1 штаб-офицере и 2 зауряд-прапорщиках, 145 строевых и 7 нестроевых казаках, имея на вооружении 139 винтовок, 152 шашки, 6 револьверов, 64 пики. 5 октября сотня прибыла на театр военных действий в Ломжу. 15—25 октября казаки по распоряжению штаба 59-й пехотной дивизии несли строевую разведывательную службу. Сотня находилась в резерве Ломжинской позиции. В январе 1915 г. казаки прикрывали отступление артиллерийских парков до крепости Осовец, после чего вошли в состав Осовецкого крепостного гарнизона. В этот период казаки сотни при столкновениях с противником проявляли чудеса храбрости и даже военную хитрость. В частности, в ночь 19—20 февраля 1915 г., надев германские каски, они захватили противника без выстрела. Было много и других случаев отчаянных разведок с захватом пленных²⁹⁸.

Командир сотни войсковой старшина И.А. Букреев имел Георгиевское оружие, два офицера к 1917 г. были награждены орденом Св. Георгия IV степени. Казаки сотни были награждены 30 Георгиевскими крес-

тами и 30 медалями. В 1917 г. сотней командовал войсковой старшина А.П. Кручинин. Сотня захватила 35 германцев, 35 винтовок со штыками, револьвер, 10 шашек, 20 пик, 8 седел. Погибло 7 казаков, ранено 5, пропал без вести 1. Пополнение составили 74 казака и 26 лошадей.

26-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход 25 сентября 1914 г. в составе 2 офицеров, подхорунжего, 152 казаков (в том числе 145 строевых) при 160 строевых лошадях. На вооружении имелось 139 винтовок, 6 револьверов «смит-и-вессон», 151 шашка, 60 пик. Штыков не было. Сотней на протяжении всей войны командовал войсковой старшина Г.Н. Киселев 1-й. Сотня в составе 59-й пехотной дивизии (в Щучинском отряде) несла сторожевое охранение в районе города Щучин (октябрь 1914 г.). Казаки сотни участвовали в рискованных разведках. С 23 ноября 1915 г. сотня, выйдя из состава левого боевого участка IV Сибирского армейского корпуса в окрестностях озера Нарочь, была командирована в распоряжение комендантов 9-й и 10-й Сибирских стрелковых дивизий и штаба IV Сибирского армейского корпуса для несения военно-полицейской службы. С 8 февраля 1916 г. сотня вышла из состава корпуса и поступила в распоряжение этапно-транспортной части штаба 2-й армии для несения службы связи, которую несла по меньшей мере до 1917 г.²⁹⁹ Пополнение к 1 января 1917 г. составили 1 офицер и 76 строевых казаков, а также 12 лошадей. Георгиевским оружием был награжден 1 офицер, казаки получили 19 Георгиевских крестов и 17 медалей. Ранено восемь казаков и контужено три. Сотня захватила пять пленных, восемь ружей и две лошади.

27-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована 17 августа 1914 г. и выступила в поход в числе 2 офицеров и 153 казаков под командованием есаула Г.В. Колбина. В боях сотня не участвовала, однако один казак был ранен и один пропал без вести. Сотня действовала в составе XXXIX армейского корпуса. При осмотре сотни Походным атаманом в начале 1916 г. было отмечено, что «вид людей хороший. Одеты удовлетворительно. От интендантства за время войны получено лишь по одной паре сапог, стеганные защитные шаровары и 50 шинелей. Белье собственное»³⁰⁰. На вооружении сотни находились берданки без штыков и деревянные пики. Холодное оружие содержалось в порядке. Но в некоторых винтовках было обнаружено много песка. Лошади были мелкими и простыми, чистка конского состава хромала, но тела были в порядке. Лишь четверть лошадей имела попоны.

Сведений о **28-й особой конной сотне Оренбургского казачьего войска** обнаружить не удалось. По имеющимся сведениям, сотня подчинялась начальнику 3-й строительной партии в конной ополченческой бригаде³⁰¹.

29-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход в составе 3 офицеров, 145 строевых и 7 нестроевых нижних чинов. К 1 января 1917 г. пополнение составили 48 строевых и 2 нестроевых нижних чина, 3 лошади. В годы войны сотней командовал войсковой старшина Е.А. Смирнов, назначенный из отставки.

30-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила со сборного пункта 1 сентября 1914 г. при 1 обер-офицере, 145 строевых и 7 нестроевых казаках. Командовал сотней в 1914—1917 гг. есаул П.И. Свияженинов. Сотня не участвовала в боевых действиях, несла службу связи. Казаки к 1917 г. получили семь Георгиевских крестов и восемь медалей. Один казак был легко ранен, остался в строю. Сотне была необходима походная кухня кавалерийского образца и обоз. Пополнение составили 1 офицер, 36 строевых казаков и 46 лошадей.

31-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила 15 ноября 1914 г. из города Камышлов Пермской губернии под командованием войскового старшины А.И. Корабельщикова в составе 1 штаб-офицера (командир сотни), 2 обер-офицеров, 152 строевых и 1 нестроевом казаке, имея на вооружении 137 винтовок, 150 шашек, 6 револьверов и 60 пик. В период с 24 ноября по 28 декабря 1914 г. сотня находилась при XXVII армейском корпусе в составе Варшавского гарнизона. 28 декабря сотня была командирована в распоряжение руководителя работ по укреплению позиций Буго-Наревского района, военного инженера полковника Ф.И. Голенкина. С 1 августа 1915 г. сотня находилась в распоряжении руководителя работ по укреплению позиций в районе 1-й армии, военного инженера полковника В.А. Свинына. В боевых действиях сотня не участвовала, но 29 января — 10 февраля 1915 г. находилась в разведке. Пополнение к 1917 г. составили 43 строевых казака и 37 лошадей. Казаки сотни получили 17 Георгиевских медалей.

32-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход 30 августа 1914 г. в составе 3 офицеров, 152 казаков, имея на вооружении трехлинейные винтовки, шашки и пики, при 160 лошадях. Сотней командовал есаул А.Л. Афанасьев, эвакуированный в октябре 1915 г. в войско по болезни. В боях с 24 по 26 июля 1915 г. казаки находились в окопах по правому берегу Вислы, затем прикрывали отступление пехоты V Сибирского армейского корпуса. В сотне было двое раненых. Пополнение составили 12 конных и 20 пеших. В 1916—1917 гг. сотней командовал войсковой старшина Плотников.

33-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска выступила в поход 16 ноября 1914 г. в составе 3 офицеров и 145 строевых и 1 нестроевых казаков. Сотней в 1914—1916 гг. командовал есаул в отставке С.В. Кочуров, эвакуированный по болезни. В боевых действиях сотня не

участвовала, неся службу связи сначала при Гвардейском корпусе, а затем при I Гвардейском корпусе. Два казака было ранено. Казаки сотни получили 30 Георгиевских крестов и 63 медали. Один казак был предан корпусному суду³⁰². Пополнение составили 3 офицера, 107 строевых казаков, 66 лошадей.

34-я и 35-я особые сотни относятся к формированиям более позднего времени — конца 1916 г. Не исключено, что их формирование было связано с беспорядками, происходившими в тот период в Тургайской области.

34-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована в Верхнеуральске 1 ноября 1916 г.³⁰³ В 1916 г. сотня была направлена в Астрахань. Состав сотни — 3 офицера и 151 казак³⁰⁴. Затем казаки сотни командировались на подавление беспорядков в Тургайской области. По данным на 1917 г., сотня была дислоцирована в Казани.

35-я особая конная сотня Оренбургского казачьего войска была сформирована в Троицке 24 октября 1916 г. Предполагалось, что сотня будет переведена в Самару³⁰⁵. Позднее сотня располагалась в Оренбурге, казаки сотни в составе 3 офицеров и 149 казаков также принимали участие в подавлении беспорядков в Туркестане³⁰⁶.

Оренбургская казачья артиллерия активно участвовала в боевых действиях. **1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 3-я Оренбургские казачьи батареи)** выступил в поход 19 июля 1914 г. в составе 11 офицеров, 350 строевых и 70 нестроевых казаков при 12 орудиях³⁰⁷. Дивизионом командовал войсковой старшина (впоследствии генерал-майор, видный деятель Белого движения) А.Н. Ончиков, награжденный за подвиги, совершенные в 1914 г., Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия IV степени. Дивизион пополнялся людьми и лошадьми из Оренбургской казачьей запасной батареи. Дивизион был мобилизован по Высочайшему повелению от 17 июля 1914 г. 18 июля дивизион в составе 2-й Сводной казачьей дивизии прибыл в пункт сосредоточения — местечко Городок. Дивизия имела целью прикрытие развертывания 8-й армии. При участии казаков дивизиона в этот период велась широкая разведка.

31 июля дивизия двинулась вперед с целью овладеть австрийской границей и выслать разведку внутрь Австрии. В этот день впервые открыл огонь взвод 1-й батареи. Казаки 1-й и 3-й Оренбургских казачьих батарей участвовали в знаменитом бою 4 августа между 2-й Сводной казачьей дивизией и 5-й (венгерской) кавалерийской дивизией. В этом бою русскими было захвачено два орудия врага. Дивизия противника потерпела поражение, а ночью была полностью разбита у Сатанова³⁰⁸. 6 августа 8-я армия перешла в решительное наступление на Львов, конница шла перед главными силами. 10 августа у Бучача при содействии оренбургских артиллеристов и конной

атаки кубанцев 1-го Линейного генерала Вельяминова полка была захвачена 1-я батарея 7-го австрийского конно-артиллерийского дивизиона (четыре орудия)³⁰⁹. В этот день оренбуржцы-артиллеристы своим огнем испугали артиллерию противника. Отчаянные казаки выезжали галопом впереди своих войск и били прямой наводкой по противнику. Шрапнельный огонь оренбуржцев производил серьезное опустошение в рядах противника. Личный состав батареи противника был изрублен кубанцами, спасся один трубач, но был найден и взят в плен. В этот период дивизия составляла подвижный резерв армии.

11 сентября 1914 г. дивизион отличился в бою у перевала Ужок на границе Галиции и Венгрии, захватив батарею противника. Однако черед боевых удач был недолговечен. Началось контрнаступление австрийцев, тяжелые бои в Карпатах, на реке Сан. Дивизион поддерживал артиллерийским огнем свои части.

Каждая батарея дивизиона состояла из трех взводов по два орудия каждый. Батареи были шестиорудийными. Таким образом, дивизион насчитывал 12 орудий и являлся серьезной боевой единицей. В период с 1 декабря 1915 г. по 1 января 1917 г. корпусному суду было предано четыре казака дивизиона. Для большей боеготовности дивизиона был необходим офицер — заведующий связью.

С начала войны по 1 декабря 1915 г. присланное в дивизион пополнение составили 7 офицеров, 250 строевых и 17 нестроевых казаков, 146 лошадей. В дивизионе было 2 кавалера ордена Св. Георгия IV степени, 4 кавалера ордена Георгиевского оружия, казаки были награждены 90 Георгиевскими крестами и 164 Георгиевскими медалями. 6 офицеров дивизиона и 24 казака погибли, 8 офицеров и 80 казаков получили ранения, 2 офицера и 12 казаков контузии, 1 казак пропал без вести. Трофеи дивизиона составили 43 русские и 2000 патронов. В плен было захвачено 1 офицер и 43 солдата противника. В 1917 г. в состав дивизиона вместо 3-й вошла 8-я Оренбургская казачья батарея.

1-я Оренбургская казачья батарея выступила в поход 15 июля 1914 г. из города Бар Подольской губернии, где она была расквартирована в течение этого времени, и 17 июля 1914 г. прибыла на пункт сосредоточения 2-й Сибирской казачьей дивизии в местечко Городок Подольской губернии. К началу войны за откомандированием офицеров и казаков в льготную батарею, с прибытием пополнений военного времени, штат батареи составил 6 офицеров, 1 ветеринарный врач, 1 медицинский врач, 186 казаков и 6 орудий. Командир батареи войсковой старшина М.С. Сорокин погиб в одном из первых боев 4 августа 1914 г. под местечком Городок Подольской губернии. После нескольких временных командиров 23 сентября батарею принял полковник А.Н. Карцов. С 11 сентября 1915 г. бат

реей до 1918 г. командовал подъесаул (позднее — войсковой старшина) Н.А. Пискунов.

Батарея все время действовала в составе 2-й Сводной казачьей дивизии. Наиболее крупными делами с участием батарейцев были сражения 4 августа 1914 г. под Городком, 9 августа при местечке Бучач, 12 августа при местечке Монастержиско, 11 сентября на перевале Ужок, 14—15 сентября у местечка Стауны в Венгрии, 11 декабря у села Ветржно на Дуклинском перевале, 31 июля 1915 г. при селе Россошь, 26 сентября 1915 г. — при селе Серхов³¹⁰.

1 офицер дивизиона был удостоен ордена Св. Георгия IV степени, 3 — Георгиевского оружия, казаки получили 75 крестов и 92 медали. При содействии батареи дивизией в четырех боях захвачено 13 орудий противника. Потери батареи составили 5 офицеров и 18 казаков убитыми, 5 офицеров и 32 казака ранеными. 4 офицера и 23 казака вернулись в строй после ранения. Пополнения из Оренбургской казачьей запасной батареи к 31 января 1916 г. составили 5 офицеров и 150 казаков. Лошадей из конского запаса войска прислано около 205, причем конский состав был малорослым, а амуниция пополнений сильно изношена.

3-я Оренбургская казачья батарея выступила 15 июля в составе дивизиона в местечко Городок, имея в своем составе 4 орудия, 6 зарядных ящиков и обоз 1-го разряда при 4 офицерах, 130 нижних чинах, 93 артиллерийских и 73 казачьих лошадях. Отдельно под командой подъесаула Пастухова прибыли два орудия, шесть ящиков и обоз 2-го разряда. С февраля 1913 г. по декабрь 1914 г. батареей командовал войсковой старшина К.Я. Гурьев, возглавивший затем 2-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион. Батарею 3 января 1915 г. принял есаул И.А. Афанасьев, находившийся в этой должности до 1917 г. В 1917 г. батарею возглавил есаул М.Ф. Воронин.

12 августа у Монастержиско 2-я Сводная казачья дивизия была застигнута врасплох, и только казачья артиллерия смогла встать на позиции и своим огнем прикрыть сбор полков дивизии, задержав наступление австрийцев до подхода XXIV армейского корпуса. Батарея расстреляла все снаряды, последние — прямой наводкой на 300 шагов, где уже был противник, более того, необученная русская пехота, бывшая первый раз в бою, оказалась позади³¹¹. Сложилась критическая ситуация, но коноводам удалось добыть несколько лотков со снарядами, и батарея вновь заговорила, избежав плена. В этом бою погиб один офицер батареи. 30 августа отбито наступление австрийцев на Львов. 3 сентября в бою за Самбор батарея потеряла сразу трех офицеров ранеными.

В конце сентября—октябре батарея участвовала в прикрытии левого фланга 8-й армии, в ноябре 1914 г. в набеге на Венгрию, взятии и обороне

города Гуменное и прикрытии последовавшего отступления XXIV армейского корпуса, в конце ноября казаки-артиллеристы прикрывали левый фланг XII армейского корпуса.

Казаки-артиллеристы в боях демонстрировали чудеса героизма, граничившие с пределом возможного. Они не участвовали в конных атаках, но было место подвигу, а потери артиллеристов были не меньше, чем в конных частях. 11 декабря 1914 г. в бою у Ветржно на Дуклинском перевале граната противника пробила щит артиллерийского орудия, из строя были выведены все номера, вторым попаданием вновь был пробит щит и перебита новая прислуга, противник пристрелялся. Тогда кликнули желающих идти к орудию — на верную смерть. Три казака Ильиных, Никулин и Пашнин бросились к орудию и продолжили стрелять. Все они были награждены Георгиевскими крестами IV степени³¹².

В мае 1915 г. батарея в боях не участвовала, а в июне действовала в составе IV кавалерийского корпуса. 15 июня произошел сильный бой с участием батареи — казаки сдерживали наступление не менее трех батальонов наступавших германцев. Тогда оренбургские артиллеристы дали возможность отойти всем частям дивизии, сами же были вынуждены последними сниматься с позиции и отходить на рысях, чтобы буквально не попасть в плен к подступившему вплотную противнику.

Потери батареи составили: 1 офицер и 13 казаков убитыми, 4 офицера и 24 казака ранеными и контужеными, 1 офицер ранен, но остался в строю, 4 раненых офицера позднее вернулись в строй, 1 казак пропал без вести, 31 ранен, но остался в строю. Казаки батареи получили 79 Георгиевских крестов и 102 медали.

С декабря 1915 г. батарея действовала в составе 1-го Оренбургского казачьего дивизиона во 2-й Сводной казачьей дивизии IV кавалерийского корпуса (в корпус также входила 16-я кавалерийская дивизия), занимала позицию на реке Стырь. В июне—июле 1916 г. казаки принимали участие в боях на Стоходе. В этот период в составе батареи имелось 6 орудий, 12 зарядных ящиков, личный состав насчитывал 5 офицеров и 184 казака (в том числе 4 нестроевых). Имелось 167 артиллерийских и обозных, 121 казачья и 8 офицерских лошадей.

23 августа 1916 г. батарея выбыла с театра военных действий в Семипалатинск на подавление туркестанского восстания (подробнее об этом ниже), откуда двумя эшелонами совместно с 9-м Сибирским казачьим полком прошла походом как карательный отряд через поселок Арказыкский, пикеты Джуртинский, Казымухлинский, Узунбуханский, Алтык-Калатский, город Сергиополь, пикет Нижний Нарын, села Бессарабское, Благодарное, станицу Урджарскую, села Рыбачье, Степановское, Андреевское, город Лепсинск, село Тополевское, станицу Саркандскую, село Аба-

кумовское, пикет Ражанский, город Копал, село Гавриловское, станицу Карабулакскую, поселок Царицинский, село Голубинское, станции Куян-Гуз, Карачек, поселки Илийский, Дмитриевский в город Верный, где с 31 октября по 16 декабря находилась на отдыхе. 16 декабря батарея двинулась дальше через станицу Любовинскую, села Казанско-Богородское, Тарган; станции Отар, Курдай, Сюгаты, город Пишпек, села Беловодское, Чалдовар, Мерке, Луговое, пикеты Акыр-Тюбе, Ак-Чулак в город Аулие-Ата, куда пришла 31 декабря 1916 г., сделав за 108 дней переход в 1591 версту³¹³.

К 1 января 1917 г. пополнения, присланные в батарею, составили 5 офицеров, 337 строевых и 3 нестроевых казака, 94 лошади из войска. В батарее был 1 кавалер Георгиевского оружия, казаки получили 82 креста и 134 медали. Погибло 1 офицер и 13 казаков, ранено 5 офицеров и 60 казаков, контужено 2 казака.

В связи с тем что батарея была переброшена в Туркестан и длительное время там действовала, а затем должна была отправиться на Персидский фронт, ее переподчинили 4-му Оренбургскому казачьему артиллерийскому дивизиону³¹⁴. Взамен в 1-й дивизион была включена 8-я Оренбургская казачья батарея. Действительно, в начале 1917 г. батарея была переброшена на Кавказ в войска генерала Н.Н. Баратова, правда, взвод батареи задержали в Тургае для участия в составе отряда полковника В.Н. Тургенева в походе на Бетпак-кару (подробнее об этом в разделе о туркестанском мятеже). По штату батарея должна была включать 173 казака.

2-я Оренбургская казачья батарея вплоть до 1917 г. была единственной оренбургской казачьей частью, сражавшейся на Кавказском фронте, несмотря на то что на этом фронте в общей сложности действовало не менее 100 тысяч казаков³¹⁵. Более того, казачьи части являлись основой русских войск на Кавказе (к марту 1916 г. числилось 74 казачьих части)³¹⁶ и наиболее боеспособной их составляющей.

18 июля 1914 г. два взвода батареи были вызваны из лагеря под Ташкентом в город Керки для производства мобилизации. Перед отправкой на театр военных действий батарея была перевооружена орудиями образца 1902 г., однако к ним не было запасных частей (их не было даже на Ташкентском артиллерийском складе). Ожидался отпуск запчастей из Тифлисского артиллерийского склада³¹⁷. Также нет сведений и о том, были ли новые орудия знакомы казакам. 13 августа батарея двинулась из места постоянного расквартирования города Керки на Ташкент, а затем на Кавказский фронт 15 ноября 1914 г. в составе 5 офицеров, 215 казаков (192 строевых и 23 нестроевых) при 6 орудиях. Батареей командовал войсковой старшина П.А. Лебедев.

В течение всей войны казаки-артиллеристы 2-й батареи действовали в составе отдельной Сибирской казачьей бригады³¹⁸. 18 декабря 1914 г. ба-

паря с 1-м Сибирским казачьим полком произвела огневую разведку в 12 верстах от Ардагана и далее на Ардаган. Целью разведки было выяснение сил противника. 21 декабря оренбуржцы-артиллеристы участвовали в наступлении на Ардаган, ведя непрерывный огонь по турецким окопам на дистанцию три—пять верст. К ночи Ардаган был взят³¹⁹.

В декабре 1914 г. батарея приняла участие в Гассан-Калинской операции (часть Сарыкамышской операции). 24 декабря батарея в составе передового конного отряда генерал-лейтенанта П.П. Калитина совершила 70-верстный переход от Ардагана к местечку Ольты с четырехверстным горным перевалом. Без дорог по снегам казаки двигались наперерез отступавшим турецким колоннам. В это же время Энвер-паша вел наступление на Сарыкамыш. 29 декабря батарея подверглась сильнейшему обстрелу с турецкой стороны — за 15 минут на казаков обрушилось около 100 снарядов. Впрочем, турецкий огонь почти не наносил батареям вреда, кроме легких контузий. В начале 1915 г. батарея вела обстрел отступающих колонн противника. В январе—апреле 1915 г. повзводно батарея несла сторожевую службу. До 28 июля 1915 г. казаки в районе Норшинских высот участвовали в демонстративном наступлении II Туркестанского армейского корпуса на Эрзерум. Самостоятельные действия взводов были признаны удобными. В период 28 июля — 28 октября батарея продолжала нести сторожевую службу. Вместе с казаками отдели в тыл для ремонта в Александрополь и далее к Ардагану на зимовку.

Батарея участвовала в Ашкалинской, Байбуртской и Эрзинджанской операциях. Казаки принимали участие и в Эрзерумской операции, обстреливали саму крепость Эрзерум. 3 февраля 1916 г. Эрзерум пал, батарея в 13 часов вошла в крепость. В этот период казаки нередко вели состязательную стрельбу с турками.

К 1916 г. в батарее было 13 Георгиевских крестов и 27 медалей. Пополнения составили 139 казаков и специалистов, 81 лошадь. В декабре 1914 г. против казаков батареи были выдвинуты обвинения в краже со взломом в районе Ахалциха, однако они не подтвердились. С декабря 1915 г. по 1917 г. батарея получила 12 пеших казаков пополнения, 21 казак был эвакуирован в войско. К 1917 г. в батарее имелось уже 20 Георгиевских крестов и 66 медалей. Два казака погибли, пять было ранено.

4-я Оренбургская казачья батарея выступила на фронт в составе 3 офицеров, 190 строевых и 18 нестроевых казаков. Пополнения к 1917 г. составили 2 офицера, 140 строевых казаков и 1 нестроевой, 3 лошади. К 1917 г. казаки были награждены 32 Георгиевскими крестами и 80 медалями. 5 казаков погибло, 1 офицер и 14 казаков получило ранения, 3 казак было контужено, 2 пропало без вести. В декабре 1915 г. батарея в составе 16-й кавалерийской дивизии участвовала в боях на реке Стырь. В этот

период она прошла перевооружение. Огнем батареи 17 марта 1916 г. были уничтожены склады противника в Кухоцкой Воле. В ходе позиционной войны батарея поддерживала свою дивизию. В конце июня 1916 г. батарея действовала в районе Стохода. 25 июня казаки в районе деревни Череваха подверглись бомбардировке и обстрелу сразу 17 аэропланов противника³²⁰.

5-я Оренбургская казачья батарея выступила на фронт под командованием войскового старшины А.П. Владимирова (командовал батареей в 1912—1917 гг.) в составе Оренбургской казачьей дивизии, в батарее числилось четыре офицера. Казаки батареи действовали в составе V кавалерийского корпуса 8-й армии. В период с 1 декабря 1915 г. по 1 января 1917 г. на пополнение было прислано 2 офицера, 27 строевых и 3 нестроевых казака и 15 лошадей. Казаки получили 47 Георгиевских крестов и 153 медали. 3 казака было убито, 10 ранено (1 вернулся в строй). На вооружении батареи имелось три трехдюймовых скорострельных орудия образца 1902 г. До мая 1916 г. батарея участвовала в оборонительных боях на реке Стырь в составе Оренбургской казачьей дивизии. В 1916 г. участвовала в прорыве фронта противника и в боях за Ковель. С 5 по 29 октября 1916 г. батарея, выделив два орудия в 7-ю батарею, вошла в состав формируемого 3-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона и перешла походным порядком в Румынское королевство, войдя в состав 9-й армии. Батареицы участвовали в боях в Трансильванских Альпах на Чик-Середском направлении.

6-я Оренбургская казачья батарея выступила в поход в составе 2-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона 2 августа 1914 г., имея в своих рядах 5 офицеров, 196 строевых и 10 нестроевых казаков при 6 орудиях. Командовал батареей войсковой старшина А.Г. Бычков. В конце 1916 г. его сменил войсковой старшина П.А. Щепихин. С 11 августа по 3 сентября 1914 г. батарея находилась в Петроградском военном округе на театре военных действий. С 8 сентября казаки участвовали в боевых действиях против германцев. На счету полка было 30 Георгиевских крестов и 70 медалей. Захвачен аэроплан противника с 2 офицерами-летчиками. Потери к 1916 г. составили 3 казака убитыми и 8 ранеными. В течение 1916 г. на пополнение было прислано 48 казаков и 64 лошади. Всего к 1 января 1917 г. за военное время в батарею поступило в качестве пополнения 2 офицера, 133 строевых и 8 нестроевых казаков, 12 лошадей. Казаки полка получили 32 Георгиевских креста и 101 Георгиевскую медаль. 3 казака было убито, 1 офицер и 9 казаков ранено, 2 казака контужено, 2 пропало без вести. 4-я и 6-я батареи составляли 2-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион.

Сколько-нибудь подробных сведений о 7-й, 8-й и 9-й Оренбургских казачьих батареях обнаружить не удалось. Известно лишь, что эти бата-

рты были сформированы значительно позднее — в конце 1915 г. путем выделения части орудий из действующих оренбургских батарей. Батареи эти были четырехорудийными. 7-я батарея была образована из третьих взводов 5-й и 6-й батарей, 8-я — из третьих взводов 1-й и 4-й батарей³²¹. В то же время 2-я Оренбургская казачья батарея, обособленно действовавшая на Кавказе, так и осталась шестиорудийной. Таким образом, во время войны был осуществлен частичный переход от шести- к четырехорудийным батареям, как к менее громоздким. Вместе с тем было принято решение о переводе казачьих артдивизионов с двухбатарейного на трехбатарейный состав.

5-я и 7-я Оренбургские батареи в 1917 г. составили 3-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион, действовавший в составе Оренбургской казачьей дивизии. Сохранились отрывочные данные о подготовке в 1917 г. формирования 10-й Оренбургской казачьей батареи, однако никаких подробностей этого не обнаружено³²². Добавлю, что в Оренбурге была расположена запасная батарея, готовившая пополнения для батарей на фронте³²³.

В ходе позиционной войны значение артиллерии резко возросло, однако легкие казачьи конные батареи не могли противостоять тяжелой артиллерии, которой располагал противник. П.Н. Краснов вспоминал, что в августе 1916 г. при ураганном обстреле германской тяжелой артиллерией русских позиций на Стоходе у Рудки-Червище оренбургские артиллеристы были вынуждены рыть окопы даже для своих лошадей³²⁴.

* * *

Итоги участия оренбуржцев в Первой мировой войне были следующими. В ходе войны погибло не менее 687 оренбургских казаков и 80 оренбургских казачьих офицеров, не менее 3053 казаков получило ранения. 170 казаков пропало без вести или было пленено³²⁵. Казаки захватили около 15 000 солдат и 127 офицеров противника, 4 самолета, 39 орудий, 16 пулеметов, 10 000 винтовок, 590 лошадей, 4 автомобиля. Казаки получили не менее 7 тысяч Георгиевских крестов и 6 тысяч Георгиевских медалей. Свыше 150 оренбургских казаков стали полными георгиевскими кавалерами. Оренбургским казаком (станции Миасской) являлся и первый полный георгиевский кавалер русской конницы старший урядник 3-го Оренбургского казачьего полка И.В. Пашнин (стал полным кавалером 10 декабря 1914 г.), позднее дослужившийся до чина есаула и участвовавший в Белом движении³²⁶. Уже в годы войны имя Пашнина стало легендарным, хотя и не приобрело такой известности, как имя донского казака К.Ф. Крюкова. Оренбургские казачьи офицеры были отмечены 20 орденами Св. Георгия

IV степени, 40 офицеров получили Георгиевское оружие. В 3-м, 11-м и 18-м Оренбургских казачьих полках было по 20 и более полных георгиевских кавалеров.

Подводя итог боевой работе оренбургских казачьих частей в Первую мировую войну, необходимо отметить, что командиры полков находились в должностях, как правило, в течение всей войны. Отмечалось постепенное ухудшение состава пополнений. Основные результаты боевой работы полков наблюдались в маневренный период войны при преследовании противника. В остальное время полки вели бои в пешем строю, осуществляли разведку, несли службу связи и летучей почты. Редко казакам поручались самостоятельные задачи. Наиболее успешными были действия против австрийцев, против германцев казаки не могли столь успешно действовать — в этом отношении наиболее ярким показателем было количество пленных. По этому показателю можно считать, что некоторые оренбургские части стоили нескольких австрийских. Нельзя не отметить массовый героизм казаков и офицеров. С ходом войны казаки все сильнее выделялись в лучшую сторону по сравнению с пехотой и их использовали в пешем строю. Вместе с тем сущность и особенности казаков не менялись. Во многих частях были зафиксированы случаи грабежей и насилия над местным населением.

Отдельные и особые казачьи сотни в Оренбургском казачьем войске формировались наспех, по остаточному принципу, во главе со штаб-офицерами, часто отставными, кроме того, в сотнях чаще всего больше не было офицеров в нормальном понимании этого слова, вместо них имелись лишь зауряд-прапорщики или унтер-офицеры на младших офицерских должностях. Многие такие части были вооружены либо иностранным оружием, либо устаревшими берданками, иногда винтовок и пик не хватало. Основная служба сотен сводилась к разведке, охранению и работе в качестве службы летучей почты. Полноценных пулеметных команд казачьи полки до конца войны так и не успели получить, следовательно, огневая мощь частей была невелика.

Оренбургская казачья артиллерия внесла значительный вклад в дело победы над врагом, выставив на фронт девять батарей. Казачья артиллерия являлась конной, что обуславливало ее высокую подвижность, способность оперативно разворачиваться и вести обстрел, затем, до того, как артиллерия противника сумеет своим огнем нащупать наши батареи, сниматься с позиции и находить новую для продолжения обстрела. Достаточно часто казаки-артиллеристы, забывая об опасности, вели огонь по врагу прямой наводкой и с открытых позиций.

В годы Первой мировой войны, за редким исключением (граф Ф.А. Келлер, А.М. Каледин), русская конница не имела талантливых кавалерийских начальников. Но даже талантливый Келлер мало что смог сделать с конни-

цей в условиях Первой мировой. В ходе войны, кроме Оренбургской казачьей дивизии (с 1917 г. — 1-й Оренбургской казачьей дивизии) и начавшей формирование в 1917 г. 2-й Оренбургской казачьей дивизии, других соединений из оренбургских казаков не формировалось, более того, 2-я дивизия, формирование которой началось уже в конце существования Восточного фронта Первой мировой войны, так и не приняла участия в боевых действиях. По своей структуре казачьи дивизии не претерпели почти никаких изменений со времен Русско-японской войны, при том что уже тогда были признаны слишком громоздкими. Это позволяет считать, что в отношении качества серьезных выводов из опыта Русско-японской войны сделано не было. По имеющимся сведениям, уже в 1915 г. в Австро-Венгрии и Германии ощущалась нехватка конского состава, что предопределило слабое использование конницы противниками России на Европейском театре войны. Непродолжительный опыт партизанской войны показал невозможность широких партизанских действий, а период позиционной войны продемонстрировал невозможность использования стратегической конницы и даже ее ненужность. Лишь в ходе войны началось создание кавалерийских корпусов, носивших из-за спешки при их формировании импровизационный характер и потому мало что сделавших. Не случайно и то, что некоторые оренбургские казачьи части вообще не приняли участия в боях, а другие не воевали по несколько месяцев и даже по полгода и более. Можно сказать, что необходимости в полном мобилизационном напряжении войска не было. Таким образом, работа оренбургской казачьей конницы, за исключением исключения, свелась лишь ко вспомогательным действиям и обеспечению боевой работы пехотных частей. Результатом этого стало сохранение cadres офицеров и основной массы нижних чинов в составе русской конницы вплоть до конца войны. Этот фактор имеет большое значение для понимания процессов, происходивших в казачьих войсках после 1917 г.

Участие оренбургских казаков в подавлении беспорядков 1916–1917 гг. в Туркестане

О восстании (мятеже)³²⁷ коренного населения Туркестана и Степного края в 1916 г. в России было известно относительно небольшому количеству людей, поскольку, как отмечал один из современников, «...правительством были приняты меры к тому, чтобы местность, где было восстание, была изолирована от прочих частей Империи. Эта задача удалась блестяще, и не только массы в России, но даже представители гражданской и военной власти не знали о происходящем в Туркестане. Если бы я не был свидетелем этих событий, то считал бы чудом рассказ о нем»³²⁸.

События, ставшие катализатором мятежа, достаточно хорошо известны. 25 июня 1916 г. императором Николаем II был подписан указ о призыве мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии. Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этой меры, особенно в разгар летних сельскохозяйственных и заготовительных работ (хлопок, сено).

В сравнении с положением христианских подданных империи бремя, возлагавшееся на инородцев, было сравнительно легким, однако следует учитывать, что туземное население ранее воинскую повинность не отбывало и даже трудовая мобилизация его поразила. Непостижимым образом слухи о подготовке мобилизации туземцев, причем не на работы, а на фронт, циркулировали в населении еще с начала июня, о чем свидетельствуют документы департамента полиции³²⁹.

В тот же день (25 июня) состоялось заседание Особого совещания при военном губернаторе Туркестана по этому вопросу. 8 июля был издан приказ по Туркестанскому краю о мобилизации. Прежде всего мобилизовывалась первая очередь (от 19 до 31 года). Мобилизации на тыловые работы за некоторым исключением подлежали инородцы Сибири, Степного края (Казахстан), Туркестана и Кавказа³³⁰. Решительный вооруженный протест против этой меры возник только в Степном крае и Туркестане. Были волнения и в других регионах (например, Томская губерния)³³¹, но ни масштабностью, ни активностью протеста они не отличались. Уже в начале июля после объявления указа начались волнения. Разумеется, недовольство местного населения русской администрацией существовало и раньше. Оно базировалось как на произволе властей, так и на хитросплетении национальных, религиозного и экономического факторов.

Нельзя полностью исключать возможность участия в подготовке мятежа германских и турецких агентов. Несмотря на войну, германо-турецкая агентура активно действовала в пограничных с Туркестаном регионах. В частности, в 1915–1916 гг. в Афганистане и Персии находилась миссия германских капитанов О. фон Нидермайера и В.О. фон Хентига. 21 мая 1916 г. разведчики покинули Кабул, причем Нидермайер отправился в Персию, а Хентиг — на Памир и в Китай³³². Кроме того, не исключено, что германские агенты имелись среди военнопленных, направляемых в Туркестан.

К 1917 г. русских в Туркестане было 542 509 человек, или 9,1% населения. Русское население было безоружно и не воинственно. По статистике, туземного населения было 3 332 200 душ мужского пола (всего — около 7 миллионов человек обоего пола), из которых предполагалось призвать 8%. Первоначальная и последующие разверстки призывного контингента по Туркестану различались. В частности, было решено сократить число при-

ивников в Ферганской области, оставив рабочие руки для уборки хлопка, по этой причине, не сокращая общее количество мобилизуемых, была усилена нагрузка на другие регионы, затем — под воздействием силы протеста местного населения — властям пришлось уже пойти на сокращение наряда практически во всех областях³³³:

Т а б л и ц а 40

МОБИЛИЗАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА НА ТЫЛОВЫЕ РАБОТЫ

Область Туркестана	Число мобилизуемых		
	первоначальное	промежуточное	итоговое (на 23.08.1916 г.)
Сырдарьинская	80 000	87 000	60 000
Ферганская	77 000	50 000	51 233
Семиреченская	43 000	60 000	43 000
Самаркандская	35 000	38 000	32 407
Закаспийская	15 000	15 000	13 830
Итого	250 000	250 000	200 470

В Степном крае первоначально предполагалось призвать 230 тысяч человек. Из таблицы 40 видно, что наиболее сильным было увеличение наряда в Семиречье — именно в этом регионе мятеж приобрел наиболее жестокие формы. Русская администрация понимала моральную и фактическую тяжесть внезапного призыва инородцев. 2 июля 1916 г. совещание при туркестанском генерал-губернаторе обратилось с просьбой к и. д. главного начальника края генералу от инфантерии М.Р. Ерофееву о сокращении наряда с 250 тысяч до 200 тысяч человек. Было принято решение о сокращении до 220 тысяч человек. Наконец, в августе состоялось сокращение до 200 тысяч человек. Необходимо отметить: категория лиц, изначально не подлежавших призыву, была довольно обширной. От призыва освобождались дворяне, представители туземной (т. е. нерусской) администрации, духовенство, учителя и учащиеся средних и высших учебных заведений, фельдшеры, переводчики, оспопрививатели, писари, выборные лица, государственные служащие, табунщики и погонщики скота, нанятого по военно-конской повинности³³⁴. При необходимости выдавались отсрочки от призыва.

Между прочим, работа инородцев должна была оплачиваться казной. Помимо казенного продовольствия рабочие получали жалованье в размере 1 рубля в сутки. Лицам, не имевшим возможности отправиться на

работы со своей одеждой и обувью, выдавалось пособие в размере до 30 рублей.

Интересное наблюдение о психологии киргизов (здесь и далее сохраняется принятое до 1925 г. наименование казахов, в некоторых документах распространявшееся и на другие народы Туркестана) сделал уже по опыту Гражданской войны неизвестный офицер Волжского конного дивизиона корнета Б.К. Фортунатова: «Странная у киргиз психология. Они чтут и преклоняются только силе физической и богатству. То и другое по их понятиям неразлучно. Киргизин не может представить человека сильного бедным и богатым человека, но слабого. Стоит только перейти с ними на тон, не напоминающий о силе, как они становятся недоступными и упрямыми»³³⁵. Набор туземцев на работы был воспринят как нехватка русских солдат у императора для этого же занятия — т. е. как слабость. Кроме того, именно слабость и нерешительность русской администрации не позволили пресечь попытки мятежа в самом зародыше. Нельзя не отметить и крайнюю мстительность киргизов, отмечавшуюся современниками³³⁶.

Следует учитывать тот факт, что отношение туземного населения к службе в русской армии и к призыву на тыловые работы было не только негативным. К примеру, населением Закаспийской области комплектовался Текинский конный полк, отлично зарекомендовавший себя в боях на Юго-Западном фронте. К слову сказать, текинцы, в отличие от иомудов, беспрекословно подчинились приказу о мобилизации рабочих. В 1914—1915 гг. некоторые киргизы Семиреченской области добровольно изъявили желание пойти на фронт³³⁷. В Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области военно-инженерной организацией еще до объявления о мобилизации лета 1916 г. было набрано около 10 тысяч человек на тыловые работы³³⁸.

В то же время среди туземного населения бытовала легенда, согласно которой якобы К.П. Кауфман при покорении Туркестана заявил, что местное население до истечения 50 лет с присоединения края не будут брать в солдаты³³⁹. Вопрос о призыве инородцев на военную службу ранее уже обсуждался в печати. Публицисты того времени считали наиболее целесообразной службу киргизов в коннице. Однако к 1916 г. стало ясно, что имевшегося количества конницы и без этого слишком много для удовлетворения нужд зарывшегося в землю фронта.

Сложности начались уже при составлении посемейных списков, когда невозможно было точно определить примерный возраст призываемых, а богатые туземцы всеми способами стремились уклониться от призыва и избавить от него заодно и своих родственников, что вызывало недовольство бедноты. Кроме того, почти сразу повсеместно распространился слух о том, что призыв будет производиться на фронт — туземцев заставят рыть окопы

между двумя противоборствующими армиями и всех перебежков. Местная власть проявила себя с худшей стороны. Запись возрастов велась произвольно, не было дифференцированного подхода к срокам призыва в зависимости от дальности расстояния до сборного пункта, положения указа не были разъяснены населению, прошел слух, что указ вообще является выдумкой местного начальства, а полуграмотные переводчики давали повод считать, что готовится мобилизация на фронт³⁴⁰. Степь заволновалась, а молодежь призывного возраста начала собираться в банды. В связи с трудностью мобилизации ее срок был перенесен на 15 сентября. Сам император считал ранее одобренную им меру по призыву инородцев необдуманной и поспешной³⁴¹.

10 июля на собрании киргизов Джаркентского уезда Семиреченской области было решено не подчиняться приказу. 13 июля началось бегство подлежащих призыву дунган в Западный Китай. Бежавшие угрозами пытались переманить к себе оставшихся соплеменников. Сильные волнения наблюдались и в Сырдарьинской области, где местными жителями велась агитация против призыва.

В разных районах Туркестана и Степного края недовольство местного населения имело несколько различные причины. В Семиречье, которое активно осваивали русские переселенцы, наиболее выраженной была ненависть к ним, в том числе и в связи с земельным вопросом. В Степном крае, где вне городов было крайне мало русского населения, антирусский характер мятежа проявился в наименьшей степени. Среди прочих причин — малочисленность русской администрации, полиции (например, в огромной Тургайской области по 13 чинов полиции на уезд) и войск при многочисленности административно-ссыльных и военнопленных, злоупотребления, направление в Туркестан беженцев в плачевном состоянии. Наконец, определенную роль в возникновении мятежа сыграл элемент случайности, психология толпы.

Постепенно туземное население стало переходить от пассивного к активному протесту, первоначально выразившемуся в требованиях выдачи посемейных списков или попытках их уничтожения. В этих акциях участвовали огромные толпы местных жителей. Слабая и малочисленная русская администрация не могла эффективно бороться с массовыми беспорядками местного населения, происходившими к тому же на огромной территории.

17 июля Туркестанский военный округ был переведен на военное положение, туркестанским генерал-губернатором назначен командующий Северным фронтом генерал-адъютант А.Н. Куропаткин. Не позднее 21 июля был принят план усиления гарнизонов сборных пунктов. Вскоре выяснилось, что для борьбы с начавшимися беспорядками местных сил недоста-

точно. Тогда по распоряжению военного министра в Туркестан были направлены 14,5 батальона, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов.

В случае активного вооруженного сопротивления начальникам отрядов было разрешено применять любые меры, вплоть до расстрелов и уничтожения сопротивляющихся аулов.

І. Туркестан

Самаркандская область

В этом регионе, как и в соседней Ферганской области, где еще в 1898 г. произошел мятеж под исламскими лозунгами (в Андижане), глубокие корни пустил исламский фундаментализм (распространен среди узбеков, таджиков и туркмен). Теперь организаторы мятежа попытались заручиться поддержкой Бухары и Афганистана, но эти попытки успехом не увенчались. Малочисленность русских войск способствовала успешным поначалу действиям мятежников. Так, в Самарканде накануне мятежа имелось лишь 200 штыков и 50 шашек.

4 июля толпа произвела буйство в Ходженте. Толпа бросала камни, напирала на полицию и солдат. После попыток отнять ружье у одного из нижних чинов дежурная команда начала стрелять по толпе. Погибло два человека. В Джизакском районе была разрушена железная дорога, на участке Джизак—Обручево сожжены мосты, перерезан телеграф. Беспорядки произошли и в самом Джизаке. Выступление здесь возглавили Назыр Ходжа Ишан (провозглашен беком) и Мухтар Ходжа Ишан. Одни имена этих людей свидетельствует об их наследственном статусе обладателей духовной власти (ишанов), совершивших паломничество в Мекку (хадж). Для жителей Средней Азии такие люди имели огромный авторитет. Кроме того, мятежники имели и светского лидера — Абдурахмана Ходжи Абдужабарова (Джевачи). Это был крупный землевладелец из ханской династии — сын бека Бухарского ханства, убитого в бою с русскими войсками под Кок-Тюбе, и сам участник борьбы с русскими при покорении Туркестана (в 1916 г. ему было 68 лет). Таким образом, во главе мятежа стояли как духовные, так и светские лидеры, но в любом случае никак не выходцы из простого народа. Следовательно, мятеж не был направлен на переустройство или разрушение ранее сложившейся иерархии. Наоборот, выступление носило этноконфессиональный и даже сепаратистский по своим целям характер. Заговорщики утверждали, что «Герман побил русских и что у них нет войска, чтобы придти на помощь...»³⁴².

К началу мятежа 13 июля в Джизаке находилась лишь караульная команда в 47 человек. В этот день в городе были зверски забиты палками

уездный начальник полковник Рукин и пристав штабс-капитан П.Д. Зотоглов с переводчиком и сопровождавшим их джигитом. Рукин и сопровождавшие его лица, не дожидаясь подхода задержавшейся воинской команды, поехали успокаивать туземцев и погибли во многом по своей вине, атакованные толпой. Тела убитых были изуродованы³⁴³. Кроме того, погибли 3 женщины и 2 ребенка³⁴⁴. По другим данным, еще 17 человек³⁴⁵.

Подошедшая команда прапорщика 7-го Сибирского стрелкового запасного полка Стеблюка в ответ на выстрел из толпы дала три залпа и рассеяла мятежников. Оборону Джизака возглавил помощник уездного начальника подполковник П.И. Афанасьев. Накануне в кишлаке Ям был смертельно ранен картечью в живот из дробового ружья зааминский участковый пристав надворный советник В.М. Соболев (отстреливался от толпы мятежников с балкона), труп обнаружили в мусорной яме. В населенном пункте Заамин сарты захватили акушерку А.В. Чернову с двумя сестрами и племянницей (по другим данным, акушерку с матерью и 14-летним племянником и прислугу с тремя детьми, мать учителя, прислугу с четырьмя детьми, стражника и счетовода³⁴⁶ — все они были убиты; по третьей версии — акушерку с сестрой и ее сыном 10—11 лет, второй сестрой и племянницей). Женщин избивали и насиловали. На станции Ломакино было убито 13 железнодорожных служащих, а также несколько женщин.

Убита семья лесного объездчика Дудкина (глава семьи с женой и сыном), убита и сожжена семья объездчика Андрущенко (родители, три брата и три сестры), убит объездчик Койнов. В Янги-кишлаке убит лесобъездчик Бабин, акушерка и прислуга увезены. В Атта-кишлаке убит письмоводитель Сибирцев. В Кок-Джаре в караулке был убит объездчик Ососков с женой и четырьмя сыновьями, трупы сожжены. Неподалеку в урочище Терекли был убит объездчик Петряев с двумя детьми. Свояченица Е. Корнилова с одним из детей Петряева спаслись. Там же в плен к мятежникам попала жена заведующего зааминским лесничеством Запорина. Ее муж, падчерица и тесть были убиты и сожжены. Женщину изнасиловали и истязали, тело затем также сожгли. От стражника Бегучего, захваченного мятежниками в селении Калтай, удалось найти лишь руку. Убиты жены мобилизованных на фронт объездчиков Шарко и Кобзева. Кобзеву вместе с дочерью-гимназисткой Самаркандской женской гимназии и ее подругой А. Гусевой убили палками.

Очевидец писал, что восстание сартов — «это было сильное и грозное восстание против русских. Сарты озлоблены были и били, как русского переселенца-крестьянина, так [и] чиновника, купца или солдата; — они ненавидели вообще русских, как поработителей их. У туземцев, в Туркестане сложилось мнение, что пришли в Туркестан русские, покорили их и вот теперь обложили их разными налогами, поборами и тянут, тянут без конца с них, как монетой, так и сырьем (хлопок, виноград, скот и т. д.). Этот

сбор дани вот уже продолжается несколько десятков лет, и конца ему они не видят...»³⁴⁷.

Всего в Джизакском уезде погибло 76 русских (по другим данным, 88), в том числе женщины и дети. Как писал А.Н. Куропаткин военному министру Д.С. Шуваеву 4 января 1917 г., «дикая и озверевшая толпа чувствовала себя вне опасности, и только прибытие карательного отряда положило конец этой кровавой расправе с ни в чем не повинными русскими людьми...»³⁴⁸.

14 июля сарты в Санзарской волости убили десять статистиков Туркестанского управления земледелия и четырех переводчиков-сартов при них, их изуродованные трупы, разбросанные на полверсты, были позднее обнаружены войсками³⁴⁹. В результате санзарского мятежа погибло 43 человека, в том числе 16 детей. В Джизакском уезде было зверски убито 45 мужчин, женщин и детей, 7 женщин и детей было захвачено, подвергнуто надругательствам и обращено в мусульманство. Особенностью выступления в Самаркандской области являлся его религиозный характер и исключительная жестокость мятежников. За убийство «неверного» убийца получал звание «газы» (победитель). Погибший в священной войне считался шахидом, т. е. заслужившим рай. Все жертвы, как правило, были изуродованы, женщины многократно изнасилованы, детей убивали ударом о стену. Исламские фанатики заставляли захваченных русских мужчин принимать ислам. Как известно, для этого необходимо было пройти обряд обрезания. Невозможно представить, что чувствовали несчастные, оказавшиеся в плену, когда их окружала озлобленная толпа местных жителей и, угрожая, выдвигала подобные требования, собираясь тут же осуществить указанный обряд. За отказ следовала смерть.

Добавлю, что одним из лозунгов мятежников была идея «газавата» → священной войны против неверных, на практике выражавшаяся в стремлении перебить всех русских. В Джизакском уезде местные открыто говорили о том, что будут «всех русских убивать»³⁵⁰. Некоторое распространение получили младотурецкие и панисламистские идеи³⁵¹. Нельзя не отметить, что в Туркестане свободно функционировала такая организация, как «Турган Надшри-Маариф-Джамаяти» (Туркестанское общество распространения знаний). В одном только Ташкенте проживало 150 членов этого общества³⁵². По всей видимости, цели этой организации были отнюдь не только просветительскими.

Надо сказать, что действия мятежников в отношении представителей туземной администрации отличались не меньшей жестокостью, им выкалывались глаза, отрезались головы³⁵³.

Возможно, определенную роль в эскалации мятежа сыграли германские военнопленные, находившиеся в Джизаке, а также турецкая агитация.

В условиях войны подобные действия противников России могли серьезно ослабить нашу страну, создав очаги внутренней нестабильности, однако эти расчеты, если они имели место в действительности, не оправдались.

14 июля в Самарканд прибыли две батареи и отряд полковника Владиславлева (две роты 732-й Саратовской дружины государственного ополчения, четыре орудия 32-й легкой артиллерийской батареи подполковника Квашнина и саперный взвод). Отряд был направлен на Джизак. В тот же день из Керков на Джизак через Самарканд прошла сотня оренбуржцев 4-го Оренбургского казачьего полка. 15 июля в Самарканд прибыла полусотня оренбуржцев и три запасные роты (210 штыков).

16 июля в Джизак из Ташкента прибыл карательный отряд полковника И.П. Иванова (рота пехоты), прозванного оппозиционной прессой за решительность при подавлении мятежа Ивановым-Джизакским (в будущем он стал крупным деятелем Белого движения, Войсковым атаманом Сибирского казачьего войска, более известным под фамилией Иванов-Ринов). Вскоре джизакский отряд был подчинен полковнику Красноярецеву, Иванов возглавил все войска в районе Джизака, а начальником штаба отряда с 22 июля стал подполковник Д.Н. Водопьянов из Ташкентского Наследника-Цесаревича кадетского корпуса. Из приграничных с Афганистаном пунктов были сняты две дружины и четыре казачьи сотни и направлены на усиление гарнизонов крупных пунктов. Положение русского населения облегчилось. Правительственные войска стали преследовать мятежников, загнав их в горы.

Для оказания помощи русскому населению были направлены следующие отряды: отряд капитана Ефимова — в район Заамин — Санзар; отряд подполковника Д.Н. Водопьянова — в район Заамин — Рабат; отряд есаула 4-го Оренбургского казачьего полка Н.А. Донского — в Богдан; отряд подполковника П.И. Афанасьева — в Богдан (по горам); отряд подполковника Бархатова — в район станций Милютинская и Санзар; отряд полковника Владиславлева — в старый город Джизака³⁵⁴. Однако не все отряды смогли выполнить поставленные задачи. Отряд Афанасьева, к примеру, потерял одного казака и вернулся, не выполнив приказ. Боевые действия в горах были очень непростым делом. Необходимо было иметь значительный запас патронов, продовольствия и фуража, чтобы действовать автономно в связи с затруднительностью подвоза. Конница быстро портила лошадей, которые разбивали копыта и ноги о камни.

Тем не менее, как отмечалось в одном из донесений, «совместные действия перечисленных колонн разобили бунтовщиков, рассеяли скопища, потрясли туземное население...»³⁵⁵. Всего с мятежниками боролись 12 рот, 3 сотни и $3\frac{1}{4}$ роты сапер при 6 орудиях.

19 июля на Большой Митанской дороге (Ката-Курган—Митан) 12 нижних чинов 7-го Сибирского стрелкового запасного полка (по всей видимо-

сти, во главе с помощником уездного начальника подполковником Широковым) были атакованы 1500 мятежниками, отбили нападение и, более того, стали преследовать противника, убив туземца и лошадь.

Сохранилось достаточно любопытное описание одной из стычек с участием 35 конных разведчиков, взвода казаков и пяти джигитов: «Мы уже почти спустились в долину, как вдруг справа и слева от нас из-за бугров и из аула выскочила вдруг, в большом количестве, кавалерия сартов и с трех сторон мчались на нас. Так это было неожиданно, так быстро, что я в первую минуту ничего не мог предпринять. У меня быстро промелькнула мысль, что отступать в гору мы не можем. Стоять здесь и отстреливаться также не можем, т. к. место неудобное. Броситься лавой на сартов нам трудно, так как наступавших было приблизительно около 900 всадников, они нас сбили бы своей массой. Я быстро принял решение занять левый бугор, как более удобный, с которого на нас мчались сарты, и там, спешившись, отстреливаться до более удобного момента. Я быстро приказал вахмистру конной разведки бить залпами по наступавшим с правого бугра и из аула, а сам со взводом казаков начал бить залпами по наступавшим с левого бугра. После нескольких залпов сарты замедлили стремительность атаки. Левая же их группа, как менее численная, приостановилась. Тогда я приказал вахмистру конной разведки продолжать отстреливаться, а после того, как я займу с казаками левый бугор и открою огонь по наступающим, — двигаться ко мне. После этого я рассыпал лавой взвод казаков, — мы с пиками наперевес, с гиком кинулись на приостановившихся сартов. Левая группа сартов дрогнула и поскакала к аулу, на соединение с их лобовой группой. Так через несколько минут мы заняли левый бугор. Мы быстро спешились и открыли огонь по лобовой группе сартов, которая медленно, но настойчиво наступала на конную разведку. Под прикрытием нашего огня разведка, ведя лошадей в руках и отстреливаясь от наседавших справа, присоединялась медленно к нам. Минут через 15—20 мы были уже вместе. Коней поставили за бугор, чтобы не были перебиты, а сами рассыпались в цепь полукругом от горы к аулу. Наступающие также из трех групп соединились в одну и приостановили наступление, немного отступив от нас. С нашей стороны раздавались редкие выстрелы — это хорошие стрелки брали на мушку. Сарты стреляли также мало, отсюда я заключил, что у них огнестрельного оружия мало. Вооружены они были больше шашками, кинжалами и пиками (длинный шест, на конец которого было насажено или кусок заостренного железа или топор). Перестрелка продолжалась минут 20. Потом шум у сартов стал усиливаться и через некоторое время они с визгом бросились все на нас. Я дал взводу казаков один прицел, а конной разведке другой (чтобы не ошибиться). Мы стали бить по наступающим непрерывными залпами (то разведка, то казаки — по очереди). Результат был достигнут — минуты через три стреми-

тельность атаки противника была приостановлена, продвигались они к нам уже на рысях. Впереди наступавших скакало несколько человек, которые часто оборачивались назад, кричали что-то, размахивая руками в нашу сторону. Залпы наши учащались и становились нервными. Но вот задние ряды противника дрогнули и поскакали мимо аула назад, затем и вся масса дрогнула и помчалась в разные стороны... Мы быстро кинулись к коням и галопом стали преследовать убегающих. Тех, которых мы настигали, постигла несчастная участь — они были зарублены казаками»³⁵⁶. В бою погибло не менее 40 кочевников, в правительственных войсках было двое раненых.

Казаки долго смеялись, когда пойманные главы во время допроса назвали себя пастухами. Заявления резко контрастировали с их внешним видом — на пленных были «парчовые халаты, сафьяновые ичиги и шитые золотом тюбетейки»³⁵⁷. Вообще казаки близко к сердцу воспринимали шерства туземного населения по отношению к русским и даже просили у офицеров разрешения расправиться с пленными.

Местному населению в июле было запрещено пользоваться железной дорогой во избежание координации действий мятежников. Тем не менее беспорядки были далеки от завершения. 20 июля был убит народный судья Кяль-Курганской волости. 21 июля погиб казак 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска Д.М. Невзоров из отряда подполковника Афанасьева, труп был изуродован. Серьезной проблемой стала малочисленность конницы в распоряжении властей. Между тем именно конница была наиболее эффективна для подавления мятежа на огромной территории. Для ускорения передвижений была образована ездая пехота. К 25 июля мятеж был подавлен. Нельзя не отметить, что, как писал А.Н. Куропаткин, действовали «войска мало сплоченные, недостаточно дисциплинированные... были справедливы жалобы на войска за излишнее разорение туземных жилищ, грабеж, лишние убийства»³⁵⁸. Отрядами в горных районах было спасено 56 женщин и детей, уведённых в неволю³⁵⁹. В дальнейшем массовых выступлений туземного населения не отмечалось. На 19 сентября была назначена отправка первых эшелонов с рабочими из области.

Сырдарьинская область

11 июля беспорядки произошли в Ташкенте. Местные жители напали на полицейское управление туземной части города, служащие полиции отбили нападение при помощи револьверов, а через полчаса на выручку осажённым подошла рота Ташкентской школы прапорщиков. В итоге было убито 11 местных жителей. Вожаки ташкентских мятежников предложили афганскому эмиру выступить против России, однако со стороны эмира

это предложение поддержки не встретило. 18 сентября из Ташкентского уезда отправился первый эшелон с рабочими.

Неспокойно было и в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области. В частности, близ села Подгорного Аулие-Атинского уезда киргизы разграбили имущество железнодорожного служащего, а незащищенные дети были сожжены³⁶⁰. Ножом в живот в Зенгиатинской волости убит русский рабочий. Общая численность убитых русских в уезде достигла 44 человек. Это были прежде всего служащие.

Трагический случай произошел в уезде в конце августа. 74 мобилизованных ополченца из села Новотроицкого шли в Аулие-Ата с сопровождающими. 29 августа на них напали мятежники. Колонна была разгромлена. 20 человек погибло, 22 человека были пленены и замучены, а тела затем брошены в колодцы. 12 человек смогло освободиться из плена. Русское население в ответ начало истреблять одиночных киргизов.

В конце июля сюда прибыл батальон 2-го Сибирского стрелкового запасного полка, укомплектованный молодыми солдатами. 10 августа бунт охватил Карабалтинскую волость Аулие-Атинского уезда.

16 сентября отряд в 65 человек при 3 офицерах в 70 верстах к северу от Аулие-Ата, в долине Аманкула, встретил скопище примерно в 3 тысячи киргизов. Мятежники трижды атаковали отряд, но были отбиты залпами. Вскоре уезд был замирен, зачинщики мятежа выданы, а уже 9 октября из Аулие-Ата выступил первый эшелон рабочих. В уезде были задержаны германские и турецкие агенты.

В Сырдарьинской области успешно действовал отряд помощника ташкентского уездного начальника подполковника А.И. Афанасьева. Успешность действий отряда была напрямую связана с суровостью его начальника, который приказывал сжигать постройки главарей мятежа. 23 июля отряд в составе 100 нижних чинов 1-го Сибирского запасного стрелкового полка с пулеметом 732-й дружины государственного ополчения выступил из Ташкента. В своем рапорте начальнику уезда полковнику Н.Н. Караульшикову от 1 августа 1916 г. Афанасьев писал: «...ничто не действует на туземное население столь развращающе, как безнаказанность и еще более проявленная беспомощность и слабость власти, надо было явить населению немедленную репрессию в той или иной форме»³⁶¹. Имелись в виду как физические, так и экономические меры воздействия.

Ферганская область

В Ферганской области мятеж, прежде всего из-за наличия здесь достаточного количества русских войск, получил незначительный размах. В области были дислоцированы 6-й Оренбургский казачий полк полковника

Боброва, 4-я Уральская отдельная казачья запасная сотня. Тем не менее и здесь в июле 1916 г. был отмечен целый ряд случаев убийства представителей туземной (т. е. нерусской) администрации. Мятежники убивали своих пророссийски настроенных соплеменников, грабили богатых, невзирая на национальность. Из числа русских жителей был убит только учитель Чернов. В целом за период с 8 по 18 июля здесь погиб один нижний чин, 34 представителя туземных властей, один русский (еще двое ранены) и 84 представителя коренного населения. Впечатление от джизакского разгрома отрезвило местное население.

27 июля военный губернатор области генерал-лейтенант А.И. Гиппиус писал помощнику военного министра генералу от инфантерии П.А. Фролову: «Безоружных женщин, детей будем арестовывать и направлять [в] Коканд, а сопротивляющихся — усмирять силою оружия. При этом есть расчет, что, поставив казаков на главнейшем пути, мы отгоним банды обратно в Самаркандскую область и тем предохраним мирное, спокойно настроенное население Ферганы от грабежей самаркандцев»³⁶².

Военный губернатор Гиппиус, кстати владевший турецким и арабским языками, заигрывал с мятежниками, предложив отправиться на работы только добровольцам, то есть самовольно изменив формулировку Высочайшего указа. Гиппиус развил поистине лихорадочную деятельность — тиражировал воззвания, использовал добровольцев-пропагандистов³⁶³. Попав в соседние регионы, где указ требовалось выполнять в его изначальной формулировке, подобные воззвания могли стать причиной серьезной дестабилизации обстановки. Мало того, Гиппиус лично, переодевшись сартом, ездил по области и агитировал в поддержку указа, в чалме и халате читал местному населению отрывки из Корана и целовал книгу³⁶⁴. Гиппиус решил не подчиняться командующему войсками генералу М.Р. Ерофееву и непосредственно связываться с военным министром. Определенный эффект его действия произвели — многие пошли на тыловые работы добровольно, а некоторые сарты даже решили добровольно отправиться не на тыловые работы, а прямо на фронт. Тем не менее за самоуправство Гиппиус уже в июле был отозван³⁶⁵ и заменен П.П. Ивановым, известным по подавлению мятежа в Джизаке.

Из Скобелева в Старый Маргелан 10 июля прибыла сотня 6-го Оренбургского казачьего полка, всего при подавлении беспорядков в области сотня уничтожила 63 мятежника и 15 человек были повешены.

11 июля полусотня была выслана за город по наманганской дороге, в городе оставлен лишь взвод. В тот же день офицер 6-го полка в Язъяванской волости Скобелевского уезда получил ушиб камнем, брошенным из толпы, выстрелом из толпы ранена офицерская лошадь. 12 июля в селе Шарихан полусотня перекрыла улицу в 100 шагах от толпы, в результате залпового

огня было убито 16 человек, один казак был ранен ножом при попытке задержать мятежников, еще один казак получил ушиб камнем. Всего ушибы получили четыре казака 6-го Оренбургского казачьего полка, в Андижане был ранен камнем в голову один казак-уралец. В то же время казаки в области отличились мародерством.

В большинстве случаев беспорядки прекращались при одном только появлении войск, однако, как гласит поговорка, «у туземца ум в глазах». При подавлении мятежа ее жизненность неоднократно подтверждалась. Местное население адекватно понимало только логику силы. Например, 11 июля в городе Наманган солдаты заливали воду в пулеметные кожухи двух пулеметов для охлаждения стволов. Местные жители, собравшиеся толпой, решили, что их будут поливать водой, и бросились на пулеметы. Был открыт огонь³⁶⁶. Результаты его при стрельбе в упор очевидны (убито 16 и ранено 30 сартов). Добавлю, что сарты (узбеки) менее других народов Средней Азии сочувствовали мятежу.

Семиреченская область

Наибольшей жестокостью события мятежа отличались в Семиречье. Здесь проживало значительное количество русских. Однако войск, как и в других районах, здесь было мало. В целом в Семиречье большую отрицательную роль сыграла взаимная паника и самомобилизация с обеих сторон.

Совершенно не соответствует действительности утверждение советского историка П.Г. Галузо о том, что русские власти осуществляли целенаправленную политику вооружения переселенцев на случай восстания местного населения. Если даже так и было, количество оружия у переселенцев оставалось незначительным. По его данным, к 1912–1913 гг. на руках у переселенцев в Туркестане имелось 1160 винтовок³⁶⁷. Автор по понятным причинам не утруждает себя приведением данных о численности переселенцев и численности русского населения вообще. Если бы эти данные были им указаны, приведенное автором количество винтовок показалось бы смехотворным. На самом деле в Семиречье проживало около 200 тысяч русских. Необходимо также учесть, что в 1915 г. было проведено разоружение поселенцев, и в действующую армию отправлено 7500 берданок. Переселенцы оказались беззащитными перед степняками.

Уже 10 июля, через два дня после приказа о мобилизации, состоялось собрание киргизов Джаркентского уезда, на котором вынесли решение не подчиняться этому приказу. 13 июля дунгане начали уходить в Западный Китай (Синьцзян).

События нарастали лавинообразно. С конца июля начались нападения на представителей местной власти. 2 августа для самозащиты русского населения в сельских районах было предложено организовывать дружины самообороны. 8 августа власти издали постановление об обязательном формировании таких дружин³⁶⁸. Были сформированы пешая (300 человек) и конная (100 человек) дружины, поставлено под ружье 160 казаков-семирейков запасного разряда, укомплектовавших две полусотни. Население было вооружено из расчета одна винтовка на 8—12 дворов.

Фактически в Семиречье на этнической почве началась локальная гражданская война. Положение русских жителей усугублялось из-за отсутствия в регионе русского мужского населения, мобилизованного на фронт. Мощным катализатором взаимной ненависти стали слухи, многократно преувеличивавшие истинный масштаб событий.

Нельзя не отметить, что среди причин мятежа в Семиречье было стремление киргизов пограбить русских, поземельные споры в связи с активной переселенческой политикой в регионе, налоговое бремя. Активную пропаганду вели муллы. Кроме того, неоднократно говорилось об участии в подготовке мятежа германских офицеров. В Пржевальском уезде к этим причинам добавлялся и религиозный фанатизм кочевников.

6 августа восстали Атекинская и Батбаевская волости Пишпекского уезда, на следующий день Сарыбагишевская волость и Токмакский район. 7 августа запылало в Каркечинской, Джумбальской, Курманжоджинской, Кокторской и Абеильдинской волостях. В этот день киргизы напали на село Григорьевка, которое в результате было сожжено и разграблено, а жители вынуждены бежать. Был испорчен телеграф. Во главе выступления в Чуйской долине стоял хан М. Шабданов. Другими отрядами командовали два его брата. Как и в других местах, движение в Семиречье возглавляла туземная родовая элита — ханы и маналы. Известны такие киргизские вожаки, как К. Абукин, Б. Ногоев, К. Чинин. Мятеж был достаточно хорошо организованным: у аскеров имелись знамена, однообразные металлические бляхи, применялась сигнализация для передачи сведений о движении правительственных войск, в горных районах были оборудованы оружейные мастерские.

Антифеодальным этот мятеж не был — родо-племенные устои в туземном населении были фактически незыблемы. Во всем Семиречье не было ни один волостной управитель или манал.

Киргизы были вооружены самым разнообразным оружием. Здесь были и трофеи, захваченные у одиночных русских солдат, и самодельное оружие. 6—7 августа киргизам удалось захватить слабо охранявшийся транспорт с оружием. Они захватили 200 винтовок и 3000 патронов³⁶⁹ (по другим данным, 170 берданок и 4000 патронов³⁷⁰, по еще одной версии, представля-

ющей наиболее достоверной, — 178 берданок и 35 000 патронов). Погибли три нижних чина. Факт захвата сравнительно крупной по местным масштабам партии оружия явился мощным стимулом к активизации борьбы против русских. Большинство же повстанцев имело на вооружении кремневые и даже фитильные ружья, берданки, пики, топоры, насаженные на длинные палки. Манапы получали часть денег с продажи оружия, и, таким образом, мятеж приносил им прибыль. В целом киргизы не выдерживали столкновения с регулярными войсками, несмотря на численное превосходство в десятки, а иногда и сотни раз.

Первоначально киргизы уничтожали только сопротивлявшихся им, однако вскоре стали уничтожать русских вообще. Свое выступление они воспринимали именно как войну против русских — «кяфиров» (неверных). Борьба носила религиозный характер. По мусульманской традиции, убитые на этой войне попадали в рай. Никаких моральных ограничений для кочевников не существовало. В общей сложности от их рук здесь погибло не менее 1342 русских мужчин и 1300 женщин (в основном переселенцев), ранено 684 человека, не менее 1105 без вести пропало или попало в плен к киргизам, сожжено 969 дворов. По уездам распределение жертв, в соответствии с имеющимися неполными данными, было следующим: Пишпекский уезд — убито 98 человек, пропало без вести — 65. Пржевальский уезд (здесь почти не было русских войск) — убито 2179 человек, пропало без вести 1299, Джаркентский уезд — убито 32 человека, без вести пропало 20, Верненский уезд — убито 16 человек³⁷¹. Убито 2 чиновника, 12 чинов разных ведомств, 3 офицера, 53 нижних чина, 41 ранен, 75 нижних чинов пропало без вести. Случаев массовой гибели солдат и офицеров было несколько: в Нарынском уезде погибли прапорщик с 9 казаками и 8 солдатами; в селе Каркара Джаркентского уезда в августе 1916 г. было убито 24 казака отряда нарынкольско-чарынского участкового начальника ротмистра М. Кравченко, и 6 казаков погибло в окрестностях Джаланаша.

Среди убитых было семь монахов Секульского монастыря. Священник отец Роев был уведен мятежниками в горы и за несогласие принять ислам убит, его жена и дочь изнасилованы³⁷².

Известны факты зверского уничтожения грудных детей, которых просто разрывали пополам. Зверская расправа произошла 13 августа с 9 до 11 часов утра с беззащитными учащимися Пржевальской сельскохозяйственной школы, подвергшимися нападению киргизов. Служащие школы были истреблены киргизами «самым жестоким образом», девушки уведены в плен³⁷³. Были убиты управляющий школой, учителя, эконом и четыре ученика. Как сообщал И.А. Поцелуев, «мне рассказывали несколько случаев очевидцы, что дунгане девочек-подростков разрывали на две части, наступив на одну ногу, за другую тянут кверху, пока жертва не разделится на две

половины»³⁷⁴. Еще более жестокой и бессмысленной была расправа в Иссык-Кульском скаутском лагере, где было замучено около 70 подростков младших и средних классов гимназий Верного. Мальчиков искололи пиками, головы были разрублены или разможены камнями. Девочки были посланы на колья монастырской ограды, на следующий день, когда в лагерь прибыла казачья сотня, некоторые из них были еще в сознании. Были убиты учитель и его молодая беременная жена, живот женщины был распорот, а неродившийся ребенок раздавлен³⁷⁵. Именно кара-киргизы (т. е. современные киргизы) и особенно дунгане отличались наибольшей жестокостью к своим жертвам.

Современник писал: «...на лужайке в Самсоновке (недалеко от Токмака. — А. П.), внутри маленькой ограды расположены могилы русских, убитых во время восстания, среди них одна могила молодой и красивой девушки и студента, с таким же именем, как у меня. Они находились в ботанической экспедиции в горах, когда появился киргизский отряд. Спутники этих молодых людей торопили их садиться верхом и скакать как можно быстрее, но девушка оказалась слишком медлительной, собирая свои вещи и коллекции. Молодой студент, как галантный джентльмен, отказался бросить ее, и они оба были убиты мятежниками»³⁷⁶.

В сельских районах киргизы безжалостно и бессмысленно истребляли русскую или русскоязычную интеллигенцию. В селе Иваницком был убит прижевальский участковый врач Левин, вырезана партия инженера Васильева, техники в Черикчинской волости, многие учителя и члены их семей. Известно, что мятежниками практиковались такие зверства, как отрубание русским мужчинам половых органов, женщинам — груди; отрезание ушей, выкалывание глаз, разрывание детей на части³⁷⁷. Следует отметить, что все эти истязания обычно предшествовали убийству несчастных жертв.

Вследствие всего вышеперечисленного русское население опасалось выходить за пределы своих городов. Нередко по этой причине без помощи оставались сельские жители. Больше других пострадали селения по южному берегу Иссык-Куля. Видимо, из-за темноты мятежников ими зачем-то была уничтожена гидрометеорологическая станция на реке Джунгаль, служащие частью убиты, частью пленены³⁷⁸. В результате мятежа экономическое благосостояние русского населения было подорвано. Было уничтожено 15 тысяч десятин пашни на сумму 20 724 087 рублей³⁷⁹. В одном только Токмакском районе было убито 72 русских поселенца, ранено 12, без вести пропало 65, сожжено 600 домов, 356 заимок, уничтожено 12 тысяч десятин посевов, общая сумма убытков составила около 500 тысяч рублей³⁸⁰. Киргизы обоснованно опасались мести русских.

10 августа военный губернатор генерал М.А. Фольбаум просил прислать по четыре роты с артиллерией и конницей в каждый уезд области. «Поло-

жение внезапно может измениться так, что рухнет все русское дело в Семиречье», — пророчил он³⁸¹.

10 августа взбунтовались киргизы Беловодского участка Пишпекского уезда, Джамансартовской, Тлеубердинской, Бакинской и Талдыбулакской волостей. На следующий день восстали дунгане в селе Мариинском Пржевальского уезда. 11 августа дунгане перебили большинство крестьян села Иваницкого. Перебито население деревни Кольцовки. Уцелевшие жители спасались бегством в Пржевальск. 12 августа от рук киргизов погибли сразу два офицера — сотник Величко и прапорщик Киселев. Тела сотника Величко и семи казаков были обезображены³⁸². «Смерть их [—] весьма темное дело, так как по доходившим до меня слухам, они с несколькими нижними чинами были брошены своими частями на произвол судьбы», — отметил в своем докладе заведующий розыскным пунктом в Верном и Семиреченской области³⁸³.

8 августа в Ташкент прибыл генерал А.Н. Куропаткин — крупный военный деятель и администратор, имевший опыт участия в покорении Туркестана и отлично знавший местные реалии. Его назначение состоялось еще 22 июля. Знание Куропаткиным Туркестана было таково, что он иногда даже справедливо поправлял местных чиновников, готовивших доклады о положении региона.

В письме военному министру Д.С. Шуваеву от 18 августа 1916 г. Куропаткин писал о местном населении: «...за период в 40 лет мы не приблизили к себе сердца этих простых, но еще первобытных людей»³⁸⁴.

Куропаткин отрицательно относился к осуществлявшейся мере по призыву на тыловые работы, но в сложившейся обстановке пути назад были отрезаны и оставалось лишь решительно подавить мятеж. Именно в таком духе был настроен опытный генерал, предложивший представителям власти искать примеры в действиях генерала Г.А. Колпаковского, внесшего в XIX в. большой вклад в присоединение Семиречья к России. Куропаткин ходатайствовал о присылке в Семиречье казачьей бригады, двух пулеметных команд и конной батареи из действующей армии, благо, такое подкрепление не влияло на положение фронта, где конница большой роли не играла. Всего из других районов Туркестана в Семиречье было направлено 3,5 дружины, 7 рот из запасных стрелковых полков, 5 сотен, 14 орудий. Войска были высланы в трех направлениях: Андижан — Нарынское укрепление; Черняев — почтовый тракт Пишпек — Токмак; по железной дороге на Семипалатинск и далее на Сергиополь — Лепсинск — Верный. Действующая армия выделила два казачьих полка (7-й Оренбургский и 9-й Сибирский), казачью батарею и две пулеметные команды с пулеметами Кольта³⁸⁵.

7-й Оренбургский казачий полк был направлен через Черняев, а 9-й Сибирский — через Семипалатинск на Верный. По распоряжению Куропат-

книга Семиречье было разделено на 17 военных участков, в пределах которых проводились подавления. С 11 августа при отрядах и в уездных городах Семиреченской области были учреждены военно-полевые суды.

17 августа Куропаткин на 17 тысяч человек сократил наряд мобилизуемых по Семиречью. Вскоре началась отправка рабочих, семьи отправляемых на работы обеспечивались порайонными комитетами.

В обстановке нестабильности и паники население искало виновных. Такие были найдены в лице представителей русской администрации, имевших германские корни. Началась антинемецкая истерия. Так, А.Н. Куропаткину было посвящено следующее стихотворение:

Старый друг народного героя³⁸⁶,
Ты снова призван в край тебе родной,
Лишенный ныне мира и покоя,
Объятый вдруг мятежной волной...

Туши мятеж, пощады не давай,
Рази изменников-туземцев!
Но слов учителя не забывай,
Ищи и здесь работу немцев.

Вот ряд имен, мотай на ус:
Мартсон³⁸⁷, Гиппенер³⁸⁸, Папенгут³⁸⁹,
Фольбаум³⁹⁰, Цурмиллен³⁹¹, Гиппиус...³⁹²

Как водится, в общественном мнении крайними оказались ни в чем не повинные люди.

12 августа было принято решение об отправке в Семиречье отряда в составе 2-й роты 3-го Сибирского стрелкового запасного полка из Скобелева при 4 пулеметах, команды саперов, телефонистов и телеграфистов, 80 конных разведчиков, 1-й сотни 6-го Оренбургского казачьего полка и 2 орудий 20-й конно-горной батареи.

В июле—августе 1916 г. в Семиречье сработал механизм этнической самомобилизации. Помимо организации дружин самообороны, доведенное до отчаяния русское население устроило в Пржевальске киргизский погром, в котором в основном участвовали женщины. 12 августа в тюрьме Пржевальска при попытке побега были расстреляны заключенные-киргизы. Погибло около 80 человек. В селе Беловодском 13 августа местные русские крестьяне в ответ на бесчинства коренных жителей (здесь было убито много жителей, женщины уведены в плен)³⁹³ перебили 517 арестованных киргизов — участников мятежа. Испуганное и возмущенное русское население ответило насилием на насилие. «За отсутствием оружия били палками и камнями, кололи вилами, потрошили серпами и косами», — сообщалось в одном из документов³⁹⁴. Мародерство проявлялось с обеих сторон. По мнению А.И. Куропаткина, «надо тяжко наказать киргиз, но сурово прекратить и са-

мосуд русских, иначе правильная жизнь не восстановится»³⁹⁵. Кроме того, как оказалось, киргизы не знали, что предполагается оплата их работы. Получив эти сведения, многие меняли свое отношение к мобилизации³⁹⁶.

Второй инцидент несколько отличается по своему характеру: при переводе арестованных киргизов из Беловодска в Пишпек 138 из них было убито дружинниками при попытке побега. Дружинники действовали в соответствии с уставом гарнизонной службы.

Пржевальск, ожидавший со дня на день киргизского нападения, 11 августа был забаррикадирован жителями. Оборону города возглавлял уездный начальник полковник В.А. Иванов. В городе имелось лишь 42 человека караульной команды, на руках у жителей было 86 ружей. Телеграфная связь города с внешним миром была прервана. 13 августа для руководства обороной города был организован военный совет из отставных генералов. В середине августа в город с каркаралинской ярмарки прибыл карательный отряд ротмистра М. Кравченко.

Небезынтересно, что 12 августа на сторону мятежников в Семиречье перешел кавалер трех Георгиевских крестов унтер-офицер М. Власенко из отряда корнета Покровского.

13 августа в село Токмак прибыл карательный отряд пристава Токмакского района подъесаула И.В. Бакуревича (сотня, 70 нижних чинов пехоты, пулемет). 20 августа село атаковало скопище в 3 тысячи киргизов. На следующий день 5 тысяч нападавших рассеяли при помощи артиллерии. Их общие потери составили около 300 человек. 22 августа из Ташкента в Токмак прибыл сильный отряд подполковника А.И. Гейцига с артиллерией (две роты 737-й дружины государственного ополчения, сотня казаков, саперная, телеграфная и телефонная команды, две батареи, четыре пулемета, 50 дунган), окончательно разгромивший киргизов в этом районе. Войска Гейцига еще 9 августа были выдвинуты из Ташкента.

Из Ташкента же 15 августа был направлен в Семиречье отряд подполковника Ф.П. Алатырцева в составе четырех стрелковых рот, сотни, 160 конных разведчиков, саперной команды, батареи и восьми пулеметов. Следует отметить, что численность и состав отрядов постоянно менялись, поэтому в документах, относящихся к разным периодам, эти данные могут довольно сильно различаться.

Шесть суток длилась осада киргизами села Созоновка, которое оборонял отряд корнета Покровского. 16 августа на выручку Покровскому выступил отряд уральского казака урядника П.А. Овчинникова. Созоновка была деблокирована, кольцо мятежников вокруг Пржевальска ослаблено.

Помощник начальника Пишпекского участка подполковник Римшевич был осажден аскерами в станице Самсоновской. На выручку ему отправился конный отряд штабс-капитана Полторацкого.

18 августа в Пржевальск из Джаркента по распоряжению военного губернатора прибыла сотня хорунжего Угренинова. Наконец, 27 августа в Пржевальск вступил отряд сотника Волкова. 2 сентября из Верного прибыл карательный отряд семиреченского войскового старшины П.В. Бычков (150 казаков, 50 конных добровольцев, 170 нижних чинов джаркентской дружины, пулемет). Последний «двигаясь из Верного по горам, навел на киргиз панический страх, заставивший их, бросая все, бежать... к киргизской границе»³⁹⁷. Затем Бычков был направлен в Синьцзян для розыска русских пленных и поимки главарей семиреченского мятежа Шабдановых.

К 20 августа мятеж явно пошел на убыль. До 60 тысяч киргизов ушло на Сырты — высокогорные плато, откуда их пытались выбить отряды правительственных войск. Оттесненные в горные районы, киргизы терпели голод, теряли скот и, как правило, сдавались.

27—28 августа в Пржевальском уезде хорунжий А.В. фон Берг с несколькими десятками казаков разбил скопище киргизов, уничтожив до 800 человек и захватив много скота. По показаниям пленных, мятежниками руководили турецкий генерал и два европейца²⁹⁸. 27 августа в бою на южном берегу Иссык-Куля киргизы под командованием Мурзака потеряли около 300 аскеров. На следующий день произошел бой в ущелье Чичкан, где потери киргизов составили 400 убитых.

31 августа 3-я сотня сотника Носаева с боем переправилась через реку Нарын в Пржевальском уезде. Сотне противостояло около 500 аскеров под командованием Чулама, в панике бежавших от казаков. В горных районах Джаркентского уезда успешно действовал отряд хорунжего Угренинова, уничтожившего несколько сотен киргизов.

Отряд прапорщика Бойко истребил свыше тысячи мятежников. Отряд капитана фон Бурзи (три стрелковые роты, 80 конных разведчиков, саперная команда, два горных орудия, шесть пулеметов) с 23 августа из Скобелева через Андижан и Джалал-Абад двигался на Нарын, куда прибыл 28 августа, ликвидируя по пути очаги мятежа. Навстречу этому отряду из Семиречья, в свою очередь, также были двинуты правительственные войска.

Из Термеза на Сергиополь—Семипалатинск—Оренбург был направлен отряд полковника Виноградова (546-я дружина государственного ополчения, четыре роты, 28 конных разведчиков, восемь пулеметов). Из Термеза на Лепсинск был двинут отряд полковника Соснина (240 нижних чинов, восемь пулеметов). Из Скобелева на Нарын выступил отряд полковника Слезнева (734-я дружина государственного ополчения, восемь пулеметов). Из Самарканда на Пишпек отправлен отряд подполковника Горюшкова (243 нижних чина, восемь пулеметов). Из Кульджи предполагалось направить сотню конвоя российского консульства.

Всего при подавлениях в Пишпекском и Пржевальском уездах было уничтожено около 3 тысяч киргизов. Во всем Семиречье, по некоторым данным, погибло 4 тысячи киргизов, еще 12 тысяч погибло при бегстве в Китай, в том числе утонувшие и погибшие от огня китайских пограничников³⁹⁹. 164 тысячи человек бежало в Китай, к маю 1917 г. там осталось около 70 тысяч беженцев.

В Лепсинском уезде порядок наводили казаки 6-й ополченческой сотни Семиреченского казачьего войска под командованием штабс-ротмистра Маслова. В Верненском уезде действовал 22-й Туркестанский стрелковый полк⁴⁰⁰. Казаки станицы Николаевской под командованием станичного атамана Бедарева в районе села Преображенского уничтожили около 90 киргизов. Отряд хорунжего Александрова осуществил жестокое усмирение Ботпаевской волости Верненского уезда — было истреблено несколько аулов, сожжены стойбища, угнан скот. В результате волость полностью подчинилась.

18 сентября в ущелье Тон произошел семичасовой бой отряда войскового старшины Бычкова с аскерами, последние потеряли 150 человек.

Надо сказать, что нагрузка, ложившаяся на карательные войска, была далеко не легкой. Разумеется, организованные воинские части могли легко сломить сопротивление мятежников. Сложность заключалась в огромных расстояниях, которые войска должны были преодолевать, в тяжелых климатических условиях региона. В частности, 3-я Оренбургская казачья батарея за 108 дней сделала переход в 1591 версту. Батарея походным порядком в качестве карательного отряда прошла через населенные пункты: Арказыкский, пикеты Джуртинский, Казылымхлинский, Узунбуханский, Алтык-Калатский, город Сергиополь, пикет Нижний Нарын, села Бессарабское, Благодатное, станицу Урджарскую, села Рыбачье, Степановское, Андреевское, город Лепсинск, село Тополевское, станицу Саркандскую, село Абакумовское, пикет Ражанский, город Копал, село Гавриловское, станицу Карабулакскую, поселок Царицинский, село Голубинское, станции Куян-Гуз, Карачек, поселки Илийский, Дмитриевский — в город Верный, где с 31 октября по 16 декабря находилась на отдыхе. 16 декабря батарея двинулась дальше через станицу Любовинскую, села Казанско-Богородское, Тарган, станции Отар, Курдай, Сюгаты, город Пишпек, села Беловодское, Чалдовар, Мерке, Луговое, пикеты Акыр-Тюбе, Ак-Чулак в город Аулие-Ата, куда прибыла 31 декабря 1916 г.⁴⁰¹

К середине сентября в Семиречье находились следующие силы. Постоянно квартировали Верненская, Джаркентская и Копальская дружины, 3-й Семиреченский казачий полк, четыре запасные и четыре ополченческие казачьи сотни. Для подавления мятежа были направлены: 240-я Симбирская, 243-я Самарская, 734-я Саратовская дружины государственного

ополчения при восьми пулеметах каждая; две роты 737-й Симбирской дружины при четырех пулеметах; по две роты 1-го и 2-го Сибирских запасных полков со 160 конными разведчиками при восьми пулеметах; три роты 1-го Сибирского запасного полка с 80 конными разведчиками при шести пулеметах; 25-я, 26-я и 27-я легкие четырехорудийные батареи; два орудия 20-й конно-горной батареи; две сотни 6-го и сотня 4-го Оренбургских казачьих полков; две саперные команды; телеграфная и телефонная команды. Из действующей армии высланы 7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки с двумя пулеметными командами Кольта, 3-я Оренбургская казачья батарея⁴⁰².

16 октября по итогам подавления мятежа в Семиречье Куропаткин провел совещание, на котором было принято решение о выселении киргизов из Пишпекского и Пржевальского уездов, в которых более всего пострадало русское население, и образовании в связи с этим Нарынского уезда. Такое решение было обусловлено общим замыслом Куропаткина выселить киргизов с территорий, на которых пролилась русская кровь.

По мнению Куропаткина, «войска действуют самоотверженно. Без кадров, без организации, с[о] случайными перевозочными средствами переваливают снеговые горы, делают по равнине до 70 верст в сутки. Затрудняется умирение огромными пространствами, разбросанностью, беззащитностью селений с русским населением»⁴⁰³.

Кровь, пролитая в Семиречье летом 1916 г., не забылась, дав о себе знать в 1917—1920 гг., когда в регионе развернулась кровопролитная Гражданская война со своими специфическими особенностями. Определяющим здесь стало не политическое противостояние, а этноконфессиональное и сословное⁴⁰⁴. Бывшие переселенцы в основном поддержали красных; казаки и козачники выступили на стороне белых.

Закаспийская область

Ситуация в Закаспии в 1916 г. имела ряд своих особенностей. Текинцы по своему настрою являлись монархистами и всецело поддерживали русских. Отношения между русскими и текинцами были самыми доверительными. Вплоть до того, что русским офицерам, ночевавшим у туркмен, те, как лучшим друзьям и почетным гостям, приводили одну из своих жен на ночь⁴⁰⁵.

Иной характер носили взаимоотношения с наиболее воинственным из местных племен — племенем туркмен-иомудов. Иомуды платили дань как русскому, так и персидскому правительству. В этой связи любые осложнения с иомудами неизбежно приобретали международное значение. Иому-

ды подняли мятеж против русских властей еще в начале 1916 г. Тогда для борьбы с ними был сформирован Хивинский отряд в составе трех дружин и четырех легких батарей. Уже в феврале 1916 г. в Хиву был направлен 6-й Оренбургский казачий полк, ранее предназначавшийся на усиление Хоросанского отряда⁴⁰⁶. Борьба с иомудами с переменным успехом протекала на протяжении всего 1916 года (на этом не было принято заострять внимание в советской литературе) и ярко демонстрирует тот факт, что указ от 25 июня 1916 г. не был причиной, а являлся лишь поводом для мятежа в Туркестане.

Главарем иомудов был хан Джунаид, ставший позднее известным как лидер басмачей. Иомуды были хорошо вооружены берданками и трехлинейками. В июле 1916 г. в области было неспокойно. По некоторым данным, здесь активно работала турецкая разведывательная организация «Тешки-лат-и-Махсуса» во главе с азербайджанцем А. Агаевым — впоследствии председателем общества «Турция — СССР»⁴⁰⁷. Деятельность турецкой агентуры отмечали и очевидцы⁴⁰⁸.

К иомудам примкнули роды кочевых туркмен — джафарбайцев, атабайцев. Беспорядки приобрели характер разбойничьих нападений на русские поселки в районе реки Гюрген. К осени 1916 г. четыре поселка было совершенно разрушено, другие сильно пострадали. Русское население было взято под охрану казаков. Более того, была вынуждена отступить одна из небольших колонн русских войск. Было зафиксировано применение туркменами разрывных пуль⁴⁰⁹. В этот период в Асхабадском уезде обеспечением безопасности занимались рота 8-го пехотного запасного полка, сотня пограничной стражи с пулеметной командой и взвод 20-й конно-горной батареи. В Мервский уезд из Асхабада была командирована сотня 2-го Семиреченского казачьего полка, взвод 20-й конно-горной батареи и рота пехоты.

15—16 августа иомуды в районе поста Курбан-Каз обстреляли воинскую команду чикишлярского пристава, погибли два нижних чина, трое ранены. Во второй половине августа — сентябре 1916 г. племя откочевало в Персию. Уход иомудов в Персию русская администрация решила использовать для овладения плодородной Астрабадской провинцией соседнего государства. На самом деле значительная часть провинции не была заселена персидским населением, а представляла фактически нейтральную территорию, на которой кочевали туркмены. С 1898 г. здесь находился русский комиссариат, власти которого подчинялись возникшие в регионе русские поселения.

В конце сентября 1916 г. в русских поселках по реке Гюрген были случаи угона скота, в районе Астрабада были обстреляны казачьи разъезды. Наконец, иомудам удалось захватить укрепление Ак-Кала на реке Гюрген, но в результате двухчасового боя укрепление было отбито обратно. Обста-

попка накалялась. 25–29 сентября кочевники громили имения по реке Гюрген. 30 сентября из укрепления Чатлы в Гумбет-Кабуз выступил отряд в составе 100 штыков и 150 сабель, при 3 пулеметах и 2 орудиях. Отряд сопровождал обоз и транспорт. Дважды иомуды атаковали отряд по пути. В результате нападения в ночь на 1 октября был убит пулей в сердце начальник ротмистр Пожарский и два нижних чина. Эти случаи были лишь первыми тревожными сигналами, свидетельствовавшими о том, что и в этом регионе вскоре предстоит действовать войскам.

Дерзкие нападения продолжались и в октябре, когда погибли восемь нижних чинов. Пятеро из них попали в плен и были зверски изуродованы. 11 октября иомуды напали на город Теджен, но были отбиты. Наши войска потеряли трех нижних чинов убитыми. В районе Теджена мятежники убили рабочего и маленькую девочку.

В ноябре было отмечено усиление активности иомудов. Они взяли под свой контроль каспийское побережье. Усилились наиболее мощные их группировки под командованием Баба-Клыча, Шихи-Хана Диведжи и Эсен-хана. В Атрекском районе был задержан австрийский шпион мадьяр Л. Сибо, имевший при себе документы и карту⁴¹⁰. В дальнейшем сообщалось, что действиями иомудов руководил хорошо подготовленный европеец⁴¹¹. Отряды иомудов были сосредоточены в районе Чатлы, Ак-Кала и у горы Морава-Теле. 25 ноября мятежники на дороге Кизил-Имам — пост Чаг обстреляли обоз, две роты 2-го Сибирского запасного стрелкового полка и сотню пограничников, погиб 1 нижний чин, 18 было ранено.

Лишь в конце октября — ноябре 1916 г. для подчинения непокорного населения был сформирован значительный по азиатским масштабам Гюргенский экспедиционный отряд под командованием военного губернатора Самаркандской области, героя Русско-японской войны генерал-лейтенанта А.С. Мадритова (помощник — командир Мервской ополченческой дружины генерал-майор Волковников). В состав экспедиционного отряда были включены Чикишлярский отряд подполковника 2-го Сибирского стрелкового запасного полка Дерфельдена (сводный батальон 5-го и 7-го Сибирских стрелковых запасных полков (командир — подполковник Дерфельден)), сводный батальон от 1, 2, 5 и 6-го Сибирских стрелковых запасных полков (командир — капитан Неминуший), рота Мервской ополченческой дружины, 22-я Туркестанская легкая батарея, 9-я Туркестанская мортирная батарея и взвод Кушкинской крепостной саперной роты), Астрабадский отряд командира 8-го Сибирского стрелкового запасного полка полковника Габаева (пять рот и четыре пулемета того же полка, две роты 1-го и 7-го Сибирских стрелковых запасных полков, 17-я Туркестанская легкая батарея, полторы сотни 2-го Семиреченского казачьего полка, взвод 1-й Туркестанской отдельной саперной роты) и Гумбетский (ранее Атрек-

ский, позднее переименован в Гюргенский) отряд полковника А.Д. Стржалковского (четыре роты дружины с четырьмя пулеметами, сводный батальон 2-го и 5-го Сибирских стрелковых запасных полков (командир — капитан Солодников), 5-я Туркестанская легкая батарея, два орудия 20-й Туркестанской конно-горной батареи, 6-я сотня 4-го Оренбургского казачьего полка (есаул А.С. Харитонов), 1-я отдельная Семиреченская сотня и две сотни 30-й бригады пограничной стражи). Всего 6 батальонов, 15 сотен (около 8 тысяч человек), 18 орудий и 17 пулеметов. На усиление всех отрядов направлены и находились в пути 7-й Оренбургский казачий полк (командир — полковник Л.Н. Доможиров) с 73-й пулеметной командой Кольта и 3-я Уссурийская казачья сотня⁴¹². 7-й Оренбургский казачий полк в конце ноября был включен в состав Чикишлярского отряда⁴¹³. Вскоре из Самарканда на усиление отряда была направлена и 22-я легкая батарея.

По данным на 24 ноября, численность отрядов составляла (по расчету на довольствие): Астрабадский отряд — 2321 человек и 642 лошади, Гумбетовский отряд — 2149 человек и 988 лошадей, Чикишлярский отряд — 3692 человека и 2307 лошадей, Казалинский отряд — 770 человек и 530 лошадей⁴¹⁴. Итого в отряде Мадритова (без Казалинского отряда): 8162 человека и 3937 лошадей. К 8 декабря численность отряда возросла до 8640 человек и 4260 лошадей.

Санитарное состояние отряда было удручающим. В одном из документов отмечалось, что «при осмотре людей резко бросается в глаза разница в наружном виде нижних чинов разного рода оружия: в то время, как почти 90% стрелков поражают своим болезненным, малокровным, слабым видом, причем почти третья часть настолько ослаблена, что вряд ли способны перенести тяжести походной жизни, среди артиллеристов и сапер слабых не более 10—15% общего их числа, а среди казаков, которые за два года пребывания в Астрабаде все, хотя бы по одному разу, болели лихорадкой, слабосильные, болезненные на вид составляют единицы»⁴¹⁵.

По некоторым данным, на Атрекской линии погиб офицер. Сотня семиречков при двух конных пулеметах из Атрекского отряда двигалась к пограничному посту Яглы-Олум, где на персидской территории скопилось около 2 тысяч кибиток.

Фактически действия проходили на персидской территории. План действий был следующим: одновременным движением отрядов с трех сторон окружить ядро стойбищ иомудов между реками Атрек и Гюрген на севере и юге и дорогой Чикишляр—Астрабад и высотами Каракыр на западе и востоке. «Надо сломить самым энергичным образом всякое сопротивление и привести восставших к полной покорности»⁴¹⁶. Важными задачами являлся захват главарей мятежа и изъятие у иомудов оружия. Необходимо было заставить иомудов выставить требуемое число рабочих. В качест-

не наказания предполагалось отобрать у кочевников половину скота и кибыток.

Командованием были установлены следующие «Главные основания действий»: «а) не дробиться на мелкие части, б) доверять действию конных стрелков более в пешем строю, чем в конном... не высылать мелких конных частей, г) после первых разгромов, конным частям, казачьим и стрелковым открыть широкое поле для действий; казачьим частям придавать конных стрелков для действий в пешем строю и пулеметы... Иомуды будут беречь своих лошадей от нашего огня и станут обрушиваться большими партиями на обозы и прикрытия их, особенно на мелкие команды, будут обходить наши войска, чтобы ударить на них с тыла; поэтому с движением вперед база наших отрядов, дней на семь, должна быть при себе, ж) днем и каждую ночь каждый отряд должен ждать нападения со всех сторон, особая бдительность требуется ночью, памятуя нападение иомудов в 1873 г. на отряд генерала Головачева под Чандыром⁴¹⁷. з) Если противник займет «Калы» (глинобитные укрепления), то это будет для нас благоприятно, но надо штурм готовить заботливо, чтобы бреши были достаточны; принимать меры отрезать отступление, иначе иомуды уйдут. и) Жестокостей не допускать, строго карая виновных; воевать с мужчинами, а не с женщинами и детьми. Не позволять ни под каким предлогом жечь имущество, особенно кошмы и кибитки... Взятых в рабочие отправлять не для сторожевой или охранной службы, но на тяжелые работы. Партии организовывать как арестантов, пока не заслужат доверия. На каждых 10 человек назначать одного десятского из казаков, а на сотню — сотского из урядников; во главе всего эшелона должны быть назначены два офицера; переводчики, писцы, мулла и резник по приказу № 220»⁴¹⁸.

После подавления мятежа войска предполагалось использовать для усиления Кавказской армии, положение которой было крайне неопределенным. Начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Н.И. Сиверс 29 ноября 1916 г. писал командиру Кавказского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Н.Н. Баратову: «Для подавления возникших беспорядков среди иомудов, в Астрабадскую провинцию в Персии командированы из округа войска, составившие Гюргенский отряд... Придавая успешным действиям на нашем левом фланге Кавказской армии особо важное значение для удержания Афганистана от выступления против нас и связанного в значительной степени с этим спокойствия в Туркестане, Командующий войсками полагал бы возможным, по окончании экспедиции против иомудов, ожидаемом примерно в феврале будущего года, отправить из состава Гюргенского отряда на подкрепление частей вверенного Вам корпуса первоначально одну стрелковую бригаду (в 4 батальона) с 7-м Оренбургским казачьим полком и 73-й Кол[ь]товской пулеметной командой.

Затем, если обстоятельства в Семиреченской области сложатся благоприятно, к чему есть полные основания, то к этим частям будут присоединены вторая стрелковая бригада, 9-й Сибирский казачий полк, 3-я Оренбургская казачья батарея и 33-я Кольтовская пулеметная команда»⁴¹⁹.

Мадритов обратился к иомудам с ультиматумом, ориентированным на восточную психологию: подчиниться до 1 декабря, иначе «никакие просьбы не [по]могут. Пусть не думают мятежники, что они могут скрыться куда-либо — везде найду и накажу жестоко, также жестоко пострадают и их семейства и все те, кои им помогали. Накажу так жестоко, что долго будут помнить их предки и их потомки много сот лет. Меня не остановит их бегство в Персию, и там найду их и их сообщников и заставлю подчиниться ВЫСОЧАЙШЕЙ воле ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Русского ГОСУДАРЯ»⁴²⁰. В середине ноября Мадритов прибыл в Чикишляр, Чикишлярский отряд возглавлял полковник Доможиров.

Серьезные бои шли на реке Гюрген. 6 декабря Мадритов занял Ак-Калу и двинулся на Гумбет-Кабуз. От мятежников была очищена западная часть Астрабадской провинции. Далее войска двинулись на Морава-Тепе, где произошло решающее столкновение. С севера туда же направлялись две роты и сотня. Бои развернулись на труднодоступных горных перевалах, куда были вытеснены мятежники. Последние, будучи окружены с севера и юга, бросились на запад, где 28—31 декабря были достигнуты (восточнее линии Чат—Яглы-Олум) и разбиты. Вожаки (Эссен-хан, Баба-Клыч) были пленены или сами явились с повинной, а мятежники распались на мелкие шайки.

Неспокойно было на линии пограничной реки Атрек, где бунтовали атрекские туркмены. Летом они кочевали в России, а на зиму уходили в Персию, где подвергались враждебной пропаганде. В последние годы ими активно велась закупка оружия. Местная администрация незаконными поборами не заслужила уважения со стороны туземного населения, положения указа о мобилизации рабочих разъяснены населению не были.

Содействие русским оказал курдский хан Сердар Муаззез (Азизулла-хан), который не позволял туркменам укрываться в Буджнурдском ханстве. Договоренность с ханом была достигнута миссией подполковника Грузинского. Последний подарил хану и его брату (Салару Муфаххаму или Хабибулле-хану) ликеры, сигары, шоколад, автоматический 6,35-мм браунинг. Самому хану по предложению Куропаткина был обещан орден Св. Станислава II степени, что произвело на него огромное впечатление⁴²¹. Таким образом, успех экспедиции должна была обеспечить и работа по дипломатической линии. Более того, хан обещал выставить для содействия русским около тысячи вооруженных ополченцев.

Следует также отметить, что занятие русскими войсками Гюргенского района повлекло за собой «усиленную деятельность разных лиц по приобретению земельной собственности в занятом районе»⁴²². Приобретения носили спекулятивный характер, осуществлялись по спорным и даже фиктивным документам, вызывали недовольство местного населения. 13 февраля 1917 г. Куропаткин потребовал от МИДа признания всех подобных сделок недействительными. Тем не менее идея колонизации провинции русским населением получила признание.

Как бы то ни было, русские войска «без воды, почти без продовольствия и плохо обученные, снаряженные и, надо сказать правду — плохо вооруженные, сделали большое дело — восстание грозило принять такие размеры, что при существующих условиях нам пришлось бы провозиться с ним очень долгое время»⁴²³.

К 31 декабря с мятежом иомудов в районе Чат—Яглы-Олум было покончено. У мятежников изъяли около 3200 винтовок, не менее 315 шашек. Потери Мадритова составили 2 офицера и 30 нижних чинов убитыми, 1 офицера и 59 нижних чинов ранеными и 2 нижних чина пропавшими без вести⁴²⁴. Всего в результате мятежа иомудов погибло 2 офицера и 59 нижних чинов, ранено также 2 офицера и 59 нижних чинов, 3 нижних чина пропало без вести, убит 1 телеграфный чиновник. Потери русских посланцев были незначительны.

В конце марта 1917 г. в связи с успокоением туркмен Мадритов сдал командование отрядом генерал-майору М.К. Маргания, начался вывод войск. Из отряда была сформирована 2-я Туркестанская стрелковая бригада. В марте 1917 г. Гюргенский экспедиционный отряд насчитывал 4369 человек и 1653 лошади. 7-й Оренбургский казачий полк в конце февраля пароходами был отправлен на Кавказ, на усиление войск Баратова. По данным на октябрь 1917 г., полк действовал в Курдистане⁴²⁵. В середине марта на Кавказ отправилась и стрелковая бригада. Февральские события принесли амнистию участникам мятежа, а экспедицию Мадритова стали называть разбойничьей⁴²⁶. Любопытно, что в апреле 1917 г. из иомудов была даже сформирована первая воинская часть (сотня).

В августе—сентябре 1917 г. из Афганистана с транспортом оружия в Россию вернулся Джунаид-хан, провозгласивший борьбу «за освобождение туркмен». На фоне ослабления деморализованной русской армии Туркестан вновь стал ареной вооруженной борьбы, цели которой теперь уже никак, даже с натяжкой, не могут быть названы прогрессивными. Таким образом, повстанчество 1916 г. и достигшее позднее своего пика басмачество являются преемниками друг друга. В Хиве тогда был дислоцирован 4-й Оренбургский казачий полк полковника И.М. Зайцева.

Нельзя не отметить, что основная масса туркмен — текинцы — оставались лояльными русской администрации. В то же время Куропаткин опасался возобновления беспорядков после отвода войск.

Завершая раздел о Туркестане, нужно отметить, что в Амударьинском отделе Сырдарьинской области волнений практически не было, за исключением Чембайского района в дельте Амударьи, где был убит участковый пристав с женой. Туда был командирован карательный отряд, и население успокоилось. Не было беспорядков также в Хиве и Бухаре.

В период с 18 сентября по 18 декабря 1916 г. из Туркестана было отправлено 92 423 рабочих, кроме того, 9500 человек направлено непосредственно на работы в Средней Азии. Таким образом, было мобилизовано около 100 тысяч рабочих, или половина от запланированного количества.

Общие потери армии и полиции в Туркестане были следующими:

Т а б л и ц а 41

СТАТИСТИКА ПОТЕРЬ АРМИИ И ПОЛИЦИИ В ТУРКЕСТАНЕ
(* — офицеры)

Область	Убито	Ранено	Пропало без вести
Ферганская	—	1*, 6	—
Сырдарьинская	1	1	—
Самаркандская	2*, 3	2	—
Семиреченская	4*, 52	41	75
Закаспийская	6	5	—
Астрабадская провинция	2*, 59	2*, 59	3
И т о г о	8*, 121	3*, 114	78

Всего к 1 января 1917 г. в Туркестане было убито 8 офицеров и 121 нижний чин, ранено 3 офицера и 114 нижних чинов и числилось пропавшими без вести 78 человек. По другим данным, к 25 января 1917 г. потери составляли 97 убитых, 86 раненых и 76 пропавших без вести⁴²⁷. Для сравнения: при покорении Туркестана русская армия потеряла в Семиреченской области 105 человек, в Сырдарьинской области с Амударьинским отделом — 744 человека, в Ферганской области — 134 человека, в Самаркандской области — 811 человек и в Закаспийской области 1582 человека. Всего — 3376 человек.

Потери русской и туземной администрации были следующими:

Т а б л и ц а 42

СТАТИСТИКА ПОТЕРЬ РУССКОЙ И ТУЗЕМНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Область	Убито из русской администрации	Убито из туземной администрации
Ферганская	1	34
Сырдарьинская	1	7
Самаркандская	3	—
Семипалатинская	14	12
Актюбинская	1	—
Итого	20	53

Потери русского населения выразились в следующих цифрах:

Т а б л и ц а 43

ПОТЕРИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

Область	Убито	Ранено
Ферганская	1	2
Сырдарьинская	45	1
Самаркандская	73	—
Семипалатинская	2325 (по другим данным 2642) убито, 1384 пропало без вести	1105
Актюбинская	?	?
Итого	3828 (4145)	1111

Наиболее сильно русское население пострадало там, где было мало мусульман, — в Семипалатинске. Наименее сильно там, где почти не было русского населения, — в Степном крае. Эти реалии позволили советским историкам привычно называть движение в Степном крае прогрессивным, а выступления в Средней Азии реакционными. На самом деле, вопреки лживым заявлениям советских авторов, антирусский характер мятежа был повсюду. В некоторых районах к этому примешивался еще и религиозный фанатизм мусульманского населения.

Необходимо отметить, что в результате мятежа в Туркестане было разорено свыше 9 тысяч хозяйств, уничтожено несколько храмов и больниц. Для усмирения мятежников в Туркестане использовалось 14,5 батальона, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов. Боевые действия велись в период с 13 июля 1916 г. по 25 января 1917 г.

II. Степной край

Акмолинская и Семипалатинская области

Наказный атаман Сибирского казачьего войска и генерал-губернатор Степного генерал-губернаторства генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов 4 августа 1916 г. сообщал в штаб Походного атамана всех казачьих войск, что по объявлении мобилизации началось недовольство и признаки «угроз русскому населению, поселившемуся в глубине степи за сотни верст от более крупных пунктов, где имеются незначительные местные команды, которые могли, хотя бы первое время, защитить население от нападения полудиких кочевников»⁴²⁸. Как только власти приступили к проверке списков лиц, подлежащих призыву, киргизы со стадами и имуществом ушли в глубь степей, уклоняясь от выполнения Высочайшего повеления.

В области происходили зверства, аналогичные тем, что имели место в соседних регионах. Были случаи убийства чинов полиции, в Акмолинской области убито семь казаков. Убиты сестры О. и М. Дохненко 12 и 16 лет⁴²⁹, три женщины и девица Морозовы (у поселка Алексеевка)⁴³⁰. 8 октября на станции Каратай Акмолинского уезда произошло зверское убийство солдат и ямщика. Ямщика почты почтальона Крамаренко киргизы пытали, привязывая к хвосту лошади, «состояние его здоровья безнадёжное»⁴³¹.

Местные команды степных городков Каркаралинска, Акмолинска, Атбасара в связи с малочисленностью и отсутствием в степи русского населения и путей сообщения не были в состоянии преследовать киргизов. Возникла необходимость мобилизации казаков, несмотря на то что в это время шел сбор урожая трав и зерна. Во всех приграничных со степью станицах Сибирского казачьего войска были сформированы особые конные команды, в основном из отставных, неспособных или не достигших 20 лет казаков. Уже с 20 июля команды несли службу на подавлении мятежа. Суточное вознаграждение урядника составляло 3,5 рубля. Киргизские банды были вооружены самодельными пиками, батогами, алебардами, редко огнестрельным оружием невоенного образца. Топор на длинном черенке назывался айболта, дубина — сукол. Предполагалось, что оружие мятежникам помо-

план доставать из Китая немецкие колонисты⁴³². На юге области мятежниками руководил хан Кияшев.

По данным властей, в Зайсанском уезде имелось несколько групп мятежников по тысяче человек, в Семипалатинском — 7 тысяч человек, в Усть-Каменогорском — несколько групп по 3 тысячи человек, в Акмолинском — до 35 тысяч человек, в Атбасарском — 7 тысяч человек и в Косагачском районе до 2 тысяч человек.

На подавления, по данным на 5 сентября 1916 г., было выслано: в Зайсанский район — 2,5 сотни, в Семипалатинский район — сотня, в Усть-Каменогорский район — 2,5 роты, в Акмолинский район — 5 рот и 2,5 сотни, в Атбасарский район — 2 роты и 1,5 сотни и в Косагачский район — сотня с пулеметом.

Три сотни из полков первой очереди выставило Сибирское войско, сотню 1-го Верхнеудинского полка (есаул Мейер) — Забайкальское войско. Кроме того, казаками было выставлено три полусотни, две местные сотни, четыре местные полусотни. В Акмолинск отправился атаман 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска, в Атбасар — атаман 3-го военного отдела.

Пехота была представлена, в основном, ополченческими дружинами: 401-й (Петропавловск), 706-й (Омск), 710-й (Тюмень), 712-й (Семипалатинск). От 712-й дружины 2,5 роты было направлено в Усть-Каменогорск, по роте 706-й и 710-й дружин действовало в районе Акмолинска, еще одна рота 710-й дружины была направлена в Атбасарский уезд. В Петропавловском уезде находилась рота 33-го Сибирского стрелкового запасного полка.

Всего в Акмолинскую и Семипалатинскую области властями было направлено 6 казачьих сотен и 7 полусотен, 8,5 роты пехоты, 2 местные воинские команды⁴³³. На усмирение был направлен отряд помощника Намного атамана Сибирского казачьего войска генерал-майора П.Я. Ягодкина. Акмолинскому и Атбасарскому отрядам в конце сентября 1916 г. были приданы по два пулемета из присланных Главным управлением Генерального штаба.

Позже других были замирены Акмолинский и Атбасарский районы. Даже усмирение части киргизов, бежавших в Монголию, силами сотни забайкальцев с пулеметом прошло быстрее и легче. В отношении оставшихся непокорными районов был разработан специальный план. Было принято решение отрезать киргизам путь на юг силами Атбасарского отряда. Акмолинский отряд окружал аскеров с севера.

25 октября казачий разъезд оцепил Кондерлинскую лесную дачу, где киргизы, вооруженные самодельными пиками, занимались незаконной рубкой леса. Увидев казаков, мятежники вскочили на лошадей и бросились на них. Был открыт огонь, в результате которого 42 киргиза погибло.

Казакки стали преследовать бросившихся врассыпную мятежников. В ходе преследования был занят аул Аккийраккульской волости, где изрублено 12 человек³¹. К 1 ноября Акмолинская область дала уже 12 500 человек на оборонные работы, набор продолжался. К январю 1917 г. область была в целом замирена. По данным на 10 января 1917 г., из 45 000 киргизов к отбыванию повинности в различных формах было принято 43 098 человек (8570 освидетельствовано как негодные, 10 241 работает на оборону, 16 314 организовано в артели по возке казенного хлеба для армии, 7973 человека принято на работы и сдано военному ведомству)³⁵.

Наведением порядка в Семипалатинской области занимались казаки 3-го Сибирского казачьего полка. В Семипалатинске была дислоцирована 712-я дружина государственного ополчения. Есаул В.И. Шестаков из Омска здесь же в июле 1916 г. занимался формированием казачьей полусотни для борьбы с мятежом.

Уральская область и Астраханская губерния

В Уральской области практически не было никаких серьезных происшествий. Имел место случай убийства двух представителей местной администрации, а 22 июля 1916 г. произошла стычка скопища в тысячу киргизов с шедшей из Калмыкова полусотней казаков на берегу реки Уил. Киргизы были рассеяны огнем сотни.

Любопытно описание произошедшего, оставленное сотником Горбуновым: «22-го июля я делал переход с полусотней и обозом, повозок 10, по Каракульской волости... Во время пути... головной и правый дозоры донесли, что появились навстречу одиночные всадники, а за ними целые толпы, человек по 100 каждая. Я усилил дозоры, приблизил их и продолжал идти. Одиночные киргизы скрылись назад в толпы, а частью стали огибать нас справа, держась на расстоянии около 2-х верст. Затем толпы, подойдя на ту же дистанцию, стали развертываться и, огибая нас также справа, выстроили нечто вроде развернутого строя, по протяжению фронта более полка. Тогда я полусотню остановил, построил повозки буквою П, в середине поставил лошадей, а на открытую сторону, обращенную к киргизам, поставил людей... По обстановке, складывалось впечатление, что киргизы, вооружаясь, думают атаковать; поэтому... я приказал открытую сторону окопать... [толпа], издавая даже крики, стала... продвигаться вперед. Получив письменно полномочия, я дал три залпа по центру толпы и, продвинувшись пешком вперед, шагов на 200—300, сделал еще залп по одному из флангов. После первых трех залпов середина толпы бежала, после 4-го бежали все. Посадив полусотню [верхом], сделал вид преследования, но на-

горотке, так как в это время из хвоста уходивших выделилась группа и, подняв руки и шапки кверху, продвигались к нам навстречу...»¹³⁶

К 15 декабря область дала 20 072 рабочих, всего явка на сборные пункты составила 20 463 человека, недобор против ожидавшегося количества числялся в 15 332 человека.

В Астраханской губернии было еще спокойнее. Призыв протекал, как и было запланировано. На всякий случай для предупреждения возможных беспорядков губернатором было вызвано три взвода 3-го Астраханского казачьего полка. В июле сотня полка была задействована в борьбе с мятежом. В самой губернии использовалась полурота Царицынского гарнизона. Призывной контингент составил 22 000 человек (по данным на 20 декабря — 20 875 человек), оставалось призвать еще 3500 рабочих. Однако во избежание эксцессов губернатор просил приостановить призыв.

Тургайская область

Из всех регионов, охваченных мятежом, наиболее продолжительной (прежде всего из-за характера местности и зимнего времени) и масштабной была борьба в Тургайской области, где во главе выступления оказался, по утверждению советских историков, А.У. Иманов. На самом деле, как и в других местах, во главе мятежа стояли не народные вожди, как утверждала советская историография, а родовая или клерикальная элита — баи и ханы. Так, во главе мятежа в Тургайской области стоял не Иманов, а крупный скотовод, хан А. Джанбосынов. Другое дело, что мятежники нуждались в организаторах и военных руководителях. Именно к этой категории, на мой взгляд, следовало бы отнести Иманова. Важную роль в организации мятежа сыграл местный большевик А.Т. Джангильдин. Общая численность мятежников, называвших себя здесь сарбазами, в области оценивается в 50 тысяч человек. В отличие от Семиречья, где Шабдановы провели всеобщую мобилизацию (чего даже близко не предполагалось по указу императора), в Тургайской области действовали добровольцы.

Известие о призыве инородцев стало полной неожиданностью для местной администрации, вплоть до уровня губернатора. Кроме того, степная русская администрация была малочисленной. На уездном уровне числился только уездный начальник и его помощник, других чинов полиции не было.

Уже в июле здесь, как и в других регионах, начались убийства представителей туземной администрации, попытки уничтожения списков мобилизуемых. Организаторами беспорядков в Кустанайском уезде выступили местные муллы. Здесь важно то, что кустанайские киргизы занимали доминирующее положение в отношении киргизов других уездов.

В связи с острой нехваткой полиции было решено в соответствии с «Правилами вызова войск для содействия гражданским властям» подавить мятеж в зародыше при помощи армии. Командующий войсками Казанского военного округа генерал от инфантерии А.Г. Сандецкий командировал в Кустанай 97-ю Донскую особую казачью конную сотню есаула Моргунова из Челябинска. Сотня в огневом отношении была слабой. На вооружении казаков стояли устаревшие берданки с небольшим запасом патронов⁴³⁷. 5-я Оренбургская казачья запасная сотня была срочно возвращена из лагеря в Троицк. После известий об усилении беспорядков, сообщенных губернатором М.М. Эверсманом (постоянно пребывавшим в Оренбурге) 17 июля, в область было послано две оренбургские казачьи запасные сотни⁴³⁸.

По мнению Сандецкого, «одна сотня казаков при энергичных действиях без труда может привести к полной покорности несколько тысяч плохо вооруженных и неорганизованных киргизов»⁴³⁹.

19 июля 2-я Оренбургская казачья запасная сотня есаула Леонтьева (5 офицеров, 140 нижних чинов) прибыла в Актюбинск и была дислоцирована в самом городе и «в глубине Актюбинского уезда»⁴⁴⁰. Против мятежников действовала также 1-я (дислоцирована в Иргизе и Тургае пополусотенно) есаула В.А. Уржунцева и 5-я (в Кустанайском уезде) Оренбургские казачьи запасные сотни. Эта дислокация примерно сохранилась и осенью. Единственно, 2-я Оренбургская казачья запасная сотня была раздроблена и направлена в Челкар и Карабутах. На борьбу с мятежниками отправляли не только имевшие огромное значение для подготовки пополнений запасные части (для выполнения требований армии запасные сотни должны были быть увеличены до полуторного состава), но и последнее имевшееся оружие. В частности, осенью из Оренбургской школы прапорщиков был получен пулемет, предназначавшийся для обучения будущих офицеров. Небезынтересно, что пулеметчики были взяты от 104-го запасного полка. То есть отряды комплектовались и вооружались из разных частей всем, что было под рукой. Все это ослабляло подготовку пополнений для фронта.

Вскоре поступили новые тревожные сообщения. Сандецкий принял решение сформировать летучий отряд из частей ближайшего из крупных гарнизонов — Оренбургского — с пулеметом и направить этот отряд на охрану железной дороги. Все части поступили в распоряжение губернатора, что было ненормальным, т. к. губернатор не являлся военным начальником, и были разбросаны по полусотням по всей области и предоставлены самим себе. Однако, несмотря на некоторое успокоение, вернуть войска назад Сандецкий не смог. Между тем 6—7 августа он писал, что в связи с отсутствием запасных сотен, «задерживаются срочные отправления укомплектований в действующую армию»⁴⁴¹. Осенью же мятеж разгорелся с новой силой.

Тургайский губернатор в период временного успокоения вел среди местного населения активную разъяснительную работу. Был устроен съезд аксакалов (почетных старейшин), поддержавший императорский указ, однако призывная молодежь перестала после этого считаться со стариками. Тем не менее благодаря лояльности старейшин властям удалось осуществить мобилизацию рабочих в Кустанайском и Актюбинском уездах. Призыв на работы в Иргизском и Тургайском уездах был отложен до 15 октября в надежде на их успокоение и положительный пример северных уездов. Киргизы с фронта писали письма о своем хорошем положении. Между тем Сандеукий телеграфировал начальнику Генерального штаба 6—7 августа, что «при решительных и энергичных действиях давно возможно было привести к покорности край, населенный не имеющими ни организации, ни вооружения киргизами, таковые же беспорядки Уральской области Астраханской губернии решительными мерами давно уже прекращены...»⁴⁴².

Киргизы южных уездов области решили не подчиняться призыву. Собравшись в огромные скопища и вооружившись, они начали борьбу с властями, как отмечал генерал Сандеукий, «против державных прав Русского Народа и вообще против русской культуры»⁴⁴³.

Первое столкновение произошло в Иргизском уезде. Вечером 18 октября 50 казаков 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни с прапорщиком Я.В. Репиным из Иргиза выступили на аул Коже-Куль (в 70 верстах от Иргиза) для разгона скопища киргизов. На следующее утро казаки столкнулись примерно с 2500 киргизами, в том числе с 600 вооруженными пиками, шашками и ружьями. Казаки заняли выгодную позицию в пешем строю, но были окружены. После двухчасового боя киргизы отступили, потеряв несколько десятков человек убитыми и ранеными. С нашей стороны один казак был легко ранен, две лошади убежали в степь. 20 октября казаки возвратились в Иргиз. Часть сотни (57 казаков) по-прежнему оставалась в Тургае. Победный рапорт оренбургского атамана об этом столкновении вызвал гнев Сандеукого, иначе расценившего результаты боя. По его мнению, казакам ничего не стоило, решительнее действуя, произвести еще более сильное впечатление на противника. Сандеукий также отметил, что стрелковая подготовка казаков находилась на низком уровне.

Имеет смысл полностью процитировать этот интереснейший документ с пометками генерала Сандеукого:

«Доношу, что при столкновении казаков 1-й запасной сотни вверенно мне войска, имевшем место 19-го сего октября у аула Кожекуль, принимала участие не вся сотня, а лишь часть ее в 50 человек, как то усматривается из рапорта командира вышеназванной сотни, есаула Уржунцева, который доносит о столкновении следующее.

18-го октября, в 22 часа, полусотня, в составе 3-х урядников, 1 медицинского фельдшера и 47 казаков, под командой прапорщика Репина, в сопровождении и. д. Иргизского уездного начальника, — выступила, по приказанию Тургайского Вице-губернатора, на Кожекуль (в 70 вер[стах] от Иргиза), где по слухам собрались 600 киргиз, угрожавших разграблением своим же богатым киргизам. Казаков сопровождали старшины (аульные).

19-го октября, в 8 час. 40 мин., казаки прибыли на Бастай, где должны были ночевать киргизы, но их уже не оказалось: они снялись и направились на Кожекуль. Казаки двинулись за ними и, подходя к Кожекулю, увидели их дозорных с пиками; за дозорными шла партия численностью более 2¹/₂ тысяч человек, из числа которых выделились около шестисот человек, хорошо вооруженных пиками, шашками, ружьями (пульными), секирами и кистенями, и повели наступление на подходивших казаков⁴⁴⁴.

Прапорщик Репин, считая невозможным с такой партией вступить в (здесь и далее подчеркнуто красными чернилами. — А. Г.) конный бой⁴⁴⁵, отвел казаков к находившейся вблизи командовавшей высоте, спешил их, сбатовав коней, и занял гребень этой высоты. Киргизы продолжали наступление. По ним казаками был дан залп, после чего киргизы, разделившись на две части, с неистовым гиком стали обходить казаков со всех сторон; не смотря на ружейный⁴⁴⁶ огонь, киргизы шли в атаку смело, приближались почти в упор, невзирая на своих убитых и раненых⁴⁴⁷ и стреляя из ружей на ходу.

Бой продолжался с 8 час. 40 мин. до 11 час.⁴⁴⁸, когда киргизы, потеряв много убитыми и ранеными и видя упорство казаков, отошли.

Во время боя казаку Николаю Войтину пуля попала в лядунку, измяв четыре патрона, которые взорвались, не причинив ему вреда, а обжегши только шинель. Войтин, будучи в дозоре, отходил под натиском толпы к своей цепи, когда на него напал киргиз, успевший нанести ему ранение в голову секирой, но Войтин, сохранив самообладание, уложил киргиза на месте⁴⁴⁹.

Казак Тихов, убивши под нападавшим на него киргизом лошадь и увидев, что последний намеревается стрелять из-за убитой лошади, быстро подскочил к нему и сильным ударом шашки отрубил фанатику голову напроць.

Киргизы оставили перед сотней 10 трупов⁴⁵⁰, но общие их потери одними убитыми, вероятно⁴⁵¹, доходят до 50, о чем свидетельствует и. д. Иргизского уездного начальника, наблюдавший за боем в бинокль и видевший, как много киргиз падало с коней в барханах и много увозилось отступавшими. Последними сведениями подтвердились потери киргиз еще в 13 убитых лошадей.

Потери в полусотне, кроме раненого казака Войтина (по свидетельству врача — 3 раны на затылочной части головы), — две сбежавших от гиканья киргиз лошади.

После столкновения казаки, 20-го октября в 6 час., возвратились в гор. Иргиз.

Донося о вышеизложенном, докладываю, что из письма Тургайского Вице-Губернатора от 27 сего октября за № 15575 на имя моего помощника усматривается, что он одобрительно отзывается о действиях 50 казаков 1-й запасной сотни вверенного мне войска, под командой прапорщика Репина, в столкновении у аула Кожекуль. Что же касается столкновения сотни, в составе 140 человек, то, полагаю, случай этот мог иметь место с Донцами, участвовавшими в столкновении с киргизами в районе г. Тургая.

Требования Вашего Высокопревосходительства об энергичных и решительных действиях от запасных сотен приняты к неукоснительному и точному исполнению. Генерал-Лейтенант Тюлин И. Д. Начальника Штаба, Войсковой Старшина [Н.М.] Альметев»⁴⁵².

Ответ Сандецкого был следующим:

«Из содержания рапорта Вашего от 29-го октября сего года за № 1404 о столкновении казаков 1-й запасной сотни с киргизами у аула Кожекуль 18 октября сего года усматриваю, что прапорщик Репин, считая невозможным вступить в конный бой с партией в 2¹/₂ тысячи человек наступавших киргиз, поступил неправильно, — бьет не тот, кто сильнее, а тот, кто слабее.

Два-три хороших залпа не только рассеяли бы этот сброд, но и нанесли бы серьезные потери.

Ружейный огонь, открытый казаками, нахожу слабым. Если бы казаки открыли более меткий и сильный огонь по наступающим киргизам, оставив значительное число убитых, то последние не пошли бы так смело в атаку.

Казак Войтин, которому напавший на него киргиз нанес ранение, не должен был его подпускать к себе близко, а убить на расстоянии.

Из рапорта Вашего видно, что в продолжение 3-х часового боя казаков с киргизами последние потеряли много убитыми и ранеными, между тем выяснилось, что убитых всего лишь 10 человек, общие же потери киргиз, доходящие до 50 человек, о чем свидетельствует наблюдавший во время боя вблизи Иргизский уездный начальник, остается (так в документе. — А. Г.) одним лишь предположением.

Такое ограниченное число убитых киргиз за 3 час. боя указывает на крайне плохую стрелковую подготовку казаков вверенного Вам войска, а потому приказываю Вам обратить серьезное внимание на стрелковое дело,ставляя казаков ежедневно производить стрельбу уменьшенным зарядом»⁴⁵³.

21 октября нападению подверглась 97-я Донская особая сотня, шедшая к Тургаю и атаковавшаяся в течение 21 часа несколькими тысячами вооруженных киргизов. Потеряв трех казаков убитыми и трех ранеными, сотня все же добралась до Тургая. Киргизов было уничтожено до 400 человек.

К вечеру в Тургае было видно зарево со стороны Иргиза по почтовой дороге, а «на утро получено было известие, что станция первая сожжена и телеграф совершенно уничтожен и находившиеся люди на станции, писарь был брошен в огонь, а 9 женщин, в том числе две проезжающие, взяты и увезены киргизами в аул»⁴⁵⁴.

Войска передвигались по степи на лошадях и верблюдах, часто шли без дороги по компасу и азимуту. В аулах оставляли по три-четыре казака с ручным пулеметом, казаки должны были служить для связи. «Незавидна была участь этих постов: это были обреченные люди. Киргизы обыкновенно нападали на них и вырезывали их своими кривыми ножами»⁴⁵⁵.

Октябрь прошел в столкновениях небольших русских отрядов с огромными скопищами кочевников. Подобное несерьезное отношение власти к происходящему очень скоро дало о себе знать.

С 22 октября 1916 г. областной центр город Тургай (население — 2500 человек) оказался осажден 15 тысячами мятежников и отрезан от внешнего мира, судьба города была неизвестна, население осталось без продовольствия. Был разрушен и почтовый тракт. Колодцы на тракте Иргиз—Тургай мятежники забросали падалью, нечистотами или отравили пилюлями со стрихнином, употреблявшимися для истребления волков. В городе к 26 октября находилось лишь 196 казаков и 100 солдат. Ходили слухи о том, что городом завладели мятежники.

На самом деле положение Тургая было иным. В городе был создан военный совет с участием воинского начальника капитана К.П. Загайного, уездного начальника, крестьянского начальника, командира сотни, четырех офицеров. Было решено защищаться в черте города, не выходя из стен за его пределы по причине нехватки людей и патронов. Только в степи киргизы могли задавить численностью. Вскоре город и прилегающий район были объявлены на военном положении.

Еще 20 октября Сандецкий принял решение об усилении 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни командированием в Иргиз 100 казаков и отправкой пулемета, однако этого было недостаточно. 24 октября тургайский губернатор сообщил об усилении беспорядков. В Тургайском и Иргизском уездах власть имела лишь два опорных пункта — Тургай и Иргиз, остальная территория представляла собой обширную степь с редким населением.

Тогда же Сандецкий для усиления конных частей округа предложил приступить к формированию новых особых казачьих сотен из эвакуиро-

важных казаков: в Оренбургском войске — шести, в Уральском — четырех, в Астраханском — двух — и свести их в два шестисотенных полка.

Когда стала очевидной недостаточность посланных войск, для борьбы с разраставшимся мятежом в области в ноябре 1916 г. был сформирован сильный экспедиционный отряд начальника 13-й пехотной запасной бригады (Казань) генерала А.Д. Лаврентьева⁴⁵⁶ в составе рот особого назначения 92-го (Саратов), 95-го (Казань), 106-го (Вятка), 107-го (Пермь), 242-го (Симбирск) пехотных запасных полков, 104-го и 238-го пехотных запасных полков (Оренбург), 5-й и 6-й Уральских, 34-й и 35-й Оренбургских и Астраханской особых казачьих сотен, трех маршевых эскадронов 1-го запасного кавалерийского полка. Всего 17 рот, 19 сотен и эскадронов, 14 орудий и 17 пулеметов (первоначальная численность — 5 рот, 7 сотен (в том числе уже 4 в области), 2 пулемета, 6 орудий). Формирование отряда было санкционировано военным министром. Фактически было собрано все, что имелось под рукой. Отряд должен был сосредоточиться на станции Челкар. Лаврентьеву 27 октября было сообщено, что он назначается «для быстрого подавления мятежа самыми решительными действиями»⁴⁵⁷. 30 октября Лаврентьев прибыл в Оренбург, 6 ноября он уже был в Иргизе.

Никакой специальной подготовки к предстоящему походу войска не прошло. В некоторых частях не хватало офицеров. Так, в Оренбургской казачьей запасной батарее было возможно назначение лишь одного офицера на орудие. В Оренбурге к концу октября 1916 г. вообще не осталось казачьих штаб-офицеров⁴⁵⁸. В этой связи многие отряды возглавили обер-офицеры. Штаб-офицеры, как правило, были из запасных частей. Большие сложности возникли с обеспечением отряда пулеметами.

При подготовке отряда было приказано взять запасы сухарей, чая, сахара и сала, вазелин для смазки сапог и ног на случай морозов, не менее четырех смен белья, теплое белье, папахи, полушубки, кавалеристам и артиллеристам — самые просторные сапоги самых больших размеров⁴⁵⁹. На вооружении войск Лаврентьева было оружие разных систем: винтовки Мосина, Бердана, Гра. Казакам, стремившимся в действующую армию, было разрешено туда отправиться (распоряжение Главного управления Генерального штаба № 22522 от 10 ноября 1915 г.), так как ранее имели место даже побеги их на фронт.

А.Н. Куропаткин 28 октября по просьбе тургайского губернатора приехал в область (на станцию Челкар) сотню 4-го Оренбургского казачьего полка с двумя пулеметами. Вообще Куропаткин в конце октября активно занимался формированием Казалинского отряда (две роты, сотня, четыре орудия, два пулемета) для действий по дороге Аральское море — Иргиз (то есть для упреждения ухода киргизов Тургайской области на подконтрольную ему территорию Туркестана).

В то же время в регионе сложилось вредившее делу многоначалие: губернатор М.М. Эверсман, Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин, которому временно были подчинены Тургайский и Иргизский уезды, и генерал Лаврентьев.

Уже 2 ноября отряд, не дожидаясь прибытия всех частей, выступил на выручку Тургая. Отсутствие в районе сети железных дорог значительно осложнило подавление. Лаврентьев наступал на выручку Тургая по трем направлениям: Челкар—Иргиз—Тургай; Актюбинск—Карабутак—Иргиз—Тургай; Кустанай—Тургай. В подавлении мятежа принимали участие отряды подполковника В.В. Котомина, есаула Фролова, подполковника Кислова, есаула Лоцулина, подъесаула Н.П. Кузнецова. Снабжение отрядов осуществлялось местными властями. Под усиленную охрану была взята стратегически важная линия Ташкентской железной дороги. С лета 1916 г. ее охраняла рота пехоты. Теперь же были организованы специальные поезда с солдатами, патрулировавшие дорогу с базированием на станции Эмба и Саксаульская.

6 ноября гарнизон и жители Тургая под руководством начальника гарнизона капитана К.П. Загайного, несмотря на отсутствие помощи со стороны, отбили попытку штурма. Накануне городские киргизы зажгли запасы сена, горевшие всю ночь. Утром дым от сена так заволакивал всю местность, что на расстоянии 10 шагов ничего нельзя было разобрать. Поджог, по всей видимости, являлся важной частью киргизского плана, нацеленной на маскировку штурма города. Ситуацию усугублял пронизывающий ледяной ветер.

В этой обстановке Загайный поднял тревогу. И, как оказалось, не зря. На рассвете киргизы четырьмя колоннами, оглашая степь диким ревом, пошли на город. Численность атакующих была определена приблизительно в 12 тысяч всадников. С 5.30 утра до 16 часов гарнизон отражал нападение, и, если бы не баррикады, о которых сарбазы не знали, они ворвались бы в город. Под огнем разбирать завалы киргизам было не так просто. Киргизы сожгли до 100 окраинных жилищ и разграбили имевшееся в них имущество. Материальный ущерб от набега составил около миллиона рублей. Часть киргизов погибла при обнаружении баррикад, другие участники набега — при наступлении по мосту, настил которого был разобран, и при бегстве через реку. Всего, по некоторым данным, погибло не менее тысячи киргизов.

В городе погибли три дружинника, без вести пропали три женщины и три ребенка. Киргизами были убиты инспектор высшего народного училища Курбатов (начальник дружины из местного населения). Труп его был изуродован до неузнаваемости. Убиты были мещанин Чумаков и лавочник татарин Гумаров с женой. 27 октября сарбазы подошли к Иргизу с целью

окружить и разгромить его, однако это им не удалось. 4 ноября к Иргизу подошел авангард войск Лаврентьева.

В тяжелейших климатических условиях с мятежниками боролись 4-й и 13-й Оренбургские казачьи полки, Оренбургская казачья батарея, 1-я и 2-я Оренбургские казачьи запасные сотни, 2-я отдельная Оренбургская казачья сотня, 100-й пехотный запасный полк, 86-я и 97-я Донские особые казачьи сотни, подразделения 13-й пехотной и 3-й артиллерийской запасных бригад.

7 ноября отряд есаула Уржунцева занял станцию Балпан. Войска Уржунцева являлись передовой частью Иргизского отряда есаула С.И. Мякушина, входившего, в свою очередь, в отряд Лаврентьева.

13–16 ноября экспедиционный отряд был усилен. Появились отряды командира 5-й Уральской особой казачьей сотни есаула П.А. Щепихина (5-я и 6-я (есаул Логинов) Уральские особые казачьи сотни, рота 95-го пехотного запасного полка, два орудия Оренбургской казачьей запасной батареи, пулемет) и подполковника барона О.М. фон Розена (шесть маршевых эскадронов 1-го запасного кавалерийского полка, рота 101-го пехотного запасного полка, два орудия 3-й запасной артиллерийской бригады, два пулемета). 30 ноября отряд Розена участвовал в бою с мятежниками. «Мятежники, громадной сплошной массой двигаясь на отряд и окружая его со всех сторон, несмотря на открытый отрядом одновременно артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, все же продолжали наступать, и лишь когда ряды их сильно опустели, они собрались за барханами, снова двинулись. После вновь открытого сильного огня мятежники, потеряв очень много убитыми (целые барханы были завалены трупами лошадей и людей), отхлынули карьером назад, рассыпавшись в разные направления...»⁴⁶⁰

3 декабря отряды Щепихина и Розена соединились, общее командование взял на себя полковник Остроградский. В бою у аула Кара-Куль на реке Тургай было разгромлено 3 тысячи мятежников.

Погодные условия были ужасающими — холод, сильный ветер, вьюга. При такой погоде замерзала вода в пулеметах, отказывали винтовочные стволы, а люди продолжали выполнять приказ. Отвратительно были организованы питание солдат и казаков и доставка фуража. Ни сушеных, ни свежих овощей не давали, фураж для лошадей все время запаздывал. Тем не менее к 10 ноября передовые силы Лаврентьева достигли почтовой станции Ак-Чеганак в 64 верстах от Тургая. 13 ноября Тургайский отряд подполковника 197-го пехотного Лесного полка В.В. Котомина (8-я рота 100-го пехотного запасного полка, два пулемета 13-й пехотной запасной бригады (прапорщик Иванов), взвод 3-й запасной артиллерийской бригады, 86-я Донская особая казачья сотня, полусотня 2-й отдельной Орен-

бургской казачьей сотни, верблюжий транспорт — 460 верблюдов), шедший с 9 ноября из Иргиза усиленными переходами по 40—55 верст в сутки в авангарде сил Лаврентьева, соединился с отрядом есаула С.И. Мякутина (1-я сотня 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска (есаул Ершов), полусотня 2-й отдельной Оренбургской казачьей сотни, полусотня 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни, два пулемета 4-го Исетско-Ставропольского полка (сотник Бобылев). Как вспоминал сам Мякутин (кавалер Георгиевского оружия), «много испытал на войне, но, по его словам, ничто с пережитым во время похода на Тургай и обратно в сравнение идти не может»⁴⁶¹. Мороз был столь сильным, что хлеб в отряде Котомина рубили топорами⁴⁶². Один из пулеметов замерз и перестал работать. Между тем лишь незначительная часть отряда имела полушубки и валенки, среди бойцов были случаи воспаления легких, плеврита, обморожения, желудочных заболеваний. Чины отряда не имели ни боевого, ни походного опыта. Тем не менее отряд свою задачу успешно выполнил. Первоначально до Тургай предполагалось дойти за 11 дней, но в связи с серьезностью его положения было приказано ускориться. Отряд дошел за неделю. Из-за сильных морозов передвижение было возможно лишь днем. При остановках на ночлег устраивались вагенбурги из повозок, люди и животные находились внутри.

14 ноября отряд обстрелял из орудий скопище примерно в 12 тысяч киргизов, выпустив 29 снарядов. Артобстрел, по всей видимости, произвел на сарбазов сильное моральное впечатление (собственно, с этой целью он и был открыт). Стрельба велась до тех пор, пока скопища представляли собой густую массу людей.

Связь главных сил с отрядом Котомина была прервана. Для ее восстановления было решено соорудить два опорных пункта на станциях Балпан и Акчеганак по тракту Иргиз—Тургай. Объединенный отряд (рота пехоты 100-го запасного полка, четыре сотни — (1-я) сотня 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска, 1-я Оренбургская казачья запасная сотня, 2-я отдельная Оренбургская казачья сотня (есаул Уваров), 86-я Донская особая казачья сотня, четыре орудия (два орудия Оренбургской казачьей запасной батареи (прапорщик Ф. Керенцев), два орудия 3-й запасной артиллерийской бригады), четыре пулемета) 16 ноября вступил в бой с 12-тысячным отрядом мятежников. Последние, рассеянные артиллерией, несмотря на огромную численность, отошли к урочищу Баттак-кара в 150 километрах от Тургай и из этого глухого района совершали рейды против правительственных войск. В тот же день отряд Котомина с песнями вошел в Тургай.

Наличие в городе нескольких начальников — начальника отряда и начальника гарнизона, причем в младшем чине по сравнению с первым, —

появлялось серьезные противоречия, сложность усугублялась тем, что район находился на военном положении. Уже 24 ноября отряд Мякутина из Тур-
ная выступил на Иргиз⁴⁶³.

Экспедиционным отрядом были заняты ключевые пункты области, ус-
иновлены сильные гарнизоны. В течение ноября из отряда Лаврентьева в
различные пункты высылались колонны, которые имели неоднократные
столкновения с огромными скопищами сарбазов. Столкновения эти носи-
ли характер боев с организованным противником. Несмотря на потери от
них, киргизы упорно наступали, иногда подходя к пехотным цепям на
100–300 шагов, отдельные всадники доскакивали почти до цепей. У кир-
гизов была организована сторожевая и разведывательная служба — выси-
живались дозоры, разъезды на 25 верст, существовала сигнализация флагами.
Киргизское население было терроризировано своими же соплеменника-
ми, так как с каждой кибитки в банды вожаки мятежа брали по аскеру,
сделавшемуся фактически не только воином, но и заложником. Таким об-
разом сарбазам удавалось контролировать население.

Сложность для подавления этого выступления представляла высокая
подвижность киргизской конницы, отсутствие у нее привязки к какой-
либо базе. Для ускорения ликвидации мятежа Лаврентьев просил прислать
три аэроплана для связи, разведки и разгона скопищ и беспроволоч-
ный телеграф. В высылке аэропланов было отказано, так как их работа при
низких температурах была невозможна, отказано было и в высылке гру-
зных и легковых автомобилей. Быстро обретшая популярность идея пе-
шедвигающейся на автомобилях пехоты реализована не была. Распростра-
нение получила идея создания небольших, но подвижных (прежде всего
конных) отрядов для ликвидации очагов мятежа.

Члены экспедиционного отряда старались не допускать жестокостей к
местному населению. Между тем депутаты Государственной думы распро-
страняли ложные данные о массовых репрессиях против мирного населе-
ния, истреблении мужчин и женщин, провокационной деятельности поли-
ции. «Многие тысячи туземцев без различия пола и возраста уничтожены
верительными экспедициями», — отмечали депутаты в своем запросе⁴⁶⁴.
Первой в списке подписавших документ стояла фамилия А.Ф. Керенского.
Было и еще несколько фамилий, приобретших печальную известность в
1917 г. Давление либеральной и социалистической «общественности» было
таким, что начальник Главного штаба Генштаба генерал от инфантерии
М.И. Михневич был вынужден даже направить в Казань специальный за-
прос по этому поводу⁴⁶⁵.

В целом войска действовали в рамках закона. За все имущество, рек-
визуемое у местного населения, выплачивались деньги. Следует отме-
тить, что при подавлении мятежа женщины и дети считались неприкос-

новенными, зимовки и аулы не уничтожались. Единственным исключением стало сожжение аула Кызыл-Куль, в бою под которым киргизами были убиты, изуродованы до неузнаваемости и исколоты пиками восемь казаков, девятый был захвачен и имел восемь ран от укулов пикой. Тела убитых были брошены под лед озера Кызыл-Куль, а в самом ауле нашли руку одного из казаков.

Как и в других местах, киргизы здесь проявляли порой необычайную жестокость. 13-летний Г. Давыдов, служивший работником у иргизского меццианина Колесникова и посланный за сеном вместе с киргизом, был схвачен мятежниками, киргиз избит и изранен пиками, а мальчик подброшен и подхвачен на пике и увезен в степь. В ауле № 3 Кинжегаринской волости убит почтальон Тимошкин, ехавший с почтой в Тургай. Убит и сожжен в бане на станции Джингельды другой почтальон, Прохоров, впоследствии его проломленный и обуглившийся череп был обнаружен войсками. Убит писарь Балпанской почтовой станции К. Майер с женой и двумя детьми.

19 ноября из Иргиза выступил отряд есаула Фролова (две роты 102-го и 140-го запасных полков, 90-я Донская особая казачья сотня, орудие, два пулемета, верблюжий транспорт — 360 верблюдов). 22 ноября произошел бой отряда есаула Фролова против 4 тысяч киргизов у станции Улпан Иргизского уезда. Погибло восемь казаков, тела убитых были изуродованы. Всего 21—22 ноября отряд Фролова выпустил при столкновениях 43 снарядов⁴⁶⁶. 23 ноября колонна есаула Грузинова подошла к станции Кызыл-Куль и соединилась с частями есаула Фролова. 26 ноября состоялась встреча отрядов есаулов Грузинова и Мякутина (выступил из Тургая).

Иргизский уезд, за исключением Кинжегаринской волости, был усмирен и дал 277 рабочих. В целом к началу декабря в Тургайской области было разгромлено несколько тысяч мятежников, остатки их бежали в Сырдарьинскую область.

Значительный интерес представляет описание боевых действий одной из колонн, оставленное очевидцем. Участник событий, поручик Станиславский, вспоминал, что в начале ноября начались морозы и вьюги, в аулах солдаты отбирали волчьи чулки, которые хорошо грели ноги, и киргизские шубы. Движение колонны замедлилось, иногда снежные бураны заставляли отсиживаться в аулах целыми днями, во время таких стоянок киргизы делали налеты. Один раз налет киргизов увенчался успехом. Это произошло в ночь перед Рождеством. Два дня свирепствовал буран, отряд сидел в киргизских землянках и мерз. Киргизские аулы состояли из ряда землянок — ям, покрытых земляной крышей и имевших сверху отверстие — вход в землянку и выход для дыма. Караулов из-за пурги не выставляли, так

как часовых могло замести снегом. К полуночи пурга стала стихать. Станиславский решил выйти из землянки и осмотреться.

«В одной из землянок я услышал выстрел, — вспоминал он. — Посмотрел вокруг — в белом мареве вьюги носятся какие-то темные силуэты. Это были киргизы. Я тотчас же поднял тревогу, и вскоре весь отряд был на ногах. Открылась стрельба, и киргизы бежали. Я насчитал 18 человек зарезанных солдат; впоследствии выяснилось, что около 30 человек были ранены киргизскими ножами. Они выскочили раздетыми из землянок и замерзли, так как была сильная вьюга и найти землянки им не удалось. В некоторых землянках я находил по десять трупов. Здесь были и русские, и киргизы. Киргизов было убито человек 20—25»⁴⁶⁷.

Было решено начать погоню, аул находился в 10 верстах. Автор знал, что после удачного налета киргизы далеко не уходят и не выставляют дозоров. В 4 часа ночи вьюга стихла и можно было двигаться вперед. Взяв с собой 40 добровольцев, отряд выступил. «Через 2 часа мы были в ауле. Действительно, предположения мои оправдались. Киргизы были в ауле и притом пьяны[е]. Мы бросили бомбы в землянки, где они спали. Человек 20 нам удалось захватить в плен, в том числе и двух немецких инструкторов. Киргизов мы тотчас же расстреляли, а немцев взяли с собой. Киргизы плакали, прощались о пощаде и целовали нам ноги, но мои солдаты были безжалостны»⁴⁶⁸.

Пленные немцы «хотели выдать себя за киргизов, но это было нелепо. Немецкую физиономию от киргизской очень легко отличить. Когда немцы увидели, что это не удалось им, они сознались в своей национальности, но утверждали, что они просто авантюристы и искали приключений. Конечно, это была сушая ложь. Их военная выправка служила лучшим доказательством их лжи. Несомненно, они были офицерами германской армии. Под конвоем 10 казаков я отправил их в Актюбинск»⁴⁶⁹.

К 17 января отряд подошел к Амударье, где в камышах укрылось до 10 тысяч киргизов. Однако атака результата не дала. «27го числа решено было поджечь камыши. Два всадника должны были везти жгуты из камыша — жгуты были очень длинные. Эти жгуты были политы керосином. Каждый всадник имел смоляной факел. Решено было карьером подлететь к камышам, бросить жгуты и поджечь их. В то же время артиллерия должна была открыть огонь по опушке камышей, пулеметы и пехота должны были обстреливать камыши. Огонь должен был отогнать киргизов, которые могли бы загасить наши жгуты. Около 200 всадников со жгутами и факелами (один жгут везли два всадника) карьером понеслись к камышам. Вслед за ними двинулась пехота. Артиллерия открыла огонь по камышам. Наши всадники доскакали до камышей и зажгли их. Несмотря на огонь киргизов, потерь у нас не было. Вскоре вспыхнуло пламя, и камыши были охвачены морем огня. Киргизы пытались тушить его, но были отогнаны нашим огнем.

Киргизы бросались на лед и пытались перейти на ту сторону реки, но наша артиллерия разбивала лед, и киргизы тонули в реке. Небольшая их часть около 4000 человек успела перейти реку, но тут наткнулась на наши пулеметы и была целиком истреблена. Около 7000 человек сдались в плен. Небольшая группа около 3000 человек прорвалась и отправилась на Север, по направлению к Сибири. Очень много восставших погибло от казачьих пик и шашек, а также от нашей шрапнели. Артиллерия расстреливала толпы киргиз, которые не знали, куда им устремиться. Около 2000 человек сгорели живьем; среди сгоревших было очень много женщин и детей. Многих сдавшихся в плен наши казаки порубили шашками, почти всех выпороли. К 4 ч. ночи камыши догорели. Ветерок, повернувший в нашу сторону, приносил к нам золу и запах жареного мяса. Было холодно, и наши солдаты подошли поближе к камышу и грелись у тлеющего пепла»⁴⁷⁰.

В декабре началась замена войск, ранее присланных в Тургайскую область. Были отозваны 2-я и 5-я Оренбургские казачьи запасные сотни. Тем не менее предполагалось, что полное умиротворение края займет не менее одного-двух лет⁴⁷¹. Командующий войсками Казанского военного округа генерал А.Г. Сандецкий требовал присылки трех третьеочередных казачьих полков с тремя пулеметными командами Кольта и одной конной батареи. 2 декабря распоряжением штаба Верховного главнокомандующего из состава действующей армии в Оренбург были командированы два третьеочередных казачьих полка и три пулеметные команды. В область (станция Челкар) прибыл 13-й Оренбургский казачий полк. Работа по умирению приобрела более организованный характер.

21 декабря Высочайшим указом Тургайский, Иргизский и Кустанайский уезды Тургайской области были переведены на военное положение⁴⁷².

Поиски в Кинжегаринской волости в районе Тургай — Карабутак осуществлял отряд подесаула Н.П. Кузнецова (1-я и 4-я сотни 13-го Оренбургского казачьего полка, два орудия 3-й запасной артиллерийской бригады, четыре пулемета Кольта). 20 января 1917 г. отряд вернулся в Иргиз с захваченным в плен ханом А. Канаевым.

13 января 1917 г. в урочище Чушкалыкопа правительственные войска столкнулись с 2 тысячами сарбазов во главе с Имановым. На следующий день бой произошел в урочище Куюккопа.

Конный отряд подполковника Кислова (две сотни, два пулемета) прочесывал местность между поселком Чулоксай и Тургаем. 14 января сарбазы зверски замучили двух казаков головного дозора. Навстречу Кислову из Чулоксай в Тургай шел отряд есаула Ложилина. 21 января произошла встреча двух отрядов у поселка Кось-Копа. 23 января 1917 г. добровольно сдался в плен хан Тусунской волости О. Шолаков.

Для борьбы с войсками киргизы жгли тростник, подвергая наших солдат серьезной опасности оказаться заживо сожженными.

В январе 1917 г. полковник В.Н. Тургенев во главе 13-го Оренбургского казачьего полка и приданных технических средств (всего шесть сотен, четыре орудия, шесть пулеметов) двигался на северо-восток от Тургая к озеру Кул-Куль. Несмотря на глубокий снег, отряд шел по рекам Тургай и Джиланчик и 18—19 февраля 1917 г. дал бой мятежникам Иманова. 18 февраля бой произошел также у аула № 6 Каракугинской волости. 21 февраля — в урочище Кумкешу Каратурейской волости. В одном из боев был убит казак 3-й сотни 13-го Оренбургского казачьего полка. После этого станичники не сдержались и пошли на сарбазов врукопашную. Киргизы не выдержали и обратились в бегство, преследуемые четырьмя сотнями казаков. В ходе преследования казаки изрубили до 400 киргизов¹⁷³. Наконец, 22—24 февраля произошел последний бой в районе Дугал-Урпек. Уже 27 февраля правительственные войска ушли в Тургай.

Тем не менее в Тургайском уезде было неспокойно. Остатки мятежников продолжали сопротивление. С крупной суммой денег для закупки оружия ими были направлены эмиссары в Бухару¹⁷⁴.

Всего Тургайская область вместо предполагавшихся 36 000 рабочих дала к 20 декабря 1916 г. 10 175 человек, 5872 человека получили отсрочки. Развернутая статистика была следующей¹⁷⁵:

Т а б л и ц а 44

ИТОГИ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТЫЛОВЫЕ РАБОТЫ

Уезд	Число подлежащих призыву лиц 19—31 года	Принято по 20.12.1916 г.	Получило отсрочки
Актюбинский	12 985	4761	2525
Кустанайский	17 240	5325	2917
Иргизский	12 510	74	302
Тургайский	6754	15	128
Итого	49 489 В августе 1916 г. предпо- лагаемый призыв сокра- щен до 36 000 человек	10 175	5872

Даже к маю 1917 г. войска не покинули Тургайскую область. Первоначально генерал Лаврентьев для поддержания порядка в Тургайской области предполагал оставить 13-й Оренбургский казачий полк, но по выяснении

обстановки пришел к следующему решению: оставить 86-ю Донскую особую казачью сотню в поселке Семиозерном, 97-ю Донскую особую казачью сотню с двумя пулеметами в Чулаксае (начальник отряда подполковник Кислов); 5-ю и 6-ю сотни 13-го Оренбургского казачьего полка с четырьмя пулеметами в Тургае (начальник отряда войсковой старшина 13-го полка А.И. Сидоренко), прочие части экспедиционного отряда удалить из области в кратчайший срок⁴⁷⁶.

Все части были выведены, кроме сотен 13-го полка, которые 5 мая должны были выступить со штабом полка со станции Челкар. Сотни предполагалось временно расквартировать в Оренбурге, где и формировался полк. Тургайскому и Чулаксайскому отрядам было приказано оставаться на местах. В июне 1917 г. отряд Лаврентьева был наконец расформирован.

* * *

К февралю 1917 г. на тыловые работы было отправлено примерно 123 тысячи человек.

К 20 декабря 1916 г. за участие в мятеже на территории Туркестана был приговорен к смертной казни 201 человек. Всего к 1 февраля 1917 г. к смертной казни за участие в мятеже в Туркестане было приговорено 347 человек. Впрочем, наказание было смягчено и казнен только 51 человек. 22 февраля 1917 г. Куропаткин писал Николаю II: «Считая, что главными виновниками являются главари и туземцы, непосредственное участие которых в убийстве русских людей доказано, я признал возможным смягчить наказания для темной массы виновных»⁴⁷⁷. Из 340 смертных приговоров он отменил 320⁴⁷⁸. Пришедшее к власти Временное правительство даже ужесточило курс в отношении коренного населения региона. По имеющимся сведениям, после февраля 1917 г. был казнен 201 мятежник.

От рук повстанцев больше всего пострадали простые люди, в особенности те, от кого туземцы видели только добро, — врачи, учителя. В выступлении на стороне повстанцев за исключением небольшого числа перебежчиков, которых можно пересчитать по пальцам, русские участия не принимали, что подтверждает тезис об антирусском и националистическом характере мятежа. Пржевальский уезд, где киргизами была устроена настоящая резня русских, предполагалось очистить от кочевников.

Для спасения мирного гражданского населения, на долю которого выпали неописуемые зверства, необходимы были быстрые и решительные карательные меры по отношению к мятежникам. Местное население ценило силу и боялось только ее. Такая сила была применена, закономерно вызвав истерику в либеральном и социалистическом лагере. При этом войска старались не допускать жестокостей, по-настоящему жестокими были

лишь ответные действия озлобившегося местного русского населения (в Семиречье), которое занялось прямым уничтожением киргизов. Впрочем, русских жителей Семиречья можно понять.

Депутат Саратовской губернии А.Ф. Керенский, посетивший летом 1916 г. Туркестан, и другие депутаты 4-й Государственной думы с думской трибуны в конце 1916 г. трубили о суровости карательных мер. Керенский заявлял, в частности, что «при обнародовании и проведении в жизнь одного только высочайшего повеления от 25 июля были нарушены все, какие только можно было нарушить, основные и не основные законы Российской империи»⁴⁷⁹. Примерно такой же по своей направленности была речь представителя мусульманской фракции депутата М.Ю. Джафарова. Оба они умалчали о беспрецедентных зверствах в отношении русского населения.

Между тем именно думцы (в частности, представитель либеральной оппозиции А.И. Шингарев) во время «штурма власти» летом 1915 г. выступали за распространение призыва на мусульманское население. Вспоминается знаменитая фраза П.Н. Милюкова, брошенная им с думской трибуны 1 ноября 1916 г., правда, в адрес верховной власти: «Глупость это или измена?» Очевидно, подобный вопрос мог быть адресован и самим либералам. Скорее всего, это была именно глупость, обусловленная стремлением во что бы то ни стало прийти к власти и страхом перед тем, что империя победит в войне без них, а императорская власть в результате этого лишь окрепнет.

В ответ на это, не для печати, самаркандский военный губернатор генерал-майор Н.С. Лыкошин в декабре 1916 г. сообщал по инстанции, что «мнение это ошибочно, так как сколь суровы ни были карательные меры, принятые для подавления мятежа, они никоим образом не могли идти в сравнение с теми жестокостями, какие позволяли себе озверевшие мятежники над многочисленными погибшими от их рук русскими людьми, беззащитными женщинами и детьми. Только суровые и беспощадные меры, принятые весьма быстро, и могли подействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя уже хозяевами положений»⁴⁸⁰. Такая точка зрения представляется совершенно оправданной.

А.Н. Куропаткин телеграфировал в октябре 1916 г. министру внутренних дел: «Долгим опытом службы в Туркестане пришел к заключению, что главнейшими началами в деятельности правительственной власти по отношению к туземцам должны служить: полная определенность и устойчивость требований, твердость власти, соединенная [о] справедливостью и отеческою заботливостью. Надо добиваться, чтобы нас боялись и уважали. Полюбят после»⁴⁸¹.

Русская армия сравнительно легко подавила мятеж. Даже силами отдельных разъездов первыми выстрелами удавалось рассеивать огромные скопища аскеров. Тем не менее местных сил оказалось недостаточно, и командованию для подавлений пришлось снять с фронта целый ряд частей, что, разумеется, было на руку противникам России.

Эффективность подавления мятежа была обусловлена многими факторами. Прежде всего, отряды мятежников не могли противостоять регулярным войскам, пусть и состоящим в значительной степени из запасных солдат. Подавление мятежа носило организованный и достаточно хорошо скоординированный характер. Ликвидации беспорядков способствовало наличие в охваченных ими районах подконтрольной властям железной дороги, позволявшей быстро перебрасывать войска и снабжать их всем необходимым. Большое впечатление на мятежников производило применение артиллерии и пулеметов. При подавлении мятежа успешно использовались грузовые автомобили с установленными на них пулеметами. К слову сказать, подобная техника и в наши дни успешно применяется в борьбе с повстанческим движением⁴⁸².

Значительный вклад в подавление мятежа внесли казачьи войска. Одно только Оренбургское казачье войско выставило 4, 5, 6, 7 и 13-й казачьи полки, 2-ю отдельную, 34-ю и 35-ю особые казачьи сотни (последние две сформированы в октябре—ноябре 1916 г.)⁴⁸³, 1-ю, 2-ю и 5-ю запасные казачьи сотни, 3-ю Оренбургскую казачью и Оренбургскую казачью запасную батареи. Итого пять полков, шесть сотен и две батареи, что составляло немалую часть от общего количества частей, выставленных оренбуржцами в годы Первой мировой войны.

Руководство мятежом со стороны германо-турецких агентов документально не подтверждается, однако, несомненно, немцы и турки сыграли свою роль в деле организации этого выступления. Есть множество свидетельств на этот счет из разных частей Туркестана, и их нельзя приписывать одной лишь шпиономании, хотя и она, скорее всего, имела место. По всей видимости, агенты враждебных России держав действовали с территории Китая, Афганистана и Персии. Кроме того, австро-германских агентов (скорее всего, из числа военнопленных) задерживали в 1916 г. и в самом Туркестане⁴⁸⁴.

Наконец, во главе мятежа стояла туземная феодальная знать (ханы, беки, манапы) или духовенство. После 1917 г. многие вожаки повстанцев стали видными большевистскими деятелями, впрочем, отдельные руководители мятежа приняли участие в Гражданской войне и на стороне белых. Можно лишь добавить, что кровь 1916 года к Гражданской войне 1918—1920 гг. на территории Степного края и Туркестана не забылась. События мятежа 1916 г. в некоторой степени предопределили дальнейший расклад

сил в регионе. Представляется, в частности, что именно они подготовили почву для возникновения и широкого распространения такого явления, как басмачество.

Наивно полагать, что события 1916 г. являлись национально-освободительным восстанием. В действительности, руководители мятежников не имели никакой программы, не ставили перед собой задач создания своей государственности. Главными лозунгами были борьба против мобилизации и против русских (неверных) вообще. Разумеется, национальная интеллигенция вынашивала идеи автономизма или даже сепаратизма, в какой-то степени реализованные в период Гражданской войны, однако она была мизерной по своей численности и практически не имела никакого отношения к руководству мятежом.

Национально-освободительное движение для одних почти всегда обобщается геноцидом или ущемлением прав для других. Только осознание себя частью большого единого целого для народов Туркестана и Степного края являлось государственнической позицией и соответствовало интересам России. Как видно, в 1916 г. такое мироощущение отсутствовало. Немалая вина за это лежала не только на коренном населении, но и на русской администрации и переселенцах. В советский период для привития подобного «правильного» взгляда было сделано много, однако последующие события продемонстрировали, что такая самоидентификация являлась лишь внешней.

Национальный вопрос, принципиально важный для сохранения многонациональных государств, всегда являлся одним из сложнейших, способным во все времена вызывать наиболее острые противоречия и привести к кровопролитию. Разрешение межнациональных конфликтов является взаимным, а не односторонним процессом. Немалую роль в нем играет не только поощряющая или карающая рука центра, но и заинтересованность самих народов в укреплении общего государства и взаимодействии с центром. Уроки 1916 г. не должны быть забыты сегодня, тем более что, как ни печально, все произошедшее тогда более чем актуально и в наши дни.

Внутреннее положение Оренбургского казачьего войска в годы войны (1914–1917 гг.)

Численность населения Оренбургского войска в 1915 г. составила 629 379 человек, в том числе 527 894 казака, процент неказakov, таким образом, составил 16,1%⁴⁸⁵. К 1 января 1916 г. в войске проживало 636 199 жителей обоего пола всех сословий⁴⁸⁶. В 1915 г. 338 иногородних женщин вступили в браки с казаками и были зачислены в войсковое сословие. Доля

православных составляла 87,5% казачьего населения, старообрядцев и сектантов — 4,8%. 22 человека исповедовали иудаизм⁴⁸⁷. В войске на 1915 г. была 61 станица (в 1-м военном отделе — 27, во 2-м и 3-м — по 17), 446 поселков, 553 хутора и 71 выселок⁴⁸⁸. Все станицы превышали по числу жителей 5000 человек.

Как и прежде, денежные повинности казаков были сравнительно незначительны, гораздо труднее давались натуральные. Грамотность казачьего населения к 1916 г. составляла 78,6% к могущим быть грамотными (старше семи лет) или 61,6% всего казачьего населения. Система здравоохранения никаких перемен по сравнению с предвоенными годами не претерпела. Войско было разделено на 10 врачебных участков. На все войско в 1915 г. было 10 врачей, 114 фельдшеров, 5 повивальных бабок, еще 43 фельдшера было мобилизовано, взамен их в войске работало 22 вольнонаемных⁴⁸⁹. Неудивительно, что войско не могло противостоять эпидемиям. В 1915 г. 17 163 человека заболело малярией и 4989 — гриппом⁴⁹⁰.

Постепенно росла преступность. В 1912 г. 2514 казаков подверглось судебному преследованию и осуждению, в 1913 г. — уже 3043 казака, в 1914 г. — 2097⁴⁹¹. 26,4% преступников было осуждено за преступления против личности.

Запрет продажи спиртного привел к снижению преступности на 53% (при сравнении 1915 и 1913 гг.), как считалось, это не связано с мобилизацией части казаков на фронт, поскольку в японскую войну какого-либо снижения преступности не наблюдалось (хотя не было и полной мобилизации)⁴⁹². Сэкономленные на вине деньги шли на улучшение жизненных условий населения. В то же время отмечалось сильное потребление пива, в каждом многолюдном поселении имелось от одной до пяти пивных лавок, молодежь рано начинала пить его, а затем переходила на водку⁴⁹³. Несмотря на введение сухого закона, в годы войны на территории войска продолжалось пьянство, хотя, видимо, в меньших масштабах. Даже в приказах по войску отмечалось, что в станицах готовят кислушку и пьянствуют⁴⁹⁴. По материалам других губерний известно об употреблении, несмотря на риск ослепнуть, такого суррогата, как денатурат⁴⁹⁵. Следовательно, масштабы недуга были достаточно значительны.

После ухода Н.А. Сухомлинова с поста Наказного атамана его 22 августа 1915 г. на две недели сменил Генштаба генерал от кавалерии В.В. Сахаров, назначенный на эту должность, по всей видимости, по недоразумению, уже 4 сентября он вернулся к своим обязанностям по должности командира XI армейского корпуса⁴⁹⁶. 17 сентября 1915 г. Наказным атаманом Оренбургского войска и оренбургским губернатором был назначен Генштаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин, находившийся на этом посту до весны 1917 г. Тюлин был в восторге от нового назначения, так как тосковал по

семье⁴⁹⁷. В Оренбурге его встретили 3 ноября 1915 г. хлебом-солью. Впрочем, начальник гарнизона, считавший себя старше Тюлина по службе, на встречу с ним не поехал. Таким образом, формальные архаичные особенности военной службы офицеров старой армии негативно сказывались на их взаимодействии и совместной работе, создавая почву для конфликтов буквально на ровном месте. Новый губернатор разместился в левом крыле здания оренбургского Караван-Сарая. Как ни странно, город, который многие приезжие из столиц считали настоящей глухоманью, Тюлину понравился. Население Оренбурга тогда составляло не менее 150 тысяч жителей.

Финансовое положение войска по-прежнему не улучшилось (фактически кризис продолжался со времени первой русской революции). По данным на 1916 г., долг войска по войсковому и пожарному капиталам достиг 1 069 418 рублей 20 копеек⁴⁹⁸. Сдача войсковых земель в аренду для промышленного использования давала доход в 104 108,21 рубля, отдельно оплачивалась добыча. В частности, за добычу на его территории каменного угля войско получало 22 091 рубль. К 1915 г. в войске существовало 27 золотых приписков. В целом доходов войска для профицита бюджета было недостаточно. Неспособные к службе казаки облагались особым сбором. Кроме того, в начале войны, 13 сентября 1914 г., правительство приняло постановление «О переложении с войсковых капиталов казачьих войск на казну расходов, имеющих общегосударственное значение». Казачьи войска прекратили выплату средств на содержание казачьего отдела Главного штаба, военно-санитарного и ветеринарного управлений Генштаба, на инспектирование военных училищ. Государство приняло на свой счет расходы по содержанию Наказных атаманов, Войсковых штабов, местных команд, на учебные сборы льготных частей, пособия офицерам и казакам при выходе на службу, на приобретение лошадей взамен утраченных не по вине владельца⁴⁹⁹. Тем не менее общей кризисной ситуации это не поменяло.

Как вспоминал атаман Тюлин: «Коснувшись изучения экономических вопросов по войску, я увидел, что оно идет к упадку. Причин тому много, а главное [—] косное учреждение, прямо какое-то ветхозаветное, это войсковое хозяйственное управление... а жизнь идет вперед, предъявляет свои требования...»⁵⁰⁰ Наличие серьезного экономического кризиса казачьих войск было отмечено еще в 1912 г. в Государственной думе, предполагая произвести обследование и выяснить причины упадка. М.С. Тюлин писал: «Это всем ясно и все-таки ни с места»⁵⁰¹. Главное управление казачьих войск Тюлин вообще называл зловредным учреждением, тормозящим все дело (на самом деле речь шла уже о казачьем отделе Главного штаба). Обследование войска так и не было проведено. Тюлин считал, что его предшественники, атаманы Ожаровский и Сухомлинов, не занимались этим вопросом, а Войсковое хозяйственное правление боялось огласки,

поскольку при обследовании, как писал Тюлин, станет ясно, что дело в самом этом органе⁵⁰². Общественность к работе не привлекалась, а руководство Войскового хозяйственного правления даже запрещало своим служащим говорить о происходящем с посторонними. По данным Тюлина, члены Войскового хозяйственного правления раздавали своим и без того обеспеченным родственникам и знакомым стипендии в гимназии и институты⁵⁰³. Вопрос со стипендиями Тюлин взял под свой контроль, требовал в анкетах сведения о доходах и имуществе. Решение атамана было настолько необычно, что стало предметом обсуждения в местных газетах.

В военное время власть обратила наконец внимание на положение казачества и стала принимать меры по его реформированию. В 1916 г. военному министру и императору были направлены памятные записки о необходимости принятия нового закона об управлении казачьими областями и создании, вместо казацкого отдела, Главного штаба управления Августейшего атамана с правами главного управления Военного министерства и формировании при управлении Совета из 11 представителей казачьих войск как высшего органа управления казачьими войсками⁵⁰⁴.

Для облегчения тягот военной службы в годы Первой мировой войны для казаков был учрежден ряд льгот. За утрату лошади не по вине владельца оренбургским казакам с 18 февраля 1916 г. выплачивалось пособие в размере 165 рублей. Размер компенсации по казачьим войскам различался. Но, как уже отмечалось, пособие не соответствовало реальной стоимости лошади.

С 1 апреля 1916 г. подлежащим призыву казакам были установлены пособия: льготным казакам второй очереди — пешим — 50 рублей, конным — 200 рублей; молодым казакам младших возрастов и льготным казакам третьей очереди — пешим — 50 рублей, конным — 300 рублей; казакам запасного разряда и войскового ополчения — пешим — 100 рублей, конным — 300 рублей. Эти пособия в Оренбургском войске на руки не выдавались. Решением Военного совета от 24 марта 1916 г. были установлены пособия на образование детей казаков, погибших на войне. Ранее такие пособия выдавались только в Донском войске. Кроме того, появились и другие льготы. Казаки получили право на беспроцентные ссуды с рассрочкой платежей на 10 лет. В 1916 г. на усиление деятельности мастерских по производству казачьего обмундирования и снаряжения было израсходовано 448 тысяч рублей. На пособия семьям мобилизованных казаков было выделено 24 миллиона рублей. В Туркестанском военном округе произведена закупка 15 тысяч лошадей для Донского, Кубанского, Оренбургского и Уральского казачьих войск.

Для обеспечения казаков снаряжением в 1915–1917 гг. в 3-м военном отделе функционировали общественные мастерские, снабдившие амуницией и обувью около 4 тысяч казаков.

По Высочайшему повелению от 9 февраля 1916 г. было образовано Соединение о поднятии экономического и сельскохозяйственного положения Донского и Оренбургского казачьих войск под председательством Генштаба генерала от инфантерии П.О. Щербова-Нефедовича, принявшее программу содействия казачьим хозяйствам. Первое заседание состоялось 12 февраля 1916 г. Программа предусматривала использование труда военнопленных, беженцев и нижних чинов воинских частей в казачьих хозяйствах, передачу войскам новых земель. Но, как будет показано ниже, эти мероприятия на практике оказались трудновыполнимыми и малоэффективными.

В самом войске в годы войны функционировала комиссия по поднятию экономического и сельскохозяйственного положения войска. Мероприятия, предложенные комиссией в 1916 г., были ориентированы на долгосрочную перспективу. Однако все эти меры требовали затрат войска и казны, поскольку войсковой капитал был незначителен. Так, планировалось ввести новый личный состав сельскохозяйственной школы и разработать целый ряд новых проектов, в частности, проект агрономической организации, проект реорганизации лесоустройства, очень важные проекты реорганизации медицинской и ветеринарной помощи в войске, проект почвенного и подворно-экономического исследований для правильной оценки земельных угодий и экономического положения населения, проект достройки железной дороги Орск—Троицк и постройки ветки на север, а также ввести в войске упрощенное земельное положение, изменить правила золотодобычи в войске и пересмотреть дело о «захвате» Магнитной горы обществом Белорецких заводов, «что (якобы. — А. Г.) даст неисчислимые богатства войску»⁵⁰⁵. Предполагалось также добиться возврата войску «миллионного отвода» для казахов и сократить централизацию всего казачьего делопроизводства в Петрограде. Подобный комплекс преобразований в случае его реализации мог бы действительно кардинально изменить экономическое положение войска.

Экстренно необходимыми преобразованиями были признаны привлечение к посевной военнопленных, беженцев и нижних чинов, а также увеличение пособия для выхода на службу и обзаведения конем (прежних 100 рублей было недостаточно).

Оренбургская губерния считалась богатой в продовольственном отношении: в военные годы, несмотря на экстенсивное хозяйствование и отсталую переложную систему, здесь удалось добиться чрезвычайно высокой урожайности. Если накануне войны урожайность составляла сам*-4,6 (1912 г.),

---

* С а м — единица измерения урожайности сельскохозяйственных культур, выражающая соотношение затрат семян на посев к полученному урожаю. (Примеч. ред.)

сам-6,2 (1913 г.) и сам-4,3 (1914 г.), то средняя урожайность казачьих хозяйств в 1915 г. достигла сам-8,3. Неказаки собрали сам-5,3. В предшествующее трехлетие в среднем урожайность составляла сам-5,1 и сам-4,3 соответственно⁵⁰⁶. В годы войны площадь посева в войске сократилась незначительно — в среднем на 3,8% (для сравнения, на Дону — на 37%). Шел процесс натурализации казачьих хозяйств. Война, однако, не привела к разорению казаков, которые в целом жили зажиточнее крестьян, хотя сельское хозяйство развивалось у них очень медленно. Не наблюдалось и роста социальной дифференциации, о чем иногда пишут некоторые исследователи⁵⁰⁷. Продолжало существовать конокрадство — в 1915 г. у казаков было похищено 710 лошадей. В 1915 г. из войска уехали пять агрономов. Необмолоченное зерно лежало в скирдах по 6—10 лет⁵⁰⁸. Для того чтобы изменить ситуацию, атаман Тюлин написал профессору Докучаеву, договорившись, что тот за четыре года обследует войско, получая по 25 тысяч рублей от войска ежегодно. В феврале 1916 г. Тюлин участвовал в совещании в Петрограде по вопросу о повышении благосостояния казачьих войск.

В военное время произошли некоторые изменения во внутренней жизни войска. 19 декабря 1914 г. открылось пассажирское сообщение по Орской железной дороге. Совершенствовалась система местного управления. В частности, 6 июля 1915 г. было учреждено горное отделение Войскового хозяйственного правления⁵⁰⁹. На территории Оренбургской губернии были расположены лагеря военнопленных, что не могло не влиять на жизнь региона. Крупнейшим лагерем военнопленных на территории войска был Меновой Двор к югу от Оренбурга, а крупнейшим в рамках Южноуральского региона — Тоцкий лагерь. Военнопленные направлялись и в станицы — в основном 1-го военного отдела, к апрелю 1916 г. на территории отдела насчитывалось уже 5663 пленных⁵¹⁰. Военнопленные обеспечивались всем необходимым, даже надлежащим медицинским уходом. Здесь, как и в других областях, наблюдались свои крайности. Медицинское обеспечение военнопленных стояло, по имеющимся данным, выше, чем обеспечение своего же населения (есть документы, например, о том, что пленным в Оренбурге делали рентген)⁵¹¹. Имеются и противоположные свидетельства. В дневнике немецкого фенриха Э.Э. Двингера, находившегося в 1916 г. в Тоцком лагере, говорится об ужасающем медицинском обеспечении⁵¹², вместе с этим, учитывая разницу в уровне медицинского обслуживания населения в России и Германии того времени, можно предположить, что подобное утверждение германского военнопленного в значительной степени основано на впечатлении прежде всего от германских, а не русских стандартов медицинского обслуживания населения. Между прочим, фенрих Двингер сохранил самые лучшие воспоминания о казачьем офицере, служившем в лагере и по возможности помогавшем пленным⁵¹³.

В то же время антинемецкая истерия привела к проверке происхождения прапорщиков из немцев-колонистов⁵¹⁴. Кроме того, когда лепные работы в Войсковой знаменной избе были поручены известному скульптору русину Головинскому (военнообязанный австро-венгерский подданный), в прессе появился материал о том, что власть покровительствует немцам⁵¹⁵. Первоначально пленные немцы в Оренбурге вели себя довольно бесцеремонно по отношению к местному населению, однако уже 1 сентября 1914 г. их права были существенно ограничены — запрещено собираться группами более чем по три человека, выходить на улицу после 18 часов и посещать увеселительные заведения, говорить по-немецки в публичных местах⁵¹⁶. Труд военнопленных использовался на строительстве железной дороги, илецких соляных присах, рудниках, лесных и сельскохозяйственных работах. По закону число пленных на губернию не должно было превышать 10 тысяч человек, а производительность их труда была невелика, поэтому большого значения труд военнопленных в хозяйственной жизни региона не имел. Тем не менее, вопреки закону, к осени 1916 г. в губернии находилось уже 11 388 пленных⁵¹⁷.

Заметным явлением на территории войска и губернии в военные годы стали беженцы (русские, немцы, поляки, евреи, позднее — литовцы и эстонцы), поселившиеся в 60% населенных пунктов Оренбургской губернии. К 1 ноября 1916 г. их численность достигла около 80 тысяч человек (по другим данным, до 120 тысяч человек). Беженцы нуждались в обеспечении их питанием, бараках для жилья, школах и церквях. Особенностью беженской массы была сильная степень озлобления людей. Кроме того, почти треть этой массы не желала работать (даже убирать мусор у барачников), считала, что все им обязаны, относилась к власти и местному населению потребительски и создавала напряженность в регионе, обременяя своим присутствием местное население⁵¹⁸. Очень быстро в беженской среде развились разврат (вследствие скученности и совместного проживания в бараках мужчин и женщин) и проституция (начиная с 12-летнего возраста).

В своих действиях атаман Тюлин пытался заручиться поддержкой общности, в частности земств. Довольно скоро после прибытия в Оренбург атаман завоевал расположение населения и приобрел должный авторитет. Вместе с тем Тюлин постоянно ездил по делам в Петроград и в войске часто отсутствовал.

В период войны в Оренбурге функционировала военная цензура, в том числе просматривавшая мусульманскую печать. Однако, поскольку офицеров, знавших татарский и казахский языки, не имелось, в качестве цензора был привлечен полуграмотный казах⁵¹⁹. Можно предположить, каким было качество подобной цензуры.

В военные годы на территории губернии сложилась критическая ситуация с конской мобилизацией. Губернская земская управа отказалась рекви-

зировать лошадей у населения. Между тем по уездам требовалось собрать 5 тысяч лошадей⁵²⁰. В 1916 г. возник дровяной кризис. Кроме того, правительство вынуждено было в условиях военного времени осуществлять государственное регулирование хлебной торговли. Резко возросла роль хлебозакупочной кооперации. Такая политика без отработанных механизмов ее реализации порождала злоупотребления. Из Туркестана в губернию приезжали скупщики зерна, представлявшие правительственными агентами, и вели скупку по завышенным в сравнении с твердыми ценам, в результате, как отмечалось, «хлеб населением реализуется ненормально»⁵²¹. В Туркестане скупщики имели значительные запасы зерна, вывозившиеся контрабандой через персидскую границу. Из Персии через Турцию оренбургское зерно попадало в Германию⁵²². Эти действия ставили регион в продовольственном отношении в безвыходное положение, в особенности в кагун ожидавшегося в 1917 г. неурожая. Значительный процент закупок хлеба осуществлялся через посредников (в продовольственную кампанию 1915—1916 гг. их доля в Оренбургской губернии составила 73—78%)⁵²³. Установление Особым совещанием по продовольственному делу 17 августа 1915 г. твердых цен на зерно и повышение их Министерством земледелия 9 сентября 1916 г. привели к росту спекуляции и срыву хлебозаготовок по твердым ценам (в 1916—1917 гг. в Оренбургской губернии было заготовлено 3 721 000 пудов зерна, что составило лишь 19,6% от установленного наряда)⁵²⁴, а также к тому, что при наличии многомиллионных запасов зерна в деревне армия и городское население оказались на грани голода. 1 июля 1916 г. в Оренбурге, а позднее в других городах губернии были введены продовольственные карточки. Механизмы внеэкономического характера, необходимые для успешной реализации политики продрозверстки, еще не были отработаны, а на изъятие хлеба насильственным путем старая власть не решилась. Однако даже собранное с трудом зерно при нехватке складских помещений хранилось на открытом воздухе и от этого портилось. Подвижного состава для вывоза зерна также не хватало, ситуация усугублялась расстройством железнодорожного движения. Видя такую бесхозяйственность, население не стремилось сдавать хлеб государству, поскольку становилось очевидным, что ни города, ни армия этого зерна не получают, кроме того, падал авторитет власти. Сложившаяся ситуация стала причиной массовых беспорядков среди городского населения, в том числе и на Южном Урале.

Несмотря на военное время, гарнизон Оренбурга был очень сильным (по данным на осень 1917 г., около 20 тысяч солдат)⁵²⁵. В городе были дислоцированы части 18-й запасной пехотной (104-й, 105-й и 238-й пехотные запасные полки)⁵²⁶ бригады, Оренбургская местная бригада (конвойная и дисциплинарная команды), запасные батальоны 48-й пехотной дивизии⁵²⁷, 694-я⁵²⁸ и 730-я Оренбургские пешие дружины, команда продовольствен-

ного магазина, 1-я и 2-я Оренбургские команды выздоравливающих, Оренбургская казачья запасная батарея, Оренбургская школа прапорщиков и Оренбургское казачье училище, с 1917 г. — 1-й и 4-й Оренбургские казачьи запасные полки (ранее дислоцированы 1-я и 2-я запасные сотни)⁵²⁹.

Оренбургская губерния поставляла запасных в различные формирования как в европейской, так и в азиатской частях Российской империи, значительное количество запасных Оренбургской губернии направлялось в Туркестан, что было обусловлено географической близостью этих регионов⁵³⁰. В годы войны под ружье было поставлено 11,7% населения губернии (свыше 260 тысяч человек)⁵³¹. Впрочем, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., было мобилизовано лишь 162 661 человек⁵³².

Как бы то ни было, близкая к тотальной мобилизация, тяготы военного времени, ухудшение благосостояния и даже обнищание населения, а с 1916 г. еще и продовольственный кризис, рост цен и дефицит товаров привели к различным проявлениям недовольства и нестабильности в тылу. Не избежало этих эксцессов и Оренбургское казачье войско. По имеющимся данным, в 1914—1915 гг. цены на продукты питания и предметы массового потребления возросли в два-три раза. Объемы производства гражданской продукции резко сократились. Начался спад производства, приведший к кризису промышленности.

Как правило, наиболее активной движущей силой массовых беспорядков того времени являлись женщины-солдатки или казачки, мужья которых находились на фронте. В случае участия в беспорядках казачек ситуация осложнялась тем, что направлявшиеся на усмирение казаки не стремились применять силу по отношению к женам своих товарищей, а возможно, даже и к собственным женам или сестрам. Подобное настроение казаков вполне естественно и не может считаться проявлением их нового сознания или разложения, как ошибочно полагают некоторые исследователи (существуют другие примеры разложения и изменения сознания казаков, но пример подавления беспорядков на своей же территории местными силами явно некорректен)⁵³³. По сути, это неизбежная особенность использования любых территориальных частей.

Массовые беспорядки среди женщин начались в Челябинске 20 ноября 1915 г., но оружие здесь не применялось. В марте 1916 г. беспорядки на почве инфляции произошли в Илецкой Защите. Как обычно, местных полицейских сил оказалось недостаточно. Однако порочная система была уже отработана — на усмирение, как и прежде, вызывали казаков. По просьбе городского старосты туда для наведения порядка вечером 24 марта было направлено 50 казаков (взвод казаков из 12 рядов при офицере)⁵³⁴. Ожидались погромы на почве продовольственного кризиса. Основным источником этих данных для полиции были базарные разговоры. Причиной недо-

вольства населения стал рост цен на предметы первой необходимости. Прибытие казаков сразу внесло значительное успокоение.

Беспорядки имели место и в поселке Ак-Булак. В беспорядках активно участвовали жены запасных солдат и ратников, «из коих некоторые, благодаря получаемым пособиям, не занимаются никаким определенным трудом»⁵³⁵. Темные женщины виновниками всех своих бед считали торговцев и собирались идти их громить. Однако прибытие казаков сразу же успокоило толпу⁵³⁶.

Не избежала беспорядков и столица войска. Беспорядки в Оренбурге наглядно продемонстрировали сильнейшие иждивенческие настроения населения в отношении власти и опасность проведения местной властью собственной недостаточно продуманной социальной политики. Кроме того, они выявили сильнейший кризис государственной власти и острейшие межведомственные противоречия предельно архаичного аппарата управления старой России. Лишь чудом в Оренбурге тогда никто не погиб.

В течение двух месяцев в городе циркулировали слухи о готовящемся погроме. И вот 2 мая 1916 г., в начале десятого часа утра, к Оренбургской городской управе явилась толпа солдатских жен с требованием объяснения прекращения выдачи пайка на муку. Дополнительный паек выдавался солдаткам с начала войны на городские и благотворительные средства в виде «пудовичка» — мешка муки в один пуд весом⁵³⁷, однако отношение к пайку в населении было не благодарным, а исключительно потребительским и иждивенческим. Когда средства у города и благотворителей закончились, начались беспорядки. Пособие обычно выдавалось 5-го числа, но солдатки пришли 2-го, взволнованные слухами о его отмене. Представители городской администрации объяснили женщинам, что на летнее время прекращена выдача пособия из городских средств, а казенный паек остается⁵³⁸.

Продукты выдавались в магазинах, и толпа солдаток, не удовлетворившись полученным разъяснением, пошла громить магазины, начав с расхищения муки в лавке Юрова на Хлебной площади. Начались самозахваты муки, а потом и просто откровенное мародерство. Всего пострадало 30 магазинов⁵³⁹. По имеющимся сведениям, беспорядки начались в 11.15⁵⁴⁰. Губернатор и Наказный атаман М.С. Тюлин в это время находился в Петрограде. Управляющий губернией (и. д. главноначальствующего) камергер Л.А. Пушкин (вице-губернатор) лично явился на место погрома и вместе с представителями администрации убеждал толпу разойтись, но в ответ ему неслись лишь оскорбления. На Хлебной площади толпа разделилась на группы, направившиеся переулками в торговый центр города. Малочисленность полиции исключала возможность сопротивления. После 12 часов дня на Гостинодворской улице кто-то бросил камень в витрину магазина

Ишкова. Звук разбитого стекла послужил сигналом к погрому⁵⁴¹. Возле магазина Ишкова было совершено нападение на представителей губернской администрации. Беспорядки стали принимать большие размеры, административные меры были исчерпаны, и Пушкин распорядился вызвать войска, что и было исполнено оренбургским полицеймейстером, надворным советником Волженцевым.

Войска с 1 мая находились в лагерях: пехота — за Уралом, а казаки — в селе Берды (ныне окраина Оренбурга). Из казачьих частей для умирения толпы использовались 1-я (командир есаул С.С. Новокрещенов) и 2-я (командир подьесаул А.Ф. Леонтьев) Оренбургские казачьи запасные сотни. Карательным отрядом командовал полковник А.А. Жадановский.

В начале первого часа были вызваны взводы 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни и направлены на Хлебный базар к магазину Юрлова (дежурный взвод хорунжего В.Н. Николаева проскакал вдоль толпы с уговорами, и все разошлись) и на Зеленый базар (6-й взвод хорунжего Савельева под временным командованием прапорщика А.П. Корикова действовал нагайками, был закидан камнями и отступил перед толпой к Гостинодворской улице), а также на мельницу Юрлова за город. Прапорщик Корилов и хорунжий Николаев встретились у магазина Ишкова на Гостинодворской. Около 14 часов был вызван еще один взвод сотни, а пехота и 2-я Оренбургская казачья запасная сотня прибыли к 16 часам.

В 15 часов по случаю беспорядков в Оренбурге, начатых «женами солдат, к которым присоединились отбросы населения»⁵⁴², были вызваны войска гарнизона. К появлению войск несколько магазинов на Николаевской и Гостинодворской улицах уже было разгромлено.

Прибытие войск далеко не везде добавило порядка. Отдельные воинские чины приняли участие в погромах или простом хулиганстве. В частности, один из казаков 2-й запасной сотни в многолюдном городе открыл стрельбу боевыми патронами по галкам, сидевшим на заборе⁵⁴³. За озорство казака был арестован его начальник прапорщик И.А. Яценко. Солдаты 104-го запасного полка под начальством прапорщика Кошуба открыли стрельбу в воздух боевыми патронами. Офицер также был арестован. Унтер-офицер 238-го пехотного запасного полка А.К. Кабанов надел не принадлежавшие ему Георгиевские кресты, похитил плащ и сапоги и принял участие в погроме. Впоследствии он, приговоренный к расстрелу, униженно просил командующего войсками округа о помиловании: «По приговору полевого суда меня завтра расстреляют, прошу милосердия Вашего Высокопревосходительства снизить [к] моему несовершеннолетию, легкомыслию, добровольному поступлению [на] военную службу и заменить расстрел каторгою»⁵⁴⁴. В итоге казнь Кабанова ввиду его несовершеннолетия была отменена и заменена каторгой. Команда выздоравливающих так-

же приняла участие в беспорядках — солдаты бросали камни и кричали казакам матерные слова и обвинения в том, что те убивают их жен. Команда арестована была начальником гарнизона⁵⁴⁵.

И. д. главноначальствующего потребовал от находившегося на площади казачьего отряда оттеснить толпу, но 26-летний сотник Н.И. Мякутин, прикомандированный к войску после эвакуации с фронта, начальник отряда и командир полусотни 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни, неподобающим тоном заявил, что к таким мерам прибегать не будет, и вызываясь громко и развязно засомневался в праве и. д. главноначальствующего давать Мякутину указания. Кроме того, офицер в запальчивости заявил, что необходимо стрелять по толпе, но он на это пойдет только при наличии письменного приказа. И. д. главноначальствующего ничего подобного в виду не имел, а лишь хотел, чтобы казаки разогнали толпу нагайками и лошадьми, а в крайнем случае — холодным оружием. Огнестрельное оружие употреблять было не желательно. Действовать рекомендовалось нагайками и холодным оружием, но казаки действовали чрезвычайно вяло. Более того, в другом месте, пожалев женщин и детей, казачий разъезд прапорщика Корикова просто ускакал от толпы⁵⁴⁶.

Пока шли препирательства, и. д. главноначальствующего и гражданские власти были окружены толпой, а прокурор А.А. Карбовский ранен камнем в голову. Мякутин продолжал бездействовать⁵⁴⁷. Ранение камнем получил и товарищу прокурора С.В. Подрезан, заслонивший собой вице-губернатора Пушкина⁵⁴⁸, а также чиновник департамента полиции, губернский секретарь Чагин. Участники беспорядков даже совершили нападение на казаков, однако последние оружие применять не стали. На увещевания Пушкина толпа ответила: «Уходите отсюда, пока сами целы, а казаки наши — нас не тронут»⁵⁴⁹.

Пушкин не удосужился должным образом представиться командиру казачьей сотни. Одетый в белый китель и форменное пальто с красными отворотами, он сказал Мякутину, что является губернатором, чем сразу вызвал недоверие к себе. Дело в том, что Наказного атамана и оренбургского губернатора М.С. Тюлина Мякутин знал в лицо, тогда как Пушкин на самом деле был вице-губернатором и был офицеру неизвестен⁵⁵⁰. Мякутину нужны были полномочия и свобода действий, до этого казачий офицер должен был удостовериться в том, что гражданские власти сделали все возможное.

Мякутин оказался в довольно затруднительном положении и предпочел действовать осторожно. Дело в том, что казачьи офицеры не имели опыта борьбы с массовыми беспорядками и в основном (кроме самого Мякутина) были в возрасте от 17 до 22 лет. К тому же командир 1-й запасной сотни есаул Новокрещенов предпочел управлять частью, оставаясь в казармах.

Позднее он был за это отстранен от должности. Пушкин разрешил казакам действовать по их усмотрению (в том числе применять оружие). Тогда Мякутин приказал казакам зарядить винтовки, заявил толпе, что, если через пять минут она не разойдется, казаки начнут стрелять, и стал громко отсчитывать минуты. Толпа начала отходить. На третьей минуте Пушкин приказал казакам остановиться. Запретил Пушкин и применять нагайки. В этой связи Мякутин запросил у Пушкина письменное подтверждение своих полномочий⁵⁵¹. Казаки закинули винтовки за плечи и вновь стали безучастными свидетелями происходящего. В это время хорунжий 1-й запасной сотни В.Н. Николаев посоветовал вице-губернатору поставить пожарную машину и окатить толпу водой⁵⁵². Однако эта мера также осуществлена не была. Оставались только шашки и казачьи лошади. В итоге Мякутин добился от вице-губернатора письменных полномочий, заставив написать на клочке бумаги: «Предлагаю начальству воинской части принять меры к подавлению беспорядка по городу Оренбургу». Однако этот текст Мякутина не удовлетворил, и он попросил Пушкина дописать: «Гражданская власть исчерпала свои меры» — что и было сделано, после чего Пушкин уехал, а сотня продолжила бездействовать⁵⁵³.

Как выяснилось позднее, осторожный Мякутин направил донесение командиру сотни и спрашивал разрешения на употребление огнестрельного оружия, на что последовала рекомендация начать все же с нагаек. Лишь с появлением пехотных частей и энергичного полковника Жадановского, пригрозившего казакам, начались более энергичные действия станичников.

В результате казаки ходили в шашки на толпу, но она отступала и вновь наступала. Казаки теснили толпу лошадьми. Нагайки, несмотря на запрет, все же были применены как наиболее эффективное и гуманное — по сравнению с остальными мерами — средство, но толпа нагаек не испугалась. При разгоне толпы сотник Мякутин был ушиблен камнем в спину и упал вместе с конем. Разгон возглавил офицер Бородин, причем вновь пришлось разгонять шашками, толпе нанесено было много ранений, и даже зарублена была одна женщина⁵⁵⁴, но, возможно, эта женщина была лишь ранена, поскольку, по официальным данным, при подавлении беспорядков погибших не было. Отсутствие потерь объясняется тем, что при действиях шашками казаки применяли фухтеля — удары шашкой плашмя. Тем не менее, по данным Оренбургского губернского жандармского управления на 6 мая 1916 г., камнями из толпы были убиты один из грабителей и один казак⁵⁵⁵.

2-я Оренбургская казачья запасная сотня подьесаула Леонтьева, выехавшая из села Берды, действовала в районе Мариинской площади⁵⁵⁶. Увещевания не помогали. На предупреждение о стрельбе толпа из рабочих, женщин и подростков кинулась на казаков, те открыли редкую стрельбу.

Подъесаул Леонтьев вместе с еще одним офицером начал стрелять из револьвера, и толпа разбежалась. Командир сотни получил ранение. Прапорщик 2-й запасной сотни П.И. Иванов был ранен камнем и машинально прострелил руку бросившей в него камень женщине.

В общей сложности казаки лишь дважды применяли оружие. Полиция, так же как и казаки, слабо участвовала в наведении порядка⁵⁵⁷. В итоге эту задачу пришлось выполнить пехоте, причем полицией и солдатами было задержано 150—200 человек, в основном женщин с награбленным, остальных тут же освободила толпа⁵⁵⁸. К 16.30 беспорядки закончились. Среди арестованных было два солдата, задержанных в разгромленном магазине, и часть команды выздоравливающих. С погромщиками в условиях войны поступали на удивление мягко. Оружие практически не применялось⁵⁵⁹. Из двухтысячной толпы активисты составляли как раз не более 200 человек. В ходе усмирения в 1-й Оренбургской казачьей запасной сотне были ушиблены 1 офицер, 1 урядник, 3 казака. Во 2-й сотне — 6 офицеров и 47 казаков⁵⁶⁰. Пехота пострадала меньше. В войсках не хватало современных трехлинейных винтовок. Случай употребления оружия был отмечен, кроме 2-й сотни, и в 105-м пехотном запасном полку, — именно этот полк и навел порядок в городе.

Распоряжением вице-губернатора было запрещено выходить на улицы после 21 часа, до особого распоряжения запрещены зрелища и увеселения, охрана города передана военной власти. Начальником Оренбургского гарнизона был генерал-лейтенант С.Т. Погорецкий. Вечером погром перекинулся на Марининскую площадь, где был быстро ликвидирован. Тем не менее в ночь на 3 мая, несмотря на караулы и патрули солдат и казаков, были совершены кражи в лавках. Торговцы стали требовать от властей компенсации⁵⁶¹. На следующий день собирались отдельные группы населения, но было уже относительно спокойно.

В документах о событиях тех дней в Оренбурге фигурирует термин, получивший распространение и аналогичный смысл уже в наши дни, — «гастролеры». Речь шла о специально прибывших в Оренбург к началу событий подстрекателях⁵⁶². К сожалению, никакой дополнительной информации о том, кто конкретно стоял за оренбургскими погромами, обнаружить не удалось. Весьма вероятно, что это были представители социалистических организаций.

Любопытен социальный состав участников беспорядков. При населении Оренбурга в 200 тысяч жителей и населении казачьего Форштадта в 20 тысяч человек, казаков насчитывалось около 5 тысяч человек, в том числе 2 тысячи представителей казачьей интеллигенции (семьи офицеров и чиновников). Таким образом, в казачьем расследовании утверждалось, что казаки едва ли принимали участие в беспорядках⁵⁶³. Между тем в числе

привлеченных к следствию 74 женщин было 17 солдаток и 8 казачек, остальные же лишь весьма условно являлись «солдатками». Более того, значительное количество награбленного было обнаружено именно на казачьем Форштадте⁵⁶⁴. Таким образом, менталитет казачек мало отличался от менталитета казаков.

В итоге оренбургских беспорядков было разгромлено 30 магазинов, убытки составили около 300 тысяч рублей, хотя владельцы магазинов и уверяли, что потеряли 850 тысяч рублей⁵⁶⁵. По итогам событий было проведено несколько ведомственных расследований — по линии МВД и отдельно жандармское, армейское (генерал-лейтенантом Н.К. Витвицким от Казанского военного округа), городское, гарнизонное (атаманом 1-го военного отдела генерал-майором Н.П. Мальцевым по поручению начальника гарнизона) и войсковое (казачье, есаулом Н.С. Анисимовым по поручению Наказного атамана)⁵⁶⁶. С четырьмя из них нам удалось ознакомиться.

Вывод от сравнительного анализа этих материалов неутешителен. Местная власть и МВД во всем обвиняли военных, а военные, в том числе казаки, — местную власть и МВД. Атаман Тюлин считал первопричиной беспорядка стремившихся к наживе купцов⁵⁶⁷. Козлом отпущения для командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого стал вице-губернатор Пушкин, давший, а потом отменивший приказ стрелять и позднее запретивший применять не только оружие, но и нагайки. В переписке по линии МВД было отмечено личное мужество Пушкина, «который везде на месте беспорядков входил один в[о] враждебно настроенную толпу, и, несмотря на явную опасность для своей жизни... пытался еще образумить [народ] словами убеждения...»⁵⁶⁸. Однако прав был Сандецкий — местная администрация в своих действиях допустила серьезные отступления от законодательства. Так, вопреки «Правилам о призыве войск для содействия гражданским властям», войска были вызваны по телефону полицеймейстером. Между тем это был полномочен осуществить лишь губернатор в форме письменного обращения к начальнику гарнизона или командиру ближайшей воинской части, тогда как полицеймейстер позвонил командиру 1-й запасной сотни. Начальник же гарнизона узнал о происходящем лишь в третьем часу дня. Гражданские власти требовали от войск исполнения полицейских функций, в том числе самостоятельных действий по поимке грабителей. Если беспорядки до прибытия войск не прекращались, то, по правилам, гражданские власти, сделав последнее увещевание, должны были уполномочить воинского начальника решить этот вопрос самостоятельно⁵⁶⁹. Пушкин же все время ограничивал сотника Мякутина, о чем дали показания сразу несколько казачьих офицеров.

В то же время командующий войсками округа генерал А.Г. Сандецкий был вне себя от нерешительности войск и имел претензии к казачьим офи-

церам. Между прочим, в расследовании по линии МВД отмечалось (в других расследованиях это не указано), что сотник Мякутин якобы сам заявил о недопустимости применения нагаек. Кроме того, он якобы все время спрашивал у «станичников», желают ли они действовать тем или иным способом. Расследование МВД установило искажение ряда фактов в армейском расследовании (Пушкин не запрещал применять нагайки) и большую вину казачьих офицеров, а не гражданских властей. Военные считали иначе, хотя и не отрицали своей вины. Можно принять на веру данные расследования МВД, однако все же истина, наверное, где-то посередине. По правилам нельзя было выступать в составе менее роты или сотни, тогда как казаки 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни выступили повзводно. Войска должны были употреблять оружие, не дожидаясь полномочий от властей, и без предупреждения в тех случаях, когда на них нападает или совершает враждебные действия толпа, если в присутствии войск происходит насилие или грабеж. В то же время и местная власть (в отношении отмены Пушкиным приказа открыть огонь) по другим законам должна была сделать все возможное для бескровной ликвидации беспорядков, тем более что в толпе оказались неповинные люди, которые из любопытства попали в эпицентр событий. Таким образом, все стороны нашли способы оправдания своих действий. О том, что есть общий план действий и единый начальник карательного отряда, никто из казачьих офицеров не знал⁵⁷⁰. Кстати, после этого требовательный Сандецкий арестовал Мякутина на 30 суток гауптвахты⁵⁷¹. А по итогам расследования МВД в августе 1916 г. Пушкину все же было направлено письмо о нарушении им правил вызова войск для содействия гражданским властям⁵⁷². Более обоснованными были признаны сообщения представителей военного ведомства.

Нарушение законодательства было допущено и при выводе войск из города в лагерь, поскольку по решению Особого совещания в Оренбурге от 29 марта 1916 г. требовалось от каждой пехотной части оставлять в городе на время лагерей по одной роте военного состава⁵⁷³. Вместе с тем количество различных законов, правил и регламентаций по управлению войсками, в том числе появившихся в военное время, а тем более принятых на местном уровне, было так велико, что сложно сказать, мог ли какой-либо офицер, даже генштабист, без специальной юридической подготовки учесть все эти требования.

Таким образом, казачьи офицеры не знали соответствующих законов и оказались не на высоте. Наряду с гражданской властью, они проявили полную нерешительность. Как выясняется, не знали законодательства и военные власти Оренбурга. Оренбургские события наглядно продемонстрировали несовершенство взаимодействия различных ведомств империи даже на местном уровне, где, казалось бы, каждое должностное лицо должно

было отлично знать всех остальных. То же самое происходило и в общегосударственном масштабе. Эту взаимную институциональную рознь и недоверие внутри государственной власти, безусловно, следует отнести к числу основных причин крушения Российской империи. Еще одним крайне печальным наблюдением является катастрофическая нехватка полицейских сил даже в таком сравнительно крупном центре, как Оренбург. По данным на 2 мая 1916 г., конно-полицейская стража Оренбурга насчитывала всего лишь 60 человек, причем у 2 из них пали лошади, поэтому в строю реально оставалось только 58 конных полицейских⁵⁷⁴. В это время население Оренбурга составляло до 146 тысяч жителей, а с войсками и беженцами — до 200 тысяч человек, один городской приходился на 1258 жителей.

При рассмотрении случившегося по линии МВД и в жандармском расследовании об этом было сказано без обиняков. По штатам полагалось иметь 159 городских на 200 тысяч жителей, чего было явно недостаточно. В Челябинске положение было еще катастрофичнее — 4 полицейских надзирателя и 50 городских на 100 тысяч жителей (один городской на 2 тысячи человек), на Миасском заводе при 30 тысячах рабочих имелся один полицейский надзиратель и два урядника, в Троицке один городской приходился на 630 жителей, в Верхнеуральске — на 535, в Орске — на 500, в Илецкой Защите с населением в 15 тысяч человек, включая 800 рабочих, — на 1300 (один полицейский надзиратель и восемь городских)⁵⁷⁵. Вопиющее несоответствие этих сил было признано давно, и переписка об усилении оренбургской полиции тянулась с 1912 г. При этом даже имевшийся состав полиции при месячном окладе городского в 18 рублей оставлял желать лучшего. Таким образом, опыт первой русской революции и последующего времени ничему не научил государственную власть. По-прежнему вопросы обеспечения внутреннего порядка в любых чрезвычайных ситуациях возлагались на армию. В обществе формировался образ солдата и казака как карателя и палача. Неудивительно, что в переломный период 1917 г. в армии не нашлось достаточно желающих вновь принять участие в карательных мероприятиях для спасения гибнущей империи. Карательная политика, как и в предшествующий период, оставалась слишком мягкой, создавая соблазн для продолжения дестабилизации обстановки внутри воюющей России. Имевшиеся для этого возможности были сполна использованы определенными силами как внутри страны, так и за ее пределами.

Немаловажен и тот факт, что казаки во многом сочувствовали погрому. В то же время рабочие оренбургских главных железнодорожных мастерских (около 5 тысяч человек), наоборот, не сочувствовали беспорядкам. Нельзя не отметить, что, поскольку беспорядки в Оренбурге не были первыми в череде массовых выступлений на почве дороговизны⁵⁷⁶, власти уже

рассматривали вопрос о действиях в случае такого рода осложнений. В частности, даже в Оренбурге этот вопрос уже рассматривался на Особом совещании губернской администрации 29 марта 1916 г. Было известно и то, что основными участниками беспорядков являлись женщины, недовольные дороговизной или дефицитом⁵⁷⁷. Тем не менее тогда был сделан в корне неверный вывод о нежелательности применения силы при таких беспорядках⁵⁷⁸.

Как только о беспорядках стало известно в Петрограде, Наказному атаману было предложено немедленно вернуться в Оренбург. Вернулся он, когда уже все в городе успокоилось, однако до полного успокоения населения губернии было далеко. В начале мая 1916 г. Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин получил негласные сведения о готовящихся разгромах лавок в селах Покровское и Мраково в базарные дни. Поводом для погромов являлось резкое повышение цен на предметы первой необходимости. Благодаря своевременно полученной информации, в указанные пункты были направлены дополнительные полицейские силы, и беспорядки удалось предотвратить⁵⁷⁹.

В августе 1916 г. беспорядки были отмечены в 3-м военном отделе. В донесении начальника Оренбургского губернского жандармского управления П.П. Кашинцева сообщалось о разгроме казачками поселка Крутоярского станицы Березовской Троицкого уезда магазинов местных торговцев во время ярмарки и об отказе казаков подавлять это выступление.

7 августа около 12 часов дня толпа женщин, в основном жен казаков, находясь на фронте, подошла к действующему мануфактурному магазину Закира Абдрашитова и потребовала отпустить сахар. Сахара не было, причем хозяин даже предложил толпе провести обыск. Поднялся шум, поселковый атаман призвал толпу оставить магазин и ушел в правление. Получив вторично сведения, что толпа громит ворота дома Абдрашитова, атаман с пятью казаками, вооруженными холодным оружием, отправился к месту происшествия, потребовав жителей разойтись. Женщины стали ему угрожать. Атаман обнажил шашку и предупредил, что будет действовать оружием. Однако прибывшие с ним казаки «вместо оказания помощи заявили атаману с угрозой нанести ему побои, что он не имеет права обнажать шашку и рубить женщин, так как мужья этих женщин в действующей армии». Атаман ушел, толпа же, поощряемая казаками, направилась к лавке Ахмеджана Абдрашитова, взломала замки и потребовала от хозяина сахара. Было выдано 1,5 головы и немного песка бесплатно. Не удовлетворясь этим, толпа набросилась на мануфактуру и стала грабить. После этого, покинув магазин по увещанию казака Карачкова, направилась к лавке Закира Абдрашитова, взломала двери и с криком «ура» ворвалась в магазин, разграбила весь товар и похитила 4800 рублей в шкатулке. Убытки З. Абдрашито-

ва составили 25 тысяч рублей, убытки А. Абдрашитова — 17 тысяч рублей. После случившегося были произведены аресты зачинщиков, было изъято около 5 тысяч рублей⁵⁸⁰.

Атаману Тюлину приходилось решать не только хозяйственные вопросы, на нем лежала ответственность и за подготовку молодых казаков и пополнения в действующую армию. Качество подготовки пополнений постоянно ухудшалось. Как позже вспоминал Тюлин, «обучены они были из рук вон плохо. Не верилось, что это казаки, некоторые умудрились никогда не ездить верхом и боялись лошади. Возни с этой строевой службой было немало. Еще больше было хлопот и неприятностей в деле назначения сотенных, полковых и бригадных командиров. Интриги, ходатайства на местах и в центре Петербурге, но я не очень уступал и на некоторых примерах видел, что хорошо делал»⁵⁸¹. Таким образом, не только хозяйственная, но и непосредственно военная составляющая жизни войска находилась в крайне несовершенном, отсталом состоянии. Поскольку вопрос о старшинстве офицеров не являлся специфической проблемой казачества, те же проблемы и тот же архаизм были присущи и русской армии в целом.

В военные годы возник вопрос об увековечении памяти казаков — героев войны — и создании музея трофеев Первой мировой. С начала боевых действий на территории войска стало скапливаться трофейное оружие, предметы униформы и снаряжения Австро-Венгрии и Германии. Многие трофеи передавались из частей, другим путем их попадания в войско стала передача от самих казаков. По поводу трофеев и их хранения завязалась переписка между Наказным атаманом и Походным атаманом всех казачьих войск. Особенностью вопроса о трофеях было то, что русская армия сама нуждалась в трофейном оружии и амуниции. Предполагалось, что трофеи должны быть из числа малопригодных для армии предметов. Музеем войны для оренбургских казаков стала Войсковая знаменная изба, куда 15 апреля 1916 г., в так называемый день Войскового круга, император позволил перенести все войсковые знамена и регалии Оренбургского войска⁵⁸². Здание избы было построено в саду поселка Оренбургского по проекту, утвержденному августейшим президентом Академии художеств Великой княгиней Марией Павловной. В октябре 1916 г. планировалось разбить вокруг сквер-цветник, соорудить фонтаны с фигурами и украшениями. Атаман Тюлин писал Великому князю Борису Владимировичу: «В самой же Избе, помимо знамен и регалий, решено поместить бюсты всех ГОСУДАРЕЙ ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА РОМАНОВЫХ, портреты г.г. офицеров, получивших Георгиевские кресты и Георгиевское оружие, укрепить на стенах мраморные доски, с вырезанными на них именами и фамилиями всех Георгиевских кавалеров — офицеров и тех из нижних чинов, которые имеют полный бант; имена и фамилии остальных кавалеров, в

виду большого их числа, предположено поместить в особых альбомах»⁵⁸³. Явно заискивая перед Походным атаманом, Тюлин просил Бориса Владимировича прислать свой портрет с автографом.

Хотя в Войсковой знаменной избе и предполагалось сформировать серьезную коллекцию материалов, тем не менее архивы войска хранились небрежно⁵⁸⁴. Войско направило запросы во все оренбургские части с просьбой прислать портреты георгиевских кавалеров. Велась переписка с родственниками погибших офицеров. Помимо портретов велся сбор любых других материалов. В частности, в музей попали безыскусные стихи, сочиненные казаками 5-й сотни 12-го Оренбургского казачьего полка в память любимого ими есаула Ф.И. Рохмистрова, погибшего в бою⁵⁸⁵:

Командир, отец любимый!
Память вечная Тебе!
Ты оставил войску
память доброй славы о себе.
Поминать Тебя мы будем
как родимого отца!
Твою храбрость не забудем
удалого молодца!

К сожалению, судьба этой коллекции после 1917 г. неизвестна. Скорее всего, все материалы погибли или были расхищены. Уцелела лишь переписка по сбору материалов.

По мнению атамана Тюлина, церковное управление в губернии было на низком уровне. Епископом Оренбургским и Тургайским с июля 1914 г. являлся Мефодий (М.А. Герасимов), который в молодости за пьянство был исключен из Духовной академии, но потом все же окончил ее. По характеристике Тюлина, он «плохо говорил, плохо слушал и дурно воспитан»⁵⁸⁶. От имени епископа брались взятки, на церковные деньги отделывались квартиры.

Наказный атаман Тюлин в конце февраля 1917 г. был избран почетным казаком станицы Кундравинской, которой передал 100 рублей на школьные нужды. На эти средства казаки для всех школ станицы закупили портреты императора⁵⁸⁷. Думаю, этот незначительный факт свидетельствует не только о привычке казаков угождать начальству, но и о том, что, не будь Февральской революции в Петрограде, оренбургские казаки, не принимавшие в ней никакого участия, продолжили бы верой и правдой служить старому режиму.

* * *

Период 1914—1917 гг. стал еще одним тяжелым испытанием, выпавшим на долю Оренбургского казачьего войска, как и всей России. Начавшись небывалым патриотическим подъемом по всей стране, этот период

завершился революцией и крушением многовековой российской государственности, а позднее и кровавой братоубийственной войной.

Фактором, предопределившим образ жизни и службы оренбургских казаков в этот период, стала Первая мировая война, затронувшая все стороны жизни казачьего населения. Воплощавший собственные авантюрные экспансионистские планы, германский милитаризм явился прямым виновником двух мировых войн и гибели десятков миллионов ни в чем не повинных людей. Никогда не будет забыто варварство представителей одной из самых цивилизованных европейских стран.

В годы Первой мировой войны Оренбургское войско вновь (как и в период Русско-японской войны и первой русской революции) прошло через полную мобилизацию, причем на этот раз мобилизация была действительно практически тотальной — войско выставило не менее 35 тысяч казаков, невиданную прежде цифру. Вместе с тем военное руководство не сделало серьезных выводов из опыта участия казаков в войне с Японией. Таким образом, оренбуржцы участвовали в войне практически в том же состоянии, что и за 10 лет до этого. Свой долг оренбургские казаки выполнили до конца. Многие исследователи отмечают высокие боевые качества казаков, потери которых пленными или пропавшими без вести были ниже, чем в регулярной кавалерии. Почти каждый третий казак был удостоен Георгиевского креста или медали (хотя нельзя не отметить и значительное обесценивание этих наград в ходе войны, часто и неумеренно раздававшихся по разнарядке на целые воинские части).

Потери оренбургского казачества в войне были в целом незначительны, однако казаки в условиях катастрофической нехватки полиции, помимо борьбы с внешним врагом, как и прежде, применялись для подавления внутренних беспорядков в Туркестане и Степном крае, а также и непосредственно на территории войска. По-прежнему оренбуржцы показывали себя высокоэффективным и надежным инструментом в руках крепкой государственной власти. Для казаков война имела и другой результат: произошло резкое разделение станичного и фронтового казачества, жившего на протяжении нескольких военных лет совершенно разной жизнью. Это разделение совпало с подспудно вызревавшим внутренним поколенческим конфликтом и в связи с этим чрезвычайно важно для понимания процессов периода Гражданской войны.

Внутренняя жизнь войска в военные годы была не простой. В 1916 г. стал остро чувствоваться экономический кризис, нестабильность создавали многочисленные беженцы и военнопленные, размещенные в войске. Тем не менее каких-либо антиправительственных выступлений даже отдельных казаков Оренбургского войска в 1914—1916 гг. не наблюдалось. Однако в 1917 г. для казачества наступили тревожные и трагические вре-

мена, причем именно тревога за свое будущее привела казаков к тому, что, по словам современного исследователя, они начали «поиски путей к контролю над своей собственной судьбой»⁵⁸⁸. Таким образом, скорее всего, именно последовавший в 1917 г. развал сильной центральной власти привел к выходу казачества из-под контроля, что предопределило во многом его анархическое участие в Гражданской войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 1 и 2. СПб., 1998. С. 238–239.

² РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 460. Л. 1а.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д, 1998. С. 37.

⁶ В связи с неполнотой данных возможны только приблизительные подсчеты по сведениям к 1 января 1917 г. Недостающие сведения восполнены приблизительно, исходя из известных штатов полков, батарей и сотен. Расчет выполнен по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 6, 10, 30, 31, 61, 67, 68, 71–71 об., 73, 80 об., 99, 107, 109, 112, 114, 116, 118, 119, 122, 133, 135, 139, 140, 143, 147, 150–151 об., 152, 155, 158, 160, 164, 166, 172, 174, 176, 178, 186 об., 188, 191 об., 206, 208, 215, 218, 219, 220, 222, 225, 226, 235 об., 237, 238 об., 240, 245, 247, 250, 251, 256, 259; Д. 53. Л. 8, 10 об., 18, 27, 28, 35, 41, 42, 47, 65; Д. 56. Л. 28 об., 49, 51–52, 85, 92, 97, 154–154 об., 194–194 об., 235, 248 об., 263, 265, 272, 273, 282, 284, 299, 301, 317, 320, 323 об., 335. Мартиролог погибших офицеров составлен В.Г. Семеновым (Оренбург).

⁷ Любовь и Восток. М., 1994. С. 88–89.

⁸ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. 1881–1915 гг. М., 1994. С. 178.

⁹ Воскобойников Г.А. Казачество в Первой мировой войне. М., 1994. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Трут В.П. Указ. соч. С. 35, 44.

¹² Белов А.И. Русская конница в Мировую войну 1914–1917 гг. // Сибирский казак: Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 241.

¹³ Никольский, Генштаба полковник. Огнем и мечом // Часовой (Париж). 1936. Август. № 172. С. 7.

¹⁴ Лодзинская операция: Сб. документов Мировой Империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Маневренный период 1914 г. М.–Л., 1936. С. 13.

¹⁵ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 298.

¹⁶ Семенов В.Г. Оренбургские казачьи полки в сражениях Первой мировой // Оренбургское казачье войско: Страницы истории XIX–XX веков: Сб. науч. тр. Челябинск, 1999. С. 145.

¹⁷ Вакар С.В. Конный спорт в русской кавалерии // Военная Быль (Москва). 1997. № 9 (138). С. 12.

- ¹⁸ Белов А.И. Указ. соч. С. 247.
- ¹⁹ Никольский, Генштаба полковник. Указ. соч. С. 7.
- ²⁰ Там же. С. 5—8.
- ²¹ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия 1797—1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2005. С. 116.
- ²² Фон Менд Э. В училище // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б. юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 15.
- ²³ Кондзеровский П.К., ген.-лейт. В ставке Верховного 1914—1917. Воспоминания Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 101—102.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 157. Л. 137.
- ²⁵ Там же. Л. 138.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. А. 43.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 734. Л. 1.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 52 об.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 46 об. — 47 об.
- ³⁰ Попов А.И. Партизанская война // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 548.
- ³¹ Курепин Ю.Г. Партизаны 1915 года // ВоенКом: Военный комментатор (Екатеринбург). 2002. № 1 (3). С. 26.
- ³² Клембовский В.Н. Партизанские действия (исследование). Изд. 2-е. Пг., 1919. С. 224.
- ³³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 157.
- ³⁴ Там же. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Л. 10—11.
- ³⁶ Подобное самодельное оружие, правда метавшее гранаты не шомполом, а холостым патроном, под названием «трамблон» использовалось русскими добровольцами на Балканах даже в 90-х годах XX в. См.: Горымов М.М. Русские добровольцы в Боснии. 1992—1995 гг. М., 1997. С. 23.
- ³⁷ Мензелинцев Н. Партизаны 1915 года // Военная Быль (Париж). 1967. Июль. № 86. С. 9.
- ³⁸ Там же. С. 11.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 83.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 68. Л. 204.
- ⁴² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 62.
- ⁴³ Там же. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 26.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 159.
- ⁴⁶ Там же. Л. 31.
- ⁴⁷ Там же. Л. 102 об.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 196.
- ⁴⁹ См., напр.: Трут В.П. Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁰ См., напр.: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 143.

- ⁵¹ Мензелинцев Н. Указ. соч. С. 10.
- ⁵² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243—230 (1917 г.).
- А. 73.
- ⁵³ Хорошилова О. Войсковые партизаны Великой войны. СПб., 2002. С. 62—63.
- ⁵⁴ Клембовский В.Н. Указ. соч. С. 229.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 240.
- ⁵⁶ Там же. Л. 325 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 336.
- ⁵⁸ Приказ войскам 1-й армии. 1914. 20.09. № 124.
- ⁵⁹ Воскобойников Г.А. Указ. соч. С. 46.
- ⁶⁰ Семенов В.Г. Оренбуржцы в Брусиловском прорыве // Оренбуржье. 1999; 02.11. № 207 (1979). С. 6.
- ⁶¹ Воскобойников Г.А. Указ. соч. С. 82.
- ⁶² Там же. С. 96.
- ⁶³ Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. 1916. 05.03. № 296.
- ⁶⁴ Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. 1916. 09.05. № 617.
- ⁶⁵ Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. 1916. 07.12. № 1692.
- ⁶⁶ Александр Ильич Дутов: Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска/ Генерал-Лейтенант. Краткая биография, подборки из печати, статьи и проч[ее], относящиеся к деятельности Войскового Атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда Атамана Дутова. Б.м., б.г. [Троицк, 1919]. С. 5.
- ⁶⁷ Там же. С. 21—22.
- ⁶⁸ Полосин М. [П.] 1918 год (из воспоминаний обывателя) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1-й. Прага, 1930. С. 234.
- ⁶⁹ Александр Ильич Дутов... С. 120.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 5251. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 7 об., 28 об.
- ⁷¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.
- ⁷² Абзац подчеркнут сбоку карандашом. — А. Г.
- ⁷³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 121—122.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 182.
- ⁷⁵ Там же. Л. 197.
- ⁷⁶ Там же. Л. 201 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 202.
- ⁷⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.
- ⁷⁹ Там же. Л. 14 об.
- ⁸⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 90 об.
- ⁸¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 183.
- ⁸² Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. 1915—1917 гг. М., 1994. С. 114.
- ⁸³ Половцов П.А. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 20.
- ⁸⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 73—73 об.

- ⁸⁵ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Барагова. 1915—1918 гг. М., 2002. С. 64—65.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 111.
- ⁸⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 240 об.
- ⁸⁸ Воскобойников Г.А. Указ. соч. С. 115.
- ⁸⁹ Абрамовский А. [П.], Кобзов В. [С.], Кузнецов В. [А.] Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002. С. 66.
- ⁹⁰ Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 183.
- ⁹¹ Войнов В.М. Атаман Дутов и трагедия оренбургского казачества // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1990. С. 72; Машин М.Д. Указ. соч. С. 184, 186.
- ⁹² РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 460. Л. 11 об. — 12.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 10.
- ⁹⁴ Семенов В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2003. С. 18.
- ⁹⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 65.
- ⁹⁶ Составлено по данным, предоставленным В.Г. Семеновым. — А. Г.
- ⁹⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 201 об.
- ⁹⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 64.
- ⁹⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 85. Л. 14, 16, 17, 18, 19, 20, 29.
- ¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 42.
- ¹⁰¹ В связи с неполнотой данных возможны только приблизительные подсчеты. Расчет выполнен по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 6, 10, 30, 31, 61, 67, 68, 71—71 об., 73, 80 об., 99, 107, 109, 112, 114, 116, 118, 119, 122, 133, 135, 139, 140, 143, 147, 150—151 об., 152, 155, 158, 160, 164, 166, 172, 174, 176, 178, 186 об., 188, 191 об., 206, 208, 215, 218, 219, 220, 222, 225, 226, 235 об., 237, 238 об., 240, 245, 247, 250, 251, 256, 259; Д. 53. Л. 8, 10 об., 18, 27, 28, 35, 41, 42, 47, 65; Д. 56. Л. 28 об., 49, 51—52, 85, 92, 97, 154—154 об., 194—194 об., 235, 248 об., 263, 265, 272, 273, 282, 284, 299, 301, 317, 320, 323 об., 335. Именной список погибших офицеров составлен В.Г. Семеновым.
- ¹⁰² РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 11. Ч. 1. Л. 36.
- ¹⁰³ Воскобойников Г.А. Указ. соч. С. 67—68.
- ¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 254. Л. 18—18 об.
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 901. Л. 15—15 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 27—27 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 28—30.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 30 об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 31.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 311 об.
- ¹¹¹ Шилин А.Н. Военная жизнь сельского учителя. Дневник (1916—1917 гг.) // Новый часовой (СПб.). 1998. № 6—7. С. 244—245.
- ¹¹² Цит. по: Воскобойников Г.А. Указ. соч. С. 89—90.
- ¹¹³ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- ¹¹⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.
- ¹¹⁵ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

- ¹¹⁶ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 8. Л. 5—6.
- ¹¹⁷ *Сливинский А.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославце. Сербия, 1921. С. 5—6.
- ¹¹⁸ Там же. С. 31.
- ¹¹⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 6 об. — 7.
- ¹²⁰ Там же. Л. 16.
- ¹²¹ *Сливинский А.* Указ. соч. С. 9.
- ¹²² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.
- ¹²³ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об. — 15.
- ¹²⁴ *Сливинский А.* Указ. соч. С. 21.
- ¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.
- ¹²⁶ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 8. Л. 20 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 22.
- ¹²⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 8.
- ¹²⁹ Там же. Л. 9.
- ¹³⁰ Там же. Л. 10.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Гласис — пологая земляная насыпь перед наружным рвом укрепления, служащая для улучшения условий обстрела местности и маскировки. — *Воспный энциклопедический словарь*. М., 2004. С. 434. — А. Г.
- ¹³³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 11 об.
- ¹³⁴ *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 4. С. 219.
- ¹³⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 15.
- ¹³⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.
- ¹³⁷ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 84. Л. 11—12.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 87. Л. 25 об., 55; см. также: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Изд. 6-е. Кн. 1. М., 1988. С. 26.
- ¹³⁹ *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 4. 1915—1917 гг. М., 1994. С. 50.
- ¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 87. Л. 3 об.
- ¹⁴¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 21.
- ¹⁴² РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 87. Л. 6.
- ¹⁴³ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
- ¹⁴⁴ *Александр Ильич Дутов...* С. 5.
- ¹⁴⁵ *Казаков А.* Румыния в Мировой войне // Румынский фронт: Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. / Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 41—42.
- ¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 47 об. — 48.
- ¹⁴⁷ *Васильев Ф.И.* Румынский фронт // Румынский фронт: Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. / Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 81.
- ¹⁴⁸ *Высочайший приказ* от 16.10.1916. — Высочайшие указы о чинах военных. 1916. Октябрь. С. 27. (Библиотека РГВИА. Инв. № 14823).
- ¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 89. Л. 4.
- ¹⁵⁰ *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 4. С. 95.
- ¹⁵¹ *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана // Белое дело: Избранные произведения в 16 томах. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 88.
- ¹⁵² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 263 об.

- ¹⁵³ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.
- ¹⁵⁴ Александр Ильич Дутов... С. 120.
- ¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 88. Л. 14, 17, 19, 21.
- ¹⁵⁶ Васильев Ф.И. Румынский фронт // Румынский фронт: Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. / Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 116—117.
- ¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 28 об.
- ¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 88. Л. 27.
- ¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 89. Л. 5.
- ¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 16. Аналогичные документы сохранились в: ГАОО. Ф. 38. Оп. 2. Д. 103.
- ¹⁶¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 2624. Л. 2.
- ¹⁶² Там же. Л. 1 об.
- ¹⁶³ Александр Ильич Дутов... С. 21.
- ¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 32.
- ¹⁶⁶ Семенов В.Г. Оренбургские казаки в Первой мировой войне // Гостинный двор. Калуга. Альманах. 1995. № 2. С. 188.
- ¹⁶⁷ Байков Г. Из эмигрантских встреч // Военная Быль (Париж). 1962. Ноябрь. № 57. С. 24.
- ¹⁶⁸ 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк в документах и фотографиях. Публикация В.Г. Семенова // Гостинный двор. Калуга, 1997. № 5. С. 213.
- ¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 35 об.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 36 об.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 34—34 об.
- ¹⁷² Там же. Л. 39.
- ¹⁷³ Там же. Л. 43.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 47 об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 49—49 об.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 51.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 55.
- ¹⁷⁸ Мельников Н.М. А.М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман. Мадрид, 1968. С. 65—66.
- ¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 62.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 51—52.
- ¹⁸¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.
- ¹⁸² Фон Валь Э.Г. Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею свиты Его Величества ген.-майора барона Маннергейма. Таллин, 1936. С. 36.
- ¹⁸³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 133.
- ¹⁸⁴ А. 3. 5-й Оренбургский казачий полк в Великую войну: Очерк // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 6.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 5.
- ¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 76.
- ¹⁸⁷ А. 3. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 10298. Л. 1.

- ¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 73.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 74 об. — 75.
- ¹⁹² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.
- ¹⁹³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
- ¹⁹⁴ *Воскобойников Г.А.* Указ. соч. С. 73.
- ¹⁹⁵ *Нефедов*, Донской артиллерии Войск[овой] Стар[шина]. Воспоминания об оренбурцах // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 36.
- ¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 83.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 85—85 об.
- ¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 87.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 88.
- ²⁰⁰ Там же. Л. 98 об.
- ²⁰¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов и дело есаула Ф.А. Богданова // История белой Сибири: Материалы 6-й международной науч. конф. 7—8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 119—123.
- ²⁰² РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
- ²⁰³ Там же. Л. 6 об.
- ²⁰⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.
- ²⁰⁵ РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 2 об.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 8 об.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 12 об.
- ²⁰⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.
- ²¹⁰ Там же. Л. 1 об.
- ²¹¹ Там же. Л. 3.
- ²¹² РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.
- ²¹³ Там же. Л. 4.
- ²¹⁴ РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 129. Л. 4.
- ²¹⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 29 об.
- ²¹⁶ Там же. Л. 30.
- ²¹⁷ РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 130. Л. 2 об.
- ²¹⁸ *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 4. С. 227.
- ²¹⁹ РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—4 об.
- ²²⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 103.
- ²²¹ Там же. Л. 154 об.
- ²²² РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 63. Л. 487.
- ²²³ РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
- ²²⁴ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 63. Л. 487.
- ²²⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 163.
- ²²⁶ Там же. Л. 180.
- ²²⁷ *Курепин Ю.* 11-й Оренбургский казачий полк в 1914—1916 гг. (Краткая боевая хроника) // Военная Быль (Москва). 1998. № 10 (139). С. 7.
- ²²⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 197 об.
- ²²⁹ Там же. Л. 199 об.
- ²³⁰ Там же. Л. 201.

- ²³¹ Там же. А. 212.
- ²³² Там же. А. 212—212 об.
- ²³³ Курстин Ю. Указ. соч. С. 9.
- ²³⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 211 об.
- ²³⁵ Там же. А. 226.
- ²³⁶ РГВИА. Ф. 5213. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.
- ²³⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 238.
- ²³⁸ Там же. А. 243 об.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ Там же. А. 244.
- ²⁴¹ Там же. А. 240.
- ²⁴² РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 63. Л. 388.
- ²⁴³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 251.
- ²⁴⁴ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 63. Л. 389 об.
- ²⁴⁵ Там же. А. 392 об.
- ²⁴⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 261.
- ²⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об. — 22.
- ²⁴⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 263—263 об.
- ²⁴⁹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1914—1915. Минск, 2003. С. 214—215; подробнее о подготовке экспедиции см.: Каширин В.Б. Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175—203.
- ²⁵⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 266 об.
- ²⁵¹ Там же. А. 271 об.
- ²⁵² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.
- ²⁵³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 275.
- ²⁵⁴ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 5, 7, 8 об.
- ²⁵⁵ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 75. Л. 297 об.
- ²⁵⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.
- ²⁵⁷ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 75. Л. 62.
- ²⁵⁸ Ахулинин И.Г. 3-я Донская казачья дивизия в боях под Суходолами и у ст. Травники 1—3 сентября (19—21 августа): Воспоминания участника // Часовой (Париж). 1938. 15.09. № 219. С. 5.
- ²⁵⁹ Ахулинин И.Г. Из боевого опыта // Часовой. 1937. 05.02. № 184. С. 5—6.
- ²⁶⁰ Там же. С. 6—7.
- ²⁶¹ Семенов В.Г. Призвание — защищать землю и народ (судьба войскового старшины Е.В. Ершова) // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альма-них (Москва). 2005. № 8. С. 208.
- ²⁶² Ахулинин И.Г. Из боевого опыта // Часовой. 1937. 05.02. № 184. С. 8; Он же. Конная атака у д. Драганы 8 сентября (26 августа) 1914 года. По личным воспоминаниям // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 12.
- ²⁶³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 309—309 об.
- ²⁶⁴ Ахулинин И.Г. Из боевого опыта // Часовой. 1937. 05.02. № 184. С. 8.
- ²⁶⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 301 об.
- ²⁶⁶ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 75. Л. 62.

- ²⁶⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 302 об.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 311 об.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 303.
- ²⁷⁰ Там же. Л. 307 об.
- ²⁷¹ Там же. Л. 321.
- ²⁷² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 171.
- ²⁷³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
- ²⁷⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 87. Л. 114.
- ²⁷⁵ Подробнее см.: Ганин А.В., Шибанов Н.С. *Лейб-гвардии Сводно-казачий полк // Челябинская область. Энцикл. Т. 3. К-Л. Челябинск, 2004. С. 680—682.*
- ²⁷⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 9.
- ²⁷⁷ Там же. Л. 18.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 25 об.
- ²⁷⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 147, 160.
- ²⁸⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 71 об.
- ²⁸¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 51 об.
- ²⁸² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 76, 79.
- ²⁸³ Там же. Л. 99 об.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 96.
- ²⁸⁵ Там же. Л. 118.
- ²⁸⁶ *Абрамовский А. [П.], Кобзов В. [С.], Кузнецов В. [А.]. Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002. С. 148.*
- ²⁸⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.
- ²⁸⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 123.
- ²⁸⁹ Там же. Л. 140.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 143.
- ²⁹¹ Там же. Л. 151.
- ²⁹² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.
- ²⁹³ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 14. Л. 459.
- ²⁹⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 176.
- ²⁹⁵ Там же. Л. 194.
- ²⁹⁶ Там же. Л. 195.
- ²⁹⁷ Там же. Л. 220.
- ²⁹⁸ Там же. Л. 222 об.
- ²⁹⁹ Там же. Л. 233.
- ³⁰⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.
- ³⁰¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 40 об.
- ³⁰² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 256.
- ³⁰³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 81. Л. 113.
- ³⁰⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 405.
- ³⁰⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 198. Л. 1 об.
- ³⁰⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 426.
- ³⁰⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.
- ³⁰⁸ *Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 179.*
- ³⁰⁹ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 233 об.

- ³¹⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 10 об.
- ³¹¹ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 234.
- ³¹² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 29 об.
- ³¹³ Там же. Л. 33 об.
- ³¹⁴ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
- ³¹⁵ *Евдокимов Р.Н.* Казачьи войска в условиях Первой мировой войны. Кавказский фронт. Автореф. дисс. к. и. н. М., 2005. С. 20.
- ³¹⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 36.
- ³¹⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.
- ³¹⁸ *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте 1914—1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 157, 271; *Шулдяков В.А.* Дело под Ардаганом. Сибирские казаки на службе Отечеству // Военная Быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 13.
- ³¹⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 18.
- ³²⁰ Там же. Л. 39 об.
- ³²¹ *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.): В 4 т. Т. 1. М., 1948. С. 73—75.
- ³²² РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.
- ³²³ *Войсковая артиллерия Оренбургского казачьего войска* // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1937. С. 82.
- ³²⁴ *Краснов П.Н.* Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. М., 1992. С. 19.
- ³²⁵ *Семенов В.Г.* Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2003. С. 18.
- ³²⁶ *Георгиевский архив.* Сб. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 158—163.
- ³²⁷ Как уже отмечалось, разница в терминах носит исключительно эмоциональный, а не рациональный характер. — А. Г.
- ³²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. А. 1.
- ³²⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 1.
- ³³⁰ *История Казахстана: Хрестоматия.* Алматы, 1994. С. 36—37.
- ³³¹ *Казачьи войска Азиатской России в XVIII — начале XX века* (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское): Сб. док. / Сост. Н.Е. Бекмаханова. М., 2000. С. 397.
- ³³² *Hopkirk P.* Like hidden fire. The Plot to Bring Down the British Empire. N.Y. — Tokyo — L. P. 217.
- ³³³ *Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат.* / Сост. А.В. Лесная. М., 1937. С. 19—20; *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док.* М., 1960. С. 50.
- ³³⁴ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док.* М., 1960. С. 28—29.
- ³³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 16.
- ³³⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 10.
- ³³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 734. Л. 12.
- ³³⁸ *Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат.* / Сост. А.В. Лесная. М., 1937. С. 20.
- ³³⁹ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док.* М., 1960. С. 163.

- ³⁴⁰ *Истории* восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1926. № 3 (16). С. 62.
- ³⁴¹ *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 42.
- ³⁴² Там же. С. 128.
- ³⁴³ *Восстание* 1916 года в Средней Азии: Сб. док. Ташкент, 1932. С. 18.
- ³⁴⁴ Рыскулов [Т.] Восстание туземцев в Средней Азии: В 2 ч. Кызыл-Орда, 1927. С. 24.
- ³⁴⁵ *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 71.
- ³⁴⁶ Там же. С. 116.
- ³⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 1—1 об.
- ³⁴⁸ *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 80.
- ³⁴⁹ *Джизакское* восстание 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1933. № 5 (60). С. 88.
- ³⁵⁰ Цит. по: Турсунов Х.Т. Указ. соч. С. 237.
- ³⁵¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 5.
- ³⁵² Там же. Л. 6 об.
- ³⁵³ См., напр.: *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 121.
- ³⁵⁴ *Джизакское* восстание 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1933. № 5 (60). С. 82.
- ³⁵⁵ *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 134.
- ³⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 18—20 об.
- ³⁵⁷ Там же. Л. 21 об. — 22.
- ³⁵⁸ *Восстание* 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1929. № 3 (34). С. 50.
- ³⁵⁹ *Джизакское* восстание 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1933. № 5 (60). С. 65.
- ³⁶⁰ *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 65.
- ³⁶¹ Там же. С. 292.
- ³⁶² Там же. С. 126—127.
- ³⁶³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 90.
- ³⁶⁴ *Губернатор* в роли проповедника Корана // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1936. № 2 (75). С. 188, 190, 191.
- ³⁶⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 193, 195.
- ³⁶⁶ *Восстание* 1916 года в Средней Азии: Сб. док. Ташкент, 1932. С. 72.
- ³⁶⁷ Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926. С. 65.
- ³⁶⁸ *Восстание* 1916 года в Киргизстане: Док. и мат. / Сост. А.В. Лесная. М., 1937. С. 28.
- ³⁶⁹ Там же. С. 47.
- ³⁷⁰ *Восстание* 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 89, 347.
- ³⁷¹ Там же. С. 90; Джунушалиев Д. В эпицентре восстания // *Восстание* 1916 года в Кыргызстане (сб. материалов научной конференции, посвященной 75-летию восстания). Бишкек, 1993. С. 46.
- ³⁷² *Восстание* 1916 года в Средней Азии: Сб. док. Ташкент, 1932. С. 150.

- ³⁷³ *Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат. / Сост. Л.В. Лесная. М., 1937. С. 38.*
- ³⁷⁴ Там же. С. 42.
- ³⁷⁵ *Козубский К.* Под копытом // Станица (Москва). 1998. Декабрь. № 2 (26). С. 24.
- ³⁷⁶ *Nazaroff P.* Hunted Through Central Asia. N.Y., 2002. P. 168.
- ³⁷⁷ *Кистории* восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1926. № 3 (16). С. 73.
- ³⁷⁸ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 251.
- ³⁷⁹ *Чеканинский И.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 года. Кзыл-Орда, 1926. С. 25.
- ³⁸⁰ *Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат. / Сост. Л.В. Лесная. М., 1937. С. 75.*
- ³⁸¹ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 337.*
- ³⁸² РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 244.
- ³⁸³ Там же. Л. 426 об.
- ³⁸⁴ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 346.*
- ³⁸⁵ *Сулейменов Б.С., Васин В.Я.* Восстание 1916 года в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата, 1977. С. 90.
- ³⁸⁶ М.Д. Скобелева. — А. Г.
- ³⁸⁷ Мартсон Федор Владимирович — генерал от инфантерии. Временный главный начальник Туркестанского края. — А. Г.
- ³⁸⁸ Геппенер (Гепнер) Сергей Андреевич — генерал-майор. Помощник, затем и. д. военного губернатора Сырдарьинской области. — А. Г.
- ³⁸⁹ Папенгут Петр Оскарович — действительный статский советник. Помощник военного губернатора Самаркандской области. — А. Г.
- ³⁹⁰ Фольбаум Михаил Александрович — генерал-лейтенант. Военный губернатор Семиреченской области. С 7 сентября 1916 г. сменил фамилию на Соколов-Соколинский (девичья фамилия матери). — А. Г.
- ³⁹¹ Личность не установлена. — А. Г.
- ³⁹² Гилпиус Александр Иванович — генерал-лейтенант. Военный губернатор Ферганской области. — А. Г.
- ³⁹³ *Nazaroff P.* Op. cit. P. 149.
- ³⁹⁴ *Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат. / Сост. Л.В. Лесная. М., 1937. С. 44.*
- ³⁹⁵ *Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1929. № 3 (34). С. 60.*
- ³⁹⁶ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 271.
- ³⁹⁷ *Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат. / Сост. Л.В. Лесная. М., 1937. С. 40.*
- ³⁹⁸ Там же. С. 51.
- ³⁹⁹ *Джунушалиев Д.* Указ. соч. С. 46.
- ⁴⁰⁰ *Чеканинский И.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 года. Кзыл-Орда, 1926. С. 8.
- ⁴⁰¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 33 об.

⁴⁰² РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 314—314 об.

⁴⁰³ *Восстание 1916 г. в Средней Азии* // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1929. № 3 (34). С. 50.

⁴⁰⁴ Рышков В.М. Гражданская война в Семиречье: причины и последствия в зеркале антибольшевистских документов // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Тезисы докладов и сообщений III науч. конф. Астана — Омск — Томск, 2003. С. 127.

⁴⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 343. Л. 2 об.

⁴⁰⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 288.

⁴⁰⁷ Козубский К. Указ. соч. С. 24.

⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 5.

⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 336.

⁴¹⁰ Там же. Л. 393.

⁴¹¹ Там же. Л. 434 об.

⁴¹² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 10—10 об.

⁴¹³ 24 августа 1916 г. 7-й Оренбургский казачий полк выбыл из состава XXXI армейского корпуса в командировку в Семиреченскую область для усмирения киргизов, 22 октября отозван в Закаспийскую область, где, войдя в состав Гюргенского экспедиционного отряда, выступил в поход в Персию для усмирения мятежных иомудов. Декабрь 1916 г. прошел в борьбе с иомудами. Полк участвовал в преследовании скопищ мятежников в горах и ущельях верховьев рек Атрек и Сара-Су в исключительно трудных условиях без хлеба, фуража и воды. Потери полка в походе составили 5 казаков убитыми и 3 ранеными, 47 лошадей пало в результате бескормицы и усиленных переходов. См.: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 91.

⁴¹⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 84 об. — 84а об.

⁴¹⁵ Там же. Л. 146 об.

⁴¹⁶ Там же. Л. 15 об.

⁴¹⁷ Речь идет о событиях Хивинского похода 1873 г. Отряд генерала Головачева являлся одним из нескольких отрядов, участвовавших в покорении Хивы. Головачев выступил на Хиву из Джизака. После покорения Хивы был предпринят поход против иомудов. — А. Г.

⁴¹⁸ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 15 об. — 16.

⁴¹⁹ Там же. Л. 70—70 об.

⁴²⁰ Там же. Л. 296.

⁴²¹ Там же. Л. 361 об.

⁴²² Там же. Л. 347.

⁴²³ Там же. Л. 378 об.

⁴²⁴ Чеканинский И. Указ. соч. С. 68.

⁴²⁵ Оренбургский казачий вестник. 1917. 17.11. № 81. С. 2.

⁴²⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 2. Л. 866.

⁴²⁷ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*: Сб. док. М., 1960. С. 97.

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 87. Л. 73.

⁴²⁹ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*: Сб. док. М., 1960. С. 516.

⁴³⁰ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 377.

⁴³¹ Там же. Л. 356 об.

⁴³² Там же. Л. 211.

⁴³³ *Турсунов Х.Т.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 365.

⁴³⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 377 об.

⁴³⁵ Там же. Л. 445—445 об.

⁴³⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 83—83 об.

⁴³⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 16.

⁴³⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 3 об.

⁴³⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 7.

⁴⁴⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 4.

⁴⁴¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 15.

⁴⁴² Там же. Л. 31.

⁴⁴³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 5 об.

⁴⁴⁴ Здесь и далее резолюции Сандецкого на полях: «[нрзб] подписать полагаю замечанием и приказать обратить серьезное внимание на стрелковое дело, — ежедневно стрелять уменьшенным зарядом».

⁴⁴⁵ «Напрасно — бьет не тот кто сильнее, а кто храбрее. Два-три хороших залпа не только рассеяли бы этот сброд, но и нанесли бы серьезные потери».

⁴⁴⁶ «Плохой был огонь».

⁴⁴⁷ «Их то и было мало, потому и наседали».

⁴⁴⁸ «Выяснилось всего 10 убитых за 3 часа боя, что указывает на крайне плохую стрелковую подготовку».

⁴⁴⁹ «Не должен был подпускать, а убить».

⁴⁵⁰ «Выше сказано много убитых, а теперь только 10!!».

⁴⁵¹ «Это одно предположение».

⁴⁵² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 97—98.

⁴⁵³ Там же. Л. 99—100.

⁴⁵⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 195. Л. 42.

⁴⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. Л. 3 об.

⁴⁵⁶ Лаврентьев Антон Дмитриевич (04.08.1861 — ?) — генерал-майор (06.12.1905). Окончил Ярославскую военную прогимназию, Рижское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Полковник с 05.12.1899. Командир 1-й бригады 13-й пехотной дивизии. Участвовал в Русско-японской войне. Награды: Золотое оружие и чин генерал-майора (1905). См.: *Список генералам по старшинству*. Составлен по 15-е Апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 437.

⁴⁵⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 52.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 42.

⁴⁵⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 110.

⁴⁶⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 195. Л. 28—29 об.

⁴⁶¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 62.

⁴⁶² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 22 об.

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 199. Л. 3 об.

⁴⁶⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 211.

⁴⁶⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 128.

⁴⁶⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 55.

- ⁴⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. Л. 6—6 об.
- ⁴⁶⁸ Там же. Л. 7.
- ⁴⁶⁹ Там же. Л. 7—7 об.
- ⁴⁷⁰ Там же. Л. 11—12 об.
- ⁴⁷¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. А. 56.
- ⁴⁷² РГИЛ. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 429.
- ⁴⁷³ *Амангельды Иманов*. Статьи, документы, материалы / Под ред. С.Б. Бейсембаева. Алма-Ата, 1973. С. 66.
- ⁴⁷⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 462.
- ⁴⁷⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 14 об.
- ⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 331.
- ⁴⁷⁷ *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*: Сб. док. М., 1960. С. 98.
- ⁴⁷⁸ *Из дневника* А.Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал (М.—А.). 1927. № 1 (20). С. 64.
- ⁴⁷⁹ Цит. по: *Восстание 1916 года в Средней Азии*: Сб. док. Ташкент, 1932. С. 107.
- ⁴⁸⁰ *Восстание 1916 года в Средней Азии*: Сб. док. Ташкент, 1932. С. 30.
- ⁴⁸¹ *Восстание 1916 г. в Средней Азии* // Красный архив. Исторический журнал (М.—А.). 1929. № 3 (34). С. 57.
- ⁴⁸² См., напр.: Алов А.Н., Белогруд В.В., Зайцев А.Н. «Батяня», «Бизон», «Маруся» и другие // ВоенКом: Военный комментатор (Екатеринбург). 2005. № 1 (6). С. 116—131.
- ⁴⁸³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 81. Л. 113.
- ⁴⁸⁴ *Турсунов Х.Т.* Указ. соч. С. 81.
- ⁴⁸⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 5.
- ⁴⁸⁶ Там же. Л. 67.
- ⁴⁸⁷ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 43 об.
- ⁴⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 2. Л. 43 об.
- ⁴⁸⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 42 об.
- ⁴⁹⁰ Там же. Л. 45.
- ⁴⁹¹ Там же. Л. 37 об.
- ⁴⁹² Там же. Л. 40 об. — 41.
- ⁴⁹³ Там же. Л. 41.
- ⁴⁹⁴ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 11. Ч. 1. Л. 70.
- ⁴⁹⁵ *Щербинин П.П.* Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914—1918 годов // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия 1. История. 2003. № 2. С. 66.
- ⁴⁹⁶ *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 335.
- ⁴⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 2. Л. 3.
- ⁴⁹⁸ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 11. Ч. 1. Л. 70.
- ⁴⁹⁹ *Воскобойников Г.А.* Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁰⁰ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 47 об.
- ⁵⁰¹ Там же. Л. 48.
- ⁵⁰² Там же.
- ⁵⁰³ Там же. Л. 55 об.

- ⁵⁰⁴ Воскобойников Г.А. Указ. соч. С. 85.
- ⁵⁰⁵ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 4. Л. 1 об.
- ⁵⁰⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 47 об.
- ⁵⁰⁷ Трут В.П. Казачество России в период революций 1917 года и на начальном этапе Гражданской войны. Автореф. дисс. д. и. н. Ростов н/Д, 2005. С. 24.
- ⁵⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 49.
- ⁵⁰⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 459. Л. 64 об.
- ⁵¹⁰ Семенов В.Г., Ягудин И.Р. Военнопленные на территории Казанского военного округа и Оренбургской губернии на начальном этапе Первой мировой войны (по приказам по Казанскому военному округу за 1914—1915 гг.) // Евразийское Ожерелье. Альманах. Вып. 6. Оренбург, 2005. С. 107.
- ⁵¹¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 99. Л. 156 об.
- ⁵¹² Двингер Э.Э. Армия за колючей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915—1918 гг. М., 2004. С. 111.
- ⁵¹³ Там же. С. 130—135.
- ⁵¹⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 99. Л. 933.
- ⁵¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 102.
- ⁵¹⁶ Там же. Л. 102 об., 105.
- ⁵¹⁷ Семенов В.Г., Ягудин И.Р. Указ. соч. С. 108.
- ⁵¹⁸ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 2. Л. 53 об. — 54.
- ⁵¹⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 9. Л. 4—5, 17.
- ⁵²⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 99. Л. 964.
- ⁵²¹ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 4. Л. 3.
- ⁵²² ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 20 об.
- ⁵²³ Булатова А.В. Продовольственная политика царского и Временного правительств и ее реализация на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2002. С. 18.
- ⁵²⁴ Там же. С. 20.
- ⁵²⁵ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 25.
- ⁵²⁶ В состав бригады также входили 103, 132, 152, 169, 170 и 244-й пехотные запасные полки, дислоцированные в других городах Южного Урала и Поволжья. — А. Г.
- ⁵²⁷ Еленевский А. [П.] Перечисление войсковых частей Поволжья и Сибири в 1918—1919 годах // Военная Быль (Париж). 1968. Январь. № 89. С. 38.
- ⁵²⁸ Вместо ранее выбывшей 565-й дружины.
- ⁵²⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 30. Л. 157.
- ⁵³⁰ РГВИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1. Л. 13—19.
- ⁵³¹ Семенов В.Г. Беженцы в Оренбургской губернии во время Первой мировой войны 1914—1917 гг. // Этнопанорама. 2001. № 2. С. 69.
- ⁵³² Машикова Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914—1917 гг.). Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2004. С. 21.
- ⁵³³ См., напр.: Волков Е.В. «Коннице отведено едва ли не последнее место». Почему командованию не удалось эффективно использовать казачьи конные соединения // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2001. № 5. С. 32.

⁵¹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3082. Л. 1; ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3. Л. 1 об., 113.

⁵¹⁵ Там же. Л. 11.

⁵¹⁶ Там же. Л. 23.

⁵¹⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 215.

⁵¹⁸ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 1 об.

⁵¹⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 200 об.

⁵²⁰ Там же. Л. 20.

⁵²¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 273 об. — 275; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437, Л. 2.

⁵²² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 2.

⁵²³ Там же. Л. 29.

⁵²⁴ Там же. Л. 34.

⁵²⁵ Там же. Л. 73 об.

⁵²⁶ Там же. Л. 202, 216.

⁵²⁷ Там же. Л. 46 об.

⁵²⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 127, 129.

⁵²⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 48.

⁵³⁰ Там же. Л. 238 об.

⁵³¹ Там же. Л. 239 об.

⁵³² Там же. Л. 65.

⁵³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 133.

⁵³⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 73.

⁵³⁵ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3, Л. 25.

⁵³⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 9.

⁵³⁷ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 46.

⁵³⁸ Там же. Л. 2 об.; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 28.

⁵³⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 2.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 29.

⁵⁴¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 27, 32.

⁵⁴² Там же. Л. 38.

⁵⁴³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 232—232 об.

⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 132.

⁵⁴⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 288.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 283.

⁵⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 20.

⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 129.

⁵⁴⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 277 об.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 237.

⁵⁵¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 138 об.

⁵⁵² Там же. Л. 139.

⁵⁵³ Там же. Л. 131.

⁵⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3, Л. 93.

⁵⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3. Л. 104 – 104 об.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 131–131 об.

⁵⁸⁰ *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 12.

⁵⁸¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 271.

⁵⁸² РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 137.

⁵⁸³ *Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г.*: Сб. док. М.–Л., 1965. С. 331.

⁵⁸⁴ Там же. С. 332–333.

⁵⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 54.

⁵⁸⁶ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 34 об.

⁵⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 39 об.

⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 8. Л. 51 об. – 52.

⁵⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 34 об.

⁵⁹¹ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 14. Л. 28–28 об.

⁵⁹² *Шмелев А.В.* Казачество в 1917 году // Наши вести. 1998. № 452/2753. С. 7.

Глава 6

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В 1917 Г.

Служа верой и правдой новому строю, кровью запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контрреволюции, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством...

*Из речи А.М. Каледина на московском
Государственном совещании¹*

Февральская революция и оренбургское казачество

Казачество, считавшееся верной опорой трона, приняло Февральскую революцию без сколько-нибудь серьезного протеста. Издавна привыкшие подчиняться приказам сверху казачьи войска на этот раз решительного приказа не получили. И хотя С.П. Мельгунов совершенно справедливо писал о том, что «фронтная масса и значительная часть провинции о событиях были осведомлены лишь после их завершения»², — нет сомнений, что при наличии энергичных командиров любая задача по наведению порядка казачьими частями была бы успешно решена. Но революционные события были тесно связаны с антимонархическим заговором высшего генералитета, поэтому ни решающего приказа, ни энергичного начальника не нашлось.

Казачи частей, дислоцированных в Петрограде, заняли позицию пассивных наблюдателей происходящего. История сохранила два наиболее ярких образа участия казаков в февральских событиях. Это убийство подхорунжим 6-й сотни 1-го Донского казачьего полка полным георгиевским кавалером М.Г. Филатовым полицейского ротмистра Крылова, задержавшего группу демонстрантов с красным флагом на Знаменской площади 25 февраля, и букет цветов, поднесенный маленькой девочкой казачьему офицеру, прицепившему затем один из цветков к своему мундиру³.

Революционные события не вызвали какого-либо протеста и на фронте, контролировавшемся генералами-заговорщиками. Как удалось установить, присягу Временному правительству отказались принести только три крупных военачальника: генералы Ф.А. Келлер, П.А. Лечицкий и П.И. Мищенко⁴. Однако их протест не носил активного характера. Из всех троих с оренбургскими казаками тесно связан был лишь граф Келлер.

По некоторым данным, именно он планировал идти со своим корпусом спасать императора и его семью. С этими событиями тесно связан карьерный взлет будущего оренбургского атамана, командира 1-го Оренбургского казачьего Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича полка войскового старшины А.И. Дутова, вскоре командированного от полка в Петроград, на общеказачий съезд. По свидетельству оренбургского казачьего офицера генерал-майора И.М. Зайцева: «Поначау казалось странным, почему от полка командирован командир, в то время как представителями дивизий были, в большинстве случаев, обер-офицеры. Впоследствии выяснилось, что полк был недоволен своим командиром и с целью избавиться от него под благовидным предлогом его делегировал в Петроград. Дело в следующем: в первые дни революции лихой граф Келлер — командир III-го конного корпуса, находившегося в то время в Бессарабии, экстренно пригласил командиров полков и спросил их: «могут ли они со своими полками двинуться в поход на Царское Село, освободить Царскую Семью». А.И. Дутов как командир шефского полка от имени полка заявил, что его полк охотно пойдет освободить своего Шефа. Вот это-то будто бы и возбудило недовольство всего полка. Такие разговоры были тогда. Впоследствии, в результате всех событий выяснилось, что главным агитатором против Дутова, осуждавшим его заявление от имени полка о готовности казаков идти спасать Царскую Семью, был старый офицер полка Лосев, оставшийся впоследствии у большевиков»⁵. Свидетельство Зайцева находит подтверждение в «Записках» знаменитого партизана А.Г. Шкуро, впоследствии генерала, а на момент рассматриваемых событий — войскового старшины и командира партизанского отряда в составе III конного корпуса, который отметил, что Келлер после отречения Николая II действительно собрал представителей всех подчиненных ему частей и объявил о своем решении идти защищать императора⁶. Не исключено, что речь идет об одном и том же событии. Даже если это и не так, ничто не мешало Келлеру зондировать почву в своем корпусе по вопросу о походе для спасения императора. Кроме того, приведенные выше документы свидетельствуют о том, что Келлер лично знал Дутова и, по всей видимости, даже покровительствовал ему. Так что свидетельство Зайцева вполне может заслуживать доверия. В то же время официальная биография оренбургского атамана сообщает, что Дутов был делегирован в Петроград, поскольку являлся «командиром полка, любимым и

⁵¹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3082. Л. 1; ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3. Л. 1 об., 113.

⁵³⁵ Там же. Л. 11.

⁵³⁶ Там же. Л. 23.

⁵³⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 215.

⁵³⁸ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 1 об.

⁵³⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 200 об.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 20.

⁵⁴¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 273 об. — 275; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437.

Л. 2.

⁵⁴² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 2.

⁵⁴³ Там же. Л. 29.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 34.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 73 об.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 202, 216.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 46 об.

⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 127, 129.

⁵⁴⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 48.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 238 об.

⁵⁵¹ Там же. Л. 239 об.

⁵⁵² Там же. Л. 65.

⁵⁵³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 133.

⁵⁵⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 73.

⁵⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3.

Л. 25.

⁵⁵⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 9.

⁵⁵⁷ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 46.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 2 об.; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 28.

⁵⁵⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 2.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 29.

⁵⁶¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 27, 32.

⁵⁶² Там же. Л. 38.

⁵⁶³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 232—232 об.

⁵⁶⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 132.

⁵⁶⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 288.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 283.

⁵⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 20.

⁵⁶⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 129.

⁵⁶⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 277 об.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 237.

⁵⁷¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 138 об.

⁵⁷² Там же. Л. 139.

⁵⁷³ Там же. Л. 131.

⁵⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3.

Л. 93.

⁵⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 4 делопроизводство. 1916. Д. 47. Ч. 3. Л. 104—104 об.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 131—131 об.

⁵⁷⁶ *Кириянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 12.

⁵⁷⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 271.

⁵⁷⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 122. Л. 137.

⁵⁷⁹ *Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 г.*: Сб. док. М.—Л., 1965. С. 331.

⁵⁸⁰ Там же. С. 332—333.

⁵⁸¹ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 54.

⁵⁸² РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

⁵⁸³ Там же. Л. 34 об.

⁵⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 39 об.

⁵⁸⁵ РГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 8. Л. 51 об. — 52.

⁵⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 34 об.

⁵⁸⁷ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 14. Л. 28—28 об.

⁵⁸⁸ *Шмелев А.В.* Казачество в 1917 году // Наши вести. 1998. № 452/2753. С. 7.

Глава 6

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В 1917 Г.

Служа верой и правдой новому строю, кровью запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контрреволюции, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством...

*Из речи А.М. Каледина на московском
Государственном совещании¹*

Февральская революция и оренбургское казачество

Казачество, считавшееся верной опорой трона, приняло Февральскую революцию без сколько-нибудь серьезного протеста. Издавна привыкшие подчиняться приказам сверху казачьи войска на этот раз решительного приказа не получили. И хотя С.П. Мельгунов совершенно справедливо писал о том, что «фронтовая масса и значительная часть провинции о событиях были осведомлены лишь после их завершения»², — нет сомнений, что при наличии энергичных командиров любая задача по наведению порядка казачьими частями была бы успешно решена. Но революционные события были тесно связаны с антимонархическим заговором высшего генералитета, поэтому ни решающего приказа, ни энергичного начальника не нашлось.

Казаки частей, дислоцированных в Петрограде, заняли позицию пассивных наблюдателей происходящего. История сохранила два наиболее ярких образа участия казаков в февральских событиях. Это убийство подхорунжим 6-й сотни 1-го Донского казачьего полка полным георгиевским кавалером М.Г. Филатовым полицейского ротмистра Крылова, задержавшего группу демонстрантов с красным флагом на Знаменской площади 25 февраля, и букет цветов, поднесенный маленькой девочкой казачьему офицеру, прицепившему затем один из цветков к своему мундиру³.

Революционные события не вызвали какого-либо протеста и на фронте, контролировавшемся генералами-заговорщиками. Как удалось установить, присягу Временному правительству отказались принести только три крупных военачальника: генералы Ф.А. Келлер, П.А. Лечицкий и П.И. Мищенко⁴. Однако их протест не носил активного характера. Из всех троих с оренбургскими казаками тесно связан был лишь граф Келлер.

По некоторым данным, именно он планировал идти со своим корпусом спасать императора и его семью. С этими событиями тесно связан карьерный взлет будущего оренбургского атамана, командира 1-го Оренбургского казачьего Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича полка войскового старшины А.И. Дутова, вскоре командированного от полка в Петроград, на общеказачий съезд. По свидетельству оренбургского казачьего офицера генерал-майора И.М. Зайцева: «Поначалу казалось странным, почему от полка командирован командир, в то время как представителями дивизий были, в большинстве случаев, обер-офицеры. Впоследствии выяснилось, что полк был недоволен своим командиром и с целью избавиться от него под благовидным предлогом его делегировал в Петроград. Дело в следующем: в первые дни революции лихой граф Келлер — командир III-го конного корпуса, находившегося в то время в Бессарабии, экстренно пригласил командиров полков и спросил их: «могут ли они со своими полками двинуться в поход на Царское Село, освободить Царскую Семью». А.И. Дутов как командир шефского полка от имени полка заявил, что его полк охотно пойдет освободить своего Шефа. Вот это-то будто бы и возбудило недовольство всего полка. Такие разговоры были тогда. Впоследствии, в результате всех событий выяснилось, что главным агитатором против Дутова, осуждавшим его заявление от имени полка о готовности казаков идти спасать Царскую Семью, был старый офицер полка Лосев, оставшийся впоследствии у большевиков»⁵. Свидетельство Зайцева находит подтверждение в «Записках» знаменитого партизана А.Г. Шкуро, впоследствии генерала, а на момент рассматриваемых событий — войскового старшины и командира партизанского отряда в составе III конного корпуса, который отметил, что Келлер после отречения Николая II действительно собрал представителей всех подчиненных ему частей и объявил о своем решении идти защищать императора⁶. Не исключено, что речь идет об одном и том же событии. Даже если это и не так, ничто не мешало Келлеру зондировать почву в своем корпусе по вопросу о походе для спасения императора. Кроме того, приведенные выше документы свидетельствуют о том, что Келлер лично знал Дутова и, по всей видимости, даже покровительствовал ему. Так что свидетельство Зайцева вполне может заслуживать доверия. В то же время официальная биография оренбургского атамана сообщает, что Дутов был делегирован в Петроград, поскольку являлся «командиром полка, любимым и

офицерами и казаками»⁷. Впрочем, свидетельство Зайцева является, наверное, единственным документом о том, что оренбургские казаки были готовы по приказу сверху защитить старый режим.

Революционные потрясения 1917 г. привели к кардинальным переменам во всех отношениях. Формирования Оренбургского казачьего войска и в 1917 г. продолжали исполнять свой долг на фронтах Первой мировой войны. Однако после февральских событий офицеры уже не знали, как подойти к казакам. Совершенно не разбравшиеся в политике, они оказались бессильны перед «профессиональными революционерами» и агитаторами всех мастей, способными увлечь за собой темную массу. Вся прежняя система ценностей была в одночасье утрачена, а новая еще только создавалась, причем скорее вызвала отторжение в офицерской среде. Ухудшилось и материальное положение офицеров. Весной 1917 г. был ликвидирован институт денщиков, а компенсаций или помощи от государства взамен этого выделено не было, тогда как найм прислуги стоил 25—30 рублей в месяц⁸.

И все же положение казачьего офицерства в сравнении с неказачьим накануне этих переломных и трагических событий было более прочным. Казачьи офицеры, исключая элиту войска из потомственных офицерских династий, в основном тесно смыкались с рядовым казачеством — либо сами происходили из казаков, либо имели родственников — не офицеров, часто служивших с ними в одних частях. Кроме того, в казачьих частях в более яркой форме существовал и культивировался корпоративный дух, которого практически не было в армии. По этой причине казачьи офицеры смогли избежать самосудов, имевших место в неказачьих частях, не говоря уже о флоте. В то же время выборное начало и революционные веяния коснулись и казаков. Таким образом, часть своих полномочий казачьи офицеры были вынуждены уступить нижним чинам в лице комитетов.

Уральский казачий офицер Генштаба полковник С.А. Щепихин писал: «Нужно было особое озверение, какие-то исключительные обстоятельства, чтобы простые казаки смело перешагнули через станичную грань, разорвали бы семейный уклад и посягнули на своих офицеров»⁹. Известно, что в 5-м Оренбургском казачьем полку казаки выразили недоверие офицерскому составу и изгнали девять полковых офицеров¹⁰. Впрочем, это был скорее исключительный случай. Как правило, своих офицеров казаки в 1917 г. не выдавали и не выгоняли. Другое дело — офицеры не своего войска, чужаки. Показательно, что в 1917 г. казаки Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка выразили недоверие всему офицерскому составу (23 офицера, а кроме того, врачу, двум чиновникам и священнику), набранному, как известно, из всех казачьих войск. Казаки оренбургской сотни, в частности, заявили о нежелании иметь произведенных офицеров из своей среды¹¹. Вместе с тем оренбуржцы в 1917 г., наряду с казаками других войск, как и прежде, принима-

ли участие в наведении порядка и успокоении разлагавшейся солдатской массы, разоружении деморализованных частей.

Определенный кредит доверия офицерам в казачьей среде оставался всегда. Чем иначе объяснить тот факт, что именно офицеры командировались в качестве делегатов от частей и соединений на различные съезды. На фронтовой казачий съезд в июле 1917 г. были командированы почти исключительно казачьи офицеры. Члены Совета Союза казачьих войск являлись в основном офицерами. Именно офицеры заседали в полковых и дивизионных комитетах казачьих частей и соединений¹².

Февральские события должны были неизбежно повлиять не только на казаков в Петрограде и на фронте, но и в самой войске. К сожалению, этот вопрос до сих пор не получил должного освещения. Одним из основных источников, освещающих процесс смены власти в Оренбуржье, являются записки последнего оренбургского Наказного атамана Генштаба генерал-лейтенанта М.С. Тюлина, до сих пор совершенно не востребованные историками.

Как отмечал сам атаман, «у нас на далекой окраине не чувствовалась близость катастрофы»¹³. Долгое время даже губернатор (и одновременно Наказный атаман) не был в курсе новостей из Петрограда, не говоря уже о простых обывателях. При этом заметны были определенные признаки надвигающихся перемен. Население было озлоблено против власти. Вагон атамана однажды забросали камнями, а самому Тюлину угрожали кулаками, хотя эти проявления могли быть оценены как простое хулиганство.

28 февраля в 23 часа во время встречи с начальником Ташкентской железной дороги Тюлин был ознакомлен с содержанием телеграммы из Петрограда, призывавшей к спокойствию. Стало ясно, что в столице что-то случилось, возможно даже, переворот. Местная власть заняла абсолютно пассивную позицию, полностью полагаясь на распоряжения из столицы. В то же время реальная политика делалась в Ставке и на улицах Петрограда, а от протеста Оренбурга мало что могло зависеть. На следующий день из самарских газет атаман получил первые сведения о революционных событиях. Наконец, 1 марта было получено обращение Временного комитета Государственной думы к населению империи.

Вслед за этим немедленно начались перемены на местах. В Оренбурге образовался Временный гражданский комитет из представителей городской думы, общественных организаций и рабочих во главе с городским головой и Совет рабочих депутатов, в котором выделялся рабочий главных железнодорожных мастерских Мастаев. Показательно, что в установлении новой власти приняли активное участие и наиболее конформистски настроенные представители войсковой администрации, вскоре получившие с учетом их роли в этих событиях еще более высокие посты. Атаман Тю-

лин писал: «Сразу начался разгул по улицам, митинги и аресты. Солдаты арестовали генер[ала] Погорецкого¹⁴, который был ими нелюбим, и посадили его на гауптвахту, я с минуты на минуту ждал того же. Часа в 2 пришел ко мне Комитет в полном составе. Грустно было видеть в составе его атамана 1 отд[ела] ген[ерала] Мальцева, Нарбута...»¹⁵ Последний был одет в косоворотку, видимо, с целью продемонстрировать свою мнимую близость к народу. В отношении Мальцева Тюлин не без ехидства написал: «До революции совершенная овечка, а тут сразу оказался революционер»¹⁶.

Делегаты попросили Тюлина им подчиниться, а рабочий Мастаев просил подчинить ему полицию. Тюлин, по его собственному свидетельству, ответил, что положение еще не ясно и, возможно, революция будет ликвидирована. Атаман заявил, что был назначен императором, не нарушит своей клятвы, и попросил пришедших подождать с переменами до завтра.

Начался непродолжительный период двоевластия. Однако такое состояние развращало людей. Чиновники стали работать небрежно. Жандармский полковник, заведовавший цензурой, задерживал сообщения нового правительства¹⁷. Наконец, в ночь на 3 марта в Оренбург пришли телеграммы об отречении Николая II и об отречении Михаила Александровича. Тюлин информировал об этом население.

В конформизме замарался не один только Мальцев, но и многие другие казаки офицеры, составившие послефевральскую элиту войска. В частности, герой Первой мировой войны, временно исполнявший обязанности начальника Оренбургского гарнизона полковник В.Н. Половников в своем первом приказе от 4 июля 1917 г. написал о темных силах, «мечтающих через анархию вернуть нас к монархии и старому строю»¹⁸.

Уже 4 марта пришла телеграмма из МВД с требованием «временно сдать должность» губернатора председателю земской управы Холодовскому. «Для меня ясно стало, что это не временно, а окончательно», — отметил Тюлин¹⁹. Очень быстро заменили не только Тюлина, но и всех служащих, бывший атаман и губернатор никакой охраны не получил. В Оренбурге повсеместно шли митинги. На некоторых из них казаки, следовавшие в хвосте колонн с красными флагами, по привычке распевали:

Оренбуржцы — казаки
Верно Царю служат,
По границам разъезжают,
Ни о чем не тужат²⁰.

По-прежнему популярной оставалась песня:

То не соколы крылаты
Чуют солнечный восход,
Белого Царя казаки
Собираются в поход.

Таким образом, казачество не вполне осознавало суть происходящих политических перемен.

Тюлин писал, что на волне арестов видных деятелей и сам ждал ареста, а в преддверии обыска собирал вещи и сжигал документы, в том числе имевшиеся у него портреты Великих князей Константина Константиновича и Сергея Александровича, а также Великой княгини Елизаветы Федоровны с их дарственными надписями. Будущее было неизвестно. Из губернского правления между тем выбрасывали царские и губернаторские портреты. Полицеймейстер по старой привычке докладывал Тюлину о происходящем, но бывший губернатор перенаправил его к рабочему Мастаеву.

Вместе с тем должность губернатора Тюлин сдал, но оставался по-прежнему оренбургским Наказным атаманом. При этом Н.П. Мальцев, как писал Тюлин, возглавил войско, не дожидаясь увольнения своего предшественника. В Оренбурге был огромный гарнизон, в котором в обстановке безвластия началось разложение. Как отмечал Тюлин, «толпы разнузданных солдат шатались и наносили оскорбления встреченным офицерам»²¹. В защиту Тюлина вступились казаки, которые, узнав, что он лишен охраны, постановили прислать караул в составе 12 казаков при офицере. «Это была для меня одна из отрадных, незабываемых минут, ибо свидетельствовало (так в тексте. — А. Г.) о том, что у них ко мне остались добрые отношения»²².

В один из дней Тюлина и начальника штаба войска Генштаба генерал-майора С.П. Товарищева попросили прийти в Войсковой штаб на митинг. Не ехать было нельзя, а ехать было крайне неприятно. По приезде Тюлин увидел массу казаков под председательством офицера, некогда изгнанного из полка, а самим Тюлиным даже посаженного в тюрьму на четыре месяца за спаивание казаков и попытку агитировать их в пользу силового изъятия офицерских и священнических земель. Выступало много ораторов — писарей, чиновников, простых казаков. Почти все ругали старый порядок в войске, однако работу Тюлина, как ни странно, оценили высоко. Он почувствовал благосклонность аудитории и успешно ответил на все заданные вопросы.

Подобные митинги проходили каждый день. Казалось, других дел у населения просто не было. В городе был даже проведен парад, который впервые принимал гражданский комитет. Непонятная ситуация с атаманством Тюлина продолжалась. В конце концов устав ждать распоряжения о сдаче должности, он сам отправил телеграмму по этому вопросу военному министру А.И. Гучкову, получив в ответ: «Желательно сдать должность»²³.

В станицах февральские события были даже еще большей неожиданностью, чем в Оренбурге. Однако тут постепенно активизировалась та категория лиц, вредное влияние которой было ранее отмечено в отношении революционизации казачества в период первой русской революции, — станичная интеллигенция, к которой стали примыкать другие недовольные

прежними порядками элементы²⁴. Как вспоминал отставной подесаул Г.В. Енборисов (в будущем видный деятель антибольшевистского движения оренбургского казачества), «уличная толпа, босяки, немногочисленные рабочие и т. д. приветствовали эту катастрофу, но благомыслящая часть населения растерялась и держала себя выжидательно и, во всяком случае, этому не только не сочувствовала, а даже горько жалела, что до этого допустили»²⁵. Жители родного поселка Енборисова — Арсинского станицы Верхнеуральской отказывались верить в произошедшее и просили Енборисова помочь разобраться. В отделах закипела общественная и политическая деятельность. 15—16 марта 1917 г. во 2-м отделе прошли заседания представителей станиц, в ходе которых было выработано положение о созыве съезда, намеченного на 5 апреля. На съезд прибыло до 75 делегатов от всего отдела. Уже в это время из общей массы делегатов выделился молодой офицер Н.Д. Каширин, ходивший без погон²⁶. Во главе съезда оказались худшие элементы казачества, которые и направляли работу этого органа. На заседаниях говорили речи против офицеров, даже предлагалось их уничтожить, однако до этого дело не дошло. Тогда же были избраны делегаты на первый Войсковой круг, который должен был открыться в Оренбурге в середине апреля.

Исполняющим обязанности Наказного атамана Оренбургского казачьего войска вместо Генерального штаба генерал-лейтенанта М.С. Тюлина был назначен генерал-майор Н.П. Мальцев, осуществлена была смена всех прежних атаманов военных отделов.

Новый атаман вступил в должность 1 апреля 1917 г. по возвращении из Петрограда. В этот период Мальцеву было 54 года, он происходил из семьи есаула станицы Верхнеуральской 2-го отдела. Окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию (1881 г.) и 2-е Константиновское военное училище по 1-му разряду (1883 г.). Служба Мальцева проходила в основном в штабе Казанского военного округа и по совместительству на преподавательской работе в Казанском пехотном юнкерском училище. Наконец, с 1910 по 1917 г. Мальцев являлся атаманом 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. В 1912 г. Мальцев получил чин генерал-майора. Общим собранием офицеров Оренбургского гарнизона 5 марта 1917 г. Мальцев был избран временным начальником гарнизона Оренбурга, 14 марта назначение было утверждено военным министром. С 20 марта Мальцев был временным заместителем Наказного атамана в связи с освобождением военным министром прежнего Наказного атамана от должности. 27 апреля на первом Войсковом круге Мальцев, набрав 64 голоса из 170 возможных, но обогнав при этом пятерых соперников (войскового старшину В.А. Сычева, врача Воскресенского, полковника А.И. Мякутина, полковника В.Н. Половникова, землемера Т.И. Седельникова), был избран Войсковым атаманом и председателем Войсковой управы²⁷.

17 апреля (на два дня позже намеченного в связи с крупным пожаром в станице Оренбургской) открылся 1-й Войсковой круг Оренбургского казачьего войска, приветствовавший Временное правительство и Петросовет. Председателем был избран войсковой старшина А.С. Шеметов — в будущем видный деятель антибольшевистского движения. Товарищем председателя стал подъесаул Н.Д. Каширин — в будущем руководитель оренбургских казаков, ушедших к красным. Атамана Тюлина в Оренбурге уже не было, а вместо него пока еще в статусе временного заместителя присутствовал генерал Мальцев. На Круге казаки впервые смогли рассмотреть итоги развития войска на основе рассекреченных хозяйственных документов, причем козлами отпущения за все недочеты стали прежние Наказные атаманы, в адрес которых было высказано много нелестных слов.

На Круге в сжатые сроки был принят проект Положения о самоуправлении Оренбургского казачьего войска, в соответствии с которым высшим распорядительным органом войска был провозглашен Войсковой круг. Один депутат Круга избирался от 5 тысяч человек по «четыреххвостке» — всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Депутатами могли быть лица обоего пола старше 21 года. Избрана была Войсковая управа — орган исполнительной власти в войске во главе с председателем и Войсковым атаманом Н.П. Мальцевым, в составе Г.Ф. Шангина, В.Н. Половникова, М.П. Репникова, С.А. Выдрина, М.П. Копытина и Т.И. Седельникова. Круг также избрал 39 делегатов на общеказачий съезд в Петрограде.

Круг ходатайствовал о направлении на фронт 4-го и 6-го полков, до сих пор не участвовавших в боевых действиях, и отводе в тыл вместо них двух наиболее пострадавших оренбургских казачьих полков действующей армии. «Войсковая знаменная изба» была переименована в «Войсковой исторический музей оренбургских казаков». Войсковой круг постановил выделить средства для создания войсковой газеты. Была организована собственная типография, в которой с лета 1917 г. стал печататься «Оренбургский казачий вестник» — официальный орган войсковой администрации. Идея выпуска газеты принадлежала небезызвестному Т.И. Седельникову. Редактором газеты стал А.С. Беленинов, а 18 июня вышел первый номер. Газета выходила три раза в неделю.

22 апреля на Круге был утвержден проект революционного знамени (красное полотнище с двумя синими лентами, на одной стороне был изображен святой Георгий Победоносец и нанесена надпись «Свободное казачество», на другой — «Да здравствует Свободная Россия»)²⁸. Делегаты Круга должны были носить красные нарукавные повязки. Впрочем, этому решению подчинились далеко не все. В частности, Г.В. Енборисов, известный как один из лидеров консервативно настроенного казачества, демонстративно не надевал такую повязку²⁹. Кстати, в дальнейшем Енборисов, по

его войска. И все же в большинстве своем казачьи офицеры в это время еще находились на фронте и были далеки от политики.

В Оренбурге появился местный Совет депутатов, в котором председательствовал П.Д. Чередниченко, опиравшийся на оренбургских рабочих и солдат гарнизона (по своей ориентации Совдеп оставался эсеровским вплоть до большевистского переворота). Действовал Временный революционный комитет, в состав которого вошли «все силы революционной демократии», в том числе казаки и представители Временного правительства. Кроме того, существовал и Мусульманский военный комитет, под эгидой которого в конце ноября 1917 г. стал формироваться 1-й Мусульманский стрелковый полк³⁵. Таким образом, создалось как минимум троевластие (Войсковой атаман, комиссар Временного правительства Н.А. Холодковский, Совдеп). Об отношениях между этими органами сказать что-либо определенное в связи с отсутствием документов достаточно сложно. В июле 1917 г. появился Совет казачьих депутатов, председателем которого был прапорщик Зверев.

В 1917 г. в войске начался процесс разукрупнения казачьих станиц, активно продолжавшийся и в годы Гражданской войны. Суть этого процесса заключалась в создании из уже существующих станичных юртов новых станиц. Как правило, эти преобразования осуществлялись по ходатайствам самих казаков. Во вновь образовавшихся станицах должно было быть не менее 300 дворов, что позволяло сообщу содержать станичную администрацию. Уже в конце апреля 1917 г. соответствующее ходатайство возбудили жители поселка Капитоновского станицы Мамалаевской 1-го военного отдела. В общей сложности на протяжении 1917 г. образовалось свыше 40 новых станиц, а общее их количество в войске, таким образом, почти удвоилось³⁶.

Несколько обособленно от войска развивалась казачья общественно-политическая жизнь в столице. Столичные казачьи политики (в частности, А.И. Дутов) оказались не такими робкими, как их коллеги внутри войска, и благодаря этому к осени 1917 г. обладали богатым опытом политической борьбы. Но весной 1917 г. до этого было еще далеко.

В марте 1917 г. премьер-министр Г.Е. Львов дал разрешение на проведение в Петрограде первого общеказачьего съезда «для выяснения нужд казачества». Как справедливо отметил современный американский историк А.В. Шмелев, «роль казачества в событиях 1917 года, во многом, еще не выяснена»³⁷. Природа революции такова, что революционная стихия, лютый водоворот событий неизбежно выдвигают на первый план новых, ранее ничем не выделявшихся людей. Одним из них в 1917 г. стал Александр Ильич Дутов — будущий оренбургский Войсковой атаман.

До февраля 1917 г. Дутов, судя по всему, был монархистом, затем, в том числе и по карьерным мотивам, принял Февральскую революцию, после

его собственным воспоминаниям, побывал в Петрограде, где в Смольном спорил с самим Лениным относительно наличия в Петросовете хотя бы одного природного казака³⁰. Хотя недавно были выявлены документы о финансовой нечистоплотности Енборисова³¹, а в своих воспоминаниях он себя выгораживает и замалчивает некоторые свои проступки (что для общей реконструкции истории войска не имеет никакого значения), однако нет никаких оснований сомневаться в приводимых Енборисовым фактах. Тем более что они не противоречат известным нам данным из других документов. Более того, мемуары Енборисова содержат массу ценнейших сведений по истории войска, которые не сохранились в других источниках и подчас настолько детальны и подробны, что даже исследователи истории оренбургского казачества далеко не всегда могут разобраться в перипетиях описываемых им событий и в подоплеке излагаемых противоречий.

Однако вернусь к административной реформе в войске. Военные отделы были переименованы в военные округа. Предполагалось вместо трех военных отделов образовать шесть военных округов, впрочем, этот проект так и не был реализован, только осенью 1918 г. был образован 4-й (Челябинский) военный округ. В военных округах предполагалось созывать окружные съезды (1 депутат от 2500 человек), избиравшие членов окружных управ. Председатели последних являлись и окружными атаманами. На станичном уровне власть была сосредоточена в руках станичных съездов³². Впрочем, окружные съезды в войске состоялись лишь в июле 1917 г. Несмотря на значимость преобразований, в рядах войсковой администрации чувствовалась сильная растерянность, опыта самоуправления не было, а казачья традиция ожидания распоряжений сверху оказалась слишком сильной³³.

Казачье офицерство приняло активное участие в формировании и работе органов казачьего представительства как на территории войска, так и в центре. Небезынтересно, что казачьи офицеры стали выразителями различных политических взглядов. Причем две наиболее влиятельные организации, стоявшие на диаметрально противоположных позициях, возглавляли оренбургские офицеры, что свидетельствует о значительной политической активности войсковой элиты. Так, председателем казачьей секции ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов был избран есаул 7-го Оренбургского казачьего полка А.Г. Нагаев, называвший себя «выразителем интересов трудового революционного казачества»³⁴. С другой стороны, на петроградскую политическую сцену весной 1917 г. выдвинулся оренбургский казачий офицер войсковой старшина А.И. Дутов, вскоре возглавивший Совет Союза казачьих войск, а позднее ставший во главе борьбы оренбургских казаков с большевиками. К осени 1917 г. авторитет Дутова позволил ему добиться избрания на должность Войскового атамана Оренбургского казачь-

Февраля стал демократом, в период выступления Л.Г. Корнилова занял выжидательную позицию, а позднее, в годы Гражданской войны, также меняя ориентацию с Комуча на Сибирское правительство, а затем на правительство адмирала А.В. Колчака. Разве что с большевиками Дутов никогда не сотрудничал: к октябрю 1917 г. в лагере сторонников Ленина оренбургского атамана однозначно воспринимали как врага и контрреволюционера, поэтому очевидно, что он не мог быть вместе с ними. Небезынтересно, что сам Дутов, как бы упреждая этот упрек, в декабре 1917 г. поспешил заявить, что во все периоды его точка зрения «была определена. Своими взглядами и мнениями, как перчатками, я не играю»³⁸. Как позднее писал один из ближайших соратников Дутова по антибольшевистской борьбе Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, «революционный шквал сразу выбросил скромного войскового старшину Дутова на поверхность бушующего моря в роли стойкого борца за Родину и горячего поборника казачьих прав»³⁹.

Так или иначе, казачество весной 1917 г. вместе со всей страной оказалось в новых, во многом непонятных для него, условиях, к которым приходилось спешно адаптироваться, намечая пути дальнейшего развития. Как писал уже в эмиграции Генерального штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин, «по инициативе революционной демократии началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи «расказначивания». Там, где казаки были вкраплены в меньшинстве среди инородного или туземного населения, она имела вначале некоторый успех... Но в общем идея самоуправления никакого успеха не имела. Наоборот, среди казачества все более усиливалось стремление к внутренней обособленной организации и к единению всех казачьих войск... Во главе казачества появились такие крупные люди, как Каледин (Дон), Дутов (Оренбург), Караулов (Терек)»⁴⁰. Таким образом, Деникин, скорее всего, в связи с позднейшей деятельностью Дутова ставил его в один ряд с Калединым и считал крупной фигурой. Эту оценку можно назвать справедливой и, опираясь на нее, прийти к выводу о том, что, коль скоро Каледин по праву занимает место в ряду вождей российской контрреволюции первого плана, такое же место должно принадлежать и Дутову.

Уже 12 марта 1917 г. в помещении общеказачьей организации состоялось собрание донских казаков под председательством профессора горного института А.И. Поботина. Выступавшие обменялись мнениями об участии казаков в революционном движении. Присяжным поверенным А.С. Яковлевым была выдвинута идея образования союза всех казачьих войск для поддержки Временного правительства. Эта идея была поддержана всеми участниками собрания. Была избрана комиссия для организации съезда казачьих представителей и подготовки к созданию союза. В состав комиссии вошли: А.П. Савватеев, Ф.Д. Крюков, П.Д. Крюков, П.Д. Захарьев, А.С. Яков-

лев, П.П. Логвинов и В.С. Филатов. Организационное собрание было назначено на 23 марта⁴¹.

Первый общеказачий съезд (позднее его называли предварительным)⁴² был созван в Петрограде 23—29 марта 1917 г. по инициативе членов Петроградского Общества Взаимопомощи Донских казаков, однако телеграммы запоздали, и целый ряд казачьих войск не успел прислать своих делегатов с мест. Были представлены лишь Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское и Уральское казачьи войска. Часть казачьих войск была представлена исключительно делегатами-фронтовиками⁴³. Несмотря на это, с открытием съезда явно торопились, с целью выяснить позицию казачества в новой политической ситуации. Одной из задач съезда было объединение казачьего и неказачьего населения казачьих областей. Открыл съезд в зале Армии и Флота член Государственной думы от Донского казачьего войска А.П. Савватеев. В приветственной речи он сказал: «Нас всех ждет Учредительное Собрание, которое решит судьбу нашей родины, которое даст нам новый уклад жизни, и было бы преступлением перед казачеством, если бы мы не приготовились к этому радостному и вместе очень важному Собранию, чтобы не указать ему наши нужды и наши права. Но для того, чтобы предстать во всеоружии на Учредительном Собрании, нам нужно соорганизоваться, сговориться между собою, чтобы дружно, без раздора, как один человек, рассказать о нуждах нашего казачества»⁴⁴.

На съезде присутствовал главнокомандующий войсками Петроградского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенант А.Г. Корнилов. На заседаниях обсуждались вопросы казачьего землепользования, участия казаков в войне, самоуправления, реформирования сословия. Большинство делегатов высказалось за войну до победы, поддержку Временного правительства, доведение страны до Учредительного собрания, неприкосновенность казачьих земель, возврат казачеству земель, ранее ему принадлежавших, но затем перешедших в частное владение. Была также выдвинута идея полного самоуправления казачьих войск. Казаков особенно беспокоила угроза поземельных столкновений с крестьянами. Уже тогда говорилось о возможности защиты казачьих земель от посягательств с оружием в руках. Вопрос о военной службе казаков было решено отложить до окончания войны, однако депутаты требовали снять с казачества полицейские функции, которыми в экстренных случаях его обременяла власть. Кроме того, возникло предложение уравнивать казачью воинскую повинность с неказачьей, что было равносильно призыву к упразднению казачества, при этом казаки, как это ни было оригинально, стремились служить на общих основаниях, но при этом сохранить свои прежние привилегии. Казаки собирались обсудить вопрос о выделении казачьих полков из кавалерийских дивизий в казачьи и об образовании казачьих корпусов под командованием казачьих

офицеров⁴⁵. Звучали и другие весьма любопытные высказывания. В частности, было заявлено, что казакам не нужно следовать за какими-либо политическими силами, а необходимо самим вести народ за собой. Николай II и его окружение на съезде были названы предателями. Показательно и то, что съезд приветствовал Совет рабочих и солдатских депутатов.

Участие А.И. Дутова в работе съезда выразилось в двух ремарках. Первая относилась к 25 марта и была чисто технической по своему характеру. Вторая — куда более показательна. Она относится к достаточно острому для казаков вопросу о самоснаряжении. На съезде звучали призывы к отмене самоснаряжения, являвшегося между тем одной из основ казачьей воинской повинности. С этим вопросом была связана возникшая на съезде и неслышанная ранее идея оплаты государством расходов казачества за весь период Первой мировой войны. Тогда-то на вечернем заседании 28 марта 1917 г. и прозвучала весьма неблагоприятная реплика Дутова: «Мы предъявляем иск к старому режиму»⁴⁶. Эта фраза полностью соответствовала духу съезда и первых послефевральских недель, однако то, что ее сказал не кто-нибудь, а Дутов, наводит на печальные размышления об ответственности будущих вождей Белого движения за события 1917 г. Итак, Дутов, как и многие другие будущие белые вожди, принял Февраль.

Возвращаясь к работе съезда, отметим, что, кроме двух незначительных высказываний, Дутов на съезде никак себя не проявил. Очевидно, приглядываясь к петроградской политической жизни. В то же время в ходе съезда возникла идея создания массовой казачьей организации — Союза казачьих войск — с последующим выделением из него постоянно действующего Совета. Совет Союза казачьих войск должен был в перспективе освободить казачьи части от разлагающего влияния различных комитетов и советов солдатских депутатов⁴⁷. Это сохраняло казачьи части на фронте и в условиях разложения неказачьих частей могло сделать их внушительной силой на общероссийской политической арене. Однако участники съезда не сочли его полномочным для решения таких вопросов, поэтому было решено в мае 1917 г. созвать более представительный Второй всеказачий съезд (его еще называли Первым Всероссийским казачьим съездом или Кругом). Была сформирована комиссия для работ по созданию Союза казачьих войск, получившая название «Временный Совет Союза Казачьих Войск» под председательством А.П. Савватеева. С этого момента и началось возвышение Дутова, который занял пост одного из товарищей (заместителей) председателя (по некоторым данным, старшего товарища)⁴⁸. Как вспоминал позднее И.М. Зайцев, «в Петрограде он (Дутов. — А. Г.) обратился (к Зайцеву. — А. Г.) с просьбой о содействии. Он спрашивал, что ему делать и нельзя ли найти ему какое-либо применение. Я посоветовал ему продолжать работу во Временном казачьем совете, вместе с Савватеевым

и вести работу в духе и направлении директив, данных в свое время А.И. Гучковым, и что при этом условии можно надеяться на прикомандирование его к Главному Штабу. Действительно, прикомандирование к Главному Штабу удалось устроить, и А.И. Дутову была поручена работа по казачьему вопросу совместно с Савватеевым»⁴⁹.

В состав Временного Совета из делегатов съезда вошли 34 представителя 13 казачьих войск (Донского — 6, Кубанского — 5, Терского — 4, Оренбургского — 3, Уральского, Астраханского, Забайкальского, Амурского, Семиреченского, Уссурийского и Сибирского — по 2, Енисейского и Красноярского — по 1). Помимо Дутова, Оренбургское войско во Временном Совете представляли подъесаул Т.И. Вагин и казак 16-го Оренбургского казачьего полка И.Е. Соколов, которые, в отличие от первого, в дальнейшем никак себя не проявили. 27 марта Первый общеказачий съезд завершил свою работу. Были приняты резолюции по земельному вопросу, по вопросу о военной службе, о взаимоотношении между офицерами и казаками, о самоуправлении, о войне, об отношении к Временному правительству и об отношении к Совету рабочих и солдатских депутатов. Суть этих резолюций сводилась к стремлению закрепить за казачьими войсками их земли как неприкосновенную собственность каждого войска, причем на основании закона, который должен был быть принят Учредительным собранием, предполагалась передача казачьим войскам всех частновладельческих земель, выделенных из казачьих территорий Высочайшими пожалованиями, а также государственных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель. За их собственниками должны были остаться лишь крестьянские, наделные земли, земли мелких собственников и крестьянских товариществ. Вопросы самоуправления должны были разрешаться каждым войском самостоятельно. В отношении военной службы предполагалось добиться увеличения правительственной помощи казакам в вопросе снаряжения на войну, обсудить вопрос о внесении в послевоенное время изменений в порядок отбывания казаками воинской повинности. Выдвигалась идея единения казачьих офицеров и нижних чинов перед внешней опасностью, а войну признавалось необходимым довести «до победоносного конца» при полном доверии Временному правительству.

В одном из постановлений съезда говорилось: «Мы, офицеры и казаки всех казачьих войск... обсудив наши прежние взаимоотношения, постановили: *предать их забвению и проклятию вместе с подлым старым режимом, ибо это он сделал нас врагами, разделив нас бездной взаимного недоверия. Отныне между нами нет вражды, а есть только любовь и единение. Отныне между нами нет начальников и подчиненных, а есть старшие и младшие братья. Сольемся в одну дружную семью и составим такую силу, которую никто не может одолеть...*»⁵⁰

Временный Совет должен был начать работу с 5 апреля, чтобы дать возможность делегатам съездить домой и ознакомить станичников с решениями съезда, а также запастись вещами для продолжительной жизни в Петрограде. Работа во Временном Совете велась в четырех комиссиях: военной, земельной, юридической и финансовой. Секретарем Временного Совета стал П.П. Калмыков (донец), казначеем и председателем военной комиссии — войсковой старшина А.Н. Греков (донец), земельную комиссию возглавил терец Г.А. Ткачев (кубанец), юридическую — И.Г. Харламов (донец), финансовую — В.С. Филатов (донец). Дутов не вошел ни в одну из комиссий, но пожелал участвовать во всех «по мере надобности». В апреле он объехал фронтовые казачьи части и вел агитацию за продолжение войны. В период пребывания в Петрограде он продолжал состоять командиром 1-го Оренбургского казачьего полка, но при этом числился в резерве чинов Петроградского военного округа⁵¹. Состояние в резерве чинов позволяло офицеру получать жалованье и жить на казенной квартире⁵². Подобное положение (за исключением командования полком) Дутов сохранил за собой вплоть до октября 1917 г. Однако Дутов утверждал, что отказался от жалованья по должности председателя Совета Союза казачьих войск (600 рублей) в пользу фонда на теплые вещи казакам на фронте⁵³. После Дутова полк с 1 июля 1917 г. принял кавалер ордена Св. Георгия IV степени полковник И.Н. Лосев⁵⁴.

17 апреля в газете «Новое время» была опубликована статья «Голос казаков-оренбуржцев», написанная по поручению чинов Оренбургской казачьей дивизии Генштаба полковником И.М. Зайцевым (одним из будущих вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества) и старшим урядником Синеглазовым. Авторы статьи писали о начале новой жизни для казачества, которое во все времена отличалось свободолюбием, и боролись за освобождение простого народа от рабства. В статье содержалась критика старого безответственного правительства и клятвенные заверения о готовности казаков защищать Временное правительство с оружием в руках от всяких посягательств. Но, помимо обычной для того времени демагогической риторики, статья содержала и недвусмысленное требование невмешательства посторонних организаций в дела армии для доведения войны до победного конца и сохранения дисциплины. Казаки призывали прислушиваться к голосу армии, которая «теперь есть цвет всех классов и всех национальностей свободной державы Российской»⁵⁵. Авторы статьи писали также о необходимости учета позиций фронтовиков, а не только тыловых солдат и о доведении страны до Учредительного собрания без кардинальных преобразований.

По данным на 30 апреля, Дутов состоял в хозяйственной, финансово-экономической, организационной и по военным делам комиссиях Времен-

ного Совета⁵⁶. Программа Союза казачьих войск была опубликована 30 апреля 1917 г. В ней отмечалось, что «I. Союз Казачьих войск учреждается в целях объединения Казачьих войск для выяснения их общих интересов и проведения необходимых реформ. II. Членами Союза могут быть только Казачьи Войска, разделяющие программу Союза. III. Программа Союза и исполнительные его органы определяются Съездом представителей от Казачьих Войск. IV. До утверждения программы Союза Учредительным Съездом, в задачу Союза входят: 1) Укрепление нового государственного строя на началах декларации Временного Правительства. 2) Подготовка казачества к Всероссийскому Учредительному Собранию. 3) Разработка норм и оснований, на которых должна быть построена будущая государственная и общественная жизнь казачьих войск. 4) Разработка неотложных реформ, касающихся казачьих войск, до созыва Учредительного Собрания. V. Временное заведывание делами Союза возлагается на Временный Совет Союза, который состоит из 36-ти лиц, избранных на Съезде 23—29 марта 1917 года...⁵⁷ При выборах от каждого войска в числе избранных в Совет Союза должно быть не менее одного от фронта. Во Временный Совет входят, сверх 36-ти, как неперменные члены — Члены 4-й Государственной Думы — казаки и все члены Организационного бюро — казаки. Временному Совету предоставляется право приглашения сведующих (так в документе. — А. Г.) лиц. VI. Программа деятельности Союза вырабатывается Временным Советом в соответствии с этими задачами, которые положены в основу этой Организации (п. I) и обстоятельствами текущего момента. На него же возлагается разработка положения о Совете представителей Войск и созыве первого Учредительного Съезда Союза Казачьих Войск в г. Петрограде на основании пропорционального представительства...»⁵⁸.

В мае Дутов и А.Н. Греков добились аудиенции у военного и морского министра А.Ф. Керенского и проговорили с ним около часа. Дутов доложил о целях созыва и работе съезда и Временного Совета, было получено официальное разрешение на проведение Второго общеказачьего съезда, причем Керенский просил приезжать к нему и держать в курсе работы. В то же время противовесом Временному Совету стала казачья секция Петроградского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, стремившаяся подчинить Временный Совет себе. Как писал позднее сам Дутов, «работа этого Совета была крайне напряженная, нервная и тяжелая. На казаков в Петрограде смотрели с предвзятой точки зрения, и потому идею казачества проводить было трудно. Но труд и энергия победили, и голос казаков стал слышен в Петрограде»⁵⁹. Первоначально Временный Совет совершенно не имел средств, однако со временем работа стала налаживаться. Казакам передали помещение бывшего Главного управления казачьих войск. Открытие Второго съезда было первоначально намечено на

28 мая, но позднее перенесено на 1 июня 1917 г., впрочем, вскоре после открытия работа съезда была прервана до 7 июня. Помимо представителей из регионов, избравшихся Войсковыми кругами, на съезде должно было присутствовать по два выборных делегата от каждой казачьей части. Характерно, что в советской историографии бездоказательно говорилось о фальсификации выборов на съезд и о том, что в его работе участвовала лишь казачья верхушка⁶⁰. Председателем съезда единогласно был избран войсковой старшина Дутов, приобретший, благодаря этой должности, общероссийскую известность. В то же время нельзя не отметить, что Дутов на этом посту был, во многом, случайным человеком — за его плечами почти не было никакого опыта политической и общественной деятельности.

Съезд открылся в 13 часов в большом Белом зале в здании Собрания армии и флота, присутствовало около 600 делегатов. По утрам проводились общие заседания, вечерами шли заседания по казачьим войскам. Такой способ работы оказался весьма выигрышным, так как у присутствующих на съезде видных политических деятелей складывалось впечатление полного единства всего российского казачества. За время работы съезда заседания посетили такие видные политические деятели, как А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко, А.И. Гучков, П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов и В.Д. Набоков, иностранные послы и военные атташе. На заседаниях присутствовало множество зрителей. Основной лозунг, выдвигавшийся на съезде, — «Война до победного конца». Делегаты активно выступали за созыв Учредительного собрания. По всей видимости, к этому периоду относится и свидетельство главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Генерального штаба генерал-майора П.А. Половцова: «Хотя казачья нагайка, как символ восстановления порядка, и потеряла силу, но казаки стремятся все-таки остановить анархию, если и не во всей России, то, по крайней мере — в своих областях, и заседающий в Петрограде в здании придворной Певческой капеллы казачий съезд, под предводительством казака Дутова, энергично работает в этом направлении. Захожу как-то к ним и произношу чувствительную речь. Видно, что они народ серьезный. Керенского шибко недолюбливают, но и к ним демократия относится весьма подозрительно»⁶¹. Судя по всему, Половцов несколько преувеличил степень контрреволюционности казаков — есть сведения о том, что посетившего съезд Керенского делегаты носили на руках⁶².

С первых дней работы выявились противоречия между фронтовой казачьей молодежью и представителями казачьих регионов, в основном стариками. Основным итогом работы общеказачьего съезда стала общая резолюция, включавшая такие положения, как единая и неделимая Россия, широкое местное самоуправление, война до победы, почетный мир, вся власть Временному правительству до созыва Учредительного собрания и ре-

шения вопроса об образе правления. Казаки выступили против независимости Украины и лишения полномочий депутатов Государственной думы последнего созыва⁶³. 13 июня делегаты избрали состав Совета Союза казачьих войск — постоянного, достаточно представительного и вполне легитимного казачьего органа, который должен был работать в перерыве между съездами. В Совет сроком на три года было избрано 36 (по другим данным, 38) человек пропорционально численности их казачьих войск, многие из них ранее состояли во Временном Совете: Дон — войсковой старшина А.Н. Греков, сотник П.П. Калмыков (оба — бывшие члены Временного Совета), есаул А.И. Аникеев, прапорщик (по другим данным, сотник) А.Ф. Худяков (оба — от строевых частей), учитель П.И. Ковалев, урядник А.И. Попов (оба — делегаты с мест); Кубань — есаул Бережный, урядник П.А. Авдеев, есаул Д.Г. Новосильцев (оба — бывшие члены Временного Совета), подьесаул А.В. Винников (от строевых частей), хорунжий В.К. Бардиж, сотник В.Я. Поночевный, В.Д. Гамалий, Г.Н. Колков; Терек — Г.А. Ткачев (член терского Войскового правительства, бывший член Временного Совета), сотник П.Д. Мигузов (от строевых частей), подхорунжий В.Ф. Зайцев, фельдшер К.А. Шамшин (оба — бывшие члены Временного Совета); Оренбург — войсковой старшина А.И. Дутов (бывший член Временного Совета), А.Ф. Пономарев, войсковой старшина Н.С. Анисимов, И.Е. Соколов (бывший член Временного Совета); Урал — А.А. Михеев, хорунжий Г.М. Мусатов, сотник Г.Е. Герасимов; Забайкалье — Ф.Г. Тюменцев; Сибирь — И.И. Лаптев (умер в сентябре 1917 г.), Е.Я. Глебов (бывший член Временного Совета); Семиречье — А.Г. Сидоров; Астрахань — А.И. Попов (бывший член Временного Совета), П.В. Колоколов, Б.Д. Самсонов; Амур — А.А. Вертопрахов; Уссури — С.Ф. Ларионов; Енисей — И.С. Макридин (бывший член Временного Совета); Красноярск — И.Л. Лукин⁶⁴. Каждое войско должно было выплачивать по 500 рублей в месяц на содержание одного своего депутата, кроме того, казачьи войска должны были оплачивать аренду помещения и канцелярские расходы Совета Союза казачьих войск — по 1000 рублей в год на депутата. Общая сумма взносов всех войск за год должна была составить 231 тысячу рублей, однако свой взнос выплатило лишь Донское войско. На двух последних заседаниях съезда зачитывались протоколы его работы. К сожалению, стенограмма заседаний съезда была уничтожена в ноябре—декабре 1917 г. при разгроме помещений Совета большевиками.

В этот период Дутов присматривался к петроградской политической кухне и, судя по всему, активно налаживал контакты с военной и политической элитой новой России, что вскоре позволило ему самому стать частью этой элиты. Как вспоминал позднее сам Дутов, «два раза я был во дворце Кшесинской, видел Ленина и Троцкого, пытался разговаривать с ними, но ничего хорошего из разговоров этих не вышло»⁶⁵. Возможно, Дутов пре-

увеличивал, что вообще было для него характерно, — ни Ленин, ни Троцкий никогда впоследствии не упоминали о знакомстве с Дутовым. Знакомство же это могло состояться не позднее первых чисел июля 1917 г., когда большевики были изгнаны из особняка М.Ф. Кшесинской. Тем не менее данное свидетельство весьма любопытно. По данным Г.З. Иоффе, Дутов якобы сотрудничал с организацией «Республиканский центр»⁶⁶, внутри которой существовал некий «законспирированный военный отдел», объединявший различные военные союзы, в том числе и Совет Союза казачьих войск⁶⁷. Настаивавшие на этой версии советские авторы, а несколько ранее и А.Ф. Керенский, пытались таким способом доказать наличие тщательно подготовленного военного заговора правых летом 1917 г.⁶⁸ И если в сотрудничество Дутова с «Республиканским центром» еще можно поверить, то указание на подпольную организацию, с которой он был связан, требует существенно большей доказательной базы (как минимум ссылок на документы по этому вопросу, если таковые сохранились), нежели просто голословное заявление. С уверенностью можно сказать, что весомых доказательств наличия широкомасштабного заговора, а тем более участия в нем Совета Союза казачьих войск до сих пор не обнаружено⁶⁹. В то же время определенные круги, прежде всего внутри Союза офицеров и «Республиканского центра», вели работу, которая может быть квалифицирована как заговорщическая, однако в эту работу вплоть до ликвидации выступления Корнилова было посвящено минимальное число участников.

Временное правительство, поощрявшее всякого рода общественные организации, обеспечило Совет всем необходимым: выделило помещение — Павловский институт возле Николаевского вокзала (ул. Знаменская, д. 8)⁷⁰, предоставило два легковых и грузовой автомобили, а также бензин. Члены Совета получили возможность пользоваться столовой и кухней Павловского института. В первый день работы Совета был избран президиум. Председателем стал Дутов, его товарищами (заместителями) — Г.А. Ткачев и И.П. Лаптев, секретарем — Д.Г. Новосильцев, казначеем — А.Н. Греков. Роль Дутова в этот период представляется чисто технической — вести заседания, ставить на голосование вопросы и т. д. В то же время в печати появляются и его первые политические заявления. Так, 7 июля 1917 г. он заявил: «Мы (казаки. — А. Г.) никогда не разойдемся со всей русской демократией»⁷¹.

Уже в начале работы Совета его члены смогли добиться значительных результатов. Была упразднена должность Походного атамана всех казачьих войск, к Ставке для защиты интересов казачества прикомандировано три члена Совета, который добился законодательного закрепления назначения на командные должности в казачьи части только казачьих офицеров, закрепил за собой право вести список старшинства и аттестации казачьих офицеров, а также представление аттестаций на утверждение военно-

му министру или главнокомандующему. Удалось также добиться увеличения размера вознаграждения казакам, до 1 июня 1917 г. лишившимся на войне лошадей, со 150 до 500 рублей. Выдвигались проекты создания Советов казаков во всех казачьих частях. В качестве постоянного представителя всероссийского казачества Дутов присутствовал на некоторых заседаниях Временного правительства, вплоть до октября 1917 г. состоял в комиссиях при Временном правительстве по созыву Учредительного собрания, по казачьим делам, по междуведомственным работам⁷².

Члены Совета вели активную пропагандистскую работу в войсках, причем при Совете были даже открыты двухнедельные пропагандистские курсы, на которых могли обучаться по два человека от каждой казачьей части, по окончании обучения их сменяли двое других от той же части. Однако удалось осуществить лишь один выпуск курсов. Еще при Временном Совете с 30 апреля 1917 г. началось печатание собственной газеты «Вестник Союза Казачьих Войск». Дважды сторонники большевиков рассыпали уже готовый набор свежего номера «Вестника», пытались запретить газету, как правую. Позднее вместо «Вестника» Совет стал издавать газету «Вольность казачья», поступавшую бесплатно на фронт, а затем переименованную в «Вольность». 1 декабря 1917 г. типография газеты была разгромлена большевиками, и выход ее прекратился.

При первой попытке большевиков взять власть 3—5 июля 1917 г. члены Совета отправлялись в дислоцированные в Петрограде казачьи полки (А.Н. Греков — в 1-й Донской казачий полк, П.П. Калмыков — в 4-й Донской казачий полк) для ведения пропаганды. Дутов должен был находиться в помещении Совета и координировать работу. Однако, по всей видимости, в Петрограде в эти дни его не было. Главную роль при подавлении выступления большевиков сыграли донские казаки: по мнению британского дипломата Дж. Бьюкенена, если бы не они и еще несколько надежных полков, Временное правительство должно было капитулировать⁷³. После июльских событий первое время при появлении казаков в общественных местах присутствовавшие даже вставали и встречали их аплодисментами⁷⁴. Оренбургские казачки устраивали благотворительные киносеансы в пользу семей погибших⁷⁵. 2 августа Керенский издал приказ армии и флоту с благодарностью казакам⁷⁶. На похороны погибших казаков (в основном из состава 1-го и 4-го Донских казачьих полков), помощь семьям и сооружение памятника было собрано свыше 800 тысяч рублей добровольных пожертвований. Денег было так много, что удалось выделить по 10 тысяч рублей на семью каждого убитого, а остаток отложить на обучение детей погибших. Похороны превратились в грандиозное антибольшевистское шествие. Во избежание эксцессов вместо милиции охрану несли казаки. В процессии принимали участие члены Временного правительства и Совета Союза казачьих войск.

увеличивал, что вообще было для него характерно, — ни Ленин, ни Троцкий никогда впоследствии не упоминали о знакомстве с Дутовым. Знакомство же это могло состояться не позднее первых чисел июля 1917 г., когда большевики были изгнаны из особняка М.Ф. Кшесинской. Тем не менее данное свидетельство весьма любопытно. По данным Г.З. Иоффе, Дутов якобы сотрудничал с организацией «Республиканский центр»⁶⁶, внутри которой существовал некий «законспирированный военный отдел», объединявший различные военные союзы, в том числе и Совет Союза казачьих войск⁶⁷. Настаивавшие на этой версии советские авторы, а несколько ранее и А.Ф. Керенский, пытались таким способом доказать наличие тщательно подготовленного военного заговора правых летом 1917 г.⁶⁸ И если в сотрудничество Дутова с «Республиканским центром» еще можно поверить, то указание на подпольную организацию, с которой он был связан, требует существенно большей доказательной базы (как минимум ссылок на документы по этому вопросу, если таковые сохранились), нежели просто голословное заявление. С уверенностью можно сказать, что весомых доказательств наличия широкомасштабного заговора, а тем более участия в нем Совета Союза казачьих войск до сих пор не обнаружено⁶⁹. В то же время определенные круги, прежде всего внутри Союза офицеров и «Республиканского центра», вели работу, которая может быть квалифицирована как заговорщическая, однако в эту работу вплоть до ликвидации выступления Корнилова было посвящено минимальное число участников.

Временное правительство, поощрявшее всякого рода общественные организации, обеспечило Совет всем необходимым: выделило помещение — Павловский институт возле Николаевского вокзала (ул. Знаменская, д. 8)⁷⁰, предоставило два легковых и грузовой автомобили, а также бензин. Члены Совета получили возможность пользоваться столовой и кухней Павловского института. В первый день работы Совета был избран президиум. Председателем стал Дутов, его товарищами (заместителями) — Г.А. Ткачев и И.П. Лаптев, секретарем — Д.Г. Новосильцев, казначеем — А.Н. Греков. Роль Дутова в этот период представляется чисто технической — вести заседания, ставить на голосование вопросы и т. д. В то же время в печати появляются и его первые политические заявления. Так, 7 июля 1917 г. он заявил: «Мы (казаки. — А. Г.) никогда не разойдемся со всей русской демократией»⁷¹.

Уже в начале работы Совета его члены смогли добиться значительных результатов. Была упразднена должность Походного атамана всех казачьих войск, к Ставке для защиты интересов казачества прикомандировано три члена Совета, который добился законодательного закрепления назначения на командные должности в казачьи части только казачьих офицеров, закрепил за собой право вести список старшинства и аттестации казачьих офицеров, а также представление аттестаций на утверждение военно-

му министру или главнокомандующему. Удалось также добиться увеличения размера вознаграждения казакам, до 1 июня 1917 г. лишившимся на войне лошадей, со 150 до 500 рублей. Выдвигались проекты создания Советов казаков во всех казачьих частях. В качестве постоянного представителя всероссийского казачества Дутов присутствовал на некоторых заседаниях Временного правительства, вплоть до октября 1917 г. состоял в комиссиях при Временном правительстве по созыву Учредительного собрания, по казачьим делам, по междуведомственным работам⁷².

Члены Совета вели активную пропагандистскую работу в войсках, причем при Совете были даже открыты двухнедельные пропагандистские курсы, на которых могли обучаться по два человека от каждой казачьей части, по окончании обучения их сменяли двое других от той же части. Однако удалось осуществить лишь один выпуск курсов. Еще при Временном Совете с 30 апреля 1917 г. началось печатание собственной газеты «Вестник Союза Казачьих Войск». Дважды сторонники большевиков рассыпали уже готовый набор свежего номера «Вестника», пытались запретить газету, как правую. Позднее вместо «Вестника» Совет стал издавать газету «Вольность казачья», поступавшую бесплатно на фронт, а затем переименованную в «Вольность». 1 декабря 1917 г. типография газеты была разгромлена большевиками, и выход ее прекратился.

При первой попытке большевиков взять власть 3—5 июля 1917 г. члены Совета отправились в дислоцированные в Петрограде казачьи полки (А.Н. Греков — в 1-й Донской казачий полк, П.П. Калмыков — в 4-й Донской казачий полк) для ведения пропаганды. Дутов должен был находиться в помещении Совета и координировать работу. Однако, по всей видимости, в Петрограде в эти дни его не было. Главную роль при подавлении выступления большевиков сыграли донские казаки: по мнению британского дипломата Дж. Бьюкенена, если бы не они и еще несколько надежных полков, Временное правительство должно было капитулировать⁷³. После июльских событий первое время при появлении казаков в общественных местах присутствовавшие даже вставали и встречали их аплодисментами⁷⁴. Оренбургские казачки устраивали благотворительные киносеансы в пользу семей погибших⁷⁵. 2 августа Керенский издал приказ армии и флоту с благодарностью казакам⁷⁶. На похороны погибших казаков (в основном из состава 1-го и 4-го Донских казачьих полков), помощь семьям и сооружение памятника было собрано свыше 800 тысяч рублей добровольных пожертвований. Денег было так много, что удалось выделить по 10 тысяч рублей на семью каждого убитого, а остаток отложить на обучение детей погибших. Похороны превратились в грандиозное антибольшевистское шествие. Во избежание эксцессов вместо милиции охрану несли казаки. В процессии принимали участие члены Временного правительства и Совета Союза казачьих войск.

Большевистская провокация была с возмущением встречена по всей стране. Оренбургская войсковая управа направила 9 июля телеграмму на имя Керенского: «Совет рабочих солдатских крестьянских депутатов, возмущенный до глубины души предательским ударом в спину, нанесенным нашей истекающей кровью армии в момент наступления, оренбургская войсковая управа просит вас как нашего беззаветного и любимого вождя передать временному Правительству, что оренбургское казачество никогда не примирится с захватом власти большевиками и немецкими шпионами и будет вести с ними беспощадную борьбу, довольно терпимости и к предателям и изменникам, нет и не должно быть свободы для врагов свободы. Председатель Управы *Мальцев*»⁷⁷. Слова Мальцева оказались пророческими — в период Гражданской войны практически все войско поднялось на борьбу с большевиками.

В начале июля А.И. Дутов ездил домой в Оренбург, где 7 июля в Епархиальном училище сделал доклад о политическом моменте. Дутов говорил о недавнем всероссийском казачьем съезде, указав на его всероссийское и даже мировое (!) значение, рассказал он и об активном участии и значительных потерях казачьих частей в ходе июньского наступления, в тот же день будущий атаман участвовал в организационном собрании местного Совета казачьих депутатов⁷⁸. На первом собрании Совета Дутов предложил отправить Керенскому телеграмму о том, что «Совет казачьих депутатов в Оренбурге, обсудив ужасную весть о разложении армии Юго-западного фронта, постановил просить Вас **смело и решительно использовать все** (здесь и далее выделено в документе. — А. Г.) Оренбургские Казачьи части **для наступления** и быстрого восстановления порядка в армии. Мы твердо верим, что славное имя Оренбургского Казака не будет в числе предающих Родину. Не останавливаясь ни перед чем, спасите честь свободной России. За наш тыл не беспокойтесь, сделаем все для поддержания порядка в целях помощи армии»⁷⁹. Предложение Дутова как наиболее авторитетного оренбургского политического деятеля было принято депутатами оренбургского Совета единогласно. Впоследствии, однако, эта телеграмма вызвала недовольство фронтовых казаков.

Первая статья Дутова в «Оренбургском казачьем вестнике» была опубликована 16 июля, в номере от 21 июля публикуется его отчет о работе всероссийского казачьего съезда⁸⁰. Во многих номерах газеты за 1917 г. можно было также прочитать скромное объявление: «Прошу всех казаков, кому нужна справка по каким-либо вопросам казачьей жизни, обращаться на мое имя. Петроград, Загородный 13, кв. 44. Председатель Совета Союза казачьих войск *А.И. Дутов*»⁸¹.

Между тем на фронте и на местах воцарилась настоящая анархия. Прифронтовую полосу терроризировали солдатские банды. Как и до 1917 г.,

власть стала злоупотреблять лояльностью казаков, как сохранивших свой кадровый состав (наряду с артиллерией)⁸², используя их на подавлении массовых беспорядков. Такое применение вызывало резкое озлобление против лояльных власти войск со стороны разлагавшейся пехоты. Тем не менее летом 1917 г. казаки 5-го Оренбургского казачьего полка еще раз доказали свою лояльность власти и верность присяге, будучи направлены на выполнение тяжелой и неприятной задачи — усмирение и разоружение митинговавших и разлагавшихся пехотных частей. Положение казаков среди бущущей солдатской стихии было крайне опасным и двусмысленным. Казакам, так же как и офицерскому корпусу, солдаты не доверяли.

Командир 5-го полка войсковой старшина Г.И. Краснов возглавил один из карательных отрядов в составе 5-го Оренбургского казачьего полка, учебного батальона (будущие унтер-офицеры) 29-й пехотной дивизии и 22-й Донской казачьей батареи. В период 10—14 июля 1917 г. казаки быстро и бескровно ликвидировали беспорядки в пехотных полках, но 15 июля в районе деревни Белой на реке Вилия им было оказано упорное сопротивление. Произошел трехдневный бой казаков со взбунтовавшимся 693-м Слуцким пехотным полком, захватившим батарею тяжелых орудий.

Полк отказывался выходить на позиции на смену другому полку своей же дивизии, тогда в расположение части были направлены две сотни оренбуржцев. Они были захвачены пехотой врасплох. Задержав нескольких казаков, мятежные солдаты начали гарцевать на казачьих лошадях. Краснов принял решение окружить деревню, вызвав на усиление ударный батальон из XX армейского корпуса⁸³. Батальоны выдвинули цепи и интенсивным огнем не давали мятежникам вырваться из окружения. Мятежники ответили пулеметными очередями. Донская батарея не могла занять открытой позиции, поэтому стреляла с закрытой. Как справедливо писал один из участников этого боя, «это были первые выстрелы гражданской войны»⁸⁴.

Осада продолжалась трое суток, причем донцами было выпущено свыше 100 шрапнелей, а 5-й полк понес потери убитыми и ранеными. Казаки были разозлены, но, благодаря действиям Краснова, удалось избежать резни. Зачинщики бунта во главе с фельдшером Галкиным были судимы военно-революционным судом XX армейского корпуса и расстреляны своим же взводом.

В дальнейшем казаки были переброшены к городу Вилейка, где ввиду неустойчивости стоявшей впереди пехоты находились в резерве. Наличие в тылу надежной казачьей дивизии вынуждало пехоту, которая боялась и ненавидела казаков, смирно сидеть в окопах, притом что противник никакой активности не проявлял.

54 офицера 1-й Оренбургской казачьей дивизии обратились в Войсковую управу с коллективным письмом против делегирования в войско будущего

лидера красных оренбургских казаков подъесаула И.Д. Каширина, который «за одну ночь из ярого монархиста обратился в проповедника идей левее здравого смысла»⁸⁵. Впрочем, дивизионный комитет Каширина поддержал⁸⁶.

Остатки дисциплины и боевого братства еще существовали в казачьих частях. Когда на разведке в районе реки Стырь в ночь на 25 июня 1917 г. погиб есаул 2-го Оренбургского казачьего полка К.Г. Волженцев, другой участник разведки подхорунжий Носаев вынес на себе тело убитого офицера⁸⁷.

Однако разложение коснулось и казаков. В боевую жизнь и планирование операций вмешивались комитеты. В некоторых частях казаки считали возможным выдвигать требования офицерам, митинговали и колебались. Из глубин казачьего сознания на поверхность вылезла традиционная жажда наживы, которая обильно удовлетворялась в условиях хаоса. Для борьбы с разложением казачьих частей А.Ф. Керенский заявил о лишении земельных наделов тех, кто откажется идти в наступление⁸⁸. Любопытно, что казаков-фронтовиков иногда удавалось поставить на место, воздействуя через делегации казаков-стариков из станиц или через Войсковые круги, признававшиеся всеми казаками. Даже фронтовая молодежь понимала, что рано или поздно им предстоит вернуться в войско и столкнуться с властью Круга, который сможет призвать к ответу виновных в неподчинении. По сути, казаку внутри войска скрыться было некуда.

Даже в провинциальных городах было неспокойно, не говоря уже о деревне. В сводке штаба Казанского военного округа о состоянии войск за август 1917 г. сообщалось об избиениях нижними чинами офицеров в Саратове при попытке навести порядок, полном неподчинении офицерам в Царицыне, об анархии и самосудах над офицерами, их самочинных и незаконных арестах, буйствах запасных солдат⁸⁹. Если не учитывать тот хаос, в который погрузилась страна при Временном правительстве, нельзя понять последующих действий генерала А.Г. Корнилова. После неудачи его выступления ситуация беспредела на местах продолжала сохраняться. Население теряло какие бы то ни было ориентиры. В частности, в октябре 1917 г. в Оренбургском казачьем войске сами казаки занялись выяснением отношений с оружием в руках. На почве дележа земли 3 октября 1917 г. казаки двух соседних станиц Никольской и Рычковской вступили в бой друг с другом (никольцы выпасали скот на землях рычковцев). В результате семь человек было ранено, два казака умерло от ран. Дополнительной мотивацией столкновения был негативный опыт прошлых лет: «Всегда у нас с никольцами нехорошие отношения»⁹⁰. Небезынтересно, что впоследствии жители Никольской перешли на сторону красных. В поселке Алексеевском станицы Михайловской 3-го военного округа был зафиксирован случай грабежа семей мобилизованных казаков самими же казаками⁹¹. И тогда, и ранее, летом 1917 г., государственно мыслящие люди задумы-

вались над тем, что же можно сделать для спасения воюющей страны и недопущения крушения фронта и бесчинств в тылу. Наиболее реалистичным решением проблемы казался силовой вариант, воплощением которого стало в августе 1917 г. выступление генерала А.Г. Корнилова.

Оренбургское казачество и выступление А.Г. Корнилова

После июльских событий Совет Союза казачьих войск не мог не втянуться в политическую борьбу. В отличие от Временного правительства в Петрограде за ним стояла вполне реальная сила — три Донских казачьих полка (1-й, 4-й и 14-й). Это вынуждало власть считаться с казаками. 11 июля Дутов передал в правительство резолюцию Совета в поддержку телеграммы А.Г. Корнилова о введении смертной казни. 12 июля правительство приняло соответствующее постановление, а 24 июля Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим. 19 июля члены Совета представились министру-председателю А.Ф. Керенскому⁹². 21 июля Дутов принял участие в совещании в Зимнем дворце по вопросу о полномочиях Керенского. В конце июля помещение Совета посетил управляющий Военным министерством Б.В. Савинков, который о чем-то долго беседовал с Дутовым, причем войсковой старшина А.Н. Греков, зашедший на некоторое время в кабинет Дутова, куда Греков имел свободный доступ, в конце беседы услышал, что разговор касался деятельности Корнилова⁹³. Впереди были драматические события.

В этот период Дутову пришла телеграмма из Ставки: «Верховный Главнокомандующий просит Вас прибыть в Ставку 3 августа — [№] 12471»⁹⁴. Однако 3 августа сам Корнилов прибыл в Петроград для доклада Временному правительству о состоянии армии и положении на фронте. Дутов был среди встречавших Корнилова на вокзале⁹⁵. Как взаимосвязаны между собой эти два факта, сказать сложно. Из показаний Корнилова достоверно известно, что Дутов незадолго до московского Государственного совещания сидел в Ставке по делам Совета и встречался с ним⁹⁶. Биограф Корнилова М.К. Басханов, не ссылаясь на источник, также отмечает, что Дутов приехал в Ставку в августе 1917 г.⁹⁷

6 августа Совет выступил с резолюцией в защиту Корнилова, в которой говорилось: «Совет Союза Казачьих Войск в экстренном заседании 6 Августа, обсудив высказанные в некоторых органах печати взгляды на деятельность Верховного Главнокомандующего Генерала КОРНИЛОВА, усмотрел в этом планомерное проведение мысли о возможной смене Верховного Главнокомандующего. Причиной отставки служат, по мнению этих органов, чрезмерная требовательность и неточность Генерала КОРНИЛОВА

в своих действиях, нежелание его считаться с выборными войсковыми организациями и непризнание им авторитета С[олдатских] и Р[абочих] Д[епутатов] в области реорганизации армии. СОВЕТ СОЮЗА КАЗАЧЬИХ ВОЙСК ПОСТАНОВИЛ (разрядка документа. — А. Г.): Довести до сведения Временного Правительства, Военного Министра и опубликовать в газетах во всеобщее сведение, что 1) Совет Союза Казачьих Войск совершенно не согласен со взглядами, проводимыми в последних №№ Известий С[овета] С[олдатских] и Р[абочих] Д[епутатов]. 2) Генерал КОРНИЛОВ не может быть смещен, как истинный народный вождь и, по мнению большинства населения, единственный Генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения. 3) Совет Союза Казачьих Войск, как представитель всего Российского Казачества, заявляет, что смена Генерала КОРНИЛОВА неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, в виду явного нежелания власти спасти Родину, честь армии и свободу народу действительными мерами. 4) Совет Союза Казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному Правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене Генерала КОРНИЛОВА. 5) Совет Союза Казачьих Войск заявляет, ГРОМКО и ТВЕРДО, о полном и всемерном подчинении своему вождю-Герою Генералу Лавру Георгиевичу КОРНИЛОВУ⁹⁸. Председатель Совета Войсковой Старшина ДУТОВ⁹⁹.

Это заявление казачьих представителей было уже своеобразным ультиматумом Керенскому. Резолюция была передана Савинкову и быстро появилась в печати. По воспоминаниям А.Н. Грекова, 7 августа¹⁰⁰ (по датировке машинописной копии заявления Союза Георгиевских кавалеров — 9 августа¹⁰¹, по данным П.Н. Милюкова — 8 августа¹⁰²) резолюция получила полную поддержку Союза офицеров и Союза Георгиевских кавалеров. В любом случае резолюция Совета Союза казачьих войск была первой. В постановлении Союза Георгиевских кавалеров говорилось: «Конференция Союза Георгиевских Кавалеров единогласно постановила всецело присоединиться к резолюции Совета [Союза] Казачьих войск и твердо заявить временному Правительству (стиль документа. — А. Г.), что если оно допустит восторжествовать клевете и Генерал КОРНИЛОВ будет смещен, то Союз Георгиевских Кавалеров немедленно отдаст боевой клич всем Кавалерам в выступлении совместно с Казачеством. Подлинная за надежащими подписями»¹⁰³.

В эти дни Дутов написал разоблачительную статью о заигрывании Керенского с большевизированными Советами, однако вечером 9 августа в редакцию «Вольности» проникли несколько человек в штатском (по свидетельству очевидца, это были латыши)¹⁰⁴ и, угрожая главному редактору, разбросали набор. Редактором являлся известный журналист А.В. Амфитеатов,

который после этого случая стал бояться пропускать в печать статьи оппозиционного характера. Вскоре он был уволен (по иным причинам — как первоклассный редактор он был слишком дорог для Совета)¹⁰⁵, а редакция стала коллективной. В ее состав вошли только члены Совета: А.И. Дутов, Г.А. Ткачев, Б.Д. Самсонов, П.П. Калмыков и В.С. Филатов (кооптирован в Совет).

К середине августа центр политической жизни переместился в Москву. 8 августа здесь прошло собрание общественных деятелей, на котором присутствовала делегация Совета. На Государственном совещании, которое должно было открыться несколько позже, Совету было предоставлено 10 мест, а поскольку многие его члены участвовали в работе совещания как представители своих войск, получилось, что в работе совещания принимали участие практически все, кто состоял в Совете. От Оренбургского войска присутствовало пять представителей.

11 августа делегация Совета выехала из Петрограда, а 12-го утром уже была в Москве. Казачьи делегаты поселились вместе в круглом угловом зале Московского дворянского собрания. А.М. Каледин жил на частной квартире. Казачьи представители провели собственное совещание под председательством Каледина. Товарищами (заместителями) председателя казачьей фракции были Дутов и М.А. Караулов. На первом заседании было образовано две комиссии: по общим вопросам (председатель — Караулов) и по военным вопросам (председатель — Дутов). Как вспоминал впоследствии Ф.А. Щербина, участвовавший на совещании в составе кубанской делегации: «Я в первый раз видел Каледина... во многом я единомышленник с этим обязательным генералом-казаком. Весь ход участия в съезде нас, казаков, укрепил меня, как в этом частном, так и в общем убеждении в том, что могут же сходиться и объединяться между собою не только казаки из профессионально-интеллигентной среды, но и казаки из среды предрержащей власти. В этом убеждала меня и совместная работа с другим представителем предрержащих властей — с оренбургским казаком А.И. Дутовым... я имел полную возможность ознакомиться и оценить казачью идеологию, как в суждениях всех вообще представителей казачества на общих собраниях, так и ближе воззрения А.И. Дутова и отчасти А.М. Каледина, так как после почти бессонной ночи он успел познакомиться с нашею с Дутовым сводкою и внести свою долю поправок в нее. Об этом, да и вообще о взаимоотношениях казаков в той обстановке остались у меня светлые воспоминания. Наши заседания и принятие казачьей декларации прошли оживленно и дружно»¹⁰⁶.

В ходе работы казаки продемонстрировали единство взглядов по основным вопросам, к 13 августа была выработана общая резолюция, ее сводку и окончательную редакцию осуществили Дутов и Ф.А. Щербина, на следующий день она была зачитана Калединым от имени всего казачества. Резолюция была довольно резкой, и казаки боялись, что Каледин может от этого

пострадать, поэтому решили, что зачитывать должен кто-то другой. Узнав об их опасениях, Каледин решительно вызвался сам озвучить документ, более того, он усилил пункт об ограничении прав комитетов требованием их отмены¹⁰⁷.

Совещание открылось в Большом театре 11 августа в 16 часов речью Керенского и длилось до 23 часов. 14 августа в 11 часов казаки поехали к Брестскому вокзалу встречать Корнилова. В почетном карауле стояли казаки двух оренбургских сотен. Речь Каледина, выступившего в тот же день, должна была, по его замыслу, быть правее речи Корнилова, чтобы власти согласились с корниловской программой. По свидетельству очевидцев, речь Каледина была наиболее ярким моментом совещания. Каледин сказал: «Служа верой и правдой новому строю, кровью запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контрреволюции, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством... В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение родины требует, прежде всего, доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны...»¹⁰⁸ Помимо этого, программа Каледина, а следовательно, и Дутова предполагала: неучастие армии в политической деятельности; упразднение всех Советов и комитетов в армии и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных; ограничение их компетенции хозяйственными вопросами; пересмотр декларации прав солдата и дополнение ее декларацией его обязанностей; решительные меры по укреплению дисциплины в армии; единство фронта и тыла; восстановление дисциплинарных прав начальствующих лиц; установление твердой внепартийной власти; жесткое подавление сепаратизма; введение трудовой повинности; обеспечение законности при выборах в Учредительное собрание. Речь Каледина, по мнению В.И. Ленина (Ульянова), — «это самое существенное политическое заявление, сделанное на Московском совещании»¹⁰⁹. Что может быть убедительнее такого признания, сделанного прямым врагом!

На следующий день, 15 августа, в противовес Каледину от ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов выступил есаул 7-го Оренбургского казачьего полка А.Г. Нагаев¹¹⁰. Речь Нагаева была направлена в первую очередь против Совета Союза казачьих войск, давним противником которого он являлся. Он утверждал, что Совет непредставителен, не выражает интересов трудового казачества (термин, изобретенный тогда же с целью

расколоть казачество), что фронтовое казачество в нем представлено слабо, ряд частей не доверяет Совету, а требование роспуска всех Советов недопустимо без проведения всероссийского казачьего съезда¹¹¹.

Тогда же произошел скандальный эпизод с Генерального штаба полковником К.В. Сахаровым, который во время выступления Нагаева выкрикнул «германские марки»¹¹², а по другой, более привлекательной версии, спросил, сколько стоит германская марка в переводе на рубли¹¹³. После этого Керенский потребовал оратора назвать себя, но, не расслышав ответ Сахарова из-за шума, сказал (так, как ему хотелось бы считать): «Есаул Нагаев и все присутствующие здесь русские люди совершенно удовлетворены молчанием труса»¹¹⁴. После еще нескольких выкриков Нагаев продолжил свое выступление. В перерыве к Керенскому улаживать скандал с участием своего родственника бросился Дутов. Он совместно с другими присутствовавшими просил Керенского взять свои слова назад, что тот и сделал после перерыва. Сахаров с места сказал, что готов дать удовлетворение Нагаеву, что означало дуэль. Но после некоторых пререканий инцидент был исчерпан. 16 августа члены Совета выехали в Петроград.

В дальнейшем Нагаев выступил с заявлением, что он не является большевиком и поддерживает войну до победного конца¹¹⁵, однако это ничего не меняло, и он, в сущности, так и остался маргинальным элементом, а позднее перешел к большевикам.

Следует отметить, что деятельность Дутова во фронтовых оренбургских казачьих частях воспринималась неоднозначно. Так, 13 августа в газете «Оренбургский казачий вестник» появилась статья «Открытое письмо с фронта», в которой в ответ на инициированную Дутовым июльскую телеграмму оренбургского Совета Керенскому с призывом использовать оренбургские части в наступлении говорилось:

«...нам здесь на фронте интересно было бы знать, кто уполномочивал В[ойскового] Ст[аршину] Дутова делать подобное предложение и просить военного министра «использовать все Оренбургские казачьи части»? Разве г. Дутова все наши части уполномочили говорить так?! Насколько нам известно, — ничего подобного, ибо от большинства наших частей, находящихся в действующей армии, не было делегатов на этом собрании. В силу чего В[ойсковой] Ст[аршина] Дутов считает себя призванным предлагать правительству услуги «всех» Оренбургских частей? Главнокомандующий генерал Корнилов в телеграмме докладывает, что «наступление при таком положении в армии невозможно и его надо прекратить на всех фронтах». В[ойсковой] Ст[аршина] Дутов в этом не согласен с ген[ералом] Корниловым и предлагает «использовать» нас «для наступления». А совет казачьих депутатов на каких основаниях счел себя вправе принять это предложение? В уставе этого совета из всех 4-х параграфов я не вижу ни одного более или менее под-

ходящего, который давал бы право совету принимать подобное «боевое» предложение частного лица. Совет казачьих депутатов, судя по уставу его, организован для рассмотрения тыловых вопросов и в 1-м же своем собрании «смело и решительно» не считается с[о] своим уставом?!? Оренбургские казачьи части, находящиеся уже четвертый год на фронтах, славно, неустанно выполняют свою боевую службу перед дорогой им Родиной. Все они умеют скромно, с достоинством и доблестью истого казака исполнять святой долг перед Нею, не нуждаясь в оценке своих трудов и в указаниях самозванных, безответственных ходатаев. Наши казачьи части знают, что их боевые вожди видят лучше этих непрошенных ходатаев, — куда и как вести казаков на подвиги во имя Родины и где нужна их доблесть. Почти все Оренбургские казачьи части записались в состав ударных войск и, таким образом, предупредили тыловое «предложение». Удивляемся мы, здесь, на боевом фронте тому, что находятся в далеком тылу организации и частные лица, с такой развязностью и легкостью проектирующие для нас боевые задачи! Успокойтесь, умерьте свой пыл за счет не вашей крови. Будьте добры, — разрешите нам, казакам, служить Временному Правительству, как служили; идти нам всегда по указу нашего фронтового начальства туда, куда призовет нас честь наша, благо пострадавшей России и спасение истинной свободы. А вы сами займитесь прямым своим делом, если оно только у вас есть, помимо разговоров! Не ваше дело, — не вами и делается! А.Б.»¹¹⁶.

Ответ не заставил себя долго ждать. Уже 23 августа войсковой старшина А.Ф. Рязанов выступил на газетных страницах в защиту Дутова: «Войсковой стар[шина] Дутов, как делегат 1-го Оренб[ургского] Казачьего полка, как делегат войска, является ничуть не частным лицом и мог подать свой голос от имени всего войска и, следовательно, от всех казачьих частей фронта. Как делегат Всероссийского Казачьего Круга, как его председатель, как председатель Совета Союза Казачьих войск, лицо облеченное доверием всего объединенного Казачества, В[ойсковой] Ст[аршина] Дутов полномочен подать свой голос и внести предложение от имени Казачества вообще. В числе принявших его предложение о посылке известной телеграммы на имя Военного министра были лица, облеченные доверием всего войска выборные: Войсковой атаман Генерал Мальцев, Начальник штаба полковник Половников, делегаты Оренбургского войскового круга, члены Войсковой Управы, окружной Управы и делегаты войсковых частей с фронта, бывшие на съезде в Оренбурге. Мы не имеем чести знать, кто вы, г-н А.Б., но возможно, что в числе принявших эту резолюцию был делегат и вашей части. Я думаю, что тут произошло недоразумение вследствие вашей неосведомленности в наших казачьих делах... Наша резолюция не есть боевой приказ и боевая задача... Она преследовала цель заявить Вр[еменному] Правительству, что среди общего распада и уныния жив и крепок дух казаков»¹¹⁷. Разумеется, Дутов

несколько превысил свои полномочия, за что и получил негодующий ответ с фронта.

По слухам, которые просочились и в печать, 28—29 августа в Петрограде ожидалось новое выступление большевиков в связи с шестимесячным «юбилеем» февральских событий¹¹⁸. Для пресечения возможного мятежа Временное правительство вызвало с фронта войска, причем члены Совета Союза казачьих войск с 24 августа были в курсе того, что III конный корпус Генерального штаба генерал-лейтенанта А.М. Крымова движется к столице. Однако Керенский, 26 августа введенный в заблуждение обер-прокурором В.Н. Львовым, которого британский посол в России Дж. Бьюкенен назвал «зловредным интриганом»¹¹⁹, объявил А.Г. Корнилова изменником и начал вооружать петроградских рабочих¹²⁰.

27 августа представителей Совета неожиданно попросили прибыть к 19 часам в штаб Петроградского военного округа. Поехали П.А. Авдеев и А.Н. Греков, с казаками беседовал главнокомандующий округом генерал О.П. Васильковский, пытавшийся узнать, располагают ли они сведениями о мятеже Корнилова. Казаки ничего не знали, и этим генерал был успокоен. Очевидно, Васильковский пытался таким простым способом выяснить, существует ли заговор против правительства и в Петрограде. Новостью для Грекова и Авдеева стало известие об отказе Корнилова подчиниться приказу Керенского о собственном смещении с поста Главноверха. По возвращении члены Совета собрались на заседание и стали обсуждать сложившуюся ситуацию, ставя перед собой задачу предотвратить гражданскую войну, угроза которой была очевидна. Дутов узнал о происшедшем из частного источника и сам собрал Совет. Как заявил 9 октября 1917 г. в своих показаниях Чрезвычайной комиссии по делу Корнилова член Совета есаул А.И. Аникеев, «положение рисовалось нам до чрезвычайности тяжелым. Трудно было учесть тяжесть последствий этого конфликта. Ясно было только одно, что по чьей-то вине (подчеркнуто в документе. — А. Г.) сделан был большой прыжок в сторону гибели и позора России. Перед нами встал весь ужас возможности кровавой братоубийственной войны, ужас тем более для нас страшный, что в этот водоворот неизбежно должны быть вовлечены казачьи части, поставленные перед лицом жестокой необходимости стрелять друг в друга, так как казаки, подчиняясь приказу начальства, могли выступить и с той и с другой стороны, а разрешение конфликта могло вызвать употребление в дело оружия»¹²¹. Было решено командировать трех человек к Керенскому и добиться разрешения поехать в Ставку.

Поздно ночью (в 1—2 часа ночи)¹²² Дутов, Караулов и Аникеев отправились к Керенскому, который принял их в присутствии управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова и потребовал от казаков письменного отказа от насильственной реализации постановления Совета по Корнило-

ву. Кроме того, министр-председатель потребовал от членов Совета в случае продолжения движения корпуса Крымова на Петроград призвать казачество встать на сторону правительства, но получил по всем вопросам отказ. «Керенский был взволнован. На вопросы отвечал довольно сдержанно. Савинков был откровеннее»¹²³.

Казаки просили у Керенского разрешения отправиться в Ставку, чтобы примирить обе стороны. Керенский сказал, что примирение уже невозможно и нужно убедить Корнилова подчиниться. Он дал разрешение на поездку и попросил Савинкова подготовить пропуска. Однако, когда члены Совета пришли на следующее утро (28 августа) за пропусками, Савинков, показав им уже готовые документы, ответил, что Керенский запретил им ехать в Ставку под предлогом того, что их посредничество уже запоздало. По другой версии, имела место встреча не с Савинковым, а с начальником политического управления Военного министерства поручиком Ф.А. Степуном¹²⁴, однако с тем же результатом. Совет усмотрел в этом недоверие со стороны министра-председателя к своей работе и сложил с себя ответственность за дальнейшее развитие событий.

В этот же день Корнилов принял решение об открытом выступлении против Временного правительства, ведшего страну к гибели. 28 августа датиrowано его воззвание к казакам:

«Казаки, дорогие станичники! Не на костях ли ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского. Не вашей ли могучей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами и геройством была сильна Великая Россия. Вы — вольные, свободные сыны тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные, могучие орлы уральских, оренбургских, астраханских, семиреченских и сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы ваших знамен, и русская земля полна сказаниями о подвигах ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда вы должны прийти на помощь Родине. Я обвиняю Временное правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло 12 тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов правительства в прямом предательстве Родины и тому привожу доказательство: когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3 августа, министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные. Ясно, что такое правительство ведет страну к гибели, что такому правительству верить нельзя, и вместе с ним не может быть спасения несчастной России. Поэтому, когда вчера Временное правительство в угоду врагов потребовало от меня оставления должности Верховно-

го главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести, вынужден был отказаться от исполнения этого требования», предпочитая смерть на поле брани — позору и предательству Родины. Казаки, рыцари Земли Русской. Вы обещали встать вместе со мной на спасенье Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина — накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА и ради спасенья Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией. Слушайтесь же и исполняйте мои приказания. Идите же за мной. Верховный главнокомандующий, генерал КОРНИЛОВ 28-го августа 1917 года»¹²⁵.

Информация о том, что Дутов 28 августа якобы был в Ставке и вечером уехал с письмом Корнилова в Оренбург¹²⁶, совершенно не соответствует действительности. Адьютант Корнилова Р.-Б. Хаджиев в своих мемуарах отметил, что «кажется, с 27 августа, Верховный начал посылать людей во все стороны для подготовки народа к предстоящей совместной работе. Одним из первых уехал [В.С.] Завойко и Александр Ильич Дутов, причем первый уехал на Дон¹²⁷, а второй в Оренбург для приготовления казаков. Верховный приказал мне дать двух джигитов для сопровождения их до Гомеля, так как они ехали туда в автомобиле»¹²⁸. Разумеется, в Оренбург Дутов не уезжал. Известно, что с 27 августа он точно находился в Петрограде, таким образом, побывать в Ставке будущий атаман мог лишь до этого — с учетом дороги из Ставки до Петрограда его встреча с Корниловым могла состояться не позже 25 августа. К сожалению, более детальных свидетельств о пребывании Дутова в Ставке обнаружить не удалось.

Впрочем, сам Дутов позднее вспоминал в беседе с журналистом, что встречался с Корниловым в Ставке после московского совещания. «Здесь (в Ставке. — А. Г.) мне была поручена работа, — говорил он, — по подготовке к этому выступлению (Корнилова. — А. Г.) войск в Петрограде, и после начала выступления я уже не виделся с Корниловым»¹²⁹.

Любопытное свидетельство привел П.Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции». Оно было получено от небезызвестного В.Н. Львова, «рассказавшего ему (Милюкову. — А. Г.) в мае 1921 г. в Париже о следующем своем разговоре с казацким полковником Дутовым. «В январе 1918 г., — говорил В.Н. Львов, — я был при защите Оренбурга от большевиков. Между прочим, я был у Дутова в сопровождении председателя оренбургского комитета конституционно-демократической партии, Городецкого. Я спросил Дутова: что должно было случиться 28-го августа 1917 года? Дутов ответил мне буквально следующее: «Между 28 августа и 1 сентября, под видом большевиков должен был выступить я...»¹³⁰ Дутов

продолжал: «Но я бегал в экономический клуб¹³¹ звать выйти на улицу, да за мною никто не пошел (выделено в тексте. — А. Г.)...»¹³² Здесь же Милоков рассуждал об офицерском заговоре и о том, был ли в него посвящен Корнилов. На мой взгляд, В.Н. Львов давал такие показания, чтобы снять с себя ответственность за собственные бездумные действия в августе 1917 г. и пытаться утверждать, что заговор Корнилова и офицеров — не плод воображения перепуганного Львовым Керенского, а исторический факт. Позднее и сам Керенский пытался утверждать, что такой заговор правых, в том числе при участии Совета Союза казачьих войск, существовал на самом деле и, более того, о нем было известно начиная с середины июля¹³³. Небезынтересно, что за это свидетельство в 1930-е годы ухватилась и советская пропаганда¹³⁴. Керенский, в частности, заявлял, что Корнилов был связан с Дутовым гораздо раньше, чем с Калединым¹³⁵. Дутов принимал участие в собрании представителей петроградских правых организаций в ресторане «Малый Ярославец», произошедшем, по трем различным свидетельствам, в период 26—28 августа¹³⁶. Присутствовали также А.И. Путилов, генерал Иванов, Генштаба полковники А.П. Дюсиметьер («Республиканский центр») и В.И. Сидорин, полковник Гейман, подполковник Бантыш, штабс-капитан Алькимович, поручик Березовский, Ф.А. Липский и Л.А. Рума. Всего не более 15 человек. Дутов был навеселе, остальные серьезно обсуждали назревшие вопросы. В связи с приближением корпуса Крымова и не ожидавшимся в ближайшее время выступлением большевиков было якобы принято решение об организации в городе погромов с целью спровоцировать большевиков, причем ответственным за это дело был назначен Генерального штаба полковник В.И. Сидорин¹³⁷.

Генерального штаба капитан С.Н. Ряснянский, являвшийся членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота, отмечал, что Сидорин «очень энергичный и мужественный, когда он того хотел... временами впадал в полное безделье и совершенно ничего не хотел делать»¹³⁸. Именно на Сидорина, по свидетельству Ряснянского, была возложена задача наладить связь с Союзом казачьих войск для подготовки совместного выступления в Петрограде. Разумеется, Ряснянский отмечает, что казаки были настроены «не всегда так, как бы это нужно было»¹³⁹. Однако и сам Сидорин, как выяснилось, вплоть до 26 августа почти ничего не сделал для налаживания взаимодействия с организацией Дутова. Связь между двумя союзами существовала на уровне Сидорин — Хрещатицкий (заместитель Дутова). В итоге Дутов смог лишь постфактум заявлять о своей важной роли в тех событиях. Тогда же он, по всей видимости, был не вполне осведомлен о той работе, которую вели некоторые члены Союза офицеров армии и флота. Не была она известна и генералу Корнилову (иначе, учитывая его контакты с Дутовым и наличие единой организации, будущий атаман, скорее всего,

был бы в курсе всех организационных вопросов и непосредственно взаимодействовал бы с Союзом офицеров). Что касается заговора, то если он и существовал в действительности, то формировался в основном вокруг руководства Союза офицеров армии и флота, причем речь шла не о заговоре против Временного правительства, а о ликвидации петроградского Совета, которая положила бы начало ликвидации системы советов по всей стране.

Известный эмигрантский публицист И.А. Солоневич, являвшийся на момент выступления Корнилова начальником одного из отделений студенческой милиции Васильевского острова и состоявший в качестве представителя спортивного студенчества при Дутове, отмечал, что Дутов должен был выступить в Петрограде не «под видом большевиков», а непосредственно поддержать движение Корнилова. «Мы умоляли Дутова дать нам винтовки. Дутов был чрезвычайно оптимистичен: «Ничего вы, штатские, не понимаете. У меня есть свои казачки, я прикажу — и все будет сделано. Нечего вам и соваться». Атаман Дутов приказал. А казачки сели на борзые на поезда и катнули на тихий на Дон. Дутов бросил на прощание несколько невразумительных фраз, вот вроде тех сводок о заранее укрепленных позициях, на которые обязательно отступает всякий разбитый генерал. Я только потом понял, что атаман Дутов был просто глуп той честной строевой глупостью, которая за пределами своей шеренги не видит ни уха ни рыла. Очень может быть, что из нашей студенческой затеи, если бы мы и получили винтовки, не вышло бы все равно ничего. Ну а вдруг? Мало ли какой камушек в решающий момент может перевесить весы истории? Наш камушек, камушек студенческой молодежи, людей смелых, тренированных, как звери, и знающих, чего они хотят, был презрительно выброшен в помойную яму истории»¹⁴⁰.

Сложно оценить степень достоверности этого свидетельства, тем более что Солоневич известен своим резко отрицательным отношением к руководителям Белого движения. По меньшей мере странным выглядит обращение Солоневича к Дутову с просьбой о выдаче оружия. Можно подумать, что возглавляемый Дутовым Совет Союза казачьих войск был военизированной организацией с собственными запасами вооружения! Очевидно, что если Дутов и мог как-то содействовать Корнилову, то только посредством своего авторитета и связей в казачьих частях и петроградских штабах.

Разумеется, нельзя говорить о роли Дутова в те дни однозначно, однако нет никаких весомых доказательств того, что он должен был поднять восстание в Петрограде. Его отказ Солоневичу это доказывает. Если бы Дутов был действительно намерен выступить, он бы, конечно, с радостью воспользовался помощью любых сил. Собственные же (и приписываемые ему) приписания Дутова, учитывая известную склонность атамана к бахвальству, нуждаются в самом критическом анализе. В годы Гражданской войны указания на нейтралитет Дутова в корниловские дни едва ли могли положительно

восприниматься в белом лагере, соответственно Дутову приходилось изворачиваться в объяснениях, чтобы не терять популярности.

Кроме того, в дальнейшем (осенью 1917 г.) Дутов тесно сотрудничал с Временным правительством и даже был произведен в следующий чин, что было бы невозможно, будь он причастен к какому бы то ни было заговору (вопрос о наличии заговора весьма интересовал Керенского, получавшего информацию об этом непосредственно из Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова). Совет Союза казачьих войск организационно не участвовал в движении Корнилова. Более того, вся деятельность Дутова и Совета Союза казачьих войск в период выступления Корнилова говорит об их нейтралитете, правда, в большей степени благожелательном по отношению к Корнилову, чем к Керенскому. Как позднее свидетельствовал последний, руководители Совета «принадлежали к той группе лиц, как и Милюков, которые были убеждены, что победа будет на стороне Корнилова, а не на стороне революции»¹⁴¹. Тем не менее позиция Дутова не устраивала ни правых, ни левых. В частности, известный монархист В.М. Пуришкевич в письме Каледину от 4 ноября 1917 г. назвал политику Дутова (правда, скорее всего в отношении всего периода до ноября 1917 г.) странной, указав, что из-за этого казаки оказались распропагандированы, и обвинил будущего оренбургского атамана в том, что тот упустил благоприятный для решительных действий момент¹⁴². Но, как уже говорилось, Дутов не собирался предпринимать такого рода действия. Думаю, не будет ошибкой сказать, что Дутов занял очень осторожную и выжидательную позицию.

От 13-го и 15-го Донских казачьих полков III корпуса в Петроград 29 августа прибыли ветеринарный фельдшер Гуров, урядники Мельников и Дарашев. Они встретились с Керенским, который сказал им, что Корнилов — изменник и поднял мятеж, и приказал не исполнять приказов о движении к Петрограду, а офицеров арестовывать. Прибывшие были произведены в прапорщики¹⁴³. Казаки просили командировать в эшелоны кого-либо из Совета Союза казачьих войск. Дутов попросил Аникеева получить для этого пропуск в штабе округа. Из штаба округа Аникеев с казаками и адъютантом Керенского лейтенантом Ковалько поехал в Совет. 30 августа делегаты Совета П.А. Авдеев и А.Ф. Худяков выехали к войскам (в 1-ю Донскую казачью дивизию) с задачей по возможности не допустить арестов офицеров и успокоить казаков, что им в целом удалось сделать. Перед выездом они имели беседу с Б.В. Савинковым.

30 августа в Петроград приехал генерал А.М. Крымов, который после беседы с Керенским застрелился. Похороны Крымова во избежание демонстраций протеста были проведены скрытно. В тот же день Дутова, Караулова и Аникеева в штаб округа пригласил Савинков. После беседы с ним состоялась встреча с начальником штаба Верховного главнокомандующего

Генерального штаба генералом от инфантерии М.В. Алексеевым, который сказал, что «уже начались случаи дикой, кровавой расправы солдат с офицерами. Такие осложнения под влиянием пропаганды безответственных лиц возможны, хотя и маловероятны и в ваших казачьих частях, подошедших к Петрограду. Надеюсь, вы не откажете мне в помощи и поедете в казачьи части поговорить с казаками, чтобы своим авторитетом успокоить их. Теперь в казачьих частях еще сохранился порядок, и поддержать его крайне необходимо. Временное правительство обещает провести в жизнь поставленные мною условия, но разве «им» можно верить?» (подчеркнуто в документе. — А. Г.)¹⁴⁴. Разумеется, делегаты обещали поехать в полки, однако на следующий день их поездка была отменена. 30 августа была выпущена резолюция Совета с призывом к казакам подчиняться правительственным распоряжениям, но такой документ не устроил Керенского.

31 августа в Зимний дворец был вызван Дутов. Однако он сказался больным и не поехал, оставшись в своем номере гостиницы «Пушкинская» на Пушкинской улице. По поручению Дутова к Керенскому отправился войсковой старшина А.Н. Греков. В крайнем случае обещал быть и сам Дутов. Керенский принял Грекова в бывшем императорском кабинете, его целью было потребовать от Дутова решительных действий против Корнилова и Каледина. Совет должен был объявить Корнилова изменником, а Каледина — мятежником. Оба обвинения не имели под собой никакой почвы и основывались на страхах Керенского. Разумеется, Греков отказался выполнить его просьбу, сообщив, что не имеет необходимых полномочий. Тогда Керенский потребовал к себе весь президиум Совета Союза казачьих войск. Вскоре члены президиума были у Керенского. Керенский принял их вместе с министром призрения донским казаком И.Н. Ефремовым. Поздоровавшись с каждым за руку, он принялся ходить по кабинету, излагая волновавшие его вопросы. Керенский, по свидетельству есаула А.И. Аникеева, «в неоправданном повышенном тоне обратился к президиуму Совета со следующими словами: «Почему Совет так поздно нашел возможность сказать свое слово о подчинении Временному правительству. Совет это слово сказал тогда, когда стало ясно, что выступление генерала Корнилова ликвидировано. Кроме того, генерал Каледин поднял мятеж на Дону, грозит отрезать Москву и Петроград от угольного района, занял станцию Поворино, в Урюпинске сосредоточивает мятежные войска, разъезжает по области и призывает казаков к восстанию против Временного правительства. Совет в своем воззвании не вынес осуждения ни генералу Корнилову, ни генералу Каледину как мятежникам и предателям и изменникам родины. Я требую от Совета самого жестокого осуждения генералам Корнилову и Каледину. Если Совет это сделает, то все происшедшее я могу считать недоразумением»¹⁴⁵. Обвинения Каледина в подготовке восстания были откровенной кле-

ветой, обусловленной слабой информированностью Керенского о реальном положении дел (впрочем, в этом конфликте слабо информированы были все стороны) и страхом перед представителями правого лагеря. В то же время реальной ситуации не знали и члены Совета.

Ответил Дутов, обративший внимание Керенского на то, что казаки уже предлагали мирное решение, но получили отказ в поездке в Ставку, и теперь уже Дутов отказал в резолюции, которой добивался Керенский. Последний заявил делегатам, что это решение казачьего офицерства, а не трудовых казаков, и потребовал резолюцию всего Совета. Подобное высказывание было достаточно наивным, ведь рядовое казачество и казачье офицерство были связаны друг с другом самым тесным образом: многие вместе воспитывались и жили в одной станице, вместе несли тяготы военной службы и боевой жизни, а часто даже являлись близкими родственниками. Почти все вернулись с Первой мировой войны живыми. Подобные особенности отразились на участии казачества в Гражданской войне, когда казаки пошли за своими офицерами и метались между красными и белыми часто тоже вместе с офицерством.

После этого разговора у членов президиума сложилось впечатление, что Керенский их арестует. Чтобы прояснить ситуацию, Дутов перед уходом спросил его, могут ли присутствующие члены Совета считать себя в безопасности и не вызовут ли их отказ репрессий. Керенский на это ответил: «Вы мне не опасны, повторяю вам, трудовое казачество на моей стороне. Можете быть свободны; я жду от вас сегодня же нужной для меня резолюции»¹⁴⁰.

Около 15 часов члены президиума покинули Зимний. На 18 часов Дутов назначил экстренное заседание Совета. На заседании он изложил свою точку зрения, после прений им совместно с присутствовавшим Карауловым было составлено письмо Керенскому. В письме перечислялись все обиды, нанесенные правительством казакам. Отмечалось, что Каледин и Корнилов — казаки и что Совет не может их осудить, не выяснив всех обстоятельств. Кроме того, было указано, что Совет не может работать, когда ему угрожают. Текст этого документа, озаглавленного «Обращение Совета Союза Казачьих Войск к Министру Председателю Государства Российского», был следующим (неясны временные разночтения в источниках):

«Господин Министр-Председатель. По Вашему вызову Президиум Совета сегодня, 31 Августа в 17 час. прибыл в Зимний дворец и выслушал Ваше требование: «Дать немедленное и жестокое осуждение генералам Корнилову и Каледину и признать их мятежниками и изменниками родины». Первое обращение Совета в виде делегации в лице Председателя А.И. Дутова, Атамана Терского войска Караулова и есаула Аникеева за разъяснением событий и принятия на себя посредничества не привело ни к чему. Вы обещали послать эту делегацию к генералу Корнилову, потом отменили. Мы обра-

тились с просьбой послать делегации в Уссурийскую казачью, Туземную конную, 1-ю Донскую казачью и 5-ю Кавказскую казачью дивизии, дабы предотвратить братоубийственное столкновение и осветить обстановку. Вы нам обещали, но не дали разрешения; потом настойчиво прося, мы опять получили разрешение ехать, и вновь нас не пустили. Таким образом, мы являемся или узниками, или, вернее, заложниками казачества и к нам применены меры пресечения. Теперь же, когда на Дону начались неурядицы и это грозит голодом и отсутствием угля, Вы вновь обращаетесь к нам за помощью, но уже в резкой ультимативной форме, почти с угрозой. Совет не может уяснить себе тактики Временного Правительства по отношению к нему. В настоящее тяжелое для казачества время, казалось, проще всего обратиться к его выборному органу того же казачества (так в документе. — А. Г.), но, тем не менее, ему не доверяют и его игнорируют. В то же время члены Совета [рабочих] и [солдатских] [депутатов] имеют свободный пропуск и решают казачьи дела. Совет после объяснения с генералом Алексеевым и бывшим управляющим военным министерством Савиновым счел для себя, наконец, обстановку несколько выясненной и заявил войскам свое требование о подчинении Временному Правительству, но этого оказывается мало, и теперь Совету приказывают заклеить генералов Корнилова и Каледина именем Изменников и бунтовщиков. Совет, являясь выборным органом всего Российского казачества, в том числе и Донского, не может работать под давлением и угрозами и, дав уже резолюцию о подчинении Временному Правительству, другой вынести не представляет для себя возможным. К тому Совет Союза Казачьих войск считает нужным заявить Временному Правительству, в лице Вашем, Господин Министр-Председатель, что даже при наличии военных действий между противниками возможны всякие мирные конференции для выяснения всех причин, тем более казалось бы возможным при настоящем братоубийственном столкновении испытать все мирные средства, а потом уже угрозы. Совет твердо заявляет, что он первый сделал все примирительные шаги, но его предложения отвергнуты. Совет с начала своего существования не встретил сочувствия к себе со стороны Временного Правительства. Ему всегда и во всем ставились препоны. Так, ему было отказано и в помещении, и в перевозочных средствах, и во многих других, необходимых для существования нуждах, в то же время другим организациям все это предоставлялось сразу и без хлопот. Совет никому не звали и не приглашали. Совет сам упорно добивался участия в государственной жизни страны тогда, когда задевались интересы казачества и только настойчивыми просьбами, многочасовыми сидениями председателя по приемным удалось добиться некоторого обоснованного положения. Прорыв фронта и казачья стойкость там дали казачеству, а в частности, Совету, возможность кое-где проявлять себя. События 5 Июля, когда на улицах

Петрограда пролилась казачья кровь, дали Совету окончательно фундамент и, наконец, Московское Совецание, куда Совет попал в числе 10 лиц и там после многократных просьб, несмотря на Ваше, Господин Министр-Председатель, обещание вызвать туда весь Совет, кое-как позволи[ли] Совету быть окончательно известным Временному Правительству. Все просьбы членов Совета почти не имели успеха. Фронтный (так в документе. — А. Г.) казачий Съезд нам разрешили, потом отменяли, вновь разрешали и опять отменяли. Работая на благо родины, Совет всецело существовал на свои собственные средства, не обременяя и без того тощую государственную казну. Все земельные и выборные реформы по Учредительному Собранию в отношении казачества встречали огромные препятствия со стороны членов Временного Правительства. Последнее земское положение окончательно указало на невозможность сохранения казачьих особенностей жизни. В комиссию, назначенную для расследования Событий 3 и 5 Июля, члены Совета не вошли, между тем, кому, как не казакам, быть [и] участвовать в этой комиссии. В последнее время началась травля Совета, называли его предателем армии. И когда председатель Совета обратился с письмом на Ваше имя, Господин Министр-Председатель, с просьбой не допускать подобных выпадов в печати, от Вашего имени Совет получил ответ, [—] неправительственные печатные органы не могут быть связаны его приказами. В такой атмосфере работать невозможно. Теперь от нас требуют заявления и как бы суда над генералами Корниловым и Калединым. Мы — не судьи, а представители всех 12-ти казачьих войск, в списках коих состоят и генерал Корнилов, и генерал Каледин, а потому осудить их мы не можем, не узнав всех подробностей. Как Вы, Господин Министр, так и бывший управляющий военным министерством Савинков, даже теперь утверждали, что генерал Корнилов — боевой генерал, любящий родину, но вовлеченный лишь в авантюру неизвестными выскочками, так как же мы, казаки, можем заклеить этих боевых сынов казачества столь позорным именем без суда и следствия. Разве Вам недостаточно, Господин Министр-Председатель, заявления в нашем воззвании о подчинении Временному Правительству. Большого дать сейчас не можем, и если Вы будете настаивать, угрожать и оказывать давление на нас, то мы, Совет, вынуждены будем просить свои [войска] сложить с нас полномочия, считая дальнейшую работу под давлением несовместимым (так в документе. — А. Г.) с достоинством выборного органа всероссийского казачества»¹⁴⁷.

Ответ Совета было решено отправить не с офицерами, а исключительно с простыми казаками, чтобы тем самым наглядно продемонстрировать Керенскому, что это решение трудового казачества. Зачитать ответ должен был П.А. Авдеев — бас Кубанского казачьего хора. В делегацию вошли П.А. Авдеев, А.И. Попов, А. Сидоров, В.Ф. Зайцев, Н.А. Шамшин, И.Е. Со-

колов, Г.В. Тюменцов, И.С. Макридин и П.А. Лукин. Делегаты прибыли во дворец около 23—24 часов и были приняты министром-председателем. После того как Авдеев зачитал письмо, Керенский попросил забрать бумагу обратно, но казаки отказались. «Тем хуже для Вас, за последствия я не ручаюсь»¹⁴⁸, — была последняя фраза Керенского. В тот же день Корнилов и Каледин были объявлены изменником и мятежником. Совет Союза казачьих войск в ответ вынес резолюцию о том, что Керенский не вправе отстранять выборного Донского атамана, каким являлся Каледин, т. к. не он его избирал. По мнению Керенского, он утвердил Каледина в должности и мог его отозвать. 1 сентября на встрече с Аникеевым и Худяковым Керенский «держал себя по отношению к нам, членам Совета, возмутительно: кричал на нас, волновался, делал непозволительные скачки и жесты и все время подчеркивал, что он Верховный главнокомандующий, а мы — военнослужащие. Хотя мы разговаривали с ним не как с Верховным главнокомандующим, а как с министром, и не как военнослужащие, а [как] представители казачества»¹⁴⁹.

Оренбургские казаки, выполняя приказы командования, в некоторой степени были вовлечены в противостояние Временному правительству. В частности, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Генштаба генерал-лейтенант А.И. Деникин и его начальник штаба Генштаба генерал-лейтенант С.А. Марков после получения сведений о конфликте между Керенским и Корниловым распорядились об усилении охраны в Бердичеве и Житомире. Среди прочих мер была усилена дежурная часть 1-го Оренбургского казачьего полка в Житомире¹⁵⁰. Впрочем, 28 августа оренбургская сотня, дежурившая в Бердичеве возле штаба Деникина, усакала наметом при приближении толпы революционных солдат с двумя броневиками¹⁵¹. 31 августа по распоряжению комиссара Юго-Западного фронта были арестованы домашним арестом командир 1-го Оренбургского казачьего полка полковник И.Н. Лосев (освобожден 12 октября) и войсковой старшина Ю.И. Мамаев. Войсковой круг в сентябре 1917 г. ходатайствовал об их освобождении и высылке в Оренбург¹⁵².

2 сентября в Совете узнали об аресте Корнилова, произошедшем за день до этого. После ликвидации корниловского движения казаки стали добиваться участия в расследовании дела Корнилова. Такая возможность была им дана. Представитель казачества И.Г. Харламов участвовал в работе Чрезвычайной комиссии по расследованию дела Корнилова¹⁵³. Отношение Керенского к Совету после подавления выступления Корнилова ухудшилось. Есть, однако, сведения о том, что применительно к делу Каледина Керенский сожалел «о создавшемся недоразумении между ним и казачеством»¹⁵⁴. Возможно, чтобы примириться с казачеством как со своей последней опорой, он решил задобрить его представителей, причем не

только словами извинений и сожалений, но также новыми назначениями и чинами. Популистские шаги Керенского по отношению к казакам увенчались успехом — Ленин вплоть до двадцатых чисел октября 1917 г. все-речь опасался их выступления в защиту Временного правительства, считая, что последнее может еще рассчитывать на поддержку казачества¹⁵⁵. Таким образом, нельзя согласиться с мнением о том, что «к моменту большевицкого переворота отношения казачества с Временным правительством были окончательно испорчены Керенским»¹⁵⁶. Определенный кредит доверия был, но воспользоваться им правительство не смогло.

Сам Дутов отмечал в те дни, что «Совет союза казачьих войск работает в целях укрепления нового строя и объединяет все демократически-трудовое казачество»¹⁵⁷. 11 сентября по инициативе Совета Союза казачьих войск в Петрограде прошло совещание представителей всех казачьих частей Петрограда и окрестностей. Совещание началось около 12 часов дня и затянулось до поздней ночи, председательствовал Дутов, которого в газетах уже называли полковником. В своем выступлении он призвал казаков к единению. На совещании выступил и Б.В. Савинков, отметивший, что считает Корнилова честным человеком, но расходится с ним в средствах и планах, поскольку выступает против единоличной диктатуры. Демократическое совещание казаки посчитали имеющим частный характер, но подержали идею демократической республики¹⁵⁸.

15 сентября 1917 г. Дутов и Греков приехали в Военное министерство, где их принял новый военный министр А.И. Верховский, назначенный на этот пост Керенским в благодарность за решительные действия по подавлению движения Корнилова. По мнению Грекова, Верховский пытался заискать перед казаками, спрашивал, сильно ли им недовольно казачество в результате его необоснованных обвинений в адрес Каледина¹⁵⁹. Дутов ответил, что Верховского считают виновником всех несчастий. Тогда он показал Дутову пачку телеграмм с сообщениями о движении казачьих частей и занятии станции Поворино, разрешив снять с них копии. На встрече также обсуждалась идея создания при Военном министерстве комиссии по казачьим вопросам. Дутов высказался против привлечения исключительно казаков к полицейской службе, затронул вопрос безопасности Корнилова и получил успокоительные заверения Верховского¹⁶⁰. Несмотря на это, Дутов решил предпринять собственные шаги для выяснения действительной ситуации с Корниловым — представителю казачества при Ставке сотнику Г.Е. Герасимову было поручено съездить в Быхов и лично ознакомиться с условиями содержания Корнилова и его соратников. После беседы министр поздравил Дутова с производством в полковники и пригласил на обед.

Относительно этой встречи больше вопросов, чем ответов. Один из ее участников войсковой старшина А.Н. Греков в своих показаниях Чрезвы-

чайной комиссии по расследованию дела Корнилова от 4 октября 1917 г. указал, что имел две встречи с Верховским, в ходе первой из которых речь шла о Каледине, а в ходе второй (на следующий день) — о казачьем представителе в следственной комиссии, причем именно тогда Верховский передал Грекову телеграммы¹⁶¹. Об участии по крайней мере в одной из этих встреч Дутова Греков не обмолвился ни словом (хотя писал об этом в мемуарах, шире, объединив две встречи в одну), кроме того, он не смог в своих показаниях указать точную дату обеих встреч с Верховским, однако почему-то сделал это в опубликованных шесть лет спустя воспоминаниях. И в целом более чем странно, что Чрезвычайная комиссия допросила членов Совета Союза казачьих войск А.И. Аникеева и А.Н. Грекова, но не допрашивала более значимого свидетеля — председателя Совета Дутова. Добавлю, что газета «Оренбургский казачий вестник» писала о встрече Верховского и Дутова лишь в номерах от 20 и 24 октября 1917 г., однако уже 19 октября Верховский ушел в отставку¹⁶², датировка же встречи Грековым может быть поставлена под сомнение. Кроме того, производство Дутова в полковники состоялось лишь 16 октября (со старшинством с 25 сентября 1917 г.)¹⁶³, поэтому сентябрьские поздравления Верховского кажутся преждевременными. При этом, однако, нельзя исключать, что речь могла идти о подготовке производства в Военном министерстве. И, как говорилось выше, Дутова в печати уже называли полковником. К сожалению, сам Верховский в своих воспоминаниях вообще предпочел воздержаться от упоминания об этой встрече.

Накануне катастрофы

Как бы то ни было, в июле—октябре 1917 г. помимо политической борьбы Совет Союза казачьих войск продолжал вести большую работу по содействию казачьим войскам. Удалось добиться помощи войскам, пострадавшим от неурожая (Уральское, Астраханское, Уссурийское и Енисейское), голосования фронтовых казаков на выборах в Учредительное собрание по своим станицам, чтобы их голоса не пропали на фронте в массе регулярных войск, запрета использовать казачьи части на подавлениях без ведома Совета. Советом был выработан и принят устав объединенного казачьего банка, велась работа по совершенствованию сельского хозяйства в казачьих областях, Совет добивался помощи фронтовым казакам теплыми вещами (проект не реализован в связи с переворотом в Петрограде). В сентябре Совет организационно отказался от участия в Демократическом совещании и во временном Совете Российской республики — Предпарламенте. Дутов принимал участие в совещании, на котором были намечены члены комиссии Предпарламента, и был избран членом комиссии по обороне, но от участия

в работе Предпарламента отказался, сославшись на перегруженность работой. В этот же период ему было поручено отправиться во Францию на ноябрьскую конференцию союзных держав¹⁶⁴.

16 сентября в печати появилась программная статья Дутова «Позиция казачества», в которой он писал: «За последнее время, как в печати, так и на митингах стали все громче раздаваться голоса, что казаки — контрреволюционеры, что они «нагаечники» и т. п. Немалым толчком к этому послужила декларация казачества, прочитанная на Московском Государственном Совещании генералом А.М. Калединым. Я не буду касаться этой декларации, скажу лишь несколько слов о казачестве с исторической точки зрения. Само возникновение казачества относится к тем моментам государственной жизни Руси, когда отдельные лица и целые общины не выдерживали тогдашнего полицейского гнета правителей русского народа и бежали на вольные степи и широкие реки. Что их связывало? — жажда свободы, устройство своей жизни по собственному желанию и выборное начало. Неужели эти вольные люди могли дать потомство «гасителей свободы»? Казаки не социалисты. Да, мы не социалисты современного типа, мы государственники-социалисты. Ведь теперь социализм сводится к тому, чтобы отнять у имущих землю и разделить поровну и таким образом создать класс мелких землесобственников, так называемых «мещан земли». Разве это социализм? Обратитесь к казакам. У нас земля принадлежит войску в целом, а не членам его — здесь именно чистый социализм, в государственном его значении. Казаки — не демократы. А кто же они? Где же принцип равенства проведен от начала и до конца, как не у казаков? Где нет сословных перегородок? У казаков. Казаки не революционеры. Верно то, что они не большевики. Стенька Разин, Емельян Пугачев, Булавинский бунт, Выселение Яицких казаков и проч. достаточно ясно говорят об участии казаков в борьбе за свободу, «за Землю и Волю». Да и теперь в великой революции 1917 года казаки Петрограда очень твердо заявили свои взгляды. Казаков упрекают в приверженности к монархии и корят тем, что бывшие цари милостивы были к казачеству. Да, милость эта очень ясно показывалась назначением атаманов казакам в лице Таубе, Граббе и друг[их] известных лиц. Ныне казачество имеет своих выборных атаманов. Монархи требовали от казачества колоссальных денежных затрат по отбыванию воинской повинности. Казаки должны были выходить «конно, людно и оружно», да еще за свой кошт — это ли не милость? У Оренбургцев — отнята Магнитная гора, у Енисейцев — земли, Уссурийцев — поселили на камнях и болотах, Терцам и Кубанцам наложили всякие запреты на нефть, Дону в свое время переселили столько крестьян, что задавили казачество. У Забайкальцев для поселенцев отобрали лишние куски земли, у Амурцев — тоже. Вот какие дары казачество получало от своих государей. Все военные законы о

льготах и денежных пособиях если касались казаков, то после долгих хлопот или с ограничениями, даже командный состав в большинстве был не казачий — ибо не доверяли. Вот как казаки были любимы. Нет, за такие вольности и права споров не будет. Пусть за старый строй идет кто-либо другой, а казачеству он достаточно известен, и любви к нему не было, да и никогда не будет. Если казаки не республиканцы чистой воды, тогда ищи-никогда не будет. Если казаки не республиканцы чистой воды, тогда ищи-никогда не будет. Если казаки не республиканцы чистой воды, тогда ищи-никогда не будет. Казачество вольное, свободное, строго разумное, те в мире других таких. Казачество вольное, свободное, строго разумное, будет верно своим историческим традициям, и его с пути не собьешь»¹⁶⁵.

По этой статье можно судить о политических взглядах Александра Ильича, сформировавшихся к моменту большевистского переворота. Кроме того, это позиция и ряда других предводителей казачества того времени. Сложно сказать, насколько искренне писал этот документ Дутов, но тем не менее именно такую точку зрения он декларировал. Даже если отбросить вынужденное, вероятно, расшаркивание перед Временным правительством после августовского конфликта, Дутов стоял на республиканских и демократических позициях.

Тогда же он был вызван в Оренбург на чрезвычайный Войсковой круг, досрочно собравшийся 20 сентября в связи с текущими событиями. Круг стал сплошным триумфом Дутова, сумевшего в полной мере пожать плоды своей работы в Петрограде. На Круге было запрещено употребление слова «товарищ». Первое заседание 20 сентября было открыто приветственной речью первого выборного Войскового атамана генерал-майора Н.П. Мальцева, не пользовавшегося, судя по всему, авторитетом у казаков. Председателем Круга был избран А.И. Кривошеков. В первый же день была заслушана приветственная речь Дутова, а самого докладчика избрали почетным председателем Круга¹⁶⁶. Дутов тогда заявил: «Приветствую Круг от имени заложников казачества в Петрограде: такими заложниками был весь состав совета союза казачьих войск с 27 августа по 3 сентября. Нас боялись выпустить из Петрограда, нам не давали билетов на трамвай, не доставляли телеграмм... Позор! несется дружный крик с депутатских мест. — Ваш покорный слуга был вызван к министру-председателю, и там мне, чуть не под угрозой заключения в тюрьму, было предложено подписать бумагу, в которой Корнилов и Каледин назывались изменниками. Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги я не подпишу... А вскоре меня призывает новый военный министр Верховский и просит подписать телеграмму на Дон о том, что Каледин не будет арестован, потому что заявлению Правительства об этом донцы не поверили... На чем было основано обвинение Каледина? Были двинуты на Дон казачьи части с фронта? Да были, но части эти были двинуты по ордеру, подписанному еще в июле, для формирования новой дивизии. Был занят казаками Донецкий каменноугольный бассейн? Да был занят. Но занят по приказанию Временного Правительства, для восстанов-

в работе Предпарламента отказался, сославшись на перегруженность работой. В этот же период ему было поручено отправиться во Францию на ноябрьскую конференцию союзных держав¹⁶⁴.

16 сентября в печати появилась программная статья Дутова «Позиция казачества», в которой он писал: «За последнее время, как в печати, так и на митингах стали все громче раздаваться голоса, что казаки — контрреволюционеры, что они «нагаечники» и т. п. Немалым толчком к этому послужила декларация казачества, прочитанная на Московском Государственном Совещании генералом А.М. Калединым. Я не буду касаться этой декларации, скажу лишь несколько слов о казачестве с исторической точки зрения. Само возникновение казачества относится к тем моментам государственной жизни Руси, когда отдельные лица и целые общины не выдерживали тогдашнего полицейского гнета правителей русского народа и бежали на вольные степи и широкие реки. Что их связывало? — жажда свободы, устройство своей жизни по собственному желанию и выборное начало. Неужели эти вольные люди могли дать потомство «гасителей свободы»? Казаки не социалисты. Да, мы не социалисты современного типа, мы государственники-социалисты. Ведь теперь социализм сводится к тому, чтобы отнять у имущих землю и разделить поровну и таким образом создать класс мелких землесобственников, так называемых «мещан земли». Разве это социализм? Обратитесь к казакам. У нас земля принадлежит войску в целом, а не членам его — здесь именно чистый социализм, в государственном его значении. Казаки — не демократы. А кто же они? Где же принцип равенства проведен от начала и до конца, как не у казаков? Где нет сословных перегородок? У казаков. Казаки не революционеры. Верно то, что они не большевики. Стенька Разин, Емельян Пугачев, Булавинский бунт, Выселение Яицких казаков и проч. достаточно ясно говорят об участии казаков в борьбе за свободу, «за Землю и Волю». Да и теперь в великой революции 1917 года казаки Петрограда очень твердо заявили свои взгляды. Казаков упрекают в приверженности к монархии и корят тем, что бывшие цари милостивы были к казачеству. Да, милость эта очень ясно показывалась назначением атаманов казакам в лице Таубе, Граббе и друг[их] известных лиц. Ныне казачество имеет своих выборных атаманов. Монархи требовали от казачества колоссальных денежных затрат по отбыванию воинской повинности. Казаки должны были выходить «конно, людно и оружно», да еще за свой кошт — это ли не милость? У Оренбургцев — отнята Магнитная гора, у Енисейцев — земли, Уссурийцев — поселили на камнях и болотах, Терцам и Кубанцам наложили всякие запреты на нефть, Дону в свое время переселили столько крестьян, что задавили казачество. У Забайкальцев для поселенцев отобрали лишние куски земли, у Амурцев — тоже. Вот какие дары казачество получало от своих государей. Все военные законы о

льготах и денежных пособиях если касались казаков, то после долгих хлопот или с ограничениями, даже командный состав в большинстве был не казачий — ибо не доверяли. Вот как казаки были любимы. Нет, за такие вольности и права споров не будет. Пусть за старый строй идет кто-либо другой, а казачеству он достаточно известен, и любви к нему не было, да и никогда не будет. Если казаки не республиканцы чистой воды, тогда ищите в мире других таких. Казачество вольное, свободное, строго разумное, будет верно своим историческим традициям, и его с пути не собьешь»¹⁶⁵.

По этой статье можно судить о политических взглядах Александра Ильича, сформировавшихся к моменту большевистского переворота. Кроме того, это позиция и ряда других предводителей казачества того времени. Сложно сказать, насколько искренне писал этот документ Дутов, но тем не менее именно такую точку зрения он декларировал. Даже если отбросить вынужденное, вероятно, расшаркивание перед Временным правительством после августовского конфликта, Дутов стоял на республиканских и демократических позициях.

Тогда же он был вызван в Оренбург на чрезвычайный Войсковой круг, досрочно собравшийся 20 сентября в связи с текущими событиями. Круг стал сплошным триумфом Дутова, сумевшего в полной мере пожать плоды своей работы в Петрограде. На Круге было запрещено употребление слова «товарищ». Первое заседание 20 сентября было открыто приветственной речью первого выборного Войскового атамана генерал-майора Н.П. Мальцева, не пользовавшегося, судя по всему, авторитетом у казаков. Председателем Круга был избран А.И. Кривошеков. В первый же день была заслушана приветственная речь Дутова, а самого докладчика избрали почетным председателем Круга¹⁶⁶. Дутов тогда заявил: «Приветствую Круг от имени заложников казачества в Петрограде: такими заложниками был весь состав совета союза казачьих войск с 27 августа по 3 сентября. Нас боялись выпустить из Петрограда, нам не давали билетов на трамвай, не доставляли телеграмм... Позор! несется дружный крик с депутатских мест. — Ваш покорный слуга был вызван к министру-председателю, и там мне, чуть не под угрозой заключения в тюрьму, было предложено подписать бумагу, в которой Корнилов и Каледин назывались изменниками. Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги я не подпишу... А вскоре меня призывает новый военный министр Верховский и просит подписать телеграмму на Дон о том, что Каледин не будет арестован, потому что заявлению Правительства об этом донцы не поверили... На чем было основано обвинение Каледина? Были двинуты на Дон казачьи части с фронта? Да были, но части эти были двинуты по ордеру, подписанному еще в июле, для формирования новой дивизии. Был занят казаками Донецкий каменноугольный бассейн? Да был занят. Но занят по приказанию Временного Правительства, для восстанов-

ления порядка, нарушенного рабочими. Военный министр извинился за нанесенное казачеству оскорбление. Казаки получили право участвовать в деле Корнилова и Каледина в равном числе с неказаками. Нас спрашивают: с демократией ли Казаки? Нет, мы не с демократией, не с аристократией, не с тою или иною партией — мы, казаки, сами — единая партия. И мы с теми, кто любит родину. На московском совещании послы союзников заявили: союзники не бросят Россию до тех пор, пока казаки не бросят идею спасения родины. Пора, станичники, пора спасать родину, как спасали ее казаки 300 лет назад!»¹⁶⁷ Последняя фраза приобрела явно не тот оттенок, который хотел ей придать Дутов, ведь казаки в Смуту XVII в. сыграли весьма неблаговидную роль (что во многом повторилось и в Гражданскую войну). Тем не менее выступление Дутова было восторженно встречено депутатами.

22 сентября Дутов и члены Совета Союза казачьих войск А.Ф. Пономарев и Н.С. Анисимов (представитель казачества при Ставке, затем член Совета республики от войска) получили право решающего голоса на Круге. 23 сентября Дутов выступал перед депутатами Круга с докладом о политической позиции казачества, причем говорить ему пришлось почти в течение всего дня. По имеющимся сведениям, Дутов крайне негативно охарактеризовал обстановку в стране, казавшуюся ему хаотической¹⁶⁸. По некоторым данным, будущий атаман заявил казачьим депутатам, что «нам нужно устроить свою казачью федеративную республику. Чтобы отстоять свои права в Учред[ительном] Собр[ании], нам нужно идти не с партиями, а с народностями, потому что мы — казаки — есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом русские. Россия — больной разлагающийся организм, и из опасения заразы мы должны стремиться спасти свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается, пусть гибнет»¹⁶⁹. Сложно сказать, насколько достоверна эта цитата, указанная в явно враждебном Дутову документе, однако, если она соответствует действительности, Дутов предстает не только казачьим автономистом, но и едва ли не сепаратистом, однако в дальнейшем, видимо, в нем возобладал здравый государственный подход к политике. Позицию Дутова можно понять — страна была ввергнута в анархию и оздоровление государства после неудачи Корнилова становилось возможным лишь из регионов.

Удалось обнаружить сравнительно полный пересказ речи Дутова, который был сообщен по телеграфу в Петроград комиссаром Временного правительства подпоручиком 109-го пехотного запасного полка Н.В. Архангельским (сменил Н.А. Холодковского), докладывавшим по линии МВД обо всех действиях Александра Ильича. К тому времени беспардонное вмешательство Архангельского в казачьи дела уже вызывало справедливое возмущение выборной казачьей администрации¹⁷⁰. Тем не менее благодаря спо-

образному доносу комиссара выступление Дутова сохранилось до наших дней. Эта речь и сегодня не может оставить равнодушным. Считаю целесообразным привести ее в полном объеме:

«Армии нет, армия проиграла в карты полтора миллиона рублей. Отдельные части продают пушки, пулеметы, во время обыска на Апраксином рынке найдено предметов военного обмундирования более, чем на целую армию. Под Ригой было постыдное бегство и дезертирство, хотя Войтинский¹⁷¹ сообщал, что войска отошли при полном порядке, но он же на докладе [в] политехникуме утверждал, что армии нет, что под Ригой было бегство. Военный министр Керенский [на] государственном совещании утверждал, что [в] армии много слов и два миллиона дезертиров. Солдаты изнашивают женщин — сестер милосердия, раненых из женского батальона. Гронополь нам стоил три с половиной миллиарда рублей, [—] всю вырученную сумму займа. Верховная власть не верит фронту, и поэтому Ставка пересаживает [в] Калугу, чтобы не быть близко к фронту. Армия обменивает предметы снаряжения на хлеб, идет меновая торговля, мы возвращаемся [к] каменному веку, съеден впервые за все время войны неприкосновенный запас сухарей. Железные дороги: доходы миллиарда 600 миллионов рублей, расход миллиард 800 миллионов рублей, между тем железнодорожники предъявляли новые требования повышения заработной платы [на] три [с] половиной миллиарда рублей, откуда мы возьмем деньги, если весь бюджет равен 6 миллиардам. Починка старого паровоза обходится теперь гораздо дороже, чем покупка нового [в] Америке с доставкой его сюда. Раньше выработывалось 100 аэропланов [в] месяц, убывало 60, теперь 45, убывает 70, скоро мы останемся без аэропланов. Раньше вырабатывалась каждый месяц одна подводная лодка, теперь [за] шесть месяцев революции — одна канонерка, всюду взрывы пороховых складов, заводов. Финансы. Банки составляют синдикаты, мне известно, что 5 русских банков устроили синдикат [под] покровительством Дейтш банк. Врем[енное] правительство для пополнения финансов предполагало продать недра Сибири. Иностранной политики нет, наши послы или не существуют, или отозваны, с Россией никто не считается. Внутренняя политика. Распоряжаются всем комитеты, которые стоят 120 миллионов рублей. Комиссары получают [в] 6 раз больше, чем представители старого правительства. Милиция обходится [в] несколько раз дороже протопоповских штатов. Казаки отдали все, что нужно было, так Кубань, Сибирь отдали весь хлеб. Всюду аграрные беспорядки, а власть организуется таким образом, что [в] Петрограде товарищем городского головы избран Луначарский, вы его знаете. Суда нет. Церкви нет. Советники не признают, но праздники празднуют. Рабочее движение. Воду 8-часовой рабочий день, [о] котором [при] разрухе смешно говорить, рабочие получают 800—900 рублей, инженеры от 200—300 руб. Советы

получили субсидии 28 миллионов, получают еще, между тем, как относятся Советы [к] имуществу государства [и] нации, видно из доклада Родзянко, при перевозке из Таврического дворца Советы произвели полный разгром имущества, и из кабинета Родзянко неизвестно куда девались предметы исторической ценности, обо всем этом можно прочесть у известного литератора Кузьмина в его статье [о] большевиках. Власть себя проявила 21 июля, 3—5 июля, 28 августа, при созыве Государ[ственного] совещания и Демократического. Корниловское движение. Когда Корнилов приехал [на] совещание [в] Зимний дворец и хотел представить совету министров свой доклад, то министр-председатель дернул его за руку и сказал, что в совете министров всего нельзя говорить. Меры, предлагаемые Корниловым, были следующие: 1. милитаризация железных дорог [и] заводов 2. дисциплины [в] армии, комитеты остаются [с] чисто хозяйственными функциями, роль комиссаров только передаточная, им никакой власти не должно быть предоставлено. Власть же комиссаров огромна, так, например, укажу на случай, когда комиссар приказал разбудить Корнилова [в] 3¹/₂ часа ночи, затем, чтобы узнать, поедет он [в] Петроград сегодня или нет. 3. Распространение смертной казни на тыл, но это требование не Корнилова, а всего фронта 4. Назначение командного состава верхушкам¹⁷², так как иначе невозможны случаи как случай [с] Черемисовым, который обратился, как член [в] совдеп, и его кандидатура была признана приемлемой¹⁷³. При въезде [в] Петроград и выезде Корнилов принужден был принять меры предосторожности, по выходе [из] поезда, окруженный отрядом текинцев, [в] Зимний дворец [в] сопровождении автомобилей [с] пулеметами. Во время московского совещания Корнилов был торжественно приветствуем [на] исключением малой кучки с.р. депутатов, которые [при] его появлении не встали. На Государственном совещании [во] фракцию казаков явился 2 юнкера [и] заявили, что их предупреждают о восстании Корнилова, [при]шли совета, как им быть, 27/8 мы ничего не знали, 28/8 [в] 8 часов вечера [ко] мне обратился корреспондент [«Русского слова»] и сообщил [о] восстании Корнилова. Был собран Совет, избрана делегация, [в] которую вошли и я. Мы отправились [к] министру [в] Зимний дворец, но правды у министра не узнали, а только услышали Смута, Смута. Тогда Совет Союза рабочих войск решил предъявить требование Врем[енному] правительству [на] посылке делегации [от] себя [к] Корнилову, делегация была разрешена, [и] том нет, 29/8 [в] Совет Союза явились 3 гонца от 1 Донской дивизии, [и] при проверке оказались просто казаками 13 Донского полка. Уходя от нас один из них, Бутов, обратился ко мне: эх, войсковой старшина Дутов, прислал вы на Врем[енное] правительство и поедете к нам, на Дон. Эти 3 человека от нас пошли [к] Керенскому, и там им были произведены [в] прапорщики 30 августа [в] кабинете Савинкова мы узнали [о] телеграфных переговорах

прямым проводом Керенского с Корниловым. Львов [от] имени Временного правительства ездил [к] Корнилову [с] предложением организовать власть [на] условиях, из которых одна диктатура Корнилова было им принято.

От Корнилова Львов [с] предложением диктатуры Корнилова обратился [к] Керенскому. Когда мы спросили, почему Львов ездил [к] Корнилову, ответа не получили. Войск [на] Петроград Корнилов не двигал. 3 конный корпус было решено вызвать 23 августа при предполагаемом введении военного положения. Корнилов ставил условием введения военного положения [в] Петрограде введение [в] Петроград преданных войск, на что Временное правительство согласилось, таким образом, движение войск со стороны Корнилова не есть желание создать политическую авантюру, а вопрос, выдвинутый самим правительством для каких-то целей. Филоненко¹⁷⁴ заявил, что договор был известен за месяц вперед, почему не были приняты меры, вообще [в] переговорах Керенского Корнилова все неясно. Алексеев принужден был принять пост начальника штаба только из боязни гибели России, так как верховлавец¹⁷⁵ назначен Керенский. Положение офицеров было такое тяжелое, что 50 процентов их подавало отставку, когда отставка не принималась, они подавали новое прошение [с] добавлением слов служить не могу, ибо я монархист. После увольнения Корнилова и объявления его действительным мятежом Вр[еменное] прав[ительство] издает приказ, которым приказаны Корнилова объявлялись действительными, подлежащими исполнению. Тут мы растерялись — то бунтовщиком, то приказе его должны исполняться. Когда Корнилов отказался сдать верховное командование, то Алексеев со слезами, на коленях просил Корнилова сдаться. Никаких стычек, расстрелов не было. Все это вздор. Казачество обещало Корнилову помощь. 30/8 получились известия [о] Каледине. Керенский призвал меня и сообщил о восстании, сообщил, что с Дона получена телеграмма о Каледине, но такой телеграммы предъявлено не было. Мы фактически были заложниками [в] Петрограде. Министр-председатель требовал написать резолюцию [в] имени Корнилова [и] Каледина, я ответил, что сделать этого не могу, пока не получу разъяснений. Керенский стал говорить со мною в повышенном тоне, каковым со мной никто никогда не разговаривал, тогда я сказал, что я представитель всех казачьих войск и оскорблять себя не позволю, после этого мы и президиум вышли и написали письмо к министру-председателю. Керенский заявил, что мы представляем голос только офицеров, тогда мы выбрали из Совета казаков и с ними послали это письмо Керенскому. Керенский бегом просмотрел [и] сказал, что не примет этого письма, тогда делегация заявила, что она обязана исполнить приказ о вручении письма, тогда Керенский оставил письмо у себя. Круг Дону был не разрешен тогда, делегация заявила, что Врем[енное] правит[ельство] не имеет права не разрешить, на это правительство ответило, что оно было введено в заблуждение.

Как можно ввести правительство в заблуждение, ответа мы не получив. Совет Союза казачьих войск на Демократическое совещание приглашен не был, между тем Времен[ное] правительство заявило, что оно примет во внимание резолюцию Демократического совещания. Казаки признали совещание делом частным. Между тем Демократическое совещание подбиралось так, как нужно было господину Чхеидзе, совдепами была произведена работа войскам, но наш Совет на нее не ответил, так как мы ничем не гармонизированы, что сообщенные нам сведения не попадут в руки немцев»¹⁷⁶.

Это выступление демонстрирует нам совсем иного Дутова. Перед нами уже не безвольный и колеблющийся человек. Впервые Дутов заявил о себе как об активном стороннике Корнилова, что в тот период было в общем-то небезопасно. Кроме того, позиция Дутова явно не была вызвана текущей конъюнктурой, а отражает собственную точку зрения будущего оренбургского атамана. По сути, это его первое крупное политическое заявление.

Неудивительно, что эта проникновенная речь произвела в провинциальном Оренбурге впечатление разорвавшейся бомбы, вызвав среди слушателей огромный резонанс. 26 сентября Дутов ответил на возникшие в связи с этой речью вопросы. 27 сентября высокой оценки депутатов была удостоена работа Совета Союза казачьих войск во главе с Дутовым. Как отмечалось в резолюции Круга, «Совет союза казачьих войск является единственным выразителем мнений тылового и фронтового казачества всех войск. Его работа в целях объединения войск, защиты их интересов и представительства воли казачества является крайне полезной и существование его необходимым. В целях более полной связи совета с казачьими областями и особенно с фронтовыми казачьими частями он должен быть в своем составе усилен до необходимой нормы за счет строевых частей, представителей козлов должно быть до 50% всего состава; в совет должен войти один представитель от казаков-мусульман Оренбургского войска. Отмечая спокойную, выдержанную и плодотворную, вполне отвечающую¹⁷⁷ переживаемому моменту работу совета, высоко держащего знамя казачества, Круг постановил: выразить всему составу его полное доверие и одобрение его деятельности в столь тяжелое для страны и казачества время»¹⁷⁸.

28 сентября три представителя военных округов, депутаты В.Г. Рудинин, М.А. Арзамасцев и К.Л. Каргин были командированы на казачью конференцию в Екатеринодар¹⁷⁹.

29 сентября Дутов сделал очередной доклад о приветствии им по поручению Круга мусульманского съезда, а 30 сентября был избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска, получив 128 голосов из 149 возможных (больше, чем другие кандидаты). Казачий список (список № 2 по Оренбургскому избирательному округу) кандидатов в Учредительное собрание включал 13 человек. Первым в списке

начался сам Дутов (это было равносильно гарантированному избранию, поскольку на территории Оренбургской губернии казачество было весьма мощной силой и даже в случае неудачи хотя бы один представитель войска наверняка бы прошел в Учредительное собрание), затем следовали кандидатуры председателя Войскового круга и инспектора Троицкого высшего начального училища А.И. Кривошекова, учителя Троицкой гимназии В.А. Матушкина, члена Войскового правительства от мусульман Г.Г. Богданова, военного следователя, Генштаба полковника А.И. Мякутина, члена Совета Союза казачьих войск войскового старшины Н.С. Анисимова, атамана 1-го военного округа К.А. Каргина, вахмистра станицы Угольной К.Ф. Фаддеева, казаков мусульман Г.Ш. Суюндукова, У.А. Уразаева, атамана станицы Оренбургской полковника В.П. Чернова, члена Войскового правительства сотника М.П. Репникова и вахмистра Ю.И. Илишева (от казаков-мусульман). Войсковой круг постановил переименовать Войсковую управу в Войсковое правление, а окружные, станичные и поселковые управы — в правления.

Наконец 1 октября 1917 г. в результате тайного голосования Дутов был избран Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска и председателем Войскового правительства, набрав 111 голосов из 133 возможных (баллотировались также А.И. Кривошеков, войсковой старшина В.А. Сычев, член правления 3-го военного округа Матушкин, полковник А.И. Мякутин, К.А. Каргин, К.Ф. Фаддеев, В.П. Чернов, сотник М.П. Репников). В своей первой после избрания речи Дутов, явно взволнованный моментом, сказал: «Дорогие станичники. Я глубоко тронут и взволнован честью, оказанной мне. Говорить ничего не могу, ибо я Кругу уже все сказал. Прошу верить, что по мере сил постараюсь оправдать оказанное мне доверие и высоко держать наше казачье знамя. Клянусь честью, что положу все, что есть здоровье и силу, чтобы защищать нашу казачью волю-волюшку и не дать померкнуть нашей казачьей славе»¹⁸⁰. Необходимо признать, что свою клятву Дутов сдержал.

Членами Войскового правительства стали Г.Ф. Шангин, сотник М.П. Репников, Г.Г. Богданов, М.П. Копытин, подполковник В.Г. Рудаков и А.С. Выдрин. Были избраны три представителя войска в Совет республики. Ими стали войсковой старшина Н.С. Анисимов, хорунжий П. Толстопятов и есаул А.В. Смирных. Войсковой старшина А.М. Протодьяконов принял участие в демократическом совещании.

На одном из заседаний у председательствовавшего А.И. Кривошекова внезапно вырвалась фраза: «Мы с кадетами не пойдем»¹⁸¹. По имеющимся сведениям (впрочем, исходящим от большевиков), Дутов тогда попытался это поправить, заявив, что Кривошеков — новичок и не то имел в виду¹⁸². 4 октября полномочия Дутова были определены сроком на три года. На следующий день оппонент Дутова есаул А.Г. Нагаев был исключен из ка-

зачьего сословия, а Круг завершил свою работу. Дутов мог торжествовать, однако осень 1917 г. была далеко не самым благоприятным временем для вождей казачества, ведь уже совсем скоро новоиспеченному атаману предстояло принять весьма непростые решения.

Представители других казачьих войск поспешили поздравить нового оренбургского атамана. С Дона пришла поздравительная телеграмма Каледина: «Лично от себя и от всего Донского войска сердечно поздравляю с избранием на почетный и трудный пост. Шлю привет Вам и Оренбургскому войску с пожеланием дружной и совместной работы на пользу войска и всего казачества. *Каледин*»¹⁸³. Делегат Донского войска при избрании Дутова атаманом сказал: «Донское войско хорошо знает А.И. Дутова. От имени войска я присоединяюсь к вам — ваш избранник является и нашим избранником...»¹⁸⁴ Приветствия также были получены от атамана и Войскового круга Сибирского казачьего войска, командиров казачьих частей.

2 октября пополудни состоялась торжественная и красочная церемония вступления Дутова в должность. На Форштадтской площади были построены казачьи части, юнкера военного училища, кадеты, воспитанники института, два оркестра (Войсковой и кадетский). Под звуки оркестра депутаты Войскового круга выстроились перед знаменной избой. Затем сам Дутов, члены правительства и депутаты вошли в избу и вскоре вынесли из нее старинные войсковые знамена. Под звуки войскового марша начался парад — торжественная процессия двинулась к войсковому собору. Затем, вновь у знаменной избы, под грохот орудийного салюта председатель Круга зачитал торжественную грамоту:

*«От Свободного Войскового Круга
Оренбургского Казачьего Войска.*

ГРАМОТА

Нашего Войска Войсковому Старшине Александру Ильичу Дутову. Первый свободный Войсковой Круг, созданный на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, избрал тебя нашим Войсковым Атаманом на трехлетие и приказывает тебе, народному избраннику, править Войском, совместно с избранным нами Войсковым Правительством, на славу и процветание родного Оренбургского казачества и свободной Руси, в знак чего вручает тебе булаву — символ Атаманской власти»¹⁸⁵.

С обнаженной головой Дутов принял булаву из рук старого, седого казака, после чего площадь огласило троекратное «ура» в честь атамана, правительства и всего войска. Дутов провозгласил: «Кланяюсь Войсковому Кругу, кланяюсь в лице его всему родному войску. Клянусь охранять нашу

вольную волюшку, ни в чем не расходясь в действиях своих с Войсковым Правительством»¹⁸⁶. После ответного «ура» была исполнена Марсельеза, использовавшаяся в качестве государственного гимна России того времени. Дутов и члены правительства обошли ряды войск, затем атаману подали коня. Перед атаманом церемониальным маршем прошли кадеты и юнкера, местная команда, 13-й Оренбургский казачий и 1-й Оренбургский казачий запасный полки, артиллерийская батарея. В 14.40 церемония завершилась. После этого атаман отправился к правлению своей родной станции Оренбургской, где ему были поднесены хлеб-соль, затем посетил правление 1-го военного округа и беседовал со стариками.

4 октября состоялось первое заседание нового состава Войскового правительства. Из десяти членов правительства трое имели университетское образование, двое окончили военные академии, еще четверо окончили военные училища, один имел среднее образование.

7 октября Дутов выехал в Петроград для передачи своей должности председателя Совета Союза казачьих войск и доклада Временному правительству о положении дел в войске. Вскоре в столице он был утвержден в атаманской должности (приказ Временного правительства армии и флота о чинах военных от 18 октября 1917 г. — Дутов назначен «наказным атаманом») и произведен в полковники¹⁸⁷.

Октябрь 1917 г. — очередная веха стремительного взлета Дутова. К этому времени 38-летний Дутов сильно изменился: из заурядного штаб-офицера превратился в крупномасштабную фигуру, известную по всей России и популярную в казачестве, хотя и воспринимавшуюся последним неоднозначно. Он выработал в себе волю к борьбе, стал и более требователен к себе, и более амбициозен. Возможно, не последнюю роль в его взлете сыграло зародившееся в нем после академии чувство неудовлетворенности собой, желание перебороть допущенную в его отношении при старом режиме несправедливость. И если он к октябрю был уже весьма значительной фигурой даже для Петрограда, то в провинциальном Оренбурге масштаб личности Дутова представлялся много крупнее. К тому же он был единственным известным в стране оренбургским политиком. Итак, Дутов в 1917 г. — фигура, созданная революцией. Однако позднее, благодаря тому размаху, который приобретет его деятельность в период Гражданской войны, Дутов в общественном сознании и в анналах истории превратится в фигуру, созданную контрреволюцией.

Интересные, хотя и небесспорные рассуждения о стремительном карьерном возвышении Дутова привел в своих неопубликованных воспоминаниях С.А. Щепихин, который писал: «Когда обнаружили в Дутове ораггорские таланты, которыми он увлек сначала Союз офицеров¹⁸⁸, затем Общеказачий союз, где был одно время даже председателем — не знаю. За-

тем Керенский (и?) его выдвинул в уполномоченные по Оренбургской губернии (фактический — губернатор), а затем выборный Атаман. Карьера, которую многие проделали во время Смутного времени. Оренбургское войско интеллигенцией бедно; еще менее среди этой последней — лицами, игравшими роль в революции. Дутов, поставленный случаем во главу крупной организации (общеказачий союз), очутился в том интеллигентном меньшинстве, которое и руководило съездом. Так как Керенский считался с казачеством, то, естественно, роль играли и руководители съезда. И так далее... О Дутове Атаман Каледин сказал: «Не находка для Оренбуржцев этот Дутов»...»¹⁸⁹ Отмечу, что в других источниках негативное или даже пренебрежительное отношение Каледина к Дутову подтверждения не находит, скорее наоборот, их совместная работа (в частности, в период московского Государственного совещания) была достаточно плодотворной. Безусловно, Каледин воспринимал Дутова как своего единомышленника. Свидетельство Щепихина вообще изобилует целым рядом неточностей, обилие которых связано с тем, что Щепихин не общался с Дутовым со времени окончания Академии Генерального штаба (1908 г.) вплоть до лета 1918 г., и его характеристика жизни Дутова в этот период заслуживает куда меньше доверия, чем характеристики, которые относятся к периодам их совместной службы.

Более того, двуличие Щепихина особенно ярко просматривается при сравнении цитированных выше неопубликованных воспоминаний и его же опубликованной статьи «Под стягом Учредительного Соборания» в сборнике «Гражданская война на Волге в 1918 г.», выпущенном эсерами в Праге в 1930 г. В этой своей работе Щепихин восторженно писал:

«...оренбургские казаки ко времени большевицкого переворота шли доверчиво за своим популярным атаманом (Александр Ильич Дутов), с успехом оспаривавшим власть войскового круга... Активная, энергичная личность, какой является атаман Дутов, не мирится с переменой центральной власти, и гражданская война загорается почти на другой же день после 25-го октября. В то время как уполномоченные Временного Правительства по всей России, один за другим, без борьбы сдают свои позиции, Дутов первый и единственный пока бросает вызов Москве¹⁹⁰. И Москва, быстро оценив опасность, принимает ряд энергичных мер для подавления «мятежа»: эшелоны добровольцев с фронта гонятся спешно на Оренбург, поток агитаторов устремляется туда же, и в несколько недель с «дутовщиной» покончено. Дутов с горстью «мятежников» скрывается в глубь Тургайских степей, чтобы появиться снова на арене лишь после выступления чехов. Оренбургские казаки, оставшись без вождя, еще не вкусивши прелестей советского рая, вводят у себя советы, комбеды и сравниваются в правах с неказачьим, довольно многочисленным в их области, элементом. Дутов держался определенной политической линии. Он не мог примирить-

ся с властью советов, несущих диктатуру меньшинства, и не принимал Брест-Литовского мира, но он пренебрег медленным, но верным путем постепенной обработки общественного мнения казачьей массы, и в результате остался один. Хуже того, и в дальнейшем события не научили его, а обстановка не дала времени и средств, чтобы вдохнуть бодрость в сопротивлении своим станичникам, — так до конца оренбуржцы и остались в разряде колеблющихся: успех окрылял их, неуспех охлаждал их энтузиазм. И, в сущности, «дутовщина» не была так страшна, как старались изобразить ее большевицкие кликуши: без помощи извне, без чувства «локтя» соседа, оренбуржцы никогда не проявляли большой стойкости в борьбе»¹⁹¹.

Р.Б. Гуль писал о Дутове: «Природный казак, полный, чуть сутулый, от контузии (когда отпустил бороду) с половиной седой бороды, офицер генерального штаба»¹⁹² Дутов выдвинулся в первые ряды казаков к моменту октябрьской революции. Будучи хорошим военным оратором, умея играть на казачьих струнах, уже на общеказачьем съезде в Петербурге Дутов привлекал к себе внимание, а к моменту октябрьского переворота стал выборным Оренбургским казачьим атаманом»¹⁹³.

Сам Дутов писал в августе 1918 г. генерал-майору А.Н. Гришину-Алмазову: «...мне известно, будто бы я нахожусь под чьим-то влиянием. Я должен Вам доложить, что с тех пор, как я мог жить своим умом, я никогда ни с кем не был в таких близких отношениях, каковые налагали бы на меня некоторого рода обязательства. Я вышел на дорогу своим собственным трудом и всегда жил только своим умом. Даже семья моя никогда в доме не слышала ни одного служебного разговора: это мой принцип, которого я всегда держался и держусь»¹⁹⁴.

В Петрограде Дутов 15 октября сдал должности члена комиссий при Временном правительстве и получил назначение главноуполномоченным Временного правительства по продовольствию по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области на правах министра. В этой должности он состоял до 1 января 1918 г.¹⁹⁵

В сентябре 1917 г. Ленин вполне справедливо и с опаской писал о казачестве: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»¹⁹⁶. Именно Дутову, по свидетельству Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, принадлежала идея проведения в Петрограде в воскресенье, 22 октября 1917 г., в день Казанской Божией Матери общей демонстрации всех казачьих частей Петроградского гарнизона и крестного хода к Казанскому собору. Ленин опасался, что эта демонстрация сорвет его планы захвата власти, од-

нако Временное правительство само не позволило провести шествие¹⁹⁷, и пугавшись повторения августовских событий. Вместо крестного хода был проведен «День Петроградского Совета». Вождь большевиков по этому поводу писал 22–23 октября Я.М. Свердлову: «Отмена демонстрации и законов есть гигантская победа. Ура! Наступать (здесь и далее — стиль документа. — А. Г.) изо всех сил и мы победим в несколько дней! Лучшие приветы! Ваш»¹⁹⁸. Председателем Совета Союза казачьих войск после Дутова стал есаул А.И. Аникеев. С захватом власти большевиками Совет перестал играть сколько-нибудь значимую роль, а в начале декабря 1917 г. подвергся разгрому, дальнейшие судьбы большинства его членов, и там числе и самого Дутова, оказались трагическими.

В четверг, 26 октября (8 ноября) 1917 г. Дутов вернулся в Оренбург и приступил к работе по своим должностям. В тот же день он посетил 1-й очередной съезд 1-го военного округа (в дальнейшем он регулярно посещал заседания этого съезда) и подписал приказ по войску № 816 о признании насильственного захвата власти большевиками в Петрограде. В приказе говорилось: «В Петрограде выступили большевики и пытались захватить власть, таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое Правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном и братском союзе с правительствами других казачьих войск Оренбургское Войсковое Правительство окажет полную поддержку существующему коалиционному Прременному Правительству. В силу прекращения сообщения и связи с центральной Государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое Правительство ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и телеграфной связи, с 20-ти часов 26-го сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной Государственной власти и юрисдикции. Войсковой Атаман, Полковник Дутов»¹⁹⁹. Войско вступило в полосу Гражданской войны, после которой уже не оправилось.

Между тем оренбургские казачьи части в основной своей массе все еще находились на фронте. В сентябре 1917 г. на офицерском съезде 3-й армии безвестный молодой подъесаул 5-го Оренбургского казачьего полка, несмотря на присутствие множества солдат, смело выступил против многочисленных армейских комитетов и агитаторов, обвинив их в развале армии. Несмотря на свое возмущение, солдаты не смогли изменить ситуацию²⁰⁰.

В конце октября — начале ноября 1917 г. в Киеве, а затем в Новочеркасске прошел фронтовой казачий съезд. Съезд открылся 21 октября в присутствии 810 делегатов и под председательством П.М. Агеева. Пятая часть делегатов представляла казачьи организации, присутствовало по две

представителя от частей (полков и батальонов, в том числе запасных), Военных правительств и по одному представителю от более мелких подразделений²⁰¹. Участвовал в работе съезда и А.Г. Нагаев, возглавивший оппозиционно настроенную группу делегатов. Фронтовой казачий съезд резко осудил большевистский переворот.

К тому времени казаки устали от войны (впрочем, даже не столько от нее, поскольку казачья конница активно не использовалась, сколько, в большей степени, от пребывания вдали от дома и хозяйства). По мнению А.И. Фуюрянского, в 5 из 18 Оренбургских казачьих полков полковые комитеты уже к лету 1917 г. находились под влиянием большевиков, из чего трудно сделать вывод о том, что 27,7% полков были большевизированы. Сумается, с этим вряд ли можно согласиться. Во всяком случае, в нашем распоряжении нет данных о большевизации оренбургских частей. Сам ход дальнейших событий продемонстрировал ошибочность таких утверждений, поскольку большевизм у казаков носил, как правило, поверхностный характер²⁰², а сословные корни оказывались куда глубже и прочнее.

Точка зрения, согласно которой казаки-фронтовики не оказали сопротивления захватившим власть большевикам в 1917 — начале 1918 г., не соответствует действительности. Уже в первые дни после переворота имели место отдельные попытки оказания сопротивления. Казаки Петроградского гарнизона заняли нейтральную позицию, но даже при ином отношении к их стороне вооруженный протест против большевиков при имевшемся соотношении сил все равно был обречен на неудачу. 25 октября 1917 г. в Москве А.Ф. Керенский выпустил приказ Верховного главнокомандующего № 314, в котором призвал всех должностных лиц оставаться на своих местах и исполнять свой долг перед родиной. В соответствии с этим приказом в районе Петрограда на подавление восстания большевиков выдвинули части III казачьего корпуса под командованием генерал-майора И.И. Краснова. В так называемом «походе Керенского-Краснова» принимали участие донские, оренбургские (запасная сотня под командованием хорунжего А. Болгарцева из состава Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка)²⁰³ и амурские (1-й Амурский казачий полк) казаки.

Оренбуржцы имели на вооружении одни лишь шашки²⁰⁴. П.Н. Краснов вспоминал: «Около полудня я получил донесение, что большая колонна в двадцать тысяч до десяти — движется от Московского шоссе на перерез Ярославской железной дороги, выходя нам в тыл к Большому Кузьмину. И шел броневой поезд и тридцать конных казаков. После получаса томительного ожидания донесение: колонна — А. Гв. Измайловский полк, в полном составе, после первой же шрапнели бежал в беспорядке, один офицер взят в плен... Разговоры об этом произвели сильное впечатление на каждого офицера А. Гв. Сводного Казачьего полка, стоявшего за неимени-

ем винтовок у его казаков в бездействии сзади Александровской. Он прискакал ко мне и просил разрешить ему атаковать деревню Сузи.

— Погодите, — сказал я ему. — Еще рано. Вы атакуете вместе со всеми.

Но не понял ли он меня, или уж очень хотелось ему отличиться и потешиться над большевиками, но не прошло и пяти минут, как за домами стали мелькать конные фигуры скачущих казаков. Ко мне подошел полковник Попов и с тревогою спросил: «Вы приказывали атаковать оренбуржцам?»

— Нет, — отвечал я.

— Смотрите, они уже атакуют!

Вернуть было невозможно. Сотня оренбургской молодежи с беззаветною лихостью развернулась в лаву и ринулась на деревню Сузи, занятую матросами. Мы все вышли из-за домов следить за нею. Казалось, что вот-вот она достигнет своей цели и — кто знает — потрясет противника. Правее Сузи, вне поля атаки, целые толпы черных фигур в беспорядке кинулись бежать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики бегом побежали вперед, чтобы пулеметным огнем помочь атакующей части...

Но казаки наткнулись на болотную канаву. Лошади стали вязнуть, и атака остановилась. Еще секунда напряженного волнения. Видно, как под выстрелами, едва не в упор, падают люди. Командир сотни убит. И сотня — кто верхом, кто, соскочивши с лошади, пешком — побежала назад. Освободившиеся от всадников лошади, задравши хвосты, метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов.

Потери сотни были не так велики, как того можно было ожидать. Убит командир сотни, и около 18-ти казаков было ранено, да погибло до сорока лошадей, но морально эта неудачная атака была очень невыгодна для нас. Она показала стойкость матросов. А матросы численно более нежели в 10 раз превосходили нас. Как же было бороться при таких условиях? Бой стал затихать»²⁰⁵.

Движение на Петроград велось исключительно казачьими частями, ставшими, по сути, последним резервом Керенского, много сделавшего прежде для разложения этих частей, казавшихся ему контрреволюционными. По этим причинам движение корпуса Краснова на Петроград было крайне нерешительным и осуществлялось в основном путем переговоров с представителями большевиков. Единственное боевое столкновение произошло в районе Пулкова, однако сил корпуса было явно недостаточно для занятия Петрограда, в котором находился огромный большевизированный гарнизон. После этого части корпуса отошли в Царское Село и далее в Гатчину, откуда Керенский был вынужден бежать. Эти события были лишь первыми столкновениями Гражданской войны.

При этом не следует преувеличивать желание казаков быть втянутыми в междоусобный конфликт. 29 октября 1917 г. командующий 3-й армией Западного фронта Генштаба генерал-лейтенант Д.П. Парский отдал приказ 2-й Туркестанской стрелковой дивизии с двумя казачьими полками и двумя батареями, присоединив 8-й Оренбургский казачий полк, выступить в распоряжение командира XXXV армейского корпуса, в котором захватил власть солдатский комитет, и подавить мятеж. В корпусе после получения радиограммы о петроградских событиях образовался ВРК, были арестованы офицеры и захвачен корпусной штаб. Однако казаки не выполнили приказ командующего армией²⁰⁶.

Казаки противостояли захвату власти большевиками и в Ташкенте, где в период с 28 октября по 1 ноября развернулись затяжные бои при участии 17-го Оренбургского казачьего полка, позднее ушедшего в свое войско к атаману А.И. Дутову²⁰⁷. В Ташкенте тогда погибли подъесаулы В.Н. Данилов и И.В. Савинков, хорунжий А.Д. Носов. Борьба с большевиками в крупных центрах потерпела неудачу, и наиболее организованное сопротивление началось на окраинах России, где в казачьих областях образовались первые серьезные противобольшевистские очаги.

В первых числах ноября к Дутову с просьбой о помощи против большевиков обратился саратовский Комитет общественной безопасности. В ответ Дутов писал казакам дислоцированной в Саратовской губернии 2-й Оренбургской казачьей дивизии Генерального штаба генерал-майора А.П. Тимашева: «Я, как ваш Атаман, от имени Войскового Правительства и всего войска в лице Окружных Съездов всех округов, приказываю вам всем, от генерала до рядового казака, встать на защиту Временного Правительства от большевиков с оружием в руках. Войско все мобилизуется, как и все казачьи войска, с которыми я имею связь. Мы на своей территории действуем решительно и даже думаем послать помощь соседям. В Ташкенте 17 Оренбургский казачий полк, Ваш боевой товарищ по дивизии, изнемогает в борьбе с большевиками, понес огромные потери, но честно выполняет призыв. Имена казаков 17 полка будут гордостью войска. Ваши боевые братья требуют решительности, и Войсковое Правительство приказывает Вам войти в город и восстановить власть Временного Правительства. По всей России Оренбургские казаки твердо стоят на поддержке Временного Правительства. Помните это и немедленно на коней и в Саратов! Сильным и честным — победа и слава! Войсковой Атаман Полковник *Дутовъ*»²⁰⁸. Казаки подчинились приказу и повели наступление на Саратов. 4 ноября под Саратовом красные захватили четырех казаков 14-го Оренбургского казачьего полка, в том числе казака 1-й сотни И.И. Пастухова, казаков били прикладами, приставляли к груди шашки, выпытывали место нахождения их сотни, которая с целью войти в город шла степью²⁰⁹. Была отрезана связь

города с Москвой, однако дальше этого дело не двинулось — начались притеснения, инициированные полковыми комитетами. Казаков на переговорах представлял подъесаул А.М. Пащенко. В итоге было решено прекратить боевые действия и уйти, тем не менее дивизия осталась на месте²¹⁰.

11 ноября 1917 г. декретом ВЦИК и СНК была провозглашена ликвидация сословий и гражданских чинов. В числе прочих сословий большими камнями упразднялось и казачество. В конце ноября — начале декабря в Петрограде были арестованы члены Совета Союза казачьих войск, рискнувшие до тех пор остаться в городе.

В ноябре 1917 г. в Ставке возникла идея свести все отдельные и мелкие казачьи сотни «в связи с текущими событиями» в отдельные отряды и даже в более крупные соединения²¹¹. Возможно, это решение было обусловлено надеждой на антибольшевизм казаков таких отрядов, фактически превращавших многочисленные отдельные и особые сотни в полноценные кавалерийские полки. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенант Н.Н. Духонин 6 ноября 1917 г. телеграфировал фронтовым: «Мелкие единицы казачьих войск свести в более крупные и как общее правило в командировку менее полка допускать лишь на короткое время и в самых исключительных случаях...»²¹² Оренбургские сотни вошли в состав пяти Оренбургских казачьих отрядов и 2-го Сводного казачьего отряда (Северный фронт — 1-й Оренбургский казачий отряд — 4, 12, 13, 19, 24, 31-й Оренбургские особые сотни; Западный фронт — 2-й Оренбургский казачий отряд — 5, 14, 17, 20, 29-я особые сотни; 3-й Оренбургский казачий отряд — 4-я отдельная, 9, 23, 25, 30, 32-я особые сотни; Юго-Западный фронт — 4-й Оренбургский казачий отряд — 7, 10, 16, 27, 33-я особые и 3-я отдельная сотни; Румынский фронт — 5-й Оренбургский казачий отряд — 2, 3, 8, 11, 28-я особые сотни; 2-й Сводный казачий отряд — 1, 6, 21, 22-я особые Оренбургские и 2-я отдельная Сибирская казачья сотня)²¹³. К сожалению, дальнейшая судьба этого проекта и степень его результативности неизвестны.

16 декабря 1917 г. атаман А.И. Дутов написал письмо № 19127 неуточненному командиру оренбургской казачьей части (полка или батальона) с призывом направить казаков с оружием в войско. Текст письма был следующим: «МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ! В настоящее время, как вам известно, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению создано невыносимое положение для казаков. Большевики, не желающие поминуться с существованием свободного казачества, стараются разложить эту однородную массу и для достижения своих целей не брезгают никакими средствами. Вверенному мне войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда России в действительности уже нет, я считаю своей священной обязанностью собрать в войско всех находящихся на фронте казаков и в случае надобности всеми мерами отстаивать казачество. С этой целью, при-

«...при сем выписку из постановления войскового круга от 13 сего декабря²¹⁴, считаю долгом сообщить вам следующее: Вам как командиру части надлежит принять все меры к тому, чтобы казаки прибыли каким угодно порядком в свои округа. Для этого необходимо увеличить норму отпускных выписок, уполить на льготу, не дожидаясь прихода из войска сменной команд, тех казаков, которые подлежат замене. Имеющееся в части казенное имущество надлежит сдать в ближайшие склады или продать, сдав деньги в соответствующее казначейство. Что касается здоровых лошадей, то их по надобности слабосильных следует отправить в войско. Представляется крайне необходимым, чтобы казаки прибыли в войско с оружием. Некоторые из отдельных частей, как, например, первая, восьмая батареи и несколько сотен 1-го полка, прибыли вооруженными в Донскую область. Если вы с частью имеете затруднительным и опасным прибыть в свое войско, то следует направиться в ближайшую казачью область. Во всяком случае, всех возвращенных в войско казаков войсковое правительство не будет считать дезертирами. Все это, однако, должно делаться так, чтобы не навлечь никаких подозрений со стороны тех организаций, в состав коих входит вверенная вам часть. Разумеется, я не могу вам указать всех способов, при помощи которых казаки могут прибыть с оружием в свое войско или другие казачьи области, и это всецело предоставляется вашей опытности, знанию, умению и инициативе, но во всяком случае, если части придется разоруживать (так в документе. — А. Г.), то необходимо принять все меры к тому, чтобы это происходило на какой-либо казачьей территории и чтобы в сдаче оружия и имущества были даны квитанции соответствующих войсковых начальств. Прошу принять уверения в совершенном моем к вам уважении и таковой преданности. А. Дутов»²¹⁵.

По свидетельству большевика Д.П. Саликова, письмо было адресовано «...Имя Исецко, командира Ставропольского полка», по его же сведениям, оно начиналось обращением «Милостивый Государь, Иван Матвеевич!»²¹⁶. Саликов явно искажил фамилию адресата — в Оренбургском казачьем войске не было офицеров со столь странной фамилией, зато существовал 4-й Исетинский Ставропольский полк, от названия которого и была произведена фамилия казачьего офицера. В декабре 1917 г. полком командовал уже известный читателю полковник И.М. Зайцев, полк находился в Туркестане на подавлении туркменского мятежа. Письмо Дутова было перехвачено ташкентскими большевиками, не дошло до адресата и тогда же было опубликовано в целях дискредитации Дутова. Поскольку в письме нет каких-либо конкретных указаний на Туркестан, скорее всего, этот же документ был направлен Дутовым и остальным командирам оренбургских казачьих частей, но большевики смогли перехватить лишь письмо Зайцеву. Таким образом, вопреки утверждению оренбургского историка Д.А. Сафонова²¹⁷, есть все основа-

города с Москвой, однако дальше этого дело не двинулось — начались протесты, инициированные полковыми комитетами. Казаков на переговорах представлял подъесаул А.М. Пащенко. В итоге было решено прекратить боевые действия и уйти, тем не менее дивизия осталась на месте²¹⁰.

11 ноября 1917 г. декретом ВЦИК и СНК была провозглашена ликвидация сословий и гражданских чинов. В числе прочих сословий большими ками упразднялось и казачество. В конце ноября — начале декабря в Петрограде были арестованы члены Совета Союза казачьих войск, рискнувшие до тех пор остаться в городе.

В ноябре 1917 г. в Ставке возникла идея свести все отдельные и особые казачьи сотни «в связи с текущими событиями» в отдельные отряды и даже в более крупные соединения²¹¹. Возможно, это решение было обусловлено надеждой на антибольшевизм казаков таких отрядов, фактически превращавших многочисленные отдельные и особые сотни в полноценные кавалерийские полки. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенант Н.Н. Духонин 6 ноября 1917 г. телеграфировал фронтовым: «Мелкие единицы казачьих войск свести в более крупные и как общепринятое в командировку менее полка допускать лишь на короткое время и в самых исключительных случаях...»²¹² Оренбургские сотни вошли в состав пяти Оренбургских казачьих отрядов и 2-го Сводного казачьего отряда (Сводный фронт — 1-й Оренбургский казачий отряд — 4, 12, 13, 19, 24, 31-й Оренбургские особые сотни; Западный фронт — 2-й Оренбургский казачий отряд — 5, 14, 17, 20, 29-я особые сотни; 3-й Оренбургский казачий отряд — 4-я отдельная, 9, 23, 25, 30, 32-я особые сотни; Юго-Западный фронт — 4-й Оренбургский казачий отряд — 7, 10, 16, 27, 33-я особые и 3-я отдельная сотни; Румынский фронт — 5-й Оренбургский казачий отряд — 2, 3, 6, 11, 28-я особые сотни; 2-й Сводный казачий отряд — 1, 6, 21, 22-я особые Оренбургские и 2-я отдельная Сибирская казачья сотня)²¹³. К сожалению, дальнейшая судьба этого проекта и степень его результативности неизвестны.

16 декабря 1917 г. атаман А.И. Дутов написал письмо № 19127 неуточненному командиру оренбургской казачьей части (полка или батальона) с призывом направить казаков с оружием в войско. Текст письма был следующим: «МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ! В настоящее время, как вам известно, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению создается невыносимое положение для казаков. Большевики, не желающие примириться с существованием свободного казачества, стараются разложить эту однородную массу и для достижения своих целей не брезгают никакими средствами. Вверенному мне войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда России в действительности уже нет, я считаю своей священной обязанностью собрать в войско всех находящихся на фронте казаков и в случае надобности всеми мерами отстаивать казачество. С этой целью, при

...при сем выписку из постановления войскового круга от 13 сего декабря²¹⁴, считаю долгом сообщить вам следующее: Вам как командиру части надлежит принять все меры к тому, чтобы казаки прибыли каким угодно образом в свои округа. Для этого необходимо увеличить норму отпускных выписок, уволить на льготу, не дожидаясь прихода из войска сменной команды, тех казаков, которые подлежат замене. Имеющееся в части казенное имущество надлежит сдать в ближайшие склады или продать, сдав деньги в соответствующее казначейство. Что касается здоровых лошадей, то их под видом слабосильных следует отправить в войско. Представляется крайне необходимым, чтобы казаки прибыли в войско с оружием. Некоторые из отдельных частей, как, например, первая, восьмая батареи и несколько сотен 14-го полка, прибыли вооруженными в Донскую область. Если вы с частью имеете затруднительным и опасным прибыть в свое войско, то следует направиться в ближайшую казачью область. Во всяком случае, всех возвращенных в войско казаков войсковое правительство не будет считать дезертирами. Все это, однако, должно делаться так, чтобы не навлечь никаких неприятностей со стороны тех организаций, в состав коих входит вверенная часть. Разумеется, я не могу вам указать всех способов, при помощи которых казаки могут прибыть с оружием в свое войско или другие казачьи области, и это всецело предоставляется вашей опытности, знанию, умению и инициативе, но во всяком случае, если части придется разоруживать (так в документе. — А. Г.), то необходимо принять все меры к тому, чтобы это не входило на какой-либо казачьей территории и чтобы в сдаче оружия и имущества были даны квитанции соответствующих войсковых начальств. Прошу принять уверения в совершенном моем к вам уважении и таковой преданности. *А. Дутов*»²¹⁵.

По свидетельству большевика Д.П. Саликова, письмо было адресовано «...на имя Исецко, командира Ставропольского полка», по его же сведениям, оно начиналось обращением «Милостивый Государь, Иван Матвеевич!»²¹⁶. Саликов явно искажил фамилию адресата — в Оренбургском казачьем войске не было офицеров со столь странной фамилией, зато существовал 4-й Исетский Ставропольский полк, от названия которого и была произведена фамилия младшего офицера. В декабре 1917 г. полком командовал уже известный читателю полковник И.М. Зайцев, полк находился в Туркестане на подавлении туркменского мятежа. Письмо Дутова было перехвачено ташкентскими большевиками, не дошло до адресата и тогда же было опубликовано в целях дискредитации Дутова. Поскольку в письме нет каких-либо конкретных указаний на Туркестан, скорее всего, этот же документ был направлен Дутовым и остальным командирам оренбургских казачьих частей, но большевики смогли перехватить лишь письмо Зайцеву. Таким образом, вопреки утверждению оренбургского историка Д.А. Сафонова²¹⁷, есть все основа-

ния считать это директивное письмо еще и циркулярным. Другие экземпляры документа были, по всей видимости, уничтожены адресатами, так как никто не возит при себе подобную бумагу в начале 1918 г., даже для командирской части, было практически равносильно смертному приговору. Сосредоточение в войске вооруженных казаков было необходимо лишь для одной цели — борьбы с большевиками, которая уже началась, но не обрела своего подлинного размаха. Как уже было показано, эту борьбу казаки вели как в самом войске, так и в крупных центрах, а также на путях движения войско оренбургских частей и соединений.

Осенью 1917 г. во 2-ю Туркестанскую казачью дивизию был переформирован 8-й Оренбургский казачий полк, сменивший 1-й Астраханский, назначенный в отдельную Астраханскую казачью бригаду (со 2-м полком). Очевидно вспоминал: «Нас немало поразил вид 8 Оренбургского казачьего полка — второгоочередного, пришедшего в дивизию во время полного развала 8 Оренбургского казачьего полка — имел прекрасный хор трубачей, отличную выправку и по внешнему виду никак не походил на «второразрядную конскую конницу, хотя он перед этим и исполнял обязанности конной конницы в одном из армейских корпусов»²¹⁸.

В конце ноября на фронте XX армейского корпуса было заключено перемирие с германцами. Присутствие казачьей дивизии в корпусном резерве более не требовалось. Дивизия на станциях Глубокая и Сославинская была погружена в эшелоны и направлена через Полоцк и Витебск в Смоленск. В Витебске большевики попытались задержать эшелоны, переговоры ни к чему не привели, и несколько эшелонов дивизии было переведено по обходным путям станций Витебск. Все изменилось с подходом 5-го Оренбургского казачьего полка. Есаул, являвшийся начальником подошедшего эшелона с оренбуржцами, узнав о задержке, потребовал немедленного пропуска казаков под угрозой занятия станции. Станционное начальство не рискнуло ввязываться в конфликт, и эшелоны пошли дальше²¹⁹.

В начале декабря дивизия была отведена в район Гжатск—Вязьма, расположилась по глухим деревням без связи между частями. Казаки думали лишь о возвращении домой — «война позорно окончилась, и делать нам (казакам. — А. Г.) среди бушующей, разнузданной солдатчины было (было) нечего»²²⁰. По некоторым данным, 5-й и 8-й Оренбургские казачьи полки присоединились к возвращавшейся в войско 1-й Оренбургской казачьей дивизии. Вскоре подтянулся 1-й полк из района города Луга; захватив эшелоны, оренбуржцы в составе семи полков и двух батарей (предположительно численность до 6 тысяч казаков) двинулись на Москву. Подход такой массы вооруженных казаков с артиллерией и пулеметами напугал московских большевиков, и они постарались как можно скорее пропустить эшелоны дальше. Между тем этими силами вполне возможно было занять Москву.

...мать существенные перемены в общем ходе событий того периода. Ка-
...пернулись в войско. По воспоминаниям командира 2-го Уральского
...ного полка Генштаба полковника С.А. Щепихина, ехали домой «как по
...канной стране»²²¹.

15-й Оренбургский казачий полк, действовавший на Юго-Западном
фронте, прибыл в войско (поселок Банный 2-го военного округа) в февра-
ле 1918 г. через Уральск вместе с одной из батарей походным порядком,
скрывив оружие и пройдя по территориям юга и юго-востока России²²².
Из офицеров полка был сформирован отряд, доставивший в Верхнеуральск
А.И. Дугову пулеметы и подрывное имущество полка²²³.

27-я особая конная сотня вернулась в войско с Юго-Западного фрон-
та, привезла с собой 64 винтовки, 5 револьверов, 20 ручных бомб, 8000 пат-
ронов. Сотня прибыла 15 января 1918 г. в Челябинск, откуда походным
порядком ушла в станицу Миасскую и расформировалась, оружие и бое-
припасы были розданы казакам²²⁴, несомненно сыграв свою роль в даль-
нейших событиях. Особую роль в успешном возвращении сотни сыграл
присланный В. Пастухов.

Части 2-го округа, возвращаясь с фронта, расформировывались: 5-й полк —
в станице Урлядинской, 9-й, 10-й и 16-й полки — в Верхнеуральске. 12-я —
1-й и 19-я — 22-я особые конные сотни приходили в Верхнеуральск раз-
розными группами по 5—20 человек, причем большая часть без до-
кументов²²⁵. Находившийся в округе 2-й Оренбургский казачий запасный
полк «в силу сложившейся политической обстановки исчез сам собой»²²⁶.

Небезынтересно, что все части, кроме 12-й особой сотни, сдали денеж-
ные средства окружному правлению. В 12-й сотне деньги были расхище-
ны военным комитетом. Имущество многих частей было захвачено крас-
ными на станции Миасс, имущество 5-го полка — в Верхнеуральске.

По пути в свое войско против большевиков сражались 4-й Оренбургский
казачий полк и 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион²²⁷.

Ценнейшим источником, отражающим эти события, является рапорт
...ного старшины 1-го Оренбургского казачьего арtdивизиона Н.А. Пис-
... (см. приложение). Осенью 1917 г. дивизион и два полка 2-й Сводной
... дивизии (1-й Линейный и 1-й Волжский полки Кубанского и Тер-
... казачьих войск соответственно) находились в армейском резерве в
... Домбровицы Волынской губернии. По распоряжению главноко-
... армиями Юго-Западного фронта Генштаба генерал-лейте-
... Н.Г. Володченко в конце ноября 1917 г. дивизион в составе 2-й Свод-
... дивизии был направлен в Донскую область в распоряжение
... А.М. Каледина. Такой приказ с учетом политической обстановки
... приводит на определенные размышления. Известно, что Володчен-
... 26 октября вошел в состав противобольшевистского фронтового

Комитета спасения революции, способствовал снятию с фронта некоторых частей и отправке их к Петрограду и Москве для содействия Временному правительству, в дальнейшем он пытался саботировать решение фронтного съезда о переговорах с противником по поводу перемирия²²⁸. 23 ноября дивизион в составе казачьей дивизии был направлен на Дон, а на следующий день Володченко добровольно оставил свой пост (видимо, исчерпав административные возможности сопротивления большевикам). Формально предполагалось, что отправленные на Дон части войдут в формирующийся в ноябре 1917 г. IV казачий корпус (до 22 октября 1917 г. — IV конный, состав: 1-я Забайкальская казачья дивизия, 1-я Оренбургская казачья дивизия и 2-я Сводная казачья дивизия) генерал-лейтенанта Я.Ф. фон Гилленштадта²²⁹. Подлинная мотивация приказа генерала Володченко неизвестна, но единственным логичным предположением является сознательное направление казачьих частей в регион, где уже существовал достаточно серьезный очаг антибольшевистского сопротивления.

Сохранив оружие (8 орудий, 800 снарядов, 4 пулемета Кольта, 160 винтовок)²³⁰, дивизион прошел по территории юга России, приняв участие в борьбе за Царицын в начале 1918 г., астраханском восстании и других малоизвестных событиях начального этапа Гражданской войны.

Из рапорта Пискунова следует, что, вопреки распространенному мифу о революционности всех без исключения фронтовиков, даже рядовые казаки, не говоря уже об офицерах, были настроены антибольшевистски, стремились помогать другим казачьим войскам (донцам, астраханцам и уральцам) в борьбе с самопровозглашенной властью. Если верить автору рапорта, придя в войско, казаки дивизиона не раздумывая присоединились бы к сторонникам Дутова. Получается, что на первом этапе антибольшевистской борьбы, продержавшись Дутов в Оренбурге на один-два месяца дольше, он сам бы опереться на постепенно возвращавшихся в войско казаков-фронтовиков. Только поражение Дутова на начальном этапе борьбы вынудило офицеров распустить дивизион, не дожидаясь возвращения в войско.

Думается, некоторая часть казаков-фронтовиков, как это ни парадоксально, была готова к вооруженной борьбе с большевиками уже в 1917 — начале 1918 г., но для этого возвращающимся с фронта необходимо было присоединиться к какому-либо противобольшевистскому ядру или центру. Такого крупного центра в тот период еще не существовало.

* * *

Февраль 1917 г. казачество приняло с огромным энтузиазмом, пытаясь реализовать свою собственную программу, ярко проявившуюся еще в период первой русской революции, — избавиться от максимального количе-

своими привилегиями, сохранив при этом все прежние привилегии. О том, что этот подход шел вразрез с государственными интересами России да и с собою, мало кто из казаков задумывался.

В 1917 г. в казачьих войсках вводится самоуправление и выборность войсковой администрации, что соответствовало давним устремлениям казачества (и не только) либеральной и социалистической интеллигенции. Либералы давно мечтали оторвать казачество от военного ведомства если не полностью, то хотя бы в социально-экономическом и культурном отношении. До 1917 г. это удалось лишь в слабой степени в форме введения самоуправления на Дону.

Теперь же прежняя либеральная оппозиция могла торжествовать, хотя развитие обновленного казачества пошло по своеобразному пути. Начиная с совещания Войсковые круги и съезды, что в целом соответствовало реально существовавшей в 1917 г. общей концепции создания по всей России разветвленной системы местного самоуправления. Однако в казачьих областях этот процесс имел целый ряд весьма серьезных отличий от общероссийского. В частности, введение самоуправления сопровождалось заявлениями о возрождении традиций вольного казачества периода Средневековья, даже в тех войсках, которые были образованы по решению имперской власти и вообще не имели в своей истории «вольного» периода.

Одновременно с возрождением «традиций» закладываются и основы нового казачьего шовинизма, отправной точкой которого стал взгляд на казачество не как на сословие, а как на особый народ. Особенно ярко казачий шовинизм проявился в крупнейших Донском и Кубанском войсках. Левые силы в начале 1917 г. были крайне обеспокоены этими явлениями²³¹. На Кубани такие перемены привели к всплеску уже в годы Гражданской войны сепаратизма и откровенной русофобии, в других войсках — к автономизации, укреплению сословной обособленности, консолидации с казаками других войсковых округов. Более того, казаки Сибирского (из состава Сибирской казачьей дивизии) и особенно Забайкальского (большинство станиц и Войсковой съезда) войсковых округов высказались за саморасказачивание, но дальше заявлений дело не пошло.

После февральских событий казачество продолжало добросовестно исполнять свой воинский долг, однако его в полной мере, но со своими особенностями коснулись все те изменения, которые происходили в регулярной армии. В казачьей среде не было серьезных противоречий между войсковыми и офицерами, кадровый офицерский состав сохранился к концу войны почти полностью, более того, казачьи офицеры как наиболее образованные люди стали членами полковых и дивизионных комитетов казачьих войсковых округов и соединений, многие офицеры представляли казачьи интересы в Петрограде. К этой категории относился войсковой старшина А.И. Дутов —

самая крупная фигура, которую выдвинуло оренбургское казачество в 1917 г. Именно Дутов в дальнейшем, опираясь на свой авторитет и политический багаж, поднял оренбургское казачество на борьбу с большевизмом.

Разложение коснулось казаков в значительно меньшей степени, чем в гвардейской армии. Более того, в казачьих частях существовала своя особая войсковая сплоченность, в некоторой степени даже бросавшая вызов внешнему миру. И со своими офицерами казаки предпочитали разбираться внутри части, не позволяя вмешиваться неказакам и ни в коем случае не выдавая своих. Крепким был и унтер-офицерский состав казачьих частей. Именно поэтому после развала фронта почти все казачьи части влились в свои войска в полном составе, сохранив иногда даже оружие.

Несмотря на демократическую риторику и заверения о том, что казачьи функции казачества закончились вместе с падением старого режима, очень скоро казаки понадобились в своей прежней роли и новой власти «революционной демократии». При отсутствии внутренних и достаточных сил созданной при Временном правительстве милиции такой подход был неизбежен. Казаки проявили себя в качестве надежных частей, став опорой Временного правительства. Первоначально правительство восторженно отнеслось к возрождению казачьего выборного и новому демократическому казачеству. Однако опасения правого крыла и недоверие взяли верх, в особенности после того, как казачество приняло себя самостоятельной силой в июльских событиях.

Хотя казачество не оказало прямой поддержки выступлению А.Г. Корнилова (который и сам являлся казаком по происхождению), заняв пассивную позицию, после корниловских событий отношения между Временным правительством и казаками обострились. В этой обстановке гонениям властей подвергся и совершенно непричастный к корниловскому движению донской атаман А.М. Каледин. Казачье представительство в Петрограде не только не поддержало, но даже осудило позицию Временного правительства в отношении Корнилова и Каледина.

Оставшись без какой-либо социальной опоры в обществе, Временное правительство в последние два месяца своего существования пошло на то, которое улучшение отношений с казачеством. Казачьи части в этот период оставались практически последним резервом Керенского, который раньше много сделал для их ослабления. Именно казаки оказались единственной силой, в определенном смысле поддержавшей его поход на Петроград уже после захвата власти большевиками. Но, как справедливо отмечал генерал Деникин, «казаков сильно смущали их одиночество и мысль, что они идут «против народа»²³².

Многие казачьи части выступили против большевиков уже в начальном период зарождавшейся Гражданской войны. На этом этапе протест

...навала, конечно, не политика большевиков, не успевших еще в достаточной степени проявить себя, а прежде всего препятствия со стороны новых властей возвращению казаков домой, в том числе и с оружием в руках. Возвращение казаков-фронтовиков домой при сохранении вооружения способствовало активному участию казачества в антибольшевистской борьбе.

Период развития войска до 25 октября 1917 г. едва ли отделим от начального периода борьбы казаков с большевиками, тем более что отдельные проявления этой борьбы имели место и ранее. Историю войска невозможно представить и без участия оренбургских частей в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны на протяжении революционного 1917 года, а также процесс их возвращения домой в конце 1917 — начале 1918 г. Некоторые из этих событий, разумеется, могут быть отнесены уже к истории Гражданской войны в войске, но все же искусственно отрывать их от того, что им предшествовало, было бы неправильно. По этим причинам внутренняя история войска и казачьего представительства в Петрограде рассмотрена по октябрь 1917 г., а история фронтового казачества — до возвращения казачьих частей в войско в начале 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственное совещание (стенографический отчет) / С предисловием И. А. Яковлева. М.—Л., 1930. С. 74.

² Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 21.

³ *Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника* // Балка / Публ. В. Г. Бортневского и В. Ю. Чернышева // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 35—36, 63; Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March—April 1917). Princeton, 1980. P. 132—133.

⁴ Персберг Ф. П. Все в прошлом. Воспоминания. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (ВФРЗ). Ф. 2. М-86. Т. 4. Л. 1294.

⁵ Мицев И. М. Почему казачество безмолствовало в 1917 году? // Армия и флот (Шинкаев). 1932. Сентябрь. Т. 35. № 8—1169. С. 31.

⁶ Шкуро А. Г. Записки белого партизана // Белое дело: Избранные произведения // Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 90—91.

⁷ Александр Ильич Дутов: Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска, Генерал-лейтенант: Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч[ее], отнесенные к деятельности Войскового Атамана. Составлено согласно пожеланий бывших депутатов 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда Атамана Дутова. Б.м., б.г. [Троицк, 1919]. С. 6.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40327. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 4.

¹⁰ *Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1917. 28.09.*

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 96—99.

¹² *Шильников И.Ф.* 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне 1914—1918 г. Харбин, 1933. С. 147.

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 58 об.

¹⁴ Погорецкий Сергей Тимофеевич (10.10.1856—?) — из потомственных дворян Херсонской губернии. Генерал-лейтенант (с 1910 г.), участник Русско-турецкой 1877—1878 гг., Русско-японской и Первой мировой войн, в 1916—1917 гг. — начальник гарнизона Оренбурга. — А. Г.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 59—59 об. Нарбут П.В. — инспектор при главноуполномоченном по продовольствию Оренбургской губернии и Тургайской области (1917—1918 гг.).

¹⁶ Там же. Л. 63.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 2.

¹⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 30. Л. 94.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 61 об.

²⁰ *Ахулинин И.Г.* Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937. С. 26.

²¹ ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 62 об.

²² Там же. Л. 63 об.

²³ Там же. Л. 65 об.

²⁴ *Ахулинин И.Г.* Оренбургское Казачье Войско... С. 27.

²⁵ *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина: Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 2.

²⁶ Там же. С. 4.

²⁷ *Протокол десятого заседания 1-го Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 27.04.1917.*

²⁸ *Протокол пятого заседания 1-го Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 22.04.1917.*

²⁹ *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 9.

³⁰ Там же. С. 14—15.

³¹ *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 161—163.

³² Подробнее см.: *Протоколы 1-го Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1917.*

³³ *Ахулинин И.Г.* Оренбургское Казачье Войско... С. 26—27.

³⁴ *Государственное совещание (стенографический отчет) / С предисловием Я.А. Яковлева. М.—Л., 1930. С. 367.*

³⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 30. Л. 193.

³⁶ 14 января 1917 г. была образована станица Степно-Куликовско-Бородинская из упраздненной Березинской, 21 апреля — Капитоновская из станицы Мама-лаевской, 24 апреля — Переволоцкая из станицы Донецкой, 6 мая — Вязовская из

Каменноозерной и Студенецкая из Пречистенской, 10 мая — Чесноковская из Нижнеозерной, 12 мая — Изобильная из Буранной, 20 мая (30 июля) — Верхне-Чебеньковская из Пречистенской, 27 мая — Алабайтальская из Гирьяльской, 31 мая — Новочеркасская из Гирьяльской, Кондуровская из Воздвиженской, Петропавловская из Карагайской, Никольская 2-я из Ильинской, 9 июня — Угольная из Богуславской, 10 июня — Подстепинская из Красноярской, 16 июня — Григорьевская из Богуславской, 22 июня — Угольная из Богуславской, 27 июня — Верхне-Павловская из Павловской, 30 июня — Крутоярская из Березинской, 15 июля — Корниловская гражданская станица, 13 июля — Ветлянская из Богуславской, 20 июля — Рычковская и 1-я и 2-я Зубочистенские из Татищевской, 9 августа — Филипповская из Кундравинской, Нижне-Чебеньковская из Верхне-Чебеньковской, 25 августа — Клястицкая из Ключевской, Черкасская из Гирьяльской, 11 октября — Варнинская из Великопетровской, 11 ноября — Арсинская из Верхнеуральской, Прорывная из Звериноголовской, 24 ноября — Белогорская из Чесноковской, 30 декабря — Донгузская и Прохладная из Перовской.

³⁷ Шмелев А.В. Казачество в 1917 году // Наши Вести. Издание Союза чинов Русского корпуса (Санта-Роза, Калифорния). 1998. Сентябрь. № 452/2753. С. 7.

³⁸ Александр Ильич Дутов... С. 119.

³⁹ Ахулинин И.Г. Атаман А.И. Дутов. — Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection. Box 14. Folder 8.

⁴⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 120—121.

⁴¹ Русский инвалид (Петроград). 1917. 15.03. № 64. С. 3.

⁴² Вестник Союза Казачьих Войск (Петроград). 1917. 30.04. № 1. С. 1.

⁴³ Новосильцев Д. [Г.] Совет Союза казачьих войск в Петрограде // Наша станица (Белград). 1937. Март—апрель. № 25—26. С. 12.

⁴⁴ Труды Общеказачьего Съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / Обработаны под ред. И.Г. Харламова. Пг., 1917. С. 11.

⁴⁵ Русский инвалид (Петроград). 1917. 08.04. № 81. С. 3.

⁴⁶ Труды Общеказачьего Съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / Обработаны под ред. И.Г. Харламова. Пг., 1917. С. 84.

⁴⁷ Шмелев А.В. Указ. соч. (Окончание) // Наши Вести. Издание Союза чинов Русского корпуса (Санта-Роза, Калифорния). 1999. Июнь. № 455/2756. С. 9.

⁴⁸ Александр Ильич Дутов... С. 6.

⁴⁹ Зайцев И.М. Указ. соч. С. 31.

⁵⁰ Русский инвалид. 1917. 17.04. № 89. С. 3.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 181, 185 об.

⁵² Верцинский Э.А. Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917—1918 года. Таллин, 1929. С. 47.

⁵³ Александр Ильич Дутов... С. 119.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 188.

⁵⁵ Новое время (Петроград). 1917. 17.04. № 14754. С. 5.

⁵⁶ Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 30.04. № 1. С. 1.

⁵⁷ Далее следует разнарядка представительства казачьих войск во Временном Совете. — А. Г.

- ⁵⁸ Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 30.04. № 1. С. 3—4.
- ⁵⁹ Дутов А. [И.] Всероссийский казачий круг // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. 21.07. № 10. С. 1.
- ⁶⁰ Ермолин А.П. Революция и казачество (1917—1920 гг.). М., 1982. С. 35.
- ⁶¹ Половцов П.А. Дни затмения: (Записки Главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 96—97.
- ⁶² Шмелев А.В. Указ. соч. (Окончание). С. 10.
- ⁶³ Русский инвалид (Петроград). 1917. 21.06. № 143. С. 3.
- ⁶⁴ Греков А.Н. Союз Казачьих Войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись: Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Б.м. 1923. № 2. С. 240. Уточнено по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 181; Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 01.08. № 14. С. 3; Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1917. 29.09.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.
- ⁶⁶ Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 54. (К сожалению, Г.З. Иоффе не указывает источник этих сведений. — А. Г.).
- ⁶⁷ Там же. С. 53.
- ⁶⁸ Подробнее о позднейших мифах на этот счет см.: Катков Г.М. Дело Корнилова. М., 2002. С. 162—171.
- ⁶⁹ В частности, автор одной из последних публикаций на эту тему, стремясь доказать наличие такого заговора, основывается в основном на воспоминаниях А.Ф. Керенского и исследовании Г.З. Иоффе, которые в силу своей идеологической направленности априори не могут дать объективной картины рассматриваемых событий. См.: Абиякин Р.М. Военно-патриотические организации 1917 года: к предисловию Белого движения // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). Исторический научно-популярный альманах. 1999. № 6. С. 5—12.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 165.
- ⁷¹ Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 07.07. № 11. С. 4.
- ⁷² Александр Ильич Дутов... С. 23.
- ⁷³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М. — Мн., 2001. С. 310.
- ⁷⁴ Греков А.Н. Указ. соч. С. 247.
- ⁷⁵ Оренбургский казачий вестник. 1917. 18.08. № 22. С. 6.
- ⁷⁶ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 46. Л. 16 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 10—11.
- ⁷⁸ Оренбургский казачий вестник. 1917. 09.07. № 5. С. 4; Войнов В.М. Дутов Александр Ильич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 104.
- ⁷⁹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 13.08. № 20. С. 2.
- ⁸⁰ Дутов А. [И.] Всероссийский казачий круг // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. 21.07. № 10. С. 1—2.
- ⁸¹ См. напр.: Оренбургский казачий вестник. 1917. 23.07. № 11. С. 1.
- ⁸² Подробнее об этом в мемуарах генерала В.Е. Флуга — ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 69—70.

- ⁸³ Нефедов, Донской артиллерии Войск[овой] Стар[шина]. Воспоминания об оренбургах // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 37.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Оренбургский казачий вестник. 1917. 16.08. № 21. С. 4.
- ⁸⁶ Оренбургский казачий вестник. 1917. 02.10. № 42. С. 4.
- ⁸⁷ Участник неудачной разведки // Оренбургский казачий вестник. 1917. 07.09. № 32. С. 2.
- ⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 4. Л. 52 об.
- ⁸⁹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 205. Л. 1—4; *Третьяков Ив.* Самосуд // Свободное слово солдата (Оренбург). 1917. 06.06. № 49. С. 2.
- ⁹⁰ Оренбургский казачий вестник. 1918. 18.01. № 14. С. 4.
- ⁹¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 254. Л. 64.
- ⁹² Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 01.08. № 14. С. 4.
- ⁹³ Греков А.Н. Указ. соч. С. 252.
- ⁹⁴ Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 05.08. № 15. С. 6.
- ⁹⁵ Там же. С. 4.
- ⁹⁶ Дело генерала А.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале А.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. В 2 т. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа — 6 ноября 1917 г. М., 2003. С. 202.
- ⁹⁷ Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Л., 2000. С. 417.
- ⁹⁸ В несколько отличающейся от архивного экземпляра газетной версии резолюции после этих слов добавлено «и герою, вождю революции КЕРЕНСКОМУ». — Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 12.08. № 16. С. 1.
- ⁹⁹ Машинописная копия — ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 36—36 об.
- ¹⁰⁰ Греков А.Н. Указ. соч. С. 253.
- ¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.
- ¹⁰² Миллоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 283.
- ¹⁰³ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.
- ¹⁰⁴ Греков А.Н. Указ. соч. С. 253.
- ¹⁰⁵ Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника / Публ. С.В. Шумихи-на // Минувшее. Исторический альманах. М. — СПб., 1996. С. 490.
- ¹⁰⁶ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 375.
- ¹⁰⁷ Мельников Н.М. Алексей Максимович Каледин. Личность и деятельность (Воспоминания) // Донская летопись: Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Бм. 1923. № 1. С. 24.
- ¹⁰⁸ Государственное совещание (стенографический отчет) / С предисловием Ч. А. Яковлева. М.—Л., 1930. С. 74. Из цитаты исключены выкрики с мест и комментарии. — А. Г.
- ¹⁰⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 34. Июль—октябрь 1917. М., 1981. С. 127.
- ¹¹⁰ Государственное совещание... С. 367.
- ¹¹¹ Там же. С. 290.
- ¹¹² Там же. С. 289.

¹¹³ Греков А.Н. Указ. соч. С. 259—260.

¹¹⁴ Государственное совещание... С. 289.

¹¹⁵ Там же. С. 367.

¹¹⁶ Оренбургский казачий вестник. 1917. 13.08. № 20. С. 2—3.

¹¹⁷ Оренбургский казачий вестник. 1917. 23.08. № 24. С. 2—3.

¹¹⁸ Греков А.Н. Указ. соч. С. 261; Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 331.

¹¹⁹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.—Мн., 2001. С. 337.

¹²⁰ Лучшее описание обстоятельств произошедшего, на мой взгляд, содержится в брошюре Б.В. Савинкова: «26-го вечером я приехал в Зимний Дворец на заседание Временного Правительства для защиты законопроекта о смертной казни в тылу. Почти немедленно из Малахитовой залы я был вызван в кабинет Керенского... Керенский, молча, протянул мне исписанный листок бумаги. Я прочел его и не поверил своим глазам. Я не помню дословно текста, но смысл его состоял в том, что Верховный главнокомандующий требует немедленной передачи всей полноты военной и гражданской власти ему. Под этим ультиматумом стояла подпись «В. Львов». Львова я почти не знал, о его беседах с Керенским тоже не знал, о его поездках в Ставку тоже не знал. Поэтому прочитанный мной ультиматум мне показался мистификацией. Но Керенский сказал, что он проверил заявление Львова по прямому проводу у ген. Корнилова, и в доказательство показал мне ленту своего разговора. В ленте этой не содержалось текста ультиматума, предъявленного Львовым. Керенский спрашивал кратко, подтверждает ли ген. Корнилов то, что говорит Львов, и ген. Корнилов ответил: «Да, подтверждаю». Ни тогда, ни после, ни теперь я не понимал и не понимаю, как мог Керенский в деле столь огромного государственного значения ограничиться таким неопределенным вопросом, и я не понимал и не понимаю, как мог ген. Корнилов подтвердить то, содержание чего ему не было и не могло быть известно. Я был убежден, что в основе происходящего лежит недоразумение. Ген. Корнилов, я в этом не сомневался, не принимал участия в заговоре. Три дня назад он уверял меня, что будет верно служить Временному Правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его решение». — Савинков Б. [В.] К делу Корнилова. Париж, 1919. С. 24—25. Нельзя исключить и преднамеренной провокации со стороны Керенского, стремившегося устранить своего потенциального соперника. — А. Г.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 141 об.; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 32.

¹²² Лукомский А. [С.] Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 122.

¹²³ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 142; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 32.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 143; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 33.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 58. Л. 1—1 об.; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 494.

¹²⁶ Басханов М.К. Указ. соч. С. 459.

¹²⁷ Можно предположить, что речь идет о событиях 23 августа, когда ординарец Корнилова В.С. Завойко в связи с приездом Б.В. Савинкова был, согласно его сов-

ственным показаниям, отправлен из Ставки на два дня в одно из имений в окрестностях Могилева. — Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 98.

¹²⁸ Хан Хаджиев. Великий Бояр. Белград, 1929. С. 115.

¹²⁹ А. Т-ов. Воспоминания атамана А.И. Дутова о генерале А.Г. Корнилове // Русская армия (Омск). 1919. 26.04. № 84. С. 2.

¹³⁰ Записано под диктовку В.Н. Львова 25 мая 1921 г., в редакции «Последних Повостей» (примечание П.Н. Милюкова. — А. Г.).

¹³¹ Известная правая организация под председательством члена Государственной думы П.Н. Крупенского (примечание П.Н. Милюкова. — А. Г.).

¹³² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 337, 407.

¹³³ Вакар Н. [П.] Заговор Корнилова (беседа с А.Ф. Керенским) // Последние новости (Париж). 1937. 21.02. № 5812. С. 2; Катков Г.М. Указ. соч. С. 165.

¹³⁴ История гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции. М., 1935. С. 199.

¹³⁵ Вакар Н. [П.] Заговор Корнилова (беседа с А.Ф. Керенским) // Последние новости. 1937. 20.02. № 5811. С. 2.

¹³⁶ Сидорин В. [И.], ген. Заговор Корнилова (письмо в редакцию) // Последние новости. 1937. 26.02. № 5817. С. 3; Дюсиметьер [Л.П.], полк. Заговор Корнилова (письмо в редакцию) // Последние новости. 1937. 28.05. № 5907. С. 3.

¹³⁷ Вакар Н. [П.] Генерал А.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский. Беседа с П.Н. Финисовым // Последние новости. 1937. 06.03. № 5825. С. 3.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 50—51.

¹³⁹ Там же. Л. 60.

¹⁴⁰ Солоневич И.А. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И.А. Белая империя. М., 1997. С. 288.

¹⁴¹ Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 161.

¹⁴² Тоболлин Ив. Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1928. № 1 (26). С. 171; Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997. С. 30.

¹⁴³ Греков А.Н. Указ. соч. С. 263.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 145 об.; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 35.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 146; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 35—36.

¹⁴⁶ Цит. по: Греков А.Н. Указ. соч. С. 268.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 65—66.

¹⁴⁸ Греков А.Н. Указ. соч. С. 269.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 146 об.; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 36.

¹⁵⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 215, 217.

¹⁵¹ Там же. С. 218.

¹⁵² Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 26.09.1917.

¹⁵³ Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 1. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале А.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. М., 2003. С. 81—82.

¹⁵⁴ Цит. по: Милуков П.Н. Указ. соч. С. 423.

¹⁵⁵ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 34. М., 1981. С. 434.

¹⁵⁶ Шмелев А.В. Указ. соч. (Окончание). С. 11.

¹⁵⁷ Оренбургский казачий вестник. 1917. 19.09. № 39. С. 5.

¹⁵⁸ Речь (Петроград). 1917. 12.09. № 214. — ОР РГБ. Ф. 135. Разд. 3. Карт. 21. Д. 15. А. 6; Председатель совета союза казачьих войск А.И. Дутов о результатах совещания казаков // Армия и Флот Свободной России (Петроград). 1917. 14 (27).09. № 211. С. 3.

¹⁵⁹ Греков А.Н. Указ. соч. С. 270.

¹⁶⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. 24.10. № 60. С. 2.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 63—63 об; опубли. в: Дело генерала А.Г. Корнилова... Т. 2. С. 60—61.

¹⁶² Верховский А.И. Россия на голгофе (из походного дневника 1914—1918 гг.). Пг., 1918. С. 134.

¹⁶³ Приказ Временного правительства армии и флота о чинах военных. 1917. 16.10. С. 15.

¹⁶⁴ Александр Ильич Дутов... С. 8.

¹⁶⁵ Вестник Союза Казачьих Войск. 1917. 16.09. № 18. С. 2.

¹⁶⁶ Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1917. 20.09.

¹⁶⁷ Оренбургский казачий вестник. 1917. 01.10. № 41. С. 2.

¹⁶⁸ Сафонов Д.А. Легенда о «казачьем мятеже» // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 38—39.

¹⁶⁹ Казачий делегат. Среди казаков (Обзор казачьего делегата) // Рабочий класс Урала в годы войны и революции / В документах и материалах под ред. А.П. Тянеева. Т. 3. Октябрьский переворот. Свердловск, 1927. С. 138.

¹⁷⁰ Атаман Мальцев писал: «Комиссар предъявляет требования, сообщает ему настроение казаков, высказывает сомнение в искренности выносимых местных казачьих резолюций и подчеркиванием авторитетности советов солдатских, рабочих крестьянских депутатов создает впечатление давления на свободу мнения казачества. Оренбургское Казачье войско, истари привыкшее уважать свою свободу в рамках законности и пользы родины, считает несовместимым с собственным достоинством положение поднадзорного, а поэтому убедительно прошу Временное правительство со своими распоряжениями, касающимися войска, обращаться непосредственно представителю его выборному войсковому атаману, который с войсковой управой и явятся законным исполнительным органом Временного правительства по Оренбургскому казачьему войску». — ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 132—132 об.

¹⁷¹ Войтинский Владимир Савельевич (12.11.1885—11.06.1960) — член РСДРП(б). В 1917 г. — меньшевик. Комиссар Временного правительства на Северном фронте (с середины июля 1917 г.). — А. Г.

¹⁷² Т. е. Верховным главнокомандующим. — А. Г.

¹⁷¹ По всей видимости, речь идет о назначении Генерального штаба генерала от инфантерии В.А. Черемисова главнокомандующим армиями Северного фронта 9 сентября 1917 г. — А. Г.

¹⁷⁴ Филоненко Максимилиан Максимилианович (1880—1947) — правый эсер. Двоюродный брат А.С. Канегиссера. С лета 1917 г. — комиссар 8-й армии, затем комиссар Юго-Западного фронта. С июля 1917 г. — верховный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего. Сторонник Корнилова, затем перешел на сторону Керенского. — А. Г.

¹⁷⁵ Т. е. Верховный главнокомандующий. — А. Г.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 44. Л. 63—77.

¹⁷⁷ В документе ошибочно — «отвечающему». — А. Г.

¹⁷⁸ Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1917. 27.09.

¹⁷⁹ Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1917. 28.09. Позднее вместо К.А. Картина был избран полковник Чернов. См.: Протокол заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1917. 30.09.

¹⁸⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. 02.10. № 42. С. 1.

¹⁸¹ Там же. С. 2.

¹⁸² *Казачий делегат. Среди казаков (Обзор казачьего делегата) // Рабочий класс Урала в годы войны и революции / В документах и материалах под ред. А.П. Тянь-ева. Т. 3. Октябрьский переворот. Свердловск, 1927. С. 138.*

¹⁸³ Оренбургский казачий вестник. 1917. 06.10. № 45. С. 4.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 5.

¹⁸⁵ Александр Ильич Дутов... С. 29—30.

¹⁸⁶ Там же. С. 30.

¹⁸⁷ Оренбургский казачий вестник. 1917. 18.10. № 55. С. 4.

¹⁸⁸ Что подразумевает Щепихин в данном случае, не ясно. — А. Г.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 51об. — 52.

¹⁹⁰ Автор неточен, тогда еще Петрограду. — А. Г.

¹⁹¹ Щепихин С.А. Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник 1-й. Прага, 1930. С. 166—167.

¹⁹² Р.Б. Гуль ошибается — Дутов вплоть до 1919 г. не был причислен к Генеральному штабу и не носил бороды, после контузии он носил усы и короткие стрижки. — А. Г.

¹⁹³ Гуль Р.Б. Красные маршалы. Ростов н/Д, 1998. С. 231.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 4—4 об.

¹⁹⁵ Александр Ильич Дутов... С. 23.

¹⁹⁶ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 34. М., 1981. С. 219.

¹⁹⁷ Акулинин И.Г. Атаман А.И. Дутов. — Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangeli Collection. Box 14. Folder 8.

¹⁹⁸ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 34. М., 1981. С. 434.

¹⁹⁹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 27.10. № 63. С. 1.

²⁰⁰ Нефедов, Донской артиллерии Войск[овой] Стар[шина]. Воспоминания об оренбурцах // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 37—38.

²⁰¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 137.

- ²⁰² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об.
- ²⁰³ РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 214. Л. 140—141.
- ²⁰⁴ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 640.
- ²⁰⁵ Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 167—168.
- ²⁰⁶ Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 67.
- ²⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.
- ²⁰⁸ Оренбургский казачий вестник. 1917. 04.11. № 70. С. 4.
- ²⁰⁹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 07.11. № 72. С. 4.
- ²¹⁰ Щербаков П.К. Дни великих свершений // За власть Советов. Саратов, 1968. С. 125—127.
- ²¹¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 178.
- ²¹² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.
- ²¹³ Там же. Л. 111—114.
- ²¹⁴ 13 декабря была принята резолюция Войскового круга по докладу военной комиссии о стягивании в войско всех частей для его защиты, причем принятые постановления в отношении фронтовых частей были отнесены и к полкам, находившимся в Туркестане (4-й и 6-й Оренбургские казачьи полки). См.: Оренбургский казачий вестник. 1917. 15.12. № 102. С. 2; 12.12. № 99. С. 3. — А. Г.
- ²¹⁵ Попов Ф.Г. Дутовщина (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. — Самара, 1934. С. 58—59.
- ²¹⁶ Саликов Д. [П.] Первый удар // За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье / Сост. А.Я. Борисов и А.Г. Мартынова. Чкалов, 1957. С. 86.
- ²¹⁷ Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 52.
- ²¹⁸ Нефедов, Донской артиллерии Войск[овой] Стар[шина]. Воспоминания об оренбурцах // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 39.
- ²¹⁹ Там же. С. 38—39.
- ²²⁰ Там же. С. 39.
- ²²¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
- ²²² Акулинин И.Г. Указ. соч. С. 45.
- ²²³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 12.
- ²²⁴ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 14. Л. 155—155 об.
- ²²⁵ Там же. Л. 459.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 95. Л. 13—17.
- ²²⁸ Базанов С.Н. Указ. соч. С. 86—87, 159.
- ²²⁹ —Ъ. С оружием в руках // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 09.09. № 56. С. 2.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Казачий съезд // Свободное слово солдата (Оренбург). 1917. 16.06. № 58. С. 3.
- ²³² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. Париж, 1922. С. 135.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов об эволюции оренбургского казачества конца XIX — начала XX в. и о сложных внутренних процессах, происходивших в казачестве в целом в конце существования Российской империи. Пример Оренбургского войска, одного из крупнейших казачьих войск России, в этом отношении достаточно показателен и, как представляется, репрезентативен.

Существовавшее в XVIII—XX вв. Оренбургское казачье войско являлось историческим феноменом с присущей ему организационной, социально-экономической и культурно-исторической спецификой и особенностями. В рассмотренный период войско, наряду с государственным аппаратом России, представляло собой крайне архаичный, замкнутый феодальный институт, почти не изменившийся с середины XIX в. и нуждавшийся в серьезном реформировании. Войско переживало тяжелый социально-экономический кризис, вызванный противоречиями между влекшим огромные расходы ростом требований армейского начальства к снаряжению казаков, с одной стороны, и ухудшением экономического положения казачества вследствие необходимости этих новых расходов, голода, неурожаев, сокращения земельных наделов и близких к тотальным мобилизациям 1904—1908 и 1914—1917 гг. — с другой. Фактически из иррегулярного рода войск к 90-м годам XIX в. казачество стало регулярным. Однако экономические реалии были противоположны военным требованиям, и внешняя регулярность была достигнута посредством серьезного ухудшения благосостояния казачества. Надо сказать, что требования к регулярности носили лишь внешний характер (качественный казачий конь и амуниция), серьезно не затрагивая вопросов боевой подготовки. Таким образом, русская армия получила уже не такой дешевый, как прежде, но многочисленный и слабо подготовленный род войск. В военных кругах не было единства взглядов на то, по какому пути должна развиваться казачья конница. Кроме того, старый режим (в

особенности аристократия) был тесно связан с конницей, и любые попытки реформ воспринимались как посягательство на prerogatives верховной власти. В итоге потенциал казачества как стратегической конницы в значительной степени остался нереализованным.

Помимо этого, в 1891—1917 гг. в войске происходили сложные, многофакторные процессы, приводившие не только к внешним переменам, но и к изменению сознания казачества, а следовательно, и к внутреннему расколу. С 70-х годов XIX в. в жизни казаков утратился пограничный фактор. Исчезновение непосредственной военной угрозы и необходимости бороться со степняками за выживание стимулировало активизацию хозяйственной жизни казаков, порождая внутри войска процесс естественно-исторического расказачивания и окрестьянивания, продолжавшийся и в начале XX в. Между тем именно военная служба являлась для казаков системообразующим фактором.

Казачество, изначально считавшееся в государстве чуть ли не бесплатным родом войск, становилось для казны все более обременительным в связи с его тяжелым экономическим положением и все большей зависимостью от государственных дотаций. Но даже тогда, когда было очевидно, что без реформ казачьим войскам не выжить, государственная власть не имела четкой программы реформирования казачества. В итоге казачество встретило 1917 г. практически в том же состоянии своего управления и жизненного уклада, что и в середине XIX в. и даже ранее, между тем реалии внешнего мира были уже совершенно иными.

Участие казачества в крупных военных конфликтах, таких как Русско-японская и Первая мировая войны, несмотря на массовый героизм казаков и ряд успешных операций, показало неэффективность сохранения огромной казачьей конницы, уже не имевшей серьезных преимуществ перед «регулярными» войсками. Такой вывод можно сделать сейчас, однако в то время, несмотря на стремительно нараставший с середины XIX в. упадок конницы, подобные идеи не получили распространения. При этом участие казаков в присоединении к России Туркестана, в подавлении массовых беспорядков было более чем успешным. Таким образом, в конце существования Российской империи казачество — не всегда по своей воле, но по долгу присяги — выступило в качестве социальной опоры власти. По сути, крайняя слабость полиции в России привела к тому, что на казаков, способных к быстрой мобилизации и мобильным передвижениям, были возложены полицейские функции, а по характеру решаемых задач казачество приблизилось к современным внутренним войскам. Эти факторы стали весомым аргументом в вопросе о перспективах сохранения казачества как сословия. Следовательно, перспективность казачества оценивалась властью не с точки зрения экономики, а исключительно с позиций военной

эффективности. Для сохранения и укрепления своей опоры государство выделило казачеству огромную материальную помощь, однако половинчатые меры не решили назревавшую проблему дальнейших перспектив развития казачьих войск, а экономическая неэффективность подрывала эффективность казачьего военного управления. Кризис казачества к 1917 г. не стал системным, однако результатом его стало наличие внутри казачества внешне не всегда заметных для власти, но сложных масштабных и разрушительных процессов.

Естественно-историческое раскалывание, некоторые полумеры власти, направленные на облегчение казачьей воинской повинности, грубые ошибки самой власти при использовании казачьих частей на подавлении беспорядков, неспособность власти выполнять свои обязательства перед казаками, все большее отставание казачества на фоне процессов модернизации, а также влияние революционных событий приводили в конце XIX — начале XX в. к формированию нового сознания казачества, прежде всего в среде казачьей молодежи. Главным признаком этого сознания было отсутствие прежнего глубоко почтительного отношения к воинской повинности, долгу и присяге, к старшим. Существенную роль в расколе казачества сыграла немногочисленная, но авторитетная для основной массы казачья сельская интеллигенция (фельдшеры, сельские учителя, агрономы). Эта категория лиц не имела достаточного образовательного ценза, однако часто исповедовала радикальные идеи и активно стремилась взять под свой контроль управление на станичном и посельском уровне, под ее влияние и подпадала неопытная казачья молодежь. По своему возрасту именно носители нового сознания позднее составили категорию «фронтовиков» и заняли позицию вооруженного нейтралитета, а некоторые признали советскую власть, по крайней мере на начальном этапе Гражданской войны¹. Появление носителей нового мировоззрения и конфликт поколений раскалывали казачество. Эти факторы являются принципиально важными и позволяют приблизиться к пониманию причин и особенностей Гражданской войны в казачьих областях.

Тем не менее события первой русской революции и участие оренбургских казаков в обеспечении государственной безопасности в последующие годы не дали повода для обвинения казаков в неояльности. Авторы, прежде считавшие такими признаками отдельные проявления брожения в оренбургских частях, как показал более глубокий анализ документов, основывались лишь на части сохранившихся источников. Кроме того, эти проявления не носили политического характера, а имели целью лишь обеспечение нормальных условий несения казаками службы, о чем по своей неадекватности в этой чрезвычайной обстановке власти в достаточной мере не позаботились. Более того, созданная целостная картина применения оренбургских

казаков на подавлении массовых беспорядков дает представление о высокой эффективности их действий. В то же время власть своей невнимательностью к нуждам казаков, сама того не желая, усугубляла кризисные явления в казачестве, рискуя лишиться поддержки казачества и столкнуться с организованным протестом казаков.

Межвоенный период не привнес серьезных перемен в жизнь войска. Росла товарность казачьих хозяйств и все большая ориентация казаков на ведение хозяйственной жизни, накануне войны активизировались мероприятия существовавшего режима по укреплению казачьих традиций, что должно было способствовать консолидации казачества и повышению его самосознания и духа. Казаки вновь были обласканы императорской властью, что вело к усилению единения казачества и власти. Определенный эффект эти меры дали.

Вместе с тем после первой полной мобилизации периода Русско-японской войны и первой русской революции войско оказалось на грани разорения. В подобном состоянии оно просуществовало вплоть до 1917 г. Отсутствие свободных средств в войсковом капитале не позволяло войску нормально развиваться, совершенствуя, к примеру, наиболее отстававшую сферу медицинского обслуживания населения. Таким образом, период после Русско-японской войны и до 1917 г. во внутреннем развитии войска можно назвать в определенной степени периодом стагнации. Такое положение вещей беспокоило наиболее мыслящую часть казачества. Для того чтобы изменить ситуацию, войску необходима была государственная поддержка в еще большем масштабе, чем было до 1914 г. Однако власть всерьез озаботилась этим вопросом лишь в 1916 г., организовав специальное совещание в Петрограде, но было уже поздно — вплоть до февраля 1917 г. серьезных улучшений в жизни войска не произошло.

Первая мировая война не оказала серьезного негативного влияния на жизнь войска, казачья экономика подорвана не была, казачьи части, в отличие от пехоты, в ходе войны сумели сохранить свой кадровый состав, однако война привела к иным неблагоприятным для казачества последствиям. Военные годы вызвали глубокое разделение фронтового и станичного казачества, жившего по разным нормам: фронтовики — жизнью русской армии (правда, со своими казачьими особенностями), а станичники — архаичной станичной жизнью. Семена этого разделения пали на благодатную почву уже назревавшего внутреннего поколенческого раскола.

Появление на территории войска значительного количества военнопленных и беженцев усиливало внутреннюю нестабильность и включало защитные механизмы, присущие казачеству еще со времен степной опасности. После февраля 1917 г., когда казачество получило возможность самостоятельно выбрать путь своего дальнейшего развития, эти механизмы

в условиях общегосударственной нестабильности привели к автономизации войска.

Автономизация и создание в казачьих войсках органов самоуправления (Войсковых правительств и Кругов), стремительное возрождение казачьих традиций приводили к резкому росту самосознания казаков либо как особого сословия, либо даже как особого народа, что, безусловно, усиливало сословную обособленность и замкнутость казачества. Такие перемены наложили серьезный отпечаток на события Гражданской войны в казачьих областях, проявившись как в нежелании казаков драться за «мужичьи» интересы и выходить за пределы войска, так и в стремлении к собственной казачьей государственности и упорному отстаиванию с оружием в руках своих традиций, прав и привилегий. Таким образом, события 1917 г. оказали на казачество в чем-то даже более сильное влияние, чем предшествующие десятилетия эволюционного развития. Нельзя не отметить, что весной—летом 1917 г. в казачестве была реализована программа преобразований, предлагавшаяся еще в начале XX в. казачьими либералами. Неудивительно, что именно либералы и возглавили борьбу казаков с большевиками в годы Гражданской войны.

Со всей определенностью можно сказать, что до февраля 1917 г. никаких предпосылок серьезного протеста против существовавшего режима в Оренбургском казачьем войске не имелось. Казаки, как и ранее, оставались надежным и высокоэффективным инструментом в руках сильной государственной власти. Прежде всего это касалось неприятной для казаков обязанности подавления массовых беспорядков. Февральская революция вызвала в станичном казачестве чувство растерянности, фронтовики быстрее сумели включиться в общественно-политическую жизнь при новых условиях. Казачьи части, несмотря на заверения властей о неиспользовании их для полицейских функций, вновь понадобились в этом качестве уже Временному правительству и хорошо себя проявили, став практически последним резервом новой власти, которая, несмотря на это, казакам не доверяла. И все же крах исторической российской государственности и ослабление роли центра в регионах, а также «демократизация» армии привели к необратимым изменениям и в Оренбургском казачьем войске. В целом же серьезные перемены в казачестве происходили несколько позднее соответствующих перемен в неказачьем населении.

Один из руководителей германских вооруженных сил периода Первой мировой войны генерал Э. Людендорф писал: «В России многие одобрительно отнеслись к уничтожению офицеров, там хватало недалёковидных людей, которые не замечали, что на авторитете офицера держится вся армия и любой мировой порядок и что, подрывая его, они тем самым расшатывают социальный строй всего мира. Гетман Скоропадский говорил

мне впоследствии, что он совершенно не заметил, как у него выскользнул из рук армейский корпус, которым он командовал на войне. Вдруг его как бы не стало... Я не сомневался в том, что разложение русской армии и русского народа очень опасно для Германии и Австро-Венгрии... Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: Россия должна была рухнуть в пропасть. Но нашему правительству нужно было следить за тем, чтобы мы не погибли вместе с ней»². Следует отметить, что казаки и до 1917 г. таили в себе серьезную тягу к анархии, сдерживаемую контролем сверху. С утратой этого контроля многие низменные проявления вырвались на поверхность.

Такая особенность казачества позволяет прийти к выводу о эффективности его как инструмента государственной политики лишь при наличии жесткого административного контроля. Кроме того, применение казачьих частей было наиболее эффективно вне территории войска. Подобная система, несмотря на весь архаизм формы и содержания казачества, вплоть до 1917 г. работала практически безотказно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трут В.П. Казачество России в период революций 1917 года и на начальном этапе Гражданской войны. Автореф. дисс. д. и. н. Ростов н/Д, 2005. С. 39.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М. — Минск, 2005. С. 511, 513.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОБЩИЙ СПИСОК СТАНИЦ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ПО ВОЕННЫМ ОТДЕЛАМ

1-й (Оренбургский) военный отдел

Алексеевская	Ильинская	Новоорская
Бердская	Каменноозерная	Оренбургская
Богуславская	Кардаиловская	Павловская
Буранная	Краснохолмская	Пречистенская
Верхнеозерная	Красноярская	Рассыпная
Волднуженская	Линевская	Сакмарская
Гирьяльская	Мамалаевская	Сухомлиновская
Городищенская	Нежинская	Татищевская
Донецкая	Нижнеозерная	

2-й (Верхнеуральский) военный отдел

Березинская	Кизильская	Наследницкая
Варшавская	Куликовская	Николаевская
Великопетровская	Кумлякская	Полоцкая
Верхнеуральская	Магнитная	Степная
Карагайская	Могутовская	Таналыкская
Кваркенская	Наваринская	Уйская

3-й (Троицкий) военный отдел

Березовская	Ключевская	Михайловская
Долгодеревенская	Коельская	Нижнеуельская
Еманжелинская	Кособродская	Травниковская
Еткульская	Кочердыкская	Усть-Уйская
Звериноголовская	Кундравинская	Чебаркульская
Карагабанская	Миасская	Челябинская

Приложение 2

ДОКУМЕНТЫ О МОБИЛИЗАЦИИ ОРЕНБУРГСКИХ
КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ НА ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ¹

Документ 1

Доклад военного министра Николаю II о мобилизации
Оренбургской казачьей дивизии, 6 февраля 1904 г.

ДОКЛАД²

по Главному управлению казачьих войск

Отделение 5

Стол 1

6 февраля 1904 г.

№ 188

С.-Петербург

О мобилизации Оренбургской казачьей дивизии

В случае необходимости усилить кавалерией наши войска, действующие против Японии, придется, ввиду вызова уже на службу всех льготных частей приамурских и сибирского казачьих войск, мобилизовать льготные полки которого-нибудь из европейских казачьих войск, причем наиболее удобно было бы остановить при этом выбор на полках Оренбургского казачьего войска, находящегося ближе других к театру войны и менее других казачьих войск обремененного служебным нарядом как в мирное, так и в военное время.

Из льготных же полков сего войска удобнее всего мобилизовать четыре второочередных полка: 9, 10, 11 и 12-й, сводимые при мобилизации в особую Оренбургскую казачью дивизию, так как казаки сих полков, как второочередных, обязаны иметь всегда налицо во время состояния на льготе не только обмундирование и снаряжение, но и строевых лошадей, от чего казаки частей 3-й очереди избавлены.

Из шести второочередных полков Оренбургского войска удобнее всего мобилизовать именно вышеуказанные четыре полка, так как они уже предназначены к сведению при мобилизации в дивизию, а потому все подробности организации сей дивизии предрешены уже в мирное время. Кроме того, эти полки мобилизуются во 2-м и 3-м отделах³, лежащих ближе к Сибирской железной дороге, чем 1-й отдел, где мобилизуются остальные два второочередных полка Оренбургского войска, 7-й и 8-й.

К этой дивизии предположено придать также при мобилизации 4-ю и 6-ю Оренбургские казачьи льготные батареи, составляющие 2-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион.

Все эти части снабжены не только положенным им полковым (батареиным) обозом, но и повозками дивизионного обоза, так что организация сей дивизии является вполне законченной.

В этой организации Оренбургской казачьей дивизии, рассчитанной на *общую* мобилизацию всех наших вооруженных сил, — в случае необходимости произвести *частную* мобилизацию дивизии для отправки на Дальний Восток, казалось бы необходимым сделать только одно изменение, а именно, вместо должности одного только бригадного командира, как это установлено для казачьих дивизий в случае общей мобилизации вследствие недостатка кандидатов на высшие командные должности, допустить учреждение двух должностей бригадных командиров, так как при частной мобилизации недостатка в кандидатах, вполне подготовленных для занятия должностей бригадных командиров, встретиться не может.

Ввиду того что теперь Сибирская железная дорога занята перевозкою других войск и воинских грузов, направляемых на Дальний Восток, и в настоящее время нельзя предвидеть в точности, когда она будет в состоянии принять к перевозке Оренбургскую казачью дивизию, казалось бы, следовало не определять заранее, когда надлежит начать мобилизацию частей этой дивизии, и решить этот вопрос впоследствии, когда выяснится, что дорога может принять к перевозке части дивизии.

Всем поступившим на укомплектование сих частей казакам строевого и запасного разрядов полагалось бы выдать от казны единовременное денежное пособие по 100 рублей каждому, подобно тому как это, согласно высочайшего вашего императорского величества повеления от 27 января сего года, было сделано по отношению призванных на службу в мобилизованные части казаков приамурских и сибирского казачьих войск.

На выдачу сего пособия, по расчету 4317 казаков, составляющих штатный состав вышеупомянутых частей, необходимо ассигновать 431 700 рублей.

Испрашивается: Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше повелеть:

1. Мобилизовать Оренбургскую казачью дивизию из 9, 10, 11 и 12-го полков и 4-й и 6-й батарей сего войска с дивизионным при ней обозом, с тем чтобы точное определение времени, когда надлежит начать мобилизацию всех сих частей, было предоставлено военному министру.

2. Всем поступившим на укомплектование сих частей казакам строевого и запасного разрядов выдать единовременное пособие от казны по сто рублей каждому.

Генерал-Адъютант Куропаткин
Генерал-Лейтенант Щербов-Нефедович⁴

[На первом листе помета А.Н. Куропаткина:]

Высочайше повелено исполнить как испрашивается и, кроме того, мобилизовать два полка Уральского казачьего войска и отправить все части на Дальний Восток перед головным из корпусов, кои предполагается послать из Европейской России.

7 февраля 1904 года

Военный министр генерал-адъютант Куропаткин

РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 9—10 об. Подлинник. Машинопись.

Документ 2

Телеграмма Главного управления казачьих войск
Военного министерства Наказному атаману Оренбургского
казачьего войска генерал-лейтенанту Генерального штаба
Я.Ф. Барабашу, 8 февраля 1904 г.

Отделение 5

Стол 1.

По мобилизации

Телеграмма Главного управления казачьих войск Военного министерства
Оренбург. Наказному Атаману

7 сего февраля высочайше повелено мобилизовать Оренбургскую казачью дивизию из девятого, десятого, одиннадцатого, двенадцатого полков, а дивизионным при ней обозом, и четвертую, шестую батареи⁵ с тем, что точное определение времени, когда надлежит начать мобилизацию всех сих частей, предоставлено военному министру. Всем поступившим на укомплектование сих частей казакам строевого и запасного разрядов высочайше повелено выдать единовременное пособие от казны по ста рублей каждому. Все вышеизложенное сообщается для предварительных распоряжений, чтобы при получении приказаний военного министра можно было безотлагательно приступить к мобилизации частей. Благоволите телеграфировать, кому поручаете назначить командирами полков и артиллерийского дивизиона, командующим дивизиею предназначается командир второй бригады пятой дивизии генерал Греков, а командующими бригадами полковники Эрмани и Толмачев.

Нумер 2667⁶

8 февраля 1904 года

Подписал Щербов-Нефедович
Верно: капитан [подпись прил.]

РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 14. Подлинник. Машинопись.

Документ 3

Циркулярное письмо Военного министерства
в Главное военно-медицинское управление об отмене
мобилизации Оренбургских казачьих батарей⁷

Министерство военное
Главное управление казачьих войск
Отделение 5.
Стол 1.

30 марта 1904 года

С. Петербург

В дополнение №№: 1) 2651 и 4197; 2) 166; 3) 100; 4) 99; 5) 98

27-го сего марта высочайше повелено не мобилизовать 4-ю и 6-ю Оренбургские казачьи батареи, как вооруженные пушками старого образца. Взамен этих батарей решено командировать на Дальний Восток две конных регулярных батареи Варшавского военного округа.

О вышеизложенном сообщается Главному военно-медицинскому управлению для сведения и зависящих распоряжений.

Подписал: помощник начальника Главного управления генерал-майор *Гарф*

Скрепил: за начальника отделения капитан Генерального Штаба [подпись нрзб.]

1) По отмене поставки лошадей для Оренбургских батарей.

2) По отмене составления плана перевозки 4-й и 6-й Оренбургских батарей.

3) По отмене поставки кухонь⁸.

Верно: капитан [подпись нрзб.]

РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 105—105 об. Отпуск. Машинопись.

Документ 4

Из отчета Наказного атамана Оренбургского казачьего
войска генерал-лейтенанта Генерального штаба
Я.Ф. Барабаша о проведении мобилизации Оренбургской
казачьей дивизии, ноябрь 1904 г.

1) Время прибытия льготных казаков на сборные пункты частей по дням мобилизации.

А) Формирование частей.

Казаки, назначенные на формирование мобилизованных частей, прибыли на сборные пункты частей в дни, указанные в прилагаемой при сем ведомости [...]

Хотя такая мобилизационная программа и была исполнена в данном случае безукоризненно, но приходится оговориться, что такой в общем блестящий успех главным образом зависел от двух основных причин:

1) от того, что извещение о мобилизации было войском получено заблаговременно и 2) от того, что первым днем мобилизации было назначено 16 апреля, т. е. время, когда весенняя распутица в общем уже перестала оказывать свое неблагоприятное влияние на местные пути сообщения.

Если бы мобилизация была объявлена внезапная и при том месяцем раньше, едва ли извещение о мобилизации и сбор казаков во всех подробностях могли бы быть выполнены с тою точностью, с какою произведена была мобилизация Оренбургской казачьей дивизии⁹.

Обстоятельство это с большею, чем когда-либо, наглядностью указывает на необходимость *коренного улучшения существующих в Оренбургском казачьем войске путей сообщения*¹⁰.

При извещении о мобилизации, в особенности если она будет объявлена внезапно, огромным тормозом явится почти *полное отсутствие телеграфных контор, ныне обслуживающих нередко район диаметром до 200 верст* [...]

РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 682. Л. 2—2 об. Подлинник. Машинопись.

Документ 5

Расчет военно-конской мобилизации Оренбургской казачьей (льготной) дивизии по расписанию № 18

Наименование частей и управлений дивизии и место их расположения	Губернии и уезды, из которых призываются чины запаса, пункты сдачи лошадей и число дней проведения конской мобилизации
Штаб дивизии (с дивизионным обозом), Оренбург	Оренбургская губ., Оренбургский уезд (Оренбург). 2—7
Управление бригады, Оренбург	Оренбургский уезд (Оренбург). 2—7
Управление бригады, Троицк	Верхнеуральский уезд (Верхнеуральск). 2—8
9-й Оренбургский казачий полк, Верхнеуральск	Оренбургский уезд (Оренбург). 2—7 Верхнеуральский уезд (Верхнеуральск). 2—8
10-й Оренбургский казачий полк, Верхнеуральск	Верхнеуральский уезд (Верхнеуральск). 2—8

Наименование частей и управлений дивизии и место их расположения	Губернии и уезды, из которых призываются чины запаса, пункты сдачи лошадей и число дней проведения конской мобилизации
11-й Оренбургский казачий полк, пос. Сосновский (13 верст от Челябинска)	Уфимская губ., Златоустовский уезд (Златоуст). 2—8
12-й Оренбургский казачий полк, пос. Клястицкий (5 верст от Троицка)	Оренбургская губ., Оренбургский уезд (Оренбург). 2—7 Верхнеуральский уезд (Верхнеуральск). 2—8
4-я батарея, Оренбург	Оренбургский уезд (Оренбург). 2—7
6-я батарея, Троицк	Верхнеуральский уезд (Верхнеуральск). 2—8

Составлено по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 27. Л. 8.

Приложение 3

АКУЛИНИН И.Г. КОННАЯ АТАКА У Д. ДРАГАНЫ

26 августа (8 сентября) 1914 г.

(По личным воспоминаниям.)

К 8 сентября (26 августа) 1914 г. 1-я австро-венгерская армия ген. Данкля¹¹ и группа ген. Куммера¹², после ряда неудачных для них боев, в районе южнее железной дороги Люблин—Холм, приостановили свое отступление и закрепились на новых позициях. На поддержку 1-й армии подошел германский ландверный корпус ген. Войерша¹³ в составе 3-й и 4-й пехотных дивизий.

8 сентября (26 августа) 4-я русская армия ген. Эверта¹⁴ повела фронтальные атаки с целью прорыва австро-венгерских позиций.

На левом фланге 4-й русской армии, после овладения с боем д. Высоке и Драганы, части III Кавказского корпуса, с бригадой 82-й пехотной дивизии, повели наступление на высоту, что восточнее д. Тарнавка, где окопалась 4-я германская ландверная дивизия. Промежуток между высотой и залитой водою болотистой долиной реки Пор занимала 36-я австрийская ландштурменная бригада. Продвинувшись на два километра вперед, русские стрелковые цепи залегли под огнем германской и австрийской пехоты.

По западному берегу реки Пор, от д. Гузовки на юг, закрепился X австро-венгерский корпус, против которого, южнее Мациевского леса, в общем направлении на местечко Туробин, вел наступление XXV армейский корпус (5-й русской армии).

В стыке между 4-й и 5-й русскими армиями находилась 3-я Донская казачья дивизия, на которую была возложена задача: содействовать наступлению 4-й армии и поддерживать связь с 5-й армией.

В то время 3-я Донская казачья дивизия состояла из пяти полков: трех Донских (18-го, 30-го и 32-го) и двух Оренбургских (13-го и 17-го), с двумя донскими казачьими батареями (8-й и 9-й). Оренбургские полки были включены в состав дивизии временно, в период боев под Люблином¹⁵. Донские полки были второчередные, а Оренбургские — третьей очереди.

Дивизия занимала западную опушку Мациевского леса, против д. Гузовки, и в течение двух дней вела огневой бой с частями противника, закрепившимися на высотах по западной стороне реки Пор. Попытки спешенных сотен переправиться через болотистую долину реки Пор успеха не имели.

С утра 8 сентября (26 августа) из дивизии были выделены в распоряжение начальника левофлангового участка (4-й армии) сводная бригада, в составе 18-го Донского и 17-го Оренбургского казачьих полков под командой ген. Кунакова¹⁶.

Я был командирован с ген. Кунаковым в качестве начальника штаба бригады¹⁷.

Частями, наступавшими со стороны д. Высокое и Драганы, руководил доблестный ген. Веселовский¹⁸, зарекомендовавший себя в предыдущих боях прекрасный боевым начальником.

Выехав вперед за получением приказа, нашел ген. Веселовского у западной окраины д. Драганы, откуда он следил за ходом боя.

Ген. Веселовский рассчитывал сбить противника с его позиций, на высоте у д. Тарнавки, в тот же день около 16 часов; после чего присланная в его распоряжение казачья бригада должна была начать энергичное преследование. В своем расчете ген. Веселовский, по всей вероятности, исходил из предположения, что перед ним находятся австрийские части, сильно потрепанные в предыдущих боях. О прибытии в район Тарновки целого германского корпуса в то время сведений не имелось.

Отдавая приказание, ген. Веселовский подчеркнул, что он рассчитывает использовать бригаду ген. Кунакова исключительно для преследования противника, лишь бы казаки не пропустили благоприятный момент.

Бригада расположилась скрытно у восточной окраины д. Драганы, которая изредка обстреливалась артиллерийским огнем из-за реки Пор. Время от времени через деревню проходили — в сторону боевой линии — отдельные роты пехоты, патронные двуколки, походные кухни и обозные повозки.

Хотя бригада находилась в боевой готовности, но сотням разрешено было кормить лошадей и поочередно водить на водопой; казаки кипятили

в ближайших дворах и халупах чай. К полудню ожидались походные кухни с горячим обедом. Погода стояла хорошая; был теплый солнечный день.

Около 12 часов раздались крики:

— Кавалерия, вперед! Кавалерия, вперед!

Крики неслись со стороны пехоты и, передаваясь по рядам проходивших через деревню солдат и обозов, докатились до расположения казачьей бригады.

Из окрестных дворов и стодолов стали сбегаться — поодиночке и группами — казаки, направляясь к своим сотням. Офицеры скомандовали: «По коням!»

Приняв крики пехоты как сигнал к началу действий, полки подтянулись к дороге, ожидая приказаний.

К моему удивлению, несмотря на всеобщую суматоху, командира бригады на месте не было. Всего лишь четверть часа тому назад мы с ген. Кунаковым и бывшим при бригаде дивизионным врачом статским советником Чеботаревым сидели в одной халупе и пили чай.

Разосланные мной по деревне ординарцы нигде командира бригады не нашли. Минуты бежали... Крики: «Кавалерия, вперед» — усиливались...

Хотя было всего 12 часов дня, а ген. Веселовский рассчитывал овладеть неприятельской позицией около 16 часов, но противник мог начать отступление и раньше: в бою обстановка часто меняется — такие мысли мелькали у меня в голове под впечатлением криков пехоты.

Памятуя наказ ген. Веселовского не пропустить момент для атаки, я, на свой страх и риск, отдал командирам полков от имени командира бригады приказание: немедленно развернуть боевой порядок и атаковать противника, занимающего позицию впереди д. Драганы, между высотой и водным плесом реки Пор, с тем чтобы, обскакав Тарнавскую высоту с юга, выйти здесь неприятелю в тыл.

Направление для атаки каждому полку я показал карандашом по карте и рукою на местности.

Командиры полков вывели свои полки из деревни и построили боевой порядок с поразительной быстротой и отчетливостью: Донцы на правом фланге, Оренбурцы — на левом.

18-й Донской казачий полк, имевший уже боевой опыт, пошел в атаку с соблюдением необходимых мер предосторожности, стараясь, насколько это было возможно, примениться к местности и боевой обстановке.

17-й Оренбургский казачий полк, только что прибывший на театр военных действий и вступавший в бой впервые, развернул полковую лаву, как на ученьи, с соблюдением установленных дистанций и интервалов. Все перестроения полка были проделаны на виду у противника, по выходе из д. Драганы, на чистом месте. Перед началом атаки каждый оренбурец ис-

тово перекрестился и поплевал в правую ладонь — чтобы крепче держать клинок.

Местность к западу от д. Драганы была открытая, ровная, и казачьи лавы быстро доскакали до передовых окопов, занятых австрийской пехотой.

Атака казачьей бригады была так неожиданна и столь стремительна, что австрийцы растерялись и после беспорядочной стрельбы побросали окопы. Многие пехотинцы, спасаясь от казачьих пик и шашек, кинулись в воду.

Но германская пехота с высоты у д. Тарпавки, а также артиллерия из-за реки Пор открыла по казакам частый огонь.

Казачьи лавы по инерции продолжали скакать вперед, хотя теперь всем было ясно, что противник не только не отступил, но продолжает занимать свои позиции, за исключением части австрийской пехоты, смятой конным ударом казачьей бригады.

Отдавая приказание об атаке, я исходил из предположения, что пехота ген. Веселовского перешла в наступление и сбила противника с его позиций западнее деревни Драганы, после чего и начались крики о поддержке конницей.

В начале атаки я скакал рядом с командиром 17-го Оренбургского казачьего полка. Когда казачьи лавы проскочили через первую линию австрийских окопов (окопы были полевого типа без проволочных заграждений), я начал сдерживать своего коня, чтобы посмотреть назад и убедиться: перешла ли в наступление наша пехота.

Описав несколько вольтов, я приостановился и стал всматриваться в сторону д. Драганы. На ближайшем, левом, фланге пехотной позиции было спокойно: лишь отдельные фигуры солдат, высунувшись из окопов, с любопытством следили за казачьими лавами. Не наблюдалось никакого движения и в месте расположения 3-й Донской казачьей дивизии у отдельного фольварка близ опушки Мациевского леса. Только казачьи батареи вели перестрелку с артиллерией противника, стоявшей за рекой Пор.

Бывшему при мне ординарцу (это был, кажется, урядник Чуркин) я приказал «во весь дух лететь» прямо к ген. Евреину¹⁹ с устным докладом об атаке и с просьбой о поддержке. Сам поскакал к нашей пехоте. На мое указание выдвинуться как можно скорее вперед, чтобы занять брошенные австрийцами окопы, ближайший ротный командир ответил отказом и рекомендовал обратиться к батальонному командиру, а последний заявил, что, прежде чем переходить в наступление, он должен снестись с командиром полка.

На листе полевой книжки я послал с[о] своим вестовым (это был казак Нехаев) на имя начальника штаба 3-й Донской казачьей дивизии полковника Ревিশина²⁰ новое донесение, в котором указывал, что имеется полная

возможность прорвать неприятельскую позицию, если дивизия (точнее, оставшиеся три полка) немедленно перейдут в наступление вдоль реки Пор, вслед за 18-м Донским и 17-м Оренбургским казачьими полками...

Между тем атакующие сотни постепенно стали поворачивать назад и отходить к д. Драганы.

Пехота ген. Веселовского не воспользовалась замешательством в расположении 36-й австрийской бригады и не перешла в наступление. Ген. Евреинов, получив мои донесения, выслал одну сотню, роль которой свелась к подбору раненых и собиранию пленных.

Атака казачьей бригады, не поддержанная ни пехотой, ни конницей — к чему имелась полная возможность, — захлебнулась.

Атака была произведена на виду у всех. В случае, если б ген. Евреинов бросил вслед за бригадой остальные три казачьих полка, а левофланговые пехотные части ген. Волошинова²¹, в свою очередь, перешли бы в наступление — позиция противника, по всей вероятности, была бы прорвана, и в ближайшем тылу австро-германских войск, в районе д. Тарнавки, произошел бы большой переполох. Это обстоятельство в значительной степени облегчило бы взятие Тарнавской высоты²².

Атака была произведена преждевременно и, веденная слабыми силами, не дала существенных результатов (было захвачено около 300 пленных). Но она имела большое моральное значение и сильно подняла дух казаков.

Атака показала, что при известных обстоятельствах конница может с успехом атаковать пехоту противника — даже тогда, когда та сидит в окопах.

Потери в казачьей бригаде, понесенные главным образом при отходе, были сравнительно невелики. Убитыми: 2 офицера, 10—15 казаков и до 50 лошадей; ранеными: 5 офицеров, 30—40 казаков и до 50 лошадей.

Потери были, по преимуществу, от ружейных пуль: были и штыковые раны. Неприятельские снаряды — шрапнели и гранаты — во время движения бригады вперед делали в большинстве случаев перелеты и разрывались далеко позади.

После атаки казачья бригада постепенно собралась на прежнем месте — у восточной окраины д. Драганы.

Вскоре выяснилось: никакого приказа об атаке со стороны начальника левофлангового боевого участка не исходило, что не мешало ген. Веселовскому высказать по адресу казаков за их лихую атаку много похвальных слов. Крики «Кавалерия, вперед» были подняты солдатами, проходившими на позицию через д. Драганы.

Участники Великой войны хорошо знают, что пехота иногда без всякого повода злоупотребляет такого рода вызовом кавалерии, и кавалерийские начальники обычно на это никак не реагировали.

Но описанный здесь случай произошел в самом начале войны, когда крики «Кавалерия, вперед» по неопытности и горячности были сочтены за призыв к действиям.

Надо заметить, что в боевой практике 3-й Донской казачьей дивизии было уже два-три случая, когда дивизия пропустила благоприятные моменты для атаки отступающего противника. Находясь под впечатлением такого рода эпизодов, я взял на себя инициативу отдать приказ об атаке, не дожидаясь командира бригады.

Ген. Кунаков, со свойственными ему мягкостью и деликатностью, никакого неудовольствия по поводу образа моих действий не выразил, хотя высказал опасение, что за такое «дело» («дело», по мнению ген. Кунакова, вышло не особенно хорошее) нам от начальства может «влететь». Я успокоил бригадного командира, что всю ответственность принимаю на себя.

Загадка с исчезновением ген. Кунакова выяснилась просто: как раз перед началом атаки он случайно отлучился из д. Драганы — поехал на соседний фольварк разбирать жалобу местных жителей на обозных казаков. Ген. Кунаков ко всякого рода насилиям и обидам относился с большой строгостью.

Во время конной атаки произошло несколько драматических и комических эпизодов.

Ближе к берегу реки Пор шел в атаку 17-й Оренбургский казачий полк. Когда оренбурцы несли широкий наметом вдоль водного плеса реки, взору левофланговых взводов представилась оригинальная картина: австрийские солдаты группами и поодиночке стояли по пояс в воде: один с поднятыми вверх руками, другие — с вскинутыми винтовками, из которых вели беспорядочную стрельбу.

Многие оренбурцы на своих низкорослых конях (большею частью киргизской породы) пытались достать австрийцев в воде пиками. Но от выстрелов кони шарахались в сторону. Описав два-три круга, казаки вновь подсакивали к воде или спешивались и открывали огонь.

Мне запомнился один казак, который, въехав в воду, усиленно напирал на австрийского офицера. Пятясь и спотыкаясь, офицер отстреливался от казака из револьвера. Финала этого поединка я не мог проследить.

В течение долгого времени отдельные казаки гонялись за австрийскими пехотинцами по всему полю. Австрийцы одни сдавались, другие отбивались от казаков штыками и прикладами или, встав на колено, начинали отчаянно стрелять.

На перевязочном пункте один оренбурец, раненный ружейной пулей в руку и исколотый в нескольких местах штыками, с жаром рассказывал, как одного австрийца он сбил с ног конем, а другого зарубил шашкой; погнался было и за третьим, но раненый конь споткнулся, и казак очутился на земле. Убегавший австриец почти в упор выстрелил в него и ранил в руку. Едва ка-

зак поднялся на ноги, как на него накинулось несколько австрийских солдат со штыками. Казаку бы не сдобровать, но выручили подоспевшие старичники. Невзирая на кровь и раны, храбрый оренбурец начинал свой рассказ всякий раз сначала, когда видел около себя новое лицо, и чувствовал себя героем. Только потеря коня сильно огорчала его.

За конную атаку под д. Драганы ген. Кунаков и автор настоящего очерка были награждены Георгиевским оружием; причем распоряжение о представлении к столь высокой награде ген. Кунакова исходило не от штаба 3-й Донской казачьей дивизии, а от высшей инстанции (по всей вероятности, это был ген. Веселовский).

Командиры полков — 18-го Донского казачьего полковник Кузнецов и 17-го Оренбургского казачьего войсковой старшина Смолин²³ — получили (если память мне не изменяет) Владимира 3 ст. с мечами, а все офицеры — соответствующие боевые награды. Наиболее отличившимся казакам и урядникам были пожалованы Георгиевские кресты.

Командиры полков и сотен, помимо личной храбрости, проявили большую выдержку и умение как во время самой атаки, так и при выводе своих частей из боя. Полки вернулись в исходное положение без особенного расстройств и не понесли больших потерь, несмотря на то что во время атаки попали в сферу не только артиллерийского, но и ближнего ружейного огня. Со стороны отдельных офицеров и казаков было проявлено много лихости и находчивости.

Во время Мировой войны — особенно в первоначальный, маневренный период боев — было немало благоприятных случаев для самых решительных действий в конном строю, и, если эти случаи не всегда были использованы, повинны в этом кавалерийские начальники, у которых не хватило «сердца», чтобы броситься в атаку во главе своих частей. Описанный здесь случай является характерным, когда конница могла с успехом действовать в конном строю, даже против пехоты. Для этого требовалось лишь понимание боевой обстановки и решительность со стороны кавалерийских начальников.

История конницы — история ее генералов.

Генерального Штаба
Генерал-майор АКУЛИНИН.

Париж.

23 апреля 1938 года.

Акулинин И.Г. Конная атака у д. Драганы. 26 августа (8 сентября) 1914 г. (По личным воспоминаниям.) // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 10—18.

Приложение 4

**1-Й ОРЕНБУРГСКИЙ КАЗАЧИЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ
ДИВИЗИОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ФРОНТА (1917–1918 гг.).****Рапорт войскового старшины Н.А. Пискунова**

Публикуемый рапорт является весьма интересным документом периода конца Первой мировой войны и начала Гражданской войны в России. Штаб-офицер оренбургской казачьей артиллерии Н.А. Пискунов подробно отразил события наименее известного исследователям русской революции периода конца 1917 — начала 1918 г. Рапорт, в первую очередь, показывает настроения в среде оренбургского казачества при возвращении с фронта.

Документ также демонстрирует низкий уровень информированности о происходящем в стране даже лидеров казачества, как, например, астраханского Войскового атамана генерал-майора И.А. Бирюкова, который накануне падения Оренбурга в январе 1918 г. считал его положение прочным. Правда, не исключено, что Бирюков намеренно лукавил, чтобы задержать дивизион у себя. На основе публикуемого документа был издан приказ по Оренбургскому казачьему войску № 48 от 12 августа 1918 г., в котором кратко описывался боевой путь дивизиона в конце 1917 — начале 1918 г.²⁴ Кроме того, возвращению дивизиона в войско был посвящен очерк анонимного автора «С оружием в руках», опубликованный на страницах газеты «Оренбургский казачий вестник» — официоза Войскового правительства²⁵.

Автор документа Николай Андреевич Пискунов — сын казачьего офицера, служил в 1-м Оренбургском казачьем артиллерийском дивизионе еще в мирное время (в чине подъесаула на 1 января 1908 г.), в годы Первой мировой войны командовал дивизионом. В августе 1918 г. принял временное командование 2-й Оренбургской кадровой батареей (Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. 1918. № 46. 05.08). Уже в период Гражданской войны был произведен в чин полковника и 20 марта 1919 г. приказом по войску № 104 назначен исполняющим должность инспектора артиллерии I Оренбургского казачьего корпуса с зачислением по войсковой артиллерии.

1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион выступил на фронт 19 июля 1914 г. в составе 1-й и 3-й Оренбургских казачьих батарей (позднее вместо 3-й в дивизион включена четырехорудийная 8-я Оренбургская казачья батарея). В дивизионе состояло 11 офицеров, 350 строевых и 70 нестроевых казаков при 12 орудиях. Командовал дивизионом войсковой старшина (впоследствии генерал-майор) А.Н. Ончиков. Дивизион действовал в составе 2-й Сводной казачьей дивизии генерал-лейтенанта А.А. Павлова и

уже 31 июля 1914 г. принял участие в боевых действиях. В 1914—1916 гг. участвовал в боях в Карпатах и на реке Сан. К концу 1915 г. два офицера дивизиона были отмечены орденом Св. Георгия IV степени и еще двое — Георгиевским оружием, 90 казаков было награждено Георгиевскими крестами и 164 — Георгиевскими медалями²⁶. По некоторым данным, за период войны дивизион потерял убитыми и ранеными 100% офицеров и 75% нижних чинов²⁷. В 1917 г., по мнению командующего Особой армией, это была почти единственная надежная часть²⁸. Кроме того, летом 1917 г. казаки дивизиона ходатайствовали о переводе части в разряд ударных.

Документ хранится в фонде штаба Оренбургского военного округа (Р-1912) Государственного архива Оренбургской области и публикуется в соответствии с современными требованиями орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей²⁹.

Командир Войсковому Атаману
1го Оренбургского казачьего войска³⁰

Оренбургского
казачьего артиллерийского
дивизиона
9 августа 1918 г.
№ 37

г. Оренбург

РАПОРТ

23 ноября 1917 г. 1^й Оренбургский³¹ казачий артиллерийский дивизион в составе 2^й казачьей сводной дивизии был командирован из района действующей армии распоряжением Главнокомандующего Юго-Западным фронтом Генерала Володченко³² в область Войска Донского в распоряжение Войскового Атамана Генерала Каледина³³, и 3 декабря дивизион в составе 1^й и 8^й батарей прибыл в г. Новочеркасск. По распоряжению Штаба 4го казачьего корпуса³⁴ батареи расположились в станции Кривянской до подхода входившей в состав корпуса 1^й Оренбургской казачьей дивизии, вместе с которой штаб корпуса предполагал отправить их в пределы своего войска. В течение всего декабря со дня на день ожидался подход частей 1^й Оренбургской дивизии, и только к Рождеству вернувшаяся из дивизии делегация выяснила, что полки дивизии еще не трогались с мест. Дивизион нервничал, так как по газетным сведениям была ясна неизбежность вооруженной борьбы на территории родного войска наемников народившейся власти [о] стародавними хозяевами войсковой земли. С приходом домой казакам снова предстояла война за целостность своего достоинства, и на эту жестокую борьбу дивизион не хотел выйти с голыми руками: своих, политых кровью

орудий дивизион никому отдавать не хотел, считая, что ни один совдеп не вправе отобрать орудия, которыми полнолично распорядиться только Войсковое Правительство и которые необходимы войску в предстоящей борьбе. Решение, принятое дивизионом, было твердо и было выполнено бы до конца, если б последующие события в Оренбурге не изменили коренным образом всей обстановки. Так как надежда на 1^ю дивизию пропала, то, учитывая серьезность положения на оренбургском фронте, я испросил разрешение Начальника дивизии и Генерала Каледина отпустить нас одних из Области Войска Донского. Разрешение было дано, но прежде дивизион должен был помочь и донским частям во взятии г. Царицына. 3 января 1918 г. дивизион выступил по железной дороге к г. Царицыну и остановился в 50 верстах от г. Царицына на ст. Кривомузгинской. Но, ввиду отказа некоторых донских частей от наступления на Царицын, таковое не состоялось, а продолжающееся разложение вообще всех донских частей и необходимость по дошедшим слухам немедленной помощи родному войску по отражению наступавших большевиков заставили дивизион отказаться от дальнейшего участия в разрешении царицынского конфликта и немедленно следовать в свою область. Чтобы избежать разоружения в крупных большевистских центрах, как Царицын, Балашов, Пенза, Сызрань, Самара, был избран благоприятно обследованный нами мало или почти не наблюдаемый большевиками жел[езно]дор[ожный] путь от ст. Владимировка Баскунчакской жел[езной] дороги, через ст. Баскунчак, Урбах на г. Уральск. Станции эти не были заняты большевистскими войсками, а поэтому проход дивизиона, приспособленного для погрузки в один эшелон, был вполне возможен. 7го Января дивизион выгрузился на ст. Кривомузгинской и двинулся походным порядком в направлении на г. Черный Яр. Совершенно случайно ко времени выступления дивизиона со ст. Кривомузгинской на эту станцию прибыли 30 человек уральцев во главе с полковником Толстовым³⁵ и 2^{мя} пулеметами, 10 и 16 оренбургские особые сотни³⁶ и дивизион 3го Уфимско-Самарского полка³⁷. Уральцы бежали с фронта, не желая сдавать оружие большевикам, разоружившим в г. Гомель их дивизию, двигавшуюся в пределы войска, и имели намерение также идти походом в свою область. Из числа 10 и 16 сотен оказалось тоже 56 казаков, не пожелавших сдать оружие и тоже согласных на движение походом. С скромные силы уральцев и особых сотен присоединились к дивизиону, и численно слабый, но могучий духом отряд двинулся к Черному Яру.

Переход от ст. Кривомузгинской до ст. Владимировка (250 верст) был сделан в 12 дней (с 7 по 19 Января). На этом пути дивизиону пришлось двумя тяжелыми 45-верстными переходами пересечь калмыцкую степь со множеством весьма глубоких обледенелых и занесенных снегом балок и 15 Января у с. Каменный Яр переправиться по льду на левый берег р. Вол-

ги. Местное русское население везде встречало дивизион весьма подозрительно: как только весть о нашем приходе доходила до сельского комитета, немедленно собирался митинг, нам неохотно отводили квартиры, немилосердно драли за фураж и подводы, словом, всеми способами старались возможно скорее выкурить нас от себя; почти в каждом селении комитет требовал от меня отчета, что за часть и куда она идет в глухую зимнюю пору по калмыцким степям. А вперед нас шла молва, что идут казаки, грабят и убивают мирных жителей, отбирают хлеб и проч[ее]. Пришлось посылать вперед квартирьеров с квитанциями о благополучном квартировании в пройденных селениях, но, получив квитанцию, местный, целиком большевистский, комитет и не думал принимать мер к успокоению населения: стоустая лживая молва продолжала идти впереди нас.

18 Января дивизион прибыл в с. Владимировка. Приехав в тот же день с Командиром 8^а батареи Есаулом Мякутиным³⁸ на ст. Ахтуба для получения необходимого подвижного состава, мы застали там экстренный поезд Астраханского Войскового Атамана Генерала Бирюкова и были приглашены к нему в вагон.

В своей беседе Атаман высказал, что он с Председателем Войскового круга Гр[ажданином?] Ляховым³⁹, узнав о нашем проходе, выехал специально к нам навстречу с целью просить дивизион помочь Астраханскому казачьему войску в начавшейся войне с большевиками в г. Астрахани. Вместе с тем Генерал Бирюков сообщил, что положение дел в Оренбурге весьма прочное, что большевистское наступление только что было отбито и что в ближайшем будущем нашему Войсковому Правительству ничто не угрожает.

После беседы с нами Атаман беседовал лично с казаками дивизиона, и казаки без всякой агитации со стороны офицерского состава согласились пойти на помощь астраханцам.

20 Января в 21^а часу дивизион прибыл в г. Астрахань и был торжественно встречен на станции членами Войскового Правительства с хором трубачей Астраханского полка; всему составу был предложен горячий ужин и чай с белым хлебом и маслом.

После 2^х дневного боя на улицах г. Астрахани, окончившегося не в пользу численно слабого и почти безоружного астраханского казачества, дивизион принужден был отойти из города на ст. Астрахань II, а затем, ввиду полной дезорганизации и фактического прекращения борьбы астраханскими казаками, решил продолжать движение в свое войско и двинулся на север к ст. Урбах. В боях 21 и 22 января на улицах г. Астрахани дивизион понес большие потери в конском составе и людьми, а именно: в 1^а батарее: убито 1 казак, раненых — 4 (Хорунжий Рышков⁴⁰ и 3 казака, из коих один остался на захваченном большевиками пересвязочном пункте и, вероятно, погиб);

в 8 батарее: убит 1 казак, ранено 3 казака; 1^я батарея, кроме того, потеряла 1 орудие. Это орудие сопровождало по улицам города наступавшие цепи астраханцев, выбивало красногвардейцев из-за баррикад и домов и к концу дня попало под сильный ружейный огонь с дистанции 15—20 шагов, потеряло всех лошадей и часть номеров и было захвачено противником.

По прибытии 25 Января на ст. Шунгай я немедленно вошел в связь с действовавшим на севере начальником астраханского казачьего отряда, но, прибыв лично на следующую ст. Эльтон в штаб отряда, увидел лишь оставление этой станции астраханцами под натиском наседавшего противника, порчу ими телеграфов и жел[езно]дор[ожных] сооружений. Астраханский отряд поспешно отступал. Таким образом, только что вырвавшийся из боя дивизион вновь стоял перед необходимостью нового боя в условиях еще более тяжких. Именно: путь на север был закрыт, сзади начали наступление торжествующие победу советские войска, запад был нам не нужен, а к желанному востоку шел единственный путь через г. Ханскую Ставку, и путь этот начинался от ст. Шунгай. В случае неудачного исхода боя мы были бы сбиты и с этого последнего пути и оказались бы безнадежно зажатыми в тиски между Баскунчаком и Астраханью. Эта безнадежность нашего положения в случае неуспеха и недостаток снарядов заставили меня отказаться от боя у ст. Шунгай, немедленно выгрузиться и выйти из боевой полосы, перейдя походом в район г. Ханская Ставка для дальнейшего следования через область Букеевской орды в пределы Уральского войска.

После 12^я дневного похода по киргизской степи дивизион 5 февраля прибыл в Уральскую область в станицу Сламихинскую на р. Большой Узень в 80 вер[стах] к юго-востоку от г. Александров-Гай.

Переход через киргизскую степь (250 вер[ст])⁴¹ был несравненно тяжелее первого похода: степь была покрыта глубоким слоем снега, дивизион с киргизом-проводником пробирался от аула к аулу по едва заметной тропе, резал колесами высокие снежные сугробы, ночевал в землянках, а главное, совершенно не имел зернового фуража, довольствуя лошадей одним сеном.

Ослабевшие лошади заменялись верблюдами, и к концу похода почти во все уносы были впряжены верблюды. В таком виде 5 февраля дивизион вступил в стан[ицу] Сламихинскую и был торжественно встречен делегацией от лица станичного общества, поднесшей хлеб-соль. Сламихинская станица приняла на свой счет продовольствие людей и лошадей дивизиона в течение всего времени пребывания в ней дивизиона. Предполагалось дать 3^я дневный отдых людям и лошадям, переложить орудия и зарядные ящики на сани и продолжать путь на Уральск. Но здесь впервые дивизион узнал о занятии Оренбурга большевиками и об отходе Войскового Правительства к Верхнеуральску. Между тем полученные от Войска Донско-

го денежные авансы пришли к концу, а изнуренный предшествующим 500-верстным походом конский состав дивизиона не мог выдержать дальнейшего еще более дальнего и тяжелого похода к г. Верхнеуральску, тем более что, по словам местных жителей, снега впереди были еще глубокие, ночлеги у тех же киргиз, то же бездорожье и тот же, если не больший, недостаток, даже и сена, а до Уральска еще 240 верст.

Ввиду этих условий на общем собрании дивизиона 6 февраля было решено отказаться от дальнейшего похода; сохранные от большевиков орудия передать Уральскому казачьему войску, которому предстояла в самом близком будущем неизбежная борьба с большевиками и которое своих орудий не имело, а казаков распустить в отпуск до распоряжения, оставив у них на руках имеющееся казенное оружие.

8 февраля казаки обеих батарей были распущены, материальная часть и канцелярия сданы Сламихинскому станичному правлению и дивизион временно расформирован.

Офицеры по окончании необходимых письменных работ прибыли 20 февраля в г. Уральск, где были сданы в Войсковой Штаб наиболее важные документы. По окончании и этих работ офицеры большей частью остались в Уральской области, часть разъехалась по другим городам. Здесь же в Уральске к дивизиону присоединились бывшие в отпуску и принимавшие участие в боях под Оренбургом Есаул Горохов⁴² и Прапорщик Смолин⁴³ и поправившийся после ранения 22 Января Хорунжий Рышков.

Неизвестность местопребывания Войскового Правительства во время царившего в Оренбурге большевистского режима не дала мне возможности явиться и лично доложить Вам, г. Атаман, о действиях 1^й и 8^й батарей в г. Астрахани и о тягостном походе их с фронта в пределы войска. Не наша вина, что нам не суждено было послужить войску с теми пушками, которыми мы так дорожили, но, передавая их с тяжелым сердцем Уральцам, дивизион надеялся, что они принесут пользу если не родному войску, то нашим ближайшим единокровным братьям — уральским казакам и что войско Уральское не откажется вернуть нам наши орудия, когда казачье знамя вновь гордо взвоется над Оренбургом.

Дальнейшие события на Урале показали, что оренбургские пушки были не напрасно с такими трудностями привезены с фронта, а факт, что первые выстрелы, раздавшиеся на Урале против банд грабителей и изменников родины, были сделаны из орудий 1^й и 8^й Оренбургских казачьих батарей, не может лечь темным пятном на славное прошлое 1го дивизиона и Оренбургского казачьего войска.

Донося об этом Вам, Г. Атаман, прошу по долгу службы, если признаете действия 1^й и 8^й батарей заслуживающими внимания, объявить об этом в приказе по войску, так как чинам дивизиона, особенно казакам, живу-

щим в станицах, было бы отрадно видеть, что дело, которое они совершили, не маловажно по своему значению и что труды их оценены Войсковым Правительством.

Вр[еменно] Командующий дивизионом
Войсковой Старшина Пискунов

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 95. Л. 13—17.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении их стилистических особенностей.

² На документе имеется штамп «Главн[ое] Управл[ение] Казач[ьих] Войск 8 фев[раля] 1904 № 37/78».

³ С центрами в Верхнеуральске и Троицке соответственно.

⁴ Щербов-Нефедович Павел Осипович (15.02.1847—?) — генерал от инфантерии Генерального штаба (1906), участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., начальник Главного управления казачьих войск (с 21.01.1897), помощник военного министра. Член Военного Совета (с 30.01.1907).

⁵ Здесь и далее подчеркнут текст, подлежавший зашифровке.

⁶ Номер проставлен от руки.

⁷ На документе имеется помета чернилами с перечислением учреждений, куда он был направлен: «1) В Главный Штаб № 270; 2) В Управление военных сообщений № 271; 3) В Глав[ное] интендантское упр[авление] № 272; 4) В Глав[ное] воен[но]-медицинское уп[равление] № 273; 5) В Глав[ное] инженерное управл[ение] № 274».

⁸ Приписка сделана чернилами на обороте листа.

⁹ На поле документа таблица карандашом, предположительно сделанная начальником Главного управления казачьих войск:

Назнач[енные] сроки	Выполнено
9 п[олк]. — 12.	— 11
10 п[олк]. — 6.	— 6
11 п[олк]. — 5.	— 3.
12 п[олк]. — 9.	— 9.

¹⁰ Здесь и далее выделенный текст подчеркнут красным карандашом.

¹¹ Данкль Виктор (18.09.1854—08.01.1941) — сын капитана. Окончил Пелтенский кадетский корпус, Терезианскую военную академию (1874) и Академию Генерального штаба (1879). Командующий 1-й австро-венгерской армией (08.1914—23.05.1915).

¹² Куммер фон Фалькенфельд Генрих Риттер (22.04.1852—08.12.1929) — австро-венгерский генерал кавалерии. Командовал армейской группой на левом фланге 1-й австро-венгерской армии генерала В. Динкля. С 1916 г. — в отставке.

¹³ Войрш фон Ремус (02.09.1847—06.08.1920) — германский генерал. Командир Силезского ландверного корпуса (02.08.1914—01.1915), действовавшего на стыке с австрийскими войсками.

¹⁴ Эверт Алексей Ермолаевич (20.02.1857—10.05.1926) — окончил 3-е Александровское военное училище (1876), Николаевскую академию Генерального штаба (1882). Генерал от инфантерии (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Командующий 4-й армией (12.08.1914—20.08.1915).

¹⁵ 20-й Донской казачий полк, входивший в состав 3-й Донской казачьей дивизии, находился во временной командировке при XVI армейском корпусе — И.А. — прим. И.Г. Акулинина.

¹⁶ Кунаков Ефим Федорович — генерал-майор. Командир 1-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии. Награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ 09.03.1915) и орденом Св. Георгия IV ст. (Высочайший приказ 19.05.1915).

¹⁷ В то время, — состоя в чине Причисленного к Генеральному Штабу подесаула А.-Гв. Сводно-Казачьего полка — я занимал должность старшего адъютанта штаба 3-й донской казачьей дивизии. И.А. — прим. И.Г. Акулинина.

¹⁸ Веселовский Антоний Андреевич (07.03.1866 — не ранее 1939) — окончил Николаевское инженерное училище. Генерал-майор. Командир 81-го Апшеронского Великого князя Георгия Михайловича полка. Награжден орденом Св. Георгия IV ст. за бой 20.08.1914. В период Гражданской войны эмигрировал в Болгарию.

¹⁹ Евреинов Сергей Владимирович — генерал-майор. Начальник 3-й Донской казачьей дивизии (19.07—08.09.1914).

²⁰ Ревизиш Александр Петрович (11.12.1870—1920) — Генштаба генерал-майор. Окончил Петровский-Полтавский кадетский корпус, Николаевское кав. училище, Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1904) и годичный курс Офицерской кавалерийской школы (1905). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Начальник штаба 3-й Донской казачьей дивизии (08.1914—12.06.1915). Награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ 09.03.1915) за храбрость в бою 21.08.1914 у деревни Олесники. Участник антибольшевистского движения. Подробнее см.: Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999. С. 11—15.

²¹ Волошинов Федор Афанасьевич (26.04.1852—1922) — окончил Полоцкую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1872), Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал от инфантерии. Из отставки назначен на должность начальника 82-й пехотной дивизии (20.07—02.11.1914). Уволен от службы. Умер в эмиграции.

²² Германцы были сбиты с высоты у деревни Тарнавки в ночь с 8 на 9 сентября (26 на 27 августа) — А.-Гв. Московским полком. И.А. — прим. И.Г. Акулинина.

²³ Смолин Николай Павлович (23.04.1862—?) — из обер-офицерских детей Оренбургского казачьего войска, уроженец станицы Челябинской 3-го военного отдела. Окончил Оренбургскую военную прогимназию (1879), Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду (1881), офицерскую кавалерийскую школу

«успешно» (1905). Полковник (с 06.05.1914 со ст. с 01.05.1912). Командир 17-го Оренбургского казачьего полка (18.07.1914—20.04.1917). Участник антибольшевистского движения. Награды: ордена Св. Станислава III ст. (1888), Св. Анны III ст. (1893), Св. Станислава II ст. (1905), Св. Владимира IV ст. м. и б. (1914), Св. Владимира III ст. м. (1915), серебряная медаль на александровской ленте в память царствования императора Александра III (1896), светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913). Здесь и далее биографические справки на офицеров Оренбургского казачьего войска составлены по: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891—1945 гг.: Биографический справочник. М., 2007.

²⁴ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. А. 29.

²⁵ —Ъ. С оружием в руках // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 09.09. № 56. С. 2—3; 11.09. № 57. С. 2—3; 15.09. № 59. С. 2—3.

²⁶ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 1—3, 8.

²⁷ —Ъ. С оружием в руках // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 09.09. № 56. С. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Документ был заявлен в программе и подготовлен к публикации в рамках научной конференции «Памяти Великой войны» (Москва. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 10—11.02.2005), но в связи с задержкой выхода сборника трудов конференции опубликован участвовавшим в конференции В.Г. Семеновым в Оренбурге без резолюции Войскового атамана А.И. Дутова и других помет под названием «Репорт Войсковому Атаману Оренбургского казачьего войска...» // Гостинный Двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах (Оренбург). 2005. № 18. С. 148—154.

³⁰ Сверху резолюция простым карандашом: Исторический документ. К делу А[таман] Д[утов]. На полях документа синим карандашом написано: Нач[альнику] шт[аба] войска[:] В[ойсковой] С[таршина] Пискунов просит иметь его в виду на должность К[оманди]ра дивизиона, каковым он командовал на Войне 10 м[еся]ц[ев], и освободить от командировки в гор[од] В[ерхне]Уральск по семейным обстоятельствам, т. к. учить детей едет в Оренбург. Ген[ерал] Дут[ов] — 9/VIII[1918.]

³¹ Здесь и далее подчеркивания в документе сделаны красным карандашом.

³² Володченко Николай Герасимович (1862 — не ранее 1945) — Генерального штаба генерал-лейтенант (1915). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (09—10.1917).

³³ Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — Генштаба генерал от кавалерии (1916). Донской атаман (06.1917—01.1918).

³⁴ В ноябре 1917 г. по распоряжению генерала Володченко IV казачий корпус был направлен на Дон.

³⁵ Речь идет о будущем Войсковом атамане Уральского казачьего войска Владимире Сергеевиче Толстове (1884—1956).

³⁶ 10-й Оренбургской казачьей особой конной сотней (сформирована в 1-м военном отделе войска) в 1917 г. командовал есаул В.С. Горохов, 16-й (сформирована во 2-м военном отделе) — есаул Заплатин (?).

³⁷ Имеется в виду 3-й Уфимско-Самарский казачий полк Оренбургского казачьего войска.

³⁸ Мякутин Сергей Иванович (06.10.1884—1974) — полковник Оренбургского казачьего войска. Сын полковника, уроженца ст. Оренбургской. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду. На службе с 13.08.1902. Хорунжий (с 09.04.1905, со ст. с 10.08.1903). Сотник (с 01.07.1908, со ст. с 10.08.1907). Подъесаул (с 05.10.1911, со ст. с 10.08.1911). Есаул (не ранее 1916, со ст. с 10.08.1915). Войсковой старшина (Указ Войскового правительства № 79. 24.07.1918 за боевые отличия, со ст. с 06.07.1918). Полковник (Указ Войскового правительства № 194. 17.09.1918 за боевые отличия со старшинством с 06.07.1918). Служба: в 1908—1911 гг. в 3-й Оренбургской казачьей батарее 1-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона. С 12.02.1913 — во 2-й Оренбургской казачьей батарее. С 11.03.1913 — зав. учебной командой. В 1915—1916 гг. — в 5-й Оренбургской казачьей батарее (ст. офицер и заведующий хозяйством). Переведен в Оренбургскую казачью запасную батарею (Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 196. 14.03.1916). С 03.11.1916 командир 8-й Оренбургской казачьей батареи. Командир 1-го дивизиона 4-го Нижне-Озернинского полка (1918). На службе в Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригаде (на 07.1918). Состоял в комплекте оренбургских казачьих батарей. Прикомандирован к Оренбургскому казачьему училищу (Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 105. 08.1918). В 1918—1920 гг. полковник, начальник артиллерийского отделения Оренбургского казачьего училища. С марта 1920 г. по январь 1923 г. находился по мобилизации в 5-й армии на должности начальника формирования и обучения при инспекторе артиллерии, главный редактор журнала «Военно-политическая жизнь», преподаватель военной школы комсостава. Несколько раз подвергался аресту. В 1923—1931 гг. в Хабаровске работал в Дальцентросоюзе и преподавал в финансовом техникуме. В 1931—1934 гг. в Ленинграде, начальник финансовой части Севзапсоюза, написал книгу «Практическое руководство по бухгалтерскому учёту для первичных кооперативных систем райпотребсоюза». После убийства С.М. Кирова арестован и отправлен на пять лет в лагерь. С июня 1940 г. по ноябрь 1944 г. на свободном поселении в Джамбуле. В 1945 г. в пос. Баранча Свердловской обл. После окончания ВОВ жил в Ленинграде в семье дочери Галины. Награды: в 1915—1917 гг. — орден Св. Анны IV ст. «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, за храбрость в бою 16.01.1915 награжден Георгиевским оружием. Реабилитирован 16.07.1957. Умер в Ленинграде. Женат на дочери генерал-майора Оренбургского казачьего войска Юлии Владимировне Репиной (1883—1962). Дочь Галина Вербицкая (р. 1913) проживает в Санкт-Петербурге.

³⁹ Так в документе, имеется в виду председатель Войскового круга Астраханского казачьего войска казак станицы Чернойерской Астраханского казачьего войска присяжный поверенный Николай Васильевич Ляхов.

⁴⁰ Рышков — хорунжий (на начало 1918 г.). Войсковой старшина (на 09.1918). В 1-й Оренбургской казачьей батарее, временно заведующий хозяйством (01.1918).

⁴¹ В этом и следующем абзацах подчеркивания сделаны синим карандашом, возможно, лично атаманом А.И. Дутовым.

⁴² Горохов Алексей Федорович (21.10.1892—?) — есаул Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду. На службе с 1910 г. Хорунжий (с 1913 г.). Сотник (с 1916 г.). Служба: в Первую мировую войну — в 1-й Оренбургской артиллерийской батарее. Награды: орден Св. Анны IV ст. «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом.

⁴³ Смолин Валерий — из пос. Никольского. Прапорщик. Хорунжий (Приказ Армии и Флоту 21.10.1917 со ст. с 01.07.1916; на 05.1918). В Оренбургской казачьей запасной батарее (на 10.1917). Формировал артиллерийский взвод из казаков-повстанцев 3-го военного округа Оренбургского казачьего войска (с 28.05.1918).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1. ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (1891—1904 ГГ.): ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ, РЕФОРМЫ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА .....</i>	<i>39</i>
Организация управления войском	39
Численность и этноконфессиональный состав населения Оренбургского казачьего войска	54
Экономическое положение, хозяйство и быт оренбургского казачества	64
Воинская повинность оренбургских казаков	96
Оренбургские казаки в экспедициях и вооруженных столкновениях последнего десятилетия XIX в. (экспедиции на Памир, андижанский мятеж, Китайский поход)	143
<i>Глава 2. ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904—1905 ГГ.) .....</i>	<i>177</i>
Мобилизационная готовность оренбургских казачьих частей	177
Оренбургские казаки на Дальнем Востоке	207
<i>Глава 3. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО (1905—1908 ГГ.) .....</i>	<i>245</i>
События первой русской революции на территории Оренбургского казачьего войска и влияние их на оренбургское казачество	245
Участие оренбургских казачьих частей в обеспечении государственной безопасности в 1905—1908 гг.	276
<i>Глава 4. ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1908—1914 ГГ.) .....</i>	<i>323</i>
Внутреннее развитие войска в предвоенные годы	323
Военное строительство в Оренбургском казачьем войске в межвоенный период	338
<i>Глава 5. ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1917 ГГ.) .....</i>	<i>362</i>
Участие оренбургского казачества в Первой мировой войне	362

Участие оренбургских казаков в подавлении беспорядков 1916—1917 гг. в Туркестане	487
Внутреннее положение Оренбургского казачьего войска в годы войны (1914—1917 гг.)	539
<i>Глава 6. ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В 1917 Г.</i>	578
Февральская революция и оренбургское казачество	578
Оренбургское казачество и выступление А.Г. Корнилова	601
Накануне катастрофы	619
Заключение	653
Приложения	661

ISBN 978-5-9524-3434-9

Научно-просветительное издание

Андрей Владиславович Ганин
**НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ
ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
(1891—1917 гг.)**

Ответственные редакторы *В.А. Благово, С.А. Сапожников*

Редактор *Т.С. Ковалева*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.12.2007.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,0.

Уч.-изд. л. 51,62 + 1 вклейка = 52,69.

Тираж 2 000 экз. Зак. № 3289

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Московская типография № 2»
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91

